

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

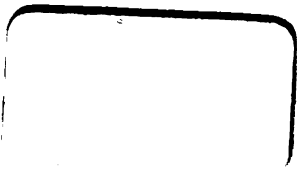
In grateful recognition
of

**Lewis S. Goodman
Class of 1964**

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ASSOCIATES PROGRAM

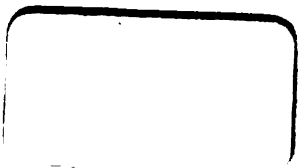
In grateful recognition
of

**Lewis S. Goodman
Class of 1964**

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІХ.

309
1897

1897.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. С. Лаппо-Данилевскій. Собраніе и оводъ законовъ Россійской имперіи, оставленные въ царствованіе Екатерины II.	1
А. А. Кочубинскій. Территорія доисторической Литвы	60
Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уота Тайлера (продолженіе)	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. О. Платоновъ. Вѣщія политика Россія въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Исслѣдованіе Н. Д. Усчулина. С.-Пб. 1896	170
А. И. Соболевскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. <i>А. Лазаревскаго</i> . III. Кіевъ. 1896	175
А. И. Соболевскій. Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896.	177
Н. П. Некрасовъ. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Составилъ и издалъ Н. Я. Кипріяновичъ. С.-Пб. 1896.	179
— Книжныя новости.	195
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1894 году.	1
— Наши учебныя заведенія: I. Императорскій университетъ св. Владимира въ 1895 году	34
— II. Императорскій Варшавскій университетъ въ 1895 году.	41
— III. Кавказскій учебный округъ въ 1895 года.	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Α. Παπαδόπουλος-Κεραμύς. Συγγραφὴν φιλωνος ιουδαίου τετραχῆ	1
А. I. Маленинъ. Марціалъ о ованхъ стихотвореніяхъ (продолженіе).	18

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІХ.

1897.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

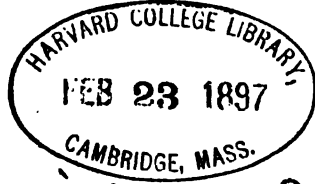
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

P Slav 318.10

~~P Slav 318.10~~

~~Slav 20.6~~

The Minister of Pub. Instr.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(30-го ноября 1896 года). Директору С.-Петербургской третьей гимназіи, тайному совѣтнику *Лемониусу*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилоствѣйше соизволилъ, 7-го ноября сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на груди, на *Александровской лентѣ*: учителей училищъ: Соликамскаго уѣзда: Усольскаго 1-го двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, коллежскаго секретаря Константина *Кутыева*, губернскихъ секретарей: приходскихъ: Пожевскаго—Александра *Лопатина*, Витебскаго 2-го — Сергѣя *Маслова* и въ городѣ Астрахани: пятаго—Шикова *Малафѣева* и шестаго—коллежскаго регистратора Александра *Крюкова*; неимѣющихъ чиновъ: учителей училищъ: двухклассныхъ приходскихъ: Пермскаго мужскаго — Григорія *Харина* и городскихъ: Мариупольскаго—Федора *Масленникова* и Новомиргородскаго — Елисаветградскаго уѣзда, Михаила *Ганчо*; приход-

скихъ: Виленскаго-Антокольскаго—Алексѣя *Концевича*, Соликамскаго уѣзда: Нердвинскаго—Алексѣя *Кабанова* и Соликамскаго—Алексѣя *Одинцова*, Лысвенскаго—Пермскаго уѣзда, Василія *Новикова*; городскихъ: Уфимскаго — Трофима *Транезникова*, Аккерманскаго 2-го — Филиппа *Гросула*, Томскаго Заозернаго—Михаила *Леманкина*, Бузнецкаго — Томской губерніи, Ѳедора *Гончарова* и Омскаго Никольскаго—Андрея *Толстыя* и Турлакскаго сельскаго—Аккерманскаго уѣзда, Георгія *Шилина*; учителей, завѣдывающихъ двухклассными училищами: министерства народнаго просвѣщенія: Сызвенскимъ — Красноуфимскаго уѣзда, Дмитрія *Швецова*; сельскимъ: Ирбито-Заводскимъ—Александра *Аникина*, Чубаровскимъ—Ирбитскаго уѣзда, Артемія *Коростелева*, Мангушскимъ—Маріупольскаго уѣзда, Ивана *Гаверлевича*, Камышевахскимъ—Бахмутскаго уѣзда, Ивана *Колтуновскаго*, Комратскимъ—Бендерскаго уѣзда, Ивана *Болфосова*, Киперченскимъ—Оргѣвскаго уѣзда, Ивана *Балабана* и Измайльскаго уѣзда: Ташбунарскимъ—Трофима *Мельникова* и Шкирликъ-Китайскимъ—Василія *Стояна* и частными: Софійскимъ земскимъ—Бахмутскаго уѣзда, Ѳедора *Гудименко* и Каменскимъ—при металлургическомъ заводѣ, Екатеринбургскаго уѣзда, Николая *Смолина*; старшаго учителя Здунско-Вольскаго 1-го двухкласснаго городского начальнаго общаго училища, Калишской губерніи. Карла *Форманскаю*; учителей двухклассныхъ училищъ: Вержболовскаго городского, Сувалкской губерніи. Маркелла *Витковскаю*; сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Пове-прагскаго — Александрійскаго уѣзда, Ивана *Колтуна* и Пяезепетронскаго — Красноуфимскаго уѣзда, Николая *Бычкова*; завѣдывающихъ еврейскими начальными училищами: Витебскимъ—Моисея *Юенбурга* и Слонимскимъ—Гродненской губерніи, Исаака *Шрейбера*, старшихъ учителей училищъ: Лодзинскаго № 1-й одно-класснаго городского начальнаго общаго—Петроковской губерніи, Кастана-Маріана *Кендзерскаю* и еврейскихъ народныхъ: Ошмянскаго—Виленской губерніи, Абрама-Симха *Лившица* и Ковенскаго—Соломона *Бейлинзона*; младшаго учителя Лодзинскаго двухкласснаго городского еврейскаго начальнаго училища—Петроковской губерніи, Никодима *Пржедзинскаю*; учителей училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Нижне-Исетскаго одно-класснаго — Екатеринбургскаго уѣзда, Петра *Зорина*, Больше-Русакскаго—Свіяжскаго уѣзда, русско-татарскаго, Абдула-Кавая *Ярмухаметова* и одноклассныхъ сельскихъ: Страшенскаго—Кишиневскаго уѣзда, Омни *Калдерана*, Гурагалбинскаго для дѣтей обоюго пола—Бендерскаго уѣзда, Хрисанова *Евцикаю*, Девлетъ-Агачскаго—Аккерман-

скаго уѣзда, Антона *Зяблова*; Сорокского уѣзда: Васьюцкаго—Михаила *Оцела* и Костюжанскаго—Ивана *Вержбицкаго* и Измайльскаго уѣзда: Дермендерскаго—Алексея *Велкова* и Чичманскаго—Евонимія *Коваля*, содержателя и учителя частнаго училища 3-го разряда для дѣтей обоого пола въ гор. Мелитополѣ, Антона *Федорова*; учителей училищъ: Трошвицкаго одно-класснаго, начальнаго и воскресно-ремесленнаго—Кѣлецкой губерніи, Юсифа *Сурмацкаго*, Златоустовскаго Никольскаго—Андрея *Глѣбова*, Белебеевскаго уѣзда: русско-башкирскихъ: Шлангыкулевскаго—Фарахеина *Музафарова* и Буздяковскаго—Гадильгирея *Кудашева* и Ново-Балыклинскаго шородческаго—Алексея *Иванова*, общественныхъ: Стодольнянскаго—Оргѣвскаго уѣзда, Николая *Воляна* и Екатеринославскаго Каранскаго—Лонгина *Мошлянскаго*, начальныхъ: Опатовскаго 1-го—Калишской губерніи, Станислава *Марона*, Главногохуницкаго—Слободскаго уѣзда, Константина *Семанина*, Михайловскаго (кизильскаго) христіанскаго мордовскаго—Александра *Жидлева*, Осинскаго уѣзда: Покрово-ясыльскаго—Лаврентія *Измайлова*; Рябковскаго—Семена *Петрова* и Курашимскаго—Пермскаго уѣзда, Семена *Жебелева*, начальныхъ земскихъ: Чебоксарскаго уѣзда: Вишевскаго—Ивана *Васильева* и Алексѣевскаго—Петра *Срттенскаго*, городскихъ начальныхъ: Александрійскаго памяти В. И. Волотковской—Ивана *Волотковскаго*, Ирбитскаго—Евгенія *Иконникова* и Кунгурскаго 4-го—Павла *Тимоеева*; народныхъ: Чернскаго—Шуйскаго уѣзда, Сергѣя *Куропдова*, Лынгмянскаго—Свенцянскаго уѣзда, Андрея *Дубровскаго*, Эйшишскаго—Лидскаго уѣзда, Антона *Дерибо*, Осуньскаго—Двинскаго уѣзда, Леонтія *Голымова* и Черствятскаго—Лепельскаго уѣзда, Николая *Пучковскаго*; еврейскихъ: Виленскаго № 12, Авраама *Майзеля* и Малятскаго—Виленской губерніи, Рубина *Рубинштейна*; начальныхъ народныхъ: Нижне-Чусовскаго—Пермскаго уѣзда, Александра *Шишакова*, Пристанинскаго—Красноуфимскаго уѣзда, Ивана *Тетюшева*; Осинскаго уѣзда: Степановскаго—Гавріила *Именова*, Дубровскаго—Поликарпа *Зубирева*, Бымовскаго—Григорія *Кречетова*, Уинскаго—Александра *Юшкова* и Еловскаго—Василія *Федорова* и Соликамскаго уѣзда: Козьмодемьянскаго—Василія *Паламожнихъ*, Богоярвенскаго—Николая *Калишничкова* и Егвинскаго—Андрея *Старикова* и Полетаевскаго—Кунгурскаго уѣзда, Николая *Переберина*; сельскихъ: Діаншевскаго—Белебеевскаго уѣзда, Василія *Мельникова*, и Новоселицкаго одно-класснаго—Хотинскаго уѣзда, Михаила *Стенанскаго*; сельскихъ начальныхъ: Александрійскаго уѣзда: Вершинокаменскаго—Сергѣя *Щел-*

кана, Братолюбовскаго—Якова *Балана*, Андрусовскаго—Константина *Вишневецкаго*, Марто-Ивановскаго—Федора *Стройникова*, Каменно-Потоцкаго—Александра *Сълецкаго*, Диковскаго—Михайла *Куреннаго* и Высокобайракскаго—Ивана *Дихолата*; Елисаветградскаго уѣзда: Ново-Украинскаго первагс—Григорія *Кучеренко*, Миролюбовскаго—Трофима *Суримяева*, Анновскаго—Григорія *Линникова*, Песчанобродскаго—Ивана *Вандровскаго*, Болгарскаго—Константина *Цмбальскаго*, Тишковскаго—Алексѣя *Виноградова*, Ольшанскаго—Миши *Пентова*, Скалевскаго—Кирилла *Кубишкина* и Вознесенскаго 2-го—Кондрата *Нетура*; Бердянскаго уѣзда: Андреевскаго 3-го—Павла *Ясницкаго* и Астраханскаго 1-гс—Антоня *Селезнева*, Бѣлицкихъ: перваго—Луки *Мазанко* и втораго—Николая *Захарова*, Георгіевскаго—Анапія *Занкова*, Гирсовскаго—Ивана *Дузя*, Діановскаго—Петра *Парапанова*, Остриковскаго—Ивана *Хлеститько*, покровскаго—Захарія *Мильчскаго*—Преславскаго—Василія *Рунчева*, Ороговскаго—Фирса *Монина*, Городецкагс—Белебеевскаго уѣзда, Ераста *Мелихова* и Людвинскаго одно-класснаго—Сувальской губерніи, Ивана *Ничмана*; сельскихъ начальныхъ народныхъ: Бахмутскаго уѣзда: Александровскаго—Всеволода *Кириллова*, Гришинскаго—Петра *Леонтьева* и Волковинскаго одно-класснагс—Петра *Волощюка*; начальныхъ общихъ: Хмѣльниковскаго—Калишской губерніи, Адама *Колаковскаго*, еврейскихъ: Плоцкой губерніи: Липновскагс—Моисея *Санина* и Цѣхановскаго—Мошека-Герша *Яржолбека*, одно-классныхъ: Жубардскаго—Петроковской губерніи, Фридриха-Густава *Кина*; Кѣлецкой губерніи: Ловченскаго—Филиппа *Гидынскаго*, Олудскаго—Казимира *Висневскаго*, Бобинскаго—Іосифа-Павла *Марусинскаго*, Мархоицкаго—Игнатія *Вечорка*, Жембоцинскаго—Григорія *Ляталы*, Рашковскаго—Іосифа *Вендзинскаго*, Климовтовскаго—Іосифа *Щежуры*, Каменчицкаго—Вайцѣха *Щесника*, Юрковскаго—Викентія *Банасинскаго*, Слобошовскаго—Ивана *Лушинскаго*, Венглевинскаго—Матвѣя *Томашюнаса*, Косцелецкаго—Ивана-Владислава *Столярскаго* и Окскаго—Франца *Калкштейна*; одно-классныхъ городскихъ начальныхъ общихъ: Петроковской губерніи: Петроковскаго—Франца-Антоня *Наконечнаго*; Лодзинскихъ: № 1-й—Антоня *Гибнера* и № 7-й—Феофила *Вржесинскаго* и Озоровскаго—Калишской губерніи, Адольфа *Людвигя*, одно-классныхъ сельскихъ начальныхъ общихъ: Плоцкой губерніи: Сементковскаго—Юлія *Стрелю*, Вольскаго—Готлиба *Фукса*, Лентовскаго—Чеслава-Паулина *Ликовскаго* и Дрвальскаго—Романа *Бродецкаго*, Петроковской губерніи: Ржговскагс—Карла *Собинпанека*, Грохолицкаго—Вла-

дслава *Бруздинскаго*, Константиновскаго № 1-й—Людовика *Вейнера*, Селецкаго—Станислава-Франца *Глинки* и Паенчновскаго—Феликса *Минирскаго*, Томашовскаго одно-класснаго городского еврейскаго начальнаго—Якова-Янкеля *Германа*; гминныхъ начальныхъ: Иглювскаго—Сувалкской губерніи, Осипа *Ясайтиса*, одно-классныхъ: Трусколяскаго—Петроковской губерніи, Викентія *Музеровскаго*; Сувалкской губерніи: Еленевскаго—Франца *Кубилюса*, Рудскаго—Матвѣя *Лаука*, Ловкитанскаго—Петра *Бодановича*, Сосновскаго—Викентія *Мармо*, Сынтовтскаго—Петра *Андрушица*, Олькесьянскаго—Казиміра *Кимовича* и Мацьковскаго—Ивана *Гавуца*; Гминныхъ начальныхъ общихъ: Пражухскаго—Калишской губерніи, Эміля *Цимера*; одно-классныхъ: Плоцкой губерніи: Длуголенскаго—Викентія *Кадровскаго*. Божевскаго—Эдуарда *Булясинскаго*, Росцишевскаго—Антоня *Кыльновскаго*, Оршимовскаго—Осипа *Тушинскаго*, Глуховскаго—Владислава *Пржибовскаго*, Добржевицкаго—Осипа *Грабовскаго*, Ежевскаго—Леонида *Сувинскаго*, Низдинскаго—Ивана *Гржегоржевскаго* и Новоборышевскаго—Ивана *Гросси*, Петроковской губерніи: Ксаверовскаго—Михаила *Миллера*, Ржеженчицкаго—Игнатія-Марцелія *Шаровича*, Нѣмцевскаго—Станислава *Ижикскаго*, Боржиковскаго—Антоня *Имковскаго*. Пацкскаго—Ивана *Горазнаго*, Масловицкаго—Владислава-Адама *Крупскаго*, Крушинскаго—Вальтасара *Мазуры*, Кобельскаго—Семена-Ивана *Вольскаго*, Ржевицкаго—Валентія *Крижи*, Заверцкаго—Іосифа *Скуржевскаго*, Мокрскаго—Адама-Станислава *Крутинскаго* и Куцовскаго—Максимиліана *Добровольскаго*; учителей приготовительныхъ классовъ начальныхъ еврейскихъ училищъ: при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ — Моисея *Юновича* и Россіенскаго — Ковенской губерніи, Михеля *Левинскаго*, содержателя Одесскаго частнаго еврейскаго училища 3-го разряда—Овшея *Каплуна*; младшихъ учителей училищъ: Виленскихъ еврейскихъ народныхъ: № 1 — Израіля *Боркума* и № 6 — Файвиша *Турца*, одно-классныхъ: Петроковской губерніи, Лодзинскаго городского еврейскаго начальнаго — Ицыка *Якубовича*, начальныхъ общихъ: Александровскаго № 2 сельскаго — Карла *Шмидта* и Заверцкаго фабричнаго — Андрея *Дудкевича* и Ивана-Фридриха *Уле*; учительницъ двухъ-классныхъ приходскихъ училищъ: Соликамскаго женскаго—Екатерины *Пономаревой* и городскихъ: Вознесенскаго — Елисаветградскаго уѣзда, Доминикія *Невельской* и Тираспольскаго женскаго — Вѣры *Славинской*; учительницъ приходскихъ училищъ: Кишиневскаго 2-го — Александры *Финкель*; городскихъ въ

гор. Томскѣ: мужскихъ: Воскресенскаго—Любови *Вячеславовой*, Еланскаго—Глафиры *Вячеславовой*, Зансточнаго—Вѣры *Кирилловой* и Владимірскаго—Варвары *Глазовой* и женскихъ: Заозернаго — Валентины *Воложаниной*. Еланскаго—Варвары *Кирилловой* и Подгорнаго — Капитолины *Буткѣвой*, Томской губерніи: Кузнецкаго—Маріи *Печеркиной*, Барнаульскаго—Анфіи *Смирновой* и Війскаго Владимірскаго—Маріи *Хитлевской*, въ гор. Омскѣ: Новослободскаго — Александры *Соколовой* и Людвиги *Котовичъ* и Никольскаго—Анфізы *Зелейциковой* и въ гор. Астрахани: Третьяго—Юліи *Скориковой* и Четвертаго—Ольги *Аванасъевой*, Барнаульскаго Нагорнаго—Томской губерніи, для дѣтей обоего пола—Александры *Юферовой*, учительницы, завѣдывающей Кишиневскимъ двухъ-класснымъ женскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Маріи *Редровой*, учительницъ двух-классныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Кишиневскаго женскаго—Маріи *Мецкерской*, сельскихъ: Кыласовскаго, Кунгурскаго уѣзда, Антонины *Веселовской*, Красноуфимскаго уѣзда: Златоустовскаго—Екатерины *Голощатовой* и Богородскаго—Павлы *Борчаниновой* и Сысертскаго — Екатеринбургскаго уѣзда, Любови *Колокольниковой*; учительницъ женскихъ смѣнъ при приходскихъ училищахъ: Трокскомъ — Елизаветы *Лукашевичъ* и Двинскомъ — Надежды *Ареѣвой*; учительницъ училищъ: Кирилло-Меодіевскаго—Уфимской губерніи, Раисы *Свѣзжниковой*, Знаменскаго — Белебеевскаго уѣзда, Анны *Ловцовой*, Одесскаго казеннаго еврейскаго дѣвичьяго — Фанни *Шпигеръ*, начальныхъ: Бердянскихъ: Петропавловскаго—Анны *Пазуловой* и Богоявленскаго—Маріи *Даражіо*, Калегинскаго—Бирскаго уѣзда, Елизаветы *Адомантовой*, Илышскаго — Белебеевскаго уѣзда. Анны *Глумилиной*, Екатеринбургскихъ: Навапайловскаго—Александры *Пономаревой* и Крестовоздвиженскаго—Вѣры *Клекеръ*. Метлинскаго—Екатеринбургскаго уѣзда, Юліи *Голубевой*. мужскихъ: Пермскаго 5-го—Лидіи *Образцовой* и Верхъ-Исетскаго—Екатеринбургскаго уѣзда, Софіи *Дылиевой* и женскихъ: Пермскаго 4-го — Лидіи *Климковичъ*. Юговскаго — Пермскаго уѣзда, Фавсты *Порошиной*, Рябовскаго — Осинскаго уѣзда, Ольги *Петровой*. Соликамскаго уѣзда: Кувинскаго—Александры *Каменчиковой*, Ленвенскаго — Вѣры *Лукиной* и Александровскаго—Людмилы *Мъхоношиной*, Екатеринбургскаго Богоявленскаго — Маріи *Ремятниковой*. Екатеринбургскаго уѣзда: Кыштымскаго — Александры *Пьянковой*, Ревдинскаго — Любови *Коровиной*, Нейво-Рудянскаго—Екатерины *Бабкиной* и Верхъ-Исетскаго — Августы *Шумкиной*—Слободскаго въ гор. Астрахани—Елизаветы *Бобров-*

ской и Полоцкаго Анны *Срасской*; городскихъ начальныхъ: Сейнскаго однокласнаго — Сувалкскаго губерніи — Антонины *Зальтской* и Бахмутскаго Александровскаго: Наталіи *Шейко* и Зинаиды *Штупаревой*; земскихъ начальныхъ: Свіязскаго уѣзда: Косяковскаго—Евдокіи *Забродинои*, Ташевскаго—Прасковьи *Кирьяновой*, Азелевскаго — Ольги *Осиповой* и Муратовскаго—Прасковьи *Плашихиной* и Чебоксарскаго уѣзда: Карамышевскаго — Матрены *Никоновой* и Шутнеревскаго — Александры *Смирновой*, народныхъ: Елисаветградскаго Быковскаго—Клеопатры *Міатовичъ* и Ровенскаго 2-го—Елисаветградскаго уѣзда. Капитолины *Снесаревской*; начальныхъ народныхъ: на станціи „Попасная“ Донецкаго желѣзной дороги — Бахмутскаго уѣзда, Сусанны *Медведевой*, Саминскаго — Кунгурскаго уѣзда, Аполлинариі *Атамановой*, Кизвенскаго — Оханскаго уѣзда, Надежды *Овчинниковой*, Теленовскаго — Камышловскаго уѣзда, Таисіи *Петровой*, Красноуфимскаго уѣзда: Атигскаго Маріи *Мухиной*, Соинскаго Агриппины *Галкиной* и Молебскаго Ольги *Пономаревой*, Екатеринбургскаго уѣзда: Битимскаго Юліи *Бабенковой*, Нижне-Сельскаго Александры *Топорковой*, Мраморскаго Екатерины *Владиміровой*, Кособродскаго Аоанасіи *Спиридоновой* и Алтскаго Ольги *Левиной*, Узковскаго, Велижскаго уѣзда, Маріи *Стражковской*, Стайковскаго, Городскаго уѣзда, Олимпиады *Пороменской*, Каменскаго — Дриссенскаго уѣзда, Варвары *Закржевской* и Топорскаго — Невельскаго уѣзда, Маріи *Медвѣдковой*; сельскихъ: Демидовскаго—Тираспольскаго уѣзда, Александры *Васильковской* и Грушевскаго — Ананьевскаго уѣзда, Варвары *Апанасенко*; сельскихъ начальныхъ: Александрійскаго уѣзда: Боковского — Вѣры *Петренко* и Григорьевскаго — Маріи *Стройниковой*, Бердянскаго уѣзда: Бановскаго — Маріи *Стрѣлецкой* и Вербовскаго 1-го — Ефросиніи *Дончевой*, Слободскаго уѣзда: Успенскаго — Александры *Алекстеевой*, Гидаевскаго—Екатерины *Пыжтѣевой*, Шестаковскаго — Екатерины *Путышевой* и Пинтыльскаго—Надежды *Бердниковой* и Белобеевскаго уѣзда: Килевскаго — Екатерины *Киржицкой*, Вакалинскаго—Наталіи *Соколовой* и Покровскаго—Нелагеи *Захириной* и сельскихъ начальныхъ народныхъ: Адріанопольскаго — Славяносербскаго уѣзда, Анны *Демисовой*, Бахмутскаго уѣзда: Зайцевскаго — Татьяны *Кіаницы* и Луганскаго—мужскаго Неонилы *Болморской*; учительницы младшаго отдѣленія приготовительнаго класса Омской женской гимназіи—Вѣры *Скалеповой*, помощницы надзирательницы и учительницы Виленской бесплатной школы для бѣдныхъ дѣвицъ—Елизаветы *Семеновой*, помощницы учительницы Главнохолоуницкаго женскаго началь-

наго училища Анны *Захваткиной* и помощницы учителя Петровскаго сельскаго начальнаго училища, Александрійскаго уѣзда, Евдокіи *Початинской*.

Государь Императоръ. 7-го ноября сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія *медалями, съ надписью „за усердіе: для поощенія на шесть: золотыми, на лентахъ: Александровской—* почетнаго блюстителя Цинтенгофскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Перновскаго уѣзда, московскаго первой гильдіи купца Генриха *Бермана; Владимірокой: купцовъ: первой гильдіи почетнаго попечителя Одесской 3-й гимназіи Карла Весле и почетнаго блюстителя Елисаветградскаго 1-го однокласснаго начальнаго еврейскаго училища Григорія (опъ же Гершъ) Когона; Амнинской: купцовъ второй гильдіи: почетнаго попечителя Преславской учительской семинаріи Абрама Тевса; Белебеевскаго городскаго старосты Александра Напалкова и попечителя Кунгурскаго 3-го начальнаго городскаго училища Алексѣя Чуватова и Станиславской почетнаго смотрителя Одесскаго городскаго трехкласснаго караннскаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Гегеля Гелеловича; личныхъ почетныхъ гражданъ: втораго редактора Ремесленной газеты Алексѣя Кудрявцева и смотрителя Одесскаго еврейскаго сиротскаго дома Нуты Перельштейна; купцовъ первой гильдіи: предсѣдателя попечительнаго совѣта Троицкосавской женской графа Муравьева-Амурскаго гимназіи Василія Собенникова и поченыхъ членовъ попечительнаго совѣта Новочеркаскаго Атаманскаго техническаго училища барона Батырева и Ивана Шапошникова; купцовъ второй гильдіи: члена попечительнаго совѣта Акерманской женской гимназіи Петра Замерова и старосты церкви при Харьковской первой гимназіи Ивана Кабанова и серебряными на лентахъ: Владимірской—перваго учителя Плоцкаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго мужскаго училища Авраама Паперны; Амнинской: почетныхъ блюстителей двухклассныхъ училищъ: Одесскаго 2-го еврейскаго начальнаго, Одесскаго первой гильдіи купца Флора Шполянскаго и Рубановскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Мелитопольскаго уѣзда, купца второй гильдіи Георгія Карамурзаева; купцовъ второй гильдіи: попечителей училищъ: Бахчисарайскаго приходскаго Харлампія Арабаджи; Тимошевскаго народнаго, Мелитопольскаго уѣзда, Алексѣя Кондакова и Красномыльскаго, Полевскаго и*

Сухринскаго начальныхъ народныхъ, Шадринскаго уѣзда, Александра *Лещева* и курьера департамента народнаго просвѣщенія, отставнаго старшаго унтеръ-офицера Ивана *Денисова* и *Станиславской*: почетнаго смотрителя Измаильскаго городского четырехкласснаго училища, гражданина гор. Измаила, Захарія *Захаріади*; учителей одноклассныхъ начальныхъ общихъ училищъ: Волемяцкаго сельскаго. Плоцкой губерніи, изъ мѣщанъ Карла-Генриха *Тилле*; Плоцкаго городского Фердинанда *Крамера* и гминныхъ Плоцкой губерніи: Держговскаго Адама *Буржацкаго* и Еднорожецкаго Адама *Войццкаго*; купцовъ второй гильдіи: почетныхъ блюстителей училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Кишлавскаго двухкласснаго сельскаго, Θεодосійскаго уѣзда, Меводія *Непомилцаго*; Симферопольскаго караимскаго Якова *Хаджи*; Армяно-базарскаго татарскаго Петра *Иванченко* и Сѣнногубскаго однокласснаго, Петрозаводскаго уѣзда, Василя *Лысанова* и бывшаго почетнаго блюстителя Больше-Токманскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища Алексѣя *Дракина*; состоящаго по найму при больницѣ пансіона Оренбургской гимназіи, старшаго медицинскаго фельдшера Игнатія *Балтанса*; отставныхъ старшихъ унтеръ-офицеровъ: сторожа при церкви министерства народнаго просвѣщенія Николая *Маркина* и швейцара Сумскаго реальнаго училища Данила *Братушки*; отставныхъ унтеръ-офицеровъ: дядьки при пансіонѣ Кутаисской гимназіи Степана *Левуцкаго* и нижняго служителя при канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Тимоея *Радіонова*; служителя С.-Петербургской покровской женской гимназіи, запаснаго старшаго унтеръ-офицера Егора *Вересова*; бывшаго войта гмины Пржебѣшовъ, Луковскаго уѣзда, нынѣ писаря гмины Мятковъ того же уѣзда, отставнаго унтеръ-офицера Ивана *Герасевцова* и ламута Каменно-Ламутскаго наслѣга Устьянскаго улуса Василя *Дьяконова* и для ношенія на зруди: золотыми, на лентахъ: *Аннинской*, смотрительницы Таганрогскаго городского женскаго четырехкласснаго училища, вдовы штабъ-капитана Екатерины *Леонutowой*; почетной блюстительницы Кударинскаго приходскаго (казачьяго) училища, жены кяхтинскаго купца Серафимы *Синициной*; и попечительницы Морквинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Елизаветградскаго уѣзда, дочери потомственнаго дворянина Екатерины *Леонтовичъ* и *Станиславской*: почетнаго члена попечительнаго совѣта Новочеркаскаго атаманскаго технического училища, торговаго казака Елпидифора *Паромонова* и ламута Каменно-Ламутскаго наслѣга Устьянскаго улуса Наума *Горохова* и *серебря-*

ными, на лентахъ: *Аннинской*: разсылнаго служителя при управленіи Кавказскаго учебнаго округа, оставнаго рядоваго Михаила *Войтаха*, швейцара С.-Петербургскаго перваго реального училища, крестьянина Исковской губерніи Василя *Власова* и ламута Каменно-Ламутскаго наслѣга Устьянскаго улуса Максима *Санникова* и *Станиславской*: временныхъ второй гильдіи купцовъ: Дмитрія *Герасимова* и почетнаго блюстителя Важинскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Олонецкаго уѣзда, Василя *Румянцева*; почетнаго блюстителя Леовскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Измайльскаго уѣзда, жителя с. Точены, Антона *Давидово*; класснаго дядьки при С.-Петербургской восьмой гимназій, отставнаго матроса Василя *Зубова*; вахтера при той же гимназій, отставнаго квартирмейстера Павла *Бриленкова*; служителей гимназій: С.-Петербургской пятой, запаснаго матроса первой статьи Харитона *Коптяева* и Ревельской Императора Николая I, отставнаго штабъ-горниста Ивана *Васильева*; служителя при больницѣ пансіона Оренбургской гимназій, отставнаго рядоваго Хустундина *Алтынбакова*; головы Жиганскаго улуса Проконія *Винокурова*; члена жиганской иногородной управы Николая *Винокурова*; попечителя Краснослудскаго начальнаго народнаго училища, Пермскаго уѣзда, мѣщанина Николая *Штынова*; нижняго служителя при Ревельской гимназій Императора Николая I. приписаннаго къ обществу мѣщанъ Михаила *Юанса*; помощника швейцара С.-Петербургскаго перваго реального училища, мѣщанина Александра *Аванасьева*; разсылнаго того же училища, крестьянина Федора *Заборскаго*; старшихъ рабочихъ: при учебныхъ заводахъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, крестьянина Трифона *Шавкунова*; при сельско-хозяйственной фермѣ того же училища, крестьянина Андрея *Трофимова* и при мастерскихъ Красноуфимской русско-башкирской низшей сельско-хозяйственной школы, крестьянина Аполлона *Попова* и урядника Якутскаго казачьяго полка Степана *Расторгуева*.

Государь Императоръ, 18-го ноября сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами: *святаю равноапостольнаю князя Владиміра четвертой степени*—старосту церкви при Ставропольской гимназій, потомственнаго почетнаго гражданина Александра *Нестерова*; *святыя Анны: второй степени*—предсѣдателя попечительнаго совѣта одесскаго еврейскаго сиротскаго дома, потомственнаго почетнаго гражданина Рафаила *Хари* и *третьей степени*—члена попечитель-

наго совѣта Александрійской женской прогимназіи, дворянина Петра *Волотковскаго* и *святаго Станислава: второй степени:* попечителя Мартонвановскаго сельскаго училища, Александрійскаго уѣзда, отставнаго статскаго совѣтника Ивана *Гороновича*; старосту церкви при Керченской гимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина Константина *Месаксуди* и почетнаго блюстителя Гимольскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Повѣнецкаго уѣзда, петрозаводскаго временнаго второй гильдіи кунца Василия *Захарьева* и *третьей степени:* попечителей училищъ: Сабунчинскаго промысловаго двухкласснаго, отставнаго надворнаго совѣтника Гавриила *Карасева*; Немятовскаго начальнаго, Новоладожскаго уѣзда, отставнаго титулярнаго совѣтника Матвѣя *Сукнева*; Александровскаго городского смѣшаннаго, коллежскаго секретаря Александра *Глобу* и Журавскаго начальнаго народнаго, Сумскаго уѣзда, коллежскаго регистратора, изъ дворянъ, Константина *Савича*; преподавателя музыки воспитанникамъ Владикавказскаго реальнаго училища, отставнаго коллежскаго регистратора Ивана *Солнышкина* и врача Харьковскаго городского ремесленнаго училища, лѣкаря Николая *Прейса*.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (21-го іюня 1896 года). *Объ измѣненіи положенія о стипендіяхъ имени бывшаго Московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова при Московскихъ 1, 2, 3 и 4 гимназіяхъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ въ 21-й день іюня 1896 года, Высочайше соизволилъ на измѣненіе п. 3 положенія о стипендіяхъ имени бывшаго Московскаго генераль-губернатора князя *Долгорукова* при Московскихъ 1, 2, 3 и 4 гимназіяхъ, утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29 октября 1879 года, въ томъ смыслѣ, чтобы право на назначеніе сихъ стипендій было предоставлено педагогическимъ совѣтамъ Московскихъ 1, 2, 3 и 4 гимназій по принадлежности.

2. (26-го іюня 1896 года). *Объ учрежденіи при Юрьевской учительской семинаріи одной стипендіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Импера, орскихъ Величествъ.*

Начальство Рижскаго учебнаго округа обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учредить при

Юрьевской учительской семинаріи одну стипендію, въ память Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Теодоровны, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи сто* рублей, собраннаго для сей цѣли волостными обществами 1-го комиссарскаго участка Юрьевского уѣзда, Лифляндской губерніи.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе какъ на учрежденіе означенной стипендіи, такъ и на предоставленіе ему права утвердить положеніе для оной.

Государь Императоръ, въ 26-й день іюня 1896 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

3. (26-го іюня 1896 года). *О присвоеніи Бійской женской прогимназіи наименованія „Николаевской“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 26-й день іюня 1896 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Бійской женской прогимназіи наименованія „Николаевской“.

4. (24-го іюля 1896 года). *О назначеніи инспекторами, учителями специальныхъ предметовъ и руководителями практическихъ работъ въ ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ лицъ, не получившихъ средняго технического образованія.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на назначеніе инспекторами, учителями специальныхъ предметовъ и руководителями практическихъ работъ въ ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ лицъ, не получившихъ средняго технического образованія.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 24-й день іюля 1896 года, Собственноручно начертать соизволилъ: *„Согласенъ, но только въ видѣ временной мѣры“.*

5. (7-го сентября 1896 года). *Объ учрежденіи должности врача-преподавателя, съ правами государственной службы, при мореходныхъ классахъ С.-Петербургскаго рѣчного яхтъ-клуба.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день сентября 1896 года, Высочайше

соизволилъ на учрежденіе при мореходныхъ классахъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба должности врача-преподавателя, съ правами государственной службы, безъ особаго вознагражденія.

6. (18-го ноября 1896 года). *Объ учрежденіи при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи должности помощника дѣлопроизводителя.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи должности помощника дѣлопроизводителя, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи должности помощника дѣлопроизводителя, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи должность помощника дѣлопроизводителя, съ присвоеніемъ сей должности IX класса по чиновному производству, IX разряда по штыю на мундирѣ, VII разряда по пенсіи и оклада содержанія въ восемьсотъ рублей въ годъ.

II. Вызываемый означенною (отд. I) мѣрою расходъ относить на счетъ специальныхъ средствъ института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

IV. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(15-го ноября 1896 г.). *Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: адъюнкты-профессоръ Харьковскаго технологическаго института, инженеръ-тех-*

нологъ *Кнаббе*—съ 31-го іюля 1896 г.; сверхштатный экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Третьяковъ*—съ 7-го іюня 1896 г.; причисленные къ министерству: докторъ медицины *Бартеневъ*—съ 27-го іюля 1896 г. и въ должности егермейстера Высочайшаго двора *Хитрово*—съ 18-го ноября 1895 г.; по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи *Пагорскій*—съ 1-го марта 1892 г.; учителя: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Флинкъ*—съ 1-го марта 1896 г. и *Савеловъ*—съ 23-го мая 1896 г., гимназій: Вяземской Императора Александра III смоленскаго земства *Анисимовъ*—съ 14-го февраля 1896 г., Московской 1-й, *Корде*—съ 28-го февраля 1896 г., Московской 2-й, *Корольковъ*—съ 1-го марта 1896 г. и *Баталинъ*—съ 5-го іюня 1896 г., Московской 7-й, *Кониусъ*—съ 11-го марта 1895 г., Тульской, *Платоновъ*—съ 1-го іюля 1896 г., рязанской прогимназій, *Зинтенисъ*—съ 7-го марта 1896 г., Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища *Сидлеръ*—съ 28-го февраля 1896 г., Владимірской женской гимназій *Зевинъ*—съ 19-го іюня 1896 г., по Харьковскому учебному округу: инспекторъ Бобровской прогимназій *Цытковъ*—съ 13-го августа 1889 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Тамбовской губерніи, *Чижовъ*—съ 30-го мая 1891 г., Воронежской губерніи, *Воронецкій*—съ 1-го іюля 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Урюпинскаго, *Виноградовъ*—съ 18-го августа 1894 г., Изюмскаго, *Висоцкій*—съ 11-го сентября 1894 г., Тамбовскаго, *Алякритскій*—съ 1-го января 1896 г.; и Сумскаго, *Копоровъ*—съ 14-го января 1896 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Колосовъ*—съ 13-го мая 1896 г. и младшій ассистентъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, докторъ медицины *Йогансенъ*—съ 30-го мая 1896 г., по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: штатный ассистентъ при кафедрѣ терапевтической клиники *Никуминъ*—къ 15-го ноября 1895 г.; прозекторъ при кафедрѣ нормальной анатоміи, *Алтуховъ*—съ 31-го октября 1895 г., лекторъ нѣмецкаго языка *Вельмъ*—съ 15-го марта 1896 г.; учителя гимназій: Вяземской Императора Александра III смоленскаго земства, *Калласъ*—съ 21-го марта 1896 г., Московской 2-й, *Иванцовъ*—съ 19-го декабря 1895 г., Рыбинской, *Савиновъ*—съ 16-го февраля 1896 г., Тульской, *Миролобовъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; врачъ Ржевской шестиклассной прогимназій *Грандилевскій*—съ 7-го іюня 1896 г.;

учителя реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ: сверхштатный, *Алферовъ* — съ 16-го марта 1895 г. и *Вертоградскій* — съ 26-го декабря 1895 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя: Вяземскаго реальнаго училища, *Поповъ* — съ 5-го августа 1891 г., Тамбовскаго реальнаго училища, *Скрябинъ* — съ 9-го сентября 1893 г., Бѣгородской ево королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго гимназіи, *Гнатевичъ* — съ 6-го ноября 1895 г.; Бобровской прогимназіи, *Колесниковъ* — съ 16-го января 1896 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи *Розенбергъ* — съ 19-го октября 1895 г.; доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Мальцевъ* — съ 3-го января 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: младшіе ассистенты Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны: доктора медицины *Рачинскій* — съ 13-го января 1895 г. и *Королько* — съ 7-го апрѣля 1893 г.; исправляющій должность младшаго ассистента того же института, лѣкаръ *Ауэ* — съ 24-го іюня 1895 г. и сверхштатный ассистентъ того же института, лѣкаръ *Штилицъ* — съ 26-го мая 1896 г.; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты клиникъ: мочеполовыхъ болѣзней, *Бодановъ* — съ 1-го апрѣля 1895 г. и пропедевтической, *Кишикинъ* — съ 11-го января 1895 г., штатный помощникъ прозектора при институтѣ судебной медицины *Покровский* — съ 11-го декабря 1895 г.; лаборантъ технической лабораторіи, штатный, *Орловъ* — съ 1-го декабря 1895 г. и фармацевтическаго кабинета съ лабораторією, сверхштатный *Мильковскій* — съ 26-го ноября 1895 г.; учителя: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Кизеветтеръ* — съ 12-го сентября 1894 г. и *Киспарьяницъ* — съ 1-го января 1895 г., московской 2-й гимназіи, *Парше* — съ 20-го іюля 1876 г., прогимназій: Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, шестиклассной, *Кудрявцевъ* — съ 16-го августа 1895 г.; Орловской четырехклассной: *Оедоровъ* — съ 10-го сентября 1895 г. и *Щеловъ* — съ 28-го августа 1895 г., реальныхъ училищъ: Калужскаго, *Четыркинъ* — съ 1-го іюля 1895 г., Ливенскаго: *Венстремъ* и *Жудро*, оба — съ 1-го августа 1895 г., при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ, *Шеврковъ* — съ 4-го октября 1893 г., Московскаго Петропавловскаго мужскаго училища *Зюссенутъ* — съ 21-го октября 1893 г.; почетный смотритель Бронницкаго городскаго училища *Дятлиъ* — со 2-го мая 1896 г.; врачъ казенныхъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ *Филипповъ* — съ 19-го февраля 1895 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ:

Семеновскаго *Мусатовъ*—съ 1-го февраля 1896 г. и Ржевскаго, *Воробьевъ*—съ 20-го марта 1896 г.; преподаватели частныхъ женскихъ гимназій въ Москвѣ: Арсеньевой, *Иванцовъ*—съ 15-го января 1896 г., Калайдовичъ, *Мамаевъ*—съ 19-го ноября 1894 г. и Перепелкиной, *Манковъ*—съ 18-го ноября 1895 г.; помощники воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: Иванъ *Ивановъ*—съ 6-го февраля 1896 г. и *Аменицкий*—со 2-го юля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Буйскаго двухкласснаго, *Никифоровъ*—съ 1-го января 1896 г., Брянскаго четырехкласснаго, Павелъ *Смирновъ*—съ 1-го марта 1893 г., рязанскаго четырехкласснаго, *Гавриловъ*—съ 17-го декабря 1895 г. и Богородицкаго трехкласснаго, Егоръ *Смирновъ*—съ 1-го августа 1892 г.; учитель-завѣдывающій Дмитровскимъ двухкласснымъ, Орловской губерніи, городскимъ училищемъ *Митропольскій*—съ 9-го іюня 1891 г.; по Харьковскому учебному округу: штатный смотритель Пензенскаго уѣзднаго училища *Ковалевъ*—съ 6-го января 1890 г.; учителя: Острогской прогимназіи: *Метъ*—съ 20-го октября 1891 г. и *Коневъ*—съ 5-го апрѣля 1893 г., Пензенской женской прогимназіи, *Прокофьевъ*—съ 4-го ноября 1891 г., Корочанской Александровской гимназіи: *Любарскій*—съ 13-го апрѣля 1892 г. и *Гуринъ*—съ 4-го сентября 1894 г., Воронежской гимназіи, *Николаевъ*—съ 26-го января 1895 г., Изюмскаго реальнаго училища: *Нейкомъ*—съ 5-го февраля 1894 г. и *Степанекъ*—съ 16-го октября 1895 г.; лекторъ французскаго языка Императорскаго Харьковскаго университета *Соловьевъ*—со 2-го января 1891 г.; лаборантъ при химической лабораторіи того же университета *Слоновскій*—съ 28-го января 1895 г.; наставники учительскихъ семинарій: Волчанской, *Созонтьевъ*—со 2-го мая 1892 г. и Воронежской, *Владимировъ*—съ 17-го ноября 1892 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Тамбовской гимназіи *Святозаровъ*—съ 15-го сентября 1894 г.; учитель Нижне-Ломовскаго городского четырехкласснаго училища, Пензенской губерніи, *Остромецкій*—съ 24-го сентября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: инспекторъ чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа *Яковлевъ*—съ 27-го марта 1884 г.; завѣдывающій аптекою Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, провизоръ *Сараникъ*—съ 16-го ноября 1895 г.; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: ассистенты клиникъ: штатные: терапевтической госпитальной, *Готье-Дюбайе*—съ 6-го марта 1888 года, хирургической госпитальной, *Березовскій*—съ 13-го марта 1894 г.,

при психіатрической, *Сербскій*—съ 18-го января 1888 г., сверхштатные: при гинекологической, *Норейко*—съ 6-го декабря 1892 г., при терапевтическомъ клиническомъ отдѣленіи Екатерининской больницы, *Бодановъ*— съ 23-го декабря 1893 г., при акушерской, *Побѣдинскій*—съ 22-го марта 1892 г., дѣтскихъ болѣзней, *Остроградскій*— съ 24-го января 1892 г., при гинекологической, *Бобровъ*— съ 17-го ноября 1892 г., кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Крилатъ*— съ 16-го августа 1892 г., факультетской терапевтической, *Лебедевъ*—съ 17-го марта 1893 г., гинекологической, *Полимовъ*—съ 23-го января 1894 г., госпитальной хирургической, *Подпаловъ*— съ 1-го августа 1890 г., госпитальной терапевтической, *Ансеровъ*— съ 8-го ноября 1893 г.; помощники прозектора при кафедрахъ: анатоміи, *Карузинъ*— съ 31-го мая 1892 г., патологической анатоміи, штатный, *Власовъ*— съ 8-го мая 1894 г., завѣдывающій музеемъ при институтѣ патологической анатоміи, сверхштатный старшій помощникъ прозектора *Мельниковъ-Разведенковъ*—съ 27-го октября 1892 г.; лаборанты: штатный при гинекологическомъ институтѣ *Кувалдинъ*— съ 8-го іюня 1894 г., сверхштатные: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Реформатскій*— съ 30-го сентября 1895 г., при медицинской химической лабораторіи, *Гулевичъ*—съ 9-го февраля 1894 г. и при гигиеническомъ институтѣ, *Орловъ*— съ 5-го іюля 1894 г., врачи: Повинской учительской семинаріи, *Дешевой*— съ 29-го мая 1894 г., казенныхъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ, *Діаконенко*— съ 4-го января 1894 г. и Мценскаго городского трехкласснаго училища, *Александровъ*— съ 23-го февраля 1891 г.; бывшій исправляющій должность почетнаго смотрителя Новосильскаго уѣзднаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Преображенскій*—съ 7-го апрѣля 1887 г.; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета *Щировскій*—съ 15-го января 1896 г.; штатный смотритель Елифанскаго уѣзднаго училища *Баршевъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; экономъ пансіона Московской 2-й гимназіи *Хлѣбниковъ*—съ 21-го января 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Павловъ*—съ 21-го іюля 1895 г., Московской 3-й гимназіи, сверхштатный *Глазюлевскій*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Трубочевскаго трехкласснаго, *Ельмановъ*—съ 8-го марта 1895 г., Данковскаго двухкласснаго, *Егоровъ*—съ 24-го ноября 1895 г., Сычевскаго, *Черепневъ*— съ 8-го февраля 1893 г., Корчевскаго *Шейчъ*— съ 6-го октября 1895 г., Богородицкаго трехкласснаго, *Абрамовъ*— съ 8-го

мая 1893 г., Веневскаго трехкласснаго, *Морозовъ*—съ 11-го августа 1895 г., Тульскаго четырехкласснаго, *Львовъ*—съ 3-го сентября 1898 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Жидриискаго (состоящій за штатомъ) *Хализевъ*—съ 1-го января 1895 г., Галичскаго, *Николаевъ*—съ 20-го марта 1895 г., Зарайскаго, *Карповъ*—съ 12-го декабря 1889 г., Рязскаго: *Клюгерманъ*—съ 5-го декабря 1895 г. и *Горностаевъ*—съ 3-го декабря 1895 г. и Новосильскаго, *Кротковъ*—съ 4-го февраля 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: Императорскаго Харьковского университета: помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, *Пенскій*—съ 3-го мая 1889 г., сверхштатные ассистенты: при клиническомъ отдѣленіи назожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, *Тупцевъ*—съ 22-го марта 1891 г. и при пропедевтическомъ и терапевтическомъ отдѣленіи, *Затворницкій*—съ 3-го августа 1891 г., сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, *Смирновъ*—съ 19-го марта 1893 г., бывшій сверхштатный лаборантъ при химической лабораторіи (нынѣ въ отставкѣ) *Ильевъ*—съ 31-го августа 1894 г.; учитель Волчанской женской прогимназіи *Леоновъ*—съ 7-го января 1896 г., учителя городскихъ училищъ: Саранскаго четырехкласснаго, Пензенской губерніи, *Циценко*—съ 29-го января 1894 г. и Нижнедѣвницкаго трехкласснаго, Воронежской губерніи, *Муравлевъ*—съ 20-го января 1895 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Мокшанскаго, Пензенской губерніи, *Каминскій*—съ 31-го января 1894 г., Елатомскаго, Тамбовской губерніи. *Цоповъ*—съ 16-го октября 1894 г., Пензенскаго, *Капрановъ*—съ 25-го сентября 1895 г. и Суджанскаго, Курской губерніи, *Коробка*—съ 14-го февраля 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: причисленные къ министерству: *Оаддеевъ*—съ 15-го сентября 1895 г., *Бочаевъ*—съ 18-го января 1896 г., *Тулиновъ*—съ 27-го мая 1896 г. и *Видеманъ*—съ 25-го августа 1896 г.; по департаменту народнаго просвѣщенія. исправляющій должность дѣлопроизводителя VII класса *Яковлевъ*—съ 26-го іюня 1896 г.; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета; лаборанты: при кафедрѣ фармакогнозіи и фармаціи, штатный, *Кейзеръ*—съ 18-го января 1895 г.; сверхштатные: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Беркенгеймъ*—съ 28-го августа, 1895 г., при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи, *Рудневъ*—съ 1-го ноября 1895 г., помощникъ бібліотекаря *Александровскій*—съ 1-го декабря 1895 г.; младшій надзиратель пансіона Императорскаго лицей въ память цесаревича Николая *Гравесъ*—съ 20-го марта 1894 г.; по-

мощники классныхъ наставниковъ: Тульской гимназіи, *Змиевъ*—съ 1-го февраля 1892 г., частнаго реального училища Мазинга въ Москвѣ, штатный, *Филитисъ*—съ 1-го декабря 1890 г.; учителя городскихъ училищъ: Блинскаго, *Костровъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Богородскаго, *Смирновъ*—съ 1-го августа 1894 г., Александровскаго, въ городѣ Княгининѣ, *Вознесенскій*—съ 5-го сентября 1894 г.; Мценскаго трехкласснаго, *Шеланутинъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Кромскаго двухкласснаго, *Булмчевъ*—съ 1-го августа 1890 г., Вышневолоцкаго, *Жандармовъ*—съ 1-го августа 1894 г., Осташковскаго, *Ганичевъ*—съ 17-го февраля 1890 г., Бѣжецкаго, *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Угличскаго, *Критскій*—съ 1-го мая 1893 г.; учитель—завѣдывающій Калязинскимъ городскимъ училищемъ *Полтавевъ*—съ 1-го сентября 1890 г.; учитель приготовительнаго класса Шуйской гимназіи *Зарутскій*—съ 16-го декабря 1894 г.; по Харьковскому учебному округу: Императорскаго Харьковскаго университета: сверхштатный лаборантъ при физической лабораторіи *Кутневичъ*—съ 1-го октября 1889 г. и штатный лаборантъ при химической лабораторіи *Аксеновъ*—съ 1-го октября 1890 г.; учитель-инспекторъ Инсарскаго городского четырехкласснаго училища Пензенской губерніи *Симаковъ*—съ 1-го августа 1889 г.; учителя городскихъ училищъ: Нахичеванскаго четырехкласснаго, Донской области, *Мирошинъ*—съ 11-го января 1890 г.; Льговскаго двухкласснаго, Курской губерніи, *Воронковъ*—съ 24-го ноября 1891 г., Старо-Оскольскаго, той же губерніи, *Шелудковскій*—съ 6-го марта 1892 г., Моршанскаго трехкласснаго, Тамбовской губерніи, сверхштатный, *Разумовскій*—съ 25-го ноября 1893 г., при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ, Курской губерніи, *Черняковъ*—съ 1-го мая 1894 г., Нижпеломовскаго четырехкласснаго, Пензенской губерніи, *Юдинъ*—съ 1-го августа 1894 г.; учитель приготовительнаго класса Тамбовскаго реального училища *Касименковъ*—съ 6-го сентября 1895 г.; нисьмоводитель и бухгалтеръ Воронежской гимназіи *Германовскій*—съ 1-го мая 1892 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: причисленный къ министерству баронъ *Клодтъ-фонъ-Юренсбургъ*—съ 1-го января 1896 г.; по департаменту народнаго просвѣщенія, канцелярскій чиновникъ *Буковскій*—съ 28-го іюня 1896 г.; по Московскому учебному округу: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Розановъ*—съ 21-го іюля 1896 г.; домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Московской губерніи *Михайловичъ*—съ 22-го апрѣля 1878 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Солигаличскаго, *Тихомировъ*—съ 3-го іюня

1890 г., Раненбургскаго, *Романцевъ*—съ 27-го апрѣля 1890 г. и Ефремовскаго, *Виноградовъ*—съ 31-го октября 1893 г.; помощникъ учителя Сычевскаго городского училища *Боушевъ*—съ 24-го ноября 1890 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Нахичеванскаго четырехкласснаго, Донской области, *Губарь*—съ 1-го августа 1889 г., Керенскаго трехкласснаго, Пензенской губерніи, *Петровъ*, Инсарскаго четырехкласснаго, той же губерніи, Алексѣй *Медвѣдевъ*, оба—съ 31-го августа 1892 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Лебедянскаго, Харьковской губерніи, *Карновъ*—съ 21-го октября 1891 г., Грайворонскаго, Курской губерніи, Михаилъ *Медвѣдевъ*—съ 31-го августа 1892 г., Кулянскаго, Харьковской губерніи, сверхштатный *Заводовскій*—съ 20-го сентября 1892 г. и Усманскаго, Тамбовской губерніи, *Дмитраковъ*—съ 26-го октября 1893 г.; учитель приготовительнаго класса Сумскаго реальнаго училища *Циценко*—съ 12-го ноября 1891 г.; учитель 1-го Донскаго окружнаго училища, Донской области, *Ширмовскій*—съ 13-го марта 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по департаменту народнаго просвѣщенія, канцелярскій чиновникъ *Грековъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Московскому учебному округу: учителя: Жиздринской Маріинской жеской прогимназіи, *Заботинъ*—съ 1-го декабря 1893 г., 1-го мѣщанскаго казеннаго начальнаго въ Москвѣ училища, *Калайдовичъ*—съ 15-го марта 1896 г.; бывший учитель Мясницкаго казеннаго начальнаго въ Москвѣ училища (ныпѣ въ отставкѣ) *Ахметьевъ*—съ 27-го апрѣля 1894 г.; учитель Раненбургскаго мужскаго приходскаго училища *Горскій*—съ 4-го сентября 1885 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Михайловскаго трехкласснаго, *Птушкинъ*—съ 1-го января 1892 г. и 1-го Смоленскаго шестикласснаго, *Федоровъ*—съ 13-го февраля 1893 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Бѣлгородскаго, Курской губерніи, *Александровскій*—со 2-го сентября 1891 г., Корочанскаго, той же губерніи, *Копоненковъ*—съ 23-го ноября 1894 г., 1-го Пензенскаго: Федоръ *Галактионовъ*—съ 7-го января 1895 г. и Владиміръ *Ивановъ*—со 2-го іюня 1895 г., Кирсановскаго, Тамбовской губерніи, *Русановъ*—съ 20-го августа 1895 г., 2-го Пензенскаго, Александръ *Галактионовъ*—съ 17-го апрѣля 1896 г.; помощникъ учителя Рыльскаго городского училища, Курской губерніи, *Шпаковъ*—съ 8-го декабря 1892 г.; письмоводители Сумскаго реальнаго училища, *Полтавцевъ*—съ 11-го августа 1893 г. и Острогжской прогимназіи, *Самецкій*—съ 6-го марта 1896 г.; учи-

теля приходскихъ училищъ, Донской области, Каменскаго Императора Александра II, *Салтиковъ*—съ 27-го декабря 1891 г., Роговскаго, *Авчинниковъ*—съ 18-го іюля 1894 г., Мѣшковскаго, *Поповъ*—съ 20-го августа 1894 г. и 3-го Новочеркаскаго, *Неволинъ*—съ 8-го октября 1894 г.; въ *коллежскіе регистратора*: по Московскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 1-го Владимірскаго, *Тихомировъ*—съ 1-го ноября 1895 г., Судогодскаго, Петръ *Сергіевскій*—съ 12-го сентября 1889 г., Александровскаго, *Лебедевъ*—съ 20-го сентября 1884 г., Ефремовскаго, *Асановъ*—съ 1-го іюля 1881 г.; бывший учитель Богородицкаго городского приходскаго училища Андрей *Сергіевскій*—съ 4-го іюля 1893 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ, Донской области: Екатерининскаго, *Скотцовъ*—съ 1-го сентября 1889 г., Ольховскаго, *Миллеръ*—съ 1-го сентября 1892 г.; Верхне-Митякинскаго, *Абуховъ*—съ 1-го сентября 1895 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 3-го Козловскаго, Тамбовской губерши, *Воронцовъ*—съ 6-го октября 1895 г. и 2-го Вѣлгородскаго, Курской губерши, *Гайдена*—съ 1-го сентября 1895 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго советника*: профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ, губернской секретарь *Худяковъ* — съ 1-го января 1895 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ всеобщей исторіи *Бузескуль* — съ 22-го августа 1895 г.; профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища: инженеръ-технологъ *Зерновъ*, *Черепашинскій* и инженеръ-механикъ *Федоровъ*, всѣ трое — съ 1-го января 1895 г.; *коллежскаго советника*: адъюнкты-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ, губернской секретарь *Гавриленко* — съ 1-го января 1895 г. и сверхштатные экстраординарные профессора Харьковскаго ветеринарнаго института: магистры ветеринарныхъ наукъ: коллежскій ассессоръ *Рязанцевъ* — съ 15-го сентября 1895 г. и *Ивановъ*—съ 14-го іюня 1893 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: учителя: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Куртэнъ*—съ 1-го августа 1891 г., Ржевской шестиклассной прогимназиі. Никаноръ *Ивановъ* — съ 18-го ноября 1891 г., частнаго Реального училища Мазинга въ Москвѣ, штатный, *Романовъ* — съ 1-го іюля 1892 г.; бывший преподаватель Шуйской женской гимназиі *Култашевъ* — съ 26-го іюня 1891 г.; по Харьковскому учебному округу:

учителя: Харьковской Маринской женской гимназіи, *Моценко* — съ 30-го октября 1889 г., Курскаго реального училища *Алферовъ* — съ 12-го сентября 1887 г. и Маринской Донской женской гимназіи. *Козаковъ* — съ 14-го октября 1891 г.; *титულлярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты клиникъ: Акушерской, *Матвеевъ* — съ 8-го января 1892 г., госпитальной хирургической, *Соловьевъ* — съ 28-го февраля 1891 г.; помощникъ прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи *Кедровскій* — съ 11-го февраля 1892 г.; секретарь совѣта университета *Рыбниковъ* — съ 23-го мая 1896 г.; сверхштатный лаборантъ института фармакологіи *Щербачевъ* — съ 7-го февраля 1892 г.; врачи: Калужской гимназіи *Образцовъ* — съ 7-го августа 1890 г., Серпуховскаго городского училища, *Ивановъ* — съ 31-го января 1892 г. и письмоводитель медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета *Лобановъ* — съ 12-го августа 1895 г., всѣ семеро — по степени лѣкаря; сверхштатный лаборантъ при лабораторіи неорганической химіи того же университета *Антушевичъ* — съ 30-го марта 1892 г., по степени магистра фармаціи; по Харьковскому учебному округу: Императорскаго Харьковскаго университета: бывшій штатный ординаторъ при терапевтической факультетской клиникѣ *Сурукчи* — съ 14-го февраля 1890 г., сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ хирургической патологіи *Маклецовъ* — съ 27-го апрѣля 1890 г., бывшій штатный ординаторъ при хирургической факультетской клиникѣ (нынѣ въ отставкѣ) *Фабрикантъ* — съ 19-го октября 1890 г., штатный ординаторъ при акушерско-гинекологической клиникѣ *Прокотьевъ* — съ 25-го ноября 1891 г., врачи городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Нахичеванскаго, Донской области, *Царуковъ* — съ 30-го іюня 1890 г. и Славянскаго, Харьковской губерніи, *Архангельскій* — съ 31-го декабря 1891 г., всѣ шестеро — по степени лѣкаря; лаборантъ при фармацевтической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Спасскій* — съ 30-го мая 1895 г., по степени магистра фармаціи; *коллежскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ анатоміи и физиологіи, *Понятскій* — съ 28-го декабря 1895 г.; сверхштатные лаборанты: при кабинетѣ сравнительной анатоміи, *Хомяковъ* — съ 14-го февраля 1896 г., при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Корбе* — съ 22-го февраля 1896 г. и сверхштатный помощникъ прозектора при бактериологическомъ институтѣ Императорской Екатерининской

больницы *Чуиловъ*—съ 24-го октября 1895 г., всѣ четверо по диплому 1-й степени Императорскаго Московскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Владимирскаго трехкласснаго, *Вашлавинъ* — съ 19-го января 1891 г.; Болховскаго двухкласснаго, *Марковъ*—съ 1-го февраля 1891 г., Брянскаго четырехкласснаго, *Каретниковъ*—съ 1-го августа 1887 г., Дмитровскаго, Орловской губерніи, *Корелинъ* — съ 20-го ноября 1890 г., Мценскаго трехкласснаго, *Пацевичъ*—съ 18-го января 1891 г. и Новоторжскаго *Неклюковъ*—съ 20-го августа 1891 г.; по Харьковскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Тамбовскаго реальнаго училища *Терновъ*—съ 21-го октября 1891 г.; учителя городскихъ училищъ: Ростовскаго пятикласснаго, Донской области, *Морозовъ*—съ 12-го іюня 1891 г., Богодуховскаго трехкласснаго, Харьковской губерніи, *Некрасовъ*—съ 29-го января 1892 г. и Инсарскаго четырехкласснаго, Пензенской губерніи, *Филитовъ*—съ 12-го февраля 1892 г.; *убертскаго секретаря*: по Харьковскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Лебединскаго, Харьковской губерніи, *Клоковъ* и Кирилловскаго, Тамбовской губерніи, *Подшиваловъ*, оба—съ 6-го сентября 1891 г.; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу: помощникъ учителя 3-го Московскаго городского училища, *Яковлевъ*—съ 13-го ноября 1891 г., домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Тверской губерніи *Никитинъ* — съ 14-го ноября 1895 г.; по Харьковскому учебному округу: помощникъ учителя Таганрогскаго четырехкласснаго городского училища, Донской области, *Бединъ*—съ 24-го августа 1890 г., домашній учитель *Вендтъ*—съ 15-го марта 1893 г.

Переименовываются: въ *титულлярные советники*: по Московскому учебному округу: секретарь бібліотеки Императорскаго Московскаго университета, отставной штабсъ-капитанъ полевой артиллеріи *Пижмичъ*; въ *коллежскіе секретари*, по департаменту народнаго просвѣщенія, канцелярскій чиновникъ особаго отдѣленія департамента для завѣдыванія промышленными училищами, отставной поручикъ арміи *Муриковъ*.

(22-го ноября 1896 года). *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: по Виленскому учебному округу: инспекторъ Витебской дирекціи народныхъ училищъ *Тарановскій*—съ 14-го августа 1891 г., учителя: Ковенской гимназій, *Должанскій*—со старшинствомъ 2-го августа 1896 г., Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, *Катцевичъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; завѣдующій Новоалександровскимъ городскимъ

училищемъ *Божко*—съ 1-го августа 1895 г.; по Казанскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Вятской губерніи: *Князевъ*—съ 16-го августа 1893 г. и *Хохряковъ*—съ 21-го апрѣля 1894 г.; прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета *Кандаратскій*—съ 22-го іюня 1896 г.; учителя гимназій: Саратовской, *Пактовскій*, Симбирской, *Козловъ*, оба—съ 13-го августа 1896 года, Вольской женской, *Дозинскій*—съ 19-го января 1896 г. и Казанской татарской учительской школы *Траубенбергъ*—съ 1-го августа 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллегскіе совѣтники*: по Виленскому учебному округу: учителя реальныхъ училищъ: Александровскаго Могилевскаго, *Вельсъ*—съ 19-го апрѣля 1896 г. и Виленскаго, *Пономаревъ*—съ 1-го августа 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Симбирской, *Климинъ*—съ 13-го іюля 1896 г. и Астраханской: *Кууль*—съ 1-го сентября 1896 г., *Лобовиковъ*—съ 24-го августа 1896 г. и *Адриановъ*—съ 1-го октября 1896 г.; по управленію учебными заведениями Приамурскаго края, учитель-инспекторъ Троицкосавскаго городского четырехкласснаго училища *Поповъ*—съ 6-го января 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Виленскому учебному округу: инспекторъ дирекціи народныхъ училищъ Могилевской губерніи *Тихомировъ*—съ 5-го апрѣля 1894 г.; учителя гимназій: Ковенской: *Эмиль*—съ 16-го іюля 1895 г. и *Карташевъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Шавельской, *Шотто*—съ 17-го сентября 1895 г., Слуцкой, *Шмидбергъ*—съ 16-го сентября 1892 г., реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго, *Губнеръ*—съ 19-го сентября 1895 г., Пинскаго, *Грудницкій*—съ 9-го декабря 1895 г., Двинскаго, *Адамовичъ*—съ 21-го августа 1895 г. и сверхштатный *Буймовъ*—съ 8-го октября 1895 г., Виленскаго еврейскаго учительскаго института, *Соколовъ*—съ 9-го ноября 1895 г.; штатный смотритель Дриссенскаго уѣзднаго училища *Баднъ*—съ 5-го августа 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учитель Самарской гимназій *Рыловъ*—съ 15-го іюля 1895 г.; учитель-инспекторъ Уржумскаго городского трехкласснаго училища *Верещанинъ*—съ 8-го апрѣля 1896 г.; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Омоленскій*—съ 9-го іюня 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Симбирской гимназій *Чапурскій*—съ 1-го іюля 1896 г.; по управленію учебными заведениями Приамурскаго края, учитель-инспекторъ Читинскаго городского трехкласснаго училища *Харчевниковъ*—со 2-го января 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллегскіе ассессоры*: по Виленскому учебному округу, штатный врачъ Витебскаго еврейскаго начальнаго

училища *Риттеръ*—съ 1-го ноября 1892 г.; по Казанскому учебному округу, помощникъ прозектора Императорскаго казанскаго университета *Рождественскій*—съ 17-го января 1892 г.; учитель-инспекторъ Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Шташовъ*—съ 19-го сентября 1895 г. и учитель Самарскаго городского четырехкласснаго училища *Семеновъ*—съ 1-го августа 1889 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по Виленскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Могилевскаго, *Крачина*—съ 13-го іюля 1894 г. и Лепельскаго, *Данилевичъ*—съ 4-го августа 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Виленской 1-й гимназіи, *Тыминскій*—съ 21-го октября 1894 г., Виленской 2-й гимназіи, *Тараскевичъ*—съ 15-го августа 1894 г. и *Лосковичъ*—съ 20-го іюня 1894 г. и Нянскаго реальнаго училища, *Поповъ*—съ 1-го августа 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учителя-инспекторы городскихъ трехклассныхъ училищъ: Нолинскаго, *Грязкинъ*—съ 9-го декабря 1892 г. и Глазовскаго, *Петровъ*—съ 24-го іюля 1893 г.; начальникъ Екатеринбургскаго русскаго центральнаго училища *Осудуловъ*—съ 1-го августа 1891 г.; сверхштатный учитель Яранскаго городского трехкласснаго училища *Бьялевъ*—съ 12-го февраля 1893 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Вольскаго реальнаго училища *Ермоловъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; учитель приготовительнаго класса того же училища *Анисимовъ*—съ 15-го февраля 1896 г.; заштатные учителя уѣздныхъ училищъ: Глазовскаго, *Шулятиковъ*—съ 9-го іюня 1895 г. и Николаевскаго, *Гиньвашевъ*—съ 18-го октября 1891 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Виленскому учебному округу: штатный смотритель Люцинскаго уѣзднаго училища *Мулярчикъ*—съ 1-го января 1894 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Маркевичъ*—съ 10-го сентября 1896 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Виленскому учебному округу: письмоводитель Бѣлостокскаго реальнаго училища *Корсунскій*—съ 1-го іюля 1881 г.; учитель Бѣлостокскаго приходскаго училища, *Червяковскій*—съ 1-го января 1896 г.; по Казанскому учебному округу: домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Вятской губерніи *Машишевъ*—съ 12-го іюля 1895 г. и учитель Астраханскаго 6-го мужскаго приходскаго училища *Крюковъ*—съ 1-го сентября 1896 г., въ *коллежскіе регистраторы*: по Виленскому учебному округу: письмоводитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Пономаревъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; учителя приходскихъ училищъ: Климовичскаго, *Азаровъ*—съ 1-го августа 1894 г., Брестъ-Литовскаго крѣпостнаго, *Ивановъ*—

съ 1-го сентября 1896 г.; Виленскихъ: Сняпинскаго, *Боярчукъ*—съ 1-го сентября 1894 г.. Новгородскаго, *Личко*—съ 15-го мая 1896 г. и Югалишкельскаго, *Ошожинскій*—съ 1-го сентября 1892 г.; по Казанскому учебному округу: домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Вятской губерніи *Бабушкинъ*—съ 3-го марта 1896 г.; учитель начальнаго училища при Вольской учительской семинаріи *Лавлинцевъ*—съ 1-го августа 1890 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* по Казанскому учебному округу: учителя Вятскаго реального училища: *Кушелевъ*—съ 1-го января 1892 г. и бывший (нынѣ въ отставкѣ) *Сорокинъ*—съ 24-го іюня 1891 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Вятскаго четырехкласснаго, *Деренковъ*—съ 23-го ноября 1891 г. и Астраханскаго 2-го трехкласснаго, *Скориковъ*—съ 11-го апрѣля 1892 г.; *штатнаго совѣтника,* по Виленскому учебному округу, штатный врачъ Слонимскаго начальнаго еврейскаго училища *Песецкий*—съ 8-го августа 1891 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Витебской, *Бобровскій*—съ 1-го сентября 1892 г., Могилевской, *Поповъ*—съ 6-го мая 1892 г.; учителя: городскихъ училищъ: Тельшевскаго, *Михалкевичъ*—съ 1-го октября 1888 г. и Свенцянскаго: *Новицкий*—съ 1-го марта 1891 г. и *Охрицъ*—съ 1-го сентября 1887 г.; по Казанскому учебному округу: учитель Ярацкаго городского трехкласснаго училища *Андреевъ*—съ 23-го ноября 1891 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Вятскаго реального училища *Капустинъ*—съ 4-го апрѣля 1892 г.; *убернскаго секретаря:* по Виленскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Россіенскаго, *Трусъ*—съ 1-го августа 1892 г. и Трокскаго, *Юшко*—съ 24-го августа 1891 г.; по Казанскому учебному округу: учителя приготовительнаго класса гимназій: Астраханской, *Гусевъ*—съ 22-го сентября 1892 г. и Саратовской, *Васильевъ*—съ 3-го іюля 1892 г.; *коллежскаго регистратора:* по Виленскому учебному округу: учителя искусствъ уѣздныхъ училищъ: Опшянскаго, *Шутовъ*—съ 25-го ноября 1891 г., Россіенскаго, *Ивановъ*—съ 24-го февраля 1892 г., и Волковскаго, *Гуриновъ*—съ 26-го октября 1890 г.; помощникъ учителя Двинскаго городского училища, нынѣ учитель Новоалександровскаго городского училища *Хоровецъ*—съ 1-го октября 1888 г.; по Казанскому учебному округу: помощники учителей городскихъ училищъ: Самарскаго четырехкласснаго, *Выровъ*—съ 18-го сен-

тября 1890 г., и Яранскаго трехкласснаго, *Зарюмъ*—съ 24-го сентября 1892 года.

(30-го ноября 1896 года). *Опредѣляются*: на службу изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Вейссе*—почетнымъ попечителемъ реальнаго училища св. Евкатерины, въ Кіевѣ, на три года, капитанъ 2-го ранга *Иреукиі*—почетнымъ попечителемъ Бакинскоі, Императора Александра III, мужской гимназіи.

Назначаются: директоръ С.-Петербургскоі третьей гимназіи, тайный совѣтникъ *Лемоніусъ*—членомъ совѣта министра; инспекторъ народныхъ училищъ Тверскоі губерніи, статскій совѣтникъ *Смирновъ*—директоромъ Киржачскоі учительскоі семинаріи, съ 18-го ноября; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ химіи, титулярный совѣтникъ *Яковкинъ*—адъюнктъ-профессоромъ С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I, по химіи.

Увольняются: отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Киржачскоі учительскоі семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тяжеловъ*, за выслугою срока, съ 18-го ноября; директоръ народныхъ училищъ Кубанскоі области, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Блюдовъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(5-го декабря 1896 года). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ славянскоі филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Будиловичъ*—вновь ректоромъ того же университета, на четыре года, съ 27-го сентября; доцентъ означеннаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кесслеръ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ греческоі словесности, статскій совѣтникъ *Никитскій*—профессорами Императорскаго Юрьевскаго университета: первый—сверхштатнымъ экстраординарнымъ, по кафедрѣ гинекологіи, а второй—экстраординарнымъ, по кафедрѣ древнеклассическоі филологіи и древностей; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ ботаники, коллежскій ассессоръ *Навашинъ* и помощникъ прозектора того же университета, докторъ медицины, титулярный совѣтникъ *Савченко*—профессорами: первый—ординарнымъ, университета св. Владимира, по кафедрѣ ботаники, а второй—экстраординарнымъ, Императорскаго Казаискаго университета, по кафедрѣ общей паталогіи; инспекторъ народныхъ училищъ Воронежскоі губерніи, статскій совѣтникъ *Говоровъ*—директоромъ Красноярскаго учительскоі семинаріи; инспекторъ Сумскоі Александровскоі

гимназій, статскій совѣтникъ *Студенцовъ*—директоромъ Усть-Медвѣдичкаго реальнаго училища.

(12-го декабря 1896 года). *Назначаются*: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской, и Волынской, статскій совѣтникъ *Чернушевичъ*—директоромъ Златопольской гимназій; директоръ Златопольской гимназій статскій совѣтникъ *Эсмитеръ*—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, магистръ греческой словесности, статскій совѣтникъ *Зубковъ*, съ 12-го ноября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го Полбря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова, при Николаевской Александровской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* рублей, завѣщаннаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ, учреждается при Николаевской Александровской гимназій одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣхъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора на основаніи закона 20-го мая 1885 г., выдаются стипендіату два раза въ годъ, въ январѣ и августѣ въ равныхъ частяхъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Николаевской Александровской гимназій изъ числа заслуживающихъ по своимъ успѣхамъ и поведенію бѣдныхъ учениковъ сего заведенія, православнаго вѣроисповѣданія, дѣтей купцовъ и мѣщанъ города Николаева.

§ 5. Стипендіатъ пользуется предоставленной ему стипендіей до выбитія изъ заведенія или лишенія таковой по опредѣленію педагогическаго совѣта за неодобрительное поведеніе и лѣность.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

2. (20-го ноября 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова, при Николаевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ, учреждается при Николаевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендіа имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣхъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, оставался навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора на основаніи закона 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату два раза въ годъ, въ январѣ и августѣ въ равныхъ частяхъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища изъ числа заслуживающихъ по своимъ успѣхамъ и поведенію бѣдныхъ учениковъ сего заведенія, православнаго вѣроисповѣданія, дѣтей купцовъ и мѣщанъ города Николаева.

§ 5. Стипендіатъ пользуется предоставленной ему стипендіей до выбитія изъ заведенія или лишенія таковой по опредѣленію педагогическаго совѣта за неодобрительное поведеніе и лѣность.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

3. (22-го ноября 1896 года). *Положеніе о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ имени врача Евгенія Антоновича Деменитру при Херсонской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ангономъ Людвиговичемъ Деменитру, учреждаются при Херсонской мужской гимназіи единовременныя пособія имени врача Евгенія Антоновича Деменитру.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ трехъ билетахъ государственной 4% ренты, по тысячѣ руб. каждый, хранится въ херсонскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Херсонской мужской гимназіи и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора въ казну по закону 20-го мая 1885 г., полностью выдаются ежегодно на руки одному изъ учениковъ, окончившихъ полный курсъ Херсонской гимназіи для первоначальнаго образованія, обмундированія и другія нужды при поступленіи его въ одинъ изъ русскихъ университетовъ или въ С.-Петербургскую Военно-Медицинскую Академію.

§ 4. Право назначенія пособія принадлежитъ исключительно педагогическому совѣту Херсонской мужской гимназіи.

§ 5. Пособіе выдается бѣднѣйшему и заслуживающему по успѣхамъ и поведенію ученику, окончившему курсъ гимназіи, безъ различія происхожденія и сословія, христіанскаго вѣроисповѣданія, только по зачисленіи сего лица въ одинъ изъ русскихъ университетовъ или въ С.-Петербургскую Академію и по удостовѣреніи о томъ начальства поименованныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

§ 6. Еслибы никто изъ окончившихъ курсъ гимназіи въ извѣстномъ году по какимъ-либо причинамъ не получилъ означеннаго пособія, то такое можетъ быть выдано въ слѣдующемъ году двумъ окончившимъ курсъ ученикамъ, или еще въ слѣдующемъ году — тремъ окончившимъ курсъ и т. д.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, наросшихъ на невыданныя пособія, присоединяются къ единовременнымъ пособіямъ для увеличенія ихъ размѣра.

§ 8. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на лицо, получившее пособіе, никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ конверсін, выкупа или тиража означенныхъ % бумагъ, гимназія замѣняетъ ихъ другими государственными или гарантированными правительствомъ % бумагами по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 10. Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ настоящимъ положеніемъ, пособія выдаются по опредѣленію педагогическаго совѣта, съ утвержденія г. попечителя учебнаго округа.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ и издалъ *И. Я. Киприановичъ*. 4-е изданіе, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ. 1896. Стр. X + 129. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Брошюру: „Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ Самодержецъ Всероссийскій. Чтеніе для народа. Съ 49 картинами. Составилъ поручикъ *Д. Н. Ломанъ*. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное (160 тысяча)“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Дѣятели Русской Исторіи въ стихотвореніяхъ русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ. Сборникъ. Составилъ преподаватель 1-й Тифлисской гимназіи *Д. Сабинъ-Гусъ*. Тифлисъ. 1896. Стр. 513 + VII. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книжку: „Влуджающіе огни. Сборникъ дѣтскихъ разказовъ. *С. Бажинной*. Съ 44 картинками. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1891. Стр. IV + 215. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 25 коп., въ

переплетъ 1 руб. 60 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разказовъ *А. В. Арсеньева*. Съ рисунками художниковъ *И. Панова*, *В. Крюкова* и другихъ. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. Годъ не обозначенъ. Стр. VIII + 226 + VI. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 50 коп.“—допустить въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Латинская грамматика для русскихъ гимназій. Краткое руководство къ изученію латинской грамматики для гимназій и прогимназій и для лицъ, занимающихся безъ помощи учителя. Примѣнительно къ программѣ 1890 года. Составилъ *Л. Н. Горкевичъ*, преподаватель древнихъ языковъ. Харьковъ. 1896. Цѣна 75 коп. Стр. VI + 92“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для трехъ нѣшнихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. О. Постиницъ*, преподаватель Кіевской 1-ой гимназій. Часть I. Курсъ 1-го класса. Изданіе пятое, вновь обработанное. Кіевъ, 1896, Стр. 74. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для перваго класса гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Orbis romanus pictus. Chrestomathia latina in usum tironum scripta.* Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія. Составили *А. Адольфъ* и *С. Любомудровъ*. Часть II. Курсъ II класса. М. Изданіе книжнаго магазина *К. И. Тихомирова*. 1896. Стр. VI + 162. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для II класса гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Латинская хрестоматія для перваго и втораго классовъ гимназій. Составилъ по второму изданію Учебника латинскаго языка *П. Симсона* и *К. Югансона*, примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, *К. Югансонъ*, преподаватель Псковской гимназій. Юрьевъ. 1896. Стр. IV + 228. Цѣна не обозначена“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ *Г. Я. Юресичъ*. Часть II. Стр. 279. Цѣна 80 коп. Юрьевъ. 1896.“—допустить какъ руководство при прохожденіи алгебры, съ тѣмъ, чтобы при 2-мъ изданіи книги были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Книги, составленныя *В. И. Василевымъ*, преподавателемъ Московской 2-й прогимназіи и Мѣщанскихъ училищъ Московскаго купческаго общества. „1) Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1895. Стр. IV + 68. Цѣна 25 коп. 2) Ариметика дробныхъ чиселъ. М. 1896. Стр. IV + 68. Цѣна 25 коп. 3) Ариметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1897. Стр. 78. Цѣна 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанные ученымъ комитетомъ недостатки этихъ книгъ.

— Книгу: *В. П. Мининъ*, преподаватель Московской 3-ей гимназіи. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе шестое. Съ приложеніемъ большаго числа задачъ, рѣшаемыхъ совмѣстнымъ примѣненіемъ геометріи и тригонометріи. М. Изданіе книжнаго магазина *В. В. Думнова*, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ“. 1896. Стр. VI + 208 + II. Цѣна 90 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Руководство къ древней исторіи. Составилъ *И. Белларминовъ*. Изданіе седьмое, исправленное. Съ картинами и рисунками. С.-Пб. 1896. Стр. VI + 262 + XVI“—одобрить въ качествѣ руководства для IV и VIII классовъ мужскихъ гимназій.

— Журналъ „Электротехнической Вѣстникъ“ и книги: 1) „*Э. Канъ*. Практическое руководство къ устройству электрическаго освѣщенія въ частныхъ домахъ, публичныхъ зданіяхъ, на фабрикахъ и т. п. Перевелъ съ французскаго и добавилъ *Н. Коноваловъ*. Изданіе журнала „Электрической Вѣстникъ“. С.-Пб. 1896. Стр. 262. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ и 2) „Разсчетъ и построеніе динамо-машинъ постояннаго тока. Справочная книга для электротехниковъ и молперовъ. *И. Фишеръ-Хинненъ*. Переводъ *Н. Довжковскаго*, подъ редакціей *П. Войводъ*, со втораго дополненнаго изданія. Съ 54 рисунками въ текстѣ и 4 таблицами. С.-Пб. 1896. Стр. 192. Цѣна не обозначена“—допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Издаваемыя книгоиздательскою фирмою Фромманъ и Моріанъ въ Дармштадтѣ зоологическія и ботаническія стѣнныя таблицы, подъ заглавіемъ: *Neue Wandtafeln für den Unterricht in der Naturgeschichte (Zoologie und Botanik) in feinstem Farbendruck auf mattem schwarzem Hintergrunde. Bearbeitet, gemalt und herausgegeben, unter der Mitwirkung der Herren Prof. Dr. G. von Koch und Dr.*

Fr. Quentell, von Heinrich Jung. Цѣна за серію въ 10 таблицъ (по выбору покупателя), величиною въ 100 × 75 сант., наклеенныхъ на холстъ, съ приложеніемъ тетрадки съ иллюстрированнымъ объяснительнымъ текстомъ (на нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ), 30 германскихъ марокъ (около 14 рублей); цѣна каждой таблицы отдѣльно— 4 герм. марки (около 2 рублей)^а—рекомендовать, какъ хорошее пособіе при преподаваніи естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ и въ городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Элементарный курсъ естественной исторіи. I Зоологія. А. Брутмана, бывшаго инспектора и преподавателя естественной исторіи при Юрьевскомъ городскомъ реальномъ училищѣ. Съ 117 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1896. Стр. VI + 149. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка для мужскихъ гимназій и прогимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ и учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ Августъ Гобманъ, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Выпускъ I. Курсъ втораго класса. С.-Петербургъ. Изданіе К. Л. Риккера. 1897. Стр. VIII + 88. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Составилъ К. Крафтъ. Изданіе четвертое. Кіевъ. 1897. Стр. VIII + 284. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книгу: „Kurze Deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax nebst orthographischem. Anhang von E. Mittelsteiner. Zweite vollständig umgearbeitete Auflage. М. Изданіе книжнаго магазина К. Тихомирова. 1896. Стр. VIII + 175“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ училища съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги, подъ заглавіемъ: „Le Vocabulaire Français. Etude methodique et progressive des mots et de la langue usuelle considérés: 1° quant à leur orthographe; 2° quant à leur sens; 3° quant à la manière dont ils s'unissent pour former des phrases. Par I. Carré. I. Livre de l'élève. II. Livre du maître. Deuxième édition“—рекомендо-

вать въ качествѣ учебнаго руководства для частныхъ учебныхъ заведеній и пансіоновъ, воспитанники и воспитанницы коихъ уже владѣютъ французскимъ языкомъ, а также и для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Cours pratique de langue française d'après la méthode naturelle (réelle). Par *L. N. Fumel*. Deuxième édition, revue, corrigée et considérablement augmentée. Практическій курсъ французскаго языка по натуральному (реальному) методу. Составилъ *Л. Н. Фюмель*. Изданіе второе, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное. Одесса. 1896. Стр. VI + 344. Цѣна 1 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣ низшія учебныя заведенія, въ коихъ преподается французскій языкъ по натуральному методу.

— Книжку: „*Кейра, Ф.* Воображеніе и память. Переводъ съ французскаго *Е. Максимовой*. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. Стр. IV + 66. Цѣна 40 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки тѣхъ же заведеній.

— Книжку: „*Рибо, Ш.* Психологія вниманія. Переводъ съ французскаго *А. Цомакионъ*. С.-Пб. 1892. 2-е изд. *Ф. Павленкова*. Цѣна 40 к. Стр. 102“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Матеріалы къ организаціи реального образованія. *Э. О. Миттельштейнеръ*. М. 1895. Стр. II + 71. Цѣна не обозначена“—допустить въ фундаментальныя библиотеки реальныхъ училищъ.

— Брошюру: „Онанизмъ у дѣтей. Его причины, симптомы, послѣдствія и леченіе. Д-ра *И. К. Шмуклера*. Кіевъ. 1896. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“—допустить въ фундаментальныя библиотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленныя *П. Барышниковимъ* книги: „1) Первая послѣ

букваря книга для чтенія. М. 1896. VI + 108. Цѣна 20 коп. 2) Вторая книга для чтенія. М. 1896. Стр. 166. Цѣна 25 коп. 3) Третья книга для чтенія. М. 1896. Стр. IV + 208. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ.

— Брошюра, подъ общимъ заглавіемъ: „Малымъ ребятамъ. Разказы и стихи. Съ рисунками. Е. Вемъ. Москва. 1894, 1895, 1896. Книжки 1 — 10. По 36 стр. въ каждой. Цѣна каждой брошюры 1½ коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ и въ народныя читальни.

— Книжку: „В. М. Сорокинъ. Разказы о Петрѣ Великомъ. Съ картинами и портретомъ Петра Великаго. Изданіе 3-е, исправленное П. О. Вышеславецкимъ. С.-Пб. Стр. 169. Цѣна 45 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книжку: „Разказы объ Австраліи и австраліяцахъ. Составила М. Черилева. Съ 34 рисунками. М. 1896. Стр. 143. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки средне-учебныхъ заведеній, въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ народныя читальни.

— Книжку: „Совѣты беременнымъ и бабкамъ повитухамъ. (Съ прибавленіемъ постановленій объ уходѣ за новорожденными, кормленіи грудныхъ дѣтей и лѣченіи ихъ болѣзней). Составилъ земскій врачъ А. Коровяевъ. Москва 1895. Стр. 106. Цѣна 6 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книжку: „Уходъ за грудными дѣтьми. Свѣдѣнія для матерей. Врача Г. І. Фридмана. Симферополь. 1894. Стр. VI + 89. Цѣна 45 коп.“—допустить, въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Великаго. Выпускъ первый. М. 1896. Стр. VII + 446. Цѣна 1 р. 50 коп.“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Д. И. Тихомировъ. Изъ исторіи родной земли. Очерки и разказы для школы и народа, съ рисунками и картами въ текстѣ. Изданіе 4-е исправленное. Москва. 1896. Часть I. Древняя Россія. Стр. VI + 227. Цѣна 40 коп. Часть II. Новая Россія. Стр. II + 180. Цѣна 35 коп.“—допустить въ бібліотеки начальныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: „Райскіе цвѣты съ русской земли. Сборникъ назидатель-

тельных повѣствованій о жизни и дѣятельности благочестивыхъ людей нашего времени для чтенія при выѣслужебныхъ собесѣдованіяхъ, составленный *Павломъ Новгородскимъ*. Изд. 2-е. Владиміръ. 1892. Стр. III+322. Цѣна 1 р.—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Сказки и разказы для дѣтей младшаго возраста *Д. М. Мамина-Сибиряка*. Изданіе *Д. И. Тихомирова*. 2-я тысяча экземпляровъ. М. 1895. Стр. 143. Цѣна 60 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ двухклассныхъ школъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и уѣздныхъ начальныхъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библіотекъ гимназій и прогимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальнь.

— „Книжку: „Дѣдушка Крыловъ. Для чтенія въ сельской школѣ. Составилъ сельскій учитель *Петръ Богдановъ*. Подъ редакціей *Виктора Острогорскаго*. С.-Пб. 1896. Стр. II+94+II. Цѣна 30 коп. Изданіе *И. Глазунова*“—одобрить для библіотекъ низшихъ училищъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Задачи и планы для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. Классное пособіе для среднихъ отдѣленій начальныхъ училищъ, съ приложеніемъ статей для изложеній. Составили учительницы *А. Глазунова* и *Е. Разина*. 1-й курсъ. 2-е исправленное изданіе. С.-Пб. 1896. Стр. VI+64. Цѣна 15 коп.—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, дополненное всѣми указаніями по 1-е января 1895 г. Изданіе 3-е. Составилъ земскій начальникъ *Макшеевъ*. С.-Пб. 1895. Стр. XLVII+204. Цѣна 1 р. 25 коп. Изданіе неофициальное“—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Святая Русь. Извлеченіе изъ Карамзина и другихъ историческихъ сочиненій для казидательнаго чтенія православному русскому народу. Составилъ *Я. Тютюновъ*. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1895. Стр. 139. Цѣна 20 коп.“—допустить въ библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были сдѣланы соотвѣтствующія исправленія.

Опредѣленіи отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *Ив. Ив. Трубникова*, подъ заглавіемъ, „Общій и

простѣйшій рамочный улей. Какъ его построить и какъ водить пчелъ въ немъ". Москва, 1895 годъ. 8-ку, 32 стр., съ 20-ю рисунками и чертежемъ улья въ натуральную величину. Цѣна 9 коп.—допустить въ библіотеки низшихъ, какъ двухклассныхъ, такъ и начальныхъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу, составленную инспекторомъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи *Александромъ Комаровымъ*, подъ заглавіемъ: „Простые разказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ“. Воронежъ, 1893 г., изд. четвертое, въ 8-ку, 108 стр., съ 12-ю рисунками. Ц. 30 коп.—одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Брошюру, составленную *А. Золотаревымъ*, подъ заглавіемъ: „Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ“. Изд. кн. магаз. *П. К. Ирлишикова*. М 1894. 12-ю д. л., 29 стр.—одобрить для библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Сочиненіе *В. Верно*. „Переплетчикъ“. С.-Пб. 1896. Изданіе пятое, съ 87-ю рисунками въ текстѣ, 279 стр., въ 8-ку. Ц. 1 р. 50 к.—признано возможнымъ рекомендовать, какъ пособіе для ремесленныхъ классовъ городскихъ и сельскихъ училищъ, въ которыхъ введено обученіе переплетному мастерству.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа 1-го октября 1896 года состоялось открытіе въ г. Задонскѣ, Воронежской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, со столярнымъ и слесарнымъ отдѣленіями, при 24 учащихся.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа 15-го октября 1896 года состоялось открытіе Азовской ремесленной школы въ составѣ I класса, въ который принято 14 учениковъ.

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 20-го октября 1896 г. въ дер. *Старое Яюлдаво*, Рязскаго уѣзда, Рязанской губерніи, открыто одноклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 78 учащихся (въ томъ числѣ: 56 мальчиковъ и 22 дѣвочки).

— По донесенію г. попечителя Киевскаго учебнаго округа, имъ

разрѣшено преобразовать существующее на станціи „Христиновка“ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ частное училище г-жи *Вельодомондовичъ*, въ которомъ обучаются главнымъ образомъ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ, въ одноклассное желѣзнодорожное училище министерства народнаго просвѣщенія, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію сего училища на средства общества означенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 17-го октября 1896 г. въ Житомирѣ состоялось открытіе учрежденнаго на городскія средства однокласснаго приходскаго училища.

— Начальствомъ Казанскаго учебнаго округа 1-го октября, 1896 года разрѣшено возобновить при Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уѣздномъ училищѣ пансіонъ, закрытый съ 1886 г., принявъ въ оный двѣнадцать воспитанниковъ изъ бѣднѣйшихъ армянъ гор. Астрахани.

— По донесенію г-на попечителя Казанскаго учебнаго округа, 15-го октября 1896 года въ г. Ставрополѣ открыто второе мужское начальное училище, по положенію 25-го мая 1874 г., при 42 учащихся, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа, 11-го октября 1896 г. послѣдовало разрѣшеніе на открытіе въ г. Борисоглѣбскѣ, Тамбовской губерніи, 4-го городскаго приходскаго училища, въ ознаменованіе рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны и въ Моршанскѣ, той же губерніи, женскаго городскаго приходскаго училища, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію означенныхъ училищъ на мѣстныя городскія средства.

СОБРАНИЕ И СВОДЪ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕ- РИИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Потребность русскаго общества и правительства въ юридическомъ образованіи, постепенно возрастающая въ теченіе XVIII вѣка, могла получить удовлетвореніе лишь по составленіи собранія или свода законовъ. Между тѣмъ кодификаціонныя работы, произведшіяся въ законодательныхъ комиссіяхъ, накопили матеріалъ, пригодный для изданія такого сборника. Правительство воспользовалось означеннымъ матеріаломъ для приготовленія „Описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходнаго съ полнымъ собраніемъ, въ другихъ—со сводомъ законовъ. Составители „описанія“ положили въ основу его плана систему права, принятую и въ другихъ современныхъ ему памятникахъ законодательства. Это предпріятіе, доведенное до конца, не увѣнчалось, однако, успѣхомъ: по довольно случайнымъ причинамъ „описаніе“ осталось не обнародованнымъ и было совершенно забыто послѣдующими комиссіями XIX в. Тѣмъ не менѣе, какъ первая попытка собранія узаконеній Россійскаго государства, „описаніе“ не можетъ не обратить на себя вниманіе всякаго, занимающагося или интересующагося нашей отечественною исторіей. Если большинство законовъ и указовъ, помѣщенныхъ на страницахъ этого многотомнаго рукописнаго сборника, и извѣстно теперь по позднѣйшимъ болѣе исправнымъ изданіямъ, то, во всякомъ случаѣ введенія къ разнымъ частямъ „описанія“, ходъ работъ по его составленію, система изложенія и цѣль, преслѣдуемая его составителями, даютъ новый и цѣнный матеріалъ для исторіи науки русскаго права и для изученія развитія русскаго правосознанія вообще.

во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ этой именно точки зрѣнія „описание внутренняго правленія Россійскаго государства“ и подвергнуто научному анализу въ печатаемыхъ нынѣ замѣткахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Русское юридическое образованіе въ XVIII вѣкѣ.

Новый періодъ русской исторіи, открывающійся эпохой реформъ, знаменуется между прочимъ болѣе сознательнымъ отношеніемъ русскихъ людей къ насущнымъ потребностямъ государственной жизни Россіи за это время. Свѣжія силы, нужныя для того, чтобы выработать такое отношеніе, выросли, конечно, не сразу: онѣ пробудились благодаря далеко не обычнымъ условіямъ, въ какія попало государство въ началѣ прошлаго вѣка, и образовывались мало-по-малу подъ влияніемъ теорій западно-европейскаго права, съ которыми подроставшимъ поколѣніямъ впервые приходилось знакомиться на школьной скамьѣ или внѣ школы путемъ чтенія юридическихъ сочиненій, доступныхъ имъ и въ русскихъ переводахъ.

Первыя попытки ввести такое образованіе въ оборотъ русской жизни оказались, однако, не вполне удачными: до 1763 года практическое обученіе молодыхъ людей законоискусству въ присутственныхъ мѣстахъ все еще занимало главное мѣсто въ преподаваніи права.

По мѣрѣ того, однако, какъ росла потребность русскаго общества и государства въ болѣе сознательномъ отношеніи къ современности, а также въ болѣе нормальномъ отправленіи государственныхъ функцій, и вопросъ объ изученіи національнаго права становился на иную почву: знаніе общихъ началъ его казалось при такихъ условіяхъ необходимымъ въ особенности послѣ учрежденія о губерніяхъ, когда эти начала должны были получить широкое примѣненіе и жизненный интересъ для весьма значительнаго круга лицъ.

Правительство не замедлило обратить вниманіе на означенныя потребности: но, приступая къ ихъ удовлетворенію путемъ реформы юридическаго образованія, оно для проведенія ея почувствовало нужду въ сборникѣ законовъ, который далъ бы возможность поставить изученіе и преподаваніе отечественнаго права на прочныхъ историческихъ основаніяхъ.

Таковы важнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго юридическаго

образования въ XVIII вѣкѣ, повліявшія на составленіе „описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“. Перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію ихъ въ указанномъ порядкѣ.

1. Обученіе законоискусству въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Новое образованіе, введенное Петромъ Великимъ, отличалось, до-волью искусственнымъ характеромъ. Основныя начала европейской науки, вырванныя изъ тѣхъ жизненныхъ условій, благодаря которымъ они не теряли своего конкретного смысла на западѣ, и перенесенныя въ видѣ чистой догмы на востокъ, оказались слишкомъ отвлеченными для русскаго общества, мало подготовленнаго къ ихъ воспріятію; за то приложенія ихъ получали въ его глазахъ несомнѣнное значеніе. Не будучи въ состояніи установить тѣсную связь между теоріей и техникой, русскіе люди сосредоточили свое вниманіе на этой послѣдней, что придавало образованію исключительно утилитарный характеръ.

Этотъ общій недостатокъ сказался, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ какой либо изъ другихъ отраслей образованія, на преподаваніи права въ Россіи за первую половину прошлаго вѣка: оно все еще сводилось, главнымъ образомъ, къ практическому обученію молодыхъ людей законоискусству въ присутственныхъ мѣстахъ, дѣлопроизводство которыхъ такъ сильно измѣнилось благодаря реформѣ; простые навыки продолжали заступать мѣсто общихъ знаній по части русскаго права, а специально-юридическое образованіе становилось своего рода службой и часто смѣшивалось съ нею.

Такое обученіе, на дѣлѣ, вѣроятно, давно уже существовавшее для дѣтей приказныхъ, было введено генеральнымъ регламентомъ 1720 года для дворянства и оставалось въ силѣ, какъ извѣстно, въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка ¹⁾. На основаніи статей регламента въ „юнкеры“ поступали молодые дворяне, производимые вслѣдъ затѣмъ въ секретари, „дабы потомъ могли бы въ ассессоры, совѣтники и выше происходить“ ²⁾.

Молодой человекъ, поступавшій юнкеромъ въ одно изъ централь-ныхъ учрежденій ³⁾, долженъ былъ обладать извѣстнымъ имуществомъ

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3534, гл. XXXVI.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4449.

³⁾ Въ 1761 г. юнкеры допущены были и въ провинціальныя (остзейскія) при сутственныя мѣста (П. С. З., т. XV, № 11283, 1761 г. іюня 28-го).

нымъ цензомъ; въ сенатскую контору, напримѣръ, его принимали лишь въ томъ случаѣ, если у него было не менѣе сотни душъ крестьянъ; а для пріема въ коллегіи и канцеляріи надо было имѣть по крайней мѣрѣ 25 такихъ же душъ ¹⁾). Кандидаты въ юнкеры нерѣдко являлись не съ предпоследняго смотра, а изъ какой нибудь школы, напримѣръ, артиллерійской, навигацкой, гарнизонной или латинской. Во всякомъ случаѣ выборъ изъ нихъ тѣхъ, „которые явятся болѣе способны къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной“, производился сенатомъ; остальныхъ отсылали домой до истечения „урочныхъ лѣтъ“ ²⁾). Такимъ образомъ для поступленія въ „юнкеры“ нужно было удовлетворить не только имущественному, но и образовательному цензу.

Первоначально число юнкеровъ было крайне незначительнымъ, что объясняется главнымъ образомъ развитіемъ начала сословности въ образованіи, мѣшавшаго обученію дворянъ приказными дѣламъ наравнѣ съ дѣтми приказнослужителей, а также отвращеніемъ дворянства отъ гражданской службы, начинаемой съ самыхъ „нижнихъ дѣлъ“ подъ смотрѣніемъ какого нибудь повѣтчика или секретаря ³⁾). Хотя занятія подобнаго рода въ силу генеральнаго регламента не слѣдовало „фамиліямъ знатнымъ и шляхетству въ укоризну ставить, ибо кромѣ сего пути никто въ вышній градусъ и до министерскаго чина произведенъ быти не можетъ“, однако, четыре года спустя правительству пришлось сознаться въ томъ, что „по се время въ коллегіяхъ для вышеозначеннаго обученія изъ шляхетства мало что находится, а въ нѣкоторыхъ нѣтъ и по одному человѣку“. Поэтому вмѣсто прежняго пріема добровольно поступавшихъ въ коллегіи юнкеровъ, человѣкъ по 6—7 въ каждую, рѣшено было обратиться къ припудительнымъ мѣрамъ: въ 1724 г. сенатъ приказалъ „для произвожденія вышеозначеннаго по регламенту ученія выбрать изъ шляхетскихъ дѣтей изъ обрѣтающихся въ наукахъ въ академіяхъ сто человѣкъ“ и разослать ихъ въ коллегіи, въ каждую „по пропорціи“ ⁴⁾). Съ теченіемъ времени, однако, число юнкеровъ нѣсколько увеличи-

¹⁾ П. С. З., т. X, № 7201 (1787 г., марта 6-го).

²⁾ П. С. З., т. X, № 7171 (1787 года, февр. 9-го) и № 7182 (1787 г., февраля 19-го).

³⁾ „Приказные служители до нынѣ признаваемы въ самой подлости и отъ благороднаго дворянства всегда презираемы“ писали жители города Переяславля-Рязанскаго въ 1767 г. (С. Р. И. О., XCIII, 262).

⁴⁾ П. С. З., т. VII, № 4457 (1724 г. февр. 16-го).

лось и принудительныя мѣры стали излишними; уже съ 1740 года къ изученію приказныхъ дѣлъ опредѣлялись лишь такіе, которые „охотою пожелаютъ“. По указу 1752 г. января 20-го въ коллегіи принимали не болѣе 7, въ подчиненныя мѣста — по 4 человекъ юнкеровъ, при чемъ доступъ къ этимъ должностямъ открытъ былъ и тѣмъ изъ молодыхъ дворянъ, которые желали поступить сверхъ комплекта въ 35 человекъ, установленнаго указомъ 1724 г., титулярными юнкерами; такихъ лицъ оказалось въ разныхъ центральныхъ учрежденіяхъ въ 1757 г. не менѣе 30 человекъ ¹⁾. Дѣйствительные коллегіи юнкеры состояли въ „рангахъ“ (капральскомъ и сержантскомъ), при чемъ получали обыкновенно жалованье отъ 25 руб. въ годъ; титулярные, напротивъ, не имѣли еще чина и не пользовались правомъ на какой либо окладъ. Это различіе между юнкерами, установленное табелью о рангахъ, окончательно выяснено лишь указомъ 1752 г., что, можетъ быть, также свидѣтельствуешь объ увеличеніи числа молодыхъ дворянъ, желавшихъ посвятить себя гражданской службѣ ²⁾.

Юнкеровъ при поступленіи обязывали „указною присягой“ и передавали на попеченіе секретарей и повытчиковъ, которые также должны были дать подписку въ томъ, что они за юнкерами будутъ „имѣть прилежное смотрѣніе“; отъ времени до времени они подавали вѣдомости своему начальству о поведеніи и успѣхахъ порученныхъ имъ молодыхъ людей. Программа ихъ занятій, однако, не была точно опредѣлена. Развитие коллежскаго обученія можно усматривать въ постепенномъ выдѣленіи изъ него элементовъ общаго образованія, мало-по-малу пріобрѣтавшаго теоретическій характеръ ³⁾; но спеціально-юридическое образованіе юнкеровъ въ предѣлахъ разсматриваемаго періода все еще оставалось практическимъ. Юнкеры должны были обучаться „прилежному списыванію дѣлъ“, начиная съ „самыхъ нижнихъ“ ⁴⁾; иногда ихъ свидѣтельствовали также въ знаніи того, „что касается до праваго суда, торгамъ виѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи“... ⁵⁾. Въ позднѣйшихъ офи-

¹⁾ П. С. З., т. XI, № 8048; т. XIV, № 9928. Ср. ниже прим. 1-е на стр. 7.

²⁾ П. С. З., т. VI, № 8890 (1722 г. января 24-го) и т. XIV, № 9928 (1752 г. января 20-го).

³⁾ *М. Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, Яр., 1874, стр. 259—269.

⁴⁾ П. С. З., т. VI, № 3584, гл. XXXVI (1720 г. февр. 28-го) и т. XIV, № 9928 (1752 г. янв. 20-го).

⁵⁾ П. С. З., т. VI, № 8890, и. 13 (1722 г. янв. 24-го).

ціальныхъ актахъ встрѣчаются какъ бы намеки на обученіе юнкеровъ „приказному порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ: уложенія и протчаго“, то-есть, на ознакомленіе ихъ не только съ дѣлопроизводствомъ даннаго учрежденія, но и съ законоискусствомъ, нужнымъ для рѣшенія дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ. Въ дѣйствительности, однако, это обученіе едва ли не сводилось къ такому же „сочиненію юнкерами журналовъ и протоколовъ по разнымъ повытыямъ“, какое практиковалось и раньше ¹⁾; болѣе специальное образованіе получили лишь юнкеры, служившіе при иностранной коллегіи, при коммерцъ и мануфактуръ коллегіяхъ, бергъ-коллегіи съ монетною канцеляріей, а также при юстицъ и камеръ коллегіяхъ: лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, гдѣ дѣлопроизводство велось на нѣмецкомъ языкѣ; но и здѣсь оно, конечно, отличалось тѣмъ же практическимъ характеромъ ²⁾.

Занятія подобнаго рода не могли особенно интересовать студентовъ. Повыткики, довольно небрежно, впрочемъ, слѣдившіе за ихъ работами ³⁾, давали, поэтому, о большинствѣ изъ нихъ неблагоприятные отзывы. Докладывая сенату, что „они къ наукамъ прилежанія не имѣютъ и впредь безнадежны“. „За лѣность и гуляніе“ юнкеры подвергались строгимъ наказаніямъ. П. Тутолминъ, напримѣръ, послѣ трехлѣтняго пребыванія юнкеромъ въ одной изъ коллегій (1754 — 1757 гг.) все еще обучался письму, а „ко исправленію дѣлъ искусства и прилежности и хожденія не имѣлъ и по многимъ посылкамъ не являлся и произвожденія оказался недостойнымъ“. Поэтому „за неприлежность его къ дѣламъ и наукамъ и за самовольныя побѣжки въ деревню“, двадцатилѣтняго юнкера велѣно было по предложенію генераль прокурора „наказать при собраніи всѣхъ юнкеровъ жестоко розгами и обязать его подпискою, чтобы онъ впредь къ дѣламъ и наукамъ прилежность оказывалъ“.

Итакъ, хотя не многіе изъ русскихъ дворянъ первой половины XVIII вѣка и попадали въ „студенты“, „копіисты“ и вообще въ юнкеры по разнымъ учрежденіямъ, но относились къ своему дѣлу довольно небрежно, да и не могли въ подобнаго рода занятіяхъ при-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., Дѣла по герольдіи 1787 г., кн. 15, октяб., дѣло № 12.

²⁾ П. С. З., т. XI, № 8267 (1740 г. октяб. 20-го) и т. XIV, №№ 10267 и 10889 (1754 г. іюля 26-го и 1755 года апр. 3-го); т. XV, № 11288 (1761 года іюня 28-го).

³⁾ П. С. З., т. XIV, № 10172 (1754 г. января 12-го).

обрѣсти теоретическое образованіе: его не давало практическое обученіе дѣлопроизводству въ присутственныхъ мѣстахъ, введенное Петромъ Великимъ и просуществовавшее вплоть до 1763 г. Поэтому мѣткую характеристику приказныхъ людей, сдѣланную кн. М. Щербатовымъ, можно безъ большихъ преувеличеній отнести и къ юнкерамъ. „Возрими на отечество наше, писалъ князь въ своемъ сочиненіи о дворянствѣ: у насъ таковыя..., не имѣвъ.. воспитанія. ниже знавъ грамматику и логику, начинаютъ съ простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена въ списыванье и напояновеніе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятные на законы, но не искусные въ познаніи ихъ; не говорю уже коль много страстей и пороковъ, не бывъ ограждены ни воспитаніемъ, ни наукою, съ младенчества приобрѣтають“¹⁾. Подобнымъ же характеромъ отличалась юнкерская школа при сенатѣ, восстановленная въ 1797 г.; здѣсь „юридическіе предметы составляли малѣйшую часть преподаваемаго ученія“; лишь съ превращеніемъ этой школы въ училище правовѣдѣнія въ 1805 г., система обученія нѣсколько измѣнилась²⁾.

Кромѣ законоискусниковъ по обязанности, существовали, впрочемъ, законоискусники по призванію и по охотѣ; въ провинціи, напримѣръ, встрѣчались иногда „великіе юриспруденты, которымъ всѣ гражданскіе законы были свѣдомы и всѣ указы не трудно было пересчитать по пальцамъ“. Но эти лица занимались, повидимому, юриспруденціей въ виду склонности своей къ „ябедническимъ предпріятіямъ“. чѣмъ опредѣляется и самый характеръ ихъ знаній³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юстиціи, Дѣла во герольдіи, кн. 15 (1737 г. октября, № 12); кн. 18 (1740 г. іюля, № 10) и кн. 31 (1757 г. декабря, № 83). П. С. З., т. XIII, № 9797 (1750 г. сентября 12-го). А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 739. Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о дворянствѣ, въ Соб. соч., т. I, стб. 232—233.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17707 (1797 г. января 1-го); т. XXVIII, № 21860 (1805 г. августа 1-го). Самое производство въ коллегіи юнкеры было окончательно уничтожено лишь указомъ 2-го апрѣля 1811 г. (П. С. З., XXXI, № 24580). М. Сухомяковъ, Исторія Россійской академіи, т. VI, стр. 460—466: юнкерская школа 1797 г. при О. П. Козодавлевъ.

³⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 23, 156 и 225; т. II, стб. 600. Таковъ былъ для автора, М. П. Болотовъ. Кн. Дмитрій Павловичъ Цицановъ также считался „мужемъ въ Россійской юриспруденціи пренескуснымъ“ (Предуздомъ къ Начальн. основ. вѣсел. права Ф. Г. Диль теа, изд. 1794),

Недостаточность практическаго обученія молодыхъ людей, лишенныхъ всякаго общаго образованія, одному дѣлопроизводству разнымъ присутственнымъ мѣсть сознавалась самимъ правительствомъ: оно попыталось на ряду съ такимъ обученіемъ ввести преподаваніе права въ учебныхъ заведеніяхъ. Петръ Великій имѣлъ въ виду около 1715 года учредить въ Россіи „академію политики“, въ которой молодые люди могли бы ознакомиться съ юридическими науками¹⁾. Но этотъ проектъ остался безъ осуществленія, быть можетъ потому, что его составитель считалъ невозможнымъ учить одной юриспруденціи „понеже напрасно теряется время, когда не будетъ постановлено ученіе другихъ науковъ, которія суть фундаментъ политики“²⁾. Нѣсколько позднѣе сдѣланы были новыя попытки основать спеціальныя учебныя заведенія для образованія русскихъ юристовъ. Но школа подьячихъ, „учиненная“ въ 1721 г., сообщала дѣтямъ приказныхъ служителей, поступавшимъ въ нее, одни практическія свѣдѣнія, нужныя для дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ³⁾. Такой же характеръ должна была приобрести и „краткая школа для изученія гражданскихъ (и экономическихъ) дѣлъ“, которую въ силу инструкціи герольдмейстеру 1722 года предписано было учредить въ С.-Петербургѣ для дворянскихъ дѣтей⁴⁾. Ни то, ни другое учрежденіе не имѣло успѣха: обученіе дьяческихъ и подьяческихъ дѣтей „приказнымъ дѣламъ“ едва ли утвердилось и получило надлежащее распространеніе, а „краткая школа“ никогда не была учреждена⁵⁾.

¹⁾ Понятіе „политики“ въ то время, вѣроятно, было болѣе обширнымъ, чѣмъ теперь; въ Московскомъ университетѣ въ концѣ прошлаго вѣка подъ „политикой“ разумѣли „законодательство, правленіе и экономію политическую“ (*И. Тимковский*, Памятникъ И. И. Шувалову, въ *Московскихъ* за 1851 г., ч. III, стр. 25).

²⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Госуд. Дрелехр., отд. V, Карт. 2, л. № 2.

³⁾ П. С. З., т. VI, № 3845. Въ эту школу могли поступать и солдатскія дѣтя, которыхъ продолжали, однако, причислять къ военному сословію; ср. *М. Владимірскаго-Буданова*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, Ярославль, 1874 г., стр. 121.

⁴⁾ П. С. З., т. VI, № 8896.

⁵⁾ *М. Владимірскаго-Буданова*, *Op. cit.*, стр. 174—175. Въ указѣ отъ 20 іюня 1744 г. сенатъ безуспѣшно настаивалъ на обученіи дѣтей „приказнымъ дѣламъ“ (П. С. З., т. XII, № 8975); въ 1755 г. требовалъ справки о томъ, существуютъ ли гдѣ нибудь такія школы. Кн. М. Щербатовъ въ своихъ примѣчаніяхъ на инструкцію герольдмейстеру (6 февраля 1722 г.) прямо замѣчаетъ, что „сей школы (при конторѣ) никогда учреждено не было“ (Имп. Публ. Библ., Эрмитаж. библ. № 572).

Неудача въ учрежденіи спеціально-юридическихъ школъ въ числѣ другихъ причинъ отвратила, можетъ быть, правительство отъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ томъ же направленіи; вмѣсто того оно попыталось ввести преподаваніе права въ учебныя заведенія, не предназначенныя исключительно для юридическаго образованія, и этимъ путемъ думало, вѣроятно, избѣгнуть ошибки, сдѣланной при составленіи проекта 1715 года. Такимъ характеромъ отличалась, напримеръ, реформа, произведенная въ кадетскомъ корпусѣ. Со времени его основанія здѣсь читали юриспруденцію, то-есть права: натуральное и, вѣроятно, гражданское, а также и прочія политическія науки: спеціальное преподаваніе ихъ усилено въ 1740 году. Еще позднѣе, указомъ отъ 21-го сентября 1748 года, кадетамъ, уже получившимъ звѣстное пригатовительное образованіе и готовящимся къ гражданской службѣ, велѣно было читать по два дня въ недѣлю уложеніе, генеральный регламентъ „и прочіе, подлежащія къ знанію гражданскихъ правъ уставы, регламенты и указы“¹⁾. Но такое обученіе все же отличалось скорѣе практическимъ характеромъ. Впрочемъ, въ новомъ уставѣ шляхетнаго сухопутнаго корпуса въ числѣ наукъ, которыя должно было преподавать его ученикамъ, упомянуты права: естественное, всенародныя и государственныя, а также экономія государственная²⁾, тогда какъ въ морскомъ корпусѣ въ то же время давались уроки по „политикѣ“. Тѣмъ не менѣе начальные курсы по „юриспруденціи“, въ составъ которой съ теченіемъ времени стало, повидимому, входить и гражданское право³⁾, а также „прочимъ политическимъ наукамъ“ въ корпусахъ, принимавшихъ сравнительно очень небольшое число воспитанниковъ, не замѣняли, конечно, спеціальныхъ заведеній, въ которыхъ учащіяся могли бы получить юридическое образованіе⁴⁾; притомъ довольно безпорядочныя лекціи про-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 5915; т. XII, № 9532.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12741.

³⁾ Докладъ гр. де Бальмена въ комиссіи 1784 г. см. *сп. Д. Толстой*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 85. Въ 1792 году изъ числа предметовъ, читаемыхъ въ корпусѣ, былъ исключенъ курсъ гражданского права (*В. Веселая*, Очеркъ исторіи морскаго корпуса и пр., С.-Пб. 1852 г., стр. 154).

⁴⁾ Въ 1783 г. лишь 4,5% изъ всего числа русскихъ кадетовъ слушали курсы по юриспруденціи (*О. Соловьевъ*, Исторія Россіи, XX, 1456). Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло въ царствованіе императрицы Елисаветы (*О. Соловьевъ*, Исторія Россіи, XXII, 577); ср. *Лихара*, Письма къ князю Б. А. Куракину въ Русской Старинѣ за 1878 г., т. XXII, стр. 58.

фессоровъ, чтеніе которыхъ иногда отлагалось съ года на годъ¹⁾ и состояло въ изложеніи малоповытныхъ теорій общаго права въ всякой связи съ живою русскою дѣйствительностью, не могли возбуждать большаго интереса въ слушателяхъ²⁾. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени занимались, кромѣ того, переводомъ и комментированіемъ русскихъ или иностранныхъ газетъ, что съ перваго взгляда можно было бы признать своего рода средствомъ для политическаго образованія. Но эти занятія устраивались обыкновенно школьнымъ начальствомъ для обученія ввѣренныхъ ему воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ; при такихъ условіяхъ ученики получали лишь крайне скудныя, случайныя и поверхностныя свѣдѣнія о политикѣ, не имѣвшія большаго значенія въ дѣлѣ ознакомленія ихъ съ юридическими науками³⁾. Такимъ образомъ, кадетскій корпусъ былъ единственнымъ училищемъ, въ которомъ возможно было ознакомиться съ теоретическими основаніями современнаго права и „политики“.

Попытка ввести преподаваніе юридическихъ наукъ въ высшую школу съ общеобразовательнымъ курсомъ не профессиональнаго характера оказалась еще менѣе удачною. Уже въ 1724 году въ будущемъ академическомъ университетѣ предположено было между прочимъ учредить кафедру „права природы и публичнаго купно съ политикою и этикою“⁴⁾; лишь гораздо позднѣе во время завѣдыванія своего университетомъ (1758—1765 г.) Ломоносовъ подраздѣлилъ его

¹⁾ Гр. Д. Толстой, *Op. cit.*, стр. 35—36.

²⁾ Такъ наприимѣръ, извѣстный трактатъ Штрубе де Пирмона подъ заглавіемъ: „Introduction à la jurisprudence naturelle, 1767“ написанъ былъ имъ спеціально для преподаванія въ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Обычай этотъ существовалъ въ петербургскомъ пансіонѣ Ферре (*Д. Боломоовъ*, Жизнь и приключенія, I, 107) и въ гимназіи при московскомъ университетѣ (*С. Шевыревъ*, *Ист. Моск. унив.* стр. 48), введенъ былъ и въ университетское преподаваніе (*ib.*, стр. 188). Его придерживались также при воспитаніи цесаревича Павла (*С. Порошинъ*, *Записки*, стб. 40, стр. 126 и 261). Академикъ Бекенштейнъ на своемъ публичномъ курсѣ при Академіи прибѣгалъ къ чтенію вѣдомостей „вѣроятно для объясненія генеалогической исторіи владѣтельныхъ домовъ“ (*М. Владимірскій-Будановъ*, *op. cit.*, стр. 186). Кн. М. Щербатовъ совѣтовалъ читать „вѣдомости“ для практическаго упражненія въ географіи (*кн. М. Щербатовъ*, *О способахъ преподавать разныя науки*, въ *Имп. Публ. Библ. Эрмитаж. библ.*, № 128, л. 54).

⁴⁾ П. С. З., т. VII, № 4448 (1724 г. января 28); ср. регламентъ академіи 1725 г. въ *Лѣт. рус. лѣт.*, ч. V, отд. III, стр. 7.

на три факультета, однимъ изъ которыхъ оказался юридическій ¹⁾. Но академики: Бекенштейнъ, „не имѣвшій о русскомъ правѣ никакого свѣдѣнія“, и Штрубе, читавшій права: натуральное и народное ²⁾ едва ли находили достаточное количество слушателей: несмотря на старанія академій привлечь студентовъ не только изъ академической гимназій, иногда по нѣскольку лѣтъ сряду не выпускавшей ни одного ученика въ студенты, но и изъ другихъ учреждений, какъ то: кадетскаго корпуса и семинарій, число ихъ было очень незначительнымъ по количеству и по качеству: при Ломоносовѣ университетѣ не брезгали даже „солдатскими дѣтьми“, а княгиня Дашкова застала въ немъ всего два студента; они должны были „упражняться на дому“ у княгини въ „письмѣ и переводахъ“, а также выполнять „разныя канцелярскія порученія“ ³⁾. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ лекціи иногда не могли состояться, какъ по небрежности профессоровъ, такъ и по недостатку въ студентахъ ⁴⁾; но и въ противномъ случаѣ результаты подобнаго рода занятій были, вѣроятно, довольно сомнительнаго свойства. Наконецъ и публичныя лекціи Бекенштейна, а также Штрубе по натуральному и народному праву едва ли имѣли успѣхъ ⁵⁾.

Какъ видно, и эта попытка ввести теоретическое преподаваніе права въ систему высшаго и общаго образованія, свободнаго отъ принудительности, не можетъ быть названа удачною: она не могла привести къ плодотворнымъ результатамъ въ виду того, что связанная съ нею система не находила еще прочныхъ основаній въ средней школѣ и должна была уступить первое мѣсто профессиональному образованію, прохожденіе котораго доставляло молодымъ людямъ служебныя преимущества.

¹⁾ *Гр. Д. Толстой*, Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 54.

²⁾ Въ 1757 г. канцелярія Академій требовала, чтобы Штрубе читалъ натуральное право „вмѣсто гражданскаго“. Позднѣе, можетъ быть, Козицкій замѣнилъ Штрубе; см. *гр. Д. Толстой*, *Op. cit.*, *ibid.*, стр. 46 и 55.

³⁾ *Гр. Д. Толстой*, *Op. cit.*, стр. 56 и 61; *Ею же*, Академическая гимназія и пр., *ib.*, стр. 46.

⁴⁾ *Гр. Д. Толстой* *Op. cit.*, стр. 3, 4, 7, 14, 21, 30, 36, 42, 45, 47, 67. *Ею же*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи, *ibid.*, стр. 9, 11, 12.

⁵⁾ Бекенштейнъ дважды прочелъ курсъ по „*instituciones juris*“, по „*jus publicum imperii germanici*“ и „*introductio ad praxin forensem*“. Штрубе кромѣ публичнаго курса читалъ приватнымъ по государственному и международному праву (*И. Пекарскій*, *Ист. академій наукъ*, т. I, стр. 326, 328, 337, 359, 360, 677—678).

Каково бы ни было юридическое образованіе, предлагаемое въ перечисленныхъ выше учебныхъ заведеніяхъ, его, во всякомъ случаѣ, получали немногіе. Судя по сказкамъ 1759—1761 гг., напримѣръ, лишь самый незначительный процентъ молодыхъ дворянъ попадалъ въ такія учрежденія, какъ кадетскій корпусъ или университетъ, гдѣ в поддѣе на юридическомъ факультетѣ оказывалось иногда (въ 1765 г.) по одному студенту. Большинство же недорослей поступало въ артиллерійскую школу и рѣже въ морской корпусъ; еще менѣе ихъ приходилось на долю инженернаго корпуса и школъ: морской и гарнизонной. Ученики всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній не получали, конечно, никакого историческаго и юридическаго образованія¹⁾.

Нельзя не замѣтить, при этомъ, что за исключеніемъ немногихъ представителей русскаго общества эпохи реформъ, настаивавшихъ на его необходимости²⁾, остальные, вѣроятно, были еще слишкомъ

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц., Книги герольдмейстерской конторы: №№ 51, 52, 53, 54, 55 и 56. *М. Дамиловъ*, Записки, стр. 53. Въ кадетскій корпусъ по словамъ *И. Шувалова* поступали одни бѣдные дворяне (Бумаги *И. Шувалова* въ *Рус. Арх.* за 1867 г., стб. 70). Объ университетѣ см. *С. Шевырѣва*, *Ист. Моск. ун-в.*, стр. 132. — Въ 1763 г. у Дилтея училось 7 человекъ; въ 1767 г. послѣ того, какъ 18 студентовъ взято было изъ университета въ комиссію о составленіи проекта Новаго Уложенія, ихъ осталось на юридическомъ факультетѣ всего четверо (*Ibid.*, стр. 76 и 166). Ср. *С. Р. Н. О.*, XXXII, 434; XLIII, 4, 8 и 371. — Академикъ *Фишеръ* называлъ русскихъ дворянъ „невѣждами и неучью“ (*Гр. Д. Толстой*, Академическій университетъ и пр. въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 52). Припоминая известнѣйшій разказъ *Д. фонъ Визина* о поспѣшности, съ какою отецъ его отдалъ сыновей въ университетъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что старикъ *И. фонъ Визинъ* „былъ не въ состояніи нанимать для дѣтей учителей для иностранныхъ языковъ“ (*Д. фонъ Визинъ*, Чистосердечное признаніе, въ „Сочиненіяхъ“, 3 изд. *А. Смирдина*, С.-Пб. 1852 г., стр. 498; ср. стр. 505).

²⁾ Составитель предисловія къ русскому переводу „зведенія въ госторію Европейскую С. Пуффендорфія“ (С.-Пб. 1718 г., стр. 5) іером. преф. *Газаринъ* писалъ, напримѣръ, слѣдующее: „Лсно всѣмъ, аки перстомъ показуя, яко неизреченную пользу необъятнѣ пожитокъ всѣмъ при кормлѣ правленія сидящимъ и онаго же отъ младыхъ ногтегъ приобучающимся чтеніе и разумѣніе историческое содѣлываетъ“. Это общее положеніе доказывается множествомъ примѣровъ и выписокъ на стр. 5—7 того же труда.—Ср. *И. Посошковъ*, *Соч.*, изд. *М. Погодинъ*, М., 1842 г., I, 175—176. *В. Татищевъ*, *Разсужденіе о ревизіи и о бѣглыхъ* въ соч. *Н. Попова*: *Татищевъ и его время*, прил., стр. 719 и 771—772; примѣч. къ Судеб., *ibid.*, стр. 785. *Кн. А. Кантемиръ* въ *И. Р. О. Соловьева*, т. XVIII, 187. *А. Волыскій*, *Проектъ въ ст. Д. Корсакова*: *А. П. Волыскій въ Дрен. и Нов. Рос.*, 1877 г., № 8, стр. 292. *Гр. Остерманъ*, *Представленіе и проч. въ Нам. Нов. Рус. Ист.*, т. III, стр. 261 и др.; см. также указы этого времени въ *П. С. З. passim*.

мало подготовлены къ воспріятію отвлеченныхъ ученій о правѣ, выработанныхъ западно-европейскою наукою, и оказывались не способными ни пополнить пробѣлы школьнаго образованія, ни исправить его недостатки ¹⁾. Такимъ образомъ, лица, не побывавшія въ одной изъ выше перечисленныхъ школъ, оказывались въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ лишенными всякихъ теоретическихъ знаній, хотя бы и самыхъ элементарныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ основаній предполагать чтобы, въ низшихъ классахъ населенія, кромѣ дворянскаго, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія образованіе стояло выше того уровня, на какомъ оно держалось среди дворянства ²⁾. А между тѣмъ многіе изъ дворянъ конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка не умѣли еще ни читать, ни писать. Судя по сказкамъ недорослей, явившихся въ герольдію на смотръ 1761 года, и дворянскимъ наказамъ 1767 г., число такихъ лицъ колебалось между 2,9% и 17,0%, такъ что среднее количество дворянъ, лишенныхъ первоначальнаго образованія, можетъ быть не выходило за указанные предѣлы ³⁾. При этомъ многіе дворяне, конечно, кромѣ

¹⁾ И. Посошковъ въ наставленіяхъ сыну о „мірскомъ житіи приказномъ“ ни одного слова не говоритъ о необходимости теоретическаго образованія, нужнаго для отпращенія приказной должности (*И. Посошковъ, Записаніе отеческое*, изд. Е. Прилежаева, С.-Пб. 1893 г., стр. 172—206).

²⁾ С. Р. И. О., XLIII, 268 и 350; LXVIII, 517. „Кулцы, писавъ новгородскій губернаторъ Сиверъ императрицѣ, сами безъ воспитанія были, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ“. (*С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 411*). Въ 1765 г. Г. Н. Тенловъ, специалистъ по вопросамъ о русской коммерціи, весьма неблагопріятно отзывался о ней (*С. Порошинъ, Записки*, стб. 397). Главный магистратъ въ 1767 г. признавалъ дворянъ за людей „болѣе свѣдущихъ законы, нежели купечество“ (*С. Р. И. О., XLIII, 253*). Таковъ же отзывъ кн. М. Щербатова (*Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще* въ Соб. соч., изд. подъ ред. Н. Хрущова, т. I, С.-Пб. 1896 г., стб. 402). Вышесказанное не противорѣчитъ замѣчанію, сдѣланному въ предисловіи къ 8-му, 4-му и 6-му изданіямъ Живописца объ охотѣ мѣщанъ къ чтенію русскихъ книгъ: оно относится къ нѣсколькимъ позднѣйшему времени и имѣетъ въ виду такія книги, какъ „Юности честное зерцало“, „Синоисенъ“, „Троянскую исторію“ и т. п.

³⁾ Отдѣльные примѣры и неопредѣленные свѣдѣнія см. хотя бы въ слѣдующихъ источникахъ: *А. Болотоеъ, Жизнь и приключенія*, т. I, стб. 155 и т. II, стб. 442; *С. Р. И. О., IV, 468; XIV, 442 и 495, LXVIII, 658; XCIII, 420 и 560.*—Болѣе точныя указанія собраны въ приложеніи I.

самаго элементарнаго образованія „ничему ученые не были“¹⁾. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ среди представителей русскаго общества, собравшихся въ комиссію о составленіи проекта новаго уложенія, многіе еще обнаруживали отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній по части русскаго законодательства²⁾ и очень мало были знакомы съ общими началами права.

За недостаткомъ русскихъ оригинальныхъ сочиненій по исторіи и догмѣмъ отечественнаго права, изученіе русскими дѣятелями „корпуса правъ Іустиніановыхъ“, а также трудовъ Юста Липсіа, Гуго Гроціа, Пуффендорфа, Томазіа и другихъ могло бы нѣсколько пополнить пробѣлы школьнаго преподаванія³⁾. Эти книги дѣйствительно попадались въ нѣкоторыхъ изъ библіотекъ того времени; ихъ можно было

¹⁾ *М. Даниловъ*, Записки, М. 1842 г., стр. 26, 38—44. *А. Болотовъ*, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 212; т. II, стб. 355, 356 и 359. *Трунтъ* 1769 года, стр. 50, 125; *Жизнисенъ*, ч. 1, изд. 2-е, стр. 128—130. *И то и сѣ*, Нед. 42 и др.

²⁾ С. Р. И. О., IV, 81, 218 и 391; VIII, 246, 296—299, 313, 321 и 378, XIV, 64, 180—181, 213 и 492; XXXII, 383; LXVIII, 633.

³⁾ Въ силу указа 11-го іюня 1718 года академія должна была между прочимъ заботиться о переводѣ книгъ по присяруденціи (П. С. З., т. V, № 3208). Сочиненіе Юста Липсіа (*Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*, 1659) переведено на русскій языкъ іер. Кохановскимъ въ 1721 г.; его „увѣщанія и приклады политическіе и проч.“ ходили во многихъ спискахъ, но, повидному, не были изданы. Трудъ Гуго Гроціа (*De jure belli ac pacis libri III*, 1625) былъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „О законахъ брани и мира три книги“ въ первой четверти XVIII столѣтія; въ 1757 г., Волчковъ снова принялся за переводъ того же сочиненія (С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 268). Быть можетъ это тотъ же Волчковъ, о которомъ упоминаетъ А. Болотовъ въ запискахъ (Жизнь и приключенія, т. II, стб. 210). Далѣе *Puffendorf's Einleitung zur Historie der vornehmsten Staaten in Europa* въ переводѣ Г. Бужинскаго выдержала два изданія (1718 и 1724 г.) и еще разъ переведена была Б. Волковымъ съ примѣчаніями и политическими разсужденіями (изд. 1767—1777 г.). На русскомъ языкѣ можно было читать и другія сочиненія С. Пуффендорфа, напримѣръ, „О законахъ естества и народовъ“ книги 2, 3, 6 и 7 (*De jure naturae et gentium libri VIII*, 1672) и „о должностяхъ человека и гражданина“ (*De officiis hominis et civis*, 1673); послѣдняя книга была переведена Іосифомъ Кречетовскимъ (или Кречетовымъ) къ началу 1724 года. (См. вообще *И. Пекарскаю* Наука и Лит., I, 138, 213, 219, 255—256, 324—326 и II, 437—438. *И. Чистовичъ*, Теофанъ Прокоповичъ и его время, Спб., 1868 г., стр. 329—330). Русскіе переводы работъ Томазіа (*Fundamenta juris naturae et gentium*, 1605) не попадались В. Сопикову, А. Смирдину и П. Пекарскому. Кромѣ указанныхъ въ текстѣ, извѣстны были, конечно, и другія сочиненія, напримѣръ, труды Макиавелли, Бесселя, Бекмана, Фельвлингера и Вервуллиа, а также словарь Морери.

найти, напримѣръ, у Ѳ. Прокоповича и Ѳ. Яновскаго ¹⁾, гр. Я. В. Брюса ²⁾ и гр. А. А. Матвѣева ³⁾, кн. Д. Голицына ⁴⁾ и А. П. Волынскаго ⁵⁾, а также въ кабинетѣ В. Н. Татищева ⁶⁾; въ нихъ иногда заглядывали владѣльцы перечисленныхъ хранилищъ или ближайшіе ихъ друзья. Но все же капитальныя произведенія западно-европейской литературы не находили достаточно обширнаго круга читателей, способныхъ самостоятельно отнестись къ ихъ содержанію ⁷⁾: пользованіе такими сочиненіями оказывалось не по силамъ для большинства русскихъ людей и неспособно было замѣнить, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, образованіе, получаемое немногими изъ нихъ въ школахъ.

Реформа юридическаго образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка, какъ видно, не могла еще привести къ плодотворнымъ результатамъ: отличаясь значительною поверхностностью, она не встрѣчала и въ русскомъ обществѣ достаточной подготовки для того, чтобы воспринять и исправить ее.

¹⁾ Въ библиотекѣ Ѳ. Прокоповича было до 512 юридическихъ сочиненій (Н. Бокачевъ, Описи рус. библиотекъ, Сиб. 1890, № 435. Ср. И. Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 652). Собраніе Ѳ. Яновскаго—одна изъ наиболѣе полныхъ юридическихъ библиотекъ первой четверти XVIII столѣтія. См. Россійскую библиографію Гартъе, 1880 г., № 55, стр. 100—102.

²⁾ Лѣт. Рус. Лиг., ч. I, стр. 28—56. Въ библиотекѣ гр. Я. В. Брюса, конечно, большинство книгъ не юридическаго содержанія: встрѣчаются только труды Гоббеса, Локка и Пуффендорфа.

³⁾ Лѣт. Рус. Лиг., ч. V, стр. 57—80. Въ числѣ книгъ гр. А. А. Матвѣева встрѣчаются еще и другія, напримѣръ, соч. Домъ и словарь Морери.

⁴⁾ К. Калайдовичъ и П. Строевъ, Описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Ѳ. Толстова, стр. XXVII—XXVIII. Свѣдѣнія о библиотекѣ кн. Д. М. Голицына не полны (см. В. Татищева, Ист. Рос., ч. I, стр. 62). Описъ части библиотекъ см. въ Матеріалахъ для исторіи Имп. академіи наукъ, т. IV, Сиб. 1887 г., стр. 178—190. Здѣсь между прочимъ встрѣчается и рукописный переводъ сочиненія Локка „о правленіи гражданскомъ“.

⁵⁾ Д. Короковъ, А. П. Волынский въ Дрезд. и Нов. Рос., 1877 г. №, 8, стр. 288.

⁶⁾ Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, стр. 431—433.

⁷⁾ „Было-бы одинаково смѣшно, писалъ Д. Макартней 22-го февраля 1766 г., цитировать Кларка и Шиллотсона передъ константинопольскимъ диваномъ, какъ ссылаться въ разговорѣ съ русскими министрами на авторитетъ Гуго Гроціуса или Пуффендорфа“. (Рус. Стар., 1896 г., № 2, стр. 411). Отказы Д. Макартнея, впрочемъ, отлмчаются иногда чрезмѣрною рѣзкостью. Такіе люди, какъ Добрынинъ, хотя и читали кое-что, но почти незнакомы были съ интересующею насъ литературой (Г. Добрынинъ, Записки въ Рус. Стар., т. IV, стр. 112, 135, 183, 313, 359, 365 и 367). А. Болотовъ также въ этомъ отношеніи едва ли пошелъ дальше Добрынина.

II. Пробужденіе общественнаго интереса къ изученію права вообще и національнаго законодательства въ частности во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Нельзя сказать, однако, чтобы во второй половинѣ XVIII столѣтія русскіе люди не чувствовали никакой потребности въ болѣе широко теоретическомъ образованіи. Составители наказовъ 1767 года, напримѣръ, иногда извинялись передъ правительствомъ „за ту непорядочность и разсѣянность, какая по непривычкѣ ихъ въ семь упражненіи окажется во всеобщемъ ихъ прошеніи, принадлежащемъ до многихъ частей въ поправленіи“: а въ другихъ случаяхъ высказывали общее положеніе, въ силу котораго „каждое дѣло желающій и имѣющій знаніе и склонность, дѣйствительнѣе съ успѣхомъ исполнять можетъ, предъ невѣдомымъ и неимѣющимъ понятія“¹⁾. Поэтому, многіе изъ депутатовъ требовали устройства разнаго рода учебныхъ заведеній по многимъ городамъ имперіи, а члены „комиссіи объ училищахъ“ составляли любопытный проектъ о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія²⁾. Охота къ чтенію также видимо стала крѣпнуть³⁾.

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 412 (наказъ отъ Тульского дворянства); VIII, 580 (наказъ отъ Дѣдловова дворянства, ст. 14); XIV, 56; XIV, 376 (наказъ отъ Псковскаго дворянства, ст. 1). Любопытно въ этомъ отношеніи писмо Вильбоа къ А. И. Бибикову по поводу избранія его, А. Вильбоа, въ члены частной комиссіи о разсмотрѣніи юстиціи. „Долгъ искренности моей есть, писалъ онъ маршалу, Вашему Превосходительству объявить, что себя къ тому способнымъ или полезнымъ отнюдь не нахожу; изъясненіе толь меньше сумнительное, сколь мнѣ не величательное. Я, никогда не бывъ въ случаѣ обучить юриспруденцію и познать разныя роды правовъ, слѣдственно свидѣтельствовать и распорядить оныя искуснымъ быть не могу (Арх. Госуд. Сов., К. О., № 132, 1767 г. октяб. 1, дѣла част. ком., № 17). „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ, не всѣ такъ добросовѣстно относились къ своему дѣлу, какъ Вильбоа“ (*В. Сергѣевичъ, Откуда неудача Екатерининской законодательной комиссіи?*, въ *В. Е.*, 1878 г., № 1, стр. 228). Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что приведенное выше писмо написано какъ разъ въ то время, когда между представителями остзейскихъ провинцій и русскими депутатами произошли разногласія по поводу привилегій остзейскаго дворянства (С. Р. И. О., IV, 220—221). Къ такому же способу дѣйствія лифляндское дворянство прибѣгло при выборѣ предводителя дворянства въ 1769 году (*С. Соловьевъ, И. Р.*, XXIX, 1004).

²⁾ С. Р. И. О., т. г. IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII и XCIII, разнш. Замѣчательные проекты по учебной части, выработанные частною комиссіей объ училищахъ и храняемые нынѣ въ Арх. Госуд. Сов., наложены гр. *Д. Толстымъ* въ соч.: *Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 года* въ Сб. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 63—78.

³⁾ *И. Неплюевъ, Записки, изд. 1893 г., стр. 180. А. Болотовъ, Жизнь и приключенія*

Подобное настроеніе благоприятствовало насажденію образованія въ Россіи. Мысль о томъ, что безъ просвѣщенія вообще и юридическаго образованія въ частности нельзя пользоваться и „вольностями“, становилась общимъ мѣстомъ въ преніяхъ, происходившихъ между членами комиссіи 1767 г. и, можетъ быть, еще болѣе окрѣпла благодаря ея дѣятельности. „До тѣхъ поръ“ писалъ, напримѣръ, одинъ изъ депутатовъ, „пока просвѣщеніе и познаніе въ самыхъ младыхъ лѣтахъ чрезъ приличныя каждому роду наставленія распространено и какъ разумъ, такъ и нравы простаго народа подобно знатному просвѣщены и поправлены не будутъ, мы и никакого сущаго и полезнаго отъ всѣхъ устанавливаемыхъ законовъ и учрежденій, вольностей и преимуществъ ожидать не можемъ“¹⁾. Другіе утверждали, что достоинъ пользоваться вольностью и собственностью лишь тотъ, кто выйдетъ изъ тьмы невѣжества и что „просвѣщеніе показываетъ намъ между прочимъ долгъ къ обществу“²⁾; третьи разсуждали о томъ, какъ наука порождаетъ соблюденіе законовъ³⁾.

Потребность въ общемъ юридическомъ образованіи могла, конечно, нѣсколько развиться и подъ вліяніемъ такихъ фактовъ, какъ составленіе „кондицій“ 1730 года или проекта 1762 года о государственномъ совѣтѣ; но она все еще очень слабо сказывалась въ небольшомъ кружкѣ лицъ до тѣхъ поръ, пока не получила болѣе широкаго распространенія и не опредѣлилась подъ вліяніемъ перемѣнъ,

ченія: т. I, стб. 700, 814, 961; 741, 878, 815—828, 862—863, 895, 897, 959, 981; 877, 878, 972, 985, 998; т. II, ст. 35, 148, 159, 297, 357, 388, 409, 443, 555, 577, 584, 605; т. III, 1087; 186, 678 и 927; т. IV, 1132; 129, 795 и 808, а также многія другія. Г. Добрынинъ, Записки въ Рус. Стар. за 1871 г., т. IV, стр. 341. Д. фонъ Визинъ, Чистосердечное признаніе въ Сочиненіяхъ, изд. 3 А. Смирдина, Спб. 1852, стр. 490. С. Р. И. О., IV, 151; 179—180 и 381; VIII, 349 и 401.—П. С. З., т. XVI, стр. 749, ст. 11; т. XVII, стр. 969, ст. 10; т. XIX, стр. 678, ст. 8.—Живописецъ, предисловіе къ 3, 4 и 5 изданіямъ. И. Хемницеръ, Памятная книжка въ Рус. Стар. за 1872 г., т. V, стр. 616.—Д. Казанова, Записки въ Рус. Стар. за 1874 г., т. IX, стр. 540—541.—Донесеніе рижской цензуры о степени распространенности сочиненій Вольтера и Руссо въ Рус. Стар. за 1875 г., т. XIV, стр. 457—458. С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 180.

¹⁾ Д. Реннекампафъ, Мнѣніе на проектъ правъ благородныхъ въ С. Р. И. О., XXXVI, 413.

²⁾ С. Р. И. О., XXXII, 457 (мнѣніе депутата отъ Серпейскаго дворянства графа Строганова); XXXII, 521 (мнѣніе депутата отъ Клинскаго дворянства П. Орлова).

³⁾ С. Р. И. О., XIV, 117 (мнѣніе депутата отъ Уфимскаго казачьяго войска Прокофія Бурцова).

происшедшихъ въ общественномъ строѣ Россіи за XVIII вѣкъ, и благодаря просвѣтительнымъ началамъ внутренней политики императрицы Екатерины II въ первые годы ея царствованія.

Съ точки зрѣнія личныхъ и имущественныхъ правъ знанія по части юриспруденціи казались необходимыми для каждаго. „Граждане, писалъ Шаденъ, при множествѣ законовъ (и при отсутствіи какого-либо, хотя бы внѣшнимъ образомъ объединяющаго ихъ справочнаго пособія) по развлеченіи мыслей и по разсыпаніи вниманія союзы свои съ гражданствомъ и состояніе свое теряютъ, откуда происходитъ множество тяжбъ и самая погильбѣ общества, если бы не было опое соблюдаемо другими средствами“¹⁾. Знаніе законовъ могло, по мнѣнію нѣкоторыхъ, устранить многія изъ такихъ послѣдствій. На это уже указывалъ В. Н. Татищевъ, совѣтовавшій „съ младенчества“ учить „главныя должности изъ законовъ“ и „форму суда“²⁾. „Познаніе свято почитаемихъ законовъ, говорилъ одинъ изъ членовъ комиссіи 1767 года, на ряду съ прочими знаніями въ сердцѣ всякаго изъ смертныхъ внушить и впечатлѣть надлежитъ. А сего пріязнаго и неоцѣннаго дара благоденствіе любезнаго отечества, гласъ усердныхъ гражданъ и польза всякаго, просвѣтитъ себя хотящаго, требуютъ“³⁾. Гораздо яснѣе тѣ же мысли формулировалъ исторіографъ кн. М. Щербатовъ и наши юристы: Десницкій и Полюновъ. Взгляды ихъ по этому вопросу состоятъ въ слѣдующемъ. „Справедливо разумѣемая свобода всякаго гражданина, живущаго въ подзаконномъ обществѣ, состоятъ въ правѣ дѣлать все то, что дозволено закономъ, а для этого знаніе закона — необходимо“. Но не въ этой одной возможности превращать объективное право въ субъективное состоятъ польза юридическихъ знаній: они имѣютъ значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Познаніе законовъ открываетъ возможность каждому „другимъ не дать воспользоваться своимъ невѣдѣніемъ, да и самому по невѣдѣнію не впасть въ проступокъ“; въ самомъ дѣлѣ, „во всякомъ благоустроенномъ правленіи, выключая немпогихъ, никому почти не дозволяется въ законопреступленіяхъ оправдывать себя незнаніемъ закона“); слѣдовательно, всякъ вообще

¹⁾ *Schaden*, De anima legum, 1767, русск. пер., стр. 25—26.

²⁾ В. Татищевъ, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, стр. 153—154.

³⁾ С. Р. И. О., VIII, 557 и XXXII, 453 (мнѣніе депутата отъ нахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи И. Жеребцова); XLIII, 357 (наказъ отъ Главной Полиціи, ст. 374); П. С. З., т. XVII, № 12741.

⁴⁾ Эта точка зрѣнія уже ясно выражена во многихъ изъ указовъ начала XVIII вѣка; ссылки собраны Э. Горюхинымъ, Op. cit., т. I, стр. 16—23.

обязуется знать законъ свой, дабы и неумышленнымъ посползновеніемъ противъ онаго не подвергнуть себя его истязанію¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ такая предосторожность казалась тѣмъ болѣе необходимою, что „каждый по уголовному дѣлу обвиняемый человѣкъ не имѣлъ права взять“ стряпчаго или совѣтника, который бы могъ спомоществовать ему оправдаться²⁾. Вообще каждому „необходимо нужно стараться получить познаніе о законахъ отечества своего, ибо, живъ въ отечествѣ своемъ, необходимо нужно знать, какими законами [онъ] обязанъ къ обществу и къ частнымъ людямъ, какія за преступленіе оныхъ налагаются наказанія, какіе права имѣеть человѣкъ на владѣніе своей собственности и какъ отъ похитителей оную можетъ зацѣпить или самъ несправедливымъ образомъ похитителемъ не учиниться“³⁾.

Итакъ, элементарныя знанія въ области національнаго права, по мнѣнію нашихъ юристовъ второй половины XVIII вѣка, необходимы всякому гражданину не только для пользованія своими правами, но и для того, чтобы возстановлять ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ нарушены, а также оберегать себя отъ отвѣтственности въ неисполненіи своихъ обязанностей.

Понятіе о лицѣ не успѣло, однако, еще вполне опредѣлиться въ русскомъ правосознаніи XVIII вѣка. Самостоятельное существованіе лица, какъ конечной единицы общественнаго строенія, виѣ словныхъ группъ казалось невозможнымъ. Хотя эпоха реформъ и подготовила тѣ матеріальныя и культурныя условія, въ которыхъ могла съ теченіемъ времени развиться свободная человѣческая личность, а теоріи естественнаго права способствовали эволюціи понятія о личныхъ и имущественныхъ правахъ⁴⁾, тѣмъ не менѣе лицо въ право-

¹⁾ *С. Десницкій*, *Op. cit.*, *ibid.*, стр. 345—346. *А. II (олигохъ?)*, Предисловіе къ русскому переводу разсужденія короля Фридриха о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ (С.-Пб. 1769 г.), стр. 4. *Кн. М. Щербатовъ*, Путешествіе въ землю Офирскую и пр. въ Соб. соч., т. I, стб. 953.

²⁾ *Кн. М. Щербатовъ*, Размышленіе о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 417. Такой же порядокъ существовалъ и въ западно-европейской уголовной практикѣ; см., напримѣръ, *А. Естейн*, *Comps*, 2 éd., pp. 784, 787 et 791.

³⁾ *Кн. М. Щербатовъ*, О способахъ преподавать разныя науки, рук. въ Императорской Публичной Библиотекѣ, Эрмитаж. библ., № 128, стр. 109.

⁴⁾ *В. Золотницкій*, Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы Россійскаго Общества, С.-Пб., 1764 г., стр. 6 и *passim*. Указанное руководство — первая русская компіляція по естественному праву; ср. ниже гл. IV.

выхъ теоріяхъ прошлаго вѣка надѣлялось позитивными правами лишь настолько, насколько принадлежало къ той или другой изъ этихъ группъ. „Всякій, говорилъ избиратели 1767 г., по должности и званію своему собственное свое имѣть право“¹⁾). При такихъ условіяхъ знаніе даннымъ лицомъ своихъ правъ сводилось не столько къ ознакомленію его съ правомъ „общимъ всѣмъ родамъ“, сколько съ правомъ, а иногда и преимуществами, именно того рода, къ какому оно принадлежало. А между тѣмъ объемъ такихъ „частныхъ“ правъ далеко еще не установился. Потребность въ разграниченіи сталкивавшихся между собою сословныхъ интересовъ ярко обнаружилась на засѣданіяхъ въ комиссіи 1767 — 1774 гг.²⁾ и получала такимъ образомъ жизненное значеніе, что замѣтно усиливало стремленіе русскихъ людей ознакомиться съ отечественнымъ правомъ и переработать его въ указанномъ направленіи.

Избиратели и депутаты 1767 года, напимѣръ, не разъ высказывали мысль, что *каждое* изъ сословій, на которыя раздѣлено русское общество, имѣетъ „собственное свое право“ и „знаніемъ своихъ правъ должно содѣйствовать общему благополучію“³⁾). Члены дирекціонной комиссіи выражали пожеланіе, „чтобы всѣ и каждый по своему состоянію точно вѣдалъ, въ чемъ состоятъ его права и обязанности, какъ пользоваться первыми и исполнять другія“⁴⁾). По обнародованіи манифеста о вольности дворянской, учрежденія о губерніяхъ, а затѣмъ и жалованной грамоты 1785 года знанія подобнаго рода, разумѣется, должны были пріобрѣсти особенно важное значеніе для дворянства. Уже Татищевъ замѣтилъ, что „законовъ своего государства хотя всякому подзаконному учиться надобно, но шляхетству есть необходимая нужда..., понеже шляхтичь всякой по природѣ судія надъ своими холопи и рабами и крестьяны, а потомъ можетъ по заслугѣ чинъ судій нести яко въ войскѣ, тако и въ гражданствѣ“⁵⁾).

1) С. Р. И. О., ХСІІІ, 517.

2) Въ комиссіи 1767 г., нѣкоторые казаки и крестьяне предложеніями своими почти и воздухъ дышущій у дворянъ и купцовъ хотѣли отнять; тамъ купцы старались распространить свои праны съ ущербомъ правъ дворянъ и земледѣльцевъ; наконецъ и дворяне „захватчивость надъ правами другихъ оказали“ (Кн. М. Щербатовъ, Соб., соч., С.-Пб. 1896 г., стр. 361).

3) С. Р. И. О., IV, 97 (мнѣніе кн. М. Щербатова); ХСІІІ, 511 (наказъ Одоевскаго купечества); 517 (наказъ Нерехтскаго купечества).

4) С. Р. И. О., ХХХІІ, 169 и 575.

5) В. Татищевъ, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, стр. 158.

Это мнѣніе продолжали повторять и во второй половинѣ XVIII вѣка. Дворяне и вотчинники, „число которыхъ, по словамъ С. Десницкаго, составляетъ общество наибольшее въ Россіи и наиболѣе полезное“, постоянно принуждены вступать въ сдѣлки касательно своихъ имѣній и заводить тяжбы съ сосѣдями; все это требуетъ со стороны дворянъ знанія законовъ. Еще важнѣе то, что дворянинъ въ деревнѣ своей сдѣланъ не только властелиномъ, но и судьей и отвѣтчикомъ, который по россійскому закону долженъ отвѣчать за поступки крестьянъ своихъ; а благоразуміе правленія не въ другомъ какомъ нѣреніи даетъ ему надъ крѣпостными такую власть, какъ съ тѣмъ, чтобы тѣ, кои наиболее къ неустройству склонны, имъ же управляемы, укрощаемы и удовлетворяемы были расправою домашнею, для соблюденія всеобщей тишины и порядка въ государствѣ“¹⁾.

Знаніе „своею“ права, основаннаго на законѣ, какъ видно, получало во второй половинѣ XVIII вѣка утилитарное значеніе и для каждаго сословія порознь, и для всего „гражданства“ въ цѣломъ, способствуя этимъ самымъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ „благосостоянію“ государства²⁾. При такихъ условіяхъ ранѣе указанная нами потребность въ юридическомъ образованіи квалифицировалась: изъ общаго, слабого и мало опредѣленнаго стремленія она переходила въ ясно выраженное желаніе спеціально ознакомиться съ національнымъ и позитивнымъ правомъ.

Знанія подобнаго рода казались желательными не только съ общественной, но и съ офиціозно-политической точки зрѣнія. Образо-

¹⁾ С. Десницкій, Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ высочайше-правительственныхъ училищахъ (1778 г. апр. 22). Первоначально это сочиненіе появилось отдѣльною брошюрою (1778), удостоившею похвальнаго отзыва со стороны С.-Петербург. Вѣстника (1778 г., ч. II, стр. 49—55), а затѣмъ перепечатано въ Рѣчахъ, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета, изд. Общ. Любит. Рос. Слов., ч. IV, М., 1823, стр. 347. Издатели Спб. ученыхъ вѣдомостей замѣчаютъ: „Мы бы желали, дабы потрудились кто нибудь собрать и издать особую книжку права и преимущества дворянъ россійскихъ къ пользѣ единоплеменниковъ нашихъ“ (С.-Пб. учен. вѣд. за 1777 г., № 21, изд. 2-е, стр. 160).

²⁾ „Благосостояніе государственное требуетъ возможнаго уравненія его членовъ“ (мнѣніе С. Нарышкина, депутата отъ Михайловскаго дворянства, въ С. Р. И. О., IV, 205); „благосостояніе нашего отечества долженствуетъ заключаться въ справедливомъ опредѣленіи правъ каждаго“ (мнѣніе кн. М. Щербатова, депутата отъ Ярославскаго дворянства въ С. Р. И. О., VIII, 111).

ваніе и юридическое образованіе въ частности становилось средствомъ для формировки вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ отечества. Училища и университеты, по мнѣнію извѣстнаго педагога Шадена, должны развивать въ учащихся чувство чести, которое въ монархіяхъ справедливо называется „душею законовъ“. „Для этого необходимо преподавать въ училищахъ первыя основанія законовъ, на которыхъ каждое гражданство основано“¹⁾... „Всякъ вѣрноподанный, писалъ М. Чулковъ въ предисловіи къ своему „словарю“, какова бы онъ званія, чина и состоянія не былъ, *обязанъ* знать отечества своего законы“²⁾. Въ „Быляхъ и небылицахъ“ изображенъ между прочимъ человѣкъ, который ничего не знаетъ о новѣйшихъ преобразованіяхъ и поэтому корить будто бы ему современные, но на самомъ дѣлѣ давно уже исчезнушіе порядки³⁾. Начинали даже сознавать то отвѣтственное положеніе, въ какомъ должностныя лица находились относительно общества. Легкость, съ какою ошибки чиновниковъ ускользали отъ вниманія „публики“, вызывали неодобреніе самой императрицы⁴⁾.

Существовало еще одно соображеніе офиціознаго свойства, не лишенное значенія въ развитіи идей того же порядка. Челобитныя, подаваемые просителями въ разныя учрежденія, по мнѣнію составителей первой части уложенія 1754—1766 гг., часто не соответствовали ихъ вѣдомствамъ. „Того ради, писали члены этой комиссіи, всѣмъ вѣрноподаннымъ духовнымъ и мирскимъ, какого бы кто достоинства и чину ни былъ, для вѣденія именно о всѣхъ учрежденныхъ въ государствѣ правительствахъ и какія до котораго дѣла надлежатъ въ сей главѣ о каждомъ правительствѣ порознь показуются“. Озна-

¹⁾ *Schaden, De anima legum, 1767 г., рус. пер., стр. 22 и 26.* Шаденъ въ данномъ случаѣ нѣсколько отступалъ отъ взглядовъ Монтескье; по мнѣнію автора „Духа Законовъ“, „ce n'est point dans les maisons publiques où l'on instruit l'enfance, que l'on reçoit dans les monarchies la principale éducation; c'est lorsqu'on entre dans le monde que l'éducation en quelque façon commence. Là est l'école de ce qu'on appelle honneur, le maître universel, qui doit partout nous conduire“ (*Montesquieu, Esprit des loix, div. IV, Chap. 2, p. 27*). Ср. *Schneider, Discours sur l'esprit des lois de M. de Montesquieu ou leçons de jurisprudence universelle, lues dans l'université de Moscou (на франц. и рус. яз.), М. 1782, p. 26.*

²⁾ *М. Чулковъ, Словарь юридическій, М. 1792, ч. I, предисловіе.*

³⁾ Собесѣдникъ Люб. Рос. Слова за 1788 г., ч. V, стр. 140—141.

⁴⁾ Г. А., X, 17, л. 6. С. Р. И. О., VII, 88: „Personne, sans exception, n'est hors de la portée du jugement, du mépris ou de l'estime du public“; *Ibid.*, XLII, 458: „L'aisance qu'on a à dérober à la connaissance du public les fautes des juges et autres officiers de la couronne“—по мнѣнію императрицы одинъ изъ недостатковъ законодательства.

ченая глава посвящена была описанію правительственныхъ мѣстъ и ихъ вѣдомствъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны населеніе нуждалось въ знающихъ законы чиновникахъ, то съ другой и эти послѣдніе надѣялись въ челобитчикахъ встрѣтить лицъ, которыя знали бы куда обращаться со своими челобитными и не затрудняли бы дѣлопроизводство исками, не соответствовавшими вѣдомствамъ тѣхъ учреждений, въ которыя они были предъявлены.

Юридическое образованіе въ національномъ духѣ могло не только способствовать трезвости общественнаго мнѣнія, но и выгодно отзываться на составѣ правительственныхъ мѣстъ и ихъ дѣятельности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтало специально научный характеръ ²⁾. Между тѣмъ въ чиновники стали мало по малу попадать лица, болѣе способныя, чѣмъ прежніе старинные подъячіе, воспринимать такое образованіе: на гражданскую службу начинали смотрѣть, какъ на пристойную и для дворянства ³⁾. Идея подобнаго рода, конечно, не сразу привились къ русскому дворянству: и во второй половинѣ XVIII вѣка имъ приходилось бороться со взглядами противоположнаго свойства. Многіе дворяне, по словамъ А. Нарышкина (члена комиссіи 1767—1774 гг.), „готовили себя по возможности и опредѣляли въ военную службу, не помышляя можетъ быть ни мало о томъ, что есть въ государствѣ другія службы“. Депутатъ отъ обоянскаго дворянства предлагалъ даже дворянамъ „въ службѣ быть по прежнему записывать ихъ въ солдаты и производить господамъ командующимъ по старшинству безобидно“, при чемъ дѣйствительно и „не помышляя“ о возможности другаго рода дѣятельности для лицъ этого состоянія; его примѣру слѣдовали, конечно, и многіе другіе ⁴⁾. Еще въ 1790 г. общее собраніе Московскаго губернскаго правленія съ палатами считало нужнымъ замѣтить, что „созволеніе законодательницы и самое существо достоинства обязуетъ cadaго дворянина упражняться *главнѣйше* въ службѣ военной“ ⁵⁾. Та же точка зрѣнія сказывалась и въ готов-

¹⁾ Г. А., X, 15, бумаги Г. Козичкаю, ч. III, л. 373.

²⁾ Г. А., X, 17, л. 6. С. Р. И. О., VII, 88.

³⁾ Обратный взглядъ ярко выраженъ, напримѣръ, И. Посошковымъ въ Соч., С. I, стр. 93.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 215; ср. IV, 366; Д. Тѣбо, Записки въ Рус. Стар. за 1877 г., т. XX, стр. 516; А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 154.

⁵⁾ Г. А., XVI, 168, кар. 82, лл. 988 вк.; ср. Г. Добрынинъ, Записки въ Рус. Стар. за 1871 г., т. III, стр. 665; А. Радищевъ, Житіе Ѳ. Ушакова въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ“, изд. П. Бартенева, т. I, стр. 191.

ности нѣкоторыхъ изъ дворянъ признать выслугу лишь въ однихъ военныхъ чинахъ законнымъ источникомъ дворянскаго достоинства ¹⁾). Неудивительно, что при такихъ условіяхъ сенатъ въ 1767 г. считалъ нужнымъ заботиться о томъ, чтобы никто не имѣлъ *отращенія* отъ статской службы и просилъ уравнивать гражданское чиновничество съ военнымъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе со второй половины XVIII вѣка дворяне стали нрѣдка высказывать и другаго рода взгляды. Этому можетъ быть отчасти способствовали, кромѣ большаго образованія, и перемѣны въ характерѣ военной службы: низшіе чины ея все болѣе заполнялись лицами не дворянскаго происхожденія; при такихъ условіяхъ и военная служба теряла значеніе исключительно дворянской обязанности, становилась и менѣе почетною. По увѣренію членовъ комиссіи о дворянствѣ 1763 г., напримѣръ. „хотя правительства внутреннія государства въ совершенство еще и не пришли, но дворянство российское и отъ гражданской службы не удаляется“. „Мечъ правосудія, писалъ кн. М. Щербатовъ,..... не долженъ быть иному ввѣренъ, какъ благороднымъ“ ³⁾). Такое „совершенство“ съ дворянской точки зрѣнія, можетъ быть, отчасти наступило съ 1770-хъ годовъ, когда появились указы, водворявшіе сословную привилегію въ гражданской службѣ и чиновничествѣ: въ указѣ 1779 г., напримѣръ, въ числѣ состояній, свободныхъ отъ податныхъ обязанностей (указъ 1771 г.) и пользующихся правами гражданской службы, на первомъ мѣстѣ поставлено дворянство; указомъ 1790 г. имъ предоставлены спеціальныя привилегіи по этой части ⁴⁾). Указы подобнаго рода должны были, конечно, вызвать въ дворянствѣ большую охоту къ гражданской службѣ, чѣмъ то было раньше, а при такихъ условіяхъ, и составъ присутственныхъ мѣстъ, получалъ, разумѣется, болѣе образованный характеръ.

При этомъ, идея о раздѣльности гражданской службы отъ военной начинала утверждаться въ общественномъ сознаніи. А. Нарышкинъ,

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 149; XXXVI, 292 и 300; LXVIII, 611 и 619.

²⁾ С. Р. И. О., XLIII, 10 и 148.

³⁾ Подобныя же мысли уже высказывалъ А. Волынский (*Д. Корсаковъ*, А. П. Волынский въ Древ. и Нов. Россіи, 1877 г., № 8, стр. 292), но, кажется, въ виду другихъ цѣлей. Матер. для ист. рус. двор., изд. Н. Калачева, вып. II, стр. 40; кн. М. Щербатовъ. Размышленіе о дворянствѣ въ Соб. соч., т. I, стр. 238; ср., однако, С. Р. И. О., XLIII, 10.

⁴⁾ П. С. З., т. XIX, № 13760 и т. XXIII, № 16930; ср. А. Романовича-Славятинскаго, Ор. cit., стр. 221—225.

одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ большой комиссіи, подобно В. Татищеву, возставалъ, на примѣръ, противъ привычки послѣ долговременной военной службы, за негодностью къ ней, переходить въ статскую. Справедливость взгляда, высказаннаго не только популярнымъ депутатомъ отъ стариннаго дворянства, но и столь же извѣстнымъ представителемъ ярославскихъ дворянъ, кн. М. Щербатовымъ, готовы были признать и нѣкоторые другіе члены русскаго общества того времени. „Статская служба, по мнѣнію одного изъ нихъ, какъ внутри отечества, такъ и при сношеніяхъ съ иностранными державами необходимо нужна, полезна и не безтрудна“¹⁾. При такой точкѣ зрѣнія для отправленія статской службы нужно было имѣть достаточное количество специальныхъ свѣдѣній. Подобнаго рода мысль, впрочемъ, далеко не новую²⁾, высказывалъ, на примѣръ, А. Нарышкинъ; для отправленія „другихъ службъ, кромѣ военной“, по его мнѣнію, „въ своемъ родѣ потребны такія знанія, о коихъ заранѣе думать должно“. Начинали убѣждаться въ томъ, что для отправленія гражданской службы нужны люди, „нарочно къ тому приуготовленные“³⁾. Эти знанія, по словамъ И. Вецкаго, должны состоять въ знакомствѣ молодаго человѣка, вступающаго въ гражданскую службу, не только съ общими должностями согражданина и римскимъ правомъ, но и съ законами своего отечества⁴⁾.

Выдѣленію гражданской службы, какъ самостоятельной и специальной отрасли государственной дѣятельности, достойной уваженія, не мало способствовала и идея о благополучіи государства, какъ конечной задачѣ „мудраго правленія“, достигаемой мирнымъ путемъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, по мнѣнію нѣсколькихъ пристрастнаго судьи этого времени Н. Панина, „внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ политическихъ дѣлъ,

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 185 (мнѣніе депутата отъ дворянства Изюмской провинціи И. Зарудинова). А. Радичевъ, Жизнь О. Ушакова въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ“, изд. П. Барганава, I, 191. Н. Поповъ, Татищевъ и его время, стр. 219.

²⁾ Ср., на примѣръ, разсужденія А. Волынскаго въ „генеральномъ проектѣ“ (Д. Корсаковъ, А. П. Волынский въ Древ. и Нов. Россіи, 1877, № 8, стр. 292). А. Сумарокова, О неправильныхъ основаніяхъ въ Трудолюбивой пчелѣ, 1769 г., изд. 2-е, стр. 278—279.

³⁾ С. Р. И. О., XVIII, 10.

⁴⁾ Подобныя же пожеланія высказывалъ А. Сумароковъ (?) въ статьѣ «о несправедливыхъ основаніяхъ», напечатанной въ Трудолюбивой пчелѣ, 1760 г. Ср. С. Р. И. О., XIV, 276, 346 и 401; XXXII, 434, 436 и 440; XLIII, 10 (наказъ депутату, посланному отъ Сената въ комиссію 1767 г., ст. 18); XLVIII, 197 и 286.

чѣмъ наконецъ, и едва не взаимными-ль сюрпризами зависти межъ собою, завелася война въ то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ¹⁾. Нѣкоторые изъ депутатовъ комиссія 1767 г. сумѣли перейти отъ конкретнаго случая къ болѣе широкимъ обобщеніямъ. „За основаніе государственнаго благополучія, писалъ С. Лопухинъ, слѣдуетъ считать не военную славу, а мирное время, когда можно изыскивать полезные источники къ благоденствію и богатству и ко всѣмъ изобиліямъ отечества“. „Тщетно гремятъ слава военная, разсуждалъ кн. М. Щербатовъ, тщетно побѣжденные народы лобзаютъ покорившую ихъ руку, когда внутри нѣтъ благоустройства и правосудія — непрочны тѣ побѣды“. Даже въ высшихъ сферахъ того времени можно было услышать замѣчанія о томъ, „что скорѣе безъ добрыхъ фельдмаршаловъ обойдтись можно, нежели безъ первостатейныхъ министровъ“²⁾.

При такихъ взглядахъ на „мирное время“ и значеніе гражданской службы должно было повыситься. А между тѣмъ жалобы на плохое образованіе чиновниковъ, отправлявшихъ не только низшія или среднія, но и высшія должности въ государствѣ — слышались постоянно; этотъ недостатокъ настоятельно требовалъ исправленія³⁾.

¹⁾ С. Р. И. О., VII, 206—207.

²⁾ Кн. М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ въ Соб. соч., т. I, стб. 229. С. Порошинъ, Записки, стб. 128 (мнѣніе П. И. Панина); ср., впрочемъ, *ibid.*, стб. 543.

³⁾ См. напримѣръ отзывы о высшихъ сановникахъ государства: *императрицы Екатерины*—въ *Замѣткахъ* о первыхъ пяти годахъ царствованія (С. Р. И. О., XXVII, 171); разказъ Екатерины (о невѣжествѣ Сената по части географіи) подтверждается другими апологичными свѣдѣніями (*М. Гурновскій*, *Записки въ Рус. Стар.* за 1876 г., т. XVI, стр. 231—232. *Д. Мертваго*, *Записки въ Рус. Арх.* за 1867 г., стр. 98. *П. Карабанова*, *Разказы въ Рус. Стар.* за 1871 г., т. V, стр. 695); *Н. Панина* въ проектѣ учрежденія государственнаго совѣта (С. Р. И. О., VII, 208), кн. М. Щербатова въ его письмѣ къ вельможамъ правителямъ государства (въ *Рус. Стар.* за 1872 г., т. V, стр. 8). *С. Порошина* въ его запискахъ (стб. 75) и *А. Волотова* въ его автобіографіи (*Жизнь и приключенія*, т. I, стб. 751). Такіе же отзывы о низшихъ слояхъ бюрократіи мы не приводимъ въ виду ихъ многочисленности; особенно извѣстны по этому поводу фдкія статьи *А. Сумарокова* (къ подъячому и пр. въ Трудодобивной и челѣ 1769 г. изд. 2-е 1780 г. стр. 698—399 и развѣт); взгляды свои авторъ не разъ высказывалъ и въ присутствіи великаго князя Павла Петровича (*С. Порошина*, *Записки* С.-Иб. 244, 372 и 391). Ср. также *А. Радичева*, *Путешествіе*, стр. 42—48 и *развѣт*.

Указанная потребность стала еще болѣе ощутительна съ учрежденіемъ о губерніяхъ. „Когда при маломъ числѣ судей, писалъ кн. Щербатовъ, жалуются многіе, что мало ихъ хорошихъ и право разумѣющихъ законовъ, то гдѣ же взять большее число? И какъ тутъ хотять до безконечности умножить судей и надѣяться отъ нихъ прямого правосудія, гдѣ нѣтъ ни собранныхъ всѣхъ правъ, гдѣ нѣтъ училищей, законовъ, и гдѣ, наконецъ, мало людей правильно и грамотѣ умѣють?...“¹⁾ С. Десницкій, обсуждая вопросъ съ болѣе безпристрастной, научной точки зрѣнія, чѣмъ князь Щербатовъ, высказывалъ, однако, такія же требованія, относительно выборныхъ органовъ мѣстнаго управленія, число которыхъ такъ размножилось по учрежденіи губерній. Служащіе по выборамъ, по его словамъ, „не для того только почтительными преимуществами и закономъ отъ всѣхъ согражданъ отличаются и предпочитаются всѣмъ, чтобы только запрещать свою особу, свои имѣнія и права, или только чтобы подавать свободно свой голосъ на ту или другую сторону. Нѣтъ. Они въ сіе высокопочтенное званіе приглашаются подѣ клятвою и присягою не иначе какъ хранителями древняго и утвердителями новаго Россійскаго закона: и сколь стыдно казаться члену законоположенія давать свой голосъ на новый законъ, когда онъ вовсе не знаетъ и не разумѣетъ стараго“. Такимъ образомъ, новыя губернскія учрежденія сильнѣе прежняго естественно вызвали потребность въ знающихъ законы выборныхъ органахъ самоуправленія и чиновникахъ, администраторахъ и судьяхъ²⁾. Наконецъ, та же потребность ощутительна была и въ чиновной сферѣ, даже въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ. „Каждый сенаторъ и высшій судья, писалъ Н. Панинъ въ 1762 году, держащійся просто при должности своего званія, почитаетъ оную довольно исполненную, когда въ надлежащіе дни бываетъ въ присутствіи, гдѣ онъ въ должности прокуроровъ и секретарей надѣется найдти довольное знаніе и объясненіе законовъ, по которымъ онъ судить долженъ и о которыхъ въ собраніи ему докладываютъ. На собственное же разсмотрѣніе законовъ, указовъ и дѣлъ и изъ нихъ происходимой пользы или вреда такой судебный чинъ

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 93; ср. *тамъ же*: Размышленія о законодательствѣ въ Соб. соч., изд. подѣ ред. И. Хруцова, т. I, С.-Пб. 1896 г., стб. 419.

²⁾ С. Десницкій, Юридич. разсужденія и проч. *Ibid.*, стр. 350—351.

конечно ни часа особливаго въ сутки не употребляетъ¹⁾. Между тѣмъ, „человѣкъ безъ образованія, говорили депутаты 1767 г., не можетъ быть и государственнымъ дѣятелемъ“²⁾. „Всякъ, писалъ И. Лепехинъ, цѣну знанія политическихъ происшествій ставитъ за велико и увѣренъ, что безъ онаго никакой государственный человѣкъ быть и своему государству служить не можетъ“³⁾.

Образованность бюрократіи была желательна и съ другой, чисто правительственной точки зрѣнія, которая, повидимому, также около этого времени стала укрѣпляться въ сознаніи русскаго общества. Нѣкоторые изъ сановниковъ шестидесятыхъ годовъ объяснили чрезмѣрную мелочность и утомительную обстоятельность „инструкцій“ высшимъ должностнымъ лицамъ начала XVIII вѣка недостаточностью ихъ образованія: правительство принуждено было входить въ подробности, не предполагая въ подчиненныхъ властяхъ возможности и способности дѣйствовать самостоятельно; чрезмѣрное осложненіе функций центральной власти и отсутствіе достаточной гибкости въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ, вызываемыя подобною регламентаціей, очевидно становились оцутительными для русскихъ людей второй половины прошлаго вѣка: при свѣтѣ новыхъ идей, успѣвшихъ къ тому времени распространиться въ Россіи, имъ казалось возможнымъ устранить эти неудобства путемъ болѣе глубокаго просвѣщенія правящихъ классовъ, приспособленнаго къ характеру отправляемыхъ ими должностей⁴⁾.

Потребность въ исправленіи указанныхъ недостатковъ становилась тѣмъ болѣе настоятельной, что ими объяснялось отчасти плохое функционированіе государственнаго механизма, сказывавшееся главнымъ образомъ во взяточничествѣ и той медлительности въ дѣ-

¹⁾ С. Р. И. О., VII, 203. Средство противъ этого зла Н. Панинъ (можетъ быть по указаніямъ самой императрицы) думалъ найти между прочимъ въ учрежденіи Императорскаго совѣта. Проектъ 28-го декабря 1762 г., хотя и подписанъ былъ императрицей, но какъ извѣстно остался необнародованнымъ. Ср. *С. Порошинъ*, Записки, изд. 1881 г., стр. 129.

²⁾ С. Р. И. О., LXVIII, 137, 150, 176, 193 и 237 (Наказы отъ Малороссійскаго шляхетства); *Всякая всячина*, 1769 г., стр. 200; *Трутенъ*, 1770 г., стр. 62.

³⁾ *И. Лепехинъ*, Примѣчанія къ переведенной имъ части натуральной исторіи Бюффона, т. I, стр. 32.

⁴⁾ Таково по крайней мѣрѣ *впечатленіе*, вызываемое однимъ изъ разсужденій Н. И. Павина по этому поводу (*С. Порошинъ*, Зап., С.-IIб. 286).

лопроизводствѣ, на которыя открыто жаловались органы общественнаго мнѣнія во второй половинѣ XVIII вѣка ¹⁾).

Реформа образованія казалась большинству русскихъ людей того времени наиболѣе пригоднымъ средствомъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей.

Изъ предметовъ общаго образованія естественно выдѣлялись тѣ отрасли знанія, которыя болѣе другихъ способствовали политическому развитію: депутаты въ комиссіяхъ 1754—1774 гг. предлагали обучать дѣтей географіи и исторіи ²⁾). Русскіе историки и юристы прошлаго вѣка также взаимно признавали обоюдное значеніе изучаемыхъ ими спеціальныхъ научныхъ дисциплинъ. Исторіографъ кн. Щербатовъ, напримѣръ, въ составъ географіи включалъ отдѣлы о многонародіи, законѣ (то-есть, вѣронсповѣданіи), а также ремеслахъ и торговлѣ, объ обычаяхъ и умоначертаніи народномъ, о правленіи и силахъ государственныхъ, причѣмъ ко всему этому присоединялъ еще „обозрѣніе нѣкоторыхъ основательнѣйшихъ постановленій, заключенныхъ съ другими государствами“. Включая, такимъ образомъ, въ географію и статистику въ Ахенваль-Шлёцеровскомъ духѣ, кн. Щербатовъ тѣсно связывалъ ихъ съ изученіемъ исторіи, которая по его мнѣнію должна состоять не только „въ повѣствіи дѣлій“, но и въ „изясненіи наукъ, искусствъ и торговли, обычаевъ и законовъ, правленія, силъ государства, а также разныхъ его связей“ ³⁾). Въ свою очередь и русскіе юристы понимали значеніе, какое для нихъ имѣли историческія знанія. Полѣновъ, напримѣръ, считалъ изученіе исторіи и

¹⁾ Еще Н. Посошковъ писалъ по этому поводу, что „еще суду и всякому правленію, какъ его правити, совершеннаго основанія письменнаго (то-есть, „судебной книги“) не учинити и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости не устроить, то колико о правомъ судѣ не старатися, а правосудіи примаго уставити будетъ невозможно“ (Н. Посошковъ, Сочиненія, изд. М. Погодина, М., 1842, т. I, стр. 79). „Всякая всячина“, стр. 52, 274, 276—278, 306—308, 396—397; эта тема—едва ли не единственная, самостоятельно разработанная издателями *Всякой всячины* (В. Соляницъ, *Всякая всячина и Спектаторъ*, стр. 24). „Адская юхта“, стр. 48—50 и другія. Само собой разумѣется, что существованіе вѣточности объясняется не только низкимъ уровнемъ просвѣщенія, но и ничтожными размѣрами окладовъ, выдаваемыхъ довольно неисправно; вообще указанныя недостатки порождены были и многими другими причинами.

²⁾ Проектъ новаго Уложенія 1754—1766 гг., ч. III, изд. В. Литкинымъ, стр. 21. С. Р. И. О., VIII, 161 и 504. Ср. предшествующія примѣчанія.

³⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разнымъ науки, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Эрмитаж. библи., № 128, лл. 44, 52 и 59.

древностей лучшимъ залогомъ для успѣховъ въ будущихъ занятіяхъ своихъ юриспруденціей; того же мнѣнія придерживался Десницкій, а вслѣдъ за нимъ и Горюшкинъ¹⁾. На ряду съ историческимъ образованіемъ нѣкоторые изъ депутатовъ готовы были признать значеніе догматическаго изученія: одни считали полезнымъ для крестьянъ чтеніе гражданскихъ законовъ и желали ученыхъ священниковъ или свѣтскихъ учителей, которые „утверждали бы народъ въ знаніи законовъ ея величества“²⁾, другіе рекомендовали обучать мѣщанъ изъясненію государственныхъ законовъ³⁾, третьи, наконецъ, предлагали привозить дѣтей дворянскихъ въ собраніе дворянъ „для приученія къ разсужденію о пользѣ общественной“⁴⁾. Вообще „познаніе“ каждымъ законовъ своего отечества начинали считать однимъ изъ коренныхъ правилъ общежитія⁵⁾. Догматическое изученіе дѣйствующаго права, какъ видно, сводилось по мнѣнію депутатовъ, къ простому толкованію законовъ. Нѣкоторые, однако, начинали сознавать необходимость теоретическаго образованія въ области права. Члены комиссіи 1763 г. указывали на примѣрное по ихъ мнѣнію поведеніе лифляндскихъ дворянъ, „которые по склонности къ гражданской наукѣ послѣ пятнадцати и шестнадцати черезъ три или четыре года курсъ продолжаютъ наукамъ философскимъ, правоучительнымъ и юридическимъ въ университетахъ“⁶⁾. Впрочемъ, лишь немногіе, какъ на примѣръ, С. Лопу-

¹⁾ М. Штурровъ, Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ въ Русск. Арх. за 1866 г., стр. 317. Въ 1768 г. Подѣновъ вмѣстѣ съ Башиловымъ охотно принялся за изданіе второй части Никоновской лѣтописи (ibid., стр. 228). М. Сухолинновъ, Исторія Россійской Академіи, т. V, стр. 8 (пообще стр. 3—8: свѣдѣнія о Десницкомъ). З. Горюшкинъ, Руководство, т. I, стр. VIII. См. ниже.

²⁾ С. Р. И. О., VIII, 557 (наказъ Крапивненскаго дворянства); XXXII, 398 и 453 (мнѣніе депутатовъ отъ Нижегородской провинціи пахотныхъ солдатъ и отъ гор. Пензы). Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., изд. подъ ред. И. Хрущова, т. I, С.-Иб. 1896, стб. 424. С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 382; 399, прим.

³⁾ С. Р. И. О., VIII, 36. (Мнѣніе депутата отъ Любимскаго дворянства Н. Толмачева).

⁴⁾ С. Р. И. О., VIII, 504 (наказъ Дмитровскаго дворянства, ст. 4). Это требованіе, можетъ быть, высказано было подъ вліяніемъ примѣра, приведеннаго въ Устанѣ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса; здѣсь говорится о томъ, какъ дѣти римскихъ сенаторовъ хаживали за отцами своими въ Сенатъ слушать, какія дѣла и какія объ оныхъ разсужденія происходили (П. С. З., т. XVII, № 12741).

⁵⁾ Кн. М. Щербатовъ, Путешествіе въ землю Офирскую въ Соб. соч., т. I, стб. 947.

⁶⁾ Матер. для ист. рус. двор., изд. Н. Калачевымъ, вып. II, стр. 43.

хвнъ, депутатъ отъ Тамбовскаго дворянства въ комиссіи 1767 г., считали необходимымъ учредить такія училища, въ которыхъ между прочимъ „всему принадлежащему къ гражданской службѣ обучали со всякою тщательностью, усердіемъ и ревностью“. Дворяне Калужскаго и Медынскаго уѣздовъ считали необходимымъ учредить „во всякомъ городѣ“ по училищу, въ которомъ „за главное почитали, чтобы юношеству чтеніемъ внушить... законы“¹⁾. Хотя такихъ училищъ въ то время еще не существовало, но содержатели частныхъ заведеній начинали предлагать учащейся молодежи курсы по „натуральному праву“ и по „политикѣ“²⁾. Наставляя на желательности учрежденія шляхетскаго кадетскаго корпуса къ Москвѣ или „академіи и университетовъ“, депутаты предполагали, вѣроятно, найти въ этихъ учрежденіяхъ между прочимъ и преподаваніе юридическихъ наукъ³⁾.

Наиболѣе полную программу для обученія „благородныхъ“ юношей (то-есть, дворянъ) юридическимъ наукамъ (притомъ скорѣе домашняго, чѣмъ собственно школьнаго) представилъ кн. Щербатовъ въ сочиненіи своемъ „о способахъ преподавать разныя науки“. По мнѣнію автора „надлежитъ прежде всего обучать (молодаго человѣка) праву естественному, то-есть, тому, чѣмъ онъ, потому что онъ есть человѣкъ, самъ себѣ и ближнему долженъ“. Вслѣдъ затѣмъ можно перейти и къ знакомству съ Римскимъ правомъ, которое „въсѣмъ случаямъ намъ лучшія правила преподаетъ“ и не заслуживаетъ того „охуленія, какое многіе нынѣ писатели тщатся ему дѣлать“, ибо „общее согласіе всея Европы и самая его подробность [?] входятъ во всѣ тонкости сходственно съ здравымъ разсудкомъ [и] опровергаетъ ихъ мудрствованія“. Хотя сочиненія, вполнѣ подходящаго для ознакомленія съ чужеземнымъ правомъ не имѣется, однако, для выписокъ, могущихъ отчасти замѣнить таковое, князь Щербатовъ рекомендуетъ институты Юстиніана и систематическіе сборники Муара де-Венилана, а также Дома⁴⁾. „Къ тому же для лучшихъ разсужденій можно приложить“ извѣстныя сочиненія Монтескье и Беккариа; полезень и Большой наказъ, составленный на основаніи этихъ трудовъ. Всего важнѣе, однако, молодому человѣку обучиться „за-

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 289.

²⁾ С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 259.

³⁾ С. Р. И. О., IV, 172; LXVIII, 150. С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 399, прим.

⁴⁾ *M. Myuart de Venyans, Les loix criminelles de France dans leur ordre naturel. J. Domat, Les loix civiles dans leur ordre naturel.*

конамъ отечества своего". Для этого надо обратиться къ непосредственному изученію Уложенія царя Алексѣя Михайловича „со учиненнымъ сводомъ указовъ“, и къ важнѣйшимъ памятникамъ позднѣйшаго законодательства до учрежденія о губерніяхъ включительно. Кн. Щербатовъ совѣтуетъ сперва ознакомить юношу съ „дѣлами уголовными и гражданскими“, а также дать ему понятіе о томъ, „съ чего и какъ платять и какія узаконенія къ какому платежу обязуютъ“. Сообщивъ такимъ образомъ ученику свѣдѣнія объ „общемъ положеніи законовъ“ нужно вслѣдъ затѣмъ „войти въ учрежденіе самыхъ правительствъ“. Слѣдуетъ начать при этомъ „историческимъ порядкомъ съ учиненныхъ учрежденій Петромъ Великимъ и сдѣлать исчисленіе о всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя имъ были учреждены и которыя послѣ до 1775 года учреждаемы были“, а также „истолковать, какія дѣла до которыхъ мѣсть относились и какія были причины учрежденія оныхъ“. Такъ какъ „съ установленіемъ намѣстничествъ лишь малые слѣды расположенія [прежнихъ] правительствъ остались, то и надлежитъ съ особливымъ прилежаніемъ прочитать учиненное учрежденіе о управленіи губерніями по новому обряду“. Наконецъ, по мнѣнію кн. Щербатова, можно заключить курсъ по русскому праву обзорнѣмъ дѣлопроизводства изученныхъ ранѣе государственныхъ установленій, причемъ необходимо обратить особенное вниманіе на гражданское и уголовное судопроизводства, какъ имѣющія важное практическое значеніе для каждого. Планъ предложенный кн. Щербатовымъ, какъ видно, отличается сравнительною полнотою и цѣльностью; ему слѣдуетъ приписывать тѣмъ большее значеніе, что въ этомъ планѣ, какъ и въ другихъ частяхъ своего сочиненія, авторъ, по собственному своему признанію „повѣствовалъ лишь о томъ, въ чемъ самъ трудности себѣ находилъ и какими способами ихъ перевозмогъ“¹⁾.

Кромѣ школы выгоднымъ образовательнымъ средствомъ для достиженія юридическаго образованія могло способствовать, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ образованныхъ людей того времени, и чтеніе произведеній западно-европейской научной литературы. „Вмѣсто нашихъ училищъ“, писалъ А. П. Сумароковъ, „а особливо вмѣсто кадетскаго корпуса, потребны великіе и всею Европой почитаемые авторы. а особливо несравненный Монтескю“. Кн. Щербатовъ также рекомен-

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки, рук. въ Императорской Публичной Библиотекѣ, Эрмитаж. библи., № 128, стр. 1 и 107—112.

довалъ читать „Духъ законовъ“, хотя и не вполне соглашался со всѣми заключеніями его автора. „Великія мысли и обширный разумъ г. Монтескіу. писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсужденій, учинилъ, что по многимъ несправедливымъ охуленіямъ сея книги, она толь великій верхъ взяла, что писаніе сіе яко оракулъ политики и законамудрствія стали почитать. Гоненіе сему труду отъ бѣсновѣровъ было несправедливо, а и почтеніе послѣдующее излишне, ибо многими уже учеными людьми примѣчено, что господинъ Монтескіу велъ еѣ не систематическимъ образомъ, что упоминовенія о писателяхъ часто несправедливы и заключенія часто противны естеству и теченію вещей“¹⁾. Другимъ капитальнымъ сочиненіемъ того времени считали, конечно, трактатъ Беккаріи, писателя „исполненнаго чловѣколюбія и потщившагося оное въ законъ ввести“; „замѣренія его, прибавляетъ тотъ же кн. М. Щербатовъ, похвальны, но исполненіе [ихъ] часто невозможно бываетъ“. Взгляды Монтескье и Беккаріи также изложены были въ большомъ Наказѣ „выбранномъ изъ сихъ двухъ вышенисанныхъ“, а поэтому и отличающимся „тѣми же [достоинствами] и пороками“²⁾. Позднѣе стали обращать вниманіе и на другія книги. „Не худо было бы, писалъ, напримѣръ, А. Радищевъ про сочиненіе Блэкстона, заставлятъ судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто свитцонъ и заставлятъ ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календаръ“³⁾. Полнаго перевода творенія Монтескье „славнаго законовѣдца“, „къ просвѣщенію разума необходимаго“⁴⁾, однако, въ теченіе всего XVIII вѣка, повидимому, не было издано⁵⁾; еще менѣе

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки рук. въ Императорской Публичной Библиотекѣ, Эрмитаж. библ., № 128, стр. 109. Трудъ Монтескье вызвалъ также замѣчанія со стороны И. Болтина (*И. Болтинъ*, Критическія примѣчанія на ист. Лекцера, ч. I, стр. 5 и др.).

²⁾ А. Сумароковъ, Замѣчанія на Наказъ въ С. Р. И. О., X, 83. Кн. М. Щербатовъ, Ор. cit., *ibid.*, стр. 109. Ср. Poleмику автора съ Беккаріей въ Соб. соч., т. I, столб. 427—457.

³⁾ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 90.

⁴⁾ С. Порошинъ, Записки, стб. 200—201, 443.

⁵⁾ П. Новяковъ сообщаетъ, что А. Мятлевъ (1749—1771), весьма хорошо знавшій французскій языкъ и обучавшійся въ числѣ прочихъ наукъ исторіи и философіи, перевелъ на русскій языкъ „Монтескіи о разумѣ законовъ 4 части съ такимъ усиліемъ, что переводъ сей дѣлаетъ честь его имени“ (*П. Новяковъ*, Опытъ ист. словаря въ Мат. для ист. Рус. язт., изд. П. Ефремовымъ, С.-Пб. 1867 г., стр. 73). Въ указателяхъ В. Сошкова и А. Смирдина этотъ переводъ не значится. Извѣстенъ лишь переводъ, сдѣланный Вас. Крамаренковымъ,

посчастливилось книгѣ Беккарія, которая впервые переведена была лишь въ началѣ нашего столѣтія ¹⁾. За то сочиненіе популяризатора Духа законовъ бар. Бильфельда, а отчасти и комментарий Блэкстона уже извѣстны были на русскомъ языкѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II ²⁾.

Члены законодательныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ въ теченіе первыхъ двухъ третей XVIII вѣка, болѣе другихъ, можетъ быть, чувствовали эту потребность восполнить пробѣлы своего образованія чтеніемъ имѣющихся подъ руками книгъ; кромѣ чужеземныхъ сборниковъ законодательства и экстрактовъ изъ нихъ (см. ниже гл. IV); они обращались, напримѣръ, за свѣдѣніями не только къ сочиненіямъ Бодена, Монтескье и Бильфельда, но и къ болѣе специальнымъ трудамъ: Гренека, Риккціуса, Лѣна, де Мальта и Дюпена; для наведенія справокъ служили также словари, въ особенности „лексиконъ Мореріевъ“ ³⁾.

ч. I, С. 116. 1775 г. Второе изданіе той же 1-й части вышло въ 1801 г. Первый полный переводъ „Духа Законовъ“ съ введеніемъ Д'Аламбера и примѣчаніями Гельвеція появился въ 4 частяхъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ лишь въ 1809—1814 годахъ (В. Сомиковъ, Опытъ, III, 393; А. Смирдынь, Ревнись, № 2147).

¹⁾ Трудъ Беккарія вѣроятно извѣстенъ былъ русскимъ читателямъ во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ аб. Мореллетомъ (Morellet) въ 1766 г. и выдержавшемъ много изданій.

²⁾ Вар. *Bielfeld*, членъ берлинской академіи наукъ, поднесъ свои „Institutions politiques“ (La Haye, 1760) императрицѣ; она благодарила его въ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1766 г. (С. Р. И. О., XIII, 8). *Institutions* появились въ русскомъ переводѣ кн. Ѳ. Шаховскаго и проф. А. Барсова въ 1768—1776 гг. (М. 2 части). „Ваше Императорское Величество, читаемъ мы на третьей страницѣ посвященія, предшествующаго переводу наставленій, по пропущательномъ усмотрѣніи ихъ и преимуществу между прочими такого рода сочиненіями въ переводѣ съ французскаго подлинника на російскій языкъ имѣть и ко всенародной пользѣ въ печать издаваемое видѣть собственнымъ своимъ побужденіемъ возжелать соизволили“. Сама императрица принимала участіе въ исправленіи перевода (С. *Шевыревъ*, *Op. cit.*, стр. 150).

³⁾ *J. Grenecq*, „О правахъ и правностяхъ чиновъ Австрійскаго эрцгерцогства“. Свѣдѣніи объ авторѣ этого сочиненія и его дѣятельности нѣтъ ни въ энциклопедіи Эрша и Грубера, ни въ соч. *R. v. Mohl*: Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, 3 B-de 1855—1858. *Chr. Got. Riccius*, Zuverlässiger Entwurf von dem landsässigen Adel in Teutschland etc. Nürnberg 1735. *I. M. v. Loen*, „Vom Adel“. *M. de Malte*, „Traité des nobles dans les tribunaux“. *L. E. Du Pin*, Bibliothèque universelle de tous les auteurs ecclesiastiques etc.; съ 1696 г. „библиотека“ стала выходить подъ названіемъ „Histoire de l'Église et des auteurs ecclesiastiques; 1696—1704, 58 vol.—Briefe über den gegenwärtigen Staat von Danemarck, Kopenhagen, 1758.—*L. Moréri*, Grand dictionnaire historique, 1-re éd. 1573; nouvelle éd. avec les suppléments de l'abbé Goujet refondues et notes de Drouet, 10 vol., Par. 1759. Словарь Морери издавался до 20 разъ.

Важнѣйшія изъ сочиненій по юриспруденціи, вѣроятно, уже попадались въ частныхъ библіотекахъ того времени. Во всякомъ случаѣ ихъ можно было встрѣтить въ наиболѣе крупныхъ книгохранилищахъ послѣдней четверти XVIII вѣка. Здѣсь, на полкахъ, стояли и кодексъ Юстиніана, и старыя труды Юста Липсіа, а также Бодена; серія старинныхъ работъ Гуго Гроціи и Пуффендорфа по естественному праву въ новѣйшихъ переводахъ съ примѣчаніями Барбейрака ставовилась уже недостаточной: ее пополняли произведеніями Вольфа, а иногда Неттельбладта и Ваттеля ¹⁾, представителей школы Лейбница, а также сочиненіями эклектика Бурламаки, соединявшаго теоріи Гроціи, Томазія и Вольфа въ одно цѣлое; разсужденія Руссо рѣдко попадались въ такихъ библіотекахъ ²⁾. Но не одиѣ книги по естественному праву заполняли ихъ: сочиненій, писанныхъ сторонниками противоположнаго направленія, здѣсь было также не мало. Разныя изданія трудовъ Монтескье и Бильфельда, Юсти, а также Блэкстона и Юма ³⁾ хранились въ собраніяхъ П. Г. Демидова, князей: Г. Потемкина и, вѣроятно, М. Щербатова, а также графовъ: Д. Бутурлина, А. Головина, Д. Шереметева и А. Разумовскаго ⁴⁾.

¹⁾ *F. A. Wolff*, *Jus naturae methodo scientifica pertractatum*, Lipsiae, 8 tomi, 1740—1748 въ нѣмец. перев. 1771 г.; *Institutiones juris naturae et gentium*, Halae, 1754 во французскомъ переводѣ (Luzac'a) 1772 г.; *Politik oder vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben und dem Gemeinen Wesen*, Halle, 1756; *Formey*, *Principes du droit de la nature et des gens, extraits du grand ouvrage de Wolff*, 1758, 3 vol. Руководство Неттельбладта (о немъ см. ниже въ гл. IV) хранилось въ библіотекѣ П. Демидова, — Ваттеля (*Le droit des gens etc.* 1758, 2 vol.) въ библіотекѣ гр. Д. Бутурлина.

²⁾ Въ библіотекѣ кн. Г. А. Потемкина находилось полное собраніе сочиненій Ж. Ж. Руссо (32 vol.); въ библіотекѣ гр. Д. Шереметева — *Discours sur l'inégalité*, а въ библіотекѣ гр. А. Разумовскаго — *Contrat social* и нѣкоторыя другія.

³⁾ *D. Hume. Essays and treatises*, Lond. 1764; *Discours politiques trad. de M. de Mauvillon*, 5 vol., 1761.

⁴⁾ *Museum Demidoff*, vol. 1-г, М., 1806. — Каталогъ книгамъ и манускриптамъ (и книгамъ), находящимся въ библіотекѣ В. А. Попова, С.-Пб., 1864 г. *Catalogue de la bibliothèque de M. le C-te de Boutourline*, 2 éd., revue par Barbier et Pougenat, Paris, 1805. *Catalogue des livres de la bibliothèque du C-te A. G(olovine)*, М., 1811 (эта библіотека одна изъ самыхъ бѣдныхъ по отдѣлу юриспруденціи). Опись библіотеки, находившейся въ Москвѣ на Воздвиженскѣ въ домѣ гр. Д. Н. Шереметева до 1812 г., С.-Пб., 1883 г. *Catalogue des livres de S. E. M. le C-te A. de Razoumoffsky*, М., 1814, 2 vol. — Опись библіотеки кн. М. М. Щербатова еще не напечатана; она хранится повидному, въ одномъ частномъ собраніи внѣ С.-Петербурга.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, однако, что всѣ эти книги, вѣроятно, лишь изрѣдка попадали въ руки какого-нибудь любителя читателя, рыхтывавшаго изъ нихъ кое-какіе факты или обрывки мыслей. Но и въ такихъ случаяхъ ему едва ли не приходилось согласиться съ справедливостью замѣчанія, сдѣланнаго А. Т. Болотовымъ, когда онъ въ деревенской глуши принялся за чтеніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ сочиненій. „А совѣщался я, признается этотъ „философическій“ писатель, съ одними только книгами, и книгами не нашими, а иностранными, писанными не на нашъ климатъ и по не нашимъ обстоятельствамъ и потому могущими скорѣе всего заводить насъ въ лабиринты погрѣшностей и ошибокъ...“¹⁾.

Итакъ, русскіе люди второй половины XVIII вѣка начинали мало по малу сознавать, что безъ знанія отечественнаго права невозможно установить правомѣрныхъ отношеній сословныхъ группъ другъ къ другу, да и правительственной дѣятельности на закономѣрныхъ основаніяхъ; они также предлагали и обсуждали средства, которыми возможно было бы восполнить такой пробѣлъ. Но выборъ послѣднихъ и выполненіе указанной цѣли поставлены были въ прямую зависимость отъ взглядовъ самой императрицы Екатерины II на это дѣло и отъ направленія, какое приняла правительственная политика въ началѣ ея царствованія.

III. Правительственная политика, направленная на удовлетвореніе общественной и государственной потребности въ изученіи русскаго права во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Настроеніе, сказывавшееся среди представителей русскаго общества, во многихъ отношеніяхъ согласно было съ намѣреніями самой императрицы Екатерины II и даже отчасти обнаружилось благодаря ея дѣятельности въ первые годы ея царствованія. Сильно увлекшись общими теоріями, она, однако, не вполнѣ отрицательно относилась къ историческимъ основамъ русскаго дѣйствующаго права. „Вездѣ внутреннія распоряженія, по словамъ императрицы, должны основываться на правахъ націи“. Слѣдовательно „для

¹⁾ А. Болотовъ, Записки, т. II, стр. 348. Г. Добрынинъ читалъ „нѣкоторые переводы Монтескю“ (Г. Добрынинъ, Записки въ Русской Старинѣ, т. III, стр. 604. А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 90).

преобразованій необходимо прежде всего знать, что имѣешь, ибо перемѣны должно совершать не для перемѣнъ; онѣ не могутъ касаться добрыхъ учреждений и имѣютъ смыслъ лишь для превращенія зла въ добро¹⁾). Признаніе и развитіе сословнаго строя казалось ей не только необходимымъ, но и желательнымъ въ „подзаконномъ“ государствѣ, пространство котораго предполагало монархическую, но не деспотическую власть; она „хотѣла чтобы повиновались законамъ, а не рабовъ“; отсюда естественно вытекало общее положеніе о знаніи каждымъ сословіемъ своихъ правъ²⁾). Императрица готова была признать и болѣе широкую точку зрѣнія: „законы, писала она, должны быть писаны простымъ языкомъ; и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря“. Въ противномъ случаѣ, „когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнати слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ онъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ во храненіе законы и толкующихъ оныя“³⁾). „Принимая за правило своихъ дѣйствій и уставовъ благо народное“ и желая, чтобы „власть пользовалась довѣріемъ подданныхъ“, Екатерина ясно понимала необходимость спеціальнаго образованія для лицъ, отправляющихъ должности по гражданской части, особенно послѣ учрежденія о губерніяхъ⁴⁾). Постоянные безпорядки въ губерніяхъ, „всего болѣе требовавшихъ поправленія“, императрица, повидимому, считала возможнымъ устранить хотя бы отчасти этимъ образованіемъ, обусловливающимъ и болѣе закономѣрное функ-

¹⁾ Г. А., X, 17, л. 11. С. Р. И. О., VII, 345. С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 329. Ср. также отзывъ императрицы Екатерины о планахъ реформы, предложенной ей Дидро (Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Барганава, т. I, стр. 362—363). Ученіе о необходимости сообразовывать законы съ „умноженіемъ“ народнымъ давило, конечно, возможность Екатерины заранѣе ограничивать теоретическіе выводы практическими требованіями (С. Соловьевъ, XXVII, 333).

²⁾ Мысль эта ясно выражена въ манифестѣ о вѣсѣствіи на престолахъ (Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Барганава, т. IV). Кн. М. М. Щербатовъ ясно указалъ на эту связь; „самовластію (то-есть, „деспотичеству“, а не „монархическому правленію“) вредно, чтобы кто вникалъ во взаимственныя ирвы, сочиняющія основанія обществъ, и умными бы очами воззрѣть на состояніе словъ“ (Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., изд. подъ ред. И. Хрушова, т. I, С.-Пб. 1896, стр. 388).

³⁾ Наказъ, ст. 158.

⁴⁾ С. Р. И. О., VII, 347. И. С. З., т. XVI, № 11,930 (указы о шкатахъ 1768 г. декабрь 15, ст. 25). С. Соловьевъ, И. Р., XXIX, 1002.

ціонированіе губернскихъ учреждений. Замѣтимъ, наконецъ, что въ началѣ своего царствованія императрица сильно интересовалась задачами внутренней политики и полагала, что „миръ доставить Россіи больше значенія, чѣмъ случайность войны, всегда разорительной“¹⁾.

Естественно, поэтому, что Екатерина, по вступленіи на престолъ, охотно принялась за изысканіе средствъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. Вниманіе ея прежде всего обратило на себя школьное образованіе. Считая возможнымъ обучать дѣтей въ школахъ не только по церковнымъ книгамъ, но и по гражданскимъ законамъ, написаннымъ общедоступнымъ, всѣмъ въ равной мѣрѣ понятнымъ слогомъ²⁾, она, не могла, конечно, признать практическое знакомство съ дѣйствующимъ правомъ достаточнымъ для молодыхъ людей, поступавшихъ на гражданскую службу. Не смотря на почти полное отсутствіе „нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленіе оного къ академическимъ учепіямъ“, которыя, однако, лучшіе изъ современниковъ императрицы считали „необходимо потребными для распространенія наукъ“³⁾, она въ виду указанной цѣли прямо принялась за

¹⁾ С. Р. И. О., I, 254—291. Въ манифестѣ отъ 15-го декабря 1763 г. (И. С. З., т. XVI, № 11989) сказано между прочимъ, что „всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей“. Въ „приложеніяхъ принциповъ, изложенныхъ въ книгѣ извѣстной подъ названіемъ „Esprit des lois“ къ русской жизни“, императрица, имѣя въ виду текстъ 5-й главы XI-й книги сочиненія Монтескье, замѣчаетъ: „La Russie a une étendue de possessions qui doit lui défendre toute conquête ultérieure; celle ci ne pourrait que l'affaiblir. Son objet ne peut donc être que de maintenir ce qu'elle possède, son intérieur demande un grand soin d'augmenter le nombre des habitants, de les porter à la culture des terres, au commerce, puis à l'industrie, aux arts, de maintenir la discipline militaire; les engagements politiques pour le maintien de la tranquillité du Nord peuvent acquérir des corps peu considérables de troupes et par là soutenir la réputation de ses armes“. (Г. А., X, 19, лл. 491—492).

²⁾ Наказъ, ст. 156, 448 и 458.

³⁾ Въ указѣ объ учрежденіи академіи императоръ Петръ I сознавался, что въ государствѣ „прямыхъ школъ, гимназійъ и семинаріей нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли“ (И. С. З., т. VII, № 4443). Нѣкоторые изъ академиковъ, напримѣръ, Миллеръ, высказывали такія же мысли (Гр. Д. Толстой, Академическій университетъ и пр. въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 4, 27). [„Въ нижнихъ (школахъ) начинаютъ учиться наукамъ, въ верховныхъ ученіе совершаютъ... послѣднія безъ подкрѣпленія первыхъ никакъ устоять не могутъ“ (Наказъ Академіи Наукъ 1767 г. въ С. Р. И. О., XLIII, 371; ср. ibid., стр. 8). С. Порошннъ, Записки, изд. 1881 г., стр. 37—38 (мнѣніе Н. Панина).

преобразование существующихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ силу манифеста 1763 года школа при сенатѣ была упразднена такъ же, какъ и самое званіе коллежскихъ и титулярныхъ юнкеровъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; отнынѣ молодые люди, способные учиться, должны были поступать въ коммерческія училища¹⁾, кадетскіе корпуса и университетъ. Съ теченіемъ времени послѣдній занялъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто²⁾. При основаніи Московскаго университета на ряду съ другими факультетами учрежденъ былъ, конечно, и факультетъ юридическій: въ задачи преподаванія на этомъ отдѣленіи входило между прочимъ подготовленіе знающихъ законы чиновниковъ³⁾: студентамъ-юристамъ предполагали читать общую юриспруденцію, то-есть, натуральныя и народныя права, узаконенія Римской древней и новой имперіи, юриспруденцію Россійскую, при преподаваніи которой профессоръ долженъ былъ „изяснять внутреннія государственныя права“, а также „политику“⁴⁾. Въ основу факультетскаго преподаванія, какъ видно, положено было изученіе правъ: естественнаго, римскаго и русскаго. Преподаваніе послѣдняго на первыхъ порахъ было, однако, поставлено въ самыя невыгодныя условія: иностранные профессора, не имѣвшіе, притомъ, подъ руками сборниковъ и учебниковъ по исторіи русскаго законодательства, предпочитали сосредоточивать свое вниманіе на изученіи и преподаваніи чужеземнаго права. Между тѣмъ ученія римскихъ юристовъ, а также французскихъ „юриспрудентовъ“ позднѣйшаго времени далеко не вполне удовлетворяли потребностямъ русской практики;

¹⁾ Воспитанники коммерческаго училища въ силу учрежденія 1772 года также должны были обучаться отъ 15 до 18 лѣтъ между прочимъ правамъ и экономіи государственнымъ (И. С. З., т. XIX, № 13916).

²⁾ Составитель новаго устава кадетскаго корпуса (Н. Бецкій?) требовалъ „практическаго воспитанія“, но въ смыслѣ „смотрѣнія и слышанія, а не тверженія уроковъ“. Онъ настаивалъ такимъ образомъ скорѣе на необходимости конкретныхъ и живыхъ средствъ для образованія, чѣмъ на практическомъ характерѣ его содержанія (И. С. З., т. XVII, № 12741, стр. 975, 976, 981 и 992) и при томъ имѣлъ въ виду спеціальныя задачи, преслѣдуемыя кадетскимъ корпусомъ, а не образованіе вообще (ib., стр. 976 и 981). Впрочемъ, та же точка зрѣнія высказана и въ планѣ воспитательнаго дома (И. С. З., т. XVIII, № 12957, стр. 315).

³⁾ Эту мысль высказывалъ, напримѣръ, Шаденъ въ рѣчи своей: *De anima legum*, 1767 г. С. *Шевыревъ*, *Op. cit.*, стр. 158.

⁴⁾ Рѣчи и стихи произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго университета іюня 26-го 1880 г. М. 1880 г., стр. 81 и 99. Ср. *Биографическій Словарь профессоровъ Московск. унив.* 1855 г., т. I, стр. 305.

въ основѣ послѣдней все же лежали своеобразныя начала туземнаго права ¹⁾. Если въ западной Европѣ, гдѣ рецепція римской догмы достигла столь значительныхъ размѣровъ, уже въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ стали учреждать самостоятельныя кафедры по національному гражданскому и государственному праву ²⁾, то въ Россіи подобное же выдѣленіе казалось тѣмъ болѣе законнымъ, чѣмъ менѣе русское право оказывалось зависимымъ отъ западно-европейскаго по содержанію.

Неудивительно поэтому, что императрица Екатерина II, возлагая на университетъ обязанность готовить знающихъ русскіе законы чиновниковъ, позаботилась о возможно болѣе благоприятной постановкѣ преподаванія русскаго права въ Московскомъ университетѣ: уничтожая школу при сенатѣ, она одновременно повелѣла для этихъ цѣлей учредить „особые классы російской юриспруденціи“ и преподавать ее (съ 1767 г.) на русскомъ языкѣ ³⁾. Дѣйствительно, около этого времени въ числѣ предметовъ, читаемыхъ на юридическомъ факультетѣ, впервые появляется русское право. Уже въ 1765 году Дильтей общалъ читать право русское и другія права примѣнительно къ русскому; между 1770—1777 годами онъ въ самомъ дѣлѣ преподавалъ исторію русскаго права, права военное и морское по уставамъ и уго-

¹⁾ Дополнительные курсы по статистикѣ, которые читалъ проф. Рейхель (вѣроятно въ Ахэнваль-Шлѣцеровскомъ духѣ) въ видѣ заключенія къ новѣйшей исторіи государствъ Европы (*С. Шеллеръ*, Ист. Моск. унив., стр. 36, 186), едва ли пополнили отогъ пробѣлъ въ преподаваніи на юридическомъ факультетѣ, да и предназначались для филологовъ и историковъ. О содержаніи этихъ курсовъ, вѣроятно, можно судить по книгѣ, напечатанной *I. Рейхелемъ* подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ познанію натурального, церковнаго, политическаго и проч. состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ. Перев. съ лат., М., 1775 г.“. А. Шлѣцеръ, на основаніи официальныхъ данныхъ читавшій статистику своимъ ученикамъ „въ Академіи X-й линіи“, вѣроятно, воспользовался своими записками впоследствии для составленія статистическаго обзоренія Россіи.

²⁾ Преподаваніе французскаго права въ университетахъ начинается съ 1879 г. (*A. Esmein*, Cours élémentaire d'histoire du Droit français, Par., 2-me ed., 1895, p. 757). Агумбусъ читалъ лекціи по государственному праву въ Іенѣ между 1606 — 1637 годами; G. Вeyer началъ свои лекціи по нѣмецкому гражданскому праву въ Виттенбергѣ въ 1707 году. (*G. Meyer*, Staats- und Verwaltungsrecht in *W. Iasitz*, Die Deutsche Universitäten, I, 362—363 и *H. Brunner* Deutsches Recht, *ibid.*, I, 320). Блэкстоунъ (*W. Blackstone*) едва ли не первый открылъ публичный курсъ англійскаго гражданскаго и государственнаго права въ 1753 г., послѣ чего на средства Вивера основана была кафедра англійскаго публичнаго права.

³⁾ И. С. З., т. XVI, № 11989 (1763 г. декабря 15-го).

ловное право примѣнительно къ россійскимъ законамъ. Въ то же время Десницкій (съ 1767 г.) толковалъ Пандекты, а Третьяковъ (1771 — 1776)—Дигесты сравнительно съ правомъ россійскимъ. До 1788 г. И. Аничковъ уже открылъ курсъ по практической россійской юриспруденціи и судопроизводству, который затѣмъ продолжалъ извѣстный законоискусникъ З. А. Горюшкинъ. Въ 1789—1790 гг., наконецъ, проф. Пургольдъ читалъ между прочимъ лекціи по введенію въ право россійское и по его исторіи¹⁾. Въ то же время З. А. Горюшкинъ сталъ преподавать россійское практическое законоискусство въ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Московскомъ университетѣ, при чемъ во вступительной рѣчи своей къ открываемому курсу настаивалъ на необходимости „приобрѣтать знанія по россійскому законоискусству на основаніи правилъ, избранныхъ изъ законовъ“²⁾.

Сама императрица, однако, едва ли вполне довѣряла педагогическимъ способностямъ профессоровъ Московскаго университета. Во время подготовительныхъ работъ по созванію большой комиссіи 1767 г. императрица размышляла между прочимъ и о томъ, какъ повысить образовательный уровень чиновниковъ, служившихъ по гражданскому вѣдомству. Съ этою цѣлью она предполагала открыть благороднымъ юношамъ, желающимъ служить по судебной части (*qui se destinent à la robe*) дорогу къ занятію должностей, заставляя ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исправлять обязанности стряпчихъ³⁾. Къ тому же времени, вѣроятно, относится и другое предположеніе императрицы, между прочимъ высказанное также однимъ изъ членовъ комиссіи 1767 г., объ учрежденіи при герольдіи „экзамена тримѣсячнаго для тѣхъ, кои опредѣлятся желаютъ къ дѣламъ и безъ такого въ законахъ экзамена никого не опредѣлять“⁴⁾. Предположеніе это, сводившееся въ сущности къ возстановленію государственныхъ экзаменовъ,

¹⁾ С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 132, 146—147, 166, 188, 228. Въ послужномъ спискѣ С. Десницкаго (Г. А. XVI, 168, Кар. 14, л. 540) говорится, что онъ началъ преподавать „наставленія и Пандекты права Римскаго сравнивая съ опими и право Россійское“ съ 1767 года; у С. Шевырева взамѣнъ 1767 г. стоитъ 1770-й

²⁾ З. Горюшкинъ, *Руководство къ познанію Рос. Законоискусства*, т. I, М., 1811 г., стр. I—XII. Пансіонъ открытъ былъ въ 1779 г. (С. Шевыревъ, *Op. cit.*, стр. 214). Курсъ пракческаго законоискусства стали читать въ немъ едва ли не съ 1788 г. (З. Горюшкинъ, *Руководство*, I, 2); рѣчь Горюшкина помѣчена 5-мъ сентября 1790 г.

³⁾ Г. А., X, 19, л. 468. Императрица считала нужнымъ при этомъ окрестить эту должность другимъ названіемъ.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 440. Г. А., X, 19, л. 62.

извѣстныхъ съ 1720 г. подъ названіемъ смотровъ, осталось, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. То же недоверіе сказалось и въ другія мѣропріятія императрицы. Въ 1765 г., напримѣръ, два студента академическаго университета посланы были въ Геттингенскій университетъ для обученія подъ руководствомъ Шлецера; въ числѣ предметовъ, входившихъ въ кругъ обученія, названы, кромѣ исторіи: статистика, натуральное право, нѣмецкое государственное право (*ius publicum Germaniae*) и политика¹⁾. Спустя три года послѣ появленія манифеста 15-го декабря, какъ извѣстно, нѣсколько молодыхъ русскихъ дворянъ также отправлено было въ Лейпцигъ для того, „чтобы между людьми въ дѣлахъ судебныхъ или судопроизводныхъ обращающимися было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніемъ гражданъ на судѣ“. Въ виду этой цѣли молодые люди, посланные въ Лейпцигскій университетъ, должны были обучаться „исторіи, наипаче праву естественному и всенародному, отчасти Римской имперіи праву“, а также моральной „философіи“; впрочемъ не всѣ они воспользовались столь благопріятнымъ случаемъ для пополненія своего образованія, не всѣ сѣумѣли и употребить его въ дѣло по возвращеніи въ Россію²⁾. Русскіе студенты, посланные изъ учебныхъ заведеній по духовному вѣдомству въ Оксфордъ и Кэмбриджъ также слушали лекціи по исторіи и юридическимъ наукамъ, но спеціально ими не занимались³⁾. Императрица, какъ видно, уси-

¹⁾ *Гр. Д. Толстой*, Академическій университетъ и пр. въ Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 58 и 65—67. Въ 1785 г. также послано было нѣсколько гимназистовъ-студентовъ въ тотъ же университетъ (*Гр. Д. Толстой*, Академическая гимназія въ XVIII ст., *ibid.*, стр. 87).

²⁾ Сынъ Г. Теплова, напримѣръ, вернулся изъ Лейпцига „довольно обученный разными наукамъ, въ томъ числѣ и „юридическимъ“, но, вслѣдъ затѣмъ произведенный въ офицеры, „съ приѣзда своего черезъ пять лѣтъ ни книгъ, ни пера, ни бумаги въ руки не бралъ и все то забылъ, чему былъ обучаемъ..“ (Переписка Г. Теплова съ Екатериной II въ Госуд. Арх. V, 1, № 119).

³⁾ С. Р. И. О., т. X, стр. 107—181; *А. Радищевъ*, Житіе О. В. Ушакова въ „Восемнадцатомъ вѣкѣ“ т. I, стр. 187, 199. *С. Порошинъ*, Записки, С.-Пб. стб. 446. *В. Александретто*, Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ къ Ж. М. Н. Пр. за 1893 г., январь, стр. 5. — Бывали и охотники до заграничнаго образованія по собственной инициативѣ, выражавшіе желаніе отправиться въ европейскіе университеты; таковъ былъ, напримѣръ, учитель Крутицкой семинаріи Д. Семеновъ, учившійся въ Геттингенскомъ университетѣ въ 1766—1772 гг. и слушавшій между прочимъ лекціи по исторіи, статистикѣ и правамъ естественному и международному (*С. Соловьевъ*, XXVI, 257).

ливая преподаваніе русскаго права въ университетѣ, продолжала тѣмъ не менѣе по примѣру своихъ предшественниковъ ¹⁾ прибѣгать къ помощи иностранныхъ профессоровъ и учебныхъ учреждений для ознакомленія нѣкоторыхъ изъ русскихъ студентовъ съ общими началами юриспруденціи.

Это оказывалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что мѣропріятія, которыми Екатерина II думала поднять уровень юридическаго образованія въ Россіи, долго еще не приносили желанныхъ результатовъ. Изъ кадетскаго корпуса и послѣ изданія манифеста 1763 года все еще выпускали въ штатскіе чины молодыхъ людей, лишенныхъ надлежащихъ знаній. Университетскій курсъ также оканчивало еще очень мало студентовъ, едва ли всегда достаточно образованныхъ ²⁾. Неудивительно поэтому, что по учрежденіи губерній императрица отчасти возвратилась къ прежнему способу практическаго обученія молодыхъ людей законоискусству, при чемъ надзоръ за такимъ обученіемъ изъ центральныхъ учреждений перевела въ мѣстныя. „Весьма желательно, читаемъ мы въ штатахъ чиновъ, опредѣленныхъ для отправления правосудія въ губерніяхъ, да и главнокомандующему и губерискому правленію нужно поощрять, чтобы молодые дворяне *по окончаніи наукъ* употребляли себя къ наученію не меньше для нихъ полезному: знать законы своей страны и образъ судопроизводства; а для сего бы опредѣлялись въ приказы, не выѣзжая отнюдь въ предосужденіе благородству пріобрѣтать отъ первыхъ степеней канцелярскихъ свѣдѣнія и способности въ дѣлахъ и въ нихъ столько изощряться, чтобы могли поступая въ чины высшіе достойно и похвально исправлять свое званіе къ пользѣ общей; ибо такимъ преимущество всегда отдается при выборѣ и опредѣленіи въ почетнѣйшія мѣста гражданскихъ должностей“ ³⁾. На этотъ обычай, можетъ быть, и жаловался Десницкій. „И по днесь, писалъ нашъ юристъ въ 1778 году, всѣ приступаютъ къ изученію законознанія въ канцеляріяхъ“; „начиная сперва копейстами и прорываясь

¹⁾ Ср. П. С. З., т. V, № 2997. А. *Болонскъ*, Записки, т. I, стб. 987, 960—961.

²⁾ „Университетъ нашъ Московской, писалъ кн. М. Щербатовъ уже послѣ 1775 года, является не довольно способными и искусными учителями и довольно они тщаніе прилагаютъ для такого наученія“ (кн. М. *Щербатовъ*, О способахъ преподавать разныя науки рук. въ Имп. Публичн. Библ., Эрмит. Библ., № 128, стр. 1).

³⁾ Ср. Уставъ о благочиніи, стр. 55 въ П. С. З., т. XXI, № 15379.

сквозь всѣ огромности бумагъ“, служащіе „выходятъ по долговременномъ изможденіи на перѣ въ канцеляристы и высшіе чины“; „и сей способъ ученія юридическаго“, продолжаетъ авторъ, „только недостаточествующій во многомъ и при самомъ начинаніи, явно доказующійся многотруднымъ и беспорядочнымъ, повсемѣстно въ Россіи въ обыкновеніе принять; такъ что всѣ почти, оставя всякое другое воспитаніе, какъ неоптребное для приказнаго человѣка, отсылають дѣтей своихъ прямо къ повѣтчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому другаго приуготовленія“¹⁾.

Итакъ, русскіе законоискусники, по мнѣнію талантливаго нашего юриста, съ одной стороны не имѣли никакого общаго образованія, съ другой обладали одними практическими свѣдѣніями, а не знаніемъ первыхъ началъ закона, безъ котораго приказная дѣятельность превращается въ рутину, такъ что „знающій порядокъ въ одномъ судебномъ мѣстѣ, переведенъ будучи въ другое, непремѣнно снова долженъ будетъ учиться порядку въ ономъ употребляемому“, при чемъ „малѣйшая перемѣна въ законѣ опрокинетъ и помутитъ весь его разумъ“²⁾.

Печальное положеніе, въ какомъ находилось юридическое образованіе того времени, объяснить нетрудно. Какъ ни проста была задача, намѣченная манифестомъ 1763 года, выполнить ее оказалось не такъ-то легко: помимо отсутствія достаточнаго количества среднихъ учебныхъ заведеній, способныхъ подготовить молодыхъ людей къ слушанію университетскихъ лекцій, у преподавателей и учениковъ (предполагая даже со стороны тѣхъ и другихъ способность и полное желаніе учить и учиться) не было подъ руками подходящаго систематическаго сборника законовъ. По древнѣйшей исторіи русскаго права, правда, существовали кое-какія изданія въ родѣ, напримѣръ, „Древней россійской Вивлюенки“ Н. Новикова, выходившей отдѣльными выпусками (частями) съ 1773 года; немногіе изъ важнѣйшихъ

¹⁾ И. С. З. т. XVII, № 12481. „Живописецъ“, изд. Н. Новиковымъ, ч. I, изд. 2-е, стр. 158—160. С. Десницкій, Ор. сіт., т. IV, стр. 356—357. Впрочемъ, не всѣ такъ скептически относились къ этимъ порядкамъ: кн. М. Щербатовъ жалѣлъ объ упраздненіи юнкерскихъ школъ, „гдѣ познанію законовъ учились“ (Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Собр. соч., т. I, стб. 425).

²⁾ З. Горюшкинъ, Руководство, ч. I, стр. VII.

памятниковъ законодательства и отдѣльные указы также печатались (см. ниже, гл. II). Но болѣе или менѣе цѣльнаго собранія матеріаловъ по повѣйшей исторіи русскаго права, расположенныхъ по какой-либо системѣ, еще не появлялось въ печати.

Частныя попытки подобнаго рода не увѣнчались успѣхомъ.

Еще въ 1748 г. академикъ Штрубе де Пирмонъ указывалъ на то, что систематической обработки русскихъ законовъ въ одной книгѣ собранныхъ и надлежащимъ образомъ расположенныхъ не имѣется въ литературѣ¹⁾; то же мнѣніе ему пришлось повторить и восемь лѣтъ спустя въ извѣстномъ его „словѣ о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ закоповъ“. Не довольствуясь, однако, этими замѣчаніями проф. Штрубе, вѣроятно, около того же времени сочинилъ краткое руководство къ россійскимъ правамъ, въ которомъ расположилъ въ систематическомъ порядкѣ извлеченія и пересказы изъ русскихъ законовъ. Руководство Штрубе распадалось на двѣ книги: первая посвящена была праву особенному (частному), вторая праву общему или публичному. Въ первой части первой книги авторъ давалъ понятіе читателю о правахъ и законахъ вообще, а также о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ; вслѣдъ за этимъ общимъ введеніемъ вторая, третья и четвертая часть первой книги должны были содержать изложеніе правъ, „касающихся до персонъ, до имѣнія и до суда“. Включая, такимъ образомъ, ученіе о законѣ и о правахъ состоянія, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ въ отдѣлѣ гражданскаго права, составитель руководства естественно принужденъ былъ сузить содержаніе второй книги, посвященной праву публичному; сюда попало три отдѣла: 1) „о должностяхъ, касающихся до императорскаго величества“; 2) „объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ Россійской имперіи, а также о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ и о прокурорскомъ чинѣ“; 3) „о военныхъ дѣлахъ“. Во второй книгѣ своего сочиненія Штрубе, какъ видно, излагалъ нормы дѣйствующаго государственнаго права, законы о верховной власти, а также объ органахъ управленія гражданскаго и военнаго²⁾.

¹⁾ *И. Шкарскій*, Ист. Акад. Наукъ, т. I, стр. 677—678.

²⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Госуд. Древлехр., отд. V, св. 7. Здѣсь, кромѣ перваго изъ поименованныхъ въ текстѣ сочиненій, сохранился неполный планъ краткаго руководства къ россійскимъ правамъ; въ немъ недостаетъ § 3 второй

„Сочиненіе“ Штрубе, составленное натурализованнымъ иностранцемъ, монархистомъ по убѣжденіямъ ¹⁾, не заслужило, однако, одобренія со стороны академіи, которая сочла сборникъ законовъ, дословно списанныхъ съ „печатныхъ книгъ“, непригоднымъ для обученія русскаго юношества и поэтому оставила трудъ Штрубе неизданнымъ ²⁾. Комиссія 1767 г. обратила вниманіе на сборникъ бывшаго академика: въ ея бумагахъ оказался реэстръ, списанный съ этого руководства, вѣроятно, по желанію самой императрицы; оригиналъ тѣмъ не менѣе не былъ напечатанъ ³⁾.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ современниковъ комиссіи продолжали высказывать сожалѣніе о томъ, что не дѣлается „вѣрныхъ и обстоятельныхъ всему своему описаній“ ⁴⁾. Этой потребности должно было, повидимому, удовлетворить изданіе, которое нѣсколько позднѣе предполагала предпринять Академія Наукъ. „Многіе изъ господъ академиковъ объѣхали и любопытными и проницательными глазами осмотрѣли большую часть государства, черезъ что сами собою приобрѣли достаточное, какъ физическое такъ и моральное свѣдѣніе о сей великой части земнаго круга; при этомъ лѣтописи сей монархіи не представляютъ направительнѣйшему изыскателю ни одного періода, въ коемъ бы ея сила и щастіе возрастали столь быстро и столь выгодно“. Въ виду этихъ

части второй книги (о прокурорахъ) и всей третьей части той же книги (о военныхъ дѣлахъ). Этотъ отдѣлъ можетъ быть опущенъ въ виду того, что особой комиссіи по военной части въ 1767—1774 при большомъ собраніи не существовало, тогда какъ списокъ съ „плана“ и составленъ былъ для депутатовъ комиссіи 1767 г. На существованіе цѣльнаго экземпляра руководства въ рукописномъ отдѣленіи Академіи Наукъ обязательно указалъ мнѣ проф. Н. М. Коркуновъ; благодаря любезности академика А. А. Куника я имѣлъ возможность ознакомиться съ его содержаніемъ. См. *Соколовъ*, Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ къ Россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библиотекѣ находящимся. С.-Пб. 1818 г., № 98. Краткое изложеніе—у *И. Цекарскаю*, Ист. Акад. Наукъ, I, 681—682. *М. Владиміръскій-Будановъ*. (Op. cit. стр. 185) ошибочно приписываетъ составленіе краткаго руководства не Штрубе, а Бекенштейну.

¹⁾ Strube de Piermont обыкновенно считаютъ авторомъ известнаго памфлета: „Lettres Russiennes“, направленномъ противъ замѣчаній, высказанныхъ Монтескье въ *Esprit des Loix* объ абсолютизмѣ вообще и одеспотическомъ характерѣ власти русскихъ государей въ частности; ср. ниже гл. IV-ю.

²⁾ *И. Цекарскій*, Op. cit., I, 688.

³⁾ Въ позднѣйшее время (1789 г.) В. Горюшкинъ издалъ словарь юридическій или сводъ руссійскихъ узавоненій.

⁴⁾ *О. Порошинъ*, Записки, стб. 60.

соображеній, особенно послѣдняго, бывшій въ то время директоромъ Академіи Наукъ С. Г. Домашневъ назначилъ особый комитетъ, въ которомъ приняли участіе Румовскій, Палласъ, Лаксманъ, Лепехинъ, Гюldenштедтъ, а также адъюнкты: Иноходцевъ и Георги. Комитетъ выработалъ и въ 1778 г. напечаталъ программу или „начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской Имперіи“. Третья часть этой программы отведена „общему статистическому описанію Россійскаго государства“; здѣсь члены комитета предполагали помѣстить свѣдѣнія: о властяхъ, о воинствѣ, о вѣрахъ и духовенствѣ, о гражданской власти и ея устройствѣ, о населеніи государства, далѣе рассмотреть нынѣшнее сравненіе (sic) до пропитанія касающагося и показать естественныя богатства и преимущества Россіи въ связи съ ея торговлей ¹⁾).

Попытки Академіи Наукъ дать русской публикѣ обзоры прошлаго и современнаго состоянія Россіи въ юридическомъ отношеніи не увѣщались успѣхомъ: собраніе Штрубе осталось неизданнымъ, а „Описаніе Россійской Имперіи“ задумано было по такому широкому плану, выполненіе котораго въ ближайшемъ будущемъ оказалось невозможнымъ. Наконецъ, „статистика въ разсужденіи Россіи“ кн. М. Щербатова, содержащая между прочимъ главу о „правленіи“, не могла, конечно, замѣнить сборника законовъ Россійской Имперіи, тѣмъ болѣе, что оставалась въ рукописи и издана была лишь гораздо позднѣе²⁾, а „словарь“ Ланганса былъ въ сущности простымъ предметнымъ указателемъ къ важнѣйшимъ регламентамъ и указамъ, все еще не собраннымъ во-едино, да и не отличался надлежащею полнотою ³⁾. Поэтому составитель

¹⁾ Начертаніе и проч. С.-Пб. 1778 г. Отзывъ о немъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, 1778 г., ч. II, стр. 299—304. Кромѣ того въ V-й части указаны отдѣлы: экономическое и физическое описаніе царства растений и животныхъ.

²⁾ *Уч. М. О. И. и Д.*, 1859 г., кн. III, стр. 65—96. Въ главѣ о правленіи авторъ даетъ характеристику царской власти въ Россіи и обозрѣваетъ центральныя учрежденія (сенатъ и коллегіи); далѣе слѣдуютъ критическія замѣчанія о губернскихъ учрежденіяхъ. Къ сожалѣнію, глава о правленіи въ известномъ намъ экземплярѣ обрывается на полуфразѣ. Замѣтимъ при этомъ, что сочиненіе кн. Щербатова оставалось неизданнымъ до позднѣйшаго времени и, слѣдовательно, уже по одной этой причинѣ не могло имѣть большаго распространенія.

³⁾ *Ф. Ланганс*, Словарь юридическій или сводъ россійскихъ узаконеній по азбучному порядку для употребленія Императорскаго Московскаго Университета въ классѣ практической юриспруденціи, М., 1788 г. Это пособіе выдержало нѣсколько изданій; см. *Лѣт. рус. язт.*, изд. Н. Тихонравовымъ, ч. V, отд. II, стр. 23 (М., 1863 г.).

перваго довольно полного свода російскихъ узаконеній, разиѣщенныхъ въ первой части по азбучному порядку, а во второй пересказанныхъ авторомъ „по старшинству годовъ, мѣсяцовъ и числъ“ (1648—1792 гг.). имѣлъ право замѣтить въ предисловіи къ своему изданію, что „такой книги, изъ которой и все отечество, а особливо отдаленные отъ столицъ обыватели (могли-бы) почерпнуть великія пользы до изданія намѣреннаго Новаго Уложенія, до нынѣ еще въ Россіи не бывало“¹⁾.

Между тѣмъ безъ такого сборника трудно было написать болѣе или менѣе сносное руководство по исторіи или догмѣ русскаго права. И дѣйствительно, сочиненій подобнаго рода въ сущности вовсе не имѣлось въ русской ученой литературѣ того времени.

„Слово“ Штрубе де Пирмона о началѣ и перемѣнахъ російскихъ законовъ касалось въ самыхъ общихъ чертахъ лишь древней исторіи русскаго законодательства до Петра и, конечно, не могло удовлетворить тѣмъ цѣлямъ, какія преслѣдовала Екатерина²⁾. Еще менѣе пригоднымъ могъ показаться въ этомъ отношеніи трактатъ того же автора о „справедливости“ (équité), который долженъ былъ послужить для усовершенствованія Уложенія, и „предварительныя размышленія о кодексѣ законовъ російскихъ императрицы Екатерины“. Судя по плану этого послѣдняго труда, Штрубе де Пирмонъ собирался начать его общими разсужденіями о законахъ, ихъ происхожденіи, цѣлесообразности, необходимости, многосложности, разнообразіи и обязательности, а также совѣтами о томъ, какъ перемѣнять и составлять ихъ;

¹⁾ М. Чулковъ, Словарь юридическій или сводъ російскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій суда и расправы, въ 2-хъ частяхъ, М., 1792—1796 гг. Первая часть (831 стр.) гораздо обширнѣе указателя Лангана (210 стр. менѣе убоистой печати); вторая содержитъ узаконенія 1648—1795 г. включительно и составляетъ до 4-хъ большихъ томовъ in 4°. Трудъ М. Чулкова былъ первымъ въ ряду многихъ другихъ сборниковъ, изданныхъ въ первой четверти XIX столѣтія Л. Максимовичемъ, Ф. Праяковичемъ, А. Фалковскимъ, С. Ханжыловымъ, а также П. и Т. Хавскимъ вмѣстѣ съ И. Пестовымъ и Е. Петровымъ; бібліографическія указанія см. у А. Смирдина, Роспись, стр. 122—124.

²⁾ П. Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ I, т. I, стр. 677—678. *Strubr de Piemont*, Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes. SPt. 1756, p. 2. Русскій переводъ С. Нарышкина изданъ въ томъ же году. Составитель устава кадетскаго корпуса все еще указываетъ на книгу Пуффендорфа о должности человека и гражданина въ периодѣ Барбейрака, какъ на пособие при изученіи правочинительной философіи и всенароднаго права, „буде нѣтъ другой, которая бы сей предпочтена быть могла“ (П. С. З., т. XVII, № 12741).

дальше авторъ сообщалъ свѣдѣнія о законахъ россійскихъ и попыткахъ кодификаціи русскаго права до 1767 г. Но и эти сочиненія Штрубе, насколько намъ извѣстно, не были написаны, да и не могли замѣнить сборника русскихъ законовъ или учебника по русскому праву¹⁾.

Неудачный исходъ работъ въ комиссіи 1767 года и недостатокъ въ пригодныхъ руководствахъ къ познанію россійскихъ законовъ заставили Екатерину вѣяться за перо: въ 1788 году она, какъ извѣстно, издала книгу „о должностяхъ челоѣка и гражданина“, „къ чтенію опредѣленную въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской имперіи“ и за послѣднія тринадцать лѣтъ ея царствованія выдержавшую шесть изданій²⁾. Сочиненіе императрицы дѣйствительно читали не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ³⁾; оно, однако, не могло удовлетворить болѣе образованныхъ русскихъ читателей и юристовъ. Послѣдніе, между тѣмъ, не имѣли твердой почвы подъ ногами. Уже Десницкій въ 1768 году указывалъ на то, что для успѣшной разработки русскаго права необходимо имѣть собраніе всѣхъ древнихъ и новыхъ правъ, указовъ и законовъ, безъ знаній которыхъ одни теоретическія разсужденія не могутъ имѣть плодотворныхъ результатовъ⁴⁾. И дѣйствительно, работы Дильтея, Золотницкаго, Третьякова и того же Десницкаго, Калазина и Артемьева обнаруживали плохое знакомство съ русскимъ законодательствомъ и большею частью затрагивали лишь спеціальные вопросы по юриспруденціи, которые рѣшали нерѣдко поверхностно и почти всегда искусственно, пользуясь началами иноземнаго права⁵⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о перепискѣ Г. Ф. Миллера съ Штрубе по этому дѣлу см. у П. Пекарскаго, *Op. cit.*, I, 687—688.

²⁾ Книга С. Пуффендорфа „О должности челоѣка и гражданина по закону естественному“ (рус. перев. изд. 1726 г.) къ тому времени конечно значительно устарѣла. Спустя два года послѣ изданія сочиненія императрицы Екатерины вышла французская книжка въ русскомъ переводѣ Р. Гвоздиковскаго подъ заглавіемъ: „Наставленіе (общенародное) или наука о правахъ и должностяхъ челоѣческихъ“. С.-Пб. 1786 г.

³⁾ П. С. З., XVIII, стр. 306 (гл. II); т. XXII, № 16421. *Рус. Стар.* т. XXIII, стр. 316. А. Никитенко, *Записки въ Рус. Стар.*, т. LIX, стр. 517.

⁴⁾ С. Десницкій, О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію русской юриспруденціи (Рѣчи русскихъ профессоровъ Импер. Московскаго унив. т. I, стр. 213—247).

⁵⁾ „Ф. Г. Дильтея“,—читаемъ мы въ предувѣдомленіи къ начальнымъ основаніямъ вексельнаго права (изд. 1794 г.), „сію книгу выбралъ изъ Гейнекція и по-

Для удовлетворительнаго выполненія той и другой задачи необходимо было имѣть подъ руками и учащимъ и ученикамъ всѣмъ доступное собраніе законовъ, тѣмъ болѣе желательное, что оно могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ служить справочною книгой и внѣ школы для служащихъ, а также образовательнымъ чтеніемъ для всякаго интересующагося исторіей и догмой русскаго права. Это хорошо понимали и профессора Московскаго университета. Въ 1765 году, напримѣръ, профессоръ Лангеръ требовалъ „экземпляръ Россійскихъ указовъ“, а Дильтей настаивалъ на необходимости расположить русскіе законы въ порядкѣ главъ и заглавій согласно съ ихъ содержаніемъ, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ преподаваніе въ университетѣ¹⁾. Предложеніе Дильтея, можетъ быть, дошло до самой императрицы²⁾. Шаденъ говоритъ, что для преподаванія права въ училищахъ нужно, чтобы „нѣкоторое способное и притомъ сокращенноена чертаніе законовъ отечества въ свѣтъ было издано“³⁾. Наконецъ, в Десницкій въ 1769 г. также требовалъ по одному экземпляру: указовъ россійскихъ и своднаго уложенія, составленнаго послѣднею комиссіей⁴⁾. Ту же самую потребность испытывали преподаватели и не университетскаго круга⁵⁾. Насколько она была значительна, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что даже плохой указатель Ланганса тѣмъ не менѣе выдержалъ три или четыре изданія, каждое тысячи по три экземпляровъ⁶⁾. Работы, подобныя перечисленнымъ выше, не восполняли, однако, крупнаго пробѣла въ русской юридической литературѣ. „За однимъ

тому можно справедливо сказать, что она расположена по Гейнекціевой вексельныхъ правъ системѣ...“; впрочемъ, авторъ „долго трудился въ расположеніи, направленіи и въ сношеніи Гейнекціевыхъ правилъ съ россійскимъ вексельнымъ уставомъ, при чемъ премного и затрудненія имѣлъ въ изысканіи россійскихъ указовъ, къ таковому намѣренію его нужныхъ, и не могъ бы самъ достать, если бы не покойный князь Д. И. Циціановъ ихъ для него не прискивалъ“. Обзоръ трудовъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ юристовъ этого времени см. въ соч. *Г. Шершеневича*, Наука гражданскаго права въ Россіи, Казань, 1893 г., стр. 8—8. Въ рукописныхъ собраніяхъ, кромѣ того, встрѣчаются до сихъ поръ ненапечатанныя сочиненія по юриспруденціи, писанныя въ XVIII вѣкѣ.

¹⁾ *С. Швейрецъ*, *Op. cit.*, стр. 132.

²⁾ *С. Соловьевъ*, *И. Р.*, XXVI, 260.

³⁾ *Schaden*, *De anima legum*, рус. пер., стр. 25.

⁴⁾ *С. Швейрецъ*, *Op. cit.*, стр. 149.

⁵⁾ *С. Порошинъ*, *Записки*, стб. 83 и 118.

⁶⁾ *Н. Новиковъ*, Показанія на допросѣ 1792 г. въ Лѣт. Рус. Лит. изд. П. Тихонрановымъ, ч. V, Отд. II, стр. 23. Словарь Ф. Ланганса издавъ былъ въ Университетской типографіи у Н. Новикова.

и немѣніемъ собраннаго изложенія всѣхъ правъ Россійскихъ, писалъ С. Десницкій въ 1778 г., никто не можетъ имѣть и приступа къ такой наукѣ, которая (то-есть которой) какъ древность, такъ и новость вся лежитъ разсыпана по разнымъ приказнымъ мѣстамъ въ запертыхъ и неприступныхъ учопымъ архивахъ и хранилищахъ“. Въ виду подобнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ „системѣ россійскихъ правъ, продолжаетъ разсуждать Десницкій, по особливому жребію досталось быть столько пренебреженной въ ученіи отъ всѣхъ, что она и поднесъ оставшись несобранною и не расположенною, не составляетъ въ себѣ никакой особливой науки, кромѣ практическаго употребленія судящихъ и судящихся, хотя и основана на твердомъ основаніи, и утверждена опытами множественныхъ вѣковъ“. Для того чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, надо было бы, по мнѣнію московскаго профессора, прежде всего образовать „архиву или собраніе всѣхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ правъ, законовъ и указовъ Россійскихъ, изъ коихъ бы потомъ сочинить можно самократчайшія наставленія всероссійскихъ правъ, въ которыхъ раздѣленіе и оглавленіе надлежитъ имѣть весьма примѣнительное къ свойству Россійскаго правленія и закона“. „Такое сведеніе и расположеніе оныхъ всѣхъ по порядку, по матеріи и по времени составляетъ нѣшѣ трудъ наибольшій во всей юриспруденціи Россійской“¹⁾.

Не знаемъ, извѣстны ли были С. Десницкому работы, предпринятія по составленію такого собранія въ канцеляріяхъ, оставшихся по закрытіи частныхъ комиссій 1767—1774 гг.; во всякомъ случаѣ мечты московскаго профессора очень подходили къ дѣйствительности. Трудъ непосильный для отдѣльныхъ лицъ взялась осуществить сама императрица. Возможно, что настоятельная потребность въ болѣе реальныхъ позитивныхъ данныхъ для разработки исторіи и догмы русскаго права и недостатокъ въ руководствахъ, которыя дали бы русскому „гражданину“ знакомство съ развитіемъ и современнымъ состояніемъ россійскаго „правленія“, и вызвали со стороны Екатерины желаніе воспользоваться матеріалами, собранными комиссіей 1767 г. для того, чтобы составить изъ нихъ „описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположенія частями“. Замѣтимъ при этомъ, что время, въ которое окончательно приступили къ составленію „описанія“ (см. ниже), совпадаетъ со временемъ учрежде-

¹⁾ С. Десницкій, *Op. cit.*, *ibid.*, т. I, 244, 245 и т. IV, 842, 856, 359—360; ср. кн. М. Щербатовъ, *Статистика въ разсужденіи Россіи*, стр. 98.

нія губерній. Описаніе какъ бы развиваетъ и дополняетъ краткій взглядъ, мимоходомъ брошенный на исторію нашего государственнаго устройства въ предисловіи къ учрежденію о губерніяхъ. Предполагаемый сборникъ законовъ могъ послужить не только матеріаломъ для юридическаго образованія русскихъ людей вообще, но и прочнымъ основаніемъ для административной и судебной практики, получившей особенно важное значеніе съ учрежденіемъ о губерніяхъ: въ такихъ основаніяхъ крайне нуждалось и населеніе, привлеченное къ участию въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, и само правительство, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ столицъ, гдѣ очень трудно было подбирать всѣ отдѣльныя изданія разныхъ узаконеній или наводить справки въ центральныхъ архивахъ.

Возможно, наконецъ, и то, что императрица, замѣтивъ новую потребность въ русскомъ обществѣ, пожелала дать ей удовлетвореніе, сообразное съ коренными задачами ея внутренней политики, уже принимавшей въ то время консервативный оттѣнокъ.

При такихъ условіяхъ описаніе становилось средствомъ для распространенія офиціозныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ предувѣдомленіи къ нему, на неизмѣнность коренныхъ принциповъ государства и на опасности, какія сопряжены съ быстрыми и необдуманнми перемѣнами въ правленіи и законахъ, безъ достаточныхъ знаній естества государственнаго установленія и историческаго прошлаго даннаго государственнаго строя ¹⁾). Съ подобнаго рода охранительной точки зрѣнія, находившей себѣ опору въ политическихъ теоріяхъ того времени, пред-

¹⁾ Предувѣдомленіе къ описанію начинается слѣдующимъ разсужденіемъ: „Въ гдѣченіи время ничто такъ человѣческаго вниманія не достойно, какъ состояніе царствъ земныхъ и тѣ прелѣты конитъ они въ началѣ и распространенія своемъ бывають подвержены. Бытія повѣствуютъ намъ, что многія державы, едва успѣли блеснуть своимъ величіемъ, какъ уже совершеннымъ изденіемъ и разрушеніемъ были угрожаемы; другія же напротивъ того долговременно въ неизвѣстности пребывая, и часто величайшимъ подвергаясь нещастіямъ, наконецъ, благосостояніе и силу свою недвижимо утвердили: откуда же происходитъ сіе столь удивительное противоположеніе, когда въ каждой изъ нихъ господствуетъ духъ правленія, въ каждой народныя дѣйствія законоположеніемъ бывають устроены и въ каждой общественное благосостояніе первѣйшимъ закономъ почитается? Сіе сомнѣніе дотогѣ пребудеть нерѣшимымъ, доколѣ со вниманіемъ не разсмотримъ мы всѣхъ частей внутренняго правленія каждыя державы и въ нихъ, яко въ первоначальныхъ сего противноложенія и точникахъ не постигнетъ истиннаго понятія“. Итакъ, одни царства падаютъ, другія стоятъ; объясняется это дѣйствіемъ внутреннихъ причинъ, различныхъ въ томъ и другомъ случаѣ, разнымъ характеромъ правленія, оживляемаго тѣмъ или другимъ разумомъ законоположенія.

ставительница просвѣщеннаго абсолютизма въ Россіи считала возможнымъ предложить русскому обществу послѣдней четверти XVIII вѣка юридическое образованіе въ извѣстномъ духѣ и для извѣстныхъ цѣлей. При бѣдности и случайности нашей литературы сочиненія, которое удовлетворяло бы такимъ взглядамъ, на лицо, однако, не оказывалось. „Но коликое нашему намѣренію, читаемъ мы въ предувѣдомленіи къ „описанію“, предстоятъ будетъ затрудненіе, когда разумъ законоположенія, коимъ каждое правленіе было оживляемо или разными противорѣчіями затемненъ, или же совсѣмъ неизвѣстенъ. Итакъ, да будетъ позволено заключить, что сіе толико достойное человѣческаго рода упражненіе награждено будетъ совершеннымъ успѣхомъ ежели внутреннее правленіе каждая державы (а въ томъ числѣ, конечно, и русской), объемлющее всѣ части законоположенія. написано и любопытному читателю предложено будетъ“¹⁾. „Любопытные читатели“, по мнѣнію составителей предувѣдомленія, не только остаются въ невѣдѣніи касательно основныхъ, неизмѣнныхъ принциповъ правленія: они плохо знаютъ и политическія перемѣны, происходившія съ нимъ въ теченіе нашей исторіи, а также мало проникнуты величіемъ и славой Россійской имперіи, какъ нельзя болѣе согласными съ „естествомъ ея государственнаго установленія“. „Бытія, въ ней случившіяся, повѣданы столь кратко, что кромѣ внутреннихъ замѣшательствъ и подвиговъ на иноплеменные народы о всемъ прочемъ, яко нужнѣйшемъ и существенномъ дѣлѣ со всемъ почти умолчено: почему разсматривающій состояніе сея имперіи, по невѣденію притчинъ способствовавшихъ ея величію, не иначе какъ чрезъ неосновательныя догадки заключенія свои дѣлать долженствуетъ; такъ что, наконецъ, то самое златое время, въ которомъ открываются тмочисленные дѣянія, достойныя вѣчнаго прославленія, будучи замѣшаны въ неосновательныхъ противорѣчіяхъ не токмо у потомства, но и въ настоящее время безъ должнаго уваженія останутся. И сіе-то столь ощутительное неудобство есть причиною изданія въ свѣтъ книги, заключающей въ себѣ внутреннее Россійскія имперіи правленіе со всѣми законоположенія частями“²⁾.

Какъ ни отрывочны сдѣланныя выше наблюденія, ими быть можетъ, однако, нѣсколько разъясняется то положеніе, въ какомъ находился вопросъ о русскомъ юридическомъ образованіи во второй по-

¹⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2987, т. I, л. 4.

²⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2987, т. I, л. 5.

ловинѣ прошлаго вѣка. Слабое стремленіе къ юридическимъ знаніямъ, пробудившееся въ русскомъ обществѣ съ эпохи реформъ и усилившееся во время переворотовъ, обусловленныхъ манифестомъ 5-го февраля 1722 года, опредѣлилось во второй половинѣ XVIII вѣка благодаря жизненной потребности этого общества въ правомѣрныхъ отношеніяхъ сословныхъ группъ другъ къ другу. Распространеніе такого образованія въ Россіи казалось тѣмъ болѣе желательнымъ, что безъ него нормальное функционированіе государственнаго механизма становилось затруднительнымъ, а это было противно и общественнымъ и правительственнымъ интересамъ.

Но для того, чтобы удовлетворить новой потребности нужно было прежде всего составить и издать такой трудъ, который замѣнилъ бы несуществующіе въ Россіи полное собраніе и сводъ законовъ и который легъ бы въ основу научнаго преподаванія и изученія русскаго права, а также послужилъ бы справочною книгой для наличнаго состава присутственныхъ мѣстъ, да и для всякаго любопытнаго читателя вообще.

Столь значительное предпріятіе оказалось по силамъ одному правительству; выполненіе его подготовили законодательныя комиссіи, не разъ собиравшіяся въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошлаго вѣка; за это время онѣ накопили значительный рукописный матеріалъ, ожидавшій систематической разработки, и, такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ обусловили возможность появленія собранія и свода законовъ, въ которомъ нуждались не только эти комиссіи, но и все русское общество второй половины XVIII столѣтія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Вопросъ о численности дворянъ, лишенныхъ первоначальнаго образованія.

Судя по сказкамъ недорослей, явившихся въ 1761 году въ Герольдію, изъ 435 человекъ 74 оказались лишенными какого бы то ни было образованія; они не умѣли ни читать, ни писать; кромѣ того, до 7 недорослей обучены были одному чтенію, но не письму. По возрасту, однако, почти всѣ они, казалось, должны были обладать хотя бы кое-какими элементарными знаніями. Въ самомъ дѣлѣ, соблюдая градацію, установленную указомъ 1737 г. ¹⁾, можно распредѣлить ихъ съ этой точки зрѣнія въ слѣдующемъ порядкѣ:

¹⁾ И. С. З., т. XV, № 7171.

Возрастъ недорослей (въ годахъ).	Число недорослей.	
	не умѣющихъ читать и писать.	умѣющихъ читать, но не писать.
1—7	2	—
7—12	5	—
12—16	8	3
16—20	27	3
болѣе 20	82	1
Итого. . .	74	7

Такимъ образомъ, до 17,0% дворянскихъ недорослей, явившихся въ Герольдію незадолго до появленія указа 18-го февраля 1762 г. (не считая 1,6% умѣвшихъ читать), было-бы не въ состояніи лично и непосредственно ознакомиться съ его содержаниемъ. Цѣлыя семьи дворянъ коснѣли въ полномъ невѣжествѣ; въ Новгородской губерніи оказался, напримѣръ, въ числѣ прочихъ шестидесятилѣтній помѣщикъ И. М. Максимовъ съ двумя сыновьями 23 и 17 лѣтъ; всѣ они не умѣли ни читать, ни писать. Явленія подобнаго рода нельзя объяснить малолѣтнимъ возрастомъ недорослей: значительное большинство ихъ вышло изъ того періода, въ теченіе котораго по указу 1737 г. они должны были по меньшей мѣрѣ научиться читать и писать. Замѣтимъ, при этомъ, что среди дворянъ старше 20 лѣтъ попадались лица 50—60 лѣтъ (7 случаевъ изъ 33). Исключительно мѣстными причинами дѣло также вполне не разъясняется, такъ какъ неграмотные дворяне происходили изъ разныхъ уѣздовъ ¹⁾. Нѣкоторое вліяніе на плачевное состояніе образованія дворянъ могла оказать незна-

¹⁾ Уѣзды, въ которыхъ всѣ 435 недорослей владѣли (за немногими исключеніями) помѣстьями, слѣдующіе: Алаторскій, *Алексимскій*, Араамасскій, Брянскій, *Вязецкій*, Бѣльскій и *Вязоверскій*; Великолуцкій, Верхососенскій, Владимірскій, Вологодскій, Вяземскій; *Галичскій*; Елецкій; Зубцовскій; Кадомскій, Кадышевскій; Казанскій, *Камужскій*, Карачевскій, Клипрскій, Кнешемскій, Козельскій, Козловскій, *Костромской*, Крапивненскій, Курскій; Ливенскій, Лихвинскій, Луховской, Любимскій; *Михайловскій*, Можайскій, Московскій, Муромскій, Миценскій; Нижегородскій, *Новгородскій*, Новосильскій, Новоторжскій; Одоевскій, Орловскій; Пензенскій, *Перемышльскій*, Переяславль-Рязанскій, Пошехонскій, Пропской, Псковской, Пусторжевскій, Путимльскій; Ржевскій, Романовскій, Рославльскій, Ростовскій, Ражскій, Рыльскій; Саратовскій, *Симбирскій*, Смоленскій, Старицкій, Староскопскій, *Судайскій*, Судиславльскій, Суздальскій; Тамбовскій, Тарусскій, Тверской, *Торопецкій*, Тульскій; Углицкій, Устюжно-Желѣзнопольскій; Юрьевъ Польскій; *Шачскій*; *Чухломской*, Яроскій и *Ярославскій*. Подчеркнуты уѣзды, въ которыхъ оказались дворяне, лишеныя элементарнаго образованія; больше всего ихъ было въ Новгородскомъ уѣздѣ.

чительность ихъ матеріальныхъ средствъ ¹⁾; изъ указанныхъ 74 человекъ болѣе половины не имѣли крестьянъ, хотя и владѣли помѣстьями; нельзя не замѣтить, однако, что многіе изъ недорослей, находившихся въ такомъ же положеніи и явившихся въ Герольдію вмѣстѣ съ неграмотными, тѣмъ не менѣе получили кое-какое образованіе, и, напротивъ, въ числѣ безграмотныхъ дворянъ немного менѣе половины владѣло не только имѣніями, но и крестьянами, среднимъ числомъ до 7 дворовъ на хозяйство. Поэтому объяснять невѣжество нѣкоторыхъ дворянъ однимъ ихъ бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ не приходится. Принимая, конечно, во вниманіе дѣйствіе этой причины, слѣдуетъ имѣть въ виду, кромѣ того, что всѣ недоросли, призванные въ 1761 году, за исключеніемъ двухъ, *перые* являлись на смотръ въ Герольдію въ силу указа 29-го августа 1759 г.; отсутствіе надлежащаго контроля со стороны правительства, какъ видно, невыгодно отзывалось на образованіи дворянства: безъ такого надзора нѣкоторые изъ лицъ, принадлежавшія къ дворянскому классу продолжали коснѣть въ невѣжествѣ ²⁾.

То же отсутствіе самого элементарнаго образованія у нѣкоторыхъ дворянъ сказалось черезъ шесть лѣтъ послѣ описаннаго смотра недорослей, когда потребовались подписи на наказахъ, представленныхъ дворянскими обществами въ комиссію о сочиненіи новаго уложенія 1767—1774 годовъ³⁾.

Въ доказательство сказаннаго приводимъ таблицу, составленную на основаніи изученія дворянскихъ наказовъ 1767 года: многіе дворяне лично подписались подъ ними (графа 1-я); нѣкоторые сами не могли приложить рукъ къ сочиненнымъ имъ инструкціямъ „по неумѣнію ихъ грамотъ“ (графа 3-я); остальные по неизвѣстнымъ намъ причинамъ также поручили выполнить эту обязанность другимъ лицамъ (графа 2-я). Пользуясь приведенными статистическими данными по 34 уѣздамъ и сравнивая ихъ съ общимъ количествомъ подписей, не трудно вычислить и ихъ процентное взаимоотношеніе, какъ по каждому изъ уѣздовъ въ отдѣльности, такъ и по всѣмъ имъ въ совокупности (графы: 4, 5, 6 и 7).

¹⁾ Въ началѣ 1770-хъ годовъ Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ указа изъ сената о томъ, что повелѣно будетъ дѣлать съ малолѣтними дворянскими дѣтми, которыхъ отцы по бѣдности своей пропитать не могутъ; сенатъ приказалъ опредѣлять ихъ въ гарнизонныя школы на казенное содержаніе (*С. Соловьевъ*, И. Р., XXIX, 1018).

²⁾ Арх. Мин. Юстиц., Книга герольдмейст. конторы № 56, дѣло № 31-е. Указа 29-го Августа въ П. С. З. не помѣщено.

№№	НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ И ПОЛКОВЪ.	Дворяне лич- но подписа- ше указы.	Неподписа- ше по раз- нымъ прич.	Дворяне не подпис. нах. по неграмот.	Общее число подписей.	% лично под- писавшихъ дворянъ.	% дворянъ не подписав. по разн. прич.	% дворянъ не подписав. нах. по негр.
1	Пареневскій	4	—	6	10	40,0	—	60,0
2	Уфимскій	30	3	40	73	41,9	3,3	54,8
3	Калужскій и Медыньскій.	16	—	10	26	61,5	—	38,5
4	Арзамасскій	23	1	10	34	67,6	3,1	29,3
5	Любимскій	29	—	9	38	76,3	—	23,7
6	Елисаветградскій пикн. полкъ	26	—	7	33	78,8	—	21,2
7	Малоярославскій	12	—	3	15	80,0	—	20,0
8	Касимовскій	8	—	2	10	80,0	—	20,0
9	Верейскій	5	—	1	6	83,3	—	16,7
10	Зарайскій	34	1	6	41	82,9	2,5	14,6
11	Прилуцкій	93	1	16	110	84,5	1,0	14,5
12	Черный гусарскій полкъ.	51	—	8	59	86,5	—	13,5
13	Ахтырскій	66	—	10	76	86,9	—	13,1
14	Желтый гусарскій полкъ.	49	—	7	56	87,5	—	12,5
15	Костромской	63	1	9	73	86,3	1,4	12,3
16	Юрьевъ Польскій	8	—	1	9	88,9	—	11,1
17	Серпуховской, Тарусскій и Оболенскій	23	4	3	30	77,0	13,0	10,0
18	Вязоверскій	42	3	5	50	84,0	6,0	10,0
19	Малороссійскій Полтав- скій полкъ	10	—	1	11	90,9	—	9,1
20	Козловскій	33	1	3	37	89,2	2,7	8,1
21	Темниковскій	6	5	1	12	50,0	41,7	8,3
22	Можайскій	13	—	1	14	92,9	—	7,1
23	Дивновскій пикнирный полкъ	39	—	3	42	92,9	—	7,1
24	Усманскій	14	—	1	15	93,3	—	6,7
25	Владимірскій	45	—	3	48	93,7	—	6,3
26	Судиславскій	50	10	3	63	79,0	16,2	4,8
27	Суздальскій	41	—	2	43	95,3	—	4,7
28	Погарскій	40	—	1	41	97,6	—	2,4
29	Бахмутскій пикнирный полкъ	43	2	1	46	93,5	4,3	2,2
30	Глуховскій	49	1	1	51	96,1	2,0	1,9
31	Дорогобужскій	39	14	1	54	72,2	26,0	1,8
32	Рыльскій	75	11	1	87	86,2	12,6	1,2
33	Галицкій	75	23	1	99	75,7	23,3	1,0
34	Лубенскій	112	3	1	116	95,5	2,6	0,9
	Итого	1.266	84	178	1.528	82,8	5,5	11,7

Не трудно убѣдиться, что на большей части наказовъ не каждый дворянинъ подписался за себя лично; на меньшей встрѣчаются также подписи, сдѣланныя по довѣренности лицами, которые не носили подписанныхъ ими фамилій, хотя, къ сожалѣнію, причины, по которымъ обладатели послѣднихъ сами не могли приложить рукъ, точно не указаны; лишь на 34 наказахъ прямо означена невозможность нѣкоторыхъ дворянъ лично расписаться подъ инструкціями, данными ими своимъ депутатамъ, по „неумѣнію ихъ грамотѣ“. Всѣхъ подписавшихъ эти послѣдніе тридцать четыре наказа, поэтому, естественно можно разбить на двѣ группы: къ первой принадлежать дворяне, владѣвшіе письмомъ, ко второй—дворяне, почему либо не приложившіе рукъ къ тѣмъ же актамъ, при чемъ изъ второй группы не трудно выдѣлять тѣхъ лицъ, которымъ пришлось сдѣлать это „по неумѣнію ихъ грамотѣ“. Число ихъ въ многихъ уѣздахъ доходитъ до 50%, въ другихъ—спускается до 1%. Впрочемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что количество случаевъ, на основаніи котораго вычислено это процентное отношеніе, могло оказаться кое-гдѣ довольно случайнымъ и въ разныхъ наказахъ—различно; поэтому и самое отношеніе далеко не всюду одинаково устойчиво. Тамъ, гдѣ цифры, съ которыми мы имѣемъ дѣло,—больше, процентное отношеніе нѣсколько ниже высшаго предѣла (то-есть 50—60%) и равно 10—15%; низшіи предѣлы (1%) съ этой точки зрѣнія можно считать болѣе прочными. Самое значительное количество невѣжественныхъ дворянъ, какъ видно изъ прилагаемой таблицы, оказалось въ сѣверо-восточной и юго-восточной частяхъ имперіи; оно уменьшается по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, а также замѣтно понижается на юго-западѣ. Въ виду приведенныхъ соображеній средній выводъ придется считать идеальной величиной, далеко отстоящею отъ дѣйствительности, поскольку она сказывалась въ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ. Какъ бы то ни было, на все количество означенныхъ выше уѣздовъ и полковъ среднимъ числомъ приходится до 11,7% неграмотныхъ дворянъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, при этомъ, что съ уменьшеніемъ % не подписавшихся по неграмотности увеличивается % не приложившихъ рукъ по неизвѣстнымъ причинамъ; обратная пропорціональность въ отношеніи этихъ рядовъ заставляетъ невольно предполагать, что въ числѣ означенной группы могли находиться и неграмотные дворяне, почему либо не желавшіе сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Въ такомъ случаѣ указанное среднее (11,7%) для перечисленныхъ въ таблицѣ округовъ окажется нѣсколько ниже величины, какую мы могли бы вывести,

если бы имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Та же величина, напротивъ, значительно понизится, если мы вычислимъ отношеніе числа неграмотныхъ дворянъ къ общему количеству всѣхъ дворянъ, лично или черезъ посредство другихъ лицъ подписавшихъ дворянскіе указы¹⁾; въ такомъ случаѣ она упадетъ до 2,9%. Изъ вышеприведенныхъ соображеній нетрудно убѣдиться, что эта цифра должна быть менѣе настоящаго средняго; поэтому ее можно назвать минимальнымъ предѣломъ средняго количества невѣжественныхъ дворянъ въ имперіи 1760-хъ годовъ.

Между тѣмъ ранѣе добытый % недорослей, лишенныхъ всякаго образованія (17,0%), пожалуй, слѣдовало бы считать максимальнымъ предѣломъ того же количества. Въ самомъ дѣлѣ, въ составъ этихъ недорослей попало съ одной стороны нѣсколько малолѣтнихъ, не лишенныхъ возможности въ ближайшемъ будущемъ (особенно послѣ перваго смотра) получить кое-какое образованіе, съ другой зачислены были зашудалые недоросли, давно уже пропустившіе сроки и явившіеся въ довольно значительномъ количествѣ, благодаря указу 29-го августа. Очевидно, что и % всѣхъ этихъ неграмотныхъ недорослей долженъ быть выше настоящаго средняго.

Послѣднее мы, такимъ образомъ, считаемъ возможнымъ, полагать, насколько это доступно по имѣющимся у насъ даннымъ за 1761—1767 гг., между двумя означенными предѣлами, то-есть между 2,9% и 17,0%²⁾.

А. Лапшо-Данилевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ это количество, равное 6219, разумеется, входитъ и число неграмотныхъ дворянъ, равное 178; отношеніе числа неподписавшихся по неумѣнію грамотъ и по другимъ причинамъ (178+84=262) къ валовому числу всѣхъ подписавшихся (6219) составитъ около 4,2%.

²⁾ Вычисленія слѣданы на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ О. Р. И. О., т.т. IV, VII, XIV, LXVIII и XCIII.

ТЕРРИТОРІЯ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТВЫ.

Quis est, quem non moveat rerum gestarum memoria consignataque antiquitas?

Cicero.

Исторія весьма скудна извѣстіями о сикъ древнихъ и коренныхъ, но не разнсканыхъ сикъ ордахъ (то-есть, литовцахъ).

Митрон. *Есетій.*

Историко-этнографическое изученіе юго-восточной части низменности Балтійскаго побережья выносить на свѣтъ одинъ, въ высшей степени любопытный, фактъ по общему вопросу о доисторическомъ заселеніи Восточной Европы, путяхъ или направленіи, по которому должно было совершиться послѣднее. Мы имѣемъ въ виду фактъ постепеннаго, хотя и медленнаго, отступленія здѣсь стихій финской поддавящимъ напоромъ стихій арійской, фактъ поступательнаго движенія литвоарійца въ направленіи съ юга на сѣверъ.

Раскроемъ этнографическое размѣщеніе въ настоящую минуту самой западной вѣтви финскаго племени,—той вѣтви, имя которой носить цѣлая губернія—*ливонь*, и что же видимъ? Въ губерніи ливонь ни малѣйшаго остатка отъ финскаго господина края—вездѣ на его мѣстахъ латышъ (самъ онъ себя называетъ *Latwis*, *Latwecetis*, какъ величаетъ его и его южный братъ—литовецъ: *Lätwis*, у старыхъ русскихъ лотышъ, край—летгола, отъ *gālas*—край, конецъ). Но совсѣмъ захудалые потомки стараго финна ютятся, въ видѣ небольшихъ рыбацкихъ поселковъ, въ числѣ 2 тысячъ, въ губерніи болѣе къ западу—въ Курляндіи, на ея сѣверномъ мысу, по показанію однихъ изслѣдователей—на береговомъ пространствѣ между Лушкюлемъ и Мустану-

момъ, по показанію другихъ—на пространствѣ нѣсколько ббльшемъ—отъ Лиозерорта и почти до Роепа при Рижскомъ заливѣ. Въ толщину эта береговая полоса моряковъ-ливовъ—отъ мыса Домеснеса по прямой линіи на югъ—максимумъ 30 верстъ. Болѣе тощія данныя предлагаетъ новѣйшая карта маститаго знатока латышской этнографіи—д-ра пастора А. Виленштейна, въ его огромномъ трудѣ „Die Grenzen des lettischen Volksstammes...“, съ атласомъ въ 7 картъ, С.-Петербургъ, 1892 г., болѣе снисходительныя—въ трудѣ генерала А. Ф. Риттиха, что на 20 лѣтъ раньше: „Матеріалы для этнографіи Россіи Прибалтійскій край“ (С.-Петербургъ, 1879), на этнографической картѣ, въ приложеніи. Если уже г. Риттихъ отмѣтилъ, что ливы переходятъ въ латышей (стр. 14), то, надо думать, послѣдніа микроскопическія владѣнія на нашей землѣ ливовъ, какъ они очерчены у г. Виленштейна, вполне точны. Въ 20 лѣтъ ассимиляціонный процессъ шелъ своимъ путемъ; ему не было предъ чѣмъ останавливаться, и онъ остановится только на самомъ береговомъ пескѣ мыса Домеснеса, когда не будетъ болѣе матеріала...¹⁾ Въ виду этой неминуемой перспективы для бѣдныхъ ливовъ, нельзя не спросить съ укоромъ себя, почему эти представители человѣчьей породы хуже звѣриной породы зубровъ? Въ интересѣ сохранности вымирающаго вида мы такъ заботимся о животныхъ обитателяхъ Вѣловѣжской пушчи: ужели менѣе интересенъ вымирающій типъ человѣка, нѣкогда полновластнаго господина той страны, которая теперь называется по преимуществу страной латышей—Latwiĵa, или Курляндія?.. Я по крайней мѣрѣ такъ не думалъ бы. Нѣмцы въ Германіи ждутъ—не дождутся исчезно-

¹⁾ По устнымъ сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ въ Ригѣ въ августѣ текущаго года во время X Археологическаго съѣзда отъ мѣстныхъ латышскихъ наблюдателей: отъ уважаемаго д-ра Вебера, издателя латышской газеты „Baivars“ (Голосъ), и др., въ настоящую минуту только еще старики говорятъ по-ливски, другіа же поколѣнія уже знаютъ одинъ латышскій языкъ. Повторяется то же, что было съ русскими Трансильваніи въ началѣ 40-хъ годовъ. Отсутствие сообщеній (рыбачья лодка или телѣга на 150 верстъ—сравни и слова г. Риттиха о недоступности земельки ливовъ въ указанномъ сочиненіи) воспрепятствовало мнѣ исполнить экскурсію туда. Д-ръ Веберъ собирается проѣхать къ ливамъ для антропологическихъ измѣреній. По его словамъ, ливскій типъ отличается темными волосами и карими глазами. Известно, что литовскій типъ—идеальнѣе бѣлорусскаго аріаца. Но латышъ Курляндіи—съ наклонностью къ темнымъ волосамъ, слѣдовательно, и наружный покровъ говоритъ о смѣшанности. Другіе показываютъ, что ливы въ послѣднее время возрасли числомъ до 4 тысячъ, хотя лѣтъ 20—30 было всего 2 тысячъ, но языкъ ихъ—латышскій.

венія съ поверхности земли серба-лужичанина, этого малютки-народа славянской породы, которому, въ порядкѣ вещей, предстоитъ судьба бѣдныхъ ливовъ. Но какъ сербы-лужичане, такъ и ливы, какъ рѣдкій типъ историческаго человѣка, заслуживали бы такого же теплаго попеченія, какъ и зубры, и консервированіе ихъ, отвѣчая интересу человѣческой любознательности, невинное въ политическомъ отношеніи, было бы вполне достойно истинно образованнаго общества.

А было время, и время не слишкомъ далекое отъ насъ, время появленія воинствующихъ монаховъ изъ Германіи на устьѣ Двины, когда еще ливъ если не давалъ уже тонъ жизни въ краю, то тѣмъ не менѣе находился въ положеніи, напримѣръ, современнаго зубра въ извѣстной пущѣ. Въ половинѣ XIII вѣка въ Курляндіи, на старыхъ своихъ пепелищахъ, ливы, правда, главнымъ образомъ, ютятся уже у того же песчанаго берега моря,halbwegs и направо отъ мыса Домеснеса; но по направленію къ югу, до самаго устья Нѣмана, по среднему и нижнему бассейну рѣки Винды, или Виндавы, на востокъ до Аа—они живутъ въ перемежку съ латышами, такъ что цѣлый край—Курляндія, именно западная часть, носитъ *смѣшанный* этнографическій характеръ—полуарійскій, полуфинскій, и этотъ смѣшанный типъ и сформировалъ такъ называемаго кура, старую Несторову Корсь¹⁾. И сейчасъ въ языкѣ литовца (*Lietuvis* названіе для русскаго литовца, *Lietuwininkas*—для литовца въ Пруссіи) мы имѣемъ глаголы *kursziūti*—*kursziūti*—*kurisch sprechen*, то-есть, говорить по-латышски, но „in kurischen Eigenthümlichkeiten“, по опредѣленію Куршата въ его словарѣ литовскаго языка, какъ говорятъ *kurszys*’ы, куры. Не касаясь типа, эти особенности рѣчи въ западной половинѣ Курляндіи, этой Латвіи, то-есть, латышскаго края по преимуществу, вотъ единственное осязательное воспоминаніе объ эпохѣ совмѣстнаго, смѣшаннаго сожителства ливовъ и латышей.

Но на сѣверо-востокѣ,halbwegs и направо отъ нижней Двины, держась все морскаго берега, ливы тогда же, въ половинѣ XIII вѣка, жили болѣе или менѣе толстыми и плотными полосами. На сѣверъ ливская территорія доходила до р. Салиса (у нѣмцевъ Зались, у латышей Салеце), то-есть, до современной этнографической границы латышей и эстовъ, гдѣ и замерли ихъ послѣдніе звуки нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Вездѣ до самаго моря продвинулся ла-

¹⁾ Ср. въ старыхъ актахъ Лифляндіи и Курляндіи: *Kurzum*, *Korachom*, *Korachem*, *Korachaw*—топографическія имена, даже въ Илукстскомъ уѣздѣ.

тышъ и сформировалъ за Двиной вторую свою латышскую территорию, другую *Latwijā*, другую Летголу, выражаясь терминомъ нашей родной старины: это южная половина Лифляндіи, до межи, у которой равниво оберегаетъ себя, свою неприкосновенность, особность эсть ¹⁾).

Въ виду указанныхъ измѣненій въ этнографическомъ характерѣ Курляндіи и Лифляндіи на относительно не крупномъ пространствѣ времени пяти, шести вѣковъ и въ чертѣ: Нѣманъ, Двина, Салисъ, самъ собою очевиденъ отвѣтъ на вопросъ—на чьей сторонѣ аборигенность, выводъ о первичности по всему юго-восточному берегу Балтійскаго моря финскаго элемента предъ арійскимъ, о болѣе древности здѣсь вымирающаго лива предъ латышемъ. Старый господинъ страны уступилъ и далъ мѣсто новому.

Если аріецъ-латышъ наступалъ на фина-лива, все пробираясь къ берегу моря, въ направленіи отъ юга и юго-востока, то онъ, латышъ, какъ передовой полкъ литовца, отправною точкою для своихъ передвиженій могъ имѣть югъ—территориальное, болѣе южное расположеніе собственной Литвы. Здѣсь на югѣ операціонная база его, латыша, его старѣйшій этапъ.

Остановимся на формѣ расположенія Литвы въ настоящую минуту, этой исторической базы при послѣдовавшемъ наступательномъ движеніи латыша къ сѣверу.

Современная территория Литвы—это нѣсколько трапеція, одна, сѣверная, линия которой идетъ отъ Полагенга (Мемеля) до Друи на Двинѣ. Это—сѣверныя части Ковенской губерніи и немного Виленской. Южная (меньшая) линия отъ Курскаго Гафа до мѣстечка Прелома на Нѣманѣ, нѣсколько ниже Гродна. (См. карту Куршата, при его грамматикѣ литовскаго языка, 1876 года).

Зерно территоріи—Ковенская губернія, старая наша Земьгола, то-есть, *Žemė-gālas*, полоса, край земли низменной (лит. *žėtas* низменный и *gālas*—край), опирающаяся слѣва и съ юга на остатки Литвы прусской и литовцевъ царства Польскаго (остатки, вѣроятно, ятвяговъ), справа—на узкую ленту еще сохраняющейся Литвы Виленской губерніи, отъ Тверцы (Твергесз) на Даснѣ (притокъ Двины) и до мѣстечка Кронъ на Нѣманѣ (выше Ковна). Эта этнографическая лента Виленской губерніи къ сѣверу уже, верстъ въ 35, шире на югѣ, около 60 верстъ.

¹⁾ Вообще справедливо указано у Нестора: „Ляхове же и Пруси и Чудь при-сѣдять къ морю Варяжскому“. Чудь обнимала и ливовъ—„Либъ“.

Внѣ соприкосновенія съ Ковенской губерніей—небольшое пространство юго-запада Виленской губерніи—продолженіе указанной этнографической ленты, опирающееся на крайнемъ югѣ на небольшой литовскій этнографическій уголь Гродненской губерніи, по Нѣману между Ротницею (или Друскениками) и Преломомъ (Przelom). Все это пространство лежитъ по Нѣману, слѣдовательно на другомъ берегу его; это—литовцы царства Польскаго.

Таково расположеніе современной Литвы. Оно изъ двухъ неодинаковыхъ толщъ, по одну и другую сторону Нѣмана; бѣльшая—на сѣверо-востокѣ, къ Двинѣ, меньшая—на юго-западѣ, до верховьевъ рѣчекъ Шешупы и Ангеалы (чисто литовскія названія). Вообще же территорія Литвы—небольшая, но больше, чѣмъ территорія собственно латышей. Но обѣ эти территоріи по сѣверной широтѣ—одинаковы, и латышскій пласть покоится во всю ширину свою на литовскомъ, отъ Поламанга до Друи, представляя извилистую этнографическую границу ¹⁾.

Край латышей, эта земля побѣдителя, земля, добытая отъ лива, въ общей исторіи арійской колонизаціи—пріобрѣтеніе вчерашняго дня. Слышится еще не только побѣдитель, но и побѣжденный—ливъ, въ лицѣ стариковъ.

Но съ инымъ характеромъ, смысломъ литовскій пласть, эта этнографическая база латышей, придвинувшихся къ самому морю. Это не край побѣды, это—воспоминаніе о бывшихъ отношеніяхъ, одно напоминаніе о бывшей территоріи Литвы, результатъ слагавшихся этнографическихъ условій противъ литовца, словомъ, *gegim gestagim*, положенія иного порядка вещей, *teshogia*.

Въ самомъ дѣлѣ, Виленская губернія, этотъ ожидаемый нами земельный фондъ литовскаго арійца, уже уходитъ въ территорію *бѣлорусскаю* племени, и сама Вильна уже за рубежомъ литовскимъ, на югъ отъ указанной узкой этнографической ленты; въ свою очередь, Виленская губернія покоится на центральной бѣлорусской губерніи—Минской, тянущейся на югъ вплоть до болотъ Припяти.

Не будемъ удивляться, если недостаточныя изслѣдованія въ области исторической этнологіи Россіи и, въ частности, юго-восточной

¹⁾ Эта граница на картахъ гг. Беценбергера, Виленштейна и новѣйшей—Скилина, приготовленной специально для прекрасной латышской этнографической выставки („Izstade“) по поводу Рижскаго Археологическаго съѣзда, различна главнымъ образомъ отъ различія извилинъ, что не нарушаетъ основнаго контура.

низменности Балтійскаго побережья могли еще недавно выдавать. какъ историческую аксіому, утверждение, что „народъ, собственно именуемый Литвою, былъ малочисленъ и занималъ пространство внизъ по рѣкѣ Нѣману отъ устья Вилии“, то-есть, современное этнографическое положеніе Литвы возводилось въ положеніе доисторическое, отъ вѣка де ненарушимое ¹⁾.

Но допустима ли подобная ненарушимость территоріи, ея постоянство, на пространствѣ вѣковъ?..

Что это за литовская этнографическая лента на сѣверѣ Виленской губерніи, облегающая Ковенскую губернію, этотъ фондъ современной Литвы, Литву Царства Польскаго, и упирающаяся о литовскій хвостъ на сѣверѣ Гродненской губерніи: результатъ ли это поступательнаго движенія Литвы на бѣлорусовъ, или наоборотъ—свидѣтельство объ иномъ этническомъ строѣ и къ югу отъ нея, во времена былыя?..

Если латышъ наступалъ на фина, если здѣсь этническое измѣненіе территоріи шло въ направленіи отъ юга къ сѣверу, отъ болота къ морю, то уже въ виду одного этого явленія едва ли допустимо для территоріи Виленской губерніи явленіе обратное. Какъ бы то ни было, но судьбы этой этнографической ленты интересны. Что было раньше съ нею—уже она была, или шире? Новѣйшей она формація, вчера ли вошелъ литовецъ въ Виленскую губернію, свое историческое гнѣздо, подобравъ подъ себя русскаго, вчера ли только познакомился съ своей Вильною, хотя все еще не дошелъ до нея, а только до Трокъ, но надвигаясь, болѣе или менѣе равномерно, отъ всѣхъ точекъ своего южнаго расположенія на русскій юго-востокъ, или эта лента—только послѣдній остатокъ отъ нѣкогда густой и широкой этнографической литовской толщи, слѣды благо расположенія литовца къ югу?

Есть ученые, которые въ имени рѣки Вилии слышатъ русское слово *велий, великій*. Они тѣмъ самымъ склоняются къ мысли о наступленіи Литвы съ сѣвера, о ея побѣдоносномъ шествіи среди русской стихіи, которая и отступаетъ... Но мы янаго взгляда, какъ это отчасти ясно и изъ предыдущаго.

¹⁾ Ср. „Собраніе древнихъ актовъ Вильны“ и пр. Вильна, 1842, 1, стр. V. Другіе выдали въ другую крайность, что въ одной Гродненской губерніи литовецъ 100 тысячъ, а въ Виленской до 800 тысячъ. Ср. *Вестникъ* „Дѣти и славяне“ въ „*Ученіяхъ Моск. Общ.*“, 1846, № 6, гдѣ ссылка на польскую географію 1826 года. Впрочемъ, Вестникъ при послѣдней цифрѣ ставитъ знакъ вопроса.

Оставивъ въ сторонѣ исторію, какъ не имѣющую рѣшающаго значенія для исторической этнографіи, сообразимъ слѣдующія обстоятельства:

1) Постепенное умаленіе территоріи литовцевъ въ Пруссіи шло и идетъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу.

2) Расположеніе исчезнувшихъ ятвяговъ, жившихъ на сѣверовостокѣ Царства Польскаго и нынѣшней Гродненской губерніи (ихъ вѣроятный остатокъ — литовскія крупницы въ этой губерніи), относительно территоріи современной Литвы было также южное, слѣдовательно умаленіе литовскаго элемента и съ этого конца, на нижне-среднемъ Нѣманѣ, шло въ томъ же направленіи. Главное же —

3) Наблюдаемое явленіе медленнаго, безъ шума и безъ насилія, ассимилированія литовскаго элемента русскому на протяженіи указанной этнографической ленты, то-есть, въ сѣверныхъ частяхъ Виленской губерніи. На этнографической картѣ Куршата, то-есть, 1876 г., межа идетъ между Вильною и Троками, но ближе къ Вильнѣ. Но сейчасъ у Троковъ литовскій элементъ почти не замѣтенъ. Въ спорѣ — исчезающій языкъ не можетъ не отразиться хоть въ чемъ нибудь на языкѣ этническаго замѣстителя и, вѣроятно, будущія сравнительныя изученія бѣлорусскаго нарѣчія откроютъ не одну черту инертнаго вліянія на него литовскаго элемента. Мы лично въ этой области не свѣдуши, но не можемъ не вспомнить здѣсь къ слову одно, отмѣченное специалистами, любопытное явленіе обратнаго характера — въ области литовскихъ говоровъ, и именно говоровъ на межѣ или вообще близъ этнографической межи литовца и бѣлоруса, напримѣръ, въ Вилкомирскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

По словамъ г. Муниса, извѣстнаго туземнаго знатока литовскаго языка и образованнаго лингвиста, въ числѣ главнѣйшихъ отличій говоровъ вилкомирскихъ отъ западныхъ верхне-литовскихъ стоитъ и произношеніе древне-общелитовскихъ гласныхъ съ носовымъ, какъ чистыхъ долгихъ гласныхъ, при чемъ носовой *ам*, *ум* переходить въ *у*: вмѣсто *жансіс*, *ансѣ* (ушко), *апсукунсти* (обвинять) произносятся — *жусіс*, *усѣ*, *апсукуст*¹⁾. Предъ нами, такимъ образомъ, какъ бы во-

¹⁾ „Вилкомирскій уѣздъ“, Ковна, 1890, оттискъ изъ „Памятной книжки Ковенской губерніи“ въ 1890 г., изд. секретаря К. П. Гуковскаго, стр. 9. Усердный дѣятель, г. Гуковскій сдѣлалъ описаніе уже нѣсколькихъ уѣздовъ Ковенской губерніи. Будемъ надѣяться, что будутъ описаны и всѣ уѣзды столь интересной губерніи. Но нельзя не пожалѣть, что г. Мунисъ, литовскій католическій священникъ, перу котораго принадлежитъ діалектическая часть въ описаніяхъ г. Гуковскаго, служатъ теперь уже вдали отъ родины, въ Кавани.

очію явленіе изъ жизни русскаго языка, но въ доисторическую эпоху послѣдняго.

Но какъ объяснить любопытную черту вилкомирскаго говора? Не рѣшая вопроса, дозволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ того же описанія Вилкомирскаго уѣзда: „Здѣшній литвинъ живѣе и бойчѣе по характеру, чѣмъ жмудинъ... Находясь близко къ Бѣлорусіи, онъ раньше и глубже подвергся вліянію русскому; ему болѣе знакома славянская рѣчь, съ нимъ не такъ трудно разговориться по-русски“ (стр. 8).

Всѣ эти обстоятельства указываютъ, что нынѣшняя южная граница этнографической территоріи Литвы не опредѣляетъ южнаго предѣла распространенія литовской стихіи въ болѣе раннее время, что по направленію именно къ югу литовская *территорія* должна была перетерпѣть очень много въ порядкѣ отступленія, что она теряла въ пользу напирющаго съ юга русскаго сосѣда, а сама постоянно отступала, съживалась и суживалась въ направленіи на сѣверъ.

Измѣненіе этнографической карты литовской стихіи въ былое время по южной сторонѣ, въ ущербъ ея, шло, такъ сказать, параллельно измѣненію ея по сѣверной границѣ, но тутъ въ пользу ея, параллельно съ успѣхами ея передоваго полка—успѣхомъ латышей—въ земляхъ ливовъ, пока, наконецъ, латыши не облегли своею массою огромной части Балтійскаго моря. Такимъ образомъ, если судьбы собственно литовской стихіи, основнаго корпуса, предлагаютъ страницы однихъ отступленій, то судьбы авангарда—латышей—страницы побѣдъ. Если нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей указываютъ на выдающуюся роль школы и пасторовъ въ дѣлѣ перевода ливовъ въ латышей (напримѣръ, г. Риттихъ въ указанномъ сочиненіи), то это условіе могло имѣть мѣсто для относительно новаго времени. Въдѣ не школа и не пасторъ были виновниками, что уже въ половинѣ XIII вѣка этнографическая картина нынѣшней Курляндіи представляла только небольшую прибрежную полосу *сплошнато* населенія ливовъ, а основной фонъ странѣ давали куры, то-есть, помѣшанные старые ливы съ новыми арійскими колонистами-латышами (см. карту у г. Биленштейна, въ указанномъ сочиненіи). Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣтимъ, что, что касается латышскихъ островковъ въ Ковенской, сплошь литовской, губерніи, тщательно отмѣченныхъ на картѣ гг. Биленштейномъ и Силинымъ, то это не остатки былаго, а заносы новѣйшей формаціи. Прибавимъ, что, по нашимъ личнымъ свѣдѣніямъ, латыши изъ Курляндіи охотно посѣщаютъ сосѣднія школы въ Ковен-

ской губерніи, вслѣдствіе экономическихъ и социальныхъ интересовъ.

Принимая въ общее соображеніе указаннаго обстоятельства относительно измѣненія литовской этнографической границы по южному протяженію,—измѣненія, не останавливающегося въ предѣлахъ Виленской губерніи и по настоящій день, мы не въ правѣ искать исходной точки этого измѣненія далеко на югъ отъ современнаго расположенія литовской стихіи, напримѣръ, для края, что на востокъ отъ средняго Нѣмана.

Но какъ давно и отъ котораго пункта могъ начаться этотъ процессъ исчезновенія литовской стихіи съ юга и претворенія ея въ бѣлорусскую?

Попытаемся поискать *территорію доисторической Литвы*, базы латыша, отбившаго южный и восточный берегъ (части) моря у стараго аборигена фипа. Нельзя ли будетъ указать, что прогрессирующее движеніе бѣлорусскаго элемента насчетъ литовскаго, теперь въ ограниченныхъ предѣлахъ сѣверной полосы Виленской губерніи, имѣло мѣсто когда-то раньше и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ современной бѣлорусской территоріи? При положительномъ отвѣтѣ, естественно, получится и особый взглядъ на этническую организацію бѣлоруссовъ, приблизительно, такой, какой мы имѣемъ на происхожденіе латышей-куроповъ Курляндіи: они—смѣсь двухъ арійцевъ-сосѣдей.

Мы указали выше, что географическая база современнаго расположенія Литвы, со включеніемъ Виленской губерніи—губернія *Минская*; болота послѣдней, пясекія, расположены болѣе или менѣе по меридіану области латышей и восточной Литвы. Остановимся на этой губерніи, привлская отчасти и губерніи смежныя. Не дастъ ли Минская губернія, этотъ, повидимому, архибѣлорусскій край, какихъ либо инструктивныхъ указаній по вопросу, насъ занимающему, по вопросу—гдѣ искать земель прадавней Литвы, ея доисторическаго этапа, доисторической стоянки? И сегодня справедливы слова знаменитаго нашего митрополита Евгенія: „Исторія весьма скудна извѣстіями о сихъ древнихъ и коренныхъ, но неразсысканныхъ сихъ ордахъ (то-есть, литонцахъ). Тацать, давшій намъ хотя краткое понятіе о фивахъ и эстахъ, ничего не упомянулъ о литонцахъ“¹⁾.

¹⁾ Изъ письма отъ 4-го іюня 1820 г. къ Анастасевичу, изъ Пскова, по поводу сочиненія Лелевеля о „литовскихъ народахъ“ (*Русскій Архивъ*, 1889 г., № 7, стр. 361).

2.

Если археологъ языка, съ твердымъ, мотивированнымъ убѣжденіемъ, давно уже указываетъ на языкъ, какъ на богатый архивъ свѣдѣній по воскрешенію былой жизни человѣка, той или другой этнической группы или цѣлыхъ группъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ періоды различной давности—и въ ранніе историческіе, и въ поздніе доисторическіе,—то не безъ того же права, но еще о временахъ много древнѣйшихъ, друзья исторической этнографіи свидѣлствуются *топографическими именами*, то-есть, тоже языкомъ, но на специальной службѣ, особеннаго приспособленія, и пренурчаютъ ихъ вниманію лингвистическаго изслѣдованія въ тѣхъ же научныхъ цѣляхъ—вскрытіе вѣковой завѣсы надъ вопросами перваго порядка—началомъ или раннимъ помѣщеніемъ того или другаго племени на землѣ.

Коснувшись области этихъ археологическихъ интересовъ, остановимся на минуту, остановимся на нѣкоторыхъ страницахъ исторіи русской науки.

Какъ относительно ни молода русская наука, но и ея учитель, наука Запада, не можетъ, безъ нарушенія справедливости, отказать ей въ своемъ вниманіи, и обязана отмѣтить на страницахъ общей исторіи движенія научной мысли имя и одного русскаго человѣка.

Извѣстны заслуги Адольфа Куна (Kuhn), этого скромно-идеальнаго директора Кѣльнской гимназіи въ Берлинѣ 60-хъ годовъ и великаго изслѣдователя раннихъ судебъ арійскаго человѣчества, который, какъ свидѣлствуетъ обычная лѣтопись науки, первый дозналъ и фактически указалъ историческое значеніе языка. Говоря это, мы имѣемъ въ виду его классическій этюдъ 1845 года, когда Кунъ былъ учителемъ той же гимназіи (род. 1812): „Zur ältesten Geschichte der indogermanischen Völker“. Черезъ нѣсколько лѣтъ этюдъ Куна вызвалъ въ свѣтъ знаменитый трудъ женеваца Пикте (Pictet), но уже въ масштабѣ грандіозномъ, по воскрешенію сѣдой первоарійской старины — *Les Origines Indo-Européennes*“, (2 тома, 2-е изд. — 3 тома).

Конечно, вполнѣ правъ знаменитый нашъ критикъ-археологъ, покойный проф. А. А. Котляревскій, сказавшій, что въ настоящее время (конецъ 70-хъ годовъ) никто не рѣшится произвести такую же смѣлую попытку, какъ Пикте (*Кіевскія Унив. Извѣстія* за 1876 г.).

Но, тѣмъ не менѣе, заслуги Куна и Пикте въѣ спора ¹⁾. Но первый ли высокочтимый Кунъ (котораго и мы лично имѣли честь знать и слушать его уроки въ Кельнской гимназіи) былъ тотъ, въ сознаниі котораго явилась мысль объ инструктивномъ значеніи языка для исторіи?

Откроемъ страницу исторіи русской науки 30-хъ годовъ, слѣдовательно, лѣтъ за десять слишкомъ до появленія этюда Куна, чтобы отвѣтить на вопросъ отрицательно.

Немногіе изъ насъ знаютъ, а если и знаютъ, то болѣе съ комической стороны, а за границею — въ предѣлахъ главной квартиры разработки языка — и совсѣмъ не знаютъ, имени неудачнаго выходца изъ венгерской Руси, изъ Карпатъ и Бессарабіи, лѣкаря, никогда никого не лѣчившаго, филолога-фантаста, имени злополучнаго Юрія Венелина-Гуца. Я не принадлежу къ глашатаямъ его славы; у него не было метода, приемовъ критики, но не могу не засвидѣтельствовать глубокой признательности предъ памятью этого замѣчательнаго автодидакта-историка, не могу во всеуслышаніе не исповѣдывать, что именно Венелину принадлежитъ право историческаго первенства относительно пониманія — но не осуществленнаго — высокаго архивнаго значенія языка для исторической науки. Его имя могло бы быть занесено — *pro merito* — въ лѣтопись движенія научной мысли.

Еще въ 1832 году, ища мѣста профессора, онъ докладывалъ совѣту Императорскаго Московскаго университета: „языкъ относительно къ древностямъ представляетъ самъ собою одинъ изъ богатѣйшихъ музеевъ, въ которыхъ весьма многое переходитъ изъ старины... Познаніе языка составляетъ значительную часть курса древностей“. Таково пониманіе у Венелина роли языка для „воскрешенія усопшаго общества“, говоря его же языкомъ ²⁾.

Двоякаго пониманія этихъ замѣчательныхъ словъ лѣкаря Венелина быть не можетъ: въ нихъ ясна и опредѣлительна мысль автора, какъ плодъ его глубокихъ думъ надъ отношеніемъ языка и народа, надъ источниками исторіи эпохъ доисторическихъ. Тамъ, гдѣ этихъ

¹⁾ Детально несостоятельность идеалистическихъ воззрѣній на первоарійскіи бытъ указалъ въ нашей литературѣ проф. В. Ф. Миллеръ, сначала въ своемъ докладѣ 22-го апрѣля 1876 г. въ Императорскомъ Моск. Общ. люб. естествознанія (*Извѣстія* этого Общ., т. XXVIII, 13), потомъ въ своихъ извѣстныхъ „Исслѣдованіяхъ“ по Ведамъ.

²⁾ Ср. нашъ этюдъ „Графъ С. Г. Строгановъ“, *Вѣстникъ Европы*, 1896 іюль, стр. 177.

источниковъ нѣтъ и быть не можетъ—письменныхъ, вещественныхъ— для явленій и отношеній сѣдой доисторической древности, тамъ въ языкѣ обрѣтается богатый, еще никѣмъ не исповѣданный источникъ, утверждалъ Венелинъ. Прибавимъ, что Венелинъ первый изъ русскихкихъ изучалъ *латвишскій языкъ* ¹⁾.

Та же роль языка и для эпохъ болѣе позднихъ, историческихъ, но темныхъ. Для иллюстраціи—одинъ примѣръ.

Остановимся на вопросѣ о времени и источникѣ христіанства среди латышей. Были-ли латыши сплошь упорными, дикими язычниками, безъ малѣйшаго просвѣта культурной жизни, въ эпоху появленія среди нихъ „воинновъ Христовой рати“, то-есть, нѣмецкихъ монаховъ-рыцарей, и проповѣдь христіанства среди нихъ вынуждалась-ли упрямою, отъ вѣка, привязанностью ихъ къ родной языческой старинѣ? Не было-ли уже этой проповѣди среди латышей и безъ меча, и до меча?

Ближайшее сосѣдство латышей къ Псковской и Полоцкой волостямъ—землѣ кривичей ²⁾, при участіи ихъ сѣверныхъ сосѣдей—финновъ—въ призваніи князей-основателей русскаго государства, дозволяетъ думать о возможности проповѣди христіанской съ востока, отъ русскихкихъ, ранѣе появленія кавалеровъ. Но, обратившись къ языку, мы убѣждаемся въ этомъ, какъ историческомъ фактѣ.

Вотъ нѣкоторые христіанскіе термины въ латышскомъ языкѣ; ихъ русское начало несомнѣнно:

kristihti (литов. *kriksstiti*)—крестить, при чемъ Ульманъ (Ulmann), въ своемъ „*Lettsches Wörterbuch*“, I Theil, Riga, 1872, замѣчаетъ, что слово устарѣло, а теперь слышится *krustiht*.

krusts—крестъ (раньше, вѣроятно, *kristis*).

krustiņa—крестины, устарѣло.

krustaine—крещеніе, день 6 января, устарѣло.

Jānis Kristītājs—Іоаннъ Креститель.

kristīti ļaudis—христіане, собственно, крещенные люди (крестьяне?).

basnīsa (лит. *bažnīcīsa*)—церковь, въ матеріальномъ значеніи, то-есть, изъ слав. *божница*.

mischa и *misa*—обѣдня, изъ слав. *мѣша*.

Svēhtiki—святки, свято: *wafaras Swēhtki*—Троица, лѣтнія святки. Ср. въ литовскомъ—*blowėisius*, -*iaus*, какъ пишетъ Куршаты въ своемъ

¹⁾ Въ указанной статьѣ въ *Ученіяхъ* онъ говоритъ объ отношеніи *латвишскаю* языка къ латинскому.

²⁾ Отмѣтимъ, что и сейчасъ въ языкѣ латышей Псковъ слыветъ подъ своимъ старымъ именемъ—*Pleskava*, съ удареніемъ на первомъ слогѣ—Плесковъ.

„Wörterbuch der Littanischen Sprache“, II Т., или правильнѣе — *blowiesccius*, какъ пишетъ Ludwik z Pokiewia (Яцевичъ) въ своемъ старомъ, но прекрасномъ трудѣ: „Litwa pod względem starożytnych zabytkow, obyczajów i zwyczajów“, Wilno, 1846, стр. 75, то-есть, наше Благовѣщеніе, 25 марта. Ср. и полный глаголь литовскій въ пѣснѣ: „Te błagaszłowij Diewa twirtibe“, тамъ же, стр. 240, аналогическаго происхожденія.

nedele, nedeldiena—недѣля и воскресенье. (Названія для другихъ дней по русскому типу). Ср. *gadas*—годъ, *gadiņa*—година.

pekle, pekler (лит. *pekla*) изъ русск. *пекло*, но съ общимъ значеніемъ tiefer Abgrund, Morast. Ср. русскую поговорку: болота, овраги — чортово житѣе.

kuhms, kuhma (литовск. *kūmas*) изъ нашего кумъ, кума; *kuhmtieski* Gevattern. Очевидно, слова: *kuhma-tehws, kuhma-mathe*, въ соотвѣтствіи: *krista-tehws* (крестный отецъ), *krista-makte* и пр.—неправильныя образованія, ибо плеоназмъ.

Deewa dehl—бога дѣля—переводъ съ русскаго.

gawecht, лит. *gaweti*—поститься, изъ *юантъ*.

pagans—погань.

Къ христіанскимъ терминамъ присоединимъ термины бытовые, экономическіе, соціальные, и мы ясно видимъ, что латыши давно принадлежали русскому востоку, какъ его давнія духовныя дѣти, прямо входили въ сферу культурнаго вліянія древней Руси. Таковы термины:

Swahti—сваты (литовск. *swótas*); *pahrlags*—перелогъ; *walaks*—волокъ; *pagasts*—погость. Справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь финно-славянолитовскихъ отношеній, что латышъ сохранилъ въ *pagasts* древнее значеніе старорусскаго слова ¹⁾; *talks*—толока; *kalps*—холопъ; *alu warit*—пиво *варить*; *zemikt*—цѣпнуть, *šéna*—цѣна (адвербіально); *kaschovina*—кожухъ, кожушина; *kalite*—калита; *nasis*—ножъ; *swikls*—свекла; *sāls*—соль; *sālnise*—солонка; *karascha*—колать; *magonite* (уменьш.)—макъ; *swabads, swaladiba*—свобода; *sauds*—судъ ²⁾.

¹⁾ *Mikkola*, Berührungen zwischen den westfennischen und slavischen Sprachen, Helsinki, 1896, 152.

²⁾ Навяно утверждаѣтъ покойный Ревег, при изданіяхъ своихъ „Dainos“ 1825 и 1848 годовъ, когда въ числѣ отличій литовскаго языка отъ латышскаго указывалъ на присутствіе въ первомъ словъ: *pałagas, swótas* (стр. 5). Онъ не подозрѣвалъ, что это — славянскіе *ялоць, сватъ*. Любопытно слово *dumbrava*—вытоптанное скотомъ болотное мѣсто, *dumbrs, -a* — болотистый. Если оно изъ русскаго (*дуброва*), то изъ эпохи существованія носовыхъ въ немъ.

Такимъ образомъ, латыши, какъ духовныя дѣтя Россіи, и до 14 августа 1196 года не были „das noch in Finsterniss und Todesschatten lebende Volk“, какъ это упорно твердятъ и выдаютъ за истину даже тѣ, которые могли бы знать больше ¹⁾).

Въ частности, этимъ источникомъ культурнаго вліянія для стараго латыша, точкой отправленія христіанства могла быть, естественно, сосѣдняя русская волость кривичей. Дѣйствительно, какъ показываетъ тотъ же языкъ, и въ настоящую минуту въ представленіи латыша все русское—и мы лично, и имперія, и самая вѣра—все это является въ образѣ кривичскаго, то-есть, съ именемъ племени, давно затеряшагося на землѣ. Такъ

„*Kreevus* ein Russe; *Kreevun* seme—Россія, то-есть, земля кривичей; *Kreevun* tizziba—православіе ²⁾).

Территоріей кривичей опредѣлялась и юго-восточная граница территоріи старыхъ латышей: далѣе кривичей латышъ не зналъ русскихъ, и исчезнувшіе люди продолжаютъ свое безплотное существованіе въ языкѣ и представленіи ихъ ранняго историческаго сосѣда, латышей.

Но переходимъ къ языку инаго рода, языку мертвому, языку *топографическимъ* названій.

Значеніе для этнографіи исторической этого спеціальнаго языка давно твердо установлено въ наукѣ, давно вошло въ общее сознаніе. Припомню знаменитаго географа К. Риттера, но еще юнаго, его „Vorhalle“ 1817 года, гдѣ онъ въ упорительномъ увлеченіи санскритомъ перешелъ, впрочемъ, предѣлы допустимаго, вспомнимъ великаго В. Гумбольдта, его этнографическія изслѣдованія за Пиренеями.

Изъ русскихъ ученыхъ рано вступилъ на ту же стезю—проклады-

¹⁾ Имѣемъ въ виду заслуженнаго знатока латышской этнографіи, д-ра Биленштейна, его воззваніе въ торжественномъ засѣданіи 13 декабря 1894 г. „Латышскаго литературнаго общества“ въ Митавѣ—почти 14 августа 1896 г. семисотлѣтнюю память смерти „апостола“ латышей—Мейнгардта: „Die Waffe Meinhardts ist keine andere gewesen, als das Wort Gottes, und sein Beweggrund, seine Triebkraft nichts anders, als die uneigennützig Liebe und Fürsorge für das hier noch in Finsterniss und Todesschatten lebende Volk“. (*Magasin h. v. der Lett.-litter. Gesellschaft*, XIX, 4, p. 12). Розказни о мечѣ и огнѣ—выдумки...

²⁾ Если, по словамъ мѣстныхъ латышскихъ людей, въ настоящее время има для насъ, русскихъ, *Kreevus*, заключаетъ въ себѣ отгѣнокъ нѣкотораго нерасположенія, дурнаго чувства, то это содержаніе могло бы быть лишь продуктомъ новаго времени, наприимѣръ, отъ столкновеній съ старовѣрами. Такъ это представляется намъ. Замѣтимъ, что два *e* въ латышской графיקѣ обозначаютъ звукъ, близкій къ *л*, старому *я*.

вать при помощи языка пути въ нашемъ темномъ сознаніи—талантливый Надеждинъ (род. 1804).

Въ то время какъ officialный географъ-историкъ, покойный К. Арсеньевъ, въ своихъ учебникахъ по географіи Россіи обнаруживалъ крайнюю бѣдность и путанность по этнографіи ¹⁾, Надеждинъ поражаетъ пронизательностью мысли, широкимъ пониманіемъ дѣла, конечно, не безъ вліянія науки запада.

„Земля,—говорилъ Надеждинъ въ 1837 году,—есть книга, гдѣ исторія человечества занисывается въ географической номенклатурѣ“. Руководящимъ примѣромъ былъ для него великій Гумбольдтъ. „Гумбольдтъ,—продолжалъ Надеждинъ,—прочелъ первобытную исторію Пиренейскаго полуострова, возстановивъ его географію изъ нынѣшняго живаго языка басковъ“ („Опытъ исторической географіи русскаго міра“ въ *Библиотекѣ для Читателя*, 1837) ²⁾.

Попробуемъ и мы испробовать наши силы на пути Надеждина, чтобы прибавить хоть небольшой штрихъ въ начатую Надеждинымъ широкую картину исторической географіи русскаго міра, бросить хоть слабый свѣтъ на одинъ изъ любопытнѣйшихъ его уголковъ.

Укрѣпленные ободряющимъ совѣтомъ Надеждина: „не нужно доискиваться, что собственно значить каждое названіе; довольно, если опредѣлится его происхожденіе, если откроется, къ какому языку принадлежитъ оно“ (тамъ же),—мы изъ современной Литвы спустимся и опустимся въ Минскую губернію, но чтобы при изслѣдованіи ея топографической номенклатуры позволить себѣ иногда и отступить отъ совѣта отца исторической этнографіи въ русской наукѣ, позволить себѣ доискиваться и запретнаго плода, и тамъ, въ вѣковыхъ, безконечныхъ и бездонныхъ болотахъ Минской губерніи вскрыть болѣе раннюю, если и не первобытную, Литву.

¹⁾ Арсеньевъ, напримѣръ, сѣверо-западный край Россіи населялъ почти сплошь поляками. Да и въ настоящее время въ серьезныхъ изданіяхъ встрѣчаются иногда совсѣмъ непонятныя утвержденія. Такъ, въ статьѣ „Изъ бумагъ В. Г. Топлякова“, *Русская Старина*, 1896, февраль, стр. 425, прим. 3, читаемъ: „Гернгутъ (Hernhut)—мѣстечко въ Саксоніи, недалеко отъ г. Бауцена, было первымъ мѣсто-пробываніемъ моравскихъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія...“. Откуда это авторъ взялъ?

²⁾ Пользуемся выдержками изъ статьи Надеждина въ недавно вышедшей книгѣ проф. И. П. Филевича: „Исторія древней Руси. I. Территорія“ (Варшава, 1896). Книга эта, исполненная съ любовью къ дѣлу, дѣлаетъ попытку разрѣшить одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской науки.

Огромное пространство Минской губерніи обнимаетъ верхнее теченіе Нѣмана, теченія Березины и Припяти. Здѣсь водораздѣль Балтійскаго и Чернаго моря, при чемъ на сѣверѣ песокъ, на югѣ — недовѣдомыя болота, „мочары“, особенно, въ уѣздахъ Пинскомъ и Мозырскомъ.

Чтобы судить о картинѣ страны, достаточно замѣтить, что болота обонихъ этихъ уѣздовъ обнимають 23%, то-есть, безъ малаго четверть всей площади ихъ, что такъ называемое Зарѣчье или правый берегъ рѣки Пины представляетъ одно непрерывное болото въ 150 тысячъ десятинъ—грандіозный лабиринтъ водъ. Среди этого отъ вѣка ненарушимаго царства воды то тамъ, то сямъ выбѣгають наружу песчаные холмики, гдѣ и ютятся жалкія обиталища, иногда за сотню верстъ одно отъ другаго, жалкаго человѣка, попавшаго сюда, конечно, не со-вчера. Ибо только вѣковая привычка могла и можетъ удерживать человѣка здѣсь, въ этойъ юдоли вѣчно грозящей смерти. Имя одного здѣсь притока Припяти — *Смерть* (слѣва), мѣтко характеризуетъ край. Слова вдохновеннаго нѣнца Литвы, посвященныя его минской родинѣ, только въ стихотворной блестящей формѣ, воспроизводятъ прозаическое описаніе обширнаго и недостаточно обследованнаго края. Картины въ поэмѣ Мицкевича „Панъ Тадеушъ“ только снимки съ природы, съ описаніемъ внутренняго распорядка лѣсовъ, водъ, ихъ свойствъ ¹⁾, хотя справедливо и сомнѣніе поэта:

„Ktoż zbadał puszcza Litewskich przepastne krainy,
Aż do samego źródła, do jądra gęstwiny?“

Вотъ—

„ ... wielki wał pniów, kłód, korzeni,
Obrońny trzęsawicą, tysiącem strumieni“,

но далѣе—

„ ... co krok czyhaią, niby włcze doły,
Małe jeziorka, trawą zarosłe na poły,
Iak głębokie, że ludzie dna ich nie dosłedzą...
Woda tych studni skłni się, płamista rdzą krwawą,
A z wnętrza ciągle dymi, zionąc woń plugawą,
Od której drzewa w kolo tracą liść i korę...“

¹⁾ Эту тему, „шлехетскаго Германа и Доротею“, самъ поэтъ называлъ „своимъ любимѣннѣмъ дѣтищемъ“. „Маѣ кажется,—писалъ онъ другу Одincu въ маѣ 1838 г.,—что я сижу въ Литвѣ, что я живу въ Литвѣ, въ лѣсахъ...“ (Pisma, 1876, t. V, 284, слѣд.).

Наконецъ—

„za temi jeziorkami“ —

„... tam już wszystko mglistym zakryte obłokiem,
Co się wiccznie ze trzęskich oparzelisk wznosi“.

Если среди преданій населенія этой водной пустыни смерти, пустыни, заботливо изолируемой природою, ея условіями, изслѣдователи отмѣчаютъ особенную старину, какъ, напримѣръ, разказъ, что болото Гричинь, площадь въ 500 верстъ, было якобы нѣкогда заливомъ моря¹⁾, то естественно спросить—не скрывается ли какая либо сѣдая донсторическая и ранняя историческая старина въ топографіи, въ языкѣ земли этого грандіознаго края?

Отвѣтъ мы получаемъ положительный, и прежде всего родная старина подымается предъ нами и реальнаго, и даже формальнаго характера.

Вотъ поселенія съ такими именами, какъ Чаховцы, Бездешь, Ополь, Оброво, три раза Дулебы, при чемъ для XVI вѣка они документуются писцовыми книгами Пиньскаго староства 1569 г., названными виленскою комиссіей (ср. т. II, 142, 144). Какъ не вспомнить здѣсь чеховъ, ихъ имя, ихъ Дудлебовъ, горы Bezdéz, Opolf, ихъ obga гиганта (общій источникъ въ имени аваровъ)?

Или поселенія Судиборъ, Хотеничи. Ср. въ былинахъ Хотень. Въ указанныхъ писцовыхъ книгахъ мы находимъ и Ивана Хотиневича, в урочище Хотиничи на Хотнѣ (II, 296). Въ тѣхъ же книгахъ—личное имя Волосовичъ, рѣчку Радогощъ, болота: Волховы, Одръ, Ондра, Черемущъ, Моравище, Краковъ и Краково нявище, поселенія Чехи и съ чисто чешскими названіями: Рамне (ср. чешск. pa-gamný), Багно (ср. чешск. bahno—болото), Гвоздь (ср. чешск. hvozd—лѣсъ). Здѣсь и общеславянскіе и старые миеологическіе отзвукы. Ср. и личное имя Dadzibog, въ польской графикѣ, отвѣчающее Дажьбогу извѣстнаго Слова („Собраніе минскихъ грамотъ“, 1848, № 127). Отмѣтимъ еще имя родника Око при деревнѣ Оконской: изъ этого родника бьетъ масса воды, глубиной болѣе 300 сажень. Это имя—основное слово для общеслав. *ок-ьно*, съ главнымъ значеніемъ fodina salis. Извѣстно, что Трансильванія, главный амбаръ европейской соли, нѣкогда русско-славянская, покрыта собственными именами—*Окно*²⁾.

¹⁾ „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Минская губернія“. И. Зеленскаго. С.-Пб. 1864, ч. I, развѣт.

²⁾ Ср. нашу монографію „О русскомъ племени въ Дунайскомъ Захѣсѣ“, въ „Трудахъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ“, т. II, развѣт.

Изъ болѣе новой старины отмѣтимъ: память о Святополкѣ (рѣка Святополча, лѣсъ Святополчій), о Игорѣ (село Игоровица), урочище Немигу, ручей Стругу—все это въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ (II, 86, 188, 300, 344).

Но старина—и въ самой *формѣ* именъ тѣхъ жалкихъ сельбищъ. Мы имѣемъ въ виду прежде всего окончаніе на *ичи*, царствующее въ Минской губерніи. Оно, указывая на происхожденіе односельчанъ отъ одного отца-родоначальника, переноситъ насъ въ глубокую старину сложенія славянскихъ земель, напримѣръ, въ эпоху заселенія чехами своей земли: Лобковичи, и въ то же время въ современную Черногорію, съ ея Васьевичами, Паштровичами—именами родовъ-клановъ. Укажемъ немногія изъ минскихъ именъ: Милевичи, Семигостичи, Люденевичи, Миничи, Хотеничи—то-есть, потомки Милева, Семигоста, Людена, Хотена.

Но съ окончаніемъ *ичи* мы перенеслись и въ сферу грамматики. Въ грамматическомъ отношеніи любопытна въ топографическихъ именахъ форма имени прилагательнаго относительнаго.

Главный городъ Минскъ. Въ старину *Мѣнскъ*. Въ грамотахъ XVI вѣка: мѣсто Мѣнское, Менское, Мѣнскъ, Менскъ, и только съ XVII столѣтія—Минскъ. Имя не по рѣкѣ, а отъ слова *мѣна*, то-есть, мѣсто мѣновой торговли. Нормальное правописаніе для старины было бы *Мѣнскъ*, то-есть, мѣн-ьскъ.

Въ другомъ мѣстѣ, при докладѣ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ, мы возстановили біографію загадочнаго слова *берковецъ*: оно искаженіе стараго *берковескъ*, какъ *Минскъ* изъ *Мѣнскъ*. Но въ окончаніи *берковецъ* мы безсознательно сохраняемъ память о старомъ суффиксѣ *ескъ*, *ьскъ*, о его гласномъ *е*.

Но, обращаясь къ топографическимъ именамъ Минской губерніи, мы встрѣчаемся съ именами именно въ старой формѣ суффикса *ьскъ*, съ проязношеніемъ—*еск*.

Въ болотномъ царствѣ губерніи, по сѣверному краю, у притока Смерть, мы находимъ:

Лунинескъ (станція желѣзной дороги), при митрополіи невдалекѣ—*Лунино*. На картахъ уже Лунинецъ (ср. берковецъ), но въ народномъ говорѣ съ окончаніемъ *ескъ*.

Видиборескъ при Видиборѣ. На картахъ Видиборецъ.

Именъ съ *ьскъ* немного. Но полагаемъ, что и Дубинецъ изъ *Дубинескъ*, при Дубой, и что всѣ на *ьцъ*, *ьскъ* суть только сокращенія: Гребенецъ, Минскъ, Дубровскъ, Слуцкъ (Случьскъ), Глускъ, Дребекъ

и др. Отмѣтимъ изъ указовъ Писцовыхъ книгъ 1569 года: дворница *Трусенеская* (II, 250), при „U Człowieczego Hołowaku“ (II, 108). Ср. въ прибалтійскихъ нѣмецкихъ актахъ XV столѣтія названіе для нашего Полоцка: *Polosko* и *Polotesk, Poltesk* ¹⁾).

Такимъ образомъ, произношеніе XI, XII вѣковъ, произношеніе *берковескэ*—оживаетъ и сегодня въ нѣкоторыхъ болотныхъ именахъ Минской губерніи. Рѣчь простаго человѣка сегодня воскрешаетъ давно умолкшіе звуки старины.

Отмѣтимъ, наконецъ, и имена въ формѣ повелительнаго наклоненія изъ указовъ Писцовыхъ книгъ: *Zahubi jutro, Pohubi jutro* (I, 360, 362), или личное: Мартынь *Христи* болото (II, 248).

Въ отмѣченныхъ топографическихъ именахъ пронесся предъ нами одинъ слой почтенной старины, по слой родной, славянской.

Но въ топониміи Минской губерніи (отчасти и нѣкоторыхъ смежныхъ ближайшихъ околлицъ), думается намъ, есть еще другой слой. болѣе ветхій, слѣдовательно, изъ эпохи довременной, именно—въ мѣстныхъ именахъ специально минскаго характера—въ названіяхъ всяческихъ *водъ*. Къ минской *идрографіи* (въ предѣлахъ нашей задачи) мы и обращаемся теперь.

3.

Уже Надеждинъ болѣе или менѣе справедливо указалъ, что рѣка Припять съ лѣвой стороны представляетъ *смищеніе* звуковъ въ гидрографической номенклатурѣ, которое де исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ Днѣпру („Опытъ и проч.“). Мы увидимъ, что постепенности нѣтъ.

Налѣво отъ Припяти, это все на сѣверъ, то-есть, почти вся Минская губернія, съ водами Балтійскаго и Черноморскаго бассейновъ.

Нѣманъ, архилитовская рѣка, у впаденія своего въ Гафъ носящая имя Мемель, беретъ начало изъ центра Минской губерніи, изъ ея центральныхъ болотъ, немного южнѣе Минска.

Литовское имя рѣки *Netūj*, обычно—*Netunas* (въ корнѣ *e* твердое и далѣе), но въ произношеніи нѣкоторыхъ мѣстностей, по свидѣтельству Куршата („Wörterbuch“, II, 270)—*Nitunas*. Въ виду

¹⁾ „Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch“, R. X, Riga, 1896, Register. Даже царь Алексѣй Михайловичъ въ своихъ письмахъ употреблялъ форму *Можаскскъ*, а не *Можайскъ* (см. „Письма русскихъ государей“... М., 1896, стр. 1).

колеблющагося гласнаго понятно то же колебаніе и въ ковенскихъ актахъ XVI вѣка: Нѣмонъ, Нѣмунъ, но и—Немъ (см. богатый трудъ *Н. Я. Стронца*: „Географическій Словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія по актовымъ книгамъ Россіенскаго суда“, Вильна, 1888, s. v.). Но любопытно, что среди жудиновъ, то-есть, наиболѣе консервативныхъ литовцевъ, имя рѣки звучитъ *Наманс*, какъ свидѣтельствуеъ г. Гуковский въ своемъ „Ковенскомъ уѣздѣ“, 1892. стр. 8, заслуженный мѣстный работникъ. Русское Нѣманъ, польское *Niemn*, очевидно, изъ преобладающей литовской формы.

О популярности имени Нѣмана или Мемеля въ области литовскаго племени свидѣтельствуеъ и вторая рѣка тождественнаго имени—рѣка у латышей: курляндская *Аа*, или по-народному *Leelupe*, то-есть, большая рѣка (отъ *leels* и *upe*), образуется изъ соединенія Мусы съ *Мемелемъ*. Этотъ *Мемель*, какъ онъ названъ на этнографическихъ картахъ гг. Куршата и Биленштейна, на такой же картѣ г. Риттиха названъ *Нѣманекъ*, то-есть второй, малый Нѣманъ. На картѣ Биленштейна тонъ, къ сожалѣнію, дается нѣмецкой номенклатурой¹⁾. Но этотъ Мемель-Нѣманекъ на дѣлѣ у народа просто буквально повторяетъ имя главной рѣки литовцевъ: *Немона*, и уже нѣмцы называютъ его *Memel*²⁾.

Обѣ формы: *Nembi* и *Neminas*, находятъ поддержку въ старомъ актовомъ языкѣ и топографіи Минской губерніи.

Такъ, въ грамотахъ XVI вѣка Минской губерніи мы имѣемъ отзвуки этого имени и въ другихъ пунктахъ ея. На югѣ, гдѣ помѣсь бѣлоруссовъ и черноруссовъ, топографическое имя *Нѣмий*, род. *Нѣмья* (слѣдовательно, не имя прилагательное): „... pod Werosochom morg 1, и Slodowni prenthow 24, и *Nietuja* prenthow 18“ (Писцовыя книги 1569 г., II, 344). Окончаніе *ий* вполнѣ отвѣчаетъ въ

¹⁾ На картѣ г. Куршата стоитъ *Niemn*, а въ своемъ словарѣ (s. v.) онъ самъ указываетъ, что „es ist also unrichtig, diesen Fluss in deutschen Geographien *Niemn* zu nennen“!

²⁾ Таковы показанія, собранныя нами лично въ Ригѣ изъ устъ мѣстныхъ латышскихъ ученыхъ. Очевидно, что то, что годится для домашняго употребленія, не годится для этнографической карты, и г. Риттихъ впалъ въ другую тенденцію, введя свой географическій неологизмъ. Этнографъ мудрствовать права не имѣетъ. Далѣе, какъ на Литвѣ, такъ и здѣсь, та, другая деревня по рѣкѣ называется *Ронетонс*; ср. *Полумиз*—имена цѣлаго ряда мѣстнѣй по рѣкѣ Муса (у русскихъ мѣстныхъ—Муха, по созвучію). Прибавимъ, что при формѣ *Memel* старыя нѣмецкія акты знаютъ и вариантъ *Mymmel* („Liv-Est-Kurl. Urkundenbuch“, X, Register).

литовскомъ—*ūj*; ср. *нынѣ* и литовское *нинאי*. Далѣе, имѣется рѣчка *Нѣменчина* въ старыхъ актахъ („Сборникъ виленскихъ актовъ“ 1842, I, № 39). Сейчасъ у Борисова есть село *Немоница* (см. ср. превосходную карту Военнаго депо Имперіи, съ посвященіемъ Императору Александру I, 1820-хъ годовъ).

Съ именами *Нѣтѣй*, *Нѣмий* можно бы поставить въ связь и имя рѣчки *Немимъ* въ Минской губерніи, а это имя, въ свою очередь, находитъ сочувствіе и въ названіяхъ мѣстъ тамъ же:

„... въ месте Менъскомъ на *Немизе* лежачое“, „церковь рожества пречыстое на улицы *Немизскомъ*“ („Собраніе актовъ Минской губерніи“, 1848, № 75, 72). Въ Писповой книгѣ Пинской 1569 г.: „ostrow uroczysszem *Niemia*“ (II, 300).

Въ окончаніи *ia*—именной суффиксъ, особенно извѣстный литовскому языку. Ср. Стру-га (рѣчки и рядъ мѣстныхъ именъ на югѣ Минской губерніи) въ литовскомъ: *sglowė*—потокъ, струмень и *sriū-ga*—хлопъ снѣга; *ūda*—кожа и *ūde-ga*—хвостъ; литовское *parei-gà, isei-gà* (Kurschat, Gramm., § 285). Ср. въ „Географическомъ Словарѣ“ г. Спрогиса рѣчки Инавга, Сумига. Въ той же формѣ *ga*—это окончаніе въ суффиксъ имени прилагательнаго: *waikīngas* (*waikas*—дитя), *waisingas* (*waizà*—плодородіе), *norīngas, -ga* (*nóras*—желаніе) и др.

Но что могли обозначать для литовца имена: *Nētūj*, *Nēmūnas*, *Наманс*?

Конечно, толкованіе польскихъ историковъ отъ небывалаго героя Немона—досужій мнѣ. Но затрудняемся понять и г. Гуковского—какое литовское слово предносилось ему, когда онъ говорить, что если названіе Нѣмана и обозначаетъ что нибудь, то развѣ *plauciūi*, способный къ плаванію, судоходству („Ковенскій уѣздъ“, стр. 3). Плавать по-литовски—*plaiūkti*, одного образованія съ славянскимъ.

Изъ многихъ формъ именъ пралитовской рѣки, но вытекающей изъ центра Минской губерніи, остановимся на формѣ, что въ устахъ Жмуди, то-есть, наиболее чистой, консервативной части Литвы—*Наманс*, или, безъ обычнаго сокращенія, *Наманас*.

Въ этой формѣ названіе Нѣмана сближается съ литовскимъ прилагательнымъ *naminis*—домашній, свой, отъ устарѣлаго *namas*—домъ, (откуда и частицы: *namūn*, *namon*—домой, и глаголь *namūti hausen*), но въ латышскомъ языкѣ еще существующаго слова: *namis*—домъ, *naminās*—жилище. Относительно корненаго гласнаго замѣтимъ, что въ устахъ Жмудина при *памаі* есть и *питаі*. Если можно довѣрять старонрусскимъ текстамъ, то можно бы вспомнить и старопрусское

poitans, pahtans—дательный множественного *нашъ*, но и въ значеніи *pousas, pouasa*—нашъ, наша ¹⁾).

Прибавимъ, что въ русскомъ обликѣ XVI вѣка ковенскихъ названій—въ Словарѣ г. Спрогиса—мы имѣемъ правильные отзвукы формы *Нимане*, въ именахъ: *Ному*—ловкасъ (то-есть, *laukas*, политовски лугъ), *Нуму*—ловкасъ (теперь *Номуловки*).

То-есть, Нѣманъ—это рѣка *наша*, литовская по преимуществу.

Какъ будто и братъ втораго, курляндскаго, Нѣмана (такъ называется *Мемел*—Нѣманчикъ), рѣка *Муса* (на картахъ *Musse*, *Мупа*, по старому правописанію латышей—*Muhsa*) семасиологически поддерживаетъ предложенное объясненіе: латышское *muhs*,—а нашъ, наша, прусское *pousas, —pousa*, литовск. „*mušų sesyte*“, то-есть, наша (нашъ) сестра. О мѣнѣ *n* и *m*—ср. литовск. *poša*—*mosa*, сноха. Двѣ рѣки и обѣ наши, объявилъ латышъ. Оба имени: *Memel* (то-есть, Нѣманъ) и *Mussa*, г. Виленштейнъ ставитъ уже на картѣ XIII вѣка.

Другія формы—упрощеніе и вариации. Славянскія — осмысленіе, по сближенію въ прилагат. польск. *niemy*, русск. *нѣмой*. Мы, славяне, усвоили литовское имя литовской рѣки, но успѣли осмыслить, сближать съ своимъ языкомъ.

Вторая большая рѣка Балтійскаго бассейна, болѣе латышская, чѣмъ собственно литовская—*Двина*. Она не вытекаетъ изъ Минской губерніи, но только касается кое-какими притоками.

Двина—латышская рѣка, у латышей она и носить двойное названіе, какъ свидѣтельство давней принадлежности ея имъ: *Daugava* и *Duna*, въ старыхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ грамотахъ съ вариантами: *Düne, Düne*. Что же касается въ тѣхъ же грамотахъ формы *Duiwena, Duwena, Dvene*, то это—передача уже русскаго названія рѣки—Двина ²⁾. Въ народныхъ пѣсняхъ *Duagava—Duagawina*—ласкат. форма.

Имя *Daugava* нельзя не поставить въ связь съ литовск. прилаг. *daugas* (теперь только частица *daug*, много = латыш. *dauds*, много), то-есть, рѣка крупная, многоводная. Этому взгляда и ученый президентъ латышскаго общества въ Митавѣ—въ *Magasin*, т. XIX, 4 (1896 года), р. 337.

Но что такое *Duna*?

Неволью припоминаются: Донъ, Дунавъ (*Danuvius*), Данастръ,

¹⁾ См. *Vater*, Die Sprache des alten Preussen, и *Nesselmann*, Thesaurus linguae prussicae, s. 7.

²⁾ „Liv-Est und Kurl. Urkundenbuch“, X, Register.

Данапръ (Днѣстръ, Днѣпръ). Отъ Лерберга и до нашихъ дней имена всѣхъ этихъ рѣкъ, какъ и Двины, связывали съ осетинскимъ *don, dan*, вода, рѣка. Но если это объясненіе и справедливо, то не справедливѣе ли разъединить эту группу водныхъ именъ, напримѣръ, оставляя въ сторонѣ осетинскія или общеарійскія воспоминанія, для имени латышской рѣки искать объясненіе изъ данныхъ самаго латышскаго языка?

Латышскій языкъ предлагаетъ одно любопытное слово. Это—*dunawas*, по Ульманну, „*kleine Gewässer, die nicht zufrieren*“. Ср. и *dindawa*, стокъ. Правда, эпитетъ „*kleine*“ возражаетъ противъ сближенія большой Двины—Дуны и малой *dunawas*, но характерная черта—незамерзаемость, глубина, указываетъ не на обычную лужу. Вѣроятно, современное, узкое примѣненіе слова *dunawas*—результатъ поношенности языка. Во всякомъ случаѣ общая черта—незамерзающая, глубокая вода.

Что и верховье Двины принадлежало Литвѣ, заключаемъ изъ повторенія имени этой рѣки для перваго большаго притока рѣки Вили, что въ Нѣманъ, въ предѣлахъ Минской губерніи, и съ характернымъ литовскимъ околчачіемъ для рѣкъ: *Доина-са*. Ср. *Дубиса*, *Лангеса* въ Ковенской губерніи, гдѣ въ имени *Дубиса* случайное созвучіе съ русскимъ *дубъ*¹⁾.

Но обѣ крупныя балтійскія рѣки, Наманъ, или наша, Дуна, или крупная рѣка-вода, только истокомъ или притокомъ причастны Минской губерніи, а тамъ снѣшать къ своимъ людямъ, чтобы позвратить себѣ свой литовскій образъ. Но направленіе обѣихъ рѣкъ на сѣверо-западъ указываетъ на естественное тяготѣніе губерніи къ литовской территоріи. Оставимъ мы ихъ и обратимся къ спеціальнымъ водамъ столь водообильной губерніи, и отчасти смежныхъ, и начнемъ съ естественныхъ источниковъ самыхъ рѣкъ—*болотъ-озеръ*, съ ихъ названій: что могутъ сказать этнографу эти названія? Помогутъ ли они указать: кто крестилъ край, кто былъ старѣйшій хозяинъ этого края, теперь бѣлорусскаго?

Для озеръ ограничиваемся названіями на сѣверѣ, и въ порядкѣ свободномъ, по степени ясности.

¹⁾ Ср. въ Геогр. Слов. г. Спрогиса: „*Дубимы* по-руску, а по-литовску *Ожоліосъ*“ (103). Ср. у Куршата въ Словарѣ, в. в. *ajolas* замѣчаніе: „*in manchen Gegenden nachlässigere Aussprache für *ajūlitas**“, но это произношеніе, какъ видимъ, дается уже XVI вѣкомъ. Въ латинскомъ—*ajūlas* дубъ, законный вариантъ литовской формы.

А) *Названія озера.*

1) *Берешта*, при рѣчкѣ того же имени.

Въ Словарѣ Спрогиса находимъ рѣчку *Бершита*, поселенія *Бершитасъ*, Бершты, рѣки *Бершит-унъ*. *Бершит-уни*, поселенія *Бершитасъ унъ шуру калъни*, или—*ан пазира калъни*, то-есть, у лѣсистой горы и другія. Ясно, какъ популярно имя.

Въ имени *Берешта* просвѣчивается литовскій недостаточный глаголъ *beršta, beršti, бѣлѣть*, напримѣръ: *beršt javai* = пшеница начинаетъ бѣлѣть. Имя озера означало бы бѣлѣющее, свѣтлое. Вспомнимъ и рѣчку Сидабра въ Курляндіи, что въ Аа у Митавы (на картѣ г. Риттиха, а на картѣ г. Биленштейна *Platone?*), то-есть, серебромъ блестящая, свѣтлая, и названіе озера Лепеля (см. ниже) *Бѣлымъ*.

2) Озеро *Пеликъ*, изъ котораго вытекаетъ рѣка Березина.

Въ Словарѣ Спрогиса: село *Пелеки*, нива *Пелки*, *Пелкесъ*. 2 болота—Геджалъсь—*пелъки*.

Латышскій и литовскій языки дозволяютъ нѣсколько сближеній для имени озера Пелика.

Лат. *pelkis*,—а, *pelke*—es, болото, лужа (иная форма—*peļdikis, peļsis*).

Латышск. *peļehks* пестрый (лит. *pillkas*), сѣрый, пепельный; наконецъ, литовск. сущ. *pelkė* Forſburgisch и просто торфъ. Извѣстно, что вся Минская губернія покоится на залежахъ торфа, и съ своими лѣсами, и болотами. Но въ виду восточнаго помѣщенія озера Пелика, въ его имени скорѣе надобно видѣть латышское происхожденіе.

2) Озеро *Лепель*. Въ Слов. Спрогиса: поле *Лепойте*, Ленайтишки, рѣка Линича. Ср. Липа. притокъ Нѣмана, въ Минской губерніи, *Леераге*, притокъ Аа.

Сравнимъ латышск. *leera*, лит. *liëra*, липа, прилаг. *liërinis*, или же латышск. *lehra*, озерная роза (*ūhdens lehra*). Окончаніе *ль* можно разсматривать, какъ вариантъ *нь*: ср. Метел и Нѣмецъ. Ср. имя одного изъ городищъ у латышей въ XIII вѣкѣ—*Лерене* (въ Витебской губерніи, близъ Якобштадта)—на картѣ у г. Биленштейна. Возможно двойное толкованіе имени озера, и болѣе всего—изъ латышскаго языка: 1) или озеро среди липовыхъ лѣсовъ; 2) или озеро, покрытое нимфеями.

4) Озеро *Морони*. Въ Словарѣ Спрогиса: им. Моргиники, Морки, Моркучике.

Вспомнимъ латышск. *marga* — сверканіе, блески, лит. *márgas*, пестрый, сущ. *margas* (plur. t.) *Sommersprossen*.

5) Озеро *Мядзіо(е)ла*, въ Виленской губерніи, у границы.

Въ Словарѣ Спрогиса: Мядель. Мядины. Ср. теперь *Медыганы* изъ Мединганы (въ грамотахъ XIII вѣка—Nedinghen) ¹⁾.

Этимологія неясная. Можно вспомнить лит. *mėdis*,—*dzio*, дерево. лѣсъ (латышск. *meschs*), откуда—*medžiškėle*.—*es Jagdrevier*, въ латыш.—*mednis*—глухарь. или лит. прил. *māšas*, малый (ср. названіе рѣчекъ: *Мажа* что въ Морочь, *Можа* что въ Бобрь; ср. Можайки въ Курляндіи и нашъ *Можайскъ*).

6) Оз. *Плавю*. Въ Словарѣ Спрогиса: Плавки, Плавке. Возможны нѣсколько сближеній: 1) латышск. *plawinaht wellenförmig bewegen*, 2) лат. *plēnove*.—*es*, *plēnos*—*a*, пленка, *plēnwains*, подернутый тонкою пленой, *plēwinaht* двигать; лит. *plauju*,—*uti*, плевать; 3) латышск. *plauju*, *plaut* жать (лит. *plauti*). отсюда *plawa Wieje*, Heuschlag.

7) *Окано*. Этимологія темна. Ср. рѣку Окмяна, иначе Данге у Мемеля (изъ латышск. *danga*—*kothige Pflutze*, *morastiges Land*). Ср. лит. *akis*, прил. *aknis*, окно—*fodina aquae*, *salis*.

8, 9) Въ именахъ озеръ: *Вечта*, *Бизина*, слышатся ясно звуки неславянскаго языка, по этимологіи темна. Для имени Вечта мы имѣемъ отголоски въ старой топографіи Ковенской губерніи, въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка Вешета, Вешата (теперь Вешинта). Уже среди жмудскихъ городищъ XIII вѣка находится *Vesete*, на рѣкѣ Вешеті.

Для имени Бизина можно указать въ латышскомъ языкѣ названіе гриба—сморчка: *bisini rhallus esculentus*. Ср. и топограф. имя *Biesen*, *Biessen* въ лифляндскихъ грамотахъ XV столѣтія, въ указ. „*Urkundenbuch*“, т. X.

В) *Названіе рѣчекъ, притоковъ; изъ бассейновъ: Двины, Березины и Припяты.*

Ула. изъ озера Лепеля, лѣв. притокъ Двины, въ Витебской губерніи, на картѣ 1820 года—*Ула*.

Ср. въ Ковенской губерніи *Оле*, село *Омота*.

Въ латышскомъ: *ohla*, мелкій камень, голышъ, иначе *ohlis*. Въ литовскомъ—*ila* скала. Въ латышскомъ Словарѣ Ульманна показано *ile*; вѣроятно, спутано, съ литовск. *ilė die Höhle*—*dauba*, въ Словарѣ Спрогиса *Давба*.

Для семазіологіи имени ср. въ Ковенской губерніи *Окмена* (притокъ Митво что въ Нѣмань), Окмяна—Данге изъ лит. *akmė*, камень;

¹⁾ *Волтеръ Э.*, Жмудскія городища въ „*Иам. кн. Ков. губ.*“ за 1888 г., отд. отт., 6.

въ Минской губерніи: Каменка, малый притокъ Вилии, Пещанка—малый притокъ Березины.

Эсса, притокъ Улы, чрезъ то же Лепельское озеро, съ притокомъ Берешта, о имени котораго была рѣчь выше.

Этимологія имени изъ литовскаго: устарѣлое суц. *ese* (изъ **esia*) бродъ, рѣчной переходъ. Болѣе далекое соотношеніе съ литовскаго *esė*, межа, у рыбаковъ.—„ein Gartenbeet und eine flache Stelle des Pfaffes am Ufer“.

Жортайка. Въ Словарѣ Спрогиса — им. Жоры. Для формы ср. Дырстейка, Можайка въ Россіенскомъ уѣздѣ.

Въ связи съ лит. глаголомъ *žiuoju*,—*róti* озарять, сверкать, слѣд. рѣчка сверкающая. Ср. выше Берешта.

Переходимъ къ бассейну Березины, протекающей съ сѣвера на югъ, чрезъ всю Минскую губернію. Имя рѣки, повидимому, громко-славянское. Но остановимся на ея притокахъ. Вотъ имена ихъ: Поня, Сергутъ, Мрай Сха, Гойна (съ притокомъ Цна, Усяжь), Плиса, Рова, Пача, двѣ Уши (съ одной стороны, а устьями сближаются), Уса, Клева, Свислочъ, Ольса, Брожа, Кардъ, Свида, Ола (эти уже при самомъ впаденіи Березины въ Днѣпръ)—что же въ этихъ именахъ славянскаго?

Но къ которому изъ языковъ принадлежать они? Естественно думать, тому, который увѣковѣченъ въ именахъ озеръ. Не думаемъ доказать литовское происхожденіе всѣхъ этихъ рѣчныхъ именъ; но что касается нѣкоторыхъ изъ нихъ, то ихъ литовизмъ можетъ быть опознанъ.

Поня. Этимологія темна.

Сергутъ. Въ связи съ лит. *sérgmi*, *sérgeti*, сторожить, *sérgétopš*, сторожь; ср. *Dejva Sargetoj*, богиня, стражь въ разказѣ у Лудвига въ Покевя („Litwa“ etc., 30).

Мрай?

Сха? Въ связи съ лит. *sausas*, сухой? Въ словарѣ Спрогиса *Syvisa*, *Сут-уписъ*.

Гойна. Этимологія неясна. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣчки Гонюва, Гонюу-седеймасъ (то-есть, сѣдалище, жилище ящерицъ, изъ *gonys*, водяная ящерица и *sedėjimas*). Ср. латышское народное названіе для лифляндской Аа—*Gauja*.

Въ связи съ *gõjus ein Busch dichter Baumhaufen* (слав. *гаи*)? Для примѣненія слова ср. названіе озера въ Ковенской губерніи—*Лукита*, отъ *likštas* Rohrgras, Kuhblume.

Усажъ. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: Ус-уна, Ус-ушъ, Усія. Ср. ниже—*Уса*.

Плиса. Ср. Плиса, притокъ Нѣмана въ Минской губерніи. Для этимологіи ср. лит. глаголь *plėšin, plėšti. reissen, gauben, plýstu-plýšti, bersten, zerreissen.*

Рова. Для этимологіи ср. лит. корень *rov, rau* рвать съ корнемъ. Есть и существ. *rova* наносъ, которое едва ли русскаго происхожденія, какъ, повидимому, думаетъ Куршаты (См. Словарь, s. v.).

Нача?

Уша (въ двухъ представителяхъ). Ср. Уша—притокъ Нѣмана. Уша—притокъ Вяліи. Въ Словарѣ Спрогиса: рѣка Ушня, село Ушняны. Распространенность имени на территоріи Литвы для обозначенія рѣкъ ясна.

Происхожденіе, вѣроятно, связано съ литовск. глаголомъ *ušiù, ūsti, brausen*, вторая форма котораго—*ošiù, ošti.* Значеніемъ въ связи съ Плиса, Рова. Возможна и вторая этимологія: въ лит.—*austu, austi, kalt werden.*

Уса. Ср. Уса, притокъ Нѣмана у села Поусье. Отъ литовск. *osis*, лат. *ohsis*, ясень. Что касается различія гласнаго, то Лудвикъ изъ Покева приводитъ форму *ousis*, уменьш. *uselis* („Litwa“ etc., 86). Дерево ясень почиталось священнымъ у литовцевъ (*ibid.*, 91).

Для примѣненія слова къ названію рѣки ср. *Ясень*, маленький притокъ Березины же, выше Бобруйска.

Клева. Ср. лит. *klėwas, klėvas*, клень. Ср. *Уса*.

Свислочь? Ср. *Ислочь*, правый притокъ Нѣмана въ Виленской губерніи, и обѣ рѣчки сближаются своими верховьями.

Ольса. Ср. *Олса*, притокъ Шешувы въ Россіенскомъ уѣздѣ, отличный отъ *Ольсы*, притока Митвы.

Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣка Ольса или Альса (ср. Олса), Ольсогтасть, Ольсойть, поле Ольсоць Лангеле (ядьсь Ольсоць—правильный род. п. ед. ж. р.) и др. Распространенность имени ясна.

Для этимологіи имени ср. латышск. *alksnis*, лит. *elksnis*, ольха, *alksne* ольховникъ. Едва ли въ связи близко звучащее литовск. прилаг. *aisis, ù*, медленный, усталый, откуда *alsa*, усталость.

Брожа. Возможны два сближенія: 1) или съ латышскимъ глаголомъ *brahsu, -st, sausen, brausen*, 2) или съ латышск. сущ. *brastis* (отъ гл. *brist*) eine Furth (pahr- brauzama weeta upės), ein kleiner Fluss, den man durchwaten kann, по Ульманну. Ср. въ пѣсни народной: „Pērkōns brauza par jurina“, переходитъ по морю.

Кардъ? Ср. въ Словарѣ Спрогиса: *Кардушесъ*—ланка, ручей *Кармупъ*. Затруднительно связывать съ лит. *karklas*, латышск. *kahrkls*, нва: въ Словарѣ Спрогиса—ручей Каркля, Коркля, съножать Карклиесъ.

Свида. Ср. литовск. прил. *Swidūs*, —1, blank, glänzend. Для значенія см. выше Бершта и др. Обратное значеніе въ имени *Юсма*, притока Невѣжи въ Ковенской губерніи: имя въ связи съ глаг. *jūsti*, schwarz werden, отъ *jūdas* черный, отсюда Юдутисъ, притокъ Свенты въ Тельшевскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

Ола, съ русскими притоками: Любича, Протокъ, послѣдній притокъ Березины.

Если это имя не вариантъ имени Ула, то можно вспомнить латышск. *ala*, —as, Höhle, *alohi*, aushöhlen. Относительно значенія ср. Дубиса, Дубня (притокъ Двины, въ Витебской губерніи) отъ *dubūs*, глубокий Литовск. *ogius* тисъ (Eibenbaum) связи не имѣетъ.

Мы опустили, и намѣренно, притокъ *Бобръ*. Повидимому, въ славянствѣ этого имени едва ли можно сомнѣваться. Но мы думаемъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ литовскимъ языкомъ: въ основѣ имени лежитъ литовское слово, близкое по формѣ къ славянскому и тождественное по значенію.

Въ литовск. *bėdgius*, *bābras*—наше *бобръ*; въ латышск. *bebra*. Безъ малѣйшаго труда литовское имя позже могло получить русскую окраску.

Относительно примѣненія названія животнаго для названія рѣки вспомнимъ имя *Ашва*, рѣчки въ Ковенской губерніи, отъ *ašvā* конь, кобыла, и ср. ниже подъ *Удра*.

Итакъ, изъ 18 притоковъ Березины имена 12 поддаются болѣе или менѣе литовскому анализу, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ именъ весьма распространены на территории современнаго литовскаго языка (*Уша*, *Ольса*); самыя же сближенія именъ нѣкоторыхъ изъ притоковъ Березины съ данными латышскаго и литовскаго языковъ указываютъ на буквальное воспроизведеніе литовскаго слова. Таковы имена: *Свида*, *Ольса*, *Клева*, *Уса*, *Бобръ*.

Но истинно-славянскія или русскія имена носятъ лишь притоки *второй* руки, мелкаго разряда, или *притоки притоковъ*—свидѣтельство въ болѣе поздней смѣнѣ литовскаго элемента славянскимъ, русскимъ, болѣе экспансивнымъ.

Принимая во вниманіе языкъ земли—языкъ озеръ и рѣкъ верховья Двины и всего теченія Березины, мы полагаемъ, что въ этой

области по Днѣпръ, у самаго впаденія Березины, жило, раньше нынѣшнихъ бѣлорусовъ, литовское племя. Эта область можетъ быть отнесена потому на счетъ территоріи доисторической Литвы.

Переходимъ къ именамъ притоковъ литовской рѣчи по преимуществу—Нѣмана. Они: Лыша, Уса, Сула, Уша, Березина, Шара, Виля съ Двиной, Илией и Удрой.

Лыша. Ср. въ Словарѣ Спрогиса ручай Лошиша.

Для этимологіи ср. лит. *lostū, lōs-ti, toben, vazen.* Течение Лыши въ луговой равнинѣ, среди лѣсовъ („Матеріалы для географіи и статистики Россіи“. Минская губернія, I, 220).

Уса } см. выше.
Уша }

Сула. Ср. озеро Сола въ Ковенской губерніи. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка Друтов-сулицъ, озеро Сулингъ.

Для этимологіи ср. лит. *sulā, der fließende Baumsaft.*

Шара (Щара). Ср. литовск. *sairas, -ā.* узкій. Рѣчка тянется на 300 верстъ, но судоходна всего на 20—именно въ недостаточности размѣровъ своихъ, долго имѣетъ видъ ручья („Матеріалы и пр.“ I, 222, 223).

Виля (только истокомъ въ Мясной губерніи). Въ русскихъ актахъ XV вѣка—Вѣлія, Виля, Вейля, Велья. По Куршату (Словарь, s. v.), Виля (*Welia*) называется *Neris*, а по Гуковскому („Ковенскій уѣздъ“, стр. 9).—*Naris*.

Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣки Валька, Велька; ср. далѣ Велюшки, Велюнь и др.

Въ виду того, что у жудиновъ Виля называется *Naris*, можно бы думать, что имя Виля—славянское и есть простой переводъ литовскаго имени: ибо въ литовск. мы имѣемъ *parjys*, род.—*pario*, съ значеніемъ змѣйка, а имя Виля было бы отъ глаг. *viti*, то-есть, рѣка, извивающаяся змѣйкой. Но болѣе естественно полагать, что и имя Виля литовскаго происхожденія. Если для этимологіи Виля литовск. *wilnis*, волна, то-есть, волнящаяся, крутящаяся рѣка (ср. мѣстность *Zakręty* у Вильны) не сюда, то на лицо литовск. глаголъ *weji, wy-ti*, вить, или глаголъ *wilioju, -oti, betrūgerisch locken, durch Verspiegelungen zu verlocken suchen* (Куршаты, Словарь, s. v.), откуда *wylis*—die List. Сюда же и прусское *prawilts, verrathen*, латышск. *wiltigs, wergvātherisch*.

Какъ главный притокъ Нѣмана, текущая черезъ нутро Литвы, Виля могла получить и два имени, но семасіологически родственныя.

Притоки двузначной Вилия, въ предѣлахъ Минской губерніи:
Двиноса. Очевидно, того же начала, что и Двина, въ обрусѣлой
 формѣ, съ литовскимъ окончаніемъ—*sa*.

Илиа. Ср. въ Словарѣ Спрогиса село Или. Этимологія темна.

Удри. Здѣсь—буквальная передача литовскаго *udrā*, прусск. *udro*
 (а), выдра. Въ латышскомъ съ инымъ суффиксомъ—*uhdris*, *uhderis*.
 Имя близко къ славянскому, но не славянское.

Въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка Удр-уписъ. Ср. Выдринская лука.
 Несельманъ въ своемъ Словарѣ прусскаго языка замѣчаетъ; „*hierher
 die Ortsnamen uder — ballen, uder—wangen, uder—walde*“ (194). Тотъ же
 Несельманъ, и тамъ же, при санскр. *udra* приводитъ и сербское *удра*.
 Но мы этого слова не знаемъ, и въ сербскомъ Словарѣ Вука его нѣтъ.
 Относительно примѣненія ср. выше Бобръ, *Ашви*. Бобръ и выдра
 сейчасъ по цѣлой Литвѣ (*L. z Pokiewia*, „*Litwa*“ etc., p. 357). Из-
 вѣстно соотношеніе слав. *см* и литов. *и*: ср. мѣст. *см* и литов. *jūs*,
 прусск. *jous—wans*.

Что же касается *сторыж* притоковъ, то они окрашены опять въ
 яркій *славянский* цвѣтъ, то-есть, повторяется явленіе, указанное нами
 выше. Вотъ притоки Шары: Вѣдьма, Липница, Мышанка. Итакъ, и
 область верхняго Нѣмана можетъ быть отчислена къ территоріи до-
 исторической Литвы, то-есть, западной части Минской губерніи. Та-
 кія имена, какъ Шара, Удра, буквально, воспроизводятъ литовскія
 слова.

Обозримъ, наконецъ, имена рѣкъ середины Минской губерніи и
 болѣе къ югу, системы рѣки съ чуднымъ птичьимъ именемъ—Птича,
 впадающей въ Припять и идущей болѣе или менѣе параллельно
 Березинѣ и носящей въ своемъ имени столь яркую, повидимому,
 славянскую окраску. До сихъ поръ въ литовско-латышскихъ име-
 нахъ мы встрѣчались съ представителями млекопитающихъ и расте-
 ній, но не пернатыхъ. Край р. Птича—это край старыхъ дреговичей.

Но мы остановимся на именахъ только двухъ, южныхъ, прито-
 ковъ Птича, текущихъ изъ болотнаго царства губерніи, на именахъ,
Оресе и *Доюлки*. Странно они звучать, и сейчасъ же видно, что
 они не изъ того языка, что сама Птичь. Но изъ какого?

Ореса вытекаетъ изъ болотъ, близъ которыхъ беретъ начало и
 самый Нѣманъ, близъ села *Под-оресе*. Имя села, очевидно, по имени
 рѣки, и форма *Аресе* предполагаетъ двоякую форму и въ имени
 рѣки, то-есть, *Ореса* и *Ареса*. Вторая форма, *Ареса*, еще болѣе уда-
 ляетъ насъ отъ славянскаго языка. Откуда же пошло имя?

Въ литовскомъ мы имѣемъ существ. *arasas*, хотя и въ ограниченномъ употребленіи, съ значеніемъ *Krammetsvogel*. Это птица, и притомъ водяная, водный дроздъ, иначе по-литовски *strašdas*, нѣм. *Drossel* (изъ славянскаго?). См. *Kurschat*, *Deutsch-Litt. Wörterbuch*, р. 708. Въ этомъ литовскомъ имени для водянаго дрозда и кроется источникъ названія большаго притока Птичьей рѣки. Съ звуковой стороны сближеніе между *arasas* и Ореса (Ареса) затрудненія не представляетъ.

Переходимъ къ *Доколкѣ* (Доколькѣ).

Доколка—выше и меньше близкой Ореса, съ селомъ Доколо или Доколье (такъ на картѣ имперіи 1820 года) у верховья.

Какъ ни соблазнительно связывать имя этой рѣки съ словами: *колъ*, *коло*, то-есть, съ его славянскимъ происхожденіемъ, но это едва ли такъ.

Уже въ Словарѣ Спрогиса находимъ рѣку *Данала* (ср. село *Доколо*), село Дагеляшки.

Въ литовскомъ языкѣ имѣемъ прилаг. *dāgītas*, — *gīta*, пестрый („weiss-und schwarzbunt“), которое опять примѣняется къ названію птицы: *dagilis*, щеголь, щегленокъ, отсюда же и другая птица—*dagilėlis der Nesselkönig*. Латышскій языкъ въ свою очередь предлагаетъ параллель въ своихъ: *dagla*, *degla*, *daglis*, грибки на корѣ ветхихъ деревьевъ, трутъ. Общій корень *dag*, что и въ литовскомъ *dāgas* или *dagā*, жатна, вариантъ, для глагольнаго корня *deg*—жечь.

() наличности птичьихъ названій для рѣкъ свидѣлствуютъ: у насъ Тетеревъ, Орель; у чеховъ Орликъ, Орлица, Сокольникъ.

Если обѣ наши этимологіи: Ореса и Доколка—не слишкомъ фантастичны, тогда птичьи названія обонхъ главныхъ притоковъ Птичьей рѣки выясняютъ и самое названіе послѣдней: отъ литовскаго характера названій притоковъ пошло и имя главной рѣки, совершилось осмысленіе со стороны славянъ имени рѣки, принимающей притоки съ птичьими названіями. Воды птичьихъ рѣкъ вмѣстѣ съ собою передали и характеръ своихъ именъ своему господину. Но указанное осмысленіе могло имѣть мѣсто при наличности на мѣстѣ еще литовцевъ, ибо для славянскаго уха и Ореса, и Доколки, безъ литовскаго посредника, ни о чемъ не говорятъ ¹⁾.

Но, можетъ быть, и сама Птичь имѣла нѣкогда свое литовское

¹⁾ Современная форма имени рѣки Птичь указываетъ какъ будто на относительную новизну. Еслибы въ немъ была старина, оно, вѣроятно, звучало бы иначе. Вспомнимъ, напримѣръ, выраженіе въ Ипатьевской лѣтописи: „княже, лотыськи (то-есть, по-птичьи) не можешь преглѣтти“ (изд. 2, стр. 129).

имя, звучащее не далеко отъ русскаго имени. Вспомнимъ, что славянская пѣвица. потка—по-литовски *paikštis*, отъ одного корня *pot*, *nam*. Ср. литовск. *pirstas*, персть, но въ латышскомъ со вставнымъ *k*: *pirksts*; ср. прусское *tusimtons* и литовск. *tukstantis*—тысяча.

Таковы наши мысли объ *этимологическомъ* значеніи современныхъ главныхъ гидрографическихъ именъ въ болотной Минской губерніи и ближайшихъ частей отъ с.-в. смежныхъ, именъ въ области озеръ, то-есть, оформившихся, вошедшихъ въ берега давнихъ болотъ, и рѣкъ — системъ верхнихъ Двины, Нѣмана и Днѣпра, поскольку, послѣдній представляется Березиной и лѣвою стороною Припяти. Относительно Припяти прибавимъ, что притокъ Припяти справа, близъ впаденія, *Митва* (ниже Мозыря), цѣликомъ переносить насъ въ Литву и дважды — въ Ковенскую губернію, гдѣ Митва — притокъ Нѣмана, впадающій у Юрбурга, и въ Курляндію, гдѣ города Митавы. Въ словарѣ Спрогиса: Митува, Митава, рѣчки. Древнѣйшее извѣстіе о гор. Митавѣ изъ конца XIII вѣка и въ формѣ *Mytowe*—въ лифляндской хроникѣ ¹⁾).

Озера, рѣки свидѣтельствуютъ о литовскомъ и ѣкогда этнографическомъ характерѣ центральной бѣлорусской области—Минской губерніи, вскрываютъ передъ нами литовскую фізіономію грандіознаго края болотъ, изъ эпохи доисторической. Привлекавшіяся мѣстами смежныя Виленская и Витебская губерніи и сейчасъ не потеряли всецѣло своихъ правъ на свою принадлежность къ территоріи Литвы. Бѣлорусскій край—славянскій, но крещенъ отъ литовца; литовецъ былъ и ѣкогда хозяиномъ и въ болотахъ Припяти и на востокъ къ Днѣпру, къ устью Березины. Мѣстами гидрографическія имена *буквально* воспроизводятъ литовское слово.

Какъ ни странно на первый взглядъ это наше утвержденіе, но оно имѣетъ за себя, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, языкъ земли, свидѣтеля безпристрастнаго. Не скрываемъ, — въ нашихъ доводахъ то или другое можетъ оказаться и недостаточнымъ; но думаемъ, будущіе изслѣдователи устранять недочеты и обоснуютъ нашу гипотезу прочнѣе.

¹⁾ *Magasin herausgegeben von der Littisch-Litter. Gesellschaft*, XIX, 4 Stück, (Mitau, 1896), p. 329. Въ той упомянутой хроникѣ читаемъ: „Daz hūz Mytowe genant und liet vor Semegalleh lant“. Имя латыши Митаву называютъ Jelgawa, слонюмъ, вѣроятно, ливскаго происхожденія, какъ полагаетъ ученый предсѣдатель того общества, г. Сакрановичъ (ibid., p. 334). Но едва ли онъ правъ когда онъ въ имени Митава видитъ старонѣмецкое слово *Miete*—амбаръ. Протѣвъ него распространенность имени въ гидрографіи.

Строго говоря, въ нашей гипотезѣ нѣтъ ничего рѣзко новаго: она—лишь естественное, болѣе расширенное пониманіе того мирнаго ассимиляціоннаго процесса, который совершается и на нашихъ глазахъ въ этнографически литовскихъ частяхъ Виленской губерніи,— процесса отступленія литовской стихіи по направленію къ сѣверу. На югѣ ассимиляція была для литовской стихіи отрицательнаго характера; но на сѣверѣ параллельно развивалась ассимиляція положительнаго характера: здѣсь латышъ все ассимилировалъ финскій элементъ, пока не вогналъ его въ самыя волны Балтійскаго моря. Указанный процессъ племеннаго на югѣ объединенія обѣихъ арійцевъ открылъ свои дѣйствія не вчера, а отъ вѣка, отъ болотъ Смерти—Припяти; но только наше время успѣло точно усмотрѣть его на позднѣйшемъ этапѣ и зарегистрировать на картѣ.

Если принять во вниманіе исчезнувшихъ, то-есть, выражаясь терминомъ исторической этнографіи, ассимилировавшихся литовцевъ юго-запада или птвяговъ (ихъ остатки—литва Сувалкской губерніи, и память о нихъ довольно жива въ Минской губерніи, въ этнологической поговоркѣ: „литвинъ якъ линъ, ямельжъ якъ ежъ, половець—окунець“¹⁾), то къ территоріи доисторической Литвы необходимо отчислить и области нынѣшней Гродненской губерніи. Не даромъ же, не случайно главный городъ этой губерніи, и онъ одинъ, сегодня даже извѣстенъ литовцамъ въ ихъ литовской формѣ—*Gardas*, то-есть, Городъ: нашъ географическій (собственно польскій) не болѣе, вѣроятно, какъ переводъ литовскаго.

Такимъ образомъ, территорія доисторической Литвы границами своими имѣла бы: съ юга—сѣверный бассейнъ Припяти (имя самое Припять не обозначаетъ ли границы, межи—онъ корня *ma* въ глаголахъ *ma—mi—obstaculum?*), съ востока—бассейнъ Березины, а съ запада—верховье Нарва а, пожалуй, съ Западнаго Буга.

4.

Но, какъ быть тогда, скажутъ намъ, если мы спускаемъ доисторическую Литву такъ далеко на югъ, въ болота Минской губерніи, съ нашими дреговичами, которые, по Нестору, занимали какъ разъ

¹⁾ *Тамуръ*, „Очеркъ археологическихъ памятниковъ Минской губерніи“ (Минскъ, 1892), стр. 241, изъ Тышкевича: „*Vadania archeologicae*“. Замѣчательная поговорка; о народахъ столь ранняго времени говоритъ она, какъ будто о жившихъ вчера

эту область, которые въ числѣ немногихъ другихъ подчеркиваются нашимъ лѣтописцемъ, какъ исключительно „словѣнскъ языкъ на Русь“?..

Для отвѣта отвѣтимъ два обстоятельства:

1) И лѣтопись сама не возражаетъ намъ во взглядѣ на дреговичей, какъ на славянскихъ пришлецовъ, колонистовъ, слѣдовательно, зашедшихъ въ землю, первоначально чужую: „друзіи (при общемъ колонизаціонномъ движеніи съ юга) сѣдоша межю Припятью и Двиною и нарекошася *дреговичи*“. Но почему и отъ кого они такъ странно нарекошася? Если другая колонна славянскихъ колонистовъ назвалась полочанами, то сама лѣтопись указываетъ, что по рѣкѣ такъ назвалась — „рѣчки ради Полоты“. Но дреговичи отъ чего — не указывается. Но мы подходимъ ко второму обстоятельству.

2) Имя дреговичи, непонятнаго происхожденія, лучше всего выясняется именно изъ литовскаго языка: прилагательное *drėgnas*, — *a*, или *drėgnis*, — *i*, значить влажный, сырой, — глаголь *drėkstu*, *drėkti* сырѣть, дѣлаться влажнымъ; сюда и недостаточный глаголь *derk—ti*, *dergia* stūrmend gegnen. Латвійскій не отстаётъ отъ литовскаго своими *drėhyns*, сырой, *drėhys*, оттепель. Литовскій языкъ предлагаетъ цѣлое гнѣздо словъ отъ корня *drėg*.

То-есть, славяно-русскіе колонисты застали между Припятью и Двиною литовцевъ, которые на своемъ языкѣ прозывались обитателями сырыхъ, болотныхъ равнинъ и, покоривъ ихъ, смѣшавшись съ ними, какъ латыши въ Курляндіи VIII вѣка, унаслѣдовали отъ нихъ для себя и ихъ національное имя. Вѣроятно, съ этимъ литовскимъ прозвищемъ они стали слыть сначала у родныхъ сосѣдей, а потомъ усвоили его и для себя сами. Быть можетъ, не случайно, что и нынѣшнее этнологическое названіе литовцевъ — *Lėtuwà*, *Lėtūwis*, семанзіологически родственно съ именемъ дрегоничей, связывавшееся съ корнемъ *li* въ нашемъ *литъ*, литовскомъ *lytus*, дождь.

Но, скажутъ дажѣ, вѣдь Березина, главные притоки которой носятъ литовскія имена или имена неяснаго происхожденія, чисто славянское слово... Но и здѣсь мы скорѣй имѣемъ дѣло съ сближеннымъ литовскимъ словомъ.

Мы видѣли выше, въ обзорѣ озеръ, что Березина вытекаетъ изъ озера Пелика, имя котораго носить слѣды латышскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ странно: славянскія рѣки изъ неславянскаго озера. Для разрѣшенія этой странности естественно предположить, что и

сама Березина носила нѣкогда литовское имя, и только позже оно осмыслилось славянами.

Въ виду литовскаго *beršina*, березовый лѣсъ, отъ *berša*, береза, можно думать, что въ основѣ имени Березины лежитъ близко звучащее и родственное литовское названіе для березы. Примѣненіе именъ деревъ мы имѣли выше.

Возможно и другое этимологическое сближеніе. Въ томъ же обзорѣ озеръ мы видѣли озеро Берешта, близкое къ озеру Пелякъ, съ рѣчкой того же имени. Мы видѣли также, что это гидрографическое имя распространено и въ Ковенской губерніи и также для названія рѣкъ: Бершита, Бершты-упъ и др. Изъ литовскаго языка это имя—Бершита, Берешта—обозначало бы блестящую рѣку — явленіе, какъ мы видѣли, не единичное. Въ виду этого, не скрывается ли въ нынѣшнемъ имени Березины литовское имя, близко звучащее съ именемъ рѣкъ Бершита, Берешта? Позднѣйшее осмысленіе дало бы Березину.

Такимъ образомъ, этнографическая картина поселеній болотной территоріи дреговичей въ раннюю историческую эпоху или позднюю доисторическую представляла бы такой же характеръ, какой современная историческая этнографія утверждаетъ за нынѣшней Курляндіей. этого, на первый взглядъ, пралатышскаго края, къ половинѣ XIII столѣтія. Предъ нами была бы картина смѣшаннаго населенія—славянскаго и литовскаго. Какъ въ Курляндіи чѣмъ дальше, тѣмъ ярче край окрашивался латышскою стихіей и суживалось пространство жилищъ аборигена—лива, пока онъ не получилъ формы микроскопической береговой полоски, вотъ-вотъ имѣющей исчезнуть совсѣмъ; такъ и въ трясинномъ пространствѣ дреговичей и далѣе къ сѣверу чѣмъ дальше, тѣмъ больше смѣшанный характеръ поселеній превращался въ однообразный, литовскій элементъ ассимилировался славянскому, пока, наконецъ, онъ, въ сѣверныхъ частяхъ Виленской губерніи, не принялъ формы узкой и постоянно суживающейся полосы.

Территорія доисторической Литвы, это—страна, о которой можно сказать словами латышской пѣсни:

„Purvā man bischu dārss,
Purvā gōvu laidarītis“, то-есть,

среди болотъ мой садикъ съ пчелами, среди болотъ и мой скотный хлѣвъ.

Алекс. Мочубинскій.

ВОЗСТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА ¹⁾.

Возстаніе въ Бедфордшидѣ.

Возстаніе въ Бедфордширѣ (Bedfordshire) произошло одновременно съ возстаніемъ въ Гертфордскомъ графствѣ. Нѣсколько дэнстэблскихъ купцовъ отправились въ Сентъ-Албансъ на ярмарку. Они явились туда въ самый разгаръ возстанія подданныхъ сентъ-албанскаго аббатства и были свидѣтелями того, какъ горожане Сентъ-Албанса и жители сель и деревень Гертфордскаго и Бэкингэмскаго графствъ густыми толпами оцѣпили монастырь и заставили аббата и монаховъ выдать имъ освободительныя грамоты и отказаться отъ своихъ привилегій. Въ тотъ же день (въ субботу) купцы возвратились къ себѣ въ Дэнстэбль (Dunstable) и, вступивъ въ соглашеніе между собою („consilium, et, ut dicam, conspirationem, interunt“), вмѣстѣ съ городскимъ мэромъ Томасомъ Гоббесомъ (Hobbes) незадолго до вечера явились въ дэнстэблскій монастырь. Мэръ привѣтствовалъ пріора Томаса Маршала отъ имени короля („ex parte domini regis... mendaciter salutavit“). Снявъ шапку и почтительно поклонившись, пріоръ спросилъ о волѣ короля. Гоббесъ сурово взглянулъ на него и отвѣчалъ: „Король приказываетъ тебѣ, чтобы ты написалъ для его Дэнстэблскихъ горожанъ грамоту вольностей, какія они имѣли во времени короля Генриха I-го“ ²⁾. Пріоръ на отрѣзъ отказался исполнить

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ „Mandat, inquit, ac praecipit tibi dominus rex, quod chartam libertatis facias burgensibus suis de Dunstable, sicut habuerunt tempore Henrici regis primi“, *Annales Monastici*, III, p. 417.

это требованіе: возстаніе, повидному, еще не распространилось на весь городъ, и въ кучкѣ людей, явившихся къ нему, пріоръ не видѣлъ ничего грознаго. Но вскорѣ поднялся весь Дэнстэблъ, къ монастырю подошли толпы народа, и пріоръ принужденъ былъ уступить; къ этому же его склонили, въ интересахъ безопасности, укрывавшіеся въ монастырѣ рыцарь Уилльямъ Кройзеръ (Croyser) и нѣкто Уилльямъ Бэтманъ (Bateman). Грамота была написана. Пріоръ прочелъ ее толпѣ и спросилъ, всѣ ли согласны принять ее. Толпа заволновалась. Поднялся шумъ; раздались крики: „Нѣтъ! Нѣтъ!“ Дѣло въ томъ, что инициаторы возстанія, дэнстэблскіе купцы, заставили аббата включить въ грамоту статью, воспрещавшую жителямъ сосѣднихъ селъ и деревень продавать мясо и рыбу въ предѣлахъ города Дэнстэбла ¹⁾. Статья эта, представлявшая собою явное посягательство купечества на карманы всего неторговаго населенія города, возбудила сильнѣйшее негодованіе массы собравшагося народа и едва не вызвала кровопролитія ²⁾; она была вычеркнута; пріоръ приложилъ къ грамотѣ печать и передалъ ее горожанамъ.

Движеніе не ограничилось однимъ городомъ Дэнстэбломъ: оно распространилось и на другіе пункты Bedfordскаго графства, о чемъ мы можемъ заключить изъ жалобы рыцаря Уилльяма Кройзера, на основаніи которой король поручилъ Реджиналду de Gray de Ruthyn и еще четыремъ лицамъ (между ними Уилльяму Бэтману) произвести разслѣдованіе о людяхъ, возставшихъ въ Bedfordскомъ графствѣ и разорившихъ имѣнія рыцаря ³⁾.

Возстаніе въ Сэффолькѣ и Норфолькѣ.

Главными руководителями возстанія въ Сэффолькѣ (Suffolk) были капелланъ изъ Сэдбери (Sudbury) Джонъ Роу (Wrow) и Томасъ Сэмсонъ (Samson). Они были вождями двухъ отдѣльно дѣйствовавшихъ отрядовъ, при чемъ отряды эти состояли не изъ однихъ жителей Сэффолькскаго графства, но также изъ порфолькцевъ, эксесцевъ и

¹⁾ „Et inter hujus chartae articulis continebatur, quod carnifices et piscarii de vicinis villis carnes et pisces infra burgum de Dunstaple non venderent“, *Ibid.*, p. 418.

²⁾ „et schisma erat inter eos, ita quod alter in alterum inopinate vellet irruere“, *Ibid.* p. 418.

³⁾ *Record Office. Patent Roll 5 Ric II P. 1 m. 28 d.*

гертфордцевъ. Сентъ-албанскій монахъ называетъ въ числѣ вождей еще Роберта Уэстброма (Westbrom), говоритъ, что онъ былъ самымъ знаменитымъ послѣ Джона Роу и провозгласилъ себя королемъ ¹⁾; документы упоминаютъ это имя, но никакихъ подробностей о дѣятельности Уэстброма не сообщаютъ ²⁾.

По словамъ автора *Chronicon Angliae* Джонъ Роу, „преступнѣйшій пресвитеръ“, былъ въ Лондонѣ и получилъ инструкціи отъ Уота Тайлера ³⁾. Дѣйствительно ли Роу видѣлся съ вождемъ кентцевъ, или же онъ вовсе не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній ⁴⁾, какъ бы то ни было, только въ среду, наканунѣ праздника Тѣла Христова (12-го июня), онъ явился въ Листонъ (Lyston) возлѣ Мелфорда (Melford) въ Сэффолькскомъ графствѣ, и стоявшая здѣсь огромная толпа инсургентовъ изъ Эссекса, Гертфорда, Сэффолька и Норфолька признала его своимъ предводителемъ ⁵⁾. Тотчасъ же Роу отправилъ въ Сэдбери приказъ, чтобы всѣ жители этого города шли въ Листонъ и вступали въ его отрядъ ⁶⁾. Въ тотъ же день толпа разгромила листонскую

¹⁾ „Eorum qui apud Mildenale et Burgum Sancti Edmundi insanierunt Robertus Westbrom, qui se regem facerat, nominatissimus fuit post Johannem Wrawe“, *Chron. Angliae*, p. 310.

²⁾ *Rec. Officc. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff* и *Hilury 6 Ric. II. Ro. IV. Suff*.

³⁾ „duce quodam sceleratissimo presbytero dicto Johanne Wrawe, qui et ipse Londoniis fuerat pridie, et instructus a ganeone praefato, Waltero Tylere“, *Chron. Angliae*, p. 208.

⁴⁾ Едва ли онъ могъ быть у Тайлера въ Лондонѣ; какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ выступилъ въ роли вождя сэффолькскихъ и другихъ инсургентовъ въ среду, 12-го юля, когда кенты и эссексы еще не вошли въ столицу.

⁵⁾ „Johannes Wrawe de Sudbury... cognovit se esse proditorum et felonem dicti domini Regis pro eo quod ipse die mercurii in vigilia corporis Xpi a^o predicti Regis Ricardi quarto venit apud Lyston juxta Melford in Com' Suff et ibidem ex sua voluntate propria proditorie et felonie insurrexit in comitivam quamplurimorum malefactorum de Com' Essex', Hertf', Suff et Norff nuper contra predictum dom. Regem proditorie et felonice insurgentium et pariter ibidem congregatorum. Et eodem die mercurii in vigilia predicta idem Johannes Wrawe apud Lyston predictam mansit in comitiva malefactorum praedicta et consentivit eisdem malefactoribus ad eundem secum et faciendum sicut ipsi illo tempore fecerunt et facere voluerunt ubi ipse bene potuit tunc ab eisdem malefactoribus recessisse et evasisse, si voluisset“ *Rec. Officc. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Rot. XXVI. Suff*.

⁶⁾ „et statim super hoc idem Johannes Wrawe misit usque villam de Sudbury predictam ad percipiend' omnes homines de dicta villa de Sudbury ut venirent ad eum et comitivam suam predictam usque dictam villam de Lyston“, *Ibid.*

усадьбу извѣстнаго уже намъ финансоваго дѣльца послѣднихъ лѣтъ царствованія Эдуарда III-го Ричарда Лайэнса, павшаго жертвой народной мести въ Лондонѣ въ слѣдующую пятницу (14-го юнія) ¹⁾.

Въ четвергъ, въ день праздника Тѣла Христова, мы видимъ отрядъ Роу у церкви деревни Кэвендишъ (Cavendish). Одинъ изъ толпы добылъ церковные ключи, двери были открыты, и инсургенты ворвались на колокольню и захватили спрятанное здѣсь имущество королевскаго судьи Джона Кэвендиша ²⁾; съ общаго согласія они поручили раздѣлить между ними это имущество Джону Роу ³⁾. Отсюда они отправляются въ Мелфордъ и закладываютъ мѣстному кабатчику добытыя такимъ способомъ вещи за бочку краснаго вина, которую и распиваютъ на мелфордскомъ лугу ⁴⁾. Въ тотъ же день Роу явился съ своимъ отрядомъ къ южнымъ воротамъ города Эдмондсбэри (Edmundsbury, иначе Bury St.-Edmund's) и велѣлъ объявить всѣмъ жителямъ его, чтобы они немедленно выходили изъ города и присоединялись къ его отряду, грозя смертью всѣмъ ослушникамъ ⁵⁾. Появ-

¹⁾ „et non diu post, eodem die mercurii in vigilia predicta ipsi malefactores predicti unanimi assensu et voluntate ibant simul ad quoddam manerium Ricardi Lyons de London' in eadem villa de Lyston et ibidem hostia fenestras et parietes domorum manerii predicti felonice et proditorie frugerunt et tegulas de eisdem domibus verberaverunt et frugerunt et alia plur' dampna ibidem fecerunt etc.“, *ibid.*

²⁾ Протоколъ называетъ „duas allas de argento, unam peciam de argento et unum candelabrum de argento pretii septem librarum, duo paria cultellorum et unum jakke de velvet precii viginti sex solid. et octo denariorum“, *Rec Off. Cor. R. Roll. Easter 5 Ric. II. Ro XXVI (in tergo). Suff.*

³⁾ „que bona et catalla malefactores prenominati per communem assensum fecerunt prefatum probatorem partire inter eos die jovis predicto“, *ibid.*

⁴⁾ „Et statim post, eodem die jovis predicti probator et malefactores apud Melfordegrene in dicto Com' Suff' adinvicem biberunt unam pipam vini rubeli precii septem marcarum trium solidorum et quatuor denariorum pro qua pipa vini predicti ipsi probator et malefactores tunc ibidem eadem bona cuidam Onewene tabernario invadiaverunt et quas quidem septem marcas tres solidos et quatuor denarios predictus probator de pecunia sua propria postea solvit prefato tabernario et cepit penes se bona predicta et ea dimisit in camera sua apud Sudbury predictam tempore captionis sue et que bona immediate post captionem suam predictam ibidem arestata fuerunt ad opus dom. Regis“, *ibid.*

⁵⁾ „Item idem Johannes Wrawe cognovit quod ipse una cum predicta comitiva malefactorum predictorum die Jovis in festo corporis Xpi a^o quarto supradicto tales proditiones et felonias ut supradictum est continuando ivit a predicta villa de Sudbury usque villam de Bury in Com' Suff' predicto et ibidem in eadem villa de Bury predictus Johannes Wrawe fieri fecit quandam clamorem quod omnes

димому, въ тотъ же четвергь былъ обезглавленъ королевскій судья Джонъ Кэвендишъ, а голова его была выставлена въ Эдмондсбэри у позорнаго столба ¹⁾.

Въ пятницу, (14-го юня) мы застаемъ отрядъ Роу возлѣ Милденголла (Mildenhall). Здѣсь инсургенты произнесли смерный приговоръ надъ пріоромъ монастыря св. Эдмонда Джономъ Кэмбриджскимъ (de Cambridge). Этотъ знаменитый въ свое время пѣвецъ (лѣтописецъ сравниваетъ его съ еракійскимъ Орфеемъ, римскимъ Нерономъ и Вледгабредомъ британскимъ), повидимому, навлекъ на себя ненависть эдмондсбэрійскихъ горожанъ—и не ихъ однихъ—слишкомъ ревностнымъ отстаиваніемъ интересовъ своего монастыря ²⁾; зная о такомъ ихъ отношеніи къ себѣ и предчувствуя бѣду, онъ поспѣшилъ спастись бѣгствомъ, лишь только дошла до него вѣсть о начавшемся въ окрестностяхъ движеніи, но уже было поздно, и онъ попалъ въ руки людей, которые рѣшили выместить на немъ свою злобу. При казни его присутствовали и находившіеся на службѣ у монастыря эсквайры Томасъ Гэлзуорсъ (Hallesworth) и Гальфридъ Денгэмъ (Galfridus Denham), которыхъ протоколъ считаетъ даже главными виновниками его смерти ³⁾. Пріору отсѣкли голову и, поднявъ на копье, съ торжествомъ понесли въ Эдмондсбэри, гдѣ и выставили у позорнаго столба, предварительно надругавшись надъ нею ⁴⁾. Городская усадьба

homines dicte ville de Bury incontinenti appropinquarent et acorderent usque le Southgate ejusdem ville de Bury ad comitivam malefactorum predictam ad eundum cum eis et ad faciendum sicut ipsi tunc fecerunt sub pena decapitationis ipsorum qui hoc facere contradixerunt etc.“, *Ibid.*

¹⁾ „et dominum Johannem Kavendische, justiciarum regni principalem interceptum decollaverunt; et super collistrigium in fero villae Sancti Edmundi de Bury caput ejus, in opprobrium, posuerunt“, *Chron. Angliae*, p. 302.

²⁾ „Causa mortis ejus satis nota est: quia, cum esset circumspexus et prudens, causas domus suae suscepit tuendas. Et quia fideliter decertavit contra villanos de Bury pro jure monasterii, accepit ut diximus, sententiam capitalem prope villam de Mildendale, quae ad jus ejusdem monasterii pertinere dinoscitur“, *Ibid.*, p. 302.

³⁾ *Rec. Office. Cor. R. II. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff.*

⁴⁾ *Chron. Angliae*, p. 302—3; надругательство состояло въ томъ, что голову пріора приближили къ головѣ судьи Кэвендиша какъ бы для поцѣлуи, надѣваясь надъ дружбой, которая соединила этихъ лицъ. „Quo cum accessissent“, говоритъ лѣтописецъ, „in signum autelhabitae amicitiae inter priorem et Johannem Kavendysche, et derisionem utriusque personae, capita, velut modo ad auriculandum, jam quasi ad osculandum, invicem super summitates lancearum cum maxima ineptia conjunxerunt. Postremo, cum talibus saturati fuissent ludibriis, utriusque caput iterum super collistrigium posuerunt“, *Ibid.*, p. 302—308.

пріора и домъ Кэвендиша, находившіяся здѣсь же въ Эдмонсбэри, были разграблены и разрушены ¹⁾.

Между тѣмъ нѣсколько человекъ изъ отряда Роу—Гальфридъ Парфи (Galfridus Parfeſy), викарій церкви Всѣхъ Святыхъ въ Сэдбэри, его капелланъ Томасъ, эсквайръ Томасъ Munchesy de Edwardeston и Адамъ Брэй (Braue) изъ прихода Всѣхъ Святыхъ въ Сэдбэри отправились (въ ту же пятницу) въ городъ Тетфордъ (Thetford) въ Норфолькѣ и потребовали отъ мэра и вліятельныхъ горожанъ двадцать марокъ золота, угрожая имъ, въ случаѣ отказа, приходомъ Джона Роу и его людей, которые сожгутъ городъ и разорятъ богатыхъ горожанъ ²⁾. Получивъ деньги, Парфи далъ изъ нихъ по двадцати шиллинговъ эсквайру Munchesy и Адаму Брэю, сорокъ шиллинговъ оставилъ для себя, а остальныя четырнадцать марокъ, по возвращеніи, передалъ Джону Роу ³⁾.

Инсургенты съ Роу оставались въ Эдмондсбэри до слѣдующаго дня. Въ субботу они вмѣстѣ съ эдмондсбэрійскими горожанами окружили аббатство св. Эдмонда. Проникнувъ внутрь монастырской ограды, они потребовали выдачи имъ монаха Джона де-Лэкингиса (de Lakynghith), стоявшаго во главѣ управленія принадлежащими аббатству землями (custodem baroniae), грозя сжечь монастырь, если требованіе ихъ не будетъ исполнено. По словамъ лѣтописца, Джонъ, желая спасти

¹⁾ *Rec. Offic. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff*; *Chron. Anglias*, p. 803.

²⁾ „et ibidem felonice et proditiose ceperunt et depredati fuerunt de majore et capitalibus burgensibus dicte ville de Thetford viginti marcas auri numeratas ad salvand'eos et villam suam de Thetford predictam, et tunc minabantur ibidem eodem majorem et burgenses nisi voluissent eis deliberasse summam predictam quod predictus Iohannes Wrawe cum comitiva sua predicta eodem die veneris veniret ibidem ad destruend' et opprimand' ipsos majorem et capitales burgenses ac villam suam predictam comburend'etc“, *Rec. Offic. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI (in tergo) Suff*.

³⁾ *Ibid.* Подобный же фактъ сообщаетъ протоколъ о рыцарѣ (militem) Томасѣ де Корнуэрдѣ (de Cornuerde). Этотъ рыцарь въ ту же пятницу безъ вѣдома Роу („prefato probatore nesciente“) отправился къ Джону Rokewode изъ Stanefeld'a въ Stanefeld или въ Эдмондсбэри (apud Stanefeld vel apud Bury) и потребовалъ съ него десять марокъ, грозя приходомъ Роу и его отряда. Вернувшись съ этими деньгами къ Роу, рыцарь разказалъ ему, какъ онъ ихъ добылъ, но уменьшилъ полученную сумму на двѣ марки, отдалъ Роу восемь марокъ „et interrogavit de eo quid haberet inde pro labore suo. Роу взялъ себѣ пять марокъ, а три отдалъ рыцарю pro labore suo“. *Rec. Offic. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI (in tergo) Suff*.

обитель вышелъ къ нимъ и былъ обезглавленъ¹⁾. Та же участь грозила и другому монаху, нѣкоему Уолтеру Тодингтону (Godyngtone), но его не нашли²⁾. Послѣ этого толпа вызвала всю братію монастыря и заявила монахамъ, что они, благодаря своей силѣ, давно уже притѣвняютъ ихъ товарищей, горожанъ Эдмондсбэри; это продолжаться долѣе не можетъ; они должны возратить горожанамъ письменныя обязательства, которыя тѣ нѣкогда выдали имъ, а также грамоты городскихъ вольностей, пожалованныя горожанамъ королемъ Кнудомъ, основателемъ монастыря, равно какъ и грамоты, пожалованныя имъ послѣдующими королями³⁾. Монахи вынесли на площадь рядъ документовъ, клятвенно увѣряя возставшихъ, что больше ничего они не могли найдти у себя изъ того, что у нихъ требовали. Исургенты передали всѣ эти грамоты горожанамъ на разсмотрѣніе, заявивъ имъ, что если въ нихъ не окажется древнихъ вольностей города Эдмондсбэри, то они сами бы составили грамоту о вольностяхъ, которыми пользовались въ прежнее время; грамоту эту долженъ будетъ скрѣпить своею и монастырскою печатями содержащейся въ заключеніи въ Нотингэмской тюрьмѣ аббатъ Эдмондъ Браунфилдъ (Brounfeld), котораго они намѣрены освободить до праздника Іоанна Крестителя⁴⁾.

¹⁾ *Chron. Angliae*, p. 303; *Record Office*. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff.

²⁾ *Chron. Angliae*, p. 303.

³⁾ „Post haec, evocatis cunctis monachis, dixerunt eos jam diuturno tempore per potentiam oppressisse consocios eorundem, burgenses villae de Bury; quapropter voluerunt, ut in conspectu communium modo redderent obligationes, quibus obligati fuerunt regi et monasterio, si contigisset eos aliqua temptasse contra abbathiam; necnon et chartas insuper libertatum villae, quas Cnuto, fundator monasterii, quondam concesserat; et quas successores sui reges, usque in praesens, ad firmamentum monasterii concesserunt“, *Ibid.*, p. 303.

⁴⁾ „Communes autem fidem dictis eorum vix dare volebant; sed vocatis villanis, qui simulabant in istis tristitiam, tanquam displicerent quae gesta sunt, praeceperunt eis ut diligenti scrutatione superviderent obligationes et chartas praefatas, et si ex his non possent consequi veteres libertates, edicerent, quibus gaudere solebant; et abbas, qui in carcere tenebatur apud Notyngham, Edmundus Brounfeld, quem deliberare proposuerant, ut in sequenti festo Sancti Johannis Baptistae in suo monasterio solemniter divina celebrare deberet, post quadragesimum diem adventus ejus exinde confectam chartam sigillo suo muniret, et conventus idem facere sigillo communi non differret“, *Ibid.*, p. 303—304. Эдмондъ Браунфилдъ, монахъ эдмондсбэриискаго аббатства, былъ поставленъ папой въ аббаты этой обители противъ желанія братіи; вернувшись изъ Рима и встрѣтивъ оппозицію въ монахахъ, онъ рѣшилъ опереться на поддержку окрестнаго населенія, среди

Предложеніе это встрѣтило полное сочувствіе у горожанъ; среди принесенныхъ монахами документовъ древней грамоты своихъ вольностей они, повидимому, не нашли и поэтому заключили съ монастыремъ письменное условіе, подсказанное имъ инсургентами, взявъ съ монаховъ въ обезпеченіе того, что требованіе ихъ будетъ исполнено, самыя драгоцѣпныя вещи, какія только находились въ аббатствѣ (между прочимъ золотой крестъ и золотую драгоцѣпную чашу, всего на сумму болѣе, чѣмъ въ тысячу фунтовъ). Лѣтописецъ замѣчаетъ, что во все время переговоровъ съ монахами эдмондсбэрійскіе горожане вели себя такъ, какъ будто бы они здѣсь были вовсе ни при чемъ, какъ будто даже сожалѣли по поводу всего, что происходило передъ ними и въ ихъ пользу ¹⁾.

Въ то время, какъ центромъ дѣятельности Роу и его отряда былъ городъ Эдмондсбэри, Томасъ Сэмпсонъ велъ возстаніе въ городѣ Ипсуичѣ (Ipswich) и его окрестностяхъ. Общественное положеніе Сэмпсона намъ неизвѣстно; знаемъ мы только, что онъ былъ челоуѣкъ довольно состоятельный, имѣвшій возможность выкупить конфискованное у него казною имущество, стоившее нѣсколько тысячъ рублей на наши деньги ²⁾. Въ субботу (15-го іюня) этотъ „предводитель большаго сообщества“ (*dux magnaе societatis*) явился вмѣстѣ съ другими въ городъ Ипсуичъ и оповѣстилъ по городу, что всѣ жители Ипсуича и сотепъ, къ нему прилегающихъ, подъ страхомъ смерти, должны собраться въ Ипсуичъ къ половинѣ перваго слѣдующаго дня, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами дѣлать то, что онъ имъ

котораго онъ приобрѣлъ большую популярность; монахамъ удалось расположить въ свою пользу короля, и Браунфилдъ, вмѣстѣ съ восьмью или десятью монахами, своими приверженцами, былъ арестованъ и отправленъ въ Тауэръ. См. *Chron. Angliae*, pp. 243—247.

¹⁾ *Ibid.*, p. 303, 304.

²⁾ Къ королевскому патенту *Rec. Office. Patent Roll 6 Ric. II. P. 2, m. 16*, въ которомъ король прощаетъ Томасу Сэмпсону de Kersey всѣ его преступленія, совершенныя имъ во время возстанія, избавляя его отъ смертной казни, ему приговоренной, и возвращаетъ ему все конфискованное у него имущество („*concessimus etiam eidem Thome de gracia nostra omnia bona et catalla que fuerunt ejusdem Thome et que ex causis predictis seu aliqua earumdem nobis sunt forisfacta*“), сдѣлана внизу слѣдующая приписка: „*per breve de privato sigillo et per centum marcas pro bonis et catallis predictis que ad LXV li XI s et VIII d'apprerantur sicut per certificacionem de scaccario in Cancellar' residentem poterit apparere solutis in hanaperio*“.

прикажетъ ¹⁾). Прокламація эта подняла всѣхъ, къ кому была обращена, и въ городъ стали стекаться толпы народа изъ окрестныхъ ээль и деревень ²⁾). Разгромивъ и разграбивъ дома нѣкоторыхъ лицъ въ городѣ ³⁾, Сэмпсонъ вывелъ отсюда эту огромную толпу (въ воскресенье 16-го іюня) и съ нею сталъ переходить изъ села въ село, изъ города въ городъ, изъ сотни въ сотню, повсюду поднимая народъ противъ его властителей и присоединяя къ своему отряду ⁴⁾).

Во главѣ возстанія въ Норфолькѣ стояли красильщикъ изъ города Норича (Norwich) Джонъ Литстеръ или Листеръ (Littestere, Lytstere и Lister) и рыцарь (miles, chivaler) Роджеръ Бэконъ изъ Бэконторпа (Rogerus Bacoyn de Bacoynesthorp). Повидимому, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ совершенно независимо одинъ отъ другаго: по крайней мѣрѣ протоколы, сообщающіе намъ подробныя свѣдѣнія о мятежномъ рыцарѣ и его отрядѣ, ни словомъ не упоминаютъ о Литстерѣ, а хроники, повѣствующія о дѣяніяхъ „негодяя Джона Листера, который называлъ себя королемъ общинниковъ“ ⁵⁾, съ своей стороны, хранятъ полное молчаніе о Роджерѣ Бэконѣ, который „поднялъ вра-

¹⁾ „Item present quod predictus Thomas Sampson simul cum aliis die sabbati prox. post fest. corp. Xpi a^o supradicto felonice et prodiciose venit apud villam Gipp cum aliis sibi associatis et fecit ididem proclamacionem suam manifestam in villa predicta precipiendo et firmiter injungendo omnibus et singulis ville Gipp hundr. de Saunford Colueyse Bosemere et Cleydon quod ipsi essent prompti et parati ad proficiscendum cum prefato Thoma et sociis suis super negocia eorum prout eisdem injungeretur et hoc circa horam medie prime diei dominice sequentis sub pena amissionis capitorum suorum“, *Rec. Office. Cor. R. Roll Hilary 6 Ric. II Ro XIV. Suff.*

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Протоколъ называетъ домъ Джона Джерарда (Gerard), гдѣ мисургенты взяли имущества на 40 фунтовъ стерл., домъ архидіакона сэффолькскаго (Archi Suff), гдѣ взяли на столько же, и домъ Джона Кобета (Cobat), гдѣ взяли на сто фунтовъ; изъ разграбленіи этого послѣдняго дома участвовали и шѣто Джонъ Батисфордъ (Batisford), клирикъ (clericus). *ibid.*

⁴⁾ „In villa de Melton“ отрядъ Сэмптона разбилъ дома Уильяма Граунсеуса и унесъ отсюда имущества на сто марокъ, а „in villa de Colpho“ той же участи подверглись дома Роджера de Wolfreaton, изъ которыхъ было унесено всякаго добра тоже на сто марокъ; жители деревеньки (villata) Беркинга и Недгэма называли Сэмптона „capitalis sustentator manutentor et congregator populi tempore levacionis de villa ad villam“. *Ibid.*

⁵⁾ „nebulonis Iohannis Lytstere, qui se Regem Communium appellabat“, *Chron. Angliae*, p. 306.

говъ короля и предводительствовалъ ими по всему Норфолькскому графству¹⁾).

По словамъ сентъ-албанскаго монаха, руководимая Листеромъ большая толпа инсургентовъ производила все, что дѣлали возставшіе въ другихъ мѣстахъ; одна черта отличала ихъ, по мнѣнію лѣтописца, отъ остальныхъ инсургентовъ: они занимались грабежомъ²⁾. Какъ мы могли убѣдиться, въ особенности знакомясь съ дѣятельностью отряда Джона Роу, черта эта не такъ ужъ характерна для сподвижниковъ Листера. Общимъ съ инсургентами другихъ мѣстностей было у нихъ и то, что они заставили попавшихъ къ нимъ въ руки дворянъ принести клятву вѣрности ихъ дѣлу и возили ихъ съ собою по графству для большей безопасности (*pro majori cautela*), какъ утверждаетъ лѣтописецъ, сообщаяціи небезынтересныя подробности о томъ, какъ обращались возставшіе съ такими невольными союзниками своими. Отряду Листера удалось захватить пятерыхъ дворянъ-помѣщиковъ: de Scales'a, Уильяма do Morle, Джона de Brewes'a, Стефана de Hales'a и Роберта de Salle, не успѣвшихъ бѣжать изъ своихъ усадебъ, подвергшихся нападенію вооруженной толпы. Хотѣли инсургенты схватить и графа Сэффолькскаго Уильяма Эффорда (*Ufford*), чтобы выставить этого магната и пѣра королевства своимъ руководителемъ и имѣть, такимъ образомъ, возможность оправдаться, если въ томъ окажется надобность³⁾; но графъ во время успѣлъ скрыться: онъ узналъ о прибытіи инсургентовъ, сидя за обѣдомъ, быстро выскочилъ изъ за стола и, пробираясь пустынными и непроходимыми мѣстами, прибылъ въ Сентъ-Албансъ, а оттуда въ простомъ платьѣ и съ сумою за плечами, выдавая себя за слугу одного изъ мѣстныхъ землевладѣль-

¹⁾ „Rogerus Bacoun miles fuit communis levator ductorum hominum inimicorum domini Regis per totam patriam contra defencionem domini Regis“, *Record Office. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX. Norff.*

²⁾ „Igitur, conglomerata ibidem turba non modica, duce quodam tinctoro de Norwico, cujus nomen erat Iohannes Lytstere, coeperunt, ut ubique locorum alii fecerant, et ipsi facere, nihil praetermittentes ex omnibus quae audierant communes in aliis locis gessisse; sed majores insuper praesumentes, ad rapinas coeperunt extendere manus suas. Igitur nullus pene locus tutus ab his esse poterat, quorum omnium conspiraverat ad mala consensus“, *Chron. Angliae*, p. 305.

³⁾ „Et quoniam parva videbatur eis ad tanta mala facienda auctoritas propria, comitem Southfolchiae, dominum Willhelmum Ufford, duxerunt adhibendum turbae communium, ut si contingeret inferiores impeti pro talibus causis in posterum, exhibere possent majorem, et parem regni, sub cujus umbra vel conniventia haec fecissent“, *Ibid.*, p. 305.

цевъ (Роджера de Bois), отправился къ королю. Робертъ de Salle очень скоро былъ убитъ инсургентами, получивъ смертельный ударъ въ голову отъ своего собственнаго виллана за то, что публично осуждалъ ихъ дѣянiя. Остальные рыцари рѣшили притворяться и хвалить то, что возставшіе хвалили, и порицать то, что тѣ порицали. За это, не безъ иронiи замѣчаетъ лѣтописецъ, они попали въ милость къ Листеру и удостоились быть пожалованными въ отвѣдыватели его кушанiй и напитковъ и на колѣннхъ служить ему за завтракомъ ¹⁾. Впрочемъ, инсургенты хотѣли извлечь изъ плѣнныхъ дворянъ и болѣе существенную пользу: они послали Уильяма Морли и Джона Brewes'a вмѣстѣ съ тремя довѣренными людьми ²⁾ къ королю за освободительною грамотой, вручивъ имъ большую сумму денегъ, съ помощью которой они должны были добиться того, чтобы въ грамоту были вставлены нѣкоторые спеціальныя пункты, отсутствовавшіе въ грамотахъ, выданныхъ жителямъ другихъ графствъ. Къ сожалѣнiю, нашъ лѣтописецъ не сообщаетъ, каковы были эти пункты, но онъ приводитъ одну подробность, не лишнюю интереса: онъ говоритъ, что деньги, отправленныя съ рыцарями, были взяты съ горожанъ Норича въ видѣ выкупа за жизнь ихъ и движимое и недвижимое имущество ³⁾. Дальше этого намекъ сентъ-албанскій монахъ не идетъ въ своемъ сообщенiи о томъ, что отрядъ Листера былъ въ Норичѣ. Болѣе опредѣленно говоритъ объ этомъ Кэнгревъ. По его словамъ, Листеръ въ сопровожденiи большой толпы народа ворвался въ городъ

¹⁾ „Unde contigit, ut in gratiam recepti dicti nebulonis, Iohannis Lystere, qui se Regem Communium appellabat, mererentur praegustatores effici ciborum ejus et potuum, et flexis genibus ei obsequi in prandio residenti. Nempe dominum Stephanum de Hales, quia miles honorabilis fuerat, ad scindendum coram eo praelegit, et praegustandum cibaria quae sumpturus erat; ceteris quoque alia officia designavit“, *Ibid.*, p. 305—306.

²⁾ I. Cangrave въ своей *Liber de illustribus Henricis*, p. 171, называетъ имена ихъ: Sceth, Trunch и Cubith.

³⁾ „Cumque jam fatigari communes coepissent, et multi dies pertransissent consilium inierunt, ut mitterent duos ex militibus, dominum scilicet Willelmum Morle, et dominum Iohannem Brewes, cum tribus in quibus fidebant ex communibus, ad regem Londonias, vel ubique posset inveniri, pro charta manumissionis et remissionis obtinenda; quae ut specialior esset ceteris chartis, aliis comitatibus concessis aut concedendis, magnam summam pecuniae quam ceperant de civibus Norwicensibus, sub obtentu salvandae urbis a caedibus, incendiis, et rapinis, praefatis nunciis tradiderunt, ut videlicet pacem et libertatem, quam ipsi non meruerant, pecunia impetraret, *Chron. Angliae*, p. 306.

и произвелъ здѣсь много всякихъ ужасовъ, въ особенности много разрушилъ онъ домовъ, въ которыхъ жили дворяне, юристы и королевскіе чиновники ¹⁾).

Рыцарь Роджеръ Бэконъ развѣзжалъ по деревнямъ на протяженіи всего Норфолькскаго графства и поднималъ народъ противъ мира короля и его вѣрныхъ подданныхъ ²⁾; онъ собиралъ вокругъ себя толпы изъ разныхъ мѣстъ и съ ними грабилъ многихъ вѣрныхъ подданныхъ короля, а нѣкоторыхъ изъ нихъ умертвлялъ ³⁾. Такими и подобными словами характеризуютъ судебные протоколы втораго изъ извѣстныхъ намъ вождей норфолькскихъ инсургентовъ и затѣмъ приводятъ рядъ фактовъ, вполне подтверждающихъ эту общую характеристику. Впрочемъ, назвать Бэкона вождемъ *норфолькскихъ* инсургентовъ значить допустить довольно значительную неточность, потому что въ отрядѣ его рядомъ съ жителями Норфолька мы встрѣчаемъ инсургентовъ и изъ Сэффолькскаго графства, съ главнымъ вождемъ которыхъ Джономъ Роу, какъ увидимъ, Бэконъ велъ сношенія, намекающія на тѣсную связь и единство цѣлей, соединившія инсургентовъ двухъ названныхъ графствъ.

Въ понедѣльникъ (17-го іюня) мы находимъ Роджера Бэкона въ городѣ Норичѣ. Виѣстѣ съ другими инсургентами, съ оружіемъ въ рукахъ и съ развѣвающимися значками, онъ произвелъ нападеніе на домъ нѣкоего Реджинальда de Eccles, самого Реджинальда обезглавилъ, а изъ дома сго унесъ имущества на сто марокъ. Та же участь постигла и дома нѣкоего Генриха Ломинюра (Lominour), гдѣ было взято имущества на тысячу марокъ (сумма, огромная на наши деньги), и уже знакомаго намъ рыцаря Роберта Salle, погибшаго отъ руки виллана изъ отряда Роу (въ домѣ Роберта инсургенты взяли иму-

¹⁾ „... Jekke Lister, adjuncto sibi multo populo, invitis civitatem intrans, multa horrenda fecit, specialiter in dilapidatione domorum et locorum, in quibus aliqui nobiles vel legis vel regis familiares habitabant“, *J. Capgrave, Liber de illustribus Henricis*, p. 171.

²⁾ „Et sic de villa ad villam equitavit per totam patriam ad levand' gentem contra pacem domini Regis et fidelium ligeorum Regis“. *Record Office. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX. Norff.*

³⁾ „Jurati . . . presentant quod Rogerus Bacoun miles cum aliis ignotis erat capital' qui contra coronam et dignitatem domini Regis se elevavit in Com' Norff' coligend' sibi diversas conventiculas in depredacionem multorum fidelium et occissionem diversorum hominum quorum nomina ignorantur contra coronam domini Regis“, *Ibid.*

щества на двѣсти фунтовъ) ¹⁾. На слѣдующій день (вторникъ 18-го іюня) во главѣ большаго отряда норфолькцевъ и сэффолькцевъ Бэконъ явился въ городъ Ярмутъ. Онъ заставилъ горожанъ выдать ему королевскую грамоту, дававшую самоуправленіе этому королевскому городу, и, получивъ ее, разорвалъ ее на двѣ части, изъ которыхъ одну оставилъ у себя, а другую отослалъ капеллану Джону Роу и другимъ, дѣйствовавшимъ въ Сэффолькскомъ графствѣ ²⁾. Сдѣлавъ нападеніе на дома Гуго Фастолфа, Уилльяма Элиса и Джона Роллси, Бэконъ и его сподвижники взяли найденное здѣсь имущество цѣнностью въ тысячу фунтовъ и, между прочимъ, хранившіеся у этихъ лицъ (новидному, причастныхъ къ городскому управленію) свитки, въ которыхъ былъ опредѣленъ размѣръ платимыхъ городомъ въ королевское казначейство ежегодныхъ денежныхъ взносовъ ³⁾. На слѣдующій день (въ среду 19-го іюня) они разбили находившуюся въ городѣ королевскую тюрьму и, найдя въ ней нѣсколькихъ заключенныхъ, одного изъ нихъ освободили, а остальныхъ обезглавили ⁴⁾.

¹⁾ *Ibid.*

²⁾ „Rogerus Bacoun miles capitaneus diversorum hominum simul cum aliis malefactoribus de Com' Norff' et Suff' contra pacem domini Regis apud dictam Jernemuth cum magna comitiva insurrexit contra pacem dicti domini Regis et venit die martis prox. ante festum Nativitatis S. Johannis Baptiste vi et armis et modo guerrino ad dictam Jernemuth insultum facit in villam Regis predictam et burgenses ejusdem ville cartam Regis predictam de libertate ville predictae illis tradere nequiter compulsi, quam cartam statim, cum illis tradita fuerit, in contemptum dicti domini Regis dispoliavit cecit et fregit in duas partes quarum unam partem misit Iohanni Wrawe Capellano, Willelmo Lacy juniore, Thome atte Tunne, Edmundo Hemmyng, Willelmo Cuper et pluribus aliis de Com' Suff'“, *ibidem*.

³⁾ „Item dicunt quod Rogerus Bacoun simul cum aliis malefactoribus quorum nomina ignorantur die martis suprascripto et anno suprascripto apud dictam Jernemuth domos Hugonis Fastolf et Willelmi Elys felonice fregit et intravit et bona et catalla Hugonis Fastolf Willelmi Elys et Johannis de Rallesby ibidem inventa et rotulos et obligaciones de custum' domini Regis felonice cepit et abduxit“, *ibid.*; „... et similiter bona et catalla ipsorum Hugonis et Willelmi ibidem inventa ad valentiam mille librarum felonice furatus fuit et asportavit“, *ibid.*

⁴⁾ „Item dicunt quod Rogerus Bacoun simul cum aliis die mercurii prox. ante festum Nativitatis S. Johannis Baptiste a^o predicto apud dictam Jernemuth gaoiam domini Regis ville Jernemuth predictae felonice fregit et prisiones extraxit et illos decapitavit“, *ibid.*; „... et prisiones videlicet Nicholaum Sale de Seland Iohannem Rofyndale Copyn Isang (sap.: et prisiones Copyn Sele de Siryce Iohannem Rosendale Copyn Isang, a также: et prisiones videlicet Iohannem Rosendale Copyn Isang et Copyn Sele) eduxit et decapitavit et Iohannem Cook de Coventre

Въ ту же среду инсургенты вышли изъ Ярмута, оставивъ позади себя не мало разрушенныхъ и ограбленныхъ домовъ и обезглавленныхъ труповъ ¹⁾).

Разгромъ помѣщичьихъ усадебъ, сожженіе всякаго рода документовъ, въ той или иной формѣ опредѣлявшихъ и закрѣплявшихъ зависимое положеніе низшихъ классовъ и привилегіи высшихъ, взиманіе денежныхъ выкуповъ, а порою безопасное избіеніе людей вліятельныхъ и богатыхъ, королевскихъ чиновниковъ и министеріаловъ феодальныхъ сеньеровъ;—всѣ эти подробности такъ же характерны для дальнѣйшей дѣятельности Бэкона и организованнаго имъ отряда, какъ и для разрозненныхъ революціонныхъ вспышекъ въ отдѣльныхъ селахъ и деревняхъ Норфолькскаго и Сэффолькскаго графствъ ²⁾);

felonem domini Regis deliberavit“, *ibid.* Протоколы рѣшительно ничего не говорятъ о релігіозномъ направленіи Бэкона и его товарищей, чтобы мы могли, вмѣстѣ съ проф. Ковалевскимъ, утверждать, будто они „набрасываются на королевскую тюрьму, очевидно, въ расчетѣ найти въ ней единомышленниковъ“ (*Амсл. Пуцачевщина, Русская Мысль, 1895 г., май, стр. 18*); проф. Ковалевскій разумѣетъ лоллардовъ и приводитъ разгромъ тюрьмы въ Ярмутѣ какъ одинъ изъ примѣровъ, иллюстрирующихъ его общее утвержденіе, что „такъ какъ многіе изъ лоллардскихъ законоучителей находились въ заточеніи въ епископскихъ и королевскихъ тюрьмахъ, то несудивительно, если осада этихъ послѣднихъ и освобожденіе заключенныхъ составляетъ одно изъ обычныхъ дѣйствій матежниковъ“ (*ibid.*, стр. 18).

¹⁾ По словамъ проф. Ковалевскаго, „въ Ярмутѣ, ихъ (возставшихъ) жертвой кромѣ богатыхъ гражданъ, являются также фламандскіе ремесленники. Трое изъ нихъ отсѣчены головы. Та же судьба постигаетъ и одного мирового судью, „*justiciarius domini regis de rase*“ (*Амсл. Пуц., Русская Мысль, 1895, июль, стр. 50*). Тотъ же авторъ приводитъ не менѣе интересное извѣстіе, что въ орочѣ и Ярмутѣ „движеніе поддерживается ремесленниками, и заговорщики взимаютъ въ свою пользу таможенные сборы съ приходящихъ моремъ товаровъ“, *ibid.*, стр. 50. Но, къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ текста документа, изъ котораго онъ взялъ эти извѣстія.

²⁾ Осадивъ бенедиктинскій монастырь въ Гулмѣ, Бэконъ требуетъ выдачи всѣхъ протоколовъ, *Rotuli curiae et letae*, то-есть, обыкновенной мѣнопіальной курии (*court baron* и *customary court*) и курии съ болѣе широкой юрисдикціей, уголовной юрисдикціей округа (*court leet*), и немедленно ихъ сожигаетъ; та же участь постигаетъ такіе же документы, полученные Бэкономъ отъ настоятеля монастыря въ Бромголтѣ. Инсургенты сожгли документы въ замкѣ *Bourgh*, принадлежащемъ *Ufford*'у, графу Сэффолькскому, въ помѣстьѣ рыцаря *Джона de Brewe* и въ помѣстьяхъ Ирминландѣ, Гвиннигамѣ и Тонстодѣ, принадлежавшихъ герцогу ланкастерскому (*Ковалевскій, Амсл. Пуц., Русская Мысль, 1895 г., июль, стр. 49—50*); въ одномъ изъ протоколовъ мы читаемъ объ инсургентахъ, что они „*iverunt ad manerium de Heckling et de manerio ad manerium in totum*

эти отдѣльные вспышки скоро сливались въ общее пламя, такъ какъ жители сель и деревень, уже поднявшихъ возстаніе до прихода Бэ-

hundredum predictum et omnia custumaria, gentalia, rotulos curiae et monumenta in omnibus maneriis in predicto hundredo spectantia combusserunt“ (*ibid.*, стр. 50), а объ одномъ изъ дѣятелей возстанія сказано, что онъ послалъ „diversos homines ad comburendum cartas, rotulos curiae, computa et alia monumenta“ (*Ibid.*, стр. 50); во вторникъ (18-го іюня) крестьяне аббатства Карью подъ предводительствомъ кузнецъ изъ Брокстама осадили дѣвничій монастырь и, грозя убить настоятельницу, потребовали выдачи всѣхъ грамотъ и всѣхъ протоколовъ вотчиннаго суда, которые затѣмъ были сожжены въ Норичѣ (*ibid.*, стр. 49). Въ среду (19-го іюня) Роджеръ Бэконъ явился съ своимъ отрядомъ въ Уинтертонъ (Wynterton) и заставилъ одного изъ жителей деревни, нѣкогда Джона Curteys выкупить свою жизнь и имущество десятью марками (*Record Office. Cor. R. Rol Hilary, 5 Ric. II, m. XIX, Norff'*). Въ заключеніе укажемъ на фактъ, весьма характерный для людей въ родѣ рыцаря Роджера Бэкона (аналогичный фактъ изъ дѣятельности рыцаря Павла Солсбери мы уже имѣли случай привести раньше) и другихъ дворянъ, принявшихъ участіе въ возстаніи. Ухода изъ Ирмута, Бэконъ взялъ съ собою нѣкогда Уильяма Clere; съ нимъ онъ явился въ Castre Sondes и здѣсь, угрожая ему смертью, заставилъ его отказаться отъ своихъ правъ на мэноръ Антингэмъ (Antyngham), принадлежавшій нѣкогда Бэкону, но затѣмъ проданный имъ рыцарю Уильяму Уичингэму (Wychngham), а этимъ послѣднимъ проданный настоящему владѣльцу; за Clere'a поручились рыцарь Джонъ Мэнтби, шериффъ Уильямъ Уингеръ и Робертъ Howard, послѣ чего Роджеръ Бэконъ вступилъ во владѣніе мэноромъ и владѣлъ имъ въ теченіе трехъ дней вопреки праву Англіи („Item dicunt quod predictus Rogerus Bacoun chivaler simul cum aliis sociis suis malefactoribus ignotis die mercurii prox. post fest. cor. Xr̄i a° r. R. Ric. sec. quarto cepit Willelmum Clere in magna Jernemuth et ipsam extra villam predictam cepit et abduxit usque Castre Sondes et idem Rogerus eidem Willelmo Clere minabatur de vita et membris quod nisi voluerit facere unam aquietantiam prefato Rogero Bacoun militi de manerio de Antyngham in quo idem Willelmus feoffatus fuit per Willelmum de Wechngham Chivaler Et si hoc facere recusaverit idem Rogerus Bacoun dictum Willelmum Clere interficeret. Et super hoc Iohannes Mantebey chivaler Willelmus Wynter vic' et Robertus Howard manuceperunt pro predicto Willelmo Clere quod faceret predicto Rogero Bacoun Chivaler quandam relaxacionem de monerio predicto propter metum mortis, et idem Rogerus Bacoun Chivaler manerium predictum ingressus fuit et tenuit per tres dies contra legem Angliae“, *Record Office. Cor. R. Roll Hilary 5 Ric. II, m. XIX; Norff'*; другіе присяжные показали нѣсколько иначе; они заявили, что Роджеръ Бэконъ „cepit Willelmum Clere et eum minavit de capite suo perdendo nisi voluisset relaxare totum jus suum dicto Rogero de manerio suo de Antyngham et hoc per manus Willelmi Hynter Roberti Howard et Nicholai de Wechngham quod quidem manerium dictus Rogerus prius vendidit domino Willelmo de Wechngham per cartam et licentiam domini Regis“, *ibid.* Въ томъ же Castre (apud Castre) отрядъ Бэкона унесъ имущество Джона Фастолфа (Fastolf), одного изъ обвинительныхъ присяжныхъ (*Ibid.*).

кона и его ополченія, съ появленіемъ его немедленно ставовились подъ его знамена. Въ видѣ примѣра можно указать на крестьянъ Уаймондгэма (Wymondham). Они возстаютъ еще въ понедѣльникъ, 17-го іюня, дѣлаютъ нападеніе на усадьбу норфолькскаго архидіакона Джона Фретона (Fretton), подвергаютъ ее разграбленію, заставляютъ архидіакона выдать письменное удостовѣреніе, что впредь онъ не будетъ взимать арендной платы съ своихъ держателей (pro firma terrae), а затѣмъ, обложивъ денежными поборами сосѣднихъ рыцарей, соединяются съ крестьянами другихъ селъ и вступаютъ въ отрядъ Бэкона ¹⁾).

Возстаніе въ Кембриджскомъ графствѣ.

Возстаніе въ Кембриджскомъ графствѣ началось въ первой половинѣ іюня. Уже девятого числа этого мѣсяца мы видимъ инсургентовъ въ различныхъ мѣстностяхъ графства занятыми разгромомъ домовъ и усадебъ различныхъ лицъ (въ числѣ ихъ мирового судьи Эдмонда де Уолсингэма) и продажей ихъ имущества ²⁾. Тѣми же чер-

¹⁾ Извѣстіемъ этимъ мы обязаны проф. Ковалевскому, который, къ сожалѣнію, не считая нужнымъ привести текстъ эксплуатируемаго имъ протокола и тѣмъ лишилъ насъ возможности болѣе конкретно представить себѣ поведеніе уаймондгэмскихъ крестьянъ (*Дил. Пул., Русская Мысль*, 1895 г., іюль, стр. 49); напрасно только авторъ называетъ Джона Фретона *архіепископомъ* норфолькскаго, а въ другомъ случаѣ просто *епископомъ*: не говоря уже о томъ, что кромѣ архіепископа кентерберійскаго и архіепископа Йоркскаго, другихъ архіепископовъ въ Англіи не существовало, какъ это, конечно, извѣстно и автору, въ протоколахъ послѣ имени этого лица, стоитъ весьма отчетливо написанное *Archidiaconi Norff'*. См. *Record Office. Cor. R. Roll Easter 6 Ric. II, Ro. XXV, Norff'*, гдѣ вѣкии Джонъ Креукъ de Wymondham (онъ же и Джонъ Бетес Баркере de Wymondham) обвиняется въ томъ, что въ понедѣльникъ, 17-го іюня, онъ „congregavit sibi et levavit societatem contra pacem coronam et dignitatem domini Regis apud Corston et ibidem felonice fregit domos Iohannis de Fretton Archidiaconi Norff' et bona et catalla ipsius Iohannis in eisdem inventa videlicet panū lii et laii et vasa enea et de peutr' ad valenciā sexaginta solidorum felonice et furtive cepit et asportavit“, а также въ томъ, что apud Норгпол угрозами заставилъ Джона де Уолтертона (de Walterton), настоятеля мѣстной церкви (personam ecclesie Норгпол), выдать ему двадцать фунтовъ стерлинговъ.

²⁾ *Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantabr'. Plač etc 5 Ric. Ro. VII (in tergo) et VIII.* Кромѣ Эдмонда de Walsingham'a, названъ Ragerus Herlaston, котораго diversa catalla, именно boves, voes, porcos, lana, plumbus et *maeremium de dom' prostrat*, возставшіе продавали apud Cotenham, а также Робертъ Elteslee, у котораго инсургенты разрушили дома apud Cleyheth, а затѣмъ продали дерево съ нихъ.

тами характеризуют протоколы дальнѣйшую дѣятельность инсургентов Кэмбриджскаго графства, приводя огромное количество случаевъ подобнаго рода, различающихся лишь по именамъ дѣйствующихъ лицъ, мѣстностей и по днямъ недѣли, въ которые они произошли. Продажа имущества пострадавшихъ лицъ до дерева съ разрушенныхъ домовъ включительно принимаетъ здѣсь совершенно систематическій характеръ, такъ мало напоминая намъ безкорыстіе разрушительной дѣятельности инсургентовъ Эссекса и Кента, особенно рѣзко проявившееся при разгромѣ столицы. Способы, съ помощью которыхъ здѣсь поднимали населеніе, тѣ же, что и въ другихъ графствахъ. О нѣкоемъ Томасѣ Ро (Thomas Roe) изъ Wededitton'a, напричѣмъ, присяжные показали, что въ продолженіе недѣли до и послѣ Праздника Тѣла Христова (четвергъ 13-го іюня) онъ призывалъ къ возстанію жителей сотенъ Chenelee и Radef, грозя имъ смертію и сожженіемъ ихъ домовъ и заявляя, что таково повелѣніе и воля короля ¹⁾. Джонъ Стэмфордъ (Stamford), сѣдельный мастеръ (sadelier) изъ Лондона, возмущая народъ въ Кэмбриджскомъ графствѣ, заявлялъ, что у него въ ларцѣ есть полномочіе отъ короля истреблять королевскихъ измѣнниковъ ²⁾; Джонъ Грэйстонъ (Greyston) изъ Bodekesham'a, побывавшій въ Лондонѣ и въ Кентѣ и присутствовавшій при убійствѣ архіепископа, пріора и другихъ, вернулся къ себѣ въ Bodekesham въ воскресенье 16-го іюня и затѣмъ отправился въ Wilburham, Swaffham, Burwell и въ другія деревни и здѣсь сталъ показывать грамоту за королевскою печатью, заявляя, что этою грамотою онъ уполномоченъ королемъ собирать народъ во всѣхъ деревняхъ для истребленія измѣнниковъ и всѣхъ, кого онъ, Грэйстонъ, назоветъ; и при этомъ грозилъ жителямъ названныхъ деревень смертію и сожженіемъ ихъ домовъ, если они не возстанутъ и не послѣдуютъ за нимъ. Такимъ путемъ Грэйстону удалось собрать большую толпу, и съ нею онъ производилъ все то, что другіе производили въ томъ же и въ другихъ

¹⁾ „Item dicunt quod Thomas Roe de Wededitton fuit summonitor in hundred' de Chenelee et Radef et omnes homines minatus fuit de vita et membris et incendio domorum suarum fingendo illud esse mandatum et voluntatem domini Regis nisi insurgere voluerint cum communibus. Et sic die jovis in festo corporis xp̄i Anno IIIj-to et per VI dies ante et post continuavit in prejudicium domino Regi et populo suo predictis et minas“, *Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantabr'. Plaç etc. 5 Ric. Ro. II.*

²⁾ „dixit se habere commissionem domini Regis in quadam pixide ad destruend' traditores domini Regis et ad alia quamplura faciend'“, *Ibid. Rot. III a Cor. B. Roll Michaelmas 6 Ric. II, Ro. XV, Cantabr'.*

графствахъ; только грамота за королевскою печатью оказалась вовсе не тѣмъ, за что онъ ее выдавалъ: это была охранныя грамота, выданная ему изъ королевской канцеляріи годъ назадъ и уже утратившая свою силу вслѣдствіе истечения срока ея дѣйствія; конечно, это разоблачилось только передъ судебною комиссіей, приговорившей Грейстона къ отсѣченію головы ¹⁾. Послѣдніе два случая указываютъ на связь комбриджширскаго движенія съ возстаніемъ на югѣ Англій, и рядомъ съ ними можно поставить нѣсколько еще болѣе краснорѣчивыхъ указаній, не оставляющихъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Главнымъ вождемъ возставшихъ въ Кэмбриджширѣ былъ Джонъ Гэнчэчъ (Hanchach), все время возстанія разбѣзжавшій по графству съ отрядомъ, набраннымъ изъ многихъ графствъ ²⁾. Рядомъ съ нимъ присяжные называютъ еще нѣсколькихъ лицъ, побуждавшихъ народъ къ возстанію и дѣйствовавшихъ въ качествѣ руководителей отдѣльныхъ отрядовъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже назвали. Кромѣ нихъ,

¹⁾ „XII jurati dic' quod Iohannes Greyston de Bodekesham exivit de Com' Cant' ante turbacionem in dicto Com' et ivit in Com' London et Kanc' ad congregaciones malefactorum ibidem traxit moram quousque Simon Cant' Archiepiscopus Robertus de Hales Prior Hospitalis et alii ligei domini Regis felonice interfecti fuerunt et alia quamplura homicidia prostraciones in societate sua facta fuerunt ut idem Iohannes Greyston postquam revenit apud Bodekesham asseruit aperto scilicet die dominica proxima post festum corporis xpi Anno quarto predicti domini Regis. Et quod idem Iohannes colore cujusdam proteccionis domini Regis de pace et solvacione bonorum suorum habend' sibi in Cancellaria domini Regis a die isto in unum annum preteritum sibi facta ivit de villa de Bodekesham cum predicta proteccione in manu sua ostensa sigillata ad villam de Wilburham Swaffham et Burwell et alibi in dicto Com' dicendo se habere plenam potestatem Regiam congregandi levandi populum cujuslibet villate ad destruend' proditores ac alios homines quos ipse eis nominaret precipiendo eis in villis predictis sub pena arcionis domorum et decollac' ut secum insurgerent et sequerentur, et sic false et mendaciter levavit quam plures homines ignotos in prejudicium domini Regis et perturbacionem vill' predictarum“, *Record Office*. Ch. H. Pl. 93. Cantabr' Plaç etc 5 Ric. II, Ro. primus. Hundr' de Stan'.

²⁾ „... Iohannes Hanchach fuit capitalis doctor malefactorum... Et per diversas inquisitiones diversorum hundredorum captas compertum est quod idem Iohannes Hanchach fuit toto tempore perturbaciones equitans cum potestate vi armata sibi congregata de pluribus Comitatus“, *Ibid.*, Rot. III; ср. заявленіе кэмбриджскаго мэра и горожанъ въ парламентѣ, что безпорядки въ Кэмбриджѣ были произведены „par les Traitours et Malfaisours de les Contees de Essex, Hertford', et Kent, qi vindrent a leur Ville en moelt oultrageouse multitude, et avec eulx une certaine petite noubre des Malfaisours et Riotours de leur Ville“, *Rot. Parl.* v. III, p. 109.

укажемъ на Джона Сэффри (Iohannes Saffrey de Stowe juxta Angleseie), который „по собственной охотѣ и злонаравію побѣхалъ къ сообществу злодѣевъ и оказалъ имъ содѣйствіе лично и съ помощью своихъ слугъ“¹⁾, на Гальфрида Кобба (Galfridus Cobbe), владѣльца земель и держаній въ семи деревняхъ, возставшаго вмѣстѣ съ „подданными своими“ (cum aliis subditis suis) и поднимавшаго народъ именемъ короля, который будто бы уполномочилъ его на это²⁾, на Джона Пепера изъ Линтона (Iohannes Peper de Lynton), знаменосца въ отрядѣ Джона Гэнчэча³⁾, на Джона Кука изъ Бертонна (Iohannes Cook de Berton)⁴⁾, на Роберта Тэнелла (Tanell), предводителя инсургентовъ Сэффолькскаго графства, принявшаго дѣятельное участіе въ Кэмбриджширскомъ возстаніи⁵⁾, а также на Ричарда де Лестеръ (de Leicester), товарища его Джона Бэка (Buk), Адама Климма (Clumme) и капеллана Джона Майкела (Michel), ведшихъ возстаніе въ городѣ Или (Ely) и его окрестностяхъ⁶⁾.

Въ субботу, 15-го іюня, главныя силы возставшихъ съ Джономъ Гэнчэчомъ, Гальфридомъ Коббомъ, Джономъ Сэффри, Робертомъ Тэнелломъ и другими вождями мы находимъ въ окрестностяхъ города

¹⁾ „ex malicia sua propria et mera voluntate sua equitavit ad societatem malefactorum et procuravit eos cum auxilio suo et famulorum suorum...“, *Rec. Office.* Ch. II. Pl. 33. Cantabr' Plač etc 5 Ric. II, Ro. primus (in tergo).

²⁾ „Item dicunt quod Galfridus Cobbe cum aliis subditis suis ignotis felonice et tanquam proditores intraverunt maneria Thome Haselden apud Gelden morden et Stepelmorden scilicet die Sabbati prox. post fest. corp. xpi a^o dom. Regis nunc quarto et ibidem proclamaverunt publice fingentes se habere commissionem domini Regis ad plura malefacta faciend' ubi nullum habuerunt“, *Ibid.*, Ro. IV. Король въ исмѣ своемъ отъ 24-го октября пятого года къ Симоу de Burgh, которому онъ поручилъ „custodiam omnium terrarum et tenementorum cum pertinentiis que fuerunt Galfridi Cobbe in villis de Wympole Orwell' Cravedoſ Papwurth Harleton Wrastlyngwerth et Aruynton que occasione prodicionis et felonie per ipsum contra ligeantiam suam perpetratarum nobis confiscata et forisfacta ut dicitur extiterint“, поручаетъ возвратитъ Коббу все эти terras et tenementa въ силу дарованнаго ему прощенія. („Nos tamen pardonavimus eidem Galfrido sectam pacis nostre que ad nos erga ipsum pertinet pro quibuscumque prodicionibus felonii et transgressionibus factis seu perpetratis in insurreccionibus per quamplures de populo nostro in diversis partibus regni nostri Anglie nuper factis...“), *Rec. Office.* Close Roll 5 Ric. II, m. 34.

³⁾ „Item dicunt quod Iohannes Peper de Lynton equitavit in societate predicti Iohannis Hanchach et portavit unam lanceam cum I pennon' et fuit malefactor“, *Rec. Office.* Ch. II. Pl. 33. Cantabr'. Plač etc 5 Ric. II, Rot. III

⁴⁾ *Ibid.*, Rot. III и IV.

⁵⁾ *Ibid.*, Rot. X (in tergo), XI и III.

⁶⁾ *Ibid.*, Rot. X и XI.

Кэмбриджа. Здѣсь инсургенты разграбили, разрушили и сожгли дома и усадьбы Томаса Геселдена (Hazelnden) въ Stepelmorden'ѣ и Geldenemorden'ѣ, ордена госпитальеровъ въ Shengeye, Shipenham'ѣ и Dokeswurth'ѣ, Томаса de Swaffham въ Reche и Burwell'ѣ, шериффа кэмбриджскаго графства Генри Инглиша (English) въ Дэттонѣ (Dutton) и распродали скоть, хлѣбъ въ зернѣ и другое найденное въ нихъ имущество ¹⁾.

Въ ту же субботу послѣ праздника Тѣла Христова бэйлиффы и община горожанъ города Кэмбриджа, читаемъ мы въ *Парламентскихъ Свиткахъ* пятаго года царствованія Ричарда II, согласившись между собою и своимъ мэромъ, собрались и поѣхали къ госпиталю въ Shengeye и къ дому Томаса Геселдена на разстояніи шести миль и болѣе отъ города Кэмбриджа, встрѣтили здѣсь многихъ нѣмѣнниковъ и враговъ короля изъ тѣхъ, которые возстали противъ короля и его короны въ графствѣ Кэмбриджскомъ, и вступили съ ними въ заговоръ ²⁾. Вернувшись въ

¹⁾ *Ibid.*, Rot. I—VII; *Rec. Office.* Cor. R. Rill Michaelmas 7 Ric. II. Ro. XXI. Cant'. Той же и подобной участи подверглись дома одного изъ обвинительныхъ присяжныхъ Уильяма Бетмена (Bateman) in manerio suo de Harleton, Томаса Bradefeld'a, судьи Эдмонда Уолсингэма apud Everesdon magnam, Джона Sybille въ Horsesch'ѣ и въ Urwer'ѣ, Уильяма Молта (Malt) въ Wilburham magna (въ воскресенье), Томаса Elleswurth'a въ Ellewurth'ѣ (въ воскресенье), Джона Роджера (Roger) въ Wilburham parva (въ воскресенье; здѣсь же инсургенты „expulsaverunt Simonem Andren de Wilburham parva et uxorem ejus firmarium Thome de Swaffham et posuerunt Margaretam relictam Iohannis Andron in Wilburnham parva in libero tenemento dicti Thome ad dampnum dicti Thome etc.“), Томаса Torell'a apud Swaffham parvam (въ воскресенье), Джона Walter'a въ Crawden'ѣ (въ воскресенье), Роджера Herlaston'a въ Deneye и въ Milton'ѣ (въ воскресенье). Въ воскресенье (16-го іюня) нѣкто Джонъ Scot de Milton вмѣстѣ съ другими инсургентами явился въ Lollewurth къ дому Джона Sigar'a „et ibidem minas fecit Mabil' uxori dicti Iohannis dicendo quod vellet prosternare domos Iohannis Sigar nisi dictus Iohannes vellet concedere Rogero Attecherch et aliis hominibus plenam seisinam de certis terris in Gritton, Horves et Maddynglee etc.“; въ тотъ же день нѣкто Jacobus Hog' de Ikelyngton' „intravit clausum Priorisse de Ikelyngton vi et armis et asportavit extra clausum dicte Priorisse rotulos Curie et alias evidencias terrarum et tenementorum ejusdem Priorisse et illos combussit ex malicia sua propria“, а въ слѣдующій понедѣльникъ нѣкто Willelmus Bokenham de Ikelyngton „clausum Willelmi' Crouser apud Dakeswurth fregit et rotulos curie et alia monumenta manerii sui ibidem inventa felonice combussit“. Обо всемъ этомъ см. *Record Office.* Ch. H. Pl. 33. Cantabr'. Plaç etc. 5 Ric. II. Rot. I—VIII.

²⁾ „Fait a remembrer, q̄ le Samady prosch' apres la Feste de Corps Chrst, l'an du regne le Roi q'or est quart, les Baillifs et Coialtee de Burgeys de la Ville de Cantabr', par l'advis et commune assent de eux et de leur Mair, coillerent eux

тотъ же день въ городъ, они отправились вмѣстѣ съ своимъ мэромъ Эдмондомъ Листеромъ (Lystere, Lister) ¹⁾ въ ратушу (а l'Ostiel) и здѣсь сдѣлали торжественное оповѣщеніе возстанія ²⁾; отсюда они отправились въ домъ, гдѣ взиались торговля пошлины въ пользу города, въ такъ-называемый на языкѣ того времени *Tolboth*, и здѣсь избрали Джека Грэнчестера своимъ вождемъ, заставивъ его подъ страхомъ смерти дать клятву, что онъ будетъ дѣлать все, чего они отъ него ни потребуютъ; тутъ же они единодушно сдѣлали этого Джека и его брата Томаса свободными горожанами города Кэмбриджа ³⁾. Около

ensemble, et chivacherent a l'Hospital de Shengeye, et a la maison Thomas Haselden q'est hors du dite Ville de Cantebr' VI leukes et plus, et la enconteront plusieurs traitours et enemys du Roi, de ceux queux leveront encontre hre S^r le Roi et sa Couronne, en la Countee de Cantebr', et illoeq̄ conspireront ensemble les damage desouz eseritz, *Rot. Parl.*, v. III, p. 108; см. въ *Record Office*. Ch. II. Pl: 38. Cantebr' Plač etc 5 Ric. II. Rot V (in tergo), VI и VII показанія присяжныхъ о разныхъ лицахъ изъ кэмбриджскихъ горожанъ, которыя ѣздили къ Джоу Гэнчачу и его отряду въ окрестности Кэмбриджа; между прочимъ о нѣкомъ Джонѣ Gibbon'ѣ изъ Кэмбриджа сказано, что онъ „die sabbati prox. post fest. corp. xpi a^o dom. Regis nunc quarto apud Stapelmorden ad manerium Thome Haselden equitavit cum CLX hominibus de maligna societate congregat' ad edificia manerii predicti prosternend' et depredaciones et alia malefacta perpetranda et quod ibidem existabat fovendo malefactores in maleficiis ibidem factis scilicet ad depredaciones bonorum et cattallorum ibidem inventorum et prosternaciones domorum ad dampnum mill librarum in pejudicium domini Regis et perturbacionem populi manifestam“, *Rot. VI*

¹⁾ Въ протоколахъ кэмбриджскій мэръ только одинъ разъ названъ Эдмондомъ Litstere (*ibid.*, *Rot.*, IV; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ является подъ именемъ Эдионда Redmedwe; повидному, у него было двѣ фамилиі, и, можетъ быть, Lister (lister=красильщикъ) указываетъ на профессию его или его предковъ.

²⁾ „furent une solempne proclamation et cry“, *Rot. Parl.*, III, p. 108.

³⁾ „Item, mesme le jour a leur revenu a l'Ostiel, les Mair, Baillifs, Burgeys, et Communaltee du dite ville firent une solempne proclamation et cry, et de un assent alerent jeske a Tolbothe du dite Ville, et illoeq̄s eslirent Jakes de Grancestre a leur Capitein, et lui firent par manace du more jurrer d'estre leur loial Capitain et Gouverneur. Item, maintenant apres, le Mair, Baillifs, Burgeys, et Communaltee du dite Ville, d'un accord et un assent firent le dit Jakes, et Thomas son frere, frankes Burgeis du dite Ville de Cantebr'“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 108. Сажусь, историкъ Кэмбриджскаго университета, называетъ Джека Грэнчестера „hominem sudacem et ferocem, procellam patriae, turbinem, et tempestatem pacis“, *Historiae Cantebriensis Academiae ab urbe condita, liber primus*. Auctore Ioanne Caio Anglo. Londini in aedibus Iohannis Daij. An. Dom. 1574, p. 97, а бохѣ поздній историкъ того же университета Томасъ Фуллеръ (*Thomas Fuller, The History of the University of Cambridge, since the Conquest*. Printed in the year

десяти часовъ ночи на колокольнѣ церкви св. Маріи зазвонили въ колоколь ¹). Мэръ, бэйлиффы, горожане и община города опять собрались въ Tolboth. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія они объявили, что все должны отправиться къ дому университетскаго чиновника (*universitatis bedelli*) Уилльяма Уигмора (*Wigmore*), домъ разрушить, а самого чиновника, если его удастся захватить, обезглавить ²). Немедленно большая толпа двинулась къ указанному дому, разрушила его и унесла найденное въ немъ имущество ³).

Отсюда вся эта толпа съ мэромъ и бэйлиффами отправилась къ коллегіи Тѣла Христова, находившейся подъ патронатомъ герцога Ланкастерскаго ⁴). Инсургенты ворвались въ помещенія начальника коллегіи (*magistri*) и студентовъ, разломали ящики, въ которыхъ хранились книги, грамоты и всякаго рода иные документы, опредѣлявшіе права и вольности коллегіи, нѣкоторые изъ нихъ тутъ же изорвали на куски, остальные захватили съ собой, выломали двери и окна въ коллегіи, а также часть стѣнъ ея и унесли съ собой выѣстъ съ найденными здѣсь драгоценностями и прочею движимостью, всего на тысячу фунтовъ стерлинговъ. Начальникъ и студенты успѣли заблаговременно скрыться; толпа тщетно искала ихъ по всеѣмъ зданіямъ коллегіи и довольствовалась тѣмъ, что исколотила подвернувшуюся ей подъ руку университетскую прислугу ⁵). Раз-

of our Lord, 1655; напечатана въ одномъ томѣ съ другимъ сочиненіемъ того же автора *The Church — History of Britain; from the Birth of Iesus Christ untill the Year M. DC. XLVIII*) прибавляетъ, что Джэкъ и его братъ Томасъ были „иностранцы“, то-есть, не принадлежали къ числу кембриджскихъ горожанъ. „Here they chose“, говорятъ Fuller, „*James Granchester and Thomas his Brother into their Corporation, which formerly were Forrainers* (то-есть, foreigners) and not free of the Town“, *History of the University of Cambridge*, p. 53. Больше никакихъ свидѣній объ этихъ лицахъ мы не имѣемъ.

¹) „ad sonitum campanae S. Mariae majoris“, *Cajus*, p. 98.

²) *Rot. Parl.*, v. III, p. 108; *Cajus*, p. 90; *Fuller*, p. 58.

³) *Rot. Parl.*, v. III, 108; *Cajus*, p. 90; *Fuller*, p. 58; *Rec. Offic. Ch. H. Pl. 33. Cantabr.*. Plaç etc 5 Ric. Rot. IV (in tergo), V (in tergo) и VII.

⁴) Коллегія эта называлась тогда еще и коллегіей св. Бенедикта, такъ какъ по сосѣдству съ ней находилась церковь, посвященная этому святому (см. Исторію Кембриджскаго университета *Mullinger'a*, p. 249); такъ она названа у *Fuller'a* (*Bennet Colledge*) и въ протоколахъ.

⁵) Краткое сообщеніе объ этомъ разгромѣ даютъ *Rot. Parl.*, v. III, p. 108 и 128; болѣе подробно говоритъ объ этомъ королевскій патентъ, отправленный *Willelmo de Skyrwyth, Thome Hungerford, Roberto de Walsingham, Rogero de Boys et Johanni Plays* вслѣдствіе жалобы *magistri et scolarium domus corpo-*

громъ коллегіи продолжался всю ночь и утро слѣдующаго дня. Утромъ кэмбридскіе горожане (*les ditz Burgeys et Communaltee*) собрались большими толпами и, отправившись за городъ, привели съ собой инсургентовъ съ Джономъ Гэнчэчомъ, Гальфридомъ Коббомъ и другими ихъ вождями и вмѣстѣ съ ними стали продолжать начатое ¹⁾. Подъ предводительствомъ мэра и бэйлиффовъ они подступили къ дому, гдѣ жилъ канцлеръ университета, и заставили канцлера и начальниковъ отдѣльныхъ коллегій подѣ страхомъ смерти и сожженія всѣхъ университетскихъ зданій отказаться отъ всѣхъ вольностей и привилегій, когда бы то ни было дарованныхъ университету англійскими королями, дать обѣщаніе, что они будутъ всегда и во всемъ подчиняться правиламъ и распоряженіямъ, исходящимъ отъ города согласно праву Англии и древнимъ обычаямъ города Кэмбриджа, взять на себя обязательство, подѣ страхомъ уплаты горожанамъ къ слѣдующему Рождеству трехъ тысячъ фунтовъ, на свои средства освободить горожанъ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ королю и другимъ лицамъ, явившихся въ результатъ споровъ и тяжбъ, возникшихъ между университетомъ и городомъ Кэмбрижемъ, и отказаться отъ всякаго рода исконъ, какъ личныхъ, такъ и имуществен-

ris Xpi et beate Marie Cantabr'; по словамъ патента, возставшіе съ мэромъ Эдмондомъ Lister'омъ во главѣ „*clausum domos et communem cistam ac alias cistas ipsorum magistri et scolarium apud Cantabrigg' facta prius proclamatione ibidem ut omnes ad dictum Collegium ad illud destruendum et spoliandum accederent, vi et armis fregerunt et maeremium ac hostia et fenestras de domibus predictis necnon libros iocalia et alia bona et catalla sua ad valenciam mille librarum ibidem inventa ceperunt et asportaverunt et cartas et scripta de fundacione et dotacione ac privilegiis collegii predicti necnon quamplura alia cartas scripta et munimenta sua ibidem inventa quedam videlicet eorum fregerunt et dilaceraverunt et quedam eorum ceperunt et asportaverunt et ipsos magistrum et scolares in omnibus pene locis collegii predicti ad ipsos interficiend' diligenter scrutati et eis in tantum comminati fuerunt quod ipsi postmodum ad collegium predictum per magnum tempus propter metum mortis redire et accedere non audebant et in homines et servientes suos ibidem insultum fecerunt et ipsos verberaverunt vulneraverunt et male tractaverunt per quod iidem magister et scolares servicium hominum et serviencium suorum predictorum per magnum tempus amiserunt et alia enormia eis intulerunt ad grave dampnum ipsorum magistri et scolarium et contra pacem nostram“, *Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 2. m. 16. d. См. также Rec. Off. Ch. II. Pl. 33. Cantabr.' Plač etc 5 Ric. II. Rot. II, IV (in tergo) и V (in tergo), а также Cajus, p. 98, и Fuller, p. 53.**

¹⁾ *Rot. Parl., v. III, p. 108; Cp. Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. I. m. 34. d.*

ныхъ, вчиненныхъ когда либо или теперь вчиняемыхъ противъ мэра, бэйлиффовъ, горожанъ и общинъ, равно какъ и отдѣльныхъ лицъ общины города Кэмбриджа и ихъ наслѣдниковъ въ результатѣ какихъ бы то ни было обязательствъ, правонарушений, преступлений и договоровъ и т. п. Все это было оформлено и юридически закрѣплено въ видѣ двухъ документовъ, тутъ же выданныхъ горожанамъ университетомъ, который принужденъ былъ отдать имъ королевскія грамоты и другіе документы, утверждавшіе за нимъ всё его вольности и привилегіи ¹⁾.

¹⁾ *Rot. Parl.*, v. III, p. 108; *Cajus*, p. 98; *Fuller*, p. 58. Текстъ обязательства, выданныхъ университетомъ горожанамъ, помѣщенъ въ *Rot. Parl.*, v. III на стр. 107—108: имъ мы нѣсколько дополнили резюмирующій разказъ эксплуатируемаго нами билля, представленнаго въ парламентъ послѣ восстанія. Въ первомъ документѣ *Cancellarius Universitatis Cantebriegg singulique Magistri et Custodes Collegiorum*, ac *Scolares dicte Universitatis* доводятъ до свѣдѣнія всѣхъ христіанъ (*omnibus Xpi fidelibus*), что они „*unanimi consensu et assensu totius Universitatis Cantebr'*, renunciassent, pro nobis et Successoribus nostris imperpetuum, quibuscumque Privilegiis nobis qualitercumque concessis a quibuscumque Regibus Anglie a principio Mundi usque ad diem confectionis presentium; Submittentes nos ac singulos nostrum pro perpetuo Regulis ac Consuetudinibus hactenus usitatis, secundum legem Anglie et antiquam consuetudinem Burgi Cantebri'. Volentes et promittentes sub pena trium millium librarum per dictam Universitatem dictis Burgensibus in Festo Natalis Domini prox' futur' post dat' presentium solvendar', exonerare sumptibus nostris propriis et expensis Burgenses quoscumque et alios de Communitate dicte Ville, tam versus dom. Regem quam quoscumque alios, de quibuscumque recognitionibus et obligationibus factis pretextu quarumcumque contentionum et litium dudum ortarum inter Universitatem nostram predictam et Collegium quodlibet ac Communitatem dicte Ville; de quibus recognitionibus in Rotulis Cancellarie dom. Regis plenius continetur“ и т. д. Во второмъ документѣ тѣ же лица заявляютъ: „*nos unanimi assensu et consensu firio, tractatu inter nos prehabito diligenti, remisisse, relaxasse, et omnino pro nobis et successoribus firis imperpetuum quietum clamasse, Maiori Ville Cantebri', Ballivis, Burgensibus, et Communitatibus, singulisque personis dicte Communitatis eiusdem ville Cantebri', heredibus et assignatis suis, omnimodas acciones tam reales quam personales, quas erga eos, vel eorum aliquem habuimus, habemus, et quovismodo habere poterimus, occasione cujuscumque recognitionis, obligationis, transgressionis, delicti, scripti, indenture, seu alterius contractus cujuscumque a principio mundi usque in diem confectionis presentium*“, и т. д. Первый документъ датированъ днемъ апостоловъ Филиппа и Якова, второй понедѣльникомъ, ближайшимъ къ этому дню (*die Lune prox' ante Festum Apostolorum Philippi et Iacobi*), то есть 1-мъ и 29-мъ апрѣля. Даты эти вызываютъ не малое недоумѣніе. Повидному, основываясь на нихъ, Stubbs утверждаетъ, что „въ Кэмбриджѣ горожане сожгли университетскія грамоты передъ первымъ мая 1381 года, а мэръ и бэйлиффы, повидному, присоединились къ восстанію или воспользовались имъ, чтобы сдѣлать нападеніе на коллегію, въ іюнь“ (*Constitutional History*, v. II, p.

Эти послѣдніе документы (между ними были и папскія буллы) были вынесены на городскую площадь. Толпа бросилась на нихъ съ ножами, палками, топорами и другими орудіями, отрѣзала и оторвала отъ нихъ печати, искрошила ихъ на мелкіе куски и затѣмъ все это зажгла ¹⁾). Преданіе гласитъ, что когда огонь превратилъ въ пепелъ

469, п. 1). Весь текстъ *Rot. Parl.*, посвященный кэмбриджскому возстанію, а также все, что мы знаемъ о возстаніи этомъ изъ лѣтописныхъ источниковъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что цитированныя нами обязательства были выданы университетомъ кэмбриджскому муниципалитету не ранѣе воскресенья 16-го іюня 1381 года; достаточно указать на то, что, разказывая о событіяхъ этого воскресенья, и представленный въ парламентъ билль, и *Cajus* съ Fuller'омъ самымъ точнымъ образомъ передаютъ намъ содержаніе именно этихъ обязательствъ, когда говорятъ объ обязательствахъ, выданныхъ университетомъ горожанамъ въ воскресенье 16-го іюня 1381 года; мы никакъ не можемъ допустить, чтобы кэмбриджскій университетъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая выдалъ кэмбриджскимъ горожанамъ обязательства, совершенно тождественныя по содержанію съ тѣми, которыми онъ принужденъ былъ выдать имъ и 16-го іюня: вторичная выдача не имѣла бы никакого смысла, разъ документы, выданные въ первый разъ, не были уничтожены тѣмъ или инымъ способомъ, для чего у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, равно какъ нѣтъ у насъ и никакихъ извѣстій, на основаніи которыхъ мы могли бы, подобно Стэббу, констатировать беспорядки въ Кэмбриджѣ передъ первымъ мая 1381 года, между тѣмъ какъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Кэмбриджѣ въ іюнь, мы имѣемъ самыя достовѣрныя и обстоятельныя извѣстія. Можетъ быть, странную датировку названныхъ документовъ слѣдуетъ объяснять какими нибудь соображеніями мэра и горожанъ въ родѣ того, напримѣръ, что обязательства, поименованныя 29-мъ апрѣля и 1-мъ мая, въ глазахъ высшей власти могутъ имѣть большую юридическую силу, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они были датированы 16-мъ іюня, такъ какъ въ первомъ случаѣ они могли казаться результатомъ мирнаго соглашенія сторонъ, а во второмъ—порожденіемъ революціи и насилія. Конечно, мы не настаиваемъ на этомъ именно толкованіи, но твердо убѣждены, что разгадку несообразности нужно искать именно въ этомъ направленіи.—Приведенный нами текстъ обязательствъ едва ли позволяетъ утверждать, что горожане „присуждаютъ университетское управленіе къ уплатѣ трехъ тысячъ ливровъ въ пользу города, съ возмѣщеніемъ убытковъ, якобы причиненныхъ ему несправедливыми процессами“ (*М. М. Ковалевскій*, *Англ. Пугачевщина*, *Русская Мысль* 1895 г., сентябрь, стр. 64).

¹⁾ „Item, les Mair, Baillifs, Burgeis, et Communaltee suis ditz compelleront par manace de mort les avaut ditz Maisters et Escolers pur deliverer et bailler a eux leurs Chartres et Priveleges, et autres Patentes enseallex souz le seal le Roi q'or est, grantez au dite Universitee; les Chartres, Priveleges et Lettres Patentes les ditz Mair, Baillifs, Burgeis, et Communaltee forablement arderont en la fore du dite Ville; et ove cutelles, bastons, et autres wepens, les Sealx de Chartres et Patentes suis dites dispitousement deraserent, en despit de fire S^r le Roi“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 108; *Cajus*, p. 98; *Fuller*, p. 53.

всѣ грамоты университета, нѣкая старуха, по имени Маргарита Стерръ (Sterge), подошла къ погасшему уже костру и, собравъ весь пепель, развѣяла его по вѣтру съ такимъ напутствіемъ: „Пусть такъ исчезнетъ и мудрость ученыхъ („*abscedat clericorum peritia, abscedat*“)¹⁾“.

Поковчивъ съ университетомъ, инсургенты стали грабить дома отдѣльныхъ лицъ²⁾ и даже церкви. Такъ, они ворвались въ церковь св. Маріи, когда тамъ совершалось богослуженіе, и, къ великому смущенію священника, служившаго обѣдню, и бывшихъ въ церкви прихожанъ, разломали ящикъ съ драгоценностями и всякой утварью и тутъ же продали ящикъ нѣкому Джону Гиббону старшему за десять шиллинговъ³⁾; подобный же ящикъ съ драгоценностями и съ книгами (*unam cistam cum jocalibus et libris*) разломали они и очистили и въ церкви монаховъ кармелитовъ⁴⁾.

¹⁾ *Cajus*, p. 98—99; *Fuller* (p. 58) такъ переводитъ эту фразу: „Thus, thus let the Learning of all Scholars be confounded“.

²⁾ Между прочимъ пострадали дома и имущество Джона Блаукраун, имя котораго мы встрѣчаемъ въ спискахъ обвинительныхъ присяжныхъ города Кембриджа. Названуѣ пострадали и, повидному, родственникъ его Роджеръ, сынъ Ричарда Блаукраун'а, и показаніе присяжныхъ объ этомъ послѣднемъ такъ интересно, что мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь: „*Et quod ibem Johannes (Coggeshal de Hastlyngfeld) die sabbati prox ante diem dominicam predictam apud Cant' in vico de Briggestrete cum pluribus aliis ignotis insurrectibus venit ex malicia precogitata ad domum Rogeri filii Ricardi Blaunkraun et ipsum quesivit ad interficiendum et ibidem ipse non invenit Set statim in forma predicta ivit ad ecclesiam S. Egidii Cant' et ibidem in predictum Robertum insultum fecit et decolasse se voluit nisi impeditus esset per parochianos ibidem tunc existentes Et super hoc continuata malicia sua reivit ad domum predicti Rogeri ad illam prostermand' quousque uxor ejusdem Rogeri genuflectendo obtulisset sibi finem et ad gratiam suam capiend' pro pace sua et viri sui habend' in Regis contemptum et aliorum exemplum perniciosum“; *Rec. Offic.* Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac etc 5 Ric. II. Ro. VII, а также *passim*; были разрушены и разграблены кэмбриджскіе дома Роберта Херластон'а и др. *Ibid.*, Rot. VII и *passim*.*

³⁾ „*Johannes Gibbon de Cantebr' junior ...simul cum aliis malefactoribus secum congregatis die dominica prox. post fest. corp. Xpi a^o dom. Regis nunc IIIj-to tempore misse parochialis ecclesiam S. Marie Cantebr' intravit et felonice fregit unam cistam de jocalibus et utensilibus plenam et ibidem cepit de Johanne Gibbon seniore X s'pro eadem cista dimittenda in prejudicium Regis et perturbationem presbiteris celebrantis missam et parochianorum ibidem existentium“; *Rec. Offic.* Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac etc 5 Ric. II. Ro. VI; въ томъ же обвиняется еще нѣсколько лицъ, Rot. VII и IV (in tergo).*

⁴⁾ *Ibid.*, *Cajus*, p. 98.

На слѣдующій день къ мэру въ Tolboth явилась огромная толпа народа и заявила ему слѣдующее: „Ты—мэръ этого королевскаго города и правитель нашей общины. Если ты не захочешь согласиться съ волей и приказаніемъ нашимъ и не станешь дѣлать того, что будетъ тебѣ приказано отъ имени короля Ричарда и вѣрной общины короля, немедленно будешь обезглавленъ“. Мэръ потребовалъ, чтобы ему показали королевскую грамоту, въ которой была бы выражена воля короля; но въ отвѣтъ на это его схватили за грудь, и надъ головою у него засверкали мечи и топоры; возбужденная толпа потребовала („*invitis dentibus suis sibi dixerunt*“), чтобы онъ немедленно исполнялъ волю общины—отправлялся съ ними за городъ и отнялъ у Бернуэлскаго пріора общинное пастбище, которое еще съ незапамятныхъ временъ принадлежало всѣмъ горожанамъ и общинникамъ, живущимъ въ городѣ Кэмбриджѣ (*omnes burgenses ac communes residentes in villa Cant'*), какъ держателямъ короля и города (*ut tenentes Regis et ville predictae*), а впоследствии незаконно было отнято у нихъ Бернуэлскимъ пріоромъ и обнесено изгородью и засажено деревьями; предварительно мэръ долженъ сдѣлать оповѣщеніе въ этомъ смыслѣ по всему городу, грозя смертью всѣмъ, кто не пойдетъ съ нимъ возстановлять нарушенное право ¹⁾. Позволительно, конечно,

¹⁾ Такъ мэръ показывалъ на судѣ передъ Гугономъ Ла Зухомъ (*la Zouch*) и его товарищами въ отвѣтъ на жалобу, поданную бернуэлскимъ пріоромъ. Вотъ это показаніе: „*Qui dicit quod quo ad venire vi et armis seu aliquid contra pacem facere in nullo est culpabilis. Et se hoc ponit se etc. Et quod ad proclamaciones factas ut superius etc dicit quod quia non incognitum communitatibus ville Cant' quod communes Com' Kane', Essex', Hertford' et London' fuerunt levati intendentes levacionem predictam esse ex consensu et precept' dom. Regis super quo quamplures de villa predicta simul cum aliis tam de patria ista quam de aliis Comitatus secum congregatis subito ad predictum majorem venerunt et dixerunt: „tu es major iustus ville Regis et gubernator nostre communitatis. Si non consenties voluntati et mandato nostris ad omnia faciend' que ex parte Regis Ricardi et fidelis communitatis ipsius Regis tibi dicend' statim decapitatus eris“. Quibus auditis petiit a predictis communibus videre et audire Warrantum dom. Regis ad talia faciend' quibus promptus in omnibus erit proficiend'. Et non allocata predicta responsione ipsius majoris unanimiter ad eum accesserunt et per pectus eum seiserunt securibus Gisarmis et gladiis ad capud et collum sua multipliciter per communes proferat' invitis dentibus suis sibi dixerunt quod voluntatem communitatis perficeret in eo quod notum fuit eis per auditum antecessorum suorum de communitate ville Cant' quod ante tempus memorie et post tempus memorie quod omnes burgenses ac communes residentes in villa Cant' ut tenentes Regis et ville predictae habere deberent communam pasture ad pascend' averia sua cujuscumque generis ac chaceam ac rechaseam suam usque in pasturam suam vocatam Estenhal' ad eorum*

сомнѣваться, чтобы дѣло происходило именно такъ, какъ мы сейчасъ передали его со словъ кэмбриджскаго мэра, чтобы мэръ, принимавшій такое дѣятельное участіе въ походѣ на университетъ, въ данномъ случаѣ, когда шла рѣчь о возвращеніи городу не менѣе существеннаго права, являлся лишь невольнымъ орудіемъ мятежныхъ горожанъ, а, попавъ на скамью подсудимыхъ, оказался угнетенной невинностью, страдающей за чужія прегрѣшенія. Какъ бы то ни было, оповѣщеніе было сдѣлано, и вооруженныя толпы народа подъ предводительствомъ кэмбриджскаго мэра двинулись за городъ къ Бернуэлскому монастырю. Деревья, покрывавшія пастбище, были срублены, частоколь сломанъ, рвы засыпаны землею; запруды, устроенныя пріоромъ на рѣкѣ и отгораживавшія часть ея въ исключительное пользованіе монастыря, были спесены; какъ лугъ, такъ и рѣка стали общинной собственностью кэмбриджскихъ горожанъ, которые тутъ же и осуществили свое право, наловивъ рыбы въ бывшихъ монастырскихъ садкахъ. Толпа проникла за монастырскую ограду и, разрушивъ здѣсь нѣсколько домовъ, а также инымъ способомъ причинивъ монастырю не малый ущербъ, заставила пріора и монаховъ дать ей письменное обязательство, подтверждавшее ихъ опасности уплатить горожанамъ двѣ тысячи фунтовъ въ случаѣ, если они станутъ вчинять противъ горожанъ искъ о понесенныхъ ими убыткахъ ¹⁾).

libitum in loco illo nuper vocato le Droue ut de jure ville Regis predictae ubi predicti arbores pallicia et haie existabant Et quod locus predictus injuste ab eis tenentibus Regis per Priorem de Bernewell per claustruras et arbores predictas deforciatus et impeditus existat uti post tempus memorie fuerunt seisisi voluerunt uti et re—pasturas et chaceam predictas in forma que superius. Et unde precipuerunt eidem majori ut proclamaciones faceret ad predicta secundum eorum dicta perficiend' sub periculo decollationis predictae et hoc una voce clamaverunt. Et sic proclamaciones fuerunt facte vi coactus et metu mortis ductus absque hoc quod major auctoritate seu voluntate propria aliter seu aliquam injuriam fecit in premissis". На судѣ мэру было приказано отъ имени короля представить списокъ лицъ, которыя принуждали его такъ поступать. „Qui dicit quod tempore predicto tam pro magna multitudine populi circa se in le tolboth et extra congregata quam pro affraicacione et metu mortis perdidit cognitionem personarum eo quod numerum hominum congregatorum excessit numerum mille“, *Record Office. Ch. H. Pl. 33. Cantabr'. Plač etc 5 Ric. II. Ro. XII.*

¹⁾ „Prior de Bernewell per Galfridum Baston' concanonicum suum et Robertum Passelew servient' et attornatos ipsius Prioris protulit billam coram prefat' justic' (Hugone la Zouch et sociis suis) super Edmundum Redmedwe majorem ville Cant' in hec verba.

As Justic' nre Seignur le Roi se pleignent le Priour et Couent de Bernewell ils

Судебные протоколы весьма подробно сообщают намъ о возстаніи, происшедшемъ во владѣніяхъ епископа Илійскаго; подробности эти такъ характерны, что мы считаемъ необходимымъ воспользоваться ими въ интересахъ конкретности нашего разказа.

sont del patronage nre Seignour le Roi le disceptisme jour de Juyn lan quatre nre Seignour le Roy Richard seccunde puis le conqût—. Vyndrout a Bernewell de Esmond Redmedwe maire de Cantebrigg et ses commons ove force et armes et encounter la pees et illoeqs le clos les dites Priour et couent ceste assavoir mours pales et hails debruserunt et les arbres illoeqs cressant' abaterunt et esporterunt a la value de CCCC li et la palys de la Watgate ove les portes debruserunt et esporterunt et altres biens ceste assavoir peassoun segg Turf et altres choses as tort et as grauntz damage de ditz Priour et Covent de ^MM liveres.—De les quels greuances et damages les ditz Priour et Covent priount remedie en oeuvre de Charite", *Rec. Office. Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plaç etc 5 Ric. II. Ro. XII.* Въ королевскомъ письмѣ, отправленномъ Ричарду le Scrop, Гугону la Zouche, Умльяму Wyndesore, Джону de Burgh, Роджеру Harleston и Джону Brunne съ порученіемъ разслѣдовать это дѣло мы читаемъ: „Ex gravi querela dilecti nobis in Xpō Prioris de Bernewell' accepimus quod diversi malefactores ac pacis nostre perturbatores jam noviter contra fidem et ligeneciam suas nobis debitas in Com' Cantebr' quasi hostiliter insurgentes ad procuracionem quorumdam emulorum suorum usque Prioratum predictum qui de fundatione progenitorum nostrorum quondam Regum Angliae in nostro patronatu existit vi armata accesserunt et ipsum Priorem de quodam gardino suo apud Prioratum suum predictum injuste et sine iudicio disseisiverunt et certas domos ac quandam portam aquaticam Prioratus predicti frerunt et prostraverunt et arbores suas ibidem nuper crescentes succiderunt et in vivariis suis ibidem piscatis fuerunt et piscem inde ac arbores predictas necnon maeremium de domibus et porta predictis et alia bona et catalla sua ad valenciam mille librarum ibidem inventa ceperunt abduxerunt et asportaverunt et ipsum Priorem et Conventum suum ne ipsi predictos malefactores de transgressionibus et malefactis predictis imposterum impetirent sibi in duobus milibus librarum per literas communi sigillo prioratus predicti signatas obligari compulerunt et diversa alia mala incommoda et enormia intulerunt ad grave dampnum ipsius Prioris et ejusdem Prioratus destruccionem et exheredacionis periculum manifestum ac contra pacem nostram“, *Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. I. m. 30. d.*; см. еще краткое сообщеніе объ этомъ въ *Rot. Parl.*, т. III, р. 108; *Cajus*, р. 69; *Fuller*, р. 53—54. Волѣ конкретно представить, въ чемъ собственно заключался захватъ, совершенный бернуэлскимъ пріоромъ, и что сдѣлали инсургенты для восстановления своего права, помогаетъ намъ протоколъ разслѣдованія, произведеннаго по порученію короля (и, повидному, по просьбѣ кэмбриджскихъ горожанъ) въ шестой годъ его царствованія. Присяжные разныхъ сотенъ кэмбриджскаго графства показали, что „Radulfus Prior de Bernwell cepit de cursu riparie dom. Regis de Cant' subtus Bernwell duodecim pedes in latitudine et in longitudine a quadam pastura voc' Grenecroft usque Estenhale anno r. R. Ricardi post conquestum quarto Ita quod cursus aque predictae multipliciter strictus est ad grave nocumentum totius commu-

Возстаніе на о-въ Или (insula de Ely) началось 15-го іюня. Вождями его были Ричардъ Лестеръ (Ricardus de Leicestre), довольно зажиточный купецъ изъ города Или, главный руководитель движенія ¹⁾,

nitatis Cant' ibidem navigant' cum navibus et Batellis... Item presentant quod quidam communis fossatus inter Prioratum de Bernewell ex una parte et quendam pasturam vocatam Greucroft ubi naves et batelli solebant navigare obstupatur per predictum Priorem de Bernewell cum Piles et Stakes Ita quod naves neque batelli ibi navigare non possunt ad grave nocumentum tocius communitatis ville Cant'". На первое обвиненіе приоръ отвѣчалъ, „quod ipse et predecessores sui haberent et habuerunt quoddam gardinum situm infra limites predictas quod est parcella dicti Prioratus de Bernwell a tempore quo non extat memoria fuit se extendens usque in ripam aque predictae et per metas in presentatione predicta contentas. Et quod aqua predicta est separalis piscaria ipsius Prioris spectans ad manerium suum de Chesterton infra metas illas et per totam aquam illam quo se extendit in longitudine a lacu voc' Nunneslake usque ad Crowershill quod est ex opposito de Cheynesdych“; разливы рѣки затопляли значительную часть сада, и приоръ „pro salvacione gardini sui predicti infra gardinum illud usque ripam riparie predictae per spacium longitudinis ripariae ejusdem aque infra limites predictas fines et margines gardini sui predicti retent' cum terra exaltavit et emendavit“, не нарушая ничьихъ правъ и не загородивъ рѣки. На второе обвиненіе приоръ отвѣчалъ, „quod fossatus predictus... est proprium et separale fossatum ipsius Prioris et conventus ejusdem Prioratus et factum fuit ab antiquo et a tempore quo non extat memoria in solo proprio et separali Prioratus predicti pro defensione et salvacione Prioratus predicti et gardinorum et clausorum ejusdem Prioratus ex parte occidentali illius Prioratus Et dicit quod tempore rumoris videlicet anno r. R. nunc quarto in regno Anglie exorti tam quidam malefactores et rebelles ville Cant' quam alii ignoti fossatum predictum et ripas ejusdem fossati fregerunt et in majori parte obstupaverunt in tantum quod fossatum illud gardina et clausa ipsius Prioris ibidem defendi seu salvari potuerunt set pro majori parte tam per rebelles predictos quam alio modo diruta fuerunt per quod idem Prior recenter fossatum illud reparari et emendari fecit prout antea fuit in defensionem gardini et clausorum Prioratus sui predicti Et in fossato illo pilas et stakes pro meliori salvacione et clausura ejusdem Prioratus gardini et claustrorum suorum predictorum in solo suo proprio et separali fixit et posuit prout antiquitus fieri consuevit absque hoc quod fossatum illud est seu unquam post tempus memorie fuit commune fossatum pro navibus et batellis in eodem navigandis prout superius presentatum est et hoc paratus est verificare per patriam etc“, *Record Office*. Coram Rege Roll, Hillary 7 Ric. II. Rot. XXII.

¹⁾ Присяжные показали, что „idem Ricardus fuit preceptor principalis et ductor ad omnia felonias sediciones et alia malefacta infra insulam tempore predicto perpetrata etc“. „Et sciendum est quod compertum est coram prefatis Justice' (Hugone la Zouche et sociis suis) quod idem Ricardus habet unam Shopam in le Bool-ne in Ely que valet per annum ultra repris' X s'. Et catalla ad valenciam IXC marcarum que idem Radulfus (atte Wyk Escdom Regis) statim seisivit etc.“, *Record. Office*. Ch. H. Pl. 89. Cantabr'. Plač etc 5 Ric. II. Ro. X. Juxta insulam de Ely.

неизмѣнный спутникъ его Джонъ Бэкъ (Buk)¹⁾, Адамъ Климмъ (Clumpe), знакомый намъ предводитель отряда сэффольскихъ инсургентовъ Робертъ Тэпелль (Tapell) и капелланъ Джонъ Майкель (Michel). По словамъ присяжныхъ, капелланъ Джонъ Майкель ушелъ съ о-ва Или въ Сэффолькъ, въ отрядъ капеллана Джона Роу и сдѣлался тамъ однимъ изъ помощниковъ Роу, затѣмъ возвратился на о-въ Или и сталъ призывать жителей его къ возстанію²⁾.

Въ субботу, 15-го іюня, Ричардъ Лестеръ, собравъ большую толпу народа) съ нимъ былъ и Джонъ Бэкъ), сталъ развѣзжать по городу Или и объявлять всѣмъ и каждому изъ жителей его безъ различія состояній, чтобы они возставали и шли съ нимъ истреблять измѣнниковъ, которыхъ онъ назоветъ имъ по указанію короля Ричарда и вѣрныхъ общинъ³⁾. Въ тотъ же день толпа съ Адамомъ Климмомъ во главѣ ворвалась въ домъ Томаса Somenour, захватила податные списки за зеленой печатью и другіе документы, исходившіе изъ королевской куріи („diversos rotulos exitus viride cere dom. Regis et Episcopi Eliensis ac alia munimenta Curiam dom. Regis tangencia“) и тутъ же сожгла ихъ⁴⁾. Въ Wrattung были сожжены протоколы куріи илійскаго пріора, а въ Balsham'ѣ, резиденціи епископовъ илійскихъ, деревнѣ,

¹⁾ „Item predicti jurat' dic' quod Johannes Buk de Ely fuit socius predicti Ricardi Leucestr' toto tempore insurrectionis et rumoris apud Ely ad omnia felonias prodiciones et malefacta perficiend' unde dictus Ricardus indictatus est“, *Ibid.*; у него оказалось движимости на 20 фунт. стерл.

²⁾ „item dicunt quad Johannes Michel capellanus exivit de insula Eliensi usque in comitivam Johannis Wraw capellani capitalis ductoris et devenit unus subductor insurgentium et revenit in insulam predictam scilicet apud Ely et ibidem existebat per IIj dies tempore perturbacionis et rumoris... et fecit proclamacionem etc.“, *Ibid.*, Ro. XI (in tergo).

³⁾ „Qui dicunt super sacramentum suum quod Ricardus de Leicestre de Ely die sabbati prox. post festum corp. Xpi: a^o dom. Regis nunc quarto ex mera voluntate sua primo insurrexit congregando sibi Johannem Buk de Ely ac alios quam plures malefactores ignotos et ivit per totam villam de Ely precipiendo ut omnes homines cujuscumque status insurgerent et secum irent ad diversos proditores destruend' quos eis nominaret ex parte dom. Regis Ricardi et fidelis communitatis Et super hoc fecit diversas proclamaciones seditiose et in prejudicium dom. Regis per quod populus ejusdem ville de Ely et aliarum villatarum insule predictae multipliciter perturbatus fuerat et deterioratus“, *Ibid.*, Ro. X.

⁴⁾ *Ibid.*, Rot. X. Едва ли Somenour на указаніе Томаса, какъ чиновника епископской куріи: *somenour* или *sompnour*—summoner, „an officer who summons delinquents to appear in an ecclesiastical court“ (*Skeat, Piers the Plowman*, Third edition. Oxford. MDCCLXXXI, p. 203).

находившейся въ десяти миляхъ на востокъ отъ Кэمبرиджа ¹⁾, той же участи подверглись протоколы епископскихъ курій и другіе документы, хранившіеся въ помѣщеніи епископа ²⁾.

На слѣдующій день (воскресенье, 16-го іюня) Ричардъ Лестеръ съ Джономъ Бэкомъ и многими другими отправился въ Илійскій монастырь и здѣсь, взойдя на церковную кафедру, объявилъ всенародно отъ имени короля Ричарда и общины, чтобы всѣ шли расправляться съ измѣнниками подѣ страхомъ смерти и сожженія домовъ ³⁾.

Послѣ этого Адамъ Климмъ оповѣстиялъ по всему острову, что всѣ безъ исключенія юристы и чиновники должны быть обезглавлены ⁴⁾. Тотчасъ же дорога и мостъ, черезъ которое шло сообщеніе о-ва Иля съ окружающими его мѣстностями, были заняты вооруженнымъ отрядомъ съ Уильямомъ Комберомъ (Combere) во главѣ, который долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ слугъ короля и епископа илійскаго не могъ уйти невредимымъ; тогда же силы илійскихъ инсургентовъ увеличались прибытіемъ на островъ сэффолькцевъ подѣ предводительствомъ Роберта Тэнелла ⁵⁾.

¹⁾ *Mullinger*, p. 224, n. 3.

²⁾ Item eadem inquisicio die' quod Robertus Randesson de West Wrattynge die sabbati prox. post fest. corp. Xpi. a° IIIj rotulos Curie Prioris de Ely apud Wrattynge predictum cum aliis ignotis combussit. Et quod Robertus Howell et Ricardus Howell de Balsham dicto die sabbati a° supradicto clausum Episcopi Eliensis apud Balsham fregerunt et rotulos Curiarum suarum ac alia monumenta ibidem inventa felonice combusserunt etc., *Record Office*. Ch. H. Pl. 33. Cantabr' Plač etc 5 Ric. II. Ro. VI (in tergo).

³⁾ Item dicunt quod idem Ricardus die dominica sequenti precepit Johanni Shethere de Ely, Elie Glover, Johanni Dassh Skynnere, Johanni Tylneye Wryght et Johanni Reder' de Ely, Thome Litatere de Ely, Ricardo Swonn de Ely et Johanni Milnere de Ely ac pluribus aliis ibidem congregatis de communibus ut irent secum in monasterium de Ely ad standum secum dum in pulpito ejusdem monasterii publice ostenderet eis ac omnibus aliis negocia ex parte Regis Ricardi et communitatis versus proditores ac alios infideles agenda et hoc sub pena arcionis domorum suarum et decollacionis capitum suorum. Et sic idem Ricardus fuit notorius ductor et congregator felonice et in prejudicium corone dom. Regis omnia predicta impleuit*, *Ibid.*, Ro. X.

⁴⁾ Item quod idem Adam diebus dominica et lune prox. sequ. ibidem proclam' fecit ne aliquis homo de lege seu aliquod officium portans in jure exequend' evaderet sine decapitatione*, *Ibid.*, Ro. X (in tergo).

⁵⁾ Willelmus Combere per discrecionem Justic' suspensus est pro eo quod compertum est de eo quod ipse fuit auxilians abettans et fovens ad omnia prodiciones felonias ac malefacta tempore insurrectionis per predictum Adam, Robertum (sic) Leycestr' et Johannem Buk aliquo modo facta seu perpetrata proditorie

Въ понедѣльникъ (17-го іюня) Ричардъ Лестеръ присудилъ къ смерти мирового судью кэмбриджскаго графства Эдмонда де Уолсингэмъ. Въ городѣ Или въ присутствіи огромной толпы народа королевскій судья былъ обезглавленъ, и голова его была выставлена у позорнаго столба ¹⁾). Протоколъ сообщаетъ интересныя подробности объ этомъ случаѣ народнаго самосуда. Когда Уолсингэма вели на казнь, Джонъ Бэкъ бросился на него и оторвалъ прикрѣпленный къ его платью кошелекъ; въ кошелекѣ оказалось 42 пенса съ фарзингомъ; изъ этихъ денегъ онъ далъ нѣкоему Джону Деуе изъ Wunelyngham'a (принимавшему участіе и въ разгромѣ кэмбриджскаго университета), исполнявшему роль палача, одинъ шиллингъ „за трудъ“ („pro labore suo“). Попавъ впоследствии на скамью подсудимыхъ, Бэкъ показалъ, что онъ присутствовалъ при казни Уолсингэма, отправившись туда вмѣстѣ со многими другими по приказанію инсургентовъ; когда же судъ освѣдомился у него, по чьему приказанію онъ отнялъ у Уолсингэма кошелекъ съ деньгами, онъ отвѣчалъ, что по приказанію дьявола, какъ ему кажется („dixit quod credit ex precepto diaboli“). Какъ ни чистосердечна могла быть эта ссылка на врага рода человѣческаго, тѣмъ не менѣе судебная коммиссія не нашла въ ней юридической убѣдительности, и Джонъ Бэкъ заплатился головою за всѣ свои прегрѣшенія вольными и невольными, и имущество его цѣнностью въ 20 фунтовъ поступило въ королевское казначейство ²⁾).

et ex malicia custodivit calcetum et pontem de Stunteneye ne aliquis minister dom. Regis seu Episcopi ex(tra)insula transiret et ibidem introduxit Robertum Tanell Capitaneum insurr' de Com' Suffolk Qui multa felonias et latrocinias in insula predicta fecit per auxilium et abettiam predicti Willelmi. Et unde dictus Willelmus legitime convictus est. Catalla in Ely ad val' XVI s. IIIj d., *Ibid.*, Rot. X (in tergo).

¹⁾ „Et quod idem Ricardus dicto die lune apud Ely felonice adjudicavit Edmundum de Walsingham unum Justic(iarium) dom. Regis de pace in Com' Cant' ad mortem per quod idem Edmundus tunc felonice fuit decollatus et caput ejus super pillorium ibidem positum fuit et in perniciosum exemplum“, *Ibid.*, Ro. X.

²⁾ „Item predicti jurat' dic' quod Johannes Buk de Ely fuit socius predicti Ricardi Leycestr' toto tempore insurrectionis et rumoris apud Ely ad omnia felonias prodiciones et malefacta perficiend' unde dictus Ricardus indictatus est Et precipue quod idem Johannes ex malicia sua tempore quo Edmundus de Walsingham adjudicatus fuit ad mortem ad eum felonice accessit et quamdam bursum ipsius Edmundi cum quadraginta duobus denariis et obol' tunice ipsius attachiam felonice arripuit et in dictum Edmundum violenter insultum fecit tractando eum ad locum decollacionis sue et dictos denarios asportavit preter XII denar.

Въ тотъ же день была разбита тюрьма епископа илійскаго, и всѣ заключенные въ ней были отпущены на свободу ¹⁾; тогда же были сожжены книги епископа вмѣстѣ съ протоколами его куріи и другими документами ²⁾.

Во все время илійскаго возстанія Адамъ Климмъ развѣзжалъ по острову съ обнаженнымъ мечомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ въ другой, поднимая народъ и заставляя его слѣдовать за собою. и „измѣнически захвативъ такимъ образомъ королевскія права“ объявлялъ повсемѣстно, чтобы всѣ, какъ вилланы, такъ и свободные держатели, подъ страхомъ отсѣченія головы, перестали отбывать службы своимъ господамъ и поступали такъ, какъ онъ имъ сообщить отъ имени „большаго сообщества“ („ex parte magne societatis“) ³⁾.

quas inde dedit Johanni Deye de Wynelyngham qui ipsum Edmundum ibidem felonice decollavit pro labore ipsius Johannis“. На судъ онъ сказалъ, что онъ „venit cum multis aliis ad vidend' finem dicti Edmundi et audiend' causam mortis sue et non alio modo et hoc ex precepto diversorum dicte communitatis—Et ulterius quesitum est ab eo ex cujus precepto ibidem accessit et bursam cum pecunia predicta de dicto Edmundo in forma predicta arripuit qui dixit quod credit ex precepto diaboli... Ideo per discrecionem dictorum Iustic' tractus et suspensus est... habet bona et catalla ad val' XX lib que idem Radulfus statim seisivit“, *Ibid.*, Ro. X.

¹⁾ „Item dicunt quod idem Ricardus die lune prox. sequenti apud Ely ut principalis ductor et insurrector cum predictis supra nominatis pluribus aliis ignotis de societate sua felonice fregit prisonam dom. Episcopi Eliensis apud Ely et diversos felones ibidem imprisonatos felonice abduxit“, *Ibid.*, Ro. X; см. Ro. XI.

²⁾ Присяжные показали, что инсургенты съ Ричардомъ Лестеромъ и Джономъ Бакомъ „fregerunt prisonam dom. Thome Episcopi Eliensis et prisonas dom. Regis ibidem existentes abduxerunt et fuerunt causa arcionis librorum dicti dom. Episcopi ibidem...“ *Ibid.*, Ro. X (in tergo); по другому показанію присяжныхъ „die lune prox. post fest. corp. Xpi: a^o r R. Ric. sec. post conqu. quarto Thomas Lyncoln de Litleport, Thomas Jxuyng, Johannes atte Style, Thomas Crede, Willelmus Dancastr' Johannes Webester de Litleport et Willelmus Cartere de eadem cum pluribus aliis quorum nomina ignorant insurrexerunt contra pacem dom. Regis' et diversos rotulos Curie et alias evidencias dom. Thome Episcopi Eliensis apud Ely inventas felonice ceperunt et combusserunt“, *Ibid.*, Ro. XI.

³⁾ „Item quod idem Adam diebus et anno predictis tempore insurrectionis semper fuit vagans armatus armis discoopertis portans signum ad insurr' congregand' percipiens ne aliquis cujuscunque existens condicionis libere vel servillis intenderet domino suo ad aliqua servicia seu consuetudines faciend' sub pena decollacionis aliter quam eis informaret ex parte magne societatis. Et sic cepit super ipsum proditorie Regiam potestatem“. Климмъ былъ повѣшенъ, а движимость его стоимостью въ 82 шил. была конфискована въ пользу короля. *Ibid.*, Ro. X (in tergo).

Протоколы сообщаютъ намъ нѣкоторые свѣдѣнія о возстаніи жителей Сэт-

Во вторникъ, 18-го іюня, часть илійскихъ инсургентовъ съ Робертомъ Тэнелломъ вышла изъ предѣловъ острова и отправилась въ графство Гэнтингдонское, къ облатству Ramsey ¹⁾.

О возстаніи *въ графствѣ Гэнтингдонскомъ* (Huntingdonshire) мы имѣемъ скудные свѣдѣнія. Кромѣ только что приведеннаго извѣстія о походѣ илійцевъ съ Тэнелломъ къ Рамзею, укажемъ еще на другой фактъ въ томъ же родѣ: одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ Кэмбриджскомъ графствѣ Джонъ Кукъ (Cook) вмѣстѣ съ нѣкимъ Джономъ Гэнкиномъ (Hankyn) собрали толпы народа возлѣ Swasheth'a и Fen-drayton'a и повели ихъ въ Fenstanton въ Гэнтингдонскомъ графствѣ ²⁾. Извѣстна намъ и еще одна подробность. Жители города Гэнтингдона не только не приняли участія въ возстаніи, но даже оказали вооруженное сопротивленіе инсургентамъ, подступившимъ къ ихъ городу, и остановили ихъ дальнѣйшее движеніе; за это они получили благодарность отъ короля, который на пять лѣтъ уступилъ въ ихъ пользу все пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ городъ какъ водою, такъ и сушей; деньги эти должны были пойти на устройство мостовыхъ въ городѣ („in auxilium ville predictę paviandę“ ³⁾). Вождемъ возстанія

тона (Sutton), изъ предѣловъ того же острова Или. Въ воскресенье (16-го іюня) инокъ Томасъ Барръ (Barr') возсталъ въ Сэттонѣ и, собравъ большую толпу („cum magna potestate“) отправился къ дому Ричарда Walthesheff, сэттонскаго констабля (constabularii ville de Sutton), и потребовалъ, чтобы констабль принялъ участіе въ возстаніи, грозя, въ противномъ случаѣ, разрушить его дома („et illum precepit surgere cum eo vel prosterneret domos suas“); отсюда онъ отправился въ Merhall къ дому Джона Tedeler'a (имя его мы встрѣчаемъ въ спискѣ обвинительныхъ присяжныхъ) и сталъ разыскивать здѣсь Джона Whyte de Ely и уже знакомаго намъ Томаса Somenour'a съ намѣреніемъ убить ихъ, но принужденъ былъ ограничиться захватомъ лошади Томаса (*Ibid.*, Ro. X) (in tergo). Во вторникъ (18-го іюня) жители Сэттона были въ Уичэмѣ (Wychham) и грозили здѣсь смертью Уильяму Craunfeld'у „pro emendis ab eo obtinendis ubi nulla fuit transgressio“ (*Ibid.*, Ro. XI), а также въ Wynterwurth'ѣ, гдѣ являемъ въ усадьбу рэнничаго (sacriste de Ely). разыскивая владѣльца усадьбы (*Ibid.*, Ro. XI); съ ними былъ и капелланъ Джонъ Майкелъ. *Ibid.*, Ro. XI (in tergo).

¹⁾ *Ibid.*, Ro. XI.

²⁾ *Ibid.*, Ro. III (in tergo) и VI.

³⁾ „R. Ballivis et probis hominibus ville de Huntingdon salutem. Sciatis quod nos considerantes bonum et laudabilem gestum vestrum nobis et regno nostro in ultima insurreccione impensum insurrectoribus hujusmodi ibidem accedentibus et per medium dicti regni nostri discurrere volentibus fortiter et viriliter resistendo concessimus vobis in auxilium ville predictę paviandę quod a die feccionis precesencium usque ad finem quinque annorum proximo sequencium plenarie completorium capiatie in eadem villa de rebus venalibus ad dictam villam tam per terram

въ Гэнтингдонскомъ графствѣ *Парламентскіе Советки* называютъ Роберта Фиппа (Phippe)¹⁾.

Столь же скудными свѣдѣніями располагаемъ мы о возстаніи въ графствѣ *Нортгэмптонскомъ* (Northamptonshire). Мы знаемъ, что произошли безпорядки въ городѣ Нортгэмптонѣ, что движеніе здѣсь было направлено противъ мэра и другихъ городскихъ нотаблей (probos et legales homines), и что руководилъ возстаніемъ нѣкто Уильямъ Нэптонъ изъ того же города²⁾. Въ Питерборо (Peterborough) воз-

quam per aquam venientibus consuetudines subscriptas... Et ideo vobis mandamus quod consuetudines predictas usque ad finem dictorum quinque annorum capiatis et eas circa paviammentum ville predictae ponatis sicut predictum est. Completo autem termino dictorum quinque annorum dicte consuetudines penitus cessent et deleantur. In cuius rei etc per dictos quinque annos duratur' T. R. apud Westm' XVI die decembris", *Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 1.*

¹⁾ „Robert Phippe en la Countee de Huntynghon“, *Rot. Parl.*, т. III, р. 175. Попадному, въ связи съ общимъ возстаніемъ стоить упомянуть, о которомъ мы узнаемъ изъ судебныхъ протоколовъ и изъ королевскаго патента отъ 20-го ноября 5-го года царствования Ричарда II-го. Въ воскресенье, ближайшее послѣ праздника св. Мартина епископа (вѣроятно, 17-го ноября), клирикъ Джонъ Тэббъ (Iohannes Tubbe clericus), капелланъ Радульфъ Вернуинъ (Radulfus Vernoun capellanus), Джонъ Попъ (Pope), плотникъ Ричардъ Эстонъ, Ричардъ Долтонъ (Dolton), Уильямъ Sawler, клирикъ Адамъ Мартинъ (Adam Martyn clericus), Уильямъ Verdoun, Уильямъ Мартун, Николай Threshher, Уильямъ Tiltteer, Джонъ Berei и Генри Swon и другіе съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ дома пріора капитула св. Маріи въ Гэнтингдонѣ (Prioris ecclesie beate Marie de Huntynghon) въ Southelonetoft, избили пріора и каноника Уильяма Геммингфорда (Hemmyngford), а также слугъ пріора (pescnon homines et servientes ipsius Prioris) и унесли всякаго имущества на 200 фунтовъ (*Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 11, d.; Rec. Office. Ch. H. Pl. Hunt. Pl. de trangr. 5 Ric. II. 2 m.*).

²⁾ Присяжные показали, что „Willelmus Napton de North durante toto tempore detestabilis perturbacionis nuper facte per diversos homines insurgentes contra pacem dom. Regis et contra ligeanciam suam infra regnum Anglie fuit communis procurator et excitator plurium hominum de communitate ville North verbo arte et ingenio ad faciend' ipsos hostiliter insurgere contra majorem ville North qui tunc fuit et alios probos et legales homines dicte ville North et contra pacem dom. Regis ac postea fuit et ad huc est huiusmodi iniquus excitator in quantum potest unde magnum periculum posset evenire et pacis dom. Regis paturbacio“, *Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II, Ro. XXX, North'*. Проф. Ковалевскій приводитъ еще показаніе присяжныхъ о томъ, какъ „Iohannes Pekke de Siresham et Nicholaus Treusch apud Siresham felonice fregerunt domum Willelmi Turnour et cum gladiis, arcubus et sagittis fugaverunt et prosequerantur, ita quod propter metum mortis sue numquam postea audebat ad domum suam revenire“, *Cor. R. R. Michaelmas 5 Ric. II, North'*. „*Русская Мысль*“, 1895 г., июль, стр. 54, примѣч. **.

стали держателями мѣстнаго аббатства вмѣстѣ съ окрестными жителями съ намѣреніемъ разрушить монастырь, но были отражены во-время подоспѣвшимъ отрядомъ норичскаго епископа¹⁾.

Въ *графствѣ Дэрби* (Derbyshire) возставшіе, руководимые Томасомъ, сыномъ Годефрида Folicambe, и Джономъ Smith'омъ изъ Stapleure, напали на аббата Дэльскаго монастыря (de la Dale) Уилльяма волаѣ города Дэрби (apud Derby), избили его и его слугъ (homines et sergientes suos), и онъ въ страхѣ за свою жизнь бѣжалъ²⁾.

Въ *Линкольнширѣ* (Lincolnshire) возстаніе носило, повидимому, тотъ же характеръ, что и въ другихъ графствахъ. Между прочимъ держатели (homines et tenentes) ордена госпитальеровъ въ предѣлахъ этого графства отказались отбывать повинности (consuetudines et servicia), связанныя съ ихъ держаніями (pro tenuris suis), стали собираться толпами и грозить вооруженнымъ сопротивленіемъ управителямъ и ихъ слугамъ, если они вздумаютъ когда либо опять принуждать ихъ работать на орденъ³⁾.

О томъ, что происходило въ *Лестерскомъ графствѣ* (Leicester-

¹⁾ „Similiter apud Peterburgh compatriotae et tenentes Abbatis ejusdem sur-rexerunt contra eandem donum scilicet Abbathiam, et eam exterminare cupiebant atque proposuerunt, quod et irremediabiliter fecissent nisi Deus manum resiatricem eis inopinate immisisset. Nam auxilium eorum a Domino Henrico le Spenser Episcopo Northwycensi divina mediante superna clementia, Qui cum forti manu armata supervenit ipsosque malefactores ab incepto proposito perturbavit, et ipsosque persecutus turbam eorum dispersit, et eis reddens prout meruerunt, scilicet aliis mortem, aliis carcerem et vincula, nemini parcens...“ *Knighton, Lib. V, col. 2638.*

²⁾ *Rec. Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 7 d.*

³⁾ „Sciatis quod cum ut accepimus homines et tenentes hospitalis S. Iohannis Ierusalem in Anglia in Com' predicto consuetudines et servicia pro tenuris suis et alio modo fratribus Custodibus sive Gubernatoribus ejusdem hospitalis et possessionum ejusdem debita facere contradicant et se ab eisdem retrahant jam de novo et congregaciones et conventicula ad resistendum eisdem fratribus Custodibus et Gubernatoribus et ministris suis in hac parte ne hujusmodi consuetudines et servicia more solito fac' ut debebunt facere intendunt et se parant“, *Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 80 d.* (отъ 7-го августа); см. еще королевскіи патентъ, назначающій въ Линкольнширѣ судебную комиссію съ Джономъ de Moubraу, графомъ Nothungham'омъ, во главѣ для разслѣдованія дѣлъ о возставшихъ (*Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 31 d.*), а также (*Close Roll 5 Ric. II, m. 40 (Rec. Office)*), отправленный custodibus pacis et iustic' многихъ графствъ и въ томъ числѣ Линкольнскаго, и еще *Rec. Office Patent Roll 5 Ric. II. P. 2, m. 12*, прощающій Hugoni de Garwell de Lincoln omnimodas pradiciones и folonia, совершенныя отъ 1-го мая по 1-е ноября 1361 г.

shire), нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ намъ Найтонъ. Какъ-то вечеромъ въ городъ Лестеръ явился какой-то человекъ и сообщилъ мѣру, что отрядъ инсургентовъ изъ Лондона приближается къ городу, что сейчасъ онъ у Гарборо (Harborough), а завтра въ первомъ часу дня онъ будетъ здѣсь, чтобы разрушить и разграбить дворецъ герцога Ланкастерскаго. Извѣстіе это привело мѣра въ немалое смущеніе и страхъ; онъ не зналъ, какъ ему поступить: оказать ли инсургентамъ вооруженное сопротивленіе, или же открыть имъ ворота, чтобы не подвергать себя и города риску пораженія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ послѣдствій; но второй выходъ еще тѣмъ былъ неудобенъ, что могъ навлечь на него обвиненіе въ соучастіи съ возставшими. Не будучи въ состояніи самъ справиться съ этой дилеммой, мѣръ созвалъ городскихъ нотаблей („convocavit vicinos suos juratos et alios religiores“), и они рѣшили сдѣлать въ эту же ночь отъ имени короля оповѣщеніе, чтобы всѣ жители города, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ хозяева, такъ и слуги (tam magistri quam servientes), вооружившись, кто чѣмъ можетъ, подъ страхомъ наказанія, завтра рано утромъ отправлялись на холмъ Голтергиллъ (Galtrehill), что возлѣ города, чтобы дать отпоръ врагамъ. Оповѣщеніе было сдѣлано у высокаго креста (ad altam crucem villae) и у четырехъ воротъ города, и раннимъ утромъ около 1.200 человекъ (tam de bonis et aliis) вооруженные явились къ указанному мѣсту. Но пустить въ ходъ свое оружіе имъ не пришлось: непріятель не показывался. И на слѣдующій день горожане собрались на Голтерголлъ и даже разослали во всѣ стороны развѣдчиковъ, но ни непріятель не появлялся, ни развѣдчики не возвращались („nec erat aliquis eorum qui rediret. nunciate eis sive bonum sive malum“), оставляя ополченіе въ великой тревогѣ.

Между тѣмъ въ городъ прибылъ изъ Лондона хранитель гардероба (custos gardropiae) герцога Ланкастерскаго. Онъ тоже боялся прихода въ Лестеръ инсургентовъ и хотѣлъ спасти имущество герцога, находившееся въ его лестерскомъ замкѣ. Съ этой цѣлью онъ поспѣшно нагрузилъ нѣсколько попозокъ добромъ герцога, найденнымъ въ замкѣ, и велѣлъ отвезти его въ лестерское аббатство на сохраненіе. Каково же было изумленіе и, вѣроятно, негодованіе вѣрнаго слуги герцога, когда аббатъ рѣшительно заявлялъ, что вещей герцога онъ не приметъ ни въ какомъ случаѣ: поступить иначе значило бы подвергнуть монастырь опасности неминуемой гибели, такъ какъ общины ненавидятъ герцога Ланкастерскаго больше всѣхъ осталь-

ныхъ смертныхъ, и, попадись онъ имъ въ руки, ему бы не сдобровать ¹⁾. Повозки принуждены были повернуть обратно ²⁾.

Дождались ли лестерцы прихода инсургентовъ, или же непосредственно перешли къ повседневнымъ занятіямъ мирной жизни, лестерскій каноникъ ничего намъ объ этомъ не говоритъ. Впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что тревога оказалась напрасною, иначе лѣтописецъ не приминулъ бы сообщить намъ всѣ черныя подробности борьбы. Ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что слухъ о приближеніи лондонскихъ инсургентовъ былъ пущенъ съ цѣлью поднять низшіе классы городского населенія; подобные факты намъ уже встрѣчались при изученіи возстанія въ другихъ мѣстностяхъ.

Возстаніе въ Йоркширѣ.

О возстаніи въ *Йоркширѣ* (Yorkshire) намъ извѣстно только то, что происходило въ городахъ Йоркѣ, Скарборо (Scarborough) и Беверли (Beverley).

Беспорядки въ Йоркѣ начались задолго до общаго возстанія, чуть не за годъ. До слуха короля, лордовъ и общинъ, засѣдавшихъ въ парламентѣ въ Нортгэмптонѣ (съ 1-го ноября четвертаго года) (томъ самомъ, который разрѣшилъ поголовный налогъ), дошла слѣдующая вѣсть. Въ понедѣльникъ, ближайшій послѣ праздника св. Екатерины (27-го ноября), нѣкоторые изъ жителей Йорка вступили между собою въ соглашеніе (*pag fauche confederacie et alliance entre eux faite*) и, присвоивъ себѣ королевскія права (*astrochant a eux Roiale poair*), возстали и изгнали изъ города своего мэра Джона de Gysburgh. Послѣ этого они отправились къ гилдголлу, при помощи топоровъ и другихъ орудій выломали здѣсь окна и двери, проникли въ зданіе и заставили Симона де Куиксли (*de Quixli*) принести имъ присягу въ качествѣ новозбраннаго мэра. Симонъ принужденъ былъ сдѣлать это противъ своей воли и воли городскихъ нотаблей (*bonnes gentz de la dite Citee*), которые съ своей стороны должны были подъ страхомъ

¹⁾ „Cumque ibidem venissent die martis sequentis circa meridiem, Abbas nimio terrore percussus, sicut et caeteri regni, non audebat ea hospicio recipere, ne forte hujusmodi rei occasione tota abbathia detrimentum intolerabile exterminii pateretur, quia idem Communes pacificum ducem Lancastriae super omnes mortales in illo confictu magis exosum habebant, et si ipsum invenissent absque mora ab eis periclitaretur“, *Knighton*, Lib. V, col. 2641.

²⁾ *Knighton*, lib. V, col. 2639—2640.

смерти принести присягу новому мэру. Затѣмъ возставшіе издали цѣлый рядъ новыхъ постановленій „противъ закона и добрыхъ обычаевъ города“ („a contraire de la Loi et les bones Custumes de la dite Citee“) и между ними слѣдующее: какъ только на мосту раздастся звонъ колокола, будь то днемъ или ночью, всѣ горожане должны подниматься¹⁾. И много другихъ ужасныхъ дѣяній („et plusieurs horribles faitz“) совершаютъ они изо дня въ день на погибель этого города и угрожая великой опасностью всему королевству, если быстро не будутъ приняты рѣшительныя мѣры для наказанія ихъ и въ назиданіе всѣмъ другимъ лихимъ людямъ въ королевствѣ.

Король, по соглашенію съ лордами и общинами, постановилъ для разслѣдованія этого дѣла немедленно послать въ Йоркъ графа Нортгемберленда (Northumberland) вмѣстѣ съ другими сеньерами, рыцарями и эсквайрами; они должны были прислать въ королевскій совѣтъ списокъ лицъ, которыя будутъ найдены виновными, и вмѣстѣ съ нимъ двадцать четыре самыхъ главныхъ совѣтника и ковоода. Симону де Куиксли долженъ былъ быть посланъ королевскій приказъ немедленно же сложить съ себя санъ и въ назначенный день явиться для отвѣта къ королю и его совѣту; два другіе приказа должны быть отправлены: одинъ—Джону де Gysbourn (sic), чтобы онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей мэра, избраннаго законнымъ порядкомъ, другой—бэйлифамъ, bones gentz и всей общинѣ города Йорка, чтобы они, подъ страхомъ конфискаціи имущества, повиновались Джону, своему мэру, какъ лицу, представляющему въ городѣ особу короля (come a celui q represent l'estat ſire Sf le Roy en le dite Citee); этотъ послѣдній приказъ долженъ былъ быть оповѣщенъ по всему городу, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ²⁾. Чѣмъ кончилось это дѣло, мы не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній; вѣроятно, порядокъ былъ восстановленъ.

Въ моментъ общаго возстанія мэромъ въ Йоркѣ мы застаемъ Симона де-Куиксли. О возстаніи въ Йоркѣ намъ извѣстны только два факта, не смотря на то, что парламентъ даровалъ Йорку амнистію за огромную по тому времени сумму — тысячу фунтовъ³⁾. Собрав-

¹⁾ „Et fesoient un novell Ordeinance, q a quele heure q les cloches sur le Pount fuissent sonex aukeward, si tn de jour come de nuyt, q touz les Coës de la dite Citee leverent touz ensemble“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 96.

²⁾ *Rot. Parl.*, v. III, pp. 96—97.

³⁾ *Ibid.*, p.p. 135—136.

шись огромными толпами (*in excessivis numeris congregati*), Йоркские горожане между прочим разрушили стѣны и ворота госпиталя св. Леонарда, а также стѣну, окружавшую помѣщеніе братьевъ-проповѣдниковъ ¹⁾. Городскія власти принимали дѣятельное участіе въ возстаніи (если только онѣ не были его инициаторами). Толпа съ мэромъ и бэйлифами во главѣ схватила пятерыхъ состоятельныхъ горожанъ, посадила ихъ въ тюрьму и не выпускала до тѣхъ поръ, пока они подъ страхомъ смерти не внесли въ гилдхолъ большихъ суммъ денегъ и не выдали обязательствъ, тоже на крупныя суммы, что не будутъ вчинять никакихъ исковъ по поводу всего случившагося ²⁾.

¹⁾ Въ письмѣ своемъ къ Йоркскому мэру Симону de Quixley и бэйлифамъ отъ 3-го марта 5-го года король говоритъ: „Sciatis quod cum in quodam rumore populari in Civitate nostra predicta noviter facto quidam malefactores in excessivis numeris congregati ex eorum propria stulticia inter alia dampna per ipsos perpetrata quedam clausa muros et portas hospitalis Sancti Leonardi Ebor' ac Cantarie nostre prope castrum nostrum Ebor' que de fundacione progenitorum nostrorum et nostro patronatu existunt ac eciam quendam murum infra habitacionem domus fratrum Predicatorum Ebor' vi et armis prout certitudinaliter intelleximus fregerunt et prostraverunt“, *Record Office*. Patent Roll 5 Ric. II, p. 2, m. 29d.

²⁾ Въ письмѣ своемъ отъ 28-го января 5-го года, отправленномъ Simoni de Quixley majori Ricardo Stanton Iohanni Thorneton et Iohanni Emlay Camerâr' Gildhalle Civitatis nostre Ebor', король говоритъ: „Quia per Willelmum Tykhill de Ebor' Ricardum del See Iohannem de Eston Willelmum Belle et Rogerum de Burton de Ebor' per petitionem suam nobis et consilio nostro exhibitam nobis est graviter inquirendo monstratum quod cum ipsi nuper tempore insurreccionis diabolice per quosdam rebelles nostros Com' Kanc' et Essex facte per te prefate major et alios vi et armis capti et prisonis in civitate predicto mancipati et in eisdem quousque quilibet eorum quammagnas pecuniarum summas camere Gildehalle vestre pro salvacione vite sue ac deliberacione sua in hac parte habend' persolvissent detenti fuerunt unde nobis est supplicatum de remedio in hac parte providere“, *Record Office*. Close Roll 5 Ric. II. m. 25. Въ письмѣ короля къ Simoni de Quixley majori ac Willelmo Ageland' Willelmo Pounfreyt et Willelmo Goldyng nuper Ballivia Civitatis nostre Ebor' отъ словъ „Quia“ до „facte“ текстъ тождественъ съ текстомъ перваго письма; послѣ „facte“ вмѣсто словъ „per te prefate major et alios“ стоитъ „per vos absque causa rationabili“, послѣ чего текстъ опять тождественъ съ текстомъ перваго письма до „detenti fuerunt“ включительно; непосредственно за этими словами читаемъ: „et insuper vos ipsos (вы ихъ) et quemlibet eorum diversa scripta obligatoria diversas pecuniarum summas continentia facere et per statuta mercatoria recognoscere se debere certis hominibus ejusdem Civitatis diversas pecuniarum summas sub hac condicione quod ipsi nunquam vos vel aliquem alium dicte Civitatis ex hac causa impetirent nec in aliquo molestarti facerent et eadem scripta et statuta vobis liberare per minas decollacionis et

Въ Скарборо горожане соединились съ жителями сосѣднихъ мѣстностей, разграбили и разрушили дома нѣкоторыхъ лицъ въ городѣ, другихъ заставили силою присоединиться къ ихъ сообществу, смѣняли должностныхъ лицъ и избрали новыхъ. Возставшіе вступили во владѣніе расположенными въ городѣ землями Агисы де Уэкфилдъ (Wakefield), сестры епископа уоррикскаго (Warrick). Многие изъ нихъ носили особья бѣлыя шапки съ красными нашивками ¹⁾.

metum mortis compulsi unde nobis est supplicatum etc^a, *Ibid.* (подъ однимъ заголовкомъ). У насъ есть еще протоколъ о нападѣніи на Йоркъ вооруженныхъ людей въ понедѣльникъ, 1-го юля 5-го года. Присяжные показали, что Джонъ de Gisburn, Роджеръ de Moreton de Ebor' junior и Джонъ de Easton явились въ понедѣльникъ послѣ праздника Петра и Павла въ Йоркъ „more guerrino et potentia armata et arraiati cum lorice palettis ferreis et aliis diversis armaturis et apud Bouthom' in suburbio Ebor' in Willelmum de Horneby, Thomam de Sauton, Adam de Wyghale, Iohannem de Stadeley et alios de populo domini Regis ejusdem civitatis ibidem insultum facerent et eis ibidem minas fecerunt ad mahemiandum et interficiendum si eis aliquo modo obviare poterunt et sic extunc civitatem Ebor' supradictam extra Bouthumbare in suburbio supradicto die et anno supradictis vi et potentia armata obsederunt et dictos Willelmum de Horneby, Thomam de Sauton, Adam et Iohannem ibidem insidiaverunt et arriati ac alios de populo domini Regis dicte Civitatis consimiliter ad interficiendum et mehemiandum et sic equitaverunt armati et adhuc equitant et vadunt armati in perturbacionem pacis dom. Regis et tocius populi sui^a, *Record Office, Cor. Rege Roll Michaelmas 5 Ric. II. m. XXXV. Ebor'.*

¹⁾ Въ письмѣ своемъ отъ 19-го августа 5-го года къ герцогу Ланкастерскому и еще пятерымъ лицамъ король, назначая ихъ членами судебной коммисіи для разслѣдованія беспорядковъ въ Скарборо, говоритъ: „Sciatis quod cum ut accepimus in turbacione nuper facta per quosdam de communitate regni nostri Anglie quamplures malefactores et pacis nostre perturbatores ville de Scardeburgh et aliunde in partibus vicinis se interligarunt et levaverunt ibidem in conventiculis et congregationibus illicitis roberias depredaciones domorum prostraciones et alia mala et incommoda quamplurima palam et notorie perpetrando et alios fideles nostros ad consimilia vel pejora mala pro posse suo faciend' excitando ac quandam liberatam de unica secta capiciorum alborum cum liripliis rubiis ut unusquisque eorum altius factum in hac parte sustineret et manuteneret liberando et exercendo contra formam statuti in hujusmodi casu provisi in nostrum contemptum et maximum vituperium et populi nostri turbacionem et commocionem et contra pacem nostram“, *Record Office, Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 27d.* Въ письмѣ короля къ бѣлиффамъ города Скарборо читаемъ: „Ex gravi querela Alicie de Wakefeld sororis venerabilis patris nostri Henrici Episcopi Wigorn' accepimus quod quamplures malefactores ipsam de certis terris et redditibus in villa predicta in quorum possessione ipsa diu extitit pacifice et quiete per vim illicitam et auxilium furientis populi in villa predicta contra nos et ligeancie sue debitum jam noviter insurgentis injuriose disseisiri et amoveri fecerunt et pro-

О беспорядкахъ въ г. Беверли намъ извѣстно слѣдующее. Во вторникъ послѣ праздника св. Іоанна Беверлаккаго, въ маѣ мѣсяцѣ 1381 года Адамъ Coppendale, Стефанъ Coppendale и еще двѣнадцать купцовъ и промышленниковъ города вмѣстѣ съ другими отправились въ залу общихъ собраній гильдіи блаженнаго Іоанна Беверлаккаго въ Уокергэтъ (apud communam aulam gilde beati Iohannis Beverlaci Walkergate) и захватили здѣсь двадцать фунтовъ деньгами, общую печать общины г. Беверли и различныя грамоты и иные документы общины цѣнностью въ 100 фунтовъ ¹⁾.

Во время общаго возстанія нѣкоторые изъ жителей города Беверли, „забывъ о своемъ благосостояніи“ (sue prosperitatis immemores) ²⁾, вступили въ заговоръ и возстали противъ именитыхъ и состоятельныхъ горожанъ (probiores et magis sufficientes Burgenses ejusdem ville), привлекая на свою сторону городскую массу (mediocres et mi-

curarunt teu' et redditibus illis per prefatos disseisitores hucusque injuste occupatis in ipsius Alicie dampnum non modicum et exheredacionem manifestam unde nobis supplicavit sibi de remedio congruo in hac parte providere"...“ *Rec. Office.* Close Roll 5 Ric. II. m. 38. Письмомъ отъ 10-го іюля 5-го года король назначаетъ Генри Перси, графа Нортэмберленда, и другихъ лицъ членами комиссін для водворенія порядка въ г. Скарборо и между прочимъ „ad quoscumque ministros nostros ibidem si qui ab officiis suis per hujusmodi malefactores in presente insurreccione ammoti fuerit ad officia sua predicta per consensum et avisamentum proborum hominum ejusdem ville restituendi' et alios in eisdem officiis per prefatos malefactores constitutos ab eisdem penitus amovendi..." *Record Office,* Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31d.

¹⁾ Inquisitio capta apud Beverlaci die veneris prox. post festum S. Iohannis Beverlaci a^o r. R. Ric. secundi post conqu. Anglie quarto coram Iohanne Bygot Chivaler et sociis suis Justic' dom. Regis de pace conservanda infra libertatem Archiepiscopi Ebor' de Beverlaco per sacramentum (слѣдуютъ имена присяжныхъ) jur' qui dicunt super sacram. suum quod Adam Coppendale senior, Stephanus Coppendale, Thomas Jolyf, Thomas Geruays, Iohannes Geruays vinter, Iohannes Geruays aurifaber, Walterus Walthew, Willelmus Chaumbleyn, Willelmus Dodehill, Petrus de Catwyk, Rogerus de Wynkton, Iohannes de Ake Draper et Iohannes Swanne et Iohannes de Carlton junior felonice et furtive die martis prox. post fest. S. Iohannis Beverlaci in mense maii a^o supradicto venerunt cum aliis malefactoribus contra pacem dom. Regis apud communem aulam gilde beati Iohannis Beverlaci Walkergate et ibidem felonice furati fuerunt viginti libras in pecunia numerata et unum commune sigillum communitatis Beverlaci et diversa cartas et monumenta in saculis posita dicte communitatis ad valenciam centum libr"... *Rec. Office.* Cor. R. Roll, Easter 5 Ric. II. Ro. XXV.

²⁾ Close Roll 5 Ric. II. m. 19, напечатана. въ *Rot. Parl.*, v. III. Appendix, p. 393. a.

nus sufficientes homines de communitate ville illius)¹⁾. „Присвоивъ себѣ королевскія права“ (assumentes taliter super se regiam potestatem), они путемъ угрозъ и заключеній въ тюрьму и „иными бессмысленными и неслыханными способами“ заставили именитыхъ горожанъ выдать олдермэну Ричарду Мидделтону и казначеямъ Томасу Уайту Тайлеру и Генри де Ньююоркъ письменныя обязательства на большія суммы денегъ въ томъ, что они явятся на судъ къ этимъ лицамъ (de stando arbitrio sive iudicio earumdem personarum)²⁾. Среди пострадавшихъ probiores et magis sufficientes Burgenses мы встрѣчаемъ десятерыхъ виновниковъ майскихъ беспорядковъ³⁾.

¹⁾ „Ad nostrum iam noviter pervenit auditum quod quidam malefactores ville predictae et pacis nostre perturbatores invicem confederati et conspirantes probiores et magis sufficientes Burgenses ejusdem ville absque causa opprimere et voluntarie pergravare contra pacem nostram surrexerunt et ut alii facinorum suorum fiant participes mediocres et minus sufficientes homines de communitate ville illius adversus probiores et magis sufficientes Burgenses predictos manu forti insurgere excitaverunt...“, *Record Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 84. d.*

²⁾ „et quosdam dictorum probiorum et magis sufficientium Burgensium per minarum asperitatem alios vera per corporum suorum incarcerationem et alios vias et modos irrationabiles et inauditos ad se in quammagnis pecuniarum summis divisim certis personis de stando arbitrio sive iudicio earumdem personarum obligand' et literas obligatorias inde faciend' compullerunt assumentes taliter super ipsos regiam potestatem unde ex parte probiorum burgensium predictorum et in speciali pro parte Ade Coppendale Thome de Beverle Thome Geruas Stephani Coppendale Willelmi Dodehill Johannis Geruas merchand' Pauli de Butteby Johannis Ake merchand' Thome Mauby Walteri Walthewe Johannis Geruas Goldsmyth Johannis de Carleton junioris Willelmi Tiler Willelmi Holym Petri Cattewyk Johannis Swan Ade Tondou Simonis Cartewryght Thome Catour Johannis de Pykeryng Flesshever Johannis Rygton Johannis de Herwome Ricardi Tirwhyte Willelmi lesset et Willelmi Cooke Burgensium ville predictae nobis est humiliter supplicatum ut cum ipsi verisimiliter timeant durante malicia predictorum malefactorum et aliorum mediocrum hominum ville predictae sibi adherencium summas predictas ab ipsis per processum legis mercatorie et aliis quesitis coloribus exigi et ipsos taliter dispendium et jacturam intolerabilia incurrere posse in depressionem finalem status sui, velimus premissis consideratis pro ipsorum indempnitate de benignitate regia graciosius providere...“, *Ibid.*; „Et insuper Adam Coppendale, Thomam de Beverley, Johannem Gerveys, Willelmum Dudhill, et alios probos homines ejusdem Ville diversa scripta obligatoria, quammagnas summas continentia, Ricardo de Middelton nuper Aldermanno, ac Thome White Tylere, et Henrico de Newark nuper Camerar' Ville predictae, ad certum terminum sub certis forma et conditione solvendas per hujusmodi vim, minas, et metum mortis facere et liberare compulerunt...“, *Close Roll 5 Ric. II. m. 19, напечатанн. въ Rot. Parl., v. III, Appendix, p. 393 a.*

³⁾ См. подчеркнутыя мною имена въ *Close Roll 5 Ric. II. m. 84 d (Rec. Of-*

Остается сказать нѣсколько словъ о движеніи въ юго-западныхъ графствахъ.

Въ *Сомерсетширѣ* (Somersetshire) руководителемъ возстанія былъ капелланъ Николай Фромптонъ (Frompton). Особенно серьезный характеръ движеніе носило въ городѣ Бриджуотерѣ (Bridgewater), какъ видно изъ того, что на жителей его не была распространена общая амнистія, дарованная королемъ участникамъ возстанія въ парламентѣ, собравшемся послѣ возстанія¹⁾. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ, что же именно происходило въ Бриджуотерѣ, кромѣ того, что толпа съ Фромптономъ во главѣ напала на домъ госпитальеровъ, произвела здѣсь грабежъ и захватила завѣдующаго домомъ, который получилъ свободу только послѣ того, какъ возвратилъ жителямъ Бриджуотера выданное ими ему обязательство и уступилъ въ пользу приходской церкви въ городѣ всѣ тѣ *jugia et proficua*, которыми пользовался здѣсь орденъ²⁾. Въ Сиденгэмѣ инсургенты нападаютъ на жилища феодальныхъ владѣльцевъ и королевскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ сборомъ налоговъ, и передаютъ сожженію всѣ документы и въ томъ числѣ свитки за королевскою печатью³⁾. „Разгромъ тюрьмы въ Ленгсбютонѣ и саморасправа съ преступниками, головы которыхъ сажаются на пики, заканчиваютъ рядъ преступленій, произведенныхъ бандою подъ предводительствомъ уже упомянутого нами каплана“⁴⁾.

О возстаніи въ *Беркширѣ* (Berkshire) намъ мало извѣстно. Кромѣ нѣсколькихъ именъ инсургентовъ изъ Абингдона⁵⁾, документы со-

See). Обо всей этой исторіи см. еще *Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 3. Close Roll 5 Ric. II. m. 1* (среди виновниковъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Беверли во время общаго возстанія, названы три *bochers'* (мясники), *hosiare* (вязальщикъ), *pelliparius* (мѣховщикъ ?), *cordwaner* (башмачникъ), *skynner* (скорнякъ), *barkere* (луильщикъ), *tylere* (кровельщикъ), *chaundeler* (саѣчникъ), *Close Roll 5 Ric. II. m. 10, 11 и 15; Rot. Parl., v. III, p. 135.*

¹⁾ *Rot. Parl., v. III, p. 108.*

²⁾ *М. Кооалескій*, Англійская Пугачевщина, „Русская Мысль“, 1895 г., июль, стр. 54.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 54—55; см. еще *Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31. d* (*Record Office*), въ которомъ король приказываетъ мэру и шерифамъ Мидделсекса и Сомерсета размякнуть, арестовать и посадить въ тюрьму *Nich. Frompton Capellan, Джона Blake Scryveyn и Томаса Ingelby de Bruggewater*, которые были *indictati de diversis felonis et insurreccionibus*.

⁵⁾ *Rec. Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 33 d.*

общають намъ слѣдующій фактъ. Король Эдуардъ III назначилъ на приходъ въ Cleobury (ad prebendam de Cleobury in ecclesia beate Marie Sarum) нѣкоего клирика Уильяма Солсбери (Salesbery). Нѣкто Давидъ Колуилъ (Coluyle), тоже клирикъ, запасшись документомъ отъ папскаго двора (colore cuiusdam provisionis sibi per sedem apostolicam pureg facte), завладѣлъ этимъ приходомъ и заставилъ Солсбери удалиться. Объ этомъ узнали въ столицѣ, и король приказалъ посадить папскаго ставленника въ тюрьму Маршалса. И вотъ, когда вспыхнуло общее возстаніе, Давидъ разбилъ тюремные запоры и съ большой толпою вооруженныхъ людей отправился въ Cleobury и насильственно вторично завладѣлъ приходомъ, изгнавъ оттуда Уильяма ¹⁾).

Возстаніе въ *Гэмпширѣ* (Hampshire, Hants) засвидѣтельствовано парламентскими протоколами, въ которыхъ приведенъ списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ волненіяхъ въ Уинчестерѣ и не получившихъ амнистіи ²⁾).

Простымъ констатированіемъ факта приходится ограничиться, говоря и о возстаніи въ *Дорсетширѣ* (Dorsetshire) ³⁾, въ *Уилтширѣ* (Wiltshire) ⁴⁾, а также въ *Оксфордскомъ графствѣ* (Oxfordshire) ⁵⁾.

Повидимому, въ той или въ другой формѣ взрывъ въ центрѣ отразился во всѣхъ безъ исключенія графствахъ Англии, какъ можно заключить изъ того, что приказъ принимать мѣры противъ инсургентовъ былъ отправленъ во всѣ графства ⁶⁾).

Подавленіе возстанія.

Мы оставили Лондонъ въ тотъ моментъ, когда на зовъ короля въ столицѣ собралось большое войско, въ глэдголгѣ засѣдала судебная коммиссія подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра и творила судъ и расправу надъ понавшими въ руки правительства участниками воз-

¹⁾ *Record Office*. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 81 d.

²⁾ *Rot. Parl.*, v. III, p. 112. Въ *Eulogium*, v. III, p. 354 читаемъ: „In Northfolk, Southsex, et diocesi Wintoniensi homicidia multa facta sunt“.

³⁾ *Rec. Office*. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 32 d.

⁴⁾ *Rec. Office*. Close Roll 5 Ric. II. m. 42; ср. *Rec. Office*. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 27 d. и *Cor. R. Roll* Easter 7 Ric. II. Ro. XIII. Wiltes'.

⁵⁾ *Rec. Off.* Pat. Roll 6 Ric. II. P. 1. m. 32 d.

⁶⁾ См. *Record Office*. Patent Roll 5 Ric. II. P. I. m. d. и *Pat. Roll* 5 Ric. II. P. 2 m. 22 d.

станія, и король разослалъ по графствамъ приказъ, чтобы мѣстное начальство и всѣ вѣрные подданные вооруженною рукою и иными путями оказывали сопротивленіе возставшимъ и приводили ихъ къ покорности, а также опровергали пущенный инсургентами въ народѣ слухъ, будто инициатива возстанія исходила отъ него, короля, будто бы давшего на него свое согласіе и приказъ.

Первые дни послѣ этого мы застаемъ короля попеременно то въ Лондонѣ, то въ Уолтэмѣ (Waltham, въ Гертфордскомъ графствѣ) во во главѣ рыцарскаго ополченія. Повидимому, для правительства еще не вполне былъ ясенъ планъ дѣйствій, и сосредоточившаяся въ его рукахъ сила первое время еще не находила примѣненія ¹⁾. Изъ этого состоянія рѣшительности его вывели извѣстія изъ Эссекса. Эссекскіе крестьяне, такъ довѣрчиво отнесшіеся къ обѣщаніямъ короля на Майнъ-Эндѣ и мирно удалившіеся изъ столицы, чтобы пользоваться полученной отъ короля свободой, увидѣли, что ихъ свободѣ грозитъ опасность, не смотря на всю несомнѣнность королевской грамоты; въ этомъ ихъ убѣждало поведение мѣстныхъ властей и мѣстнаго дворянства, опять почувствовавшихъ свою силу и окончательно воспрянувшихъ послѣ королевскаго приказа, нами упомянутаго. По словамъ лѣтописца, жители Эссекса опять стали подниматься и, собравшись въ деревнѣ Биллерикэй (Billerica) по соседству съ деревней Гэтфилдъ Певерель (Hatfield Peverel), „рѣшили или добиться свободы, или умереть, сражаясь за нее“ ²⁾. Прежде, однако, чѣмъ приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, они послали къ королю въ Уолтэмъ депутатовъ, чтобы въ ту или другую сторону разсѣять свои сомнѣнія, узнать вполне опредѣленно намѣренія короля; лѣтописецъ прибавляетъ, что имъ, кромѣ того, поручено было ходатайствовать передъ королемъ (по всей вѣроятности въ случаѣ благоприятнаго отвѣта короля на первый ихъ запросъ) объ освобожденіи эссекскихъ крестьянъ отъ обязательства являться во владѣльческія куріи въ иныхъ случаяхъ, кромѣ двухъ разъ въ годъ для провѣрки десятинъ свободнаго поручительства (ad visum franci-

¹⁾ „*Rec ergo interea modo Londoniis, modo ad Waltham, morabatur, cum turba plurima, cogitans quid agendum pro communi regni commodo et quiete*“, *Walsingham, H. A.*, II, p. 16.

²⁾ „...in Estsexia, rustici, recollecta nova multitudine, ad Billerica, quae est villa prope villam de Hatfeld Peverel, sic nuncupata, nimis fidentes suis viribus, propria decepti superbia, decreverunt, vel extorta libertate gaudere, vel pro eadem pugnando mori“, *Ibid.*, p. 17.

plegii)¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ короля окончательно разбилъ всѣ ихъ надежды на мирный исходъ дѣла и равнялся формальному объявленію войны. И война началась.

Вслѣдъ за крестьянскими депутатами въ Эссексъ былъ отправленъ отрядъ подъ начальствомъ Томаса Уудстока, графа Бэккингэма и Томаса Перси (брата графа Нортэмберлэнда); но, прежде, чѣмъ отрядъ этотъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ крестьяне стояли лагерь, окопавшись рвами, окруживъ себя частоколомъ и повозками, а съ одной стороны защищенные лѣсомъ, крестьяне уже были разбиты подоспѣвшими силами мѣстныхъ магнатовъ и разсѣялись по лѣсу. Королевскій отрядъ окружилъ лѣсъ и сталъ преслѣдовать бѣжавшихъ. Было убито пятьсотъ человекъ, остальные скрылись; въ видѣ добычи побѣдителямъ досталось восемьсотъ лошадей, служившихъ инсургентамъ для перевозки поклажи²⁾.

Это поражение не заставило эссекцевъ сложить оружіе. Ускользнувшіе изъ рукъ Уудстока и Перси крестьяне опять собрались и направились къ сѣверу. У стѣнъ г. Колчестера (Colchester) они стали путемъ просьбъ и угрозъ склонять къ возстанію жителей этого города, но потерпѣли неудачу и двинулись къ городу Сэббэри (Sudbury), чтобы здѣсь повторить свою попытку. Здѣсь на нихъ внезапно напалъ отрядъ Фицъ-Уолтера и Джона Гарлестона (Harleston), узнавшихъ о направленіи ихъ движенія, многихъ изъ нихъ перебилъ, а остальныхъ взялъ въ плѣнъ; часть плѣнныхъ начальники отряда отпустили на свободу, остальные были отправлены въ тюрьмы³⁾.

Приблизительно въ это же время было подавлено возстаніе въ графствѣ Норфолькскомъ, Кэмбриджскомъ и Нортгэмптонскомъ благодаря энергичнымъ мѣрамъ молодого норичскаго епископа Генри Спенсера (le Spenser). Находясь въ своемъ мэнорѣ Бэрли (Burlee) вблизи королевскаго замка Окэма (Ocham) и недалеко отъ Стэмфорта (Stamfort) (въ Лестерширѣ), Спенсеръ услышалъ, что въ Норфолькѣ происходятъ волненія, со свойственной ему пылкостью немедленно же на-

¹⁾ „Mittunt ergo ad regem, qui tunc ad Waltham morabatur, qui sciscitarentur ab eo, si cogitaret permittere eos praemissa libertate gaudere; et amplius peterent, ut essent in libertate pares dominis, et quod non essent cogendi ad curias, nisi tantummodo ad visum franciplegii bis in anno“, *Chron. Angliae*, p. 315.—*Wals.*, H. A., II, p. 18.

²⁾ *Chron. Angliae*, p. 316—H. A., II, 18—19.

³⁾ *Chron. Angliae*, p. 316—317—H. A., II, p. 19.

дѣлъ рыцарскіе доспѣхи и во главѣ небольшого отряда отправился на мѣсто дѣйствій. Смѣлость и энергія воинственнаго прелата ободрила всѣхъ, кого возстаніе загнало въ самыя потаенныя мѣста, и отрядъ его постепенно увеличивался представителями рыцарства тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ ¹⁾. Возлѣ Кэмбриджа у стѣнъ Бернузскаго монастыря Спенсеръ разсѣялъ кэмбриджскихъ инсургентовъ, которые, какъ мы видѣли, явились сюда, чтобы отнять у монастыря захваченное нѣкогда имъ ихъ общинное пастбище, и взяли съ пріора обязательство на крупную сумму денегъ, что онъ не будетъ вчинать иска объ убыткахъ. Нѣкоторые изъ инсургентовъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; часть плѣнныхъ получила отъ епископа свободу, давъ клятву, что впредь не будутъ участвовать въ подобныхъ дѣлахъ; остальные были заключены подѣ стражу ²⁾. Возлѣ Икклингэма (Icklingham, недалеко отъ г. Ньюмаркета) онъ встрѣтилъ депутацию, посланную Листеромъ къ королю за освободительной грамотой. Депутация эта, какъ мы уже знаемъ, состояла изъ инсургентовъ Сета, Трэнча и Кьюбита и двухъ плѣнныхъ рыцарей—Томаса Морли и Джона Brews'a. Рыцари немедленно же присоединились къ отряду епископа и выдали ему своихъ спутниковъ—конвойныхъ, которые и были безъ слѣдствія и суда казнены по его приказу въ Уаймондгэиѣ (Wymondham), предварительно получивъ отъ епископа на исповѣди разрѣшеніе отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній ³⁾. Прибывъ въ Норичъ, епископъ узналъ, что Листеръ съ огромными силами крестьянъ находится между Уолсэмъ-Маркетомъ (Walsham-market) и Джимингэмомъ (Gimingham). Въ Фелмингэмѣ (Felmingham), гдѣ у Листера былъ домъ, Спенсеру сообщили, что наканунѣ Листеръ былъ съ своимъ отрядомъ въ Сорпъ-Маркетъ (arud Thorp-market) и здѣсь сдѣлалъ оповѣщеніе, чтобы всѣ, кто желаетъ добра королевству и общинамъ (omnes qui uolent bonum regni et communitatis), слѣдовали за нимъ къ Уолсэму, гдѣ онъ намѣренъ оружіемъ защищать народъ отъ тиранніи епископа ⁴⁾, и за нимъ пошли всѣ способные носить оружіе изъ сосѣднихъ деревень. Спенсеръ поспѣшилъ къ

¹⁾ *Chr. Angliæ*, p. 306 и 307.

²⁾ *Capgrave, Liber de Illustribus Henricis*, p. 170; *Cajus*, p. 99; *Fuller*, p. 54.

³⁾ *Capgrave*, p. 171; ср. *Chron. Angliæ*, p. 306—307, гдѣ фактъ передавъ нѣсколько иначе: инсургенты были казнены тутъ же на мѣстѣ встрѣчи, а головы ихъ выставлены въ Ньюмаркетѣ.

⁴⁾ „ubi intendebat, ut dixit, contra tyrannidem superuenientis Episcopi militari acie populum defendere“, *Capgrave*, p. 172.

Уолсэму ¹⁾). Инсургенты стояли здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ, окружившись рвами, окруженные частоколомъ, а въ тылу поставивъ повозки съ багажемъ. Произошла битва. Инсургенты были разбиты на голову. Листеръ сиритался было въ живно; но его нашли и привели къ епископу, который приказалъ подвергнуть его тройной казни: повѣшенію, обезглавленію и четвертованію; впрочемъ, епископъ не оставилъ его своимъ духовнымъ напутствіемъ въ жизнь вѣчную и, по словамъ лѣтописца, даже собственными руками поддерживалъ его голову, чтобы онъ не ушибъ ее, когда его волочили къ висѣлицѣ ²⁾); части тѣла казненнаго были отправлены въ Норичъ, Ярмутъ, Линнъ и въ Фелмингемъ и выставлены здѣсь въ назиданіе всѣмъ нарушителямъ королевскаго мира ³⁾).

Для характеристики способа дѣйствій норичскаго епископа весьма краснорѣчивыя подробности сообщаетъ лестерскій каноникъ, разсказывая о возстаніи держателей монастыря въ Питерборо, намъ уже извѣстномъ. Какъ намъ уже приходилось упоминать, возстаніе это было пресѣчено во-время подоспѣвшимъ отрядомъ Спенсера. По словамъ хроникъ, епископъ никому не далъ пощады; всѣмъ онъ воздалъ по заслугамъ: однихъ онъ заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ темницы, другихъ умертвилъ; многіе искали убѣжища въ церкви у алтаря; но епископъ приказывалъ убивать ихъ и въ этомъ священномъ мѣстѣ, и монахъ-лѣтописецъ не находитъ словъ для восхваленія дѣяній епископа, видя въ немъ орудіе кары Божьей, обрушившейся на голову нечестивыхъ; ему даже кажется, что, павъ отъ руки духовнаго лица въ храмѣ Божьемъ, эти люди удостоились высокой чести, которой повсе не заслужили ⁴⁾). Такъ же поступалъ епископъ и въ

¹⁾ *Capgrave*, p. 171—172.

²⁾ „*Quem auditum et absolutum virtute officii, ipsemet prosequatur ad furcas, demonstrans in eo, quamquam vicisset eum, opus mansuetudinis et pietatis, sustentans videlicet caput ejus, ne collideretur a terra, dum ad suspendendum traheretur*“, *Chron. Angliae*, p. 808.

³⁾ *Capgrave*, p. 172.

⁴⁾ „...et eis reddens prout meruerunt, scilicet aliis mortem, aliis carcerem et vincula, nemini parcens; et dum plures eorum fugam caperent ad ecclesiam pro praesidio, in foveam perditionis ceciderunt quam Ecclesiae paraverant, nam Ecclesiae immunitatem non meruerant qui valles Ecclesiae destruere non metuebant. Nam quidam eorum juxta altare et ad parietes Ecclesiae tam intra Ecclesiam quam extra lanceis et gladiis confossi sunt. Et sicut illi in sua ferocitate positi nemini parcebant set ultionem furiosam exercebant: sic nec oculus Episcopi cuiquam eorum pepercit, sed digna pro dignis rependens, et eadem mensura qua

графствъ Кэмбриджскомъ и Гэнтингдонскомъ, черезъ которыхъ проходилъ съ своимъ отрядомъ ¹⁾.

22-го июня, находясь въ Уолтэмъ, король назначилъ Роберта Трезильяна (Tresilian) главнымъ судьей Англии (Capitalis Justiciarius, Chief Justice) ²⁾, а на слѣдующій день поручилъ ему вмѣстѣ съ Уильямомъ Морерзомъ (Mogers) председательство въ чрезвычайной комиссiи, управляемой въ Эссексъ и Гертфордширъ для суда и расправы надъ участниками возстанiя ³⁾.

Король и самъ отправился въ Эссексъ, надѣясь, что его присутствiе подѣйствуетъ умиротворяющимъ образомъ на жителей этого графства. По словамъ сентъ-албанскаго монаха, къ нему явилось болѣе пяти-сотъ эссекцевъ, босые и съ обнаженными головами, и стали молить его о помилованiи. Король даровалъ имъ амнистiю, но съ условiемъ, чтобы они выдали зачинщиковъ и подстрекателей. Условiе это было добросовѣстно исполнено, главные дѣятели возстанiя были заключены подѣ стражу, и судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенiю, при чемъ иногда вѣшали по девяти—десяти человѣкъ на одной висѣлицѣ ⁴⁾. Судебныя комиссiи были разсланы по всей Англии и совмѣстно съ отрядами рыцарства графствъ приводили страну къ порядку, а народъ къ повиновенiю ⁵⁾.

mensi fuerunt remetiebatur illis nam Ecclesiam et viros Ecclesiae destruere venerunt, et in Ecclesia et ab Ecclesia ut ita dicam, immo quia ita dicere audeo quia ab ecclesiastica persona perire meruerunt; nam manus ejus in ultionem eorum valde laetanter erat extensa, et absolutionem gladialem episcopalis dignitas eis impendere in extremis non dedignabatur pro suis delictis, ut adimpleretur quod dictum est per Prophetam, Reges eos in virga ferrea et tanquam vas figuli confringes eos, Knighton, lib. V, col. 2638—9.

¹⁾ *Ibid.*, col. 2639.

²⁾ *Rec. Office.* Close Roll 5 Ric. II. m. 38.

³⁾ *Rec. Office.* Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 32. d.

⁴⁾ *Chron. Angliae*, p. 317—*H. A.*, II, p. 19—20.

⁵⁾ Въ какой формѣ выразилось участiе въ подавленiи возстанiя мѣстныхъ силъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Посылая судебныя комиссiи въ Кентъ, Эссексъ, Оксфордширъ, графства Глостерское и Herefordshire), король поручаетъ имъ собирать всѣхъ рыцарей и оруженосцевъ соответствующихъ графствъ и вести ихъ противъ инсургентовъ и всѣхъ другихъ враговъ короля; члены комиссiи должны всѣми зависящими отъ нихъ средствами пробуждать у рыцарей и оруженосцевъ готовность повиноваться ихъ приказанiямъ и идти туда, куда ихъ поведутъ; въ заключенiе король строго наказываетъ всѣмъ баронамъ, рыцарямъ, оруженосцамъ и прочимъ своимъ подданнымъ, чтобы они, подѣ страхомъ конфискацiи имуществъ, во всемъ повиновались членамъ

„И вотъ“, повѣствуетъ лестерскій каноникъ, „по королевскому повелѣнію былъ посланъ судья Робертъ Трезиліанъ для слѣдствія надъ возставшими противъ мира и для наказанія ихъ. Разъѣзжая повсюду, онъ никому не давалъ пощады и произвелъ великое кровопролитіе... Ибо надъ всѣми, кто былъ обвиненъ передъ нимъ въ вышесказанномъ дѣлѣ, справедливо ли, или изъ непріязни, онъ немедленно произносилъ смертный приговоръ. Однихъ онъ приказывалъ обезглавливать, другихъ просто вѣшать, иныхъ велѣлъ волочить черезъ весь городъ, затѣмъ обезглавить, четвертовать и вѣшать въ четырехъ концахъ города, у иныхъ же приказывалъ выпускать внутренности и сжигать ихъ на глазахъ у нихъ, пока они еще были живы, а затѣмъ четвертовать ихъ и вѣшать въ четырехъ частяхъ города, воздавая каждому по заслугамъ его“¹⁾. И слова эти вполнѣ подтверждаются судебными протоколами.

Картина, которую рисуетъ Джонъ Малвернъ, еще болѣе поразительна; она къ тому же шире и глубже захватываетъ предметъ, рисуя процессъ общественной деморализаціи, вызванный господствомъ беззаконія и безграничнаго произвола вернувшихся къ власти правящихъ классовъ, не видѣвшихъ никакой сдержки для своихъ разнузданныхъ страстей и пылавшихъ жаждой мести народу за его кратковременное господство и за свое униженіе.

„Тогда повсюду можно было видѣть королевскаго судью, произ-

комиссіи и содѣйствовали имъ словомъ и дѣломъ (*Record Office. Patent Rol. 5 Ric. II. P. 1. m. 33 d.*). Кентское дворянство изъявило готовность на свои собственные средства укрѣпить замки и помѣстити въ нихъ гарнизоны по сто человекъ въ каждомъ, и король назначаетъ сборщиковъ добровольнаго налога, предложеннаго для этой цѣли кентскими землевладѣльцами (*Record Office. Pat. Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 33*). Въ письмѣ къ архіепископу Йоркскому король приказываетъ ему вооружить всѣхъ *homines defensabiles* изъ клира его діоцеза въ возрастѣ отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ для защиты королевства отъ вражескихъ нападений и для подавленія восстанія (*Record Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 42*).

¹⁾ „*Missus est igitur dominus Robertus Tresylyon Justiciarius praecepto regis ad inquirendum de surgentibus contra pacem et puniendum; Qui ubique discurrens et nulli parcens fecit stragem magnam... Nam quicumque accusatus fuerat coram eo in causa supradicta sive juste sive ex odio, statim ipsum mortis sententia plectebat. Et alios quidem decapitari praecepit, alios autem suspendi, alios vero trahi per civitates et suspendi per quatuor partes civitatum, alios autem eviscerari, visceraque concremari coram ipsis viventibus, posteaque decollari et in IV partes dividi ac suspendi per IV partes civitatum secundum delicti et meriti quantitatem*“, *Knighton*, col. 2643.

видящаго разслѣдованіе объ этихъ заговорщикахъ и всѣхъ виновныхъ немедленно присуждавшаго къ повѣшанію. Тогда были воздвигнуты висѣлицы тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, потому что налчныхъ не хватало для тѣлъ осужденныхъ. Многие, участвовавшіе въ въ этомъ возмущеніи, бѣжали, чтобъ ихъ не схватили и вмѣстѣ съ другими не предали горькой смерти. Ужасъ объялъ народъ при видѣ такого множества тѣлъ, висѣвшихъ при свѣтѣ дня, и печаль охватила его, когда многие какъ изгнанники стали покидать родную землю¹⁾. И не видно было, чтобы суровость королевской кары сколько-нибудь стала смягчаться въ присужденіи этихъ наказаній виновнымъ; мало того: еще болѣе жестокими стали наказанія невинныхъ²⁾. И очень многимъ казалось, что въ подобномъ случаѣ королю слѣдовало проявить благосклонность и снисходительность, а не руководствоваться чувствомъ мести; тогда самые виновные, видя, что милость преизбыточествуетъ тамъ, гдѣ избыточествовало преступленіе (*quod superabundaret gratia ubi abundavit delictum*), прекратили бы свои заговоры... Но... мстительная рука была простерта далеко, и посреди рыночной площади (въ Лондонѣ, *in medio Chere*, нынѣ Чипсайдъ) было поставлено деревянное бревно (*truncus ligneus*) съ топоромъ для отсѣченія головъ осужденнымъ. Ибо сообразно качеству преступленія они подвергались различнымъ наказаніямъ: однихъ подымали на дыбы, другихъ обезглавливали, иныхъ разрывали на части, иныхъ подвергали всѣмъ этимъ казнямъ заразъ³⁾. Другимъ фландрцевъ, жившихъ за Темзой и убитыхъ руками сельской толпы, было позволено, по ихъ просьбѣ, наказать убійцъ своихъ друзей, а женомъ убитыхъ было дано право обезглавить убійцъ своихъ мужей⁴⁾. Когда, такимъ образомъ, казни не только не ослабѣвали, но съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось, „многіе стали ожесточаться (*corde indurcescere*) и опять возвращаться къ заговорамъ (*et in conjugationis fomentum animum revocare*), стали собираться въ лѣсныхъ чащахъ, и ихъ сходки все увеличивались вновь прибывавшими. Ибо они не видѣли другаго средства избѣжать лютой смерти. Поэтому они пред-

1) „*Horruit vulgus videre tot corpora visui solis exponi suspendio, doluitque videre indigenas quasi exules natale solum relinquere*“, *Higden*, IX, Appendix, p. 7.

2) „*Nec in his poenis reis infictis quoquomodo mansuescere videbatur regiae censurae rigor, sed magis insontium poenas aggravari*“, *Ibid.*, p. 7—8.

3) „*alii patibulis affixi sunt, alii decollati, alii distracti, alii horum tormentorum cumulo puniti*“, *Ibid.*, p. 8.

4) *Ibid.*, p. 8.

почли собрать свои силы и мужественно погибнуть отъ мечей своихъ преслѣдователей вмѣсто того, чтобы подставлять свою шею рабству подъ игомъ жадныхъ сборщиковъ или кончить жизнь въ петлѣ на висѣльницѣ¹⁾. Многіе (plurimi) видя, что нѣтъ пощады никому, на комъ какимъ бы то ни было образомъ оказывалось пятно заговора, стали обвинять въ немъ тѣхъ, къ кому они пытали застарѣлую ненависть, чтобы отомстить имъ²⁾. Обвиняемому оставалось три исхода: или быть оправданнымъ приговоромъ двѣнадцати присяжныхъ, или быть обвиненнымъ и присужденнымъ къ позорному повѣшенію, или, наконецъ, чтобы избѣжать смерти, стать ложнымъ обвинителемъ: и ими дѣлались обвинявшіеся въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Страсти разнуздались. Многіе становились ложными обвинителями, чтобы имуществомъ своихъ жертвъ насытить свое корыстолюбіе и свести съ ними старые счета. И это происходило не только среди мірянъ: и лица духовныя подавали извѣты на своихъ прелатовъ³⁾. Многіе каноники принуждены были искать убѣжища въ Уэстминстерѣ⁴⁾. „Грустно было видѣть, какъ... рабъ обвинялъ своего господина, свободный возставалъ на своего сосѣда, жена доносила на мужа, служанка грозила госпожѣ, а подданные, забывъ о всякомъ терпѣніи, взводили нелѣпныя клеветы на своихъ правителей⁵⁾. Беззаконія эти все усиливались, и имъ не предвидѣлось конца“⁶⁾.

Внимательное чтеніе протоколовъ судебного разбирательства въ разосланныхъ по странѣ чрезвычайныхъ комиссіяхъ, падѣленныхъ дискреціонной властью, не оставляетъ сомнѣнія въ полной реальности

¹⁾ „Quare magis eligerunt collatis viribus persequentium gladiis magnanimitate interire quam avidae taxationis servituti colla subicere seu patibulorum jugulo vitam terminare“ *Ibid.*, p. 8.

²⁾ „ut vel tali objectionis titulo diu affectatam int hos quos oderant expleren vindictam“, *Ibid.*, p. 9.

³⁾ „Sed talia exequi parum erat videre secularium versutias cum pari tergiversatione vaga quorundam religiosorum levitas utpote seditionis reos incusaret proprios ea tempestate prelatos“, *Ibid.* p. 9.

⁴⁾ „Virus hujusmodi damnosi criminis adeo canonicorum animos invaserat, quod nonnulli eorum pauperiores accusatorum instantia cogebantur Westmonasterium fugere ad asylum“. *Ibid.*, p. 9.

⁵⁾ „Miserum erat intueri, zeli voto faventibus poenis, servum dominum accusare, civem in sibi conterminum insurgere, uxorem damnare maritum, dominae ancillam minari et subditos disruptis tollerantiae fraenis suos inordinate calumniare rectores“. *Ibid.*, p. 9.

⁶⁾ „Horum in cumulum accessit malorum tanti nefas diuturnitas nec finem captans ex tempore“. *Ibid.*, p. 9.

этой картины¹⁾. Само правительство, наконецъ, увидѣло, что такъ продолжать нельзя. „Тогда король“, говоритъ Малвернъ, „понимая, что если дать волю страстямъ, то это грозитъ гибелью всему гражданскому строю, по указанію своихъ совѣтниковъ, постановилъ, чтобы впредь обвиняемый въ вышеназванномъ преступленіи (въ возстаніи) тогда только подвергался мукамъ законной кары, когда противъ него высказались одна за другою три серіи присяжныхъ“²⁾.

30-го іюня, находясь въ своемъ эссекскомъ имѣніи Геврингъ-этъ-Бауэръ (Hevering-et-Bower), король разослалъ по графствамъ приказъ, чтобы всѣ держатели, какъ вилланы, такъ и свободные, безъ противорѣчія, ропота и сопротивленія исполняли своимъ господамъ всѣ лежація на нихъ и на ихъ земляхъ повинности, какъ натуральныя, такъ и денежныя, какія они исполняли передъ возстаніемъ, не уменьшая ихъ и не заявляя притязаній ни на какія вольности и привилегіи, которыми они не пользовались до возстанія. подѣ страхомъ конфискаціи всего, что король можетъ у нихъ конфисковать. Всѣхъ, кто послѣ этого оповѣщенія станетъ противиться королевскому приказу, вѣрно было арестовать и препроводить въ тюрьмы, гдѣ они должны оставаться до тѣхъ поръ, пока король не пришлетъ распоряженія объ ихъ наказаніи³⁾.

¹⁾ Вотъ что читаемъ мы, напримѣръ, въ королевскомъ письмѣ, отправленномъ шериффу Гертфордскаго графства: „Supplicavit nobis dilectus nobis in xpo Abbas de Sancto Albano ut cum quamplures tenentes sui de Watford' et Rykemeresworth metuentes ipsos ad procuracionem et minus veram suggestionem quorundam emulorum suorum ipsos tenentes nimis voluntarie pergravare machinancium eidem quampluribus tenentibus forte imponere volencium ipsos de insurreccione et turbacione in divessis Com' regni nostri Anglie habitis fuisse et esse culpabiles capi et imprisonari faciliter posse se occasione illa licet culpabiles non fuerint a domibus et tenuris suis retraxerint et ibidem morari non audeant unde idem Abbas grave dispendium in futurum poterit virisimiliter sustinere... Teste me ipso apud Shene XVII die Augusti“, *Record Office. Close Roll 5 Ric. II, m. 39. d. A* вотъ еще примѣръ. Иъто Ricardus Neville изъ Саусуарка былъ обвиненъ въ томъ, что принималъ участіе въ сожженіи Сава и дома Джона Бутревык'а де Кныгтбригге apud Кныгтбригге, и былъ объявленъ внѣ закона (utlagatus fuit), а потомъ оказалось, что онъ „per quosdam emulos suos in Curia nostra coram nobis de quibusdam prodicionibus in ultima insurreccione perpetratis sit indictatus“, *Record Office. Cor R. Roll Trinity 6 Ric. II Ro. XVIII. Midd'*.

²⁾ *Higden, IX, p. 9.*

³⁾ „Mandamus Vobis, et cuilibet vestrum, firmiter injungentes, quod statim, visis praesentibus, quacumque, excusatione cessante, in singulis Civitatibus, Burgis Villis Mercatoris et altis Villis et Locis in Comitatu Lincolniae, et quibuscumque

2-го іюля въ патентѣ, разосланномъ изъ Челмсфорда (Chelmsford) во всѣ графства Англїи, король призналъ недѣйствительными выданныя имъ инсургентамъ освободительныя грамоты, такъ какъ онѣ вышли изъ его курїи безъ зрѣлаго размысленїя и наносятъ великій ущербъ ему и его коронѣ, а также грозятъ конечнымъ разоренїемъ какъ ему, прелатамъ, знати и магнатамъ королевства, такъ и святой англїйской церкви и приведутъ къ погибели государство ¹⁾. Всѣ, у кого имѣются освободительныя грамоты, немедленно, подѣ страхомъ конфискаціи имущества, должны представить ихъ королю и его совету для уничтоженїя ²⁾.

partibus ejusdem, tam infra libertates quam extra, ubi expediens fore videritis et necesse, ex parte nostra publice proclamari faciatis quod omnes et singuli tenentes, tam liberi, quam Nativi, opera, consuetudines et servitia, quae ipsi dominis suis facere debent et ab antiquo ante turbationem in diversis Comitatibus Regni nostri Angliae jam exortam, facere consueverunt, absque contradictione, murmure, resistantia seu difficultate aliquali faciant, prout antea solebant, et ulterius ex parte nostra districte inhibeatis, quod iidem tenentes, liberi aut nativi seu alii quicumque opera, consuetudines aut servitia sua praedicta istis turbationum temporibus magis solito retrahant, seu ea praedictis dominis suis facere ullo colore retardent, nec aliqua alia libertates sive privilegia exigant, vendicent, sive clament, quam ante praesentem turbationem habuerunt, sub fide et ligeantia quibus nobis tenentur, et sub forisfactura omnium quae nobis forisfacere poterunt in futurum, et omnes illos quos post proclamationem et inhibitionem praedictas contrarios invenieritis seu rebelles, arestetis et capiatis et ipsos prisonis nostris mancipetis in eisdem moraturos, quousque de eorum punitione aliter duxerimus demandandum, et hoc sicut nos et honorem nostrum et salvationem jurium regni nostri diligitis, nullatenus omitteritis“ Close Roll 5, Ric. II, m. 43 d. Такія же письма отправлены въ Эссексъ, Норфолькъ, Сэффордъ, Гэнтингдонское графство, Нортгэмптонское графство, Кэمبرиджское графство, Гертфордширъ, Бэкингемширъ, Кентъ, Уилтширъ и Сэррей. *Rymer*, vol IV, p. 129 новаго изданїя и Том. III, p. 124 старого.

¹⁾ „...Nos tamen, pro eo quod dictae literae de curia nostra, absque matura deliberatione, et indebite, emanarunt, perpendentes concessionem literarum praedictarum in nostri et coronae nostrae maximum praefudicium, ac tam in nostri, et praelatorum, procerum, et magnatum, dicti regni nostri, quam sacrosanctae ecclesiae Anglicanae, exhaereditationem, necnon dispendium et incommodum reipublicae, tendere manifeste, dictas literas, et quicquid exinde fuerit subsecutum, de avisiamento concilii nostri, revocavimus, cassavimus, irritavimus et adnullavimus, et de facto revocamus, cassamus, irritamus, et penitus adnullamus; nolentes quod aliquis, cujuscumque status seu conditionis fuerit, libertatem sive commodum aliquod de praedictis literis quomodolibet habeat seu reportet“... *Patent Roll 5 Ric. II. P. 1, m. 38.*

²⁾ „Et quod ipsi, qui praedictas literas nostras manumissionis et perdonationis penes se habent et custodiunt, eas statim penes nos et concilium nostrum defe-

На слѣдующій день всѣмъ шериффамъ Англіи былъ отправленъ королевскій приказъ такого содержанія. Нѣкоторые изъ подданныхъ короля графствъ Эссекса и Кента, которые возстали противъ королевскаго мира и образовали незаконныя сборища (*contra pacem postquam in conventiculis et congregationibus rebellice se habuerunt et hostiliter insurrexerunt*), желая привлечь на свою сторону и другихъ, отправились въ разныя графства королевства Англіи, чтобы и жителей этихъ графствъ поднять противъ королевскаго мира и склонить къ составленію такихъ же сборищъ; шериффы отъ имени короля должны всенародно оповѣстить по всѣмъ сотнямъ, городамъ, мѣстечкамъ, торговымъ селамъ и другимъ мѣстамъ ихъ графствъ, чтобы никто, подъ страхомъ конфискаціи имущества, не приставакъ къ подобнымъ сборищамъ и другихъ не склонялъ къ этому; подстрекателей они должны хватать немедленно и чинить надъ ними расправу, какъ надъ бунтовщиками, врагами короля и измѣнниками ¹⁾).

Того же 3-го іюля король доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что герцогъ Ланкастерскій, на котораго совмѣстно съ нѣкоторыми прелатами и другими вѣрными подданными возставшіе взяли обвиненіе въ измѣнѣ королю и королевству и на этомъ основаніи сожгли его дома, истребили его имущество и причинили ему много другихъ бѣдъ и убытковъ ²⁾, вовсе не повиненъ въ этомъ преступленіи, всегда

rant et restituant, cancellandas, sub fide et ligeantia quibus nobis tenentur, et sub forisfactura omnium quae nobis forisfacere poterunt in futurum“... *Ibid.* Иагтегъ этотъ, какъ уже приходилось указывать, напечатанъ у *Раймера* въ том. III, Р. III, р. 124 подъ заглавіемъ: „De Revocatione quarumdam Literarum Manumissionis et Pardonationis, saeviente Plebe, Communitati Regni Angliae concessarum“, а также въ *Chronicon Angliae*, pp. 318, 319, и *Hist. Angl.*, v. II, pp. 20—22 подъ рубрикой „Litterae revocationis libertatum“.

¹⁾ „... quod statim iidem excitatores capiantur, et de eisdem tanquam nostris Rebellibus, Inimicis, et Proditoribus fiat indilate, sub forisfactura vite et membrorum, et omnium aliorum que Nobis forisfieri poterint“, *Rot. Clausus 5 Ric. II*, m. 36 (De proclamatione facienda quod conventicula non fiant), напечатанъ въ *Rot. Pari.*, v. III, р. 394.

²⁾ „... In quo quidem Turbatione iidem Insurrectores, tanquam Diabolici crudeliter moti, nedum Homicidia, Incendia, Latrocinia, et alia Mala, hactenus inaudita, proditorie perpetrant, sed et, ipsorum Malitia praecedente carissimum Avunculum nostrum, Iohannem Regem Castellae et Legionis Ducem Lancasteriae, ac certos alios Praelatos et Fideles nostros, de Culpa Infidelitatis erga Nos et dictum Regnum nostrum nequiter et inique diffamantes, fingentesque, ipsos Insurgentes, praedicta Mala ex nostra Voluntate fecisse, ut sic Crudelitatem suam, per ipsos inceptam, eo colore cautius exequi possent, eidem Avunculo nostro quam-

былъ и остается вѣрнымъ королю и королевству, являясь главнымъ ревнителемъ ихъ чести ¹⁾).

Около половины іюля король съ большимъ войскомъ виѣстъ съ судьей Робертомъ Трезвианомъ отправился въ Сентъ-Албансъ. Сентъ-албанскій лѣтописецъ весьма подробно разказываетъ о томъ, что происходило въ этомъ городѣ, когда здѣсь получено было извѣстіе о смерти Уота Тайлера, весьма живо изображаетъ настроеніе сентъ-албанцевъ, неувѣренныхъ въ завтрашней днѣ, переходившихъ попеременно отъ страха къ надеждѣ, метавшихся изъ стороны въ сторону въ тщетныхъ поискахъ за какой нибудь точкой опоры; не менѣе интересныя данныя сообщаетъ онъ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ прибытіе въ Сентъ-Албансъ короля, и о ходѣ судебного разбирательства подъ руководствомъ верховнаго судьи. Въ интересахъ конкретности нашего изложенія мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ эпизодѣ, прямо вырванномъ изъ жизни далекаго отъ насъ прошлаго съ его своеобразной фізіономіей и въ миниатюрѣ рисуящемъ картину того, что дѣлалось тогда во всей Англіи.

Еще находясь въ Эссексѣ, король собирался съ войскомъ отправиться въ Сентъ-Албансъ и привести къ покорности горожанъ его, торжествовавшихъ побѣду надъ аббатствомъ. Рыцарю Уолтеру Этъ-Ли (Walter Atte-Lee) удалось отклонить короля отъ этого намѣренія, грозившаго полнымъ разореніемъ Гертфордскому графству, въ кото-

plura Enormia Mala et Dampna inaestimabilia, per Incendia et alias Destructiones, crudeliter intulerunt, in nostris et ipsius Avunculi nostri ac Sanguinis nostri Regii Regiaeque Majestatis et totius Regni maximum dedecus et opprobrium, unde non immerito conturbamur et nimium condolemus“...

¹⁾ „... praefatum Avunculum nostrum, qui nobis tam propinquus existit, Nobis et dicto Regno nostro probavimus et semper novimus fuisse et esse fidelem, ac Status et Honoris nostri et ipsius Regni praecipuum Zelatorem“... *Patent Roll 5 Ric. II, P. 1, m. 84* (pro Rege Castellae, Avunculo Regis, contra Fictiones et Diffamationes Insurgentium), напечатанъ у Раймера въ том. III, р. III, р. 124—126. 5-го іюля въ письмѣ къ герцогу Ланкастерскому король выражаетъ сожалѣніе по поводу введеннаго на него обвиненія и разрѣшаетъ ему въ интересахъ безопасности имѣть при себѣ вооруженный отрядъ (*Patent Roll. 5 Ric. II, P. 1, m. 84*, напечатанъ у Раймера въ том. III, р. III, р. 126). Патентомъ отъ того же числа король поручилъ Генри Перси, герцогу Нортгемберленку и Джону Невиллю собрать для этого отрядъ и во главѣ его сопровождать герцога по графствамъ Нортгемберлендскому, Йоркскому и Ноттингемскому (*Ibid.*). 18-го августа герцогъ былъ назначенъ судьей и наиѣстникомъ для разсѣдованія о всякаго рода преступленіяхъ, совершенныхъ во время возстанія (*Pat. Roll 5 Ric. II, P. 1, m. 26 d. у Rymer'a въ Tom. III, P. III, р. 126*).

ромъ жилъ этотъ рыцарь¹⁾, и убѣдить его поручить усмиреніе сентъ-албанцевъ ему самому. Уолтеру дали въ товарищи Эдуарда Бенстѣда (Edwardum Benstude) и Гальфрида Стѣкела (Galfridum Stukle) и еще нѣсколькихъ человѣкъ, и онъ, запасшись военною силою, двинулся къ Сентъ-Албансу.

Сентъ-албанцы узнали объ этомъ въ пятницу, 28-го іюня, и пришли въ уныніе. Многіе изъ нихъ уже собирались бѣжать. Уильямъ Грайндкоббъ опять взялъ на себя роль руководителя, произнесъ ободряющую рѣчь, и настроеніе горожанъ совершенно измѣнилось. Было рѣшено выѣхать завтра навстрѣчу рыцарю, спросить его объ его намѣреніяхъ, и, если намѣренія эти враждебны, оказать ему вооруженное сопротивленіе. Такъ и сдѣлали. Пускаться въ ходъ силу имъ, однако, не пришлось, такъ какъ рыцарь обнаружилъ самыя миролюбивыя чувства. Иначе, впрочемъ, онъ и не могъ поступить, потому что отрядъ его въ большинствѣ состоялъ изъ стрѣлковъ, набранныхъ въ Гертфордскомъ графствѣ, которыхъ симпатіи были на сторонѣ сентъ-албанцевъ; въ случаѣ столкновенія они не замедлили бы направить свои стрѣлы на рыцаря и его подручниковъ²⁾. По приказу рыцаря, въ Дерфолдскомъ лѣсу (sub sylva de Derfold) собрались сентъ-албанцы и крестьяне сосѣднихъ деревень, и стали полукругомъ, „на подобіе небесной радуги“ (ad modum arcus coelestis), чтобы выслушать отъ него волю короля. Явившись къ нимъ, Ли объяснилъ имъ причину и цѣль своего прибытія, указавъ на то, что король самъ собирался съ огромными силами идти на Сентъ-Албансъ, а тогда всѣ плоды и весь хлѣбъ въ ихъ графствѣ были бы истреблены, потому что войско у него такъ велико, что на пять миль въ окружности не осталось бы ни сѣна, ни хлѣба, ни плодовъ какъ этого урожая, такъ и оставшихся отъ прежнихъ годовъ,—все было бы съѣдено и истоптано³⁾, сообщилъ имъ, что ему, своему соотечественнику, они обязаны пред-

¹⁾ „... quia de patria illa fuerat, timens videlicet patriae destructionem, si tantus illic populus advenisset“, *H. A.*, II, p. 22.

²⁾ „Habebat autem secum milites quinquaginta lanceas, et arcitenentium undecimque collectorum magnum numerum; qui forsitan, si militi aliquod periculum contigisset, quia de patria fuerant quidam, et villanis foederati, in primis retitissent eidem“. *Ibid.*, p. 23.

³⁾ „... qui si venisset cum ea turba quam ibidem retinet, proculdubio omnes fructus, cuncta blada patriae, necessario devastasset. Tantus nimirum est cum eo exercitus, quod per quinque miliaria in eorum circuitu, non feonum, non blada aliqua, non fructus terrae novi, non antiqui, supersunt, sed omnia consumpta et conculcata sunt“, *Ibid.*, p. 24.

отвращеніемъ страшной опасности, что король ему поручилъ произвести разслѣдованіе о безпорядкахъ въ Гертфордскомъ графствѣ, и въ заключеніе просилъ ихъ выдать подстрекателей и руководителей (бывшихъ среди нихъ волненій и дать удовлетвореніе аббату сентъ-албанскаго монастыря. Рѣчь рыцаря, повидимому, произвела на толпу благоприятное впечатлѣніе. Тутъ же рыцарь поручилъ двѣнадцати присяжнымъ представить къ завтрашнему дню обвинительный списокъ и, распустивъ народъ, отправился въ городъ въ занимаемое имъ помѣщеніе. На слѣдующій день (30-го іюня) къ нему въ камеру явились присяжные и категорически заявили, что никого они не могутъ обвинить, что всѣ среди нихъ люди хорошіе и вѣрные подданные короля¹⁾). Рыцарь ничего имъ не сказалъ, но, выслушавъ обѣдню, сталъ уговаривать ихъ возвратить грамоты, взятые у аббатства. Тутъ обѣщали, но, явившись черезъ нѣкоторое время въ домъ аббата, гдѣ Ли обѣдалъ, объявили ему, что обѣщанія своего они не могутъ исполнить какъ изъ страха передъ народомъ (*propter metum communitatis*), такъ и потому, что не знаютъ навѣрное, у кого хранятся грамоты. Рыцарь разразился проклятіями и заявилъ присяжнымъ, что они не выйдутъ изъ этой комнаты, пока не будутъ возвращены грамоты. Аббат имѣлъ основанія быть склоннымъ къ миролюбивой политикѣ и убѣдилъ рыцаря отпустить арестованныхъ.

Ли еще сдѣлалъ попытку добиться своей цѣли. Опять была собрана толпа, на этотъ разъ возлѣ Барнетскаго лѣса (*ad le Bagnet Wode*). Среди нея было до трехсотъ стрѣлковъ изъ сосѣднихъ деревень, главнымъ образомъ изъ Барнета и Беркгемпстеда; всѣ они въ случаѣ агрессивныхъ намѣреній рыцаря готовы были дать ему энергичный отпоръ; рыцарю нетрудно было это замѣтить; зналъ онъ и о настроеніи своихъ стрѣлковъ, и ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ опять начать уговаривать сентъ-албанцевъ дать аббату удовлетвореніе и возвратить грамоты. Попытка и на этотъ разъ оказалась безуспѣшной. Тогда рыцарь далъ тайное порученіе бэйлифамъ и констеблямъ города, когда разоидется толпа, арестовать Грайндкобба, Уильяма Кединдона и Джона Цирульника (*Johannes Warbitonsor*) и нѣкоторыхъ другихъ изъ руководителей возстанія и завтра препроводить ихъ въ г. Гертфордъ, куда онъ самъ намѣ-

¹⁾ „Qui cum venissent, responderunt se neminem indictare posse, neminem accusare velle; omnes esse bonos et fideles Regia, neminem alium nosse inter eos“, *Ibid.*, p. 24—25.

рень немедленно отправляться. Послѣ этого рыцарь въ сопровожденіи всѣхъ прибывшихъ съ нимъ выѣхалъ изъ Сентъ-Албанса. Благодаря стараніямъ Ричарда Перерга (Perers) и трехъ другихъ эсквайровъ, состоявшихъ на службѣ у аббата, бэйлиффы арестовали ночью Грайндкобба и его товарищей, хотя и весьма неохотно (*quamquam invite*), и на слѣдующій день руководители движенія подъ конвоемъ воиннаго отряда, находившагося на службѣ при монастырѣ, а также въ сопровожденіи именитыхъ горожанъ Сентъ-Албанса (*maiores et valentiores villae Sancti Albani*) были отправлены въ городъ Гертфордъ.

Городъ опять сталъ волноваться. Опять начались совѣщанія, тайныя сборища (*conventicula*) какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, на поляхъ и въ лѣсахъ. Аббать и монахи опять стали переживать тревожные моменты. Распространился даже слухъ, что горожане хотять поджечь монастырь. А между тѣмъ вслѣдствіе ухода военныхъ людей аббатство оставалось совершенно беззащитнымъ. Въ большомъ безпокойствѣ аббать обратился къ сосѣднимъ дворянамъ, прося у нихъ помощи въ виду грозящей опасности. Отряду, сопровождавшему Грайндкобба и его товарищей, былъ посланъ приказъ немедленно возвращаться домой. Съ арестованными остались въ Гертфордѣ только прибывшіе съ ними сентъ-албанскіе горожане. Они стали настойчиво требовать, чтобы имъ выдали обвиняемыхъ на поруки. Ли согласился отпустить только Грайндкобба съ условіемъ, что если до ближайшей субботы (6-го іюля) не состоится примиреніе между сентъ-албанскимъ аббатомъ и горожанами, Грайндкоббъ опять вернется въ тюрьму. Явившись въ Сентъ-Албансъ, Грайндкоббъ сталъ убѣждать горожанъ не мириться съ аббатомъ, не выдавать ему грамотъ и твердо стоять за приобретенную свободу и вольности. О себѣ онъ не думалъ и другихъ просилъ не безпокоиться объ ожидающей его участи; онъ будетъ счастливъ, если ему придется умереть за свободу и этииъ способствовать ея окончательному торжеству ¹⁾). Горожане воспрянули духомъ и даже стали бранить себя за то, что,

¹⁾ „... Willelmus Gryndecobbe, cujus cor jam induratum in malo fuerat, ita ait: „Concives, quos jamdudum parca libertas de oppressione diutina relevavit; state modo, dum stare licebit, et de mea multatione minime timeatis; qui in causa libertatis acquisitae moriar, si nunc contingat occumbere, felicem me reputans per tale posse martyrimum vitam finire. Agite hoc in tempore, ut facere debuissetis, si Hertfordiae hesterno decollatus fuisset. Nam nihil obstabat quin finem vidissem vitae, si non Abbas armigeros suos tempestivius revocasset. Nempe ipsi me in multis accusaverunt, et iudicem favorabilem eis habebant, et sanguinem meum pronum“, *H. A.*, II, p. 27.

ниѣя на своей сторонѣ большую толпу сосѣднихъ крестьянъ, они позволили рыцарю уѣхать изъ Сентъ-Албанса невредимымъ, а не выставили его головы у позорнаго столба на страхъ всѣмъ судьямъ и лже-юстиціаріямъ (*ad terrorem ubique terrarum iudicum et falsorum Justiciariogum*). Въ назначенную субботу Грайндкоббъ вернулся въ Гертфордскую тюрьму.

Повышенное настроеніе сентъ-албанцевъ уступило мѣсто унынію и страху, когда отъ Грайндкобба пришла вѣсть, что къ нимъ идутъ чинить судъ и расправу графъ Уорикъ (*Warwick*) и лордъ Томасъ Перси въ сопровожденіи тысячи вооруженныхъ людей (объ этомъ сообщая Грайндкоббу его братъ, который ѣздилъ въ Челмсфордъ ходатайствовать передъ королемъ о его помилованіи). Стали толковать о томъ, что слѣдуетъ поскорѣе примириться съ аббатомъ и вернуть ему грамоты. Съ этой цѣлью явились горожане къ аббату, принеся съ собой грамоты, книгу, заключающую въ себѣ старыя договоры, заключенныя ими съ монастыремъ, и двѣсти фунтовъ денегъ, которыми они хотѣли возмѣстить ущербъ, причиненный ими монастырю. Книгу у нихъ взяли, но грамоты и денегъ отъ нихъ не приняли. Очевидно, аббатъ предпочелъ, чтобы тяжба его съ горожанами была рѣшена вооруженною рукою чрезвычайныхъ королевскихъ комиссаровъ. А комиссары между тѣмъ не пріѣхали. Графу Уорикъ принесли извѣстіе, что въ его владѣніяхъ очень неспокойно, и онъ поспѣшилъ туда, не теряя ни минуты, отправивъ къ аббату нѣсколькихъ изъ своихъ рыцарей, чтобы они извинились за него и ободрили аббата. Какъ только узнали сентъ-албанцы, что графа Уорика не будетъ, ликованію ихъ не было предѣловъ. Къ аббату они прониклись безграничнымъ презрѣніемъ, увѣренныя въ его безсиліи, не сомнѣваясь въ томъ, что ему не дождаться помощи со стороны, какъ бы и кого бы ни просилъ онъ объ этомъ, и изощрялись въ насмѣшкахъ надъ нимъ. Пусть себѣ аббатъ солить мясо убитыхъ имъ животныхъ, чтобы оно не протухло, пусть продаетъ пиво, которое сварилъ, чтобы оно не прокисло, и хлѣбъ, который испекъ, чтобы онъ не зачерствѣлъ и не зацвѣлъ, или чтобы его мыши не съѣли; но возвращать ему грамоты и предлагать деньги не слѣдуетъ: это значило бы себя позорить¹⁾. Не чуяли сентъ-албанцы, что бѣда идетъ за ними по пятамъ...

¹⁾ *Non contigat hoc dedecus in persona nostra; salliat interim Abbas carnes quas mactavit, ne putrescant; et vendat cervisiam quam pandoxavit, ne acescat; et panes quos pinsuit, ne indurescant aut muscidi fiant, aut a muribus corrodamtur.* *Ibid.*, p. 29.

Опять пришла въ Сентъ-Албансъ недобрая вѣсть, еще страшнѣе прежней: самъ король собирается сюда, чтобы лично производить судъ надъ мятежными горожанами. Аббать, боясь разгрома, грозившаго монастырскому хозяйству отъ королевскаго войска ¹⁾, сдѣлалъ попытку предотвратить прибытіе короля и съ этой цѣлью отправилъ одного изъ своихъ монаховъ ко двору, къ своимъ друзьямъ и знакомымъ, прося ихъ убѣдить короля измѣнить свое намѣреніе. Посланный привезъ аббату извѣстіе, что король будетъ въ Сентъ-Албансѣ черезъ два дня. Горожане рѣшили мириться съ аббатомъ. Съ этой цѣлью они наняли за большія деньги одного рыцаря-адвоката, нѣкоего Уилльяма Кройзера ²⁾, и поручили ему устроить примиреніе между ними и аббатомъ. На этотъ разъ аббать выразилъ готовность покончить дѣло миромъ. Между нимъ и сентъ-албанцами состоялось соглашеніе, въ силу котораго горожане обязаны были въ день прибытія короля принести въ аббатство столько мельничныхъ жернововъ, сколько они унесли отсюда во время возстанія, на собственныя средства заново отстроить домъ, тогда же ими разрушенный (дерево съ него они получили въ собственность отъ аббата), возвратитъ выданныя имъ монастыремъ грамоты и обязательства и заплатитъ аббату или его преемникамъ въ возмѣщеніе ущерба, нанесеннаго ими монастырю, двѣсти фунтовъ серебра доброй и законной монеты (*bonae et legalis monetae*); съ своей стороны, аббать отказывался отъ всякихъ претензій и обѣщалъ ходатайствовать за сентъ-албанцевъ передъ королемъ, когда ихъ призовутъ къ отвѣту за все, совершенное ими во время возстанія. Жернова были принесены, грамоты и обязательства возвращены.

Въ пятницу, 12-го іюля, король прибылъ въ Сентъ-Албансъ. Съ нимъ былъ и Робертъ Трезиліанъ, „опытнѣйшій юстиціарій, мужъ змѣнной мудрости и великаго ума“ ³⁾, и до тысячи человекъ войска. Монахи встрѣтили короля колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. На другой день по приказу Трезиліана изъ Гертфорда привели Г'райнд-

¹⁾ „Doluit idcirco Abbae, quia timuit per tantum populum patriam devastandam“. *Ibid.*, p. 29.

²⁾ „... conducunt quemdam militem causidicum, scilicet Willelmum Croyser, magno pretio“. *Ibid.*, p. 30.

³⁾ „Justiciarius peritissimus, vir multum habens pectoris, et prudentiae serpentinae“ (*Ibid.*, p. 31); въ переводѣ М. М. Ковалевскаго „опытный юристъ, юрлестный и съ мудростью змѣной“ (Англ. Пугач., *Русская Мысль*, 1895 года, октябрь, стр. 149).

кобба, Кэдиндона и Джона Цирюльника, и былъ составленъ списокъ присяжныхъ, которые должны были дать показанія объ этихъ лицахъ и другихъ участникахъ сентъ-албанскихъ волненій въ слѣдующій понедѣльникъ. Въ эту же субботу былъ приговоренъ къ повѣшенію, обезглавленію, вынутію внутренностей и четвертованію ¹⁾. Джонъ Болль, схваченный жителями Копептри и наканунъ приведенный ими въ Сентъ-Албансѣ. Казнь его была отложена также на понедѣльникъ. Въ назначенный день явились передъ юстиціаріемъ присяжные и заявили ему, что по справедливости они никого не могутъ назвать въ качествѣ преступниковъ, что всѣ сентъ-албанцы и ихъ сосѣди всегда были и будутъ вѣрны и послушны королю. Трезиліанъ вмѣсто отвѣта показалъ имъ списокъ лицъ, завѣдомо участвовавшихъ въ сентъ-албанскомъ возстаніи, составленный неофициальнымъ образомъ, и присяжнымъ ничего другаго не оставалось, какъ утвердить этотъ списокъ. То же сдѣлали и другія двѣ серіи присяжныхъ, имъ приглашенныхъ согласно распоряженію короля, о которомъ мы сообщали уже со словъ Малверна ²⁾. Такимъ образомъ, были осуждены на казнь Уильямъ Грайндкоббъ, Уильямъ Кэдиндонъ, Джонъ Цирюльникъ и другіе, всего до пятнадцати человекъ. Ричардъ Уолингфордъ, Джонъ Гарлекъ (Garlek), Уильямъ Беруикъ (Berewik), Томасъ Путоръ (Putor), городскіе нотабли (de majoribus villae), множество горожанъ средняго положенія (et plures alii mediocres), а также до восьмидесяти изъ негородскихъ жителей были взяты подъ стражу и потомъ милостью короля получили свободу и прощеніе.

Сентъ-албанцы рѣшили отомстить аббату, и съ этой цѣлью присяжные представили Трезиліану направленное противъ аббата обвиненіе, сущность котораго сводилась къ тому, что инициаторами возстанія въ Сентъ-Албансѣ были монахи, что аббатъ заставилъ горожанъ отправляться въ Лондонъ, когда они ничего и не знали о томъ, что тамъ дѣлается, что не кто другой, какъ онъ, послалъ ихъ на помощь врагамъ короля и королевства. Трезиліанъ, однако, не повѣрилъ обвинителямъ и заставилъ ихъ собственными руками изор-

¹⁾ „trâctioni, suspendio, deccollationi, exentrationi et quarterizationi, ut usu vulgari loquar, idem Robertus adjudicavit“, Н. А., II, p. 32.

²⁾ *Higden*, IX, p. 9. Въ виду этого извѣстія Малверна намъ кажется невѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе профессора Ковалевскаго: „чтобы придать обвиненію характеръ народнаго рѣшенія, Трезиліанъ трижды повторилъ ту же комедію передъ тремя различными комиссіями“, Англ. Пугачевщ. *Русская Мысль* 1895 г., окт., стр. 150.

вать свое показаніе. Потерпѣвъ неудачу въ этой попыткѣ, сентъ-албанцы приняли мѣры къ тому, чтобы дискредитировать аббата и монаховъ въ глазахъ прибывшихъ съ королемъ рыцарей и эсквайровъ, и стали жаловаться имъ, что аббать—лицемѣръ, что своей наружной святостью онъ обманулъ очень многихъ сеньеровъ и магнатовъ и, опираясь на ихъ покровительство, не боится безнаказанно чинить всякія тиранства и несправливо угнетать своихъ подданныхъ, что онъ на ложныхъ основаніяхъ отнялъ у горожанъ Сентъ-Албанса ихъ древнія права и вольности и ихъ, свободныхъ людей, до такой степени притѣсняетъ, что никому изъ нихъ не позволяетъ имѣть у себя ручныя мельницы, заставляя ихъ, какъ какихъ нибудь крѣпостныхъ, молоть свой хлѣбъ на монастырскихъ мельницахъ¹⁾. Кромѣ того, они распространили слухъ, что аббать заплатилъ королю несмѣтное количество золота, чтобы побудить его прибыть въ Сентъ-Албансъ и предать казни ихъ согражданъ. По словамъ лѣтописца, горожанамъ удалось возстановить противъ аббата почти всѣхъ друзей монастыря, хотя и было всенародно объявлено, что за ложныя обвиненія противъ аббата мужчинъ будутъ вѣшать, а женщинъ возводить на костеръ.

20-го іюня въ Большой Курин аббатства (in Magna Curia Abbatihiae) король принималъ присягу отъ жителей Гертфордскаго графства (въ возрастѣ отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ). Всѣ они клялись быть вѣрными королю, выражали готовность скорѣе умереть, чѣмъ слушаться возмутителей королевства, обѣщали всякаго, кто вздумаетъ возставать и другихъ привлекать къ возстанію, немедленно хватать и препровождать въ тюрьму, и въ заключеніе обязывались добросовѣстно исполнять всѣ обычныя повинности и службы (*opera et servitia consueta*). Послѣ этого король отправился въ свой замокъ Бергэмпстэдъ.

Когда черезъ нѣсколько дней Ричардъ былъ на охотѣ возлѣ деревни Эстгэмстэдъ (ad villam de Esthamstede), ему сообщили, что тѣла повѣшенныхъ въ Сентъ-Албансѣ сняты съ висѣлицъ и оттащены отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Немедленно послѣдовалъ приказъ, чтобы сентъ-албанскіе бэйлиффы распорядились сдѣлать

¹⁾ „...unde contigit, ut, eorum fultus patrociniis, tyrannides impune exercere, et injuste subiectos opprimere, non timeret. Asserebant insuper eundem Abbatem burgensium Sancti Albani jura et libertates avitas nequiter per falsa commenta surripuisse, et eosdem, liberos homines, tanta oppressione contrivisse, ut nemini liceret in domo sua molam manuaelem erigere, sed, more nativorum, cuncti compellerentur molere ad ipsius Abbatis molendina“. *Ibid.*, p. 37—38.

желѣзныя цѣпи и вновь повѣсить трупы казнѣнныхъ ¹⁾). Только 3-го сентября 1382 года, болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ возстанія, по ходатайству королевы Анны, король разрѣшилъ жителямъ Сентъ-Албанса предать погребенію кости людей, услышавшихъ смертный приговоръ изъ устъ верховнаго юстиціарія ²⁾).

16-го іюля, еще находясь въ Сентъ-Албансѣ, король разслалъ пригласительныя письма архіепископу, епископамъ, баронамъ, приглашая ихъ въ парламентъ, который долженъ собраться въ Уэстминстерѣ въ понедѣльникъ, ближайшій послѣ праздника Воздвиженія Креста Господня, 16-го сентября ³⁾; въ тотъ же день шериффы графствъ получили приказъ увѣдомить о предстоящемъ парламентѣ избирателей графствъ и городовъ и объявить имъ, чтобы къ назначенному сроку они прислали своихъ представителей ⁴⁾). Письмами отъ 22-го августа король извѣщаетъ тѣхъ же лицъ, что парламентъ отсроченъ на 2-е ноября ⁵⁾). Причина этой отсрочки, вѣроятно, заключалась въ томъ, что надежда правительства на скорое умиротвореніе страны не оправдалась: подавленное въ одномъ мѣстѣ, возстаніе вспыхивало въ другомъ. Дѣйствительно, насколько можно видѣть изъ официальной переписки королевской канцеляріи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ смерти Уота Тайлера жизнь англійскихъ графствъ далеко еще не вошла въ обычную колею, а временами можно было опасаться, что іюньскія событія опять могутъ повториться. Вотъ что, напримѣръ, показали присяжные Кентскаго графства.

Въ понедѣльникъ, ближайшій послѣ праздника архангела Михаила, 30-го сентября, Томасъ Гардингъ (Hardyng), каменьщикъ изъ Линтона, Джонъ Коутъ (Cote), каменьщикъ изъ Lose, и еще пятнадцать человѣкъ изъ Lose и изъ другихъ мѣстностей составили въ Линтонѣ

¹⁾ Текстъ приказа (Close Roll 5 Ric. II, m. 41) напечатанъ *Ibid.*, 40; см. еще королевскій патентъ, которымъ король прощаетъ нѣкому Томасу de Wyrcresley то, что онъ „cordulas per quas corpora quorundam hominum coram nobis morti adjudicatorum apud villam de Sancto Albano suspendebantur nequiter et malitioso succidit et corpora illa prostravit“, *Record Office. Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 21.*

²⁾ *Record Office. Patent Roll Ric. II P. 1, m. 21* (de licentia sepeliendi ossa mortuorum).

³⁾ *Record Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 40 d.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Record Office. Close Roll 5 Ric. II m. 39 d.*

заговоръ, чтобы убить короля, Джона de Freyngham, Уильяма Торслуве, Томаса Harcherege, Стефана de Betenham, рыцари Томаса de Cobeham, рыцаря Уильяма Septvans'a, шериффа Кентскаго графства и очень многихъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ короля, съечь городъ Мэдстонъ, а вѣхъ жителей его заставить дать клятву, что они присоединяются къ ихъ сообществу (*ad essendum de conventiculis suis iurage*); они схватили Джона Startout'a въ то время, когда онъ пахалъ свою землю, и заставили его поклясться, что онъ будетъ дѣйствовать за-одно съ ними (*et ipsum de essendo de eorum covina et conventiculis suis iurage cogegunt*); такъ же поступили они и съ нѣкимъ Радульфомъ Рукомъ (Rook), поднявъ его ночью съ постели.

Неизвѣстно, какіе размѣры могло бы принять это движеніе, если бы среди участниковъ заговора не нашлось предателя. Одинъ изъ нихъ, Томасъ Bordefeld, явился къ Джону Фраунингэму (или Фрешингэму) и сообщилъ ему обо всемъ. Силами мѣстнаго дворянства возстаніе было подавлено въ самомъ началѣ, Томасъ Гардингъ и его товарищи арестованы и преданы суду. Во время судебного разбирательства Джонъ Коутъ, желая спастись отъ вѣрной смерти, сдѣлался доносчикомъ и выяснилъ суду намѣренія заговорщиковъ во всѣхъ подробностяхъ. По его словамъ, инициаторомъ заговора и главнымъ руководителемъ его былъ Томасъ Гардингъ. Цѣлью заговора, въ которомъ принимало участіе не малое число жителей Кента, было заставить короля подтвердить всѣ вольности, данныя имъ на Майль-Эндѣ, и общую амнистію, тогда дарованную; въ противномъ случаѣ заговорщики рѣшили умертвить короля и всѣхъ магнатовъ королевства и другихъ вѣрныхъ подданныхъ короля и уничтожить всѣ законы и статуты королевства¹⁾. Кромѣ того, Джонъ Коутъ показалъ, что при-

¹⁾ „... insurrexerunt contra prefatum Regem Ricardum et populum suum ad illam intencionem ad faciendum dictum dominum Regem per duritiam concedere et confirmare eisdem malefactoribus omnes libertates et perdonaciones suas quas ipsi nuper furioso tempore insurreccionis predictae de prefato domino Rege contra pacem suam petierunt apud le Mylende juxta London in comitatu Middlesex. Et in casu quod dictus dominus Rex dictas libertates et perdonaciones suas eis ad eorum voluntatem gratis (var.: sponte) concedere et confirmare noluisset malefactores prenotati et alii quos ipsi adinvicem ad societatem suam tunc congregasse voluissent dictum dominum Regem et omnes magnates regni eius ac alios ligcos et fideles dicti Regis mortem illorum imaginantes felonice et proditorie interfecisse intenderunt et leges ac statuta dicti Regis et regni sui predicti in omnibus destruxisse et annullasse voluerunt“, *Record Office Cor. R. Roll Michaelmas 5 Ric. II Kane*'.

ходившіе съ сѣвера Англій въ Кентербѣри богомольцы разказывали, будто герцогъ Ланкастерскій отпустилъ на волю всѣхъ своихъ виллановъ въ разныхъ графствахъ Англій, и у заговорщиковъ явилось намѣреніе отправить къ герцогу посланцевъ, чтобы удостовѣриться въ справедливости этого слуха; если слухъ оправдается, они рѣшили опять обратиться къ герцогу и избрать его своимъ государемъ и королемъ Англій, заключивъ съ нимъ союзъ на жизнь и на смерть противъ короля Ричарда и его народа ¹⁾.

За свой извѣтъ Джонъ Коутъ, по ходатайству епископа норичскаго, получилъ отъ короля грамоту, въ которой ему прощалось его участіе въ заговорѣ, отмѣнялся смертный приговоръ, надъ нимъ произнесенный, и онъ опять становился подъ защиту королевскаго мира ²⁾. Такую же грамоту выдали и предателю Томасу Бордфилду (Bordefeld) ³⁾. Томасъ Гардингъ и восемь его товарищей подверглись лютой казни. Изъ нихъ выпустили внутренности, сожгли ихъ у нихъ на глазахъ, а затѣмъ всѣхъ ихъ повѣсили. Трупъ Гардинга, какъ зачинщика и главнаго предводителя, былъ снятъ съ висѣлицы, обезглавленъ, опять повѣшенъ (за руки), а голова была выставлена на королевскомъ дворцѣ въ Уэстминстерѣ ⁴⁾.

¹⁾ „Et etiam cognovit dictus Iohannes Cote quod peregrini qui venerant extra parochiam del North (sap.: de partibus borialibus) versus villam Cantuariam narra-
verunt in dicto comitatu Kancie quod Iohannes Dux Lancastrie fecerat omnes natives suos liberos in diversis comitatibus Anglie super quo malefactores predicti volebant misisse nuncios ad prefatum Ducem ad sciendum si ita esset nec ne Et si ita fuisset tunc iidem malefactores consenterunt adinvicem ad dictum Ducem misisse et eum per realem potestatem suam (sap.: per ipsorum regalem potentiam) fecisse dominum suum et Regem Anglie et tenuisse cum eodem Duce in omnibus ad vivendum et meriendum contra dictum dominum Regem Ricardum et populum suum predictum“, *Ibid.*

²⁾ *Rec. Office.* Patent Roll 6 Ric. II. P. 2, m. 6.

³⁾ *Rec. Office.* Pat. Roll 6 Ric. II. P. 1, m. 28.

⁴⁾ Ideo consideratum est quod predicti Thomas Hardyng Iohannes Munde Thomas Bryght Iohannes Jrissh Robertus Elmestede Ricardus Bendour Robustus Crothole Iohannes Crothole et Ricardus Headenne distrahantur et propter horribilem et odiosum prodicionem predictam in ymaginando et conspirando mortem domini Regis viscera a corporibus eorum extrahantur et in eorum conspectu igne comburantur et postea suspendantur et quod corpus predicti Thome Hardyng pro eo quod ipse fuit principalis surrector et prodicionum predictarum primus imaginator postquam suspensus fuerit deponatur et decapitetur et corpus eius interim per brachia sua suspendatur et caput eius super exteriorem partem palatii domini Regis Westm. figatur nulla habent bona neque tenementa“, *Rec. Office.* Cor. R. Roll Michaelmas

3-го ноября въ Уэстминстерѣ собрался парламентъ. Въ рѣчи, произнесенной отъ лица короля лордомъ казначеемъ Англии сэромъ Гугономъ Сигрэвомъ (Segrave), на обсужденіе лордовъ и общинъ былъ представленъ слѣдующій вопросъ. Во время недавно бывшаго волненія, какъ всѣмъ небезызвѣстно, король принужденъ былъ выдать вилланамъ своего государства и другимъ грамоты за своею большою печатью, которыя давали имъ свободу и вольности; онъ хорошо понималъ, что онъ не могъ сдѣлать этого вполнѣ искренно, не нарушая закона своей земли; но онъ руководствовался соображеніями блага, имѣя цѣлью остановить и прекратить возстаніе. Тогда онъ не имѣлъ законной королевской власти. Но когда Богъ по своей милости возстановилъ его въ его власти и въ его прежнемъ положеніи короля, и когда волненія отчасти прекратились, онъ, по указанію бывшаго тогда съ нимъ совѣта, отмѣнилъ и уничтожилъ свои пожалованія, потому что они были сдѣланы по принужденію, въ противность разуму, закону и совѣсти и грозили разореніемъ прелатамъ и сеньерамъ его королевства. Тѣмъ не менѣе король желаетъ знать волю прелатовъ, сеньеровъ и общинъ, здѣсь присутствующихъ, и мнѣніе ихъ о томъ, хорошо ли онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, согласуется ли эта отмѣна съ ихъ желаніями, или же нѣтъ. Ибо, если они желаютъ съ общаго согласія освободить виллановъ, — а королю это достовѣрно

5 Ric. II, Kane'. Какъ видно изъ протоколовъ, подобныя попытки вторично поднять народъ дѣлались въ томъ же Кентѣ и раньше. Перваго іюля Джонъ Gibbon изъ Мэдестона явился въ зданіе городского управленія въ Кентербѣри и потребовалъ отъ находившихся здѣсь бэйлифовъ этого города, чтобы они подняли всю общину города и вели ее противъ сеньеровъ и судей, назначенныхъ охранять миръ въ Кентскомъ графствѣ („Item dicunt quod die Lune prox post festum Petri et Pauli a° r. quinto Johannes Gibbon de Maydestan' venit in pretorium coram ballivis Civitatis Cantuar' et ipsos ballivos requisivit, quod ipsi levare facerent totam communitatem ejusdem Civitatis ad resistend' dominie et Justiciariis pacem dom. Regis conservand' in Com' Kane' assignatis', *Record Office*. Ch. II. Misc. 21/12. Kent. Presentationes etc. 4, 5, Ric. II Cantuar'). Втораго іюня Джонъ Чилдестонъ (Childeston) вмѣстѣ съ другими возсталъ противъ королевскаго мира въ Ruyton neaboth'ъ, сдѣлавъ нѣсколько оповѣщеній и собралъ народъ для того, чтобы оказать сопротивленіе королевскимъ судьямъ и другимъ охранителямъ мира („Jurati dicunt quod Johannes Childeston cum aliis malefactoribus ignotis surrexit contra pacem dom. Regis videlicet die martis prox. post festum apostolorum Petri et Pauli a° dom. Regis nunc quarto apud Ruytoneshoth et fecit diversas proclamaciones et congregaciones malefactorum ignot' contra dom. Regem et populum suum causa resistend' Justic' dom. Regis et aliis conservatoribus pacis“, *Record Office*. Ch. II. Misc. 21/12. Kent. Presentationes etc. 4, 5, Ric. II, Hundr' de Calhell').

извѣстно о нѣкоторыхъ изъ нихъ, — онъ даетъ свое согласіе на ихъ петицію въ этомъ смыслѣ ¹⁾).

Въ понедѣльникъ. 18-го ноября, общины явились въ палату лордовъ, и здѣсь, по просьбѣ спикера („q'avoit les paroles de par la Commune“) ихъ, рыцаря Ричарда Уолдгрэва (Monsr Richard de Waldegrave, Chivaler), испросившаго предварительно у короля разрѣшеніе исполнять эту обязанность („s'afforceast de lui avoir excusez de cel Office de Vant—parlour“), новый канцлеръ Англии, рыцарь Ричардъ Лэ-Скропъ (le Scrop), еще разъ прочелъ вмѣ рѣчь короля, произнесенную лордомъ-казначеемъ, опять спрашивая всѣхъ присутствующихъ, каково ихъ мнѣніе объ отмѣнѣ королевемъ освободительной грамоты. На это какъ прелаты и свѣтскіе сеньеры, такъ и рыцари и представители отъ городовъ и мѣстечекъ всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что отмѣна эта произведена вполне правильно, что освобожденіе виллановъ, затрогивающее ихъ (лордовъ и общинъ) существеннѣйшіе интересы, не могло быть совершено безъ ихъ согласія, что они не соглашаются на него ни по доброй волѣ, ни какимъ либо инымъ образомъ и никогда не дадутъ на него своего согласія, что скорѣе они готовы умереть всѣ въ одинъ день, чѣмъ поступить такимъ образомъ. Прелаты и сеньеры, равно какъ и общины, покорнѣйше просятъ своего сеньера короля, чтобы освобожденіе это, про-

¹⁾ „Item n'est mye chose a vous disconue coment nre Sr le Roi, durant le dit rumour, fuist constreint de faire et granter ses Lettres desous son Grand Seal a les Neifs de son Roialme et autres, de Libertee, Franchiae, et Manumissions, sachant bien adonqs q̄ ce ne poait il faire de bone foy et la loy de sa Terre, mais ce fist pur le mieultz, pur estopper et casser lour clamour et malice, come celluy q̄ n'estoit alors en son droit poair de Roi. Mais tantost come Dieux de sa grace lui avoit restituit a son poair et primer estat de Roi, par ont la dite meschief estoit en partie cesser, mesme nre Sr le Roi, par l'advis de son Conseil lors esteant pres de lui, fist revoquer et repeller les ditz Grantz, come celles q̄ par compulsion, encontre reson, loy et bone foy, furent faitz et grantez, en desheritance des Prelatz et Seignrs de son Roialme avaunt dit. Et partant le Roi vorroit ore savoir les volentes de Vous Mess' Prelatz, Seignrs, et Coës cy presentz, si vous semble q̄ par cell' repell' ad il bien fait et a vostre plesir, ou noun. Qar il dit, si vous desirez d'enfranchiser et manumettre les ditz Neifs de vostre cõe assent, come ce luy ad estre reportez q̄ aucuns de vous le desiront, le Roi assentera ovesq̄ vous a vostre priere“, *Rol. Parl.*, v. III, p. 99. Въ связи съ послѣдней фразой небезынтересно будетъ привести слѣдующія слова ивэемскаго монаха: „In isto Parliamento de manumissione iactum fuerat natorum. Nam apes illorum pendebat, quod Rex alias in insurrectione illorum invitus concesserat, nunc per illud Parliamentum confirmatum fuisset“, *Mon. Evesh.*, p. 34—35.

изведенное по принужденію, грозящее имъ разореніемъ и гибелью королевству, властью парламента было отиѣнено и уничтожено, чтобы была утверждена отиѣна его, произведенная королемъ вполнѣ справедливо ¹⁾). И на это дали здѣсь свое согласіе всѣ въ одинъ голосъ ²⁾).

По просьбѣ общинъ и по спеціальному ходатайству невѣсты короля, дочери императора Карла IV, будущей доброй королевы Анны, король даровалъ амнистію всѣмъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи, кромѣ жителей Кэнтербэри, Эдмондсбэри, Беверли, Скарборо, Бриджуотера и Кэмбриджа, а также лицъ, являвшихся зачинщиками и вождями возстанія (списокъ ихъ былъ представленъ въ парламентъ). Всѣ, получившіе прощеніе и желавшіе имъ воспользоваться, должны были явиться въ королевскую курію не позже праздника Пятидесятницы будущаго года и записаться тамъ грамотами, уплативъ при этомъ пошлину за приложеніе большой королевской печати ³⁾).

¹⁾ „A quoy, si bien Prelatz et Seighrs 'Temporels come les Chivalers, Citeins, et Burgeys, respondirent a une voice, Qe celle Repell fuist bien faite. Adjoustant, q̄ tiele Manumission ou Franchise des Niefs ne poast estre fait sanz leur Assent q' ont le greindre interesse: A quoy ils n' assenterent unqs de leur bone gree, n'autrement, ne jamais ne ferroient pur vivre et murrir touz en un jour. En priantz humblement a fire S̄ le Roi, si bien s'est assavoir les Prelatz et Seighrs come les dites Coës, q̄ celles Mauumissions et Franchises issint faitz et grantez par coercion, en desheritance de eux et destruction del Roialme, feussent annientiz et adnulliez par auctoritee de ce Parlement, et le dit Repell' affermez, come cell' q̄ bien et joustement estoit fait. Et ce estoit grantez et assentuz illoeqs de touz a une voice“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 100.

²⁾ Ср. *Mon. Evesh.* (непосредственно послѣ приведеннаго нами мѣста), p. 35: „Sed illud primo Parlamento per Regem, et postea per omnes Dominos fuerat denegatum“.

³⁾ *Rot. Parl.*, v. III, p. 103. Объ этой амнистіи король пишетъ отъ 13-го декабря всѣмъ шериффамъ Англій, *Rec. Office. Close Roll 5 Ric. II. m. 23. d.*, напечатан. въ Appendix'ѣ къ *Rot. Parl.*, v. III, п. 393, а также у Гаймера въ Том. III. P. III., p. 131—132. Въ петичіи, поданной королю въ парламентъ шестаго года его царствованія, общины просятъ короля освободить лицъ, получившихъ амнистію, отъ обязанности покупать грамоты за большой королевской печатью въ виду того, что въ возстаніи принимали участіе по преимуществу люди изъ рабочаго класса, ничего не имѣющіе и вслѣдствіе этого лишенные такимъ образомъ возможности воспользоваться дарованной имъ амнистіей („Et por ce grant nombre des gentz qi sont enditez de 'Trosou par cause de le rumour sont Laborers, et tielx qi riens n'ont, et ne furent pas de poair de purchacer leurs Chartres, issint q' ils sont hors de mesme la Pardon“). Едва ли общины, представлявшія тогда преимущественно землевладѣльческіе интересы, руководствовались

Всѣ перемены въ имущественныхъ отношеніяхъ, происшедшія во время возстанія, парламентъ рѣшилъ уничтожить и возстановить прежній порядокъ. Поэтому всѣ кому бы то ни было и кѣмъ бы то ни было выданные во время возстанія обязательства и документы на владѣніе, а также всѣ акты завладѣнія („toutes Feffementz des Terres et des Rentes, et touz Obligations et Relesses et Entrees en Terres et Tenementz, faitz par compulsion et par constreinte de poair et multitude des Gentz, ou par manace, en temps de ceste darreins rumour

при этомъ гуманнымъ чувствомъ состраданія къ нижнимъ классамъ; онѣ, впрочемъ, и не скрывали своихъ истинныхъ чувствъ, мотивируя свою петицію тѣмъ, что участники возстанія, не будучи въ состояніи купить грамоту, въ большомъ числѣ убѣгаютъ въ лѣса и въ другія мѣста, чтобы избежать отъ грозившей имъ смерти, отчего можетъ произойти великое бѣдствіе (для владѣльческаго хозяйства, прибавимъ мы отъ себя) („et a cause q'ils se doutent d'estre mys en exilend' et utlagarie, et en cas q'ils soient prises d'estre mys a mort, s'enfuient ensemble as boys et autres lieux, et auxint grant nombre des autres qi ne sont pas enditez se doutent d'estre en mesme le cas, dont purra soudre grant meschief“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 189). Такъ и сдѣлали.

На основаніи петиціи общинъ въ парламентѣ 5-го года король простилъ и жителей (кромя нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ) поименованныхъ въ текстѣ городовъ (которые внесли при этомъ весьма крупныя суммы въ королевское казначейство), сдѣлавъ исключеніе только для города Эдмондсбери, который уже съ давнихъ поръ извѣстенъ былъ своими возстаніями („a cause de leur outrageouse et horrible meffait de long temps continuez“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 118). Чувствительнѣе всѣхъ поплатился городъ Кембриджъ. Король отнялъ у городского управления и передалъ университету (as Chancellor et Escolers de la dite Universitee) наблюденіе за хлѣбной, вишней и винной ассизой съ правомъ наказывать ея нарушителей, наблюденіе за мѣрами и вѣсами въ городѣ и его окрестностяхъ и рыночную полицію со всѣми доходами, притекающими изъ всѣхъ этихъ правъ, съ обязанностью вносить ежегодно въ королевскую канцелярію по десяти фунтовъ („et purtant sire dit S^r le Roi, de l'assent avaunt dit, fist doner et comittre as Chancellor et Escolers de la dite Universitee la garde de l'Assise de payn, vin et cervoise, et la conissance et punissementz d'icelles; et auxint la garde de l'Assise et de l'Assaie et la Surveue des mesures et poys en la dite Ville, et les Suburbes d'icelles; et auxint plein poair d'enquere et conustre de toutes forstallaries et regrateries, et des chars et pessons, si bien corrupuz, vicieuses et incompetens, q' autres; et de faire sur ce due punissement: Et auxint le gouvernail', correction, et punissement, des ditz choses, et d'autres vitailles quelconqs, avec les fins, forfaituzes, et amerciementz provenantz d'icelles, par manere come le Chancellor et Escolers de l'Universitee d'Oxford les ont en leur Ville et Suburbes avaunt ditz: a tenir del Roi fir S^r et de ses heirs pur touz jours; rendant ent a sire S^r le Roi X li par an a son Eschequier“, *Rot. Parl.*, v. III, p. 109.

et ryot, encontre les Loys de la Terre et bone foi⁴⁾) были признаны недействительными („soient de tout casser, irritez, et tenuz pur voides“), и всё, у кого были подобнаго рода документы, обязаны были къ известному сроку представить ихъ въ королевскій совѣтъ для передачи ихъ тѣмъ, кто принужденъ былъ ихъ выдать¹⁾. Всё, у кого во время возстанія были сожжены или инымъ образомъ уничтожены грамоты, арендные договоры, обязательства, векселя, протоколы владѣльческихъ курій и другіе документы („lour Chartres, Relees, Obligations, Estatutz-merchantz, Courte-roulles ou d'autres leurs Evidences“ или, какъ сказано въ Close Roll 5 Ric. II. m. 23 d. (*Rec. Office*), „diversa carte scripta munimenta rotuli evidencie et rentalia prelatorum dominorum et magnatum ac aliorum subditorum nostrorum libertates feoda et tenuras suas tangencia“) получили право явиться въ королевскій совѣтъ не позже праздника Рождества Іоанна Крестителя, представить доказательства, что у нихъ дѣйствительно были прежде эти документы, а потомъ были сожжены и инымъ образомъ уничтожены, и король и его совѣтъ найдутъ средство возмѣстить нанесенный имъ ущербъ²⁾.

¹⁾ *Rot. Parl.*, v. III, p. 116; *Statutes of the Realm*, v. II, p. 20.

²⁾ „et le Roi, par l'avis de son Conseil, leur fera purvoier de remede, si avant come il le purta faire par la Loy“. *Rot. Parl.*, v. III, p. 116; *Statutes of the Realm*, v. II, p. 21. Какими были эти средства, мы узнаемъ изъ королевскаго патента отъ 10-го іюля шестаго года, отравленнаго Edwardo Dalynrugge, Willelmo Torclyve, Willelmo Tydescombe, Iohanni Fraunceys, Iohanni Edward et Iohanni Olyver. Преемникъ обезглавленнаго архіепископа хэнтербарійскаго Уильямъ Кортвай заявилъ королю, что всё рентали, феодаріи и другіе документы мэноровъ и домовъ, принадлежащихъ архіепископу, по которымъ архіепископъ получалъ ренты, феодальныя взносы и повинности и проч. доходы („omnia rentalia feodaria et alia memoranda maneriorum et domorum suorum archiepiscopatus predicti per que firme redditus servicia et alia proficua eidem archiepiscopatu pertinentia de jure solvi debeant et levari“), сожжены и иными способами уничтожены возставшими къ великому ущербу архіепископа и его церкви. Король поручаетъ названнымъ выше лицамъ заставить всѣхъ держателей и обывателей, живущихъ въ мэнорахъ и домахъ архіепископа („omnes tenentes et residentes super maneriis et domibus predictis“), вновь составить рентали, феодаріи и другіе документы тѣмъ способомъ и въ той формѣ, какъ были составлены сожженные документы, и представить ихъ архіепископу, чтобы затѣмъ исполнять по нимъ свои обычныя повинности („assignavimus vos quinque quatuor tres et duos vestrum ad omnes tenentes et residentes super maneriis et domibus predictis rentalia feodaria et alia memoranda eisdem modo et forma quibus ipsa ante combustionem cessacionem

Парламентъ счелъ нужнымъ сдѣлать еще одно постановленіе, краснорѣчиво свидѣтельствующее о томъ, что какъ ни сурова была репрессія, постигшая народъ за попытку измѣнить социальный строй, односторонне охранявшій экономическіе интересы правящаго меньшинства, какъ ни чужда была этому меньшинству не особенно распространенная и въ гораздо болѣе близкое къ намъ время идея социальной справедливости съ ея жалостливымъ отношеніемъ ко всѣмъ трудящимся и обремененнымъ и требованіемъ для всѣхъ равнаго участія въ благахъ жизни, тѣмъ не менѣе политическія понятія англійскаго общества изучасмой нами эпохи сдѣлали уже огромные успѣхи, и основной принципъ политическаго строя современной намъ Англии, дѣлающій эту страну образцомъ для всѣхъ цивилизованныхъ и стремящихся къ цивилизаціи государствъ, *исподство права* (the rule of law), уже незыблемо утвердился въ сознаніи англійскаго народа, каковы бы ни были встрѣчавшіяся на его пути испытанія. Хотя суммарныя мѣры, принятія сеньерами, джентелменами и другими для подавленія возстанія виллановъ и другихъ, „измѣнически поднявшихся огромными толпами въ различныхъ частяхъ королевства противъ Бога, совѣта и разума, противъ достоинства и короны сеньера короля и противъ законовъ страны“, были вызваны крайнею необходимостью, при чемъ сеньеры и джентелмены, безъ суда казнившіе возставшихъ, совсѣмъ не знали законовъ, тѣмъ не менѣе общины признали поведеніе этихъ сеньеровъ, джентелменовъ и другихъ незаконнымъ, такъ какъ они дѣйствовали безъ соблюденія опредѣленныхъ закономъ формъ судебного процесса и нарушали то, чего требуютъ законъ и обычай страны; поэтому общины нашли необходимымъ обра-

et annullacionem predictas confecta fuerunt de novo facere et prefato archiepiscopo iberare compellend' et distringend' Ita quod dicti tenentes et residentes super maneriis et domibus predictis de firmis redditibus serviciis et ceteris proficuis prout hactenus fieri consuevit juxta formam rentalium feodariorum et memorandum predictorum de cetero sint ipsi archiepiscopo respondentes intendentes et obedientes“, *Record Office. Patent Roll 6 Ric. II. P. 1. m. 33. d.*; См. *Rec. Off. Ch. II. Misc. 21/12. Kent. Presentationes etc. 4. 5. Ric. II: Item dicunt quod predicti Henricus Aleyn et Johannes Colyn ardebant Customale dom. Archiepiscopi Cantuar' de Petham die dominica prox. post fest. S. Barnabe a° r. R. Ric. sec. quarto*. Нѣкто Ricardus Horsman вмѣстѣ съ другими въ Гертфордскомъ графствѣ „ac eciam libros munimenta et rotulos Archiepiscopi Cantuar' de Trengre apud Trengre prodiciose et felonice arcit“, *Rec. Office. Cor. R. Roll Michaelmas 6 Ric. II. rot. XXVII. Hertf'*).

таться къ королю съ ходатайствомъ даровать амнистію всѣмъ этимъ лицамъ, и король выразилъ на это свое согласіе ¹⁾.

Д. Шегрушескидъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ „Item, autre foitz revieudrent les Cōes en Parlement, monstrantz une Cedula contenant en trois articles le manere de trois maneres de Graces et Pardon a faire, si plest a fire S^r le Roi, ore a Sa Cōe de son dit Roialme. La primer grace, pur les Seign̄rs, Gentils et autres, q̄ en resistance des ryotours et treitours firent occire certains persones sanz du Proces de Loy...“ *Rot. Parl.*, v. III, p. 103. „Ce est la fourme accordez en Parlement sur la Grace et Pardon q̄ le Roi ferroit ore a la Cōe par les causes suis dites; Primerement, touchant les Seign̄rs, Gentils, et autres, queux en lo rumour et insurrection de Villeins et d'autres malfaisours q'ore tard se leverent traïterousement par assemblees en outrageouse multitude en diversees parties du Roialme, contre Dieux, bone foi et reson, et contre la dignitee fire S^r le Roi et sa Corone, et les Loies de sa Torre, firent diverses punissemantz sur les ditz Villeyns et autres issint levantz, sans due Proces de Loy, et en autre manere q̄ la Loy et Usage de la Terre demandent, combien q̄ ce firent ils noun pas de malice purpensez, einz soulement pur contresteer la malice comencez, et pur cesser et appeiser le dit meschief; Nostre S^r le Roiconsiderant les grantz diligences et loiaatlee des Seign̄rs et Gentilx en celle partie, et q̄ a celle foitz pur la meschief apparant homme ne poast sur les ditz punissemantz avoir attendu de faire Proces de Loy; et siant regard a ce q̄ les ditz Seign̄rs et Gentilx faisant les ditz punissemantz selonc leurs propres avis et discretions, et a bone entente, ne furent touz apris le Loy; et voillant partant a eux faire grace sicome moelt bien l'ont deserviz, leur ad pardone et relessier, de l'assent des Seign̄rs et Coēs en ce Parlement, quan q̄ a lui ent appartient, ou a lui et ses heirs purra appartenir...“ *Ibid.*, p. 103.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774.
Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина. С.-Пб 1896. Стр. VII + 468.

Съ именемъ Н. Д. Чечулина связана опредѣленная ученая репутація. Онъ не новичекъ въ нашей исторической литературѣ. Книгѣ о политикѣ императрицы Екатерины, написанной имъ теперь, предшествовали двѣ другія его книги: „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. С.-Пб. 1889“, и „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. С.-Пб. 1889. За первый изъ этихъ трудовъ авторъ получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ серебряную медаль, за второй — степень магистра русской исторіи. Кромѣ того, имя г. Чечулина появлялось на страницахъ ученыхъ журналовъ, какъ автора статей, посвященныхъ обработкѣ бытоваго матеріала въ писцовыхъ книгахъ и какъ рецензента разнообразныхъ ученыхъ трудовъ и изданій. По предложенію Географическаго общества г. Чечулинъ издалъ въ свѣтъ, съ своимъ предисловіемъ и указателемъ, первую половину I-го тома извѣстнаго изданія Н. В. Калачова „Писцовыя книги XVI вѣка“. Наконецъ, по годовому отчету (за 1895 годъ) предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго общества извѣстно, что г. Чечулинъ состоитъ редакторомъ одной части „Русскаго біографическаго словаря“. Словомъ, въ лицѣ г. Чечулина русская историческая наука имѣетъ усерднаго работника, ученыя свойства котораго совершенно опредѣлялись и даже успѣли получить нѣкоторое признаніе и весьма компетентную оцѣнку со стороны Академіи Наукъ и ея рецензента проф. В. О. Ключевскаго ¹⁾.

¹⁾ См. „Отчетъ о XXXIII присужденіи наградъ графа Уварова“. С.-Пб. 1892.

Новая книга г. Чечулина посвящена внѣшнимъ сношеніямъ Россіи въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Этотъ предметъ даетъ для изслѣдованія извѣстныя удобства. Факты, взятые нашимъ авторомъ для спеціальнаго изученія, составляютъ опредѣленный періодъ въ политической жизни Россіи прошлаго столѣтія—такъ называемый первый періодъ войнъ Екатерининскаго царствованія, заверченный крупными земельными пріобрѣтеніями до присоединенія Крыма включительно. Тѣсная связь между всѣми отдѣльными политическими сношеніями и дѣйствіями того времени, сгруппированными вокругъ Польскаго вопроса, можетъ придать очерку русской политики въ данный періодъ внутреннюю цѣльность. Богатый матеріалъ, находящійся въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, еще не сведенный и не использованный нашими учеными, даетъ возможность провѣрить и исправить наблюденія и выводы предшествующихъ изслѣдователей. Пересмотръ спеціальной литературы, очень мало дающей для исторіи собственно русской политики даннаго времени, можетъ повести къ существеннымъ поправкамъ, къ новому взгляду на событія и лица, къ свѣжему историческому выводу. Не лишено значенія и чисто практическое удобство, состоящее въ томъ, что относящійся къ предмету матеріалъ изданъ систематически въ нѣсколькихъ (пятнадцати или шестнадцати) томахъ „Сборника“ Историческаго общества.

Конечно, все это имѣлъ въ виду г. Чечулинъ, направляя свое вниманіе на Екатерининскую политику. Въ основаніе своего труда онъ положилъ именно названный „Сборникъ“, а цѣлью своею поставилъ изучить дѣйствія петербургскаго кабинета и опредѣлить руководящія идеи въ политикѣ императрицы и руководящія вліянія въ русской правительственной средѣ въ изучаемые имъ годы. Главный предметъ изученія для автора—не политическій фактъ, а „дипломатическая переписка тогдашняго русскаго министерства“, не взаимныя отношенія державъ, а отношеніе петербургскаго кабинета къ его политическимъ задачамъ и обстановкѣ, словомъ—не политическія событія, а дипломатическая среда и ея взгляды. „Наиболѣе цѣннымъ“ результатомъ своего труда самъ авторъ считаетъ (стр. II—III) именно то, что ему „удалось установить“ существованіе въ политикѣ Екатерины извѣстныхъ принциповъ, которые въ его глазахъ имѣютъ „значеніе для оцѣнки и пониманія всей эпохи“, а не только дипломатіи этой государыни. По представленію г. Чечулина, императрица Екатерина и ея министръ Панинъ согласно и вполне сознательно стремились

сдѣлать свою полянку совершенно самостоятельною и имѣть въ виду „единственно пользу интересовъ нашихъ“. Этотъ государственный эгоизмъ авторъ считаетъ обязательнымъ для всякой дипломатіи и сочувствуетъ ему; но онъ строго отдѣляетъ оцѣнку цѣли отъ оцѣнки пріемовъ, какими она достигалась въ то время, и не закрываетъ глазъ на „коварство и обманы“, свойственные Панину наравнѣ съ прочими дипломатами его вѣка. „Не вдаваясь въ разсужденіе о нравственномъ достоинствѣ“ такихъ дипломатическихъ пріемовъ, г. Чечулинъ однако имѣетъ мужество ихъ не замалчивать и не оправдывать, но утѣшается тѣмъ, что „слава Богу, не всегда соперники Россіи въ этихъ интригахъ успѣвали ее обмануть“ (47—49). По мнѣнію автора, даже самый умный „соперникъ“, Фридрихъ Прусскій, не успѣвалъ провести Панина и втянуть русскій кабинетъ въ сферу своего вліянія; по словамъ г. Чечулина, Фридрихъ „не имѣлъ на правительство Екатерины никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія; къ нему лично и къ его политикѣ относились въ Петербургѣ постоянно крайне подозрительно“ (9-й тезисъ). Къ польскому раздѣлу не Фридрихъ привелъ Екатерину и Панина, по мнѣнію нашего автора, а сами они шли осторожно, но твердо и послѣдовательно. Имѣя въ виду утвердить свое вліяніе въ Польшѣ, они въ то же время ставили себѣ цѣлью и увеличеніе своей территоріи на счетъ Польши; „сдѣлать отъ Польши территоріальныя пріобрѣтенія входило въ планы правительства Екатерины; графъ Панинъ главнымъ образомъ и подготовилъ первый раздѣлъ Польши“. Мотивы національно-религіозныя въ политикѣ петербургскаго кабинета г. Чечулинъ отодвигаетъ на послѣдній планъ: по его представленію, за нихъ держались, какъ за политическое средство, и ихъ оставляя, когда переставали въ нихъ нуждаться (261, 449). Русская политика того времени имѣла въ виду одно только „усиленіе“ Россіи; она ловко направляла дѣло къ тому, чтобы понудить Фридриха II первымъ заговорить о вознагражденіи отъ Польши, и когда онъ заговорилъ объ этомъ, въ Петербургѣ сдѣлали видъ, что охотно соглашаются на постороннее предложеніе проиизвести раздѣлъ польскихъ земель. Въ такихъ чертахъ изображаетъ г. Чечулинъ Екатерининскую политику.

Обнаружить идеи этой политики и ихъ практическое развитіе можно было различными способами; нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ выбралъ простѣйшій изъ нихъ. Онъ раскрываетъ основные принципы и взгляды Петербургскаго правительства въ общемъ обзорѣ дипломатической и даже военной его дѣятельности за 1762—1774 годы и этому обзору предпосылаетъ въ первой главѣ руково-

дѣшее введеніе, въ которомъ заранѣе выясняетъ свои точки зрѣнія на дѣло. Читатель, желающій внимательно и справедливо отнестись къ работѣ г. Чечулина, неизбежно придетъ къ заключенію, что первая глава его книги играетъ въ трудѣ главенствующую роль, а прочія главы служатъ для обоснованія и оправданія высказанныхъ въ первой главѣ положеній. По замыслу автора, эти главы вовсе не должны были заключать въ себѣ полного пересмотра всего матеріала, относящагося къ исторіи международныхъ отношеній за годы 1762—1774, и тѣ критики, которые посмотрѣли на разбираемую книгу, именно какъ на полный сводъ данныхъ по исторіи внѣшней политики Россіи, судили автора не за то, что онъ желалъ и могъ дать. О чемъ бы ни говорилъ г. Чечулинъ, онъ имѣетъ въ виду только руководителей русской политики съ ихъ взглядами и приемами; поэтому ему важнѣе прежде всего и почти исключительно русскій документъ, въ которомъ онъ находитъ официальное и достовѣрное раскрытіе мотивовъ петербургской политики, ея настроенія, скрытыхъ стремленій, надеждъ и опасеній, идей и правилъ, выставляемыхъ на показъ, рядомъ съ хитростями и притворствомъ. Для него иностранныя публикации и изслѣдованія, по существу его задачи, не имѣютъ большого значенія, разъ они не даютъ ему точныхъ свѣдѣній о петербургскомъ кабинетѣ. Вотъ почему его очерки внѣшнихъ сношеній Екатерины не только со второстепенными державами, но и съ важнѣйшими, кажутся односторонними и неполными, если на нихъ смотрѣть какъ на исторію европейской дипломатіи вообще. Даже въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о „сѣверной системѣ“ (179—185) и объ отношеніи русскаго правительства къ диссидентамъ (261, 449), нашъ авторъ уклоняется отъ простаго изложенія подробностей и ограничивается лишь тѣмъ, что выясняетъ только руководящія мысли русскаго кабинета въ этихъ дѣлахъ; даже о знаменитой рѣчи Г. Конискаго у него нѣтъ ни одного слова. Все это становится понятнымъ только тогда, когда мы уразумѣемъ общій приемъ автора.

Признаемся, что мы лично не выбрали бы подобнаго приема. Давая частному изслѣдованію форму общаго историческаго обзора, онъ вынуждаетъ автора вводить въ изложеніе много лишняго: главы II-я и V-я книги г. Чечулина—краснорѣчивые тому примѣры. Въ то же время рисуя дипломатическую систему на фонѣ политическихъ отношеній, авторъ всегда рискуетъ смѣшать эти несопадающія области. Но мы сами себя упрекнули бы въ нежеланіи понять и признать чужую точку зрѣнія, если бы стали преслѣдовать автора за избранный

имъ путь доказательства его положеній. Дѣло вѣдь въ томъ, чтобы положенія были ясно высказаны и достаточно оправданы. А кажется, нельзя спорить о томъ, что г. Чечулинъ достаточно ясно обрисовалъ направленіе и приемы петербургской дипломатіи и добросовѣстно изучилъ переписку петербургскаго двора первой половины царствованія Екатерины II-й. Съ его опредѣленіями и характеристиками можно спорить; его взглядъ на своеобразное „равенство“ при первомъ раздѣлѣ Польши (стр. 451—452) можно не раздѣлять и даже осуждать; можно далѣе находить непримиренное противорѣчіе между его взглядами на политику графа А. П. Бестужева-Рюмина (стр. 24) и Н. Панина въ отношеніи прусскаго союза; но нельзя доказать, чтобы авторъ не зналъ вопроса, за который взялся, и не умѣлъ извлекать изъ историческаго матеріала существенныя и важныя черты съ надлежащимъ вниманіемъ и ученою серьезностью. Можно признавать его отношеніе къ историческимъ лицамъ субъективнымъ и подмѣтить въ немъ дозу увлеченія Панинымъ; можно говорить о томъ, что патріотическое одушевленіе автора вообще располагаетъ его къ апологетическому тону; но нельзя утверждать, чтобы это одушевленіе ослѣпляло автора и заставляло его замалчивать истину. Онъ, напримѣръ, не скрываетъ, что Панинъ въ своихъ дипломатическихъ приемахъ не чуждался интригъ, что диссидентскій вопросъ былъ для него только благовидною ширмою, за которою пряталось простое стремленіе къ „усилению“ русскаго государства, а не забота о единовѣрной братинѣ, и т. п. Словомъ, можно во многомъ не соглашаться и за многое упрекнуть автора, но, разумѣется, нельзя поймать его на научной недобросовѣстности или доказать бесплодность его работы. Въ ней находится обстоятельный сводъ свѣдѣній по исторіи Екатерининской дипломатіи, и въ этомъ значеніе книги г. Чечулина. Послѣ нея нельзя будетъ говорить о политикѣ Панина и объ отношеніи къ ней Екатерины, не посчитавшись съ выводами г. Чечулина и съ его точками зрѣнія.

Здѣсь нѣтъ нужды останавливаться на деталяхъ разбираемой книги. На нихъ обращено даже слишкомъ большое вниманіе господъ рецензентовъ. Они считали возможнымъ говорить о незнакомствѣ автора съ французскимъ языкомъ, на основаніи корректурной негѣпости на стр. 412—413, и не замѣтить, что въ другихъ мѣстахъ (стр. 381—382, 415) авторъ исправляетъ неточные переводы „Сборника“. Они указывали труды, на которые авторъ не ссылался, не разъясняя, какой ущербъ произошелъ отъ того въ разработкѣ взятой авторомъ темы. Они, наконецъ, искренне удивлялись, что „ссылкою“ можно

назвать не одно подстрочное примѣчаніе. Можно отъ души пожелать, чтобы книга г. Чечулина подверглась самому тщательному разбору дѣйствительно серьезныхъ и компетентныхъ критиковъ. Предъ судомъ нелицепріятнаго знанія книга г. Чечулина можетъ подвергнуться существеннымъ исправленіямъ, но врядъ ли она въ своей сущности будетъ осуждена.

С. Платоновъ.

Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. А. Лазаревскаго. II. Кіевъ, 1896.

Передъ нами сборникъ статей А. М. Лазаревскаго, появившихся впервые главнымъ образомъ въ „Кіевской Старинѣ“, отчасти въ „Чтеніяхъ историческаго общества Нестора лѣтописца“. Между ними есть „замѣтки“, некрологи, матеріалы и т. п., едва ли стоившіе перепечатки; между ними есть нѣсколько рецензій, недурныхъ по-своему (особенно рецензія „Исторіи заморожскихъ казаковъ“, г. Эварницкаго); наконецъ есть два небольшихъ изслѣдованія: 1) біографія малоизвѣстнаго и малоинтереснаго И. Р. Мартоса и 2) „Лубенщина и князя Вишневецкіе“. Последняя—главная статья книги и по величинѣ, и по значенію. На ней мы и остановимся.

Она говоритъ прежде всего о колонизаціи „Лубенщины“, или Посулья на восточной сторонѣ Днѣпра, а вмѣстѣ, по необходимости, касается вопроса о колонизаціи украинской степи на западной сторонѣ той же рѣки. Какъ извѣстно, историки кіевской школы до сихъ поръ высказывались за болѣе или менѣе значительную населенность этихъ областей въ XV вѣкѣ, не представляя впрочемъ сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ. Г. Лазаревскій, не смотря на свое кіевское происхожденіе и тѣсныя связи съ кіевскою школою, утверждаетъ какъ разъ противоположное. „Посулье, говоритъ онъ, въ первой половинѣ XVI вѣка представляло собою почти совершенную пустыню“; ...„остается Посулье и въ началѣ второй половины XVI вѣка пустыней“ (стр. 89); ...„(кіевская) Украина въ это время (въ началѣ XVII вѣка) была тоже почти пустынею“ (стр. 99). Точно также до сихъ поръ историки кіевской школы, если и допускали нѣкоторое движеніе населенія въ приднѣпровскія степи, то лишь съ сѣвера на югъ¹⁾.

¹⁾ Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, книга II, Кіевъ, 1896, стр. 217, 225, 226 (рефератъ В. В. Антоновича).

Г. Лазаревскій и здѣсь совершенно расходится съ своими друзьями. „Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра, говоритъ онъ, повидимому изъ Подолья, причѣмъ гнали его отсюда почти постоянныя татарскія нападеныя и слѣдовавшія за ними разоренія“ (стр. 99); „метрополіей этой колонизаціи была галицкая Русь, такъ какъ болѣе не откуда было взяться главному контингенту того люда, который, дополнивъ старое населеніе Подолья, заселилъ потомъ кievскую и южную лѣвобережную Украины“ (стр. 100).

Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія кievской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицко-волинской земли ¹⁾. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающія вопросъ лингвистическія данныя ²⁾. Можно поспѣловать на автора лишь за то, что онъ слишкомъ скупъ на подробности. Ему, наприимѣръ, было необходимо дать хотя бы краткое описаніе приднѣпровскихъ степей стараго времени, дабы читатель его изслѣдованія могъ видѣть, что въ этихъ роскошныхъ пампасахъ, въ высокой травѣ которыхъ скрывался съ рогами волъ, было жить гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ селахъ хорошаго знакомаго татарамъ Подолья.

Затѣмъ статья г. Лазаревскаго говоритъ о князьяхъ Вишневецкихъ, собственникахъ „Лубенины“. Мы ожидали найти въ ней сводъ данныхъ объ извѣстномъ Дмитріи Вишневецкомъ; мы полагали также, что авторъ остановится на вопросѣ объ этнографическомъ характерѣ товарищей Вишневецкаго, хозяевъ приднѣпровскихъ степей въ половинѣ XVI вѣка, по московской терминологіи—*черкасы*. Но г. Лазаревскій ограничился немногими словами о старшихъ Вишневецкихъ и главную часть своего изслѣдованія посвятилъ одному Іереміи Вишневецкому. Нельзя не сказать, что у него этотъ герой казацкихъ войнъ получилъ болѣе слабое, хотя можетъ быть, и болѣе вѣрное освѣщеніе чѣмъ, у Костомарова.

А. Соболевскій.

¹⁾ Тамъ же, стр. 217, 226.

²⁾ *Живая Старина* 1898 года, выпускъ I, стр. 396 сл.

Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ, 1896.

Передъ нами первый томъ трудовъ новаго ученаго общества, содержащій въ себѣ протоколы засѣданій, юбилейныя рѣчи, посвященныя Георгію Конисскому (гг. Бережкова и Сребницкаго) и А. С. Грибоѣдову (гг. Пѣтухова и Кадлубовскаго), библиографическую замѣтку о „Смутномъ времени московскаго государства“, Д. И. Иловайскаго (г. Бережкова), и три статьи: „О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи“, г. Пѣтухова, „Учрежденіе смоленской епископіи“, г. Кашпровскаго, и „Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи“, г. Михайловскаго. На послѣдней мы остановимся.

Изъ литературныхъ дѣятелей XVII вѣка Спаарію у насъ особенно посчастливилось. До выхода въ свѣтъ статьи г. Михайловскаго мы имѣли уже нѣсколько статей посвященныхъ его біографіи и отчасти литературной дѣятельности; сверхъ того, въ то время, когда печаталась статья г. Михайловскаго, появилась въ свѣтъ (въ *Русскомъ Архивѣ* 1895 года) статья г. Арсеньева. Но не смотря на столь значительное вниманіе нашихъ ученыхъ къ этому дѣятелю, его дѣятельность въ Россіи остается мало изслѣдованною и оцѣненною. Въ виду этого статья г. Михайловскаго, хотя и небольшая по величинѣ, но имѣющая предметомъ по преимуществу жизнь и литературныя труды Спаарія въ Россіи, является кстати.

Спаарій, православный, знатокъ греческаго, латинскаго и—что особенно важно—церковно-славянскаго языка, едва появился въ предѣлахъ московскаго государства, былъ принятъ его правительствомъ съ распростертыми объятіями. На немъ тяготѣло множество самыхъ разнообразныхъ обвиненій; его называли даже шпиономъ турецкаго султана; но все это не помѣшало московскимъ властямъ дать ему мѣсто перваго переводчика въ посольскомъ приказѣ, съ большимъ значеніемъ и со значительнымъ жалованьемъ. Причина такого вниманія къ выѣзжему румыну заключалась въ томъ, что московскія власти, державшія въ своихъ рукахъ переводъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на славянскій и русскій, сразу оцѣнили его литературныя познанія и способности. Спаарій могъ переводить книги не на мало-складную смѣсь великорусскаго языка съ юго-западно-русскимъ и польскимъ, какъ большая часть состоявшихъ при московскихъ приказахъ переводчиковъ иностранцевъ, а на изящный по тогдашнему пред-

ставленію церковно-славянскій языкъ, и не только переводить, но и сочинять или компилировать. Мало этого: онъ не только могъ переводить указанная ему иностранныя книги; онъ могъ самъ указывать, что именно изъ иностранныхъ книгъ слѣдуетъ переводить. Правда, въ Москвѣ второй половины XVII вѣка жили ученые Симеонъ Полоцкій, Елифаній Славинецкій и ихъ товарищи; но эти лица были монахи, знавшіе кое-что изъ духовной литературы Польши и запада и совершенно незнакомые со свѣтскою.

Г. Михайловскій останавливается на литературныхъ трудахъ Спаарія. Что именно принадлежитъ этому дѣятелю? Авторъ считаетъ его трудами не только Хрисмологіонъ (повидимому, первый въ Москвѣ литературный трудъ Спаарія), не только Арнемологію, Василіологіонъ и Мусы, принадлежность которыхъ Спаарію вѣтъ всякихъ сомнѣній, но и книгу о Сивиллахъ (стр. 9) и переводъ книги Мартинія о Китаѣ (стр. 14). Доказательствъ имъ не приведено, да ихъ, кажется, и нѣтъ.

„Книга о Сивиллахъ, колики быша и кони имени“, „построенная“ повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году, сколько мы можемъ о ней судить по дошедшимъ спискамъ,—переведена съ польскаго языка однимъ изъ переводчиковъ бѣлорусцевъ или поляковъ. Какой именно текстъ былъ въ рукахъ царя, мы не знаемъ, но три имѣющіеся у насъ перевода этой „книги“ по языку совершенно отличны отъ языка трудовъ Спаарія и изобилуютъ полонизмами. Повидимому это произведеніе было переведено у насъ до 1672 года; по крайней мѣрѣ оно очень часто въ рукописяхъ второй половины XVII столѣтія.

„Книга, а въ ней повѣсть, какъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ богдойскіе татары одолѣли и завладѣли мало не все китайское царство“, которая въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ слѣдуетъ за сочиненіемъ Спаарія о Китаѣ и экземпляръ которой въ 1682 году былъ у царя Федора Алексѣевича, также переведена (съ нѣкоторыми дополненіями въ началѣ) не Спааріемъ, а однимъ изъ младшихъ переводчиковъ посольскаго приказа. Русскій (не церковно-славянскій) языкъ ея не чуждъ полонизмовъ и вообще не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ трудовъ Спаарія. Трудно сказать, есть ли связь между переводомъ этого произведенія и поѣздкой Спаарія въ Китай, такъ какъ оно было издано въ VI томѣ огромнаго голландскаго атласа: „Theatrum orbis terrarum, sive atlas novus“, Amsterodami, apud I. G. Blaeu, первые томы котораго были въ Москвѣ переведены въ 50-хъ годахъ XVII в.

Имя въ виду небольшую величину статьи г. Михайловскаго, мы не считаемъ себя въ правѣ предъявлять къ ней какія-либо требованія, тѣмъ болѣе, что изъ протоколовъ (стр. 31) видно, что авторъ имѣеть другую статью специально о литературныхъ трудахъ Спаарія 1672 года.

А. Соболевскій.

Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ и издалъ *Н. Я. Киріановичъ*. 4-е изданіе, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ. 1896 г. Стр. X+129. Ц. 50 коп.

Начнемъ съ „предисловія“, которое осталось безъ измѣненія во всѣхъ четырехъ изданіяхъ. По нашему мнѣнію, его слѣдуетъ значительно исправить, такъ какъ оно, съ одной стороны, отличается нѣкоторою неясностью въ изложеніи, а съ другой, не вполне соответствуетъ содержанію книги. Встрѣчающіеся въ немъ термины „синтаксическія формы“, „синтаксическіе факты“ употребляются такъ, что у читателя возникаетъ невольное недоумѣніе относительно ихъ значенія: выражаются-ли ими понятія тождественныя, или различныя. Подобное же недоумѣніе возбуждаютъ и выраженія: „современная книжная рѣчь“ и „литературная рѣчь лучшихъ писателей“, „языкъ“ и „письменность“—и всѣ эти термины заключаются въ одномъ періодѣ. Притомъ начало предисловія своимъ содержаніемъ общаетъ болѣе, чѣмъ сколько даетъ книга. „Задачей моего труда“, такъ начинается авторъ свое предисловіе, „было не только сличить синтаксическія формы современной книжной рѣчи съ однородными формами классическихъ и церковно-славянскаго языковъ и синтаксическіе факты русскаго языка, сходные съ фактами сличаемыхъ языковъ, одинаково объяснить, по отчасти и *генетически прослѣдить* нѣкоторыя синтаксическія формы современной книжной рѣчи, образовавшейся, съ одной стороны, на основѣ синтаксиса церковно-славянскаго языка, представляющаго въ свою очередь многочисленныя синтаксическія подражанія греческому языку, съ другой стороны,—на основѣ древне-русской письменности и *разговорной рѣчи, оживившей и обогатившей книжную рѣчь*, какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи, *сообщившей литературной рѣчи* лучшихъ нашихъ писателей *самобытность, сжатость и выразительность*“. На основаніи этихъ словъ читатель въ правѣ ожидать, что въ синтаксисѣ г. Киріано-

вича онъ, во-первыхъ, найдетъ постоянное сличеніе синтаксическихъ формъ современной книжной рѣчи (подразум. русской) съ однородными формами классическихъ и церковно-славянскаго языковъ; во-вторыхъ, узнаетъ отчасти исторію нѣкоторыхъ синтаксическихъ формъ современной книжной рѣчи отъ ихъ зарожденія до настоящаго времени, и, въ-третьихъ, можетъ быть, познакомится съ тѣми элементами разговорной русской рѣчи, которые, съ одной стороны, оживили и обогатили книжную рѣчь въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніи, съ другой, сообщили „литературной рѣчи нашихъ лучшихъ писателей самобытность, сжатость и выразительность“. Но, къ сожалѣнію, ни одного изъ этихъ ожиданій читателя не можетъ удовлетворить вполнѣ содержаніе книги, хотя въ ней и встрѣчается спорадически сличеніе русскихъ выраженій съ соответствующими, или съ подобными имъ выраженіями греческими, латинскими и церковно-славянскими. Къ тому же, относительно этихъ послѣднихъ (то-есть церковно-славянскихъ выраженій) авторъ говоритъ слѣдующее: „при сличеніи грамматическихъ фактовъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ языкомъ я остановился на текстѣ не древне-церковно-славянскаго, а ново-церковно-славянскаго языка, *по тому самому, что отличіе ново-церковно-славянскаго отъ древне-церковно-славянскаго языка болѣе этимологическое, нежели синтаксическое*“. Откуда взялъ это авторъ, неизвѣстно. До сихъ поръ никѣмъ еще не было доказано, что ново-церковнославянскій языкъ настолько сходенъ съ древне-церковнославянскимъ языкомъ въ синтаксическомъ отношеніи, что при сличеніи грамматическихъ фактовъ русскаго языка съ церковно-славянскими можно обойтись безъ древне-церковно-славянскаго языка и довольствоваться однимъ лишь новымъ церковно-славянскимъ языкомъ, особенно тому, кто поставилъ себѣ задачею „отчасти и генетически прослѣдить нѣкоторыя синтаксическія формы современной книжной рѣчи“. Изъ сличенія церковно-славянскихъ текстовъ Евангелій древняго и новаго съ греческимъ текстомъ видно, что древне-церковно-славянскій текстъ свободнѣе отъ вліянія греческаго текста, чѣмъ ново-церковно-славянскій въ синтаксическомъ отношеніи; слѣдовательно, древне-церковно-славянскій языкъ лучше удерживалъ свойства славянской рѣчи, чѣмъ языкъ ново-церковно-славянскій, и тѣмъ значительно отличался отъ послѣдняго. Для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ древнихъ текстовъ Евангелія X—XI вв. Зографскаго и Остромирова и сравнимъ ихъ съ ново-церковно-славянскимъ текстомъ и греческимъ.

1) *Зограф.* Иоан. I, 1—2: 1. Искони бѣаше слово і слово бѣаше отъ бѣ̄ і бѣ̄ бѣаше слово. 2. се бѣ̄ искони отъ бѣ̄.

Остр. Л. 2. а. 1. Искони бѣ̄ слово и слово бѣ̄ отъ бѣ̄. и бѣ̄ бѣ̄ слово. 2. се бѣ̄ искони оу бѣ̄.

Ново-ц.-сл.: 1. Въ началѣ бѣ̄ слово и слово бѣ̄ къ бѣ̄у и бѣ̄ слово. 2. сеи бѣ̄ искони къ бѣ̄у.

Греч. 1. Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος. 2. Οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν. *Греч.* ἐν ἀρχῇ существительное въ дательномъ падежѣ съ предлогомъ ἐν въ ново-церковно-славянскомъ текстѣ переведено также существительнымъ въ мѣстномъ падежѣ (соотвѣтствующемъ дательному п. въ греческомъ языкѣ) съ предлогомъ „въ началѣ“; въ древне-церковно-славянскихъ текстахъ переведено нарѣчіемъ искони. *Греч.* выражение πρὸς τὸν Θεόν въ ново-церковно-славянскомъ переведено буквально: къ бѣ̄; въ древне-церковно-славянскихъ текстахъ: отъ бѣ̄.—*Греч.* мѣстном. муж. рода οὗτος, относящееся въ греч. текстѣ къ ὁ λόγος, то-есть, къ существ. мужескаго рода, въ ново-церковно-славянскомъ языкѣ переведено буквально, также мѣстоименіемъ сеи — мужескаго рода, хотя относится къ существительному „слово“ — средняго рода; въ древне-церковно-славянскомъ — мѣстоименіемъ се — средняго рода, какъ и слѣдовало.

2) На употребленіе при глаголѣ отрицанія не послѣ отрицательныхъ мѣстоименій:

Зограф. Иоан. I, 3: і бежнего ничътоже не бысть еже бысть.

Остр. Л. 2, а: и без наго ничътоже не бысть кже бысть.

Ново-ц.-сл. и без негѡ ничтоже бысть еже бысть.

Греч. καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν ὃ γέγονεν. Какъ въ греческомъ нѣтъ отрицанія при гл. ἐγένετο къ подлежащему οὐδὲ ἓν, такъ и въ ново-церковно-славянскомъ текстѣ: ничтоже бысть; въ др.-ц.-славянскихъ же текстахъ согласно съ духомъ славянскаго языка: ничътоже не бысть отрицаніе удержано при сказуемомъ бысть послѣ отрицательнаго мѣстоименія ничъто.

Вотъ еще подобныя же примѣры:

3) *Зограф.* Иоан. III, 2: никътоже бо не можетъ знамени сихъ творити.

Остром. Л. 7, в: никъто же бо не можетъ знамени сихъ творити.

Ново-ц.-сл.: никтоже бо мѡжетъ знаменїи сихъ творити.

Греч. οὐδεὶς γὰρ ταῦτα τὰ σημεῖα δύναται ποιεῖν.

Въ др.-цк.-сл. текстѣ удержано отрицаніе, въ нов.-ц.-сл. нѣтъ.

4) *Зобраф.* і никътоже не рече чесо иштешн. Иоан. IV, 27.

Остром. Л. 31, в.: и никътоже не рече кмоу чесо ищешн.

Ново-ц.-сл. никтѣже речѣ: чесо ѡ ищешн.

Греч. οὐδείς μάντοι εἶπε τί ζητεῖς;

Въ древне-цер.-славянскомъ текстѣ удержано отрицаніе, въ ново-славянскомъ церковномъ нѣтъ.

5) *Зобраф.* Иоан. I, 11—12: 11. Въ своа приде и свои его не приаша. 12. еликоже ихъ приять і дасть имъ власть чадомъ бжнемъ быти.

Остром: Л. 2, г.: 11. въ своа приде и свои его не приаша. 12. еликоже ихъ приять и дасть имъ область чадомъ Бжнемъ быти.

Ново-ц.-сл.: 11. во своа приде. ѡ свой 'Его не приаша 12 'Елицы же приаша 'Его даде имъ ѡбласть чадомъ Бжнемъ быти.

Греч. εἰς τὰ ἴδια ἦλθε, καὶ οἱ ἴδιοι αὐτὸν οὐ παρέλαβον 12. Ὅσο δὲ ἔλαβον αὐτὸν, ἔδωκεν αὐτοῖς ἐξουσίαν τέχνα Θεοῦ γενέσθαι.

Греческое выраженіе: ὅσοι δὲ ἔλαβον въ ново-церк.-слав. переведено буквально: 'елицы же приаша—и подлежащее, и сказуемое во множественномъ числѣ, какъ въ греческомъ текстѣ: въ др.-цк.-сл. ὅσοι переведено мѣстоименіемъ средняго рода единственнаго числа елико съ родительнымъ мѣстоименія ихъ и сказуемое глаголь поставленъ въ единственномъ числѣ „приять“ по согласованію съ подлежащимъ елико.

6) *Зобраф.* Иоан. IV. 7: приде жена отъ самария почрѣтъ воды.

Остром. Л. 30, а: приде жена отъ самария почрѣтъ воды.

Ново-ц.-сл.: приде жена ѡ Самария почерпати воду.

Греч. ἔρχεται γυνή ἐκ τῆς Σαμαρείας ἀντλήσαι ὕδωρ.

Греч. ἀντλήσαι ὕδωρ — неопредѣленное наклоненіе аориста съ винительнымъ падежомъ дополненія переведено буквально въ ново-цк.-сл. текстѣ неопредѣленнымъ же наклоненіемъ „почерпати“ съ винительнымъ дополненія „воду“; въ др.-церк.-сл. текстѣ употреблено достигательное наклоненіе послѣ глагола движенія согласно съ духомъ др.-црк. слав. языка и дополненіе при достигательномъ накл. „почрѣтъ“ поставлено въ родительномъ падежѣ „водѣ“.

7) *Зобраф.* Иоан. XVI, 8: і пришьдъ онъ обличить всего мира о грѣсѣ и пр.

Остром. Л. 49, г: и пришьдъ онъ обличить мира о грѣсѣ и Л. 171, в: и пришьдъ онъ обличить мира о грѣсѣ.

Ново-ц.-сл. и пришѣдъ Ѡнь ѡбличитъ мѣръ ѡ грѣсѣ.

Греч. καὶ ἄλλων ἀκείνων, ἀλέγει τὸν κόσμον περὶ ἀμαρτίας.

Въ ново-ц.-сл. при глаголѣ „обличитъ“ дополнение „мѣръ“ поставлено въ винительномъ падежѣ, какъ въ греческомъ; въ древнихъ же текстахъ при глаголѣ „обличитъ“ дополнение поставлено въ родительномъ падежѣ „мира“.

8) *Зотраф.* Иоан. IV, 9: не прикасажтъ бо са іудеи самарѣнехъ.

Остром. Л. 80, б: не прикасажтъ бо са иудеи самарѣнехъ.

Ново-ц.-сл.: не прикасаютбоса жѣдове Самарѣнѡмъ.

Греч. οὐ γὰρ συχρῶνται Ἰουδαῖοι Σαμαρείταις.

При глаголѣ прикасатиса въ др.-ц.-слав. языкѣ дополнение поставлено въ формѣ мѣстнаго падежа согласно съ требованіемъ древ.-церк. слав. языка; а въ ново-церк. слав. текстѣ — дополнение при глаголѣ прикасатиса поставлено въ формѣ дательнаго падежа согласно съ текстомъ греческаго языка.

9) *Зотраф.:* Иоан. IV. 39: мнози вѣрваша въ него отъ самарѣнъ за слово женѣ съвѣдѣтельствующи. ꙗко рече ми всѣ елико сътворихъ.

Остром. Л. 32, б: мнози вѣрваша въ нь отъ самарѣнъ за слово женѣ съвѣдѣтельствующи. ꙗко рече ми вса елика сътворихъ.

Ново-ц.-сл.: мнози вѣрваша въ Ѡнь Ѡ Самарѣнъ за слово жены свидѣтельствующи. ꙗко рече ми вса елика сътворихъ.

Греч. πολλοὶ ἐπιστεύσαν εἰς αὐτὸν τῶν Σαμαρειτῶν, διὰ τὸν λόγον τῆς γυναῖκος μαρτυροῦσας, ὅτι εἶπέ μοι πάντα, ὅσα ἐποίησα.

При существительномъ „слово“ въ древ.-церк.-сл. текстахъ стоитъ дательный падежъ „женѣ съвѣдѣтельствующи“, который можетъ быть понимаемъ въ качествѣ опредѣленія къ существительному „слово“, если онъ—не дательный самостоятельный; въ новомъ же церк.-слав. текстѣ поставленъ родительный падежъ жены свидѣтельствующи согласно съ греческимъ текстомъ.

Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно. Изъ нихъ ясно, что мысль г. Кипріяновича о возможности замѣнить безъ ущерба для дѣла др.-церк.-слав. языкъ новымъ церк.-слав. въ сравнительномъ синтаксисѣ русскаго языка—совершенно неосновательна и должна быть исключена изъ предисловія. Она, между прочимъ, опредѣляетъ и ту цѣнность, какую должно имѣть для читателя общаніе автора „генетически прослѣдить нѣкоторыя синтаксическія формы современной книжной рѣчи“.

Говоря о частных особенностях своего синтаксиса, г. Киприановичъ указываетъ въ немъ на слѣдующее свое нововведение: „Грамматическій терминъ *сокращенныя придаточныя предложения*, подъ которымъ разумѣются синтаксическіе факты, не содержащіе существеннаго признака предложения, глагола въ личной формѣ, замѣненъ другими терминами: *приложениемъ*, относительнымъ и обстоятельствомъ, и *обстоятельствомъ выраженіемъ*, болѣе отвѣчающими сущности синтаксическихъ фактовъ и принятыми въ учебникахъ классическихъ языковъ“. Здѣсь г. Киприановичу слѣдовало бы указать на тѣ учебники классическихъ языковъ, въ которыхъ приняты выше поименованные термины; но онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого. Приходится предположить, что онъ заимствовалъ термины изъ „Синтаксиса латинскаго языка для гимназій г. Кесслера“ (по 4-му изданію §§ 284 — 285), въ которомъ говорится, что „*причастіе*, будучи по формѣ прилагательнымъ, употребляется: 1) какъ *опредѣлительное слово*, 2) какъ *приложеніе* (*participium appositum*)“; (въ другихъ учебникахъ это причастіе называется также *participium appositivum* и *participium conjunctum*); что „причастіе, употребляемое въ значеніи приложенія, замѣняетъ собою или а) предложеніе *относительное*, или б) предложеніе *обстоятельное* [съ союзомъ]“ и пр. Итакъ, въ синтаксисѣ г. Кесслера, какъ видимъ, говорится о *предложеніи относительномъ* и *обстоятельномъ*, а не о *приложеніи*, о „*participium appositum*“, а не объ „*appositio*“, что — далеко не одно и тоже. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что это нововведеніе г. Киприановича въ синтаксисѣ русскаго языка не можетъ быть признано удачнымъ: оно, какъ увидимъ ниже, вовсе не соответствуетъ „сущности синтаксическихъ фактовъ“ русскаго языка, относящихся къ разряду, такъ-называемыхъ, сокращенныхъ придаточныхъ предложений. Прежде всего замѣтимъ, что при заимствованіи терминовъ изъ синтаксиса другихъ языковъ, хотя бы и классическихъ, то-есть, греческаго и латинскаго, въ синтаксисѣ русскаго языка необходимо сообразоваться съ формами и со смысломъ грамматическихъ категорій, существующихъ какъ въ классическихъ языкахъ, такъ и въ русскомъ. Въ противномъ случаѣ легко сдѣлаться виновникомъ не улучшения, а напраснаго насильственнаго подчиненія синтаксиса русскаго языка синтаксису другихъ языковъ. Не все то, что свойственно классическимъ языкамъ, можетъ быть также свойственно и русскому языку, — и наоборотъ. Такъ, въ данномъ случаѣ авторъ нововведенія выпустилъ изъ виду весьма важное основаніе для его непригодности, именно, то, что грамматическая

категорія *дѣепричастія* въ русскомъ языкѣ, какъ по формѣ, такъ и по смыслу своего употребленія въ немъ, не имѣетъ соотвѣтствующей себѣ грамматической категоріи въ языкахъ классическихъ. Русское дѣепричастіе есть форма адвербіальная, форма отглагольнаго нарѣчія, а употребляемое вмѣсто него въ томъ, или въ другомъ случаѣ, такъ называемое, *participium appositum, appositivum, или conjunctum* есть форма адъективная (*adjectiva*), форма отглагольнаго прилагательнаго имени. Дѣепричастіе въ русскомъ языкѣ, какъ членъ предложенія, тяготеетъ къ глаголу; *participium conjunctum* въ качествѣ члена предложенія тяготеетъ къ имени существительному. Дѣепричастіе по своей формѣ не подлежитъ согласованію; *participium conjunctum*, напротивъ, согласуется съ своимъ существительнымъ, къ которому относится, въ родѣ, числѣ и падежѣ. Поэтому, если *participium conjunctum* можетъ въ синтаксисѣ, напримѣръ, латинскаго языка имѣть значеніе *приложенія*, то отсюда не слѣдуетъ, что и то дѣепричастіе, которымъ можетъ быть переведено на русскій языкъ латинское *participium conjunctum*, должно имѣть и въ синтаксисѣ русскаго языка также значеніе *приложенія*. Если, напримѣръ, въ предложеніи „*militēs huc magno cursu contenderunt exanimatīque pervenerunt*“ (Caes. b. g. 3, 9, 1), что значить: „солдаты опрометью устремились и *запыхавшись* прибѣжали сюда“, — *participium appositum* или *conjunctum, exanimatī*, согласованное съ подлежащимъ „*militēs*“ въ родѣ, числѣ и падежѣ, можетъ имѣть въ латинскомъ языкѣ значеніе *приложенія*; то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что и русское дѣепричастіе „запыхавшись“, которымъ переведено *participium „exanimatī*“ должно имѣть также и въ русскомъ языкѣ значеніе *приложенія*, не смотря на то, что оно относится, по духу русскаго языка, не къ существительному „солдаты“, а къ глаголу „прибѣжали“. Въ русскомъ предложеніи „солдаты опрометью устремились и *запыхавшись* прибѣжали сюда“—дѣепричастіе *запыхавшись* должно быть разбираемо не *приложениемъ* къ подлежащему „солдаты“, съ которымъ оно по формѣ не имѣетъ никакой грамматической связи, а *словомъ обстоятельствомъ* къ сказуемому „прибѣжали“, къ которому оно относится на вопросъ: *какъ?* („какъ прибѣжали?“—„Такъ спѣшно, что запыхались“). Насколько несогласно съ духомъ русскаго языка приписывать дѣепричастію значеніе „обстоятельного приложенія“ и подводить его (дѣепричастіе) подъ синтаксическую категорію *participii appositivi, appositivi, или conjuncti* латинской рѣчи, видно изъ предложеннаго г. Кяпріановичемъ въ примѣчаніи къ § 51 на стран. 74 разбора примѣра,

взято изъ поэмы Пушкина „Полтава“: „блѣдень, недвижимъ, страда-
дая раной Карлъ явился“. Г. Киприановичъ подставляетъ къ словамъ
„блѣдень“ „недвижимъ“ дѣепричастіе „будучи“, и, полагая, что оно
вполнѣ соответствуетъ древнему церковно-славянскому причастію
сы или сѣи (служившему *антозиціонною связкою* въ выраженіяхъ
подобныхъ слѣдующему: „како можетъ члѣвкъ родити са старъ сѣи
греч. *κῶς δόχεται ἀνδρῶκος γεννηθῆναι γέρων ἑν. Іоан. III, 4*“, Остром. листъ
7, в) — видитъ, какъ въ словахъ „блѣдень“, „недвижимъ“, такъ
и въ дѣепричастіи „страдаѣ“—*приложенія* къ подлежащему „Карлъ“.
Такимъ образомъ, слова Пушкина: „блѣдень, недвижимъ, страда-
дая раной Карлъ явился“ превращаются въ слѣдующее предложеніе:
„блѣдень будучи, недвижимъ будучи, страдаѣ раной Карлъ явился“,
въ которомъ всѣ эти выраженія „блѣдень будучи“, „недвижимъ бу-
дучи“, и „страдаѣ раной“, какъ *приложенія* къ подлежащему „Карлъ“,
получаютъ въ синтаксическомъ отношеніи *равносильное значеніе*, то
есть, какъ будто-бы слѣдуетъ понимать ихъ такъ: „Карлъ явился,
хотя, или не смотря на то, что былъ *блѣдень*“; „Карлъ явился, хотя,
или не смотря на то, что былъ *недвижимъ*“ („явился, будучи недви-
жимъ“—странно!), и „Карлъ явился, хотя, или не смотря на то, что
страдаѣ раной, или отъ раны“; — въ поэмѣ же, очевидно, между
словами „блѣдень“, „недвижимъ“ и выраженіемъ „страдаѣ раной“ су-
ществуетъ причинная связь, то-есть, Карлъ явился блѣдень, недви-
жимъ, потому что страдаѣ отъ раны; слѣдовательно, выраженія:
„блѣдень“, „недвижимъ“ и „страдаѣ раной“—*неравносильны* между
собою. Ясно, что предложенный г. Киприановичемъ разборъ ведетъ
къ совершенному искаженію смысла того мѣста поэмы, откуда взято
вышеприведенное предложеніе. Въ этомъ мѣстѣ поэмы Пушкинъ
изображаетъ контрастъ между появленіемъ Петра и появленіемъ
Карла XII во главѣ своихъ полковъ предъ началомъ Полтавской
битвы, говоря о Петрѣ:

„И онъ промчался предъ полками
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслся толпой
Сѣи птенцы гнѣзда Петрова“ и пр.

а о Карлѣ XII:

„И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдаѣ раной Карлъ явился“.

Изъ разбора же г. Кипріяновича выходитъ, что Пушкинъ какъ будто бы имѣлъ въ виду изобразить тѣ трудности, которыя Карлъ XII долженъ былъ преодолѣть, чтобы явиться во главѣ своихъ войскъ. Г. Кипріяновичъ при составленіи своего синтаксиса недостаточно соображалъ его части; потому что его разборъ вышеприведеннаго примѣра въ примѣчаніи къ § 51 на стран. 74 противорѣчитъ тому, что говорится въ его же синтаксисѣ въ § 8-мъ на стран. 5-й о составномъ сказуемомъ. Тамъ говорится, что въ составномъ сказуемомъ „кромѣ вспомогательнаго глагола *быть*, нѣкоторые глаголы средняго и въ формѣ возвратнаго, для полнаго выраженія своего значенія, требуютъ еще имени. Таковы а) глаголы, означающіе *возникновеніе*: *являться, рождаться, стать, становиться, казаться, сдѣлаться, дѣлаться* и др.; б) глаголы, означающіе *пробываніе* или *движеніе* и др.“ и пр. И, между прочимъ, приводится такой примѣръ: „*задумчивъ, тихъ сидѣлъ* межъ нами Грозный“. Очевидно, этотъ примѣръ совершенно такого же синтаксическаго построенія, какъ и разобранный выше: „*блѣдень, недвижимъ, страдая раной* Карлъ явился“. Если въ предложеніи „*задумчивъ, тихъ сидѣлъ* межъ нами Грозный“ слова „*задумчивъ, тихъ*“ должны быть разбираемы виѣствѣ съ глаголомъ „*сидѣлъ*“, какъ *составное сказуемое*; то и въ предложеніи „*блѣдень, недвижимъ, страдая раной* Карлъ явился“ слова „*блѣдень, недвижимъ*“ должны быть разбираемы виѣствѣ съ глаголомъ „*явился*“, какъ *составное сказуемое*. Ясно, что г. Кипріяновичъ, увлекшись своимъ нововведеніемъ, допустилъ путаницу въ содержаніи своей книги. И такъ, предложеніе „*блѣдень, недвижимъ, страдая раной* Карлъ явился“, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разбирать такимъ образомъ: данное предложеніе есть предложеніе *сложное*, въ которомъ *главное предложеніе* заключается въ словахъ: *блѣдень, недвижимъ Карлъ явился*; а выраженіе „*страдая раной*“ есть *сокращенное придаточное обстоятельствоенное предложеніе*. Въ главномъ предложеніи „Карлъ“ — подлежащее, „*блѣдень, недвижимъ явился*“ — составное сказуемое; въ придаточномъ сокращенномъ предложеніи „*страдая*“ есть обстоятельствоенное слово къ глаголу „*явился*“, выраженное въ формѣ *дѣепричастія* виѣсто формы изъяснительнаго наклоненія съ союзомъ: *потому что страдалъ*, — *раной* или *отъ раны* — обстоятельство причины къ слову „*страдая*“. Еще менѣе можно согласиться съ г. Кипріяновичемъ, что въ слѣдующемъ предложеніи, несомнѣнно сложномъ: „увидя то, на мысли Волку вспало“ Крыл., дѣепричастіе „увидя“ слѣдуетъ понимать, какъ *приложеніе* (примѣч.

къ § 51, стр. 74). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что замѣна термина „сокращенныя придаточныя предложенія“ терминами „приложенеіе относительное“, „приложенеіе обстоятельствоенное“ служитъ не столько къ лучшему пониманію синтаксическихъ формъ въ русскомъ языкѣ, сколько къ затемненію понятія о приложеніи, какъ объ известной, опредѣленной синтаксической категоріи словъ въ рѣчи. Что же касается доказательства quasi несостоятельности термина „сокращенныя придаточныя предложенія“, приводимаго г. Киприановичемъ въ предисловіи, то оно нисколько неубѣдительно. Онъ говоритъ: „несостоятельность термина „сокращенныя придаточныя предложенія“ доказывается и установившимся опредѣленіемъ „сокращеннаго предложенія“, имѣющаго явное или подразумеваемое сказуемое, и практикой, именно тѣмъ, что ни учитель, ни ученикъ не могутъ назвать ни подлежащаго, ни сказуемаго въ такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ, не измѣняя словесной формы даннаго выраженія“. Но, во-первыхъ, терминъ „придаточное сокращенное предложеніе“ — не то же, что просто „сокращенное предложеніе“, подъ которымъ разумѣется *выраженіе эллиптическое*; во-вторыхъ, и въ эллиптическомъ выраженіи или предложеніи ни ученикъ, ни учитель также иногда не могутъ назвать ни подлежащаго, ни сказуемаго, какъ, на примѣръ, въ предложеніяхъ: „изъ огня да въ поляны“, „безъ рубля, какъ безъ шпаги“, „у хлѣба не безъ крохъ“, „за упрямку — въ ляжку“, „Богу на грѣхъ, добрымъ людямъ на смѣхъ“ и т. п.; въ-третьихъ, измѣненіе формы сокращеннаго придаточнаго предложенія въ форму полнаго придаточнаго предложенія дѣлается, вѣдь, не произвольно: оно обуславливается самою сущностію тѣхъ грамматическихъ категорій (причастія и дѣепричастія), посредствомъ которыхъ возможно въ русскомъ языкѣ сокращеніе полныхъ придаточныхъ предложеній. Не изгонять изъ русскаго синтаксиса слѣдуетъ терминъ „сокращенныя придаточныя предложенія“, а напротивъ, твердо держаться его для синтаксическаго анализа русской рѣчи: только въ русскомъ языкѣ есть грамматическія категоріи, способныя сообщить придаточнымъ предложеніямъ формы, вполне соответствующія типическимъ формамъ замѣняемыхъ ими (то-есть, придаточными предложеніями) членовъ другаго предложенія. Такъ, для замѣны опредѣлительнаго слова въ какомъ либо предложеніи предложеніемъ, соответствующимъ типической формѣ опредѣлительнаго слова (то-есть, имени прилагательному), въ русскомъ языкѣ есть грамматическая категорія *причастія*; для замѣны обстоятельствоеннаго слова въ какомъ либо

предложеніи предложеніемъ, соотвѣтствующимъ типической формѣ обстоятельственнаго слова (то-есть, нарѣчію), въ русскомъ языкѣ есть грамматическая категория *дѣепричастія*, которой нѣтъ ни въ классическихъ языкахъ, ни въ языкѣ церковно-славянскомъ. Обѣ эти категории, характеризуя собою *сокращенную форму придаточнаго предложенія* (*опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ*), образуются изъ сказуемыхъ глаголовъ тѣхъ же предложеній; слѣдовательно, измѣненіе формы сокращеннаго придаточнаго предложенія въ форму полнаго придаточнаго предложенія не только не произвольно, но оно обязательно при разборѣ: оно-то и учитъ практически пониманію правильности и неправильности тѣхъ оборотовъ, въ которыхъ участвуетъ дѣепричастіе. Благодаря именно этому измѣненію г. Кириіановичъ и могъ замѣтить „погрѣшность противъ чистоты литературнаго языка“ въ такихъ выраженіяхъ, какъ, напримѣръ: „пустыня, взоръ *насутя* свой, утесы и скалы дремали“ Держ. (§ 72, стр. 91). Въ самомъ дѣлѣ, измѣнивъ форму сокращеннаго придаточнаго предложенія „взоръ *насутя* свой“ въ форму полнаго предложенія „*когда насутила* свой взоръ“, получимъ слѣдующее выраженіе: „пустыня, *когда насутила* свой взоръ, утесы и скалы дремали“; въ этомъ выраженіи подлежащее „пустыня“ осталось безъ сказуемаго и такимъ образомъ неправильность выраженія стала очевидною. Здѣсь кстати замѣтимъ, что неправильное употребленіе формъ дѣепричастія въ литературномъ языкѣ, къ сожалѣнію, встрѣчается перѣдко: въ одномъ учебникѣ по Исторіи Русской Словесности, удостоенномъ даже петровской преміи, читаемъ слѣдующее выраженіе; „Выйдя изъ сената, Державинъ былъ назначенъ олонецкимъ губернаторомъ“(1).. Такимъ образомъ, всѣ тѣ мѣста въ синтаксисѣ г. Кириіановича, въ которыхъ говорится объ относительныхъ и обстоятельственныхъ приложеніяхъ, по нашему мнѣнію, требуютъ исправленія.

Тоже слѣдуетъ сказать и о §§ 39 и 40, въ которыхъ рѣчь идетъ о значеніи и употребленіи *предлоговъ* въ посредственномъ управленіи. Хотя авторъ слѣдовалъ „Исторической грамматикѣ“ О. И. Буслаява (3-е изд. §§ 162 и 251), однако эти параграфы представляютъ собою лишнее бремя для учениковъ и учителей. Ученіе о томъ, что „предлоги, соединяясь съ косвеннымъ падежомъ, могутъ имѣть *дво-якое* значеніе: *собственное* (первоначальное) и *переносное*“;—что „въ собственномъ значеніи предлогъ показываетъ пребываніе или движеніе предметовъ въ пространствѣ; въ переносномъ — пребываніе или движеніе предметовъ во времени и различныя внутреннія отношенія,

или отношенія мысли: *основаніе, цѣль, причину* и др. — все это не можетъ считаться вѣрнымъ и должно быть исключено изъ учебника. Всѣ эти значенія, приписываемыя предлогамъ, принадлежать не имъ, а самимъ именамъ существительнымъ и тѣмъ падежамъ, съ которыми предлоги соединяются въ рѣчи. Если предлогъ соединяется съ именемъ существительнымъ, обозначающимъ мѣсто, то и предлогъ имѣеть значеніе *мѣстное*. Если же предлогъ соединяется съ именемъ существительнымъ, обозначающимъ время, то и предлогъ имѣеть значеніе *временное*. Если существительное имя стоитъ въ формѣ, напримеръ, родительнаго падежа, которою вообще обозначается направленіе—*откуда*, то и предлогъ показываетъ *движеніе—откуда* и т. п., напримеръ, въ выраженіи „съ юри“ предлогу *съ* приписывается значеніе *собственное*, то-есть, „*движеніе—откуда*“ въ пространствѣ; а въ выраженіи „съ утра“ предлогу *съ* приписывается значеніе *переносное*, то-есть, „*движеніе—откуда*“ во времени и т. п. Ясно, что предлогу приписывается то, чего онъ самъ по себѣ въ сущности не имѣеть. Безъ существительнаго имени и безъ его падежа взятый отдѣльно простой первообразный предлогъ, самъ по себѣ, подобно мѣстоименному корню, отъ котораго онъ ведетъ свое происхожденіе, имѣеть лишь значеніе простаго указанія, или, такъ сказать, значеніе намека на какую-либо сторону предмета (внѣшнюю, внутреннюю, верхнюю, нижнюю, заднюю, переднюю и т. п.) въ пространствѣ; но въ соединеніи съ падежемъ онъ служитъ къ точнѣйшему обозначенію или къ большому ограниченію того общаго обстоятельственнаго значенія, которое принадлежитъ косвенному падежу существительнаго имени. Очевидно, что эти обстоятельственные значенія могутъ быть чрезвычайно разнообразны; поэтому въ учебникѣ тамъ, гдѣ приходится говорить о значеніи и употребленіи предлоговъ, достаточно было бы, по нашему мнѣнію, опредѣлить вообще различіе между собственными предлогами и несобственными, то-есть нарѣчными, именно: при какомъ условіи эти послѣднія могутъ получать значеніе предлоговъ въ рѣчи; отдѣлять простые первообразные предлоги отъ сложныхъ и указать, съ какими косвенными падежами можетъ соединиться въ современномъ русскомъ языкѣ каждый изъ первообразныхъ простыхъ и сложныхъ предлоговъ и по какимъ вопросамъ.

Въ §§ 41 — 44 (стр. 59 — 68) ученіе о значеніи и употребленіи временъ изложено довольно сбивчиво и слѣдовательно, неясно. Такъ, въ § 41 читаемъ слѣдующее опредѣленіе значенія *настоящаго времени*: „*настоящее* время означаетъ дѣйствіе, одновременное съ мо-

ментомъ рѣчи, или продолжающееся въ настоящемъ; поэтому мысли, общія для всякаго времени, выражаются настоящимъ временемъ“. Неясно! Во-первыхъ, не „настоящее время означаетъ дѣйствіе“ и пр., а глаголь въ формѣ настоящаго времени означаетъ дѣйствіе, одновременно съ моментомъ рѣчи о немъ лица говорящаго; во-вторыхъ, для чего прибавлено „или продолжающееся въ настоящемъ“?—выходитъ, что „настоящее время означаетъ дѣйствіе, продолжающееся въ настоящемъ“, то-есть, конечно, „времени“—тавтологія, ровно ничего необъясняющая; въ-третьихъ, это опредѣленіе представляется общимъ для всѣхъ глаголовъ, а въ § 42 подъ заглавіемъ „значеніе прошедшаго времени“ и въ § 44 подъ заглавіемъ: „значеніе и употребленіе будущаго времени“ предлагаются опредѣленія значеній прошедшаго и будущаго времени частныя, относящіяся къ тому, или другому разряду глаголовъ по видамъ; такъ, напримѣръ, значеніе прошедшаго времени опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „*прошедшее* время глаголовъ *несовершеннаго вида* означаетъ дѣйствіе дѣйствительное, *продолжавшееся въ прошедшемъ* (соотвѣт. церковно-слав., латинск., греческ. imperfectum)“. „*Прошедшее* время глаголовъ *совершеннаго и однократнаго вида* означаетъ дѣйствіе законченное въ прошедшемъ (латинск., греческ., perf. церковно-слав. и греч. аор. или описательно: есмь-лъ)“ и т. п. Очевидная сбивчивость, непоследовательность въ изложеніи! Но особенно странно то, что, опредѣляя значеніе временъ прошедшаго и будущаго по видамъ: несовершенному, совершенному, однократному и многократному, авторъ не говоритъ ничего въ своемъ синтаксисѣ о самихъ видахъ, о значеніи и употребленіи ихъ въ русскомъ языкѣ, то-есть, выпускаетъ ученіе объ одной изъ важнѣйшихъ особенностей русскаго языка, представляющей, какъ извѣстно, едвали не самую большую трудность для иностранцевъ при его изученіи. Вслѣдствіе этого автору пришлось сочинять и вносить въ ученіе о значеніи и употребленіи временъ довольно странныя правила, какъ, напримѣръ, на стр. 63 въ § 44 подъ буквою *v* читаемъ: „*будущее* глаголовъ совершеннаго и однократнаго вида, *если мыслится въ связи* съ настоящимъ и прошедшимъ временемъ, всегда означаетъ дѣйствіе, предшествующее настоящему, или прошедшему времени (=лат. perf. и plusq. въ греч. аор.)“. Какъ же это такъ? „если *будущее* мыслится въ связи съ настоящимъ и прошедшимъ“; то оно „всегда означаетъ *прошедшее*!“ значить: въ одно и тоже время оно мыслится и будущимъ и прошедшимъ временемъ?! Словомъ, по этому правилу русскій языкъ представляетъ

собою такую аномалію, какой нѣтъ ни въ одномъ изъ родственныхъ ему языковъ индо-европейскаго племени: въ русскомъ языкѣ будто бы возможно употребленіе будущихъ временъ для обозначенія дѣйствій предшествующихъ настоящему, или прошедшему времени, то-есть, вообще говоря, — дѣйствій прошедшихъ! По вышеприведенному правилу различіе между предложеніемъ, напримѣръ: „лѣтомъ я обыкновенно *встаю* рано, *выпью* стаканъ молока, *возьму* книгу, *уйду* въ лѣсъ, *усядусь* подъ деревомъ и *читаю* до двухъ часовъ пополудни“ и предложеніемъ: лѣтомъ я обыкновенно *встаю* рано, *выпиваю* стаканъ молока, *беру* книгу, *ухожу* въ лѣсъ, *сажусь* подъ деревомъ и *читаю* до двухъ часовъ пополудни“—состоитъ въ томъ, что въ первомъ предложеніи дѣйствія: *выпью*, *возьму*, *уйду*, *усядусь* будущего времени мыслятся въ связи съ дѣйствіями: *встаю* и *читаю*—настоящаго времени и потому получаютъ значеніе *прошедшихъ дѣйствій* по отношенію къ послѣднимъ дѣйствіямъ (*встаю* и *читаю*): то-есть, дѣйствія: *выпью*, *возьму*, *уйду* и *усядусь* мыслятся при дѣйствіяхъ: *встаю* и *читаю* и будущими и прошедшими виѣстѣ(!); а во второмъ предложеніи — всѣ дѣйствія настоящаго времени; слѣдовательно, все различіе между первымъ и вторымъ предложеніями сводится въ сущности къ тому, что въ первомъ предложеніи господствуетъ какая-то путаница временъ, допускаемая въ русскомъ языкѣ; а во второмъ—этой путаницы нѣтъ—вотъ и все! Несостоятельность вышеприведеннаго правила очевидна. Дѣло въ томъ, что никакой путаницы временъ нѣтъ и въ первомъ предложеніи: дѣйствія *выпью*, *возьму*, *уйду*, *усядусь* въ немъ мыслятся не какъ дѣйствія будущаго времени, а какъ дѣйствія, проявляющіяся съ болѣею быстротою по отношенію къ дѣйствіямъ „*встаю* и *читаю*“—и ни одно изъ этихъ дѣйствій не имѣетъ значенія настоящаго или будущаго времени; во второмъ же предложеніи о всѣхъ дѣйствіяхъ лица говорящаго разказывается, какъ о дѣйствіяхъ равносильныхъ по отношенію къ быстротѣ своего проявленія. Это простое и вполне соответствующее смыслу вышепредложенныхъ примѣровъ объясненіе возможно лишь на основаніи пониманія значенія и употребленія видовыхъ формъ русскаго глагола, о которыхъ въ синтаксисѣ г. Кяпріановича не имѣется никакихъ свѣдѣній. Если бы авторъ синтаксиса твердо держался грамматической почвы, то-есть, *формъ языка*; то, конечно, онъ не могъ бы пускаться въ объясненія значеній временъ, не опредѣливъ прежде всего ихъ формъ, и не могъ бы забыть о такихъ важныхъ формахъ, какими являются въ русскомъ языкѣ виды глаголовъ. Здѣсь кстати можно замѣтить, что вообще составители грамматическихъ учебни-

ковъ по русскому языку весьма часто уклоняются въ сторону отъ его грамматической почвы, мало обращаютъ надлежащаго вниманія на существующія въ немъ формы и на ихъ значеніе, перѣдко смѣшиваютъ грамматику съ логикою, и подъ влияніемъ или своихъ личныхъ соображеній, или ученій, заимствованныхъ изъ грамматикъ другихъ языковъ, приписываютъ иногда своему отечественному языку то, что совершенно противорѣчитъ его духу, не замѣчая того, что относится къ его существеннымъ свойствамъ.

Въ § 54 на стр. 78 приступая къ синтаксису сложнаго предложенія, г. Кириѣновичъ опредѣляетъ сложное предложеніе слѣдующимъ образомъ: „сложное предложеніе“, говоритъ онъ, „есть *сочетаніе* двухъ и болѣе простыхъ предложеній въ одну рѣчь“. Это опредѣленіе — и логически неправильно и грамматически невѣрно: сложное предложеніе вовсе не есть *сочетаніе* чего либо, а есть *грамматическая форма* рѣчи, состоящая изъ двухъ и болѣе простыхъ предложеній. Притомъ, такъ какъ простыя предложенія могутъ находиться только въ двоякаго рода отношеніи между собою: въ отношеніи *сочиненія* (*coordinatio*), или въ отношеніи *подчиненія* (*subordinatio*), то терминъ „сочетаніе“ оказывается совершенно лишнимъ, немнѣющимъ грамматическаго значенія въ условіяхъ образованія сложнаго предложенія, — и потому долженъ быть вовсе исключенъ изъ синтаксиса сложнаго предложенія. Правда, онъ представляется довольно удобнымъ для пишущихъ грамматикъ и встрѣчается не въ однихъ только учебникахъ для среднихъ учебныхъ заведеній, но и въ пособияхъ болѣе ученаго характера; тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ устранить изъ грамматическихъ учебниковъ; потому что онъ даетъ поводъ къ сбивчивости понятій и заслоняетъ собою сущность дѣла. Съ нимъ неразрывно связаны въ учебникахъ такія странныя выраженія, какъ „*раздѣлительное сочетаніе*“ (§ 92, стр. 104) „*противительное сочетаніе*“ (1) (§ 93, стр. 105). Въмѣсто всѣхъ этихъ странныхъ сочетаній слѣдовало говорить „о формѣ раздѣлительнаго сложнаго предложенія“, „о формѣ противительнаго сложнаго предложенія“ и т. п., или просто „о раздѣлительномъ сложномъ предложеніи“, „о противительномъ сложномъ предложеніи“ и т. п.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, относящихся къ отдѣльнымъ выраженіямъ или положеніямъ:

На стр. 2, § 4: „слова, входящія въ составъ предложенія, называются *членами предложенія*, или *его частями*“. А предлоги и союзы? или они — не слова?

Стр. 2, строка 4 снизу: „главные члены предложения: *подлежащее* и *сказуемое* составляющие основаніе предложения“. Выраженіе какъ будто недоконченное. Не лучше ли было бы сказать такъ „главные члены предложения: *подлежащее* и *сказуемое*. Они составляютъ основаніе предложения“?

Въ примѣрѣ на стр. 6-й положенія къ § 8: „*χαλεπὸν εὐρεῖν = difficile inventu*“ между греческимъ выраженіемъ и латинскимъ нѣтъ синтаксическаго равенства.

Стр. 24, примѣч. 1: „Если глаголъ *быть*, служа связкой, въ настоящемъ времени опущенъ, то именное сказуемое ставится и въ твор. и имен. падежѣ; если въ настоящемъ времени онъ на лицо, то сказуемое именное ставится въ именит. падежѣ“. Примѣры:

„Проклятый сонъ всему *виной*. Медъ твоимъ всегдашнимъ *бредомъ*. Дм. Средь коей (семьи) самъ я *господиномъ*. Держ. А тетушка? все *двухушкой*, *Минервой*. Гриб. *Причиною* смерти несчастный случай. Лерм. Первое замѣчательное мѣсто есть *крѣпость* Минареть“. Пушкинъ. Если г. Киприановичъ считаетъ личныя формы вспомогательнаго глагола *есмь*, *еси*, *естъ* и пр. за формы настоящаго времени глагола *быть*; то примѣчаніе его крайне ошибочно: при этихъ формахъ вспомогательнаго глагола именное сказуемое въ русскомъ языкѣ всегда ставится только въ именит. падежѣ, будетъ ли связка на лицо, или нѣтъ. Если же встрѣчается при ф. *есмь* и пр. именное сказуемое въ формѣ творит. падежа, то это — полонизмъ. Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ съ именнымъ сказуемымъ въ творит. падежѣ можно и должно подразумѣвать опущеніе другихъ вспомогательныхъ глаголовъ (съ формами *быль*, *будеть*, *бываетъ*), а не формы *есмь*, *еси*, *естъ* и пр.

Стр. 25, прим. 4: „При глаголахъ въ страдат. залогѣ, какъ-то: *избираться*, *назначаться*, *производиться*, также при глаголахъ: *отправлять*, *послать* и др. сказуемое именное ставится во множеств. числѣ въ винит. падежѣ, *при чемъ винит. падежъ* (имя *должности*, *званія*, *чина* и т. п. принимается за существительное собирательное) *бываетъ сходенъ съ именит. множ. числа*“. (Ср. 48 къ § 40 подъ буквою *ж*). Примѣры: „*въ надсмотрщици медвѣдь былъ выбранъ* надъ ульями“. „Въ деревню онъ *былъ сосланъ въ пастухи*“. Крыл. Во-первыхъ, въ правилѣ къ словамъ „сказуемое именное ставится во множ. числѣ въ винит. падежѣ“ слѣдуетъ прибавить слова „съ предлогомъ *съ*“; во-вторыхъ, слова „при чемъ винительный падежъ бываетъ сходенъ съ именительнымъ“ — представляютъ отношеніе и ис-

торію падежныхъ формъ въ русскомъ языкѣ въ превратномъ видѣ. Дѣло въ томъ, что въ современномъ намъ русскомъ языкѣ имена существительныя не имѣютъ уже формы именит. падежа множ. числа: употребляемыя нами формы именъ существительныхъ въ качествѣ именит. падежа множ. числа суть древнія формы винит. падежа множ. числа; даже имена существ. муж. рода мягкаго склоненія съ первичными основами на *о*, какъ, напримѣръ, конь (вм. *коңю*) едва ли составляютъ исключеніе изъ сказаннаго положенія. Слѣдовательно, слова: „при чемъ винит. падежъ бываетъ сходенъ съ именительнымъ“ слѣдуетъ вычеркнуть, а слова „сказуемое именное ставится во множ. числѣ въ винит. падежѣ“ замѣнить словами „сказуемое именное ставится въ древнемъ винит. падежѣ съ предлогомъ *съ*“. Формы: „*надсмотрщики*“; „*настухи*“—суть формы древняго винит. падежа множественнаго числа, употребляемыя нынѣ въ качествѣ формъ именительнаго падежа.

Подобныхъ замѣчаній можно было бы сдѣлать больше, но мы полагаемъ, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобы обратить вниманіе автора на необходимость снова пересмотрѣть учебникъ съ цѣлью его исправленія и улучшенія.

Н. Некрасовъ.

Книжныя новости.

А. Ф. Мёбиусъ. Астрономія. Съ 8-го гёмоцкаго изданія „*Astronomie von A. F. Moebius (1790—1868)*“, обработаннаго профессоромъ *Г. Кринцель*, перевелъ *Л. Г. Малмъ*. Съ 38-ю фигурами и картой Сѣвернаго звѣзднаго неба, рѣзанными на деревѣ. С.-Пб. 1895. Стр. 172.—Названная книга содержитъ въ себѣ семь главъ, трактующихъ послѣдовательно о землѣ, о годовомъ движеніи земли, о движеніи луны, о движеніи планетъ и ихъ спутниковъ, о физическихъ свойствахъ тѣлъ солнечной системы, о кометахъ и метеорахъ и о неподвижныхъ звѣздахъ. Главное достоинство этой книжки краткость и сжатость изложенія, но, къ сожалѣнію, эта сжатость изложенія не позволитъ начинающему изучать астрономію уяснить себѣ нѣкоторыя явленія. Возьмемъ примѣры: Аберрація свѣта (стр. 52) посвящена слѣдующія 18 строкъ, содержащихъ въ себѣ много непонятнаго: „Въ то время, какъ свѣтовой лучъ отъ полюса эклиптики достигаетъ отъ верхняго конца астрономической трубы, направленной на этотъ полюсъ, до ея глазнаго конца, труба опишетъ вмѣстѣ съ землей небольшой путь, равный одной десятитысячной части длины трубы. Чтобы свѣтовой лучъ шелъ по оси трубы и могъ быть видимъ въ среднѣй

поля зрѣнія, нужно наклонить впередъ верхній конецъ на $\frac{1}{10000}$ длины трубы. Значить, видимое направленіе, по которому мы усматриваемъ звѣзду, образуетъ съ истиннымъ направленіемъ уголъ въ $20^{\circ},45$ въ направленіи движенія земли. Полюсь эклиптики опишетъ поэтому въ теченіе года кажущійся кругъ, котораго видимый радіусъ $20^{\circ},45$. Для звѣзды, ближе лежащей къ эклиптикѣ, этотъ кругъ обращается въ эллипсъ, большая ось котораго равна $2 \cdot 20^{\circ},45 = 40^{\circ},9$ и параллельна къ эклиптикѣ, малая ось будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ ближе звѣзда къ эклиптикѣ. Не думаемъ, чтобы ученикъ усвоилъ собѣ явленіе абераціи изъ вышеприведеннаго объясненія. Фазы луны объясняются (стр. 62), безъ всякаго чертежа, на слѣдующихъ строкахъ: „Въ соединеніи луна невидима, потому что солнце освѣщаетъ ее на отвращенной отъ насъ сторонѣ, а обращенная къ намъ сторона лежитъ въ тѣни. Когда луна въ первой четверти на 90° по долготѣ впереди солнца, тогда солнце освѣщаетъ западную правую сторону луны, и луна представляется въ видѣ полукруга“. Не мало затрудненій представило бы для ученика изученіе движенія неба по тѣмъ чертежамъ, которые помѣщены на стр. 4, 11, 26, 34, ибо всѣ эти чертежи представляютъ стереографическія проекціи небесной сферы, причемъ глазъ помѣщается то въ надирѣ, то въ точкѣ востока, то въ точкѣ сѣвера, и читателю предлагается держать фигуры 2 и 8 надъ собою, чтобы ориентироваться на небѣ. Кромѣ сего, чертежи, въ техническомъ отношеніи, исполнены неудовлетворительно. Какъ на примѣръ, укажемъ на чертежи 23 и 24 (стр. 79 и 80), изображающіе видимое движеніе планетъ. Переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ удаченъ. Возьмемъ примѣръ. Стр. 1. „Земля кажется намъ плоскимъ кругомъ“. Какъ будто кругъ можетъ быть не плоскимъ? Стр. 2. „На фиг. 1 кругъ представляетъ очертаніе небесной сферы, если глазъ помѣщенъ въ горизонтѣ во вѣршней весьма удаленной точкѣ“. Стр. 5. „Такъ какъ вращеніе равномѣрно, то не только дневная дуга, но и время между восходомъ и заходомъ дѣлится моментомъ кульминаціи пополамъ. Для околополярныхъ звѣздъ *напротивъ* (?) время отъ нижней кульминаціи до верхней равно времени отъ верхней кульминаціи до нижней“. Какъ будто для звѣздъ не околополярныхъ время отъ нижней кульминаціи до верхней не равно времени отъ верхней кульминаціи до нижней? Стр. 44. „Въ меньшій промежутокъ времени между обѣими зенитными кульминаціями солнце бываетъ въ полдень въ сѣверной сторонѣ меридіана“. Стр. 56. „Сидерическій годъ или время, въ которое солнце имѣетъ то же разстояніе отъ той же звѣзды“. Стр. 57. „Аномалистическій годъ или время, въ которое солнце снова приходитъ въ перигей“.

Колубовскій, Н. Философскій Ежегодникъ. Годъ второй 1894 изданіе Л. Ф. Пачтислева. Москва. 1896. 8°.—Трудъ г. Колубовскаго весьма полезенъ для всѣхъ занимающихся философіей; въ этомъ трудѣ читатель найдетъ полную и превосходно составленную библиографію, а также очень толковую оцѣнку всѣхъ почему-либо замѣчательныхъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ Философскаго Ежегодника. Двойко заслуживаетъ вниманія и сочувствія въ книгѣ г. Колубовскаго,—терпѣніе, съ которымъ авторъ разскалъ всѣ статьи, имѣющія хотя бы самое отдаленное отношеніе къ философіи, и—добросовѣстность, съ которою авторъ даетъ отчетъ о прочитан-

номъ. Нѣкоторые отзывы автора весьма рѣзки, хотя всегда объективны, то-есть, рѣчь идетъ всегда о мнѣніяхъ, а не о лицахъ, и по большей части вполне сираведливы. Составителю можно сдѣлать только одинъ упрекъ, а именно тотъ, что онъ помѣщаетъ въ свой ежегодникъ, статьи, которыя слишкомъ вышнимъ образомъ связаны съ философiей, напримѣръ, такія, которыя, хотя и не относятся къ философiи, но написаны авторомъ, обыкновенно избирающимъ философскіе предметы для своихъ размышленій. Напримѣръ, какое отношеніе имѣетъ статья г. Оболенскаго „Новыя изслѣдованія о вредѣ спиртныхъ напитковъ“ къ философiи? Но этому нашему замѣчанію мы не придаемъ большаго значенія, ибо относительно подобныхъ обзоровъ литературы всегда можно сдѣлать подобныя формальныя возраженія, и лучше помѣстить въ обзорѣ слишкомъ обильныя указанія, чѣмъ недостаточныя.

Сборникъ Историко-филологическаго Общества при институтѣ кн. Вяземскаго въ Пѣзинѣ. Т. I. Кіевъ. 1896. 219 стр.—Въ первомъ „Отдѣлѣ“ этого новаго изданія мы находимъ лѣтопись Общества, которое открыло свои дѣятели 14-го сентября 1894 г. въ числѣ 21 члена; черезъ годъ ихъ было уже 53; за первый годъ своей дѣятельности Общество имѣло 12 засѣданій, на которыхъ было прочтано 9 рефератовъ по русской исторіи и русской словесности, 5 по классической филологіи и 2 по педагогическимъ вопросамъ; Общество получило въ свое вѣдѣніе архивъ бывшаго греческаго магистрата. Вслѣдъ за лѣтописью Общества идутъ рефераты членовъ: И. П. Михайловскаго—„Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи“. Этотъ очеркъ представляетъ вступительную главу къ приготовляемому авторомъ большому труду „Обзоръ литературной дѣятельности Спаарія въ Россіи“. Авторъ воспользовался почти всѣми напечатанными до него работами по этому вопросу, многое проверилъ и пополнилъ по дѣламъ Главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и въ общемъ далъ одну изъ лучшихъ характеристикъ жизни и службы Спаарія въ Россіи и отчасти его сочиненій; въ приложеніяхъ (19 №№) приведены нѣкоторыя изъ архивныхъ выписокъ. Статья И. А. Сребницкаго—„Къ біографіи Георгія Коинскаго“—довольно удачный, хотя и краткій, очеркъ жизни и религиозно-политической дѣятельности іерарха, составленный какъ на основаніи печатныхъ матеріаловъ, такъ отчасти и не напечатанныхъ еще семейныхъ документовъ рода Коинскихъ; документы эти помѣщены въ приложеніяхъ. Е. В. Штухову принадлежатъ рѣчи „А. С. Грибоѣдовъ“ (1795—1895), ему же—„О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи“. Авторъ держится обычнаго воззрѣнія, что—главное значеніе басенъ Крылова моральное, рекомендуя, однако, строгій выборъ ихъ; по словамъ „Отчета“ его докладъ вызвалъ рядъ противоположныхъ сужденій, въ которыхъ, главнымъ образомъ, указывалось на художественное достоинство басенъ, могущее дѣйствовать благотворно даже болѣе морали. М. И. Березковъ далъ статью—„Смутное время Московскаго государства. Соч. Д. Иловайскаго“. М. 1894 г.; сочиненіе это онъ ставитъ въ рядъ лучшихъ историческихъ работъ и очень поспѣло высказываетъ „нѣкоторыя пожеланія“ ему по поводу „болѣе обстоятельнаго изображенія какъ дѣятельности русскаго земства въ смутное время“, такъ и вопроса о Михайловой запискѣ, чѣмъ сдѣланное историкомъ; г. Березову же принадле-

жить статья — „Георгій Конисскій, какъ проповѣдникъ“; А. П. Кадлубовскому — „Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи“. Авторъ приходитъ къ заключенію, что „Грибоѣдовъ явился (въ „Горѣ отъ ума“) выразителемъ стремленій и думъ лучшихъ людей того времени и изобразилъ положеніе ихъ въ современномъ обществѣ, борьбу ихъ съ массою“; онъ „завершилъ дѣло низверженія классической теоріи и освобожденія отъ нея русской литературы“, первый въ Россіи сдѣлалъ поэзію орудіемъ для выраженія собственной личности и души поэта, его завѣтныхъ стремленій и чувствъ, и былъ лучшимъ проводникомъ въ поэзіи „правды, искренности и свободы“. Е. И. Камшировскій въ статьѣ—„Учрежденіе Смоленской епископіи“ старается доказать, что Смоленская епископія учреждена ранѣе 1135—1137 гг.

Извѣстія Историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XV. Нѣжинъ. 1895.—Въ октябрѣ 1895 г. исполнилось 75 лѣтъ со дня основанія Нѣжинскаго института; почти весь XV томъ „Извѣстій Института“ посвященъ его исторіи. Первая статья — „Историческій очеркъ гимназій высшихъ наукъ“ принадлежитъ Е. В. Пѣтухову и перепечатана изъ сентябрьской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1895 г. „Очерки изъ исторіи лица кн. Безбородко“ И. А. Сребницкаго представляютъ собою передѣлку прежняго очерка того же автора, напечатаннаго въ Сборникѣ Н. В. Гербола: „Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко“, изд. 2-е. С.-Пб. 1881 г.—„Памятная книжка историко-филологическаго института кн. Безбородко“, состоитъ изъ списковъ преподавателей и служащихъ въ институтѣ, списковъ окончившихъ полный курсъ студентовъ, выбывшихъ до окончанія курса и умершихъ во время прохожденія курса, и перечня печатныхъ трудовъ бывшихъ студентовъ института. Какъ списки, такъ и особенно „перечень“ являются новыми и довольно цѣнными въ своемъ родѣ матеріалами, хотя и весьма краткими. Изъ списковъ оказывается, что за весь 20-лѣтній періодъ существованія института въ немъ окончилъ въ 17 выпусковъ 225 человекъ, изъ нихъ 83 на отдѣленіи древнихъ языковъ, 85 — на славяно-русскомъ и 57 — на историческомъ. { На педагогической службѣ въ 1895 г. состояло—192 лица, изъ нихъ 1—директоромъ, 5—инспекторами, 2—экстраординарными профессорами и остальные — преподавателями, воспитателями и надзирателями. Выбыло до окончанія курса всего 117 чел. и наиболѣе въ 1883 г. (42 чел.), умерло—17. Студенты поступали по преимуществу изъ духовныхъ семинарій. Библиографическій указатель даетъ впервые появляющіеся полные перечни трудовъ С. Н. Бранловскаго, Н. И. Иванова, Е. О. Карскаго, П. Л. Первого и др. (всѣхъ авторовъ около 20). Четвертая статья—пространная „Замѣтка объ основной библиотекѣ историко-филологическаго института, составленная по случаю реорганизаціи библиотеки“, г. А. Добіашомъ. Отъ бывшаго лица институтъ унаследовалъ 3.863 названія и 14.580 томовъ книгъ, затѣмъ въ институтскую бібліотеку вошла: бібліотека покойнаго директора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института И. Б. Штейнмана (457 назв. и 960 том.), пожертвованные Варшавскимъ университетомъ дублеты изъ Polonica (564 назв. въ 639 т.), бібліотека: С. П. Шевырева (3.815 назв. въ 7.359 т.), Ф. Ричля (3.096 назв. въ 4.930 т.) и биб-

библиотека Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища (254 назв. въ 647 т.). По послѣднему отчету институтская библиотека, пополняемая ежегодно библиотечнымъ бюджетомъ въ 2.600 р., къ 1-му января 1895 г. имѣла 20.918 назв. въ 50.956 томахъ, на сумму 86.556 р. 32 к. Въ пятой статьѣ описаны наиболѣе любопытныя рукописи и приведены заглавія всѣхъ ихъ Е. В. Пѣтуховымъ. Всѣхъ рукописей свыше 100 жж., отъ XVI по XIX вѣкъ; нѣкоторыя изъ нихъ не были напечатаны и помѣщены составителемъ въ „Приложеніяхъ“, а именно: „Стихи о ницетѣ самоизвольной“; „Ода на 1-е мая 1761 г.“, Игнатія Максимовича; „Просьба въ стихахъ объ опредѣленіи въ актеры“; „разговоръ о необходимой связи наукъ“; „разговоръ о пренимѣстствѣ европейскихъ языковъ“ и „разговоръ о началѣ города Чернигова и учрежденіи семинаріи“. Шестая статья — „Письма П. В. Гоголя къ П. Я. Прокоповичу (1832—1850)“, появляющіяся вторымъ изданіемъ послѣ изданія П. Гербеля (Совр. 1858 г., ж 2), въ ировѣренномъ по сличенію съ подлинниками видѣ. Редакція Е. В. Пѣтухова; седьмая статья — „Замѣтка о картинной галлерей института кн. Безбородко“, И. Турцевича, въ которой перепечатанъ прежній каталогъ въ (1845 г.) и сдѣланы къ большинству картинъ (всего ихъ 175) описанія и поясненія; восьмая статья — „Городъ Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка по описанію московскихъ путешественниковъ“, М. Березкова. Въ этой статьѣ г. Березковъ перепечаталъ цѣлкомъ письмо о Нѣжинѣ отъ 4-го іюля 1808 г. Д. Н. Бавтышъ-Каменскаго изъ „Путешествія“ послѣдняго (1810 г.) и въ извлеченіи сообщаетъ описаніе города кн. И. М. Долгорукаго, сопровождавъ извѣстія обоимъ своими комментаріями. Девятая статья — „Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсень, записанныхъ во Владимірской губерніи“. Записалъ и издалъ съ своими „Примѣчаніями“ г. Березковъ. Записанныя имъ пѣсни по сравненію съ печатными образцами „имѣютъ нѣкоторыя своеобразныя черты, — свои запѣвки да припѣвки“. Десятая статья — „Кульг Весты въ древнемъ Римѣ“, И. Турцевича, представляетъ продолженіе печатавшагося уже ранѣе изслѣдованія (1887 г.) и содержитъ въ сущности одну главу: „Судь надъ весталками и наказанія, коимъ онѣ подвергались“. Одиннадцатая статья — „Русскія нарѣчія домой, долой“, Е. Карскаго. Авторъ этой небольшой замѣтки отказывается принять раздѣляемое до сихъ поръ почти всѣми высказанное еще П. Лавровымъ и Ѳ. Буславымъ мнѣніе о происхожденіи формъ: домой и долой изъ домови и долови (д. т.) черезъ посредство домовъ и доловъ и предлагаетъ свое объясненіе, по которому „домой“ и „долой“ образовались изъ „домою“ и „долою“ и суть творит. надежи. Двѣнадцатая статья — „Семень Сергѣевичъ Бобровъ“, историко-литературный очеркъ С. Бранловскаго. Тринадцатая статья — „Мнеологія слова о полку Игоревѣ“, И. В. Серебрянскаго, заключаетъ слѣдующіе раздѣлы: „главныя направленія въ пониманіи Слова о полку Игоревѣ“, „Мнеологія — душа слова, свиваніе — остовъ слова“, „Хорсъ-Дажь-богъ“, „Троянь-Стри-богъ“ и „Велесъ“.

Отчеты о словданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1895—1896 году съ приложеніями, прибавленіемъ денежнаго отчета и бюджета (Памятники древней письменности. СХХ), С.-Пб. 1896. — Мы не будемъ говорить по поводу этого отчета вообще о дѣятельности этого общества, давно уже пріобрѣтшаго общее уваженіе своими трудами и изда-

ніями; скажемъ только, что въ отчетѣ его за 1895—1896 г. въ краткихъ рефератахъ (стр. 11—30) наложены всѣ 26 чтеній, сдѣланныхъ въ обществѣ въ теченіе года. Нѣкоторые болѣе важныя произведенія древней письменности, о которыхъ шла рѣчь, частью уже изданы, частью еще, вѣроятно, будутъ изданы отдѣльно въ „Памятникахъ древней письменности“; въ „Приложеніяхъ“ къ отчету напечатаны чтенія: Д. О. Кобско—„А. И. Тимофеевъ“, С. В. Максимова—„Вѣгунъ и ихъ писанія“, А. П. Петрова—„Объ Авапасьевскомъ сборникѣ конца XVII вѣка и заключающихся въ немъ азбуквникахъ“, В. В. Майкова—„Рукописный сборникъ 1707 г., принадлежащій графу Шереметеву“ и двѣ работы А. І. Лященко: отчетъ о „Запискахъ науковаго товариства имени Шевченка“ за 1895 г. и „Указатель къ Лѣтописямъ русской литературы и древностей“, выходящимъ подъ редакціей Н. С. Тихонравова; этою работою устранено затрудненіе, существовавшее доселѣ при пользованіи такимъ важнымъ изданіемъ, какъ эти „Лѣтописи“; статьи—числомъ 125—распределены въ указателѣ по семи отдѣламъ (народная словесность; древняя русская литература; русская литература XVIII и XIX вѣковъ; исторія; исторія церкви и расколъ; исторія просвѣщенія въ Россіи; критика и библіографія); кромѣ того, приложены указатель именъ личныхъ и предметовъ; если послѣдній, быть можетъ, не вполне полонъ, то все-таки при помощи указателя личнаго и списка статей теперь пользованіе „Лѣтописями“ стало значительно удобнѣе. Интересно также „отчетъ о присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова Хр. М. Лопареву напечатанный въ разсматриваемой книгѣ: изданное Х. М. Лопаревымъ „Отразаительно писаніе о повозоброжденномъ пути самоубійственныхъ смертей“ было награждено премією Кожевникова по обстоятельному и очень любопытному отзыву А. П. Шниина (38—47).

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

- А. Поддипевъ. Монголія и монголы. Томъ I. С.-Пб. 1896.
- П. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи. С.-Пб. 1896. Цѣна 1 р. 80 к.
- М. С. Корелинъ. Очерки италіанскаго возрожденія. Москва. 1896. Цѣна 1 рубль.
- И. И. Яжмулъ. Торговыя музеи (отпускная торговля и нѣкоторые мѣры для ея развитія). С.-Пб. 1897.
- В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897. Цѣна 2 р.
- Юнкевичъ, Викторъ. Ученія пандектъ о намызѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемѣровъ. Вып. II. Томъ I. Ярославль. 1897.
- Проф. В. Бузескулъ. Генрихъ Зивель, какъ историкъ-политикъ. Харьковъ. 1896. Цѣна 40 к.
- Е. Е. Долгановъ. Страна эоіоновъ (Абиссинія). С.-Пб. 1896. Цѣна 2 р.

- *Витковский, В.*, Миръ планетъ. Астрономическая лекція. С.-Пб. 1897.
- *Лавинскъ, Эрнестъ.* Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ *А. Тимофеевой.* Москва. 1897.
- *И. Я. Островскъ.* Описаніе IV-го вообще Латвійскаго нѣвчскаго праздника въ Митавѣ. Витебскъ. 1896.
- *В. Вержбовскій.* Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Выпускъ I. Посольство Іоанна Ковенцели въ Москву въ 1575—1576 гг. Варшава. 1896.
- Рѣчь тонкословія греческаго.—Русско-греческіе разговоры XV—XVI вѣка. Сообщеніе *Николая Никольскаго* (Памятники древней письменности. СХІV). С.-Пб. 1896.
- Матеріалы для исторіи исправленія вогослужевныхъ книгъ. — Обь исправленіи устава церковнаго въ 1682 г. и Мѣсячныхъ миней въ 1689 — 1891 гг.—Сообщеніе протоіерея *К. Никольскаго* (То же, СХV). С.-Пб. 1896.
- Древнерусскія сказанія о птицахъ. Сообщеніе *Хрсанфа Лопарева.* (То же, СХVI). С.-Пб. 1896.
- Синодикъ двинскаго Михаило-Архангельскаго монастыря. Сообщеніе *Ликанора,* епископа смоленскаго (То же, СХVII). С.-Пб. 1896.
- Терновскій календарь 1275 года, по списку Франца Миклошича. Матеріалы для греко-славянскаго агіологіи. Сообщеніе *П. Н. Тиханова* (То же, СХVIII). С.-Пб. 1896.
- Дневникъ поручика Васильева. Съ предисловіемъ *Е. Щепкиной* (То же, СХІХ). С.-Пб. 1896.
- *Федора Грибодова.* Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ землі Русской. По списку С.-Петербургской духовной академіи. № 306. Сообщеніе *С. Ф. Платонова* и *В. В. Майкова* (То же, СХХI). С.-Пб. 1896.
- Отчеты о заведеніяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1895—1896 году, съ приложениями, прибавленіемъ денежнаго отчета и бюджета (Памятники древней письменности. СХХ). С.-Пб. 1896.
- С.-Петербургская товарная биржа. 1895. Годовой обзоръ хода торговли и движенія цѣнъ по главнѣйшимъ биржевымъ товарамъ, издаваемый С.-Петербургскимъ биржевымъ комитетомъ. С.-Пб. 1896.
- Отчетъ о состояніи и дѣятельности кievскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогіки за 20-лѣтній періодъ его существованія (1875—1895). Составилъ членъ совѣта *В. И. Петръ.* Кіевъ. 1896.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III.
М. Туллий Цицеронъ. Речи противъ Катилины (Orationes in L. Catilinam)
Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Изд. 2-е, исправленное и допол-
ненное. С.-Пб. 1896. Ц. 40 коп. Стр. XLVI + 79.

Между тѣмъ въ два года разошлось первое изданіе книжки г. Алексѣева. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что она до известной степени удовлетворяетъ потребностямъ читателей, которые желаютъ ознакомиться въ русскомъ переводѣ съ однимъ изъ лучшихъ произведеній знаменитаго римскаго оратора. Переводъ г. Алексѣева можетъ быть названъ въ общемъ удовлетворительнымъ: онъ достаточно близокъ къ подлиннику, передаетъ его гладкою и достаточно удобочитаемою рѣчью; для того, чтобы ознакомить читателей съ обстоятельствами, при которыхъ были произнесены катилинарии, прибавлено довольно обширное введеніе, въ которомъ видное мѣсто отведено біографіямъ Катилины и Цицерона. Введеніе это написано довольно живо и даетъ въ общемъ правдивую оцѣнку дѣятельности того и другаго лица. Къ переводу присоединены пояснительныя примѣчанія, разъясняющія отдѣльные термины и подробности подлинника. Переводъ, какъ мы сказали, въ общемъ вѣренъ и удовлетворителенъ. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Алексѣевъ придалъ ему черезчуръ новую оболочку, введя въ него выраженія, у древнихъ писателей необычныя, и потому мало гармонирующія съ тономъ подлинника, напримѣръ, стр. 8:

„Отъ души желая вмѣстѣ съ тѣмъ быть вдумчивымъ среди гров-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ныхъ испытаній для государства“, cupio in tantis reipublicae periculis me non dissolutum videri.

Стр. 6: „Храмы безсмертныхъ боговъ... обрекаешь ты на смерть и разореніе“. *Templa deorum immortalium... ad exitium et vastitatem vocas.*

Стр. 7: „Оставляю въ сторонѣ эти дѣла давно минувшихъ дней“: *Ac iam illa omitto.*

Стр. 9. Неужели же ты не преклонишься предъ ея обаяніемъ? *Huius tu neque auctoritatem verabare?*

Стр. 10: „поселился у М. Метелла (читай: М. Марцелла)... своего однокашника“ *ad sodalem tuum.*

Стр. 10: „дождаться у селенія Аврелия“: *qui tibi ad forum Aurelium praestolarentur armati.*

Стр. 27: Надеждою на повтореніе прежнихъ грабежей они сманили даже нѣсколькихъ бобылей-крестьянъ; *qui etiam nonnullos agrestes, homines tenuos atque egentes, in eandem illam spem rapinarum veterum impulerunt.*

Ibid. „Недаромъ, говорятъ, ихъ видимо-невидимо пошло въ его лагерь“, *permulti.*

Стр. 29: „ничего не имѣющей за душой толпы неудачниковъ“, *illam naufragorum abestam ac debilitatam manum* и т. д.

Но, несмотря на указанные недостатки, мы считаемъ переводъ г. Алексѣева полезнымъ.

Нѣмецкая азбука. Составилъ *Ф. Ф. Ясковскій*. *Deutsche Fibel für den Vereinigten Schwedisch-Lese- und Sprachunterricht. Vorstufe zum deutschen Lesebuche von Th. Jaskowsky. Preis 30 Kop. Riga 1896. Стр. 84.*

Вышепоименованная книга, изданная книгопродавцемъ Зихманомъ, распадается на три части, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ маленькія буквы нѣмецкаго алфавита, вторая — большія буквы, а третья — разныя статьи для упражненія въ чтеніи и разговорѣ на изучаемомъ языкѣ.

Главное достоинство разбираемой книги, которымъ она весьма выгодно отличается отъ большинства всѣхъ подобныхъ учебниковъ, назначенныхъ для первоначальнаго обученія нѣмецкому и другимъ новымъ языкамъ, состоитъ въ томъ, что она, съ первой же страницы, предлагаетъ ученикамъ для упражненія въ чтеніи и письмѣ цѣлыя слова. сперва односложныя, а потомъ—двухъ—и трехсложныя и притомъ только такія слова, которыя представляютъ наименьшія трудно-

сти какъ для произношенія, такъ и для письма, какъ напримѣръ: in, im, im, in, ein, mein, neu, peim, von, vog, vom, an, am, man и т. д. Такой пріемъ заслуживаетъ полнаго одобренія и было-бы крайне желательно, чтобы онъ нашелъ себѣ подражаніе у всѣхъ составителей учебниковъ по языкамъ, назначаемыхъ для учениковъ низшихъ классовъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Встрѣчающаяся такъ часто на первыхъ же страницахъ весьма многихъ нѣмецкихъ и французскихъ „Азбукъ“ масса всевозможныхъ сочетаній отдѣльныхъ звуковъ, то-есть совершенно безсмысленныхъ слоговъ, представляющихъ сверхъ того нерѣдко весьма большія трудности не только для произношенія, но и для письма, въ особенности, конечно, если книга находится въ рукахъ учениковъ не нѣмецкаго происхожденія, легко въ состояніи съ самаго начала, убить въ дѣтихъ всякую охоту и всякій интересъ къ занятіямъ изучаемымъ языкомъ, что, къ сожалѣнію, такъ часто замѣчается въ низшихъ классахъ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Для учениковъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ по учебнику г. Яковскаго, нѣтъ никакого основанія опасаться подобнаго явленія. Какъ скоро они познакомились съ двумя, тремя словами, имъ тотчасъ-же предлагаются для чтенія и письма маленькія предложенія, составленныя изъ этихъ же словъ. При этомъ ихъ интересъ къ изучаемому предмету постоянно поддерживается разными вопросами, на которые не трудно отвѣчать, и различными задачами, правильное рѣшеніе которыхъ легко даже для среднихъ учениковъ.

Во второй части учебника (Zweite Stufe) ученикамъ сообщаются прописныя буквы нѣмецкаго алфавита.

Здѣсь даются не только различныя упражненія для чтенія и письма, но также и нѣкоторыя грамматическія опредѣленія, какъ, напримѣръ, при случаѣ ознакомленія учениковъ съ прописными буквами, —опредѣленіе имени существительнаго, что въ данномъ случаѣ не только вполне уместно, но даже необходимо, такъ какъ имя существительное, какъ извѣстно, въ нѣмецкомъ языкѣ всегда пишется съ прописною буквою въ началѣ слова.

Со второй страницы этой части учебника почти всѣ упражненія, назначенныя для чтенія, разбора и письма, состоятъ изъ маленькихъ, хорошо подобранныхъ статей, вполне доступныхъ пониманію дѣтей, для которыхъ предназначается разбираемая книга.

Только въ концѣ этой части учебника помѣщенъ полный алфавитъ какъ строчныхъ, такъ и прописныхъ буквъ нѣмецкаго шрифта.

Третій, наконецъ, отдѣлъ книги, съ общимъ заглавіемъ: „Sprach-

und Lesestücke“, заключаетъ въ себѣ 116 статей. изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, половина представляетъ коротенькія и вполне легкія стихотворенія.

Статьи эти раздѣляются на 12 группъ, подъ слѣдующими названіями: I. Die Schule, II. Das Haus, III. Der Mensch, IV. Die Stadt, V. Die Haustiere, VI. Der Garten, VII. Das Dorf, VIII. Der Wald, X. Die Tageszeiten, XI. Die Jahreszeiten и VII. Die weite Welt,—а IX группа озаглавлена: „Die lateinische Schrift“, что, какъ кажется, можно объяснить только какимъ-то куріознымъ недосмотромъ.

Статьи, болѣею частію, заимствованны изъ разныхъ книгъ для чтенія; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ довольно извѣстнымъ составителямъ нѣмецкихъ книгъ для дѣтей младшаго возраста, другія, очевидно, составлены самимъ авторомъ разбираемой книги.

Вообще слѣдуетъ сказать, что въ учебникѣ г. Ясковскаго видно прекрасное пониманіе дѣла, онъ напечатанъ весьма порядочно и представляетъ собой весьма полезную книгу для первоначальнаго обученія нѣмецкому языку во всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Г. Я. Юревичъ. Часть II. Стр. 279. Цѣна 80. Юрьевъ. 1896.

Появившаяся теперь въ печати 2-я часть обладаетъ тѣми-же достоинствами какъ и первая; изложеніе въ ней просто, удобопонятно, по силамъ учащихся; опредѣленія, въ большинствѣ случаевъ, правильныя. Каждый изъ изложенныхъ отдѣловъ сопровождается большимъ числомъ задачъ, число которыхъ равно 1825. Задачи эти хорошо подобраны: онѣ несложны, по силамъ средняго ученика, а, между тѣмъ, рѣшая ихъ, ученикъ можетъ уяснить изученныя имъ теоріи.

Что-же касается до недостатковъ, то они не многочисленны, и представляютъ изъ себя недостатки, общіе, къ сожалѣнію, почти что всѣмъ курсамъ алгебры, употребляемымъ въ нашихъ школахъ.

Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ:

Стр. 3. Авторъ не объясняетъ, отчего $a^m \cdot b^m \cdot c^m = a^m \cdot b^m \cdot c^m$

не пишетъ: $a^{-m} = a^m \cdot -$, отъ чего ускользаетъ правила, и т. д.

Стр. 23. Авторъ неправильно полагаетъ, что приближеннымъ значеніемъ корня съ точностью, напримѣръ, до $\frac{1}{100}$, называется корень, который разнился бы отъ истиннаго менѣе чѣмъ на $\frac{1}{100}$. Замѣтимъ ав-

тору. что корень съ точностью, напригѣрь, до $\frac{1}{1000}$ отличается отъ истиннаго также менѣе, чѣмъ на $\frac{1}{100}$. И что значить истинный корень?

Доказательство теоремы, дающей корень съ точностью до 1, не выдерживаетъ критики, ибо изъ неравенствъ:

$$a^2 < N < (a + 1)^2$$

не слѣдуетъ еще неравенства

$$a < \sqrt{N} < (a + 1).$$

пока понятіе о \sqrt{N} не установлено.

Стр. 35. Здѣсь вычисляется \sqrt{N} съ точностью до $\frac{1}{n}$, и дѣлается опять только что указанная ошибка.

На стр. 43 та же ошибка повторяется.

На стр. 84 и слѣдующихъ излагается теорія многихъ количествъ, и основанія этой теоріи совершенно невѣрны. На основаніи какихъ соображеній авторъ, изъ равенства

$$-25 = 25. (-1).$$

выводить:

$$\sqrt{-25} = 5\sqrt{-1},$$

и что такое $\sqrt{-1}$? На основаніи этихъ соображеній равенство $a + bi = 0$ даетъ $a = -bi$?

Стр. 93. Авторъ даетъ неточное опредѣленіе квадратному уравненію, говоря, что „квдратными уравненіями называются такія уравненія которыя содержатъ одно неизвѣстное въ степени не выше второй“.

Стр. 117. Здѣсь авторъ дѣлаетъ ту же ошибку, которую, замѣчательно, дѣлаютъ почти что всѣ авторы, а именно — авторъ увѣряетъ, что корни

$$x_1 = \frac{-b + \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}, \quad x_2 = \frac{-b - \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a},$$

при стремленіи a къ нулю, стремятся соответственно къ $\frac{0}{0}$ и къ ∞ , забывая, что это имѣетъ мѣсто при b положительномъ, если же b отрицательное, то на оборотъ корни стремятся соответственно къ ∞ и къ $\frac{0}{0}$.

Стр. 186. Изъ того, что члены безконечно возрастающей про-

грессіи, по мѣрѣ удаленія отъ начала, могутъ стать больше всякаго большаго числа, авторъ заключаетъ, что сумма членовъ безконечно возрастающей прогрессіи равна ∞ . Такое заключеніе нѣсколько поспѣшно, ибо члены могутъ чередоваться знаками.

Стр. 193. На этой страницѣ авторъ начинаетъ излагать теорію логоріемовъ. Къ сожалѣнію, въ этой статьѣ мы не встрѣтили ни малѣйшаго намека на количества съ показателями ирраціональными. Когда же, наконецъ, авторы нашихъ алгебръ поймутъ, что нужно же, не вдаваясь въ теоріи, выяснять ученикамъ, хотя бы на примѣрахъ, представленія объ ирраціональномъ показателѣ; что безъ этихъ представленій теорія логоріемовъ является ни на чемъ не основанною.

Вотъ тѣ изъ крупныхъ недостатковъ, которые мы замѣтили. Достоинства книги указаны выше, а главное ея достоинство простота и удобопонятность изложенія, соединенныя съ достаточною строгостью.

Соврание геометрическихъ задачъ на вычисленіе для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ отдѣла задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью тригонометріи. Составилъ *Н. И. Шижкинъ*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1896. Стр. VIII + 109. Цѣна 70 коп.

Названный сборникъ заключаетъ въ себѣ 1021 задачу. Задачи эти подобраны недурно, и съ этой стороны сборникъ могъ бы не безъ пользы служить учебнымъ пособіемъ при прохожденіи геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но сборникъ имѣетъ крупные недостатки. Главнымъ и существеннымъ недостаткомъ является ошибочность отвѣтовъ, не допускаемая въ сборникѣ задачъ.

Ошибки въ отвѣтахъ двоякаго рода: одніе представляютъ опечатки, недосмотры; другія суть ошибки, происходящія отъ неточности вычисленій.

Что касается до ошибокъ перваго рода, то мы не можемъ указать на число ихъ, ибо не перерѣшали всѣхъ задачъ, но и тѣ немногія задачи, которыя мы рѣшили, имѣютъ ошибочные отвѣты. Укажемъ на задачи: 30, 116, 180, 466, 598 и на другія.

Ошибки втораго рода суть, какъ уже сказано, ошибки, происходящія отъ неточности вычисленій. Авторъ знаетъ эти ошибки, но не придаетъ имъ значенія, ибо въ предисловіи говоритъ: „Большинство геометрическихъ задачъ рѣшается по приближенію, а такъ какъ приближеніе можетъ быть ведено различно, то и получаются отвѣты раз-

личные (?) не только въ десятыхъ или сотыхъ, но и въ цѣлыхъ. Есть, конечно, способъ получать точные отвѣты до желаемаго предѣла, но способъ этотъ не входитъ въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, да и едва ли онъ нуженъ тамъ, гдѣ главная цѣль не заключается въ этой точности; лишнія правила скорѣе повредятъ простотѣ рѣшенія, нежели помогутъ ему" (?).

Выписанныя слова говорить сами за себя.

Замѣтимъ, однако, автору, что 1) онъ предлагаетъ въ своей книжкѣ задачи на вычисленіе, предполагая, конечно, подъ словомъ „вычисленіе“ правильное вычисленіе, и 2) хороша будетъ та наука, ни за одинъ результатъ которой нельзя будетъ поручиться.

Возьмемъ примѣръ изъ нашего автора. Разсмотримъ, напримѣръ, задачу 392, въ которой „требуется найти длину окружности круга (авторъ говоритъ — окружность круга), если площадь его равна 153.86 кв. м.“.

Авторъ рѣшаетъ эту задачу такимъ образомъ: беретъ для числа π десятичное число 3,14 и, предполагая это число точнымъ значеніемъ числа π , получаетъ, для результата, число 41,96.

Замѣтимъ автору, что мы ни одной цифрѣ его результата, кромѣ цифры десятковъ, не вѣримъ.

И въ самомъ дѣлѣ, искомая длина окружности выражается формулою: $\sqrt{\pi \cdot 615,44}$.

Принявъ $\pi = 3,14$, авторъ дѣлаетъ, въ произведеніи $\pi \cdot 615,44$, ошибку, о которой онъ можетъ сказать только, что она менѣе 6,1544, то-есть авторъ можетъ написать только систему неравенствъ:

$$1932,4816 < \pi \cdot 615,44 < 1932,8616,$$

которая, въ свою очередь, даетъ систему:

$$43,95 < \text{длина окружности} < 44,03,$$

и только.

По счастливой случайности, происходящей отъ того, что цифра тысячныхъ числа π мала, результатъ автора имѣетъ вѣрными цифры десятковъ, единицъ и десятыхъ, но цифра сотыхъ невѣрна.

Ученики, рѣшающіе задачи по приближенію, должны умѣть, хотя приблизительно, оцѣнивать ошибки въ вычисленіяхъ, и это всегда можно сдѣлать въ каждомъ частномъ случаѣ, не прибѣгая ни къ какимъ теоріямъ и не заучивая никакихъ правилъ.

Возьмемъ предыдущій примѣръ. Примемъ:

$$\pi = 3,14159.$$

Взявъ произведеніе $\pi \cdot 615,44$ равнымъ $3,14159 \cdot 615,44$, сдѣлаемъ ошибку, меньшую числа $\frac{615,44}{100000}$, то-есть меньшую числа 0,007.

Итакъ,

$$(1) \quad \pi \cdot 615,44 = 3,14159 \cdot 615,44 + \Delta, \text{ гдѣ } \Delta < 0,007.$$

Найдя далѣе произведеніе $3,14159 \cdot 615,44$ съ точностью до одной тысячной, получимъ:

$$3,14159 \cdot 615,44 = 1933,461 \pm \alpha, \text{ гдѣ } \alpha < 0,001.$$

Равенство (1) дастъ:

$$\pi \cdot 615,44 = 1933,461 \pm \beta, \text{ гдѣ } \beta < 0,008.$$

Отсюда получаемъ одну изъ слѣдующихъ системъ неравенствъ:

$$\begin{aligned} 1933,461 < \pi \cdot 615,44 < 1933,469, \\ 1933,453 < \pi \cdot 615,44 < 1933,461. \end{aligned}$$

Эти системы позволяютъ заключить только, что

$$1933,4 < \pi \cdot 615,44 < 1933,5;$$

отсюда, наконецъ,

$$43,97 < \sqrt{\pi \cdot 615,44} < 43,98.$$

Эта система неравенствъ и говоритъ, что цифра 6 автора невѣрна. Кромѣ указанныхъ выше недостатковъ разсматриваемаго сборника укажемъ еще на слѣдующіе:

Нѣкоторыя изъ задачъ нѣсколько странно сформулированы. Напримѣръ, задача 804, цѣль которой найти объемъ тѣла вращенія, происходящаго отъ обращенія равносторонняго треугольника около одной изъ его сторонъ, сформулирована такъ: „Металлическій равносторонній треугольникъ ABC вращается вокругъ стороны $AB = a$, поставленной перпендикулярно къ уровню мрамора, въ который онъ постепенно входитъ до тѣхъ поръ, пока точка A, находившаяся наверху, будетъ находиться на уровнѣ мрамора. Этимъ способомъ вырѣзывается нѣкоторая часть. Какъ великъ ея объемъ“?

Въ задачѣ 807 точка соединяется съ окружностью круга и съ периметромъ квадрата.

Въ задачѣ 760 изъ куба сдѣланъ, безъ измѣненія объема, шаръ.

Нѣкоторыя изъ задачъ имѣють излишніи условія. Укажемъ, на примѣръ, на задачу 160.

Однимъ словомъ, задачникъ г. Шишкина требуетъ исправленій, и ими стоить заняться, ибо, по характеру задачъ и ихъ расположенію, сборникъ заслуживаетъ вниманія.

Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ первый. I. Образованность и наука у древнихъ грековъ и римлянъ. II. Гомеръ и Геродотъ. А. Тиховъ. Черниговъ. 1896. Стр. 58. Ц. 45 коп.

Г. Тиховъ въ 1890 г. издалъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: „Греческая поэзія до Гомера“, двѣ статьи, перепечатанныя изъ журнала *Гимназія*; нынѣ же онъ предлагаетъ отдѣльнымъ оттискомъ опять двѣ статьи, которыя также уже были помѣщены въ вышеозначенномъ періодическомъ изданіи въ 1888 и 1891 годахъ. Въ первой статьѣ составитель очерчиваетъ образованность и науку двухъ классическихкихъ народовъ, а во второй характеризуетъ культурное и литературное значеніе Гомера и Геродота. Статьи имѣють фельетонный характеръ, въ нихъ нѣтъ ученой примѣсы, нѣтъ доказательствъ и ссылокъ, но за то отчасти нѣтъ и филологической точности и основательности. Отсутствіе объяснительныхъ примѣчаній лишаетъ читателя возможности удостовѣриться въ вѣрности голословныхъ положеній г. Тихова. Такъ, на примѣръ, на стр. 9 говорится, что другіе европейскіе литераторы, не исключая Шекспира, не только заимствовали сюжеты изъ трагедій древнихъ грековъ, но нерѣдко передѣлывали, примѣняясь къ возрѣнію и понятіямъ новаго времени, цѣлыя сцены. Не опредѣливъ подробнѣе вліяніе древней литературы на новую, г. Тиховъ забылъ указать относительно Шекспира, котораго онъ самъ называетъ основателемъ новой трагедіи, какимъ путемъ англійскій авторъ познакомился съ твореніями Эсхила и Софокла; въ его время вѣдь не было переводовъ классическихкихъ писателей. Или г. Тиховъ слѣдуетъ курьезной, недавно возникшей гипотезѣ, будто бы имя Шекспиръ не что иное какъ псевдонимъ, подъ которымъ скрывается великій ученый и философъ Ваконъ Веруламскій. Но и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы показать, что общаго между Эсхиловою трагедіей „Персы“ и Шекспировскою драмой „Гамлетъ“, кромѣ общечеловѣческаго. На стр. 11 г. Тиховъ приписываетъ Геродоту романтизмъ, ничего не говоря о томъ, что онъ понимаетъ въ этомъ случаѣ подъ словомъ „романтизмъ“, который до сихъ поръ являлся лишь особымъ направленіемъ въ литературѣ новѣйшихъ временъ.

На стр. 14: составитель утверждает, что Фалесъ научилъ египетскихъ жрецовъ измѣрять высоту пирамидъ по тѣнямъ на основаніи пропорциональности сторонъ подобныхъ треугольниковъ. тогда какъ Диогенъ Лаэртій, биографъ Фалеса, наоборотъ сообщаетъ, что Фалесъ по геометріи былъ ученикомъ египетскихъ жрецовъ; ср. Diog. Laert. 1, 24: *παρὰ τὰ Αἴγυπτίων γεωμετρεῖν μάθοντα (sc. Θάλητα) Φρῶι Παμφίλῃ* и 1, 27. *Ὁδδαῖς δὲ αὐτοῦ καθηγῆσαντο, πλὴν δα' εἰς Αἴγυπτον ἄλθων τοῖς ἰσραῆσι συνδιέτριψεν.*

На стр. 15: г. Тиховъ приписываетъ Архимеду открытіе великаго закона тяготѣнія. Архимедъ, какъ извѣстно, открылъ удѣльный вѣсъ, а открытіе закона тяготѣнія г. Тиховъ уже долженъ оставить за Ньютономъ.

На стр. 21. „Эпаминондъ и Эфіалтъ, имена которыхъ какъ опытныхъ предводителей и особенно какъ великихъ тактиковъ и стратеговъ, у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ будутъ занимать почетное мѣсто“. Г. Тиховъ, кажется, просто смѣшалъ извѣстнаго полководца Ификрата съ Эфіалтомъ, о которомъ лишь Plut. Сίμων XIII упоминается, какъ о начальникѣ 30-корабельнаго флота.

На стр. 30. „Театръ посѣщался у грековъ всѣми, какъ людьми состоятельными и бѣдными, сколько свободнымъ и благороднымъ классомъ, столько же особенно и распространеннымъ у грековъ рабствомъ (sic!), которому для этой цѣли нерѣдко выдавались государственныя деньги“. 1) Категорическое положеніе г. Тихова, что доступъ въ театръ особенно былъ открытъ рабамъ, ничѣмъ не подтверждается и притомъ противорѣчитъ общественному положенію рабовъ въ Греціи и даже понятію о нихъ грековъ, не исключая Платона и Аристотеля, котораго г. Тиховъ называетъ величайшимъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ намековъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, заставляющихъ предполагать, что рабы были допускаемы къ театральнымъ представленіямъ въ качествѣ зрителей. 2) Государственныя деньги, якобы выдаваемые рабамъ, г. Тиховъ смѣшалъ съ такъ называемымъ *θεσπιχόν*, которымъ, по предложенію Перикла, пользовались не рабы, но бѣдные граждане, и то не отъ времени до времени, а ежегодно.

На стр. 33. „Боги вступаютъ въ споръ, доходя нерѣдко до раздора, пока не примиритъ ихъ Зевсъ или Гера“. Гера ни въ Одиссеѣ, ни въ Илиадѣ не является примирительницею ссорящихся между, собою боговъ.

На стр. 39. „Диомедъ, съ успѣхомъ пускающій зловредную стрѣлу и тѣмъ заставляющій Ареса оставить поле битвы“.

Ахейскіе герои, за исключеніемъ Тевкра, никогда не пользуются стрѣлами, какъ оружіемъ, недостойнымъ героя, а потому и Діомедъ ранилъ Ареса не зловредною стрѣлою, а мѣднымъ копьемъ. j]. v. 852: *ἔχρηι χαλκείφ* и т. д.

Илиада Гомера. Переводъ К. М. Минскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896. Стр. X + 416. Цѣна 75 коп.

Почтенный и заслуживающій вниманія трудъ г. Минскаго восполняетъ опускаемый уже давно въ нашей литературѣ пробѣлъ, такъ какъ переводъ Илиады, составленный Гнѣдичемъ, сохраняя за собою навсегда славу почина, при всѣхъ своихъ филологическихъ и литературныхъ достоинствахъ, уже болѣе не удовлетворяетъ требованіямъ развившагося современнаго языка. Достойный преемникъ Гнѣдича, воспользовавшійся прогрессомъ времени, не только является знаткомъ слога и духа древне-греческой эпопеи, но, какъ видно изъ многихъ мѣстъ, не пренебрегъ новѣйшими изслѣдованіями по части Гомеровскихъ твореній; въ то же время онъ на столько владѣетъ отечественнымъ языкомъ, что въ состояніи удачно принаровиться къ своеобразнымъ оборотамъ и выраженіямъ подлинника. Кто знаетъ какъ трудно переводить даже прозаическое сочиненіе, тотъ не можетъ не отдать справедливости г. Минскому, который часто мастерски сумѣлъ примѣнить къ русской рѣчи условія героическаго гекзаметра. Мы вполнѣ раздѣляемъ изложенное въ предисловіи мнѣніе переводчика объ отношеніи русскаго размѣра къ греческому. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ гибкость русскаго языка оказывалась недостаточною для безусловно точной передачи Гомеровской мысли въ метрической формѣ, г. Минскій тѣмъ не менѣе находитъ удачный исходъ, подбирая русскіе обороты и эпитеты, нисколько не противорѣчащіа духу Гомеровскаго разказа. Потому то его переводъ соединяетъ въ себѣ точность съ мѣткостью и повсюду дышетъ античною жизнью. Лишь изрѣдка встрѣчается слово, которое неожиданно переноситъ читателя въ позднѣйшія времена, какъ на примѣръ XII. 2. „Греки“ (названіе, еще не существовавшее во время Троянской войны) или XII. 411. „Брешь“ (понятіе, напоминающее о дѣйстви огнестрѣльнаго оружія или по крайней мѣрѣ о стѣнобитныхъ машинахъ); или XXII. 596. „Парки“ (имя, входящее лишь въ составъ миеологии римлянъ).

По вѣрности перевода во всемъ трудѣ г. Минскаго намъ пришлось

остановиться на одномъ только мѣстѣ: IV. 306, гдѣ ловкость и мѣткость измѣнили переводчику.

ὅς δέ κ' ἀνὴρ ἀπὸ ὧν ὀχέων ἕταρ ἄρμυθ' ἵκηται,
ἔγχεϊ ὀρεξάσθω.

„Если же кто изъ своей перейдетъ колесницы къ другому, тотъ оставайся съ копьемъ“;

Правду сказать, это мѣсто принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ въ Иліадѣ и представляло затрудненіе уже для древнихъ схолиастовъ. Наиболѣе правдоподобное толкованіе даетъ Келленъ: „Если кто достигнетъ (ἵκηται) неприятельской (ἕταρα) колесницы, тотъ, оставаясь на своей колесницѣ (ἀπὸ ὧν ὀχέων), пусть нагнется впередъ съ копьемъ (ἔγχεϊ ὀρεξάσθω)“, то-есть, чтобы убить противника.

Слово φηγός XII. 176 переведено словомъ „дубъ“.

Такъ какъ пока еще нѣтъ общепринятой нормы для транскрипціи греческихъ именъ собственныхъ на русскій языкъ, то нельзя спорить о формахъ: „Аяксъ“ и т. д. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ перечисленныхъ въ приложенномъ спискѣ опечатокъ, есть еще много другихъ, какъ напримѣръ, II. 672 Харона вм. Харопа; VII. 14 Дексеада вм. Дексеада; IX. 432 престарѣлый вм. престарѣлый; XI. 140. Аргивянамъ вм. Аргивянамъ; XII, 83, снѣжились вм. спѣжились; ib. 109. Пилидамаса вм. Полидамаса; ib. 311, полною вм. полною; XIII, 771. Адамесъ вм. Адамасъ; XV. 87. Фетиды вм. Фемиды; ib. 281. къ нимъ вм. къ нимъ; ib. 694, устемляясь вм. устремляясь; XVI. 286. Абидоса вм. Амидона; XVIII. 154. Тъ вм. съ; ib. 155 Врижды вм. Трижды; ib. 156 Тъ вм. въ; XXI. 486 Стоитъ вм. Стоитъ; и т. д.

Оставляя въ сторонѣ указанныя мелочи, мы признаемъ разсматриваемую книгу трудомъ не только поучительнымъ для тѣхъ, кто, не изучивши греческаго языка, пожелаетъ познакомиться съ геніемъ Гомера, но и могущимъ доставить эстетическое удовольствіе тому, кто возьметъ въ руки трудъ г. Минскаго для сличенія перевода съ подлинникомъ.

ПОПРАВКА:

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г. въ отдѣлѣ Наша учебная литература, въ разборѣ книги „Стѣнные естественно-историческія таблицы для народныхъ школъ и начальныхъ училищъ, т. *Иверсена*, вкрались слѣдующія опечатки, подлежащія исправленію: На стр. 68: строк. 5 вмѣсто „причинахъ“ слѣдуетъ „признакахъ“, строк. 21 вмѣсто „выдѣляется“—„вдыхается“, строк. 6 (снизу) вмѣсто „сига“—„яички“. На стр. 69 строк. 4 вмѣсто (тыль)—„тѣло“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНЬСЬ.

ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХЪ ЭКЗАМЕНАХЪ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

Въ 1894 году окончательные экзамены въ реальныхъ училищахъ производились за шесть классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленія въ 103-хъ училищахъ; за дополнительный классъ — въ 88 училищахъ.

Число лицъ, подвергавшихся испытаніямъ, было слѣдующее: за 6 классовъ: учениковъ 1.622 и постороннихъ 144, всего 1.766, сравнительно съ 1893 годомъ болѣе на 214.

За дополнительный классъ: учениковъ 1.077, постороннихъ 49, всего 1.126, то-есть, на 78 человекъ менѣе, нежели въ 1893 году.

Успѣшно выдержавшихъ испытанія за шесть классовъ было:

учениковъ	1.427 (88,0%) ¹⁾ ,
постороннихъ	63 (43,7%);

за дополнительный классъ:

учениковъ	1.033 (95,3%),
постороннихъ	20 (40,8%).

Всѣхъ выдержавшихъ успѣшно окончательные экзамены въ 1894 году было:

за шесть классовъ	1.490 (84,93),
за дополнительный классъ	1.053 (93,52).

¹⁾ Процентное отношеніе взято къ общему числу экзаменованныхъ.

Результаты окончательныхъ экзаменовъ учениковъ реальныхъ училищъ въ 1894 году оказались благоприятнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Сравнивая процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія въ 1894 году съ таковымъ же процентомъ за 1893 годъ, замѣчаемъ, что за шесть классовъ процентъ увеличился на 0,53%, а за дополнительный классъ—на 0,9%. Слѣдовательно, сдѣланныя преобразованія въ уставѣ, планахъ и программахъ реальныхъ училищъ оказали и въ 1894 году должное влияніе на возвышеніе успѣшности кончающихся курсъ за шесть классовъ. Кромѣ того, успѣшность кончающихся курсъ въ дополнительныхъ классахъ, какъ и ранѣе, оказалась выше успѣшности окончившихъ курсъ шести классовъ на 7,9%.

Процентъ выдержавшихъ окончательные экзамены постороннихъ лицъ въ 1894 году уменьшился сравнительно съ 1893 годомъ. Слѣдовательно, подготовка постороннихъ лицъ и въ 1894 году была не вполне удовлетворительна и несогласна съ требованіями правилъ для испытаній въ реальныхъ училищахъ.

Въ частности, по отдѣльнымъ учебнымъ округамъ, процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія выражается такими таблицами:

За шесть классовъ:

Учебные округа:	% успѣшно выдержавшихъ испытанія.	
	Учениковъ.	Постороннихъ лицъ.
С.-Петербургскій . . .	92,5	28,6
Московскій	95,9	36,3
Казанскій	95,6	77,2
Оренбургскій	100	66,6
Харьковскій	80,1	33,3
Одесскій	89,0	45,4
Кіевскій	87,4	16,6
Виленскій	96,9	75,0
Варшавскій	86,8	53,1
Рижскій	77,1	33,3
Кавказскій	98,6	7,7
Западно-Сибирскій . .	100	—
Восточная Сибирь . .	100	—

Изъ этой таблицы видно: а) въ девяти учебныхъ округахъ (С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Виленскомъ, Кавказскомъ, Западно-Сибирскомъ и въ Восточ-

О ЭКЗАМЕНАХЪ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ 1894' ГОДУ.

ной Сибири) процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія для учениковъ—выше средняго процента (88,0%), при чемъ въ 3-хъ округахъ всё подвергавшіеся испытаніямъ выдержали таковыя, а для 4-хъ округовъ (Кіевскаго, Харьковскаго, Варшавскаго и Рижскаго) процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія—ниже средняго; б) для постороннихъ лицъ процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія выше средняго (43,7) въ пяти учебныхъ округахъ (Казанскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ) и ниже средняго въ шести округахъ (С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ, Рижскомъ и Кавказскомъ). Въ Восточной и Западной Сибири постороннія лица вовсе не экзаменовались по курсу шести классовъ.

Для дополнительнаго класса:

Учебные округа:	% успѣшно выдержавшихъ испытанія.	
	Учениковъ.	Постороннихъ лицъ.
С.-Петербургскій	93,6	50,0
Московскій.	96,0	0,0
Казанскій	99,0	60,0
Оренбургскій	100	—
Харьковскій	96,1	16,6
Одесскій	100	42,8
Кіевскій.	93,6	66,6
Виленскій	95,7	0,0
Варшавскій	86,1	0,0
Рижскій	91,3	22,2
Кавказскій	95,2	33,3
Западно-Сибирскій.	100	—

Изъ этой таблицы видно: а) въ пяти учебныхъ округахъ (Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Западной Сибири) процентъ учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, былъ выше средняго процента (95,9), при чемъ въ 3-хъ округахъ всё подвергавшіеся испытаніямъ выдержали таковыя, а въ остальныхъ — ниже средняго процента; б) для постороннихъ лицъ % успѣшно выдержавшихъ былъ выше средняго (40,8) только въ 4-хъ округахъ (С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Одесскомъ и Кіевскомъ).

Въ прилагаемыхъ къ отчету статистическихъ таблицахъ приведены свѣдѣнія о числѣ лицъ, не удовлетворившихъ испытаніямъ, а по семи округамъ (С.-Петербургскому, Казанскому, Оренбургскому,

Харьковскому, Варшавскому, Рижскому и Кавказскому) сдѣланы указанія, по какимъ предметамъ не выдержавшіе испытанія оказали неудовлетворительныя познанія. Оказывается, что изъ числа экзаменовавшихся за шесть классовъ не удовлетворили требованіямъ на испытаніяхъ: по Закону Божию 4. по русскому языку 83 на письменномъ испытаніи и 27 на устномъ; по новымъ языкамъ 142 на письменномъ и 64 на устномъ; по математикѣ: 215 на письменномъ и 65 на устномъ; по исторіи 7, по географіи 3 и по физикѣ 19. Изъ числа лицъ, экзаменовавшихся за дополнительный классъ, получили неудовлетворительныя отмітки по русскому языку: на письменномъ испытаніи 49, на устномъ 6; по новымъ языкамъ: на письменномъ—33, на устномъ—8; по математикѣ: на письменномъ—39, на устномъ—14; по географіи 5, по естествовѣдѣнію 1, по физикѣ 4. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что наибольшее число неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ за шесть классовъ приходится на письменныя испытанія по математикѣ, новымъ языкамъ и русскому языку, а на экзаменахъ за дополнительный классъ — по русскому языку, математикѣ и новымъ языкамъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что наибольшее число неудовлетворительныхъ отвѣтовъ было по русскому языку, такъ какъ по этому предмету на экзаменѣ за шесть классовъ исполняется одинъ отвѣтъ, тогда какъ по новымъ языкамъ два отвѣта, а по математикѣ—6 задачъ.

Окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ 8 учебныхъ округовъ, распредѣляются по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: въ VI классѣ: 15 лѣтъ — 0,6%, 16 лѣтъ — 9,7%, 17 лѣтъ—22,4%, 18 лѣтъ—24,3%, 19 лѣтъ—20,9%, 20 лѣтъ—12,4%, 21-го года и болѣе—9,7%. Слѣдовательно, наибольшее число окончившихъ курсъ шести классовъ было 18 лѣтъ.

Въ дополнительномъ классѣ: 16 лѣтъ — 0,3%; 17 лѣтъ — 9,5%; 18 лѣтъ—20,5%; 19 лѣтъ—28,2%; 20 лѣтъ—20,5%; 21-го года и болѣе 21,0%. Слѣдовательно, наибольшее число реалистовъ въ отчетномъ году окончило курсъ въ дополнительныхъ классахъ въ возрастѣ 19-ти лѣтъ.

По занятіямъ, къ которымъ предназначили себя окончившіе курсъ, приведены въ отчетахъ попечителей шести учебныхъ округовъ слѣдующія данныя.

Для окончившихъ курсъ въ шести классахъ: поступить въ дополнительные классы тѣхъ же реальныхъ училищъ изъявили желаніе 565, въ военныя училища 9, въ разныя спеціальныя училища 15, на го-

сударственную службу: военную 50, гражданскую 18, на частную службу: учебную 10, сельско-хозяйственную 24, коммерческую 109.

Для окончившихъ курсъ въ дополнительныхъ классахъ: въ высшія спеціальныя учебныя заведенія изъявили желаніе поступить 426, въ военныя училища 53, на государственную службу: военную 67, гражданскую 6, на частную службу: учебную 1, сельско-хозяйственную 10, коммерческую 10.

Слѣдовательно, въ среднемъ, 74,3% изъ числа окончившихъ курсъ изъявили желаніе подвергнуться повѣрочнымъ испытаніямъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

Окончательныя испытанія въ 1894 году происходили на точномъ основаніи правилъ для испытаній, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Письменныя испытанія предшествовали устнымъ, и письменныя отвѣты составлялись на темы, предложенныя попечителями учебныхъ округовъ. Работы экзаменовавшихся, рассмотрѣныя и оцѣненныя мѣстными испытательными комиссіями, препровождались для рецензіи въ учебныя округа. Рецензенты учебныхъ округовъ дали о представленныхъ работахъ слѣдующія заключенія:

По С.-Петербургскому учебному округу.

Ученики дополнительнаго класса писали сочиненіе на слѣдующую тему: „Чѣмъ драма Пушкина „Борисъ Годуновъ“ отличается отъ предшествовавшихъ ей трагедій?“

По мнѣнію рецензента округа, окружнаго инспектора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мохначева, почти всѣ экзаменовавшіеся тему поняли, и въ отвѣтахъ болшинство сравнивало драму Пушкина съ трагедіями Сумарокова. Были и другія сравненія, которыя соответствовали степени знаній учащихся, а также разнообразной разработкѣ вопроса преподавателями на урокахъ. Лучшими оказались работы учениковъ 2-го и 1-го С.-Петербургскихъ реальныхъ училищъ.

Испытательными комиссіями работы оцѣнены такъ: хорошихъ работъ 28,6%, удовлетворительныхъ—55,5%, слабыхъ—15,9%. По мнѣнію рецензента: хорошихъ работъ было 18,5%, удовлетворительныхъ—47,9%, слабыхъ—33,6%. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ общій процентъ слабыхъ работъ не измѣнился.

Ученикамъ VI-го класса предложена была для сочиненія тема историческаго характера: „Значеніе монастырей въ древней Русѣ“.

По мнѣнію рецензента, знанія большинства учениковъ оказались недостаточными для составленія сочиненія на предложенную тему. Оцѣнка работъ сдѣлана рецензентомъ такъ: хорошихъ—17,6, удовлетворительныхъ—43,7, слабыхъ—38,7. Оцѣнка эта оказалась не вполне согласною съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій: по мнѣнію послѣднихъ, хорошихъ работъ было 24,0%, удовлетворительныхъ—56,1%, слабыхъ только 19,9%. Разницу въ оцѣнкѣ, по мнѣнію рецензента, должно объяснить большою снисходительностью оцѣнки исполнительныхъ комиссій. Лучшими работами оказались работы училищъ: 2-го С.-Петербургскаго, Череповецкаго и св. Екатерины.

Результатъ письменныхъ испытаній по русскому языку учениковъ 6-го класса въ отчетномъ году выше предшествовавшаго года, такъ какъ слабыхъ работъ было менѣе на 6,7%.

По нѣмецкому языку были предложены такія темы: для экзаменовавшихся въ VI коммерческомъ классѣ было задано составленіе коммерческаго письма: „Заграничная фабрика поручаетъ покупать ленъ по лимитированной цѣнѣ на основаніи предварительно полученныхъ образцовъ отъ вновь возникшаго дома въ г. Псковѣ и даетъ инструкціи относительно упаковки, отправки, частью по желѣзной дорогѣ, частью водою черезъ Ригу, страхованія и пр. Указаніе о томъ, какъ будетъ покрыта фактурная сумма“. Ученикамъ VI основнаго класса была дана для перевода статья подъ заглавіемъ: „Друзья по школѣ“. Дополнительному классу было задано перевести русскую статью: „Значеніе Полтавской битвы“.

Рецензентъ, окружной инспекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Моръ, сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку представленныхъ работъ. Для экзаменовавшихся въ коммерческомъ отдѣленіи: хорошихъ работъ 33,4%, удовлетворительныхъ—45,2%, неудовлетворительныхъ—20,8%. По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій хорошихъ работъ было 50,0%, удовлетворительныхъ—41,7, неудовлетворительныхъ—8,3.

Для экзаменовавшихся по основному отдѣленію VI класса: хорошихъ работъ было 19,3%, удовлетворительныхъ—45,1%, неудовлетворительныхъ—36,6%. Для абитуриентовъ дополнительнаго класса, по оцѣнкѣ рецензента: хорошихъ работъ—25,8%, удовлетворительныхъ—46,2%, неудовлетворительныхъ—28,0%. Просмотрѣны работы во всѣхъ училищахъ очень тщательно, оцѣнка же работъ, по мнѣнію рецензента, во многихъ случаяхъ сдѣлана снисходительно.

Вообще же результаты письменныхъ экзаменовъ по нѣмецкому языку въ 1894 году, на основаніи вышеприведенныхъ цифровыхъ

данныхъ, слѣдуетъ признать удовлетворительными. Сравнивая процентъ удовлетворительныхъ работъ въ 1894 году съ процентомъ удовлетворительныхъ работъ въ 1893 году, замѣчаемъ въ пользу отчетнаго года значительное повышеніе успѣшности, именно: для VI-го коммерческаго класса на 19,8%, для VI-го основнаго—на 5,9%, для дополнительнаго класса—на 4,4%.

Лучшія работы представляли слѣдующія училища: изъ VI коммерческаго класса—училище Мая, Псковское и С.-Петербургское 1-ое; изъ VI основнаго класса—С.-Петербургское 1-е, Псковское и С.-Петербургское 2-ое; изъ дополнительнаго класса—Псковское, Великолукское и С.-Петербургское 1-ое.

По французскому языку дополнительному классу былъ предложенъ для перевода небольшой разказъ „о Бюффонѣ“.

Представлено въ управленіе округа 19 работъ дополнительнаго класса изъ 3-хъ училищъ: св. Петра, св. Анны и Вологодскаго. Работы, за исключеніемъ одной, по мнѣнію окружнаго инспектора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мохначева, исполнены хорошо.

Въ VI основномъ классѣ былъ предложенъ для перевода маленькій разказъ: „Мышиная башня“. Представленныя работы оцѣнены испытательными комиссіями такъ: удовлетворительныхъ работъ 78%, неудовлетворительныхъ—22%. По мнѣнію рецензента, оцѣнка комиссій слишкомъ высока, такъ что по его оцѣнкѣ, тоже очень снисходительной, слѣдуетъ признать удовлетворительными работами 63%, а неудовлетворительными—37%. Разница въ оцѣнкѣ, по мнѣнію рецензента, кроется исключительно въ щедрости нѣкоторыхъ преподавателей на отмѣтки.

Лучшія работы по французскому языку представили училища: св. Петра, Кронштадтское и Новгородское.

Въ VI коммерческомъ классѣ было предложено написать коммерческое письмо на тему: „Письмо окончившаго курсъ въ реальномъ училищѣ представителю торговаго дома съ просьбою о предоставленіи ему мѣста въ конторѣ. Указывая на свои теоретическія свѣдѣнія по французской и нѣмецкой корреспонденціи и бухгалтеріи, оцѣненныя хорошими отмѣтками, пишущій выражаетъ надежду, что, подъ опытнымъ руководствомъ, онъ удовлетворитъ всемъ требованіямъ; при этомъ ссылается также на рекомендацію NN. Къ этому письму приложить рекомендательное письмо NN“.

По мнѣнію рецензента, ученики поняли, что отъ нихъ требуется, но нѣкоторые не приложили рекомендательнаго письма. Въ общемъ

работы абитуриентовъ коммерческаго отдѣленія составлены лучше работы основнаго отдѣленія. Испытательныя комиссіи признали неудовлетворительными работами 15%, но, по мнѣнію рецензента, неудовлетворительныхъ работъ было 31%. Разница въ оцѣнкѣ объясняется снисходительностью испытательныхъ комиссій.

Работы 1894 года выше работъ предшествовавшаго года на 7%.

По математикѣ для абитуриентовъ VI-го основнаго класса было предложено 6 задачъ: одна по ариметикѣ, на примѣненіе правила смѣшенія и дѣйствій надъ десятичными и періодическими дробями; двѣ по геометріи: одна на вычисленіе отношенія объема прямого конуса къ объему шара, описанному изъ вершины конуса и раздѣляющему объемъ конуса пополамъ, по данному отношенію образующей конуса къ его высотѣ; другая задача на построеніе: „Превратить трапецію въ параллелограмъ одинаковой съ нею высоты и площади и имѣющей данный уголъ α между діагоналями“; по алгебрѣ двѣ задачи: на вычисленіе—„Площадь участка земли выражается цѣлымъ числомъ квадратныхъ сажень, которое дѣлится безъ остатка на $\sqrt[6]{4822800}$, а при дѣленіи на m даетъ въ частномъ число единицею менѣе остатка; m есть предѣлъ суммы бесконечно убывающей геометрической прогрессіи, въ которой разность между первымъ и вторымъ членами равна 041(6), а третій членъ $= \frac{605}{144}$. Опредѣлить площадь этого участка земли, зная, что она менѣе десятины и болѣе 2.000 квадратныхъ сажень“. Вторая задача предложена на дѣленіе многочленовъ. По тригонометріи: „Въ треугольникѣ дана сторона и прилежащія къ ней углы; на данную сторону опущенъ изъ противоположной вершины перпендикуляръ. Требуется вычислить площадь прямоугольника, построеннаго на отрѣзкахъ, образованныхъ перпендикуляромъ къ данной сторонѣ“.

Рецензентъ, окружной инспекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Муромцевъ, сдѣлалъ объ исполненныхъ абитуриентами работахъ слѣдующія заключенія: ариметическая задача рѣшена вообще хорошо; въ правительственныхъ училищахъ успѣшныхъ работъ 86,4%. Лучшія работы представили 1-е и 2-е С.-Петербургскія училища и Вологодское. Геометрическая задача на вычисленіе рѣшена хорошо въ правительственныхъ реальныхъ училищахъ; успѣшныхъ работъ 90,4%; задача на построеніе рѣшена удовлетворительно въ правительственныхъ училищахъ; успѣшныхъ работъ—75,2%. Наилучшія работы принадлежатъ 1-му и 2-му С.-Петербургскимъ училищамъ.

По алгебрѣ задача на рѣшеніе уравненій исполнена удовлетворительно; успѣшныхъ работъ въ правительственныхъ училищахъ 78,4%; на дѣленіе многочленовъ задача исполнена хорошо, успѣшныхъ работъ 88%. Лучшія работы принадлежатъ 2-му С.-Петербургскому, св. Петра и 1-му С.-Петербургскому училищамъ. По тригонометрии работы исполнены тоже хорошо, успѣшныхъ работъ—85%. Лучшія работы представлены 1-мъ и 2-мъ С.-Петербургскими и Псковскимъ училищами.

Окружной инспекторъ Муромцевъ сопровождаетъ разсмотрѣніе работъ многими полезными руководящими замѣчаніями. Такъ, по ариметикѣ обращаетъ вниманіе на слѣдующее: „Рѣшеніе арифметической задачи должно сопровождаться объясненіемъ, такъ какъ оно одно можетъ обнаружить, сознательно ли ведено авторомъ рѣшеніе задачи, или же по шаблону, то-есть, по затверженному на память приѣмамъ“. Кромѣ того, „изложеніе объясненія задачи убѣждаетъ рецензента въ самостоятельности или несамостоятельности работы; рѣшеніе арифметической задачи легко заимствовать, даже при строгомъ надзорѣ, но объяснить путь рѣшенія можетъ только понимающій его“. По мнѣнію рецензента, отсутствіе объясненія рѣшенія задачи лишаетъ работу главнѣйшихъ качествъ: „обнаружить самостоятельное и сознательное производство дѣйствій и умѣнье рѣшить предложенную задачу“, а потому „арифметическія работы, не содержащія объясненія рѣшенія задачъ, не могутъ быть признаваемы удовлетворительными“.

Относительно геометрическихъ задачъ замѣчено слѣдующее: „вообще всѣ геометрическія задачи на вычисленіе, предлагаемыя на выпускныхъ испытаніяхъ, суть собственно задачи на составленіе и рѣшеніе уравненій, и притомъ простѣйшія, такъ какъ связь между искомыми и данными величинами выражается извѣстными, самыми основными теоремами, которыя можно даже и не умѣть доказывать въ данномъ случаѣ. Для составленія же уравненій необходимо только ясное представленіе тѣла или плоскостнаго чертежа, въ которыхъ находятся данныя и искомыя величины, а потому экзаменующійся обязанъ выполнить и *въ чертовомъ листѣ* чертежъ *отчетливо*, такъ какъ неправильный чертежъ не только не облегчить, но повредитъ рѣшающему сдѣлать правильное соображеніе; обязанъ *окративъ* изъяснить форму или видъ чертежа, а иногда и ихъ составныя части; затѣмъ означить данныя и искомыя величины буквами и закончить составитъ уравненія, указавъ при этомъ на теоремы, необходимыя для

составленія этихъ уравненій. Самое же рѣшеніе уравненій должно быть подробно изложено какъ въ чистой, такъ и въ черновой работахъ. Далѣе говорится: „рѣшеніе всякой задачи на построеніе должно состоять: 1) изъ анализа, 2) построенія, 3) доказательства построенія и 4) изслѣдованія задачи; чертежи должны быть выполнены помощію циркуля и линейки“.

Относительно задачъ по тригонометріи замѣчено: „главнѣйшій недостатокъ этихъ работъ заключается въ отсутствіи формулъ для опредѣленія искомой величины, вслѣдствіе чего были сдѣланы лишніе вычисления. Этотъ важный недостатокъ замѣчается ежегодно въ большинствѣ училищъ, и причину его слѣдуетъ искать въ недостаточномъ настойчивомъ требованіи отъ учащихся составленія формулъ для опредѣленія искомыхъ величинъ при упражненіяхъ, какъ задаваемыхъ на домъ, такъ выполняемыхъ въ классѣ“.

Для дополнительнаго класса были предложены слѣдующія задачи:

По алгебрѣ—„большій корень уравненія

$$x + \sqrt[3]{-x^3 + 8x^2 + 16x - 1} = 3$$

равенъ седьмому члену арифметической прогрессіи, а меньшій его корень, увеличенный на единицу, есть десятый членъ той же прогрессіи. Сколько членовъ этой прогрессіи надо взять, начиная съ перваго члена, чтобы сумма ихъ была наибольшая?“.

По приложенію алгебры къ геометріи: „На діаметръ $AB = 2R$ окружности дана точка C такъ, что $AC = O, (3) R$, и на продолженіи діаметра за точку B отложена часть $BD = O, (6) R$; затѣмъ, черезъ точку D проведена прямая QN перпендикулярная къ AD . Найти на окружности такую точку M , чтобы сумма квадратовъ разстояній ея отъ C и отъ прямой QN была равна \overline{m}^2 . Изслѣдовать?“.

Алгебраическая задача рѣшена хорошо; успѣшныхъ работъ въ правительственныхъ реальныхъ училищахъ 94%.

Задача на приложеніе алгебры къ геометріи рѣшена слабо, въ правительственныхъ реальныхъ училищахъ успѣшныхъ работъ только 56%. Лучшія работы принадлежатъ Псковскому и Великолуцкому училищамъ.

По Московскому учебному округу.

По Московскому учебному округу не представлены въ министерство народнаго просвѣщенія отзывы лицъ, разсматривавшихъ пись-

менныя работы, исполненныя на окончательныхъ испытаніяхъ. Темы же, предложенныя окружнымъ начальствомъ для окончательныхъ испытаній, были слѣдующія:

По русскому языку: для VII класса—„Значеніе Императора Петра Великаго въ исторіи русскаго народа“; для VI класса — „Вліяніе географическихъ условій страны на ея обитателей“.

По нѣмецкому языку: для VII класса „Welche Jahreszeit ist wohl die schönste?“; для VI класса основнаго отдѣленія: переводъ статьи „Франклинъ“; для VI класса коммерческаго отдѣленія: составить торговое письмо „Торговый домъ въ Парижѣ пишетъ въ Москву, что данное изъ Москвы порученіе не можетъ быть выполнено, такъ какъ оно прекращаетъ торговлю“.

По французскому языку: для VI класса основнаго отдѣленія: перевести статью „Табакъ“; для VI класса коммерческаго отдѣленія: написать „Циркуляръ объ открытіи торговаго дома съ заявленіемъ, чѣмъ именно домъ этотъ преимущественно будетъ заниматься“.

По математикѣ: для VII дополнительнаго класса: по приложенію алгебры къ геометріи—„Внѣ круга, коего радіусъ R , дана точка, разстояніе которой отъ центра круга равно данной линіи a . Изъ данной точки требуется провести сѣкущую такимъ образомъ, чтобы ея внутренній отрѣзокъ равнялся данной прямой b “.

По алгебрѣ — „Вычислить съ точностью до 0,01 выраженіе $a + b\sqrt{7}$, гдѣ a равно дѣйствительной части комплекснаго выраженія

$$2 (\cos 15^\circ + \sin 15^\circ \sqrt{-1})^4,$$

а b равно тому значенію x , при которомъ выраженіе

$$(19 - 7x)(7x - 9)$$

имѣетъ наибольшую величину“.

Для VI класса основнаго отдѣленія: по ариметикѣ—„Нѣкоторый капиталъ выражается числомъ рублей, состоящимъ изъ трехъ цифръ, сумма которыхъ = 18. Число сотенъ этого трехзначнаго числа относится къ числу десятковъ, какъ 1 : 0,75, а число десятковъ къ числу единицъ, какъ 0,1 (9) : $\frac{2}{15}$. На сколько времени должно отдать упомянутый капиталъ въ ростъ по 4 простыхъ годовыхъ процента, чтобы получить на него 43 р. 20 коп. процентныхъ денегъ?“.

По геометріи—„Площадь квадрата, вписаннаго въ основаніе прямого круглаго конуса, равна полной поверхности куба, объемъ кото-

раго равенъ U . Отношеніе высоты конуса къ радіусу его основанія = $m : n$. Определить объемъ конуса?».

На вычисленіе— „Опредѣлить объемъ правильной пирамиды съ квадратнымъ основаніемъ, зная, что площадь діагональнаго сѣченія пирамиды = $b\sqrt{2}$ квадратныхъ дюймовъ, а апогема пирамиды = $\sqrt{13}$ дюйма“.

По алгебрѣ— „Написать *геометрическую* прогрессию, у которой сумма членовъ, стоящихъ на мѣстахъ четнаго порядка, равна 150, а сумма членовъ, находящихся на мѣстахъ нечетнаго порядка, равна 50, число же всѣхъ членовъ ее равно первому члену такой арифметической прогрессіи, у которой сумма 2-го и 4-го членовъ = 20, а третьяго и шестаго = 29“. На вычисленіе— „Подставить въ выраженіе $\frac{8717 + b}{104 + c}$ вмѣсто b коэффициентъ пятого члена разложенія $(x + a)^{16}$, вмѣсто c число сочетаній изъ 15 элементовъ по 4, обратить полученную простую дробь въ непрерывную, найти всѣ подходящія дроби этой послѣдней и опредѣлить затѣмъ предѣлъ той ошибки, которую мы дѣлаемъ, принимая пятую подходящую дробь за равную данной простой дроби“.

По тригонометріи— „По данной площади треугольника, равной 547,57 квадратныхъ футовъ, и по даннымъ его угламъ $A = 108^\circ 18'$, $B = 23^\circ 23' 22''$ опредѣлить стороны этого треугольника“.

По Казанскому учебному округу.

По русскому языку экзаменовавшимся въ VI классѣ была предложена окружнымъ начальствомъ тема: „Значеніе горъ“, а для VII класса— „Значеніе удобныхъ путей сообщенія“.

По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій работы оцѣнены такъ: въ VI классѣ—удовлетворительныхъ работъ 92,7%, неудовлетворительныхъ—7,3%. Средній баллъ 3,39.

Рецензентъ, окружной инспекторъ статскій совѣтникъ Дѣдовъ, призналъ въ большинствѣ оцѣнку справедливою, но, въ среднемъ, оцѣнку понизилъ и призналъ удовлетворительныхъ работъ 81,7%, а неудовлетворительныхъ 18,3%, при среднемъ баллѣ 3,12. Работы разсмотрѣны комиссіями внимательно. Составлены работы учащимся аккуратно.

Для VII класса испытательныя комиссіи признали удовлетворительными работами 92,7%, а по мнѣнію рецензента ихъ было 84,2%,

при среднемъ баллѣ 3,27. Очевидно, работы учениковъ дополнительнаго класса выше работъ VI класса.

Лучшія работы были въ VI классѣ Елабужскаго и Сызранскаго училищъ, а въ VII классѣ—въ Казанскомъ и Саратовскомъ училищахъ.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность экзаменовавшихся почти не измѣнилась; въ среднемъ замѣтно незначительное пониженіе балла: для учениковъ VI класса на 0,02, а для учениковъ VII класса—на 0,05.

По нѣмецкому языку были предложены для перевода статьи: въ VI-мъ классѣ „Карль Великій въ школь“, для VII-го класса—„Описаніе Шафгаузенскаго водопада“. Для коммерческаго класса предложено составить коммерческое письмо.

По разсмотрѣніи работъ въ испытательныхъ комиссіяхъ признано неудовлетворительными 3,34% общаго числа работъ. Рецензентъ, лекторъ Императорскаго Казанскаго университета к. с. Бергъ, вполнѣ согласенъ съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій и вывелъ средній баллъ для экзаменовавшихся въ VI-мъ основномъ классѣ—3,78, въ VI-мъ коммерческомъ—4,21, въ VII-мъ классѣ 3,9.

Лучшія работы представили изъ VI-го основнаго класса Елабужское и Вольское училища; изъ VI-го коммерческаго—Сызранское и Казанское, а изъ VII-го класса—Елабужское и Сызранское училища. Успѣшность работъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ не измѣнилась.

По французскому языку были предложены окружнымъ начальствомъ для перевода: въ VI-мъ основномъ классѣ—перевести исторической анекдотъ—„Король и чиновникъ“.

Для VII-го класса—перевести разказъ „Калисоонъ и Александръ“, въ VI-мъ коммерческомъ классѣ „написать рекомендательное письмо молодому человѣку“.

По оцѣнкѣ работъ испытательными комиссіями признано въ VI-мъ основномъ классѣ—неудовлетворительныхъ работъ 2,34%, для работъ постороннихъ лицъ—10,0%. Работы абитуриентовъ VII-го класса признаны всею удовлетворительными. Средній баллъ за все работы 3,7.

Рецензентъ, лекторъ Императорскаго Казанскаго университета коллежскій совѣтникъ Норъ, въ общемъ согласенъ съ оцѣнкою испытательныхъ комиссій, хотя находитъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ снисходительною. По мнѣнію рецензента, средній баллъ за все работы долженъ быть пониженъ до 3,36.

Лучшія работы представлены Казанскимъ, Сызранскимъ, Вятскимъ и Камышинскимъ училищами.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность работъ повысилась; неудовлетворительныхъ работъ менѣе на 4,04%.

По математикѣ окружнымъ начальствомъ предложены были для рѣшенія слѣдующія задачи:

Для VI-го класса—по ариметикѣ: „Ювелиръ сплавилъ золотой браслетъ 56-й пробы съ пятью золотниками золота 80-й пробы и получилъ сплавъ 64-й пробы. Сколько вѣсилъ браслетъ?“

По геометріи на вычисленіе—„Вычислить длину ребра правильной четырехгранной пирамиды (тетраэдра), объемъ которой былъ бы равенъ объему усѣченного прямого конуса, радіусъ верхняго основанія котораго равенъ 12,3 дюйма, радіусъ нижняго основанія 21,2 дюйма и разстояніе между центрами основаній равно 10 дюймамъ“.

По геометріи на построеніе—„Построить треугольникъ, когда даны основаніе, противолежащій уголъ и отношеніе двухъ остальныхъ сторонъ“.

По алгебрѣ на вычисленіе—„Нѣсколькимъ рабочимъ требуется уплатить 36 рублей такъ, чтобы каждому досталось однимъ и тѣмъ же числомъ болѣе своего предшественника. Вслѣдствіе этого второй и четвертый рабочіе получили вмѣстѣ 6 руб., а пятый и 7-й вмѣстѣ 9 руб. Сколько получалъ каждый рабочій и сколько ихъ было?“

По алгебрѣ на выводъ формулъ: „Найти четыре числа, изъ которыхъ три первыя составляютъ арифметическую прогрессию, а три послѣднія геометрическую, при чемъ сумма среднихъ чиселъ равна m , а сумма крайнихъ $2m$ “.

По тригонометріи—„Вычислить площадь сегмента круга, соответствующаго дугѣ въ $32^{\circ} 15' 20''$, если стягивающая ее хорда равна 12 дюймамъ“.

Для дополнительнаго класса:

По алгебрѣ—„Между всѣми цилиндрами одного и того же объема опредѣлить тотъ, который вписывается въ наименьшую сферу“.

По приложенію алгебры къ геометріи—„Даны два треугольника, имѣющіе общій уголъ; построить третій треугольникъ, подобный одному изъ данныхъ и равновеликій другому“.

Работы, рассмотрѣнныя испытательными комиссіями, оцѣнены такъ: для VI-го класса средній баллъ 3,50, для дополнительнаго класса средній баллъ 3,63.

Рецензентъ, ординарный профессоръ чистой математики дѣйстви-

тельный тайный совѣтникъ Суворовъ, призналъ оцѣнку испытательныхъ комиссій вообще правильною и сдѣлалъ только указанія на нѣкоторые случаи.

Въ общемъ выводѣ изъ оцѣнки рецензента средній баллъ для учениковъ VI-го класса долженъ быть 3,43, то-есть, ниже балла испытательной комиссiи на 0,07, а для VII-го класса 3,66, то-есть, выше балла испытательной комиссiи на 0,08. Такая разница въ оцѣнкѣ признается ничтожною, и средній баллъ за всѣ работы 3,55 признается рецензентомъ вполне удовлетворительнымъ.

Лучшія работы представлены изъ VI-го класса: Сызранскимъ и Астраханскимъ училищами, а изъ VII-го класса—Вятскимъ и Астраханскимъ.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ успѣшность учащихся въ общемъ немного увеличилась: въ 1893 году средній баллъ за всѣ работы былъ меньше 3,5, а въ отчетномъ году онъ повысился болѣе, чѣмъ на 0,05.

Работы по бухгалтерiи, по рецензiи окружнаго инспектора Дѣдова, оказались всѣ удовлетворительными, при среднемъ баллѣ 4,29, который выше балла 1893 года на 0,16.

По Оренбургскому учебному округу.

Для работъ по русскому языку начальствомъ округа были предложены слѣдующія темы: въ VI-мъ классѣ—„Русское провинціальное общество, современное Гоголю, на основанiи его комедiи „Ревизоръ“.

Въ дополнительномъ классѣ—„Характеристикой семьи Простаковыхъ доказать справедливость словъ Стародума: „Вотъ злонравiя достойные плоды“.

По оцѣнкѣ работъ испытательными комиссiями неудовлетворительныхъ работъ оказалось въ VI-мъ классѣ 9,1%, а въ VII-мъ—15%. Такая оцѣнка признана совершенно правильною, и успѣшность признана выше предшествовавшаго года; средній процентъ неудовлетворительно составившихъ работы въ 1893 году былъ 14,5%, а въ отчетномъ году—12,05%.

По нѣмецкому языку экзаменовавшіеся въ VI-мъ классѣ составили переводъ на тему: „Покупка имѣнiя“, а абитуриенты дополнительнаго класса на тему: „Вліяніе Ислама и распространенiя аравійскаго владычества на востокъ и западъ“.

По разсмотрѣніи работъ всѣ онѣ оказались удовлетворительными, что указываетъ на возвышеніе успѣшности, такъ какъ въ 1898 году неудовлетворительныхъ работъ было 3,3%.

По французскому языку экзаменовавшіеся въ VI-мъ классѣ составили переводъ на тему: „Посѣщеніе Копенгагена“. По разсмотрѣніи работъ неудовлетворительною оказалась только одна работа, составившая 3,3% всѣхъ работъ.

Результатъ можно считать вполне удовлетворительнымъ и выше предшествовавшаго года, гдѣ неудовлетворительныхъ работъ было 6,6%, то-есть, болѣе отчетнаго года на 3,3%.

По математикѣ были предложены такія задачи: для VI-го класса по ариметикѣ—„Нѣкто за 2.400 руб. продалъ вексель за 8 мѣсяцевъ до срока съ математическимъ учетомъ по 7,5% (годовыхъ). Часть вырученныхъ денегъ, равную 0,444... валюты векселя, онъ положилъ въ банкъ на 9 мѣсяцевъ по 6%, а въ другой банкъ на 10 мѣсяцевъ остальную часть. Всего процентныхъ денегъ онъ получилъ 119 руб. 42 коп. По сколько % (годовыхъ) была отдана вторая часть вырученныхъ денегъ?“

По геометріи на вычисленіе — „Взять кусокъ дерева, имѣющій форму прямой пирамиды основанія $q=36$ квадратнымъ дециметрамъ и удѣльнымъ вѣсомъ 0,64; вѣсъ его $p=61,44$ килограмма. На какомъ разстояніи отъ вершины его слѣдовало бы провести сѣкущую плоскость параллельно основанію, чтобы его объемъ раздѣлился пополамъ?“

По геометріи на построеніе—„Даннымъ радіусомъ описать кругъ касательный къ данной прямой такъ, чтобы касательныя къ нему, проведенныя изъ двухъ данныхъ точекъ, были параллельны между собою“.

По алгебрѣ на вычисленіе—„Найти четыре числа, составляющія геометрическую прогрессию по слѣдующимъ условіямъ: сумма перваго и втораго членовъ должна равняться большому значенію x , определенному изъ уравненій

$$\frac{x^2 - y^2}{x^2y - y^2x} = \frac{7}{2} \text{ и } x + y = 6.$$

Сумма же 3-го числа съ 4-мъ должна равняться срочной годовой уплатѣ, посредствомъ которой въ теченіе десяти лѣтъ можно погасить долгъ 277 руб. 98 коп. при 5% сложныхъ“.

По алгебрѣ на выводъ формулъ—„Изъ двухъ металловъ, которые,

будучи взяты въ количествѣ d и k фунтовъ, при погруженіи въ воду теряютъ по 1 фунту, сдѣлать a фунтовъ сплава, котораго D фунтовъ теряли бы въ водѣ тоже 1 фунтъ. Сколько взято того и другаго металла?”

Для вычисленія по найденной формулѣ дается: $a = 10$, $D = 7$, $d = 12$ и $k = 15$.

По тригонометріи — „Двѣ башни AB и CD стоятъ на одной горизонтальной плоскости; основанія ихъ B и D и вершины A и C . На прямой BD , соединяющей основанія башенъ, взять пунктъ F внѣ точекъ B и D , отъ него измѣрять базисъ $gF = 20$ саж. Затѣмъ измѣрены $\angle AgB = 38^\circ 39' 35,3''$, $\angle AFB = 14^\circ 55' 53,1''$ и $\angle CFD = 23^\circ 25' 43,8''$. Определить разстояніе между вершинами A и C . зная, что высота одной башни $CD = 18$ саженимъ“.

По разсмотрѣніи всѣхъ работъ по математикѣ, представленныхъ экзаменовавшимися въ VI классѣ, оказалась неудовлетворительною только одна работа, или 3,03%. Процентъ успѣшности возвысился противъ предшествовавшаго года: въ 1893 году неудовлетворительныхъ работъ было 5,7%.

Для дополнительнаго класса были предложены такія задачи: по приложенію алгебры къ геометріи: „Шаръ радіуса r разсѣчь плоскостью такъ, чтобы боковыя поверхности цилиндра и конуса, вписанныхъ въ большой сегментъ и имѣющихъ общимъ основаніемъ кругъ сѣченія, относились между собою, какъ $m : n$ “.

По алгебрѣ: „Изъ всѣхъ конусовъ равновеликой боковой поверхности na^2 определить наибольшій по объему и найти численное значеніе этого объема при условіи, что Неперовъ логарифмъ радіуса основанія конуса равенъ 2,19722“.

По разсмотрѣніи всѣхъ работъ, исполненныхъ абитуриентами VII класса, 2 работы по приложенію алгебры къ геометріи оказались неудовлетворительными (10% общаго числа работъ). Успѣшность возвысилась въ отчетномъ году на 0,1%.

Письменные работы были рецензированы окружными инспекторами.

По Виленскому учебному округу.

По русскому языку предложены начальствомъ округа такія темы: для VI класса: 1) „Знаніе — самое прочное богатство человѣка“; 2) „Значеніе машинъ и усовершенствованныхъ орудій въ современномъ производствѣ“.

Для VII класса „Вліяніе Императрицы Екатерины II и ея реформъ на характеръ русской литературы“.

Представленныя работы рассмотрѣны директоромъ 2-й Виленской гимназіи Бржезинскимъ. По оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, работы экзаменовавшихся въ VI классѣ признаны: удовлетворительными 82,22% и неудовлетворительными 17,78%; средній баллъ 3,12. Рецензентъ нашелъ приведенную оцѣнку близкою къ достоинству работъ и съ своей стороны призналъ удовлетворительными работами 78,89%, при среднемъ баллѣ 3.

Въ VII классѣ, по оцѣнкѣ испытательныхъ комиссій, удовлетворительныхъ работъ было 85,72%; при среднемъ баллѣ 3,23; по оцѣнкѣ рецензента, удовлетворительныхъ работъ было 82,42%, при среднемъ баллѣ 3,08. Лучшія работы принадлежать Двинскому и Поневѣжскому училищамъ.

Результатъ письменныхъ испытаній по русскому языку признанъ выше удовлетворительнаго. Удовлетворительныхъ работъ въ VI классѣ было болѣе предшествовавшаго года на 4,09%, а въ дополнительномъ—менѣе на 1,18%.

По нѣмецкому языку въ VI классѣ основнаго отдѣленія написано самостоятельное сочиненіе на тему „Прогулка весною за городъ“. Работы рассмотрѣны преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Витебской гимназіи Бадендикомъ. По его мнѣнію, работы учениковъ VI класса очень хороши. Въ общемъ удовлетворительныхъ работъ 94,3%, неудовлетворительныхъ 5,7%; средній баллъ 3,6. Лучшія работы принадлежать Пинскому и Бѣлостокскому училищамъ.

Въ VI коммерческомъ отдѣленіи составлено коммерческое письмо—„Просьба о мѣстѣ приказчика“. Изъ 8 представленныхъ работъ признана неудовлетворительною только одна, то-есть, 12,5%, при среднемъ баллѣ за всѣ работы 3.

Въ VII дополнительномъ классѣ сдѣланъ переводъ статьи „Демосеенъ“. Изъ представленныхъ работъ признаны рецензентомъ удовлетворительными 92,3%, а неудовлетворительными—7,7%. Средній баллъ 3,6. Лучшія работы принадлежать Пинскому и Бѣлостокскому училищамъ.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ работы свидѣтельству о повышеніи успѣшности учащихся по нѣмецкому языку: въ 1893 году въ VI классѣ удовлетворительныхъ работъ было менѣе на 13,6%, а въ дополнительномъ классѣ—на 2,2%.

По французскому языку учениками VI класса основнаго отдѣленія

составленъ переводъ статьи — „Полтавскій бой“, а учениками VI класса коммерческаго отдѣленія написанъ „Циркуляръ объ открытїи торговаго дома“. Представленныя испытательными комиссіями работы рассмотрѣны преподавателемъ французскаго языка Виленскаго Марїинскаго высшаго женскаго училища Регамэ. По его мнѣнію, работы слѣдуетъ признать вполне удовлетворительными въ основныхъ отдѣленіяхъ и хорошими — въ Виленскомъ коммерческомъ отдѣленіи. Въ среднемъ, удовлетворительныхъ работъ 83,35%, а неудовлетворительныхъ—16,65%; средній баллъ 3,23. Лучшія работы представлены Могилевскимъ училищемъ и Виленскимъ коммерческимъ отдѣленіемъ.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ замѣчено значительное повышеніе успѣшности по французскому языку. Въ 1893 году неудовлетворительныхъ работъ было 38,8%, то-есть, болѣе отчетнаго года на 12,15%; средній баллъ въ 1893 году былъ 2,84, то-есть, менѣе на 0,39.

По ариметикѣ ученикамъ VI класса предложена для рѣшенія задача: „Купецъ продалъ сперва 0,4, потомъ 0,2 (3) и затѣмъ 0,18 частей своего товара. При продажѣ онъ выручилъ 856 руб. 44 коп., получивъ 4% прибыли на стоимость проданной части товара. Узнать, сколько фунтовъ товару у него было, и сколько ему самому стоилъ каждый фунтъ?“

Рѣшили предложенную задачу 97,8%, а 2,2% задачи не рѣшили. По мнѣнію рецензента округа, инспектора Виленской первой гимназіи Доброхотова, ариметическій путь рѣшенія задачи усвоенъ учениками вполне основательно, большинство работъ изложено связно и послѣдовательно. Средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,6. Лучшія работы представили Пинское и Могилевское училища. По сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ работы отчетнаго года выше; въ 1893 г. неудовлетворительныхъ работъ было 4%, то-есть, болѣе на 1,8%; средній баллъ повысился на 0,08.

По геометріи были предложены такія задачи: на вычисленіе — „Въ прямой конусѣ вписанъ шаръ, высота h равна 60 метрамъ и образующая его l равна 65 метрамъ. Во сколько разъ объемъ конуса болѣе объема шара?“

На построеніе — „Построить трапецію, зная ея діагонали и параллельныя стороны“.

Работы рассмотрѣны преподавателемъ Виленской 2-й гимназіи Родивымъ. По его мнѣнію, работы по первой задачѣ исполнены хо-

рошо; по строгой его оцѣнкѣ отличныя и хорошія работы составляютъ 40%, а вмѣстѣ съ удовлетворительными 95,6%, такъ что неудовлетворительныхъ работъ оказывается только 4,4%. Средній баллъ по всѣмъ училищамъ 3,5. Лучше всѣхъ вышли работы учениковъ Бѣлостокскаго и Могилевскаго реальныхъ училищъ. Работы по рѣшенію второй задачи признаны исполненными также болѣе чѣмъ удовлетворительно; число неудовлетворительныхъ работъ составляетъ 6,7% всѣхъ работъ. Выше всѣхъ по достоинству стоятъ работы Могилевскаго и Виленскаго училищъ.

По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ неудовлетворительныхъ работъ оказалось болѣе: по первой задачѣ на 1,3%, а по второй—на 1,5%.

По алгебрѣ были предложены слѣдующія задачи: на вычисленіе— „Въ геометрической прогрессіи, состоящей изъ 7 членовъ, знаменатель есть наименьшее цѣлое положительное значеніе x , удовлетворяющее уравненію $19x + 15y = 83$, а геометрическое среднее крайнихъ членовъ равно 24. Найдти сумму этой прогрессіи“.

На выводъ формулъ— „Рѣшить уравненіе $12\sqrt[3]{x} - \sqrt[3]{x} = 27$ “.

Работы рассмотрѣны окружнымъ инспекторомъ Морозовымъ. По отзыву рецензента, оказалось удовлетворительныхъ работъ по первой задачѣ 95,4%, а неудовлетворительныхъ—4,6%; средній баллъ 3,68; по второй задачѣ удовлетворительныхъ работъ 98,9%, а неудовлетворительныхъ 1,1%; средній баллъ 3,97. Такой исходъ письменнаго испытанія по алгебрѣ признанъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ неудовлетворительныхъ работъ по первой задачѣ было болѣе на 0,58%, а по второй—менѣе на 4,1%. Средній баллъ по первой задачѣ возвысился на 0,08, а по второй—на 0,42. Лучшія работы исполнены учениками Бѣлостокскаго, Пянскаго и Поневѣжскаго училищъ.

По тригонометріи рѣшена задача— „Найдти площадь трапеціи, зная ея параллельныя стороны a и b и углы A и B , прилежащіе большой сторонѣ $a = 5$ м, $b = 3$ м, $A = 32^\circ 14'$, $B = 84^\circ 15' 2''$ “.

По отзыву рецензента Родина, работы по тригонометріи признаны болѣе чѣмъ удовлетворительными. Неудовлетворительныхъ работъ было только 4,4%, менѣе предшествовавашаго года на 2,3%. Средній баллъ 3,6. Лучшія работы представлены изъ Бѣлостокскаго и Виленскаго училищъ.

Въ дополнительномъ классѣ были предложены слѣдующія задачи: по алгебрѣ— „Данъ прямой уголъ— BAC и въ него вписанъ кругъ

радіуса r , провести къ этому кругу касательную Bc такъ, чтобы $AB + AC$ было максимум или минимум". По приложенію алгебры къ геометріи: „Даны полукругъ, построенный на діаметрѣ AB , а къ нему касательная въ точкѣ A . Найдти на полуокружности такую точку M , чтобы перпендикуляръ Me , опущенный изъ нея на касательную, вѣстѣ съ прямою MB , давали въ суммѣ данную прямую l “

Разсмотрѣны представленныя работы окружнымъ инспекторомъ Морозовымъ. По мнѣнію рецензента, первая задача исполнена въ общемъ удовлетворительно. 15,2% всѣхъ работъ признаны неудовлетворительными, а 84,8% удовлетворительными; средній баллъ 3,2. Лучшія работы по обѣимъ задачамъ — Двинскаго и Минскаго училищъ. Вторая задача рѣшена болѣе чѣмъ удовлетворительно. Неудовлетворительныхъ работъ менѣе—12,1%; средній баллъ по всѣмъ училищамъ—8,43. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ неудовлетворительныхъ работъ болѣе: по первой задачѣ на 4,1, а по второй—на 1,0%.

По Римскому учебному округу.

Для письменныхъ испытаній по русскому языку были предложены слѣдующія темы: для дополнительнаго класса — „Значеніе умственного и физическаго труда для человѣка“. Для VI класса—„Почему человѣкъ называется царемъ природы?“ По мнѣнію рецензента г. Вѣлявскаго, вышеприведенныя темы были трудны для экзаменовавшихся; по его заключенію, „отвѣтъ на означенныя темы ученики не могли прямо извлечь изъ какой либо пройденной ими науки, они должны были самостоятельно сообразить подходящій матеріалъ изъ жизни и различныхъ наукъ и тутъ оказались слабыми; способности соображенія и болѣе или менѣе самостоятельнаго разсужденія у большинства абитуриентовъ не оказалось“. По оцѣнкѣ рецензента, удовлетворительныхъ работъ въ VII классѣ было 36,3%, неудовлетворительныхъ—63,7%; средній баллъ—2,30. Для учениковъ VI-го класса: удовлетворительныхъ работъ было 38,7%, неудовлетворительныхъ—61,3%. Средній баллъ 2,28. Исходъ письменныхъ испытаній признанъ не вполне удовлетворительнымъ. Лучшія работы представлены Рижскимъ реальнымъ училищемъ Петра I-го и Либавскимъ, а въ VI классѣ—Рижскимъ Петра I-го и Митавскимъ училищами.

Письменные работы по математикѣ разсмотрѣны профессоромъ Юрьевского университета Лахтинимъ, представившимъ слѣдующій отзывъ.

Въ арифметической задачѣ испытуемые должны были приимѣнить

правило учета векселей и правило пропорціональнаго дѣленія. Никакихъ искусственныхъ пріемовъ для рѣшенія задачи не требовалось. Поэтому задачи не могли затруднить экзаменовавшихся даже съ посредственными знаніями.

Первая алгебраическая задача требовала знанія формулы бинома Ньютона, умѣнья составить и рѣшить въ цѣлыхъ числахъ неопредѣленное уравненіе и рѣшить систему двухъ простыхъ квадратныхъ уравненій съ двумя неизвѣстными. Составленіе плана рѣшенія трудности не представляетъ, само же рѣшеніе съ механической стороны довольно сложно, вслѣдствіе этого ни одинъ ученикъ рѣшеніе задачи до конца не довелъ. Кромѣ того, въ условіяхъ задачи пералась *описка*, еще болѣе усложнявшая рѣшеніе. Эта описка была по телеграфу исправлена г. окружнымъ инспекторомъ Поповымъ, но сдѣланнымъ исправленіемъ успѣли воспользоваться только два училища.

Вторая алгебраическая задача — на рѣшеніе уравненій. Требовалось: 1) упростить выраженіе съ радикалами и выраженіе съ логарифмами, 2) совершить переходъ отъ логарифмовъ къ числамъ, 3) рѣшить очень простую систему двухъ уравненій съ двумя неизвѣстными.

Въ рѣшеніи первой геометрической задачи ученики должны были примѣнить теоремы о подобіи треугольниковъ и о пропорціональныхъ линіяхъ въ кругѣ, далѣе они должны были примѣнить формулу поверхности сферическаго сегмента и произвести вычисленіе съ заданною степенью точности (до 0,01 километра). Во второй геометрической задачѣ—на построеніе—ученики должны были примѣнить методъ подобія. Для построенія вершины треугольника, подобнаго искомому, имъ пришлось воспользоваться пересѣченіемъ двухъ геометрическихъ мѣстъ. Построеніе сдѣлано вѣрно у большинства учениковъ. Тригонометрическая задача требовала знанія основныхъ формулъ тригонометріи и можетъ быть рѣшена разнообразными способами.

Ученикамъ, подвергавшимся испытанію изъ курса VII класса, были предложены двѣ задачи. Алгебраическая задача требовала умѣнія находить *maxima* и *minima* простѣйшихъ функций и производить вычисленія съ заданною точностью. Задача по приложенію алгебры къ геометріи приводила къ построенію корней квадратнаго уравненія. Составить уравненіе, рѣшить и построить его корни сумѣло большинство учениковъ. Но изслѣдованіе формулъ сдѣлали вѣрно не всѣ ученики.

Въ общемъ работы признаны исполненными удовлетворительно, средній баллъ для учениковъ VI класса вышелъ 2,93, а для учениковъ дополнительнаго класса—3,0.

По Западно-Сибирскому учебному округу.

По русскому языку письменныя работы рассмотрѣны инспекторомъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета статскимъ совѣтникомъ Пятницкимъ.

Для учениковъ VII класса предложена была для письменнаго испытанія тема: „Религіозное и національное броженіе въ Чехіи въ XIV вѣкѣ“. Исполненныя ими работы оцѣнены рецензентомъ такъ: удовлетворительныхъ работъ 70,6%, неудовлетворительныхъ—29,4%; средній баллъ за всѣ работы 3,1. Лучшія работы представлены Тюменскимъ реальнымъ училищемъ.

Ученикамъ VI класса предложена была тема: „Патріархъ Никонъ и начало раскола“. Исполненныя учениками работы оцѣнены такъ: удовлетворительныхъ работъ 88,3%, неудовлетворительныхъ—11,7%; средній баллъ за всѣ работы учениковъ VI класса—3,2. Лучшія работы представило также Тюменское училище, въ которомъ всѣ работы оказались удовлетворительными.

По математикѣ исполненная работа рассмотрѣна окружнымъ инспекторомъ Карагодинымъ. Въ дополнительномъ классѣ по алгебрѣ работы оцѣнены такъ: удовлетворительныхъ работъ 53%, неудовлетворительныхъ 47%. Средній баллъ 3,0.

По приложенію алгебры къ геометріи удовлетворительныхъ работъ было 82,4%, неудовлетворительныхъ—17,6%; средній баллъ 3,1. Лучшія работы представлены Томскимъ реальнымъ училищемъ.

Для учениковъ VI класса: по ариѳметикѣ предложена такая задача: „Наслѣдство въ 205.105 рублей раздѣлено между тремя сыновьями; первый изъ нихъ положилъ свою долю въ банкъ по 5%, второй купилъ 4% бумаги по курсу 75 за 100, а третій употребилъ свою сумму на покупку векселя съ учетомъ по 4½% за годъ до срока. По истеченіи года оказалось, что всѣ братья получили одинаковый доходъ. Определить долю наслѣдства каждаго изъ сыновей“?

По оцѣнкѣ представленныхъ работъ, оказалось: удовлетворительныхъ работъ 58,8%, неудовлетворительныхъ 41,2%; средній баллъ за всѣ работы 2,94. Лучшія работы—Тюменскаго училища.

По алгебрѣ на вычисленіе—„Вычислить средній членъ разложенія $(\sqrt{2+\sqrt{2}}-\sqrt{2-\sqrt{2}})^{10}$ съ точностію до одного десятичнаго знака, пользуясь при этомъ для опредѣленія приближеннаго значенія корня теоріей непрерывныхъ дробей“.

По алгебрѣ на выводъ формулъ—„По прямой *MN* двигаются два тѣла и проходятъ черезъ точку *O*, спустя 3 секунды одно послѣ дру-

гаго, при этомъ одно тѣло проходить въ первую секунду 1 футъ, во вторую 3 ф. и т. д. (въ каждую слѣдующую секунду на 2 ф. болѣе, чѣмъ въ предыдущую), а другое тѣло проходить въ первую секунду 12 футовъ, во вторую 13 футовъ и т. д. (въ каждую слѣдующую секунду на 1 футъ болѣе, чѣмъ въ предыдущую). Определить моментъ, когда разстояніе этихъ тѣлъ отъ O равно?

По оцѣнкѣ работъ оказалось: по первой задачѣ удовлетворительныхъ работъ 64,7%, неудовлетворительныхъ—35,3%, средній баллъ 2,82. По второй задачѣ удовлетворительныхъ работъ 52,9%, неудовлетворительныхъ—47,1%. Средній баллъ 2,88. Лучшія работы представлены Тюменскимъ реальнымъ училищемъ.

По геометріи на построеніе предложена слѣдующая задача: „Раздѣлить трапецію на двѣ равновѣрные части прямою, проходящею черезъ точку, данную на бѣльшемъ основаніи трапеціи“. Вторая задача по геометріи была слѣдующая: „Въ кругъ радіуса R вписано 6 одинаковыхъ круговъ такъ, что каждый изъ нихъ касается данной окружности и двухъ другихъ круговъ. Определить площадь шестиугольника, вершинами котораго служатъ центры вписанныхъ круговъ. $R=10$ фут.; числовой результатъ вычислить съ точностію 2-хъ десятичныхъ знаковъ“.

По оцѣнкѣ исполненныхъ работъ оказалось: по первой задачѣ удовлетворительныхъ работъ 88,8%, неудовлетворительныхъ—11,7%; средній баллъ 3,34. Лучшія работы представлены Тюменскимъ училищемъ.

По тригонометріи было предложено: „Определить объемъ и полную поверхность конуса, описаннаго около шара радіуса R , зная, что образующая его наклонена къ основанію подъ угломъ α ; $R=$
 $=\sqrt[3]{0,56789}$ саж.; $\alpha=65^\circ 35' 22''$ “.

Исполненные работы оцѣнены такъ: удовлетворительныхъ работъ 41,2%, неудовлетворительныхъ 58,8%; средній баллъ—2,82. Лучшія работы исполнены учениками Томскаго училища.

По нѣмецкому языку исполненные работы рассмотрѣны и оцѣнены окружнымъ инспекторомъ Гаазе. Всѣ работы оказались удовлетворительными. Средній баллъ за всѣ работы—4.

По французскому языку окружный инспекторъ Карагодиянъ призналъ: удовлетворительными работами 75%, неудовлетворительными—25%. Средній баллъ за всѣ работы 2,93. Лучшія работы по иностраннымъ языкамъ принадлежатъ Тюменскому училищу.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ.

В Ѣ Д (

О ПОДВЕРГАВШИХСЯ ИСПЫТАНІЯМЪ И УДОСТОИННЫХЪ АТТЕСТАТОВАМЪ

Учебные округа.	Подвергались испыт			
	За шесть классовъ.			Въ доп Ученики
	Ученики.	Посто- ронние.	Всего.	
С.-Петербургскій	267	21	288	119
Московскій	247	11	258	160
Казанскій	138	22	160	101
Оренбургскій	33	3	36	20
Харьковскій	222	12	234	129
Одесскій	146	11	147	105
Кіевскій	97	6	103	79
Віленскій	98	4	102	95
Варшавскій	61	32	93	36
Рижскій	131	9	140	69
Кавказскій	152	13	165	147
Западно-Сибирскій	17	—	17	17
Восточная Сибирь	13	—	13	—
Всего	1.622	144	1.766	1.077

О С Т Ъ

СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

я м ъ.		Удостоены аттестатовъ.			Удостоены свидѣтельствъ въ		
тельномъ классѣ.		За шесть классовъ.			знаніи дополнительнаго класса.		
Посто- ронніе.	Всего.	Ученики.	Посто- ронніе.	Всего.	Ученики.	Посто- ронніе.	Всего.
6	125	241	6	247	112	3	115
1	161	233	4	237	155	—	155
10	111	132	17	149	100	6	106
—	20	33	2	35	20	—	20
6	135	178	4	185	124	1	125
7	112	130	5	135	105	3	108
6	85	88	1	89	75	4	79
—	95	96	3	99	91	—	91
1	87	53	17	70	31	—	31
9	78	101	3	104	63	2	65
3	150	114	1	115	140	1	141
—	17	17	—	17	17	—	17
—	—	11	—	11	—	—	—
49	1.126	1.427	63	1.490	1.033	20	1.053

В Ѣ Д

о не выдержавшихъ испытанія въ VI и V

Учебные округа.	Общее число подвергавшихся испытанію.				Общее число не выдержавшихъ испытанія.				Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.			
	Ученики за		Посторонніе за		Ученики за		Посторонніе за		Ученики за		Посторонніе за	
	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	VII	VI	V
С.-Петербургскій	267	119	21	6	26	7	15	8	9,7	5,8	71,4	6
Московскій	247	160	11	1	14	5	7	—	5,6	3,1	63,6	—
Казанскій	138	101	22	10	6	1	5	5	4,3	0,9	22,7	5
Оренбургскій	33	20	3	—	—	—	1	—	—	—	33,3	—
Харьковскій	222	129	12	6	54	5	8	5	24,3	3,8	66,6	8
Одесскій	148	105	11	7	16	—	6	4	10,9	—	54,5	5
Кіевскій	97	79	6	6	9	4	5	2	9,2	5,2	83,3	3
Виленскій	98	95	4	—	2	4	1	—	2,0	4,2	25,0	—
Варшавскій	61	36	32	1	8	1	15	1	13,1	2,7	46,8	10
Рижскій	131	69	9	9	30	6	6	7	22,3	8,9	66,6	7
Кавказскій	152	147	13	3	38	7	12	2	2,5	4,7	92,3	6
Западно-Сибирскій	17	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1622	1077	144	49	203	40	81	29	12,6	3,7	56,2	6

ПОСТЬ

Классахъ реальныхъ училищъ въ 1894 году.

Число лицъ, не выдержавшихъ испытанія по предметамъ,

	Закону Божію.	Русскому языку.		Новымъ языкамъ.		Математикъ.		Исторіи.	Географіи.	Космографіи.	Бухгалтеріи.	Рисованію.	Естественной исторіи.	Физикъ.
		Устный.	Письмен.	Устный.	Письмен.	Устный.	Письмен.							
за VI { учен.	1	1	13	8	11	9	15	2	—	—	1	—	—	—
за VI { пост.	1	1	3	31	7	3	9	1	—	—	2	—	—	1
за VII { учен.	—	3	—	2	3	—	3	—	—	—	—	—	—	2
за VII { пост.	—	—	—	1	—	3	3	—	1	—	—	—	—	—
С в ѣ д ѣ н і я н е д о с т а в л е н о.														
за VI { учен.	—	4	2	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—
за VI { пост.	1	1	2	2	4	2	4	—	—	—	—	—	—	—
за VII { учен.	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
за VII { пост.	—	—	1	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
VI пост.	—	—	2	—	2	—	1	1	1	—	—	—	—	—
за VI { учен.	—	2	21	1	37	16	99	1	—	—	—	—	—	4
за VI { пост.	—	—	4	—	7	—	24	—	—	—	—	—	—	—
за VII { учен.	—	1	1	3	4	—	9	—	—	—	—	—	—	—
за VII { пост.	—	1	3	—	1	—	7	—	—	—	—	—	—	—
С в ѣ д ѣ н і я н е д о с т а в л е н о.														
за VI { учен.	1	1	3	—	6	1	4	—	—	—	—	—	—	—
за VI { пост.	—	—	12	—	9	—	8	—	—	—	—	—	—	—
за VII { учен.	—	1	4	—	3	—	4	—	—	—	—	—	—	—
за VII { пост.	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
за VI учен.	—	1	11	1	3	8	22	1	2	—	—	—	—	2
за VII пост.	—	—	3	—	6	3	6	—	4	—	—	1	1	1
за VI	—	16	40	21	56	22	28	1	—	—	—	—	—	12
за VII	—	—	36	2	16	5	4	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Распределение окончившихъ курсъ въ rea.

Учебные округа.		15-ти лѣтъ.	16-ти лѣтъ.
С.-Петербургскій	VI	8	31
	VII	—	—
Казанскій	VI	—	15
	VII	—	—
Харьковскій	VI	—	11
	VII	—	1
Оренбургскій	VI	—	—
	VII	—	—
Варшавскій	VI	1	9
	VII	—	1
Рижскій	VI	—	7
	VII	—	—
Кавказскій	VI	—	12
	VII	—	—
Восточная Сибирь	VI	—	2
Всего	VI	4	87
	VII	—	2

ыхъ училищахъ въ 1894 году по возрастамъ.

17-ти лѣтъ.	18-ти лѣтъ.	19-ти лѣтъ.	20-ти лѣтъ.	21-го года и болѣе.
67	65	48	22	11
11	23	34	23	24
30	37	35	21	11
8	35	31	17	15
32	50	48	30	16
8	19	43	32	22
15	4	8	6	2
1	4	5	4	6
16	17	18	6	3
3	9	5	9	4
41	34	32	32	23
16	23	25	19	20
11	28	38	25	39
3	1	3	1	1
200	217	187	115	74
62	132	181	132	123

Распределенію окончившихъ курсъ по за

Учебные округа.	Заявленное желаніе продолж:					
	Дополнительный классъ реальн. училищъ.	Военныя училища.	Институтъ пу- тей сообщенія.	Институтъ технологическ.	Институтъ горный.	Политехническ.
С.-Петербургскій	VI	142	9	—	—	—
	VII	—	8	24	22	9
Казанскій	VI	105	—	—	—	—
	VII	—	2	5	29	5
Одесскій	VI	104	—	—	—	—
	VII	—	—	—	—	—
Варшавскій	VI	42	—	—	—	—
	VII	—	—	1	8	1
Рижскій	VI	59	—	—	—	—
	VII	—	—	6	20	5
Кавказскій	VI	113	—	—	—	—
	VII	—	43	—	20	15
Всего	VI	565	9	—	—	—
	VII	—	53	46	119	35

тіямъ, къ которымъ они себя предназначили.

учение въ специальныхъ училищахъ.							Поступающіе на поприще практическ. дѣятельности.				
Институтъ электро-техническій.	Институтъ гражданскихъ инженеровъ.	Академія художествъ.	Консерваторія.	Ветеринарный институтъ.	Сельско-хозяйственныя учеб. заведенія.	Лѣсной институтъ.	На государствен. служ.		На частную дѣятельность.		
							Военную.	Гражданскую.	Учебную.	Сельско-хозяйств.	Коммерческую.
—	—	1	2	—	1	—	14	2	—	2	72
6	12	2	—	—	6	16	5	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	10	11	6	7	10
—	3	—	—	14	7	10	17	3	1	2	7
7							17	5	—	2	—
76							30	—	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	6	1	3	7	11
—	—	—	—	—	4	1	3	—	—	2	10
—	—	—	—	—	—	—	3	—	1	5	16
1	—	4	—	—	4	2	12	3	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	11	20			16	15	—	—	—	1	—
—	—	3	3	—	6	—	50	18	10	24	109
14	36	32	—	18	38	44	67	6	1	10	10

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ИМПЕРАТОРСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1895 ГОДУ.

Къ 1-му января 1895 г. въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра состояли: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 55, экстраординарныхъ 20, приватъ-доцентовъ 40, прозекторовъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 2, астрономъ, наблюдатель 1, помощниковъ прозекторовъ 8, лаборантовъ, ординаторовъ клиники, консерваторовъ и другихъ лицъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ 50, всего 182; лицъ, занимавшихъ должности административныя, было 30.

Въ теченіе 1895 г. вступили въ университетъ св. Владиміра въ качествѣ преподавателей слѣдующія лица: бывший прозекторъ Харьковскаго университета, докторъ медицины В. К. Высоковичъ, назначенный ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ патологической анатоміи; приватъ-доцентами—помощникъ прозектора: по кафедрѣ физиологіи Лауденбахъ, и по кафедрѣ общей патологіи Савченко, ординаторъ хирургической госпитальной клиники Фалькенбергъ и лаборантъ при кафедрѣ физики Косоротовъ; стипендіатъ С.-Петербургскаго университета Е. А. Аничковъ назначенъ лекторомъ англійскаго языка. На должности ординаторовъ, прозекторовъ и лаборантовъ назначены 14 лицъ. Выбыли изъ состава преподавателей—ординарные профессора: Г. К. Мянхъ, вышедшій въ отставку по болѣзни, и П. Н. Бруновъ, назначенный на должность члена ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; прозекторъ по кафедрѣ судебной медицины С. А. Игнатовскій, назначенный на должность

экстраординарнаго профессора въ Юрьевскій университетъ. Изъ числа преподавателей скончались заслуженные профессора: по кафедрѣ физики М. П. Авенариусъ (ум. 4-го сентября 1895 г.) и профессоръ судебной медицины Ѳ. Ѳ. Эргардтъ (ум. 21-го декабря 1895 г.). Изъ числа почетныхъ членовъ университета скончались въ теченіе 1895 г.: 3-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, предсѣдатель комитета министровъ, Николай Христіановичъ Бунге, 12-го апрѣля—Карль Людвигъ, профессоръ Лейпцигскаго университета, знаменитый физиологъ, 11-го іюня—Рудольфъ Ротъ, бывший профессоръ Тюбингенскаго университета, знаменитый ученый въ области древне-индійской и зендской филологіи, и 16-го сентября Люи Пастеръ, знаменитый французскій ученый. Вновь избраны въ почетные члены университета берлинскій академикъ и профессоръ по кафедрѣ чистой математики Карль Вейерштрассъ и заслуженный профессоръ богословія въ университетѣ св. Владиміра протоіерей Оаворскій.

Въ теченіе 1895 г. деканъ юридическаго факультета проф. А. В. Романовичъ-Словатинскій вновь утверждень на четырехлѣтіе въ той же должности. Оставлены еще на службѣ на годъ: по выслугѣ 50-тилѣтняго срока протоіерей Оаворскій, и на 5 лѣтъ: по выслугѣ 40 лѣтъ—проф. Ващенко-Захарченко, по выслугѣ 35 лѣтъ, проф. Хаандриковъ и по выслугѣ 30 — профессора Антоновичъ, Иконниковъ и Гебель и по выслугѣ 25 л.: Стуковенковъ, Фортинскій, Ермаковъ, Тритшель и Лешъ. Возведены въ ординарные профессора: экстраординарные Бубновъ, Гиляровъ, Гуляевъ и привать-доцентъ Соколовскій, въ званіе экстраординарнаго—привать-доцентъ Голубовскій.

Со всѣми этими перемѣнами къ 1-му января 1896 г. въ составѣ преподавателей университета св. Владиміра состояли: 1 профессоръ богословія, 55 ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ 12 сверхштатныхъ), 20 экстраординарныхъ, 44 привать-доцента, 1 астрономъ наблюдатель, 3 лектора новыхъ языковъ, 5 прозекторовъ, 9 помощниковъ прозектора, 46 служащихъ при разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и 29 лицъ служащихъ по администраціи и инспекціи, всего 213 чел.

Въ 1895 г. университетъ св. Владиміра возвелъ въ степени: доктора русской исторіи—1, доктора астрономіи—1, медицины—2; магистра русской исторіи—1, всеобщей исторіи—1, греческой словесности—1, гражданского права—1.

Для приготовленія къ профессорскому званію при университетѣ

состояло въ 1895 г. 16 человекъ: 3 на историко-филологическомъ факультетѣ, 1 на физико-математическомъ, 10 на юридическомъ и 2 на медицинскомъ; стипендіи получали 7 человекъ — 4 изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и 3 изъ специальныхъ средствъ университета.

Списокъ ученыхъ трудовъ 67-ми профессоровъ и преподавателей университета, печатавшихъ въ 1895 г., включаетъ до 160 названій.

На историко-филологическомъ факультетѣ были изучаемы, частью въ теченіе одного полугодія, частью въ теченіе обоихъ, и полностью или отрывками отдѣльныя сочиненія Геродота, Фукидида, Платона, Гезіода, Геродота, Плутарха, Еврипида, Цицерона, Плавта, Квинтиліана, Ювенала, Тацита, Вергилія, Горація и др. Изъ курсовъ не обязательныхъ по программѣ отиѣтимъ слѣдующіе, начатыя въ 1895 г., помимо окапчивавшихся, начатыхъ еще въ 1894 г. (списокъ которыхъ приведенъ въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895, сентябрь, 20—21): проф. Лучицкаго: „Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ во второй половинѣ XVIII вѣка“, проф. Иконникова: „Время Екатерины II“ и его же—„Записки русскихъ людей“; проф. Голубовскаго „Новая русская исторія“, проф. Голубцова „О мистическихъ сектахъ въ Россіи“ и его же „Очеркъ полемики православныхъ южноруссовъ съ латиноуніатами“; приватъ-доцента Грона „Общая этнографія (общественный строй, религія, искусства у первобытныхъ народовъ, начало письма, начатки наукъ)“, проф. Егіазарова „Общее ученіе о государствѣ“. Кроме того, у большинства преподавателей историко-филологическаго факультета и преподавателей юридическаго и у многихъ преподавателей математическаго были практическія занятія со студентами; что касается медицинскаго факультета и естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета, то на нихъ преподаваніе почти всѣхъ предметовъ соединено ближайшимъ образомъ съ практическими занятіями.

Къ 1-му января 1895 г. въ университетѣ св. Владиміра состояли 2.318 чел., въ теченіе года окончили курсъ наукъ 330 чел., выбыло не окончивъ курса, или не сдали еще испытаній въ испытательныхъ комиссіяхъ 308 чел. — всего 638; въ началѣ 1895—1896 академическаго года поступило 743 чел.; къ 1-му января 1896 г. состояло 2.434 чел., на 121 чел. больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. По факультетамъ учащіеся распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ было 53, на физико-математическомъ — 329, изъ нихъ 121 на отдѣленіи математическихъ наукъ и 208 на отдѣленіи есте-

ственныхъ, на юридическомъ факультетѣ 1.020 и на медицинскомъ 1.032 чел. Кроме того, состояло въ университетѣ постороннихъ слушателей 35, фармацевтовъ 96, всего, слѣдовательно, обучалось въ университетѣ 2.565 чел. Въ 1895 г. въ испытательныхъ комиссіяхъ выдержали испытанія: въ историко-филологической 7 чел. (изъ нихъ 3 съ дипломами второй степени), въ юридической 136 (88 съ дипломами второй степени), въ комиссіи физико-математической 19 (по разряду наукъ математическихъ 8 съ дипломомъ первой степени и 2 съ дипломомъ второй степени и по разряду естественныхъ наукъ— 3 съ дипломомъ первой степени и 6—съ дипломомъ второй); въ комиссіи медицинской удостоены дипломовъ на званіе лѣкаря съ отличіемъ 21 чел. и на званіе лѣкаря 147. Не выдержали испытаній: 2 въ комиссіи историко-филологической, 5 въ комиссіи физико-математическаго факультета по разряду естественныхъ наукъ и 2 по разряду математическихъ наукъ, 19—въ комиссіи юридической и 6—въ комиссіи медицинской. Кроме того, университетъ выдалъ оцѣ свидѣтельства на степенъ: лѣкаря—4-мъ лицамъ, провизора—22-мъ, аптекарскаго помощника—47-ми, уѣзднаго врача—5-ти, зубнаго врача—30-ти, дантиста—20, повивальной бабки—20-ти.

Въ 1895 г. были награждены медалями за сочиненія на предложенныя факультетами темы: золотыми: студенты VII-го семестра Николай Глокке и Илья Кожинъ (историко-филологическаго факультета), Андрей Митюковъ и Владиміръ Топачевскій (юридическаго) и V-го—Евгеній Веберъ (медицинскаго); серебряными—студенты VII-го семестра: Иванъ Стешенко (историко-филологическаго), Константинъ Трофимовъ (физико-математическаго), Николай Сацъ и Александръ Эльцевъ (юридическаго); почетнаго отзыва удостоены: Іосифъ Ивашкеничъ, Евгеній Завадинскій и Михаилъ Ладовскій; сочиненія Глокке Кожина и Митюкова поставлено напечатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ; послѣднее удостоено еще и пироговской преміи; премія Рахманинова выдана оставленному при университетѣ Антону Писцорскому за его книгу „О методахъ въ теоріи эллиптическихъ функций“. Темами для награжденныхъ сочиненій послужили: „Иль Кохаловскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка“, „Станко Враць, его поэзія и значеніе“, „О способахъ и результатахъ опредѣленія элементовъ земнаго магнетизма“, „Возможно ли признать наличность совмѣстнаго солидарнаго владѣнія въ случаяхъ такъ называемаго владѣнія произвольнаго“, „О формахъ и предѣлахъ государственнаго вѣдѣтельства въ экономическую жизнь народа“, „За-

щита на предварительномъ слѣдствіи“ и „Участіе лейкоцитовъ въ процессѣ заживленія раны и образованія рубца“. На сомсканіе медалей въ 1895 — 1896 гг. предложены слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету: по предмету средней исторіи: „Второй крестовый походъ“; по русской исторіи: „Болтинъ какъ историкъ“; по исторіи славянъ: „Дубровницкая хроника Юнія Растича, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ“; по исторіи западно-европейскихъ литературъ: „Новыя начала, внесенныя въ литературу Жанъ-Жакомъ Руссо“; по новой исторіи: „Пьетро Помпонаци и его ученіе“; по физико-математическому факультету: по химіи: „Произвести опыты вытѣсненія однихъ галондовъ другими въ галондныхъ соляхъ щелочныхъ и щелочно-земельныхъ металловъ“; „Объяснить значеніе закона наибольшей работы Бертело для пониманія и предсказанія химическихъ реакцій“; „Этил-диметил-этиленмолочная кислота“; по зоологін: „По собственнымъ наблюденіямъ и литературнымъ даннымъ составить монографическое описаніе какой-нибудь небольшой группы безпозвоночныхъ животныхъ (коловратокъ, турбеларій, кольчатыхъ червей и т. п.), водящихся въ окрестностяхъ города Кіева“; по механикѣ: „Геометрическая интерпретація вращенія твердаго тѣла“; по юридическому факультету: по римскому праву: „Вліяніе времени на гражданскія правоотношенія“; по исторіи русскаго права: „Семейное право и право наслѣдства по литовскому статуту“; по гражданскому процессу: „Производство по жалобамъ на рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ въ историческомъ развитіи его“; по полицейскому праву: „О паспортной системѣ въ Россіи“; по исторіи философіи права: „Главнѣйшіе политическіе мыслители эпохи англійской революціи (Мильтонъ, Гоббесъ, Локкъ)“; по медицинскому факультету: „Критическій разборъ ученія о типичныхъ положеніяхъ, которыя принимаетъ нижняя конечность при кокситѣ“; „О положеніи и движеніи лопатки при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ“; „Гистогенизъ воспаленія въ парализованной части“; „Прослѣдить процессы замѣщенія соединительной тканью атрофирующей паренхимы“; „Изучить вліяніе нѣкоторыхъ солей щелочныхъ и щелочно-земельныхъ металловъ на ростъ и патогонность бактерій“; „Исслѣдованіе санитарное рыночнаго хлѣба въ г. Кіевѣ“ и „Санитарное изслѣдованіе молока, продаваемого на рынкахъ г. Кіева“.

Въ теченіе 1895 г. было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій—1) въ весеннемъ полугодіи 1895 года: а) въ счетъ нормы—373 и б) сверхъ нормы—45; 2) въ осеннемъ полугодіи 1895 года:

а) въ счетъ нормы—378 и б) сверхъ нормы—37. На стипендіи и пособія употреблено въ 1895 году 50.934 руб., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 21.020 руб., изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 3.332 руб., изъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе университета разными частными лицами и обществами, 14.712 руб. и выдано обществомъ вспоможенія студентамъ университета пособій на сумму 11.880 руб. По духовному завѣщанію почетнаго члена Н. Х. Бунге отъ наслѣдниковъ его внесенъ въ университетъ капиталъ въ 12.000 руб. для употребленія процентовъ съ одной половины его на пособія студентамъ по удостоенію факультетовъ и съ другой половины на одну ежегодную премію за студенческое сочиненіе по правиламъ, которыя для сего совѣтомъ университета будутъ составлены.

Подъ редакціей проф. В. С. Иконникова выходилъ по прежнему ежемѣсячно органъ университета св. Владимира „Университетскія Извѣстія“; въ немъ помѣщаются ученныя работы профессоровъ, преподавателей и студентовъ и нѣкоторыя официальные свѣдѣнія, для ознакомленія публики съ состояніемъ и дѣятельностью университета; на изданіе „Извѣстій“ университетъ израсходовалъ въ 1895 г. изъ своихъ спеціальныхъ суммъ свыше 7.000 руб.

При университетѣ состоятъ 48 учебно-вспомогательныхъ учрежденій: библиотека основная и студенческой ея отдѣлъ, обсерваторіи астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскихъ клиники, 3 госпитальныхъ, 3 клиническихъ отдѣленія при Кіевской городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, патолого-анатомическій институтъ, ботанический садъ, 9 лабораторій и 22 кабинета. На ихъ содержаніе, пополненіе новыми книгами, приборами и пр. израсходовано въ 1895 г. 107.335 руб.—изъ нихъ 65.000 руб. изъ казны и 42.335 руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета. На содержаніе и ремонтъ всѣхъ зданій университета израсходовано до 67.000 руб. Содержаніе личнаго состава стоило въ 1895 г. 281.800 руб., изъ коихъ 269.279 р. назначено было изъ казны, остальные изъ спеціальныхъ средствъ университета; вмѣстѣ со стипендіальными суммами бюджетъ университета св. Владимира достигалъ 508.000 руб.

Кромѣ упомянутаго выше денежнаго пожертвованія покойнаго И. Х. Бунге, въ теченіе 1895 г. поступили:

1) Въ университетскую бібліотету: въ даръ экземпляръ изданнаго сіамскимъ королемъ въ 35 томахъ сочиненія подъ заглавіемъ „Phra Krai Pi Dok“, отъ наслѣдниковъ почетнаго члена универ-

ситета Н. Х. Бунге завѣщанная въ ихъ пользу обширная библиотека; археологическому музею университета св. Владиміра изъ числа египетскихъ древностей, найденныхъ въ окрестностяхъ древнихъ Фивъ, правительствомъ хедива, съ Высочайшаго соизволенія, присланы: саркофагъ, 10 статуетокъ и одинъ кусокъ древней пелены; физическому кабинету вдовой покойнаго профессора М. П. Авенаріуса пожертвовано изъ его библиотеки 108 названія (174 томовъ) книгъ на учнаго содержанія; ботаническому кабинету землевладѣльцемъ Подольской губерніи Э. Д. Обнинскимъ пожертвованъ „гербарій растеній“, собранныхъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Бессарабской, въ Кіевѣ и на Кавказѣ отцомъ его; лабораторіи общей патологіи пожертвована библиотека профессора Подвысоцкаго изъ 2323 названій, акушерской клиникѣ В. И. и П. И. Юскевичъ-Красновскими принесена въ даръ библиотека покойнаго брата ихъ А. И. Юскевичъ-Красновскаго, согласно послѣдней волѣ его, состоящая изъ 247 названій въ 462 томахъ, оцѣниваемая приблизительно въ 1.200 руб.

При университетѣ св. Владиміра состоятъ по прежнему слѣдующія учебныя общества: Историческое общество Нестора лѣтописца, Кіевское юридическое общество, Кіевское общество естествоиспытателей, Кіевское физико-математическое общество и Акушерское гинекологическое общество. Первое имѣло 24 почетныхъ членовъ и 108 дѣйствительныхъ, второе—2 почетныхъ и 178 дѣйствительныхъ, третье—32 почетныхъ, 141 дѣйствительныхъ и 7 членовъ сотрудниковъ, четвертое—96 членовъ и наконецъ, пятое—9 почетныхъ, 86 дѣйствительныхъ и 7 членовъ корреспондентовъ. Всѣ эти общества имѣли въ теченіе года до 60 засѣданій, въ которыхъ было сдѣлано 130 научныхъ докладовъ и сообщеній; общество Нестора лѣтописца получало пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія 800 руб. въ годъ; остальные общества существовали на свои средства. Всѣ эти общества состояли подъ предсѣдательствомъ профессоровъ университета, но въ дѣятельности ихъ принимали самое живое участіе и многіе представители мѣстной интеллигенціи.

II.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1896 ГОДУ.

Къ 1-му января 1896 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ состояло: ординарныхъ профессоровъ и исправляющихъ должность 45; экстраординарныхъ—19, доцентовъ—1, временныхъ преподавателей 1. лекторовъ 4, прозекторовъ 3, привать-доцентовъ 1—всего 74 чел.; въ теченіе года уволены отъ службы: ординарные профессора: заслуженный, по кафедрѣ уголовного судоустройства и судопроизводства Миклашевскій, по выслугѣ срока, и по кафедрѣ общей химіи Потылицыиъ, по случаю назначенія его директоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи; лекторомъ русскаго языка назначенъ кандидатъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета Михайловъ. Уставомъ Варшавскаго университета положено на четырехъ факультетахъ 47 кафедръ; въ теченіе отчетнаго года оставались вакантными кафедры: общей химіи, энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, уголовного судоустройства и судопроизводства, судебной медицины; впрочемъ, преподаваніе этихъ предметовъ производилось другими преподавателями университета. Въ теченіе года были въ ученыхъ командировкахъ въ Россіи и за границу 31 чел. изъ преподавателей университета. Въ теченіе года 47 изъ профессоровъ и преподавателей Варшавскаго университета напечатали до 125 ученыхъ работъ; изъ числа состоящихъ на не преподавательскихъ должностяхъ—31 человекъ напечатали 72 работы.

Въ истекшемъ году Варшавскій университетъ возвелъ въ степень доктора медицины лѣкарей Конытовскаго и Лазарева.

Стипендіатами для приготовленія къ профессорскому званію въ отчетномъ году состояли: по физико-математическому факультету, при кафедрахъ: механики—кандидатъ математическихъ наукъ Гонтаревъ, зоологій—кандидатъ естественныхъ наукъ Мордвилко и органической химіи—кандидатъ естественныхъ наукъ Толлочко, съ содержаніемъ: Гонтаревъ и Мордвилко изъ спеціальныхъ средствъ университета, а Толлочко изъ частной стипендіальной записи Бонцевича. По медицинскому факультету: при кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи—провизоръ Цейзикъ, съ содержаніемъ изъ частной стипендіальной записи Федынкевича (Чабана). Изъ означенныхъ лицъ Толлочко и Цейзикъ находились въ заграничной командировкѣ.

Еженедѣльно въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ читалось—не считая лекцій новыхъ языковъ и практическихъ занятій—на историко-филологическомъ факультетѣ 78 лекцій, на юридическомъ—74, на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета—44 и на естественномъ—43, на медицинскомъ—136. На историко-филологическомъ факультетѣ были практическія занятія у проф. Дьячана и Новосадскаго—по греческому языку, у проф. Зенгера и Вѣхова—по латинскому языку; у проф. Павинскаго—по изученію средневѣковой исторіи, у проф. Цвѣтаева—по изученію источниковъ для исторіи царствованія Екатерины II, у проф. Филевича—по лѣтописямъ, у проф. Вержбовскаго разбирались отрывки изъ польской литературы и т. д.; изъ классическихъ авторовъ были изучаемы въ 1895 г. Гомеръ, Аристотель, Гораций, Теренцій, Цицеронъ и Клавдіанъ, изъ курсовъ, не положенныхъ обязательно по программѣ, укажемъ: курсы проф. Карскаго: „русская діалектологія“, „славяно-русская палеографія“, проф. Сааоновича—„исторія византійской литературы“, Грота—„исторія чешской литературы“, Вержбовскаго—„исторія польской литературы“, проф. Кулаковскаго—„исторія югославянской народной поэзіи“, проф. Любевича—„католическая реакція“ и др.

Къ 1-му января 1895 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ состояло студентовъ 892, постороннихъ слушателей 10, фармацевтовъ 93. Въ теченіе года выбыло: по окончаніи курса 157 человекъ, до окончанія курса—45, всего 202; поступило къ началу учебнаго года—260 чел. изъ гимназій и 16 изъ семинарій, всего 276 чел.—и къ 1-му января 1896 г. студентовъ было 966, постороннихъ слушателей 10 и фармацевтовъ 112 чел.—всего, слѣдовательно, въ университетѣ получали образованіе 1.088 чел. По факультетамъ слушатели распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 29 чел., на юридическомъ—347, на физико-математическомъ 137 (изъ нихъ на математическомъ отдѣленіи 49 чел., остальные 88 на естественномъ) и на медицинскомъ—453 чел. Изъ гимназій было 925 чел., изъ семинарій—37, изъ другихъ учебныхъ заведеній—4; изъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа было 757 чел., затѣмъ изъ гимназій Виленскаго округа—53, Рижскаго—33, далѣе изъ Кіевскаго—21, изъ Одесскаго 18, изъ Петербургскаго—12, изъ Московскаго—11, остальные 27—изъ гимназій округовъ Казанскаго, Харьковскаго, Кавказскаго, Оренбургскаго и Западной Сибири. По исповѣданіямъ преобладали въ Варшавскомъ университетѣ католики, которыхъ было

519 чел., далѣ почти поровну шли православные—207 и евреи 201; лютеранъ и реформатовъ было 37 чел. и армяно-григоріанъ—2. Въ 1895 г. окончили курсъ: по историко-филологическому факультету 13 чел. (5 кандидатами и 8 дѣйствительными студентами), по юридическому—79 (60 кандидатами), по физико-математическому—9 (по математическому отдѣленію 2 кандидатами и 3 дѣйствительными студентами и по естественному—1 кандидатомъ и 3 дѣйствительными студентами), по медицинскому факультету—72 лѣкаря (изъ нихъ 12 лѣкарями съ отличіемъ); кромѣ того университетъ выдалъ свидѣтельства: 10-ти лицамъ на званіе уѣзднаго врача, 28-ми на званіе провизора, 54-мъ на званіе аптекарскаго помощника, 8-мъ на званіе дантиста, 20-ти на званіе зубнаго врача и 38-ми женщинамъ на званіе повивальной бабки.

Въ отчетномъ году награждены совѣтомъ университета за представленные сочиненія слѣдующія лица: по историко-филологическому факультету: студентъ 4 курса Филатовъ Козьма, за сочиненіе на тему: „Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи“—золотою медалью, студентъ 4 курса Галле Генрихъ, за сочиненіе на тему: „Мемуары Фридерики-Софіи-Вильгельмины, маркграфини байрейтской, какъ историческій источникъ“—почетнымъ отзывомъ. По юридическому факультету: студентъ 4 курса, Тарановскій Федоръ, за сочиненіе на тему: „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи“—золотою медалью, студентъ 4 курса, Могильницкій Александръ Сигизмундъ, за сочиненіе на тему: „Устройство административной юстиціи въ Западной Европѣ и Россіи“—золотою медалью, студентъ 4 курса, Керскій Казиміръ, за сочиненіе на тему: „Объ уголовной отвѣтственности малолѣтнихъ“—золотою медалью. По медицинскому факультету: студентъ 5 курса, Карловичъ Эдмундъ, за сочиненіе на тему: „О вліяніи кастраціи на предстательную железу. Экспериментальное изслѣдованіе“—золотою медалью, студентъ 5 курса, Гольдбергъ Исидоръ, за сочиненіе на тему: „Сравнительная оцѣнка современныхъ способовъ наложенія кишечнаго шва (*enterorrhaphia*) на основаніи экспериментальной провѣрки, а также клиническихъ данныхъ, обнародованныхъ въ текущей прессѣ“—серебряною медалью, окончившій въ 1895 году полный курсъ наукъ, Розенталь Соломонъ, за сочиненіе на тему: „Экспериментальная провѣрка возможности образованія противоестественной уретры по способу Ропсетъ, съ попытками усовершенствованія этого способа“—серебряною медалью.

Кромѣ того, за особня болѣе самостоятельныя изъ числа обязательныхъ студенческихъ работъ, награждены съ разрѣшенія совѣта, денежными преміями студенты: Евгений Спекторскій—за сочиненіе по государственному праву, подъ заглавіемъ „Цицеронъ и его трактатъ De republica“ и Николай Граевскій—за сочиненіе по финансовому праву подъ заглавіемъ „Бумажныя деньги въ Россіи“ и студентъ V курса Розенталь за сочиненіе: „Къ хирургической анатоміи заглоточныхъ гнойниковъ“, изъ кабинета оперативной хирургіи профессора Максимова. Работа эта удостоена была совѣтомъ университета денежной преміи и напечатана въ журналѣ „Хирургическая Лѣтопись“, 1895 г. № 4. Для соисканія наградъ медалями на будущій годъ предложены были слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету: „Инь Колларъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности и его поэма: „Дочь Славы“, „Антекарскій приказъ. Его устройство, заботы о государевомъ и народномъ здоровьи и значеніе въ развитіи медицинскихъ средствъ и познаній въ Россіи“; „Афинскіе ефебы“. По физико-математическому факультету: „Уравненіе Рикатти и свойства функций, ему удовлетворяющихъ“; „Исслѣдованіе каріокнеза въ одной изъ группъ растительнаго царства“; „Анализъ условій питанія сѣробактерій“; „Составить подробный очеркъ флоры преимущественно сосудистыхъ растений ограниченной мѣстности Привислинскаго края, обращая при этомъ вниманіе на зависимость распространенія различныхъ растеній отъ почвенныхъ и другихъ мѣстныхъ вліяній“; „Постплиоценовыя отложенія рѣки Вислы“; „Обзоръ третичной системы царства Польскаго“; „Изучить организацію и превращенія одного изъ представителей Neuroptera или Pseudoneuroptera, преимущественно методомъ разрѣзовъ“; повтореніе прошлогодней темы: „Изложить теорію пассажнаго инструмента въ первомъ вертикалѣ, съ приложеніемъ ея къ опредѣленію широты Варшавской обсерваторіи изъ продолжительныхъ наблюденій“; повтореніе прошлогодней темы: „Изучить ближайшіе продукты окисленія углеводородовъ ряда $C_n H_{2n-2}$ “; повтореніе прошлогодней темы: „Объ отношеніи ядра къ клеточному тѣлу: а) въ развивающихся яйцахъ и б) въ одноклеточныхъ организмахъ“. По юридическому факультету: „Изобразить юридическое, политическое и экономическое состояніе крестьянъ въ Галичѣ въ XV вѣкѣ на основаніи галичскихъ судебныхъ книгъ: Akta grodzkie i ziemskie“; „Смысла въ Россіи и на Западѣ“; „О значеніи старои-новомисторическихъ направленій въ политической экономіи“. По медицинскому факультету: „Строеніе гладкихъ мышечныхъ волоконъ, ихъ

взаимная связь и отношенія къ окружающей соединительной ткани“; „Клѣточные элементы волокнистой соединительной ткани, ихъ взаимныя отношенія и отношенія къ промежуточному веществу“; „Отдѣлительные элементы слизистыхъ слюнныхъ железъ и ихъ отношенія къ выводнымъ протокамъ и къ нервамъ“.

При Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ состояли въ 1895 г. слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: бібліотека и при ней нумизматическій кабинетъ и музей древностей; кабинетъ гипсовыхъ фигуръ и статуй, физическій кабинетъ съ лабораторіей, магнитною станціей и механическою мастерскою, механический кабинетъ, астрономическая и метеорологическая обсерваторія, геодезическій кабинетъ, химическая лабораторія, кабинетъ и лабораторія технической химіи, минералогическій кабинетъ, геолого-палеонтологическій кабинетъ, ботанический кабинетъ, ботаническая лабораторія, зоологическій кабинетъ и лабораторія, зоотомическій кабинетъ и лабораторія, патологическій кабинетъ съ лабораторіей, кабинеты и лабораторіи патологической анатоміи и физиологической анатоміи, кабинетъ и лабораторія общей патологіи, гигиеническая лабораторія, кабинеты акушерства, офтальмологическій, хирургическій, фармакологическій, фармацевтический, судебной медицины и кабинетъ медицинской химіи. Всѣ эти 27 учебно-вспомогательныхъ учреждений, кромѣ бібліотеки и двухъ кабинетовъ при ней, имѣютъ разныхъ приборовъ, коллекцій и пр. на сумму до 420.000 руб. Библіотека же одна оцѣнивается въ сумму до 396.000 руб.; бібліотека эта является отчасти и общественною для жителей города Варшавы; въ теченіе года выдано было для чтенія изъ всѣхъ ея отдѣленій 48.569 томовъ; къ началу 1895 г. въ ней состояло 233.511 названій въ 443.998 томахъ; къ началу 1896 г. въ ней состоитъ 237.468 названій въ 450.628 томовъ.

Кромѣ того, не состоятъ въ вѣдѣніи университета, но находится въ ближайшей связи съ нимъ и служатъ учебнымъ и научнымъ его цѣлямъ—музей изящныхъ искусствъ, ботанический садъ и обширныя клиники, находящіяся въ городскихъ больницахъ. Въ вѣдѣніи Императорскаго Варшавскаго университета, кромѣ того, состояли два учебныя заведенія—институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа.—первый въ завѣдываніи проф. Ястребова, вторая—въ завѣдываніи старшаго учителя, прозектора Яцинскаго; въ институтѣ 68 слушательницъ, въ школѣ—74 ученика. При университетѣ состояли еще два ученыхъ общества—естествоиспытателей и медицинское; первое дѣлалось на секціи біологическую и физикохи-

мическую; оно окончило шестой годъ своего существованія, медицинское—восьмой.

Въ 1895 году на содержаніе Варшавскаго университета отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 285.659 руб. Кромѣ того имѣлся остатокъ отъ 1894 года въ количествѣ 18.799 руб., такъ что общая штатная сумма, имѣвшаяся въ распоряженіи совѣта и правленія университета, составила 304.458 руб. Сбора за слушаніе лекцій поступило 99.925 руб., а со включеніемъ остатка отъ 1894 года и нѣкоторыхъ другихъ поступленій, общая сумма спеціальныхъ средствъ университета составила 163.089 руб. Израсходовано въ теченіе 1895 года изъ штатныхъ суммъ: на содержаніе личнаго состава университета—251.998 руб. и на учебныя пособия, хозяйственныя и другія нужды—48.378 руб., а всего 300.377 руб. Изъ спеціальныхъ средствъ университета израсходовано на тѣ же статьи 103.681 руб. Не израсходованными оставались къ 1-му января 1896 года: изъ штатныхъ суммъ 4.081 руб. и изъ спеціальныхъ средствъ 59.458 руб. Процентовъ на стипендіальныя капиталы, находящіяся въ распоряженіи университета, поступило въ теченіе 1895 года 10.050 руб., а оставалось отъ предыдущаго года 9.584 руб.; кромѣ того изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія ассигновано было на содержаніе стипендіатовъ русскаго происхожденія 11.000 руб. Стипендій изъ доходовъ отъ упомянутыхъ капиталовъ, изъ суммъ ассигнованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и доставленныхъ различными учрежденіями выдано въ первомъ полугодіи 204, а во второмъ 221 студенту въ общей суммѣ 42.834 руб. 75 коп. Кромѣ того 273 студента получили одновременныя пособия въ общей суммѣ 5.962 руб. изъ суммъ, назначенныхъ для этой цѣли министерствомъ и г. главнымъ начальникомъ края, а равно изъ средствъ, собранныхъ и пожертвованныхъ частными лицами. Освобождено отъ платы въ первомъ полугодіи 84 студента, а во второмъ—86 студентовъ.

III.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

Къ 1-му января 1895 года въ Кавказскомъ учебномъ округѣ было слѣдующее число учебныхъ заведеній: а) среднихъ: 9 мужскихъ гимназій, 3 мужскихъ прогимназій, 8 реальныхъ училищъ (въ томъ числѣ реальное отдѣленіе Ставропольской гимназій), 11 женскихъ гимназій (въ томъ числѣ 2 женскихъ заведенія св. Нины—Тифлисское и Кутамское), 5 женскихъ прогимназій, 1 учительскій институтъ, 4 учительскихъ семинарій, итого 41 училище; б) низшихъ: 37 городскихъ училищъ, 5 горскихъ школъ, 7 ремесленныхъ училищъ, 3 переходныхъ класса, 3 Маринскихъ училища, итого 55 училищъ; в) 96 частныхъ учебныхъ заведеній (изъ коихъ 22 на Сѣверномъ Кавказѣ, 72 въ Закавказьѣ и 2 Закаспійской области) и г) 955 начальныхъ училищъ (изъ коихъ 564 на Сѣверномъ Кавказѣ, 377 въ Закавказьѣ и 14 въ Закаспійской области), а всего—1,147 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ вновь открыто было въ теченіе отчетнаго 1894 года 46 заведеній, а именно: 1 мужская прогимназія въ г. Новороссійскѣ, 1 женская гимназія въ г. Ейскѣ (преобразованная изъ прогимназій), 1 Маринское училище въ г. Шушѣ, 12 частныхъ училищъ и 31 начальныхъ, послѣднія—въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Кубанской области 6, при чемъ въ г. Майкопѣ и въ станицахъ Дондуковской и Невинномысской училища были открыты на общественныя средства, а остальные преобразованы изъ станичныхъ и одноклассныхъ въ двухклассныя по образцу училищъ министерства народнаго просвѣщенія; въ Ставропольской губерніи 3 — въ колоніяхъ Іоганнисгеймъ и Фридрихфельдъ и мужская воскресная школа въ г. Ставрополѣ; въ Тифлисской губерніи 3 — два на средства сельскихъ обществъ Хведуретское и Кизиль-Аджалинское, а третье на средства князя Н. М. Аргутинскаго-Долгорукова въ с. Акауртскомъ; въ Кутамской губерніи 12—изъ нихъ 2 двухклассныхъ въ м. Самтреди, а 10 одноклассныхъ въ разныхъ уѣздахъ губерніи; въ дирекціи училищъ Елисаветпольской и Эриванской губерній и Карсской области 2—двухклассное женское на Елисаветпольской станціи Закавказской желѣзной дороги и сельское начальное въ с. Александровскомъ, Новобаязетскаго уѣзда, Эриванской губерніи, и въ Закаспійской области 4 одноклассныя—женское въ г. Мервѣ, Дмитров-

ское въ Асхабадскомъ уѣздѣ, Красноводское въ Красноводскомъ уѣздѣ и Тенженское въ Тенженскомъ уѣздѣ. Закрыто за то же время было 14 училищъ: 1 женская прогимназія за преобразованиемъ въ гимназію, 10 частныхъ и 3 начальныхъ училища.

Во всѣхъ училищахъ къ концу отчетнаго года было 2.154 класса, въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 406, въ низшихъ—262, въ частныхъ—177, въ начальныхъ—1.288 и въ училищахъ Закаспійской области — 21. Изъ 2.154 классовъ было: нормальныхъ — 2.069 и параллельныхъ, кои существуютъ только при мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и при реальныхъ училищахъ, — 85. Отдѣленій, существующихъ при низшихъ заведеніяхъ, къ концу года было 324, въ томъ числѣ въ городскихъ училищахъ — 236, въ горскихъ школахъ — 25, въ ремесленныхъ училищахъ—38, въ мореходныхъ классахъ — 7 и въ Маріинскихъ училищахъ — 18. Кромѣ того при 12 городскихъ училищахъ имѣются 24 ремесленные отдѣленія, а при всѣхъ 25 ремесленныхъ училищахъ—мастерскія, итого 59.

Пансіоновъ при заведеніяхъ было 76, при чемъ за отчетный годъ численность ихъ увеличилась на 10, и всѣ они возникли при частныхъ заведеніяхъ. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній пансіоны существуютъ при 19, а именно: въ 4 мужскихъ гимназіяхъ — Тифлисской 1-й, Кутаисской, Ставропольской и Эриванской; въ 5 реальныхъ училищахъ — Бакинскомъ, Владикавказскомъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ, Кубанскомъ и Ставропольскомъ; въ 4 женскихъ гимназіяхъ — Тифлисской 3-й, Ставропольской св. Александры, при Тифлискомъ заведеніи св. Нины и въ Кутаисской; въ 2 женскихъ прогимназіяхъ — Сухумской и Эриванской, 1 при учительскомъ институтѣ и въ 3 учительскихъ семинаріяхъ — Закавказской (гдѣ, собственно, ихъ два—одинъ для христіанъ и одинъ для татаръ), Кутаисской и Эриванской. Изъ низшихъ—при 13 слѣдующихъ заведеніяхъ: при 4-хъ городскихъ училищахъ — Шуминскомъ, гдѣ существуетъ конвиктъ на 20 мальчиковъ, Закатальскомъ — пансіонъ на 25 казеннокоштныхъ и 10 воспитанниковъ конвиктеровъ, Тифлискомъ — общежитіе, содержимое на суммы Закавказской желѣзной дороги, и Ахалцихскомъ — также общежитіе для воспитанниковъ сельскихъ обществъ и другихъ частныхъ стипендіатовъ; во всѣхъ горскихъ школахъ и въ 4 ремесленныхъ училищахъ — Батумскомъ, Владикавказскомъ, Елисаветпольскомъ и Закатальскомъ, гдѣ пансіонеры содержатся отчасти на счетъ государственнаго ка-

значейства, а отчасти на счетъ суммъ городскихъ и сельскихъ обществъ. Изъ частныхъ — при 38 школахъ и изъ начальныхъ — при 6, именно: общественный при Мансуровскомъ Кубанской области для дѣтей изъ сосѣднихъ ауловъ и 3 казенныхъ — при Сацхенискомъ и Душетско-Тюнетскомъ училищахъ Тифлисской губерніи и при татарскомъ училищѣ Закавказской учительской семинаріи, затѣмъ при Каракуртскомъ училищѣ Карсской области устроено общежитіе на 12 мальчиковъ и при Мервскомъ начальномъ — для дѣтей текинцевъ. Сравнительно съ числомъ училищъ, пансіоновъ, какъ видно, не много; между тѣмъ польза пансіоновъ или общежитій для учащихся, въ отношеніи успѣшности обученія и поведенія, несомнѣнна: попервыхъ, воспитывающихся дѣти находятся цѣлый день подъ надзоромъ лицъ, полагающихъ все свое стараніе для исполненія лежащихъ на нихъ обязанностяхъ какъ по обученію, такъ и по воспитанію вѣрннаго имъ подрастающаго поколѣнія, ибо религиозно-нравственное и эстетическое воспитаніе учащихся составляетъ предметъ постояннаго и заботливаго вниманія со стороны учебныхъ заведеній; доказательствомъ тому можетъ служить успѣшность пансіонеровъ; за отчетный годъ она была значительно выше успѣховъ приходящихъ тѣхъ же заведеній, а именно: въ гимназіяхъ — 23% и 75,7%, въ реальныхъ училищахъ — 79,8% и 66,7%, въ учительскихъ семинаріяхъ — 85,2% и 70,6%; только въ женскихъ гимназіяхъ между пансіонерками и приходящими ученицами оказалась весьма незначительная разница — 87,5% переведено пансіонерокъ и 85,1% приходящихъ; во вторыхъ, интернаты могутъ доставить истинную пользу многимъ изъ лицъ тѣхъ учащихся, кому, за неимѣніемъ возможности, по разнымъ обстоятельствамъ, жить съ родителями или родственниками, приходится селиться на частныхъ или такъ-называемыхъ ученическихъ квартирахъ, но большей части представляющихъ собою и для занимающихъ ихъ, и для наблюдающихъ за ними весьма важныя неудобства въ воспитательномъ отношеніи; такихъ учащихся по среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ было въ отчетномъ году 2.232, въ томъ числѣ дѣвочекъ 653 (последнихъ, проживающихъ отдѣльно, нѣтъ только по 3 Маринскимъ училищамъ, гдѣ всѣ 363 обучающихся ученицы живутъ при родителяхъ или родственникахъ). Въ настоящее время наиболѣе ощущается необходимость въ открытіи пансіона для Кубанской семинаріи, которой всѣ ученики живутъ на ученическихъ квартирахъ, и которая сама не въ состояніи пополнить этого пробѣла вслѣдствіе

того, что войсковыя зданія, занимаемая семинаріей, имѣютъ едва достаточно мѣста для помѣщенія учениковъ во время занятій въ классахъ; войсковая администрація давно рѣшила построить въ г. Екатеринодарѣ новое зданіе для семинаріи съ церковью и помѣщеніемъ для интерната по плану, соотвѣтствующему педагогическимъ требованіямъ семинаріи, но еще не привела этого въ исполненіе. Въ ожиданіи устройства интерната при Кубанской семинаріи, педагогическій совѣтъ ея, продолжая по прежнему обращать вниманіе на неудобство проживанія своихъ питомцевъ внѣ стѣнъ учрежденія, усиливается еще къ тому разбросанностью ученическихъ квартиръ по станицѣ, старался объ изысканіи такихъ мѣръ, которыя способствовали бы хоть отчасти устраненію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и примѣнялъ слѣдующія: 1) возможно частое посѣщеніе ученическихъ квартиръ и 2) сосредоточеніе этихъ квартиръ въ возможной близости къ семинаріи. Вообще посѣщеніе ученическихъ квартиръ составляетъ одну изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ всѣхъ тѣхъ училищныхъ коллегій, въ вѣдѣніи которыхъ онѣ состоятъ; въ отчетномъ году число посѣщеній простиралось за 7.500, и изъ этого числа 287 квартиръ, съ 606 проживающими на нихъ учениками мужскихъ гимназій и прогимназій, были посѣщены 2.111 разъ, 131 квартира съ 263 учениками 5 реальныхъ училищъ — 1.239 разъ, 153 квартиры съ 238 ученицами женскихъ 4-хъ гимназій и прогимназій—432 раза; затѣмъ, проживающіе на вольныхъ квартирахъ 874 ученика городскихъ училищъ посѣщены были 3.121 разъ, 96 учениковъ ремесленныхъ училищъ—160 разъ; остальные посѣщенія, отъ 70 до 100 разъ, приходились на ученическія квартиры прочихъ заведеній, въ которыхъ проживающихъ въ общемъ числилось менѣе 100 учащихся. Что касается осмотровъ самыхъ учебныхъ заведеній, то въ отчетномъ году почти всѣ они бывали посѣщаемы начальниками губерній и областей, а также мѣстными архіереями; кромѣ того, были посѣщены: Елисаветпольская гимназія, Бакинское реальное училище и женское Бакинское Маріинское — экзархомъ Грузіи Владиміромъ, мужская Тифлисская 1-я гимназія — главноначальствующимъ С. А. Шереметевымъ и товарищемъ прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблеромъ, Кутаисская семинарія—кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ М. Я. Шаликовымъ и свѣтлѣйшимъ княземъ Дадіани, а Кубанская — старшимъ помощникомъ начальника области — В. А. Яцкевичемъ; Александровскій институтъ неоднократно и въ разное время посѣщаемъ былъ г. попечителемъ; имъ же и окружными ин-

спекторами учебныя заведенія гг. Тифлиса, Баку, Асхабада, Мерва и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Закавказья и Закаспійской области, при чемъ обращалось вниманіе на всѣ стороны учебно-воспитательной, санитарной, административно-хозяйственной части учебныхъ заведеній, и дѣлались соотвѣтственныя разъясненія и наставленія. Чинами училищныхъ дирекцій произведено 1.472 осмотра начальныхъ училищъ, при чемъ посѣщено было 779, въ томъ числѣ семью директорами осмотрѣно 841 училище (на одного — 86,2 училища) и употреблено на это 475 дней, и 13 инспекторами—733 училища (на одного 77,9 училищъ) и употреблено 1.175 дней.

Кромѣ перечисленныхъ 1.147 учебныхъ заведеній, непосредственно подчиненныхъ округу, въ Кавказскомъ краѣ еще существуютъ: 228 армяно-григоріанскихъ церковно-приходскихъ школы, 762 учебныхъ заведенія другихъ вѣдомствъ и 2.160 мусульманскихъ и еврейскихъ школъ при мечетяхъ и синагогахъ. По свѣдѣніямъ, доставляемымъ епархіальными начальниками армяно-григоріанскаго исповѣданія, въ числѣ 223 церковно-приходскихъ училищъ, которыхъ 8 на Сѣверномъ Кавказѣ и 215 въ Закавказьѣ, къ 1-му января 1895 года было двухклассныхъ—42 (изъ коихъ мужскихъ—19, женскихъ—19 и смѣшанныхъ—4) и одноклассныхъ—181 (изъ коихъ мужскихъ—143, женскихъ—26 и смѣшанныхъ — 12); на содержаніе этихъ училищъ было израсходовано 229.177 руб.; всѣхъ преподающихъ состояло 528, въ томъ числѣ законоучителей—71, учителей — 325 и учительницъ — 132; учащихся было 10.785 мужскаго пола, 5.281 женскаго пола, итого 16.066. Изъ 782 учебныхъ училищъ другихъ вѣдомствъ находится 456 на Сѣверномъ Кавказѣ и 826 въ Закавказьѣ; изъ нихъ среднихъ — 17, низшихъ — 17 и начальныхъ — 748, въ нихъ обучалось мужскаго пола 27.570, женскаго пола—6.645, всего же 34.215 человекъ; на содержаніе всѣхъ этихъ заведеній израсходовано было 1.367.674 руб. Относительно мусульманскихъ и еврейскихъ школъ новыя свѣдѣнія получены были только по одной Тифлисской дирекціи, а по остальнымъ дирекціямъ или вовсе не представлено свѣдѣній, или повторены прошлогоднія данныя. Такъ, во всѣхъ 2.121 мусульманскихъ школахъ было 2.126 учителей, а учащихся—26.354, въ томъ числѣ мужскаго пола—23.815 и женскаго пола—2.539, а въ 39 еврейскихъ школахъ учителей состояло 43, учащихся—921, въ томъ числѣ женскаго пола всего 20. Всѣ эти 2.160 школъ, за исключеніемъ 4 мусульманскихъ съ 50 учащимися на Сѣверномъ Кавказѣ, принадлежать Закавказью.

По свѣдѣніямъ Кавказскаго календаря на 1895 годъ, населеніе Кавказскаго края простиралось до 8.156.376; слѣдовательно, на 10.000 жителей приходится среднимъ числомъ 6,77 училища, съ 258 учащимися, при чемъ на Сѣверномъ Кавказѣ — 3,53, а въ Закавказьѣ—6,29 училища; такимъ образомъ, въ Закавказьѣ на одинаковое число населенія почти вдвое больше училищъ, чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Если же исключить изъ общаго числа училищъ магометанскія и еврейскія школы, не организованныя правильно, и потому едва заслуживающія названія учебныхъ заведеній, то отношеніе измѣняется значительно къ выгодѣ Сѣвернаго Кавказа: тогда здѣсь приходится на 10.000 жителей 3,52, а въ Закавказьѣ — 2,03 училища; съ выдѣленіемъ же изъ общаго числа еще учебныхъ заведеній, не подвѣдомственныхъ округу, цифры складываются еще благоприятнѣе въ пользу Сѣвернаго Кавказа, гдѣ прійдется 2,04, а въ Закавказьѣ — 1,40; если же, наконецъ, принимать во вниманіе только училища, непосредственно подчиненныя округу, то отношеніе выходитъ уже совершенно обратное: на Сѣверномъ Кавказѣ училищъ слишкомъ вдвое больше—2,01, чѣмъ въ Закавказьѣ—0,99.

Для восполненія повсемѣстно ощущаемаго недостатка школъ, г. попечитель вошелъ уже съ представленіемъ объ открытіи на счетъ казны девяти училищъ въ Карсской области, четырехъ училищъ въ Закаспійской области, двухъ въ Терской и двухъ въ Тифлисской, а по среднему образованію, въ дополненіе къ открывшейся въ отчетномъ году въ г. Новороссійскѣ мужской прогимназіи, онъ считаетъ необходимымъ имѣть для Сѣвернаго Кавказа еще одно реальное училище, напримѣръ, въ г. Майкопѣ, лежащемъ почти въ центрѣ Кубанской области и имѣющемъ болѣе 30 тысячъ жителей. Потребность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для Сѣвернаго Кавказа такъ настоятельна, что вызвала заявленіе со стороны жителей г. Темрюка и с. Армавирь объ открытіи прогимназій; въ Закавказскомъ же краѣ возбуждены вопросы о преобразованіи Кутаисской прогимназіи въ реальное училище и объ открытіи гимназій въ гг. Баку и Батумѣ, при чемъ бакинская дума предлагаетъ готовое помѣщеніе и свыше 8.000 руб. ежегодно, а батумская — помѣщеніе и 5.000 руб. Изъ двухъ губернскихъ городовъ округа Карсъ и Асхабадъ не имѣютъ еще никакихъ среднихъ учебныхъ заведеній, вопросъ объ открытіи въ послѣднемъ четырехклассной прогимназіи уже рѣшенъ утвердительно, при чемъ наемъ помѣщенія для прогимназіи Закаспійская область принимаетъ на свой счетъ. По среднему женскому образованію намѣчены

слѣдующія потребности: сверхъ открытаго въ отчетномъ году Маринскаго училища въ г. Шушѣ, ведутся сношенія объ учрежденіи такихъ же училищъ въ гг. Елисаветполѣ, Сигнахѣ, Темрюкѣ, Майкопѣ и Асхабадѣ. Женскія прогимназіи въ Пятигорскѣ и Новоросійскѣ уже открыты въ началѣ 1895 — 1896 учебнаго года, и въ ближайшемъ будущемъ необходимо преобразовать заведеніе св. Нины въ Баку въ полное семиклассное заведеніе съ курсомъ гимназіи. Сверхъ сего, необходимо открыть интернаты съ обще-образовательно-профессиональными учебными занятіями для мусульманокъ-татарокъ въ одномъ изъ городовъ Закавказскаго края.

Библіотеки, въ составъ коихъ входятъ фундаментальныя, ученическія и пансіонскія, къ 1-му января 1895 года заключали въ себѣ: среднихъ учебныхъ заведеній—100.877 названій, въ 217.415 томахъ, на сумму 329.388 руб.; низшихъ—51.213 названій, въ 116.949 томахъ, на сумму 130.429 руб., и начальныхъ училищъ—562.523 тома, на сумму 318.797 руб.; въ томъ числѣ пополненій въ отчетномъ году училища сдѣлали для своихъ библіотекъ—среднія на 16.496 руб., низшія—на 8.770 руб., а начальныя училища какъ для библіотекъ, такъ и прочихъ учебныхъ пособій приобрѣли на 56.869 руб. Кабинеты физическіе, химическіе и естественно-историческіе среднихъ учебныхъ заведеній заключали въ себѣ 24.392 прибора, стоимостью въ 182.025 руб., и низшихъ заведеній—6.119 приборовъ, стоимостью въ 34.108 руб.; за годъ вновь было приобретено приборовъ и инструментовъ первыми—на 8.257 руб. и вторыми—на 1.335 руб. Прочихъ учебныхъ пособій: по наглядному обученію, закону Божію, языкамъ, исторіи, географіи, математики, естественнымъ наукамъ, чистописанію, рисованію, пѣнію, музыкѣ и другихъ предметовъ среднія учебныя заведенія имѣли въ отчетномъ году 39.253 экземпляровъ, на сумму 161.800 руб., а низшія—51.028 экземпляровъ, стоимостью въ 144.798 руб.; въ томъ числѣ вновь приобрѣли среднія училища—на 7.656 руб. и низшія—на 5.026 руб. Общая стоимость библіотекъ, кабинетовъ и прочихъ учебныхъ пособій равнялась въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 673.213 руб. на 4,9% больше, чѣмъ въ началѣ года, въ низшихъ—309.335 руб., на 6,6% больше. Средняя стоимость библіотекъ, кабинетовъ и остальныхъ учебныхъ пособій въ 1 учебномъ заведеніи равняется: въ мужской гимназіи—27.337 руб., въ мужской прогимназіи—10.682 руб., въ реальномъ училищѣ—26.839 руб., въ женской гимназіи—9.099 руб., въ женской прогимназіи—1.761 руб., въ учительскомъ институтѣ—15.026 руб., въ учительской семинаріи—

14.125 руб., въ городскомъ училищѣ—5.074 руб., въ горской школѣ—2.588 руб., въ ремесленномъ училищѣ—14.350 руб., въ мореходномъ классѣ—1.832 руб., и въ Маріинскомъ училищѣ—1.017 руб. Въ отдѣльности, богаче другихъ учебно-воспитательными пособиями слѣдующія училища: изъ мужскихъ гимназій и прогимназій—Тифлисская 1-ая—на 46.247 руб., Ставропольская—на 36.909 руб., Кутаисская—33.328 руб. (прочихъ учебное имущество простирается отъ 14¹/₂, до 29 тысячъ слишкомъ, кромѣ Екатеринодарской гимназій, имѣющей его на 10.342 руб., и вповь открытой Новороссійской прогимназій—всего на 228 руб.); изъ реальныхъ училищъ—Темиръ-Халь-Шуриинское—на 34.017 руб. и Тифлиское—на 33.271 руб. (прочихъ отъ 24 и за 30 тысячъ, кромѣ Ставропольскаго—на 1.566 руб.); изъ женскихъ гимназій и прогимназій—Тифлисская 1-я гимназія—на 20.574 руб. (прочихъ—отъ 1.000 слишкомъ до 15 тысячъ, кромѣ Тифлиской 3-й—на 848 руб. и Эриванской прогимназій—701 руб.); изъ семинарій—только у Кутаисской на 10.700 руб., у остальныхъ—отъ 14.800 до 16 тысячъ; изъ городскихъ училищъ богаче всѣхъ Баталпашинское—на 8.528 руб., Шушинское—на 8.415 руб. и Нахичиванское—на 8.100 руб., затѣмъ, у Моздокскаго и Ахалцихскаго имѣется пособій на 7.000 руб. (у прочихъ—отъ 6¹/₂, до 1.000 руб., кромѣ Мингрельскаго—на 641 руб.); изъ ремесленныхъ училищъ—Бакинское, у котораго стоимость инструментовъ по мастерскимъ достигаетъ до 32.171 руб., а всего учебнаго имущества имѣется на 35.844 руб., также Тифлиское—на 20.948 руб. (у остальныхъ—отъ 3.000 до 15.000 руб.); изъ горскихъ школъ—Нальчикская имѣетъ пособій на 6.549 руб. (у прочихъ—отъ 1.500 до 4.500 руб.), изъ мореходныхъ классовъ—Бакинское—на 3.000 руб. (у другихъ до 1.500 руб.), и изъ Маріинскихъ училищъ—въ двухъ болѣе, чѣмъ на 1.000, а въ Шушинскомъ всего на 605 руб.

На содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній округа въ отчетномъ году поступило 3.740.206 руб., въ томъ числѣ: отъ казны—32,2%, отъ казачьихъ войскъ—3,7%, изъ земскихъ сборовъ—2,0%, отъ городскихъ обществъ—11,1%, отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ—13,1%, отъ церквей и монастырей—0,4%, отъ благотворительныхъ обществъ—0,4%, изъ сбора за ученіе—18%, плата за частныхъ пансіонеровъ—8,8%, взносов почетныхъ попечителей, смотрителей и блюстителей—0,5%, разныхъ пожертвованій—1,0%, процентовъ съ капиталовъ—0,8% и изъ другихъ источниковъ—10,0%; со включеніемъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ, учебныя заведенія располагали

4.552.913 руб., изъ коихъ: среднія имѣли 2,502.277 руб., низшія—649.960 руб., частныя и начальныя—1,400.676 руб. Изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе учебныхъ заведеній казною, въ размѣрѣ 1,123 932 руб., приходится на среднія учебныя заведенія—74,2%, на городскія и другія низшія училища—17,3%, на начальныя училища—8,5%; казачьи войска отпускаютъ 136.074 руб. на 1 мужскую гимназію, 2 реальныхъ училища, 2 женскихъ гимназій, 1 семинарію, 1 городское училище и 1 ремесленное; 74.771 руб. земскихъ сборовъ идутъ на 1 мужскую прогимназію, 5 городскихъ училищъ, 2 горскихъ школы, 2 ремесленные училища; 414.093 руб. городскихъ сборовъ—на мужскія 1 гимназію и 2 прогимназій, 3 реальныхъ училища, на женскихъ 9 гимназій и 3 прогимназій, на 21 городское училище, 1 горскую школу, на всѣ ремесленные училища, кромѣ Закатальскаго, на всѣ 3 мореходныхъ класса и 3 Маринскихъ училища; 488.312 руб. отъ сельскихъ обществъ, 16.463 руб. отъ благотворительныхъ обществъ и 13.815 руб. отъ церквей и монастырей—на начальныя училища; 17.155 руб. взносовъ почетныхъ попечителей—на 2 мужскихъ гимназій, 2 реальныхъ училища, 3 женскихъ гимназій, 6 городскихъ училищъ, 1 ремесленное и 1 Маринское училище.

Въ теченіе отчетнаго года израсходовано на содержаніе учебныхъ заведеній округа 3.466.883 руб. и въ томъ числѣ: на наемъ и ремонтъ помѣщеній—7,1%, хозяйственные расходы—11,9%, учебныя пособия—3,7%, содержаніе личнаго состава и прибавочное жалованье—(0,9%)—47,3%, содержаніе параллелей—3,6%, содержаніе пансіонеровъ—11,1%, пособіе служащимъ—2,5%, пособіе учащимся—0,5%, отчисленіе въ спеціальныя средства—0,5% и другіе расходы—11,8%. По учебнымъ заведеніямъ округа расходъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на среднія учебныя заведенія—1.728.396 руб., на низшія училища—512.270 руб. и на частныя и начальныя—1.226.217 руб. Средняя стоимость содержанія 1 средняго учебнаго заведенія равняется 42.156 руб. (безъ пансіоновъ—31.528 руб.), 1 низшаго—9.314 руб. (безъ пансіона—7.948 руб.) и 1 частнаго или начальнаго—1.167 руб., а средняя стоимость содержанія одного пансіона составляла: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—22.934 руб., и въ низшихъ—5.367 руб. По разрядамъ учебныхъ заведеній въ среднемъ стоимость мужской гимназій составляла 71.875 руб. (безъ пансіона—55.106 руб.), мужской прогимназій—19.375 руб., реальнаго училища—53.869 руб. (безъ пансіона—39.328 руб.), женской

гимназій—38.824 руб. (безъ пансіона—28.335 руб.), женской прогимназій—7.978 руб. (безъ пансіона—5.770 руб.), учительскаго института—37.480 руб. (безъ пансіона—29.894 руб.), учительской семинаріи—35.475 руб. (безъ пансіона—28.213 руб.), городского училища—7.436 руб. (безъ пансіона—7.074 руб.), горской школы—9.679 руб. (безъ пансіона—4.879 руб.), ремесленнаго училища—23.955 руб. (безъ пансіона—19.578 руб.), мореходнаго класса—1.946 руб., Маріинскаго училища—3.068 руб., частнаго учебнаго заведенія—3.118 руб. и начальнаго училища—972 руб.

Средняя стоимость обученія каждаго учащагося въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1894 году составляла 101 руб., въ низшихъ 46 руб., въ частныхъ и начальныхъ—18 руб., стоимость же воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—226 руб. и въ низшихъ—124. Сбора за право ученія и воспитанія поступило 998.585 руб., а среднимъ числомъ на 1 среднее учебное заведеніе—15.880 руб. (больше всего на женскую гимназію—27.673 руб.), на 1 низшее—1.427 руб., и на 1 начальное—47 руб. Всѣхъ специальныхъ средствъ въ отчетномъ году поступило въ среднія учебныя заведенія 846.452 руб., изъ нихъ израсходовано—796.409 руб., и оставалось къ концу года съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—736.803 руб., среднимъ числомъ, по 17.971 руб. на 1 заведеніе (больше всего въ мужскихъ гимназіяхъ—31.379 руб. и въ женскихъ—25.010 руб.); въ низшія заведенія поступило специальныхъ средствъ 158.166 руб., израсходовано—183.815 руб., а къ 1-му января 1895 года, съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ, было—135.796 руб., или по 2.469 руб. на 1 училище. Съ присоединеніемъ къ остаткамъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній запасныхъ капиталовъ начальныхъ училищъ получается сумма 1.341.925 руб.

Размѣръ годовой платы за право ученія взимается въ различныхъ размѣрахъ; такъ, съ среднихъ учебныхъ заведеній: въ мужскихъ гимназіяхъ—отъ 30 руб. до 70 руб., въ мужскихъ прогимназіяхъ—40 руб., въ реальныхъ училищахъ—отъ 10 до 46 руб., въ женскихъ гимназіяхъ—отъ 9 до 100 руб., въ женскихъ прогимназіяхъ—отъ 16 до 50 руб., въ учительскомъ институтѣ—15 руб.; изъ низшихъ: въ городскихъ училищахъ—отъ 8 до 16 руб., въ горскихъ школахъ—отъ 3 до 6 руб., въ ремесленныхъ училищахъ—отъ 8 до 25 руб. и въ Маріинскихъ училищахъ—отъ 8 до 20 руб.; въ частныхъ училищахъ плата за ученіе существуетъ отъ 4 руб. до 300 руб., въ начальныхъ—отъ 2 до 20 руб. въ годъ. Размѣръ платы за воспитаніе

въ пансіонахъ простирается изъ среднихъ заведеній: въ мужскихъ гимназіяхъ—отъ 150 до 300 руб., въ реальныхъ училищахъ—отъ 140 до 200 руб., въ женскихъ гимназіяхъ—отъ 200 до 250 руб., въ женскихъ прогимназіяхъ—отъ 120 до 150 руб. въ учительскомъ институтѣ—отъ 145 до 150 руб. и въ учительскихъ семинаріяхъ—отъ 130 до 200 руб.; изъ низшихъ—въ городскихъ училищахъ—отъ 100 до 130 руб.; въ горскихъ школахъ—отъ 60 до 140 руб. и въ ремесленныхъ училищахъ—отъ 100 до 140 руб.; въ частныхъ—отъ 100 до 480 руб. Число освобожденныхъ отъ платы ученія въ отчетномъ году составляло въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 16,2% общаго числа приходящихъ учениковъ, въ низшихъ—19,3%, въ частныхъ—24,1%, а число бесплатно воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было 58,2% общаго числа воспитанниковъ и воспитанницъ пансіоновъ, въ низшихъ—80,4% и въ частныхъ—9,1%. Приблизительная стоимость обученія и воспитанія всѣхъ освобожденныхъ отъ платы за ученіе и воспитаніе въ пансіонѣ составляла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 277.189 руб., въ низшихъ—67.995 руб.

Учрежденія для пособія учащимся существуютъ при 9 мужскихъ гимназіяхъ, при 1 мужской прогимназіи, при 6 реальныхъ училищахъ и при 2 женскихъ гимназіяхъ, итого 18, и затѣмъ—при 13 городскихъ училищахъ, при 1 ремесленномъ и при 2 Маріинскихъ училищахъ, итого 16, а всего 34. Въ теченіе отчетнаго года въ эти учрежденія поступило 33.688 руб., израсходовано 41.985 руб. и съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ къ 1-му января 1895 года было 84.546 руб. Ссудо-сберегательныхъ кассъ существуетъ 19, въ томъ числѣ при среднихъ заведеніяхъ 16, а именно: при мужскихъ гимназіяхъ 6, при мужскихъ прогимназіяхъ—1, при реальныхъ училищахъ—6 и при женскихъ гимназіяхъ—3, и изъ низшихъ—8, всѣ при городскихъ училищахъ; въ нихъ членами состояли 650 служащихъ, въ томъ числѣ 35 членовъ имѣли 3 кассы низшихъ училищъ. Сумма выданныхъ ссудъ составляетъ 194.225 руб., количество сбереженій къ концу отчетнаго года было 150.284 руб., прибылей же—8.906 руб.

Учебныхъ заведеній, имѣющихъ собственныя помѣщенія, было: среднихъ 20, въ томъ числѣ 5 принадлежали мужскимъ гимназіямъ, 2—реальнымъ училищамъ, 8—женскимъ гимназіямъ, 3—женскимъ прогимназіямъ и 2—учительскимъ семинаріямъ; низшихъ 19, изъ нихъ 7—городскимъ училищамъ, 4—горскимъ школамъ, 6—ремесленнымъ училищамъ и 2 Маріинскимъ училищамъ и 766 начальныхъ училищъ,

а всего 805 собственныхъ зданій, или 71,2%, приблизительная стоимость конхъ составляетъ 5 милліоновъ 395 тысячъ, а приблизительная стоимость 1 школьнаго зданія равняется для среднихъ учебныхъ заведеній—100.000 руб., для низшихъ—33.000 руб. и для начальныхъ—около 4.000 руб. Годовая плата за наемъ для остальныхъ училищъ была: для среднихъ—60.450 руб. и для низшихъ—25.925 руб.; средняя же плата для первыхъ была 3.182 руб., для вторыхъ—1.178 руб. Количество воздуха въ классныхъ помѣщеніяхъ приходилось: на 1 среднее учебное заведеніе 5.528 куб. арш., на 1 классъ—558 и на 1 учащагося—17,7; на 1 низшее 2.388 куб. арш., на 1 классъ—501 арш. и на 1 учащагося—13,8; на 1 частное училище—912 куб. арш., на 1 классъ—480 арш. и на 1 ученика—13,7; на 1 начальное училище—718 куб. арш., на 1 классъ—521 куб. арш. и на 1 учащагося—10,5 куб. арш.

Число служащихъ въ округѣ въ отчетномъ году было 5.459; въ дѣйствительности же это число будетъ немногимъ меньше, такъ какъ сюда вошли и преподаватели, дающіе уроки не въ одномъ учебномъ заведеніи. Изъ всего числа служащихъ на среднія учебныя заведенія приходится 1.266, на низшія—600, на частныя 407, на начальныя—3.130 и на управленіе округа и дирекціи—56. Въ числѣ служащихъ было лицъ мужскаго пола 4.500 и женскаго—959. Въ теченіе года вновь назначено было на разныя должности 1.056 лицъ, въ томъ числѣ начальствующихъ лицъ—134, преподающихъ—634 и другихъ служащихъ—288; относительно общаго числа служащихъ вновь назначенные составляютъ 19,1% (въ среднихъ училищахъ—15,8%, въ низшихъ—20,0% и въ начальныхъ—19,1%). Выбыло изъ личнаго состава 803 лица, въ томъ числѣ 36 за смертью, 294 за переимѣненіемъ на другія должности и 473 за увольненіемъ отъ службы. Къ концу года оставалось вакантныхъ должностей 298, что составляетъ 5,5% всѣхъ должностей (въ среднихъ училищахъ—3,1%, въ низшихъ—6,0%, въ начальныхъ—6,7%).

Число пропущенныхъ преподающими уроковъ составляло въ отчетномъ году въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 4,38, въ низшихъ 4,14; изъ 22.180 пропущенныхъ уроковъ приходится: по болѣзни—68,0%, по служебнымъ обязанностямъ—8,7%, по домашнимъ обстоятельствамъ—10,8%, по случаю вызова въ судъ—2,2%, вслѣдствіе отпуска—7,9% и по неуважительнымъ причинамъ—2,4%. Почти 70% пропущенныхъ уроковъ были возмѣщены уроками, данными директорами, инспекторами, другими учителями, классными наставниками, а

до 20% приходилось на испытанія или работы учащихся подъ руководствомъ и самостоятельно. Засѣданій совѣтовъ и комитетовъ въ отчетномъ году было 5.245, въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: общихъ — 1.012, классныхъ — 665, предметныхъ — 178, хозяйственныхъ — 1.119, для испытанія постороннихъ лицъ — 92, по обсужденію пробныхъ уроковъ—414, всего 3.480 (по 85, въ среднемъ, на каждое), и въ низшихъ—общихъ—1.765 (по 32, на каждое). Въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также въ испытательномъ комитетѣ при управленіи округа, за то же время подвергнуто 428 лицъ разнаго рода испытаніямъ на званіе учителей, на классный чинъ, на вольноопредѣляющихся I и II разряда и проч.; выдержали таковое 295 лицъ, или 68,9%.

Изъ числа служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа слѣдующія лица заявили себя за 1894 годъ особыми трудами: директоръ Тифлисской 2-ой мужской гимназіи І. О. Добрглавъ издалъ „Словарь къ Одиссеѣ Гомера“ (въ порядкѣ стиховъ). Учителя той же гимназіи: А. Богоявленскій редактировалъ 19-й выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, а Д. Н. Михайловъ—приготовилъ къ печати статьи: 1) Аполлонъ Григорьевъ, литературная характеристика; 2) Поэзія К. Р.; 3) Аполлонъ Григорьевъ, какъ критикъ музыки и драмы; 4) Основныя воззрѣнія Аполлона Григорьева. Законоучителемъ от. М. Архангельскимъ произнесены рѣчи: 1) Рѣчь во время молебствія о здравіи покойнаго государя Александра III, 16-го октября 1894 года; 2) Рѣчь при приведеніи къ присягѣ учащихся и учащихся 2-ой гимназіи на вѣрность нынѣ царствующему Государю Императору; 3) Рѣчь во время благодарственнаго молебствія по случаю 50-лѣтія службы г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, 13-го ноября 1894 года; 4) Рѣчь при закладкѣ пансіоннаго зданія, 6-го ноября 1893 года; 5) Слово въ недѣлю о Оумѣ въ Сионскомъ соборѣ, 1894 года, и 6) Слово въ недѣлю послѣ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, 22-го сентября того же года, въ Экзаршей Крестовой церкви. Директоръ Тифлисской 3-ей гимназіи В. А. Мартыновскій напечаталъ 7-е изданіе перваго и 6-е втораго тома книги: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“, а также 3-е изданіе книги: „О преподаваніи отечественнаго языка и словесности“; инспекторъ той же гимназіи Ф. Р. Крейцбергъ составилъ и напечаталъ „Учебникъ французскаго языка“, курсъ I класса женскихъ и II класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; снабдилъ словаремъ я примѣчаніями и напечаталъ „Віо-

graphie de Simon (Histoire ancienne) par Rollin"; напечаталъ 3-е изданіе „Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse, par Fénelon"; кромѣ того, вмѣстѣ съ преподавателемъ исторіи и географіи П. А. Кумскимъ составилъ „Самоучитель русскаго языка" для французъ. изъ коего напечатаны 5 первыхъ листовъ; преподаватель математики и физики той же гимназіи И. И. Пламеневскій перевелъ съ французскаго языка и издалъ брошюру: А. Карню „Взаимное соотношеніе явленій статическаго и динамическаго электричества и опредѣленіе электрическихъ единицъ". а сверхштатный учитель той же гимназіи Е. С. Такайшвили напечаталъ въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества", томъ IX, выпускъ I — II, статью подъ заглавіемъ: „Сягель грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072)"; производилъ лѣтомъ отчетнаго года раскопки по порученію Императорской Археологической Комиссіи и представилъ ей отчетъ съ найденными вещами, преимущественно бронзоваго вѣка. Законоучитель Ставропольской гимназіи священникъ Восторговъ, до перевода его въ Елисаветпольскую гимназію, сказалъ въ гимназической церкви 41 поученіе; а преподаватели той же гимназіи: русскаго и латинскаго языковъ Л. Е. Соколовъ — произнесъ на актѣ рѣчь о „римскихъ школахъ"; латинскаго и греческаго языковъ Н. П. Кузнецовъ — составилъ для произнесенія на актѣ рѣчь о „воспитательномъ обученіи"; латинскаго языка В. В. Бѣлевичъ — прочиталъ 13-го ноября біографію А. Коменскаго съ характеристикю произведенной имъ школьной реформы и напечаталъ статью: „О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ"; русскаго языка А. А. Енифановъ — прочиталъ 13-го ноября біографію Песталоцци; учитель математики и воспитатель Ѳ. Е. Котылевскій завѣдывалъ метеорологическою станціей и обучалъ метеорологическимъ наблюденіямъ пансіонеровъ старшихъ классовъ. Преподаватели Кутаисской гимназіи напечатали: русскаго языка В. А. Юркевскій — „Личность А. С. Пушкина и значеніе его въ исторіи русской литературы"; древнихъ языковъ С. П. Боршевскій — рецензію на трудъ профессора Новороссійскаго университета Деревницкаго: „Софокль. Антигона. Текстъ съ объяснительными чтеніями"; древнихъ языковъ М. Г. Машурко — „Изъ области народной фантазіи и быта" въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, выпускъ XVIII; математики А. А. Сапожниковъ — „Къ вопросу о религіозномъ воспитаніи"; французскаго языка А. А. Алексѣевъ — „Собраніе фран-

цувських авторовъ для школьного употребленія и для самообученія съ примѣчаніями и словаремъ“, а исправляющій должность воспитателя при пансіонѣ той же Кутаисской гимназіи А. С. Лабенскій напечаталъ нѣсколько статей по предмету фотографіи и, кромѣ того, производилъ ежедневно метеорологическія наблюденія, печатаемыя Тифлискою физическою обсерваторією. Законоучитель Елисаветпольской гимназіи священникъ Восторговъ давалъ безвозмездно уроки въ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины и сказалъ въ отчетномъ году 65 словъ, поученій и рѣчей; учителя той же гимназіи: древнихъ языковъ В. Е. Сиземскій—просмотрѣлъ архивъ Елисаветпольской гимназіи отъ 1833 до 1867 года для составленія исторической записки этой гимназіи, и математики и физики А. Л. Хуціевъ—руководилъ наблюденіями метеорологической станціи при гимназіи и занимался съ учениками фотографіей. Преподаватели Екатеринодарской гимназіи напечатали: исторіи и географіи В. М. Сысоевъ—„Археологическая экскурсія по Закубанью въ 1892 году“ (отчетъ Московскому Археологическому Обществу члена-корреспондента В. Сысоева) и древнихъ языковъ П. Ѳ. Мельниковъ-Разведенковъ—1) „Стоицизмъ и христіанство“ (брошюра), 2) „Классическая система образованія и ея значеніе въ воспитаніи“ (брошюра), 3) „Современные взгляды на казачество“, а 3 преподавателя прочли публичныя лекціи, именно: древнихъ языковъ К. И. Некрасовъ „Янъ Гусъ“, исторіи и географіи С. С. Ларіоновъ—„Боярыня Морозова“ и русскаго языка А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ—„Божественная комедія, Данте“. Преподаватель математики Тифлисскаго реальнаго училища Л. Я. Апостоловъ составилъ и прочелъ на годичномъ актѣ 18-го декабря 1894 года рѣчь: „Метеорологія въ практической жизни“. Директоръ Бакинскаго реальнаго училища Е. С. Камѣнскій прочелъ на актѣ отчетъ о состояніи реальнаго училища и преподаватель русскаго языка и словесности А. Н. Шрамченко прочелъ тогда же рѣчь о Григоріи Саввичѣ Сковродѣ. Законоучитель Ейскаго реальнаго училища священникъ Т. Стефановъ велъ внѣбогослужебныя религіозно-нравственныя бесѣды съ прихожанами домовоі церкви училища и произнесъ 8 поученій въ училищной церкви, преподаватели: русскаго языка М. А. Харламовъ— прочелъ рѣчь о Новиковѣ и естественныхъ наукъ А. О. Лащинскій—предпринималъ нѣсколько загородныхъ экскурсій для ознакомленія учениковъ реальнаго училища и ученицъ женской гимназіи съ мѣстной флорой; кромѣ того, благодаря его усердію, естественно-историческіе кабинеты какъ училища, такъ и женской гимназіи пополнились

значительнымъ числомъ чучель животныхъ, имъ убитыхъ; онъ же имѣлъ надзоръ за производствомъ учениками метеорологическихъ наблюдений, а врачъ того же Ейскаго училища читалъ одинъ разъ въ недѣлю ученикамъ VII класса лекціи „популярной гигиены“. Преподаватель физики Ставропольскихъ женскихъ гимназій М. П. Карпинскій напечаталъ замѣтку о книгѣ: „Краткія указанія для готовящихся къ преподавательской дѣятельности“ и приготовилъ къ печати статью: „Къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій“. Инспекторъ женскаго Тифлискаго учебнаго заведенія св. Нины И. Крупениковъ, по порученію г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, рассмотрѣлъ три книжки на грузинскомъ языкѣ и составилъ о нихъ рецензіи; законоучитель того же заведенія М. Авдашкевичъ напечаталъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго экзархата“ статью: „Отношеніе московскаго митрополита Филарета къ единовѣрью, расколу старообрядчества, сектантамъ, уніатамъ, лицамъ инославныхъ вѣроисповѣданій и иновѣрцамъ“; произнесъ при богослуженіи въ церкви заведенія св. Нины 7 поученій, а въ кафедральномъ Сіонскомъ соборѣ два слова и велъ религиозно-нравственныя чтенія и бесѣды въ Александро-Невской, что въ саду, церкви; учитель пѣнія заведенія З. И. Чхиквадзе — приготовилъ къ печати рукопись: „о правильной постановкѣ школьнаго пѣнія“. Учитель русскаго языка и географіи Гори-Анастасіевской женской прогимназіи И. Д. Инаевъ составилъ „Полный курсъ русскаго правописанія“. Наставникъ Кутаисской учительской семинаріи И. Е. Петровъ помѣстилъ въ XVIII выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“ трудъ „Сборникъ мингрельскихъ текстовъ“ и въ газетѣ „Новое Обзорѣніе“ статьи: а) „О кустарной промышленности въ Кутаисской губерніи“, б) „Изъ общественной гигиены. Объ инфекціонныхъ болѣзняхъ въ деревняхъ“, в) „Изъ пережитаго и прошлаго. Замѣтка о сельскихъ учителяхъ“, д) „Къ вопросу объ ирригаціи въ Кутаисской губерніи“ и е) „Прямая логика. Этюдъ изъ кавказской криминалистики“; наставникъ той же семинаріи И. А. Звѣревъ приготовлялъ къ печати: а) Подробный планъ занятій въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, по всѣмъ предметамъ обученія съ указаніемъ руководствъ, учебныхъ пособій, самостоятельныхъ ученическихъ работъ, нѣкоторыхъ законоположеній и правительственныхъ распоряженій, относящихся до начальныхъ училищъ, б) Систематическій конспектъ для повторенія ариметики въ учительскихъ семинаріяхъ, в) Методику

обученія письму въ учительскихъ семинаріяхъ, d) Систематическій сборникъ упражненій по ариметикѣ для туземныхъ школъ Кавказскаго учебнаго округа, затѣмъ, e) изготовилъ и отдалъ въ печать: стѣнные таблицы буквъ русскаго алфавита и цифръ, удобныхъ для скорописи, и f) записалъ шесть мингрельскихъ сказокъ для „Сборника описаній племенъ и мѣстностей Кавказа“; наставникъ В. А. Красновидовъ—руководилъ воспитанниковъ при производствѣ метеорологическихъ наблюденій; врачъ семинаріи М. Н. Веселозоровъ составилъ „Учебникъ гигиены“, а учитель пѣнія А. П. Сусловъ записалъ, положилъ на ноты и представилъ для напечатанія въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“: „Туземныя пѣсни и мотивы ихъ“; учитель приговорительнаго класса Г. П. Сторожевъ—собралъ до 100 слишкоомъ видовъ туземныхъ насѣкомыхъ и составилъ изъ нихъ систематическія коллекціи для музея семинаріи, приготовилъ для того же музея 7 экземпляровъ чучель птицъ и четвероногихъ, а также упражнялъ воспитанниковъ семинаріи въ приготовленія чучель. Законоучитель Кубанской семинаріи священникъ І. Е. Рождественскій, кромѣ поученій, которыя онъ говорилъ при всякомъ богослуженіи, произносилъ ежедневно по утрамъ, за общей молитвой, краткія религіозно-нравственныя наставленія, состоявшія изъ подлинныхъ мѣстъ священнаго писанія, преимущественно изъ Новаго Завѣта, и краткаго ихъ объясненія въ духѣ православнаго катехизиса; учителя той же Кубанской семинаріи: русскаго языка и исторіи Н. О. Жемчужинъ написалъ и произнесъ рѣчь въ день празднованія 50-ти лѣтней годовщины смерти Крылова; математики О. Н. Агапѣевъ написалъ записку о преподаваніи математики въ учительскихъ семинаріяхъ и участвовалъ въ составленіи плана семинарскаго сада для международной выставки плодоводства въ Петербургѣ, а учитель естественной исторіи и географіи А. А. Карамоско участвовалъ въ составленіи записки о семинарскомъ садѣ для той же выставки, равно и учитель садоводства Г. П. Бѣляевъ принималъ наравнѣ съ ними участіе въ составленіи описанія и плана сада; учитель приговорительнаго класса В. С. Коноплевъ написалъ записку о преподаваніи ручнаго труда въ учительскихъ семинаріяхъ; учитель пѣнія семинаріи А. Д. Погуляевъ положилъ на ноты басню Крылова „Стрекоза и Муравей“ и обучалъ пѣнію ученицъ воскресной женской безплатной школы; затѣмъ, учитель образцовой школы при Кубанской семинаріи П. М. Мельниковъ составилъ записку о своемъ присутствіи на урокахъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ и городскихъ школахъ. Инспекторъ Сигнахскаго го-

родскаго училища К. Т. Багаевъ составилъ грузино-русскій словарь, назначенный для начальныхъ школъ; помощникъ учителя того же училища В. И. Миріановъ производилъ наблюденія надъ атмосферическими осадками для Главной физической обсерваторіи. Инспекторъ Ахалцихскаго городскаго училища П. К. Петровъ производилъ въ г. Ахалцихѣ съ 16-го октября 1892 года наблюденія надъ грозами, атмосферными осадками, снѣговымъ покровомъ, метелями, надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ и надъ атмосферическими явленіями природы, имѣющими сельско-хозяйственное значеніе; упомянутыя наблюденія напечатаны въ изданіяхъ Главной физической обсерваторіи и Географическаго Общества. Инспекторъ народныхъ училищъ Кубанской области А. К. Родіоновъ составилъ записку о сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ въ школахъ Кубанской дирекціи. Учитель Баталпашинскаго городскаго училища С. С. Михайловъ завѣдывалъ метеорологическою станціею въ Баталпашинскѣ, дѣлалъ наблюденія надъ грозами, атмосферными осадками, снѣговымъ покровомъ, метелями, вскрытіемъ и замерзаніемъ водъ и эти наблюденія отправлялъ въ С.-Петербургскую Главную обсерваторію, а копіи съ нихъ—въ Тифлискую физическую обсерваторію. Учитель Темрюкскаго городскаго училища П. П. Воевода производилъ такія же наблюденія и отчеты о нихъ отправлялъ въ тѣ же обсерваторіи. Завѣдывающій Абинскимъ двухкласснымъ училищемъ И. К. Бабенко, учитель Старо-нижестеблѣвскаго однокласснаго училища И. И. Борисовъ и учитель Бжедуховскаго станичнаго училища Н. Г. Потаповъ завѣдывали метеорологическими станціями III-го разряда. Учитель Переяславскаго станичнаго училища Т. А. Дѣдухъ напечаталъ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. XVI, свѣдѣнія о болѣзняхъ въ ст. Переяславской, а учитель Мансуровскаго сельскаго нормальнаго училища М. Алейниковъ напечаталъ въ томъ же „Сборникѣ“ статью: „Ногайскія повѣрья“. Учитель Абинскаго двухкласснаго училища В. А. Зворено и учитель Троицкаго станичнаго училища К. Г. Рудкій состоятъ корреспондентами департамента земледѣлія.

За отчетный годъ число учащихся по учебнымъ заведеніямъ округа увеличилось на 4.955 или 5,5%, и къ 1-му января 1895 года въ 1.147 училищахъ ихъ было 91.692, въ томъ числѣ въ среднихъ заведеніяхъ находилось 12.850, въ низшихъ — 9.479, въ частныхъ— 4.505 и начальныхъ — 61.858. Изъ общаго числа 91.692 учащихся было мужскаго пола 70.837 и женскаго—21.355, а по учебнымъ за-

веденіямъ учащихся мужскаго пола состояло въ среднихъ 58,9% и женскаго 41,1%; въ низшихъ первыхъ было—96,2% и вторыхъ—3,8%, а въ частныхъ и начальныхъ—77,5% и 22,5%. Среднее число учащихся въ 1 среднемъ учебномъ заведеніи было 313, въ низшемъ—172, въ частномъ—48 и въ начальномъ—68, а среднее число учащихся въ 1 классѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—31,7, въ низшихъ—36,2, въ частныхъ—25,5 и въ начальныхъ—49,8. По числу учащихся первое мѣсто изъ среднихъ учебныхъ заведеній занимаютъ женскія гимназій—4.670, затѣмъ слѣдуютъ: мужскія гимназій—4.140, реальныя училища—2.641, женскія прогимназій—606, мужскія прогимназій—417, учительскія семинаріи—283 и учительскій институтъ—93, всего 12.850 учащихся; изъ низшихъ—городскія училища—7.645, ремесленныя училища—725, городскія школы—620, Маринскія училища—363, мореходные классы—126, всего 9.479 учащихся.

По національностямъ, исповѣданіямъ и сословіямъ учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ: русскихъ—53,9%, грузинъ—19,9%, армянъ—12,6%, татаръ—2,8%, горцевъ—2,0%, евреевъ—1,2% и другихъ національностей—7,6%; православныхъ—73,9%, армяно-григоріанъ—11,6%, католиковъ—2,3%, протестантовъ—4,7%, іудеевъ—1,2%, магометанъ—4,0% и прочихъ исповѣданій—2,3%, дворянъ и дѣтей чиновниковъ—12,8%, духовнаго званія—1,8%, городскихъ сословій—20,7%, сельскихъ сословій—63,2% и иностранцевъ—1,5%. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преобладаютъ: изъ національностей—русскіе, 52,2%, изъ исповѣданій—православные, 66,0%, изъ сословій—дворяне, 53,4%; въ низшихъ—русскіе, 38,3%, православные, 62,0%, городскихъ сословій, 47,2%; въ частныхъ и начальныхъ училищахъ—русскіе, 56,4%, православные, 76,9%, сельскихъ сословій, 77,3%. Картвельцы, армяне, татары и горцы составляютъ вообще 37,3% общаго числа учащихся, а отдѣльно: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—38,6%, въ низшихъ—56,0%, въ частныхъ и начальныхъ—34,5%.

Всѣхъ прошеній о приѣмъ въ среднія и низшія учебныя заведенія въ отчетномъ году было подано 9.466, въ томъ числѣ въ первыя подано 4.872, или по 119, въ среднемъ выводѣ, на каждое, и во вторыя—4.596 или по 84 на каждое (больше всего изъ среднихъ въ мужскія гимназій—167 и реальныя училища, по 148 на каждое, а изъ низшихъ больше всего въ городскія училища—на каждое по 91). Изъ общаго числа подававшихъ прошенія не принято 3.190, въ томъ числѣ

въ среднія учебныя заведенія — 1.768 по слѣдующимъ причинамъ: по неявкѣ или добровольному отказу—359, по недостатку мѣста—271 (больше всего въ мужскихъ гимназіяхъ—138 случаевъ отказа), по невыдержанію испытаній—1.158 (болѣе всего въ мужскихъ гимназіяхъ—437 и въ реальныхъ училищахъ—752) и по другимъ причинамъ—75, а въ низшихъ—1.427, по тѣмъ же причинамъ: неявкѣ и отказу—118, недостатку мѣста—957 (въ томъ числѣ въ городскихъ училищахъ 724), изъ-за невыдержанія испытаній—286 и по другимъ причинамъ—66. Изъ 6.278 принятыхъ — въ среднія учебныя заведенія поступило 8.109, въ томъ числѣ: въ мужскія гимназіи—826, въ мужскія прогимназіи—145, въ реальныя училища—670. въ женскія гимназіи—1.192, въ женскія прогимназіи—176, въ учительскій институтъ—25 и въ учительскія семинаріи—75; въ низшія училища поступило—3.169, въ томъ числѣ: въ городскія училища—2.368, въ горскія школы—216, въ ремесленныя училища—284, въ мореходные классы—88 и Мариинскія училища—213. Въ числѣ 8.109 поступившихъ въ среднія учебныя заведенія принято по свидѣтельствамъ—525, изъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ училищъ—547 и по домашней подготовкѣ—2.037. а изъ 3.169 поступившихъ въ низшія училища принято по свидѣтельствамъ 183, изъ разныхъ учебныхъ заведеній—1.524 и по домашней подготовкѣ—1.462. Въ частныя учебныя заведенія желавшихъ поступить было въ отчетномъ году 1.678, и они были всѣ приняты.

Выбыло въ теченіе отчетнаго года изъ 41 средняго училища 2.311, или 18,0%, изъ 55 — низшихъ — 2.720, или 28,7%; изъ выбывшихъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній было: окончившихъ курсъ 5,6% и не окончившихъ—12,4%; изъ низшихъ—окончившихъ курсъ 6,2% и не окончившихъ—22,5%. Въ числѣ выбывшихъ по среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ было уволенныхъ: за неуспѣшность—114 (0,89%) и 113 (1,19%), за поведеніе—12 (0,09%) и 65 (0,68%), за невозможность платы—102 и 317, за болѣзнь—78 и 71, по прошенію—1.236 (болѣе всего изъ женскихъ гимназій—614) и 1.567 (въ томъ числѣ 1.292 изъ городскихъ училищъ); исключено за смертью—53 и 34. Въ числѣ выбывшихъ по прошеніямъ изъ всѣхъ 96 среднихъ и низшихъ училищъ изъявили желаніе поступить: въ другія учебныя заведенія—1.044, въ гражданскую службу—74, въ военную службу—44, на частную дѣятельность—566; объ остальныхъ не имѣется свѣдѣній. Въ частныхъ учебныхъ училищахъ было въ отчетномъ году 1.448. Всѣхъ окончившихъ курсъ въ началь-

ныхъ училищахъ было 4.466; уволенныхъ за поведеніе изъ 941 училца было въ отчетномъ году всего 109 или 0,12%.

Число успѣвающихъ, то-есть, окончившихъ курсы и переведенныхъ въ высшіе классы и отдѣленія, въ истекшемъ учебномъ году въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ составляло болѣе $\frac{4}{5}$ общаго числа учащихся (79,6%), въ низшихъ нѣсколько менѣе $\frac{3}{4}$ (70,9%). По успѣшности учебныя заведенія распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: учительскій институтъ—94,9%, женскія прогимназіи—84,9%, женскія гимназіи—84,8%, учительскія семинаріи—82,8%, мужскія гимназіи—78,8%, ремесленныя училища—74,4%, Маріинскія училища—74,1%, горскія школы—73,1%, мужскія прогимназіи—72,2%, реальныя училища—71,6%, городскія училища—70,6%, мореходные классы—58,1%. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ переведено безъ переекзаменовокъ 65,9%, оставлено въ томъ же классѣ 13,1%, а 21,0% назначена переекзаменовка послѣ каникулъ, которую и выдержали 65,6% изъ числа получившихъ таковую. Окончившихъ курсъ въ отчетномъ году было: въ мужскихъ гимназіяхъ—185, въ мужскихъ прогимназіяхъ—25, въ реальныхъ училищахъ—145, въ женскихъ гимназіяхъ—260, въ женскихъ прогимназіяхъ—45, въ учительскомъ институтѣ—18, въ учительскихъ семинаріяхъ—38, въ городскихъ училищахъ—397, въ горскихъ школахъ—55, въ ремесленныхъ училищахъ—56, въ мореходныхъ классахъ—69, въ Маріинскихъ училищахъ—11 и въ начальныхъ училищахъ—4.466.

За исключеніемъ нѣсколькихъ проступковъ, за которыми слѣдовало удаленіе провинившихся изъ учебныхъ заведеній, въ общемъ, поведеніе учащихся въ отчетномъ году было вполне удовлетворительное, а въ частности, по нѣкоторымъ заведеніямъ—отличное. Болѣе же строгимъ взысканіямъ, какъ арестъ свыше двухъ часовъ, выговоръ педагогическихъ совѣтовъ и увольненіе, подверглось изъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—456 (3,5%), въ низшихъ—911 (9,6%). Среднее число пропущенныхъ уроковъ было для учащихся въ среднихъ училищахъ на 1 ученика 41,2 (въ томъ числѣ по болѣзни—34,6), въ низшихъ—20,0 (по болѣзни—13,9); больше всего уроковъ пропускалось въ женскихъ гимназіяхъ (по 47,4 на 1 ученицу). Число заболѣваній на 100 учащихся было въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 241, въ низшихъ—111, въ частныхъ—32 и въ начальныхъ—45, а всего въ учебныхъ заведеніяхъ округа—89. Смертныхъ случаевъ было: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 58

(0,41%), въ низшихъ — 84 (0,46%), въ частныхъ — 7 (0,16%) и въ начальныхъ училищахъ — 338 (0,58%), а всего — 432 (0,47%).

Конецъ отчетнаго 1894 года омраченъ былъ тяжкимъ постигшимъ Россію несчастіемъ — болѣзью и кончиною Монарха, свѣтлый образъ Котораго запечатлѣнъ былъ въ сердцахъ учащихся и учащихъ недавнимъ посѣщеніемъ многихъ Кавказскихъ учебныхъ заведеній. Стремясь увѣковѣчить память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, учебныя заведенія Кавказскаго округа приняли живое участіе въ составленіи капитала для сооруженія въ Москвѣ памятника и на образованіе стипендій Его Имени для дѣтей бѣдныхъ родителей. Съ упованіемъ обращаясь къ Августѣйшему Первенцу Его, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, отдѣльныя общества въ ознаменованіе вступленія Его на царство и совершившагося бракосочетанія составили приговоры объ обложеніи себя сборомъ денегъ на содержаніе новыхъ школъ и расширеніе существующихъ.

ΣΥΓΓΡΑΦΩΝ ΦΙΛΩΝΟΣ ΙΟΥΔΑΙΟΥ ΤΕΜΑΧΗ.

Ἐπίκαιρόν ἐστι σήμερον, ὅτε τύποις ἐν Βερολίῳ τῶν Φίλωνος Ἀλεξανδρέως ἐκδίδεται συγγραφῶν ἐντελής, ὡς γνωστόν, συλλογή ¹⁾, βραχεία τινὰ περί τινων εἰπεῖν ἀποσπασμάτων συγγραφαῖς τισι μάλιστα τοῦ Φίλωνος προσηκόντων οὐ πλήρως ἐγνωσμέναις· ἄπερ ἐτῶν ἐγὼ πρὸ δέκα συλλεξάμενος ἐκ δύο γραπτῶν μεμβρανίνων βιβλίων ἐν τοῖς ἐμοῖς ἐφύλαττον οὕτω χρόνον πολὺν ἀμελέτητα τετραδίοις, κἂν ἔσθ' ὅτ' ἐκεῖνα πρὸς τὰς φιλωνείους ἀπερίεργως ἀντέβαλλον συλλογὰς ἀνδρῶν ἐλλογιμωτάτων, ἴδιον ἔργον τὰ φιλώνεια ποιησαμένων ἀποσπάσματα ²⁾. πάντα μὲν οὖν τὰ παρ' ἐμοῖ τοιαῦτα τὸν ἀριθμὸν ἔστιν ἑκατὸν τε καὶ τρισκαίδεκα. τούτων μέντοι ἂν καὶ δεκάκις ἐπτά, μακρὰν πρότερον ἔρουναν ποιησάμενος, εὔρον ἐγνωσμένα τοῖς φιλολόγοις ἐξ ἐτέρων εἶναι γραπτῶν βιβλίων, ἐτέρων δὲ τέσσαρα καὶ δέκα τὸ κείμενον ἀνευρῶν ἐν ταῖς ἐκδόσεσιν ἔδειξέ μοι φιλοφρονέστατα Πέτρος ὁ Νικίτιν, ἐπιφανὴς ἐνταῦθα φιλόλογος καὶ τοῦ πανεπιστημίου πρότασις. φιλώνεια μὲν οὖν ἀποσπάσματα, τύποις ἴσως οὐ γνωστά, τὰμὰ περιέχει τετράδια ὀκτώ μόνα καὶ εἴκοσι, ἃ καὶ τύποις, ὡς ἐν τοῖς παλαιοῖς ἔχει γραπτοῖς βιβλίοις, ἐν τούτῳ τῷ βραχεῖ καταχωρίζω ὑπομνήματι, ὡς ἂν καὶ ταῦτα, εἴπερ ἄγνωστα, τοῖς ἡδὴ γνωστοῖς ἀριθμῶνται. εἰ δὲ καὶ τούτων ἓνα, ἢ τὰ πλείω, ἢ καὶ πάντα, τὸ σῶμα τῶν πλήρως ἐγνωσμένων φιλωνείων εὐρευθεῖη συγγραφῶν ἔχειν ἐγκατάσπειρα, τοῦτο πάντως οὐ ψεκτόν· ἐγὼ γὰρ τῶν συγγραφῶν τούτων ἅς μὲν τροχάδην ἐπεξήλθον ἄπαξ, ἅς δὲ σπουδαίως. ὃ τι μὲν οὖν ἐμοῖ ποιεῖν ἐπιβέβλητο, φιλοτίμως ἐγένετο· εἰ δὲ τούτῳ δὴ τῷ ὑπομνήματι χρή-

¹⁾ Ταύτης τῆς συλλογῆς ὁ πρῶτος ἄχρι τοῦδε τόμος ἐδημοσιεύθη, ἐπιγραφὴν ἔχων ταιαύτην· *Philonis Alexandrini opera que supersunt, ediderunt L. Cohn et Paulus Wendland. Vol. I. Berolini. 1896.*

²⁾ *J. Rendel-Harris, Fragments of Philo Judaeus. Cambridge 1886. Paul Wendland, Neu entdeckte Fragmente Philos. Berlin. 1891.*

σιμόν τι πορίζεται τῶν φιλωνείων συγγραφῶν ἢ κριτική, τοῦτο δηλώσουσι πάντως οἱ νῦν αὐτῶν ἐκδόται. διαίρω μὲν οὖν τόδε τὸ ὑπόμνημα εἰς μέρη δύο, τὸ μὲν ἀναγράφον ὧν οὐ δεδύνημαι τὸ παράλληλον ἐν ταῖς ἐκδόσεσι κείμενον εὐρεῖν, τὸ δὲ τὰ λοιπὰ πάντα τεμάχῃ.

Α'.

Τὰ καθ' εἰρμόν ἀφεξῆς ἀναγεγραμμένα εἴκοσι καὶ δύο τεμάχῃ παρέλαβον ἐξ ἀντιγράφου τῶν Ἱερῶν Παρραλλήλων. τῇ ἑνδεκάτῃ γενομένου ἑκατονταετηρίδι, στοιχειᾶ τινὰ τούτων ἐμπεριέχοντος καὶ τὸν 15-ον ἀριθμὸν ἀποτελοῦντος τῆς πατριαρχικῆς συλλογῆς κωδίκων τοῦ ἐν Ἱεροσολύμοις Ὁρθόδοξου Καθολικοῦ Πατριαρχείου· τούτου δὲ τοῦ ἀντιγράφου συνοπτικὴν ἀναγραφὴν ὄρα ἐν τῇ παρ' ἐμοῦ συντεταγμένῃ Ἱεροσολυμιτικῇ Βιβλιοθήκῃ. τόμφ Α', σ. 65—68 ¹⁾).

1. Κῶδ. φύλλ. 199-α. — Φίλωνος. Ἄνθρωποι μὲν οὖν κληρονομοῦνται, ὅταν μηκέτι ὦσιν· ὁ δὲ θεὸς αἰδῖος ὧν μεταδίδωσι τοῦ κλήρου τοῖς σοφοῖς, ζῶν ἀεὶ (πρόσθεσ καὶ) εὐφραϊνόμενος αὐτῶν τῇ περιουσίᾳ.

2. Κῶδ. φύλλ. 254-α. — Φίλωνος. Ἀρίδηλοι (κῶδ. ἀρήδηλοι) αἱ μεγάλαι φύσεις (κῶδ. φύσις) καὶ οὐ μήκαι χρόνου γνωρίζονται, καὶ ἀξίεραστον καλὸν ἐστὶ τὸ τῆς ἀφ' ἑτέρου (κῶδ. ἀφετέρου) στάσεως οὐ δεόμενον, ἀλλ' ἐν ἑαυτῷ περιφέρον τὰ ἄριστα γνωρίσματα.

3. Κῶδ. φύλλ. 199-α. — Τοῦ αὐτοῦ. Διαθῆκαι ἐκ' ὠφελείᾳ γράφονται τῶν δωρεᾶς ἀξίων, ὥστε σύμβολον (κῶδ. σύμβουλον) εἶναι (πρόσθεσ τὴν) διαθήκην χάριτος.

4. Κῶδ. φύλλ. 199-α. Εἶδον κάλλη (ἀπόγρ. εἶδος κάλλος) γυναικὸς βασανίζοντά μου τὴν διάνοιαν καὶ τὴν σφροσύνην, καὶ τὸ μὲν ἔργον τῆς πορνείας διέφυγον, τὴν δὲ ἑμαυτοῦ παρθεναίαν ἐμόλωνα κατὰ διάνοιαν (κῶδ. κατὰδιάνοιαν) καρδίας.

¹⁾ Λεοπόλδος ὁ Cohn ἐν τοῖς *Jahrbücher für protestantische Theologie*, XVIII, 1892, σ. 485—490, ἀνακρίνων τήνδε τὴν ἐμὴν ἀναγραφὴν εἰδήλωσέ τινα ἀμφιβολίαν περὶ τοῦ β' καὶ γ' τόμου τοῦ Γ' στοιχείου, ὅτι δηλαδὴ οὐ τοσοῦτους, ὅσους ἐγὼ δὴλωσ ἐποίησαμην, τίτλους οὗτοι περιέχουσιν οἱ τόμοι ἐν τῷ Ἱεροσολυμιτικῷ κώδικι. ὅτι δ' ἀκριβῶς αὐτοὺς ἠρίθμησα, δεῖκνυσι τούτου τοῦ κώδικος ἢ τύποις ἀνέκδοτος ἐκτενεστάτῃ μου ἀναγραφῇ, σελίδας ἐν τοῖς τετραδίοις μου εἴκοσι καὶ τρεῖς ἀριθμοῦσα· ἦν, ὡς οὐδέποτε παρ' ἐμοῦ τυπωθησομένην, πρόθυμὸς εἰμι δωρῆσασθαι τῷ κυρίῳ Cohn, ἂν ταύτης ἔχη χρεῖαν, ἢ πρὸς ἀποβολὴν τῆς αὐτῷ γεγεννημένης ἀμφιβολίας, ἢ πρὸς γνώσιν ἀκριβῆ τοῦ κώδικος ἐκείνου παρὰ τῶν ἀναγνωστῶν τῆς αὐτοῦ κριτικωτάτης ἐκδόσεως τῶν φιλωνείων συγγραφῶν. ἑτέρου δὲ τινος ἀντιγράφου τῶν Ἱερῶν Παρραλλήλων ἀναγραφὴν ἐδημοσίευσεν Ἰωάννης ὁ Σακκαλίων διὰ τοῦ Δελτίου τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος, 1889· τεῦχος 8, σελ. 577, 661, 681—685.

5. Κώδ. φύλλ. 327-α. — Φίλωνος. Ἡμερότητα ὑπερβολὴ πρὸς τὸ μὴ βλάπτειν τὸν ἐχθρόν, ἔτι καὶ συνωφελεῖν πειρᾶσθαι· ὁ γὰρ μηδὲ ἔχθρόν ζημιοῦν ὑπομένων τίνα τῶν ἄλλων ἐθελήσειεν ἂν βλάπτειν ἐπ' ὠφελείᾳ (κῶδ. ἐκωφελεῖα);

6. Κώδ. φύλλ. 337-α. — Φίλωνος. Ἡ παρὰ θεοῦ δίκη — — — (Man-gey τ. Β', σ. 132) οιομένους: Καθάπερ ἰατρός ἐν ταῖς μεγάλαις καὶ ἐπι-σφαλεσί νόσοις ἔστιν ὅτε σωματῶν μέρη ἀφαίρει παρεχόμενος ὑγείαν, κυ-βερνήτης δὲ χειμῶνων ἐπιγινομένων (κῶδ. ἐπιγινωμένων) ἀποφορτίζεται προ-νοία τῆς τῶν πλεόντων (κῶδ. πλεωντων) σωτηρίας, καὶ μέμψις οὔτε τῷ ἰατρῷ τῆς πηρώσεως, οὔτε τῷ κυβερνήτῃ τῆς ἀποβολῆς ἔπεται, τουναντίον δὲ ἔπαινος ἑκατέρῳ (κῶδ. ἑκατέρων), τὸ συμφέρον πρὸ τοῦ ἡδέος (κῶδ. ἡδέως) εἰδοῖται καὶ κατορθώσαντι, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ τὴν τῶν ὄλων προνοητικὴν δύναμιν ἀεὶ θαυμασταίον ἐπὶ τοῖς ἐν τῷ κόσμῳ πρᾶττομένοις ἅπασιν ἐξετά-ζοντες, ἐπεὶ μὴ καθ' ἡδονὴν ἰδίαν συμβέβηκεν, ἀλλ' ἡ τρόπον εὐνόμου πό-λεως ὁ κόσμος ἡνιοχεῖται καὶ κυβερνᾶται σωτηρίως.

7. Κώδ. φύλλ. 203-β. — Φίλωνος. Δόγου θεοῦ ἡσυχία θάνατός ἐστι ψυχῶν.

8. Κώδ. φύλλ. 129-α. — Φίλωνος. Μίσθωμα πόρνης εἰσχομίζειν εἰς τὸ Ἱερὸν ἀπηγόρευσε ὁ νομοθέτης, καίτοι γε τὸ νόμισμα κατ' αὐτὸ οὐκ ἔνο-χον (κῶδ. καταυτὸ οὐκ ἐνοχον), ἀλλὰ τὴν λαβοῦσαν καὶ τὴν πράξιν ἐφ' ἣ (κῶδ. πράξιν ἐφ' ἣ) δέδοται.

9. Κώδ. φύλλ. 66-β. — Φίλωνος. Οὐδὲ τῷ νῷ καταληπτός ὁ θεός, ὅτι εἰ μὴ κατὰ τὸ εἶναι μόνον.

10. Αὐτόν. — Τοῦ αὐτοῦ. Οὐδὲ ὁ σύμπας κόσμος ἀξίον ἂν εἶη θεοῦ χω-ρίον, ἐνδιαιτήμα, ἐπεὶ αὐτὸς ἑαυτοῦ τόπος· καὶ αὐτὸς ἑαυτοῦ πλήρης καὶ ἱκανός, αὐτὸς ἑαυτοῦ ὁ θεός, τὰ μὲν ἄλλα ἐπιθετὴ καὶ ἔρημα καὶ κενὰ ὄντα πληρῶν καὶ περιέγων, αὐτὸς δὲ ὑπ' οὐδενὸς ἄλλοι περιεχόμενος, ἄτε εἰς καὶ τὸ πᾶν αὐτὸς ὢν.

11. Κώδ. φύλλ. 106-α. — Ἐκ τοῦ ζ' καὶ η' τῆς Νόμων ἱερῶν ἀλληγο-ρίας. Οἷς ἀμφοτέρω ἐξεγένετο τὴν μὲν διάνοιαν εὐβουλίᾳ καὶ ἀγαθοῖς ἔρ-γοις· τοὺς δὲ λόγους ταῖς περὶ αὐτοῦ τέχναις μάλιστα ὀχυρώσασθαι, τούτους πρὸς τὰς ἐριστικὰς ἐνίων ἀμίλλας (κῶδ. ἀμιλλας) ἀπαντᾶν ἐμπρεπές, οἳ τοὺς ἐναντίους ἀμύνονται. ὅς δὲ τέχνας μὲν λόγων οὐκ ἔμαθε, διανοίᾳ δὲ μόνῃ τὸ καλὸν οἶδε, τὴν εἰς τὴν ἀμιλλαν (κῶδ. ἀμιλλαν) ἀφίξιν παρατείσθω καὶ τῆς τοῦ δυναμένου προκλήσει· ἀλογεῖται ἤττης (κῶδ. ἤττης) γὰρ πᾶς ὄκνος ἀμεινον. τὸν δὲ ὄκνον τοῦτον οἱ μὲν ἐχθροὶ δειλίαν, ἀσφάλειαν δὲ οἱ φίλοι προσαγορεύουσι. φίλοις δὲ πρὸς δυσμενῶν, ἄτε ἀψευδοῦσι, πιστευτέον. καὶ μετὰ βραχεία. εἰ δὲ τις τὴν μὲν ψυχὴν ἀρεταῖς πάσαις κεκόσμηται (κῶδ. καὶ κόσμηται), τέχνας δὲ λόγων οὐκ ἐμελέτησεν, ἡσυχίαν (κῶδ. ἡσυχία)

χρώμενος ἀσφαλείᾳ γηράσας ἀκίνδυνον εὐρήσῃ. προσελθὼν δὲ εἰς τὸν σοφιστικὸν ἀγῶνα πρὶν διααιρεῖσθαι πεσεῖται (κῶδ. πεσεῖτε).

12. Κῶδ. φύλλ. 338-α. — Φίλωνος. Ὑπὲρ ὧν οὖν ἕκαστος ἔλαχεν ἤδη ἀγαθῶν, κατὰ τὴν ἑαυτοῦ δύναμιν εὐχαριστεῖ τῷ θεῷ. μωρίων δὲ ἔλαχεν ἀγαθῶν, γενέσεως, ζωῆς, τροφῆς, ψυχῆς, αἰσθήσεως (κῶδ. ἐσθήσεως), λογισμοῦ. λογισμὸς δὲ βραχύτατον ὄνομα μὲν, τελειότατον δὲ καὶ θειότατον ἔργον. ἐκεῖνος θείας ἐμφορείας ἐκμαγεῖον. μηδεὶς οὖν τῶν ἀφανεστέρων καὶ ταπεινοτέρων εἶναι δοκούντων ἐλπίδος ἀπογνώσῃ τῆς ἀμείνονος. ἀποκησάτω (κῶδ. ἀποκνησάτω) ἰκέτης εὐχάριστος γενέσθαι θεῷ.

13. Κῶδ. φύλλ. 257-α. — Τὸ δουλεύειν θεῷ μέγιστον αὐχμημα, καὶ οὐ μόνον ἐλευθερίας, ἀλλὰ καὶ πλούτου καὶ ἀρχῆς καὶ πάντων ὅσα τὸ θνητὸν ἀσπάζεται γένος τιμώτερον.

14. Κῶδ. φύλλ. 257-α. — Τὸ δὲ ἀρασάμενόν τι χρῆμα καὶ ὡς ἀληθῶς θαυμαστόν καὶ μεγαλοπρεπὲς τυγχάνον ἐν μόνοις ἐκείνοις ὀφείλει χαρακτηρίζεσθαι, τοῖς διὰ τέλους τὸν ἑαυτῶν βίον τῇ περὶ τὸ θεῖον ἀνατεθεικόσι λατρεία καὶ δι' ἀψευδῶν δογμάτων πολιτείας τε λαμπρόσης παρὰ τῶν λοιπῶν ἀπάντων ἀνθρώπων τὸ τῆς τοιαύτης ἐπαγγελίας κλεονέκτημα διαφαίνουσι.

15. Κῶδ. φύλλ. 128-β. — Φίλωνος. Παρατηρητέον μὴδὲν τῶν εὐτελεστέρων, μὴδὲ ὅσα δυνατοὶ παρέχειν ἑαυτοῖς ὑπολαμβάνομεν, αἰτεῖν παρὰ θεοῦ. δεῖ (κῶδ. αἰεῖ) γὰρ τὰς θεοῦ χάριτας ἀξιώματι τοῦ διδόντος μᾶλλον ἢ ἀδοξίᾳ τοῦ λαμβάνοντος μετρεῖσθαι (κῶδ. μετρεῖται). ἐπιτιμητέον οὖν τοῖς ἀνεπιστήμοσιν, οἳ τολμῶσιν εὐχεσθαι ταῦτα κτείνειν, ἐν οἷς οἱ παντεχνίται (κῶδ. πᾶν τεχνίται) κατορθοῦσιν. εἴποι γὰρ ἂν δικαίως ὁ θεός, „τί μὴ μαθόντες τὰ τῶν μεμαθηκότων ἐπιζητεῖτε καρποῦσθαι; τί δὲ νόμον φύσεως οὐκ ἐρυθριάτε παραβαίνοντες, δε οὐδὲ τοῖς ἀπείροις τὰ τῶν ἐμπειροτάτων (κῶδ. ἐμπειρωτάτων) ἔργα χαριεῖται, οὔτε ἀστρατεύω τὰ σιρατηγῶν, οὔτε ἀκείρω θαλάττης οἰάκων ἐπιστήμην“;

16. Κῶδ. φύλλ. 196-α. — Τοῦ αὐτοῦ. Πρὸς τὴν τινος γένεσιν πολλὰ δεῖ συναλθεῖν, τὸ ὑφ' οὔ, τὸ ἐξ οὔ, τὸ δι' οὔ (πρόσθετος καὶ τὸ δι' δ). καὶ ἔστι τὸ μὲν ὑφ' οὔ τὸ αἷτιον, ἐξ οὔ δὲ ἡ ἔλξη, δι' οὔ δὲ τὸ ὄργανον, δι' ὃ δὲ (κῶδ. δὴ) ἡ αἰτία. εἰ δὲ τὴν μέγιστην οἰκίαν ἢ πόλιν * τὸν δὲ κόσμον εὐρήσῃς αἷτιον αὐτοῦ (πρόσθετος: ἔχειν) τὸν θεόν, ὑφ' οὔ γέγονεν, ἔλξη δὲ τὰ τέσσαρα στοιχεῖα, ἐξ ὧν συνεχράθη, ὄργανον δὲ (τὸν) λόγον, δι' οὔ κατασκευάσθη, τῆς δὲ κατασκευῆς αἷτιον τὴν ἀγαθότητα τοῦ δημιουργοῦ. φιλιγγίθων (κῶδ. φιλαγγίθων) ἤδη ἡ κρίσις, ἐπιστήμης ὑγιούς ἐφευμένων.

17. Κῶδ. φύλλ. 258-β. — Φίλωνος. Σοφοῦ εὐχαὶ καὶ θεοφιλοῦς ἀνδρὸς ἐπήκοοι πάντως.

18. Κώδ. φίλ. 256-β. Ἡ ἐξ ἔθους καὶ σχολῆς ἀργία πρᾶγμα ἐπιβουλον.

19. Κώδ. φύλλ. 336-β. — Φίλωνος. Τὸ τὴν ἡμετέραν τοῦ σώματος οὐσίαν, γεώδη ὑπάρχουσαν, μὴ εἰς ἅπαν περιοραθῆναι, χρῆ πνευματικῆς καὶ σφζούσης ἐπιμαλείας· οἰνοφυγίαις μὲν γὰρ καὶ ὄψοφαγίαις καὶ λαγνείαις καὶ συνόλωσ ὑγρῷ καὶ διαρρέοντι (κῶδ. διαρέοντι) βίῳ χρώμενοι νεκροφοροῦμεν οὖν τῇ ψυχῇ καὶ τὸ σῶμα. ἐὰν δὲ ἀποστραφῶμεν τῶν παθῶν τὸν κομβισμὸν, ζωηφοροῦμεν καθ' ἑκάτερον.

20. Κώδ. φύλλ. 338-α. — Ὡσπερ πρέπει θεῷ τὸ χαρίζεσθαι, οὕτω καὶ τῷ εὐπεπονθότῳ γινώμαις ἐκουσίως εὐχαριστεῖν. ὁ δὲ ἀναμένων ἐπιταγῆναι πρόσταξιν ἀχάριστος, ἀνάγκη τὸν εὐεργέτην τιμᾶν βιασθεῖς.

21. Αὐτόθι μετὰ τὸ βιασθεῖς: — Μὴ γάρ μοι τις ἀθλείτω διεψίων, ὡς ἄρα ἐπειδὴ πάντα τοῦ θεοῦ ἐστίν, εὐθες αὐτῷ χαρίζεσθαι τὰ ἴδια. καὶ γὰρ τὰ τῶν ἀπελευθέρων τῶν ἀπαλευθερωσάντων ἐστίν, ἀλλ' ὅμως οἱ εὐεργετήσαντες ἀμοιβὴν ἐπιζητοῦσι δικαίαν. ἄξιον οὖν θυσίας ἐκ ψυχῆς ἀνάγειν ἐνδελεχῶς εὐχαριστηρίους τῷ πάντοτε πάντων (sic. πάντα ἡμῖν?) προσαγομένῳ (κῶδ. προσάγομεν), κἄν τὰ αὐτοῦ αὐτῷ προσάγωμεν.

22. Αὐτόθι μετὰ τὸ προσάγωμεν: — Εἰ γονέων τιμᾶς οὐκ ἄξιον ὑπερτίθεσθαι, μυρίων ἐκ πρώτης ἡλικίας κατακλησθέντας εὐεργεσιῶν, πολὺ δὲ μᾶλλον θεοῦ τὰς χάριτας, οὐ μόνον γενομένοις, ἀλλὰ καὶ πρὸ γενέσεως ἄσασιν ἰλαρῶς καὶ πλουσίως προτεινάντος, οὐχ ὑπερθετέον εὐχαριστεῖν.

Καὶ ταῦτα μὲν ἐστὶ τὰ τεμάχῃ, ὧν τὸ κείμενον οὐχ εὖρον ἐν τοῖς ἡδη γνωστοῖς ἀποσπάσμασι τοῦ Φίλωνος, ἢ ἐν αὐτῷ τῷ σώματι τῶν λοιπῶν αὐτοῦ συγγραφῶν.

Ἐξ ἐτέρου δὲ κώδικος τῆς ἐνδεκάτης ἐκτονταετηρίδος, εὐρισκομένου (ἀριθ. 224) ἐν τῇ ἱεροσολυμιτικῇ βιβλιοθήκῃ τῇ ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει, τοῦτέστιν ἐν τῷ λεγομένῳ Μετοχίῳ τοῦ Παναγίου Τάφου, εὖρον ἐκ' ὀνόματι Φίλωνος ἐπισκόπου πολλὰ τεμάχῃ μέρη τῆς Γενέσεως ἐρμηνεύοντα· τοιαῦτα δὲ τεμάχῃ καὶ Rendel ὁ Harris καὶ Παῦλος ὁ Wendland. ἐξ ἐτέρων ἀντιγράφων ἱκανά, καθὰ γνωστὸν, ἐγνώρισαν οὐ πρὸ πολλοῦ τοῖς φιλόλογοις. ὁ μὲν οὖν ὑπ' ἐμοῦ μελετηθεὶς κῶδιξ ἐρμηνευτῶν οὐκ ὀλίγων ἐμπεριέχει τεμάχῃ διὰ τὴν Γένεσιν, οἷον Θεοδωρήτου Κύπρου, Διονυσίου Ἀλεξανδρείας, Θεοφίλου ἐπισκόπου, Ἰωάννου Χρυσοστόμου, Ἐπιφανίου Κύπρου, Συηριανοῦ Γαβάλων, Εὐσεβίου Ἐφέσης, Μεθοδίου Τύρου, Ἀκακίου, Ὀριγένους, Ἀπολλιναρίου, Σεραπίωνος ἐπισκόπου Θμοῦσεως, Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας καὶ πολλῶν ἐτέρων, ἐν οἷς ἐστὶ καὶ τεμάχῃ „φίλωνος ἐπισκόπου“ εἴκοσι, πέντε δὲ „φίλωνος Ἐβραίου“. τέσσαρα δὲ μόνα τῶν τεμαχίων τούτων φαίνονται μοι τύποις εἶναι ἀνέκδοτα. ἕτερον δὲ τεμάχιον, ἐπιγραφὴν ἔχον τὸ „Ἐκ τῶν ἐν Γενέσει ζητη-

Ἐτερον τεμάχιον ἐπ' ὀνόματι „Φίλωνος ἐπισκόπου“ ἐν τῷ ῥηθέντι κώδικι, οὐ τὸ παράλληλον εἶδρον ἀρμενικόν, οὕτως ἔχει:

Κώδ. φύλλ. 27.

Οὐκ ἔστιν ἐπαμφοτερισμός τοῦ θεοῦ, ἀλλ' ἀναφορὰ πρὸς ἄνθρωπον τὸν ἐπαμφοτεριστὴν τῇ φύσει καὶ μήνυμα τοῦ περὶ ἐκείνον πάθους.

Aucher σ. 38 (§ 55).

— ոչ է յերկուսնս ասուածոյ, այլ ակնարկութիւն առ մարդն յերկուսնոյն բնութեամբ. և զեկուցուած այնր որ ՚ի նման լիցի ահան:

Τρίτον δὲ τεμάχιον ἐπ' ὀνόματι πάλιν „Φίλωνος ἐπισκόπου“, οὐ τὸ ἀρμενικόν ἐγινώσκετο μετάφρασμα, κείται ἐν τῇ προσθήῃ σελίδι τοῦ 45-ου φύλλου, ἔχον οὕτως:

☉

Aucher σ. 89—90, § 11 serm. II.

Πρῶτον ἐναργῆς πίστις, ὅτι δι' ἓνα ἄνδρα δίκαιον καὶ δσιον πολλοὶ ἄνθρωποι σφίζονται — — — δευτέρου ἐπαινεῖ τὸν δίκαιον ἄνδρα ὡς μὴ μόνον ἑαυτῷ περιπεποιηκότα τὴν ἀρετὴν, ἀλλὰ καὶ παντὶ τῷ οἴκῳ, δι' ἣν αἰτίαν καὶ σωτηρίας ἀξιοῦνται. παγκάλως δὲ τουτὶ προσετέθη, ὅτι „οὐ εἶδον δίκαιον ἐνώπιον ἔμοῦ: — Τοῦ αὐτοῦ. ἐτέρως γὰρ ἄνθρωποι δοκιμάζουσι τοὺς βίους καὶ ἐτέρως τὸ θεῖον, οἱ μὲν ἐκ τῶν φανερῶν, ὁ δὲ ἐκ τῶν κατὰ ψυχὴν ἀοράτων λογισμῶν.

Միայն առաջին՝ յայտնի հասաւ, զի վասն միոյ առն արդարոյ և արժանաւորի բազում մարդիկ ապրին ազգակցութեամբ — որպէս և նաւազք, և զօր, յորժամ բարւոյ պատահեցեան նաւասուտ, և միւքքն այնմիկ՝ որ հմուտ է պատերազմի, և քաջ զօրաւորի: Երկրորդ անգամ, գովէ զարդար այրն, ոչ միայն անձին ստացեալ զառաքինութիւն, այլև ամենայն սանն, վասն որոյ և փրկութեան արժանի լինի: Եւ ամենաբարիք այս յաւելաւ ՚ի վերայ, թէ ,,զգեղ տեսի արդար առաջի իմ: քանզի այլ օրինակաւ փորձեն մարդիկ զհեանս վարուց, և այլպէս ասուածութիւն. քանզի սքա յերևելեացն, իսկ նա յոգւոյն յաներևոյթ խորհրոցն:

Τὸ κείμενον τοῦτο διάφορόν πως ὄν τοῦ ἀρμενικοῦ διορθοῦται πιθανῶς οὕτως. ἐπειδὴ τὸ πρῶτον ὁ ἀρμένιος ἐκφράζει διττῶς, τὸ πρωτότυπον εἶχεν ἴσως ἀντ' ἐκείνου τὸ πρῶτιστον· τὸ δὲ δι' ἓνα ἄνδρα κατὰ τὸν ἀρμένιον ἀναγνωστέον ὦδε· δι' ἐνός ἀνδρὸς δικαίου τε καὶ ὀσίου (ἢ ἀξίου =

αριστῶτα κληροφ). μετὰ δὲ τὸ σφζονται τὸ πρωτότοπον εἶχε καὶ ταῦτα, κατὰ τὴν ἐμὴν ἐξελληνίσιν τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου: σφζονται τῇ κοινότητι, καθὰ δὴ ναῦται καὶ στρατεύμα, δε (οἱ μὲν) ἀγαθοῦ τογχάνουσι κυβερνήτου, οἱ δὲ στρατηγοῦ ἐμπείρου τοῦ πολέμου. τὸ δὲ ἀνθρώποι δοκιμάζουσι ἀνάγνω ὁ ἀρμένιος ἀντιστρόφως· δοκιμάζουσι οἱ ἀνθρώποι.

Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει κώδιξ ἐπ' ὀνόματι „Φιλωνος ἐπισκόπου“ τόποις ἰσως ἀγνωστα τεμάχη καὶ ταῦτ' ἔχει.

1. Φύλλ. 50-α.—Πῶς οὐχ ὑποστρέψαντος τοῦ κόρακος, οὐχ ὑπώπτευσεν ὅτι ἐξηράνθη τὸ ὕδωρ, ὡς ἐπὶ τῆς περιστερᾶς; Ἥδει ὅτι σαρχοβόρος ὢν ὁ κόραξ ἐφιλάνει σώμασιν νεκροῖς. ἄλλοι δὲ λέγουσιν, ὅτι διὰ τὸ τετελεσθηκέναι οὐχ ὑπέστρεψεν· εἰ γὰρ καὶ σαρχοφάγον ἐστὶ τὸ ὄρνειον, ἀλλὰ τοῖς ἐπιπολάζουσι σώμασιν οὐκ εἴωθεν ἐφιλάνειν. ὕδωρ δὲ ἦν ἐπὶ τῆς γῆς.

2. Φύλλ. 66-β.—Μακρὸν γὰρ αἰῶνα τείνουσιν μυρία τῶν ἀφρόνων, καλὸν δὲ καὶ σπουδαῖον μόνος ὁ φρονήσεως ἐραστής.

B'.

Προεγνωσμένα δ' ἐξ ἄλλων ἀντιγράφων τεμάχη ἀμφότεροι οἱ παρ' ἐμοῦ μελετηθέντες κώδικες ἐνέχουσι τὰ ἐφεξῆς, ὧν τὰ μὲν ἀπὸ τοῦ 1-ου μέχρι τοῦ 62-ου ἀριθμοῦ, ἐτι δὲ τὰ δύο ἔσχατα (84 καὶ 85), παρέλαβον ἐκ τοῦ ἐν αὐτοῖς τοῖς Ἱεροσολύμοις ὑπάρχοντος ἀντιγράφου τῶν Ἱερῶν Παραλλήλων (ἀριθ. 15), τὰ δὲ λοιπὰ πάντα ἐκ τοῦ ἐτέρου κώδικος, τοῦ ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει (ἀριθ. 224), καὶ ἐπειδὴ τῶν ἀποσπασμάτων τούτων οὐκ ὀλίγα διαφορὰς τινὰς ἐφάνερωσεν ἀντιβληθέντα πρὸς τὸ τατυπωμένον αὐτῶν κείμενον, οὐδὲ ταύτας ὀκνῶ παρασημᾶναι, χρῆσιν εἰς διάκρισιν ἀμφοτέρων τῶν ἀντιγράφων ποιησάμενος δύο στοιχείων, τοῦ Α καὶ τοῦ Β, τοῦ μὲν Α πρὸς δῆλωσιν τοῦ ἐν Ἱεροσολύμοις τῶν Ἱερῶν Παραλλήλων ἀντιγράφου, τοῦ δὲ Β πρὸς δῆλωσιν τῆς ἐν τῇ Μετοχίῃ συλλογῆς ἐρμηνευμάτων εἰς τὴν Γένεσιν.

1.—Α, φύλλ. 121-α. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ περὶ τῆς κοσμοποιΐας. Ἀγαθῶν ἀνδρῶν ἐστὶν ἀριστείας (ἐκδ. ἀριστεῖα) καὶ ἄλλα — — — καὶ εἰκῶν τῆς ἀοράτου (ἐκδ. ἀορ. φύσεως ἐμφανῆς, αἰδίου γενητή) καὶ αἰδίου φύσεως. Vita Mosis II, Mang. σ. 144. ἔξω τῶν ὧδε σεσημασμένων διαφορῶν ἔχει ἀπόσπασμα τοῦτο καὶ τάδε· γένη] γένει Α || τοὺς μεγίστους ἐκφογ. κινδύνους] τοῦ μεγίστου κινδύνου ἐκφογόντες ἐν τῷ κατὰ τῶν στοιχείων νεωτερισμῷ, τοῖς παντ. πᾶσιν ἐπιτειχισθέντι Α || ἐμπυρεύματα] ἐμπορευματα τοῦ ζῶν Α || ἀντιμυρον] ἀντίλολον (sic) Α || γεγονός] γένος Α || δυνάμεων] δυνάμεως Α.

2.—A, φύλλ. 334-β. Φίλωνος. Ἄνθρωποι μὲν πέρας — — — οὗτος ἐστίν (ἐκδ. ἐστίν οὗτος) ἀρχή. De praem. et poenis, Mang. II, 419.

3.—A, φύλλ. 313-α. Φίλωνος. Ἐορτὴ φοχῆς — — — τῶν δὲ ἄλλων οὐδείς. De sacrific. Abelis ἐκδ. L. Cohn, σ. 247, 9-12. τέλειαι δὲ αἱ κηλίδων] τέλος δὲ ἀκηλίδων A.

4.—A, φύλλ. 337-α. Φίλωνος. Ἡ παρὰ θεοῦ δίκη — — τοὺς ἀποδιδράσκειν οἰομένους (ἐκδ. ἀποδιδράσκοντας). Vita Mosis ἐκδ. Mang. II, 132. ἐν τῷ κώδικι γέγραπται: κινεῖσθαι διὰ πολλὴν μακροθυμίαν.

5.—A, φύλλ. 138-β. Φίλωνος. Μακρὰν τὰ τῆς γενέσεως — — — ἐπακολοθοῦντα. J. Rendel-Harris, σ. 101. καὶ ἄν] κἄν A || ὀλκαῖς] ὀλκαῖς A.

6.—A, φύλλ. 202-β. Φίλωνος. Μεταδοτέον οὐ πᾶσι πάντων — — ἐν βίῳ, ἢ (sic) τάξις ἀναιρεθῆσεται. R.-Harris, σ. 83.

7.—A, φύλλ. 256-β. Φίλωνος. Ῥαστώνη τοῖς βλαβεροῖς ἔπεται: Ἡ ἐξ ἔθους καὶ σχολῆς ἀργία πρᾶγμα ἐπίβουλον. Πρβλ. R.-Harris, σ. 110 Πόνος μὲν τοῖς συμφέρουσι κτλ.

8.—A, φύλλ. 122-α. Φίλωνος. Σοφὸν μὲν εὐρεῖν ἓνα ἔργον, φαύλων δὲ πλῆθος ἀναρίθμητον. R.-Harris, σ. 90, ἐνθα τεμάχιον, οὐ ἢ ἀρχή „Σπᾶνιον μὲν ἐστὶ τὸ ἀγαθὸν“ κτλ.

9.—A, φύλλ. 134-α. Φίλωνος. Τὸ μὴ ἀμαρτάνειν — — — νόσον (κώδ. ἔσον) ἔχοντες. R.-Harris, σ. 16. τὸ δὲ ἀμαρτάνοντα A] ἄλλοι κτλ. τὸ δὲ ταῖς ἐκδόσεσιν. Τὸ A κατόπιν ἔχει τὸ τοῖς ἀμαρτανομένοις.

10.—A, φύλλ. 256-α. Φίλωνος. Τὸ γεννητὸν οὐδέποτε ἀμοιρεῖ — — — τὰ διδόμενα σταθμᾶται. R.-Harris, σ. 84, ἐνθα τεμάχιον, οὐ ἢ ἀρχή „Οὐ πάντα πᾶσιν χαριτέον“. Ἐν τῷ A γέγραπται ῥύμην ἀντὶ τοῦ ταῖς ἐκδόσεσιν ἐμφερομένου ῥώμην.

11.—A, φύλλ. 256-β. Αἱ τοῦ θεοῦ χάριτες οὐ μόνον τὰ ἀναγκαῖα — — — καὶ ἑσα πρὸς κ. καὶ δ. ἀπόλαυσιν. R.-Harris, σ. 73.

12.—A, φύλλ. 338-α (μετὰ τρία τεμάχη· ὄρα ὧδε κεφ. Α', ἀριθ. 19, 20 καὶ 21). Τίμι εὐχαριστητέον, πλὴν θεῶ; διὰ τίνων δέ, εἰ μὴ διὰ τῶν ὑπ' αὐτοῦ δοθέντων ἡμῖν; οὐδὲ γὰρ ἄλλων εὐπορῆσαι δυνατόν. χρήζων δὲ οὐδανός, κελεύει προσφέρειν αὐτῷ τὰ αὐτοῦ δι' ὑπερβολὴν τῆς πρὸς τὸ γένος ἡμῶν εὐεργετίας. μελετήσαντες γὰρ εὐχαριστικῶς καὶ τιμητικῶς τί** δίδωσι τῷ δόντι, μηδὲν ἴδιον ἑαυτῆς κρινάσα ἀγαθόν. ἔφη γὰρ „δοτὸν ὄντα δίδωμι αὐτὸν τῷ δόντι θεῶ“, κατὰ τὸ ἱερώτατον τοῦ νόμου πρόσταγμα, τὸ φάσκον „δωρὰ μου, δόματά μου, καρπώματά μου διατηρήσατε προσφέρειν μοι“. Οὕτως ἐν τῷ κώδικι. Πρβλ. Mangey I, σ. 274.

13.—A, φύλλ. 127-β. Φίλωνος ἐκ τοῦ πρὸς Γάϊον. Μὴ τοὺς τοῖς ἐπαίνοισι θέλγοντας καὶ φρεναπατοῦντάς (κώδ. φρένας πατοῦντας) σε ἀποδέχου·

μωσῆν γὰρ τοὺς κόλακας οἱ σοφοὶ παρεγγώσιν (κῶδ. παρεγγώσιν), ὡς μέγαλα βλάπτοντας. Migne, Patrol. Gr. τ. 96, σ. 77 D.

14.—A, φύλλ. 200-β. Φίλωνος. Δουλοὶ τὸν λογισμόν, κᾶν μήπω τέλειον αὐτῆς ἐκφοιτήσῃ τὸ γέννημα (R.-Harris, σ. 100, ἔνθα: ἐκφοιτήσῃ). ἰσὸν ἔστι τῷ κατὰ τὴν παροιμίαν — — — ὥσπερ τι μέρος ἡνωμένων. R.-Harris, σ. 24—25. ὕδωρ κομίζειν] κομίζειν ὕδωρ A || αἷς ἐγκεχ. πάντων ἡ διάνοια] ὡς ἐγκεχ. διὰ πάντων τῇ διανοίᾳ A || συγκεκόλληται] ἐγκεκόλληται A || ἔστι] ἔστι A.

15.—A, φύλλ. 257-α. Οἱ ὑπερέται τῶν σπουδαίων — — — εἶναι θεοῦ. R.-Harris, σ. 100. ἀνθρωπίνους] ἡ ἀνθρωπίνους A || ἀλλὰ] ἀλλ' ἢ A || λέγοιτ' A || δικαίως] ἐνδίκως A.

16.—A, φύλλ. 65-β. (De mutat. nominum, Mangey I, 579—581). Τοῦ αὐτοῦ. Τὸν Μωϋσῆν, φασὶν οἱ θεοὶ χρησιμοί, „εἰς τὸν γνόφον εἰσελθεῖν, τὴν ἀόρατον καὶ ἀσώματον οὐσίαν αἰνιττόμενοι, πάντα διὰ πάντων ἐρευνήσαντα τὸ μόνον ἀγαθὸν ἰδεῖν μὴ ἰσχύοσαι, ἐπειδὴ περ οὐδὲν εὗρισκεν, οὐδὲ ἐμπερη τινα ἰδεῖν ἐν τῷ ἐλπιζομένῳ, τὴν ἀπὸ τῶν — — — ἀμοιραῖ τῆς προθέσεως τῷ μὴ πεφυκέναι ὀρᾶσθαι τὸ δν: Τί διαπορεῖς, εἰ τὸ τῶν ὄντων πρεσβύτατον ἄρρητον, ὅποτε καὶ ὁ λόγος αὐτοῦ κορίως ὄνομά τι, οὐ ῥητὸς (κῶδ. ῥητῶς) ἡμῖν, καὶ μένει ἄρρητος καὶ ἀπερινόητος καὶ ἀκατάλητος; γνήσιον πόθον ἰδὼν ὁ πατήρ καὶ σωτήρ ἠλέησε, καὶ ἰκράτος δοὺς τῇ τῆς ὄψεως προσβολῇ τῆς ἑαυτοῦ θεᾶς οὐκ ἐφθόνησε, καθ' ἑσὸν οἶόν τε τὴν χωρῆσαι, γεννητὴν καὶ θνητὴν φύσιν, οὐχ ὃ ἔστιν ἐμφαινούσης, ἀλλὰ τί ἔστιν. ἐκεῖνο μὲν γὰρ ἀμήχανον ὅφ' ἐτέρου θεωρεῖσθαι τινος, διότι μόνῳ θεμίς αὐτῷ (κῶδ. αὐτὸ) ὑφ' ἑαυτοῦ καταλαμβάνεσθαι.

17.—A, φύλλ. 111-α. Φίλωνος ἐκ τῆς (κῶδ. τοῦ) κατὰ Μωσῆα κοσμοποιίας. Μετὰ πάντα τὸν ἀνθρωπον γεγενῆσθαι φησὶν ἡ γραφὴ κ. εἰκ. θ. καὶ ὁμοίωσιν — — — ἀδελφον ἔχει τὴν οὐσίαν. De officio mundi ἐκδ. L. Coho, σ. 23, δ'] δὲ A || 5 σώματος] ἐλλείπει τῷ A || 6 ἀνθρώπειον] ἀνθρώπου σῶμα, οὐδὲ εἰκὼν A || 8 τῶν] τὸν A || 9 τοῦ φέροντος] καὶ ἡνίοχος τοῦ φέροντος αὐτὸν καὶ ἀγ. A || 10 ἅπαντι] παντὶ A || ὁ ἀνθρ. νοῦς ἐν ἀνθρώπῳ] ὁ νοῦς ἐν τῷ σώματι. ἀόρ. γὰρ A.

18.—A, φύλλ. 118-β. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ τῶν μετονομαζομένων. Τὸ καθ' ἑκάτερον φησὶν εὐδοκιμῆσαι, τὴν τε πρὸς τὸ ἀγέννητον καὶ τὴν πρὸς τὸ γεγενημένον οὐ μικρὰς (κῶδ. μικράς) ἔστι διανοίας. ἀλλ', εἰ δεῖ τάληθές εἰπεῖν κ. καὶ θ. μεθόριον. καὶ καθόλου προσήκει τὸν ἀστ. σπουδαῖον εἶναι θεοῦ. μέλει (κῶδ. μέλλει) γὰρ τ. κ. ἡ. καὶ π. τ. γ. — — — ἑαυτῷ ὁ θεὸς καὶ μετὰ τὴν τοῦ κόσμου — — — ἔμεινε; διατὶ οὖν ἐποίησεν (κῶδ. ἐποίησεν) τὰ ὄντα, ἡ ὅτι ἀγ. καὶ φιλ. ἦν εἰς καλοκάγαθίαν. Mang. I, σ. 585.

19.—A, φύλλ. 134. Φίλωνος. Ὁ πάντα μετιῶν ἀθρόα δυσελπιστίαν καὶ ἀνελπιστίαν — — φύλαξ ἄκοντος θεοῦ. Leg. alleg. σ. 148—149 Cohn || ἀνίας A || δύσελπις] δυσελπιστίαν A || ἐλπίσει] νομίζει ὀμβρίσειν (sic) αὐτῷ τάγαθὰ τὸν θεόν. ἀπιστίαν δὲ A.

20.—A, φύλλ. 227-β. Φίλωνος. Ἄνθρωπος ὦν εὐπρόσιτος καὶ εὐέντευκτος ἔσο τοῖς πᾶσι καὶ ἔθιξε τὴν ἑαυτοῦ διάνοιαν ἀνθρωποπαθεῖν, οὐ μόνον διὰ τὰς ἀθλήτους πρὸς ταπάντη [γρ. τὰ κᾶθη] βουλάς καὶ τῶν εὖ πραττ καὶ τ. ἐν κακοπρ., ἀλλὰ καὶ βεβαίως παραμένῃ, μὴ τραχηλιᾶν ἐπὶ τὴν τραγφδουμένην εὐτυχίαν. εἰ γὰρ ὁ ἀγέννητος καὶ ἀθάνατος καὶ αἰδίας καὶ οὐδενὸς ἐπιδεόμενος καὶ ποιητῆς τῶν ὄλων καὶ εὐεργέτης καὶ βασιλεὺς βασιλέων καὶ θεὸς θεῶν οὐδὲ τὸν ταπεινότατον ὑπεριδεῖν ὑπέμεινε θεῶν λογίων, ἀλλὰ καὶ τοῦτον ἠξίωσεν εὐωχῆσαι (κῶδ. εὐωχίσαι) θεσμῶν ἱερῶν ἱεροφαντούμενον ἔσπᾶν, τί ἐμὲ τῷ θνητῷ προσῆκον ὑψαρχεῖν ἢ πεφοῆσθαι, περιφροαττομένῳ πρὸς τοὺς ὁμοίους καὶ μίαν μητέρα τὴν κοινὴν ἀπάντων ἀνθρώπων φύσιν κεκτημένῳ (κῶδ. κεκτημένον); Πρβλ. De decem oraculis ἐκδ. Mangey II, σ. 187, ἔνθα μόνον τὰ μέχρι τοῦ τραγφδουμένην εὐτοχίαν ἄλλως πως ὑπάρχει. τὸ δὲ λοιπὸν τοῦτου τοῦ τεμαχίου πόθεν ἐλήφθη, ἀγνοῶ.

21.—A, φύλλ. 33-α. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ Μωϋσεως βίου. Βελτίων (sic) — — ἡσυχία. R.-Harris, σ. 82.

22.—A, φύλλ. 45-β. Φίλωνος. Οὐκ ἔστι παρὰ τῷ θεῷ — — ἀποδιδόναι τὸν θεόν. R.-Harris, σ. 10. κενηραύων] κωνηρόν A || ζυγῷ] καὶ ζυγῷ A.

23.—A, φύλλ. 45-β. Τοῦ αὐτοῦ. Ὁ νοὺς ἐκάστω — — ἀψευδέστατος. R.-Harris, σ. 78. ἐβουλεύσαντο] ἐβουλεύσατο A.

24.—A, φύλλ. 40-β καὶ 65-β. Τοῦ αὐτοῦ. Οὐκ ἐν χρόνῳ τὸ αἴτιον — — τόπου καὶ χρόνου. R.-Harris, σ. 85. συνόλω] οὕτως ἐν τῇ σελίδι 60-β, οὐδὲν ὄλω ἐν τῇ σελίδι 65-β.

25.—A, φύλλ. 66-α. Τοῦ αὐτοῦ. Μυρία γε οὐ λέγω — — ἀνθρώπινον νοῦν. R.-Harris, σ. 78. ἀναγκαίων] ζητημάτων ὑπερόγκων A.

26.—A, φύλλ. 66-α. Τοῦ αὐτοῦ. Οὐδεὶς ἀρχήσει — — ἀλαζονία (sic). R.-Harris, σ. 59.

27.—A, φύλλ. 66-α. Τοῦ αὐτοῦ. Ἄβατος καὶ ἀπροσπέλαστος κτλ. Ιωαν. Damasc. ἐκδ. Lequien, II σ. 748—749.

28.—A, φύλλ. 75-β. Φίλωνος. Ὡσπερ κίονες — — γένος. R.-Harris, σ. 69.

29.—A, φύλλ. 37-β. Φίλωνος. Ἀμήχανον συνυπάρχει (sic) τὴν πρὸς τὸν κόσμον — — καὶ σκότος. R.-Harris, σ. 7.

30.—A, φύλλ. 112-α. Φίλωνος ἐκ τῶν ἐν Γενέσει ζητημάτων. Τί

ἔστιν ἕως τοῦ ἐπιστρέφαι — — τῇ γῆ προσενημήθη. R.-Harris, σ. 14—15. εἰς τὴν γῆν ἐξ ἧς] εἰς τὴν ἐ (sic) ἐξῆς A || 'Ἐπειδὴ δὲ] τὸ δὲ ἄλλοί-
πει τῷ A || ἠλόγησε] ἠλόγησε A || ἀποτεμνόμενος] ὑποτεμνόμενος A || οὐ-
νανομίμητον] οὐρανομίμητον A || ἀθανατίζει] ἀπαθανατίζει A || ἐλάμβανε]
ἔλαχε A || ἐζήτησε] ἐζήλωσε A.

31.—A, φύλλ. 117-β. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ Μωσαίως βίου. 'Ἐπειδὴν
ἡγεμῶν ἀρξεται καθηδουπαθεῖν — — ζηλωταὶ τῶν ὁμοίων εἰσί. R.-Harris,
σ. 108. Mangey II, σ. 106. ὀλεῖσθαι δεῖ] ὀλίγου δεῖν A || τὰς γαστρούς]
τῶν γαστρούς; A || προσαναρρήγνυσιν] πρὸς ἀναρρήγνυσιν A || ἴλεων] ἴλιω A.

32.—A, φύλλ. 117-β. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ περὶ προνοίας. 'Ἄει πρὸς τὰ
ὁμοιότροπα — — κραιπτόνων. R.-Harris, σ. 76.

33.—A, φύλλ. 120-β. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ ἄθλων καὶ ἐπιτιμιῶν. Με-
γαλοπρεπὲς καὶ περίσειμον τῶν σοφῶν ἢ ἀρετῇ, καὶ μόνῃ καθ' (κῶδ. κατ')
ἡσχίαν ἱκανὴ φορὰς (κῶδ. φορᾶς) μεγάλων ἐξουμαρίζειν κακῶν. De praes-
miis et poenis; ἐκδ. Mangey II, σ. 428.

34.—A, φύλλ. 120-β. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ περὶ μέθης. "Ἄνδρες ἀγαθοὶ
τροπικώτερον — — πολιτείας. R.-Harris, σ. 48.

35.—A, φύλλ. 120-β. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ εἰς τὸν "Ἀβελ. 'Ἐγὼ γ' οὖν
ὄταν τινὰ — — τοῖς ἀναξίαις δωρουμένου (sic). R.-Harris, σ. 96. ἢ πό-
λιν θεάσσομαι A || διαιτώμενον] διαιτωμένων A || οἶμαι Mangey] οἶμι A ||
σχήσειν] ἔχειν A.

36.—A, φύλλ. 120-β. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν ἐν Γενέσει ζητημάτων. "Ἐνε-
κα μὲν τῶν φύλων — — ὠφελείσθαι. R.-Harris, σ. 29—30. ἡρέμισον.
ἀνδιαμένοσαι A || δικαιοσύνην] δικαίου A || ἀσχοῦντος] συνοικοῦντος A || πολε-
μικάς] πολιτικάς A || καλοκαγαθίας] καλοκαγαθειάς A.

37.—A, φύλλ. 121-α. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν ἐν 'Ἐξόδῳ (sic) ζητημάτων.
'Ἐάν τις κατ' οἰκίαν — — προτείνων ὠφέλειαν: Τόπος τῶν κατὰ γῆν ἱε-
ρώτερος σοφοῦ διανοίας οὐδὲ εἰς ἔστιν, ἣν τρόπον ἀστέρων αἱ ἀρεταὶ περι-
πολοῦσιν. R.-Harris, σ. 69, ἐνθα μόνον τὸ μέχρι προτείνων ὠφέλειαν
ὑπάρχει τεμάχιον. Ὁ κῶδιξ ἔχει ταύτην τὴν διαφοράν, ὅτι γράφει οἰκειάν
ἐκείνην καὶ τὴν πόλιν, ἀντὶ τοῦ τὴν οἰκίαν καὶ τὴν πόλιν ἐκεί-
νην. καὶ πάλιν ἀφ' ἑαυτῶν ἀντὶ τοῦ ἀφ' ἑαυτοῦ.

38.—A, φύλλ. 122-α. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ μέθης. Τῷ ὄντι πολύχοον
— — σπάνιον τὸ ἀγαθόν. Paul Wendland, Neu entdeckte Fragmente
Philos, σ. 21.

39.—A, φύλλ. 122-β. Φίλωνος ἐκ τῶν ἐν Γενέσει ζητημάτων. Πέφυ-
κεν ὁ ἄφρων — — ἀντιμελεγκόντων ἀεὶ φιλουμένη (sic). De posteritate
Caini § 8 ἐκδ. Mangey I, σ. 280. ἀεὶ περὶ τὸν ὄρθον — — εἶναι καὶ],
ἄλλοίπει ταῦτα τῷ A || τὰ ἐναντία] τάναντία A || μέγας — — γινόμενος]

ἔλλειπει ταῦτα τῷ Α || ἔπερ ἔφη ὁ νομοθέτης] ἔλλειπει καὶ ταῦτα τῷ Α || ἀκράδαντον οὐκ ἔχουσα Α || [καὶ] μεθελκόντων] καὶ ἀντιμεθελκόντων Α || φορομένη] φιλουμένη Α.

40.—Α, φύλλ. 124-α. Φίλωνος ἐκ τοῦ περὶ τῶν μετονομαζομένων. Ἡ τῶν μαλλόντων κατάληψις ἀνοίκειος ἀνθρώπου. R.-Harris, σ. 100, κατὰ τὸν κώδικα Rup., ἔπερ ἔλλειπει τοῦ τεμαχίου τούτου ἢ ἐπιγραφῆ.

41.—Α, φύλλ. 124-α. Τοῦ αὐτοῦ. Οὐ πάντα τῷ θνητῷ γένοι γνώριμα. R.-Harris, σ. 81.

42.—Α, φύλλ. 124-α. Τοῦ αὐτοῦ. Τὸ τέλος τῶν ἀποθησομένων θεός οἶδε μόνος. R.-Harris, σ. 100, ἐνθα τοῦτο τὸ τεμάχιον ἔπεται τῷ παρ' ἐμοὶ 40-φ.

43.—Α, φύλλ. 66-β. Τοῦ αὐτοῦ. Οὐ φθάνει προσαναβαίνειν (κῶδ. πρὸς ἀναβαίνειν) — — εὐποροίη ῥημάτων. Legat. ad Caium § 1, ἐκδ. Mangey II, σ. 546. ἐπιβάθρα] ἐπιβάθραι Α || εὐθυβόλων καὶ εὐσοκόπων] εὐθυβόλων καὶ εὐσοκῶν.

44.—Α, φύλλ. 61-α. Τῷ θεῷ ὡς ἐν αὐτῇ — — οὔτε μέλλον οὐδὲν θεῷ (sic). Liber quod deus immutab. § 6, ἐκδ. Mangey I, σ. 276 — 277. μυχῶν] μόχων Α || οικειαίς] πυκναῖς ἀρεταῖς αὐτὰ ἀπελ. Α || ἐῤ] οὐκ ἐῤ Α || οὐδ' οὐδὲ Α || ἀδηλότης] εὐδηλότης Α || συμβατῇ] συμβατική Α.

45.—Α, φύλλ. 134-α. Τὸ ἐκτραγφεῖν (καὶ) ἐπικομπάζειν τὰ κακὰ, διπλοῦν ἀμάρτημα. De mutat. nomine § 36, ἐκδ. Mangey I, σ. 608.

46.—Α, φύλλ. 135. Φίλωνος. Τὸ μὲν κάλαι (κῶδ. κάλιν) δωρηθὲν τῷ Ἀβραάμ ἔξοδος ἦν ἀπὸ τῆς χαλδαϊκῆς μετεωρολογίας — — ὃν ἐφίεται τῆς (κῶδ. ἐφέεται τῆ) τοῦ κλήρου διαδοχῆς (κῶδ. διαδοχῆ). Lib. quis heres div. heres. § 20, 21, ἐκδ. Mangey I, σ. 486. τὸν κ. εἶναι ὑπολαμβάνειν] ὑπολαμβάνειν εἶναι τὸν κόσμον Α || περιόδ. ἀστέρων ἀριθμεῖσθαι καὶ ἐνθεν δὴ Α || δὲ] δὴ Α || ἢ ὀμαλή] ὀμαλή Α || ἔπεισε] ἀνέπεισε Α || κτήσασθαι] κληρονομήσαι Α || ἀβεβαίου] βεβαίου Α || ἀγένητον Α || ἀπὸ κόσμου πρὸς τὸν ποιητὴν καὶ κύριον αὐτοῦ Α || τὸν ἐνθένδε Α || καλός γε ὁ κληρὸς — — διδόντος] ἔλλειπει ταῦτα τῷ Α.

47.—Α, φύλλ. 218-β. Φίλωνος. Τοιοῦτον εἰς τοὺς ἀχαρίστους χάρις — — ζημίας τοῖς εὐεργετήσασιν. Legat. ad Caium § 8, ἐκδ. Mangey I, σ. 554.

48.—Α, φύλλ. 242-α. Φίλωνος. Τὸν δικαιοσύνης μεταπειθησάμενον Νῶε ἤξισεν ὁ ποιητὴς τὸν αὐτὸν καὶ τέλος γενέσθαι τῆς καράρυπον (sic) γενεάς (sic) καὶ ἀρχὴν τῆς ἀνυπατίου, διδάσκων — — τῶν ἀνθρώπων μετὰ ἀδικίας ζήσασαι. Πρβλ. De praemiis et poenis § 4, ἐκδ. Mangey II, σ. 411.

49.—Α, φύλλ. 256-π. Φίλωνος. Τῶν θείων δωρεῶν ἰκανός οὐδεὶς γω-

ρῆσαι — — ἐπιφερομένας οἰσομεν. De ebriet. § 9, ἐκδ. Mangey I, σ. 862. βραχ. δεξιαμ. μ. ἐπιρ. τ. τ. θ. χαρίτων κτλ.] βραχεία δεξιόμενος μεγάλας ἐπιρεούσας τῶν θεοῦ χαρισμάτων δωρεαῖς τάχιστα ἀποκλ. ὡς ἀντιβλύζεσθαι καὶ Α.

50.—Α, φύλλ. 186-α. Φίλωνος. Εἰρήνην, κἄν ἡ σφόδρα ἐπιζήμιος, λοιπειλεστέρα πολέμου. R.-Harris, σ. 78.

51.—Α, φύλλ. 196-α. Φίλωνος. Ἀμήχανον ἁρμονίαν καὶ τάξιν — — γεννηθέντα (κῶδ. γενηθέντα) σφῆζει. R.-Harris, σ. 70. εἶναι ποιητὴν] ποιητὴν εἶναι Α.

52.—Α, φύλλ. 196-α. Τοῦ αὐτοῦ. Ἴδιον θεοῦ τὰ ἀδύνατα γενητῶ (κῶδ. γένη, τῶ) μόνῃ δυνατὰ καὶ κατὰ χειρός. R.-Harris, σ. 84.

53.—Α, φύλλ. 196-α. Εἰ τις θέλοι γυμνοτέρους χρῆσασθαι τοῖς ὀνόμασι περὶ τῆς κοσμοκοίτης, οὐδὲν ἕτερον εὕρισκει — — οὐκ ἐμόν. De orific. mundi ἐκδ. Cohp, σ. 7, 10—15.

54.—Α, φύλλ. 204-β, 256-α καὶ 338-α. Φίλωνος. Οὐχ ἂ δοῦναι θεῶ ταῦτα καὶ ἀνθρώπῳ λαβεῖν δυνατόν, ἐπειδὴ τῶ μὲν καὶ πλεῖστα καὶ μέγιστα χαρίζεσθαι ῥᾶδιον, ἡμῖν δὲ οὐκ εὐμαρὲς τὰς προτεινομένας δέξασθαι δωρεάς. R.-Harris, σ. 86. τρίς ἐν τῶ Α τοῦτο τὸ τεμάχιον εὕρισκεται. καὶ ἐν μὲν τῇ σελίδι 256-α ἀντὶ τοῦ χαρίζεσθαι γέγραπται χαρίσασθαι, τὸ δὲ πλεῖστα ἄνευ τοῦ καὶ· ἐν δὲ τῇ σελίδι 338-α ἀντὶ τοῦ ἂ γέγραπται τὸ ὅσα καὶ κατοπι τὸ μὲν καὶ πλεῖστα χαρίζεσθαι.

55.—Α, φύλλ. 214-α. Φίλωνος. Οὐδαί· οὐτως μέμνηεν, ὡς δεῦλον ἐναντιοῦσθαι δεσπότῃ. Πρβλ. R.-Harris, σ. 94.

56.—Α, φύλλ. 246-β. Φίλωνος. Τὰ κατὰ γαστρός· βρέφη — — μὴ δυναμένων. R.-Harris, σ. 89.

57.—Α, φύλλ. 253-β. Φίλωνος. Ἀνελεύθερον τὸ εὐδιάκριτον — — πρὸς τὸ εὖ ἔχον. R.-Harris, σ. 100. ὁ κῶδιξ Α δίδωσι τὸ τέλος τούτου τοῦ τεμαχίου οὕτω· „μηδὲ ἐξανιστάμενος ἀπὸ προσώπου πολιου καὶ τιμῆν τὴν δέουσαν ἀπονέμων προσώπῳ πρεσβύτερον, μηδὲ κατευθύνον ἑαυτὸν“ κτλ.

58.—Α, φύλλ. 257-α. Οὐδὲν οὕτε ἴδιον — — καὶ δ καὶ — — τοὺς τῶν ἄλλων δεσπότας δουλεύειν αὐτοῦ· λατρεύοντα(ς) θεῶ. R.-Harris, σ. 68.

59.—Α, φύλλ. 257-α. Οἱ ὑπηρεταὶ τῶν σπουδαίων — — ἀνθρ. ἢ ἀνθρώπινος δουλ., ἀλλ' ἢ σοφοῖς — — λέγοιτ' ἂν δ. εἶναι θεοῦ. R.-Harris, σ. 100.

60.—Α, φύλλ. 256-β. Φίλωνος. Ὁ εὐχαρῆς καὶ ἀπερίσκεπτος — — κατοπιν. ὥσπερ γὰρ τὰ ὀπίσω — — αὐγαίως (κῶδ. αὐγέως) — — κατασπηλάζοντα (sic). R.-Harris, σ. 28.

61.—Α, φύλλ. 256-α. Ὅταν οἱ τῶν σκαρτῶν καρποὶ — — παρ' ἄλ-

λων ἄλλα δεχόμεναι κ. σ. τέλει μ. ἀ., ἀ. δὲ τ. ἀταλ. ὦσιν. R.-Harris, σ. 47.

62.—A, φύλλ. 259-β. Φίλωνος. Ἄσπονδος καὶ ἀκήρυκτος — — ἀπειλεῖν. R.-Harris, σ. 100.

63.—B, φύλλ. 80. Φίλωνος ἐπισκόπου. Διδόμεους αὐτοὺς εἶναι — — τὸ (sic) προσέθετο τακεῖν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ Ἄβελ. R.-Harris, σ. 107.

64.—B, φύλλ. 31-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Οὐ γὰρ δεῖ τὰ μὲν προσβεῖα τὴν γένεσιν ἑαοτῆ, τὰ δευτερεῖα δὲ τῷ ἀγενήτῳ προσνέμειν. ἡ δὲ ἐστὶν — — εἰσηκουμένη. Πρβλ. R.-Harris, σ. 16.

65.—B, φύλλ. 32-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Οὐχ ὡς ἀγωνῶν — — διδούς. P. Wendland, Neu entd. Fragmente, σ. 40—41.

66.—B, φύλλ. 43. Φίλωνος ἐπισκόπου. Οὐ προηγουμένως γὰρ δι' ἑαοτὰ γέγονε τὰ ἄλογα — — κάκεινα συνδ. — — γέγονε. R.-Harris, σ. 18 — 19.

67.—B, φύλλ. 45-α. Φίλωνος ἐπισκόπου. Μέγας ἔπαινος τοῦ δικαίου κτλ. Wendland, σ. 55.

68.—B, φύλλ. 45-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Τί ἐστὶν τὸ ἐξαλείψω — — καὶ φησὶν ἀπὸ προσώπου τ. γ. τουτέστι — — ἀλλὰ τὰ μὲν ἐπιπολής. ἔνω καὶ κατ' αὐτὴν ἐπιφάνειαν — — γένεσιν ἄλλων. Πρβλ. R.-Harris, σ. 21.

69.—B, φύλλ. 47. Φίλωνος ἐπισκόπου. Διατί μετὰ τὸ εἰσελθεῖν ἐπτά ἡμέραι διαγίνονται κτλ. Wendland, σ. 53. ἀντίμιμον] ἀντίμιμον B.

70.—B, φύλλ. 48-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Θεοκρεπῶς γὰρ καὶ τὸ ἐξήλειψε (sic) γέγραπται — — τὴν ἐπιπολάζουσαν γένεσιν — — αὐθις σκορᾶν. Wendland, σ. 54.

71.—B, φύλλ. 49-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Κατὰ τὸν τῆς ἰσημερίας καιρὸν κατασκήπτει ὁ κατακλυσμός. καὶ πάλιν. εὐλογον δὲ κτλ. Πρβ. R.-Harris, σ. 22 καὶ τὸ 72-ον ἀπόσπασμα.

72.—B, φύλλ. 49-β. Εὐλογον δὲ καὶ τὸν τοῦ γένους ἀρχηγέτην Ἀδάμ διαπεπλάσθαι τῷ καιρῷ τῆς ἐαρινῆς ἰσημερίας. ἰσημερία δὲ γίνεται καὶ τῷ ἑβδόμῳ μηνί. ὁ δὲ αὐτὸς λέγεται καὶ πρῶτος καθ' ἑτέραν καὶ ἑτέραν ἐπιβολήν. ἐπεὶ οὖν μετὰ τὸν κατακλυσμὸν ἀρχὴ γίνεται δευτέρως ἀνθρώπων σκορᾶς, ἐξομοιοῦται τῷ πρώτῳ γηγενεῖ. Πρβλ. R.-Harris, σ. 22 καὶ Wendland, σ. 55.

73.—B, φύλλ. 50-β. Φίλωνος ἐπισκόπου. Ἐβδόμη καὶ εἰκάδι τοῦ δευτέρου μηνὸς ὁ κατακλυσμός ἄρχεται (sic) — — ἐκ. ἡ κιβ. εἰς τὰ ὄρη. καὶ ἑβδόμη καὶ εἰκάδι τοῦ δευτέρου μηνὸς ἔξαισιν ὁ Νῶε ἐκ τῆς κιβωτοῦ καθ' ἣν ἡμέραν καὶ ὁ κατακλυσμός γέγονεν, ὡς εἶναι κατὰ ἀκριβείαν καὶ μέχρις ὄρων ἀριθμούμενον. ἑνιαυτὸν ἐνοίκησεν (sic) εἰς τὴν κιβωτόν. τοὺς

μέντοι προ. καιρούς προσετ. οί 'Ιουδαίοι εορτάζειν διὰ Μωϋσέως. Catena Lips. I, σ. 151. R.-Harris. σ. 106. Πρβλ. Wendland, σ. 57.

74.—B, φύλλ. 51-α. Τοῦ αὐτοῦ. Ἐδλαβῆς ὧν ὁ Νῶε κτλ. Wendland, σ. 58.

75.—B, φύλλ. 55-β. "Ὅπερ ἐμφαίνει τὸ μὴ ἀκηκοῖναι (sic) τοὺς ἀδελφοὺς; ἀλλὰ καὶ τοὺς περιεστῶτας ἐξω ἄνδρας ὁμοῦ καὶ γυναῖκας. R.-Harris, σ. 27. Wendland, σ. 62.

76.—B, φύλλ. 61-α. "Ἐπαινον ἔχει τὸ ῥητὸν τοῦ σοφοῦ — — κύουσιν. Wendland, σ. 70.

77.—B, φύλλ. 32-β. Φίλωνος Ἑβραίου. Τί δέ ἐστι τὸ στένων καὶ τρέμων ἔση ἐπὶ τῆς γῆς; λόγιον καὶ τοῦτό ἐστι — — ἀπεργάζεται. Wendland, σ. 41 — 42.

78.—B, φύλλ. 63-α. Φίλωνος Ἑβραίου. Οὐδέν τῶν ἀκουσίων — — μετὰ γένεσιν βρέφος, εἰ μὴ περιτέμνηται — — ἔνοι μὲν φήσουσιν ἂν. εἶναι τὸν τῆς ἐρμηνείας (sic) τρόπον ἐ. τ. γονεῖς ἐκείνους κολάζειν οἶσται δεῖν, ὡς ὠλ. τ. τ. ν. προστάξεως. ἐν. δὲ δεῖ καὶ ὑπερβ. — — καὶ καταλόουσαι — — μὴ πληρομένου. R.-Harris, σ. 81.

79.—B, φύλλ. 100-α. Φίλωνος Ἑβραίου. Ἐναργῶς ἀφθαρσίαν ψυχῆς — — τὸ (sic) γὰρ τῷ τελ. φάσκειν ἀπελεύσῃ πρὸς τοὺς — — οὐχ ἀμαρτήρεις — — φρονήσεως ἐραστῆς. Wendland, σ. 67—68.

80.—B, φύλλ. 80-β. Φίλωνος Ἑβραίου. Διὰ τί „ἐξῆλθεν ἐπὶ τὴν γῆν καὶ Δὼτ εἰσῆλθεν εἰς Σηγῶρ καὶ κύριος ἔβρεξεν ἐπὶ Σόδομα“ καὶ τὰ ἐξῆς; ὅτι χρόνος γίνεται — — πρὸς κόλασιν. ἐν ἀρχῇ δὲ — — κακίαν ἐχόντων. R.-Harris, σ. 34. Wendland, σ. 75.

81.—B, φύλλ. 100-α. Φίλωνος Ἑβραίου. Δουτὶν ὄντων οἰῶν — — οἶδεν καὶ δεῖ αὐτοῦ — — μίαν δὲ ἔχοντα σωτ. ἐλπιδεα, τὰς εὐχὰς τοῦ πατρὸς — — κακοδαιμονέστατος R.-Harris, σ. 43.

82.—B, φύλλ. 103-α. Φίλωνος Ἑβραίου. Οὐκ ἐπὶ τῷ μὴ ἐπιτοχεῖν τῶν εὐλογιῶν — — ἐπιμ. κρίνει — — μεγάλα καὶ πικρὸν ἐμποῖσαι — — κάμῃ, πάτερ. R.-Harris, σ. 46.

83.—B, φύλλ. 103-α. Φίλωνος Ἑβραίου. Ἄλλ' εἴγε μετὰ δόλου ἔλαβεν ἴσως εἴποι τις — — εὐλογ. ἔσται — — ἀθλητῶν διαγωνίσματα. καὶ γὰρ ἢ ἐπὶ τοῦτον — — περιγινόμενοι — — οὐδὲν δὲ ἀτέχνως πρ. ὁ σπουδαῖος. R.-Harris, σ. 46.

84.—A, φύλλ. 196-α. Φίλωνος. Ζητῶν ὁ δίκαιος Νῶε τὴν τῶν ὄντων φύσιν — — εὐρημα — — δῆ (ἐκδ. γε) — — κτήμα, θεοῦ δὲ κτήματα πάντα — — τὴν χάριν (ἐκδ. τὴν ἀρχὴν) — — ὀρθότατα (ἐκδ. ὀρθῶς ταῦτα) — — ἀποκρίνοιτο — — χάρις θεοῦ — — χαρίσματα (ἐκδ. χάρισμα) — — θεοῦ τὰ πάντα. Leg. alleg. III, § 24, ἐκδ. Mangey I, σ. 102.

85.—Α, φύλλ. 132-α. Φίλωνος. Ἔϊσιν οἷς ἀκούειν, ἀλλ' οὐ λέγειν ἄμπρεπές (sic) ἐφ' ὧν λέγεται παρὰ τοῦ νομοθέτου σιώπα καὶ ἄκουε πᾶν καλὸν παράγγελμα. θρασύτατον γὰρ καὶ ἀκαλλέστατον ἀμαθία, ἣ (sic) πρῶτον μὲν ἐστὶ λυσιτελέστατον ἀκοῆς ἡσυχία (sic), δεύτερον δὲ προσοχῆ (sic) τὸν ἀξιὸν τι προσφερόμενον ἀκοῆ. μὴ δεῖς (sic) — — τοῦτο μόνον — — γλώττη — — καὶ τῆ ψυχῆ ἀμφοτέρα παθεῖν — — ἐν ἑαυτοῖς διεξέρχονται, καὶ διὰ τὸν ἐν ἑαυτοῖς πολὺν θροῦν — — ἀκροάσασθαι. λέγει γὰρ ἐκείνος· οὐχ ὡς ἐν ἀνθρώποις, ἀλλ' ὡς ἐν ἀψύχοις. Lib. quis rerum div. heres., § 3, ἐκδ. Mangey I, σ. 474. αἱ λέξεις ἀλλὰ καὶ προτρέψασθαι δυνατώτερον ἕτερον ἐλλείπουσι τῷ Β.

Α. ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ.

МАРЦІАЛЬ О СВОИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ¹⁾.

II.

Какой-же метръ соответствовалъ всего болѣе стихотвореніямъ нашего поэта? Очевидно, что размѣръ его эпиграммъ долженъ былъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ, о которыхъ намъ возможно сдѣлать нѣкоторыя предположенія на основаніи скудныхъ указаній отчасти самого Марціала, отчасти его современниковъ и ближайшихъ предшественниковъ. Такъ, конечно, произведеніямъ Марціала, по ихъ характеру не могъ быть особенно свойственъ *gravis numerus* — гексаметръ, который шелъ только для изображенія важныхъ матерій. Напримѣръ, у Квинтиліана можно найти выраженіе *sublimitas heroicæ sagittis* (I, 8, 5); онъ же въ своемъ отзывѣ объ Овидіѣ съ видимымъ неодобреніемъ подчеркиваетъ его *lascivitas* даже въ стихотвореніяхъ, написанныхъ гексаметромъ: *lascivus in heroicis quoque Ovidius* (X, 1, 88). Поэтому, когда Марціаль позволилъ себѣ, въ довольно длинной для него эпиграммѣ VI 64 (82 стиха), обрушиться на своего противника въ гексаметрахъ, то это было отмѣчено критиками. И слѣдующее стихотвореніе (VI 65) представляетъ отвѣтъ Марціала на эти обвиненія (vv. 1—2):

„Hexametris epigrammæ facis“, scio dicere Tuccam ²⁾.
Tucca, solet fieri, denique, Tucca, licet.

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую княжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ Имя Тукки, какъ прикосновеннаго къ литературѣ челоѣка, см. также въ VII 77 и XII 94.

Что писать гексаметрами болѣе или менѣе серьезныя эпиграммы было весьма обычно (*solet fieri*), особенно въ надгробіяхъ, доказывать нечего: въ этомъ легко убѣдиться при простомъ перелистываніи перваго выпуска эпиграфической антологіи въ изданіи проф. Бюхелера ¹⁾. Труднѣе подыскать аналогію второй половинѣ стиха, то-есть что *licebat fasce* эпиграммы противъ врага гексаметрами. Позволю себѣ высказать предположеніе, что намекъ на аналогичное употребленіе гексаметра можно найти въ загадочной во многихъ отношеніяхъ поэмѣ Овидія *Ibis*, которая написана, какъ извѣстно, элегическими дистихами. Здѣсь два раза встрѣчаются слѣдующія указанія поэта на то, что онъ хочетъ преслѣдовать противника инымъ размѣромъ, а не элегическимъ, vv. 45—46:

*Prima quidem coepto committam praelia versu,
Non soleant quamvis hoc pede bella geri*

и vv. 643—644 (самый конецъ стихотворенія):

*Postmodo plura leges et nomen habentia verum,
Et pede quo debent acria bella geri.*

Какой же это иной размѣръ? На первый взглядъ, конечно, легче всего подумать про ямбъ; *Aspera vero et maledica... iambis grassantur*, говоритъ Квинтиліанъ (IX, 4, 141). То же можно найти и у самого Овидія (Rem. am. 377—378):

*Liber in adversos hostes stringatur iambus,
Seu celer, extremum seu trahat ille pedem* ²⁾.

Наконецъ, такъ толкуютъ цитированныя мѣста изъ поэмы *Ibis* и старыя, и новыя комментаторы Овидія. Укажу для примѣра на Крис-

¹⁾ *Anthologia Latina. Pars posterior. Carmina epigraphica. Conlegit Franciscus Bücheler. Lipsiae. 1895*, ср. также Hübnor, *Römische Epigraphik* (Iw. Müllers Handbuch I², p. 886). Обиліе гексаметровъ на этихъ надписяхъ можно объяснить, впрочемъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что гексаметръ, вообще, гораздо легче сложить, чѣмъ пентаметръ. Такъ, напримѣръ, Тримальхионъ у Петронія (гл. 35) даетъ на два гексаметра одинъ пентаметръ. Аналогичныя примѣры можно встрѣтить и на надписяхъ.

²⁾ Ср. *Plin. Ep. V, 10, 2* (къ Светонію Транквила, который, несмотря на похвалы Плинія его твореніямъ, не выпускаетъ ихъ въ свѣтъ): *save ne eosdem istos libellos, quos tibi hendecasyllabi nostri blanditiis elicere non possunt, convicio seasantos extorqueant.*

пинуса ¹⁾, который пишетъ въ примѣчаніи къ 45-му стиху (стр. 378): „*Coepit. Elegiaco scil., quanquam iambis melius res ista gereretur* (ср. также примѣчаніе къ послѣднему 644-му стиху на стр. 416). Точно также и новѣйшій издатель Ibis'a R. Ellis ²⁾ замѣчаетъ къ стиху 644-му: *pede scripta iambis*. Однако упоминаніе и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ *bella* можетъ наводить на мысль, что этотъ иной размѣръ, на который намекаетъ Овидій, есть именно гексаметръ. Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ съ приведенными стихами изъ Ibis'a такіа мѣста, какъ Amog. I 1—2:

*Arma gravi numero violentaque bella parabam
Edere materia conveniente modis* ³⁾

и Rem. am. 373—374:

*Fortia Maeonio gaudent pede bella referri
Delicis illic quis locus esse potest?* ⁴⁾.

Что не одни только ямбы употреблялись для преслѣдованія враговъ, показываетъ и Катуллъ, который говоритъ, обращаясь къ брату извѣстнаго Полліона Азинію, укравшему у поэта *lintheum* въ банѣ (сатм. 12 ст. 10—1):

*Quare aut hendecasyllabos trecentos
Expecta aut mihi lintheum remitte.*

Впрочемъ, этотъ примѣръ еще не такъ убѣдительно, потому что, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о простой пріятельской шуткѣ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ запальчивомъ 42-мъ стихотвореніи, написанномъ нѣкоей *meretrix*, въ которой Швабе видѣлъ Лесбію, vv. 1—2:

*Adeste, hendecasyllabi quot estis,
Omnes undique, quotquot estis omnes.*

Впрочемъ, къ чистому гексаметру Марціалъ прибѣгалъ уже и въ первой книгѣ (эп. I 53). Но это стихотвореніе, во-первыхъ, не такъ

¹⁾ P. Ovidii Nasonis operum tomus tertius. Interpretatione et notis illustravit Daniel Crispinus etc. Lugduni. 1689. 4°.

²⁾ P. Ovidii Nasonis Ibis. Ex novis codicibus edidit etc. R. Ellis. Oxonii. 1881, p. 170.

³⁾ То же повторено въ стихѣ 28-мъ: *Ferrea cum vestris bella valete modis*.

⁴⁾ Ср. Hor. Epp. II, 3, 73—74:

*Res gestae regumque et ducumque et tristia bella
quo scribi possent numero, monstravit Homerus.*

длинно, какъ эп. VI 64 (всего 12 стиховъ), а потомъ, во время составленія его, Марціалъ еще не имѣлъ особенной извѣстности, почему, очень можетъ быть, и не обратилъ на себя особеннаго вниманія критиковъ. Замѣчательно, что и эта эниграмма носитъ полемическій характеръ (она направлена противъ илагіатора Фидентина). Кроме того, два раза нашъ поэтъ употребляетъ гексаметры въ одну строку (II 73 и VII 98). Подробнѣе объ этихъ эниграммахъ будетъ сказано ниже.

О своихъ любимыхъ размѣрахъ Марціалъ говоритъ [въ эп. X 9 (ст. 1—3):

Undenis pedibusque syllabisque

Notus gentibus ille Martialis.

Эти стихи, до нѣкоторой степени, можно считать только красивою фразой, такъ какъ на ряду съ названными двумя размѣрами поэтъ очень часто употребляетъ и scazon, къ которому два раза даже дѣлаетъ обращеніе, имепно I, 96, 1 и VII, 26, 1¹⁾. Наибольше частнымъ изъ этихъ трехъ метровъ является элегическій дистихъ²⁾. Какъ извѣстно, этотъ метръ былъ особенно свойствененъ эротической поэзіи:

Blanda pharetratos Elegia cantet Amores

Et levis arbitrio ludat amica suo,

говоритъ Овидій (Rem. am. 379—380³⁾). Понятно, поэтому, что и для эниграммы, какъ для легкаго рода поэзіи, такой размѣръ могъ быть вполне пригоднымъ. Но, кажется, еще пригоднѣе для этого рода поэзіи были гекдекасиллабы. Такъ Квинтиліанъ, указывая, чего не слѣдуетъ читать мальчику, прямо обозначаетъ сочиненія по размѣрамъ (I, 8, 6): *Elegia, utique qua amat et hendecasyllabi, qui sunt commata sotadeorum (nam de sotadeis ne praecipendum quidem est) amoveantur, si fieri potest*⁴⁾. Еще болѣе важное свидѣтельство, и притомъ специально о гекдекасиллабахъ, можно найти у Плинія Младшаго. Именно въ концѣ письма IV 14 Плиній говоритъ, что оза-

¹⁾ Второе изъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ добавить въ index'ъ Фридлендера а. в.

²⁾ Ср. статью „Martialis Versbau“ въ изданіи Фридлендера I р. 27. Элегическій дистихъ встрѣчается въ эниграммахъ Помпилія, Валерія Эдитуа, Квинта Лутация Катула, см. Bährens, *Fragmenta poetarum Romanorum*, pp. 274—275.

³⁾ Интересно, что свидѣтельства древнихъ говорятъ намъ о первоначальномъ употребленіи элегическаго дистиха исключительно для погребальныхъ жалобъ. См. L. Müller. *De re metrica*²⁾, p. 118.

⁴⁾ Ср. также его отзывъ объ элегіи въ десятой книгѣ (X, 1, 58).

главливаетъ свои стихотворенія общимъ именемъ *hendecasyllabi*; что же касается ихъ литературнаго заглавія, то другъ его, которому онъ пишетъ, можетъ дать имъ какое угодно, *sive epigrammata, sive idyllia, sive eclogas, sive, ut multi, poemata seu quod aliud vocare malueris licebit voces* ¹⁾. Отсюда ясно, какого рода стихотворенія приличествовалъ этотъ метръ. Что ему была присуща *lascivia*, видно изъ того же письма, гдѣ Плиній говоритъ, что не пишетъ *lascive* не потому, что онъ *severus*, а потому, что *timidus*. *Sotadens* употребленъ Марціаломъ всего одинъ разъ (III 23); наконецъ, встрѣчаются у него 2 раза чистые ямбы и нѣкоторыя разновидности этого разиѣра ²⁾.

Объемъ эпиграммы подлежалъ также, какъ и метръ, по видимому, нѣкоторымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ законамъ. Очевидно, что однимъ изъ большихъ достоинствъ эпиграммы въ древности считалось, чтобы она была кратка ³⁾, заключала въ себѣ два стиха или въ крайнемъ случаѣ три, четыре, но никакъ не больше. Такъ, одинъ поэтъ греческой антологіи (Кириллъ) признаетъ объемъ эпиграммы только въ 2 или 3 стиха (Anth. Pal. IX 369 Dübн.):

πάγκαλόν ἐστ' ἐπίγραμμα τὸ δίστιχον. ἦν δὲ παρέλθης
τοὺς τρεῖς, ῥαφφαῖς, κοῦκ ἐπίγραμμα λέγεις.

Точно также Авлъ Геллій говоритъ, что въ его время прославились два греческіе стишка, приписываемые Платону, какъ *lepidissimi et venustissimae brevitatis*. Равнымъ образомъ Аноллинарій Сидоній разказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (VIII 11 Lütjoh. p. 141), что его другъ Лампрідій писалъ эпиграммы только въ два или четыре стиха: *Præterea quod ad epigrammata spectat, non copia, sed acumine placens, quae nec brevius disticho neque longius tetrasticho finiebantur*. Вообще краткости отъ эпиграммы требуетъ и другой поэтъ греческой антологіи (Парменионъ) Anth. Pal. IX 342:

Φημί κολοστικὴν ἐπιγράμματος οὐ κατὰ Μοῦσαν
εἶναι. Μὴ ζητεῖτ' ἐν στασίφ δόλιχον

¹⁾ Ниже будетъ сказано еще нѣсколько словъ объ этомъ иѣстѣ Плинія. Ср. также Sidon. Epist. VIII 11 (Lütjoh. p. 141); *hendecasyllabos lubricos et epodes* (последній эпитетъ Плиній придаетъ и *alexandri* V, 17, 2).

²⁾ См. Friedländer, *Martialis Versbau*, I. с. Изъ позднѣйшихъ поэтовъ тѣ же ямбическія разновидности встрѣчаются въ эпиграммахъ Авзонія.

³⁾ Это требованіе краткости отъ эпиграммы считалось обязательнымъ потому, что она пытка изъ надписи, а потому должна быть ограничена пространствомъ, бывшимъ въ распоряженіи у надписи. Ср. Hübner о. с. p. 86.

πόλλ' ἀνακοιλοῦται δολιχὸς δρῆμος· ἐν σταδίῳ δὲ
ὄξυς ἐλαυνόμενος πνεύματός ἐστι τόνος ¹⁾.

Правда, мы можемъ встрѣтить и обратное явленіе, именно у поэта латинской антологіи Люксорія, который какъ бы извиняется, что пишетъ небольшія эпиграммы ²⁾. Требования отъ эпиграммъ краткости были, очевидно, и во время Марціала; такъ, онъ говоритъ въ эпиграммѣ X, 59, 2: *Et breviora tibi, non meliora placent* или особенно въ эпиграммѣ VIII, 29, 1:

Disticha qui scribit, puto, vult brevitate placere.

Поэтому также въ эпиграммахъ II, 71,2 и XI, 108, 2 *disticha* являются у него въ смыслѣ эпиграммы вообще. Эпиграммъ короче дистиха, кажется, нашъ поэтъ не признавалъ. Это я заключаю изъ цитованнаго сейчасъ стиха эпиграммы VIII 29, а также изъ эпиграммы VI, 65, 4, гдѣ поэтъ говоритъ въ отвѣтъ Туккѣ, упрекавшему его за длину стихотвореній:

Si breviora probas, disticha sola legas.

Отсюда я позволю себѣ думать, что въ собраніи эпиграммъ Марціала, по крайней мѣрѣ до шестой книги, не было моностиховъ, иначе онъ не преминулъ бы указать на нихъ Туккѣ. И дѣйствительно, однострочная эпиграмма II 78 является, по всеобщему признанію, переданною не полно рукописями, а потому и дополняется различными пентаметрами, начиная съ XV столѣтія (напримѣръ, *editio Romana* 1473 г. ³⁾). Кромѣ того, у Марціала есть эпиграмма въ одинъ стихъ, и также гексаметръ, въ седьмой книгѣ (№ 98):

Omnia, Castor, emis: sic fiet, ut omnia vendas.

¹⁾ Объясненіе этой эпиграммы съ реальной стороны (въ сравненіи) дано еще Burette въ его статьѣ „*Mémoire pour servir à l'histoire de la course des anciens*“, напечатанной въ „*Histoire de l'Académie royale des inscriptions et des belles lettres. Tome Troisième. Paris. 1746, pp. 311—318.*“

²⁾ Riese, *Anthologia Latina*, I, I², № 290, p. 249. Впрочемъ, извиненіе Люксорія можетъ быть понято и въ томъ смыслѣ, что онъ выбралъ этотъ родъ поэзии предпочтительно предъ другими. Эпиграмма дошла до насъ безъ начала.

³⁾ Friedländer даетъ въ примѣч. ad loc. указаніе на дополненіе пентаметра также и въ *codex Bodleianus* XV стол. (см. о немъ Friedländer, I, pp. 91—92, Schneidewin, ed maior, 1842, I, pp. LIV—LV). Шнейдевинъ указалъ еще и на *codex Modius*, также 15-го стол., но написанный раньше *editio Romana* на 5 лѣтъ (Schneidewin, *ibid.*, p. LXXVII). Конечно, дополненіе это не даетъ много смысла.

Конечно, эта эпиграмма, взятая сама по себѣ, представляетъ болѣе смысла, чѣмъ эпиграмма II 73. И, разумѣется, въ принципѣ противъ одностипной эниграммы ничего нельзя имѣть, такъ какъ въ греческой антологіи встрѣчается ихъ очень много¹⁾. Но, если обратиться къ эниграммѣ Марціала, у насъ все же невольно напрашивается вопросъ: да почему же? или, другими словами, здѣсь не хватаетъ второй части эниграммы (Aufschluss, по Лессингу). Въ самомъ дѣлѣ, трудно думать, чтобы наше теперешнее прозаическое и легко напрашивающееся толкованіе смысла стихотворенія (то-есть: ибо кто покупаетъ черезъ мѣру, тотъ долженъ будетъ, вслѣдствіе нужды, потомъ продать купленное) удовлетворило и Марціала, и, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду что-нибудь болѣе остроумное. Поэтому въ высшей степени интереснымъ является стоящее совершенно одиноко свидѣтельство Адриана Турнеба²⁾, что онъ нашелъ въ нѣкоемъ кодексѣ слѣдующее дополненіе къ эниграммѣ VII 98 въ ея теперешнемъ видѣ:

Nil ixore tamen nudius esse potest-

Этотъ фактъ вдвойнѣ любопытенъ: во-первыхъ, онъ показываетъ, что находились люди, которые признавали и эту эниграмму неполною, во-вторыхъ, дополнившій стихотвореніе думалъ, очевидно, о какомъ-то иномъ его смыслѣ, а не о томъ, который легче всего приходитъ въ голову и былъ указанъ мною выше. Конечно, я не хочу этимъ сказать, что при указанномъ дополненіи эниграмма становится болѣе понятною. Можетъ быть, тутъ имѣемъ мы дѣло съ ошибкой памяти переписчика.

У Марціала можно найти аналогію и съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Сидонія, именно поэтъ говоритъ, обращаясь къ нѣкому Саболлу, конечно, вовсе неизвѣстной личности (VII, 85, vv. 1—3):

Quod nec insulse scribis tetrasticha quaedam,
Disticha quod belle pauca, Sabelle, facis,
Laudo, nec admiror³⁾.

¹⁾ Такъ, въ одной девятой книгѣ антологіи (по Дюбнеру) я насчиталъ одностипныхъ гексамеровъ 22; въ десятой ихъ только 8. Интересно, что огромное большинство этихъ эниграммъ принадлежитъ безыменнымъ авторамъ.

²⁾ См. M. Val. Martialis nova editio. Ex Museo Petri Scriverii Lugduni Batavorum 1619, pp. 239—240 = Adversaria lib. 25 cap. 24. Что касается одностипнаго хромаго ямба въ восьмой книгѣ (№ 19), то про него слѣдуетъ думать такъ же, какъ и про эниграмму о Касторѣ.

³⁾ *Conyctia tetrastichon* и *epigramma* чередуются у Сидонія въ письмѣ V, 17, §§ 9 и 10 (Lütjohann, стр. 91).

Что касается самого Марціала, то трудно сказать, чтобы онъ слѣдовалъ какимъ-нибудь твердо опредѣленныхъ законамъ касательно объема эпиграммы. Только я никакъ не могу согласиться съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Рейценштейна, чтобы эпиграмма была для поэта *das kleine Lied*, такъ какъ уже въ первой книгѣ, состоящей изъ 118 эпиграммъ, на долю дистиховъ и тетрастиховъ остается немного менѣе половины—52 эпиграммы, а одно стихотвореніе (I 49) имѣетъ даже 42 стиха. Самую же длинною эпиграммою Марціала является III 58—51 стихъ. Конечно, педантичные и завистливые критики, особенно если они въ то же время были собратьями по искусству, не могли простить этого нашему поэту. Подобное обвиненіе эпиграммъ Марціала въ ихъ длиннотѣ встрѣчается уже во второй книгѣ, именно эпигр. II 77. Въ свое оправданіе поэтъ приводитъ съ одной стороны то, что его эпиграммы вполнѣ цѣлесообразны, въ нихъ нѣтъ ничего лишняго (v. 7: *non sunt longa quibus nil est quod demere possis*), и наряду съ тѣмъ, по своей обычной манерѣ, извиняетъ себя примѣромъ другихъ (vv. 5—6):

*Marsi doctique Pedonis
Saepe unum duplex pagina tractat opus.*

Изъ сравненія этой эпиграммы съ III 69 можно очень легко догадаться, что Косконій, къ которому обращается Марціалъ въ обоихъ стихотвореніяхъ, былъ самъ творцомъ эпиграммъ, и послѣдній стихъ эпиграммы II 77 даетъ нѣкоторое основаніе предположить, что онъ писалъ исключительно дистихи. Подобные упреки приходилось слышать Марціалу нерѣдко и впоследствии; такъ въ 3-й книгѣ (эпигр. 83) онъ отвѣчаетъ, по видимому, совсѣмъ безъ гнѣва и даже очень шуточно нѣкому Корду, просящему его писать эпиграммы покороче ¹⁾. Наконецъ, я имѣлъ уже неоднократно случай цитовать эпиграмму VI 65, гдѣ Марціалъ возражаетъ Туккѣ на его упреки въ длиннотѣ эпиграммъ. Здѣсь поэтъ въ концѣ концовъ заявляетъ категорически, что онъ остается при своемъ мнѣніи (vv. 5—6):

*Conveniat nobis, ut fas epigrammata longa
Sit transire tibi, scribere, Tucca, mihi.*

Марціалъ вполнѣ здраво рассуждалъ, что краткость эпиграммъ нисколько не поможетъ, если изъ нихъ придется составлять книгу

¹⁾ Эпиграмма 83 вызвана, вѣроятно, упреками критиковъ по поводу предшествующей ей эпиграммы 82 въ 33 стиха.

(VIII 29). Какъ ни было развито у поэта авторское самолюбіе, примѣры чему неоднократно были даны выше, однако онъ не былъ ослѣпленъ достоинствами своихъ стихотвореній и охотно признавалъ, особенно на первыхъ порахъ своей дѣятельности, что въ его эпиграммахъ могутъ быть и недостатки. Напримѣръ, въ эпиграммѣ I 16 Марціалъ отзывается о своей первой книгѣ такъ, что въ ней есть хорошія эпиграммы, есть нѣсколько посредственныхъ, но гораздо больше дурныхъ. Впрочемъ, это, по мнѣнію поэта, — отнюдь не недостатокъ, а скорѣе неизбежное зло, такъ какъ иначе нельзя составить книги. Впослѣдствіи Марціалъ считалъ такой неравнобѣрный составъ книги даже какъ бы за нѣкоторое достоинство, именно въ эпиграммѣ VII 90 онъ говоритъ:

*Iactat inaequalem ¹⁾ Matho me fecisse libellum;
Si verum est, laudat carmina nostra Matho.*

Въ той же книгѣ поэтъ признается (эпигр. 81), что если у него на одну книгу приходится тридцать ²⁾ эпиграммъ хорошихъ, то это значить, что и вся эта книга хороша. Причина этому вполне понятна: эпиграмма — поэзія случая и иногда появляется у поэта почти путемъ импровизаціи, которая далеко не всегда можетъ одинаково удался. Поэтому если у эпиграмматика иногда и выходятъ хорошими отдѣльныя стихотворенія, то это еще не значить, чтобы онъ могъ составить хорошо цѣлую книгу:

*Facile est epigrammata belle
Scribere, sed librum scribere difficile est.*

говорить Марціалъ въ эпиграммѣ VII 85 ³⁾. Вообще, объ объемѣ

¹⁾ Слово *inaequalis*, въ примѣненіи къ писателямъ, встрѣчается также у отца Сенеки *Suas. VI 27* (ed. Kiessl. p. 48): *Sextilinus Epa fuit homo ingeniosus magis quam eruditus, inaequalis poeta etc.* Ср. также, *Controv. VIII 3* (Kiessl. 294; рѣчь идетъ объ Альбуціѣ): *inde aequalitatem in illo mirari non licebat.*

²⁾ То-есть, приблизительно треть цѣлаго состава, такъ какъ въ 12 книгахъ — 1172 эпиграммы, и значить, среднимъ числомъ на одну книгу приходится 97, 75 эпиграммъ.

³⁾ Какой тонкій вкусъ былъ у Марціала въ этомъ отношеніи, можетъ показать то обстоятельство, что съ нимъ вполне сходится такой глубокій знатокъ теоріи и исторіи литературы, какъ покойный проф. W. Scherer. Вотъ что говоритъ онъ въ своей „Поэтикѣ“ (*Poetik von Wilhelm Scherer, Berlin. 1888, p. 194*): „Eine Sammlung von Gedichten ist wider die Wahrheit: das einzelne Gedicht ist für sich geschaffen. Eine solche Sammlung ist nur ein Nothbehelf,

и составъ книги поэтъ заботился, по видимому, гораздо больше, чѣмъ объ объемѣ отдѣльныхъ стихотвореній. Здѣсь онъ самъ уже, помимо всякихъ критиковъ, старался, чтобы его книга вышла не длинна. Всего больше эпиграммъ въ первой книгѣ—118, что, позволяю себѣ думать, стоитъ въ связи съ вопросомъ объ юношескихъ стихотвореніяхъ Марціала, а этотъ вопросъ, въ свою очередь, тѣсно соприкасается съ хронологіей Марціала,—именно съ возможностью допущенія втораго изданія для первыхъ семи книгъ. Этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ свою исторію, которая совершенно игнорировалась послѣдними по времени изслѣдователями хронологіи Марціала. Поэтому считаю нелишнимъ преслѣдить возможно подробнѣе это крайне запутанное обстоятельство. Какъ извѣстно, въ первой эпиграммѣ первой книги Марціалъ говоритъ весьма увѣреннымъ тономъ о своей славѣ, которая рѣдко достается на долю даже умершимъ поэтамъ. Конечно, такое увѣреніе звучитъ очень странно для начинающаго поэта; еще болѣе странно читать эту эпиграмму въ связи съ другими стихотвореніями той же первой книги, гдѣ тошъ Марціала не только не проникнуть такою увѣренностью, но даже, совсѣмъ наоборотъ, отдаетъ робостью; какъ, напримѣръ, въ эпиграммѣ I 3. Обращаясь здѣсь къ своей книгѣ, Марціалъ говоритъ между прочимъ (vv. 3—4):

Nescis, heu, nescis dominae fastidia Romae
Crede mihi, nimium Martia turba sapit.

Нѣсколько аналогичное явленіе имѣемъ мы въ послѣднемъ посланіи первой книги Горация ¹⁾, гдѣ первый стихъ вульгаты читается такъ:

Vertumnnum Ianumque, liber, spectare videris,

и А. К. Наукъ замѣтилъ первый, что *videris* совершенно не идетъ къ дальнѣйшему вполне увѣренному тону поэта: *odisti, gemis* и *laudas*, почему и счелъ нужнымъ предложить поправку: именно вмѣсто *vi-*

damit nichts verloren geht, an sich über etwas Unnatürliches; jedes Gedicht schadet seinem Nachbar. Man müsste denn nach jedem Gedichte eine Pause machen, welche genügt, um das Gedicht vor dieser Schädigung zu schützen“. Этотъ законъ Шереръ относитъ одинаково какъ къ одностопнымъ (*eintönige*), такъ и разнообразнымъ (*von grosser Buntheit*) стихотвореніямъ, ибо первая притупляетъ (*erlahmen*) вниманіе читателя, втория его разсѣиваютъ.

¹⁾ Касательно Горация я пользуюсь изложеніемъ вопроса въ цитованной книгѣ проф. Зенгера, стр. 298.

deris tubercis. Конечно, подобное средство не примѣнимо къ Марціалу. Такое сильное противорѣчіе этихъ двухъ эпиграммъ, стоящихъ почти рядомъ, не могло не остаться незамѣченнымъ уже старинными толкователями; такъ, первую слабую попытку отдѣленія эпиграммы I 1 отъ прочихъ мы замѣчаемъ уже у земляка Марціала Ramirez de Prado¹⁾, который въ примѣчаніи къ этому мѣсту довольно увѣренно высказался, что эта эпиграмма должна стоять *extra ordinem*²⁾: *Præfatio est non solum huius, sed et ceterorum librorum, qua lectori aperit Martialis, quis ipse sit. Est autem affixum collectioni horum librorum, non autem primum; nam dicit se argutis epigrammatum libellis toto iam orbe innotuisse.* Эта попытка отдѣленія первой эпиграммы отъ прочихъ навлекла на испанскаго толкователя³⁾ жестокую, но совѣтъ не основательную критику Музамбертія: *Negas hoc epigramma primum esse et als poni extra ordinem. Vide quid agas. Quippe eadem ratione secundum quoque extra ordine erit. Etenim vide si potes ordinem. Epigrammate primo, Ego, inquit, sum Martialis: secundo, cuius libri venales apud Secundum libertum Lucensis.* Интересно, что Музамбертіи, самъ того не подозревая и даже отнюдь не желая, приблизился къ той истинѣ, которая, какъ увидимъ ниже, теперь прочно установлена въ наукѣ, именно, что и эпиграмма I 2, несомнѣнно, должна быть отдѣлена отъ собственно первой книги. Новому обсужденію подвергся вопросъ послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой въ исторіи экзегезы Марціала editio Parisina cum notis variorum (1617 г., folio), въ которой были перепечатаны комментаріи Рамирецъ де Прадо съ ядовитыми примѣчаніями на нихъ Музамбертія. Именно, іезуитъ Матвѣй Радеръ въ третьемъ изданіи своихъ *Pleni commentarii in Martialem*⁴⁾ дополнилъ и исправилъ мнѣніе Музамбертія слѣдующимъ образомъ: *Ego primum et secundum (то-есть, epigrammata) recte suum locum et numerum in ordine obtinere censeo, sed hæc duo epigrammata ab ipso*

¹⁾ Первое изданіе „*Hypomnemata ad librum spectaculorum et quatuor primos epigrammatum M. Valerii Martialis collecta ex schedis successivis Domini Laurentii Ramirez de Prado*“ относится къ 1607 г.

²⁾ Въ виду сравнительной рѣдкости старинныхъ изданій Марціала, а позволяю себѣ приводить, по возможности, подлинныя слова комментаторовъ.

³⁾ Вообще, мнѣ кажется, что въ комментаріяхъ Р. де Прадо есть много дѣльнаго, и во всякомъ случаѣ онъ не заслуживаетъ тѣхъ рѣзкихъ упрековъ, которыми осмѣяли его Musambertius и Petrus Scriverius.

⁴⁾ Moguntiae, 1627, folio, p. 75.

poeta adiecta tum, cum epigrammata recognita in ordinem digereret. Recognita autem alibi docet. Дальнѣйшее развитіе вопроса видимъ у извѣстнаго комментатора Стація Каспара Барта, проведшаго, въ примѣчаніи къ *praefat Silv. I*¹⁾, далеко не вполне вѣрную аналогію между Стаціемъ и Марціаломъ въ томъ отношеніи, что оба поэта издавали свои стихотворенія *mox sigillatim, mox iunctim, et deinde singulos libros, mox eosdem etiam coniunctos*. Въ другомъ мѣстѣ Бартъ высказался слѣдующимъ образомъ объ эпиграмѣ Марціала *I 1*²⁾: *Quod epigramma compactis unaque editis denuo pluribus libris praefixit is poeta, cum iam fama floreret, prima factura (sic) singulos producere consuetus*. Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ къ рѣшенію вопроса, онъ вслилъ снова наружу только въ половинѣ столѣтія. Именно, Шнейдевинъ замѣтилъ вскользь и какъ бы впервые (*ut opinor*), что Марціалъ издалъ первыя семь книгъ вмѣстѣ и помѣстилъ *a fronte totius collectionis epigr. I 1*³⁾. Затѣмъ названный уже мною издатель первой книги Флахъ⁴⁾, въ довольно туманномъ примѣчаніи къ эпиграмѣ *I, 1, 1*, желая избѣжать указаннаго выше противорѣчія эпиграмѣ *I 1* и *I 3*, высказалъ на основаніи *II 98* и *III 1*, что вся первая книга была впоследствии помѣщена предъ прочими (?). Фридлэндеръ какъ бы не замѣтилъ этого примѣчанія Флаха и, желая объяснить какъ-нибудь странное множественное число *argutis libellis (Mart. II 3 argutis epigrammaton libellis)*, предположилъ, что Марціалъ говоритъ о своей извѣстности на основаніи тѣхъ списковъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ эпиграммахъ *I 101* и *II 5*. Замѣчу прежде всего, что эпиграмма *II 5* процитована Фридлэндеромъ совершенно ошибочно, такъ какъ въ ней и рѣчи нѣтъ о какихъ бы то ни было спискахъ. Дау въ своей диссертациі⁵⁾ предположилъ, что вмѣсто *II 5* слѣдуетъ читать *II 6*, можетъ быть, также и *II, 8*, гдѣ Марціалъ проситъ извинить могуція встрѣтиться

¹⁾ P. Papinii Statii quae exstant. Ex recensione etc. Casparis Barthii. Cygneae. 1664, I, p. 5.

²⁾ Въ примѣчаніи къ *Theb. XII 812* (о. с. III p. 1566). Какъ видно, Barth весьма близко примыкаетъ здѣсь къ Радеру, отступая такимъ образомъ отъ своего гордаго заявленія въ началѣ труда (о. с. I 8): *Nostri instituti animique non est aliena, non laudatis auctoribus, producere, aut cantatas iam cantilenas iterare*.

³⁾ Schneidewin, ed. maior (Grimmae 1842), I, praef., pp. III—IV.

⁴⁾ Flach., I. c., p. 4.

⁵⁾ Dau, I. c., p. 80, adn. 2.

у него неясности или даже ошибки въ латинскомъ языкѣ спѣшностью работы для переписчика. Конечно, это толкованіе Фридлендера—все равно, возьмемъ ли мы вмѣсто эпиграммы II 5 эпиграмму II 6 или II 8—вполнѣ неудовлетворительно уже по той простой причинѣ, что если Марціалъ и дѣлалъ дѣйствительно много списковъ со своихъ эпиграммъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ покупали. Кромѣ того, Дау указалъ совершенно справедливо, что у Фридлендера по данному вопросу замѣтно сильное противорѣчіе не только между пятымъ изданіемъ *Sittengeschichte Rom's* съ одной стороны и комментариемъ къ Марціалу съ другой, но даже и въ самомъ изданіи Марціала. Самъ Дау снова выставилъ гипотезу о второмъ исправленномъ изданіи первыхъ семи книгъ и показалъ, что эпиграмма I 1 относится къ этому второму изданію. При этомъ Дау называетъ себя только послѣдователемъ Шнейдевина ¹⁾, который глухо говоритъ (l. c.), что Марціалъ вставилъ въ одну первую книгу нѣсколько новыхъ эпиграммъ. Между тѣмъ Дау указываетъ на вставки и въ другія книги. Поэтому его гипотеза гораздо ближе примыкаетъ къ указанному мною раньше, но вовсе неизвѣстному, къ сожалѣнію, нѣмецкому автору мнѣніямъ Радера и Барта. Замѣчу, что съ этой гипотезой становится вполнѣ понятнымъ и казавшееся довольно страннымъ до сихъ поръ упоминаніе трехъ книгопродавцевъ въ первой книгѣ: одинъ изъ нихъ (эпиграмма I 2), очевидно, продавалъ это второе компактное изданіе первыхъ семи книгъ ²⁾; что же продавали два другіе, объ этомъ будетъ сказано ниже. Наконецъ, излишнимъ считаю добавить нѣсколько словъ объ остроумномъ и вполнѣ вѣрномъ мнѣніи Крузіуса ³⁾, которое является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ гипотезы Дау, именно, что эпиграмма I 1 представляетъ собою надпись къ портрету Марціала на первой страницѣ его книги (ср. *Magt.* XIV 186). Какъ и слѣдовало ожидать, для Фридлендера, привыкшаго, послѣ смерти Стоббе, считать хронологію эпиграммъ Марціала исключительно своимъ достояніемъ, такъ какъ онъ занимается ею съ 1872 года, было очень трудно согласиться съ убѣдительными и остроумными доводами Дау, который разошелся съ

¹⁾ *Daub.* l. c., p. 77, adn. 26.

²⁾ Странно поэтому замѣчаніе Флаха къ этой эпиграммѣ (стр. 6): *Notar bibliopola speciosa exemplaria vendebat.*

³⁾ Въ статьѣ „*Ad poetas latinos exegetica*“ въ *Rheinisches Museum*, т. 44, стр. 455.

нимъ также и касательно хронологіи книги зрѣлищъ, *Xenia* и *Arphoreta*, при чемъ и здѣсь нѣкоторые выводы его имѣютъ за собою большую вѣроятность ¹⁾). Поэтому Фридлэндеръ постарался опровергнуть Дау, въ большой рецензій, напечатанной въ *Berliner Philologische Wochenschrift* (1889, № 38), и — надо ему отдать справедливость—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Фридлэндеръ исполнилъ это очень удачно, но въ общемъ, думаю, ему еще не удалось поколебать гипотезы Дау на столько, чтобы заявить въ своемъ отчетѣ о литературѣ по Марціалу ²⁾, что ни одна изъ его хронологическихъ датъ не поколеблена сужденіями Дау. Но все же Фридлэндеръ не могъ ничего подѣлать противъ гипотезы молодого ученаго о второмъ изданіи первыхъ семи книгъ: онъ долженъ былъ признать ее, хотя, правда, только для эпиграммъ I 1 и 2 ³⁾). Ограничивая до такихъ узкихъ предѣловъ гипотезу Дау, Фридлэндеръ хочетъ выстѣ съ тѣмъ умалить и одинъ изъ его главнѣйшихъ доводовъ въ пользу болѣе поздняго написанія этихъ эпиграммъ предъ остальными, именно—упоминаніе въ эпиграммѣ I 2 *Fogum Palladium*, оконченнаго только въ

¹⁾ Вообще, въ послѣднее время противъ хронологіи Фридлэндера возникаютъ все большія и большія сомнѣнія; такъ Guelle въ своемъ трудѣ „*Essai sur l'empereur Domitien*“ (Paris 1894, стр. 184) показываетъ, что триумфъ надъ Хаттами слѣдуетъ относить къ 88 году, а не къ 84, какъ принимаетъ Фридлэндеръ (изданіе Марціала, I, 51), послѣ Скалигера и біографа Домиціана Ингофа, для своей хронологіи *Xenia* и *Arphoreta*. Замѣчу еще, что Guelle всецѣло опирается въ данномъ случаѣ на небольшую, но убѣдительную замѣтку Chambalu: „*In welchem Jahre unternahm Domitian seinen Chattenzug?*“ помѣщенную въ *Philologus N. F. B.*, I (XLVII), стр. 571—573. Затѣмъ для вычисленія перваго изданія десятой книги Фридлэндеръ (l. c., I, 62) пользуется словами поэта X, 70, 1: *Quod mihi vix unus toto liber exeat anno*, а между тѣмъ, пропускаетъ 91 годъ, такъ какъ шестая книга, по Фридлэндеру, появилась въ 90 году (l. c., I, 57), а седьмая въ 92 году.

²⁾ *Bursians Jahresbericht*, т. 72, стр. 174. Изъ историковъ римской литературы новѣйшій—Schanz—называетъ гипотезу Дау относительно изданія первыхъ двухъ книгъ *gekünstelt und verwickelt* и слѣпо слѣдуетъ Фридлэндеру во всемъ, что касается хронологіи Марціала (Iv. Müllers *Handbuch VIII*, 2, p. 380). Осторожнѣе поступаетъ Швабе въ послѣдней обработкѣ книги Тейффела (1890 г.), говоря, что „*Zeitbestimmung (Марціаловыхъ книгъ) ist vielfach unsicher*“ (l. c., II, 784), но и онъ не принимаетъ ни одного вывода Дау.

³⁾ См. *Bursians Jahresbericht*, l. c. и *Sittengeschichte Rom's III*, стр. 472. Правда, въ *Berliner Philolog. Wochenschrift* (1889, p. 1306) Фридлэндеръ, желая подорвать Дау, прибѣгаетъ къ крайне неудачной гипотезѣ, что *libelli* эпиграммъ I, 1—„*kleine Sammlungen von Hand zu Hand gehender Gedichte*“, Но объ этихъ *Sammlungen* намъ ровно ничего не извѣстно.

94—95 гг., тѣмъ, что его постройка могла быть начата въ '85—86 гг. — времени, къ которому относятъ самъ Фридландеръ изданіе первой книги. На это позволяю себѣ замѣтить, что въ данномъ случаѣ почтенный ученый, по видимому, можетъ побить себя своимъ же собственнымъ оружіемъ, такъ какъ въ примѣчаніи къ эпиграммѣ V 64 ¹⁾ онъ оспариваетъ мнѣніе Беккера (Торогаріе I 586), понимавшаго подъ *Mausolea* этой эпиграммы (ст. 5 *Tam vicina iubent nos vivere Mausolea*) *templum gentis Flaviae*, тѣмъ, что этотъ храмъ былъ оконченъ только въ 94 году, а изданіе пятой книги относится къ 89 году. Остается упомянуть о мнѣніи Риббека ²⁾, полагающаго, что Марціалъ приобрѣлъ себѣ ту извѣстность, о которой онъ говоритъ въ эпиграммѣ I 1, изданіемъ *Xenia* и *Apophoreta* ³⁾. Предположеніе это особенно поразительно именно для Риббека, который во второмъ томѣ того же самаго сочиненія писалъ, что четырнадцатая книга Марціала появилась въ *Сатурналии* 90 — 92 гг. ⁴⁾, значить, много спустя послѣ изданія первой книги. Очевидно, Риббекъ слѣдовалъ тогда Дау ⁵⁾. Потомъ, помимо аргументовъ Дау и опроверженія ихъ Фридландеромъ въ указанной рецензіи, мнѣ кажется, что въ первой эпиграммѣ тринадцатой книги есть одно загадочное мѣсто, не обратившее на себя достодолжнаго вниманія извѣстныхъ мнѣ комментаторовъ Марціала ⁶⁾. Я разумю стихъ 4-й: *Postulat esse novos ebria bruma sales*. Позволяю себѣ предположить, что подъ этими *novi sales* Марціалъ разумѣетъ то, что онъ давалъ

¹⁾ Изданіе Марціала, I, 421.

²⁾ *Geschichte der römischen Dichtung*, III p. 260.

³⁾ По видимому, подобаго же мнѣнія держится и Hübner. См. его совершенно популярную статью „*Martial, der römische Epigrammendichter*“ въ *Deutsche Rundschau*, 1889, April, p. 91. Но можно ли вообще назвать *Xenia* и *Apophoreta arguti libelli* (эпиграмма I, 1, 3)?

⁴⁾ *Geschichte der römischen Dichtung*, II 349.

⁵⁾ Поэтому графъ Олсуфьевъ сильно ошибается, принимая это мнѣніе Риббека за оригинальное („*Марціалъ*“ стр. 82). Это утвержденіе графа Олсуфьева становится еще болѣе страннымъ потому, что диссертація Дау ему известна. Во всякомъ случаѣ, книгами Риббека трудно пользоваться, пока онъ не придастъ имъ въ томъ или иномъ видѣ объяснительныхъ примѣчаній (изъ втораго изданія первой части видно, что авторъ отказался отъ первоначальнаго намѣренія посвятить этимъ примѣчаніямъ отдѣльную книгу).

⁶⁾ Только W. Gilbert пытался на основаніи этого стиха доказать, что XIII книга составлена послѣ XIV (см. *Wochenschrift für Philologie*, 1888, стр. 1070), но это мнѣніе Гильберта не имѣетъ за себя ни малѣйшихъ хронологическихъ основаній.

уже собраніе аналогичныхъ эпиграммъ, и, такимъ образомъ, данный стихъ можетъ указывать на болѣе позднюю дату для изданія Ксепій. Во всякомъ случаѣ, мѣсто это заслуживаетъ вниманія. Наконецъ, противъ мнѣнія Риббека долженъ говорить и сравнительный анализъ эпиграммы I 1 съ I 61, гдѣ также заключается намекъ поэта на свою славу, но очень робкій, и притомъ не въ настоящемъ, а будущемъ. Именно, обращаясь къ другу своему Лициніану, Марціалъ перечисляетъ ему нѣсколько мѣстъ рожденій знаменитыхъ писателей, слава которыхъ общезвѣстна и потому составляетъ гордость ихъ родины, на что указываетъ настоящее время глаголовъ:

Verona docti syllabas amat vatis.

Marone felix Mantua est,

Censetur Apona Livio suo tellus и т. д.

Въ заключеніе поэтъ прибавляетъ: „Тобою, Лициніанъ, будетъ хвалиться нашъ Бильбилисъ и обо мнѣ не умолчитъ онъ“. Будущія времена въ этихъ послѣднихъ стихахъ (*gloriabitur* и *tacebit*), въ сравненіи съ послѣдовательно проведенными выше настоящими, наглядно показываютъ, что во время составленія этой эпиграммы Марціалъ не смотрѣлъ еще на себя и на Лициніана, какъ на писателей съ упроченной извѣстностью. Еще больше отгнѣняетъ сказанное то обстоятельство, что въ этой-же эпиграммѣ Марціалъ перечисляетъ не однихъ только умершихъ, но и своихъ современниковъ и земляковъ, именно Канія Руфа (ст. 9) и Деціана (ст. 10). Замѣчу наконецъ, что въ послѣдствіи Марціалъ далеко не былъ такъ скромнень; напримѣръ, въ эпиграммѣ X 103 онъ обращается къ своимъ землякамъ, жителямъ Бильбилиса, со слѣдующимъ гордымъ заявленіемъ:

Nam decus et nomen famaue vestra sumus.

Въ силу этого я никакъ не могу согласиться съ Дау (который и самъ, впрочемъ, не высказывается здѣсь съ увѣренностью), что эпиграмма I 61 принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя были вставлены только во второе изданіе первыхъ семи книгъ, и должна быть одновременна съ четвертою книгой ¹⁾. Что Марціалъ во время первой книги не былъ увѣренъ въ своей извѣстности, показываетъ его тогъ и въ эпиграммѣ I 113, гдѣ онъ рекомендуетъ читателю своего книгопродавца Кв. Полюлія Валеріана, „*per quem pertre non licet meis pugis*“ (ст. 6-ой). Именно, здѣсь я расхожусь съ общепринятымъ

¹⁾ Дау I. с. р. 81 adn. 5.

миѣніемъ, такъ какъ обыкновенно подъ этими пугае понимаютъ юношескія стихотворенія Марціала, не дошедшія до насъ. Таково, напримѣръ, миѣніе Фридлэндера, который, при составленіи своихъ комментаріевъ, считалъ достойной вниманія литературу о Марціалѣ только начиная съ изданія Шревели ¹⁾, а потому и не зналъ миѣній Рамирець де Прадо и Радера объ эниграммѣ I 1. Но теперь слова Фридлэндера въ введеніи къ изданію ²⁾: „Als Dichter ist M. bereits von der Mitwelt nach Gebühr gewürdigt worden. Der Verleger Q. Pollius Valerianus würde M.'s Jugendgedichte nicht herausgegeben haben (I 113), wenn das Publicum nicht schon im Jahre 86 nach allem verlangt hätte, was er geschrieben hatte. Schon damals war er in der ganzen Welt bekannt und wurde überall mit Begierde gelesen, schon damals hatte ihm die Mitwelt mehr Ruhm gewährt, als den meisten Dichtern nach ihrem Tode zu Theil wurde (I 1)“ должны быть значительно исправлены и сокращены, потому что, повторяю, эниграмма I 1, какъ то призналъ и самъ Фридлэндеръ, не можетъ быть отнесена къ первому изданію первой книги ³⁾. Что касается этихъ юношескихъ эниграммъ Марціала, то весьма многіе изъ ученыхъ не хотѣли мириться съ фактомъ ихъ пропажи, а потому старались угадать ихъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Такъ Лессингъ ⁴⁾ предлагалъ разумѣть подъ ними тѣ десять эниграммъ, которыя впервые извлекъ изъ Codex Vindobonensis издатель Марціала Hadrianus Junius ⁵⁾. Прокрасную характеристику этихъ заведомо подложныхъ эниграммъ далъ Скриверій въ своемъ изданіи 1719 г. (Lugduni Batavorum ⁶⁾. Конечно, опровергать пространно миѣніе Лессинга, я думаю, нѣтъ необходимости. Довольно того одного, что въ число этихъ юношескихъ стихотвореній онъ относилъ и знаменитый отрывокъ „Flavia gens“ etc, написанный, по всей вѣроятности, послѣ смерти Домиціана ⁷⁾. Brandt ⁸⁾

¹⁾ Фридлэндеръ, изданіе Марціала, т. I стр. 125.

²⁾ Ibidem pp. 17—18.

³⁾ Исправленію подлежитъ также и примѣчаніе Фридлэндера къ слову пугае въ эн. I, 113, 5 (изданіе I 282).

⁴⁾ Lessing o. c. pp. 285—290.

⁵⁾ См. его второе изданіе Марціала (въ Антверпенѣ 1568 г.).

⁶⁾ Scriverius o. c. стр. 307—138. Этотъ отрывокъ Скриверія перепечатанъ у Шнейдевина, ed. maior, II. 631, гдѣ данъ и текстъ этихъ эниграммъ. Ср. также Friedländer, изданіе, I. 68.

⁷⁾ Инаго миѣнія въ настоящее время держится, кажется, одинъ Hübner (o. c. p. 90).

⁸⁾ Brandt l. c. p. 23.

усматривалъ эти стихотворенія, или, вѣрнѣе, часть ихъ въ книгѣ зрѣлицъ, но и его неудачные аргументы разбиты другимъ біографомъ нашего поэта—Stockum'омъ ¹⁾. Уже одно то обстоятельство, что подъ данными *lusus pueriles* разумѣлись самыя различныя стихотворенія, можетъ свидѣтельствовать противъ ихъ существованія. Поэтому большинство изслѣдователей, какъ сказано было выше, согласились считать эти стихотворенія потерянными. При разсмотрѣніи исторіи этихъ стихотвореній у насъ прежде всего можетъ возникнуть вопросъ: когда написалъ ихъ Марціалъ? Врядъ ли это могло быть еще въ Испаніи, откуда книгопродавцу было бы не легко достать ихъ, а потому, что гораздо важнѣе, для этого и не представлялось особой необходимости, потому что ко времени изданія первой книги Марціалъ не былъ еще достаточно извѣстенъ, чтобы собирать и издавать его *lusus pueriles*, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ были привезены самимъ поэтомъ съ родины. Такимъ образомъ гораздо лучше принять виѣстѣ съ Брандтомъ ²⁾ и Флахомъ ³⁾, что творческая дѣятельность Марціала началась только въ Римѣ. Время же прибытія нашего поэта въ *domina Roma* (I, 3, 3) извѣстно намъ почти вполнѣ точно. Именно, онъ пробылъ въ столицѣ 34 года (X, 103, 7) и уѣхалъ оттуда послѣ лѣта 98 года ⁴⁾; значить, въ Римъ поэтъ прибылъ въ 64 году. Начальныя свои стихотворенія поэтъ опубликовалъ не сразу, такъ какъ съ весьма большою вѣроятностью можно предположить, что нѣкоторое время онъ занимался адвокатурой (ср. II, 90, 10 и V, 30, 5—6); поэтому признаваемая большинствомъ ученыхъ за самое раннее изъ его произведеній—книга зрѣлицъ—появилась, по мнѣнію Фридлэндера ⁵⁾, въ первомъ изданіи только въ 80-мъ году. Съ другой стороны въ дошедшемъ до насъ собраніи эпиграммъ поэта, именно во второй книгѣ ⁶⁾, есть такія, которыя указываютъ на очень давній періодъ дѣятельности поэта, потому что, по весьма вѣроятному пред-

¹⁾ Въ его диссертациі De Martialis et vita scriptis commentatio, Hagae Comitum, 1684, pp. 27—28.

²⁾ Brandt l. c. p. 19.

³⁾ Flach l. c. p. 110 (прим. къ I, 113, 1).

⁴⁾ Friedländer, издание, I 64.

⁵⁾ См. напр. Sittengeschichte Rom's IIIe p. 472.

⁶⁾ Извѣстно, что Stobbe и Borghesi пытались доказать, на основаніи эп. II 93, что вторая книга издана послѣ первой, ср. Friedländer l. c. I 53. Въ послѣднее время къ мнѣнію названныхъ ученыхъ присоединился и Дау, который, кромѣ II 93, привелъ еще эп. I 111.

положенію Фридлэндера ¹⁾, имя *Patrobas* въ эпиграммѣ II 32 намекаетъ на одноименнаго вольноотпущенника *Нерона*, равно какъ имя *Portius*—на вольноотпущенника *Веспасіана*. Такимъ образомъ, если Фридлэндеръ, можетъ быть слишкомъ смѣло, считаетъ, что обѣ эти эпиграммы „nicht allzulange nach 68 verfasst“ ²⁾, то, по крайней мѣрѣ, первую эпиграмму можно съ увѣренностью отнести къ этому времени, и ничто не можетъ помѣшать предположенію, что она не можетъ быть единственною. Такъ, мнѣ кажется, что къ несомнѣнно раннимъ произведеніямъ слѣдуетъ причислить и эпиграммы въ родѣ I 49 и I 55, такъ какъ въ нихъ еще видны увлеченія поэта родною природою и тоска его по Испаніи: по видимому, радужныя мечты юноши на скорую славу и обогащеніе въ Римѣ должны были разлетѣться (III 88), несмотря на обиліе знатныхъ земляковъ (IV 40). Что Марціалъ впоследствии свылся съ Римомъ, свидѣтельствуютъ такія эпиграммы, какъ V 20, гдѣ поэтъ также говоритъ, что онъ не хотѣлъ-бы знать *atria et domos potentum* (ср. вообще V, 20, 5—7 съ I, 55, 5—6), то теперь уже онъ жаждетъ наслаждаться отдыхомъ не въ родной Испаніи, а въ Римѣ; отсутствіе *facies urbis* (выраженіе Овидія Tr. IV, 6, 45) становится для него уже ощутительнымъ (ср. также предисловіе къ XII кн.). Такимъ образомъ, если Марціалъ началъ свою поэтическую дѣятельность послѣ 64-го года, и во второй книгѣ его эпиграммъ имѣется стихотворенія, написанныя лѣтъ 5—6 позже этого времени, то позволяю себѣ предположить, что въ эпиграммѣ I 113 Марціалъ разумѣлъ не что иное, какъ совмѣстное изданіе первой и второй книгъ, которыя представляютъ собраніе наиболее удачныхъ произведеній поэта за долгій періодъ его творческой дѣятельности. Доказывать, что первая и вторая книга были изданы вмѣстѣ, я думаю, нѣтъ особенной необходимости послѣ того, что сказано по этому вопросу Фридлэндеромъ. Достаточно указать на одно такое мѣсто, какъ эпиграмма III, 1, 3: *hinc legis et librum laudes fortasse priorem*. Правда, Вальтеръ Гильбертъ въ цитованной уже статьѣ въ *Fleckeisens Jahrbücher* за 1887 г. пытался толковать слова *librum priorem* этого стиха въ смыслѣ „eines der früheren Bücher“ ³⁾. Фрид-

¹⁾ Изданіе, I 58. На *Неронову* эпоху можетъ указывать и имя *Portius* въ II, 34, 6. Точно также рѣдкое имя *Ceryllus* выбрано въ эп. I, 67 съ желаніемъ намекнуть на одноименнаго вольноотпущенника *Веспасіана* (ср. *Suet. Vesp.* 28).

²⁾ *Ibid.* I 255 (прим. къ II, 82, 1—4).

³⁾ *Gilbert o. c.* p. 144 и *Wochenschrift für klassische Philologie*, стр. 1074.

Лэндеръ не сказалъ ни слова объ этомъ толкованіи въ своей рецензіи на статью Гильберта въ *Bursians Jahresberichte* (т. 72), но, позволяю себя думать, это молчаніе Фридлэндера не было знакомъ его согласія. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, настоящее объясненіе Гильберта представляется положительно невозможнымъ, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ языкомъ Марціала, употребляющаго *prior* всегда только по поводу двухъ предметовъ¹⁾. Наиболѣе существеннымъ возраженіемъ противъ выставленной гипотезы можетъ служить употребленіе въ эпиграммѣ I, 113, 1 слова *puer* (*Quaesinque lusi invenis et puer quondam*). Но уже Брандтъ²⁾ собралъ примѣры, что это слово можетъ означать молодого человѣка 20 лѣтъ и такимъ образомъ вполне приложимо къ самому начальному періоду поэтической дѣятельности Марціала. Продолженіемъ этого періода являются стихотворенія, написанныя поэтомъ въ періодъ *inventutis*, то-есть отъ 20 до 40 лѣтъ. На обиліе накопившихся у Марціала стихотвореній указываетъ, по видимому, эпиграмма II 1, гдѣ поэтъ говоритъ, обращаясь къ своей книгѣ:

*Ter centena quidem poteras epigrammata ferre,
Sed quis te ferret perlegeretque, liber,*

такъ какъ внослѣдствіи у Марціала не только не встрѣчается указаній на подобный запасъ, а даже поэтъ жалуется иногда, что успѣваетъ писать мало эпиграммъ (ср. напримѣръ, X 70 и XI 24). Издавъ Марціалъ первыя двѣ книги только по настоянію друзей, какъ о томъ можно догадаться изъ эпиграммы II 6. Вполнѣ понятно также, почему болѣе давнія эпиграммы, какъ II 15 и 32, встрѣчаются именно во второй книгѣ: Марціалъ старался лучшія и свѣжія стихотворенія помѣстить въ началѣ, въ первой книгѣ, чтобы онѣ болѣе привлекли вниманіе читателей³⁾. Не долженъ, какъ кажется, представлять затрудненій для выставленной гипотезы и вопросъ о книгопродавцахъ. Прежде всего замѣчу, что эта гипотеза разрѣшаетъ вопросъ, почему Квинтиліану Поллію Валеріану (I 113) понадобилось собрать пугае не достиг-

¹⁾ Другое дѣло, если бы съ *prior* было соединено *potior*.—Ср. также Дау, I. с. р. 84 прим. 10-е: *Non comprobabitur a viris doctis mira illa Gilberti interpretatio* и т. д. Несмотря на это, такое же объясненіе мѣсту даетъ и Hübnerъ который переводитъ спорный стихъ: „Du lobst eines von den *beiden* (?) *frühern* Büchern (см. его рецензію на изданіе Марціала Фридлэндера въ *Wochenschrift für klassische Philologie*, 1837 г., № 27, столб. 851).

²⁾ Brandt I. с. р. 19, ср. также словарь Георгеса в. в.

³⁾ Ср. Geelle о. с. р. 121 прим. 2-е.

шаго извѣстности поэта. Затѣмъ оба книгопродавца, упомянутые Марціаломъ въ концѣ первой книги (I 118 и 117), могли имѣть различныя изданія, именно у Атректа было такъ называемое Prachtausgabe, у Валеріана—обыкновенное. Атректа рекомендовалъ Марціалъ Люперку и потому, что этотъ книгопродавецъ жилъ къ нему ближе другихъ (I, 117, 8: Quod quaeris, propius petas licebit). Наконецъ, для поэта было важно указывать публикѣ на всѣ мѣста, гдѣ продавалась его книга (какъ это дѣлается часто и теперь у насъ на обложкахъ), въ видахъ облегченія для желающихъ способовъ пріобрѣсти ее. Вообще, вопросъ о римскихъ книгопродавцахъ и ихъ отношеніяхъ къ авторамъ принадлежитъ къ числу весьма запутанныхъ, въ виду недостатка нашихъ свѣдѣній по настоящему предмету. Особенно замѣтна эта беспомощность ученыхъ при разборѣ эпиграммъ Марціала, хотя какъ разъ этотъ авторъ сохранялъ наибольшее число извѣстій. Посвятившій специальную диссертацию предмету L. Naenny¹⁾, которому извѣстна гипотеза о различныхъ изданіяхъ Марціала, считаетъ, что Atractus (I 117) и Secundus (I 2) были „Sortimentsbuchhändler. Sie bezogen von Gryphon²⁾ Specialartikel, und zwar wohl auf Commission“. Фридлэндеръ послѣдовалъ этому мнѣнію³⁾. Трудно, конечно, примириться съ тѣмъ, что если Трифонъ былъ главнымъ издателемъ нашего поэта, то почему онъ не называетъ его въ первой книгѣ. Затѣмъ, мнѣ приходятъ въ голову нѣкоторыя другія соображенія по данному вопросу, которыя позволяю себѣ высказать, какъ простыя гипотезы и ничего болѣе. Къ какому сословію принадлежали вообще книгопродавцы въ Римѣ? Обыкновенно отвѣчаютъ, что это „были по большей части подвижные вольноотпущенники“⁴⁾. Мнѣ кажется, что это всегда было такъ, а не большей части только. Не вольно напрашивающееся возраженіе касательно Аттика замѣчу, что никто, думаю, не представляетъ дѣла такъ, чтобы Аттикъ самъ стоялъ за прилавкомъ и заманивалъ покупателей; очевидно, что книги продавали его вольноотпущенники или рабы (этимъ, можетъ быть, объяснимо странное молчаніе объ этой сторонѣ дѣятельности Аттика въ біографіи его Корнелія Непота, ср. Naenny, стр. 26, который

¹⁾ L. Naenny, Schriftsteller und Buchhändler in Rom. Halle 1884, p. 69.

²⁾ Извѣстный издатель Квинтиліана; Марціалъ упоминаетъ его въ IV книгѣ (эпиграмма 72, 2) и XIII (3, 4).

³⁾ Изданіе Марціала, I, 17, прим. 1-е.

⁴⁾ Becker-Göll, Gallus, II, 447.

принимаетъ это за вѣжливость со стороны Нелота и уваженіе его къ своему другу) ¹⁾. Аналогію этому я вижу въ эпиграммѣ Марціала I 2, гдѣ онъ называетъ книгопродавца Секунда вольноотпущенникомъ неизвѣстнаго намъ ученаго Lucensis. Это имя опять возбуждаетъ сильныя сомнѣнія касательно своего значенія. Очень можетъ быть, что это не cognomen, какъ принимаетъ Фридлендеръ въ примѣчаніи къ мѣсту, а только обозначенія родины даннаго лица ²⁾. Итакъ, если книгопродавцы были вольноотпущенники, то, можетъ быть, Квинта Поллія Валеріана, котораго поэтъ съ такой выразительностью называетъ тремя именами, слѣдуетъ выдѣлять ихъ изъ среды или, по крайней мѣрѣ, поставить въ такія же отношенія къ Марціалу, какія были, напримѣръ, у Аттика съ Цицерономъ, тѣмъ болѣе, что поэтъ не даетъ точнаго адреса его лавки, какъ онъ дѣлаетъ это въ другихъ эпиграммахъ первой книги.

Остается упомянуть о возраженіи противъ выставленной гипотезы о юношескихъ стихотвореніяхъ Марціала, сдѣланномъ еще Лессингомъ ³⁾. Именно, процитировавъ эпиграмму I 113, великій критикъ замѣчаетъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о существующихъ нынѣ эпиграммахъ, такъ какъ поэтъ, высказывающій, правда, и въ другихъ случаяхъ скромное мнѣніе о своихъ произведеніяхъ, не могъ все же *sie so weit heruntersetzen, noch weniger das für unreife Früchte seiner poetischen Kindheit erklären, womit wir ihn in ältern Jahren so ernstlich beschäftigt finden*. На это позволяю себѣ сказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первымъ опытомъ изданія своихъ стихотвореній со стороны Марціала, который не могъ, разумѣется, выступить сразу смѣло и увѣренно, особенно допуская въ это свое изданіе и юношескія стихотворенія. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ Лессинга, настоящая гипотеза не можетъ быть названа моею въ собственномъ смыслѣ слова. Если обратиться опять къ стариннымъ толкователямъ, то можно найти и что подобное уже у Ramirez de Prado, который говоритъ слѣдующее въ примѣчаніи къ эпиграммѣ I 114 ⁴⁾: *hoc epigramma scriptum erat, ut affigeretur fronti alicuius libelli,*

¹⁾ Аналогичное явленіе представляютъ у насъ гг. Солдатенковъ и Пантелѣевъ отчасти Павленковъ.

²⁾ Прилагательное Lucensis можно произвести отъ трехъ названій мѣстности: Лука, Lucus и Lucentum, ср. Forcellini-De-Vit, Onomasticon Latinum (s. v.), гдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы это имя могло быть cognomen.

³⁾ Lessing o. s. pp. 285—286.

⁴⁾ То-есть I 113 по счету новѣйшихъ издателей, ср. прим. 7-е къ главѣ I.

aut potius omnium libellorum simul scriptorum, quo admonetur lector vaenales (sic) esse poetae libros apud Quinctum (sic) Pollium Valerianum bibliopolam. Это мнѣніе Ramirez de Prado было, очевидно, извѣстно и Радеру, который отвергаетъ это толкованіе и разумѣетъ подъ arinae tricaeque спорной эпиграммы (ст. 2: arinasque nostras, quas nec ipse iam novi, ср. XIV, 1, 7) утраченныя юношескія произведенія Марціала. Противъ Радера, въ свою очередь, выступилъ старинный историкъ испанской литературы Николай Антонио, который высказалъ по поводу интересующаго насъ предмета слѣдующее ¹⁾: Quod autem Radero placet subindicari nonnulla nunc non exstantia poetae carmina eiusdem epigrammate ad lectorem 114 lib. I an verum sit affirmare non ausim. Изъ новыхъ изслѣдователей согласно со мною высказывается Биртъ ²⁾, говоря: Sein (Марціала) erstes Buch ist zu haben beim Atrectus (I 117) und Secundus (I 2), sowie auch beim Q. Pollius Valerianus, der der eigentliche Verleger dieses Buches scheint. Интересно отмѣтить также колебанія Флаха, что, впрочемъ, далеко не рѣдкость у этого автора. Съ одной стороны онъ примыкаетъ къ мнѣнію Брандта, что Марціалъ началъ свою поэтическую дѣятельность только въ Римѣ, а съ другой страннымъ образомъ замѣчаетъ: Hic bibliopola (то-есть, Q. Pollius Valerianus) sola carmina iuvenilia Martialis, quorum pleraque lyrica fuisse suspiceris (откуда?), Romanis vendebat; eadem perditā esse constat ³⁾.

Такимъ образомъ, послѣ настоящаго весьма долгаго отступленія, надѣюсь, читателю становится понятнымъ это чрезчуръ большое для Марціала число эпиграммъ въ первой книгѣ. Но все же помѣщеніе въ одной книгѣ такой массы стихотвореній заставляетъ поэта прибѣгнуть къ извиненію предъ читателемъ, правда шутивому, въ эпиграммѣ I 118:

Cui legisse satis non est epigrammata centum
Nil illi satis est, Caedictiane, mali.

¹⁾ См. Bibliotheca Hispana Vetus. Auctore Nicolao Antonio Hispalensi, curante Francisco Perezio Baerzio. Tomus primus. Folio. Matriti 1788, p. 86.

²⁾ Того же мнѣнія держатся, по видимому, и W. Ad. Schmidt (Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit, Berlin 1847, стр. 123) и Гюбнеръ. Заключаю это изъ словъ послѣдняго: Von dichterischer Production ist in dieser ersten Zeit (пробываніе поэта въ Римѣ) nicht die Rede. Erst nach sechzehn Jahren seines Aufenthaltes in der Hauptstadt, im Jahr 80 veröffentlichte er eine kleine Sammlung von einigen dreissig Gedichten и т. д. (Deutsche Rundschau, April, 1889, p. 90).

³⁾ Flach l. c. pp. 110—111 (прим. къ эпиграммѣ I 113).

Подобное же указаніе Марціала на длину книги находится и по преимуществу въ *meus libellus* нашего поэта (XI, 2, 8)—одиннадцатой, заключающей въ себѣ 108 эпиграммъ; именно въ послѣднемъ стихотвореніи (XI. 108, 1) поэтъ называетъ свою книгу *tam longus libellus*. Отсюда видно, какъ трудно согласиться съ мнѣніемъ графа Олсуфьева, утверждавшаго, что Марціалъ старался обыкновенно, при составленіи книги, помѣстить въ нее 100 эпиграммъ ¹⁾. Число это, правда, встрѣчается въ третьей книгѣ, составленной Марціаломъ, по словамъ графа Олсуфьева „при наилучшихъ психическихъ и физическихъ условіяхъ“. Противъ этого позволю себѣ обратить вниманіе почтеннаго автора на незамѣченную имъ, вѣроятно, эпиграмму III 68, откуда ясно, что и эта книга была для поэта *longus libellus*, такъ какъ онъ даетъ ей это имя въ стихѣ 11-мъ. Вообще, это предположеніе графа Олсуфьева имѣетъ за собой такую же вѣроятность, какъ и отмѣченное выше мнѣніе Бирта, что Марціалъ стремился дать въ книгѣ тысячу стиховъ. Какъ сказано уже было выше, въ началѣ своей дѣятельности Марціалъ тщательно выбиралъ эпиграммы изъ имѣющагося у него запаса: кромѣ цитованной уже эпиграммы II 1, поэтъ повторяетъ то же самое еще въ четвертой книгѣ, именно эпигр. 89:

Ohe, iam satis est, ohe, libelle,
 Iam pergamimus usque ad umbilicos.
 Tu procedere adhuc et ire quaeris...

 Iam lector queriturque deficitque.

Подобная забота о читателѣ проглядываетъ даже еще и въ эпиграммѣ X 1, гдѣ Марціалъ совѣтуетъ ему читать только короткія стихотворенія, которыми часто замыкались у него концы страницъ:

Terque quaterque mihi finitur carmine pagus
 Pagina: fac tibi me quam cupis esse brevem ²⁾.

Но, по всей вѣроятности, подобный совѣтъ есть не что иное, какъ выраженіе авторской скромности, ибо поэтъ въ той же десятой книгѣ выражаетъ свое недовольство противъ тѣхъ лицъ, которыя видятъ въ эпиграммѣ только одно достоинство—краткость X, 59, 1—2.

Consumpta est uno si lemmate pagina, transis,
 Et breviora tibi, non meliora placent.

¹⁾ Графъ Олсуфьевъ l. c. стр. 25, прим.

²⁾ Ср. примѣчаніе Фридендера ad loc. и цитованную выше эпиграмму VI 66.

Замѣчу, кстати, что двѣ послѣднія цитованныя эпиграммы всего убѣдительнѣе говорятъ противъ того предположенія, которое выставилъ было, впрочемъ для того, чтобы сейчасъ же отъ него отказаться, Биртъ въ неоднократно цитованномъ уже трудѣ, именно, что каждая эпиграмма стояла у Марціала на отдѣльной страницѣ ¹⁾. Уже Фридландеръ указалъ въ примѣчаніи къ эпиграммѣ I 53, на которую указалъ прежде всего Биртъ для подтвержденія своей совершенно неудачной гипотезы, что это стихотвореніе должно быть истолковано иначе. Между тѣмъ, изъ сравненія эпиграммъ X 1 и X 59 можно, кажется, съ извѣстною вѣроятностью предположить, по крайней мѣрѣ для X книги, что Марціалъ часто помѣщалъ на страницѣ двѣ эпиграммы: болѣе длинную и болѣе короткую.

III.

Сказанное до сихъ поръ относилось преимущественно къ внѣшней сторонѣ эпиграммы. Перехожу теперь къ болѣе существенной части вопроса—разсмотрѣнію эпиграммъ со стороны содержанія. Конечно, нецѣлостей и противорѣчій здѣсь даже больше, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ главахъ, все-же я, скажу напередъ, никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ Рейтценштейна, что эпиграмма была для Марціала „*nug das kleine Lied, dessen Bestimmung besonders für Gelage ist*“. Благосклонный читатель можетъ уже судить изъ предшествующей главы, насколько правъ Рейтценштейнъ, говоря, что эпиграмма была для Марціала „*das kleine Lied*“. Затѣмъ, было-ли извѣстно нашему поэту то требованіе, которое мы теперь чуть не прежде всего предъявляемъ къ эпиграммѣ, именно, чтобы она была остроумна? Конечно, да. Изъ эпиграммы VII 25 видно, что, по мнѣнію Марціала, только тѣ эпиграммы имѣютъ право на существованіе, которыя заключаютъ не только *sal*, но и *amargum fel*:

*Dulcia cum tantum scribas epigrammata semper
Et cerussata caudidiora cute
Nullaque mica salis nec amari fellis in illis
Gutta sit, o demens, vis tamen illa legi!*

¹⁾ Биртъ о. с., стр. 150—151, прим.—Для большей ясности словъ Бирта замѣчу, что на стр. 151-й у него вѣсто эпиграммъ III 57 и 58 слѣдуетъ читать III 67 и 68.

Это стараніе поэта проводить подобныя качества въ своихъ собственныхъ стихотвореніяхъ не ускользало, по видимому, даже отъ вниманія его современниковъ, какъ показываютъ слова Плинія въ его известномъ письмѣ о смерти нашего поэта (III 21): *qui plurimum in scribendo et salis haberet et fellis nec candoris minus*. Давно отмѣченное почти дословное сходство этого отзыва Плинія съ цитованною эпиграммою всего лучше можетъ пояснить высказанное предположеніе. Что требованіе остроты осталось за эпиграммою и послѣ Марціала, можно заключить изъ слѣдующаго отзыва Сидонія объ эпиграммахъ его друга Лампрідія ¹⁾: *eademque (scil. epigrammata) cum non rarus peregata, mellea multa conspiceres, omnia salsa cennebas*. Естественно, что *ama gum fel* должна была приближать эпиграмму къ сатиры. И дѣйствительно, нѣкоторое подтвержденіе этого взгляда еще у самаго Марціала можно найти въ эпиграммѣ VII 97, гдѣ поэтъ говоритъ про своего друга Авла Пудента:

*Nam me deligit ille proximumque
Turni nobilibus leget libellis ²⁾.*

А что эти *nobiles libelli* Турна были сатиры, на это есть у насъ свидѣтельство самаго Марціала, именно въ эп. XI 10, поэтъ говоритъ:

Contulit ad saturas ingentia pectora Turnus.

Сатиры Турна не дошли до насъ, если не считать двухъ испорченныхъ гексаметровъ въ схоліяхъ къ Ювеналу (I 71); но что эти сатиры были ѣдки, свидѣлствуютъ *Rutilius Namatianus* и *Iohannes Lydus* ³⁾. Нѣчто подобное о сатирическомъ характерѣ эпиграммъ читается и въ XI книгѣ (эп. 42), гдѣ Марціалъ говоритъ, что для живучей (*vividum*) ⁴⁾ эпиграммы необходима подобная и тема. Впо-

¹⁾ *Sidonius Epist. VIII 11* (ed. Lütjoh., p. 141). Ср. также цитованное выше мѣсто изъ того же письма (о Лампрідіѣ) *non coria, sed acutissime placena*.

²⁾ Эта параллель поэта между собой и Турномъ напоминаетъ аналогичное мѣсто въ эпиграммѣ V 5, гдѣ Марціалъ говоритъ бібліотекарю Домиціана Сексту:

*Sit locus et nostris aliqua tibi parte libellis,
Qua Peto, qua Marsus quaque Catullus erit.*

³⁾ Teuffel-Schwabe, RLG² §§ 28, 1 и 323, 2.

⁴⁾ *Sidonius. Carmina IX 268* (Lütjoh. p. 224). Что эпитетъ *mordax* относился къ сатирической поэзіи, показываетъ неоднократно цитованный отзывъ о Лампрідіѣ (*epist. VIII, 11*, Lütjoh. p. 141)—*in satirica (scil. materia) sollicitus et mordax*.

слѣдствіи Сидоній называлъ Марціала даже *modax sine fine* ¹⁾, а жившій лѣтъ на полтораста ранѣе Сидонія врачъ *Theodorus Priscianus* прямо давалъ нашему поэту имя *satyrus* ²⁾. Очевидно, что это сатирическое направленіе въ эпиграммѣ настолько упрочилось за нашими поэтомъ, что его даже упрекали, когда онъ отступалъ отъ него. Конечно, Марціалъ отгрызался и этимъ самымъ противорѣчилъ себѣ; такъ, интересно сравнить съ цитованными выше стихами эп. VII 25 слѣдующее мѣсто изъ эп. X 45.

*Si quid lene mei dicunt et dulce (ср. dulcia epigrammata
въ VII 25) libelli,*

*Si quid honorificum pagina blanda sonat,
Nos tu pingue putas et costam rodere mavis.*

Мнѣ кажется, это противорѣчіе легче всего объяснимо тѣмъ, что современники поэта смотрѣли на достоинство эпиграммы нѣсколько иначе, чѣмъ онъ самъ. Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ въ этомъ отношеніи взгляды Младшаго Плинія, хотя про него Рейтценштейнъ вполне справедливо могъ-бы сказать, что у него не было опредѣленнаго понятія объ эпиграммѣ, какъ то, впрочемъ, признаетъ и самъ Плиній. Обратимся прежде всего къ его письму къ Патерну (IV 14). Плиній говоритъ здѣсь, что посылаетъ другу свои гендекасиллабы, которыми услаждаетъ досуги во время разъѣздовъ, въ банѣ, за обѣдомъ (§ 2). Въ нихъ онъ выражаетъ самыя разнообразныя чувства: *his iocamur, ludimus, amamus, dolemus, querimus, irascimur, describimus aliquid modo pressius, modo elatius, atque ipsa varietate temptamus efficere, ut alia aliis, quaedam fortasse omnibus placeant* ³⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ показаться Патерну *petulantiora*, но—обычное оправданіе, о которомъ будетъ упомянуто ниже—*summos et gravissimos qui talia scripserunt non modo lascivia rerum sed ne verbis quidem nudis abstinuisse*. Кто эти *summi et gravissimi viri* ⁴⁾, извѣстно

¹⁾ Ср. также эпиграммы XII 61, *breve vividumque carmen*.

²⁾ Беру цитату у Вагнера (въ изданіи Марціала Фридлендера т. I стр. 391). О времени жизни Присціана см. Teuffel-Schwabe I. c. § 446, 7.

³⁾ См. также VII, 9, 13 (письмо, гдѣ дано выписанное выше объясненіе термина *lusus*): *nam mirum est ut his opusculis animus intendatur remittatur. Recipiunt enim amores, odia, iras, misericordiam, urbanitatem, omnia denique quae in vita atque etiam in foro causaeque versantur; ср. VIII. 21 § 1 и 2.*

⁴⁾ Ср. предисл. къ VIII книгѣ эпиграммъ Марціала: *Quamvis autem epigrammata a severissimis quoque et summae fortunae viris ita scripta sint, ut mimiscam verborum licentiam affectasse videantur.*

изъ другаго письма Плинія (къ Титію Аристону V 3), гдѣ онъ прибавляетъ къ двумъ указаннымъ эпитетамъ еще и *sanctissimi* (V, 3, 3) и даетъ длинный перечень лицъ, писавшихъ легкія стихотворенія. Но обращаюсь снова къ письму IV 14. Самъ Плиній не пишетъ *lascive* не потому, что онъ *severus* ¹⁾, а потому, что *timidus* (§ 4). Наиболе же интересный въ данномъ отношеніи конецъ письма (§§ 8 и 9) о томъ, что Плиній не можетъ дать опредѣленнаго заглавія своимъ произведеніямъ, или, другими словами, не можетъ приложить къ нимъ обозначенія того или другаго отдѣла литературы, былъ уже процитированъ мною раньше. Впрочемъ, изъ другаго письма той-же книги (къ Антонину, IV 3) видно, что у Плинія былъ известнаго рода критерій для опредѣленія достоинства подобныхъ произведеній, правда, очень общій. Именно желая похвалить греческія эпиграммы и ямбы Антонина, Плиній восклицаетъ по поводу нихъ (§ 4): *quantum ibi humanitatis venustatis, quam dulcia illa, quam amantia, quam arguta, quam recta*. Отсюда можно видѣть, конечно, до нѣкоторой степени только, чего особенно требовали отъ эпиграммы въ то время, именно, чтобы она была прежде прежде всего *venustum, dulce*, а потомъ уже *argutum* ²⁾. Что терминъ *venustum* былъ какъ бы техническимъ для опредѣленія достоинства эпиграммы и послѣ Плинія, показываютъ еще два мѣста изъ Авла Геллія: 1) онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ причины помѣщенія имъ въ своемъ сочиненіи надгробныхъ эпиграммъ Нэвія, Плавта и Пакувія: *nobilitatis eorum gratia et venustatis scribenda in his commentariis esse duxi* (Gell. I 24); 2) *celebrantur*, говоритъ Геллій въ кн. XIX, гл. 11, *duo isti Graeci versiculi multorumque doctorum hominum memoria dignantur, quod sint lepidissimi et venustissimae brevitatis*. Это послѣднее свидѣтельство Геллія показываетъ также, какъ высоко ставили въ его время *brevitas* эпиграммы, о чемъ, какъ сказано выше,

¹⁾ Ср. однако Ерр. V, 3, 2: *facio non nunquam versiculos severos parum et VII, 4, 1* (другъ Плинія удивляется, что тотъ пишетъ гекзексиллабы): *quemadmodum coepi scribere, homo, ut tibi videor, severus*.

²⁾ Сказанное можно подтвердить и другими мѣстами изъ Плинія; такъ, въ *epist. IV 18* Плиній пишетъ, что подражаетъ по латыни греческимъ эпиграммамъ Арріа Антонина и говоритъ, что, можетъ быть, его подражанія обладаютъ известной долей *venustatis*; въ *epist. IV 27* дается слѣдующій отзывъ о ромахіа Сентія Авгуріяна: *multa sublimiter, multa venuste, multa tenero, multa cum bile*; ср. также I, 16, 5, иначе въ *ep. VI, 21, 4* (о Вергиліѣ Римскомъ): *scripsit mimiambos tenuiter argute venuste*.

Марціалъ не заботился, а ставилъ на первомъ планѣ асипен, то-есть насмѣшливую соль эпиграммы. Изъ цитованнаго уже письма Плинія о смерти Марціала видно, что Плиній хоть и замѣтилъ это свойство таланта нашего поэта, но, очевидно, далеко не сознавалъ всей заслуги Марціала касательно усовершенствованія эпиграммы, что, конечно, вполне согласуется съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Плинія о своихъ гексасиллабахъ, какъ средствѣ для наполненія досуга. Конецъ письма III 21 особенно ясно показываетъ, что эта похвала таланту Марціала высказана нѣсколько снисходительно. Плиній говорить, что Марціалъ прославилъ его въ одной изъ своихъ эпиграммъ, и сейчасъ же оговаривается: но, скажутъ, написанное имъ не будетъ вѣчнымъ; можетъ быть, это и такъ, *ille tamen scripsit, tamquam essent futura* ¹⁾).

На ряду съ острою Марціалъ, очевидно, очень высоко ставилъ въ эпиграммѣ и пикантность содержанія ²⁾). Поэтъ отлично понималъ, что современная ему публика была очень падка на описаніе подчасъ самыхъ грязныхъ, развратныхъ сценъ ³⁾). Впрочемъ, замѣчу какъ бы въ скобкахъ, это былъ удѣлъ и не одной только тогдашней публики:— не то-ли же самое замѣтно и въ наши дни, когда наиболѣе раскупаются тѣ романы, въ которыхъ пикантныя сцены описаны до крайнихъ предѣловъ, полагаемыхъ цензурою. Виѣстъ съ тѣмъ Марціалъ не могъ не видѣть, что, давая подобное направленіе своей поэзіи, легко можно и пересолить, такъ какъ Домиціанъ, хотя и наружно, былъ довольно строгимъ блюстителемъ нравственности. Поэтому Марціалъ всегда находился какъ бы между двухъ огней: съ одной стороны ему не хотѣлось измѣнять своего тона, чтобы не потерять

¹⁾ Ср. *Epist.* V 8, гдѣ Плиній говоритъ, что онъ заботится о бессмертіи, лучшее средство для достиженія котораго есть составленіе исторіи, тогда какъ *orationi et carmini parva gratia* (§ 4).

²⁾ Ср. *Sidon.* IV, 1, 2 (*Lütjoh.* 52): *Si quid... epigrammatista* (исправка *Lütjohann'a*; *codd.* *epigrammista*; *epigrammista* встрѣчается и въ итальянскомъ языкѣ).

³⁾ Приведу въ доказательство пока одну эпиграмму (I 85):

*hi libelli,
Tanquam coniugibus suis mariti,
Non possunt sine mentula placere...
.....
Lex haec carminibus data est iocosis.
Ne possint, nisi pruriant, iuvare.*

своего читателя, по собственному, вполне справедливому замѣчанію (X, 2, 5—6), его богатство, величайшій подарокъ, какой только могъ дать поэту Римъ. Вообще, отношеніе поэта къ своему читателю—самое теплое и дружественное: „lector amice“, обращается къ нему поэтъ въ эп. V, 16, 2; „lector candidus“ называетъ онъ его въ эп. VII, 99, 5; самую же высшую похвалу читателю видимъ въ эп. VII, 12, 11: „magni mihi numinis instar¹⁾“. Понятно поэтому, что лучшей рекомендаціей эпиграммъ Марціала въ глазахъ императора должны быть слова: „hinc tua Roma legit“ (эп. XII, 11, 8). Съ другой стороны, Марціалу было непріятно, а можетъ быть, иногда даже и опасно выслушивать постоянные упрёки за безправственность своихъ эпиграммъ. Однимъ словомъ, для поэта предстояла трудная задача, спуститься ему до толпы, или нѣтъ. Онъ кончилъ первымъ, но на ряду съ этимъ постоянно признавался и оправдывался въ крайне легкомъ содержаніи своихъ эпиграммъ. Постараюсь, насколько возможно, прослѣдить эти интересныя свидѣтельства поэта хронологически.

Уже въ первой книгѣ эпиграммъ, и притомъ въ самомъ ея началѣ, Марціалъ указываетъ на эту особенность своихъ стихотвореній. Конечно, для начинающаго поэта всего легче было сослаться на примѣръ другихъ, свалить на нихъ свою вину, что и сдѣлалъ нашъ поэтъ: *lascivam verborum veritatem*, говоритъ онъ, *id est epigrammaton linguam, excusarem, si meum esset exemplum: sic scribit Catullus, sic Marsus, sic Pedito, sic Gaetulicus, sic quicumque perlegitur* (praef. ad libr. I). Надо замѣтить, что эта первая книга появилась при рѣшительно неблагоприятныхъ условіяхъ для легкой поэзіи. Фридлендеръ относитъ изданіе первой книги эпиграммъ къ 85—86 г. г.²⁾, и какъ разъ въ 85-мъ году императоръ Домиціанъ получилъ почетное званіе цензора, блюстителя нравовъ; въ томъ же са-

¹⁾ Интересно, что всѣ вышеуказанныя выраженія (кромя самаго послѣдняго) поэта въ обращеніи его къ читателю встрѣчаются у Овидія. Такъ, уже Цингерле и Вагнеръ отметили, что Овидій называетъ своего читателя *amice* (Tr. III, 1, 2.); сочетаніе *magni mihi numinis instar* встрѣчается у него-же по отношенію къ возлюбленной (впрочемъ, аналогичная цитата изъ *Prigraea* можетъ показывать, что этотъ оборотъ былъ довольно обыченъ, *Prigrae* 40, 4). Къ этому слѣдуетъ добавить, что Овидій называетъ своего читателя и *candidus*, именно въ заключеніи автобіографіи (Tr. IV, 10, 131—132):

Sive favore tuli, sive hanc ego carmine famam

lure tibi gratis, candide lector, ago (ср. также Tr. I, 11, 35: *candide lector*).

²⁾ См. изданіе Марціала I 54 и *Sittengeschichte Rom's* III° 472.

момъ году эта цензорская власть была еще болѣе возвышена тѣмъ, что она перешла въ пожизненную, и притомъ *sine collega*,—почетъ, который доселѣ не доставался никому¹⁾. Конечно, можно было предположить, что Домиціанъ, отличенный такимъ образомъ отъ своихъ предшественниковъ, не будетъ смотрѣть на свой постъ, какъ на пустую формальность (что въ дѣйствительности и случилось). Поэтому, послѣ общаго предисловія ко всѣмъ читателямъ, Марціалъ счелъ нужнымъ обратиться къ императору отдѣльно (эп. I 4). Для своего оправданія поэтъ беретъ здѣсь уже инныя, болѣе подходящія къ случаю основанія: онъ указываетъ, что нескромныя шутки издавна были позволены солдатамъ въ отношеніи къ ихъ полководцамъ на триумфахъ, а затѣмъ Домиціану слѣдуетъ относиться къ эпиграммамъ Марціала такъ же, какъ дозволяются имъ представленія мимовъ, на которыхъ онъ даже самъ присутствуетъ²⁾. Въ заключеніе Марціалъ приводитъ, по примѣру Катулла и Овидія, поэтовъ, подъ сильнѣмъ вліяніемъ которыхъ онъ находился во все время своей дѣятельности, а особенно, кажется, при составленіи первой книги, то, что можно писать распутные стихи и оставаться въ то же время нравственнымъ человѣкомъ (ст. 8): *Lasciva est nobis pagina, vita rigida*. Мысль эта принадлежала, очевидно, къ числу самыхъ распространенныхъ въ древности, такъ какъ она встрѣчается еще и у Овидія, Плинія Младшаго, Апулея, Авзонія³⁾. Этимъ способомъ

¹⁾ См. Cass. Dio LIII 18 и LXVII 4, который употребляетъ въ первомъ случаѣ глаголъ, а во второмъ *ἐχθροποιῖν*. Отсюда неудачно выраженіе у Lange, *Römische Alterthümer* I^o 821: *Domitian nannte sich sogar censor perpetuus*. Гораздо острѣе выразается Gsell (l. c. p. 54, ср. p. 43): *Au début de 85, il se fit conférer par cette assemblée (то-есть, сенатъ) la puissance censoriale. Peu de temps après, dans le cours de la même année, il reçut la censure à vie*. Основанія для этой хронологіи Gsell приводитъ на стр. 54, прим. b—c.

²⁾ Доказывать, что мимы были крайне безнравственны, нѣтъ особой нужды: достаточно вспомнить ихъ опредѣленіе у Диомеда (G. L. I 491, ср. Teuffel-Schwabe, § 7); Овидій называетъ ихъ (Tr. II 497) *mimos obscena iocantes* и (ibid. v. 555) *imitantes turpia mimos*.

³⁾ Собраніе мѣстъ можно найти у Бэренса (Catullus I 18 и II 143, примкъ Catull. 16, 6) и Фридлэндера въ прим. къ Марціалу I. 8 (изданіе I pp. 168—9). Впрочемъ, сюда надо кое-что прибавить; такъ, Овидій высказалъ эту мысль не только въ Tr. II 353—354, но также и въ Tr. I 9, 59, 60 и III 2, 5—6. У Плинія, кромѣ IV 14, надо добавитъ еще V 3. Ср. также въ высшей степени оригинальныя и остроумныя разсужденія по этому вопросу у Diderot въ его романѣ „Jacques le fataliste et son maître“ (Oeuvres complètes, Paris. 1875, v. VI, p. 221—222). Впрочемъ, Diderot подражалъ здѣсь Montaigne, „Essais“ I. III, ch. V.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1897 годъ

(восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Содержаніе вышедшей декабрьской книжки „Русской Школы“ слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Страничка изъ исторіи первоначальнаго воспитанія въ Россіи. П. Ф. Каптерова; 3) Начальное образованіе во Франціи. О. И. Роговой; 4) Родительская ассоціація въ Америкѣ. И. Ф. Арельова; 5) Къ вопросу о школьной дисциплинѣ и наказаніяхъ въ начальной школѣ. Н. М. Ларионова; 6) Къ вопросу о системѣ народнаго образованія. М. А. Песневскаго; 7) Просвѣтительныя общества въ провинціи. (Окончаніе). Я. В. Абрамова; 8) Народныя чтенія. (Окончаніе). В. П. Вахтерева; 9) Замѣтки о педагогическихъ отдѣлахъ всероссійской выставки въ Н.-Новгородѣ. М. З.; 10) Московскія городскія начальныя училища *; 11) Что нужно сдѣлать вятскому земству для лучшей постановки начальнаго образованія? А. А. Красова; 12) Способы обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. (Окончаніе). Вс. Флерова; 13) О прохожденіи метрической системы въ нашихъ школахъ. В. Гебеля; 14) Критика и библиографія (10 рецензій); 15) Педагогическая хроника (болѣе 20 статей и замѣтокъ); 16) Разныя извѣстія и сообщенія (около 20 замѣтокъ); 17) Объявленія.

Въ теченіе 1896 года въ „Русской Школѣ“ были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Автобіографія. И. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). М. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). М. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы. И—ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слободанина; 6) Историческій очеркъ учреждений для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ф. Каптерова; 7) Къ годовщницѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ). М. А. Лалиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педагогическія замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго. А. А. Красова; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. А. С. Виреніуса; 13) Правдивость у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей за границей и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельскохозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерякова; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Сименовичъ; 17) Мысли женщины о постановкѣ средняго женскаго образованія. На. Фармаковской;

- 18) Мысли Н. Н. Страбова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Давидова о „единой школѣ“. Графа Павла Манинга; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе. В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ф. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллена; 25) Чему мы можемъ научиться у американцевъ въ дѣлѣ организации начальной школы? В. И. Фармаковский; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31-го мая 1872 года? А. Рамеснига; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобринскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасьева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутновскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталева; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Изв. Сосоньева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896 года. И. П. Бѣленскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—ШЕСТЬ р. 50 коп.; для иногородныхъ — СЕМЬ руб.; за границу — ДЕВЯТЬ руб.

Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, высылающія не менѣ 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Ляговка 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Имѣются экземпляры и за предыдущіе годы (кроме 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія съ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, съ городскихъ и народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, съ качествъ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется съ качествомъ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при ГГ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

Изданіе пятое. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ качествомъ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—съ качествомъ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и вѣнкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1895 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣнкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Востъ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Ипогородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

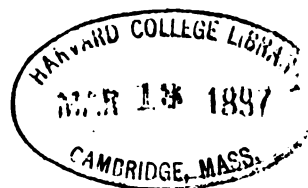
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІХ.

1897.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	45
Н. Г. Аммонъ. Ветеранъ русской поэзіи	203
А. Н. Филипповъ. Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти правительствующаго сената . . .	275
М. И. Каринскій. Разборъ мѣтѣи Милля о постулатахъ геометрическаго знанія, подразумеваемыхъ при геометрическихъ дефиниціяхъ	292
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Н. П. Некрасовъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій П. В. Владимірова, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1896.	341
А. Л. Погодинъ. Матија Дяковичъ. Прилог исторіји српске књижевности. Написао Др. Ђорђе С. Торфесичъ Београд. 1896. Изъ „Гласа“ LII и LIII.	355
В. В. Качановскій. P. Coquelle. Le royaume de Serbie. Paris. Vanier 1894. Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана.—P. Coquelle. Histoire du Montenegro et de la Bosnie. Paris. Leroux. 1895.	360
Э. Л. Радловъ. Г. Целлеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С. 116. 1896	368
Н. Д. Чечулинъ. Отвѣтъ на „замѣтку“ проф. Карѣва	371
— Книжныя новости	395
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	15
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
— Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ вышнихъ женскихъ курсовъ за 1895—1896 учебный годъ	69
А. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	107
Е. Ф. Шмурло. А. Г. Врикнеръ (некрологъ)	117
— Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина:	
I. Л. Н. Майковъ. Рѣчь, читанная въ Академіи Наукъ	158
II. С. Ф. Платоновъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ	163
III. Е. Ф. Шмурло. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина.	177
IV. М. А. Нозенко. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина	183
— Д. И. Георгіевскій (некрологъ)	208
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
А. І. Маленицъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (продолженіе).	49

О ВЪЯВЛЕНІЯХЪ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**
(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССІХ.

1897.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 37.
1897.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го января 1897 года). *Награждаются* орденами: *Благо Ора*, членъ совѣта министра, почетный членъ особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, *Юрій Нечаевъ-Мальцевъ*.

Св. Анны 2-й степени: инспекторъ народныхъ училищъ Енисейской губерніи, статскій совѣтникъ Александръ *Доброхотовъ*; воспитатель пансіона Иркутской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Иванъ *Черепановъ*.

Св. Анны 3-й степени: инспекторъ Иркутскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ Дмитрій *Обуховъ*; коллежскіе совѣтники: учителя гимназій—Иркутской, Петръ *Чиринецъ* и Красноярской—Михаилъ *Головинъ* и учитель Якутскаго реальнаго училища Александръ *Ушаковъ*; надворные совѣтники: надзиратели Иркутскаго промышленнаго училища—Пароеній *Бяляевъ* и Александръ *Ермолаевъ* и учитель-инспекторъ Иркутскаго городского училища Императора Александра III Сергѣй *Оюродниковъ*; письмоводитель Енисейской прогимназіи, титулярный совѣтникъ Иннокентій *Фомичъ*; учитель Якутскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь Кузьма *Атласовъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: — директоръ Якутскаго реальнаго училища, Дмитрій *Зельревъ* и директоръ Туркестанской учительской семинаріи—Илья *Софійскій*.

Св. Станислава 3-й степени: коллежскіе ассесоры, учителя: Якутскаго реального училища—Александръ *Кирмловъ* и городскихъ училищъ: Иркутскаго пятикласснаго—Павель *Зоревъ*, Иркутскаго четырехкласснаго Императора Александра III—Илья *Базевскій* и Нижнеудинскаго—Феохтисть *Исмаевъ*; учитель Енисейскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Власій *Курочкинъ*; коллежскіе секретари, учителя: городскихъ училищъ—иркутскаго пятикласснаго, Николай *Рукавицкинъ* и иркутскаго четырехкласснаго Императора Александра III, сверхштатный—Степанъ *Григорьевъ* и Киренскаго уѣзднаго училища—Григорій *Кулеизъ*; неимѣющіе чина—учителя Иркутскаго промышленнаго училища—Александръ *Маянскій* и Фодоръ *Стадникозъ*.

(3-го января 1897 года). *Назначаются:* экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Даркшевичъ* и Новороссійскаго, докторъ церковнаго права, статскій совѣтникъ *Алмазовъ* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора того же университета, докторъ теоріи и исторіи искусствъ, надворный совѣтникъ *Павловскій*—ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Даркшевичъ—Казанскаго, по кафедрѣ нервныхъ болѣзней, Алмазовъ—Новороссійскаго, по кафедрѣ церковнаго права и Павловскій—Новороссійскаго же, по кафедрѣ исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ, изъ нихъ послѣдніе двое—съ 1-го января; адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, кандидатъ лѣсоводства, надворный совѣтникъ *фонъ-Бранке* и ученый инженеръ-технологъ, губернскій секретарь *Шкателовъ*—профессорамъ того же института, изъ нихъ: первый—по лѣсоводству, а второй—по технологіи, оба—съ 1-го декабря 1896 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Кутанской губерніи, статскій совѣтникъ *Дмитріевъ*—директоромъ народныхъ училищъ Эриванской и Елисаветпольской губерніи и Карскаго области.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вольфринъ* съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(10-го января 1897 года). *Назначается,* учитель, исполняющій обязанности инспектора Сызранскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Салищевъ*—директоромъ Камышинскаго реального училища.

Предоставляется, уволенному отъ службы, за выслугою срока, директору народныхъ училищъ Ярославской губерніи, статскому совѣт-

нику *Федостеву*—носить въ отставку мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершій исключается изъ списковъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Судакевичъ*, съ 13-го декабря 1896 г.

(13-го января 1896 года). *Назначаются*: экстраординарные профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, доктора медицины: коллежскій совѣтникъ *Федоровъ* и надворный совѣтникъ *Щербакъ*—ординарными профессорами того же университета: первый—по кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, а второй—по кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Прибыльскій*—дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента, съ 1-го января.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ гражданскаго права, тайный совѣтникъ *Голевинскій*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (1-го октября 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени домашняго учителя Анатолія Алексѣевича Бунакова при Мценскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Мценскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ учреждается стипендія имени домашняго учителя Анатолія Алексѣевича Бунакова на проценты съ капитала въ сто рублей, пожертвованнаго имъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ билетъ 4% государственной ренты, хранится въ Мценскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Мценскаго городского по положенію 1872 года училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ доходовъ съ денежныхъ капиталовъ передачѣ въ казну, выдаются стипендіату на приобрѣтеніе учебниковъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Въ стипендіаты педагогическимъ совѣтомъ училища избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ старшаго отдѣленія IѢ класса, имѣющій удовлетворительные успѣхи по всѣмъ предметамъ.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія имъ полного курса, при чемъ оставленіе его на повторительный курсъ въ одномъ изъ отдѣленій III класса по уважительнымъ причинамъ лишаетъ его права на полученіе стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразования Мценскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

8. (17-го октября 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова при Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ, Херсонской губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ учреждаются пять стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* руб., завѣщаннаго имъ съ этою цѣлію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на 3.000 руб. и 9 руб. 76 коп. наличныхъ денегъ, составляетъ неприкосновенную собственность Николаевскаго уѣзднаго училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ сего училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія пяти стипендіатовъ, а излишекъ процентныхъ денегъ, причитающихся стипендіатамъ, выдается по полугодно на руки родителямъ или лицамъ, на попеченіи коихъ находятся стипендіаты, на приобрѣтеніе для нихъ учебныхъ пособій.

§ 4. Могущій почему либо образоваться отъ процентовъ остатокъ причисляется къ стипендіальному капиталу и обращается, по накоп-

ленія, въ процентныя бумаги, доходъ съ которыхъ употребляется на учрежденіе новыхъ стипендій того же имени.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Николаевского уѣзднаго училища изъ бѣднѣйшихъ учениковъ этого училища, отличнаго поведенія и оказывающихъ удовлетворительныя успѣхи въ наукахъ, (согласно волѣ завѣщателя) дѣтей купцовъ и мѣщанъ г. Николаева, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неуспѣшности въ ученіи, если это обуславливается недостаткомъ прилежанія, стипендіаты лишаются степендіи по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Николаевского уѣзднаго училища, стипендіальный капиталъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ г. Николаевѣ, взамиѣнъ существующаго уѣзднаго училища.

9. (20-го ноября 1896 года). *Положеніе о стипендіи заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, тайнаго совѣтника И. Н. Новацкаго.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, тайнымъ совѣтникомъ И. Н. Новацкимъ, учреждаются при Смоленской мужской гимназій стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствахъ 4% государственной ренты по 1 т. руб., хранится въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, и именуется капиталомъ заслуженнаго профессора И. Н. Новацкаго. Въ случаѣ необходимости, пожертвованныя пять свидѣтельствъ государственной 4% ренты могутъ быть обмѣнены на другія же государственныя процентныя бумаги.

§ 3. Изъ процентовъ, поступающихъ съ упомянутаго капитала, выдаются денежныя пособія нуждающимся воспитанникамъ Смоленской гимназій, преуспѣвающимъ въ наукахъ при отличномъ поведеніи.

§ 4. Назначеніе стипендіатовъ на эти стипендіи, опредѣленіе ихъ

числа и размѣра пособія предоставляется Смоленскому обществу вспомошествованія учащемуся юношеству, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ Смоленской мужской гимназіи; въ случаѣ же закрытія общества, это право переходитъ исключительно къ педагогическому совѣту.

§ 5. Остатки, за невыдачею стипендій, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія его.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (29-го ноября 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика Новгородской гимназіи, сына Московскаго 1-й гильдіи купца Николая Ѳеодоровича Пупышева.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *десяти* рублей, пожертвованнаго бывшимъ ученикомъ Новгородской гимназіи, сыномъ московскаго 1-й гильдіи купца Николаемъ Ѳеодоровичемъ Пупышевымъ, учреждается при сей гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ на сумму *десяти* рублей, хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Назначеніе стипендіата изъ старшихъ воспитанниковъ пансіона, занимающихся съ пансіонерами младшихъ классовъ, зависитъ отъ педагогическаго совѣта Новгородской гимназіи.

§ 4. Могушіе образоваться почему либо остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (30-го ноября 1896 года). *Положеніе о стипендіи тульскаго купца Василія Степановича Баташева при Тульскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* рублей, пожертвованнаго штабсъ-капитаномъ Алексѣемъ Степановичемъ Бата-

шевымъ, учреждается при Тульскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго брата жертвователя Василя Степановича Баташева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ изъ 4% въ Тульское отдѣленіе государственнаго банка подъ квитанцію № 1848, причисляется къ специальнымъ средствамъ училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года. употребляются ежегодно на выдачу единовременнаго пособія одному бѣднѣйшему ученику окончившему полный курсъ Тульскаго реального училища и поступившему для продолженія образованія, по выдержаніи повѣрочнаго испытанія. въ одно изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Полученіе пособія обусловливается единственно поступленіемъ ученика въ высшее учебное заведеніе и не зависитъ отъ суммы балловъ, полученныхъ имъ на повѣрочномъ испытаніи.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть только уроженцы города Тулы православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Изъ общей суммы процентовъ прежде всего вносится за стипендіата полугодовая плата за слушаніе лекцій въ то высшее учебное заведеніе, куда стипендіатъ поступитъ для продолженія образованія; остальная часть стипендіи выдается стипендіату въ полное его распоряженіе, въ возмѣщеніе расходовъ его по повѣздкѣ и на обмундированіе.

§ 6. Если по какимъ либо обстоятельствамъ стипендія въ какой либо годъ останется невыданною, то въ слѣдующемъ году она выдается на тѣхъ же основаніяхъ двумъ воспитанникамъ; при невыдачѣ и на второй годъ, на третій годъ выдается тремъ воспитанникамъ и т. д.

§ 7. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Тульскаго реального училища по соглашенію съ жертвователемъ штабсъ-капитаномъ Баташевымъ, послѣ смерти котораго право избранія стипендіата вполне переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (5-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени Анны Вульфъ и Моисея Вульфъ при Симферопольской мужской гимназій.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *два тысячи пятьсотъ* рублей, завѣщаннаго кандидатомъ правъ Моисеемъ Михайловичемъ

Вульфомъ, учреждается при Симферопольской мужской гимназiи стипендія имени Анны Вульфъ и Моисея Вульфъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неприкосновенную собственность Симферопольской мужской гимназiи, хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ сей гимназiи.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, въ количествѣ *пятидесяти* рублей ежегодно, до 1-го сентября 1899 года употребляются на уплату за право ученія одного ученика гимназiи, а съ 1-го сентября 1899 года, въ суммѣ *ста* рублей ежегодно, поступаютъ въ уплату за право ученія двухъ учениковъ гимназiи, кои именуется стипендіатами Анны Вульфъ и Моисея Вульфъ.

§ 4. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія второй стипендіи или по какимъ либо инымъ причинамъ остатки, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія его и обращаются въ государственныя процентныя бумаги, доходъ съ коихъ употребляется, съ 1-го сентября 1899 года, на уплату за право ученія втораго стипендіата того же имени; остатки же отъ процентной суммы, которые по какимъ либо причинамъ могутъ образоваться послѣ 1-го сентября 1899 года, обращаются на покрытіе расходовъ на непредвидѣнныя нужды стипендіатовъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназiи.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Симферопольской гимназiи изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ этой гимназiи, отличнаго поведенія и оказывающихъ удовлетворительныя успѣхи въ наукахъ, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и сословія.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неуспѣшности въ ученіи, если это послѣднее обуславливается недостаткомъ прилежанія, стипендіаты лишаются стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназiи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (8-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника К. А. Кошелякова при Новгородскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала *въ одну тысячу* руб., пожертвованнаго родителями учащихся въ Новгородскомъ реальномъ училищѣ,

учреждается при этомъ училищѣ стипендія имени умершаго директора сего заведенія статскаго совѣтника Константина Александровича Кошелькова.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ 4% государственныхъ бумагахъ на *одну тысячу руб.* и наличныхъ деньгахъ (въ количествѣ 73 руб. 41 к.), составляетъ неотъемлемую собственность Новгородскаго реального училища и хранится въ мѣстномъ казначествѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3: Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, безъ различія званія и вѣроисповѣданія.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется вдовѣ покойнаго Кошелькова Людмилѣ Ивановнѣ Кошельковой, а въ случаѣ непредставленія ею кандидата, а равно за смертію ея право избранія переходитъ къ педагогическому совѣту реального училища.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ нибудь другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (8-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьевъ А. и Г. Хлудовыхъ при Егорьевской мужской прогимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *восемь тысячъ руб.*, представленнаго правленію товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики бр. А. и Г. Хлудовыхъ лицами, состоящими съ нимъ въ торговыхъ сношеніяхъ, учреждаются при Егорьевской прогимназіи по случаю 50-лѣтія существованія этой фабрики, *восемь стипендій* имени этого Товарищества. Размѣръ каждой стипендіи равняется размѣру платы за ученіе, взимаемой въ Егорьевской прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4¹/₂% облигацияхъ рязанско-уральской желѣзной дороги, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи въ Егорьевскомъ уѣздномъ казначествѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. На означенныя стипендіи принимаются дѣти лицъ, служащихъ при дѣлахъ товарищества, а за неизмѣнимъ послѣднихъ—дѣти

лицъ недостаточнаго состоянія христіанскаго вѣроисповѣданія изъ словія: купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, удовлетворяющихъ вышеприведеннымъ условіямъ, принадлежитъ исключительно правленію товарищества, а въ случаѣ ликвидаціи его дѣлъ, Егорьевской городской думѣ.

§ 5. Въ случаѣ выхода означенныхъ облигацій въ тиражъ погашенія, взаимно ихъ приобретаются наиболѣе выгодныя правительственныя, или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 6. Излишекъ отъ приобретенія бумагъ покупкою ихъ по биржевой цѣнѣ, равно остатки отъ процентовъ за покрытіемъ расходовъ по содержанію стипендій и за уплатою сбора, установленнаго закономъ 20-го мая 1885 года, а также вслѣдствіе незамѣщенія стипендій, присоединяются къ стипендіальному капиталу до тѣхъ поръ, пока онъ не возрастетъ до размѣра, достаточнаго для содержанія большаго числа стипендій изъ процентовъ съ оного.

§ 7. Если современемъ плата за ученіе въ Егорьевской мужской прогимназіи будетъ возвышена и процентовъ съ капитала для оплаты всѣхъ стипендій будетъ недостаточно, то часть стипендій оставляется незамѣщенной, а остающаяся сумма отъ процентовъ причисляется къ стипендіальному капиталу какъ сказано въ § 6.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

15. (14-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи П. И. Рябинина при Рижской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.)

§ 1. На проценты съ капитала въ *девятьсотъ двадцать* руб. *девять* коп., пожертвованнаго титулярнымъ совѣтникомъ Петромъ Ивановичемъ Рябининымъ и заключающагося въ 4¹/₂ билетехъ государственнаго дворянскаго земельного банка на *девятьсотъ* руб. и 1 книжкѣ сберегательной кассы Рижской конторы государственнаго банка на *двадцать* руб. *девять* коп., учреждается при Рижской Александровской гимназіи стипендія П. И. Рябинина въ память о починающемъ въ Бозѣ Императорѣ Александрѣ II.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь всегда неприкосновеннымъ, составляетъ собственность Рижской Александровской гимназіи и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ сей гимназіи въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ процентныхъ билетовъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, хозяйственный комитетъ гимназіи приобрѣтаетъ вмѣсто нихъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ, по закону 20-го мая 1885 года, въ казну государственнаго 5% сбора, выдаются стипендіату, избираемому педагогическимъ съѣздомъ названной гимназіи изъ числа недостаточныхъ въ матеріальномъ отношеніи учениковъ-уроженцевъ г. Риги, православнаго исповѣданія.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо инымъ причинамъ отстатки присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по мѣрѣ возможности, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 6. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Рижской Александровской гимназіи, стипендія передается въ одно изъ правительственныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго учебнаго округа, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

16 (11-го января 1897 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ имени вдовы гвардіи поручика Ольги Ивановны Пузаткиной.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію вдовы гвардіи поручика Ольги Ивановны Пузаткиной, учреждается при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ на проценты съ завѣщаннаго ею и обращеннаго въ государственныя процентныя бумаги капитала въ *восемь тысячъ девяти* рублей стипендія имени вдовы гвардіи поручика Ольги Ивановны Пузаткиной.

§ 2. Стипендія опредѣляется въ размѣрѣ 350 рублей въ годъ. Остающіеся же невыданными проценты съ завѣщаннаго капитала, равно какъ могущіе образоваться отстатки отъ незамѣщенія стипендіи или по какой-либо другой причинѣ присоединяются къ основному капиталу. Какъ скоро проценты съ этого капитала позволятъ, учреждается вторая стипендія имени Пузаткиной въ томъ же размѣрѣ.

§ 3. Стипендія имени Ольги Ивановны Пузаткиной, согласно ея духовному завѣщанію и Высочайше утвержденному 27-го декабря 1896 года положенію комитета министровъ, назначается студентамъ изъ бѣдныхъ ея родственниковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ изъ бѣднѣйшихъ лицъ войскового сословія Уральскаго казачьяго войска, независимо отъ того въ какомъ бы учебномъ заведеніи они ни окончили курсъ до поступленія въ Казанскій университетъ. Въ случаѣ нѣсколькихъ конкурентовъ, правленіе университета выбираетъ достойнѣйшаго. При отсутствіи же таковыхъ лицъ въ университетѣ, стипендія эта можетъ быть предоставляема по соглашенію попечителя Казанскаго учебнаго округа съ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска воспитаннику одной изъ Казанскихъ гимназій изъ войскового сословія того же Уральскаго войска.

§ 4. Назначеніе стипендіи имени Ольги Ивановны Пузаткиной, а равно и пользованіе ею во время прохожденія стипендіатомъ университетскаго и гимназическаго курсовъ подчиняется дѣйствующимъ правиламъ о назначеніи студентамъ и воспитанникамъ гимназій казенныхъ стипендій и пособій. Объ освободеніи стипендіи правленіе университета уведомляетъ всѣ факультеты и въ подлежащихъ случаяхъ начальства гимназій.

§ 5. Стипендіаты Ольги Ивановны Пузаткиной никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіей не подлежатъ.

17. (8-го января 1897 года). *Циркулярное предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія нерѣдко поступали ходатайства гг. попечителей учебныхъ округовъ о назначеніи высшаго оклада жалованья въ 900 р. за 12 недѣльныхъ уроковъ такимъ преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые хотя и прослужили на низшемъ окладѣ въ 750 р. требуемая по закону пята и болѣе лѣтъ, но не въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, а въ разныхъ, напримѣръ, въ гимназій, прогимназій и реальномъ училищѣ, и были переводимы изъ одного учебнаго заведенія въ другое до выслуги ближайшаго высшаго оклада въ 900 р. по распоряженію начальства, въ видахъ пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

По дѣйствующему уставу реальныхъ училищъ преподаватели, перемѣщенные изъ одного реального училища въ другое до истеченія пяти лѣтъ ихъ службы, сохраняютъ право на полученіе оклада въ

900 р. по выслугѣ пяти лѣтъ въ томъ случаѣ, если перемѣщеніе ихъ послѣдовало по распоряженію начальства въ видахъ пользы службы.

Признавая вполне справедливымъ уравнивать въ семъ отношеніи преподавателей мужскихъ гимназій и прогимназій съ преподавателями реальныхъ училищъ, а равно предоставить и сямъ послѣднимъ право на окладъ въ 900 р. при переходѣ не только изъ одного реального училища въ другое, но также изъ гимназій и прогимназій, министерство народнаго просвѣщенія входило въ государственный совѣтъ съ представленіемъ по сему предмету.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ означенное представленіе министерства, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Преподаватели гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, перемѣщенные въ какое-либо другое изъ сихъ учебныхъ заведеній до истеченія пяти лѣтъ службы, сохраняютъ право на полученіе оклада въ 900 р. за 12 недѣльныхъ уроковъ по выслугѣ пяти лѣтъ въ томъ случаѣ, если перемѣщеніе ихъ послѣдовало по распоряженію начальства, въ видахъ пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе государственнаго совѣта въ 23-й день декабря минувшаго года Высочайше утвердить соизволялъ и повелѣлъ исполнить.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

18. (18-го октября 1891 года). *Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Ръзваго за лучшую „Исторію Финляндіи, для школъ“.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ видахъ распространенія правильныхъ историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ Финляндскаго края, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по желанію и на средства домовладѣльца гор. Гельсингфорса Николая Тимоеевича *Ръзваго*, при учебномъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, назначается единовременная денежная премія въ *восемьсотъ* руб. за лучшую исторію Финляндіи для школъ, на русскомъ языкѣ.

§ 2. Дабы удостоится преміи Н. Т. Ръзваго, означенное сочиненіе должно удовлетворять, между прочимъ, слѣдующимъ условіямъ:

а) исторія Финляндіи должна быть изложена отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени;

б) въ сочиненіи съ особенною подробностью должны быть изложены судьбы православной вѣры въ Финляндіи и событія, касающіяся сношеній съ Финляндіею сѣверно-русскихъ областей въ древнѣйшее время и распространеніе въ Финляндіи русской власти въ позднѣйшія времена,—и

в) сочиненіе должно представлять собою не учебникъ, а книгу для чтенія въ школахъ и дома; книга эта должна быть изложена по-русски, общепонятнымъ языкомъ, такъ, чтобы она могла быть доступна для чтенія учащимся не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ.

§ 3. Сочиненія для соисканія означенной преміи представляются въ ученый комитетъ не позднѣе 31-го декабря 1897 года въ печатномъ видѣ, или же въ рукописи, причемъ рукопись должна быть написана опрятно и разборчиво.

§ 4. Сочиненіе какъ печатное, такъ и рукописное, можетъ быть представлено безъ означенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожителство.

§ 5. Въ случаѣ одобренія сочиненія, представленнаго въ рукописи, на автора возлагается обязанность, прежде полученія преміи, представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, въ видѣ пособія на печатаніе, половина преміи, то-есть, 400 руб. можетъ быть выдана автору до появленія его труда въ печати.

§ 6. Для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій, ученый комитетъ назначаетъ изъ своихъ членовъ и постороннихъ, буде понадобится, лицъ особую комиссію, предсѣдатель и члены которой утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. По разсмотрѣніи сихъ сочиненій и по обсужденіи ихъ достоинствъ, заключеніе свое, касательно присужденія преміи, означенная комиссія представляетъ на разсмотрѣніе ученаго комитета, опредѣленіе котораго по сему предмету представляется на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

§ 7. На разсмотрѣніе сочиненій въ комиссіи полагается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ученый же комитетъ свое о нихъ заключеніе представляетъ министру народнаго просвѣщенія въ теченіе мѣсячнаго, затѣмъ, срока.

§ 8. О результатах конкурса печатается, во всеобщее свѣдѣніе, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, подробная же рецензія сочиненія, удостоеннаго преміи Н. Т. Рѣзваго, вслѣдъ затѣмъ печатается въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

§ 9. Въ случаѣ, если бы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному въ ст. 3 сроку (31-го декабря 1897 года), не было удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго, соисканіе оной отсрочивается на дальнѣйшее время, по указанію ученаго комитета, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ съ тѣмъ виѣсть дать болѣе подробныя указанія относительно условій, комѣ подобное сочиненіе должно удовлетворять.

19. (30-го ноября 1896 года). *Правила о преміи Августѣйшаго имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны.*

§ 1. Учрежденіе преміи имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны имѣеть цѣлью поощрить появленіе въ печати, на русскомъ языкѣ, возможно большаго числа сочиненій по вопросамъ о призрѣніи бѣдныхъ и вообще о благотворительности.

§ 2. Премія имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны образуется изъ процентовъ съ пожертвованнаго Ея Императорскимъ Величествомъ основнаго капитала, въ 20.000 руб., который находится въ вѣдѣніи комитета попечительства о домахъ трудолюбіи и рабочихъ домахъ.

§ 3. Основной капиталъ остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и увеличивается причисленіемъ къ нему: а) части процентовъ, могущей остаться свободной за покрытіемъ расходовъ на преміи и на изготовленіе медалей (§§ 7 и 23) и б) суммъ не розданныхъ премій (§ 20).

§ 4. Проценты съ капитала употребляются исключительно на преміи и изготовленіе медалей, или же на увеличеніе капитала.

§ 5. Капиталъ преміи обращается въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 6. Присужденіе преміи производится черезъ каждые три года, то-есть, въ 1900 г., 1903, 1906 и т. д.

§ 7. Большая премія имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны присуждается въ размѣрѣ 1.500 руб.; въ случаѣ если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ

удостоено таковой преміи, предназначенная на этотъ предметъ сумма обращается на образованіе двухъ малыхъ премій по 750 руб. каждая, взаимѣнъ конхъ выдаются почетные отзывы, въ случаяхъ, указанныхъ въ § 20. Независимо отъ сего въ каждомъ соисканіи назначается 500 руб. на поощреніе переводовъ.

Примѣчаніе. Означенные 500 руб. могутъ быть назначаемы одному или нѣсколькимъ переводчикамъ.

§ 8. Преміи, почетные отзывы и денежные поощренія за переводы (§ 7) присуждаются комитетомъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

§ 9. Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ съ теоретической или практической точки зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи и статистики этого дѣла, изслѣдованіе русскаго и иностраннаго законодательства по данной отрасли и т. п.

§ 10. Члены комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ въ соисканіи премій участвовать не могутъ.

§ 11. Комитетъ попечительства, когда признаетъ это нужнымъ, предлагаетъ на соисканіе преміи задачи. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя задачи; сими послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ (§ 20), отдается однако же преимущество.

§ 12. Премія или денежное поощреніе за представленныя въ рукописи сочиненія или переводы выдаются не прежде, какъ по доставленіи въ комитетъ печатнаго экземпляра удостоеннаго награды труда, для чего комитетомъ назначается каждый разъ опредѣленный срокъ.

На заглавномъ листѣ сочиненія авторъ имѣетъ право означать, какой именно преміи оно удостоено.

§ 13. Премія и денежные поощренія выдаются лишь самимъ авторамъ или переводчикамъ, а также ихъ законнымъ наследникамъ.

§ 14. Сочиненія, которыя уже прежде получили какую либо награду, какъ отъ комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, такъ и отъ другаго учрежденія, могутъ быть удостоены преміи лишь при послѣдующемъ изданіи, если они въ та-

кой степени обогатились вновь сдѣланными дополненіями, что являются какъ бы новыми сочиненіями.

§ 15. Комитетъ попечительства въ началѣ года доводитъ, посредствомъ объявленія въ газетахъ, до всеобщаго свѣдѣнія, о главныхъ постановленіяхъ настоящихъ правилъ, а также о предложенныхъ комитетомъ темахъ; независимо отъ сего, не позже какъ за два мѣсяца до окончанія срока для представленія сочиненій (въ первый разъ не позже 1-го ноября 1898 года), объявляется такимъ же порядкомъ о предстоящемъ конкурсѣ и авторы приглашаются къ доставленію сочиненій.

§ 16. Лица, желающія участвовать въ конкурсѣ премій и денежныхъ поощреній, должны присылать свои сочиненія въ комитетъ попечительства не позже 1-го января предыдущаго присужденію награды года, то-есть, первый разъ не позже 1-го января 1899 года. При представленіи печатныхъ сочиненій авторы обязываются сообщать свое имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства; авторамъ же рукописныхъ сочиненій и переводовъ предоставляется скрывать сіи свѣдѣнія въ приложенномъ къ сочиненію запечатанномъ пакетѣ; въ такомъ случаѣ на рукописи и на пакетѣ означается принятый авторомъ девизъ и въ приемѣ сочиненія изъ дѣлопроизводства комитета выдается особая росписка.

§ 17. По полученіи конкурсныхъ сочиненій и переводовъ комитетъ попечительства въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій или назначаетъ рецензентовъ изъ числа членовъ комитета, или приглашаетъ къ разсмотрѣнію представленныхъ трудовъ постороннихъ компетентныхъ лицъ, или же препровождаетъ оныя въ соответствующія ученныя учрежденія и общества.

§ 18. Рецензіи должны быть доставлены въ комитетъ не позже 1-го сентября предыдущаго присужденію преміи года.

§ 19. Въ одномъ изъ ближайшихъ послѣ 1-го сентября засѣданій, комитетъ попечительства разсматриваетъ доставленные рецензіи и постановляетъ окончательныя рѣшенія по конкурснымъ сочиненіямъ и переводамъ.

§ 20. Всѣ представленные сочиненія подвергаются одновременно оцѣнкѣ записками и сочиненіе, получившее при этомъ не мене $\frac{2}{3}$ всего числа голосовъ, признается достойнымъ увеличенія большою премією. Затѣмъ всѣ сочиненія баллотируются отдѣльно шарами на предметъ присужденія малыхъ премій или почетныхъ отзывать. Малыя преміи назначаются, если ни одно сочиненіе не приз-

нано, при первоначальной оцѣнкѣ записками, достойнымъ большой преміи (§ 7) и присуждаются двумъ сочиненіямъ, получившимъ при баллотировкѣ шарами наибольшее абсолютное число голосовъ, при этомъ соблюдается условіе, указанное въ § 11. За сочиненія, недостойныя малой преміи, но получившія при баллотировкѣ шарами абсолютное большинство голосовъ, выдаются почетные отзывы.

Въ случаѣ неприсужденія премій, суммы, для сего назначенныя, причисляются къ основному капиталу.

§ 21. Порядокъ назначенія денежныхъ поощреній за переводы опредѣляется комитетомъ попечительства по его усмотрѣнію.

§ 22. Предположенія свои о присужденіи наградъ за сочиненія и переводы комитетъ повергаетъ на Высочайшее благовозрѣніе Августѣйшей покровительницы попечительства.

§ 23. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности за ихъ труды, могутъ быть выдаваемы особыя медали.

§ 24. Отчетъ о присужденіи премій и денежныхъ поощреній за переводы комитетъ попечительства доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія въ особомъ публичномъ засѣданіи, назначаемомъ въ началѣ установленнаго для присужденія премій года и въ томъ же засѣданіи объявляетъ предлагаемыя на будущее время задачи для соисканія премій. Независимо отъ сего о результатахъ конкурса публикуется въ газетахъ.

§ 25. Тѣ изъ рукописныхъ сочиненій и переводовъ, представленныхъ подъ девизами, которые не были удостоены награды, хранятся въ теченіи года при дѣлопроизводствѣ комитета; не востребованныя въ теченіе этого срока рукописи уничтожаются.

§ 26. Когда основной капиталъ, вслѣдствіе причисленія къ нему неприсужденныхъ и нерозданныхъ премій и остатковъ отъ процентовъ, возрастетъ въ такой степени, что двухлѣтняя сложность процентовъ будетъ составлять сумму около 2.500 руб., то комитету попечительства предоставляется либо выдавать преміи черезъ болѣе короткіе промежутки времени, либо увеличить ихъ размѣръ и число

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Всходы. Иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста. Издательница *А. Давыдова*, редакторъ *П. Голяховскій*. Цѣна 5 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой“ — допустить къ выпискѣ въ среднія и низшія учебныя заведенія и въ бесплатныя народныя читальни.

— Нижепоименованныя книжки, входящія въ составъ иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста „Всходы“: 1) *Э. Пименова*. Голодовка у сѣвернаго полюса. Эпизоды изъ одной научной экспедиціи. По Фонвіелю. С.-Пб. 1896. Стр. 106 + II. 2) *Альфонсъ Додэ*. Исторія одного мальчика. Часть I. С.-Пб. 1896. Стр. 144. 3) То-же. Часть II. С.-Пб. 1896. Стр. 152. 4) Среди австраійскихъ дикарей. Путешествіе по Австраліи *Карла Лумольта*. Въ переложеніи *Э. К. Пименовой*. С.-Пб. 1896. Стр. 133 + II. 5) За правое дѣло. (Разказъ изъ средне-вѣковой жизни). Переводъ съ французскаго. *Коломбъ*. С.-Пб. 1896. Стр. 156. 6) *П. Масль*. Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1896. Стр. 207. 7) *Т. Белей Олдричъ*. Воспоминанія одного американскаго школьника. Переводъ *Валентина Кемница*. С.-Пб. 1896. Стр. 192. 8) *М. Юрѣва*. На южномъ берегу Крыма. Изъ записокъ юноши. С.-Пб. 1896. 9) *С. Р. Крокеттъ*. Клегъ-Келли. Романъ въ передѣлкѣ для дѣтей *А. И. Анненской*. С.-Пб. 1896. Стр. 152. 10) То-же. Часть II. С.-Пб. 1896. Стр. 152. 11) Вымершія чудовища. Составлено по Хетчинсону *Л. Давыдовой*. Подъ редакціей д-ра зоологіи *А. Никольскаго*. С.-Пб. 1896. Стр. XII + 99. 12) *Альфонсъ Додэ*. Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго. Переводъ съ французскаго изданія для дѣтей *З. Журавской*. С.-Пб. 1896. Стр. 93. — допустить въ отдѣльности, независимо отъ пріобрѣтенія журнала, какъ въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Незабудки. Разказы и стихотворенія *А. В. Крулова* съ рисунками. С.-Пб. Изданіе *Ф. Павленкова*. 1885. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ папкѣ 1 руб. 75 коп., въ переплетѣ 2 руб.“ — допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Счастье. Повѣсть для юношества въ двухъ частяхъ *А. В. Крулова*. Съ рисунками *Н. Зубчанинова*. Второе изданіе. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1896. Стр. IV + 166 + II. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Живыя картины. Сборникъ разказовъ *А. Смирнова*. Съ 50 рисунками. С.-Пб. Изданіе *Ф. Павленкова*. 1885. Стр. 288. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ папкѣ 1 руб. 75 коп., въ переплетѣ 2 руб.“—допустить въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія бібліотеки городскихъ и сельскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Э. Кандезъ*. Несчастливцы. Разказъ для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Съ 65 рисунками. Переводъ съ французскаго *В. И. Писаревой*. С.-Пб. Изданіе *Ф. Павленкова*. Стр. IV + 230. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ папкѣ 1 руб. 50 коп., въ переплетѣ 2 р.“—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, бібліотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Библіотека Дѣтскаго Чтенія. Ручей и его исторія. (По *Элизе Реклю*) *Д. А. Корончесскаю*. Съ рисунками. М. 1896. Стр. 138. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно учительскихъ институтовъ, и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Фритъофъ Нансенъ*. *В. Г. Брѳнера* и *И. Рольфсена* съ стихотворнымъ введеніемъ *Бьёрнстьерне-Бьёрнсона*. Переводъ съ датскаго *А. и П. Ганзенъ*. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ и тремя географическими картами. С.-Пб. 1896. Изданіе *А. Ф. Девріена*. Стр. VIII + 364 + II. Цѣна 2 руб. 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а равно и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданныя *Ф. Павленковымъ* разказы *И. В. Засодимскаю*, извлеченныя изъ сборника того же автора: „Задушевные разказы“: 1) „Неразлучники. С.-Пб. 1884. Цѣна 35 коп. Стр. 55“. 2) „Рыжій графъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 35 коп. Стр. 54“. 3) „Дочь угольщика. С.-Пб. 1884. Цѣна 35 коп. Стр. 50“—допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „На землѣ и подъ землей. Разказы всемірнаго путешественника. Со многими рисунками. Составилъ *В. Галузьевъ*. С.-Пб.

1892. Изданіе Ф. Павленкова. Стр. 368. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ — одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Введеніе въ Исторію Русской Словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій П. В. Владимірова, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1896. Стр. VI+276. Цѣна 2 руб. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Доступныя опыты. I. Воздухъ и его свойства. Практическія занятія въ школахъ и дома, въ свободное время. С. С. Григорьева. Съ 41 объяснительнымъ рисункомъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1896. Стр. 90. Цѣна 35 коп.“—допустить въ ученическія, средняго возраста, библиотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, въ учительскія библиотеки начальныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программѣ реальныхъ училищъ. Часть вторая. (Безпозвочныя животныя. Общая зоологія). Составилъ С. К. Персональный, преподаватель Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища. Стр. VIII+210+II, Съ 190 рисунками. М. 1896. Цѣна 1 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— „Брошюру: „Учебный цвѣтникъ. Директора Двинскаго реальнаго училища А. Князева. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Педагогическій Сборникъ“ за 1896 годъ“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ и одобрить для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюры были исправлены встрѣчающіяся въ ней опечатки.

— Книгу: „Ф. Тома. Внушеніе и воспитаніе. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. Стр. 77. Цѣна 40 коп.“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Premières leçons de français par Eugène Nussbaum,

maitre de français à l'école St.-Pierre. С.-Пб. 1897. Стр. 72. Цѣна не обозначена"—допустить къ употребленію въ первыхъ двухъ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Процентныя таблицы. Составилъ *И. Сизовъ*. Цѣна 5 руб. М. 1896"—допустить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи письмоводства и книговодства въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Гигіена семьи. Въ двадцати письмахъ д-ра *Ф. Гёбера*. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія *Э. А. Русаковой* (студ. мед. Бернскаго университета). С.-Пб. Изданіе *Ф. Павленкова*. 1892. Стр. IV + 151.

— Книгу: „Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *А. Крамеръ*. С.-Пб. Изданіе *Ф. Павленкова*. 1890. Стр. II + 157. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*А. Киселевъ*. Краткая ариметика для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 2-е М. 1896. стр. 166. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также и для низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Школьная гигиена. Борьба съ пьянствомъ. Соч. доктора *Лаборда*. Перев. съ франц. и дополнилъ *В. О. Португаловъ*. Изданіе Одесскаго Общества для борьбы съ пьянствомъ. Одесса. 1896. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки начальныхъ школъ, въ ученическія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Азбука для обученія письму и чтенію. Составили *И. Ауенбергъ* и *М. Соостъ*. 4-е изданіе, съ рисунками. Либава. 1892.

Стр. IV + 26. Цѣна въ переплетѣ 12 коп.—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ Прибалтійскихъ губерній.

— Книжку: „*В. И. Немировичъ-Данченко*. За Дунаемъ. 2-я книжка военныхъ очерковъ и разказовъ для школъ и народа. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. М. 1896. Стр. 182. Цѣна 40 коп.“—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ, для народныхъ библіотекъ и читаленъ, а также для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „*К. П. Арсениковъ*. Уроки начальной ариметики, методическое руководство для учителей начальныхъ училищъ и воспитанниковъ учительскихъ семинарій. М. 1896. Стр. 330+II. Цѣна 1 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Составленныя учителемъ Горійскаго городского училища *И. М. Николаевымъ*: „Стѣнныя таблицы“, классное пособіе при обученіи рисованію. Выпускъ I. (18 таблицъ, цѣна 1 рубль), гор. Гори“—допустить таблицы для употребленія во всѣхъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается начальное рисованіе.

— Изданіе *А. Ф. Маркса*, переводъ *Марии Линдеманъ*, подъ заглавіемъ: „Руководство къ кройкѣ бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго для школьнаго и домашняго употребленія, въ 36-ти таблицахъ, на которыхъ помѣщены масштабы и весь текстъ, съ 8-го нѣмецкаго изданія, 1896 годъ, цѣна 1 руб.“—одобрить для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *А. Рубинскаго*: „Наставленіе къ посѣву, уходу, уборкѣ, обмолоту и сохраненію сѣянныхъ травъ, разводимыхъ на по-

ляхъ, лугахъ, выгонныхъ пустошахъ и одворицахъ, г. Вятка, 1895 годъ, 34 стр., 8°, цѣны не указано—одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу г-жи *Шефсъ*, переводъ *М. И. Сафоновой*, подъ заглавіемъ: „Метода кройки и шитья дамскихъ платьевъ, одежды дѣтской и бѣлья для новорожденныхъ. С.-Пб., 1896 годъ, 259 стр., 8°, цѣна 1 рубль“—одобрить для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. приамурскаго генералъ-губернатора существующее при Селенгинской степной думѣ, Селенгинскаго округа, Забайкальской области, одноклассное приходское училище преобразовано въ двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ВETERАНЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ. Съ двумя портретами, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С.-Пб. 1898. Изданіе А. Ф. Маркса.

Передъ нами лежатъ пять изящно изданныхъ компактныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ произведенія нашего маститаго поэта, плодъ болѣе чѣмъ полулѣтняго служенія родной литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе въ свѣтъ полного собранія стихотвореній Я. П. Полонскаго, тщательно редактированнаго, снабженнаго двумя портретами уважаемаго автора, факсимиле и алфавитнымъ указателемъ, удобнаго по формату и притомъ доступнаго по цѣнѣ (6 р., съ пересылкой 7 р. за пять томовъ), заслуживаетъ искренняго привѣта со стороны всего образованнаго русскаго общества, получающаго возможность обзрѣть въ хронологической послѣдовательности всю дѣятельность писателя и прослѣдить всѣ стадіи ея развитія. Не подлежащія спору чисто художественныя достоинства поэзіи Я. П. Полонскаго въ связи съ общественнымъ характеромъ его творчества, съ идейнымъ содержаніемъ его произведеній возлагаютъ на насъ пріятную и въ то же время нелегкую обязанность отозваться на выдающійся литературный фактъ, попытаться въ сжатомъ очеркѣ воспроизвести обликъ писателя, оцѣнить по достоинству его долговременную, неутомимую дѣятельность на поприщѣ служенія русской мысли и русскому слову.

I.

Даже бѣглое ознакомленіе съ поэзіею Я. П. Полонскаго приводитъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, чуждымъ всякой односторонней тенденціозности, во имя ли чистаго искусства, или подъ знаменемъ реализма въ поэзіи. Онъ не изгоняетъ изъ сферы своего творчества ни служенія идеалу красоты, ни „проклятыхъ вопросовъ“, волнующихъ человѣчество; чуткость къ явленіямъ природы и къ фактамъ внутренняго духовнаго бытія соединяется въ поэтѣ съ не менѣе развитою воспріимчивостью къ событіямъ текущей мировой жизни. Чистый художникъ, улавливающий таинственный говоръ природы и обладающій необычайнымъ даромъ животворить нѣмое и бездушное (вспомнимъ хотя бы такіе перлы, какъ *Солнце и мѣсяцъ*, *Зимній путь*, *Статуя*, *Разказъ волнъ*, *Посмотри, какаѣ жѣла* и др.), надѣляющій человѣческими чувствами все живущее (*Соловьиная любовь*, *Орелъ и змѣя*, *Кузнечикъ-музыкантъ*). и въ то же время гражданинъ своей родной страны, привязанный къ ней всѣмъ своимъ существомъ, и гражданинъ міра, которому не чуждо ничто человѣческое,—таковъ Я. П. Полонскій въ зеркалѣ его разнообразной поэзіи. Упоеніе красотой и грустное раздумье, наслажденіе жизнью и безотрадное сомнѣніе, бодрые призывы и усталое разочарованіе, возвышенный лирическій тонъ и сатирическія выходы, грусть подъ маскою шутки,—все это, какъ въ калейдоскопѣ, чередуется въ произведеніяхъ нашего поэта и все одинаково служитъ къ освѣщенію его духовной личности. Попытаемся же сдѣлать нѣкоторые выводы изъ этого богатаго матеріала: не касаясь чисто художественной стороны поэзіи Я. П. Полонскаго, остановимся на ея идейномъ богатствѣ, на проникающихъ ее общественныхъ мотивахъ, и начнемъ съ основнаго вопроса,—о томъ, какъ самъ поэтъ понимаетъ свое высокое призваніе, какими глазами онъ смотритъ на роль поэзіи въ мірѣ вообще и на свою поэтическую дѣятельность въ частности.

II.

Оглядываясь въ позднѣйшіе годы на ранній періодъ своего творчества, Я. П. Полонскій выразительно подчеркиваетъ, что поэзія не служила ему для самоуслажденія, не была развлеченіемъ отъ скуки, но отражала въ себѣ тревоги его духа:

„Въ туманъ и холодь, внемля стуку
Колесъ по мерзлой мостовой,
Тревоги дужа, а не скуку
Дѣлилъ я съ музой молодой“. (Муза, т. II, 123—124).

Положимъ, мы здѣсь имѣемъ нѣсколько неожиданное противоположеніе. Поэзія, являющаяся результатомъ скуки, вообще плохая поэзія, и о ней едва ли стоитъ и говорить. Истинная поэзія всегда вытекаетъ изъ насущной потребности человѣческаго духа, но дѣло именно въ томъ, что не у всѣхъ поэтовъ духъ бываетъ *тревожный*, или, по крайней мѣрѣ, одинаково тревожный. Какъ бы то ни было, Я. П. Полонскій, по его собственному признанію, никогда не принадлежалъ къ разряду безмятежныхъ пѣвцовъ, замыкающихся отъ „тумана и холода“ окружающей жизни въ радужномъ мірѣ своихъ фантазій: со своею музою онъ дѣлилъ *бремя неволи* и жажду *уйдти въ пророческіе сны*, удовить въ будущемъ черты лучшаго строя жизни, опередить, *пересилить* медленно подвигающееся впередъ время.

„Ея *нервическаю* плача
Я былъ свидѣтелемъ не разъ —
Такъ *плжела* была для насъ
Намъ жизнью данная задача!
Безсилія крикъ иль неудача
Людей, сочувствующихъ намъ,
По дѣвственнымъ ея чертамъ
Унылой тѣнью пробѣгала“. (Ibid.).

Итакъ, это муза скорбящая, страждущая. Ея страданіе—результатъ любви и неизбѣжный ея спутникъ: безъ страданія нѣтъ любви, а безъ любви нѣтъ жизни духа. Для нашего поэта *любовь* и *страданіе*—синонимы *жизни*,—слѣдовательно, и *поэзіи*, потому что поэзія—тамъ, гдѣ есть жизнь.

„О Боже, Боже!
Не Ты ль вѣщалъ,
Когда мнѣ далъ
Живую душу:
Любить—страдать, —
Страдать и жить—
Одно и то же“? (Т. I, 10—11).

Не всѣ поэты смотрятъ такъ на свое призваніе: если всѣ сходятся въ томъ, что нѣтъ поэзіи безъ жизни въ истинномъ смыслѣ этого слова, а жизни нѣтъ безъ любви, то-есть между ними счастливыцы, любовь которыхъ не знаетъ иного страданія, кромѣ чисто

личнаго. Имъ, конечно, нельзя отказать въ *жизни*, но это жизнь односторонняя, замкнутая: любовь къ природѣ и красотѣ не полна безъ любви къ человѣчеству.

Итакъ, любовь—основной законъ жизни и душа поэзіи; но одной любви и скорби, неопредѣленной и мало осмысленной, недостаточно для поэзіи. Музѣ порою бывала смѣшна юношеская печаль поэта, потому что

„Ей мало скорбныхъ изліяній
Младой души, несущей крестъ
Давнымъ чувствъ и школьнымъ знаній;
Она не терпитъ общаго мста“.

(Люблю, или мои сочиненія, т. III, 7).

Однако этотъ смѣхъ, *предѣстникъ плача* (II, 124), горькій смѣхъ сквозь слезы,—ни разу не поссорилъ поэта съ его музою: она и до сего дня приходитъ тайно раздѣлять его тревоги, „*бодритъ* и учитъ презирать смѣхъ гаера и холодъ свѣта“ (ibid.). Почему же она бодритъ поэта? Потому что она обладаетъ завѣтнымъ талисманомъ, предохраняющимъ отъ безысходнаго пессимизма, талисманомъ, безъ котораго любовь вырождается въ жалкое, мучительное сознаніе безсилія или даже угасаетъ вовсе, уступая мѣсто ожесточенію. Этотъ талисманъ—*вера въ идеалъ*, являющаяся въ союзѣ съ любовью, основнымъ условіемъ здороваго поэтическаго творчества:

„Безъ вѣры въ *любой идеалъ*
Смѣшно ей было вдохновенъ“ (Ibid.).

Съ особенною ясностью этотъ идеалъ раскрывается въ стихотвореніи *Поэзія* (т. II, 35—37), къ которому мы еще обратимся, а пока отмѣтимъ лишь заключительныя строки одной строфы, какъ бы совмѣщающей въ себѣ суть всѣхъ остальныхъ:

„Пока ты вѣришь въ *непреложный*
Законъ *любви, добра и истины* святой,—
Поэзія еще съ тобою, *милой мой*“.

Вѣра въ законъ любви, конечно, немыслима безъ любви, но не всегда является ея спутницею, а любовь, не укрѣпляемая вѣрою, какъ уже замѣчено, ненадежна. „*Живой душѣ*“ трудно выносить страданія: она знаетъ періоды слабости,—именно когда впадаетъ въ мучительное сомнѣніе и невѣріе—колеблется, утомляется и по временамъ алчетъ только „ничтожнаго покоя“,—ищетъ „забыться и заснуть“.

„Но я ропталъ,
Когда страдалъ,

Я слезы лить,
 Когда любить;
 Негодовалъ,
 Когда внималъ
 Суду глупцовъ
 Иль подлецовъ...
 И *утомленный*,
 Какъ полусонный,
 Я былъ готовъ
 Борьбѣ тревожной
 Предпочитать
Покой ничтожный,
 Какъ благодать" (т. I, 10—11).

Въ такія минуты упадка духа, ослабленія любви вѣры въ идеаль приходитъ на помощь, и поэтъ ощущаетъ новый подъемъ духовныхъ силъ:

„Прости!—И снова
 Душа готова
 Страдать и жить
 И за страданья
 Отца созданья
 Благодарить“... (Ibid.).

Безъ вѣры въ идеаль и въ возможность его торжества борьба, дѣятельность немыслима; безъ нея нѣтъ надежды на обновленіе міра, „лежащаго во злѣ“.

Та же самая муза, съ которою мы уже знакомы, внушала юному поэту, увлекавшемуся въ годы школьнаго ученія одами Горация и рѣчами Цицерона, любовь къ родной природѣ и къ преданіямъ родной старины и вновь настойчиво указывала на необходимость вѣры, такъ какъ

„Нашу бѣдную Россію
 Не стихи спасутъ, а *стра*
 Въ Божій судъ или въ Мессію“...

(Письма къ музѣ, п. 2-е, II, 108—114).

Далѣе, разъясняя поэту свою profession de foi, муза указываетъ на „трудовую силу правды“, какъ на вдохновительницу, имѣющую обновить тотъ міръ, въ которомъ

„Славу добываютъ кровью,—
 Міръ съ могущественной ложью
 И съ *безсмыслот* любовью“... (Ibid.).

Итакъ, еще разъ: любовь безсильна обновить міръ безъ вѣры въ силу правды; также бесплодна и поэзія, лишенная этого спасительнаго компаса. Завѣты музы падаютъ на добрую почву: поэтъ

болѣе сердцемъ, чѣмъ головою, приходитъ къ выводу, что безъ животворящей вѣры поэзія даже едва ли можетъ существовать:

„Съ той поры, *мушала сердцемъ,*
Постигать я стала, о муза,
Что съ тобой безъ этой вѣры
Нѣтъ законнаго союзу“... (Ibid.).

Таковъ лозунгъ поэзіи Я. П. Полонскаго—любовь къ добру и истинѣ и вѣра въ законъ любви, добра и истины. Пока человѣкъ, стоя передъ алтаремъ, видитъ свѣтъ въ правдѣ откровенія, а за собой тѣнь неправды, пока онъ ощущаетъ благоговѣйный трепетъ и молится съ *экстазомъ*,—поэзія съ нимъ. Пока человѣкъ любитъ и вѣритъ, онъ можетъ мечтать о славѣ и любви, въ немъ живетъ братское чувство къ страждущимъ, и онъ не погрязаетъ въ эгоизмѣ. Смѣлые замыслы, честное негодованіе, способность восторгаться „языкомъ идей“, находить отраду въ трудѣ, судъ—въ друзьяхъ, награду—въ любви, не страшиться честнаго боя съ врагами,—всѣ эти признаки жизни вытекаютъ изъ начала любви и вѣры: безъ нихъ нѣтъ жизни,—нѣтъ и поэзіи. Но вѣдь, скажутъ на это, остается еще одинъ источникъ поэзіи, безъ котораго она прямо невозможна: это—чувство изящнаго и вытекающая изъ него любовь къ природѣ. Я. П. Полонскій вполне признаетъ это, какъ мы еще увидимъ далѣе; но въ его глазахъ это чувство неразрывно связано съ любовью вообще: чьей душѣ говорить природа, тотъ отзывчивъ и на идеалы добра и истины, хотя бы это прямо и не выражалось въ его творчествѣ. Природа нѣма для черствой души; пѣвецъ природы и красоты, повидному, равнодушный ко всему остальному, носить въ своей душѣ идеалъ, возвышающій его надъ зломъ и ложью (ст. *Вечерніе сны*, т. II, 326—327); онъ не боецъ, онъ смотритъ на землю съ олимпійскихъ высотъ, не вѣдаетъ „житейскаго волненія“,—и это дѣлаетъ его поэзію одностороннею, но все же она пробуждаетъ мягкія, добрыя чувства и служитъ *правдѣ* (т. II, 88). Идеалъ красоты внѣшней неотдѣлимъ отъ идеала красоты высшей, духовной, какъ форма отъ содержанія. Въ этомъ сущность поэзіи „удивленія, темнаго лѣса и звѣзднаго свода“, въ этомъ и сущность наслажденія „красотою искусства“ (*Поэзія*). Отсутствие вѣры въ идеалъ, хотя бы и смутный, парализуетъ любовь вообще,—и чувство красоты также теряетъ свое обаяніе надъ душою человѣка, какъ скоро въ ней умерли всѣ идеалы.

„Когда же истина на вѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ

На мiръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвигаетъ
 Свой ослѣпительный туманъ,
 Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей *ирреальной*,
 И ты повѣришь въ непреложный
 Законъ неволи, зла и пошлости людской,
 Поэзія тебя покинетъ, милый мой"... (Т. II, 37).

Конечно, пессимистическая вѣра въ непреложность закона зла и пошлости, *признаніе* прискорбнаго факта, само по себѣ не означаетъ еще *примиренія* съ нимъ, но можетъ повлечь его за собою: во всякомъ случаѣ примиреніе со зломъ, сознательное или бессознательное, на практикѣ или и въ теоріи, можетъ послѣдовать только на почвѣ признанія непоколебимой силы зла. Пессимизмъ безъ примиренія, при которомъ любовь или страдаетъ отъ полного безвѣрія, или обращается въ сплошную ненависть, можетъ еще создать мрачную поэзію отчаянія или озлобленія, отъ которой вѣетъ холодомъ смерти; но поэзіи нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ вступаетъ въ свои права пессимизмъ второго рода,—равнодушный или, еще хуже, торжествующій, когда умираетъ не только вѣра въ идеаль, но и потребность въ этой вѣрѣ, другими словами, когда исчезаетъ любовь. Тогда именно замолкнетъ *все* въ душѣ, кромѣ низменныхъ побужденій, и человекъ или погрузится въ нравственную и умственную спячку, или усвоитъ принципъ *homo homini lupus*. Поэтъ разувѣетъ, очевидно, этотъ второй видъ пессимизма, то состояніе духа, при которомъ нѣтъ уже мѣста никакимъ возвышеннымъ *тревогамъ*. Погруженіе въ тину можетъ быть и несознательнымъ или мало сознательнымъ, и тогда, конечно, нельзя называть его пессимизмомъ, но результатъ получится тотъ же самый—смерть поэзіи.

III.

Таковы общія основы воззрѣнія Я. П. Полонскаго на тѣ условія, при которыхъ поэзія можетъ существовать и проявлять себя плодотворною силою. Можетъ показаться, что предъявляемые поэтомъ требованія нѣсколько строги: вѣра въ *ясный* идеаль есть удѣлъ сравнительно немногихъ, и едва ли вообще идеаль, представляющійся умственному взору человекъ въ недослагаемой дали, можетъ отличаться ясностью своихъ очертаній. „Грядущее — *туманъ*, въ *туманѣ* — *идеаль*“, — такъ заканчиваетъ самъ Я. П. Полонскій свой стихотворный разказъ „*Неучь*“ (т. IV, 408); мечты мчатся въ „*загадочную*“ дали, въ *туманѣ* грядущихъ дней“ (*Кораблики*, т. II, 67). Важно, чтобы былъ на лицо идеаль, отвѣчающій лучшимъ побужде-

ніямъ человѣческаго духа, идеалъ любви и правды, братства и чело-
вѣчности вообще; большей ясности, конечно, нельзя и требовать.
Вѣра также дается нелегко и постоянно борется съ сомнѣніями; но
лишь бы было исканіе вѣры, лишь бы чело-вѣкъ страдалъ отъ ея
недостатка, жаждалъ выхода изъ окружающей тьмы къ свѣту,—и
свѣточъ поэзіи еще горитъ, хотя бы неровнымъ, мерцающимъ бле-
скомъ. Самое выраженіе идеаловъ въ поэзіи можетъ быть не только
положительное, но и отрицательное; наряду со „спокойнымъ“ искус-
ствомъ, по выраженію Некрасова, существуетъ искусство мятежное,
протестующее, проповѣдующее любовь „враждебнымъ словомъ отри-
цанья“; „гремящая лира“ и „Ювеналовъ бичъ“ одинаково служатъ дѣлу
„пробужденія добрыхъ чувствъ“, и любовь можетъ выражаться въ
ненависти ко злу, лишь бы только эта ненависть не заглушила самой
любви подъ влияніемъ духа отрицанія. У Я. П. Полонскаго мы на-
ходимъ характерное произведеніе, рисующее намъ образъ поэта-отри-
цателя („Блаженъ озлобленный поэтъ“, т. II, 157—158), написанное,
очевидно, въ отвѣтъ на аналогичное стихотвореніе Некрасова („Бла-
женъ незлобивый поэтъ“), при чемъ, по нашему мнѣнію, въ этомъ
отвѣтѣ слѣдуетъ видѣть не столько возраженіе, сколько указаніе на
измѣнившійся характеръ эпохи и на измѣнившееся сообразно съ этимъ
отношеніе общества къ поэзіи.

„Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣка,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленаго тка.

Онъ, какъ титанъ, колеблетъ тьму,
Ища то выхода, то сента,—
Не людямъ вѣрить онъ,—уму,
И отъ боговъ не ждетъ отвѣта.

Своимъ пророческимъ стихомъ
Тревожа сонъ мужей солидныхъ,
Онъ самъ страдаетъ подъ ярмомъ
Противорѣчій очевидныхъ“.

Несомнѣнно, что здѣсь нельзя говорить о полной ясности идеала,
разъ чело-вѣкъ ищетъ выхода и свѣта и страдаетъ подъ тяжестью
очевидныхъ противорѣчій, которыхъ пока не умѣетъ примирить. Но
это не уменьшаетъ цѣнности поэзіи, терзающей сомнѣніями, какъ
мы постарались показать, и какъ это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ
строкъ того же стихотворенія. Поэтъ вѣритъ уму, который долженъ
вывести его на ровный путь изъ *трущобы* противорѣчій, уяснить ему

его отношеніе къ міру; вѣрить ли онъ въ умъ, какъ въ средство къ достиженію идеала, вѣрить ли вообще въ возможность этого достиженія,—это вопросъ другой. Но онъ *любитъ* „всѣмъ пыломъ сердца своего“, и въ этой *любви* кроются „зародыши *идей*“, а въ идеяхъ— „выходъ изъ страданья“. Другими словами, беспощадно анализирующій умъ, которымъ руководится озлобленный поэтъ, не ограничивается одною разрушительною работою, но въ союзѣ съ *любовью* приходитъ къ идеямъ положительнаго свойства, иначе—къ *идеалу*. Здѣсь не готовая вѣра въ идеалъ является исходною точкою вдохновенія, а именно любовь, первое условіе жизни, любовь, выражающаяся прежде всего въ *отрицаніи* и озлобленіи, любовь, безъ которой одинъ умъ свѣтитъ холоднымъ, не грѣющимъ свѣтомъ и едва ли въ состояніи указать выходъ изъ страданія. Любовь не можетъ дышать безъ стремленія къ вѣрѣ и, хотя не всегда приводитъ къ ней, но въ любви нѣтъ пути къ вѣрѣ и спасенію; въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ слова нашего поэта, гласящія (въ томъ же стихотвореніи): „спасенье—въ силѣ *отрицанья*“. Мысль, развитая въ разбираемомъ нами произведеніи, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую поправку къ приведенному выше утвержденію, что вдохновеніе смѣшно и незаконно безъ имѣющейся на лицо вѣры въ ясный идеалъ, но не уничтожаетъ самаго положенія именно потому, что любовь немислима безъ *исканія* вѣры; если же исканіе остается тщетнымъ, то вмѣсто выхода изъ страданія въ результатѣ является или мрачное отчаяніе, или безсильное уныніе, или равнодушіе ко всему на свѣтѣ,—любовь умираетъ, и остается одна ненависть или безжизненный покой. Стало быть, и поэзія, не приходящая къ идеалу, обречена на смерть и не можетъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ.

IV.

„*Любовью* къ правдѣ насъ веди!“ Таковъ завѣтъ М. П. Полонскаго по адресу поэта-гражданина „съ душой наивной“ (*Поэту-гражданину*, т. II, 87—88). Если „озлобленный“ поэтъ не только блаженъ, но и „великъ“, то это вѣрно лишь при извѣстныхъ условіяхъ: его невольный крикъ долженъ быть *нашимъ* крикомъ; онъ „пьетъ изъ общей чаши“ со всѣмъ современнымъ человѣчествомъ, отравленъ общимъ съ нимъ ядомъ; его пороки — наши пороки. Онъ можетъ быть „нравственнымъ калѣкою“, но его отрицаніе должно дышать *смелою*. Въ противоположность къ этому образу титана, колеблющаго тьму,

властителя думъ общества, выразителя его скорбей, поэтъ выводитъ передъ нами пѣвца плачущаго и проклинающаго, но не владѣющаго даромъ „глаголомъ жечь сердца людей“ или „ударять по сердцамъ съ *невѣдомою* силой“ своимъ выстраданнымъ стихомъ. Такой наивный поэтъ-гражданинъ напоминаетъ того молодаго мечтателя, которому Лермонтовъ совѣтовалъ бояться вдохновенія, какъ язвы; точно также „толпа угрюмая“ идетъ своею дорогою, не откликаясь на его призывный голосъ, отзываясь въ досужій часъ скорѣе на любовную пѣсенку, чѣмъ на проклятія и слезы его ропщущей музы; „толпа-работница считаетъ каждый грошъ“ и не привыкнетъ къ поэтическимъ страданьямъ, привыкнувъ *иначе* страдать,—ясное дѣло, что толпа и человѣкъ, мнящій быть ея органомъ, чужды другъ другу. „Оставь напрасныя воззванья! *Не хныкай!*“ Съ такими словами обращается Я. П. Полонскій къ поэту-гражданину, мѣтко обозначая бессильно-слезливый тонъ его пѣснопѣній, и далѣе совѣтуетъ ему „въ цвѣты ридить страданья“ и вести любовью къ правдѣ, то-есть, все къ тому же спасительному маяку идеала, предохраняющему поэзію отъ крушенія.

„Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ;

Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты“... (Ibid.).

Здѣсь мы находимъ то, о чемъ говорили выше: *чувство красоты*, источникъ любви къ природѣ, является ступенью на пути къ правдѣ, какъ и чувство добра, порождающее любовь къ человечеству. Изъ этого положенія вытекаютъ важныя слѣдствія: если поэзія должна вести къ правдѣ, а правды нѣтъ безъ любви вообще и любви къ природѣ въ частности, то очевидно, что истинный поэтъ долженъ одинаково одушевляться и чувствомъ красоты, и чувствомъ добра. Однако далеко не у всѣхъ поэтовъ оба эти элемента развиты въ равной степени; здѣсь мы подходимъ къ вѣчному вопросу о тенденціозномъ и безтенденціозномъ искусствѣ, и спрашивается, каково же отношеніе нашего поэта къ тѣмъ его собратіямъ, которые служатъ лишь одному изъ принциповъ, составляющихъ содержаніе поэзіи. Въ этомъ вопросѣ передъ нами съ наглядною ясностью выступаетъ широта взгляда Я. П. Полонскаго, не допускающая никакихъ узкихъ односторонностей: вспоминая съ любовью и благодарностью „вѣщаго пѣвца страданій и труда“, невозмутимаго бойца передъ дверями гроба, учившаго „гражданству“ (О Н. А. Некрасовѣ, т. II, 71—72), онъ въ то же время шлетъ дружескій привѣтъ поэту-счастливицу, мечты котораго „не знаютъ роковыхъ стремленій“ и который способенъ забыть весь міръ за счастливою рыбной ловлей:

„О, въ этотъ мигъ передъ тобой
 Что значать Римъ и всѣ преданья,
 Обломки славы мировой!“ (А. Н. Майкову, т. I, 291—296).

Я. П. Полонскій любитъ Камену мирнаго пѣвца, которой было не-
 ловко, когда поэтъ-художникъ вздумалъ было выйдти изъ свойственной
 ему сферы и пошелъ съ своей подругой „на шумную арену народныхъ
 браней и страстей“. Но—*si quis*: природа беретъ верхъ надъ
искусственной тенденціей. „Олимпійская жена“ осталась вѣрна своему
 поэту и самой себѣ и вновь весело ушла съ нимъ „въ объятія при-
 роды“. Посланіе къ А. Н. Майкову заключается сердечнымъ завѣтомъ:

„Прости, мой другъ! не знай желаній
 Моей блуждающей души!“

Для того, чтобы *созидать* и быть сердцемъ ближе къ истинѣ, не
 нужно далеко странствовать, потому что

„Слѣды прекраснаго художникъ
 Повсюду видитъ и—творить,
 И енимамъ его горитъ
 Вездѣ, гдѣ ставить онъ треножникъ,
 И гдѣ Творецъ съ нимъ говорить“. (Ibid.).

Итакъ, художникъ, служащій прекрасному, тѣмъ самымъ прибли-
 жается къ истинѣ, та же глубокая мысль, которую мы только что
 отмѣтили выше:

„Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
 Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты“.

Съ неменьшею любовью относится Я. П. Полонскій къ чистой ли-
 рикѣ Фета, „соловья-поэта“, „любимца розъ“, чьи волшебныя мечты
 „не знаютъ нашихъ бѣдъ“,—

„Ни злобы днѣ, ни думы омраченной,
 Ни ропота, ни лжи, на все ожесточенной,
 Ни пораженій, ни побѣдъ“. (А. А. Фету, т. II, 374—375).

Онъ славить красоту, поетъ привѣтъ вѣчной веснѣ, и этотъ идеалъ
 не даетъ душѣ поэта зачерствѣть и на склоніи жизни является источ-
 никомъ вдохновенія, „вечернихъ огней“:

„На склоніи скорбныхъ днѣй еще глаза поэта
 Сквозь бездну зла и лжи провидать красоту;
 Еще душа таятъ горячую мечту
 И *вдохновеніе*,—послѣдній проблескъ свѣта“.
 (Вечерніе огни, т. II, 326—327).

И еще разъ Я. П. Полонскій возвращается къ поэзіи Фета— по поводу 50-тилѣтняго юбилея покойнаго поэта (28-го января 1889 года). Въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи немногими, но яркими штрихами изображается мировая игра природы, „затѣянная богами“, игра, въ которую „Феть замѣшался и пѣлъ“: немного можно указать поэтическихъ произведеній, гдѣ была бы проведена такая блестящая параллель между жизнью природы и жизнью сердца. Понятно, каковы должны быть пѣсни поэта, внушенныя этою вѣчною гармоніею міровъ:

„Пѣсни его были чужды суетѣ и минутъ увлеченія,
Чужды теченью *излюбленнымъ нами* идей:
Пѣсни его *откоила*,—въ нихъ вѣчный законъ тяготѣнія
Къ жизни,—и нѣга вакханки, и жалоба фей...
Въ нихъ находила *природа* свои отраженія...
Были *несмыслимы* и *дики* его вдохновенія
Многимъ,—но *тайна боюетъ* требуетъ чуткихъ людей“.

(Т. II, 442—443).

Такая „невнятная“ поэзія, мало доступная для мысли, но говорящая чуткому сердцу, по своему характеру близко подходитъ къ музыкѣ, гений которой поэтому не даромъ любилъ „сочетанія словъ“ Фета, спаянныхъ въ „нѣчто“ душевнымъ огнемъ; но этого мало: и гений поэзіи видѣлъ въ его стихахъ *мерцаніе правды*,—

„Капли, гдѣ солнце своимъ отраженнымъ лучемъ
Намъ говорило: „я солнце!..“ (Ibid.).

Опять та же непрерывная цѣпь—чувство красоты, любовь къ природѣ, *правда*, къ которой поэтъ долженъ вести человѣчество.

V.

Но всякій поэтъ идетъ „дорогою свободной“, слѣдуя своему душевному складу, и Я. П. Полонскій, воплівъ признавая „дорогу“ А. Н. Майкова и Фета, самъ не можетъ идти по ней: мы видѣли, что и въ только что приведенныхъ стихотвореніяхъ онъ упоминаетъ о *нашихъ* бѣдахъ, невѣдомыхъ волшебнымъ мечтамъ Фета, объ *излюбленныхъ нами* идеяхъ, желаетъ другу не знать желаній его *блуждающей* души. Просыпаясь яснымъ лѣтнимъ утромъ въ гостяхъ у того же Фета, онъ слышитъ, какъ „муза птичьихъ пѣсенъ“ кличетъ его въ свои чертоги, и заявляетъ въ отвѣтъ на этотъ призывъ къ безмятежному, жизнерадостному пѣнію:

„Но, какъ рабъ *моей* привычки,
Жажущій *моею* счастья,
Врадъ ли я приму участие
Въ этой птичьей переключкѣ!..“

(Въ *юстиахъ* у А. А. Фета, т. III, 40).

При всей своей любви и чуткости къ природѣ и при всемъ умѣ-
ніи улавливать ея безконечно разнообразныя мотивы и воплощать
ихъ въ гармоническіе звуки Я. П. Полонскій, какъ въ свое время
вѣрно указалъ еще Добролюбовъ, лишь потому часто и съ любовью
уходитъ въ созерцаніе природы и ея тайнъ, что окружающая жизнь
представляетъ его взору слишкомъ мало отраднаго; грустный въ
общемъ и мѣстами безотрадный колоритъ его поэзии есть прямой ре-
зультатъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Однако эта грусть не ведетъ ни къ *квистизму*, ни къ пессимизму:
первый несвойственъ всей духовной личности поэта, для котораго
страдать—значитъ жить; отъ втораго его спасаетъ вѣра въ идеалъ,
муза и до сего дня продолжаетъ *бодрить* его. Прежде всего мы на-
ходимъ у Я. П. Полонскаго неоднократное и яркое выраженіе мысли
о неразрывной духовной связи поэта съ его народомъ и со всѣмъ
человѣчествомъ:

„Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть *черезъ великаго народа*,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода“. (Въ альбомѣ К. Ш..., т. I, 388).

То же самое выраженіе, но въ еще болѣе широкомъ значеніи,
мы находимъ въ раннемъ драматическомъ по формѣ произведеніи
Я. П. Полонскаго: *Больной писатель*:

„*Черезъ человечества*,—писатель,—потрясень“. (Т. III, 153).

Итакъ, писатель—волна, частица цѣлаго океана, писатель—нервъ
народа и *человѣчества*,—таковъ тотъ типъ поэта, къ какому примы-
каетъ Полонскій. Такъ и самъ онъ смотритъ на свою поэтическую
дѣятельность: она, какъ вѣрный барометръ, отражаетъ всѣ колебанія
общественной температуры. Отвѣчая на нападки ультра-реальнаго и
злоствующаго критика, выведеннаго въ образъ лающаго бульдога,
поэтъ отражаетъ обвиненіе въ неясности его туманныхъ пѣсенъ:

„Если пѣснь моя туманна,—
Значить, жизнь еще туманнѣй...
Если пѣснь, какъ барометръ,
Вамъ не жеть насчетъ погоды,
Злитесь вы, зачѣмъ такъ вѣрять
Этотъ *радусникъ свободы*“.

(*Письма къ мумъ*, письмо 1-е, т. II, 105).

Можно, конечно, „подогрѣвать свои пѣсни на огнѣ заемной мысли“, но изъ этого подогрѣванія не выйдетъ ничего, кромѣ фальши (*ibid.*). Сердце поэта—родникъ его пѣсенъ, и, смотря по тому, омраченъ ли онъ тучами, или озаренъ свѣтомъ, пѣсня, льющаяся изъ родника, будетъ мрачна или свѣтла:

„Мое сердце—родникъ, моя пѣснь—волна,—
Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается“ (Т. I, 256).

Свѣтъ и воздухъ, просторъ и приволье нужны для того, чтобы пѣсня поэта перестала уныло журчать, а разлилась, какъ потокъ, забывъ тоскующую, минорный тонъ:

„Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается...
Пусть чливаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется,—нарядится,
И сова,—пусть она не тревожитъ мой слухъ
И, слѣпая, подалеже усядется“ (Т. II, 166).

Если этого необходимаго условія нѣтъ на лицо, то и уединеніе, устраненіе себя отъ докучнаго свѣта, отчужденіе отъ людей на лонѣ природы не принесетъ душѣ „покоя и забвенья“,—цѣнное признаніе въ устахъ поэта, неоднократно извѣдавшаго на себѣ тщету подобныхъ попытокъ. Поэтъ, „больное дитя“,—не можетъ ни брести заодно съ толпой, ни жить одиноко (*Памяти В. М. Гаршина*, т. II, 369—372). Обращаясь къ „одному изъ усталыхъ“, ожесточенному людскою тупостью и мелочностью или утомившемуся въ погонѣ за наукою и въ бѣготѣ „по слѣдамъ младаго поколѣнья“, Я. П. Лонскій указываетъ, что прошли тѣ дни, „когда лѣсную глушь преданье чудными духами населяло“, что мы отошли отъ миеологической эпохи и унесемъ въ пустыню на днѣ разбитой, но все еще живой души не только невыносимыя воспоминанья, но и „цеутомимыя, законныя желанья, и жажду жить и думать съ толпой“.

„О! я бѣ и самъ желалъ удивител!
 Но, другъ, мы и въ глуши не перестанемъ злится
 И къ злой толпѣ воротимся опять“.

Природа-мать не любить вынужденно одинокихъ дѣтей и, доставляя полное наслажденіе безмятежной душѣ жизнерадостнаго лирика, не умѣетъ утѣшать ожесточенныхъ. Не надолго смиряется тревога духа при созерцаніи чудной природы, не надолго разглаживаются „морщины на челѣ“, и изстрадавшійся человѣкъ получаетъ способность „постигнуть счастье на землѣ“ и „видѣть въ небесахъ Бога“.

„И ничего не сдѣлаетъ природа
 Съ такимъ отшельникомъ, которому нужна
 Для счастья законная свобода,
 А для свободы—вольная страна“.

(Одному изъ усталыхъ, т. I, 382--384).

VI.

Каково же вліяніе поэзіи на умы и сердца, на жизнь человѣчества? гдѣ осязательная польза, ею приносимая? Вотъ вопросъ, съ которымъ „чернь“ постоянно обращается къ поэту, и вотъ какой отвѣтъ даетъ на него Я. П. Полонскій:

„Сколько разъ твердила чернь поэту:
 Ты, какъ вѣтеръ, не даешь плода,
 Хлѣбныхъ зеренъ ты не съешь къ лѣту,
 Жатвы не собираешь въ осень. — Да,
 Духъ поэта—вѣтеръ; но, когда онъ вѣетъ,
 Въ небѣ облака съ грозой плывутъ,
 Подъ грозой тучнѣй родная нива зрѣетъ,
 И цвѣты роскошнѣе цвѣтутъ“.

(Юбилей Шиллера, т. I, 360).

Одинъ изъ высшихъ образцовъ такой плодотворной поэзіи представляетъ собою творчество „всемирнаго поэта Германіи“, для котораго „всѣ народы равны“, на столѣтній юбилей котораго, отиразднованный всею Европою, отозвался и нашъ поэтъ.

„Шиллеръ!... Чье поле сердце было
 Пѣсень вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ?
 Чья душа сильнѣй людей любила
 И стояла горячѣй за нихъ?
 О, не ты ль смѣшалъ людей съ полубогами,
 Въ идеалъ видѣлъ божество,
 Свѣту разума надъ мракомъ и страстями
 Приготовилъ въ мірѣ торжество?“ (Ibid.).

Однако, наступитъ ли когда нибудь день этого торжества? „Духъ вражды и разъединенья“ въ теченіе тысячелѣтій держитъ міръ въ невѣжествѣ и злѣ; люди куютъ цѣпи другъ на друга, кровавый бой кипитъ повсюду, и „истина не смѣетъ быть нагой“. И, несмотря на это, вся Европа „отпѣла и отликовала“ юбилей пѣвца человѣчности, потому что языкъ поэзіи, какъ и первый крикъ ребенка, „кричащій міру о кровномъ союзѣ“, есть общее достояніе всѣхъ націй; это—языкъ неизмѣнный во всѣ вѣка, понятный всѣмъ сердцамъ, вопреки разноязычію, разноплеменности и враждѣ народовъ. Конечно,—

„Лучшихъ дней не скоро мы дождемся:
Лишь поэты, вѣстники боговъ,
Говорить, что всѣ мы соборемся
Мирно раздѣлять плоды трудовъ,
Что безумный произволъ свобода свяжетъ,
Что любовь прощеньемъ свяжетъ грѣхъ,
Что *побѣда мысли* смертнымъ путь укажетъ
Къ торжеству, отрадному для всѣхъ“.

„Мечты!“—скажутъ на это хладнокровные люди. Поэтъ и самъ знаетъ, что путь далекъ; но все же „съ каждымъ вѣкомъ человѣчество шагаетъ впередъ“, и въ нашу „железный“ вѣкъ въ побѣжденныхъ уже воскресаетъ сила духа, а побѣдитель опускаетъ свой грозный мечъ, пугаясь грома побѣдъ. Въ этомъ и сказывается *побѣда мысли*, провозвѣстниками которой являются поэты, и торжество этой мысли въ будущемъ, хотя бы и очень отдаленномъ, для нихъ несомнѣнно, потому что

...„для мысли, какъ для воздуха и свѣта,
Невозможно выдумать заставъ“.

У всѣхъ въ сердечной глубинѣ звучитъ одна и та же живая струна, когда громко говорить „Божій голосъ“,—вѣчный голосъ любви,—и въ этомъ сила поэзіи, пробуждающей добрыя чувства. (Ibid., 357—361).

Но если поэтъ ставитъ себѣ высокую задачу—быть глашатаемъ гуманности и при этомъ не только умягчать сердца, возводя идеалъ въ божество и рисуя картины блаженнаго мира и благоволенія въ будущемъ, но и жечь сердца своимъ глаголомъ, быть проповѣдникомъ-бойцомъ,—онъ долженъ быть особенно чутокъ къ содержанію своихъ пѣсень: человѣчество легко даетъ себя убаюкивать сладкими звуками, а дѣло поэта—будить его на жизнь и борьбу. Поэтому

Я. П. Полонскій признаетъ законность упрековъ за „тюремныя“ пѣсни „о любви, о славѣ, о волѣ золотой“, внимая которымъ, вздыхали за стѣной узники въ оковахъ: эти пѣсни были умѣстны въ свое время; когда же пришла свобода, нужны иные мотивы:

„Теперь ты, братъ, на волѣ
Другія пѣсни пой,
Пой о цѣляхъ, о злобѣ,
О дикости людской,
Чтобъ мы не задремали,
Внимая пѣснѣ той“. (Когда я былъ въ неволю, т. II, 9—10).

Конечно, поэтъ безусловно свободенъ пѣть, что и какъ ему вздумается, и никто не имѣетъ права указывать ему сюжеты; но, разъ поставленъ вопросъ о нравственномъ воздѣйствіи поэзіи на общество, сила этого воздѣйствія неоспоримо зависитъ отъ выбора предметовъ для художественнаго воплощенія. Кто хочетъ жечь сердца людей, тотъ долженъ вооружиться бичемъ, „выжимать и пить сокъ общественнаго зла“, по выраженію нашего поэта (И. С. Аксакову, т. I, 265—366).

VII.

Однако, если порою общество требуетъ отъ поэта, чтобы онъ не давалъ ему задремать, то и противоположное явленіе наблюдается не менѣе, если не болѣе, часто: толпа не любитъ, чтобы ее будили и тревожили ея сладкій, безмятежный сонъ. „Озлобленный“ поэтъ пожинаетъ не только вѣнки и привѣтъ со стороны современниковъ, но и ненависть и проклятія; не всё дѣти „озлобленнаго вѣнка“ рукоплещутъ, когда имъ показываютъ вѣрное изображеніе ихъ страстей и пороковъ.

„Жрецы бранять толпу,—
Толпа жрецамъ свистить...“. (Т. I, 422).

Но еще тяжелѣе недоброжелательства холодное равнодушіе общества къ человѣку, честно исполняющему свой долгъ передъ нимъ, какъ бы стоящему виредъ до смѣны на высокой каланчѣ въ морозъ и вьюгу темной зимней ночи и своевременно подающему сигналъ объ угрожающей опасности. Вчитаемся внимательно въ прекрасную, гаубко продуманную и прочувствованную аллегорію Я. П. Полонскаго *На каланчѣ* (т. II, 347—354); вспомнимъ ея заключительныя строки:

„За своевременный сигналъ
(Хотя бы городъ ты спасалъ)
Никто тебя благодарить

Не станеть,—даже, можетъ быть,
 Тебя и не замѣтять, брать;
 И тутъ никто не виновать:
 И чернь слѣва, и высока
 Та вышка, гдѣ тебя судьба
 Поставила...".

Подобно этому часовому, поэтъ поставленъ судьбою высоко надъ всѣми и озираетъ жизнь съ высоты своего сторожеваго поста, и эта высота, отдѣляющая его отъ „слѣвной черни“, дѣлаетъ для послѣдней незамѣтнымъ того, кто бодрствуетъ надъ ея судьбами: толпа, пожалуй, знаетъ про него, но не думаетъ о немъ, и ей не приходится въ голову благодарить своего стража за своевременно поднятую тревогу, какъ и въ случаѣ пожара не приходится на мысль даже справиться о томъ, кто первый оповѣстилъ о немъ.

„...И не легка
 Твоя задача,—та борьба
 Страстей и долга... Но, пока
 Тебя не смѣнитъ кто нибудь,
 На высотѣ своей побудь...“.

Эта борьба страстей и долга съ поэтической силой выражена въ предшествующихъ строкахъ стихотворенія: въ то время, какъ дежурный сигнальщикъ мерзнетъ на холодѣ, исполняя свой *общественный* долгъ, фантазія уноситъ его въ иной міръ, рисуетъ ему картины природы и мирнаго *личнаго* счастья, тянетъ его съ вышки *домой*, отъ холода и мрака зимы къ лѣтнему теплу и свѣту; человекъ изнемогаетъ, его мечты сливаются въ непробудный сонъ... „Бѣдняга! въ *смерть* свою влюбленъ!“ Такъ дѣятель, съ наслажденіемъ забывшійся и заснувшій подъ бременемъ своей трудной задачи, можетъ *умереть* для своего дѣла.

Но еще и другая борьба не легче, если не труднѣе, первой: долгъ исполненъ, тревога поднята, а виновникъ тревоги стоитъ на своей каланчѣ, видитъ борьбу съ общимъ бѣдствіемъ, но, какъ бы ни замирало его сердце, не имѣетъ права покинуть свой постъ, не можетъ *активно* вмѣшаться въ общее дѣло, хотя бы и близкіе ему люди гибли въ пламени.

„А онъ глядитъ, тоской томимъ,
 И легче быть ему въ огнѣ
 Иль, жертвуя собой, спасать,
 Чѣмъ такъ—стоять, стоять, стоять
 На безопасной вышнѣ“.

Конечно, поэтъ—не часовой и не обреченъ, подобно ему, на тягостное бездѣйствіе внѣ сферы своего прямого назначенія; но не всякому человѣку дано быть заразь и служителемъ слова, и активнымъ дѣятелемъ. „Ратникъ свободы униженной“, поэтъ находитъ оружіе *въ стихахъ*. Поэту не нуженъ „мстительный клинокъ“; онъ безоруженъ и, когда льется кровь, онъ

„Молчить или бредить, какъ пророкъ“,

бредить

„Отъ старыхъ ранъ, отъ новой боли,
Отъ непосильной намъ борьбы,
Отъ горя, отъ негодованья,
Отъ безнадежнаго исканья

Иной спасительной судьбы“. (*Пустыя ножны*, т. III, 103—110).

При этомъ слишкомъ часто онъ не имѣетъ иныхъ соратниковъ, кромѣ своихъ вдохновеній, какъ заявляетъ Я. П. Полонскій (*Впередъ и вперёдъ! вся душа моя въ пламени*, т. I, 428—429), и не только потому, что „слѣпая чернь“ не замѣчаетъ его на высотѣ, но и потому еще, что ряды людей нестройны, и что у каждого знамени поэтъ вмѣстѣ съ друзьями встрѣчаетъ и враговъ, натывается на ложь и корыстныя побужденія, будучи готовъ биться и умереть за правду.

„И правду любилъ я, ни въ комъ не увѣренный,
Друзьямъ и врагамъ руки жаль, какъ потерянный“. (*Ibid.*)

„Знамена“ слишкомъ часто носятъ на себѣ отпечатокъ партійныхъ крайностей и связанной съ ними тупой и узкой нетерпимости, претящей чувству правды: такъ, „бульдогъ“, о которомъ мы уже упоминали выше, мнящій себя носителемъ знамени, ставитъ въ вину нашему поэту, что онъ прогресса хочетъ — „и ничуть не кровожаденъ“, что въ глазахъ „бульдога“, конечно, *нескладно* и даетъ ему поводъ осыпать поэта презрительными, по его мнѣнію, кличками „теоретякъ“, „лирикъ“, „классикъ“, „либералъ“, „эстетикъ“... Отъ подобнаго нелѣпаго лая, раздающагося изъ различныхъ лагерей, поэту не остается много убѣжища, кромѣ его творчества, гдѣ онъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ сектантскаго духа, какъ самъ онъ объясняетъ бульдогу:

„Мой Парнасъ есть просто уголь,
Гдѣ свобода обитаетъ,
Гдѣ свободенъ я отъ всякихъ
Ретроградовъ, нигилистовъ,
Отъ властей литературныхъ

И завистливыхъ артистовъ“. (*Письма къ музѣ*, письмо 1-ое, т. II, 98—107).

VIII.

На ряду съ узкостью исповѣдуемыхъ принциповъ неясность, сбивчивость понятій, неизбѣжная въ незрѣломъ обществѣ, порождаетъ крайнюю путаницу въ умахъ, ведетъ къ бессмысленной розни, и немудрено, что иной разъ и самъ поэтъ чувствуетъ себя „потеряннымъ“ посреди общаго хаоса и утрачиваетъ способность яснаго различенія.

„Не то глупца, не то врага
Другъ въ другъ видитъ наше племя:
Злость стала людямъ дорога,—
Спокойно мыслить намъ не время“. (*Ромъ*, т. II, 116—118).

Въ такую смутную пору лирикъ, „забитый сатирою“, обреченъ на молчаніе; но оказывается, что и сатирикъ, „бичъ зла, вреда и пустоты“, вызванный нами къ дѣятельности, поникъ головой, потерявъ власть надъ толпою. Объясненіе факта на лицо:

„Толпа въ чутьѣ непогрѣшима
И поняла, что сгоряча
Ты все клеймишь неумолимо,
Зла отъ добра не отлича“. (*Ibid.*).

Въ этомъ заключается величайшая опасность, какой подвергается „озлобленный поэтъ“, и эта опасность всегда на лицо, потому что не легко соблюсти равновѣсіе человѣку, котораго мучить

„Вся эта современность злая,
Вся эта безтолочь живая,
Весь этотъ сонмъ тирановъ и льстецовъ
Иль эта кучка маленькихъ бойцовъ,
Самолюбивыхъ и въ припадкахъ гнѣва
Готовыхъ бить направо и налѣво“.

(*Одному изъ устамихъ*, т. I, 382).

„Застрѣльщики безъ всякой рати“, готовые кстати и некстати щеголять своимъ задоромъ, играть въ войну, топтать свое, даже ничуть не самостоятельны въ своихъ запутанныхъ мысляхъ и чувствахъ: они „кипятятся заемной враждой“; каждый „молокосось“ считаетъ себя призваннымъ рѣшать заходящія къ намъ съ запада очередные тамъ вопросы и входитъ при этомъ въ азартъ, тогда какъ жизненные, насущные вопросы, едва затронутые, хоронятся „безъ шума и гра-

жданскихъ слезъ" (*Рознь*). Крайности, разладъ и тьма,—таковъ итогъ этого грустнаго созерцанія:

„Одни изъ насъ хотятъ *застоя*,
Достоя полного покоя,
 Другіе *бывшими скачками*...
 И смутный гулъ идетъ отъ спора,
 Отъ несмолкаемаго хора
 Въ разладъ помощихъ голосовъ.
 Завистливы, себялюбивы,
 То слишкомъ скромны, то ечливы,
 Мы *ощутю* идемъ съ *разброда*,
 Не то назадъ, не то впередъ.

И такъ сойдеть со сцены цѣлое поколѣніе, не соединивъ ни разу своихъ разрозненныхъ силъ въ одно спасительное дѣло (*ibid.*). Остается надѣяться на будущее: вспомнимъ характерное произведеніе Я. П. Полонскаго, невольно напоминающее „Думу“ Лермонтова, но не обрывающееся, подобно ей, нотою негодованія, а провидящее въ будущемъ лучъ свѣта. „Тошій умъ“ принесетъ тошій плодъ, и отъ „трусливо блуждающей толпы“ нечего ожидать міру.

„Проходите! отъ васъ ничего не останется,—
 Ни рѣшенныхъ задачъ, ни побѣдъ...
 И потомство съ любовью на васъ не оглянется,
 Затеряетъ въ потемкахъ вашъ слѣдъ“...

(„*Проходите толпою*“, т. II, 339—340).

Но потомство не остановится на отрицательномъ отношеніи къ предкамъ, а само пойдетъ дальше,—

„Пожелаетъ простора для мысли и генія,
 И тогда,—о, тогда, *можетъ быть*,
 Все проснется съ зарей обновленія,
 Чтобъ не даромъ бороться и жить“... (*ibid.*)

Но откуда же взойдетъ эта заря?—Изъ груди поэта невольно вырывается крикъ: „больше свѣта“; но къ этому страстному пожеланію немедленно примѣшивается жгучій вопросъ, раздѣляющій людей на враждебные лагеря, склонные, по русской поговоркѣ, видѣть свѣтъ только въ своемъ окошкѣ. *Unde lux?*.. На этотъ вѣчный вопросъ мы находимъ у Я. П. Полонскаго своеобразный отвѣтъ, свидѣтельствующій о широтѣ его взгляда:

„Откуда же взойдетъ та новая заря
 Свободы истинной,—*любви и пониманья?*“ (*Откуда?*! т. II, 50—51).

Взойдетъ ли она изъ-за ограды того монастыря, гдѣ Несторъ

писалъ свои сказанья, или изъ-за стѣпъ московскаго Кремля, восторжествовавшаго надъ татарами, Польшею и Наполеономъ, или съ береговъ Невы, гдѣ работалъ великій труженникъ культуры, или изъ напской столицы, или изъ славянской земли, родины Гуса и Жишки, или, наконецъ, отъ того Запада,

... „гдѣ партіи шумять,
Гдѣ борются съ трибуноу народныя витіи,
Гдѣ отъ искусства къ намъ несется аромать,
Гдѣ отъ науки *цѣлебно-жгучій ядъ*,
Того гляди, коснется язь Россіи?“...

Отвѣтъ на этотъ рядъ вопросовъ въ ясной и сжатой формѣ даетъ понять, что поэтъ умѣетъ, по завѣту Гете, возвыситься надъ партійными пристрастіями, не оставаясь равнодушнымъ къ тому, чѣмъ живетъ все человѣчество:

„Мнѣ, какъ поэту, дѣла нѣтъ,
Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ,—
Лишь былъ бы онъ, какъ солнце для природы,
Животворящъ для духа и свободы
И разлагалъ бы все, въ чемъ духа больше нѣтъ“.

IX.

Откуда придетъ свѣтъ,—покажетъ будущее; яснѣе представляется поэту, въ какой именно *формѣ* взойдетъ надъ міромъ заря любви и пониманья. Тьма разгоняется свѣтомъ знанія: „не просвѣтила насъ наука“, — въ этомъ Я. П. Полонскій справедливо видитъ одну изъ основныхъ причинъ отмѣченной имъ печальной розни въ нашемъ обществѣ (т. II, 117).

„Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ,
Разума слово и дѣло,
Сня и *снѣтъ*“.

(Т. I, 262—263).

„Люби науку,—это плодъ
Усовершенствованныхъ душъ;
Надъ ней пытай свой шаткій умъ
И свѣтъ ея неси впередъ“.

(*Защита*, т. II, 392—393).

„Цѣлебно-жгучій ядъ“ науки долженъ преобразить „темную толпу“ въ гражданъ „свѣтлаго царства“.

„Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и толпою при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ“.

(Ibid.).

Гдѣ толпа прозябаетъ въ невѣжествѣ, тамъ поэтъ и его муза слышать мало „братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ“; тамъ немногимъ придется записать дѣль и словъ, „вѣщихъ и полныхъ значенія правды святой“, словъ, разрѣшающихъ сомнѣнія, являющихся источникомъ силы и покоя. Поэтъ уже ушелъ „изъ-подъ власти темныхъ силъ“ и „озарилъ наукой мракъ волхвованій“; его муза — „жрица мысли“, освобожденная отъ оковъ невѣжества и суевѣрія (*На кладбищѣ*, т. I, 237 — 239); но поэтъ — „нервь народа“, и чѣмъ слабѣе духовная связь между нимъ и народною массою, тѣмъ тягостнѣе его положеніе, тѣмъ сильнѣе онъ чувствуетъ свое одиночество посреди темной толпы. тѣмъ ограниченнѣе область его вліянія. Такъ, поэтъ, полагавшій свое призваніе въ томъ, чтобы „воспѣть страданья народа, изумляющаго терпѣньемъ, и бросить хоть единый лучъ сознанья на путь, которымъ Богъ его ведетъ“, ощущалъ съ душевною болью, что „пѣсня его безслѣдно пролетѣла“ и *не дошла* до того самаго народа, которому была посвящена вся его любовь. Мы уже слышали отъ Я. П. Полонскаго, что его пѣсня не можетъ разлиться потокомъ въ темную ночь и ждетъ яснаго утра; въ другомъ мѣстѣ, описывая холодную, пасмурную петербургскую весну, онъ невольно обращается мыслью къ народу:

„О, если русский народъ
Такъ же *встаетъ* ото сна,
Такъ же цвѣтеть!..—
Прелесть такого расцвѣта
Не одожговить и поэта...
Дайте жъ тепла, чтобъ порой
Въяло мнѣ изъ окна
Свѣжей грозой,—
Чтобъ солнце, какъ сердце, горѣло,
Чтобъ все говорило и пѣло:

Здравствуй весна!» (*Въ мавъ 1867 г.*, т. I, 433—434).

Вдохновеніе слабѣетъ и измѣняется поэту, застигнутому на степномъ перепутьѣ „скучно-безцвѣтными сумерками“, вмѣсто *дневнаго свѣта*, съ холоднымъ дождемъ и вѣтромъ (*Въ степи*, т. II, 143—147).

„Муза, и та, наконецъ, вмѣстѣ со мной стала дрогнуть.
Все говорило ей: стой! *не залетай высоко!*..
Здѣсь даже сказки своимъ не забыла старуха,
И *безъ осмысленныхъ словъ* ташется грустный нацѣвъ“.

Поэтъ встрѣчаетъ въ степи мужика-пахаря и сразу чувствуетъ, какъ мало между ними общаго („*умъ мой* и руки мои, видно, не въ

помощь тебѣ!"); шутя, онъ предлагаетъ мужику промѣнять его рабочую клячу на Пегаса, чуднаго крылатаго коня, приведеннаго къ намъ изъ Греціи черезъ Европу:

„Слыхалъ ли
Ты объ Европѣ хоть что нибудь?“—„Нѣтъ, не слышалъ“...

Поэтъ описываетъ темному человѣку чудныя свойства удивительнаго коня; слушая его рѣчи, мужикъ подозрѣваетъ въ своемъ собесѣдникѣ колдуна, но слышитъ въ отвѣтъ, что у него есть другое, странное прозвище: люди зовутъ его *поэтомъ*.

„Слыхалъ ли ты это
Громкое слово: поэтъ?“—*Не слышалъ, милый, съ роду не слышалъ...*
Что жъ это значитъ—поэтъ?!—То же почти, что колдунъ“.

Таково духовное общеніе между поэтомъ и народомъ, находящимся въ состояніи первобытнаго невѣжества: при словѣ *поэтъ* простодушный народъ таращитъ глаза, какъ тотъ колдунъ въ драматической фантазіи Я. П. Полонскаго, который задаетъ дѣвочкамъ-подросткамъ загадку, обѣщая въ награду за удачное рѣшеніе исполненіе любого желанія,—и слышитъ отъ одной изъ нихъ вопросъ: „А если я пожелаю поэтического дара?..“ (*Лѣтняя чары*, т. V, 81). А между тѣмъ по деревнямъ могло бы явиться не мало Ломоносовыхъ; „но къ свѣту нѣтъ пути, и свѣтъ ихъ не влечетъ“ (*Хандра и сонъ М. В. Ломоносова*, т. I, 394—400).

Сообразно со степенью развитія человѣка, „не ученаго грамотѣ“ и думающаго о томъ, какъ бы Богъ далъ прокормиться до весны при помощи тощей лошаденки, ограничены и его духовныя потребности: на вопросъ поэта, куда бы онъ полетѣлъ на Пегасѣ, мужикъ отвѣчаетъ:

—„Да куда полетѣть?—нешто въ городъ;
Али бы къ куму махнулъ... А не то обрубилъ бы
Чертовы крылья апаеемѣ, да и запрягъ бы въ телѣгу“.

(Въ стелѣ).

Трезвый взглядъ на дѣйствительность предохраняетъ поэта отъ туманныхъ увлеченій: устами Камкова (*Съезже преданіе*, III, 404) онъ признаетъ славянофильство „преждевременнымъ и ложнымъ, пока нашъ мужичекъ безъ языка“.

X.

Итакъ, въ знаніи — свѣтъ. Этотъ гуманитарный взглядъ внушаетъ поэту сочувственное отношеніе ко всѣмъ ищущимъ знанія, независимо отъ увлеченій и крайностей, въ какія могутъ впадать искренніе искатели. Идеалистъ 40-хъ годовъ, Я. П. Полонскій сумѣлъ, не вдаваясь въ памфлетъ и въ карикатуру, безпристрастно оцѣнить порывы рьяныхъ реалистовъ новаго поколѣнія 60-хъ годовъ; въ ихъ одностороннемъ увлеченіи реальнымъ дѣломъ и положительнымъ знаніемъ онъ подмѣтилъ идеальный порывъ къ честному, полезному труду и идеальную вѣру въ преобразующую силу разума. Не менѣе княжны Ларисы (*Сельжее преданье*, т. III), мечтательницы, развивающейся подъ вліяніемъ Камкова, гуманиста 40-хъ годовъ,—искренно симпатична поэту выведенная имъ „новая дѣвушка“, начитанная, бойкая, смышленная Шушу, брюнетка, съ живой искоркой въ глазахъ, умѣющая и желающая работать, энергичная, связывающая свою судьбу съ человѣкомъ, въ которомъ она видѣла генія, чтобы потомъ разсмотрѣть въ немъ заносчиваго, самоувѣреннаго нахала, верхогляда и грубаго самодура въ новой кожѣ, но стараго закала (*Неучь*, т. IV, 348—408).

„Ей былъ и Бремъ знакомъ, и Вундтъ знакомъ,
И Съченовъ; и мы за это
Готовы искренно хвалить
Мамзель Шушу. Нельзя не полюбить
Естествознанья тѣмъ, кто жаждетъ свѣта“.

Поэтъ вполне понимаетъ, что этотъ прикладной реализмъ есть новая метаморфоза прежняго отвлеченнаго идеализма, что эти энтузіасты естествознанія въ сущности такіе же *мечтатели*, какъ и ихъ отцы, унвивавшіеся въ свое время романтизмомъ и философіей Гегеля: Шушу *мечтала* объ академіи, порой казалась экзальтированной, ждала отъ жизни чудесъ, порой страдала и предвидѣла одни задатки зла, точь въ точь, какъ люди 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Такова и та „труженица“, печальная судьба которой разказана нашимъ поэтомъ, труженица, покинувшая отчье село для столицы съ мыслью, „трудомъ купить себѣ покой“, вѣрившая, что „жизнь и трудъ для всѣхъ рай Божій создадутъ“, дѣтски наслаждавшаяся „зарей свободы“ (*Труженица*, т. II, 204—215). Не менѣе интерес-

ный женскій образъ встаетъ передъ нами въ прекрасномъ стихотвореніи Я. П. Полонскаго (*Что съ ней?* т. II, 166—170): молодая пытливая душа, горячая мечтательница, томимая до слезъ жаждой *правды* и плѣненная духомъ отрицанія, который понялъ, какая сила таится въ этой душѣ, и, отрицая все существующее, рисовалъ ей картину будущаго золотого вѣка:

„На каждой верстѣ будетъ общій дворецъ;
За грудь будетъ плата любовью;
И будетъ тогда *отрицанію конецъ*,—
Созрѣетъ политое кровью“.

Конечно, жизнь не замедлила разбить эти радужныя химеры; но какъ вѣрно понялъ поэтъ эту горячку повального отрицанія во имя смутнаго, но плѣнительнаго идеала! Эти *туманныя* рѣчи повторяются съ „гордою *стырною*“; отрицаніе принимаетъ формы религіознаго культа въ доказательство того, что безъ вѣры во что бы то ни было не можетъ быть никакихъ возвышенныхъ порывовъ. „Да развѣ отрицаніе не вѣра?“ читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ у Я. П. Полонскаго (*Сонъ язычника*, т. II, 250—256). Но вѣра—вѣрѣ рознь: одно дѣло—вѣра въ осуществленіе идеала, придающая самому отрицанію лишь временный характеръ, предвидящая его *конецъ*, другое—чисто-отрицательная вѣра въ зло и ничтожество всего сущаго, вѣра, равняющаяся невѣрію и во всякомъ случаѣ бесплодная.

Намъ могутъ замѣтить, что мы уклоняемся отъ нашей темы: въ самомъ дѣлѣ, въ разбираемомъ стихотвореніи рѣчь идетъ не о жадѣ *знанія*, но о жадѣ *правды*, которая не связана органически съ научною любознательностью, а вытекаетъ изъ идеала *любви*. Конечно, такъ; но, во-первыхъ, очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло столько же съ исканіемъ правды въ жизненныхъ отношеніяхъ, сколько со стремленіемъ къ установленію прочныхъ теоретическихъ истинъ, на которыя умъ могъ бы опереться въ своей работѣ; во-вторыхъ,—и изъ этого объясняется и первый фактъ,—полагаемъ, достаточно ясно, въ какой мѣрѣ работа ума, обогащенная знаніемъ, содѣйствуетъ расширенію кругозора и указываетъ—вѣрные или ошибочные—пути къ осуществленію идеаловъ всеобщаго счастья. Если между обоими указанными порывами и нѣтъ необходимой связи, все же рѣдко они не владѣютъ одновременно душою человѣка, если только онъ не узкій, сухой специалистъ. Въ своемъ очеркѣ Я. П. Полонскій именно изобразилъ намъ совмѣстную работу пылаго сердца и

пытливаго ума, жадно набрасывающагося на чтеніе, на самообразованіе:

„*Пытливымъ* огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
 Мерцаѣ, въ ней мысль загоралась.
 Въ тѣ дни много-много запретныхъ страницъ
 Въ безсонныя ночи читалось“...

Иначе не могло и быть, когда „къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ“: отвѣтъ, какой бы то ни было, не могъ даваться уму безъ подготовки. Но затѣмъ, вступивъ на скользкій путь отрицанія, умъ не пощадилъ и науки, превратилъ и ее наравнѣ со всѣми основами жизни въ „пустыя слова“; дольше выдерживалъ идеалъ любви; но и тутъ время взяло свое: не только „мысль колебалась по вѣтру“, но и надежды ломались, восторги погасали съ чадомъ, и въ результатѣ всего вмѣсто любви является *ожесточеніе*. Духъ отрицанія глумится надъ своею жертвою и отрицаетъ ее самое... Значитъ, отрицаніе-вѣра оканчивается полнымъ невѣріемъ? Не всегда бываетъ такъ, но часто, слишкомъ часто отрицаніе совершаетъ именно такой роковой, безысходный кругъ.

XI.

Женщины вообще болѣе склонны къ искреннему идейному энтузиазму, чѣмъ мужчины: одинъ изъ примѣровъ того мы видимъ при сопоставленіи героя и героини *Неуча*. Но и тутъ мы не можемъ попрекнуть нашего поэта въ односторонности: какъ бы въ параллель эгоисту-деспоту Гвоздеву, низость котораго беретъ верхъ надъ нахватаемыми идеями, онъ выводитъ передъ нами стойкаго, убѣжденнаго юношу Алешу Гайдунова (*Мими*, т. IV, 180 — 347), который умѣлъ остаться „честнымъ малымъ“, несмотря на представившееся ему искушеніе и на дальнѣйшія жизненные передраги, доведшія его, къ несчастію, до ожесточенія. Алексѣй во имя реализма, *изъ принципа* душитъ томящій его жаръ лиризма, чтобы „не прослыть стихослагателемъ“, забрасываетъ тетрадь съ дѣтскими стихами для запятій химіей, „препарировать ножомъ“ скелеты птицъ и рыбъ и въ то же время ищетъ идеала въ народѣ, въ будущемъ, полнѣ *безотчетной* *тѣри*, „всѣхъ больше вѣруя въ себя“. Это — человекъ, еще не сложившійся, „птенецъ, едва окончившій ученье“, онъ еще „на первомъ либеральномъ взводѣ“; идеи вѣка владѣютъ имъ, а не онъ ими

владѣть. Таково уже, по замѣчанію поэта, свойство кипящей ключемъ молодости:

„Владѣютъ ею сотни фразъ,
Фразъ, сказанныхъ устами вѣка
О назначеніи человѣка,—
Пока въ одинъ прекрасный часъ
Переворота не свершится,
И юноша, чтобъ не краснѣть,
Самъ станетъ фразами владѣть“.

Первый періодъ развитія—господство *фразъ*, но фразъ, произносимыхъ съ вѣрою; въ этомъ ихъ сила, и только при этомъ условіи возможно и вступленіе во вторую стадію — умственной зрѣлости и самостоятельности. И вотъ, юноша, принявшій на вѣру результаты чужой мысли, „новъприспій всему“, твердитъ, „что и не нужно вѣрить“, ратуетъ противъ принципа авторитета, не замѣчая, насколько онъ самъ вѣритъ на слово. Это неизбежное наивное противорѣчіе съ самимъ собою; но мало-по-малу вырабатывается способность анализировать; мысль не засыпаетъ и не останавливается тамъ, гдѣ часто раздается споръ о томъ, „что дѣлать“.—

..„Споръ, конечно,
Такого сорта, что, пока
Не разрешится, съ языка
Онъ не сойдетъ и будетъ вѣчно
Къ анализу насъ пріучать
И постепенно развѣивать“.

Значитъ, споръ затрогиваетъ чисто практическіе вопросы, пытаясь рѣшить ихъ на почвѣ усвоенныхъ теорій.

Въ лицѣ этого представителя молодого поколѣнія мы видимъ то же стремленіе къ знанію, неразрывно связанное съ идеаломъ личнаго и общаго совершенства: одно переходитъ въ другое такъ же естественно и незамѣтно, какъ разговоръ юнаго, наивнаго Алексѣя съ разсужденій „о пропорціи солей въ морскихъ водахъ, о свойствахъ пара, о неисчезновеніи силъ“ перескакиваетъ на темы о томъ,

....„что слѣдуетъ забыть
Вѣковъ протекшихъ идеалы,
Чтобъ дряхлый міръ преобразить.
Научные материалы,
Дескать, готовы, для того,
Чтобъ возводить иное зданье“.

И все это говорится съ молодою вѣрою, которой геройство и самоотверженность кажутся ни по чемъ.

Итакъ, паука, совокупность добытыхъ наблюдений и опытомъ истинъ, долженствующая служить дѣлу обновленія общественнаго строя,—таковъ лозунгъ, которому никто не можетъ отказать въ сочувствіи, какъ бы порою ни увлекались и ни заблуждались его носители. Идеальный реалистъ Гайдуновъ—прямой потомокъ идеалиста-поэта и мыслителя Камкова (*Свѣтлое преданье*, т. III, 311—450), рисующаго передъ своею юною ученицею „свѣтлый идеаль разума, силы и чести“—не за предѣлами могилы, а въ жизни (III, 403).

XII.

„Заря истинной свободы“, по опредѣленію Я. П. Полонскаго, какъ мы уже знаемъ, есть заря *любви и пониманія*. Пониманіе дается знаніемъ; но одного знанія и основаннаго на немъ научнаго, *разумнаго* пониманія недостаточно для торжества свѣта: нужно еще пониманіе *сердечное*, основанное на *любви*.

„Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви,—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ“...

(Изъ *Бурдильона*, т. II, 137).

Наша „рознь“ имѣетъ два источника, изъ которыхъ до сихъ поръ мы преимущественно останавливались на одномъ:

„Не просвѣтила насъ наука,
Не озарила насъ любовь“. (Т. II, 117).

Мы уже видѣли, насколько сильно даетъ себя чувствовать взаимодѣйствіе этихъ двухъ факторовъ, и неоднократное ихъ сопоставленіе выясняетъ намъ взглядъ Я. П. Полонскаго, по которому только союзъ знанія съ любовью является залогомъ грядущаго совершенства; ихъ усилія не должны быть разрознены. Любовь, не вооруженная знаніемъ, не въ силахъ будетъ устранить массы общечеловѣческихъ бѣдствій; знаніе внѣ союза съ любовью не породитъ самоотверженія, безъ котораго нѣтъ спасенья отъ зла.

„Какъ высочайшій идеаль,
Какъ истинный залогъ спасенья,—
Любовь и самоотверженье

Христорь народамъ завѣщать.
 Въ тотъ день, когда мы облечемъ
 Душой въ нетлѣніе Христа,
 Отъ черныхъ дѣлъ мы содрогнемся
 И обновленные очнемся,
 И ложь не свяжетъ намъ уста“.

(15 іюля 1888 года, т. II, 376—379).

Воплощеніе мировой любви—Христорь; поэтому

„Жизнь безъ Христа—случайный сонъ“. (Ibid.).

Только тому жизнь не кажется ложью, кто „разумомъ“ свѣтеть—въ комъ *сердце юрится*“ (т. II, 260).

„Царство науки“ не знаетъ предѣла, сказалъ нашъ поэтъ: небо полно тайнами, но человѣческой умъ въ мірѣ звѣздъ не опустилъ крылъ в, *не внемля вѣрь*, открылъ тяготѣніе свѣтилъ (*На кладбищѣ*, т. I, 237—239). Но полное открытіе тайнъ неба дается лишь тому, кто, не ограничиваясь холоднымъ умомъ, смотритъ на небо и сердечными очами и чуетъ надъ милліонами бездушныхъ свѣтилъ вѣяніе Духа разума и любви, слышитъ „Божію музыку“ (т. II, 260).

„Тому лишь ясны небеса,
 Кто и съ наукой прозрѣваетъ
 Невѣдомыя чудеса
 И Бога въ нихъ подозрѣваетъ“...

(15 іюля 1888 года).

Любовь есть „совокупность совершенства“ по вѣчному апостольскому слову; поэтъ всѣмъ сердцемъ чувствуетъ эту истину: самъ Богъ открылъ ему, что „любить, страдать и жить“—одно и то же; поэтому его первая молитва о ниспосланіи любви:

„Отче нашъ! сына моленью внемли!
 Все—проникающую,
 Все—созидющую,
 Братскую дай намъ любовь на земли!“

(Молитва, т. I, 269—270).

Горе тому, чья любовь вырождается въ ожесточеніе!

„Кто царства Божія въ душѣ своей не носитъ,
 Тотъ никуда его съ собой не унесетъ,
 И не получитъ онъ того, чего не проситъ,
 И не дожидется онъ того, чего не ждетъ“.

(Прирекъ, т. III, 90—96).

Такъ говоритъ поэтъ явившійся ему изъ-за могилы призракъ погибшаго человѣка, не бывшаго по природѣ злымъ, даже привлекав-

шаго многихъ добротою и „простодушными, сердечными рѣчами“, не лицемѣрившаго, но круто своротившаго на *чуждую душу его* дорогу, утратившаго вѣру и любовь: онъ хвалился жаждой крови и ждалъ хаоса,—„чтобы все съ хаоса началось“,—и погрузился по смерти въ тьму отчаянія и хаосъ, унесенный имъ въ душѣ; его страшно жжетъ глаголъ Спасителя; онъ искалъ выхода къ Нему и не нашель, мучительно восклицая во тьмѣ:

. „О, есть такіа сферы,
Гдѣ свѣтится любовь, и гдѣ Христосъ!“..

Души, подобныя этому призраку,—искры, не освѣщающія вѣчной тьмы, видящія другъ друга и тоскующія, не любя; онѣ жаждутъ хотя бы только слезъ, но и тѣхъ пѣтъ за гробомъ. Одна надежда еще не угасла вполне: поэтъ говоритъ призраку, что, если онъ и былъ на землѣ лживымъ пророкомъ, то вина въ этомъ падаетъ не только лично на него, но и на неумолимый рокъ,—и благодарный призракъ, готовясь исчезнуть, проситъ поэта быть о немъ живымъ свидѣтелемъ передъ Вышнимъ Судіей...

Итакъ, ожесточеніе, оскудѣніе любви есть духовная смерть. По-этому вторая мольба поэта гласитъ:

„Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови!“ (*Молитва*).

Въ томъ же духѣ звучитъ *Завѣтъ* нашего поэта, гдѣ между прочими строфами въ одной читаемъ:

„За вѣкомъ, не спѣша, слѣди;
Къ его мольбамъ склоняя слухъ,
Не къ *разрушенію* свой духъ,
А къ *солиданію* веди“. (*Завѣтъ*, т. II, 392—393).

Разрушеніе, естественный результатъ ожесточенія, есть дѣло духовъ злобы и тьмы, исповѣдующихъ устами гетевскаго Мефистофеля абсолютное отрицаніе: „Denn Alles, was besteht, ist werth, dess es zu Grunde geht, und *besser wär's*, dass Nichts entstünde“. Но и это еще не крайняя степень ожесточенія: Мефистофель называетъ себя частицею той силы, которая творитъ добро, желая, повидимому зла; его разрушеніе—актъ пессимизма и представляется ему хорошимъ дѣломъ. Иное воззрѣніе мы находимъ у нашего поэта,—зло ради зла, разрушеніе на почвѣ одной ненависти къ свѣту и истинѣ. Обратимъ

вниманіе на фантастическую сцену, вышедшую изъ-подъ пера Я. П. Полонскаго (*У Сатанѣ*, т. III, 451—481): Асмодей, представитель Сатаны на землѣ, поднимается къ чертогу своего повелителя, стоящему на развалинахъ потухшихъ и застывшихъ мировъ, посреди мрака и жгучаго холода; атмосфера Асмодея—дымъ отъ пожаровъ, испаренія крови и слезъ; онъ славить въ лицѣ Сатаны отрицаніе истины, разума и благодати, безконечное зло, *узаконенное* кромѣшнымъ мракомъ. Передъ низшими, подчиненными духами онъ излагаетъ свою программу кратко и неопредѣленно: „надо *кой-что* повалить, *кой-что* разрушить“; но его отчетъ передъ Сатаною гласитъ болѣе внушительно:

„Царство на царство встаетъ,
Братъ руку заноситъ на брата,
Отъ произвола, клеветы, нищеты и разврата
Полира гнѣтъ“.

Но Сатана не удовлетворенъ и этимъ половиннымъ успѣхомъ, такъ какъ „на половинѣ дьяволу съ Богомъ мириться не слѣдъ“. Асмодей подъ страхомъ адской кары долженъ принести ему докладъ, что отъ земли не осталось ничего, кромѣ смрада, хаоса и отчаянья,

„Что, какъ свѣтильня безъ масла,
Разума пламя погасло“...

Пламя разума должно погаснуть, потому что разумъ есть вѣрный факторъ добра, если не удаляется отъ началъ любви, а удалить его отъ этихъ началъ, направить его на ложную дорогу зла Асмодей можетъ, по его признанію, только на время: когда гаснетъ любовь, умъ хватается за софизмы, и даже ребенокъ ожесточается посреди явнаго зла. Но „извратить Божье дѣло, извести душу міра и умертвить его тѣло“—задача нелегкая: любовь не гаснетъ вполне, а только затемняется усиліями Асмодея, но затемняется всего успѣшнѣе именно тамъ, гдѣ „въ нѣдрахъ народа царствуетъ мнѣшескій мракъ невѣжества“, тогда какъ „божественный разумъ озаряетъ скорбный и бѣдственный путь человѣчества“ и въ концѣ концовъ приводитъ къ сознанію идеаловъ любви, не умирающихъ, но дремлющихъ во тьмѣ,— и зло начинаетъ откликаться добромъ: освобожденіе *умовъ* содѣйствуетъ и освобожденію *сердецъ*.

„Люди (*сердца и умы*)
Освобождались
Изъ-подъ ферулъ обычая,
Цѣну теряли отличія,
Праги слѣталися,

Все выходило изъ тѣмъ.
 Силою творчества,
 Силою критики
 И, такъ сказать, обаянiя,
 Неуловимаго,
 Стронлось зданiе
 Лучшаго общества,
 Лучшей полетики,
 Иначе—лучшаго самосознанiя“.

Такъ говоритъ Асмодей. Пока невѣжество массъ служить ему опорой, ему удастся исказить три идеала, выработанные и формулированные въ передовыхъ умахъ, сдѣлать изъ нихъ „три урода“. Свобода, захмелѣвъ отъ чаши вина, поднесенной Асмодеемъ, обратилась въ тираннiю, символъ которой—топоръ; изъ равенства вышло Прокрустово ложе: вмѣсто креста, символа любви, истинной уравнильницы, надъ головами поднялась гильотина, люди бессознательно стали губить другъ друга; гибель такъ успѣшно равняла ихъ, что равенство пало и было разрушено цезаризмомъ; наконецъ, и братство постигли по-своему тѣ, кого сильно „проняли“ рѣчи Асмодея. При этомъ онъ замѣчаетъ, что

„Братство,—великое слово,—
 Было не такъ уже ново:
 Пастыри стада Христова
 Въ мiръ его разнесли,
 И говорить, что кого-то спасли“...

Спасли—ученiемъ любви, и это ученiе, разъ будучи посѣяно, не заглохло, но затемнилось на долгiй рядъ вѣковъ „духомъ вражды и разъединенья“, который „держитъ мiръ въ невѣжество и зло“, при чемъ зло питается невѣжествомъ, растеть и крѣпнеть во мракѣ ночи, *узаконяется* имъ.

Стало быть, *любовь* тѣсно связана со свѣтомъ *пониманiя*, и для торжества любви, для охраны отъ губельнаго ожесточенiя нужно и торжество „божественнаго разума“, озаряющаго путь человѣчества. Изъ этого вѣрнаго сознанiя вытекаетъ третья мольба поэта:

„Духъ Святый! правды источникъ живой!
 Дай силу страждущему!;
 Разуму жаждущему
 Ты вождѣвныя тайны открой!“ (*Молитва*, т. I, 269—270).

Ниспосланiе любви и просвѣщенiя разума есть пробужденiе души, которая, проснувшись, ужаснется „мрака и зла, и неправды людей“.

Поэтъ молитъ Всевышняго спасти обновленную человѣческую душу отъ всякихъ цѣпей лжи и зла. Далѣе: разъ душа пробудилась, человѣкъ встаетъ на гласъ Божій, но ему трудно преодолѣть твердыню лѣни и косности, почему заключительное моленіе призываетъ помощь свыше на то, чтобы „разбудить на святую борьбу“ цѣпенѣющую, коснѣющую въ лѣни жизнь (ibid.).

XIV.

Если разумъ есть даръ Духа, то очевидно, что никакія ухищренія царства тьмы не въ силахъ загасить этого свѣтильника: человѣчество, къ прискорбію Асмодея, „явно растеть“ при его свѣтѣ, и, когда Сатана въ гнѣвѣ восклицаетъ:

„Тучи сгустить или бурю поднять!
Не заслонишь, такъ задуй!“—

оказывается, что „съ двухъ сторонъ гаснетъ,—съ трехъ загорается“. Асмодею и его приснымъ трудно становится ладить съ „проклятой наукою“; тщетно онъ отводитъ людямъ глаза, „выворачиваетъ старыя сказки на новый манеръ“: разумъ открываетъ всѣ его штуки и побиваетъ ихъ. Конечно, разумъ нерѣдко сбивается съ пути и отравляетъ душу; въ этомъ Сатана полагаетъ свое упованіе:

„Разумъ—анализа плодъ;
Его жъ не найдетъ
Яду въ процессѣ анализа?“.

Отвѣтъ Асмодея многозначителенъ: въ немъ выражается глубокая вѣра поэта въ неизбежное торжество истины и глубокая мысль о тѣхъ путяхъ, какими vincit veritas, а черезъ нее и добро:

„Но до конца доведенный процессъ
Правдой становится,
Ложь раскрывается,
Благо беретъ перевѣсъ“.

Истина страдаетъ, если процессъ анализа не доводится до конца по винѣ ли самихъ анализирующихъ, или по винѣ „слѣпой случайности“; недомолвка — вѣрнѣйшій путь къ искаженію и путаницѣ мыслей:

„Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой“.

(Литературный вѣстникъ, т. I, 419—421).

„Злая ложь облекается въ сіяніе добра“, если ей противопоставляется не неподкупная сила истины, а „острый ножъ насилья“; тюрьма прикрываетъ лжеца, какъ щитомъ, и вѣнчаетъ его ореоломъ: люди склонны легче вѣровать „подъ музыку цѣпей всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы“. Честный боецъ не можетъ обличать противника, замолкшаго по-неволѣ; мѣсто борьбы заступаетъ молчаніе,— и въ результатѣ:

„Нѣтъ борьбы,—и ничего не разберешь:
Мысли спутаны случайностью слѣпой“... (Ibid.).

Сатана, „его мракоподобіе“, именно на то и разчитываетъ, что люди никогда не въ состояніи дойти до „конца процесса“ при ихъ духовной ограниченности и взаимной нетерпимости, но и тутъ отвѣтъ получается неутѣшительный:

„Нити конецъ въ Безконечномъ теряется,
Но за сію путеводную нить
Умъ человѣка хватается.
Пробовалъ я обрывать,—
Не обрывается, тянется...
Ни инквизиторы, ни іезуиты,
Ни цензора, ни тюрьма
Не замедляютъ работы ума:
Всѣ эти средства избиты“.

Значить, и Асмодей понемногу приходитъ къ выводу, что „для мысли, какъ для воздуха и свѣта, невозможно выдумать заставъ“. Но у Сатаны остается еще одинъ ресурсъ—повальная глупость, то „разливавшее море, откуда легко почерпнуть средства гасить и вязать“. Однако и этотъ устой начинаетъ колебаться: „толпа стала не такъ ужъ слѣпа“; природа начала кой-гдѣ открывать свои тайны. Правда, закрытая Изида,—образъ, вдохновившій вслѣдъ за Шиллеромъ и нашего поэта (*Передъ закрытой истиной*, т. I, 241—250),—не сняла еще покрывала съ чела и груди и, по злобно-циничному выраженію Сатаны, только даетъ людямъ нюхать грязныя ноги; но умъ разглядѣлъ, что по ногамъ можно узнать остальное, „и человекъ узнаеть, узнаеть, узнаеть“,—даже Асмодея не оставляетъ въ покоѣ. Анализъ пропикъ въ бездны ада, его служители растерялись. первый посолъ Сатаны на землѣ поникъ головою: „прогрессъ блага и правды въ народахъ взялъ надъ нимъ перевѣсъ“,—въ такомъ видѣ представляется разъяренному и напуганному Сатанѣ положеніе егдѣль. Однако, пока оно еще не такъ худо: жалкое, отрывочное зна-

ніе людей еще не выше познанья духовъ; знамя невѣжества развѣвается еще такъ высоко, что строй разума нарушается даже въ *явно-развитыхъ* мозгахъ. Пользуясь этимъ, Асмодей ведетъ свою кампанію противъ разума, славы, нравственности, искусства, возбуждая ненависть массъ противъ всего, что возвышается надъ ними, разжигая кровожадные инстинкты,—и вотъ практическій выводъ изъ его проповѣдей:

„Кто терпѣливъ, тотъ не стѣбитъ свободы;
Гдѣ постепенность,—тамъ зло“...
„Крови своей не жалѣйте, народы!
Все начинай съ *ничего!*“...

Эти вопли не остаются безъ отзвѣта: злоба откликается, являются на сцену „бульдози“, смѣшивающіе желаніе прогресса съ кровожадностью и находящіе, что Музы не лучше „дѣвокъ, что поютъ у насъ въ трактирѣ“ (т. II, 102—103); послѣдній глупецъ лѣзетъ заправлять человѣчествомъ. Въ видахъ окончательнаго умопомраченія Асмодей плодитъ партіи (старая выдумка,—по замѣчанію Сатаны), „непримиримыя, неукротимыя“, готовыя безъ пощады рѣзать другъ друга. Ихъ трупы будутъ ступенями для возведенія новыхъ идоловъ, такъ какъ для слѣпцовъ и разрушителей нетрудно стряпать вождей-цезарей, будто бы призванныхъ для водворенія мира и тишины. Этимъ путемъ Асмодей надѣется скоро довести всѣхъ до войны, позора и паденія: съ яркими криками: „миръ и свобода!“ онъ намѣренъ вывести на сцену то тираннію народа, то деспотизмъ одного. Таковы адскіе планы. Ихъ осуществленіе до поры до времени облегчается тѣмъ, что порой сама наука вмѣстѣ съ толпой подчиняется духу зла, который съ помощью генія, жаднаго къ золоту, продаетъ ее на служеніе своимъ цѣлямъ. Онъ предлагаетъ почести, славу и награду за боевые снаряды „съ силой тройной, четверной“; снаряды изобрѣтены, и духъ разрушенія, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, можетъ смѣло предстать предъ лицомъ Сатаны.

„Мѣдью, свинцомъ, чугуномъ
Мигомъ героевъ полки
Я разрываю въ куски
И города превращаю въ развалины.
Такъ сотни тысячъ людей
Разорены по командѣ моей,
И миллионы людей опечалены“.

Итакъ, Сатана, какъ его понимаетъ Я. П. Полонскій, не есть „Люциферъ“, духъ обновленія и прогресса, воспѣтый въ гимнѣ Кар-

луччи: это— „просто величайшій негодяй“, какъ его характеризуетъ Салтыковъ, духъ вражды, ненависти и разрушенія, искажающій вѣчное „Божіе дѣло“ любви и разума, но не могущій исказать его въ конецъ и злобствующій отъ сознанія безсилія мрака передъ свѣтомъ. Онъ „не ждетъ отъ небесъ прощенья и мститъ небу на землѣ“, но „клеймо сомнѣнія на его челѣ“, „новыя слова, колеблющія рутину“,—эти атрибуты демонизма, вдохновлявшіе Гете и Байрона (II, 61—64), не связываются съ сатанинскимъ умомъ и сатанинскою гордостью въ поэзіи Я. П. Полонскаго.

XV.

Поэтъ вѣрить въ „зарю грядущаго Божьяго дня“ (*На корабль*, т. I, 261), вѣрить, что „земной кумиръ окажется химерой, и небесная любовь сойдетъ сіять и грѣть въ міръ, гдѣ нѣкогда лилась людская кровь“ (*Вечерніе оти*, т. II, 326—327), что настанетъ когда нибудь

„Царство истинной славы, безъ дури,
Безъ обмана, безъ лжи, безъ куколъ,
Безъ звѣрей въ человѣческой шкурѣ“ (*Жуки*, т. V, 49).

Истинный девизъ человѣчества — „esse homo“; но „быть чело-вѣкомъ не легко“ (*Стансы*, т. II, 391). Люди должны *сдѣлаться* людьми: „звѣри“ никогда не достигнуть любви и мира, хотя бы и жаждали ихъ; звѣрь можетъ вѣрить лишь слѣпо, но слѣпая вѣра не одолеваетъ звѣрскаго инстинкта, законъ духа подавляется грубымъ закономъ природы, и только сила власти, страхъ передъ закономъ укрощаютъ звѣрскіе порывы, не даютъ звѣрямъ истребить другъ друга до конца (*Собаки*, т. V, 275—281). У жизни нѣтъ скачковъ, но медленный процессъ перерожденія, тѣмъ не менѣе, совершается неизмѣнно, ибо „вѣчность—

„Въ очередь за звѣремъ ставить *человѣчность*“ (ibid.)—

и только ее одну спасетъ и сохранитъ (*Стансы*).

Одоловетъ и обезоружитъ звѣря въ себѣ и въ другихъ только тотъ, кто безкорыстно служить людямъ; но такихъ немного, и, пока чело-вѣкъ—единица между звѣрями, до тѣхъ поръ быть *цѣльнымъ* чело-вѣкомъ—страшно. „Чтобъ идти за вѣкомъ—

„Или съ нимъ бороться, надо быть титаномъ.
Чтобъ изъ состраданья прикоснуться къ ранамъ
Ближнихъ и сказать имъ: исцѣлитесь, братья!

И затѣмъ спокойно выносить проклятыя,
 Надо быть блаженнымъ. Участь человѣка
 Чистаго—быть *жертвой зѣлоческаго сына*.
 Но гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
 Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ“ (*Собаки*).

Только человѣку даны образъ и подобіе Божіе; но, пока онъ не сброситъ съ себя звѣринаго образа, тщетны будутъ всѣ его стремленія къ свѣту изъ мрака. Мало однихъ благихъ порывовъ, мало и *слѣпой вѣры* въ идеи: человѣческое сознание и любовь, не знающая ни изыатій, ни предубѣжденій, способная на *жертвы*—вотъ залогъ спасенія. Любовь, просвѣтленная божественнымъ разумомъ, и самоотверженіе—высочайшій идеалъ, завѣщанный Христомъ; „облеченіе души въ нетлѣніе Христа“ уничтожить въ человѣкѣ слѣды звѣря, сдѣлаетъ его *цѣльнымъ* человѣкомъ, возвратитъ ему искаженное подобіе Божіе.

„Людямъ лишь дается Богомъ и природою
 То, что вы зовете братствомъ и свободой;
 Люди только чужды гнѣва и боязни,
 Только имъ не нужны ни суды, ни казни..“

Силу вѣчной правды и любви постигнуть
 Только люди; только вѣра и усилія
 Пробиваться къ свѣту—придадутъ имъ крылья
 Быть вездѣ, со всѣми: лишь они достигнутъ
 Цѣли—формахъ жизни дать то совершенство,
 Что создастъ народамъ высшее блаженство
 Знать, любить и вѣрить, и искать дорогу
 Въ безднѣхъ безконечныхъ переходовъ къ Богу“ (*ibid.*).

Такова свѣтлая вѣра поэта въ человѣчество. Что это дѣйствительно вѣра, а не праздныя мечтанія, — видно уже изъ признаній самихъ представителей ада: пусть Асмодей похваляется, что „зло свои силы утроило“, и онъ довелъ до гибели многое множество душъ, окаменѣвшихъ въ злобѣ,—онъ же не можетъ скрыть, что человѣчество явно растетъ, вопреки его усиліямъ, и бѣсеноекъ, встрѣчающій Асмодея на границахъ земной атмосферы, разсуждаетъ: „Положимъ, люди, даже нынѣ народы — дрянъ, но человѣчество... О! это *характеръ*! Самъ Сатана съ нимъ ничего не подѣлаетъ“ (т. III, 481). Этотъ „характеръ“ искуситель прочелъ уже во взорѣ соблазненной имъ Евы, когда мечталъ быть кумиромъ для смертныхъ и увидѣлъ, что между нимъ и человѣческимъ родомъ легла навѣки „непримиримая вражда“ (*Въ потерянномъ раю*, т. II, 286—288).

Первобытный человѣкъ — „двуногій звѣрь“, — вѣрить чему-то смутно, безъ молитвъ, безъ алтарей и жертвоприношеній, но надъ землей носится вѣчный гений, ангелъ Господа, удѣлъ котораго— оберегать ее и „звать къ божественному свѣту того, кто свыше одаренъ“. Духъ-хранитель скорбно взываетъ къ Богу, указывая на полузвѣрей, одаренныхъ душою, чующихъ одинъ запахъ добычи. неспособныхъ вѣрить и постигать Творца, непостижимаго для высшихъ существъ. Божій гласъ шлетъ на землю дочь Своей любви— *Фантазію*: она должна помочь ангелу.

„Пусть каждый вѣрить Мнѣ по мѣрѣ силъ, какъ можетъ“. Фантазія начинаетъ творить, и вся природа впервые говорить съ душою дикаря. Проходитъ вѣкъ, и снова духъ земли вопіетъ къ Всемогущему: Фантазія придала видъ уродливаго чудища бездушному камню, и дикари поклоняются идолу, какъ Богу, приносятъ ему кровавыя жертвы. Ангелъ умоляетъ Господа отозвать Фантазію изъ міра, но Господь рѣшаетъ иначе: пусть Фантазія творить людямъ Его образъ по мѣрѣ ихъ дѣтскаго разумѣнія, хотя бы изъ камня:

„Ихъ мысль съ зародыши,— у нихъ немного словъ..

Но полузвѣрь есть въ то же время

И получеловѣкъ...

Лишь въ немъ иныхъ судебъ таится Божье сѣмя...

Вращаніе планетъ несетъ за вѣкомъ вѣкъ

И нанесетъ землѣ нныя наслоенья,

И возрастутъ нныя поколѣнья,

И, водворяя власть *любви и красоты,*

И *человѣчности,* Фантазія страданью

Дастъ высшій смыслъ и поведетъ

Отъ созерцанья къ міросозерцанью;

И воплотится духъ, и много разъ умретъ

И будетъ воскресать, и человѣкъ воздвигнетъ

Иной алтарь и Суцаго постигнетъ

Настолько же, *насколько--ты*... (*Фантазія*, т. II, 444—452).

Въ такой художественной формѣ поэтъ изображаетъ первый шагъ доисторическаго человѣчества къ познанію высшаго начала; исканіе дороги къ Богу есть вѣчное предназначеніе человѣческаго рода, и свыше возвыщается, что это исканіе не останется тщетнымъ, и полузвѣрь станетъ тѣмъ, чѣмъ ему опредѣлено быть,—образомъ и подобіемъ Творца.

XVI.

Однако всё эти свѣтлыя обѣтованія относятся къ неопредѣленно далекому будущему. Поэтъ — любимецъ Фантазіи и можетъ на ея крыльяхъ подниматься „къ праведнымъ, въ царство небесное“, слышать, „какъ въ раю поютъ Херувимскую“ (*Въ степи*, т. II, 146), можетъ провидѣть осуществленіе идеала человѣчности; въ умахъ массы Фантазія творитъ не съ такою силою, и цѣлыя вѣка потребны для водворенія власти любви и красоты въ человѣческихъ поколѣніяхъ. Поэтъ „бредитъ, какъ пророкъ“, и люди плохо вѣрятъ его вдохновеннымъ пророчествамъ, видятъ въ нихъ именно только одинъ бредъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не бредъ, не прекрасныя утопіи всё эти мечтанія о высшемъ блаженствѣ на землѣ, о цѣльномъ человѣчествѣ, которому чужды гнѣвъ и боязнь, для котораго не нужны ни суды, ни казни?.. Можетъ ли человѣкъ въ его животной оболочкѣ „облечься въ нетлѣніе Христа?“... Но пусть всё идеалы кажутся намъ утопіями: не мы будемъ упрекать поэта за его поэтический бредъ, вѣчный и необходимый для жизни и движенія впередъ не менѣе свѣта и воздуха, осмысленный бредъ по его собственному выраженію (*Старые и новые души*, т. II, 64). Если вся „жизнь есть сонъ“, то безъ этого бреда она представлялась бы непробуднымъ сномъ смерти; человѣчество безъ вѣры и надеждъ окаменѣло бы навѣки въ состояніи животнаго застоя. Моменты подъема духа рѣдки и потому особенно дороги: слишкомъ часто пророческій бредъ уступаетъ мѣсто грустному созерцанію дѣйствительности, и чуткій, впечатлительный „нервъ человѣчества“ легко могъ бы впасть въ безвыходное отчаяніе, будучи лишёнъ дара своего ясновидѣнія. По временамъ мечты объ идеальномъ общественномъ строѣ, о братствѣ людей, о наступленіи царства небеснаго представляются ему самому большимъ бредомъ умалишеннаго (*Сумасшедшій*, т. I, 351—352) или празднымъ фантазированіемъ на тему „не люблю, — не слушай“, фантазированіемъ, надъ которымъ ядовито подписывается „мать-природа“ (*Фантазіи бѣднаго малаю*, т. I, 353—356). Поэтъ (особенно „озлобленный“) есть также „сынъ времени“ и хорошо знакомъ съ демономъ сомнѣнья; порою этотъ „злбный геній“ торжествуетъ, какъ это было съ Полежаевымъ, и недаромъ Я. П. Полонскій поставилъ извѣстные стихи этого поэта эпиграфомъ къ одному изъ своихъ раннихъ произведеній („*И я сынъ времени*“, т. I, 50—52). У него былъ въ юности кумиръ. сіявшій ему, какъ божество, и поэтъ

клялся до гроба влечь его оковы: онъ мнилъ, что „рай возможенъ не въ небесахъ, а на землѣ“; отъ тяжелаго настоящаго онъ уходилъ душою въ „яркій блескъ надежды прежней“ или въ „идеалъ грядущихъ дней“. Но кумирь развѣчанъ, упалъ, разбитъ; его рабъ растопталъ его обломки и похоронилъ свои страданья въ себѣ „безъ любви, безъ упованья“, буквально какъ Демонъ Лермонтова (*Кумирь*, т. I, 46—47). Когда лукавый духъ сомнѣнья опрокинулъ молитвенный храмъ поэта и оставилъ его на жертву пагубнымъ мечтамъ, поэтъ, „страдаая, проклиналъ и, отрицая Провидѣнья, какъ благодати ожидалъ послѣдняго ожесточенья“ (т. I, 50). Утомленіе отъ борьбы, какъ мы уже видѣли выше, побуждало поэта жаждать, какъ благодати, *ничтожнаго покоя* (т. I, 11); здѣсь дальнѣйшая ступень душевнаго разлада: за утомленіемъ является сомнѣніе, ведущее къ отрицанію, и выходъ представляется уже не въ *покоя*, а въ *ожесточеніи*:

„Я долго бликалъ: гдѣ же ты,
Мой искустель? Дай хоть руку!
Изъ этой мрачной пустоты
Неси хоть въ адъ!..“ (Т. I, 51).

Еще шагъ,—и гибель человѣка и поэзіи, торжество злобнаго генія,—совершилось бы; но результатъ получился иной.

Среди мятежныхъ думъ и мучительныхъ сомнѣній *маттій* умъ *установился* и жаждетъ новыхъ откровеній,—процессъ анализа доведенъ до конца, ядъ уничтоженъ, и благо взяло перевѣсъ надъ зломъ.

„И, если вновь, о демонъ мой,
Тебя нечаянно я встрѣчу,
Я на привѣтъ холодный твой
Безъ содроганія отвѣчу“ (ibid.).

Поэтъ снова гордъ, спокоенъ, могучъ; на развалинахъ разрушеннаго храма построенъ новый, необъятно великій; весь міръ открытъ очамъ возрожденнаго, онъ слышитъ гармонію вѣчнаго хора, недоступную для демона, подслушанную нѣкогда Пиеагоромъ. Всѣ геніи земнаго міра наполняютъ храмъ поэта; онъ внемлетъ вѣковому голосу Гомера, Данте, Шекспира...

„Теперь попробуй, демонъ мой,
Нарушить этотъ гимнъ святой,
Наполнить смрадомъ это зданье.
О, вѣтъ! съ могуществомъ своимъ,
Безсильный, уходи къ другимъ
И разбивай одинъ преданья,
Остатки формъ безъ содержанья“ (ibid., 52).

Кто прошелъ сквозь горнило испытаній и закалился въ немъ, тотъ имѣетъ право высказывать другимъ язвительныя истины въ родѣ слѣдующей:

„А ты, что видѣлъ жизнь во снѣ
И не насытился вполнѣ,
И не страдалъ святымъ страданьемъ!
Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло выпить эту чашу?“ (Къ *NN.*, т. I, 48—49).

Такой мелкій „отрицатель“ кончить тѣмъ, что, затерянный въ толпѣ, протянетъ судьбѣ руку, и его голосъ постепенно замретъ „въ тревогѣ мелочныхъ заботъ“. Иное дѣло — тотъ, кто съ нестерпимую болью оторвалъ отъ сердца предметъ любимыхъ думъ, постепенно разрушалъ свои святыя убѣжденья и стоналъ на ихъ развалинахъ: пусть онъ пользуется грустнымъ правомъ „надменно презирать, негодовать и отрицать“, правомъ, купленнымъ дорогою цѣною:

„И пусть ему съ тоской въ очахъ
Внимаетъ молодое племя!
Быть можетъ, въ злыхъ его рѣчахъ
Таится благъ грядущихъ сѣмя“ (*ibid.*).

Быть можетъ,—но не навѣрное: вопросъ въ томъ, разрешится ли зло добромъ, или одолѣетъ злой демонъ.

XVII.

Но, если поэтъ и вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ демономъ своихъ юныхъ лѣтъ, это еще не значитъ, что онъ навсегда огражденъ отъ приступовъ мучительной тоски и сомнѣнія. Асмодей трудится не даромъ: окружающій мракъ еще силенъ, и вѣра въ свѣтъ подвергается тяжкимъ испытаніямъ.

„О вѣчная правда, откройся поэту!“

Такъ молитъ поэтъ, стремясь „сердцемъ проникнуть въ святая святыхъ“; шаръ земли, крутясь, погружаетъ его то въ темную, то въ свѣтлую бездну, и призраки ночи и дня поочередно пытаются его разумъ и вѣру:

„Не вѣрю я мраку, не вѣрю и свѣту:
Они грезы духа, въ нихъ ложь и обманъ“ (т. II, 344).

Итакъ, духъ грезить, духъ обманывается,—тотъ самый духъ, который „въ союзѣ съ наукой дерзаетъ слѣдить за путями кометъ, видѣть вихри на солнцѣ и лавы потокъ подъ ногами“, духъ, не знающій „ни предѣла въ пространствахъ, ни грани въ вѣкахъ отдаленныхъ“ для смѣлыхъ полетовъ его пытливыхъ и вдохновенныхъ думъ.

„Какая темница

Тебѣ помѣшаетъ носиться высоко,

Бесѣдовать съ Богомъ

И смерти на зло видѣть путь свой далеко?“

(„И—чадо природы“, т. III, 77—78).

Все же полное познание „вѣчной правды“ не дано этому духу, и онъ въ своемъ полетѣ иногда теряетъ путь и „враждуетъ съ богами изъ-за мучительной мысли“; съ другой стороны,—духъ волепъ, какъ птица, а человекъ—„чадо природы, рабъ жизни, связанный роковой судьбой, и не можетъ *узнать* за своимъ духомъ, который поэтому мучить его, негодую на его и свои цѣли (ibid.), которыми скована вся жизнь; отсюда — тщетное негодование, отчаяніе и страхъ, сжимающіе душу (т. II, 285). „Я червь,—я Богъ“—эпиграфъ къ стихотворенію „И—чадо природы“, выражающій мысль о раздвоеніи человеческого существа, о вѣчной брани между землею и духомъ, по выраженію Кольцова. Подобно Іакову, поэтъ неустанно борется—не съ Богомъ, а съ Его земною природою, и чувствуетъ себя охромѣвшимъ въ этой борьбѣ. Природа, „грубая мать“ или даже „мачиха“ (*Фантазіи бѣднаго малаго*, т. I, 356), съ дѣтства учила его страдать, била, отравляла кровь, распаляла мечты; она облакаетъ жизнь въ обманчивый покровъ, прячетъ шипы подъ розами, увлекаетъ въ даль и ставитъ бездушныхъ чучелъ на пути къ прекраснымъ идеаламъ, посылаетъ болѣзни и тяжкую, сонную лѣнь, чтобы ея сынъ изнемогъ и палъ. Но духъ все же порою торжествуетъ, и въ эти минуты борьба замѣняется покоемъ, и нашъ поэтъ ощущаетъ то же, что ощущалъ Лермонтовъ и всѣ поэтическія натуры:

„Только въ минуты, когда

Духъ мой ликуетъ, вкушая побѣдный покой,

Я умиляюсь божественно-вѣчной ея красотой

И вижу Бога емъ

Въ свѣжемъ дыханьѣ румянаго утра, въ тѣняхъ

Трехцѣтной зелени, въ лунномъ мерцаньѣ, въ звѣздахъ...

И, предаваясь мечтамъ

Всепримирающимъ, вижу въ ней *кромкую* мать,

Ту, что хромаго Іакова въ домъ свой зоветъ отдохнуть“.

(*Хромой*, т. II, 121—122).

Въ эти минуты, когда поэтъ „чуветъ сердцемъ Бога“, въ его рѣчахъ сквозитъ любовь (т. II, 285); но это только минуты, и затѣмъ кроткая мать снова становится грубою матерью. Болѣе того: при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и кротость, и грубость природы — только продуктъ фантазіи поэта; въ дѣйствительности же природа глубоко равнодушна ко всему (припомнимъ стихотвореніе въ прозѣ, написанное на эту тему Тургеневымъ). „Въ природѣ нѣтъ души“; „вселенная—броженіе силъ живыхъ, но *безсознательныхъ*, творящихъ, но *слѣпыхъ*“; „въ вѣчности нѣтъ цѣли“, — такъ говоритъ поэту голосъ вѣка (*Вѣкъ*, т. I, 438). Правда, любовь, святая греза чужды природѣ, и она не дастъ того, что не дано ей самой. Поэтъ борется съ ея „глухой средой“; —

„А ей не все-ль равно, что мракъ, что Божій свѣтъ,
Что зло, что благо,—и страдаю-ль я, или нѣтъ?“...

(*Молодость*, т. III, 75—76).

Только поэтическая фантазія одушевляетъ бездушную природу, даетъ ей цвѣтъ, звукъ, красоту, „досоздавая все“, чего ей не достаетъ: сама она бѣднѣе всѣхъ фантазій „бѣднаго малаго“. Въмѣсто небесъ, въ которыя вѣрилъ поэтъ, оказываются одни „пылающіе комья“, „разрозненныхъ міровъ сплотившійся хаосъ“, несущійся надъ бездною вѣчности, куда все валится, какъ старый хламъ. Потокъ времени смыкаетъ все, и при созерцаніи этого торжества неумолимыхъ законовъ природы душою снова овладѣваетъ отчаяніе, и злой демонъ шептываетъ свои рѣчи: „Поэтъ, *ожесточись*“... Но процессъ беспощаднаго анализа еще не конченъ; „сомнѣнья вновь кипятъ, умъ снова колобродитъ“ (*Вѣкъ*): слѣпая природа не могла внушить поэту стремленія къ любви и правдѣ, и все же эти „грезы“ — фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Откуда же онѣ? Очевидно, ихъ источникъ—свыше.

..... „Но, если вдохновеніе
И жажда истины, и этотъ самый вздохъ
Даны мнѣ не слѣпой природой,—живъ мой Богъ!
Онъ—тайна и глаголь, любовь и обновленіе,
Отрада немощныхъ и сила—сознавать
Весь міръ такимъ, чтобъ пѣть—и лучшаго желать“ (*ibid.*).

Къ этому источнику свѣта поэтъ обращаетъ свой взоръ, когда его подавляетъ мысль о ничтожествѣ и мимолетности всего сущаго, когда сознаніе собственнаго ничтожества говоритъ ему, что онъ не

вѣченъ, что онъ лишь подобіе, минутное проявленіе всесмьнаго *ничто*:

„О Господи! вери мнѣ то,
Чего не покорить всесмьное *ничто*,—
И вѣру, и любовь, и правду, и незлобье...
Вери мнѣ образъ Твой, вери Твое подобье“.
(*Ничто*, т. III, 97—98).

И нѣтъ конца этой мучительной борьбѣ между вѣрою и сомнѣніемъ, приводящимъ къ отчаянью („скудная вѣра не отростила могучихъ крылъ“, *Стансы*, т. II, 391); свѣтлая бездна то и дѣло смѣняется темною, но свѣтъ все же мерцаетъ и во тьмѣ, которая не можетъ вполнѣ „объять“ его:

„Есть неизмѣнное и вѣчное одно,—
Все то, чего и смерть не одолѣетъ; во
Сомнѣнны черное, какъ туча, наплываетъ,
И вѣчное едва *мерцаетъ*,
Отчаянны заслонено“.

Отчаяніе—врагъ истины, и поэтъ предаетъ его проклятію; оружіе противъ отчаянія — тѣ мечты, которыя представляются бредомъ холодному уму:

„Кляни отчаянье!—Все, что тебя тревожитъ,—
Ничтожество и глѣнь. Ищи свой свѣтлый рай
Въ той истинѣ, что все на свѣтѣ превозможетъ...
Надъ страшной бездной *окрылай*
Свои мечты и—не страдай“...
(*Гдѣ прежній твой восторгъ*, т. III, 99—100).

Мечтать приходится вдали отъ искушеній свѣта, наединѣ съ самими собою и съ природою: при этихъ условіяхъ поэтъ, *можетъ быть*, опять будетъ уповать на силу любви; среди свѣта онъ себя чувствуетъ „утлымъ челнокомъ въ волнахъ перекатнаго зла“ и не можетъ спастись отъ „мятежныхъ сомнѣній“ (т. III, 102—103). Но мы уже знаемъ, какъ трудно поэту изолировать себя отъ окружающаго міра (*Одному изъ усталыхъ*),—и потому его духовный міръ раздвоенъ. Онъ слышитъ *два голоса*—голосъ разочарованія, твердащій, что „даръ для всѣхъ одинъ—покой могилы“, и что не стоитъ молить у Бога ни разума, ни силы, ни любви,—и противорѣчащій этому голосу „здраваго разсудка“ голосъ примиренія, не посягающій гнѣва и рѣчей отрицанія, вѣющій въ мятежныя сердца безмятежнымъ счастьемъ. Душу человѣка, объятую мракомъ сомнѣнія, этотъ духъ

мира видѣть лишь въ минуты просвѣтлѣнія, но ему открыты тайны природы:

„Все, что создано,—мнѣ ясно,
Темно все, что рождено“... (*Два голоса*, т. I, 365—367).

Но ни мрачный, ни безмятежный квіэтизмъ не можетъ покорить себѣ поэта, и онъ, по его образному выраженію, снаряжаетъ въ путь два кораблика—одинъ „въ прошедшее, на поиски людей, прославленныхъ молвой“, другой—„въ *западочную* даль, въ *туманы* грядущихъ дней“, гдѣ идеалъ братства и свободы, но людей еще нѣтъ. Первый корабль везетъ блѣдный рой тѣней съ ихъ борьбою, казнями, стопами, муками и „тяжкій грузъ идей“; другой—рой призраковъ, созданныхъ мечтою, „съ довольствомъ безъ рабовъ, съ утратами безъ слезъ, съ любовью безъ цѣпей“. Тѣни прошлаго отрицаютъ всѣ стремленія, объявляютъ, что „*надежда*—глупый сонъ“; призраки будущаго поютъ поэту, что у нихъ иная жизнь и иной законъ; пусть отжившіе плывутъ назадъ: „*былое*—глупый сонъ“ (*Кораблики*, т. II, 67—68). Гдѣ же истина? Чему вѣрить—тяжелому опыту прошлаго или отраднымъ мечтамъ?

При такомъ раздвоенномъ состояніи духа живо мыслящій и горячо чувствующій человекъ представляетъ собою смѣшеніе двухъ вѣковыхъ типовъ, созданныхъ гениемъ великихъ писателей:

„Мы такъ же, какъ и ты, похожи на Гамлета;
Ты такъ же, какъ и мы, неможно Донъ-Кихотъ“.
(*Послѣдній выводъ*, т. I, 218).

XVIII.

Гамлетовская рефлексія связываетъ крылья поэзии, отравляетъ своимъ сомнѣніемъ ея живой родникъ; ночью, въ лѣсной глуши, лицомъ къ лицу съ природою, поэтъ идетъ и не слышитъ соловьиного пѣнія, не видитъ, какъ загораются звѣзды, а за нимъ, не отставая ни на шагъ, идетъ его двойникъ, его поэтическое я и жалуется поэту, что онъ, то-есть, его рефлектирующій духъ, мѣшаетъ ему видѣть и внимать ночной гармоніи (*Двойникъ*, т. I, 426—427). Недаромъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ говоритъ намъ, что муза давнымъ-давно уже не приходила къ нему; да и къ чему звать ее, къ чему „искать союза *усталаю ума съ красавицей мечтой*“? Пѣсни, рождавшіяся отъ этого союза, блуждали безъ пріюта, какъ нищія; люди, внимавшіе имъ, или ушли изъ мира, или „дре-

можно ждать конца", а родившіеся позднѣе и идущіе „за призракомъ давно потухшей въ насъ надежды“,—

„Они для насъ, а мы для нихъ невѣжды“...

Но, пока еще люди идутъ за призракомъ надежды, поэзія не умерла: у нихъ есть свои пѣвцы, и усталый поэтъ внимаетъ имъ, радуется, что понимаетъ ихъ слезы, чувствуетъ въ ихъ сердцахъ тѣнь своей богини и молить ее благословить тотъ день, когда они сошлись на землѣ „для пѣсенъ бѣдныхъ, не побѣждаемыхъ, хотя и не побѣд-ныхъ“ („Томить предчувствіемъ болѣзненный покой“, т. II. 345—346). Но нѣтъ пѣвца для свѣта, если чернь слѣпа, не жаждетъ и не проситъ ничего, если свѣтъ равнодушенъ ко злу и носитъ свои окопы надменно, какъ трофей. Поэтъ, который долженъ быть „правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ“, одиночекъ среди „дикарей“, не проситъ у нихъ пощады и не зоветъ ихъ „въ скинію завѣта“ для со-вмѣстнаго жертвоприношенія („По торжищамъ влача тяжелей крестъ поэта“, т. III, 6), замыкается одинъ въ своемъ храмѣ, даже готовъ въ минуту тяжкаго раздумья запереть его совѣмъ, ощущая себя „среди хаоса“:

„Отдамся-ль творчеству въ минуты вдохновенья?
Къ поэзіи чутье утратилъ гордый вѣкъ:
Въ мишурной роскоши онъ ищетъ наслажденья,
Гордится пушками,—боится разоренья,
И первый врагъ его есть честный человѣкъ“

(Среди хаоса, т. I, 416—418).

Что же дѣлать въ такое мрачное время? Поденный трудъ не подъ силу изнѣженнымъ рукамъ поэта; ожидать чудесъ нельзя безъ вѣры въ тайны неба; покоя нѣтъ ни въ могилы тамъ, „гдѣ правды нѣтъ еще, а вымыслы постылы“. Толкать сонливые умы на вѣрный слѣдъ, оза-ривъ свой разумъ наукою?..

„Мой связанный языкъ, скажи, кого разбудить?
Невѣжество грозить и долго, долго будетъ
Грозить, со всѣхъ сторонъ загородивши свѣтъ“ (ibid.).

Такъ рефлексія шагъ за шагомъ разлагаетъ всѣ стремленія и обезсиливаетъ волю поэта: его мечты, въ которыхъ онъ видѣлъ якорь спасенія отъ страданій, теперь постылы ему, какъ вымыслы, кото-рыхъ жизнь не оправдываетъ. Конечный выводъ: мы всѣ рабы слѣ-пой случайности, которая не творить, не мыслить, не любить, не видеть насъ и губить, не жалѣя,—случайности, которую толпа зо-

веть судьбою. Поэтъ не нуженъ, и, если эта слѣпая судьба повалитъ его,—

...„Пусть толпа, толкая
Другъ друга, топчетъ мой, ненужный ей вѣнокъ“... (ibid.)

Зоркій глазъ, однако, подмѣтитъ, что и среди этого хаоса мелькаетъ еще кое-что, похожее на лучъ надежды: невѣжество *долно* будетъ грозить, но не вѣчно; толпа *долно* будетъ ловить впотьмахъ случайность, но наступитъ же когда нибудь и свѣтъ; вымыслы постылы, потому что правды *еще* нѣтъ, но позволительно надѣяться на ея грядущее пришествіе тамъ, „гдѣ наши силы стремятся на просторъ и рвутся изъ пелень“ (ibid.). Пока это стремленіе не находитъ исхода, покоя, конечно, нѣтъ внѣ могилы; но будетъ время, когда силы и выростутъ изъ своихъ пелень...

Какъ въ *Розни* (т. II, 115—218), такъ и въ приведенномъ только что стихотвореніи поэтъ клеймитъ собственно „злую современность“ (т. I, 382), „печально глядитъ на свое поколѣнье“; ему тяжело дышать въ атмосферѣ, лишенной свѣта, и не видѣть проблесковъ зари, независимо отъ вопроса о томъ, наступитъ ли эта зоря вообще. Нельзя ожидать ея скоро,—и этого достаточно для того, чтобы муза считала себя въ данное время лишнею, ни для кого ненужною:

„Не жди ты меня,
Не кличь! не зови меня музою!—Нѣтъ,
На закатѣ тревожнаго дня
Я пѣть не могу,—я устала, поэтъ!“

(*Жалобы музы*, т. I, 443—452).

На каждомъ шагу муза встрѣчаетъ озлобленныхъ, бѣдныхъ, измятыхъ судьбой, идущихъ *порознь* изъ сумрака въ мглу, — „отъ извѣстнаго зла къ неизвѣстному злу“, не ищущихъ путеводной звѣзды; факель поэзии для нихъ ненуженъ. Муза бродила посреди трудовой толпы въ селѣ и не могла помочь пахарю слабою рукой, а ея пѣнія онъ не хотѣлъ слушать и пѣлъ свою степную пѣсню, которой сама муза невольно заслушалась. Угрюмый городской бѣднякъ не видитъ „на вытертый грошъ“ пользы отъ пѣсень, которыя могутъ утѣшить, но не могутъ помочь, зовутъ къ свѣту но не даютъ земныхъ благъ. „Пусть уши богатыхъ *ласкаютъ* твой стихъ!“ Но и богатъ гонитъ прочь бѣдно одѣтую музу, плачущую о бѣдныхъ, съ ея горькими совѣтами; „пуская бѣдняка *разеращаетъ* твой стихъ!“ Падшая преступница въ больницѣ не вѣритъ *презамѣ* музы, утѣшающей ее, какъ

няня, своей пѣсней, а для виновника паденія несчастной, для „мѣднаго лба“ горькій упрекъ музы—ни по чемъ (хлестать по извѣстнымъ головамъ бичемъ сатиры — то же, что „пахучими цвѣтами бить по обугленнымъ столбамъ“, — *Врагамъ правды*, т. II, 17). Въ темницѣ фанатикъ, добрякъ по природѣ, но сбившійся съ дороги любви и мечтающій объ обновленіи міра при помощи грандіознаго кровопролитія, приглашаетъ музу „провалиться“, если она не раздѣляетъ его вѣрованій; но она не можетъ вѣрить въ „новое чудо“, что „терны и роза, политые кровью, взойдутъ безъ шиповъ“, а провалиться хотя бы и рада, но не знаетъ, какъ это сдѣлать.

Наконецъ, уходя отъ всѣхъ этихъ живыхъ людей, „суесящихся, плачущихъ, глупыхъ и злыхъ“, думая о вѣчной, творящей любви, муза натывается на окровавленный трупъ молодаго бойца и на его застывшихъ чертахъ видитъ выраженіе безконечной вражды, пережившей самую смерть, и затѣмъ присутствуетъ при страшной картинѣ сраженія. Вражда, „царица на этихъ поляхъ“, гонитъ музу, провозглашая:

„Во имя грядущаго льется здѣсь кровь;
Здѣсь нѣтъ настоящаго,—къ чорту любовь!“

Гдѣ же, спрашивается, та гармонія мысли и силъ, живительный свѣтъ,—все, чему мечтатель-поэтъ научилъ вѣрить свою музу?

„Куда я пойду теперь? темень мой путь...
Кличь музу юную,—меня позабуди!“

Самъ богъ поэзіи не узналъ бы утомленной музы, и его восторгъ былъ бы для нея смѣшонъ. Муза, сознавая, что она ненужна никому, сняла вѣнокъ съ своего чела и все позабыла,

...не знаю, о чемъ
Бесѣдуютъ звѣзды въ туманѣ ночью,
И точно ли жаждутъ унитъя росой
Цвѣты полевые въ полуденный зной...
Не знаю, о чемъ волны моря шумятъ,
О чемъ грезятъ сосны, когда онѣ спятъ,
Чей голось шумитъ надъ рѣкой,
Что думаетъ роза весной,
Когда ей во мракѣ поетъ соловей,—
И даже не знаю, поетъ ли онъ ей“ (ibid.).

Къ такому отрицательному взгляду на поэзію приводитъ поэта созерцаніе анти-человѣчной, слѣдовательно, и анти-поэтической дѣя-

тельности. Зло и добро до того перемѣшалось въ нашъ „чудный вѣкъ“ что поэтъ уже перестаетъ различать ихъ, и его бродящія мысля тщетно озаряютъ темный путь жизни. Отдохнуть не на чемъ, и запоздалое сожалѣніе не можетъ вернуть „жизнь къ ея началамъ“, не воскресить идеаловъ, созданныхъ въ молодые годы:

„И къ чему!.. *Великодушный бредъ*

Никого еще не спасъ отъ золь и бѣдъ“

(*Подслушанныя думы*, т. III, 111—113).

Тотъ же безотрадный выводъ, къ какому приходитъ страждущій душою художникъ Рябининъ въ мастерскомъ очеркѣ Гаршина. Но вѣдь поэтъ же, „какъ титанъ, колеблетъ тьму“ своимъ словомъ? Таково его призваніе, въ этомъ его идеалъ: но не всякому даны титаническія силы, да и „власть тьмы“ настолько сильна, что иной разъ и у титана опускаются руки, тѣмъ болѣе, что „чадо природы“, хромое отъ борьбы съ нею, если и можетъ быть титаномъ, то не всегда. „Это ли не мракъ и не хаосъ?“—воскликаетъ поэтъ, живущій „посреди разнузданныхъ стихій“, слышащій отъ людей такія рѣчи, какъ: „мало ли чему училъ Христосъ!“. Невѣріе не пугаетъ, вѣра не умиляетъ, — кто же въ силахъ разогнать эту тьму? Развѣ лишь всемогущее „да будетъ свѣтъ!“ Остается ждать чуда и призывать его:

„Боже! Что, коли надъ нами снова

Пронесется творческое слово!“ (Ibid.).

Земля, „скопнице лжи“, точно замкнулась въ грозныя тучи; хаосъ замѣшался въ умы, опять разрастается *первобытная дичь*, требующая крови и слезъ. Источники вѣчной любви, жажда видѣть всѣхъ счастливыми, вѣра въ людей,—гдѣ это все? Встававшая заря, проснувшаяся душа—все это были только призраки фантазій; взойдетъ ли заря на самомъ дѣлѣ, или воцарится навсегда безпросвѣтный мракъ?

„Если погаснетъ священный огонь,—

Что впереди? тьма бездонная...“

(*Тяжелая минута*, т. II, 141—142).

Но огонь, какъ мы уже знаемъ, не гаснетъ вполне, и невыносимо тяжелая минута можетъ, по крайней мѣрѣ, смѣниться радостью, также минутною; надежда и спасеніе—опять-таки въ *мечтахъ*:

„*Можетъ быть*, эта минута пройдетъ,

Можетъ быть, завтра жъ попутная

Звѣздочка лучъ свой уронитъ,—сойдетъ

Въ душу хоть *радость минутная*.

Радъ буду встрѣтить я гостью-мечту
И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
И за минуту отчаянья...“ (Ibid.).

Мы видимъ, что поэтъ вѣрнѣе себѣ: чтобы не страдать, онъ старается „окрылить свои мечты надъ страшной бездною“; но тутъ же слышится голосъ сомнѣнія, — *можетъ быть*, хоть на минуту явится гостя-мечта. Страданіе на время затихнетъ, но надолго ли? Поэтъ „клянетъ отчаянье“, но рефлексія колеблетъ его вѣру въ „одно неизмѣнное и вѣчное“, чего не одолѣетъ смерть.

XIX.

При такомъ настроеніи поэзія обращается въ болѣзненный крикъ или замолкаетъ вовсе. Жизнь заставляетъ поэта переживать немало тяжелыхъ минутъ, и онъ поочередно испытываетъ то спокойное по внѣшности чувство сосредоточенной грусти, то острое, негодующее страданіе: вспомнимъ, кромѣ разобранныхъ произведеній, еще *Хандру* (т. I, 223—224), „*Моя судьба—старуха, нянька злая*“ (I, 227—228), „*И въ праздности юре, и юре въ трудѣ*“ (I, 467), *Почную думу* (II, 159—160), *Безпутный юдъ* (II, 233—236), „*Съ колабели мы, какъ дѣти*“ (II, 343), *Золотая тельца* (II, 401—405), *Живую статую* (III, 9—13), *Тѣни и сны* (III, 38—39) и др. Сознаніе зла, пошлости и пустоты, царящихъ въ мірѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной слабости невольно ставятъ вопросъ о безцѣльности всѣхъ мукъ и стремленій сердца:

„Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?“

(И. С. Аксакову, т. I, 265—266).

„Кто самъ не могъ сіять“, тотъ не можетъ искренно возненавидѣть тьму и тоскуетъ отъ этого безсилія, но эта тоска еще не есть любовь, и поэтъ, желая откликнуться на смѣлый голосъ убѣжденного бойца, не находитъ стиха для отклика: они блуждали *врознь*, и поэтъ сознаетъ превосходство своего собрата, „строгий“ геній котораго, „не внемлющій шепоту соблазна“, ведетъ его *инымъ* путемъ,—

„Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ“ (ibid.).

Строгий геній подчиняетъ увлеченія работѣ мысли: поэтъ и его собратъ оба страдали, но одинъ не падилъ силы сердца, другой —

труда, одинъ больше любилъ, другой больше мыслилъ, изучалъ корень общественнаго зла, стоя надъ нимъ, какъ врагъ, съ ножомъ; поэтому его стихъ—жестокъ, беспощаденъ, звенитъ, какъ тяжелый мечъ, правда его словъ—невеселая, холодная правда, которой поэтъ внимаетъ съ невольнымъ трепетомъ (*ibid.*). Умъ судитъ многое безжалостно, о чемъ сердцемъ мы судимъ „любовно и пристрастно“, и этотъ разладъ—источникъ постоянныхъ мученій, и преодолѣть его особенно трудно потому, что предметомъ этого разлада является не то, что повергаетъ умъ въ недоумѣніе, дать пищу для думъ и просторъ для вдохновенія, а то, что ясно и въ потемкахъ, что знакомо намъ съ дѣтскихъ лѣтъ,—печальная ясность, противъ которой умъ не имѣетъ возраженій, но которой противится по привычкѣ сердечное пристрастіе („*Нето мучительно*“, т. III, 42).

Но и какой угодно строгій геній, приносящій въ жертву *слабости* сердца беспощадному уму, не знающій примиренія со зломъ, въ концѣ концовъ пришелъ бы или къ примиренію съ нимъ, какъ съ неизбѣжнымъ явленіемъ, или къ ожесточенію, другими словами, обезсилѣлъ бы, еслибы былъ лишенъ любви и вѣры въ идеалъ. Развѣ можетъ быть иной исходъ, развѣ установлено, что

„Все то, что радуешь тебя своимъ расцвѣтомъ,
Въ туманѣ осени погибнетъ вѣстѣ съ лѣтомъ“

(„*Молчи, минутнаго покоя не трожь!*“ т. II, 161—163).

Примиреніе со зломъ, какъ съ закономъ природы, хладнокровное по наружности, страдающее по существу, уже готово совершиться: негодованіе замѣняется *покоемъ*, притупленіемъ; никто не доживаетъ безнаказанно до сѣдыхъ волосъ...

„Путь долгой жизни есть путь къ жизни *безнадежной*,—
Таковъ законъ судьбы...“ (*ibid.*).

Значитъ, всему конецъ! Но умъ снова начинаетъ „колобродить“; покой былъ только *минутнымъ*, и, когда уже подписанъ смертный приговоръ надеждамъ: „таковъ законъ судьбы“,—изъ груди невольно вырывается никогда не умирающій вопросъ:

„Ужели неизбежный!?“

Этого „пристрастія“ сердца къ надеждѣ умъ не можетъ побѣдить, потому что и самъ онъ не мирится съ своимъ выводомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если лѣто смѣняется туманною осенью, то, вѣдь, и всѣ услія зныи тщетны передъ затѣями апрѣля („*Что за беда...*“, т. I, 436)? Конечно, апрѣль—мѣсяцъ ненадежный, какъ и та прихотливая го-

ловка, на которую ложатся уроки старости, остужающіе ея мечты, подобно тому, какъ поздній снѣгъ падаетъ на ранніе цвѣты (ср. *Полярные льды*, т. II, 74—75). За апрѣлемъ наступить и лѣто, но въ свое время и оно замѣнится зимою, — и молодая головка доживетъ сама до „роковыхъ сѣдинъ“. Выходитъ такимъ образомъ, что неизбѣжный законъ судьбы есть прежде всего законъ не только смерти, но и возрожденія, увяданія и расцвѣта, законъ постоянного круговращенія. Зима, весенній разливъ, лѣто, осень, ночь и разсвѣтъ, безпечное веселье и страданье, душевный покой и душевныя бури или томительные дни „безъ надежды и ласки“ — таково колесо, неизмѣнно заведенное отъ сотворенія міра („*Послѣ зимы и разлива весенняго — лѣто*“, т. III, 106). Въ моментъ усталого унынія поэту кажется, что въ этой вѣчной смѣнѣ окончательное слово принадлежитъ увяданію и смерти:

„Послѣ великаго подвига — смятая сила,
Послѣ горячаго проблеска вѣры — сомнѣнье,
Послѣ напрасныхъ, послѣднихъ усилій — могилы,
„Вѣчная память“ и — вѣчное въ мірѣ забвенье“ (ibid.).

„Жить не легко“ при такомъ сознаніи; въ жизни есть всегда нѣчто грозящее, и мы живемъ для минутъ, — ловимъ то, что намъ бросаетъ летящее время. Неужели же вѣчно одно забвенье, и вся мировая жизнь есть только одно безцѣльное верченіе въ колесѣ?

„Счастливы, кто ищеть спасенія отъ золь и страданія
Въ лоуѣ Того, Кто во вѣки вѣковъ — Настоящее!“ (Ibid.).

Не всякому дается это счастье: мы уже видѣли, какъ поэтъ молить Творца вернуть ему вѣру, любовь и все, чего не покорить „всесильное ничто“, и какъ, тѣмъ не менѣе, это „ничто“ тяжело давить его сознаніе. Порою онъ даже впадаетъ въ полное равнодушіе и „влачить сѣрые“ годы изо дня въ день, *почти* безъ вѣры въ *смыслъ*, — свои идеалы:

„Не такъ и жить хотѣлось мнѣ,
Какъ мнѣ жилось,
И ужъ давно не пылось мнѣ
Безъ прежнихъ вресъ.
И все, чѣмъ сердце грѣлося,
Чтя красоту,
Въ мишурный блескъ одѣлося
И въ суету.
И суета наскучила,
И отошло
Все, что когда-то мучило
И обожгло...“ (*Сѣрые годы*, т. III, 116).

Это уже крайній предѣлъ разочарованія, убивающаго поэзію; но и тутъ мы узнаемъ, что насильно *подавленнымъ* крикъ оставилъ слѣдъ въ душѣ поэта; смерть подслушаетъ все то, что онъ *тама* въ груди, *разбудитъ* его и сорветъ покровъ со всего завѣтнаго. Значить, смерть— не уничтоженіе, а пробужденіе и раскрытіе тайнъ.

Никогда поэтъ не можетъ вырвать жала маловѣрія изъ своей души; но сознаніе, мы помнимъ, уже подсказало ему, что не слѣпая природа вложила въ него стремленіе къ идеалу, и что „живъ его Богъ“. Въ человѣкѣ заключена частица духа, а надъ духомъ смерть не имѣетъ силы.

„Смерти нѣтъ. Я былъ *сочеломченъ*
И, значить, одаренъ бессмертною душой;
А если вѣченъ я,—то и Спаситель вѣченъ...“ (т. III, 92).

Такъ говоритъ поэту явившійся ему призракъ. Если же вѣченъ Спаситель, то вѣчны и возвѣщенные Имъ идеалы: пускай гаснетъ жизнь,—духъ неугасимъ; пусть сходятъ въ могилу поколѣнія,—онъ передается отъ одного къ другому:

„Онъ не хоронится въ могилахъ,
Отъ мертвыхъ онъ идетъ къ живымъ“
(*Духъ отца*, т. II, 216—217).

Это не тотъ переходящій голосъ вѣка, который проповѣдуетъ, что въ твореньяхъ нѣтъ Творца, въ вѣчности нѣтъ цѣли, кромѣ всеобщаго уничтоженія, и самонадѣянно считаетъ себя послѣднимъ словомъ истины (*Вѣкъ*), не тотъ крикъ торжествующаго зла, который возглашаетъ: „Мало ли чему училъ Христосъ?!“ (*Подслушанныя думы*). Нѣтъ, истинный духъ вѣка —

. . . . „Это Божій духъ;
Онъ міровой любовью дышитъ,
И только тотъ его не слышитъ,
Кто къ злѣбѣ дна склонилъ свой слухъ“ (II, 216).

Эти „злѣбы дна“ настолько многоразличны и могущественны, что во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ заглушали „духъ вѣка“. Но духъ не стоитъ на мѣстѣ и неизмѣнно дѣлаетъ свое дѣло, и тѣмъ, кто его не слышитъ или не понимаетъ, приходится тяжело платиться за свою слѣпоту: такъ было съ Бурбонами, низвергнутыми съ ихъ величія, и съ чернью, которая вмѣсто трона воздвигла гильотину, и съ Наполеономъ, ставшимъ „врагомъ духа и свободы“; такъ будетъ и съ „гордымъ Альбіономъ“, который не видитъ *зрадующую сѣтя* и

подъемлетъ мечъ за Магомета и за рабство, такъ было и будетъ со всѣми древними и современными „Валтазарами“ и „Фараонами“ (ibid.).

XX.

Итакъ, свѣтъ грядетъ! Несмотря на весь гнетущій мракъ, поэтъ сохраняетъ эту вѣру и, прощаясь съ „безпутнымъ годомъ“, посыла-етъ ему во слѣдъ пожеланіе:

„Иди во тьму и не жѣшай
Намъ къ свѣту двигаться впередъ“...
(*Безпутный годъ*, т. II, 233—236).

Не святой огонь, похищенный съ небесъ Прометеемъ и созда-вавшій людей, несъ въ своей груди этотъ бездушный годъ, годъ зла и вражды, но поэту при оглядкѣ на него все же есть за кого под-нять бокалъ,—за тѣхъ, „кто шелъ съ открытой головой за истиной и красотой“, за тѣхъ, кто, „несмотря на темный годъ, *хоть оцунью*, да шелъ впередъ“. За новый годъ пить преждевременно:

„Идетъ съ закрытымъ овъ лицомъ,
Съ невѣдомымъ добромъ и зломъ,
Не разглашая напередъ,
Какое знамя овъ несетъ“ (ibid.).

Идя впередъ *оцунью* въ темнотѣ, люди ищутъ свѣта въ общеніи съ таинственнымъ міромъ духовъ, отчаявшись найти въ наукѣ отвѣтъ на свои запросы. Поэтъ относится отрицательно къ такому исканію истины путемъ мистичизма: найдетъ ли міръ откровеніе въ наукѣ,— отвѣтъ еще загадоченъ.

„Но никакихъ задачъ науки
Всѣхъ этихъ думъ безличный рой,
Ни ихъ сомнительные ступи,
Ни ихъ мелькающія руки,
Своей таинственной игрой
Не разрѣшать“... (*Старые и новые духи*, т. II, 61—65).

Эти „новые духи“, стучащія и ворочающіе столами,—„фантазія безъ крылъ“, „родныя дѣти пустоты, тоски, *нестерья*, увлданья“: ни вѣра, ни умъ въ нихъ не нуждаются. Это только исканіе чего-то, миражъ, затуманивающій сознаніе.

Они не въ силахъ дать намъ знанье,
И дать намъ вѣру нѣтъ въ нихъ силъ“... (Ibid.).

Недаромъ и Асмодей признается, что онъ, прибѣгая ко всевозможнымъ уловкамъ для одураченія людей, подчасъ даже помогалъ спиритамъ (III, 458). Но во всякомъ случаѣ это увлеченіе спиритизмомъ есть симптомъ того, что „міръ снова жаждетъ обновленія“ (II, 63),—и поэтъ, не раздѣляя увлеченія, вполне понимаетъ и признаетъ его источникъ—протестъ и реакцію противъ „злой бесмыслицы“, преобладанія матеріальныхъ интересовъ и общаго одичанія:

„Въ нашъ вѣкъ продажной воли,
Желѣза и огня,
Таинственность явленій
Понятна для меня.
Невольное стремленье
Въ заочный міръ духовъ
Ужель не человѣчьи
Шпіонства и враговъ?..
Всѣ ждуть войны и гнета,
Руньи и груды тѣлъ,
Чтобъ люди одичали,
И воздухъ очумѣлъ“... (Т. III, 3—4).

Лучше бесѣдовать съ духами, чѣмъ слышать злобные крики и ликованіе торгашей. Этотъ бредъ, это тяготѣніе къ загадочному—проблескъ идеализма, лучъ свѣта, хотя бы и обманчивый, какъ блудящій огонь (*Спиритъ*, т. II, 220).

Война,—то ужасное дѣло истребленія, котораго содрогается муза поэта, которымъ такъ хвалится Асмодей передъ Сатаной, то усовершенствованное убійство, которому служить сама наука, „съ увлеченіемъ льющая пушки“ (т. II, 2) и изобрѣтающая на премию снаряды для избіенія цѣлыхъ тысячъ,—наиболѣе противна Божьему духу мировой любви. Нашему поэту суждено было пережить три эпохи великой рѣзни, войны 1853—56, 1870—71 и 1876—78 гг., и всѣ эти годы кровопролитій оставили глубокій слѣдъ въ его гуманной поэзіи, служащей идеалу братства людей и высшей справедливости. Укажемъ пьесы *На Черномъ морѣ* (т. I, 256—260), *Вложи свой мечъ* (т. II, 1—4), *Вѣчный жидъ*, *Болгарка*, *Грезы*, *Ренегатъ*, *Туда!* (т. II, 183—200), *Подъ Краснымъ Крестомъ* (II, 222—226),—свѣтлый апофеозъ святой любви, заставляющей вѣрить „что зло отзовется добромъ“, *Видѣніе Османа* (т. II, 241—244). Живая статуя, колоссальнаго роста, сгорбившаяся подъ страшной ношей изъ желѣза, поѣдающаго хлѣбъ и золото, питающаго роскошь и суету, идущая, опираясь на обнаженный и отточенный мечъ, обдуманно скрывающая

загадочную цѣль, провозглашающая на словахъ любовь, право, свободу и давящая своей пятою великодушныя мечты и надежды,—эта фигура, улыбающаяся съ выраженіемъ надменнаго недовѣрія на усталомъ лицѣ, отягченная богатствами всѣхъ странъ,—„какой тяжелый образъ!“ восклицаетъ поэтъ, создавшій и воплотившій его, и спрашиваетъ: неужели это олицетвореніе милитаризма—нашъ идеалъ?! Неужели такова *Европа на пути къ двадцатому столѣтію?* (*Живая статуя*, т. III, 9—18). Поэтъ правъ, говоря, что такіе образы, волнующіе воображеніе, плохо поддаются перу, а требуютъ для себя рѣзца: они тяжелы, какъ мраморъ или литая мѣдь... Однако, если „всѣ ждутъ войны“,—едва ли кто ея *желаетъ*: поэтъ уже замѣтилъ, что въ нашъ желѣзный вѣкъ побѣдитель опускаетъ свой грозный мечъ, *пухлякъ* грома побѣдъ,—это уже шагъ къ лучшему... Не менѣе тяжелый образъ представляетъ собою выросшій въ мировой колоссъ кумиръ золотого тельца, которому послушенъ весь міръ, которому порабощенъ даже геній науки и творчества,—идолъ, во имя котораго льется кровь человѣчества. Отъ паденія этого всесвѣтнаго кумира „помрачился бъ небосклонъ, и дрогнула бы ось земли“, и поэтъ въ недоумѣніи спрашиваетъ:

„Скажите же, съ какихъ высотъ
Къ намъ новый Моисей сойдетъ?
Какой предъявить намъ законъ?
Какою гнѣвной силой онъ
Громаду эту пошатнетъ?“ (*Золотой теленокъ*, т. II, 401—406).

Вопросъ остается вопросомъ, но поэтъ не отказывается отъ вѣры въ пришествіе „новаго Моисея“, помня завѣтъ своей музы, что „нашу бѣдную Россію спасетъ вѣра въ Божій судъ или въ Мессію“. Эти слова приложимы и не къ одной Россіи. Мысль объ этомъ Мессіи занимаетъ поэта, теряющагося въ гаданьяхъ о томъ, въ какомъ видѣ явится человѣчеству этотъ „дерзкій полубогъ“, „блаженный печетивецъ“, „геніальный глупецъ“:

„Придетъ ли онъ, какъ утѣшитель
Иль какъ могучій, грозный мститель,
Чтобъ образумить племена?
Любовь ли въ нужды наши выкинетъ?
Иль ненависть народамъ кликнетъ,
Пойдетъ и сдвинетъ знамена?
Богъ вѣсты! напрасно умъ гадаетъ“...
(*Неизвѣстность*, т. I, 349—350).

Но, кто бы ни былъ этотъ гений,—вдохновенный пророкъ-фанатикъ или практическій мудрецъ,—человѣчество ждетъ его и надѣется, что онъ заставитъ всѣхъ очнуться отъ тяжелыхъ сновъ, сплавить мысли разбѣденныя, поставить новую силу на мѣсто старыхъ рычаговъ,—поколеблетъ власть золота и желѣза,—упроститъ сложность задачи и дастъ возможность расчистить миллионъ дорогъ къ совершенству (*ibid.*). Поэтъ даже вѣритъ, что, быть можетъ, уже близко „предтеча“ этого Мессіи; но, конечно, его гадающій умъ лишь въ тяжелыя минуты допускаетъ обновленіе путемъ ненависти. Его муза, мы помнимъ, видѣла ложнаго мессію или его предтечу, жаждавшаго выступить въ роли грознаго мстителя, мечтавшаго „залить кровью предѣлы земли, чтобъ новые люди родиться могли“ (*Жалобы музы*, I, 446—447). Цвѣты, политые кровью, не взойдутъ безъ шиповъ; любовь, доведенная до фанатизма, можетъ выродиться въ кровожадную ненависть, но изъ такой ненависти не родится блаженство. Пророкъ искренно ненавидитъ зло, но онъ „любитъ, ненавидя“, и не жаждетъ крови, но „ведетъ къ правдѣ любовью“, силою слова, а не оружія. Нѣкогда Эдипъ заглянулъ въ лицо Сфинксу безъ трепета и, не обнажая меча, далъ ему отвѣтъ, достойный человѣка; такъ и новый Эдипъ долженъ *безъ оружія* спасти свободу вѣка „любовью пламенной въ безтрепетной груди, рѣшеньемъ всѣхъ задачъ во славу человѣка“ (*Сфинксъ*, т. II, 300—302).

XXI.

Эта великая истина съ особенною поэтическою силою выразилась въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній Я. П. Полонскаго: если въ прежніе годы поэтъ томился „неизвѣстностью“, то на закатѣ дней ему стало вполне ясно, что никакой богатырь Иванъ Богуслаевичъ съ его храброю дружиною не одолѣетъ лукавой Кривды силою оружія. Сама Кривда знаетъ, что можетъ ее побороть, но надѣется, что ея царству на землѣ не будетъ конца. Послушаемъ, что она говоритъ, явившись во снѣ своему врагу-богатырю:

„Не вѣзять тебѣ Горя-Злосчастія,
И твой мечъ-кладенецъ не убьетъ меня.
Только Правда одна,—Правда истинная,
Поборовшись со мной, извела бы меня.
Да и той нѣтъ,—ушла въ небеса...
Попалили-бъ меня только Ангелы,
Да и тѣхъ нѣтъ,—поютъ славу Божію“. (*„Поэма о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой“*, т. V, 282—287).

Но Правда молить Искупителя пустить ее изъ рая на землю, политую кровью, орошенную слезами, упитанную гнилью труповъ и взывающую о спасеніи, — и Сынъ Человѣческій посылаетъ въ міръ Правду, „искру Своей мысли“, „каплю Своей крови, — къ людямъ, вѣчно Его распинающимъ“.

„Какъ придеши въ міръ скорбей, повтори ему:
Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ, тамъ и царство Мое“ (ibid., 315).

Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ сходитъ Правда на землю и отвѣчаетъ на слова Кривды:

„Ты права-права, Кривда крещеная:
Не мечъ,—грѣшный мечъ, окровавленный,
Посѣчетъ твою голову,
И не палица богатырская
Сокрушитъ твое чадо блудное,
Чадо хмельное,—Горе-Злосчастіе;
Но, когда просіяетъ колючій тернъ
На челѣ Христа паче всѣхъ вѣнцовъ,
И когда вмѣстѣ съ Нимъ я сойду съ небесъ,
Не одна я сойду, а со Ангелы,
Возвеселится тогда и возрадуется
Тотъ, кто ни разу за серебряники,
Какъ Иуда, не предалъ Спасителя:
Ты-жъ, лукавая Кривда, восплачешься
И въ смертельной тоскѣ воззовешь къ горамъ:
Упадите вы, горы, на главу мою,
Раздавите меня, горы каменные!
Разступись и ты, мать сыра-земля,
Разступись,—поглоти меня!
Кто не вѣруетъ въ Правду истинную,
Не увидитъ тотъ царства праведнаго“ (ibid., 324—325).

Царство Правды наступитъ, лишь когда Спаситель сойдетъ съ небесъ; но люди должны вѣровать въ идеалъ Правды и возвѣщать его словомъ и дѣломъ любви; въ этомъ стремленіи къ высшему свѣту—вся цѣль ихъ жизни. Вспомнимъ приведенное нами выше заключеніе поэмы *Собаки*: вѣра и исканіе дороги къ Богу придадутъ человѣчеству крылья, ведущія къ блаженству. Иванъ-богатырь прячетъ свой мечъ и становится служителемъ слова, „сотрудникомъ Божиимъ“: безъ меча, кольчуги, лука и стрѣлъ онъ ходитъ по всей Руси,—и слово его было сильное слово,—сильнѣе меча: въ его словѣ была Правда истинная. *Да воскреснетъ то слово и въ наши дни!*“ (т. V, 327). Мечъ богатыря пригодится на случай, если Кривда соберетъ полки

и пойдетъ войною,—для защиты Правды, но не какъ орудіе наступательнаго боя во имя ея. Такимъ гармоническимъ аккордомъ замыкается поэзія Я. П. Полонскаго: какъ ранѣе, вопреки всѣмъ приступамъ духа сомнѣнія, онъ вѣрилъ, что „есть рѣчи, которыя не всѣмъ дано понимать, рѣчи, въ которыхъ хранится для поэта искра вдохновенія, а для гражданина зерно благъ“ („Есть рѣчи“, т. II, 120),—такъ и понинѣ онъ сохраняетъ вѣру въ спасительную силу слова истины. Эту вѣру въ немъ укрѣпляетъ сознаніе, что въ царствѣ Кривды не можетъ быть единства, и зло возстаетъ на зло. „Яблоко отъ яблони падаетъ недалеко“: Кулакъ, родной сынъ Кривды, обманываетъ свою мать; Горе-Злосчастіе, „блудное чадо“ той же Кривды, жестоко бьется съ нею. Асмодей замышляетъ свергнуть Сатану (т. III, 480).

„Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ, тамъ и царство Мое“. Любовь несовѣстна со враждою: она предписываетъ прощать врагамъ. Поэтъ, для котораго любовь и жизнь—одно и то же, полюбилъ, „какъ ребенокъ“, и оказался пойманнымъ въ сѣти хитрецами, но не забылъ высокаго завѣта:

„Любя, я враждовать не могъ
И молвить имъ: не осудите... („Прости имъ“, т. II, 69).

Но невѣжды туги на прощенье и истощаютъ терпѣніе поэта своими клеветами. Здѣсь на помощь любви является *пониманіе*, и ихъ союзъ приводитъ къ единому результату,—всепрощенію.

„Христось! Ты повелѣлъ прощать...
Прости имъ,—такъ, какъ я прощаю.
Меня во-вѣкъ имъ не понять,
А я ихъ глупость понимаю“ (ibid.).

„Все понять—значить все простить“,—извѣстный афоризмъ. Кто извѣдалъ силу зла, но самъ не былъ побѣжденъ имъ, тотъ завѣщаетъ другимъ „всепрощающую скорбь и вѣру въ идеалъ“, какъ творецъ *Горя отъ ума* по характеристикѣ Я. П. Полонскаго (т. II, 274, Н. А. Грибодова).

XXII.

Поэтъ—„всечеловѣкъ“; идеалъ, который онъ носитъ въ себѣ, есть идеалъ всемірный, — знамя „божественной человѣчности“, братской любви и сознанія; его духъ — отраженіе духа, „дышащаго міровою любовью“ и возмущающагося *міровымъ зломъ*. Богъ далъ ему силу

„сознавать *весь міръ* такимъ, чтобъ пѣть и лучшаго желать“. Поэтому онъ бережетъ въ душѣ

„Ту заповѣдную мечту,
Что *всѣмъ народамъ* смутно снилась,
И что въ земную красоту
Еще нигдѣ не воплотилась“ (т. II, 271).

Это — мечта, но въ ней одной заключается истинная жизнь; все остальное призрачныя явленія, химеры, осужденныя на смерть, ненужныя Божьи небеса (Стансы, т. II, 391).

„Безъ этой творческой мечты
Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ,—
Нѣтъ ни одной живой черты
На историческихъ страницахъ“ (т. II, 271).

Но, если поэтъ не различаетъ „элина“ отъ „іудея“, онъ тѣмъ не менѣе ближе всего сознаетъ и ощущаетъ кровную связь со своимъ народомъ: „нервъ челоѣчества“ есть черезъ это и притомъ по преимуществу „нервъ народа“; онъ волна океана, называемаго Россією, и живетъ одною жизнью со своимъ великимъ цѣлымъ. Міровыя упованія и скорби не заслоняютъ отъ его взора текущей народной жизни со всѣмъ ея горемъ и надеждами (*На корабль*, т. I, 261, *Бѣлый*, т. I, 346—348, *Голодь*, т. I, 468—470, *Московскимъ торгашамъ*, т. II, 328—329, *Борцу*, т. III, 88—89, *Въ холодный годъ*, т. III, 104—105); жажда для всего міра восхода новой зари, онъ всего сильнѣе желаетъ, чтобы цѣлебная сила прикоснулась до „язвъ Россіи“. Родина перѣдко бываетъ сурова къ поэтамъ и ихъ иллюзіямъ, и вѣра въ свой народъ, въ свою страну не разъ переживаетъ испытанія; къ горичему, неугасимому чувству любви къ родинѣ примѣшивается порой горечь сомнѣнія, разочарованія, даже озлобленія. Творецъ *Горя отъ ума* „отдыхалъ душою“ на югѣ отъ „ледянаго сѣвера“, гдѣ онъ оставилъ за собою „безддушную зиму“, „холоднаго сердца“ (т. II, 275—276), — и Я. П. Полонскій также живо чувствуетъ, что „холодный сѣверъ нашъ печаленъ и суровъ“ (т. II, 285); мы уже видѣли, какъ его мучитъ народная темнота (*Въ стѣны*), какое грустное впечатлѣніе производитъ на него холодная, мрачная, похожая на осень весна русской природы и русской народной жизни (*Въ мая 1867 г.*), какъ угнетаютъ его душу безтолковая, незрѣлая рознь, путаница и озлобленіе въ умахъ русскихъ людей, отсутствіе высшихъ идеаловъ въ окружающемъ обществѣ, его пустота, безцвѣтность и пошлость (*Рознь, Одному изъ усталыхъ, Проходите тотюю, Хандра,*

На пути изъ юстей, т. I, 217—221). Все это тѣмъ тяжелѣе ложится на душу, что человѣку приходится самому жить прямо лицомъ къ лицу съ этой сѣрой обстановкой и страдать отъ нея, а инстинктивное чувство тяготѣнія къ своему еще усиливаетъ тягость ощущенія. Я. П. Полонскій вспоминаетъ дѣтскіе годы, когда все окружающее являлось въ радужномъ свѣтѣ, когда все бралось на вѣру, и умъ еще не зналъ разочарованія, — и невольно жалѣеть, что не могъ на всю жизнь остаться при дѣтскихъ наивныхъ фантазіяхъ (*Дѣтское героичество*, т. I, 423—425). Это было время, когда поэтъ любилъ свой родной край бессознательно, какъ вѣкша, цапля или воронъ любятъ сумракъ бора, береговой иль и кучу сора. Но настали дни юности, и поэтъ сталъ любить родину, какъ сынъ — родную мать, женихъ — невѣсту, гражданинъ — права или свободу... Что будетъ дальше? „Буду-ль я по гробъ мечтательно любить родной мой край?“ спрашиваетъ поэтъ самого себя и отвѣчаетъ: „не знаю“.

„Мать можетъ сына оскорбить,
Невѣста можетъ невѣнчать,
Народъ свободу погубить,
Все можетъ быть....

Но,—пѣтъ,—не дай мнѣ Богъ простить,—
Простить къ родному краю!“ (*Въ ребяческіе дни*, т. II, 73).

Это моленіе услышано, — и поэтъ продолжаетъ любить свою родину, видя въ ней залогъ усовершенствованія, неугасающій духъ идеальныхъ порывовъ, готовность на безкорыстные подвиги любви:

„Сіяя намъ, вѣра! Прочь сомнѣнья!
Русь не была бы никогда
Такой великою Россіей,
Когда бъ она была чужда
Любви, завѣщанной Мессіей“.

(15-го іюля 1888 г., т. II, 376—379).

Мы еще не оскудѣли сердцемъ; мы еще рады считать плѣнныхъ братьями, помогать разрозненнымъ единовѣрцамъ. Безъ насъ не встала бы Греція, не пала бы власть Наполеона, безъ насъ забыли бы славянъ.

„Распатывая вражьи силы,
Мы не считали нашихъ рабъ...
Мы за геройскія дѣянья
Не ждали злата и сребра...
За дѣло славы и добра
Мы не просили воздаянья...

И, если персть Господній вновь
 Намъ цѣль великую укажетъ,—
 Что дѣлать? сердце намъ подскажетъ
 И христіанская любовь“. (Ibid.).

Стало быть, поэтъ вѣрить, что его народъ способенъ, насколько это возможно вообще, осуществить всемірный идеалъ. Тѣмъ большѣ ему видѣтъ уклоненія отъ этого идеала и слышать злобныя нареканія иноземцевъ, если они не лишены правды. Не менѣе молодого художника Игната (*Въ концѣ сороковыхъ годовъ*, т. III, 233 — 310) самъ поэтъ скорбѣлъ, когда западная пресса въ одинъ голосъ обзывала русскихъ варварами, врагами свободы и прогресса; онъ говоритъ одновременно про своего героя и про себя самого:

„Патріотизмъ его былъ безъ защиты;
 Онъ, такъ сказать, былъ въ сердце пораженъ“ (т. III, 273).

Но крики и навѣты клеветы, навѣянные духомъ одной злобы или узкаго непониманія, исходятъ ли они отъ чужихъ, или отъ своихъ, если и заставляютъ страдать, то развѣ отъ сознанія умышленной или слѣпой несправедливости, могутъ возмущать, какъ ложь, раздражать, какъ тупость,—и не болѣе. Всѣмъ такимъ яростнымъ хулителямъ Россіи поэтъ отвѣчаетъ:

„Но этихъ криковъ и клеветъ
 Не струсить никакой поэтъ,—
 Гордиться будетъ нареканьемъ,
 Когда твой умъ или твой духъ
 Ему послушать оправданьемъ“.

(„*Вранья*“, т. I, 401—403).

Давая завѣтъ „усовершенствовать то, что есть,—себя, свой даръ, свой трудъ“, указывая на это стремленіе, какъ на живой предметъ заботъ, какъ на единственную честь человѣка,—нашъ поэтъ заключаетъ свои заботы такими словами:

„Будь вѣренъ родинѣ своей,
 Да просіяетъ и она,
 Коль Богомъ сила ей дана
 Усовершенствовать людей“. (*Заѣтъ*, т. II, 392—393).

Родина поэта явила не мало примѣровъ этой данной ей силы, и одинъ изъ этихъ примѣровъ Я. П. Полоицкій выводитъ передъ нами, чувствуя память Ломоносова: увѣчивая тѣнь великаго русскаго пионера за „трудный подвигъ начинанья“, за „первый лучъ народнаго сознанья“, такъ ярко блеснувшій въ его лицѣ, поэтъ поднимаетъ „тор-

жественный бокалъ во славу разума, съ прошедшимъ сочетавъ *ирадущій идеалъ*“ (*Хандра и сонъ М. В. Ломоносова*, т. I, 394—400).

Начатое однимъ продолжаютъ другіе. „Возрожденіе русской музы“, гений, виѣстившій въ себѣ сѣверъ, западъ и востокъ, пророкъ, жгущій сердца, поэтический Мессія—таковъ главный представитель родной поэзіи, „всеобъемлющій и великій, какъ Россія“ (*А. С. Пушкинъ*, т. II, 312—316). У гроба Тургенева поэтъ надѣляетъ вѣнкомъ родину, подарившую намъ „истолкователя трехъ нашихъ поколѣній“, поэтъ русскихъ думъ, вѣщуна, пролившаго въ сердца тепло и свѣтъ.

„Пусть всѣ эти цвѣты
Отчизна милая влететь въ свой терпъ колючій,
Чтобъ обновить свои надежды и мечты“.

(27-го сентября 1883 г., т. II, 322—323).

Недаромъ богатырь Иванъ Богуслаевичъ, ополчающійся на Кривду сперва силою меча, а потомъ силою слова, которое сильнѣе меча,— ходитъ *по Руси*. Заря обновленія, мы видѣли, можетъ взойти и изъ-за стѣнъ Кремля, и изъ-за ограды кievскихъ монастырей, и съ береговъ Невы.

XXIII.

Между человѣчествомъ и родиною есть еще два соединительныхъ звена, постоянно близкихъ сердцу поэта: первое изъ нихъ—Европа, та „старая“ Европа, которая „пугливо ждетъ внезапныхъ потрясеній“ (*Въ альбомѣ Андо*, т. II, 380—381), та „живая статуя“, которая занываетъ на пути къ новому столѣтію подъ бременемъ оружія, „ждетъ войны и гнета“. Какъ на родинѣ, такъ и здѣсь грустная дѣйствительность мало соотвѣтствуетъ идеалу: духъ зла еще торжествуетъ надъ „Божіимъ духомъ“; Асмодей плодитъ озлобленныхъ партій, искажаетъ высокія стремленія, разжигаетъ безчеловѣчную, бессмысленную рѣзню. Поэтъ совѣтуетъ молодой Японіи не подражать Европѣ, не звать ея гордыхъ грезъ и позднихъ сожалѣній, идти впередъ „безъ пресыщенья, безъ наглої нищеты, безъ рабскаго смиренья“ (II, 380); но „самобытный гений“ юнаго народа, не нуждающійся въ „заемныхъ вдохновеніяхъ“, тѣмъ не менѣе, долженъ усвоить результаты, добытые вѣковою работою европейской мысли, приобщиться „цѣлебно-жгучаго яда“ наукъ, разливающагося съ запада. Самобытный гений долженъ стать ученикомъ; но разъ онъ *самобытнѣе*,—онъ въ

свою очередь будетъ давать полезныя уроки своему учителю, и процессъ обученія станетъ взаимнымъ. „Учись у ней,—*уча*“ (ibid.). Старая Европа въ глазахъ поэта не представляется безнадежно дряхлою: она еще способна сама учиться у другихъ. Мы вновь переживаемъ среднѣ вѣка; Европа, „холодная, расчетливая, злая“, глядитъ на кровь нашихъ братьевъ-славянъ, одна Россія рукоплещетъ имъ, прославляетъ ихъ геройство и оплакиваетъ ихъ мученія (т. IV, 178), но свѣтъ градетъ,—и гордый Альбионъ, ратующій за торгашей, за Магомета, за рабство, познаетъ истинный „духъ вѣка“, раскроетъ глаза и очнется въ ужасъ (т. II, 217); недаромъ онъ родина Шекспира и Байрона, духъ котораго былъ сродни духу Греція (т. IV, 20). Также точно „просвѣщенѣйшій народъ“, „нашъ великій просвѣтитель“, опьянѣвъ въ чаду военной славы, слѣдуя инстинктамъ дикаря, забывъ на время идеалы челоуѣчности, наступаетъ на горло своей жертвѣ и дробитъ ея члены, какъ на плахѣ (*Вложи свой мечъ*, т. II, 1—4); все измѣнилось со времени Шиллера,—но навсегда ли? Можетъ ли страна, породившая пѣвца гуманности, навѣки пропахнуть запахомъ крови и пороха? Пробужденіе должно послѣдовать, и оно послѣдуетъ, хотя, можетъ быть, пѣскольکو поздно: у исторіи, у „духа вѣка“ есть своя Немезида для тѣхъ, кто не слышитъ во время его голоса. Эту Немезиду уже извѣдала однажды Франція революціонная и дважды Франція императорская (ср. *Духъ вѣка*); теперь, когда позорно палъ подъ Седаномъ отъ своего произвола тотъ, „кто думалъ произволъ собой увѣковѣчить“ (т. II, 3),—если падетъ Франція, обезоруженная его клеветами, „съ ея могилы встанетъ мститель“, который дастъ понять безпощадному побѣдителю „силу полураздавленныхъ идей“ (ibid., 4), и Германія на ряду съ Альбиономъ очнется „передъ судилищемъ Бога“.

Мало отраднаго представляетъ взору поэта современная Европа на протяженіи почти пяти десятилѣтій: мы приводили на память стихотворенія, относящіяся къ эпохѣ 70—80-хъ годовъ; укажемъ еще *Одному изъ дѣтей въ Парижѣ* (т. I, 333—334), рисующее эпоху торжества французскаго цезаризма 50—60-хъ годовъ.

„Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
Вотъ вамъ республика и тронъ,
И христіанство, и Коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!“

(*На Черномъ морѣ*, т. I, 260).

Таковъ крикъ, направляющій ходъ событій въ Европѣ. Но та же

искони разрозненная, пропитанная духомъ вражды Европа встала, какъ одинъ человекъ, чтобы „отликовать“ юбилей того, кто приготовилъ торжество свѣта надъ мракомъ. Значить, идеализмъ еще не умеръ, сказывается еще съ внушительной силой, и въ будущемъ сіяетъ свѣтъ любви и разума.

„Крестовые походы

Еще не копченъ, и рыцари Креста

Средь торгашей, льстецовъ и лицемѣровъ

Еще не вымерли“... (*Келіотъ*, т. IV, 178).

XXIV.

Второе звено въ указанной выше цѣпи — славянство и вообще православный Востокъ, не менѣе Запада занимающій видное мѣсто въ поэзіи Я. П. Полонскаго. Кромѣ указанныхъ выше стихотвореній, внушенныхъ событіями кровавой борьбы за свободу, приведемъ еще такія пьесы, какъ *Симеонъ, царь Болгарскій* (т. II, 41—46), *Черногорскій ключъ* (II, 408—409), наконецъ, поэму *Келіотъ* (т. IV, 20—179), произведенія, проникнутыя живѣйшимъ сочувствіемъ къ судьбамъ греко-славянскаго міра (но не къ „растлѣнной“ Византіи, — II, 45). Славяне дороги Я. П. Полонскому не только какъ люди, томимые подъ варварскимъ игомъ и рвущіеся къ свободной человѣческой жизни, но и какъ единоплеменники и единовѣрцы; къ братству общечеловѣческому присоединяются еще ближайшія, тѣснѣйшія узы, значеніе которыхъ поэтъ признаетъ вполне. Эти забытые судьбою народы—братья намъ и между собою по преимуществу (т. II, 191, 194, 219), и измѣна этому кровному родству есть истинное дѣло Сатаны, который принимаетъ, какъ сына, славянина-рenegата, лицемѣрившаго ради политики и вѣрно служившаго адскому начертанью: „Славянъ больше всѣхъ истребляй, славяннѣ“ (*Ренегатъ*, т. II, 198). Симпатія поэта къ его „нищимъ братьямъ“, которыхъ надменный англичанинъ обзываетъ допотопными христіанами и неучами (т. IV, 167), такъ жива, что даже ему грезится во снѣ, будто онъ сражается за нихъ съ ихъ врагами, — „да расточатся духи зла, и да воскреснетъ христіанство“ (*Грезы*, т. II, 191—194). Враги—не одни Османы; поэтъ съ ужасомъ видитъ и не хочетъ вѣрить, что во славу Магомета выслали крещеныхъ солдатъ; Европа, какъ Пилать, умываетъ руки, отпускаетъ Варавву и выдаетъ Христа въ угоду фарисеямъ. Стыдясь за просвѣщенье, поэтъ обличаетъ „безчеловѣчную и

безбожную политику“, при которой все ничтожно—и богатство, и слава, и при которой нельзя идти впередъ, несмотря ни на какіе расчеты:

„Въ дѣлахъ, въ которыхъ невозможно,
 Чтобъ человекъ и Богъ сошлись,—
 Нѣтъ духа истины... Спастись
 Нельзя блестящимъ лицемѣремъ...
 Для вашей славы сочтены...
 Воскресъ нашъ духъ, и мы возстали,
 У сильныхъ міра не спросясь,
 Мы помощи отъ братьевъ ждали,
 Мы—не надѣляясь на васъ“... (Ibid., 193).

Пробужденіе отъ сна возвращаетъ поэта къ дѣйствительности? какъ далеко залетѣлъ его духъ, „жалкій плѣнникъ тѣла“! И къ чему:

... „Какое дѣло
 Возставшимъ братіямъ моимъ
 До тѣхъ, кто въ мірѣ одержимъ
 Одиными грезами!“... (Ibid., 194).

Дѣйствительно, имъ пока не до грезъ; но придетъ время,—и эти самые братья узнаютъ и оцѣнятъ по достоинству того, кто

... „въ народъ свой
 Вѣрилъ и страдалъ
 И ему на цѣли братьевъ
 Издали казалъ“ (т. II, 219).

Эти стихи Я. П. Полонскаго, посвященные памяти Тютчева, не менѣе приложимы къ самому ихъ автору.

Сознаніе русско-славянской солидарности, однако, не превращается у нашего поэта ни въ какую политическую теорію на подкладкѣ вражды и презрѣнія къ западному міру. Всякій духъ вражды и исключительности чуждъ его душѣ; если просвѣщенная Европа изъ политическихъ расчетовъ хладнокровно смотритъ на гибель христіанъ или даже помогаетъ туркамъ душиить ихъ,—это вызываетъ понятное негодованіе и стыдъ за просвѣщеніе, побуждаетъ даже на время усомниться въ будущности Европы, какъ мы сейчасъ видѣли; но поэтъ далеко отъ того, чтобы выводить изъ этого несовѣстимость. діаметральную противоположность Запада и Востока и еще менѣе—злорадствовать по поводу гніенія перваго. Его точка зрѣнія общечеловѣческая и христіанская; его единственная горячая мольба—о пре-

кращеніи розни, о братствѣ всѣхъ народовъ на началахъ любви и равноправности, безъ поглощенія однихъ націй другими:

„Боже!

Когда же наконецъ враждѣ и фанатизму,
Невѣжеству и варварству народовъ
Положишь ты предѣлъ?... Когда исчезнетъ рознь
Религій, расъ, племенъ, идей и націй,
И всепревозмогающею станетъ
Одна святая сила—истина?“... (*Келіотъ*, IV, 178).

XXV.

Этотъ вопросъ, проходящій красною нитью по всей поэзіи Я. П. Полонскаго, конечно, не скоро дождется отвѣта; но лишь бы не угасала вѣра въ святую силу истины,—и человѣку на склонѣ лѣтъ становится легче дышать и нести бремя своей жизни: одного блѣднаго луча достаточно для того, чтобы надѣяться на восходъ солнца, на наступленіе тепла и свѣта. Такъ, проснувшись въ потемкахъ, поэтъ съ усиленіемъ разглядываетъ сквозь завѣшенные гардины полосу ночнаго неба,—

„И этой малости довольно, чтобъ понять,
Что я еще не спѣлъ, и что во мракѣ этомъ
Все, все пророчески полно холоднымъ свѣтомъ,
Чтобъ утра теплаго могли мы ожидать!“

(*Въ потемкахъ*, т. III, 114).

„Измученный“ поэтъ бредеть по дорожной слякоти и плохо видитъ передъ собою дорогу, но несетъ еще съ собою

„Страсти жаръ неутоленной,
Холодъ мысли непреклонной,
Жажду правды роковой“ (*Н. И. Лорану*, т. II, 357—359).

Эта ноша тяжела при осенней непогодѣ: „умъ тупѣетъ, грудь устала, чувство стынетъ въ этой мглѣ“. Другое дѣло, еслибы было теплое лѣто: тогда путь казался бы не дологъ, сердечный жаръ не простылъ бы,—

„Я-бъ надеждою безпечной
Духъ мой втайнѣ веселилъ...
И меня-бъ съ утратой силъ
По дорогѣ къ правдѣ стной
Холодъ мысли не знобилъ“ (*ibid.*, 359).

Но, несмотря на мракъ и непогоду, поэтъ все-таки идетъ со своею ношею, и чувство усталости и унынія, по временамъ овладѣвающее слабою природою человѣка, опять смѣняется бодрою вѣрою и жаждою жизни и кипучей дѣятельности. Не можемъ отказать себѣ и читателямъ въ удовольствіи привести цѣликомъ прекрасную „Аллегорію“ Я. П. Полонскаго, написанную на эту тему:

„Я ѣду... Мракъ меня гнететъ,
И въ ночь гляжу я... Огонекъ
Навстрѣчу мнѣ то вдругъ мелькнетъ,
То вдругъ,—какъ будто вѣтерокъ
Его задуетъ,—пропадетъ...
Ужъ тамъ не станція ли ждетъ
Меня въ свой тѣсный уголокъ?...
Ну, что-жъ! Я знаю напередъ:
Возница слѣзетъ съ облучка
И влечь усталыхъ отпряжетъ,
И при мерцаньи ночника
Въ сырой покой меня сведетъ
И скажетъ: лягъ, родной мой, вотъ
Досчатый одръ,—засни пока...
А ну, какъ я, презрѣвъ покой,
Не захочу, не лягу спать
И крикну: живо, хрычъ сѣдой!
Вели мнѣ лошадей мѣнять!
Да слушай ты: впряги не влечь,—
Лихихъ коней, чтобъ могъ я вскачь
Опередившихъ насъ догнать!...
Чтобъ могъ прижать я къ сердцу вновь
Все, что впередъ умчалъ злой рокъ:
Свободу, молодость, любовь...
Чтобъ загорѣвшійся востокъ
Открылъ мнѣ даль,—чтобъ новый день
Разсвѣлъ этой ночи тѣнь
Не такъ, какъ этотъ огонекъ!“...

(Аллегорія, т. II, 341—342).

Какъ это стихотвореніе, такъ и другое, напоминающее его (*Въ желтѣхъ жизни*, т. II, 182), очевидно, навѣяно Пушкинскою *Телѣюю жизни*, но поражаетъ своимъ неожиданнымъ финаломъ: вмѣсто вечерней дремоты и желанія отдыха снова просынается задоръ и пылъ утра жизни! Поучительно сопоставить эту *Аллегорію* съ *Стыгими юдами*; изъ этого сопоставленія мы, можетъ быть, убѣдимся, что сердце поэта и теперь такой же „плохой мертвецъ“, каковымъ было во дни его молодости, когда не хотѣло умирать „изъ-за каждой хоро-

шенкой куклы" (*Плохой мертвецъ*, т. I, 240). Правда, *Старые юды* писаны позднѣе *Аллегоріи* приблизительно на десятилѣтіе, но зато къ одной эпохѣ съ ними относятся *Правда* и *Кривда* и послѣднія главы *Собака*, и *Монологи*, и *Я—чадо природы*.

Вообще неумолимое время, хотя и влияетъ на тонъ лирики Я. П. Полонскаго, но это влияніе не настолько сильно, чтобы можно было говорить о различіи характера его творчества въ различные эпохи, и чтобы при разборѣ его произведеній со стороны ихъ настроенія нужно было особенно кропотливо справляться съ годами ихъ написанія. Во всѣ эпохи своей жизни поэтъ неизмѣнно шелъ „по дорогѣ къ правдѣ вѣчной“, и самыя мучительныя разочарованія и сомнѣнія никогда не могли убить въ немъ вѣру въ эту правду. Вѣра въ идеаль, озарявшая его юность, продолжаетъ и въ старости свѣтить ему во мракѣ путеводною звѣздой.

Мы могли бы привести еще не мало яркихъ примѣровъ гуманной отзывчивости нашего поэта и его бодрой чуткости къ очереднымъ вопросамъ, волнующимъ общество (*Миазмъ*, т. II, 24—29, *Шиньонъ*, II, 30—34, *Казимиръ Великій*, II, 129—136, *Натурищица*, II, 282—284, *Что мнѣ она?* т. II, 297—298, *За непогрѣшимость*, т. II, 5—8, *На улицахъ Парижа*, II, 138—140, *Старые и новые души*, II, 61—65, *Послѣ чтенія „Крейцеровой сонаты“*, III, 69—72),—но полагаемъ, что и сказаннаго вполне достаточно для выясненія личности Я. П. Полонскаго, какъ человѣка и поэта. Не задаваясь бесполезною задачею—опредѣлять мѣсто, занимаемое имъ въ ряду русскихъ писателей,—скажемъ только, что во всякомъ случаѣ почетное мѣсто въ исторіи русской поэзіи обезпечено за Я. П. Полонскимъ. Его дѣятельность—фактъ, который не пройдетъ безслѣдно для русскаго самосознанія; въ его поэзіи мыслящій русскій читатель найдетъ все, чѣмъ жило, страдало и чему вѣрило его сердце. Со всѣми ея кажущимися противорѣчіями и блужданіями во тьмѣ эта поэзія человѣчности, исканія свѣта представляетъ одно цѣлое, проникнутое единымъ духомъ, всегда полное мысли и чувства, изящное по формѣ, и, изученная въ цѣломъ, она оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Отъ большинства современныхъ ему поэтовъ Я. П. Полонскій выгодно отличается широтою міросозерцанія, разнообразіемъ мотивовъ, отсутствіемъ партійной узкости въ вопросахъ общественныхъ или литературныхъ. Это — одинъ изъ людей 70-хъ годовъ, по счастью для насъ сохранившій идеализмъ своей юности, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставшій отъ вѣка и давшій намъ, кромѣ своей лирики,

цѣнную галерею правдивыхъ портретовъ изъ русской жизни разныхъ эпохъ: Алексѣй Гайдунувъ и баронъ Кульгофъ, Шушу и Гвоздевъ проходятъ передъ нами, чередуясь съ фигурами 40-хъ и даже 30-хъ годовъ, каковы художникъ Игнатій, Камковъ и эксцентрической визионеръ-мечтатель Вадимъ Кирилинъ (*Мечтатель*, V, 405—474). *Художникъ-гуманистъ*,—вотъ, по нашему мнѣнью, наиболѣе вѣрное опредѣленіе личности нашего уважаемаго поэта. Позволяемъ себѣ надѣяться, что изданіе полнаго собранія стихотвореній не означаетъ еще прекращенія поэтической дѣятельности, что духъ поэта сохранитъ и на будущіе годы свою бодрость, и что до конца не порвется кровная связь поэта съ его роднымъ, холоднымъ сѣверомъ.

„Пусть злая осень добила дождемъ
 Памяти, вѣтромъ измяты,—
 Вы, какъ птенцы, народились въ моемъ
 Сердцѣ,—*надежды крымца*.
 Солнце зоветъ васъ покинуть туманъ,—
 Солнце зоветъ все, что молодо,
 Къ свѣту, къ теплу, въ рай полуденныхъ странъ,
 Отъ листопада и холода.
 Тщетно! *Для стесна* вы рождены,
 Вьюгъ нашихъ трусить не будете
 И, пострадавшихъ до новой весны,
 Пѣснями лѣсъ нашъ разбудите“ (т. II, 296).

Это писано уже довольно давно; но мы и теперь ждемъ этихъ пѣсень и не теряемъ надежды услышать ихъ. Толпа вообще „неотзывчива“ (т. II, 357); но равнодушный свѣтъ былъ, по словамъ Я. П. Полонскаго, *неравнодушенъ* къ Ѳ. И. Тютчеву, въ которомъ искры Божьяго огня сверкали ярче отъ окружающаго бездушья или злобы дня (т. V, 218—219).

„Оттого-ль, что не отъ свѣта
 Онъ спасенья ждалъ,
 Выше всѣхъ земныхъ кумировъ
 Ставилъ идеаль..
 Пѣснь его глубокой скорбью
 Западала въ грудь
 И, какъ звѣздный лучъ, таяла
 Въ безконечный путь“ (ibid.).

Этими словами, примененными къ другому, уже свершившему свое дѣло поэту, будетъ въ свое время выражаться отношеніе потомства къ поэзии Я. П. Полонскаго.

Н. Анненъ.

ДОКЛАДЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕЛИЗАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ О ВОЗ- СТАНОВЛЕНІИ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

(Неизданный текстъ доклада и предисловіе).

Какъ извѣстно, вступивъ 25-го ноября 1741 года на престолъ, императрица Елизавета Петровна уже указомъ, даннымъ 12-го декабря того же года, повелѣла „кабинетъ, бывшій до сего времени, отставить“, а правительствующему сенату предоставила „имѣть прежде-бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода дѣлъ, на основаніи учиненномъ отъ... Петра Великаго, указами его, обрѣтающимися и нынѣ въ сенатѣ“ и пр.¹⁾ Извѣстно также, что мотивомъ къ этому важному акту, имѣвшему громадное значеніе для послѣдующей судьбы сената въ указанное царствованіе, послужило то обстоятельство, что императрица, вступивъ на престолъ, усмотрѣла, что „порядокъ въ дѣлахъ правленія государственнаго внутреннихъ *отмѣненъ* во всемъ отъ того (то-есть сравнительно съ тѣмъ), какъ было при отцѣ нашемъ и при матери нашей“, такъ какъ „въ другой годъ ея владѣнія, *проискомъ некоторыхъ*, прежній порядокъ правленія, установленный отъ нашего государя-родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который продолжался и до кончины Петра Втораго. И хотя первый годъ владѣнія Ея Величества, государыни императрицы Анны Іоанновны, прежній отца нашего, государя Петра Великаго, порядокъ государственнаго внутренняго правленія былъ возобновленъ, но въ другой годъ ея же владѣнія паки оставленъ *сочиненіемъ кабинета*, въ равной силѣ, какъ былъ верховный тайный совѣтъ, и только имя переименовано, отъ чего

¹⁾ Пол. Соб. Зак., т. XI, № 8480.

произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, какъ о томъ и сенатъ нашъ, поданнымъ намъ своимъ докладомъ 3-ю мая дня сего юда объявилъ“¹⁾). Если подчеркнутыя нами слова указа 12-го декабря, говорившія о какомъ-то докладѣ, поданномъ императрицѣ правительствующимъ сенатомъ, могли наводить на мысль, что и послѣдній игралъ нѣкоторую роль въ вопросѣ столь высокой важности, какъ вопросъ разрѣшенный указомъ 12-го декабря, то ни о самомъ докладѣ, ни о его содержаніи доселѣ не было извѣстно никакихъ свѣдѣній въ историко-юридической литературѣ нашей, какъ и вообще было мало указаній на обстоятельства, сопровождавшія появленіе въ свѣтъ этого знаменитаго указа 12-го декабря. Послѣ долгихъ поисковъ въ нѣсколькихъ архивахъ нашихъ, намъ удалось въ государственномъ архивѣ найти *подлинный докладъ 3-ю декабря 1741 г.*, о которомъ говоритъ императрица въ своемъ именномъ указѣ 12-го декабря и который, несомнѣнно, легъ, въ извѣстной степени, въ его основаніе; при этомъ нѣкоторыя соображенія, указываемыя нами ниже, показываютъ, что докладъ этотъ былъ составленъ не сенатомъ, какъ можно-бы было заключать на основаніи словъ указа 12-го декабря, а особымъ *собраніемъ* какъ наличныхъ кабинетъ-министровъ и генералитета, такъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ, вмѣстѣ съ генераль-прокуроромъ. Докладъ этотъ настолько замѣчателенъ по своему содержанію, что намъ казалось вполне необходимымъ напечатать его цѣликомъ, въ самой точной копіи. Позволяемъ себѣ лишь сдѣлать по отношенію къ этому докладу нѣсколько предварительныхъ разъясненій, а равно и сообщить все, что извѣстно намъ объ исторіи его составленія.

Докладъ указаннаго выше *собранія* прежде всего констатируетъ, что сама императрица, чрезъ генераль-прокурора (должность котораго занималъ въ это время кн. Ник. Юр. Трубецкой, назначенный еще императрицею Анною Иоанновною въ 1740 г.), повелѣла собранію 2-го декабря 1741 г. (то-есть всего черезъ недѣлю послѣ своего воцаренія) „имѣть разсужденіе какъ о сенатѣ, такъ и о кабинетѣ, и какому впредь правительству быть“ и „о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе“. Собраніе, во исполненіе этого, выписываетъ всѣ важнѣйшія узаконенія, разсматриваетъ ихъ (въ своемъ докладѣ) въ порядкѣ постепеннаго изданія, даетъ,

¹⁾ Ibid.

хотя и краткую, но опредѣленную ихъ характеристику и въ заключеніе „всеподданнѣйше представляетъ“, что „ради всѣхъ вышеназванныхъ затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты, разсуждается учредить сенатъ во всемъ *на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ*“ отъ Петра Великаго, „и для того, оныя собравъ, изъ всѣхъ сочинить обстоятельную *сенатскую должность*, понеже тогда отъ Его Императорскаго Величества подлежаще къ должности указы положены послѣ сочиненной въ 1722 г. сенатской должности въ разныя числа и многіе, которымъ въ должности сенатской быть подлежить, въ оную не внесены“. Такъ какъ и въ намѣреніе императрицы входило (какъ это мы покажемъ ниже) возстановленіе сената „на прежнихъ основаніяхъ“, то эта часть доклада была немедленно удовлетворена въ указѣ 12-го декабря; относительно же составленія новой „должности“—или новаго „учрежденія“, „устава“ сената, какъ сказали-бы нынѣ—указъ 12-го декабря не говоритъ ничего и лишь повелѣваетъ сдѣлать реэстръ тѣмъ узаконеніямъ, которыя „съ состояніемъ сего настоящаго времени не сходны и польза государственной противны“, представя этотъ реэстръ государынѣ, „съ изъясненіемъ, для чего имѣютъ быть (они) отмѣнены“...¹⁾ Входя далѣе въ обсужденіе отдѣльныхъ подробностей этого, ниже печатаемаго нами, доклада „собранія“, надо замѣтить, что если въ первой своей части—гдѣ собраніе говоритъ о времени Петра Великаго и его законодательствѣ по отношенію къ сенату—докладъ не содержитъ въ себѣ ничего почти новаго неизвѣстнаго въ наукѣ. то вторая часть доклада, касающаяся времени правленія верховнаго тайнаго совѣта, и въ особенности—*третья*, говорящая о правленіи кабинета министровъ—или „кабинета Ея Величества“, какъ ипаче называютъ его первоисточники—полна, на нашъ взглядъ, глубокаго интереса, не только какъ свидѣтельство современниковъ о роли и значенія двухъ вышеназванныхъ учреждений, но и какъ документъ, освѣщающій частію извѣстные, а частію впервые вполне точно указываемые факты, относящіеся къ дѣятельности этихъ учреждений. Такъ, прежде всего, отмѣчая учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта, докладъ говоритъ, что это учрежденіе было „присовѣтовано“ Екатериной 1-ой „дабы только большимъ быть отмѣненнымъ отъ другихъ и дѣлать-бы, что хотятъ, не смотря на общую государственную пользу“ и присовѣтовано, „съ такимъ при томъ истолкованіемъ, чтобъ и его

¹⁾ Ibid.

королевскому высочеству..., герцогу Голштинскому въ ономъ-же *присутствіи свое имѣть*, дабы тѣмъ болѣе того Верховнаго Совѣта учрежденіе утвердить“; что, затѣмъ, въ отиѣнѣ, *по докладу* Верховнаго Тайнаго Совѣта, наименованія сената „правительствующимъ“—„явно оказался *проискъ* присутствующихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ“. Если отиѣна наименованія сената „правительствующимъ“, *по почину Верховнаго Тайнаго Совѣта*, о чемъ говоритъ собраніе въ своемъ докладѣ, удостоверяется и другими неоспоримыми данными, намъ извѣстными (хотя нѣкоторые ученые, вопреки очевидности, и утверждаютъ противное ¹⁾ и если такимъ образомъ въ словахъ печатаемаго доклада можно лишь видѣть новое подтвержденіе этихъ данныхъ, то слова доклада о цѣляхъ, съ коими было „присовѣтовано“ Екатериной I учрежденіе Совѣта, и о причинѣ введенія въ его составъ герцога Голштинскаго (слова, доложенныя при томъ—что весьма важно отиѣтить—*дочери* ея, которая могла, конечно, оцѣнить ихъ справедливость или несправедливость) заслуживаютъ вниманія не только потому что вносятъ, по своей рѣзкости, нѣкоторый новый оттѣнокъ въ вопросъ о происхожденіи Совѣта, но и потому, что и Елизавета Петровна, подобно собранію, находила,—какъ гласить ея указъ 12-го декабря,—что *проискомъ нѣкоторыхъ* нарушенъ „вновь изобрѣтеннымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ“ установленный Петромъ Великимъ „прежній порядокъ управленія“. Все это небезынтересно сопоставить съ мнѣніемъ, явившимся въ недавнее время, по которому настала будто-бы „пора выбросить за бортъ нашей исторической ли-

¹⁾ Въ одномъ изъ протоколовъ Совѣта читаемъ: „повеже Верховному Тайному Совѣту извѣстно учинилось, что въ сенатъ изъ первыхъ трехъ коллегій промерорій не принимаютъ за тѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ (сенатъ) правительствующимъ (вслѣдствіе „спеси“ президентовъ этихъ коллегій, заседающихъ въ Совѣтѣ—какъ объясняетъ сенатскій докладъ, найденный нами)..., того ради *отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта*, сего марта 11-го дня, ходилъ о томъ докладывать Ея Императорскому Величеству т.-каб. секретарь Ал. Макаровъ и, пришедъ, объявилъ, что Ея Императорское Величество, *по предоставленію Верховнаго Тайнаго Совѣта*, указала сенату съ нынѣшняго времени именоваться и писаться *высокій сенатъ, а не правительствующій*“ (Опись Сен. Арх., составленная Г. Барановымъ, т. II, стр. III; срав. также мою „Исторію Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“ и пр., стр. 154 сл.). А по мнѣнію проф. Алексѣева, указъ о переименованіи сената является ничѣмъ инымъ, какъ *непосредственнымъ повелѣніемъ императрицы* („Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“ и пр., стр. 101).

тературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта¹⁾ и по которому „иниціатива организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта“ будто-бы исходила отъ человѣка, стоявшаго въ это время всего ближе къ Екатеринѣ, отъ человѣка, въ которомъ она видѣла своего ближайшаго родственника, своего сына, лучшаго истолкователя наиболѣе близкаго ея сердцу интересовъ (то-есть отъ герцога Голштинскаго²⁾). Современники, наиболѣе близко стоявшіе къ дѣлу, судили, однако, иначе, и съ мнѣніемъ ихъ нельзя, конечно, не считаться...

Касаясь далѣе дѣятельности совѣта въ царствованіе Петра II, докладъ „собранія“ отиѣчаетъ, что совѣтъ, послѣ отъѣзда изъ Россіи герцога Голштинскаго и цесаревны Анны Петровны— „чтобы большую власть имѣть“— „выключилъ изъ присутствія“ своего и Елизавету Петровну, „нигдѣ благополучно и счастливо государствующую“ императрицу, а затѣмъ оставшіяся (въ совѣтѣ) „персоны“,— „всякой для своихъ собственныхъ дѣлъ, немало указовъ понадѣлали и черезъ то Петра Великаго многіе зѣло надобные указы отиѣнены“... Насколько послѣднее замѣчаніе доклада представляется вѣрнымъ, можно легко судить изъ обзора указной дѣятельности совѣта въ это время³⁾. Что же касается вопроса о „выключеніи“, то въ разъясненіе его надо замѣтить слѣдующее: 4-й пунктъ „тестаментна“ Екатерины I гласилъ, что „во время малолѣтства (императора) имѣютъ администрацію вести наши объ цесаревны (Анна и Елизавета), герцога и прочіе члены Верховнаго Совѣта, который *обще* изъ 8 персонъ состоятъ имѣютъ“. Несмотря на категоричность этого повелѣнія Екатерины I, Совѣтъ, однако, уже вскорѣ послѣ ея кончины, нашелъ возможнымъ не соблюдать указаннаго пункта и пересталъ приглашать цесаревенъ въ свои засѣданія³⁾, и докладъ „собранія“ вполне справедливо обращаетъ вниманіе Елизаветы Петровны на это нарушеніе „тестаментна“, нарушеніе, живо чувствовавшееся и самою ею, конечно. Зная общій характеръ дѣятельности совѣта, какъ такового, нельзя сомнѣваться, кажется, и въ вѣрности мотива, указываемаго докладомъ („чтобы большую власть имѣть“...) въ объясненіе этого нарушенія... Какъ извѣстно, послѣ уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта, на нѣкоторое время было восстановлено верховное значеніе сената, какъ учрежденія, и сенатъ вновь сталъ въ непосредственное

¹⁾ Проф. *Александръ*, *ibidem*, стр. 14, 54.

²⁾ См. мою „Исторію Сената“ и пр., стр. 50 сл., 62 сл., 76 сл., 190 сл. и др.

³⁾ Подробности объ этомъ, *ibid.* стр. 63, 192.

отношеніе къ верховной власти: „во ономъ сенатѣ“, — говоритъ докладъ, — „нѣсколько изволила Ея Величество сама присутствовать, что тогда *не къ сказанной радости въ народъ видимо было* и доклады чинены Ея Величеству прямо отъ сената“ и пр. Съ перваго взгляда такое утвержденіе доклада можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Надо, однако, замѣтить, что возстановленіе правительствующаго сената—въ такой силѣ, какъ былъ при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ—являлось мѣрою очень популярною въ то время, что это возстановленіе весьма желалось шляхетствомъ, почему Анна Иоанновна, послѣ возстановленія самодержавія, и поспѣшила на первыхъ же порахъ удовлетворить, хотя и ненадолго, и при томъ больше для виду, этому желанію. Нельзя не отмѣтить также, что въ томъ движеніи, какое вызвано было въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ обстоятельствами воцаренія Анны Иоанновны, имя петровскаго сената всегда провозносилось съ уваженіемъ и сенату всегда отводилось то или другое, но важное мѣсто въ предполагаемыхъ реформахъ. Просматривая какъ печатныя, такъ и архивныя данныя, относящіяся къ этому движенію, мы не нашли указаній на то, чтобы какая-либо изъ предполагавшихся реформъ была направлена *противъ* сената (чего, однако, нельзя сказать о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, уничтоженіе котораго требовали, какъ извѣстно, нѣкоторые проекты). Неудивительно поэтому, что и присутствіе императрицы въ засѣданіяхъ возстановленнаго петровскаго сената, могло радостно привѣтствоваться тогдашнимъ обществомъ, тѣмъ болѣе, что уже въ это время ходили неясные слухи о новомъ учрежденіи, которое должно было измѣнить компетенцію сената и стать *надъ* нимъ...

Новое учрежденіе не замедлило явиться на свѣтъ, въ лицѣ кабинета министровъ. Какъ описанію дѣятельности, такъ и критикѣ дѣйствій этого учрежденія посвящена послѣдняя и вмѣстѣ съ симъ самая интересная (по новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ и по ихъ оцѣнкѣ) часть печатаемаго нами доклада вышеназваннаго „собранія“. Въ этой части собраніе прежде всего отмѣчаетъ, предъ лицомъ воцарившейся государыни, тотъ фактъ, что вскорѣ послѣ возстановленія власти сената (по указу 4-го марта 1730 г.) „*почти чрезъ цѣлый годъ* (то есть въ теченіи почти цѣлаго года до официального учрежденія кабинета, послѣдовавшаго 6-го ноября 1731 г.) *тайно содержался*

¹⁾ Какъ извѣстно, въ литературѣ нашей, на основаніи даты Полнаго Собранія Законовъ (т. VIII, № 5871) учрежденіе кабинета министровъ обыкновенно

въ рукахъ гр. Остермана кабинетъ. и указы именныя и резолюціи многія (императрицы) писаны были рукою при немъ, Остерманъ, обрѣтающагося секретаря Сергѣя Семенова“. Въ литературѣ нашей есть указанія на то, что слухи о созданіи кабинета стали распространяться въ обществѣ задолго до официального учрежденія кабинета, при чемъ къ этимъ слухамъ—почти всегда примѣшивалось имя Остермана ¹⁾; есть также данныя предполагать, что кабинетъ сталъ дѣйствовать нѣсколько ранѣе его официального учрежденія; но положеніе Остермана въ этомъ „тайно-содержимомъ“ имъ кабинетѣ доселѣ было малозвѣстно и во всякомъ случаѣ оно *степене* столь точно и опредѣленно обрисовывается въ вышеуказанныхъ словахъ печатаемаго нами доклада; нѣтъ при этомъ основаній предполагать—зная, какую *сообща* роль игралъ Остерманъ въ царствованіе Анны,—чтобы собраніе не вѣрно представило положеніе Остермана въ этомъ первоначальномъ неофициальномъ кабинетѣ...

Упомянувъ затѣмъ весьма рѣзко, что, по словамъ указа 6-го ноября,—„отъ Ея Величества, *яко-бы* для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Ея Величества рѣшенію подлежащихъ и *будто-бы* ради пользы государственной и вѣрныхъ подданныхъ учрежденъ при дворѣ Ея Величества кабинетъ“ и что-де „такъ по учрежденіи сперва верховнаго тайнаго совѣта, а потомъ кабинета—*ибо, хотя имена разныя, а*

приурочивается къ 10-му ноября 1731 г.; докладъ же сената называетъ 6-го ноября днемъ официального учрежденія кабинета. Последняя дата, несомнѣнно, вѣрнѣе, какъ это видно изъ копій указа объ учрежденіи кабинета, сохранившагося въ архивѣ министерства юстиціи и подписаннаго императрицею 6-го ноября (см. мою статью „Кабинетъ министровъ и Пр. Сенатъ“ и пр. въ „Сборникѣ правовѣдѣнія“ и пр., т. VII).

¹⁾ Въ мартѣ 1730 г. Мавьянъ, напримѣръ, сообщалъ французскому правительству, что царица не сформировала еще кабинета, *какъ того ожидали*“ (Сбор. Р. И. Общ., т. LXXV, стр. 521). Клавдій Рондо доносилъ въ май мѣсяцъ того же года, „что изъ хорошаго источника слышалъ, что вскорѣ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ *будетъ назначенъ кабинетъ*, и тогда секретныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе сената болѣе представлять не стануть“. „Многіе полагають“, добавляетъ онъ, „что это было бы сдѣлано немедленно, но гр. Остерманъ предварительно старается отпразднить П. И. Ягужинскаго посланца въ Польшу, дабы не вводитъ его въ составъ кабинета“ (ibid., LXVI, стр. 198). Въ то же почти время, де-Лирія, въ донесеніи своемъ въ Испанію, сообщалъ что говорятъ объ образованіи кабинета *или частнаго совета*, который будетъ состоять изъ 4-хъ или 5-ти личностей, между которыми, конечно, будутъ великій канцлеръ (гр. Головкинъ), Остерманъ, и кн. Черкасскій („XVIII вѣкъ“, т. III, стр. 62).

дѣйство почти одно въ обѣихъ (sic) было ¹⁾—сенатъ остался уже не въ такой силѣ“ (какъ при Петрѣ Великомъ)—тотъ-же докладъ обрисовывается затѣмъ дѣятельность кабинета и приходитъ къ выводу, что для устранения „затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты“ надо возстановить сенатъ „на прежнихъ основаніяхъ“ петровскаго времени, то-есть, иначе говоря, прежде всего начать съ уничтоженія кабинета. Едва-ли, однако, ссылка собранія на „напрасную волокиту“ челобитчикамъ со стороны кабинета должна быть принята безъ всякихъ оговорокъ. Самъ сенатъ постоянно былъ упрекаемъ современниками въ медленности рѣшенія дѣлъ и волокитѣ челобитчиковъ; созданіе въ лицѣ кабинета, высшей инстанціи едва-ли много повредило-бы интересамъ тяжущихся; наоборотъ, можно указать случаи, когда сенатъ, понуждаемый кабинетомъ, долженъ былъ поневолѣ быстрѣе рѣшать дѣла. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что учрежденіе кабинета — при той юридической неопредѣленности, какая отличала его отношенія къ сенату и коллегіямъ, при склонности кабинета непосредственно, „мимо сената“, воздѣйствовать на подчиненныя послѣднему учрежденія — могло внести въ дѣлопроизводство сената тѣ „затрудненія“, на которыя указываетъ докладъ. Малочисленность состава кабинета, — при массѣ всякаго рода дѣлъ, притянутыхъ имъ къ своей компетенціи (какъ утверждалъ одинъ изъ членовъ кабинета, знаменитый Волинскій, министры въ кабинетъ „натаскивали на себя много дѣлъ и не надлежащихъ“ имъ), — могла, естественно, приводить къ тому, что изъ кабинета „по многимъ нужнѣйшимъ дѣламъ“ чрезъ долгое время резолюціи (на доклады сената) получаемы не было, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что нетокмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться невозможно“. Несомнѣнно, что отъ этого прежде всего терпѣлъ сенатъ, на плечи коего кабинетомъ — какъ въ этомъ насъ убѣдило собственное изученіе, на основаніи архивныхъ данныхъ, вопроса—взваливалось много труда, при чемъ нерѣдко это производило „помѣшательство и остановку въ сенатскихъ *настоящихъ* дѣлахъ“, то-есть, въ тѣхъ дѣлахъ, разрѣшеніемъ коихъ обязанъ былъ заниматься сенатъ уже въ силу своей „должности“ и

¹⁾ Интересно съ подчеркнутыми словами доклада сената сопоставить слова указа 12-го декабря, на немъ основаннаго: по указу — кабинетъ „сочинень съ равной силой, какъ былъ верховный тайный совѣтъ, токмо имя переименовано“...

другихъ узаконеній. Въ общемъ, весь докладъ собранія,—поскольку дѣло идетъ о характеристикѣ имъ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета—носить, несомнѣнно, печать рѣзко-отрицательнаго отношенія къ двумъ названнымъ учрежденіямъ. Умаленіе верховныхъ правъ сената разсматривается здѣсь какъ дѣйствіе вредоносное и интересамъ государства, и общей пользы, почему собраніе такъ проницательно относится къ утвержденію указа 6-го ноября 1731 г. (этимъ указомъ создавался кабинетъ), что кабинетъ основанъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправления всѣхъ государственныхъ дѣлъ“ и пр., а относительно верховнаго тайнаго совѣта замѣчаетъ, что онъ былъ созданъ, „дабы только большимъ быть *отличнымъ* отъ другихъ“ и пр.

Такая постановка вопроса,—не говоря уже о томъ, что собраніе имѣвшее въ своей средѣ сенаторовъ, во главѣ съ генераль-прокуроромъ, могло вполне искренно порицать затрудненія и непорядки, связанные съ дѣятельностью верховнаго тайнаго совѣта и кабинета—вызывалась также и тѣмъ обстоятельствомъ, что собранію было извѣстно „намѣреніе“ императрицы возстановить сенатъ „на томъ фундаментѣ“, какой былъ при Петрѣ Великомъ. Для этого требовалось выяснитъ въ докладѣ всѣ тѣ отрицательныя стороны „правленія“ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, какими нарушался „прежній порядокъ“. Едва-ли поэтому въ докладѣ могло быть мѣсто тѣмъ мнѣніямъ, авторы конихъ смотрѣли-бы на вопросъ иначе ¹⁾... Въ поясненіе сказаннаго, скажемъ еще нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ составленіе этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго доклада. До насъ дошли (хотя и весьма кратко составленные) журналъ и протокольная записка, съ 25-го ноября по 12-е декабря 1741 года, въ которыхъ изображено все то, что происходило въ собраніи „министровъ и генералитета“, конимъ было поручено, между прочимъ, обсужденіе вопроса, „есть ли нужда быть впредь кабинету, или нѣтъ“ и пр. (объ этомъ порученіи скажемъ ниже). Въ журналѣ 2-го

¹⁾ Въ запискѣ, поданной [Екатериной II извѣстнымъ гр. Н. И. Панинымъ въ 1762 г. такъ характеризуется, напр., кабинетъ министровъ: „образъ восшествія на престолъ покойной императрицы (Елизаветы Петровны) требовалъ ея разумной политики, чтобы, хотя сначала, сообразоваться съ неоконченными уставами правленія великаго ея родителя, *ослѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденный до того во всей юсударственной формѣ кабинетъ*, который, особливо, наконецъ, когда Бироузъ упалъ, принялъ было *такую форму*, которая могла прозвѣсть государево общее обо всемъ попеченіе“... (Сборникъ Истор. Общества, VI, стр. 206).

декабря читаемъ, что „послѣ именнаго-же указа имѣли въ собраніи разсужденіе: быть-ли впредь кабинету или сенату, и положено о семъ дальнѣйшее разсужденіе имѣть завтрашняго числа“; въ журналѣ-же 3-го декабря отмѣчено, что „по силѣ вчерашняго указа слушаны прежнія учрежденія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ихъ императорскихъ величествъ объ учрежденіи сената, верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, и разсуждаемо быть-ли кабинету или сенату, а потомъ слушанъ о семъ дѣль сочиненный и отъ генерал-прокурора предъявленный докладъ и подписанъ“. Итакъ, прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что „собраніе“ разсуждало о вопросѣ,—быть-ли впредь кабинету или сенату, — въ силу *именнаго* указа воцарившейся государыни (какъ это, впрочемъ, отмѣчено и въ самомъ докладѣ собранія), а затѣмъ и то, что собраніе подписало докладъ, составленный кн. Н. Ю. Трубецкимъ (изъ кого состояло собраніе — видно изъ подписей на докладѣ). Затѣмъ, — какъ явствуется изъ записи журнала отъ 12-го декабря—„дѣйствительный статскій совѣтникъ Черкасовъ (кабинетъ-секретарь) принесъ отъ Ея Императорскаго Величества сего-же числа, *на имя сената*, подписанный указъ о бытіи, по прежнему, сенату, о назначеніи сенаторовъ и о прочемъ, и тотъ Ея Императорскаго Величества указъ читанъ“... Указъ этотъ и являлся отвѣтомъ на докладъ собранія о томъ-же предметѣ, печатаемый нами ниже. Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи, по своему *содержанію*, стоялъ докладъ собранія къ первоначальному повелѣнію императрицы, объявленному ему 2-го декабря? Приложение къ вышеназванному журналу „собранія“ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: „Ея Императорскаго Величества *словесный* указъ, чрезъ генералъ-прокурора 2-го декабря 1741 г. *собранію* объявленный, чтобъ имѣть разсужденіе, есть-ли нужда быть впредь кабинету или нѣтъ; а *Ея Императорскаго Величества высочайшее намереніе въ томъ состоитъ, что не лучше-ли, чтобы правительство возобновить на томъ фундаментъ, какъ оное было при жизни блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государя-родителя Ея Величества Петра Великаго и для того-бы сенату быть въ такой силъ, какъ оной въ то время былъ*“¹⁾... Итакъ, сама императрица дала собранію ясное и опредѣленное указаніе о *направленіи* предполагаемой реформы; этимъ значительнѣйше было обусловлено *содержаніе* доклада, который долженъ былъ служить лишь историческою справкою, могу-

¹⁾ *Сенатскій Архивъ*, томъ V (С.-Пб. 1892 г.), стр. 305, 306, 312, 318.

щею обосновать „разумную политику“ — возвращеніе къ самому выдающемуся учрежденію великаго императора, сенату. „Высочайшее намѣреніе“ было лишь подкрѣплено въ докладѣ фактами и соображеніями, собранными генераль-прокуроромъ, принятыми затѣмъ собраніемъ и частію буквально, частію въ измѣненномъ видѣ, вошедшими въ указъ 12-го декабря 1741 года, конимъ возстановлялась сила прежняго петровскаго сената. Нельзя не подивиться той быстротѣ, съ которою былъ составленъ и обсужденъ обширный докладъ. Повидимому, требовалось, какъ можно скорѣе, показать готовность „сообразоваться“ съ уставами Петра Великаго; собраніе, зная это, не откладывало дѣла...

Небезынтересно остановиться въ заключеніи на составѣ собранія. Въ упомянутыхъ выше журналѣ и протокольной запискѣ — „происхожденію въ собраніи ихъ сіятельствъ, г.г. министровъ и генералитета“ — читаемъ: „начавъ съ сего числа (то-есть, со дня восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, 25-го ноября), даже до того времени, пока правительствующій сенатъ учрежденъ (то-есть, до 12-го декабря), по указу Ея Императорскаго Величества присутствовали въ домѣ Ея же Величества *въ собраніи* нижеслѣдующіе господа: генераль-фельдмаршалъ кн. Ив. Юр. Трубецкой, генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Лессій, государственный канцлеръ, кн. Ал. Мих. Черкасскій, генераль Гр. Петр. Чернышевъ, генераль Анд. Ив. Ушаковъ, генераль Вас. Як. Левашевъ, адмиралъ гр. Ник. Оед. Головинъ, оберъ-штаб-майстеръ кн. Ал. Бор. Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ал. Петр. Бестужевъ-Рюминъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ, кн. Н. Ю. Трубецкой, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ал. Льв. Нарышкинъ, всего 11 персонъ“¹⁾. Эти же лица, въ только-что указанномъ порядкѣ, подписались и подъ печатаемымъ нами докладомъ о возстановленіи власти сената, и именно отъ лица этого чрезвычайнаго *собранія*, дѣйствовавшаго въ первые дни водаренія Елизаветы Петровны (кабинетъ въ это время не собирался вовсе), былъ представленъ этотъ докладъ государынѣ. Что же это за собраніе по положенію лицъ, въ него вошедшихъ? Во первыхъ въ его составѣ мы видимъ двухъ кабинетъ-министровъ (третій, или вѣрнѣе сказать — *первый* по своему значенію, кабинетъ-министръ, гр. Остерманъ, былъ въ это время уже арестованъ и судимъ, какъ государственный преступникъ, вмѣстѣ съ четвертымъ кабинетъ-министромъ М. Головкинымъ) — кн. Черкаскаго и Бестужева-Рюмина, вѣ-

¹⁾ Ibidem, стр. 801.

сколькихъ сенаторовъ (по не всѣхъ, однако, составлявшихъ тогда присутствіе сената) и генераль-прокурора, изъ подъ пера коего вышелъ самый докладъ собранія, и, наконецъ, нѣкоторыхъ лицъ, не входившихъ въ составъ ни кабинета, ни сената послѣдняго царствованія, каковы—гр. Лесси, Левашевъ, гр. Головицъ и кн. Куракинъ. Характерно отмѣтить, что въ подписаніи доклада, содержавшаго столь рѣзкую критику дѣятельности кабинета, участвовали два паличныхъ кабинетъ-министра, изъ коихъ одинъ (кн. Черкасскій) засѣдалъ въ кабинетѣ съ перваго дня его официального открытія до момента уничтоженія. Потому ли, что дѣло уничтоженія кабинета входило въ „намѣреніе“ императрицы, и защита кабинета,—когда главный виновникъ (по словамъ доклада) созданія этого учрежденія, гр. Остерманъ, былъ обвиняемъ „въ проискѣ“ объ устраненіи Елизаветы Петровны (послѣ кончины Екатерины I) отъ престола—было дѣломъ бесполезнымъ; потому ли, что громадное большинство собранія имѣло въ своемъ распоряженіи сильныя доводы противъ кабинета, но паличные кабинетъ-министры не нашли, повидимому, ничего сказать въ пользу учрежденія, или, по крайней мѣрѣ—ослабить силу нападковъ на него „собранія“... Вѣроятно предположить, что совокупность всего указаннаго выѣстъ рѣшила вопросъ...

Какъ указано выше, докладъ о возстановленіи власти правительствующаго сената „на прежнихъ основаніяхъ“ шелъ отъ того чрезвычайнаго собранія, которое дѣйствовало въ первые дни царствованія Елизаветы Петровны, замѣняя собою *de facto* и кабинетъ, и сенатъ. Указъ же 12-го декабря ссылается,—какъ мы говорили раньше,—на докладъ сената отъ 3-го декабря. Нѣтъ никакого, однако, сомнѣнія, что подъ докладомъ сената надо подразумѣвать ничто иное, какъ докладъ собранія, дѣйствовавшаго въ это время (именно докладъ, печатаемый нами ниже), какъ это засвидѣтельствовано журналомъ и протокольною запискою этого собранія, и какъ это легко доказать, сравнивая содержание указа 12-го декабря съ докладомъ собранія 3-го декабря: несомнѣнно, что докладъ собранія повторенъ, въ извѣстной степени, въ содержаніи и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ указа. Спрашивается, почему же императрица называетъ докладъ этого чрезвычайнаго собранія докладомъ сената? Мнѣ кажется, что это можетъ быть объяснено такъ: указъ 12-го декабря былъ предназначенъ къ объявленію „во всепародное извѣстіе“; едва ли поэтому можно было въ немъ говорить о какомъ-то, мало кому извѣстномъ и чрезвычайномъ „собраніи“ министровъ и генералитета. Затѣмъ, само это „собраніе“.

состоявшее изъ четырехъ сенаторовъ и генераль-прокурора сената, двухъ кабинетъ-министровъ и 4-хъ представителей „генералитета“, могло разсматриваться, какъ собраніе *сената*, временно усиленное призывомъ тѣхъ лицъ, какихъ императрица нашла нужнымъ пригласить; примѣры такихъ собраній бывали и раньше... Для другихъ предположеній, могущихъ объяснить разбираемое обстоятельство иначе, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ...

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, самодержицы всероссійской.

Всеподданнѣйшій докладъ.

По всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу, объявленному въ собраніи чрезъ генерала-прокурора, сего мѣсяца 2-го числа, Высочайше повелѣвается имѣть разсужденіе какъ о Сенатѣ, такъ и о Кабинетѣ, и какому впредь правительству быть, о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе; во исполненіе чего всѣ прежде-учиненныя о правительствѣ положенія выписаны, какъ ниже сего слѣдуетъ.

Въ прошломъ 1711-мъ году, марта 2-го дня, блаженный и вѣчно-достойный памяти государь императоръ Петръ Великій изволилъ учредить Правительствующій Сенатъ, которому вручилъ правленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, о чемъ, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, даны пункты и всемилостивѣйше повелѣлъ, дабы всякъ тому Сенату и ихъ указамъ былъ послушенъ и въ томъ Сенатѣ изволилъ Его Величество высочайшею своею особою присутствовать.

Въ 1718-мъ году дана оному Сенату за собственноручнымъ-же Его Величества подписаніемъ должность и по сочиненіи коллегій нѣкоторые изъ сенаторовъ опредѣлены отъ Его-же Величества въ коллегіи президентами, а и въ Сенатѣ оныя присутствовали-жъ. Въ 1722-мъ году, января 12-го дня, въ именномъ Его-жъ Величества указѣ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ Сенатѣ написано тако: понеже правленіе сего государства, яко нераспоряженнаго предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены сенатскіе почитай всѣ свои коллегіи имѣютъ, того ради не могутъ онаго снестъ, сія сначала несмотря учинено, что

нынѣ исправить надлежитъ, сіе и прочее къ тому надлежащее какъ слѣдуетъ,

1) чтобъ, кромѣ двухъ воинскихъ коллегій и иностранной, vybrать иныхъ президентовъ, а именно въ юстицъ, въ каморъ, въ коммерцъ, въ мануфактуръ коллегіи и въ штабсъ-контору (надлежало-бы и въ бергъ-коллегію, но заобычайнаго не знаю; того ради, пока такой сыщется, быть по старому); также въ Сенатѣ прибавить изъ министровъ, которые нынѣ при чужестранныхъ дворахъ, дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ и смотрѣли-бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить;

2) президенты воинскихъ коллегій, иностранной и бергъ-коллегіи должности не будутъ имѣть ходить въ Сенатъ, кромѣ ниже-писанныхъ причинъ:

1) когда какія нужныя вѣдомости, 2) когда новый какой указъ, въ государствѣ публиковать надлежитъ, 3) когда судъ генеральной, 4) или новое какое дѣло рѣшенія требующее, 5) когда я присутствую, понеже довольно дѣла будетъ каждому въ своей коллегіи.

По тому Его Величества высочайшему указу, въ вышеписанныя коллегіи выбраны и опредѣлены были новые президенты, которые въ Сенатѣ уже не присутствовали, а напротивъ того сенаторы, кромѣ первыхъ трехъ, тако-жъ и бергъ—коллегіи, президентами въ коллегіяхъ не были, а ради чужестранныхъ дѣлъ въ совѣтъ употреблены были, въ прибавокъ къ канцлеру и вице-канцлеру, изъ тѣхъ-же сенаторовъ министры, тайные дѣйствительные совѣтники, князь Григорій Долгорукій и Петръ Толстой, которымъ всѣ входящія изъ всѣхъ мѣстъ реляціи, и по нихъ отпускаемые рескрипты, всегда сообщаемы были; когда-же были совѣты о военныхъ дѣлахъ, то призваны были къ тому генераль-фельдмаршалы, генераль-адмиралъ и другіе, по усмотрѣнію, изъ генералитета и флагмановъ.

Въ томъ-же 1722-мъ году, апрѣля 27-го дня, дана Сенату, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, новая должность, (по которой повелѣно исполнять, а старую, ради ея неполности, отставить), въ которой въ 1-мъ пунктѣ написано: Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ.

Оной Сенатъ, въ вышеозначенной силѣ, правленіе имѣлъ до кончины Его Величества, тако-жъ и при благополучномъ владѣніи государствомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни

императрицы Екатерины Алексѣевны, февраля по 8 число 1726 году; а съ того числа, дабы только большимъ быть отиѣннымъ отъ другихъ и дѣлать-бы что хотять, не взирая на общую государственную пользу, Ея Императорскому Величеству присовѣтовано о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта съ такимъ при томъ истолкованіемъ, чтобы и Его Королевскому Высочеству, блаженная памяти герцогу Голштинскому, въ ономъ-же присутствіе свое имѣть, дабы тѣмъ болѣе того Верховнаго Совѣта учрежденіе утвердить и тако съ того времени при дворѣ Ея Императорскаго Величества, какъ для виѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, указала учредить Верховный Тайный Совѣтъ, который по вышеписанному и учрежденъ.

А въ Сенатѣ, по именному ея величества указу, опредѣлено быть другимъ персонамъ и 7-го марта того году отъ Ея Величества подписана и дана Сенату новая должность: а 11-го того-жъ марта по имянному Ея-жъ Величества указу, записанному въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на докладъ онаго, велѣно Сенату съ того времени именовать и писаться Высокій Сенатъ, а не правительствующій, для того, что сіе-де слово правительствующій непристойно и изъ первыхъ трехъ коллегій писать въ Сенатъ и изъ Сената въ оныя промеморіи (черезъ что уже и явно оказалось проискъ присутствующихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ, ибо и указовъ въ тѣ коллегіи изъ Сената принимать спесивились и тако для собственной спеси общая польза забыта стала).

А по кончинѣ Ея Величества, во время государствованія Его Императорскаго Величества, Государя Петра втораго, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 1727 году при Его Велиествѣ присутствовали блаженная памяти Ея Высочество, государыня цесаревна Анна Петровна, да пишѣ счастливо и благополучно государствующая, Великая Государыня Императрица Елизаветъ Петровна и блаженная памяти его королевское высочество герцога Голштинскій, да изъ министровъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники князь Голицынъ, князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукій и баронъ Остерманъ (и чтобъ большую власть имѣть, по отъѣздѣ блаженной памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны и его Высочества Герцога, уже и Ея Императорское Величество изъ присутствія выключена-жъ) и тако тѣ персоны, всякій для своихъ собственныхъ дѣлъ, немало указовъ надѣлали (и чрезъ

то Петра Великаго многіе зѣло надобные указы отиѣнены) и отъ того время Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ, на вышеозначенномъ основаніи, правленіе имѣли, марта по 4-е число 1730 году.

А того числа, по именному, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, за собственноручнымъ подписаніемъ, указу, Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ отставлены, а вмѣсто того для управленія учрежденъ по прежнему Правительствующій Сенатъ, на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ былъ при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ и правленіе ему поручено, по должности, данной Сенату отъ Его-жъ Величества 1722 году; въ ономъ Сенатѣ нѣсколько изволила Ея Величество сама присутствовать, что тогда не къ сказанной радости въ народѣ видимо было и доклады чинены Ея Величеству прямо отъ Сената и съ тѣмъ повелѣно было къ ея величеству приходить по нѣскольку персонъ изъ сенаторовъ, что и чинено было.

А потомъ, почти чрезъ цѣлый годъ, тайно содержался въ рукахъ графа Остермана Кабинетъ и указы именныя и резолюціи многія писаны были рукою при немъ, Остерманъ, обрѣтающагося секретаря Сергѣя Семенова.

А въ 1731 году, ноября 6-го дня, отъ ея императорскаго величества, якобы для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ къ собственному Ея Величества рѣшенію подлежащихъ и будто бы ради пользы государственной и вѣрныхъ подданныхъ, учрежденъ при дворѣ Ея Величества Кабинетъ, въ которомъ опредѣлены изъ министровъ канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, да князь Черкасскій и правленіе онаго Кабинета продолжалось до нынѣ.

И такъ по учрежденіи сперва Верховнаго Тайнаго Совѣта а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обѣихъ было) Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно-достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено, но всѣ подлежащія къ собственному Ея Величества дѣлу рѣшенію доклады подаваемы были чрезъ Кабинетъ, изъ которыхъ многіе, по разсужденію министровъ, возвращены были съ ихъ резолюціями и иные-жъ и безъ резолюцій паки были отдаваемы, съ одними словесными приказами ко изъясненію, а по инымъ въ Кабинетѣ справки собиралися и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три, но по многимъ нужнѣйшимъ чрезъ долгое время резолюціи получаемы не

было, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что не токмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться не можно; сверхъ-же того, мимо Сената, прямо изъ Кабинета, посланы были не токмо въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя мѣста и въ губерніи и въ провинціи о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, о чемъ въ Сенатѣ и извѣстія никакого не было, и репорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе неурядки; еще же о разныхъ дѣлахъ, не давая Сенату знать, чинены въ разныхъ мѣстахъ многія слѣдствія, кои по окончаніи велѣно было изъ тѣхъ мѣстъ присылать прямо въ Кабинетъ, но какъ въ Кабинетъ бывали присланы, тогда изъ онаго присланы были для разсмотрѣнія въ Сенатъ, отъ чего въ сенатскихъ настоящихъ дѣлахъ многое помѣшательство и остановка произошла, ибо что было надлежало разсмотрѣть рѣшить, которой коллегіи то все, по резолюціямъ кабинетнымъ, принуждено разсматривать въ Сенатѣ: что-жъ должно было прежде разсмотрѣно быть въ Сенатѣ, яко то постановленіе новыхъ регламентовъ, инструкцій и прочаго къ вѣчности подлежащаго, то изъ коллегій и изъ прочихъ мѣстъ подавано было прямо въ Кабинетъ, гдѣ и опробовано бывало; и тако никакихъ неурядковъ не токмо за всѣмъ государствомъ, но и за ближними коллегіями Сенату усмотрѣть не возможно и чрезъ такое учрежденіе обѣихъ тѣхъ мѣстъ (яко то Верховаго Совѣта, а потомъ Кабинета) не иное что, но токмо дѣламъ продолженіе и бѣднымъ челобитчикамъ лишняя волокита, послѣдовало, ибо которыя дѣла (ежели-бъ Сенатъ былъ въ прежней своей власти) по разсмотрѣніи въ Сенатѣ тотчасъ въ присутствіи Государево рѣшены быть могли, оныя должно было изъ Сената съ экстрактами и мнѣніями подавать въ Верховный Совѣтъ, а потомъ въ Кабинетъ, гдѣ оныя паки вновь разсматривались, какъ и выше показано, или ко изъясненію паки въ Сенатъ присланы, или прямо въ Кабинетъ справки собираемы были и отъ того только продолженіе, а не иная польза была: хотя-жъ по именному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны указу и велѣно было Сенату важныя дѣла слушать и мнѣнія свои письменно давать и съ тѣми посылать и разсужденія требовать отъ кабинетъ-министровъ, почему кабинетные министры нѣсколько разъ обще съ сенатомъ и опредѣленія крѣпили, но онаго чинено зѣло мало.

И по довольномъ, всѣхъ вышеписанныхъ о правительствѣ опредѣ-

леній, рассмотрѣніи Вашему Императорскому Величеству къ высочайшей апробаціи собраніе всеподданнѣйше представляетъ: ради убѣжанія всѣхъ вышеписанныхъ затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты, разсуждается учредить Сенатъ во всемъ на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ блаженныя памяти отъ отца Вашего, Государя, Его Императорскаго Величества Петра Великаго, и для того оныя собравъ, изъ всѣхъ сочинить обстоятельную сенатскую должность, понеже тогда отъ Его Императорскаго Величества, подлежащія къ должности Сената, указы положены послѣ сочиненной въ 1722 году сенатской должности въ разныя числа и многія, которымъ въ должности сенатской быть надлежитъ, въ оную не внесено.

Князь Ив. Трубецкой, Peter Comte de Lascy, князь Алексѣй Черкасскій, Григорій Чернышевъ, Андрей Ушаковъ, Василій Левашевъ, Головинъ, князь А. Куракинъ, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, князь Н. Трубецкой и Александръ Нарышкинъ.

3 дня декабря
1741 г.

Александръ Филипповъ.

РАЗБОРЪ МНѢНІЯ МИЛЛЯ О ПОСТУЛЯТАХЪ ГЕОМЕТРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ, ПОДРАЗУМѢВАЮЩИХСЯ ПРИ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХЪ ДЕФИНИЦІЯХЪ.

§ 1. Въ Эвклидовой геометріи самому геометрическому изслѣдованію предпосылается рядъ дефиницій предметовъ, съ которыми имѣетъ дѣло это изслѣдованіе (точки, линіи, поверхности, линіи прямой, круга и пр. и пр.). Милль признаетъ вообще дефиниціи за опредѣленія чисто номинальныя, которыя представляютъ простое разъясненіе смысла. въ какомъ будутъ употребляться извѣстные термины. Но онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что по общему признанію, къ которому и самъ онъ охотно присоединяется, геометрическія дефиниціи на ряду съ аксіомами служатъ началами, изъ которыхъ дѣлаются геометрическіе выводы; а между тѣмъ изъ предложеній, которыя сообщаютъ свѣдѣнія объ употребленіи словъ, конечно, нельзя вывести никакихъ заключеній относительно фактовъ, обозначаемыхъ этими словами. Эти соображенія приводятъ Милля къ мысли отнести геометрическія дефиниціи къ такимъ дефиниціямъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ простымъ разъясненіемъ смысла термина скрытно подразумевается утвержденіе, что вещь, соответствующая смыслу термина, фактически существуетъ. Все содержаніе такой наприимѣръ дефиниціи „кентавръ есть животное, у котораго верхнія части тѣла человѣческія, а нижнія лошадиныя“ вполнѣ исчерпывается установленіемъ смысла термина „кентавръ“. Но геометрическая дефиниція треугольника какъ прямолинейной замкнутой фигуры, имѣющей три стороны, содержитъ въ себѣ два предложенія, совершенно отличныя по смыслу одно отъ другаго. Однимъ изъ нихъ утверждается, что можетъ существовать фигура, ограниченная тремя прямыми линіями, а другое говорить, что такая фигура можетъ быть названа треугольникомъ.

Послѣднее предложеніе есть номинальная дефиниція, первое есть утвержденіе факта и скрытно подразумѣвается въ этой номинальной дефиниціи. Пользуясь дефиниціями геометрическихъ фигуръ, геометрія, по мнѣнію Милля, пользуется собственно первымъ предложеніемъ, утвержденіемъ бытія предметовъ, скрытно подразумѣвающимся при номинальномъ опредѣленіи. Изъ номинальной дефиниціи ничего нельзя вывести для познанія дѣйствительнаго предмета; но утвержденіе бытія предмета, соотвѣтствующаго извѣстной дефиниціи, можетъ стать посылкой для очень разнообразныхъ выводовъ, лечь въ основаніе цѣлаго строя научныхъ истинъ.

Понятно, что точность геометрическихъ выводовъ должна въ такомъ случаѣ зависѣть отъ вѣрности этихъ скрытыхъ посылокъ. И Милль, желая поколебать обыкновенно признаваемую безусловную точность геометрическихъ выводовъ, рѣшительно утверждаетъ, что предметовъ, совершенно точно соотвѣтствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, нѣтъ и быть не можетъ ни въ мірѣ воспріимливой нами дѣйствительности ни въ области представленія: нѣтъ ни совершенно непротяженныхъ точекъ, ни линий безъ ширины и совершенно прямыхъ, ни круговъ съ совершенно равными радіусами, ни квадратовъ съ совершенно правильными углами и пр. под. Такимъ образомъ тѣ, которые хотятъ приписать геометрическимъ выводамъ особую чрезвычайную точность, ставятъ на самомъ дѣлѣ геометрію въ ложное положеніе: они дѣлаютъ геометрію наукой о предметахъ чисто вымышленныхъ, нигдѣ не существующихъ, хотя сужденіе о существованіи этихъ предметовъ составляетъ неизбѣжную посылку геометрическаго знанія, съ ложностію которой должны, конечно, оказаться несостоятельными самые геометрическіе выводы. Геометрическія дефиниціи, по ученію самого Милля, говорятъ не о предметахъ, которые имъ вполнѣ соотвѣтствовали бы и которыхъ нигдѣ не существуетъ; онѣ говорятъ о фактически данныхъ точкахъ, линияхъ, углахъ и пр., которые имъ не точно соотвѣтствуютъ. Предполагаемая геометрическими доказательствами ссылка на существованіе предметовъ, о которыхъ разсуждаетъ геометрія, вѣрна, такіе предметы существуютъ дѣйствительно; только геометрическія дефиниціи даютъ объ этихъ предметахъ не совсѣмъ точныя, а лишь приблизительно вѣрныя понятія. Геометрическія дефиниціи суть простыя гипотезы, нѣсколько видоизмѣняющія дѣйствительность въ интересахъ удобства научнаго ея разсмотрѣнія. Отсюда долженъ, конечно, слѣдовать тотъ выводъ, что приписываемая геометрическимъ истинамъ особая необ-

ходимость и достовѣрность есть простая иллюзія. Къ предметамъ, не точно подходящимъ подъ геометрическія опредѣленія, геометрическія истины не могутъ быть прилагаемы во всей ихъ точности ¹⁾.

Таковъ взглядъ Милля. Предметомъ своего разсмотрѣнія мы хотимъ сдѣлать два вопроса: 1) дѣйствительно ли мысль о возможности предметовъ, соответствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, относится къ числу послѣднихъ посылокъ геометрическаго знанія; и если оно въ какомъ либо смыслѣ относится къ нимъ, то 2) дѣйствительно ли она должна быть сочтена ложною, если подъ этими предметами мы стали бы разумѣть предметы, совершенно точно соответствующіе геометрическимъ дефиниціямъ. Разрѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ должно, конечно, виѣстѣ съ тѣмъ и разъяснить намъ, насколько справедливы тѣ возраженія Милля противъ особой точности геометрическаго знанія, которыя стоятъ у него въ связи съ предлагаемымъ имъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

I.

§ 2. Въ Эвклидовыхъ Началахъ геометріи въ отдѣлѣ, посвященъ заглавіе „постулаты“ (αἰτιώματα) первыя три мѣста занимаютъ три положенія, которыя говорятъ о возможности: 1) провести прямую линію изъ какой угодно и до какой угодно точки, 2) непрерывно продолжать опредѣленную данную прямую и 3) описать кругъ изъ какаго угодно центра и какимъ угодно радіусомъ ²⁾. Эти три постулаты, очевидно, устанавливаютъ право при извѣстныхъ условіяхъ производить нѣкоторыя геометрическія построенія (прямой линіи и круга), а слѣдовательно утверждаютъ возможность ихъ существованія.

¹⁾ A. System of Logic by John Stuart Mill. Ed. 7. 1868. Vol. 1. B. 1. Ch. VIII. 5 p. 157—162. 6. 165—167; B. 11. Ch. V. 1—2 p. 251—256.

²⁾ Въ изданіи Эвклидовыхъ Началъ геометріи, сдѣланномъ Гейбергомъ 1883—1888 г. (Biblioth. script. graec. et rom. Teubner) по древнѣйшимъ сохранившимся манускриптамъ, къ постулатамъ сверхъ перечисленныхъ трехъ положеній отнесены еще два положенія совсѣмъ другаго характера, именно положеніе о равенствѣ всѣхъ прямыхъ угловъ и извѣстная аксіома, на которой основывается теорія параллельныхъ линій. Въ изданіи Началъ 1533 г. Basiliae и изданіяхъ, слѣдующихъ за нимъ, послѣднія два положенія были отнесены къ слѣдующему за αἰτιώματα отдѣлу, посвященному заглавіе κοινὰ ἔγωνα, и заняли въ этомъ отдѣлѣ два послѣднія мѣста, а постулаты ограничивались исключительно тремя приведенными выше положеніями.

Если въ Эвклидовой геометріи формулируются и прямо ставятся на видъ читателю эти положенія при самомъ началѣ геометрическаго изслѣдованія, то ясно, что знаменитому автору „Началъ“ геометріи никакъ не была чужда мысль, что есть такія сужденія, утверждающія возможность геометрическихъ построеній, которыя должны быть признаны за основоположенія геометрическаго знанія. Но Милль прямо не ссылается на приведенные сейчасъ постулаты Эвклида. И его взглядъ, если всмотрѣться въ него внимательнѣе, существенно отличается отъ взгляда, выразившагося въ установкѣ постулатовъ.

Во первыхъ предполагаемая Миллемъ сужденія о возможности предметовъ, соответствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, должны, по взгляду Милля, скрытно подразумѣваться подъ самыми дефиниціями. У Эвклида его постулаты обособлены отъ дефиницій и высказаны открыто и вполне опредѣленно.

Во вторыхъ Миллевы положенія о возможности существованія геометрическихъ построеній, составляя принадлежность геометрическихъ дефиницій, относятся, очевидно, ко всѣмъ имъ, и для иллюстраціи своей мысли онъ беретъ дефиницію треугольника въ качествѣ случайнаго, произвольно взятаго примѣра. Эвклидъ знаетъ только три вышеприведенные постулата, которые прямо говорятъ о возможности геометрическихъ построеній; и всѣ три эти постулата касаются исключительно прямой линіи и круга. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что по мѣрѣ движенія впередъ геометрическаго изслѣдованія въ геометріи Эвклида выводится и разъясняется возможность и другихъ геометрическихъ построеній. Но возможность этихъ построеній уже не предполагается безъ доказательства, не относится, слѣдовательно, Эвклидомъ къ послѣднимъ основаніямъ геометрическаго знанія, а доказывается совершенно такъ же, какъ доказываются всѣ теоремы то-есть съ помощью предпосылаемыхъ всему геометрическому изслѣдованію послѣднихъ посылокъ и выведенныхъ уже изъ нихъ положеній.

Въ связи съ этими двумя отличіями мысли Милля отъ Эвклидова взгляда стоитъ еще третье отличіе, вмѣющее самое существенное значеніе. Построенія, которыя оказываются необходимыми для геометрическихъ доказательствъ, можно раздѣлить на два разряда. Одни изъ нихъ даютъ созерцательный образъ того самаго предмета со всѣми предполагаемыми теоремой его условіями, которому въ теоремѣ приписывается извѣстное свойство или отношеніе. Другія служатъ простыми дополнительными или вспомогательными построеніями, на которыя

въ самой теоремѣ нѣтъ никакихъ указаній; они присоединяются къ главному построению, представляющему субъектъ теоремы, исключительно въ интересахъ ея доказательства, которое безъ нихъ не могло бы состояться. Перечисленные постулаты Эвклида имѣютъ цѣлю обезпечить наше право производить простѣйшія, элементарнѣйшія изъ этихъ вспомогательныхъ построеній (болѣе сложныя изъ нихъ выводятся изъ этихъ простѣйшихъ, часто съ помощью уже доказанныхъ теоремъ). Что же касается права производить главные построения, представляющія субъекты доказуемыхъ теоремъ со всѣми тѣми условіями, на которыя указываетъ теорема, то Эвклидъ совсѣмъ не заботится объ обезпеченіи этого права. Конечно, съ постепеннымъ увеличеніемъ числа доказанныхъ положеній, для Эвклидовой геометріи открывалась возможность выводить и разъяснять и такія построения, которыми она не имѣетъ нужды пользоваться въ качествѣ вспомогательныхъ конструкцій и которыя могутъ имѣть значеніе лишь въ качествѣ субъектовъ теоремъ, предметовъ геометрическаго знанія. Но они составляютъ уже не посылки, а результатъ геометрическаго знанія; Эвклидъ не пользуется этими выводами для оправданія главныхъ построеній, а часто и не можетъ пользоваться, такъ какъ эти построения въ качествѣ главныхъ построеній встрѣчаются въ процессѣ геометрическаго знанія ранѣе, чѣмъ они могли бы быть надлежащимъ образомъ выведены и разъяснены. Такимъ образомъ въ Эвклидовой геометріи дѣйствительно считаются необходимыми основоположеніями геометрическаго знанія сужденія о возможности нѣкоторыхъ геометрическихъ построеній, но лишь тѣхъ, которыя оказываются необходимыми въ качествѣ вспомогательныхъ построеній; а поэтому простѣйшія изъ этихъ построеній, которыя уже не могутъ быть непосредственно или не посредственно выведены или разъяснены изъ другихъ, дѣйствительно возводятся имъ на степень послѣднихъ предположеній геометрическаго вывода. Но онъ, очевидно, не считаетъ посылкой геометрическаго вывода объ извѣстномъ предметѣ сужденіе о возможности самаго этого предмета, о которомъ говоритъ доказываемая теорема, а поэтому не ставитъ такого рода сужденій въ числѣ послѣднихъ предположеній геометрическаго знанія. Милль, очевидно, иначе смотритъ на эту сторону дѣла. Онъ думаетъ, что съ геометрическими дефиниціями, которыя предпосылаются самому геометрическому изслѣдованію, уже скрытно должны быть соединены сужденія о возможности предметовъ, соответствующихъ имъ, и что выводы, которые дѣлаются относительно той или другой геометрической фи-

гуры, всегда предполагають сужденіе о возможности существованія этой фигуры въ качествѣ неизбѣжной посылки вывода. Этимъ ученіемъ несомнѣнно расширяется взглядъ, выразившійся въ постулатахъ Эвклида, такъ какъ необходимыми основаніями геометрическаго вывода дѣлаются здѣсь сужденія о возможности не только соответствующихъ вспомогательныхъ построеній, но и того построенія, которое должно представлять субъектъ доказуемой теоремы.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что эта Миллева поправка взгляда, выразившагося въ приведенныхъ Эвклидовыхъ постулатахъ, сдѣлана Миллемъ во всякомъ случаѣ безъ отчетливаго представленія объ самомъ этомъ взглядѣ. Говоря о скрытно подразумеваемыхъ подъ геометрическими дефиниціями сужденіяхъ о возможности предметовъ, имъ соответствующихъ, Милль ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ открыто высказанныхъ въ геометріи постулатахъ, утверждающихъ возможность построенія круга, продолженія прямой и проведенія ея между точками; онъ не возражаетъ ни противъ того, что эти постулаты касаются только нѣкоторыхъ изъ перечисляемыхъ въ дефиниціяхъ построеній, ни противъ того, что они предназначаются только для оправданія вспомогательныхъ построеній, а не говорятъ о возможности всѣхъ построеній, перечисляемыхъ въ дефиниціяхъ. Но этого недостаточно. Для того, чтобы доказать, что въ геометріи при дефиниціяхъ скрытно должно подразумеваться утвержденіе возможности предметовъ, имъ соответствующихъ, Милль ссылается на тотъ фактъ, что Эвклидъ при одномъ изъ своихъ доказательствъ требуетъ построенія круга опредѣленнымъ радіусомъ. Эта ссылка была бы совершенно не понятна со стороны того, кто знаетъ, что построеніе круга открыто постулируется Эвклидовой геометріей, и кто понимаетъ, что требованіе при доказательствѣ известной теоремы построить кругъ *въ качествѣ вспомогательнаго построенія*, совсѣмъ не относится къ дѣлу, какъ скоро вопросъ ставится о томъ, требуетъ или не требуетъ доказательство теоремы убѣжденія въ возможности *той самой фигуры, о которой говоритъ теорема*.

§ 3. Мысль о возможности существованія того самаго геометрическаго построенія, о которомъ говорятъ та или другая теорема геометріи, служить ли въ самомъ дѣлѣ неизбѣжной посылкой при доказательствѣ этой теоремы?

Это довольно общезвѣстная истина, что ни одно наше общее сужденіе (какъ и вообще никакое сужденіе) не устанавливаетъ предикатъ безусловно; оно устанавливаетъ его лишь за предметомъ.

который характеризуется въ нашемъ сознаниі какимъ-либо опредѣленнымъ признакомъ и черезъ эту характеристическую черту выдѣляется для насъ изъ всей совокупности остальныхъ предметовъ. Утверждая, что всѣ люди смертны, я не просто устанавливаю фактъ смертности, а отношу его къ существамъ, которыя характеризуются въ моей мысли чертами, соединенными съ терминомъ „человѣкъ“. Но для отнесенія предиката къ субъекту въ сужденіи никакъ недостаточно и одного этого указанія на субъектъ, которое мы называемъ характеристическою чертою его.

Мы различаемъ сферы или области существованія; мы различаемъ прежде всего,—если воспользоваться обычной кантовскою терминологіей,—сферу бытія вещей самихъ въ себѣ и сферу вещей являющихся. И въ самой области явленій мы различаемъ предметы, которые считаемъ являющеюся дѣйствительностію, отъ предметовъ, которые только ставятся нами какъ такая дѣйствительность, но значенія, принадлежащаго являющейся дѣйствительности, не имѣютъ. Сюда относятся не только разнообразныя обманы чувствъ (происходящіе отъ болѣзненнаго состоянія организма или отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ) каковы наши иллюзіи и галлюцинаціи; сюда относятся также и происходящее отъ людскаго легковѣрія убѣжденіе въ существованіи въ нашемъ мірѣ мионическихъ существъ, которыми наполняло міръ воображеніе древнихъ народовъ и отъ которыхъ никакъ не отрѣшилось еще и представленіе наиболѣе неразвитой части народа даже и въ наше время; сюда относятся также и міръ существъ и предметовъ, создаваемый творческимъ воображеніемъ, какъ поэтовъ для удовлетворенія эстетическаго чувства, такъ и каждаго человѣка въ его планахъ будущаго, въ его надеждахъ на будущее, даже въ простыхъ завѣдомо неосуществимыхъ мечтаніяхъ и пр. И предметами нашего знанія, слѣдовательно субъектами нашихъ сужденій могутъ дѣлаться не одни только предметы являющейся дѣйствительности. Никто не можетъ воспрепятствовать человѣку, если онъ не зараженъ крайнимъ скептицизмомъ, составить себѣ представленіе о вещахъ, не какъ онѣ являются намъ, а какъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ, то-есть, установить рядъ сужденій о вещахъ самихъ въ себѣ. Никто не можетъ воспрепятствовать человѣку также изучать (и онъ дѣйствительно изучаетъ это въ интересахъ ознакомленія съ природою и историческою жизнію человѣка) и предметы, которые только ставятся людьми въ качествѣ являющейся дѣйствительности, но фактически не имѣютъ принадлежащаго ей значенія, то-есть, иллюзіи и галлю-

цинаціи, созданный вѣрой народовъ міръ таинственныхъ существъ, принимавшихся за реальныя существа, поэтическіе образы, созданные гениемъ поэтовъ, планы, надежды, мечты видныхъ представителей человѣческаго рода и пр. Но всякій очень хорошо знаетъ, что предметы, относящіеся къ тремъ указаннымъ сферамъ, могутъ имѣть очень различныя другъ отъ друга свойства, подлежать совершенно различнымъ законамъ существованія, хотя бы то, что мы называемъ характеристическою чертою предмета, когда дѣлаемъ его предметомъ нашего сужденія, было у нихъ общимъ. А поэтому свойства, принадлежности или отношенія, которыя мы могли бы приписать предметамъ, относящимся къ одной изъ этихъ областей, могли бы оказаться даже вовсе не приложимыми къ предметамъ другой области, хотя бы характеризованнымъ тою же самою чертою какъ и первые. Сужденіе „человѣкъ въ отличіе отъ животныхъ имѣетъ даръ членораздѣльной рѣчи“ имѣетъ все значеніе для міра являющейся дѣйствительности. Но если бы мы, говоря о людяхъ и животныхъ, стали бы разумѣть подъ ними предметы того же рода, которые создаетъ фантазія и вѣра народа, или свободное вдохновеніе поэтовъ, то сужденіе наше, конечно, оказалось бы ошибочнымъ: мы нашли бы мартышекъ у Гёте, всякаго рода животныхъ у баснописцевъ, точно такъ же какъ и животныхъ, созданныхъ вѣрою народа, не отличающихся отъ человѣка по дару слова. То же самое сужденіе, приписывающее человѣку членораздѣльную рѣчь, оказалось бы очень не точнымъ, какъ скоро подъ словомъ „люди“ мы захотѣли бы разумѣть не извѣстные намъ предметы являющейся дѣйствительности, а соотвѣтствующія имъ вещи сами въ себѣ, такъ какъ слышимые нами звуки человѣческой рѣчи остаются все же только нашими ощущеніями, и если имъ должны соотвѣтствовать факты изъ жизни людей самихъ въ себѣ, возбуждающіе въ нашемъ сознаниі эти ощущенія, то эти дѣйствительные факты, конечно, были бы уже не звуками, слѣдовательно не тѣмъ, что мы называемъ членораздѣльной рѣчью. Отсюда во всѣхъ нашихъ общихъ сужденіяхъ вмѣстѣ съ характеристическою чертою субъекта неизбѣжно предполагается отнесеніе его къ той или другой области бытія. Безъ этого отнесенія обыкновенно невозможно убѣдиться въ истинности общаго сужденія. Основаніе для общаго сужденія мы находимъ или въ наблюденіи частныхъ примѣровъ, его подтверждающихъ, или въ выводѣ его изъ другихъ положеній. Но чтобы была возможность наблюдать частные случаи, которые подходятъ подъ субъектъ сужденія, они должны быть даны намъ, а съ этою данностью обыкновенно

предметъ приурочивается къ определенной сферѣ бытія (хотя это приурочиваніе, конечно, можетъ быть и ошибочнымъ). И вывести сужденіе изъ другихъ сужденій мы можемъ только въ томъ случаѣ, когда увѣрены, что предметъ выводимаго сужденія относится къ той области бытія, для которой то положеніе, изъ котораго дѣлается выводъ, служить закономъ, слѣдовательно выводъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда предметъ выводимаго сужденія приуроченъ къ определенной области бытія. Съ другой стороны это приуроченіе совершенно необходимо даже для того, чтобы сужденіе имѣло для нашей мысли определенный смыслъ. Предметы, имѣющіе одну и ту же характеристическую черту, но относящіеся къ тремъ различнымъ сферамъ бытія, для насъ существенно различные предметы; поэтому невозможность приурочить предметъ къ определенной сферѣ бытія дѣлаетъ самый этотъ предметъ, а слѣдовательно и сужденіе о немъ совершенно неопределеннымъ въ нашихъ глазахъ, а поэтому лишаетъ его всякой цѣнности въ качествѣ познавательнаго акта. Если въ нашихъ сужденіяхъ отнесеніе предмета сужденія къ той или другой сферѣ бытія обыкновенно не обозначается какимъ-нибудь определеннымъ словомъ, то это нисколько не мѣшаетъ ему подразумеваться и очень точно толковаться въ нашихъ мысляхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при словесной или письменной передачѣ сужденія возникало бы въ насъ сомнѣніе, напримѣръ, о томъ, относится ли предметъ сужденія къ являющейся дѣйствительности, или онъ относится къ созданіямъ фантазій, въ предѣлахъ этого сомнѣнія передаваемое сужденіе потеряло бы для насъ характеръ знанія объ определенномъ предметѣ. Такимъ образомъ приуроченіе предмета къ определенной сферѣ бытія есть неизбежное условіе отнесенія предиката къ субъекту въ общемъ сужденіи, — условіе, безъ котораго сужденіе потеряло бы определенный смыслъ и значеніе познавательнаго акта для нашего сознанія.

Изъ этого общаго правила, конечно, не дѣлаютъ исключенія и наши геометрическія сужденія. На нихъ мы непосредственно смотримъ какъ на законы являющейся дѣйствительности; слѣдовательно предметы этихъ сужденій непосредственно приурочиваются нами къ этой дѣйствительности. Сужденія геометрическія съ этой стороны отличаются отъ сужденій естествознанія лишь тою особенностію, что значеніе ихъ не ограничивается нами исключительно сферою являющейся дѣйствительности: мы невольнo расширяемъ значеніе ихъ и на сферу нашего воображенія. Утверждая равенство суммы угловъ

прямолинейнаго треугольника двумъ прямымъ угламъ, мы обыкновенно убѣждены, что и въ своемъ воображеніи мы не можемъ создать такого прямолинейнаго треугольника, который бы точно подходилъ подъ геометрическое понятіе этой фигуры и все же имѣлъ бы въ суммѣ своихъ угловъ болѣе или менѣе двухъ прямыхъ угловъ. Однако ни въ жизни ни въ наукѣ обыкновенно не встрѣчается никакихъ поводовъ фактически приѣмлять геометрическія теоремы къ воображаемымъ предметамъ; а поэтому эта сторона значенія теоремъ можетъ подразумѣваться при формулѣ теоремы, а можетъ и совсѣмъ не подразумѣваться. Но то остается несомнѣннымъ фактомъ, что геометрическія теоремы, подобно всякимъ другимъ научнымъ общимъ сужденіямъ о являющейся дѣйствительности, неизбѣжно предполагаютъ приуроченіе субъектовъ сужденія къ этой опредѣленной сферѣ бытія. Отсюда слѣдуетъ, что мнѣніе Милля настолько справедливо, насколько имъ предполагается, что съ субъектами геометрическихъ теоремъ неизбѣжно соединяется идея бытія, и именно бытія въ смыслѣ являющейся дѣйствительности.

Однако не слѣдуетъ забывать, что отнесеніе субъекта къ извѣстной сферѣ бытія, насколько оно рассматривается просто какъ неизбѣжная принадлежность субъекта всякаго общаго сужденія, есть такая же черта въ понятіи субъекта какъ и та характеристическая черта, которой онъ отличается отъ другихъ предметовъ той же сферы: она входитъ въ это понятіе, составляетъ часть самаго его содержанія. Но общее сужденіе не утверждаетъ ни субъекта, ни предиката; оно утверждаетъ только извѣстное отношеніе между ними, именно принадлежность предиката субъекту. А поэтому и отнесеніе субъекта къ извѣстной сферѣ бытія такъ же мало само утверждается въ общемъ сужденіи ¹⁾, какъ мало утверждается въ немъ характеристическая черта субъекта. Утверждая, что люди смертны, я этимъ сужденіемъ утверждаю не понятіе о человѣкѣ и не существованіе людей, а только

¹⁾ Это отнесеніе само не можетъ утверждаться въ общемъ сужденіи уже и потому, что общихъ сужденій о существованіи быть не можетъ: кажущіяся общія сужденія о существованіи на дѣлѣ суть сужденія частныя; сужденіе „люди существуютъ“ можетъ означать только „нѣкоторые изъ предметовъ, могущихъ подходить подъ понятіе человѣкъ, дѣйствительно существуютъ, такъ какъ понятіе человѣкъ, если не внести въ него заранѣе признака существованія и не превратить сужденіе въ пустое тожесловіе „существующіе люди существуютъ“, шире по объему чѣмъ понятіе „существующіе люди“: вмѣстѣ съ послѣдними оно обнимаетъ въ себѣ и всѣхъ людей, какихъ бы имъ могли себѣ представить сверхъ существующихъ дѣйствительно.

отношеніе къ нимъ извѣстнаго свойства, обозначаемого понятіемъ „смертность“. Конечно, отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы то отношеніе предмета къ бытію, которое неизбежно подразумѣвается при субъектѣ общаго сужденія, само не могло быть особымъ сужденіемъ или утвержденіемъ, которое сопутствовало бы нашему понятію объ этомъ субъектѣ. Такое соупутствіе не только возможно, но обыкновенно и бываетъ при нашихъ общихъ сужденіяхъ. Въ сужденіи „всѣ люди смертны“ утвержденіе, изъ котораго состоитъ само это общее сужденіе, есть собственно утвержденіе принадлежности людямъ свойства смертности; но и отношеніе субъекта этого сужденія къ являющейся дѣйствительности, составляющее черту этого субъекта, также несомнѣнно подразумѣваетъ въ качествѣ особаго утвержденія признаніе того факта, что между предметами являющейся дѣйствительности не мало встрѣчается предметовъ, подходящихъ подъ понятіе человекъ. Однако такъ какъ отношеніе предмета общаго сужденія къ какой-либо сферѣ бытія не есть то самое утвержденіе, изъ котораго состоитъ это сужденіе, то оказываются возможными общія сужденія, при которыхъ это отношеніе совсѣмъ не подразумѣваетъ никакого утвержденія. Я могу составить даже совершенно произвольное понятіе о предметѣ, то-есть, сгруппировать произвольно взятые черты въ одно понятіе и совсѣмъ не утверждая бытія этого предмета, задатья вопросомъ: какія свойства или отношенія имѣлъ бы этотъ предметъ въ томъ случаѣ, если бы онъ относился, на примѣръ, къ являющейся дѣйствительности. Это условно предположенное отношеніе предмета къ дѣйствительности несомнѣнно давало бы предмету необходимую для сужденія о немъ опредѣленность; оно въ то же время обязывало бы меня при доказательствѣ сужденія, которое я хочу установить объ этомъ предметѣ, пользоваться лишь такими положеніями, которыя имѣютъ значеніе для являющейся дѣйствительности. Слѣдовательно оно удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ, вслѣдствіе которыхъ при общемъ сужденіи мы не можемъ обойтись безъ отношенія субъекта его къ какой-либо сферѣ дѣйствительности. И если бы мы на основаніи уже извѣстныхъ намъ законовъ являющейся дѣйствительности могли вывести свойства или отношенія, какія долженъ бы былъ имѣть этотъ предметъ въ томъ случаѣ, если бы онъ относился къ являющейся дѣйствительности, то намъ не было бы ни малѣйшей нужды *утверждать* существованіе этого предмета для того, чтобы признать образованное о немъ сужденіе истиннымъ; и никакое отрицаніе существованія этого предмета,

то-есть, никакое убѣжденіе въ ложности условно принятаго нами предположенія объ отношеніи его къ дѣйствительности не могло бы разрушить нашего сужденія, такъ какъ совершенно нѣтъ никакого противорѣчія между увѣренностію въ несуществованіи какого-нибудь предмета и увѣренностію въ томъ, что если бы онъ существовалъ, то долженъ бы былъ имѣть извѣстное свойство.

Несомнѣнно, конечно, что выводъ подобнаго сужденія изъ другихъ сужденій не могъ-бы обойтись безъ такихъ посылокъ, которыя точно такъ же, какъ и выводное сужденіе, говорили-бы о предметѣ, только условно отнесенномъ къ дѣйствительности. Но если бы посылка такого рода утверждала бы, подобно выводному сужденію, только необходимую принадлежность этому предмету извѣстныхъ свойствъ или отношеній въ томъ случаѣ, если бы онъ существовалъ, то и для ея истинности очевидно, какъ и для истинности выводнаго сужденія, не имѣло бы никакого значенія рѣшеніе вопроса, дѣйствительно существуетъ этотъ предметъ или онъ вовсе не существуетъ. Мысль, будто бы сомнѣніе въ бытіи предмета грозитъ точности такихъ выводовъ, была бы простымъ логическимъ недоразумѣніемъ. Логика, правда, дѣйствительно учитъ, что какъ скоро между посылками необходимыми для доказательства того или другаго положенія встрѣчается мысль, принимаемая лишь въ качествѣ предположенія, то выводъ не можетъ имѣть совершенной точности, а если это предположеніе оказывается ложнымъ, то выводъ прямо долженъ быть признанъ логически несостоятельнымъ. Совершенно справедлива съ другой стороны также и та мысль, что какъ скоро выводное сужденіе говорило бы о предметѣ, только условно отнесенномъ къ опредѣленной сферѣ бытія, то въ какой либо изъ посылокъ не можетъ не встрѣчаться мысль о томъ же предметѣ, только условно отнесенномъ къ бытію. Но совершенно ошибочно было бы смѣшивать это отнесеніе къ бытію какъ черту субъекта посылки, входящую слѣдовательно въ одинъ изъ терминовъ посылки, съ самою посылкою, съ самымъ утвержденіемъ, изъ котораго она состоитъ какъ сужденіе. Посылка можетъ быть только сужденіемъ, слѣдовательно только утвержденіемъ извѣстной мысли, будетъ ли то аподиктическимъ или проблематическимъ. И если извѣстное предположеніе должно играть роль посылки въ извѣстномъ выводѣ, то оно должно превратиться въ утверженіе той мысли, которая содержится въ этомъ предположеніи. Но нѣтъ никакой необходимости для доказательства положенія, что извѣстный предметъ въ случаѣ своего существованія долженъ имѣть такую то

принадлежность, утверждать фактическое существованіе или возможность существованія этого предмета. Для доказательства этого положенія совершенно достаточно посылки съ такимъ же условно предположеннымъ предметомъ, съ какимъ является само выводное сужденіе. Изъ посылокъ: „извѣстный предметъ въ случаѣ своего существованія необходимо долженъ имѣть свойство В“, а „предметъ, имѣющій свойство В, необходимо долженъ имѣть и принадлежность С“, развѣ не слѣдуетъ со всею логическою необходимостію выводъ, что предметъ А въ случаѣ своего существованія долженъ имѣть принадлежность С? А между тѣмъ въ этихъ посылкахъ, правда, неизбѣжно встрѣчается мысль о существованіи предмета А, но эта мысль встрѣчается никакъ не въ качествѣ сужденія, не въ качествѣ утвержденія, ни достовѣрнаго, ни вѣроятнаго, слѣдовательно никакъ не въ качествѣ посылки. Оно составляетъ только одинъ изъ терминовъ сужденія или посылки; а само это сужденіе состоитъ изъ утвержденія необходимой связи этой мысли о существованіи предмета А съ мыслью о принадлежности этому А свойства В. Но это утверженіе можетъ быть вѣрно, хотя бы А и не существовало, слѣдовательно нисколько не нуждается въ утвержденіи этого существованія. Посылка, которая говорила бы не только то, что предмету А въ случаѣ его существованія должно принадлежать свойство В, но и то, что предметъ А, которому принадлежитъ свойство В, дѣйствительно существуетъ, оказалась бы необходимой лишь въ томъ случаѣ, если бы мы въ выводѣ захотѣли имѣть не сужденіе, приписывающее предмету А въ случаѣ его существованія принадлежность С, а сужденіе, которое утверждало бы *фактическое существованіе* предмета А съ принадлежностію С. Но какая же въ ней будетъ необходимость, когда ничего подобнаго мы не имѣли бы въ виду?

Если бы въ геометрическихъ выводахъ все значеніе мысли о бытіи предметовъ, соответствующихъ геометрическимъ опредѣленіямъ, ограничивалось тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ эта мысль, когда она соединяется съ субъектами геометрическихъ теоремъ, въ такомъ случаѣ говорить о ней какъ о посылкѣ выводовъ не было бы равно никакого основанія; а поэтому при разъясненіи точности геометрическаго доказательства не было бы никакого повода спорить о томъ, вѣрна ли эта мысль или не вѣрна. Геометрія въ своихъ теоремахъ не утверждаетъ существованія тѣхъ или другихъ фигуръ, соответствующихъ геометрическимъ опредѣленіямъ; она утверждаетъ только, что всякая данная фигура, какъ скоро она оказалась бы соответствующею

щей извѣстному геометрическому опредѣленію, должна бы непремѣнно имѣть ту принадлежность, какую она приписываетъ ей. Кто не вѣрять возможности фактическаго существованія фигуръ, вполне точно соответствующихъ геометрическимъ опредѣленіямъ, тому никто не препятствуетъ то отнесеніе субъекта теоремы къ бытію, которое предполагается неизбѣжно каждымъ общимъ сужденіемъ, толковать не въ смыслѣ особаго соединеннаго съ представленіемъ субъекта утвержденія, а въ смыслѣ чисто условнаго предположенія о существованіи подобныхъ предметовъ. Настоящій смыслъ теоремы, утвержденіе въ ней заключающее, никакого существеннаго измѣненія не потерпитъ отъ того, будемъ ли мы толковать эту идею бытія, необходимо прилагаемую субъекту, въ первомъ или во второмъ смыслѣ. И доказательство теоремы не потерпѣло бы никакого ни ущерба, ни измѣненія въ своей сущности отъ различія этихъ взглядовъ, такъ какъ посылокъ, утверждающихъ существованіе этихъ субъектовъ, въ этихъ доказательствахъ нѣтъ и онѣ для нихъ не нужны: въ доказательствахъ также утверждается лишь необходимая связь субъекта теоремы подъ предположеніемъ его существованія съ извѣстными свойствами или отношеніями, которыя въ свою очередь посредственно и непосредственно связаны съ предикатомъ теоремы, и этого совершенно достаточно для доказательства теоремы.

§ 4. Совершенно иное мы должны сказать о предметахъ тѣхъ же геометрическихъ дефиницій, какъ скоро они являются въ качествѣ вспомогательныхъ построеній при геометрическомъ доказательствѣ. Эти вспомогательныя построенія играютъ въ геометріи совершенно особую роль, аналогичную той роли, какую играютъ эксперименты въ болѣе сложныхъ выводахъ естествознанія. Сложные выводы естествознанія, подобно выводамъ геометрическимъ, пользуются аксіомами, на примѣръ законами причинности, сохранения вещества при измѣненіи, а въ иныхъ случаяхъ и другими менѣе всеобщими и уже доказанными положеніями. Но какое либо новое положеніе естествознанія обыкновенно нельзя вывести прямо и единственно изъ установленныхъ уже истинъ. Для доказательства его обыкновенно нужно извѣстный предметъ, который относится къ тому роду предметовъ, о которомъ говорить доказываемое положеніе, предварительно постановить въ извѣстныя условія и наблюдать результаты, какіе при этомъ произойдутъ. Эти то результаты, разсматриваемые, конечно, въ связи съ аксіомами естествознанія, а гдѣ нужно, въ связи и съ другими уже доказанными истинами, и даютъ послылки необходимыя для вывода

доказуемаго положенія. Нѣчто подобное мы видимъ и въ геометріи. Доказательство теоремы, разсматриваемое съ его логической стороны, обыкновенно нельзя свести къ такой простой формулѣ: если данъ предметъ А, соотвѣтствующій всѣмъ предположеннымъ въ доказываемой теоремѣ условіямъ, то онъ на основаніи такой то аксіомы (или такой то доказанной уже теоремы) долженъ имѣть свойство или отношеніе В, а В должно на основаніи такого то закона, стоять въ необходимой связи съ С и т. д., пока на основаніи такого ряда посредствующихъ положеній предметъ А не окажется въ связи съ приписываемымъ ему въ предикатѣ теоремы какимъ нибудь свойствомъ или отношеніемъ. Обыкновенно оказывается необходимымъ предварительно дополнить главный чертежъ, иллюстрирующій субъектъ теоремы съ его предположенными въ самой теоремѣ условіями, то-есть ввести вспомогательное построеніе, и только когда главный чертежъ разсматривается въ сличеніи съ этими новыми построеніями и когда уставляются различныя отношенія между ними, оказывается возможнымъ, конечно при посредствѣ аксіомъ, а гдѣ то нужно, и доказанныхъ уже теоремъ, установить необходимый для вывода теоремы рядъ посылокъ ¹⁾. Чтобы усмотрѣть, напримѣръ, равенство угловъ при осно-

¹⁾ Указывая на аналогическія черты экспериментальнаго метода съ методомъ геометрическимъ, мы, конечно, отнюдь не забываемъ и черты различія между ними. Между ними полагаетъ различіе уже тотъ фактъ, что экспериментальнымъ методомъ мы доказываемъ положенія, касающіяся смѣны явленій, геометрическимъ—существованіе свойствъ или отношеній въ предметѣ. А потому при первомъ методѣ мы ставимъ подлежащій предметъ въ такую связь съ другими (присоединяемыми къ нему) предметами, которая должна сопровождаться фактическимъ измѣненіемъ въ немъ или въ другихъ предметахъ; при второмъ методѣ поставленіе предмета въ связь съ новыми (вспомогательными) построеніями, не производя въ самомъ предметѣ никакой реальной перемѣны, способствуетъ только тому, чтобы установить отношеніе между нимъ и ими и чрезъ посредство этихъ отношеній усмотрѣть тѣ свойства или отношенія предмета, о которыхъ говоритъ теорема и которыя не суть какія либо перемѣны въ немъ, возникающія вмѣстѣ съ вспомогательнымъ строеніемъ, а существуютъ въ немъ постоянно и только могутъ быть нами точно констатированы не иначе какъ чрезъ предварительное разсмотрѣніе отношеній между предметомъ или его частями и вспомогательными строеніями. Съ этимъ различіемъ экспериментальнаго метода отъ геометрическаго соединяются и два другія. Во первыхъ при вспомогательныхъ построеніяхъ геометрія предполагаетъ возможность усмотрѣть нужнымъ намъ для вывода теоремы послышки частію непосредственно изъ разсмотрѣнія всѣхъ сдѣланныхъ нами построеній, частію изъ нихъ же при посредствѣ только аксіомъ и ранѣе доказанныхъ теоремъ, тогда какъ при экспериментальномъ ме-

вані равнобедренныхъ треугольниковъ, мнѣ недостаточно тѣхъ аксіомъ и ранѣе доказанной теоремы, на которыя я ссылаюсь, когда устанавливаю носылки довольно сложнаго съ логической стороны вывода этой теоремы. Мнѣ необходимо для этой цѣли удлинить бедра начертаннаго равнобедреннаго треугольника на равныя прямыя линіи и соединить прямыми же конечныя точки этихъ удлиненныхъ линій съ вершинами угловъ при его основаніи. При помощи этой конструкціи образуются особыя фигуры, стоящія въ различныхъ отношеніяхъ съ предполагаемымъ теоремой равнобедреннымъ треугольникомъ и его различными частями. И только разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній главной фигуры и образовавшихся фигуръ, а также и частей ихъ другъ къ другу даетъ мнѣ возможность установить, конечно при содѣйствіи аксіомъ и доказанной уже теоремы, нужныя мнѣ носылки для вывода той новой теоремы, которую я хочу доказать. Въ этомъ случаѣ, очевидно, мысль о возможности продолжать ребра предположеннаго равнобедреннаго треугольника на произвольно взятыхъ прямыхъ или о возможности соединять извѣстныя точки прямыми никакъ не есть простой терминъ, не есть мысль, о которой что либо утверждается, а есть такая мысль, которая сама утверждается; или, сказать точнѣе, здѣсь о ребрахъ предположеннаго треугольника утверждается, что съ ними должна быть дана возможность ихъ продолженія, и объ извѣстныхъ точкахъ утверждается, что съ данностію ихъ должна быть дана возможность соединенія ихъ прямой. И если не признать эти утвержденія за совершенно точныя истины въ отношеніи къ міру дѣйствительному, то выйдетъ совершенно тоже, что вышло бы, если бы мы не признали аксіомы за точныя истины, то-есть, въ такомъ случаѣ, наше доказательство не могло бы со всею точностію дока-

тодѣ мы должны для этой цѣли, сверхъ того, воспользоваться фактическими результатами, которые должны произойти отъ произведеннаго нами соединеніи экспериментируемаго предмета съ другими предметами; а эти результаты не только отдѣльны и отличны отъ самаго факта этого соединенія, но и не могутъ, какъ предполагается, быть усмотрѣны изъ него ни непосредственно, ни при посредствѣ аксіомъ и доказанныхъ уже истинъ, а должны быть сами особо наблюдаемы. Во-вторыхъ простѣйшія геометрическія конструкціи сводятся къ тремъ, неречисленнымъ выше, изъ которыхъ выводятся остальные, а сами онѣ, по общему взгляду, признаются очевидными со стороны своей возможности. Въ естествознаніи, наоборотъ, условія, въ которыя ставятся предметы при экспериментаци, безконечно разнообразны, одни не сводятся къ другимъ, а между тѣмъ онѣ не считаются очевидными со стороны своей возможности и часто требуютъ даже очень специальныхъ свѣдѣній.

затѣ, что всякая данная въ дѣйствительномъ мірѣ фигура, какъ скоро она вполне соответствовала бы понятію равнобедреннаго треугольника, должна бы непремѣнно имѣть равные углы при основаніи.

Многіе изъ необходимыхъ для геометрическихъ выводовъ вспомогательныхъ построеній не принимаются геометрией на вѣру, а сами выводятся изъ болѣе элементарныхъ построеній съ помощью, конечно, аксіомъ и доказанныхъ ранѣе теоремъ. Такимъ образомъ къ послѣднимъ основаніямъ геометрическаго знанія они уже не относятся. Но самыя элементарныя построенія, подобно аксіомамъ, допускаются уже безъ всякаго вывода. Возможность этихъ самыхъ элементарныхъ вспомогательныхъ построеній и выражена въ трехъ перечисленныхъ выше первыхъ постулатахъ Эвклидовой геометріи. Какъ бы мы ни формулировали эти три постулата, они при примѣненіи своемъ къ доказательству теоремъ несомнѣнно должны говорить о необходимой связи между предполагаемыми теоремой (или вообще уже сдѣланными) построеніями или частями этихъ построеній съ одной стороны и возможностью новыхъ дополнительныхъ построеній съ другой, слѣдовательно при каждомъ случаѣ своего примѣненія въ геометрическихъ доказательствахъ они являются въ качествѣ сужденій, утвержденій. Назовемъ ли мы это утвержденіе посылкой или не назовемъ, — это будетъ зависѣть отъ точнѣйшаго смысла, какой мы придадимъ термину „посылка“, и это въ существѣ дѣла вещь безразличная. Для насъ важно только то, что въ выше указанныхъ трехъ постулатахъ Эвклида въ отлчіе отъ идеи бытія, которая соединяется неизбѣжно съ каждой геометрической дефиниціей, какъ скоро она становится характеристической чертой субъекта общаго сужденія, мы имѣемъ уже не черту входящую въ смыслъ единичнаго термина, а утвержденіе о необходимомъ соединеніи съ данностію однихъ построеній возможности построеній другихъ, и что безъ этихъ сужденій геометрическіе выводы обойтись не могутъ, а слѣдовательно отъ вѣрности и точности ихъ дѣйствительно должны зависѣть логическая состоятельность и точность самихъ выводовъ.

§ 5. Если принять въ соображеніе все вышесказанное, то не трудно понять, почему Эвклидъ пользуется геометрическими дефиниціями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они характеризуютъ субъектъ теоремы, не устанавливая соответствующихъ постулатовъ о бытіи предметовъ, о которыхъ говорятъ эти дефиниціи, но въ то же время устанавливаетъ постулаты относительно возможныхъ элементарныхъ вспомогательныхъ построеній и не вводитъ болѣе сложныхъ вспомогательныхъ

построеній ранѣе вывода и объясненія ихъ возможности. Логикѣ геометріи Эвклидъ не писалъ, но онъ отлично практически владѣеть самымъ геометрическимъ методомъ. Онъ хочетъ доказывать геометрическія теоремы, и онъ хорошо чувствуетъ, что утвержденіе бытія построеній, о которыхъ говорятъ теоремы, совершенно ненужно для доказательства этихъ теоремъ, а безъ утвержденія возможности подобныхъ же построеній, какъ скоро они являются въ качествѣ построеній вспомогательныхъ, доказательство обойтись не можетъ. И онъ открыто постулируетъ элементарныя вспомогательныя построенія, изъ которыхъ можетъ вывести болѣе сложныя; но когда разъясняетъ въ дефиниціяхъ геометрическія понятія, которыми онъ вообще долженъ пользоваться въ геометріи, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о необходимости утверждать дѣйствительное существованіе соотвѣтствующихъ имъ предметовъ, хотя въ извѣстномъ разъясненномъ выше смыслѣ идея существованія неизбѣжно должна присоединяться къ нимъ, какъ скоро они дѣлаются субъектами общихъ сужденій.

Совершенно ясно и положеніе Милля въ этомъ вопросѣ. Милль хочетъ показать значеніе сужденій о возможности геометрическихъ построеній для геометрическихъ доказательствъ. Но онъ не задался вопросомъ о томъ, нѣтъ-ли въ этомъ отношеніи какой-нибудь существенной разницы между тѣми случаями, когда построенія представляютъ субъекты геометрическихъ теоремъ, и тѣми, когда они оказываются нужными въ качествѣ вспомогательныхъ построеній. Того взгляда на этотъ предметъ, который фактически проникаетъ Эвклидову геометрію, онъ себѣ не уяснилъ. Понятно, что онъ смѣшалъ идею бытія, которая неизбѣжно подразумѣвается при субъектѣ каждаго общаго сужденія и которая вмѣстѣ съ характеристическими чертами этого субъекта составляетъ одно понятіе, одинъ терминъ, съ тѣмъ сужденіемъ о возможности при опредѣленныхъ данныхъ условіяхъ совершать опредѣленное вспомогательное построеніе, которое именно въ качествѣ сужденія необходимо для самаго доказательства той или другой теоремы; отсюда-то именно и произошелъ тотъ фактъ, что для него оказалось достаточнымъ подыскать въ Эвклидовой геометріи случай, гдѣ для доказательства извѣстнаго положенія Эвклидъ требуетъ построенія круга, чтобы утверждать, что подъ геометрическими дефиниціями вообще подразумѣвается возможность предметовъ, соотвѣтствующимъ имъ, и что эта подразумѣваемая мысль всегда есть утвержденіе, посылка, безъ которой нельзя обойтись геометрическимъ выводамъ. Смѣшенію благоприятствовало и еще обсто-

ительство, на которое указываетъ самъ Милль. Ему кажется, что всѣ согласно признають геометрическія дефиниціи за начала, изъ которыхъ на ряду съ другими началами выводятся теоремы. И онъ самъ спѣшить пристать къ этому мнѣнію. И растолковать эти начала въ смыслѣ нѣкоторыхъ утвержденій о предметахъ, въ смыслѣ посылокъ для выводовъ, онъ естественно поставилъ этииъ логику геометріи въ большое затрудненіе, такъ какъ, по совершенно справедливому его мнѣнію, геометрическія дефиниціи сами по себѣ совершенно номинальны, то-есть, даютъ лишь установку смысла термина ¹⁾, а изъ простой установки смысла термина нельзя, конечно, приобрѣсть никакого знанія о предметахъ, обозначаемыхъ терминомъ. Понятно, что соединеніе съ этими дефиниціями еще особаго сужденія о бытіи, будто бы скрытно подразумеваемаго подъ ними, и признаніе этого сужденія за настоящую посылку геометрическаго знанія, должны были находить для себя новое оправданіе въ томъ, что такимъ путемъ разрѣшалось будто бы очень важное затрудненіе. Но никакого затрудненія, которое нужно бы было разрѣшать, на дѣлѣ нѣтъ. Ничто не препятствуетъ, если угодно, называть геометрическія дефиниціи началами, только никакъ не въ смыслѣ утвержденій, служащихъ посылками геометрическаго знанія, а лишь въ смыслѣ твердой установки понятій, которыми занимается геометрія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, въ смыслѣ твердой установки смысла терминовъ, обозначающихъ эти понятія. И идея бытія, присоединяемая къ этому понятію, когда оно дѣлается характеристическою чертою субъекта сужденія, не имѣетъ никакой необходимости ставиться какъ утвержденіе бытія, такъ какъ эти сужденія всегда суть сами по себѣ не сужденія о существованіи предмета, а сужденія о принадлежности предмету свойствъ и отношеній. Идея бытія, поэтому, остается чертою субъекта, съ которою желающій имѣетъ, конечно, всякую возможность соединять особое частное сужденіе о бытіи, но которую ничто не препятствуетъ кому угодно толковать и въ смыслѣ простаго условно принятаго предположенія.

§ 6. Мысль, что сужденія о бытіи субъектовъ геометрическихъ теоремъ служатъ неизбѣжными посылками при доказательствѣ этихъ теоремъ, нужна Миллю для особой цѣли. Изъ этой мысли у него выво-

¹⁾ Милль утверждаетъ это о всѣхъ дефиниціяхъ. Я ограничю здѣсь вопросъ исключительно геометрическими дефиниціями, такъ какъ вопросъ о многихъ дефиниціяхъ въ другихъ наукахъ, по моему мнѣнію, относится къ вопросамъ, требующимъ особыхъ специальныхъ разъясненій.

дятся, что предметами геометрическаго знанія не могутъ быть предметы несуществующіе, простыя фикціи. А этотъ выводъ открываетъ Миллю очень легкій путь къ доказательству, что субъектами геометрическихъ теоремъ служатъ предметы, не точно соотвѣтствующіе геометрическимъ дефиниціямъ. Для этого ему оказалось нужнымъ только вслѣдъ за очень распространеннымъ мнѣніемъ отрицать существованіе въ мірѣ предметовъ, которые точно соотвѣтствовали бы геометрическимъ дефиниціямъ. Но какъ скоро субъектами геометрическихъ теоремъ признаны предметы, не точно соотвѣтствующіе геометрическимъ дефиниціямъ, то, конечно, особую безусловную точность геометрическихъ истинъ нужно было считать погибшею: теоремы не могутъ съ тою же безусловною точностію примѣняться къ предметамъ не точно соотвѣтствующимъ дефиниціямъ, съ какою они могли бы примѣняться къ предметамъ, совершенно точно имъ соотвѣтствующимъ. Такимъ образомъ мысль, что сужденія о бытіи субъектовъ геометрическихъ теоремъ служатъ послышками геометрическаго знанія, побудила Миллю измѣнить существующій взглядъ на предметъ геометрическаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на точность этого знанія.

Мнѣ кажется удивительнымъ, что Милль считаетъ необходимымъ и возможнымъ идти окольнымъ путемъ въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какіе предметы служатъ непосредственными субъектами теоремъ, предметы-ли точно соотвѣтствующіе геометрическимъ дефиниціямъ или предметы не точно имъ соотвѣтствующіе. При Миллевой постановкѣ вопроса выходитъ, какъ будто-бы рѣшенія его совсѣмъ нельзя найти, анализируя самыя геометрическіе выводы, и оно вполне зависитъ отъ того, найдемъ ли мы въ бытіи предметы, точно соотвѣтствующіе этимъ дефиниціямъ или не найдемъ. Предполагается, что если бы мы нашли ихъ, то должно бы оказаться, что теоремы геометріи о нихъ именно и говорятъ, а если мы ихъ не найдемъ, то субъектами этихъ же самыхъ теоремъ должны будемъ признать предметы, неточно соотвѣтствующіе геометрическимъ дефиниціямъ. Я не думаю, чтобы геометрія была такой наукой, въ которой изъ самыхъ ея разсужденій и доказательствъ нельзя было бы совсѣмъ рѣшить, или можно бы было въ двухъ противоположныхъ смыслахъ рѣшать вопросъ, о чемъ именно она говоритъ, о предметахъ-ли точно соотвѣтствующихъ ея дефиниціямъ или о предметахъ, не точно имъ соотвѣтствующихъ.

Это безспорный фактъ, — и Милль признаетъ этотъ фактъ, — что геометрія въ своихъ демонстраціяхъ руководится дефиниціями, то-есть

что весь процессъ геометрическаго доказательства обусловленъ дефиниціями. А такъ какъ дефиниціи служатъ въ этомъ процессѣ характеристиками субъектовъ теоремъ (равно какъ и вспомогательныхъ построений), то это значить, что этотъ процессъ непосредственно имѣетъ дѣло съ предметами, которые имѣютъ тѣ самыя черты, о которыхъ говорятъ дефиниціи. Никакое разрѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ-ли такіе предметы или не существуютъ, не можетъ поколебать этого факта; оно можетъ разъяснить только, имѣетъ-ли геометрія дѣло съ дѣйствительными или фиктивными предметами; но разсужденія о предметахъ, точно соотвѣтствующихъ дефиниціямъ, превратить въ разсужденія о предметахъ, не точно имъ соотвѣтствующихъ, оно, конечно, не можетъ, не передѣлавъ предварительно самыхъ этихъ разсужденій. Мысль смотреть, очевидно, на это дѣло иначе. Какъ скоро онъ пришелъ къ мысли о невозможности предметовъ, точно соотвѣтствующихъ дефиниціямъ, ему кажется не труднымъ установить мысль, что геометрическія теоремы непосредственно имѣютъ дѣло не съ этими фиктивными предметами. Для этого, по его мнѣнію, нужно только признать дефиниціи гипотезами, которыя относятся къ дѣйствительнымъ предметамъ, хотя и нѣсколько измѣняютъ эти дѣйствительные предметы въ интересахъ удобства ихъ исслѣдованія, представляя ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они фактически существовать не могутъ. Но гипотеза, которая измѣняетъ предметъ, представляя его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ не существуетъ и существовать не можетъ, создаетъ фикцію. Въ дефиниціяхъ, когда ими характеризуются субъекты теоремъ, мы имѣемъ даже не свойства, которыя приписывались бы въ сужденіи въ качествѣ предиката субъекту, уже характеризованному нами опредѣленнымъ образомъ; они составляютъ характеристику самаго субъекта, то-есть дѣлаются той мѣткой, которой долженъ этотъ субъектъ въ нашей мысли выдѣляться изъ всѣхъ другихъ предметовъ, или по которой мы должны узнавать, о комъ именно говорить сужденіе. И если предметъ въ этой характеристикѣ является съ такими чертами, съ которыми онъ не существуетъ и существовать не можетъ, то несомнѣнно сужденіе прилагаетъ предикатъ не существующему, фиктивному предмету. Пусть дефиниція образовалась чрезъ измѣненіе представленія о существующемъ предметѣ; пусть даже, дѣлая эту дефиницію характеристической чертой субъекта сужденія, я не думаю, что этотъ субъектъ существовалъ бы особо отъ тѣхъ предметовъ, представленіе о которыхъ преобразовано въ эту дефиницію; пусть я думаю, что эти

самые предметы, подъ тѣмъ условіемъ, конечно, что они соответственнымъ образомъ были бы измѣнены, сдѣланы бы предметомъ этой дефиниціи. Но какъ скоро это измѣненіе предмета признается несуществующимъ и невозможнымъ, то и предметъ, насколько онъ берется въ этомъ невозможномъ для существованія видѣ, есть, очевидно, фиктивный предметъ. Съ другой стороны, насколько гипотетически измѣненный предметъ рассматривается подъ условіемъ существованія въ немъ чертъ, соответствующихъ дефиниціи, настолько и выводъ, сдѣланный о немъ на основаніи его дефиниціи, окажется необходимымъ выводомъ и теорема сохранить ту точность, которая обыкновенно за нею признается. Превращеніе субъектовъ теоремъ въ гипотезы, очевидно, не даетъ. Миллю того, чего ему нужно. Превратившись въ фикціи вслѣдствіе отрицанія существованія предметовъ точно соответствующихъ дефиниціямъ, субъекты теоремъ не сдѣлаются реальными, не точно соответствующими дефиниціямъ предметами, если даже будутъ рассматриваться какъ чисто гипотетическое преобразование этихъ реальныхъ предметовъ, и выводы о нихъ не перестанутъ быть точными выводами. Миллю нужно не то. Ему нужно, чтобы въ геометрическомъ выводѣ субъекты теоремъ рассматривались какъ такіе, которые точно подходятъ подъ дефиниціи, и въ то же время принимались мыслию за тѣ самые дѣйствительные предметы, которые, по его взгляду, не могутъ соответствовать точно дефиниціямъ. Признавъ, что при геометрическомъ изслѣдованіи мы послѣдовательно руководимся геометрическими дефиниціями, онъ прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе во всемъ процессѣ вывода „мы думаемъ о предметахъ точно такихъ, какъ мы видѣли и осязали и со всѣми особенностями, какія по природѣ принадлежатъ имъ“. Но это совершенно невозможно. Руководиться дефиниціями при выводѣ, это именно и значить смотрѣть во время процесса вывода на предметы, съ которыми выводъ имѣетъ дѣло, какъ на предметы, вполне подходящіе подъ дефиниціи. А поэтому отождествлять эти предметы въ то же время съ предметами непосредственно данными возможно только для того, кто или совсѣмъ не подозреваетъ несоответствія фигуры, непосредственно предстоящей его сознанію, съ геометрической дефиниціей той же фигуры, или по крайней мѣрѣ во время вывода забываетъ объ этомъ несоответствіи. Но въ такомъ случаѣ и выводъ, сдѣланный непосредственно къ этому фактически данному предмету, долженъ получить въ глазахъ этого лица полное право на ту необходимость, какую онъ долженъ имѣть въ отношеніи къ предметамъ,

точно соответствующимъ дефиниціи. Но если дѣло идетъ о такомъ лицѣ, которое, подобно Миллю, было бы убѣждено въ невозможности точнаго соответствія дѣйствительныхъ предметовъ геометрическимъ дефиниціямъ, то такое лицо могло бы отнести выводъ къ тѣмъ самымъ предметамъ, на которыхъ оно его иллюстрируетъ, только подъ условіемъ отсутствія у этихъ предметовъ уклоновъ отъ дефиниціи, то-есть подъ такимъ условіемъ, котораго существованіе или даже самую возможность существованія оно рѣшительно отрицаетъ; слѣдовательно оно относило бы его къ нимъ, превращая ихъ въ фикціи; но въ такомъ случаѣ оно не имѣетъ также и повода смотрѣть на выводъ какъ на выводъ неточный.

Такимъ образомъ, если бы и въ самомъ дѣлѣ предметовъ точно соответствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ не существовало, то отсюда слѣдовало бы никакъ не то, что непосредствующими субъектами теоремъ служатъ предметы, не точно соответствующіе имъ; отсюда слѣдовало бы только, что Милль, отождествивъ идею бытія, подразумевающуюся при субъектахъ геометрическихъ теоремъ, съ утвержденіемъ бытія и посылкою выводовъ, самъ оказалъ очень плохую услугу этому взгляду, связавъ его съ совершенно несостоятельною мыслию о томъ, будто бы непосредственными субъектами теоремъ служатъ предметы, не точно соответствующіе геометрическимъ дефиниціямъ.

Если Милль незамѣтилъ явной несостоятельности этой послѣдней мысли, то-есть, если онъ считалъ возможнымъ предметы, не точно соответствующіе геометрическимъ дефиниціямъ, признать за непосредственные субъекты геометрическихъ теоремъ, то, мнѣ кажется, его ввелъ въ заблужденіе нѣкоторый совершенно безспорный фактъ. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что мы считаемъ себя въ правѣ примѣнять теоремы къ такимъ именно не совсѣмъ подходящимъ подъ дефиниціи предметамъ, какъ скоро находимъ, что на эти предметы мы можемъ безъ ущерба для нашихъ практическихъ цѣлей смотрѣть такъ, какъ будто бы они вполне подходили подъ дефиниціи. Если подобное примѣненіе теоремъ признается совершенно законнымъ, то отсюда, конечно, должно слѣдовать, что доказательство какой угодно теоремы не только доказываетъ ту мысль, что предикатъ теоремы несомнѣнно принадлежитъ предметамъ, совершенно соответствующимъ извѣстной дефиниціи, но можетъ оправдывать и ту мысль, что онъ, если не требуется особой чрезвычайной точности, приложимъ и къ предметамъ, не совсѣмъ точно ей соответствующимъ? А въ такомъ случаѣ

какое же, повидимому, могло бы быть препятствіе растолковать геометрическія доказательства теоремъ въ такомъ смыслѣ, чтобы они вовсе не имѣли никакого дѣла съ предметами, точно соответствующими дефиниціямъ, а говорили бы прямо и исключительно о предметахъ, не точно имъ соответствующихъ. Для этого, казалось бы, стоило только при самой аргументаціи теоремъ имѣть исключительно въ виду послѣдніе предметы и дѣлать при упоминаніи о нихъ соответствующую оговорку, что мы находимъ возможнымъ пренебречь нѣкоторымъ несоответствіемъ ихъ дефиниціи, то-есть, допустить нѣкоторыя неточности. Такъ открывається, по видимому, возможность совсѣмъ отрицать логическую состоятельность выводовъ къ построеніямъ совершенно точнымъ, которыя признаны невозможными, и поставить на ихъ мѣсто выводы не совсѣмъ точные, которые прямо и непосредственно будутъ обезпечивать примѣненіе геометрическихъ теоремъ къ безчисленнымъ предметамъ фактической дѣйствительности. Однако на самомъ дѣлѣ этого сдѣлать нельзя.

Когда мы, слѣдуя общепринятому взгляду, примѣняемъ доказанную уже теорему къ предмету, не точно соответствующему ея субъекту, то мы при этомъ примѣненіи принимаемъ теорему за безспорную истину, безъ которой не могло бы состояться наше новое сужденіе о предметѣ, не совсѣмъ точно соответствующемъ дефиниціи. Ссылаясь на особую мысль, на практическую возможность для насъ смотрѣть на этотъ предметъ такъ, какъ будто бы онъ точно соответствовалъ дефиниціи, мы представляемъ не особое независимое отъ теоремы доказательство истинности нашего новаго сужденія, а разъясняемъ только наше право ссылаться въ доказательство его на доказанную уже теорему. Тоже самое произойдетъ и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ въ самую нашу аргументацію теоремы ввести общее понятіе о предметѣ, не совсѣмъ точно подходящемъ подъ соответствующую дефиницію. Нѣтъ никакого труда, конечно, въ каждой послылкѣ, въ которой идетъ рѣчь о субъектѣ теоремы или о частяхъ его, подставить понятіе о предметахъ, которые не совсѣмъ точно подходили бы подъ характеристику этого субъекта. Но основаніе приписать этому предмету то свойство или отношеніе, которое должно быть приписано ему въ этой послылкѣ, будетъ состоять не въ томъ, что онъ есть предметъ, не совсѣмъ точно соответствующій извѣстной дефиниціи, а въ томъ, что мы безъ ущерба для нашихъ практическихъ цѣлей можемъ смотрѣть на него такъ, какъ будто бы онъ точно подходилъ подъ дефиницію; слѣдовательно оно будетъ предполагать

наше право приписать это свойство или отношеніе предмету, который точно соотвѣтствовалъ бы дефиниціи, будетъ опираться на этомъ правѣ; а самое наше сужденіе будетъ имѣть смыслъ лишь практически допускаемой нами возможности перенести на предметъ, не точно соотвѣтствующій дефиниціи, то свойство или отношеніе, которое, по нашему убѣжденію, должно принадлежать именно предмету, точно подходящему подъ дефиницію. Такимъ образомъ, приписывая это свойство или отношеніе предмету неадекватному, мы будемъ неизбежно подразумѣвать мысль о необходимой принадлежности этого свойства или отношенія предмету, точно отвѣчающему дефиниціи; эта мысль будетъ основаніемъ, безъ котораго не могла бы появиться внесенная въ посылку новая мысль. Такъ чрезъ всю нашу аргументацію, имѣющую дѣло съ предметомъ, не совсѣмъ точно соотвѣствующимъ извѣстной геометрической дефиниціи, съ роковою необходимостью пройдетъ другая, болѣе основная аргументація, которая имѣетъ дѣло съ предметомъ, точно ей соотвѣтствующемъ, и пройдетъ въ качествѣ такого ряда мыслей, отъ состоятельности котораго будетъ зависѣть и состоятельность нашей аргументаціи. Поэтому подставить послѣднюю аргументацію на мѣсто основной и признать въ то же время логическую несостоятельность основной,—это значило бы признать законнымъ выводъ изъ посылокъ, которыя признаются совершенно не законными. Это противорѣчіе у Милля и выступаетъ наружу, когда онъ, считая непосредственными субъектами геометрическихъ сужденій исключительно предметы, не точно соотвѣтствующіе геометрическимъ дефиниціямъ, не можетъ въ то же время не признать, что рассужденія геометрическія совершенно послѣдовательно опредѣляются геометрическими дефиниціями.

Итакъ, не только совершенно ошибочно растолковано Миллемъ въ смыслѣ посылки идея бытія, неизбежно соединяющаяся съ субъектами геометрическихъ теоремъ, но и совершенно напрасно привлечена она къ разрѣшенію вопроса о дѣйствительныхъ предметахъ этихъ теоремъ, такъ какъ самое Миллево разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса должно быть признано во всякомъ случаѣ не состоятельнымъ.

2.

§ 7. Центральный пунктъ во взглядѣ Милля на сужденія о бытіи предметовъ, точно соотвѣтствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, состоитъ въ рѣшительномъ отрицаніи истинности этихъ сужденій. „Нѣтъ, говорятъ Милль, ни точекъ безъ величинъ, ни линій

безъ ширины, ни линій совершенно прямыхъ, ни круговъ съ совершенно равными радіусами, ни квадратовъ съ совершенно правильными углами“.

Въ совершенной точности фактически начертаннаго даже вспомогательнаго построения геометрія въ собственномъ смыслѣ не нуждается. Я полагаю, не найдется ни одного геометра, который сталъ бы утверждать, что для точности геометрическаго доказательства той или другой теоремы необходимо, чтобы начертанныя имъ построения совершенно точно отвѣчали соответствующимъ геометрическимъ дефиниціямъ. Каждый хорошо понимаетъ, что для чертежа достаточно служить только нагляднымъ приблизительно точнымъ представителемъ тѣхъ построений, которыя въ постулятахъ (и въ разрѣшенныхъ съ помощію ихъ проблемахъ) признаны возможными и на которыхъ должна сосредоточить свое вниманіе мысль, дѣлая соответствующія отвлеченія отъ неисправностей даннаго чертежа и соответствующія поправки въ немъ. Фактически начертываемыя построения берутся при доказательствѣ теоремы никакъ не съ тѣми чертами, которыя при точномъ разсмотрѣніи ихъ, на примѣръ, при точномъ измѣреніи всѣхъ малѣйшихъ частей, могли бы оказаться не совсѣмъ соответствующими ихъ геометрическимъ дефиниціямъ, а съ тѣми чертами, которыя должны бы были принадлежать имъ, если бы они совершенно точно отвѣчали принятымъ предположеніямъ. А поэтому для самаго строгаго вывода оказывается необходимой не фактическая данность точнаго построения, а предполагаемая доказательствомъ его возможность. Милль не отрицаетъ этого. Даже когда онъ самъ формулируетъ то сужденіе о фактѣ, которое, по его мнѣнію, скрытно подразумевается подъ дефиниціями, а также когда ссылается на требованіе Эвклида для доказательства известной теоремы начертать кругъ, онъ формулируетъ постулатъ такъ: известная фигура *можетъ* быть начертана. Но и эту возможность построений, точно соответствующихъ дефиниціямъ, онъ отрицаетъ такъ же рѣшительно какъ и фактическую ихъ данность. „На сколько мы можемъ производить опыты, говоритъ онъ, они даже невозможны. Ихъ существованіе, на сколько мы можемъ составить объ этомъ какое нибудь сужденіе, казалось бы не согласимымъ съ физической конституціей нашей планеты по крайней мѣрѣ, если не вселенной“.

Когда Милль отрицаетъ существованіе и самую возможность существованія предметовъ, точно подходящихъ подъ геометрическія дефиниціи, онъ въ одной и той же фразѣ говоритъ, по моему мнѣ-

нію, о двухъ вещахъ довольно отличныхъ другъ отъ друга, съ одной стороны о точкахъ не протяженныхъ, о линіяхъ безъ ширины, съ другой о линіяхъ совершенно прямыхъ, о кругахъ съ совершенно равными радіусами, о квадратахъ съ совершенно правильными углами. Въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь вообще о существованіи точекъ и линій, съ другой о существованіи линій опредѣленнаго вида, такъ называемыхъ правильныхъ, съ которыми исключительно имѣетъ дѣло геометрія, а также и угловъ опредѣленнаго вида, прямыхъ. Прежде чѣмъ указать на ошибку Милля, которая одинаково относится ко взгляду его, взятому въ цѣломъ, я хочу сдѣлать отдѣльными замѣчанія, которыя касаются обоихъ указанныхъ предметовъ порознь.

§ 8. Милль учитъ, что непротяженныхъ точекъ и линій безъ ширины, не можетъ быть ни въ воспріятіи, ни въ представленіи. Въ основаніи этого взгляда лежитъ фактъ, что тѣ изображенія, какими мы пользуемся обыкновенно какъ изображеніями линій, всегда имѣютъ ширину, а тѣ изображенія, какими мы пользуемся какъ изображеніями точекъ, всегда имѣютъ протяженіе. Но Милль оставилъ совсѣмъ безъ изслѣдованія вопросъ, не существуетъ ли въ нашемъ воспріятіи иныхъ изображеній линій и точки сверхъ тѣхъ, какія мы употребляемъ въ интересахъ практическаго удобства. Онъ молчаливо предполагаетъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. И въ этомъ, по моему мнѣнію, состоитъ ошибка его взгляда. Эту мысль я объясню на нашемъ представленіи о линіи.

Для геометра линія есть то, что имѣетъ длину, но совсѣмъ не имѣетъ ширины. Всякое изображеніе линіи на поверхности необходимо представляетъ собою границу между частями этой поверхности, лежащими по ту и другую сторону этого изображенія. Такая граница, чтобы быть геометрической линіей, совсѣмъ немѣющей ширины, должна представлять собою непосредственное соприкосновеніе этихъ двухъ частей поверхности, слѣдовательно должна допускать, чтобы они безъ перерыва слѣдовали одна за другой. То изображеніе, какими мы обыкновенно пользуемся какъ изображеніемъ границы между двумя частями поверхности, состоитъ изъ непрерывнаго ряда внѣшнихъ качественныхъ ощущеній, напримѣръ, цвѣтовыхъ. Это изображеніе обыкновенно представляетъ полосу опредѣленнаго цвѣта, различнаго отъ цвѣта частей поверхности, лежащихъ по обѣ ея стороны, и этимъ особымъ ощущеніемъ цвѣта оно выдѣляется въ нашемъ сознаніи въ качествѣ особаго представленія отъ обнимающей его со всѣхъ сторонъ поверхности. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ,

что мы не можем имѣть такого ряда качественныхъ внѣшнихъ ощущеній, который имѣлъ бы точную пространственную опредѣленность и въ тоже время не представлялъ бы собою никакой ширины, а слѣдовательно могъ бы послужить пригоднымъ средствомъ для реализаціи чистой геометрической линіи. Однако фактически въ нашемъ внѣшнемъ воспріятіи мы имѣемъ дѣло не съ одними только качественными внѣшними ощущеніями и протяженностію ихъ самихъ, но и съ пространственнымъ ихъ порядкомъ, съ пространственными отношеніями ихъ другъ къ другу. И сознаніе этого порядка и этихъ отношеній, хотя неизбѣжно требуетъ сознанія ощущеній, которымъ они принадлежатъ, однако нисколько не требуетъ, чтобы самый этотъ порядокъ и самыя эти отношенія обозначались непременно особыми подобными же качественными ощущеніями, въ нихъ особо реализировались. А поэтому во внѣшнемъ воспріятіи намъ можетъ быть дано много такого, что само непосредственно не реализуется внѣшними качественными ощущеніями, а представляется самими ихъ отношеніями, самымъ ихъ порядкомъ.

Пусть одна часть поверхности будетъ окрашена цвѣтомъ, рѣзко отличающимся отъ цвѣта остальной ея части. Когда мы послѣдовательно пробѣгаемъ своимъ взглядомъ эту поверхность, въ нашемъ воспріятіи несомнѣнно даны не только различно окрашенные части поверхности въ качествѣ особыхъ частей, изъ которыхъ состоитъ она, но и граница между ними, хотя сама эта граница и не представлена здѣсь никакимъ особымъ рядомъ качественныхъ ощущеній. Не представляя сама ряда особыхъ качественныхъ ощущеній, она не нуждается ни въ какомъ промежуткѣ, который раздѣлялъ бы лежація по обѣ ея стороны части поверхности, и наполнялся бы этимъ рядомъ особыхъ ощущеній. Она находитъ для себя выраженіе просто въ томъ фактѣ, что за окончаніемъ поверхности одного цвѣта тотчасъ безъ всякаго перерыва слѣдуетъ начало другой. Здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи даже о раздѣленіи двухъ поверхностей, чѣмъ либо, что могло бы имѣть притязаніе на ширину; здѣсь дано непосредственное соприкосновеніе ихъ, и граница представляетъ, именно линію непосредственнаго соприкосновенія ихъ одной съ другой, непрерывнаго, безпромежуточнаго слѣдованія ихъ другъ за другомъ. Само собою понятно, что такая линія непосредственнаго соприкосновенія поверхностей ни на одно мгновеніе не можетъ существовать въ нашемъ воспріятіи безъ одновременнаго существованія въ немъ хотя бы самыхъ узкихъ прилегающихъ къ ней краевъ са-

михъ поверхностей; безъ нихъ она не воспринималась бы въ качествѣ границы или въ качествѣ линіи соприкосновенія поверхностей, а слѣдовательно не воспринималась бы и вовсе. Слѣдовательно данное въ воспріятіи изображеніе, если взять его въ его цѣломъ видѣ, несомнѣнно въ каждое мгновеніе должно будетъ имѣть ширину. Но это нисколько не препятствуетъ нашему сознанію различать въ этомъ цѣльномъ изображеніи самыя соприкасающіяся другъ съ другомъ поверхности, имѣющія каждая свой особый цвѣтъ, отъ самаго положенія ихъ другъ за другомъ, которое не представлено никакимъ качественнымъ ощущеніемъ и тѣмъ не менѣе дано. Точно также со всею отчетливостію мы можемъ замѣчать, что это положеніе ихъ другъ подлѣ друга есть непосредственное слѣдованіе ихъ другъ за другомъ безъ всякаго перерыва, безъ малѣйшаго посредствующаго промежутка, то-есть, что оно есть непосредственное соприкосновеніе поверхностей по крайней мѣрѣ для нашего воспріятія ¹⁾). Эта линія непосредственнаго соприкосновенія поверхностей, не представляемая никакимъ особымъ рядомъ ощущеній, а исключительно порядкомъ слѣдованія ихъ, этотъ предѣлъ между ощущаемыми поверхностями, который нашимъ сознаніемъ отличается отъ самыхъ поверхностей со всеми малѣйшими частями ихъ, хотя можетъ быть данъ лишь при воспріятіи ихъ, очевидно, можетъ быть только чисто геометрической линіей безъ ширины.

То изображеніе, которымъ мы обыкновенно пользуемся какъ изображеніемъ линіи, всегда имѣетъ, какъ сказано, ширину, слѣдовательно всегда есть въ собственномъ смыслѣ изображеніе не линіи, а очень узкой поверхности. Но данность геометрической линіи и при воспріятіи этого изображенія не только не исключается, но скорѣе прямо предполагается. Признавая въ начертанной линіи узкую поверхность, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ только то, что тѣ части поверхности, которыя она раздѣляетъ, непосредственно не соприкасаются одна съ другою. Но если мы цѣлую поверхность, на которой дѣлается это начертаніе, принимаемъ за непрерывную поверхность, то должны признать, что какъ тѣ части ея, которыя лежатъ по ту и другую сторону сдѣланнаго начертанія, такъ и само начертанное изображеніе суть только непрерывно слѣдующія другъ за другомъ части единой поверхности. А если это такъ, то въ начертаніи, которое признано

¹⁾ Но болѣе ничего и не нужно, если вопросъ идетъ о возможности известнаго факта въ нашемъ воспріятіи или даже вообще въ нашемъ представленіи.

за узкую поверхность, мы должны признать данными для воспріятія двѣ геометрическія линіи, которыя идутъ по краямъ ея на всемъ ея протяженіи и которыми непосредственно соприкасается она съ двумя поверхностями, лежащими по ту и другую ея сторону. А поэтому на самое это начертаніе мы имѣемъ всякое право смотрѣть какъ на неточное, но очень удобное для насъ изображеніе одной изъ этихъ фактически данныхъ линій, составленное изъ элементовъ качественного ощущенія.

Милль самъ въ противорѣчіе своему взгляду о несуществованіи точекъ и линій ни въ воспріятіи, ни въ представленіи приходитъ на дѣлѣ къ такимъ выводамъ, которые предполагаютъ это существованіе; только не попадая на правильное объясненіе дѣла, онъ высказывается сбивчиво и запутанно. Онъ хочетъ разъяснить, какимъ образомъ не смотря на несуществованіе линій ни въ воспріятіи, ни въ представленіи мы можемъ разсуждать о нихъ въ процессѣ геометрическихъ доказательствъ, при которыхъ мы руководимся, по его взгляду, геометрическими дефиниціями. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ говоритъ: „мы можемъ разсуждать о линіи, какъ будто бы она не имѣла ширины, въ силу того, что мы имѣемъ способность..... при наличномъ существованіи воспріятій въ нашихъ чувствахъ или идей въ нашемъ умѣ обращать вниманіе на часть только этого воспріятія или этой идеи вмѣсто цѣлаго“. Но если въ самомъ дѣлѣ мы можемъ въ геометрическихъ разсужденіяхъ имѣть дѣло съ линіей въ геометрическомъ смыслѣ, обращая вниманіе на часть воспріятія или идеи, то отсюда должно слѣдовать, что линія въ геометрическомъ смыслѣ несомнѣнно дана въ этомъ воспріятіи или въ этой идеи, но только дана въ качествѣ части ихъ, а не въ качествѣ цѣлаго воспріятія или идеи. А если это такъ, то какой же смыслъ остается за утвержденіемъ, что линій, которыя точно соответствовали бы геометрической дефиниціи, нѣтъ и быть не можетъ? Какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, Милль тотчасъ за выписанными словами продолжаетъ: „но мы не можемъ вообразить себѣ линіи безъ ширины, не можемъ образовать умственного изображенія такой линіи: всѣ линіи, какія мы имѣемъ въ своемъ умѣ, суть линіи, имѣющія ширину“. Однако такое разъясненіе ничего въ дѣйствительности не разъясняетъ. Оно возбуждаетъ только новый вопросъ: почему же за изображеніе геометрической линіи въ нашемъ умѣ мы не должны считать ту часть воспріятія или представленія, которая должна объяснять возможность нашихъ геометрическихъ разсужденій о линіи безъ ширины? Въ другомъ мѣстѣ

своей логики Милль, повидному, даетъ такую формулу своего взгляда, которая въ состояніи предупредить всякія недоумѣнія. Утверждая и здѣсь, что мы не можемъ образовать понятіе длины безъ ширины или понять длину безъ ширяны, Милль прибавляетъ: „можно только созерцая объекты обращать вниманіе на ихъ длину съ исключеніемъ другихъ ощутимыхъ свойствъ ихъ“, и отсюда выводитъ, что утверждаемое при дефиниціи линіи существованіе линіи „есть существованіе не длины безъ ширины, а просто длины, то-есть, имѣющихъ длину предметовъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ, повидному, не только точно опредѣляется тотъ элементъ въ воспріятіи или представленіи, который, по взгляду Милля, долженъ оправдывать наши разсужденія о линіи въ геометрическихъ демонстраціяхъ, но устанавливается ясно и отличіе его отъ геометрической дефиниціи линіи: вмѣсто длины безъ ширины, о которой говоритъ геометрическая дефиниція линіи, мы чрезъ концентрацію вниманія на одну часть даннаго представленія получаемъ просто длину. Однако этимъ разъясненіемъ недоумѣнія никакъ не устраняются. Что такое эта „длина просто“ въ отличіе отъ длины безъ ширины? Единственное точное представленіе о длинѣ предмета, имѣющаго ширину, есть представленіе геометрической линіи опредѣленной длины. Но въ это представленіе уже входитъ представленіе геометрической линіи, котораго Милль, очевидно, желаетъ избѣгнуть. Что же это за „длина просто“? Неопредѣленное представленіе о нѣкоторой измѣряемой величинѣ, которая можетъ быть одинокова у квадрата, треугольника, круга? Но если не представлять эту величину какъ линію, то къ чему она будетъ пригодна для геометріи, которая должна налагать линіи одна на другую, слѣдить на ихъ пересѣченіяхъ въ углахъ и пр.? Миллева „просто длина“ предмета для того, чтобы оказаться пригодной для геометрическихъ операцій, на примѣръ, наложенія линій одна на другую, должна быть представлена или тѣмъ изображеніемъ, которымъ мы обыкновенно пользуемся для изображенія линіи, или такой линіей, которая была бы линіей непосредственнаго соприкосновенія поверхностей. Въ первомъ случаѣ Миллева ссылка на нашу способность обращать вниманіе на часть представленія, очевидно, оказалась бы совершенно напрасной, во второмъ геометрическая линія оказалась бы данной въ воспріятіи. Съ другой стороны остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можно отождествлять линію съ длиной предмета, о которомъ предполагается,

¹⁾ Сп. VI'I, 6, p. 166.

что онъ имѣеть ширину. Хотя то, что мы называемъ длиною такого предмета, всегда съ геометрической точки зрѣнія есть линія, но никакъ не каждая линія, необходимая для построения такого предмета, можетъ быть признана длиною его. Въ поверхностяхъ, которыя не имѣють формы правильныхъ четырехугольниковъ, то, что можетъ быть названо ихъ длиною, даже по своей величинѣ можетъ не совпадать ни съ одной изъ линій, составляющихъ ихъ границы; а если эти границы суть линіи искривленныя, то длина поверхности можетъ не совпадать съ ними и по своей формѣ. Когда Милль геометрическую линію приравниваетъ къ длинѣ предмета, который, какъ предполагается, долженъ имѣть и ширину, онъ, нужно думать, исключительно имѣеть въ виду то начертаніе, которымъ мы пользуемся для изображенія линіи. Длина этого начертанія, если предположить ширину его одинаковой на всёмъ протяженіи, будетъ дѣйствительно равна по своей величинѣ и сходна по своему очертанію съ чистой геометрической линіей, которую оно изображаетъ, такъ что за такую линію мы можемъ принять одинаково и какую угодно изъ двухъ длинныхъ границъ ея и каждую линію, предположенную между этими границами въ качествѣ линіи имѣ параллельной. Но уже самый тотъ фактъ, что за длину можетъ быть разсматриваема какая угодно изъ этихъ линій, никакъ несовпадающихъ одна съ другою по своему пространственному положенію, показываетъ, что было бы прямой ошибкой отождествить линію, представляемую этою узкою поверхностію, съ ея длиною. Положеніе геометрическихъ линій должно быть строго опредѣленнымъ по своимъ пространственнымъ отношеніямъ къ другимъ линіямъ той же фигуры; а если принять за линію длину начертанной линіи, то это положеніе окажется совершенно неопредѣленнымъ, такъ какъ въ качествѣ длины можетъ быть взята какая угодно изъ линій, никакъ не совпадающихъ по своему положенію. Слѣдовательно „длина просто“ ни въ какомъ случаѣ не разъяснить для насъ геометрическихъ разсужденій о линіи, неимѣющей ширины, если мы подъ этой „длинною просто“ не будемъ разумѣть такую линію длины, которая бы совершенно точно была опредѣлена и по своему пространственному положенію, напримѣръ, какъ границу начертанной линіи. Но въ такомъ случаѣ она окажется данною въ воспріятіи этого начертанія. У Эвклида въ опредѣленіи линіи, правда, также входитъ понятіе длины: у него линія опредѣляется какъ длина безъ ширины. Но Эвклидъ подъ этой длиною разумѣеть вовсе не то, что называется длиною предмета, имѣющаго и ширину и глубину и про-

чее, а то, что само имѣеть длину, не имѣя въ то же время ширины. Правда, въ нашемъ представленіи нѣтъ такого образа, который точно соответствовалъ бы этой дефиниціи и въ тоже время былъ бы образомъ совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ представленія поверхностей и тѣлъ; въ нашемъ представленіи длина безъ ширины можетъ быть дана только какъ граница поверхностей. Но, если геометрія подъ линіей разумѣеть то, что само имѣеть длину и совсѣмъ не имѣеть ширины, то это никакъ не значить, что подъ ея опредѣленіе не подойдетъ ничего, что не имѣло бы самостоятельнаго существованія, независимаго отъ существованія предмета, имѣющаго ширину, или что не могло бы быть представлено совсѣмъ изолированно отъ представленія подобнаго предмета. Геометрія нигдѣ не учитъ, чтобы линіи не были или не могли быть границами поверхностей, не представимыми безъ представленія самыхъ этихъ поверхностей. Для нея нужно только, чтобы онѣ сами были длинами безъ ширины; и все, что говоритъ она, приложимо къ этимъ длинамъ безъ ширины, все равно какъ бы онѣ ни встрѣчались, въ нашемъ опытѣ, хотя бы только какъ границы поверхностей и тѣлъ.

§ 9. Тѣхъ запутанностей, которыя указаны во взглядѣ Милля на невозможность линій безъ ширины, уже нѣтъ въ другой сторонѣ его ученія, въ признаніи невозможности правильныхъ построеній, которыми собственно занимается геометрія, то-есть, линій прямыхъ, правильныхъ окружностей круга, квадратовъ съ правильными углами и пр. под. Когда онъ разъясняетъ возможность для геометріи разсуждать о построеніяхъ, признанныхъ имъ не существующими ни въ воспріятіи, ни въ представленіи, онъ не иллюстрируетъ своей мысли на примѣрахъ правильныхъ линій и фигуръ. И едва ли то разъясненіе, которое сдѣлано имъ на примѣрѣ линіи вообще, то-есть, линіи безъ ширины, было бы приложимо къ правильности построеній. Едва ли можно смотрѣть, на примѣръ, на признаку, какъ на элементъ, входящій въ представленіе линіи искривленной, развѣ подъ неправильными линіями будемъ разумѣть линіи ломаныя, то-есть, составленныя изъ прямыхъ; но въ такомъ случаѣ отъ ученія о совершенной невозможности прямыхъ линій мы, очевидно, должны будемъ совершенно отказаться. Однако и съ Миллевымъ отрицаніемъ возможности правильныхъ геометрическихъ построеній согласиться нельзя.

Ученіе о совершенной невозможности правильныхъ линій даже въ нашемъ представленіи, по моему мнѣнію, рѣшительно противорѣчитъ фактамъ. Я бралъ книгу хорошей печати и внимательно разсматри-

валъ простыми не вооруженными глазами границы очертаній буквъ и въ очень многихъ изъ нихъ при всемъ вниманіи не могъ замѣтить никакихъ изгибовъ, никакихъ уклоненій отъ правильности. У меня зрѣніе плохое, но я убѣдился, что результатъ моего опыта не зависить отъ какихъ либо исключительныхъ особенностей моего зрѣнія. Я предлагалъ дѣлать совершенно тотъ же опытъ людямъ, которые отличаются острымъ зрѣніемъ; но и они точно также хотя и не въ столь же многихъ буквѣхъ, однако очень нерѣдко, встрѣчали пограничныя линіи. въ которыхъ простыми глазами не могли замѣтить ни малѣйшихъ уклоненій отъ правильности. Я, конечно, не сомнѣваюсь, что въ хорошее увеличительное стекло они замѣтили бы очень много неправильностей въ тѣхъ линіяхъ, которыя не вооруженному глазу казались совершенно правильными. Еще менѣе сомнѣваюсь я въ томъ, что при наблюденіи тѣхъ же буквъ подъ микроскопомъ мнимая правильность границъ ихъ очертаній совершенно исчезла бы; но я не понимаю, какъ же можно говорить, что невозможно существованіе совершенно прямыхъ линій даже въ представленіи, когда мы въ образахъ даже воспріятія встрѣчаемъ такія очертанія, въ которыхъ не смотря на все вниманіе не можемъ усмотрѣть неправильностей.

Болѣе серьезный характеръ, повидимому, получаетъ это ученіе о невозможности правильныхъ построеній, когда говорятъ о невозможности правильныхъ построеній во внѣшнемъ бытіи, понимая подъ внѣшнимъ бытіемъ, если и не независимые отъ сознанія предметы, существованіе которыхъ отрицаетъ Милль, то тѣ образы, которые должны бы были получиться во внѣшнемъ воспріятіи при чрезвычайныхъ особенно благопріятныхъ условіяхъ воспріятія. Однако и въ этомъ случаѣ говорить не только о трудности констатировать существованіе правильныхъ построеній и не только даже о несуществованіи ихъ, но прямо о невозможности ихъ, по моему мнѣнію, также совершенно не слѣдовало бы. Физически невозможнымъ можно признать только то, что явно противорѣчатъ какому нибудь твердо установленному физическому закону. А поэтому законоу утверждать физическую невозможность правильныхъ линій соприкосновенія поверхностей и правильныхъ угловъ, подъ которыми пересѣкаются эти линіи, можетъ только тотъ, кто указалъ бы на тѣ опредѣленные законы природы, которые касались бы реальныхъ условій построенія линій и угловъ и которые были бы нарушены правильностію этихъ линій и угловъ. Но насколько я знаю, никто никогда не разъяснилъ, какіе именно законы природы воспрепятствовали бы, напримѣръ, тому,

чтобы углы квадрата оказались совершенно правильными, или чтобы хотя малѣйшая часть линіи оказалась совершенно прямою. Превратить же невозможность правильныхъ построеній въ особый самостоятельный физическій законъ, я полагаю, никто не рѣшится. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ же могъ бы состоять этотъ законъ и какимъ образомъ могъ бы онъ производить влияние? Движеніе, создающее физическій распорядокъ предметовъ, а слѣдовательно и ихъ поверхностей на каждомъ своемъ моментѣ зависятъ отъ совпаденія определенныхъ фактическихъ условій, а влияние cadaго изъ этихъ условій подчинено определеннымъ физическимъ законамъ. Невозможность осуществленія правильныхъ линій соприкосновенія поверхностей и правильныхъ угловъ ихъ пересѣченія, поставленная въ качествѣ физическаго закона самостоятельнаго въ отношеніи къ этимъ законамъ, предполагала бы особое подобное же реальное, фактическое условіе, на ряду со всѣми другими опредѣляющее результатъ. И этимъ условіемъ оказалось бы въ такомъ случаѣ простое отвращеніе природы отъ правильныхъ сочетаній, нѣчто подобное той боязни пустоты, которую предполагали древніе. Само собою понятно, что такого рода предположеніе совсѣмъ не подходило бы къ міровоззрѣнію Милля.

На какомъ же однако основаніи Милль принимаетъ не только несуществованіе, но и невозможность правильныхъ построеній? На сколько мы можемъ дѣлать опыты относительно возможности такихъ построеній, говорятъ Милль, они невозможны. Въ другомъ мѣстѣ онъ просто утверждаетъ, что совершенная точность построеній не встрѣчается въ природѣ и тѣмъ менѣе можетъ быть достигнута искусствомъ. Эта ссылка на опытъ и наблюденіе, которые должны говорить не въ пользу допущенія именно правильныхъ построеній, подразумеваетъ противоположеніе между построеніями правильными, которыхъ отыскать польза, и неправильными, существованіе которыхъ констатировать очень легко. На первый взглядъ это противоположеніе представляется самымъ очевиднымъ фактомъ, который подтверждается всѣмъ нашимъ опытомъ. На самомъ дѣлѣ оно содержитъ въ себѣ очень крупную логическую ошибку и эта ошибка лишаетъ всякаго значенія выводъ, который дѣлается подъ ея влияніемъ. Тѣ правильныя линіи, безъ которыхъ геометрія совсѣмъ обойтись не можетъ, прямая, окружность круга, суть такія линіи, направленіе которыхъ на каждой точкѣ ихъ теченія настолько точно предопредѣлено самими ихъ понятіями, что при данномъ направленіи малѣйшей части линіи направленіе теченія какой угодно другой части ея при

какой угодно точкѣ не можетъ быть по произволу варіировано, оно можетъ быть только однимъ и никакимъ инымъ. При данности малѣйшей части такой линіи, линія оказывается строго опредѣленнымъ, единичнымъ типомъ. Не то, конечно, окажется, какъ скоро взяли бы мы линіи неправильныя, только приблизительно подходящія подъ дефиниціи прямой или окружности круга. Если мы предположимъ уклоненіе линіи отъ прямизны только на какой либо одной точкѣ ея теченія, то для того, чтобы составить понятіе о ней, которое бы также точно предопредѣляло теченіе ея на всемъ ея протяженіи, какъ предопредѣляется оно понятіемъ прямой для линій, точно подходящихъ подъ это понятіе, мы должны точно опредѣлить разстояніе точки искривленія отъ исходнаго пункта линіи, степень кривизны и ея направленіе. Только въ этомъ случаѣ понятіе о ней окажется представителемъ строго опредѣленнаго, единичнаго типа, который не допускаетъ никакого произвола въ направленіи движенія въ каждой точкѣ. Такъ при допущеніи уклоненія отъ прямизны только на одной точкѣ линіи оказывается возможнымъ безконечное количество единичныхъ типовъ смотря по различію мѣста точекъ, на которыхъ можетъ совершиться это уклоненіе, и по безконечному числу степеней кривизны, которыя также могутъ разнообразить кривизну на каждой изъ этихъ точекъ. Но уклоненія могутъ быть мыслимы, конечно, и не на одной точкѣ линіи, а на какомъ угодно ихъ количествѣ, и такимъ образомъ мы получаемъ новое безконечное число типовъ, различающихся количествомъ точекъ, въ которыхъ фактически допущено уклоненіе, и каждый этотъ типъ оказывается все же общимъ, неопредѣленнымъ, а никакъ не единичнымъ, такъ какъ при всякомъ числѣ допущенныхъ въ линіи уклоненій окажется возможнымъ безчисленное разнообразіе единичныхъ типовъ смотря по безконечному разнообразію мѣстъ на линіи, на которыхъ можетъ быть взято хотя бы и тоже самое число уклоненій, а потомъ смотря по безконечному разнообразію одинаково возможныхъ уклоненій въ каждой точкѣ въ отдѣльности. Отсюда ясно, что противопоставляя, напримѣръ, правильную прямую линію линіямъ неточно ей соответствующимъ, мы противопоставляемъ строго опредѣленный единичный типъ неисчислимому, безконечному количеству совершенно равноправныхъ съ нимъ единичныхъ типовъ. И если наблюденіе свидѣтельствуетъ намъ, что при огромномъ числѣ встрѣчающихся въ нашемъ опытѣ приблизительно прямыхъ линій мы не попадаемъ на построеніе совершенно правильное, которое оказалось бы такимъ при самыхъ благоприятныхъ

условіяхъ наблюденія, то только вслѣдствіе логической иллюзіи мы можемъ выводить отсюда мысль о какихъ то особыхъ чрезвычайныхъ препятствіяхъ, которыя затрудняютъ существованіе правильныхъ строеній и нисколько не препятствуютъ существованію неправильныхъ. Если бы мы допустили совершенно одинаковую возможность въ природѣ для образованія каждаго изъ единичныхъ типовъ, то мы а priori на основаніи простой теоріи вѣроятности должны бы были ожидать какъ разъ того самаго результата, который мы имѣемъ въ своемъ опытѣ. Мы должны бы были а priori ожидать, что такъ какъ число нашихъ точныхъ наблюденій, какъ бы велико оно ни было, совершенно исчезаетъ передъ неисчислимою безконечностію возможныхъ типовъ линій, равноправныхъ съ такою совершенно прямою линіей, то послѣдній типъ, если онъ съ особою роковою необходимостію не предопредѣленъ какимъ либо родомъ явленій, только развѣ въ качествѣ чрезвычайно счастливой случайности могъ бы являться въ нашемъ опытѣ. И это будетъ относиться ни въ какомъ случаѣ не къ совершенно правильнымъ только построеніямъ, но и къ неправильнымъ, если брать ихъ не по общему понятію приблизительнаго сходства съ извѣстнымъ построеніемъ, а заранѣе опредѣлить единичный типъ ихъ строенія съ тою же точностію, съ какою онъ опредѣленъ напримѣръ въ понятіи линіи прямой или окружности круга. Если мы заранѣе со всею точностію опредѣлимъ, напримѣръ, уклоненія, которыя должна сдѣлать неправильная линія отъ прямизны, то, я полагаю, для насъ такъ же бы было трудно провести точъ въ точъ такую линію собственнымъ искусствомъ или отыскать ее въ природѣ, какъ трудно бы было тоже сдѣлать относительно безусловно прямой. И если бы мы образовали понятіе строго опредѣленнаго типа чрезъ точнѣйшее описаніе случайно данной линіи, то также трудно было бы для насъ подыскать къ ней совершенно точный эквивалентъ, если дѣло идетъ не о линіи, строеніе которой съ необходимостію предопредѣлялось бы опредѣленнымъ родомъ явленій. Наше воображеніе можетъ чертить намъ сложную картину тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя должны столкнуться для того, чтобы или совсѣмъ не встрѣтилось какихъ либо, хотя бы самыхъ незначительныхъ причинъ для уклоненія линіи отъ совершенной прямизны направленія, или вліяніе этихъ причинъ парализовалось бы вліяніемъ причинъ противодействующихъ. Но таже самая по существу картина, лишь съ соотвѣтствующими варіаціями въ подробностяхъ, должна рисоваться намъ, когда мы выберемъ для своихъ исканій въ природѣ или для

осуществленія своими силами точно опредѣленный типъ линіи неправильной: и здѣсь на каждой точкѣ ея теченія мы можемъ представлять сколько угодно возможныхъ случайныхъ причинъ, способныхъ такъ или иначе отклонить ея теченіе отъ того зигзага или уклоненія, которое во всей точности было бы предопредѣлено нашимъ понятіемъ о ней.

Съ наибольшимъ правомъ мы могли бы ожидать правильныхъ формъ у такихъ предметовъ природы, процессы образованія которыхъ совершается по правильному геометрическому типу, каковы напримѣръ процессы кристаллизаціи. Но и здѣсь процессъ опредѣляется не исключительно этимъ типомъ, но и внѣшними условіями. И такъ какъ эти процессы совершаются природою не сознательно, а поэтому не можетъ быть и рѣчи о преднамѣренномъ подготовленіи самою природою внѣшнихъ условій или о преднамѣренномъ устраненіи ею всякихъ препятствій, затрудняющихъ совершенное осуществленіе типа, то и здѣсь образующаяся форма подчинена при своемъ образованіи безчисленнымъ случайностямъ. Однако точное микроскопическое наблюденіе констатируетъ постоянную и совершенную правильность угловъ, подъ которыми должны пересѣкаться ограничивающія поверхности кристалла; не менѣе точно констатируетъ оно, что при процессѣ возрастанія кристалла новыя наслоенія на ограничивающія поверхности образуютъ поверхности совершенно параллельныя послѣднимъ. Величина и форма самыхъ этихъ поверхностей, а слѣдовательно и линій непосредственнаго соприкосновенія ихъ вполне зависить отъ случайныхъ условій, а потому никакой постоянной правильности здѣсь наблюдать нельзя; но изъ свѣдѣній, которыя я имѣлъ отъ людей въ высшей степени компетентныхъ въ изслѣдованіяхъ этого рода, я долженъ былъ заключить, что было бы слишкомъ смѣло отрицать возможность встрѣчать при такого рода микроскопическихъ наблюденіяхъ по крайней мѣрѣ части линій, въ которыхъ нельзя усмотрѣть никакихъ неправильностей. Я совершенно понимаю, что можно говорить и объ относительной неточности свѣдѣній, которыя могутъ получаться даже черезъ наши микроскопы и которыя могутъ исправиться болѣе совершенными инструментами будущихъ поколѣній; но такія сомнѣнія чисто академическаго свойства могутъ ли имѣть что нибудь общее съ голословнымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ самой возможности правильныхъ строеній въ природѣ, особенно если принять въ расчетъ, что только ничтожное количество предметовъ изъ всей массы существующаго можетъ попадать подъ наши микроскопы?

Когда Милль въ своей логикѣ касается математической теоріи вѣроятности, онъ обсуждаетъ между прочимъ вѣроятность правильныхъ сочетаній, наприимѣръ послѣдовательнаго выпаденія, при розыгрышѣ лоттерей, номеровъ въ правильномъ ариметическомъ порядкѣ, или послѣдовательнаго выкидыванія при игрѣ въ кости шести очковъ десять разъ подъ рядъ и пр. ¹⁾. Здѣсь онъ подвергаетъ вполне основательной критикѣ мнѣніе, будто природѣ труднѣе произвести правильныя сочетанія чѣмъ неправильныя, и съ своей стороны рѣшительно утверждаетъ, что правильный рядъ никакъ не съ меньшимъ правдоподобіемъ можетъ быть порожденъ случайемъ чѣмъ неправильный. Изъ его разсужденій по этому поводу совершенно ясно, что онъ понимаетъ, что мнѣніе объ особой невѣроятности совершенно правильныхъ совпаденій поддерживается трудностію констатировать существованіе такихъ совпаденій въ нашемъ опытѣ. Изъ этихъ же разсужденій его не менѣе ясно, что онъ считаетъ такого рода ссылку на опытъ совершенно неосновательной; и самъ онъ объясняетъ эту трудность встрѣтить въ опытѣ подобныя совпаденія совершенно правильно—громадностію числа совпаденій неправильныхъ, имѣющихъ одинаковое право на существованіе съ совпаденіями совершенно правильными. Онъ совершенно ясно понимаетъ, что подобнаго рода правильныя совпаденія на основаніи простыхъ законовъ математической вѣроятности должны или встрѣчаться необычайно рѣдко или даже вовсе не встрѣчаться въ нашемъ ограниченномъ опытѣ. Со всѣми этими разъясненіями Милля, очевидно, стоитъ въ явномъ противорѣчій мнѣніе его о невозможности существованія правильныхъ геометрическихъ построеній. Ясно, что ему не пришло на мысль точнѣе анализировать то понятіе, которое онъ соединяетъ съ терминомъ „предметы, не точно соответствующіе геометрическимъ дефиниціямъ“; а потому онъ и не замѣчаетъ, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло уже не съ многочисленнымъ только, а прямо съ неисчислимымъ, съ безконечнымъ рядомъ случаевъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ совершенно такое же право на существованіе, какъ и соответствующее правильное построеніе. Неудивительно поэтому, что онъ здѣсь для доказательства невозможности правильныхъ построеній ссылается на ту самую трудность констатировать правильныя построенія опытомъ и наблюденіемъ, которой не придавалъ цѣны при вопросѣ о правильныхъ совпаденіяхъ и которая здѣсь еще менѣе пригодна для цѣли чѣмъ тамъ. Правда

¹⁾ В. III. Сб. XXV, 5.

подъ опытами здѣсь разумѣются и намѣренныя попытки человѣка создать правильныя построенія, при которыхъ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи о вліяніи случайныхъ причинъ, которыя были бы одинаково благопріятны какой угодно изъ безконечно многихъ возможностей построеній. Но на сколько для человѣка оказывается возможнымъ сознательно регулировать свою дѣятельность при созданіи правильныхъ геометрическихъ построеній, онъ прекрасно достигаетъ своей цѣли: съ помощью инструментовъ человѣкъ можетъ дѣлать безукоризненно правильныя границы построиваемыхъ фигуръ. Но, конечно, эта правильность настолько и безукоризненна, насколько берется въ тѣхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ доступна она его глазу, и на сколько она можетъ производиться съ помощью тѣхъ его органовъ и приемовъ дѣятельности, которые стоятъ подъ контролемъ его сознанія и доступны воздѣйствію его свободной воли, управляемой сознаніемъ. Но насколько общій результатъ слагается изъ микроскопическихъ результатовъ, которые только съ помощью въ высокой степени искусственныхъ средствъ могутъ сдѣлаться доступными его сознанію, и насколько эти микроскопическіе результаты зависятъ отъ макроскопическихъ актовъ, которые никакъ не стоятъ подъ контролемъ его сознанія и его воли, на столько сдѣланное человѣкомъ построеніе, разсматриваемое въ его микроскопическихъ деталяхъ, должно оказаться результатомъ случайныхъ, независящихъ отъ воли и предвѣднія человѣка условий. Разсматриваемое въ этихъ микроскопическихъ деталяхъ, оно ровно ничѣмъ не отличается отъ дѣйствій, на которыя мы смотримъ какъ на результатъ случайнаго столкновенія причинъ. Вѣроятность произвести правильное построеніе въ этомъ смыслѣ, очевидно, съ такимъ же правомъ требуетъ примѣненія теоріи математической вѣроятности, съ какимъ приложима она ко всякимъ другимъ случаямъ, гдѣ человѣческое предвѣдніе можетъ ограничиваться только исчисленіемъ равноправныхъ возможностей.

Изъ всего сказаннаго, по моему мнѣнію слѣдуетъ, что отрицаніе возможности существованія въ бытіи правильныхъ построеній совсѣмъ не очевидная истина, на которую можно было бы сослаться безъ особыхъ специальныхъ ея доказательствъ, а простой предрасудокъ. И причины этого предрасудка понять не трудно. Онъ представляетъ бессознательный осадокъ того воззрѣнія на правильныя геометрическія формы, по которому онѣ считались за какія то идеальныя и нормативныя формы, къ которымъ формы не совсѣмъ тождественныя съ ними относятся какъ уклоненія отъ идеальной нормы. И такъ какъ мы

привыкли противопоставлять нормативное дѣйствительному въ логикѣ этикѣ, во всемъ, гдѣ понятіе хочеть не характеризовать фактически данное бытіе, а указать требованіе для его совершенства, цѣль его развитія, такъ мы дѣлаемся склонны и правильныя геометрическія формы, какъ скоро разсматриваемъ ихъ какъ нѣчто нормативное, противопоставлять за разъ всѣмъ неправильнымъ, смотрѣть на нихъ какъ на что то, стоящее внѣ дѣйствительнаго порядка, въ противоположность тому, что относится къ этому порядку. И подъ влияніемъ этого противоположенія мы дѣлаемся склонны, отрицая существованіе въ мірѣ правильныхъ построеній, довольствоваться такими основаніями, какія намъ не приходится и на мысль примѣнять къ какимъ угодно другимъ параллельнымъ съ ними, столь же точно опредѣленнымъ, единичнымъ типамъ построенія. Эта ошибочная мысль, которая въ наше время едва ли найдетъ многихъ послѣдователей, которые рѣшились бы высказать ее опредѣленно и провести послѣдовательно. тѣмъ не менѣе глубоко вкоренена въ привычкахъ нашего ума. Она находитъ для себя крѣпкую поддержку въ томъ, что и въ самомъ дѣлѣ правильныя геометрическія формы служатъ нормами, только не для самаго познаваемого нами вѣдѣнаго бытія, а для нашихъ сужденій о немъ. Правильныя построенія изъ всего безконечнаго числа вполне опредѣленныхъ, единичныхъ типовъ построеній суть безъ сомнѣнія простѣйшія, то-есть понятія о нихъ могутъ достигать самой полной опредѣленности при самомъ меньшемъ числѣ признаковъ, допускающихъ при томъ самое точное описаніе. Такъ какъ число единичныхъ типовъ безгранично и необозримо, а интересы практической жизни не требуютъ совершенно точнаго описанія каждаго строенія и допускаютъ возможность пользоваться для характеристики ихъ только приблизительными понятіями, то мы естественно пользуемся всюду этими простѣйшими и совершенно точно опредѣлимыми понятіями какъ нормами для характеристики всякаго бытія, конечно подразумѣвая при частныхъ случаяхъ ихъ примѣненія, а гдѣ оказывается практическая потребность, и прямо отмѣчая неточность характеристики. Наука имѣеть особую нужду ограничиваться ими единственно. Она хочеть дать намъ возможность по однимъ частямъ строенія судить о другихъ его частяхъ и о цѣломъ строеніи. А простѣйшіе случаи дедукцій этого рода, которыя геометрией кладутся въ основаніе всѣхъ другихъ ея дедукцій, имѣють свое единственное основаніе въ томъ, что предполагаются такія построенія, гдѣ направленіе теченія линіи во всѣхъ точкахъ совершенно тождественно. А построенія этого рода суть самыя

простѣйшія изъ правильныхъ построеній. Только при предполагаемой прямизнѣ пересѣкающихся линій, то-есть при предполагаемой неизмѣняемости направленія ихъ въ каждомъ пунктѣ ихъ теченія можно, налагая равные углы другъ на друга, утверждать, что стороны одного угла пойдутъ въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи по сторонамъ другаго, а, при равенствѣ сторонъ, необходимо и совпадутъ своими конечными точками. Только совпаденіе прямыхъ въ конечныхъ точкахъ даетъ возможность утверждать полное совпаденіе ихъ на всемъ протяженіи. Только на тѣхъ поверхностяхъ, понятіемъ которыхъ предполагается или совершенное отсутствіе всякаго искривленія на всѣхъ ихъ точкахъ (плоскость) или совершенно тождественное искривленіе на каждой точкѣ (сферическая поверхность), совпаденіе границъ одной фигуры съ границами другой даетъ возможность утверждать совершенное совпаденіе этихъ фигуръ на всемъ протяженіи и т. п. Совершенно понятно, что построенія, о которыхъ мы можемъ дѣлать дедуктивные выводы, становятся для насъ нормами для сужденій о другихъ построеніяхъ, которыя къ нимъ приближаются на столько, что практически мы можемъ пренебречь неточностями примѣненія. Но для нашего времени, конечно, нѣтъ никакой нужды доказывать, что правильныя геометрическія построенія, которыя благодаря особой пригодности ихъ для нашего знанія сдѣлались для насъ нормами при сужденіи о построеніяхъ, только приближающихся къ нимъ, еще не получаютъ вслѣдствіе того никакого права считаться какими то нормами для самаго бытія, къ которымъ бытіе должно стремиться приблизиться, но которыхъ никогда не можетъ оно достигнуть по своему несовершенству. Эта мысль совсѣмъ не пригодна для нашего времени, и фактически дѣйствуетъ на нашъ умъ безсознательно лишь ея осадокъ. Въ наше время, конечно, никто не призналъ бы, что наша земля сдѣлалась бы болѣе совершенной, если бы она была совершенно правильнымъ шаромъ, а не была сплюснута у полюсовъ и не имѣла различныхъ неровностей на своей поверхности; и ея путь вокругъ солнца не сдѣлался бы въ нашихъ глазахъ ни на іоту совершеннѣе, если бы онъ былъ совершенно правильнымъ эллипсомъ, и не совершалъ ни одного зигзага, ни одного уклоненія. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что Милль всего менѣе склоненъ былъ правильнымъ геометрическимъ формамъ сознательно придавать какое либо нормативное значеніе для бытія.

§ 10. Въ ученіи Милля о невозможности предметовъ, точно соответствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, есть ошибка, которая

одинаково касается какъ вопроса о точкахъ и линияхъ вообще, такъ и вопроса о линияхъ правильныхъ, правильныхъ углахъ и пр. Отрицая возможность точныхъ геометрическихъ построений, Милль подразумѣваетъ подъ эту возможность, возможность *физической* реализаціи ихъ, (будетъ ли то черезъ рядъ особыхъ качественныхъ ощущеній или черезъ пространственный распорядъ тѣхъ же ощущеній); и онъ считаетъ эти построения не согласными съ *физической* конституціей нашей планеты по крайней мѣрѣ, если не вселенной. Я сомнѣваюсь въ правильности самой этой постановки вопроса. Геометру, который не сомнѣвается въ возможности физической реализаціи предметовъ, точно соотвѣтствующихъ дефиниціямъ, конечно, ничто не препятствуетъ геометрическіе постулаты толковать въ смыслѣ допущеній такой именно возможности. И изъ всего, сказаннаго нами выше, слѣдуетъ, что въ такихъ допущеніяхъ не было бы никакой ошибки. Но кто хочетъ оспаривать безусловную точность геометрическаго вывода, опираясь на несостоятельность геометрическихъ постулатовъ, тотъ долженъ предварительно со всею тщательностью разрѣшить вопросъ: дѣйствительно ли подъ тою возможностью геометрическихъ построений, которая необходима для безусловной точности геометрическихъ выводовъ, непремѣнно нужно разумѣть возможность физической ихъ реализаціи.

Подъ возможностью какого либо предмета обыкновенно разумѣются какія либо изъ наиболѣе существенныхъ условій, необходимыхъ для бытія этого предмета. Какія же изъ существенныхъ условій вспомогательныхъ построений должны быть признаны необходимыми для безусловной точности геометрическаго вывода?

Геометрическія построения могутъ совершаться только въ данномъ уже для созерцанія пространственномъ протяженіи. Какъ бы само это протяженіе ни возникало въ насъ, геометрическія построения уже предполагаютъ его ¹⁾. Такъ какъ всѣ геометрическія построения совершаются уже въ данномъ протяженіи, то каждое замкнутое въ себѣ пространственное построение (треугольникъ, квадратъ, кубъ, пирамида и пр.) можетъ быть только выдѣленіемъ для нашего сознанія одной части этого протяженія изъ цѣлаго протяженія. Построенная треугольникъ, мы, при образованіи его, не творимъ того протя-

¹⁾ Само собою понятно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ процессами развитаго сознанія, и не предпріимемъ никакихъ вопросовъ, касающихся условій и процессовъ этого развитія.

женія, изъ котораго онъ долженъ состоять, а только очерчиваемъ границы одной части даннаго протяженія, обособляя ее такимъ образомъ отъ другихъ частей того же протяженія, ее обнимающихъ: самое протяженіе рисуемой фигуры уже до выдѣленія его въ эту фигуру существовало въ цѣломъ протяженіи въ качествѣ интегральной его части. Что такое самое это выдѣленіе, самое это очерчиваніе границъ? Оно, конечно, ни въ какомъ случаѣ не есть и не можетъ быть фактическимъ разрывомъ той сплошной непрерывности, въ которой эта часть протяженія до выдѣленія слѣдовала за другими частями того же протяженія: перерывовъ въ протяженіи быть не можетъ. Не только перерывовъ, но и вообще какихъ либо перемѣнъ въ самомъ пространственномъ протяженіи, именно какъ протяженіи, никакихъ не бываетъ и быть не можетъ: оно можетъ быть лишь наполняемо опредѣленною реальностію; различныя реальности могутъ перемѣщаться въ немъ, наполняя различныя его части, могутъ переходить одна въ другую. Но самое протяженіе, въ которомъ все это совершается, не терпитъ отъ того никакихъ перемѣнъ. Слѣдовательно выдѣленіе части протяженія для нашего сознанія разсматриваемое въ качествѣ перемѣны, можетъ касаться только реальностей, наполняющихъ пространство. Эти реальности, наполняющія протяженіе, представляютъ для нашего сознанія содержаніе ви́шняго міра. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, онѣ имѣютъ самостоятельную и очень большую цѣнность и для нашей жизни и въ качествѣ предметовъ нашего познанія. Но геометрія ставитъ предметомъ своего познанія не ихъ: она хочетъ познавать законы и свойства бытія именно въ качествѣ бытія протяжимаго, и частные предметы ея познанія не предметы того или другаго опредѣленнаго содержанія, а части протяженія, различающіяся своею формою другъ отъ друга, и она совершенно равнодушна въ отношеніи къ тому, что наполняетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе это наполненіе протяженія реальностію оказывается необходимымъ для геометрическихъ построеній, именно разсматриваемыхъ какъ выдѣленіе извѣстныхъ частей пространства для нашего сознанія. Выдѣленіе извѣстной части протяженія для нашего сознанія не можетъ совершиться безъ пополненія или всей этой части или границъ ея реальностію (опредѣленнымъ родомъ ощущенія), которая бы отличала или самую эту часть отъ смежныхъ съ ней частей того же протяженія или ея границы отъ того, что лежитъ по ту и другую сторону этихъ границъ. Лишь чрезъ это качественное отличіе та часть протяженія, которая должна стать предметомъ нашего разсмотрѣнія, получаетъ

для нашего сознанія совершенную опредѣленность даже и съ той стороны, которая единственно нужна намъ при геометрическомъ знаніи, со стороны принадлежащей ей ограниченной протяженности. Но однако подобно тому, какъ это наполненіе реальнымъ содержаніемъ опредѣленной части протяженія или ея границъ не создаетъ самаго протяженія этой части, а лишь наполняетъ его содержаніемъ, такъ оно не создаетъ и не можетъ создавать и ограниченности этой части, а лишь съ помощію ощущеній или ихъ порядка дѣлаетъ ее отчетливо опредѣленной для нашего сознанія. Насколько въ цѣломъ протяженіи до этого опредѣленнаго очерченія границъ извѣстной фигуры существовала не только сама эта часть протяженія, но и части непосредственно смежныя съ ней, ее окружающія, настолько она неизбежно предполагается существовавшей уже въ той ограниченности, въ какой она теперь выдѣляется для сознанія. Опредѣлившаяся теперь граница ея есть несомнѣнно граница, сейчасъ только произведенная, созданная, если разсматривать ее какъ границу опредѣленной реальности, наполняющей протяженіе, напримѣръ опредѣленнаго цвѣта, которымъ мы окрасили поверхность до извѣстнаго предѣла. Но геометрія вѣдь имѣетъ дѣло не съ этимъ цвѣтомъ какъ съ цвѣтомъ; она хочетъ имѣть дѣло съ тѣмъ ограниченнымъ протяженіемъ, которое наполнено этимъ цвѣтомъ, а границы цвѣта служатъ для нея лишь указаніемъ на тѣ границы, въ которыхъ беретъ она протяженіе, которое занимаетъ предметъ. Части протяженія, обнимающія со всѣхъ сторонъ ту часть его, которая наполнена теперь опредѣленнымъ цвѣтомъ, совершенно также окружали эту часть и до этого наполненія, какъ онѣ окружаютъ ее теперь. И сама она и теперь, послѣ окрашенія въ особый цвѣтъ, стоитъ съ ними совершенно въ томъ же отношеніи непосредственной смежности, составляетъ такое же сплошное и непрерывное продолженіе ихъ, какъ все это было до ея окрашенія. И граница, указываемая переходомъ одного цвѣта въ другой, ровно ничего не измѣнила и не имѣла возможности измѣнить въ самомъ протяженіи, она только яснѣе и опредѣленнѣе для сознанія обозначила тотъ предѣлъ, до котораго должно простирается наше разсмотрѣніе протяженія, или тѣ предѣлы, въ которыхъ должно быть фиксировано наше вниманіе. Съ другой стороны она настолько лишь и могла быть опредѣлена въ элементахъ ощущенія или ихъ порядка, цвѣтъ настолько лишь и могъ простирается до этого предѣла, насколько несомнѣнно фактически до этого предѣла про-

стирается само протяженіе. Точно также и наоборотъ, настолько лишь граница и могла опредѣлиться не въ качествѣ границы протяженнаго бытія вообще, а въ качествѣ границы одной лишь части этого бытія, насколько протяженіе, простираясь до этого предѣла, не заканчивается само имъ, а простирается далѣе, то-есть насколько непосредственно за этой частію простираются другія части того же протяженія въ сплошной непрерывности. Какъ различные протяженные предметы во внѣшнемъ мірѣ могутъ существовать лишь настолько, насколько реальности могутъ наполнять части протяженія, такъ воспріимлыя границы этихъ предметовъ могутъ существовать лишь настолько, на сколько можетъ доходить до извѣстныхъ предѣловъ распространеніе этихъ реальностей въ протяженіи. И какъ въ протяженности предмета, качественно отличнаго отъ другихъ, для геометра приводится только къ опредѣленному сознанію существующая часть общаго протяженія, такъ въ границахъ этого предмета, представляемыхъ порядкомъ оцущеній, для него приводится только къ опредѣленному сознанію та форма непосредственной смежности, или непосредственнаго соприкосновенія этой части съ частями, окружающими ее, которая творитъ ихъ сплошную непрерывность въ общемъ протяженіи¹⁾. (Отсюда вытекають очень важныя слѣдствія.

Отсюда слѣдуетъ прежде всего, что неизбѣжнымъ условіемъ всякой границы протяженныхъ предметовъ, данной въ воспріятіи въ формѣ опредѣленнаго распорядка протяженныхъ оцущеній, служить уже существующая въ протяженіи непосредственная смежность или соприкосновеніе той части протяженія, которая дѣлается предметомъ разсмотрѣнія, съ обнимающими ее частями того же протяженія; и поэтому воспріимлая граница неизбѣжно принимается за приведенную къ опредѣленному сознанію, всегда существующую въ протяженіи форму этой непосредственной смежности или этого соприкосновенія. Физическія условія могутъ только облегчать или затруднять физическую реализацію настроеній, которыя уже предопредѣ-

¹⁾ Само собою понятно, что когда здѣсь идетъ рѣчь о данности, существованіи и пр., разумѣется просто ставшая развитымъ сознаніемъ данность, существованіе, а не какое либо метафорическое бытіе; дѣло идетъ о несомнѣнномъ фактѣ такой совершенной обусловленности каждой опредѣленной части протяженія познаваемой нами природой протяженія, которая заставляетъ насъ частію конструировать, частію предполагать способными къ конструкціи дополненія къ ней въ качествѣ данныхъ, налично существующихъ ея условій.

лены самою конституцію даннаго намъ въ созерцаніи пространственнаго протяженія или тѣмъ характеромъ непосредственной смежности и сплошной непрерывности, какой долженъ быть всюду въ немъ безусловно однообразенъ, всюду тождественъ, для того чтобы было возможно совершенно свободное перемѣщеніе тѣлъ безъ перемѣны ихъ формы. Но никакія физическія условія не могутъ создать воспріимливыхъ границъ, не предначертанныхъ природою протяженія. На сферической поверхности нельзя уложить плоской фигуры, не сдѣлавъ складокъ во всѣхъ ея частяхъ; на такъ называемой псевдосферической поверхности нельзя уложить той же плоской фигуры, не растянувъ ея во всѣхъ ея частяхъ; или еще иначе: въ пространствѣ Лобачевского нельзя помѣстить тѣла, взятаго изъ Эвклидова пространства, не раздробивъ этого тѣла во всѣхъ малѣйшихъ его частяхъ, такъ какъ всѣ отношенія между прямыми линиями и плоскостями и пр. здѣсь совершенно иныя, чѣмъ въ пространствѣ Эвклидовомъ. Точно также если ни точки, ни линіи вообще, ни линіи совершенно прямыя, ни правильные круги и квадраты и пр. не найдутъ эквивалентовъ въ формахъ непосредственной смежности или соприкосновенія между частями пространства, то-есть если они не предначертаны тѣми факторами, въ которыхъ выражается всегда и всюду предполагаемая сознаниемъ сплошная составность и сплошная непрерывность пространства, тогда никакія построенія, точно соответствующія геометрическимъ дефиниціямъ, не могутъ умѣститься въ немъ. не измѣнивъ своей формы, то-есть не потерявъ своего соответствія дефиниціямъ. Такъ въ познаваемой нами самой природѣ пространственнаго протяженія оказывается необходимымъ существованіе условія, безъ котораго совершенно невозможна данность въ воспріятіи точекъ, линій, прямыхъ, круговъ и пр.

Съ другой стороны изъ тѣхъ же предшествовавшихъ разсужденій можно сдѣлать и другой не менѣе важный выводъ, именно что это условіе точныхъ геометрическихъ построеній, заключающееся въ познаваемой нами природѣ самаго пространственнаго протяженія, есть единственное условіе необходимое для признанія состоятельности геометрическихъ постулатовъ. Мы видѣли, что всякія пространственныя границы предмета, если разсматривать ихъ въ качествѣ границъ части самаго протяженія, а не въ качествѣ границы реальности, наполняющей эту часть протяженія, представляютъ соотношенія частей протяженія, всегда и неизмѣнно существующія въ немъ и чрезъ рядъ

ощущеній получающія лишь опредѣленность для сознанія. Но какъ скоро было бы признано, что самой конституціей даннаго въ нашемъ созерцаніи пространства предопредѣлены такія соотношенія между его частями, то-есть такія, напримѣръ, формы соприкосновенія поверхностей и такія пересѣченія этихъ соприкосновеній, какія въ воспріятіи могли бы быть точно выражены только линіями безъ ширины, прямыми, правильными кругами и пр., тогда для геометра будетъ безразлично, существуютъ или не существуютъ физическія условія, допускающія подобныя точныя выраженія нужныхъ ему предметовъ. Онъ, очевидно, будетъ имѣть всякое право смотрѣть на выводы своей науки какъ на обязательные законы всего протяженнаго, какъ скоро эти выводы основаны на разсмотрѣніи такихъ соотношеній, которыя присущи протяженію по самой его природѣ, то-есть какъ скоро не точно начертанными вспомогательными построениями онъ имѣетъ право пользоваться какъ знаками этихъ соотношеній. Несомнѣнно, конечно, что геометрія хочетъ быть наукой о протяженныхъ предметахъ, данныхъ для воспріятія, а поэтому неизбѣжно подъ субъектами теоремъ, предметами геометрическаго знанія, подразумеваются (хотя бы только и условно) предметы, способные быть воспринятыми. Но и при этомъ условно предположенномъ свойствѣ эти предметы должны все же оставаться частями протяженія, хотя и наполненными реальностію; а поэтому они должны необходимо подлежать законамъ, которые логически правильно выведены относительно протяженнаго бытія и выведены на основаніи разсмотрѣнія соотношеній между его частями, неизмѣнно присущихъ данному въ нашемъ созерцаніи протяженію.

Чтобы поколебать особую достовѣрность геометрическихъ выводовъ на основаніи невозможности предметовъ, точно соответствующихъ геометрическимъ дефиниціямъ, Милль долженъ былъ доказывать не несогласуемость этихъ предметовъ съ „физической конституціей нашей планеты по крайней мѣрѣ если не вселенной“, а несогласуемость ихъ съ конституціей самаго протяженія. Онъ долженъ былъ доказывать, что линія, напримѣръ, уклоняется отъ принятаго ею прямаго направленія не вслѣдствіе физическихъ причинъ, отклоняющихъ ея теченіе отъ этого направленія, а вслѣдствіе отсутствія въ самомъ протяженіи этого направленія, которому она должна была слѣдовать. Но протяженіе, съ природой котораго въ этомъ смыслѣ были бы не согласны точки, линія безъ ширины, со-

вершенно прямыя линіи, совершенно правильные круги и пр. Под,— это такой абсурдъ, который едва ли допускаетъ даже сколько-нибудь опредѣленное понятіе о себѣ, и во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ даннымъ въ нашемъ созерцаніи пространственнымъ протяженіемъ, которымъ занимается Эвклидова геометрія.

М. Карминскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій *И. В. Владимірова*, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1896 г. Стр. VI+276. Цѣна 2 р. 50 коп.

Вторая половина текущаго столѣтія ознаменовалась въ области русской словесности появленіемъ многихъ замѣчательныхъ трудовъ преимущественно по, такъ называемой, русской народной словесности. Одни изъ нихъ предлагаютъ богатый матеріалъ для ея изученія въ своемъ собраніи былинъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ, загадокъ, причитаній и т. п.; другіе содержатъ въ себѣ научную обработку этого матеріала съ различныхъ точекъ зрѣнія на него; третьи, наконецъ, представляютъ собою цѣпныя попытки привести добытые путемъ научныхъ изслѣдованій выводы въ какую либо стройную систему. Къ числу трудовъ послѣдней категоріи относится и книга проф. Владимірова, которой заглавіе указано выше. Самъ авторъ опредѣляетъ содержаніе и цѣль своего труда въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „соединивъ въ настоящемъ Введеніи въ исторію русской словесности“, говоритъ онъ, „общія замѣчанія о предметѣ и его литературѣ съ изложеніемъ русской народной словесности въ ея основныхъ древнихъ элементахъ и формахъ, связанныхъ съ древнѣйшимъ періодомъ въ исторіи русской словесности, и имѣлъ въ виду удовлетворить давно назрѣвшей потребности разобратъ въ богатой—какъ по количеству, такъ и по качеству научныхъ трудовъ—литературѣ по русской народной поэзіи“. Что же касается до важности значенія этой послѣдней для исторіи русской литературы, какъ науки, то проф. Владиміровъ выражается объ этомъ

въ предисловіи такъ: „если мы вычеркнемъ съ первыхъ страницъ исторіи русской литературы народную словесность въ ея основныхъ формахъ, то мы лишимъ исторію древне-русской литературы ея самаго живого элемента, ея живого духа, и останемся при подражательныхъ формахъ“. Справедливость этой мысли была выяснена еще проф. Буслаевымъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, 12-го января 1859 года подъ заглавіемъ: „о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ“.

Книга проф. Владимірова содержитъ въ себѣ *девять* главъ (стр. 3—244) и *дополненія* къ первымъ пяти главамъ (стр. 247—276). Изъ этихъ девяти главъ первыя семь (стр. 3 — 137) были напечатаны въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895 г. (январь, апрѣль, июль); остальные двѣ главы (VIII и IX), почти равняющіяся по объему первымъ семи, составляютъ продолженіе къ этимъ послѣднимъ, основанное на самостоятельномъ изученіи матеріала по русской народной словесности, относящагося къ сказкамъ и былинамъ.

Чтобы дать хотя приблизительное понятіе о книгѣ, необходимо изложить ея содержаніе. Но это не всегда бываетъ такъ легко, какъ кажется. Чѣмъ дѣльнѣе и основательнѣе написана книга, тѣмъ труднѣе бываетъ излагать ея содержаніе: въ ней почти всякая мысль такъ тѣсно связана съ предыдущею и послѣдующею, что извлеченіе какой-либо одной мысли изъ ряда другихъ (для изложенія содержанія) можетъ быть соединено съ опущеніемъ какой-либо другой, болѣе важной. Но какъ ни трудно излагать содержаніе книги проф. Владимірова, я постараюсь сдѣлать это.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію разныхъ отдѣльных формъ русской народной поэзіи или словесности, о которыхъ говорится въ послѣднихъ шести главахъ книги, авторъ знакомитъ читателя въ первыхъ трехъ главахъ ея, во-первыхъ, съ своимъ взглядомъ на предметъ и на тѣ данныя, которыя необходимы для его изученія; во-вторыхъ, съ остатками язычества въ жизни русскаго народа отъ того древнѣйшаго періода времени, отъ котораго ведутъ свое начало всѣ формы русской народной поэзіи; въ-третьихъ, съ характеристическими чертами и древнѣйшими основами этой послѣдней.

Такъ, въ 1-й главѣ подъ заглавіемъ: „*Общее понятіе о предметѣ и исторіи ея разработки.* — *Источники и пособія преимущественно*

по русской народной словесности и древне-русской литературѣ. — Дѣленіе исторіи русской словесности на періоды — авторъ характеризуетъ различныя направленія въ изученіи литературы, начиная со второй половины XVII вѣка, когда съ понятіемъ о литературѣ сливалось понятіе о письменности вообще. Главнѣйшими изъ нихъ до настоящаго времени авторъ считаетъ слѣдующія: эстетическое, историческое, филологическое и въ самое послѣднее время сравнительно-историческое и психологическое (стр. 4). „Соотвѣственно этимъ методамъ научнаго изученія литературы“, говоритъ авторъ, „опредѣляется какъ самый матеріалъ, такъ и задача исторіи литературы“. Слѣдовательно, содержаніе научныхъ сочиненій историческаго характера по литературѣ того или другаго народа можетъ быть весьма разнообразно; но все это разнообразіе можетъ представлять въ сущности лишь два различныхъ типа сочиненій, для которыхъ принято два термина: „литературная исторія“ (Litterär-geschichte, histoire littéraire) и „исторія литературы“ (Geschichte der Litteratur, histoire de la littérature). „Литературная исторія“, говоритъ авторъ, „обнимаетъ все, что написано на языкѣ какого либо народа: она рождается и умираетъ съ языкомъ народа; но литературная исторія есть только внѣшняя исторія литературы: она говоритъ объ отдѣльныхъ памятникахъ и объ ихъ авторахъ, сообщая о нихъ біографическія данныя. Исторія литературы ограничивается тѣмъ, что касается внутренняго развитія народнаго духа со времени первыхъ зародышей творчества до самыхъ высшихъ ступоней его, носящихъ яркіе слѣды таланта, художественности, искусства; въ исторіи литературы нѣтъ мѣста письменности, относящейся къ спеціальнымъ идеямъ религіи, науки, техники, практической жизни“ и пр. Послѣ всего этого онъ выражаетъ свой взглядъ и опредѣляетъ предметъ исторіи русской литературы слѣдующимъ образомъ: „предметъ исторіи русской литературы, или словесности, заключается въ произведеніяхъ русскаго слова отъ его начала, скрывающагося въ старыхъ, національныхъ преданіяхъ, въ устной народной поэзіи, отъ первыхъ зачатковъ русской письменности и литературы до ближайшаго къ намъ времени, при чемъ главное значеніе имѣютъ не внѣшнія формы литературы, а ея внутреннее содержаніе: отношеніе къ идеямъ, чувствамъ, представленіямъ цѣлаго народа, выдѣляющагося образованнаго общества и отдѣльныхъ личностей-писателей, которые являются, въ извѣстной мѣрѣ, также выразителями общества или проводниками новыхъ идей, чувствъ и мыслей“ (стр. 8). Главною задачей въ исторіи русской ли-

тературы является выдѣленіе національнаго элемента; по выдѣленіи это должно соединяться съ безпристрастными, объективными изложеніями историческихъ судебъ національнаго развитія. Для цѣльной и правдивой исторической картины необходимы научныя изученія отдѣльныхъ литературныхъ явленій... Только на основаніи такихъ отдѣльныхъ изученій возможна критическая группировка литературныхъ произведеній и воспроизведеніе по литературнымъ явленіямъ хода внутренней жизни русскаго народа, общества и отдѣльныхъ личностей по эпохамъ и направленіямъ“ (стр. 8—9). Выяснивъ свой взглядъ на предметъ, авторъ переходитъ къ изложенію свѣдѣній объ источникахъ по русской народной поэзіи, по древне-русской литературѣ и ихъ изданіяхъ, объ изданіяхъ писателей XVIII — XIX вѣковъ; о пособіяхъ по исторіи русской литературы, причѣмъ въ самыхъ общихъ чертахъ отмѣчаетъ развитіе науки; — объ общихъ курсахъ и важнѣйшихъ трудахъ по русской народной поэзіи, древне-русской литературѣ и литературѣ XVIII—XIX вѣковъ; — о монографіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ древне-русской литературы, объ изслѣдованіяхъ по исторіи русской литературы XVIII — XIX вѣковъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія состоятъ изъ довольно цѣнныхъ указаній и характеристикъ и имѣютъ весьма важное значеніе для каждаго занимающагося исторіею русской словесности.

Во 2-й главѣ подъ заглавіемъ: „древнѣйшій (дохристіанскій) періодъ въ жизни русскаго народа и отраженіе его въ преданіяхъ, языкѣ и въ народной поэзіи.—Язычество и христіанство“ — авторъ прежде всего говоритъ о территоріи русскаго народа, какою она представляется по нѣкоторымъ лѣтописнымъ преданіямъ и по даннымъ народной поэзіи въ древнѣйшій (дохристіанскій) періодъ времени. „Рѣками, лѣсами и полями“, говоритъ онъ, „характеризуется природа громаднаго пространства, по которому раскинулись поселенія славянскихъ племенъ русскаго народа“ и далѣе: „эти широкія, необозримыя пространства малонаселенной въ древности Россіи навѣвали то тоскливое чувство, которое выражается въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, тѣ порывы въ даль, которые выражались и въ стремленіи къ *разбреданію* (1) населенія, къ колонизаціи, преимущественно на сѣверъ и на востокъ“ (стр. 31). Далѣе, замѣтивъ, что „древнѣйшая лѣтопись... совершенно основательно относитъ русскій народъ къ словенскому роду, а послѣдній вмѣстѣ съ другими аrio-европейскими народностями къ Афетову племени“; но что она „не даетъ основательныхъ свѣдѣній о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ, ограничи-

вансь не многими замѣчаніями о брачныхъ, о погребальныхъ обычаяхъ, о названіяхъ нѣкоторыхъ боговъ“, и что, наконецъ, „эти недостатки восполняются богатыми данными, сохранившимися въ языкѣ. въ народной поэзіи, въ преданіяхъ русскаго народа“ (стр. 32), авторъ довольно подробно указываетъ на эти данныя, то-есть, на остатки языческаго быта русскихъ славянъ въ языкѣ, преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и пр. Такъ, въ языкѣ онъ указываетъ прежде всего на тѣ фонетическія данныя, которыя хотя относятся къ до-историческому и слѣдовательно къ языческому времени, однако существуютъ до сихъ поръ въ немъ и служатъ началомъ объединенія многихъ древнихъ славянскихъ племенъ какъ-то: словѣнъ новгородцевъ, кривичей, дреговичей, полянъ, древлянъ, бужанъ, воляннъ, дулѣбовъ, радомичей, вятичей, уличей, тиверцевъ; въ одинъ русскій народъ; а именно: на *полномасіе* (городъ-градъ, берегъ-брѣгъ) и на замѣну *dj* звукомъ *ж*, а *tj* звукомъ *ч* (*вижу*, свѣча)¹⁾. Далѣе, онъ указываетъ на русскія языческія названія мѣсяцевъ, сохранившіяся въ старинныхъ недѣльныхъ евангеліяхъ параллѣ съ греко-римскими, начиная съ января: просинець, сѣченъ, сухой, березозоль, травный изокъ, червень, заревъ, рюнь, листопадъ, грудыный, студеный“. „Можно думать“, замѣчаетъ авторъ, „что въ древности у славянъ существовали названія не мѣсяцевъ, а извѣстныхъ періодовъ времени. *связанныхъ съ работами*. Отсюда областныя названія: листопадъ, сѣноставъ, росеникъ, цвѣтень, травень (Буслаевъ, Очерки I т., стр. 170)“. (Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе: Буслаевъ говоритъ не то, что проф. Владиміровъ. Буслаевъ говоритъ слѣдующее: „касательно отвлеченныхъ понятій о времени, можно сказать съ большей опредѣленностію“ (чѣмъ о пространствѣ, подраз.), „что они образуются въ языкѣ метонимически, *отъ перенесенія дѣйствія или событія, происходящихъ во времени, на самое время*. Это весьма естественно, ибо время мы чувствуемъ, понимаемъ и цѣнимъ только по тому, что въ теченіе его совершается. Областной языкъ даетъ знать объ отвлеченномъ понятіи времени изобразительнымъ описаніемъ дѣйствій и событій. Напримѣръ, *травя* въ значеніи года, то-есть, лѣта: „быкъ по пятой *травѣ*“... „Народныя именовація годовщины, каковы: *травеники, капустница, соловьиный день* (22-го мая) и пр. служатъ примѣрами метонимическихъ названій дней, точно

¹⁾ Проф. Владиміровъ приводитъ въ примѣръ смягченія звука *t* посредствомъ *j*-ша слово „*меч*“. Это, конечно, промахъ.

такъ, какъ *листопадъ, съноставъ, росеникъ, цвѣтень, травень* мѣсяцовъ, или извѣстныхъ періодовъ времени. Самыя времена года получили свое значеніе въ языкѣ *также по описанію соответствующихъ имъ явленій*. Такъ въ санскритѣ *дождь, дождливая погода, осень* выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ, равно какъ *жаръ, жаркая пора, лѣто*. И у насъ *яръ* весна происходитъ отъ прилагательнаго *ярый, жаркій*. Народныя названія *мѣсяцевъ суть такія же метонимическія описанія времени, какъ и времена юда*. Потому, напримѣръ, названіе извѣстнаго мѣсяца, *листопадъ*, можетъ быть употреблено въ смыслѣ осени вообще, на томъ основаніи, что отъ слова *яръ* (весна) языкъ производитъ *ярець-май*, то-есть, весенній мѣсяць". — Ясно, что проф. Буслаевъ не связываетъ народныхъ названій мѣсяцевъ съ одними работами). Далѣе авторъ указываетъ на древне-русскія языческія имена, которыя не смотря на христіанство, употреблялись въ княжескомъ сословіи до исхода XIII вѣка, а въ низшемъ классѣ народа до исхода XV вѣка (Святополкъ, Ярополкъ, Мстиславъ, Ярославъ и пр.);—на русскія мѣстныя названія, которыя представляютъ такія же черты древности, какъ и личныя имена; напримѣръ, Перунова рель, Перуново (оба на югѣ), Перыно урочище и Перынь скитъ (близъ Новгорода), Бояновскій лѣсъ, Волосово-Волотово и пр. Но болѣе значительные остатки языческой древности находятся въ преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ и въ поэзи русскаго народа, то-есть, въ области такъ называемой миеологіи. Обращаясь къ этой области, авторъ прежде всего говоритъ объ общихъ характеристическихъ чертахъ миеологіи русскіихъ славянъ, о смѣшеніи ея съ христіанствомъ; потомъ переходитъ къ характеристикѣ языческихъ боговъ, божествъ, стихійныхъ и бытовыхъ духовъ, насколько они выясняются по древнимъ свидѣтельствамъ и современнымъ даннымъ, и пр.; указываетъ на нѣкоторыя черты древности въ повѣрьяхъ о домовомъ, о лѣшемъ, о водяномъ и др.; на народныя представленія о *волкодлакахъ*, которыя связаны съ представленіями о превращеніи людей въ звѣрей, птицъ и рыбъ, на олицетворенія природныхъ явленій и, наконецъ, на обряды, соединенныя съ народными обрядовыми пѣснями. „Отклики старинныхъ вѣрованій“, говоритъ авторъ, „довольно живо отражаются въ нѣкоторыхъ обрядахъ, совершаемыхъ на масляницѣ, въ зеленую или русальную недѣлю, на Ивана Купала, на праздникъ Ярилы. Въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ и пѣсняхъ видны также старинныя религіозныя и бытовыя представленія“ (стр. 48). Заканчивается эта глава

изложеніемъ въ сжатомъ очеркѣ вліянія христіанскихъ представленій на язычество. Самый ходъ вліянія христіанства на язычество въ жизни простаго народа проф. Владиміровъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: „прежде всего“, говоритъ онъ, „по принятіи христіанства, стали исчезать идола боговъ и самыя ихъ имена, затѣмъ празднества въ честь языческихъ боговъ. Новый широкій потокъ идей о Богѣ, святыхъ и свитыняхъ, о загробной жизни, о грѣхахъ и о нравственныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ, къ семьѣ, охватилъ русскій народъ и отразился въ его представленіяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ и въ поэзіи. Отсюда мы видимъ приуроченіе старыхъ языческихъ празднествъ къ христіанскимъ превращеніе прежнихъ языческихъ божествъ въ злобныя существа демоническаго характера, причемъ защитниками являются святыя“ и пр. (стр. 50). Словомъ, язычество подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій смѣнилось въ простомъ народѣ, по старинному выраженію, какъ бы двоевѣріемъ. „Самыми популярными святыми“, продолжаетъ проф. Владиміровъ, „съ древнѣйшаго времени являются у русскаго народа Георгій, или Егорій Храбрый, Николай Милостивый и Илья Пророкъ. Календарное празднованіе этихъ святыхъ (23-го апрѣля, 9-го мая, 20-го іюля) притянуло народные весенніе и лѣтніе праздники языческаго происхожденія; названные святыя явились по преимуществу покровителями сельскихъ работъ и занятій“ (стр. 51). Такимъ образомъ во второй главѣ своей книги проф. Владиміровъ какъ бы указываетъ въ перспективѣ читателю на ту далеко ушедшую отъ него въ глубь времени языческую старину, въ которую образовалась русская народная поэзія и мало по малу выразилась въ нынѣшнихъ своихъ различныхъ формахъ.

Въ 8-й главѣ подъ заглавіемъ „*русская народная поэзія и ея древнѣйшія основы*“ авторъ, указавъ на то, что русская народная поэзія „отживаетъ уже свое время, и на смѣну ей идетъ въ народъ искусственная поэзія“, прежде всего останавливается на тѣхъ свидѣтельствахъ въ древне-русской письменности съ XI до XVIII вѣка включительно, въ которыхъ сохранились отрывочныя указанія на русскую народную поэзію, и начинаетъ ихъ изложеніе „однимъ изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ о русскихъ пѣсняхъ и обрядахъ“, именно, сказаніемъ арабскаго путешественника начала X вѣка (около 921 года) Ибнъ-Фоцлана о видѣнныхъ имъ похорошахъ одного знатнаго Русса, во время которыхъ дѣвушка, рабыня умершаго, обрешши себя на сожженіе съ трупомъ своего повелителя „*ягла длинная тѣси*“, въ которыхъ прощалась со своими близкими,

и затѣмъ умирала подъ ножомъ старухи“ (Ибнъ-Фоцланъ называетъ ее „ангеломъ смерти“). Далѣе, указавъ на тѣ свидѣтельства объ языческихъ обычаяхъ и обрядахъ, о пѣсняхъ свадебныхъ и о желяхъ или плачахъ, о бѣсовскихъ пѣсняхъ на игрищахъ и т. п., которыя встрѣчаются въ лѣтописяхъ, поученіяхъ, юридическихъ памятникахъ, житіяхъ, и пр., авторъ устанавливаетъ надлежащую точку зрѣнія на народную поэзію, говоря, что „не смотря на то, что народную поэзію въ противоположность искусственной, мы привыкли приписывать коллективному творчеству цѣлаго народа, разумѣя подъ послѣднимъ простонародье. мы должны ввести поправку въ этотъ давно уже сложившійся взглядъ“ (стр. 55 — 56), которая, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ, состоитъ въ томъ, что не смотря на множество традиціонныхъ формъ, образовъ и выраженій въ народной поэзіи, мы должны признать въ ней участіе личнаго творчества какъ пѣвцовъ профессиональных, древнихъ скомороховъ, такъ и другихъ пѣвцовъ разныхъ сословій, начиная съ княжеской-боярской среды и кончая выдающимися личностями изъ простаго народа. Впрочемъ личное творчество въ народной поэзіи ограничивается особенною способностію облекать въ складную рѣчь общее міровоззрѣніе, присущее какъ отдѣльному лицу, такъ и цѣлому народу на основы жизни и народнаго быта. Въ происхожденіи русской народной поэзіи, въ ея древнѣйшихъ формахъ авторъ видитъ три главныхъ фактора: мифъ, бытъ и исторію, мифологическое, бытовое и историческое происхожденіе (стр. 58). Признавъ эти три главныхъ фактора основами народной поэзіи, проф. Владимировъ обращается „къ нѣкоторымъ общимъ приемамъ ея, которые объединяютъ всѣ ея разнообразныя формы и мотивы и, безъ сомнѣнія, восходятъ также къ глубокой древности“ (ibid.). Къ этимъ приемамъ относятся: 1) „*титетты* — постоянное опредѣленіе, почти неотдѣлимое отъ того существительнаго, къ которому оно прилагается“ (черный воронъ, сѣрый волкъ, борзый конь, зелена трава, сине море и др.); 2) „*тавтологія* — повтореніе словъ одного и того же корня“ (свѣтъ свѣтлый, мосты мостити; ни мыслію смыслити, ни думаю сдумати; трубы трубятъ и др.). Оба эти приема представляютъ собою внѣшнія черты народной поэзіи; ко внутреннимъ же относятся: *параллелизмъ, народная символика, древнія поэтическія представленія, образы и мотивы*. „Уже въ параллелизмѣ“, говоритъ авторъ, „мы можемъ указать древнія внутреннія черты, которыя поэзіе становятся простыми сравненіями, выражающимися въ положительной формѣ, въ творительномъ надежѣ, или при посредствѣ

союзовъ и въ формѣ отрицательной. Особенно замѣчательнъ въ этомъ случаѣ творительный уподобленія, представлявшій въ древности превращеніе—переходъ одного предмета въ другой. Буслаевъ давно уже указалъ, что выраженія Слово о Полку Игоревѣ о Всеславѣ — „великому хрѣсови *влякомъ* путь прерыскаше“, или „а самъ въ ночь *влякомъ* рыскаше“—относятся къ разряду суевѣрныхъ представлений объ оборотняхъ, или о превращеніи людей въ животныхъ“ (стр. 59). „Въ былинахъ, въ сказкахъ встрѣчаемъ нерѣдко подобныя превращенія; но въ остальныхъ русскихъ народныхъ пѣсняхъ это только формы параллелизма, сравненія; напримѣръ:

Черезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети;
Черезъ быстрыя воды бѣлымъ лебедемъ плыви;
Черезъ степи далекия перепелочкомъ бѣжи,
На мовѣмъ, брате, подворья ты голубовькомъ нади.

(*Максимовичъ*, Сборникъ украинск. пѣсень 1849 г.)“.

Далѣе говорится о параллелизмѣ, выраженномъ посредствомъ союзовъ (аки, будто, точно, ровно, что, какъ); о параллелизмѣ отрицательномъ, или о сравненіи, выраженномъ посредствомъ отрицанія, какъ объ одномъ изъ любимыхъ приѣмовъ русской народной поэзіи; о параллелизмѣ—соотвѣтствіи восходящемъ также къ слову о Полку Игоревѣ: „Солнце свѣтитя на небѣсѣ, Игорь князь въ Русской земли“. „Подобныя соотвѣтствія, по замѣчанію Максимовича, въ русской народной поэзіи простираются иногда на всю пѣсню, такъ что вторая половина пѣсни составляетъ соотвѣтствіе первой“ (стр. 62). „Къ символическимъ представленіямъ, къ народно-поэтическимъ иносказательнымъ образамъ, относятся, напримѣръ, представленія печали въ образахъ деревьевъ, цвѣтовъ, травъ, преклонившихся, согнувшихся до земли, или въ образѣ кукушки“ и т. п. (стр. 62); „представленія горя и слезъ разливомъ или сыпаньемъ жемчуга“ и пр.; „представленія битвы въ образахъ грозы, земледѣльческихъ трудовъ, пира, свадьбы, суда Божія“ (стр. 63) и др.

Этою главою заканчивается изложеніе тѣхъ общихъ основныхъ понятій о русской народной поэзіи, которыя относятся къ вопросамъ о ея происхожденіи и древности, значеніи, содержаніи и формѣ. Съ слѣдующей четвертой главы до девятой включительно разсматриваются уже ея частныя формы. Но изъ всѣхъ остальныхъ главъ я постарюсь изложить содержаніе только трехъ главъ, именно, четвертой, восьмой и девятой, которыя мнѣ кажутся болѣе разработанными почтеннымъ авторомъ, чѣмъ другія.

Въ 4-й главѣ подъ заглавіемъ „*русскіе народныя обряды и обрядовыя пѣсни. Ихъ происхожденіе, развитіе и главныя явленія*“.— Авторъ прежде всего опредѣляетъ современное значеніе обрядовъ, игръ и пѣсней, которыми сопровождаются почти всѣ важнѣйшія явленія въ жизни простаго народа, какъ-то: рожденіе, бракъ, смерть, разные празднества, полевая работа и т. п., не смотря на то, что первоначальный смыслъ обрядовъ, игръ и пѣсней давнымъ давно утраченъ, а сами обряды, игры и пѣсни, безъ сомнѣнія, подверглись съ теченіемъ времени значительнымъ измѣненіямъ. Онъ говоритъ, что въ народномъ быту „они считаются не только обязательными въ силу стародавняго преданія и народныхъ общественныхъ отношеній, но и крайне необходимыми для успѣха, для счастья въ трудѣ и семьѣ“ (стр. 68)—и далѣе, что „современные обряды, игры и пѣсни представляютъ переживанія старины и, не смотря на всѣ измѣненія, отражаютъ мнѣмъ натуралистическіе и древнія бытовыя явленія“. (Стр. 69). Такъ два главныя языческія празднества, извѣстныя у русскихъ подъ названіями „коляды“ и „купала“, явились изъ двухъ мировыхъ мнѣовъ, а именно: изъ мнѣова объ оживаніи солнца и изъ мнѣова объ умираніи солнца; въ основу этихъ мнѣовъ легли общечеловѣческія первобытныя воззрѣнія на „два равноденствія, два солнцестоянія (зимнее и лѣтнее) и два поворота солнца—на зиму и на лѣто“ (стр. 70). „Сохраненіе обрядовъ, игръ и пѣсней среди земледѣльческаго народа наложило на нихъ сильный аграрный отпечатокъ. Народныя праздники кромѣ христіанской окраски получили еще окраску земледѣльческую, отчего сдѣлались „простонародными“, между тѣмъ какъ въ древности составляли необходимую принадлежность жизни и высшихъ классовъ древне-русскаго общества, начиная съ князей. Еще въ XVII вѣкѣ свадьбы русскихъ царей сопровождались почти тѣми же самыми обрядами, какъ и современныя простонародныя свадьбы“. (стр. 71). Тѣмъ не менѣе различіе сословныхъ интересовъ вносило нѣкоторыя особенности въ обряды и обрядовыя пѣсни высшаго сословія. Но „были и другія причины, вслѣдствіе которыхъ народныя обряды, игры и пѣсни, сохранивъ древнія черты—общія отчасти для всего человѣчества, а еще болѣе для аrio-европейскихъ народностей, въ частности для славянскихъ и всего русскаго народа,—разрзнились, сохранились въ однихъ мѣстахъ и исчезли въ другихъ. Отсюда согласно пословицѣ,—„что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай“ (стр. 72). Такъ, напримѣръ, „въ различныхъ мѣстахъ существуютъ одинаковыя названія для разныхъ по времени праздни-

ковъ: рядомъ съ извѣстными „святками“ рождественскими встрѣ-
часемъ „зеленыя снытки“ въ Малой Россіи, подъ которыми извѣстны
три первые дня Троицкой недѣли (Сахаровъ, Сказанія II, 83 и пр.);
рядомъ съ распространеннымъ названіемъ „Коляды“ (съ 24-го де-
кабря—вечеромъ до крещенія) находимъ тоже самое названіе въ Яро-
славской губерніи для четверга на масляницѣ (Сахаровъ, Сказанія
II, 73); кое-гдѣ „купальщичество“ называютъ вторникъ на Пасхальной
недѣлѣ (тамъ же, стр. 75), тогда какъ Иванъ-Купала вездѣ прихо-
дится на 24-е июня; еще „Стоглавъ“ отмѣтилъ „русалии“ генварскія
и лѣтнія“ и др. „Всѣ подобныя измѣненія въ области обрядовъ объ-
ясняются достаточно изъ необходимаго передвиженія языческихъ
праздниковъ сообразно христіанскому календарю съ его большими по-
стами и великими праздниками“ (стр. 72). „Видѣтъ съ измѣненіями
въ характерѣ древнихъ языческихъ празднествъ явились измѣненія
и во взаимномъ отношеніи обрядовъ, игръ и пѣсней, приуроченныхъ
къ обрядамъ. Первоначально въ древности между этими необходи-
мыми частями языческаго празднества была самая тѣсная связь.
Пѣсня поясняла обрядъ, входила, какъ необходимая составная часть,
въ обрядъ, придавала ему силу, какъ моленье или заговоръ. Точно
также и игра въ дѣйствіяхъ мимически поясняла и пѣсню, и об-
рядъ“ (стр. 73). Въ настоящее время между современными обрядами,
играми и пѣснями нѣтъ уже прежней тѣсной связи. „Достаточно
упомянуть“, говоритъ авторъ, „что пѣсни, поющіяся на масляницѣ,
не имѣютъ отношенія къ празднеству; обряды этого празднества
почти исчезли; свадебныя пѣсни, наиболѣе связанныя съ соотвѣт-
ствующими обрядами, смѣшались съ весенними и лѣтними хоровод-
ными пѣснями; въ разрядъ дѣтскихъ пѣсней и игръ вошло множе-
ство обрядовыхъ, напримѣръ, колядскихъ, купальскихъ“ и т. п. (стр.
74). „За смѣшеніемъ обрядовъ, обрядовыхъ пѣсней и игръ слѣдуетъ
и забвеніе ихъ“... такъ, „пѣсень купальскихъ почти уже нѣтъ у ве-
ликорусовъ“. Съ забвеніемъ же пѣсней и обрядовъ связано и иска-
женіе ихъ (стр. 75). Всѣ эти положенія объясняются въ книгѣ при-
мѣрами. Изложивъ такимъ образомъ необходимыя свѣдѣнія о значе-
ніи, происхожденіи, развитіи и дальнѣйшей судьбѣ обрядовъ, игръ и
обрядовыхъ пѣсней въ жизни русскаго народа, проф. Владиміровъ
переходитъ уже къ самому обзору русскихъ обрядовыхъ пѣсней въ
ихъ древнѣйшихъ чертахъ, расположивъ этотъ обзоръ по слѣдую-
щимъ главнымъ явленіямъ русскихъ народныхъ обрядовъ: 1) Коляда,
Святки и Васильевъ вечеръ подъ Новый годъ; 2) масляница; 3) встрѣча

весны: великій четвергъ, Пасха-Великъ день, Фомина недѣля, Красная горка, Радуница, Егорьевъ день; 4) русальная или зеленая недѣля, Семякъ и Троица; 5) Купало, Ярило, Кострома, Кострубонька, Петровъ день; 6) обряды и пѣсни жнивныя, дожинки; 7) свадебныя обряды и пѣсни; 8) похоронныя обряды и пѣсни—причитанья“ (стр. 76—77). Обоарѣвая каждое изъ этихъ восьми главныхъ явленій народныхъ обрядовъ, авторъ указываетъ на его относительную древность, на литературу предмета, на время, къ которому оно приурочено въ народномъ быту, объясняетъ названія нѣкоторыхъ обрядовыхъ явленій, согласно съ существующими въ настоящее время въ наукѣ данными; описываетъ самые обряды, игры и приводитъ тѣ пѣсни, или отрывки изъ пѣсенъ, которыми они сопровождаются, постоянно имѣя въ виду разъясненіе первоначальнаго ихъ смысла. Этотъ отдѣлъ въ книгѣ проф. Владимірова чрезвычайно интересенъ.

Въ 8-й главѣ подъ заглавіемъ „*русскія народныя сказки*“ помимо многихъ научныхъ свѣдѣній относительно древности русскихъ сказокъ, ихъ внѣшней формы и внутренней связи какъ съ лѣтописными сказаніями, такъ и съ нѣкоторыми формами народной поэзіи, а также и относительно встрѣчающихся въ сказкахъ чертъ древнѣйшаго русскаго быта, — особеннаго вниманія заслуживаетъ перечисленіе тѣхъ мотивовъ или формулъ, схемъ или сказочныхъ типовъ, „которые встрѣчаются нерѣдко въ видѣ болѣе или менѣе цѣльныхъ отдѣльныхъ сказокъ, или чаще составляютъ только части сказокъ, состоящихъ изъ соединенія, или сцѣпленія нѣсколькихъ такихъ мотивовъ“ (стр. 154). Изъ этого перечисленія или обзора мотивовъ исключаются авторомъ „всѣ сказки, заключающіяся въ различныхъ изданіяхъ и вышедшія несомнѣнно изъ литературныхъ источниковъ, — такихъ, какъ Прологъ, Патерики, апокрифы, переводныя ловѣсти, переводныя сборники, въ родѣ Великаго Зеркала, Римскихъ дѣяній, и т. п. Конечно, говорить онъ, въ обзоръ сказочныхъ мотивовъ у насъ войдутъ только русскія сказки (великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія), при чемъ мы привлечемъ къ сравненію и другіе виды русской народной поэзіи — напримѣръ, былины о богатыряхъ“ (стр. 154—155). Система расположенія мотивовъ слѣдующая: сначала разсматриваются мотивы животнаго эпоса, затѣмъ мотивы миеологическаго характера, связанные съ представленіями о миеологическихъ существахъ, и наконецъ, мотивы древняго бытоваго, культурнаго характера (стр. 155). Всѣхъ мотивовъ насчитывается 41; изъ нихъ 15 мотивовъ животнаго эпоса; если небывалыхъ жи-

потныхъ, птицъ и т. п. (свинка-золотая щетинка, золотгривый конь, олень-золотые рога, жарь-птица, живая и мертвая вода, моложавые яблоки) слѣдуетъ отнести къ существамъ мифологическимъ, то къ разряду мотивовъ мифологическаго характера, будутъ относиться мотивы отъ № 16 по № 27, то-есть, 12 мотивовъ, а съ № 28 съ мотива „добыванія сказочными героями необыкновенныхъ красавицъ-левицъ (силой, или сватовствомъ), для царя или для себя, иногда похищенныхъ или очарованныхъ“ по № 41, то-есть, 14 мотивовъ будутъ относиться къ разряду мотивовъ древняго бытоваго или культурнаго характера. Почти при каждомъ мотивѣ авторъ указываетъ на его литературу, на различные его образы въ сказкахъ, а иногда приводитъ и цѣлую схему. Вообще, глава о русскихъ народныхъ сказкахъ представляется весьма содержательною и поучительною.

Наконецъ въ 9-й главѣ подъ заглавіемъ „Русскій богатырскій эпосъ (былины или старинныя о богатыряхъ)“—авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ выяснить древность и общерусское происхождение былинъ на основаніи какъ общей характеристики ихъ, такъ и характеристики богатырскихъ типовъ. Для доказательства этой мысли онъ отмѣчаетъ въ общей характеристикѣ прежде всего то, „что во всѣхъ современныхъ пѣсняхъ русскаго богатырскаго эпоса былины называются „старинами“, какъ онѣ называются и въ записяхъ XVIII вѣка Кириши Данилова“; потомъ все то, въ чемъ отражаются старыя черты обстановки и склада былинъ, какъ напримѣръ, пѣшіе былинъ въ старое время подъ аккомпаниментъ гуслей и запѣвы; далѣе, связь былинъ со всѣми другими видами русской народной поэзіи;—древность ихъ формъ и языка, отношеніе ихъ къ лѣтописямъ, при чемъ замѣчаетъ, что „взаимное отношеніе этихъ двухъ разнородныхъ памятниковъ русской словесности (то-есть, былинъ и лѣтописей) таково, что нѣкоторыя подробности русскаго богатырскаго эпоса подтверждаются историческими свидѣтельствами лѣтописей и нѣкоторыя подробности лѣтописей представляютъ отраженіе болѣе древнихъ былевыхъ сюжетовъ, чѣмъ современныя былины“ (стр. 195); наконецъ, онъ излагаетъ тѣ характеристическія черты древне-русской жизни домонгольскаго періода, которыя отразились въ былинахъ, какъ, напримѣръ, отсутствіе браковъ, кронная родовая мечь, древній обычай погребенія „на саняхъ“ жены Потыка, погребеніе живаго съ мертвымъ, погребеніе „съ конемъ и збрую ратною“, указаніе на киевское вѣче, на народъ вольнокіевскій и пр. Далѣе авторъ указываетъ на

слѣды русскаго богатырскаго эпоса въ Малой и Бѣлой Россіи. Въ заключеніе общей характеристики русскаго богатырскаго эпоса авторъ дѣлитъ его на слѣдующіе слоя: 1) „до Владиміра и его кievскихъ богатырей; 2) до-татарскій, попреимуществу кievскій, съ великаго князя Владиміра I. съ X до XIII вѣка; 3) татарскій XIII вѣка, смѣшавшійся съ предыдущимъ; 4) суздальскій XII—XIII вѣковъ и новгородскій до XV вѣка; 5) московскій слой отъ XIV до XVIII вѣка“ (стр. 208). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обращаетъ вниманіе только на первые четыре слоя, какъ на древнѣйшіе. Но эти четыре слоя въ обзорѣ богатырскихъ типовъ и походовъ сокращаются въ слѣдующія три группы, или цикла: 1) до Владиміра и кievскаго цикла; къ этому циклу относятся слѣдующіе богатырскіе типы: Вольга Святославичъ, или Волхъ Всеславъевичъ, Микула Селянинъвичъ, Колованъ-богатырь и Святогоръ-богатырь; 2) кievскій циклъ, къ которому относится: великій князь Владиміръ или Володиміръ Сеславичъ—Красное-солнышко, Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша Поповичъ—главные богатыри; второстепенные—Михаилъ Даниловичъ съ отцемъ, Михаилъ Потыкъ (или Потокъ) Ивановичъ, Суханъ Одихмантъевичъ, Дунай или Донъ Ивановичъ, Ставръ Годиновичъ и др.; 3) новгородскій циклъ, къ которому относятся Садко и Василій Буславичъ. При разсмотрѣніи этихъ типовъ авторъ принимаетъ во вниманіе мнѣнія о нихъ другихъ ученыхъ, но постоянно держится своей точки зрѣнія, которая была указана нами выше.

Изъ этого хотя бѣгло и, можетъ быть, не совсѣмъ удачно составленнаго мною изложенія содержанія книги проф. Владимірова, думается мнѣ, можно однако вывести справедливое заключеніе объ ои многихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ. Правда, было уже указано выше, что нѣкоторыя главы книги, именно: 5-я) о заговорахъ, 6-я) о загадкахъ и 7-я) о пословицахъ разработаны почтеннымъ авторомъ не такъ обстоятельно, какъ всѣ остальные части. Въ главѣ, напримѣръ, „о заговорахъ“ остается невыясненнымъ вопросъ, откуда возникло въ народѣ представленіе о таинственной силѣ человѣческаго слова, или, другими словами, чѣмъ объясняется народное вѣрованіе въ эту таинственную силу; въ главѣ „о загадкахъ“ и въ главѣ „о пословицахъ“ не выясненъ обстоятельно процессъ образованія этихъ формъ народной поэзіи; не указана, напримѣръ, связь загадокъ съ символическими представленіями народа, связь пословицъ съ формами древняго народнаго быта, а равно и характеристика пословицъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ, на что обратилъ вниманіе уже проф. Буславичъ.

Кромѣ того, вообще вопросъ о возможной постепенности выдѣленія основныхъ формъ народной поэзіи, — правда, вопросъ весьма трудный, — изъ ея первичныхъ основъ: мѣта и быта оставленъ въ сторонѣ; поэтому и та послѣдовательность отдѣльныхъ основныхъ формъ народной поэзіи, въ которой онѣ разсмотрѣны въ книгѣ проф. Владимірова, кажется непонятною. Для яснаго уразумѣнія, почему за обрядовыми пѣснями должны слѣдовать заговоры, за заговорами—загадки, за загадками—пословицы, за пословицами, наконецъ, — былины, почтенный авторъ не представилъ въ своемъ трудѣ никакихъ научныхъ основаній, или соображеній. Впрочемъ эти замѣчанія нисколько не умаляютъ достоинствъ труда проф. Владимірова. Въ нашей ученой и учебной литературѣ онъ является первою книгою, заключающею въ себѣ полное ученіе о всѣхъ основныхъ формахъ русской народной поэзіи, изложенное въ сжатомъ видѣ, но строго научнымъ образомъ. Книга проф. Владимірова необходима—для каждого занимающагося исторіею русской литературы; она интересна и доступна для пониманія не однимъ учащимъ, но и учащимся; особенно она полезна для гг. преподавателей русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; такъ какъ въ ней они могутъ найти цѣнныя свѣдѣнія по каждому виду русской народной поэзіи и необходимыя указанія на литературу предмета.

И. И. Непрасовъ.

Матвѣя Дивковичъ. Прилог исторіји српско книжевности. Написао Др. Ђорђе С. Ђурђевић. Београд. 1896. Из. „Гласа“ LII и LIII.

Сочиненіе г. Георгіевича представляетъ докторскую диссертацию и посвящено произведеніямъ боснійскаго францисканца начала XVII вѣка, Матвѣя Дивковича. Мало изученное, но очень интересное время распространенія у южныхъ славянъ лютеровской проповѣди и борьбы съ этою послѣдней,—это время непосредственно затронуто темой автора. Мы ожидали бы, что г. Георгіевичъ разкажетъ намъ, какое значеніе въ исторіи юго-славянской литературы имѣетъ Дивковичъ, какую роль сыграли его проповѣди, и каковы были результаты его дѣятельности, но на все это мы встрѣчаемъ только рѣдкіе, поверхностные намеки. Авторъ, видимо, предъявлялъ къ себѣ очень скромныя требованія: онъ тщательно опредѣляетъ время появленія того

или другаго сочиненія Дивковича, выписываетъ изъ нихъ интересныя формы, далѣе указываетъ кое-какіе источники стиховъ, помѣщенныхъ въ произведеніяхъ Дивковича, и наконецъ отмѣчаетъ наиболѣе важныя въ историко-литературномъ отношеніи темы, затронутыя разбираемымъ имъ писателемъ. Въ концѣ книги мы находимъ приложение: „о перелискѣ сочиненій Дивковича“ и образцы проповѣдей и стиховъ этого послѣдняго. Механическая работа, которой ограничился Георгіевичъ, какъ-то несогласуется съ нашими представленіями о диссертации, но нельзя не признать, что въ его рамкахъ она исполнена довольно удовлетворительно. Здѣсь мы укажемъ на то, что намъ представляется наиболѣе интереснымъ въ сочиненіи г. Георгіевича.

Матија Дивковић родился въ провинціи Босніи аргентинской, въ селѣ Іелашкаръ въ 1563 году. Когда и въ какомъ монастырѣ онъ постригся въ монахи, неизвѣстно (вѣроятно, по близости отъ роднаго села, въ Оловѣ). „Какъ постриженный, онъ отправился, безъ всякаго сомнѣнія, въ Италію учиться (на школоваѣ). Это подтверждается его хорошимъ знакомствомъ съ латинскимъ и итальянскимъ языками“. Далѣе, извѣстно, что въ 1609 г. онъ былъ капланомъ въ Сараевѣ, а въ 1611 г. отправился въ Венецію печатать два свои сочиненія: „Наукъ карстиански“ и „Сто чудеса“. Здѣсь подъ его надзоромъ были вылиты кирилловскія буквы (боснійскаго типа), которыми онъ хотѣлъ издать указанныя сочиненія для того, чтобы ихъ понималъ и простой народъ. Отъ 1612 до 1614 г. онъ занятъ въ Крешевскомъ и Оловскомъ монастыряхъ писаніемъ своихъ „бесѣдъ“, и въ 1616 печатаетъ какъ ихъ, такъ и краткій „Наукъ карстиански“. Гдѣ и какъ живетъ Дивковичъ послѣ этого времени, неизвѣстно, и эта неизвѣстность тянется до самаго года его смерти—1631-го. Въ Сутјескомъ монастырѣ въ *Necrologium minorum fratrum* сохранилась слѣдующая драгоценная дата: „Die 21 augusti 1631. Plumbi in Bosna P. Matthaeus Divkovich a Ielashkac pluribus Libellis idioma Illyrico editis clagus“. Уже въ 1616 г. въ спискѣ славянскихъ сочиненій упоминаются и „Epistole et evangelii in lingua slava“ di Mattio Bosnense; Иеронимъ Каваньинъ отзывается о Дивковичѣ слѣдующимъ образомъ:

„Bošnjak Mate Divkovića
Od godišta za blagdane,
Poveljenja složi umića
Sveh za nauk i obrane“.

Первымъ изъ сочиненій Дивковича былъ его обширный (16+308 л.) катихизисъ католической религіи подъ заглавіемъ „*Наукъ карстиански*

за народъ словински“. Это сочиненіе составлено изъ двухъ католическихъ катихизисовъ: Беллярминова „*Dottrina christiana breve*“ и извѣстнаго и въ литовской литературѣ сочиненія Ледезмы. Этотъ послѣдній (1520—1575), испанскій іезуитъ, составилъ на испанскомъ языкѣ катихизисъ, который уже въ 1571 году, былъ переведенъ на итальянскій, а въ 1584 на голландскій языки. Въ 1595 вышелъ литовскій переводъ съ теперь затеряннаго польскаго. Эти свѣдѣнія (*Ian Bystroń. Katechizm Ledesmy. Rozprawy i sprawozdania... wyd. filolog. Akad. Umiejętności. W Krakowie. 1891. tom. XIV*) были невѣстны г. Георгіевичу, который сообщаетъ въ этомъ случаѣ несовсѣмъ точныя данныя. Къ источникамъ своимъ Дивковичъ отнесся не рабски, но довольно свободно (ср. стр. 175—177), кое-что вышуская и измѣняя, кое-что добавляя отъ себя (стр. 179). Одновременно съ „Наукомъ“ вышло и другое сочиненіе Дивковича, которое, по мнѣнію его изслѣдователя, г. Георгіевича, имѣло большое вліяніе на народную словесность. Это—„*Сто чудесаа алити знаменитаа блажене и славне богородице, дщнице Марце*“. По мнѣнію нашего автора, это сочиненіе третій въ сербской литературѣ, переводъ „Чудесъ“ Богородицы, хотя его латинскаго источника онъ указать не можетъ (стр. 178—179).

Въ 1616 г. вышло первое, а въ 1704 г. второе изданіе проповѣдей Дивковича подъ заглавіемъ: „*Бесиде Дивковича свархъ евангелии недѣльнихъ прико свѣта юдица*“ etc. (893 л.). Это такая же компиляція изъ различныхъ католическихъ писателей, какъ и „*Наукъ карстиански*“. Г. Георгіевичъ перечисляетъ болѣе 30 заголовковъ изъ „*Бесѣдъ*“, подъ которыми приведены разказы, оказавшіе несомнѣнное вліяніе на народное творчество; изъ „*Наука*“ 1611 г. онъ приводитъ около 25 заголовковъ. Этотъ отдѣлъ книги очень интересенъ, и можно только удивляться, какъ Георгіевичъ устоялъ отъ искушенія рассмотреть вопросъ поближе, а ограничился однимъ заголовками. Среди заглавій мы встрѣчаемъ, на примѣръ, такія: „*Прича о мртвачкој глави*“, „*о пустињнику, који пита Исуса: шта је најдраже Богу?*“, „*о ѣволу ужени и калуѣру на умору*“, о човѣку, који је у іаму упае, те у њој живи од подушја, које му даје жена не знајући да је жив“, „*о девојци, што гори у гробу до паса*“, „*о св. Мартину и сирому*“, „*о фратру, кога птичја песма успава три стотине година*“, „*о човѣку, који умре и виде паклене муке па се врати на овај свет*“, „*о мукама пакленима*“ (цѣлый рядъ разнообразныхъ разказовъ). „*о томъ, колико је страшно проклетство*“, „*како коњ, магарац и во*

познаше Исуса у оштија“ (Бесѣды, л. 684), „како се чивутски коб поклони телу Исусову“ (Бесѣды, л. 685), „из живота св. Елисавете, краљице Угарске“ и мн. др.

Въ томъ же 1616 г. вышло послѣднее сочиненіе Дивковича, краткій катихизисъ, подъ названіемъ: *Наѣк карстиански с мнозиemi ствари дѣховниemi и веле богоѣлѣбниemi, кои Наѣк ѡ Ледезмова и Бсларминова Наѣка ѣиедно стиснѣ и сложи богоѣлѣбни богословаѣ фри Матие Дивковиѣ из Иелашак, реда светого Францешка*. Это сочиненіе издавалось много разъ—въ 1631 г. (можетъ быть), въ 1640, 1682, 1686, 1698. 1723, 1738 гг. На стр. 4 этого малаго „Наука“ помѣщенъ „Плач блажене юспе дивице Марие“, стихотвореніе не оригинальное; но повидимому списанное у Клеменовича (стр. 167—171), вообще же разрабатывающее налюбленную въ ту пору тему. На стр. 30 опять помѣщенъ „Плач, кои юспа ѣчини по ѣкопаниѣ и сохраниениѣ ѣ гроб тѣла Исѣсова“. Стр. 43—48 заняты опять стихами: „Верши приликѣ Исѣкарстове веле мѣсти“, а со стр. 49 начинаются: „Молитве на верше сложене на поштение юсподина Исѣкарста нашега спаситеѣла“; всего ихъ пять. Это, по словамъ г. Георгіевича, обыкновенныя молитвы, извѣстныя и на латинскомъ языкѣ, написанныя строфами въ два стиха съ рефреномъ, встрѣчающіяся и въ другихъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Кркской рукописи XVII вѣка) (стр. 171—172). Съ 58 по 62 стр. идетъ „Веле слатко и богоѣлѣбно призоваранне мѣ крижом и юспом дивицом Мариом“, на источникъ котораго Георгіевичъ не можетъ указать положительно (какъ и на „Верши приликѣ“); однако онъ предполагаетъ, что и ихъ начало кроется въ далматинской литературѣ (стр. 174). Стр. 63—103 „Наука“ заняты довольно обширнымъ произведеніемъ: „Верши како Абрам по заповѣди божиом хотиаше приказати на посветилище иединого сына свога Ижака“. Какъ уже было указано раньше, это „Посветилище“ стоитъ въ тѣсной связи съ сочиненіемъ Држича подъ тѣмъ же заглавіемъ; со своей стороны Држичъ передѣлалъ „Посветилище“ Ветранича, котораго Дивковичъ будто бы и не видѣлъ.

Такъ судилъ Маретичъ (Arch. f. Sl. Ph. VII), но г. Георгіевичъ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Дивковичъ стоялъ ближе къ Ветраничу, нежели къ Држичу (Ср. стр. 157—164).

Стр. 105—188 малаго „Наука“ занимаетъ „Живот свете Катарине сложен ѣ верше“, который представляетъ переработку одной изъ многочисленныхъ стихотворныхъ прозаическихъ легендъ о св. Екаторинѣ, извѣстныхъ и на славянскомъ югѣ (ср. стр. 164—167).

Далѣ содержаніе малаго „Наука“ составляютъ, кромѣ катихизиса и летаній, еще слѣдующія стихотворныя произведенія: „*Писан на Божиѣ*“, списокъ съ ходившихъ уже задолго до Дивковича пѣсенъ о Рождествѣ Христовомъ (ср. стр. 154—157, гдѣ доказывается, что Дивковичъ только измѣнялъ кое-гдѣ языкъ своего оригинала), „*Писан на дан мартиних*“ („*Dies Igae*“) и др.

Мы остановились такъ подробно на содержаніи малаго „Наука“ потому, что онъ пользовался особенной популярностью, на что указываетъ множество его изданій и списковъ глаголицей и латиницей. Георгіевичъ предполагаетъ, что „Наука“ долженъ былъ повліять и на народное творчество и даже отмѣчаетъ одну изъ герцоговинскихъ пѣсенъ, сохранившихъ слѣды вліянія „Плача Госпина“, (стр. 186). Однако, въ чемъ выразилось это вліяніе, г. Георгіевичъ не указываетъ, и вообще литературная сторона сочиненій Дивковича его интересуетъ, повидимому, меньше, нежели ихъ языкъ.

На какомъ же нарѣчій писалъ Дивковичъ? „Языкъ Дивковича—штокавщина, однако съ нѣкоторыми особенностями, характеризующими чакавское нарѣчіе“ (стр. 88). Эти черты дають основаніе г. Георгіевичу заявить, что „многія чакавскія особенности нѣкогда были распространены далѣ на востокъ, нежели теперь“, (стр. 83). Намъ кажется, что это мнѣніе, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ и справедливое, должно подлежать сильному ограниченію по отношенію къ Дивковичу. Именно, намъ думается, что языкъ этого писателя не придерживается строго какого-нибудь нарѣчія, но при обширномъ развитіи сербскихъ діалектовъ пользуется довольно безпорядочно то одной, то другой особенностью различныхъ говоровъ. То же явленіе мы наблюдаемъ, напримѣръ, у литовскихъ писателей стараго, да и нынѣшняго времени. Прежде чѣмъ сдѣлаться характернымъ признакомъ опредѣленнаго діалекта, извѣстныя особенности встрѣчаются спорадически во всей языковой группѣ, и только потомъ въ зависимости отъ разнообразныхъ условій въ одномъ мѣстѣ вымираютъ, въ другомъ распространяются, укрѣпляются и входятъ въ систему діалекта. Говоря о языкѣ Дивковича, мы можемъ примѣнить это общее положеніе къ случаямъ появленія *и* вм. *м* на концѣ слова (растон и висниом бес. 59*), ко множеству и равноправности окончаній Gen. Sing. въ склоненіи именъ существительныхъ (—ъ, —оъ, —а или —ах, —оа, —и или —их), къ частому появленію—о—вм.—уо— (изъ—лѣ) и т. д.

Не слѣдя за всѣми особенностями языка Дивковича, которыя из-

ложены г. Георгіевичемъ очень систематично (на стр. 55—121), мы укажемъ только нѣкоторыя, интересныя тѣмъ, что они представляютъ аналогичное развитіе и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, мы находимъ, что въ языкѣ Дивковича сочетаніе *ир* часто переходитъ въ *иер* (**ир*): *жиер* (**жиръ*), *миер* (**миръ*), *сиеромах* (**сиромахъ*) и т. д. Особенно интересны глаголы *продѣ заподиерати*, *позиера*, *разбиерати*, *подиера*, *ѡмиера* и др., гдѣ *ир* такъ же перешло въ *ир*, какъ напримѣръ, въ польскомъ *umierać*, малорос. *умирати* и древнерусск. *чѣтвѣрти*, *дѣржати* и др. (ср. стр. 70). Далѣе укажемъ на выпаденіе *е* передъ *л* (*пристаѣлиена*), известное, по указанію проф. Соболевскаго, и въ древнерусскихъ діалектахъ, на оконч. Лос. Plug. — *оѡ* въ двухъ словахъ: *ѡстоѡ* и *ѡратоѡ* (стр. 102), довольно обычное и въ древне-польскомъ языкѣ. Это окончаніе, кажется намъ, представляетъ древнее образованіе Лос. Plug. при помощи приставки окончанія — *хъ* къ основѣ (*ѡрата* — основа на *ѡ*).

Затѣмъ г. Георгіевичъ указываетъ кое-какія особенности синтаксиса Дивковича и довольно долго останавливается на его словарѣ (стр. 118—143).

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что Дивковичу былъ известенъ обычай брачнаго *умиканія* и *задага*, или самовольное заточеніе человѣка за долги (стр. 143). — На этомъ мы и заканчиваемъ изложеніе неглубокой, но полезной работы г. Георгіевича.

А. Ногодинъ.

P. Coquelle. Le royaume de Serbie. Paris, Vanier 1894. Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана.

P. Coquelle. Histoire du Monténégro et de la Bosnie. Paris. Leroux. 1896.

Въ первой книгѣ исторія Сербіи представлена на 244 страницахъ, но цѣльной картины нельзя себѣ составить. Изъ чтенія этой исторіи нельзя не убѣдиться, что авторъ ея имѣетъ очень смутныя понятія объ источникахъ и пособіяхъ по исторіи Сербіи. Вотъ напримѣръ, что онъ говоритъ на стр. 91 о сербскомъ царѣ Стефанѣ Душанѣ († въ 1355 г.): „Comme ses prédécesseurs, il augmenta le nombre des écoles, y attirant les savants byzantins et les écrivains étrangers, entre autres les historiens Dufresne et Freschoti“, хотя въ дѣйствительности эти послѣдніе жили позднѣе, а Freschoud или Freschot жилъ въ XVIII вѣкѣ. Эта фраза общаго характера можетъ ввести читателя

въ заблужденіе, отъ котораго и удалимъ слѣдующимъ перечнемъ труженниковъ на книжномъ поприщѣ въ царствованіе Стефана Душана, который послѣ покажетъ, что это были за ученые и писатели. Въ перечнѣ своемъ по мѣрѣ возможности будемъ держаться хронологическаго порядка.

1) 1331 г. (6839), инд. XIV *грѣшнѣй Романъ* ¹⁾ написалъ (то-есть, переписалъ) по повелѣнію игумена Гервасія Хилендарскій типикъ, какъ свидѣтельствуесть приписка на послѣднемъ листѣ: „благодѣтию владыкы Христа и прѣчистыя, повелѣніемъ отца нашего Гѣрвасіа игумена написа се тѣникъ въ лѣто 3904 инд. Ѳ. грѣшнѣй Романъ хромыи и телеснѣ и доушевнѣ“. Тотъ же смиренный инокъ аеонскаго Хилендарскаго монастыря *Романъ* написалъ въ 1337 г. евангеліе-апракосъ, какъ свидѣтельствуесть слѣдующая записъ: „Повелѣніемъ честнаго во священноиноцѣхъ игумена куръ Арсенія рукою смѣреннаго инока Романа написася въ дни цара куръ Стефана Уроша Срьблѣмъ перваго въ лѣто 6845 (= 1337). А управисе (при) честнѣмъ во священноиноцѣхъ игуменѣ куръ Дороее въ царствованіи цара куръ Стефана Уроша Срьблѣмъ втораго въ лѣто 6848 (= 1360) ²⁾“.

2) Θεодуль въ лѣто 6844 (= 1836) переписалъ „житіе и подвизы иже въ поустыни съ своимъ оцемъ и особъ хожденіи и отъ части чудесъ исповѣданіе иже въ светыхъ отца нашего Савы, прѣваго архіепископа и учителя срьпскаго, сказано преподобнымъ Доментіаномъ инокомъ и прѣзвитеромъ монастыря Хиландарь нарицаемаго. Съписано же Θεодосіемъ мнихомъ тогожде монастыра“ ³⁾.

3) Въ 1337 (6845) г. по повелѣнію перваго игумена Дечанскаго монастыря Арсенія было переписано поученіе св. Ефрема Сирина неизвѣстнымъ книжникомъ ⁴⁾.

4) Какъ кажется, не безъ вліянія цара Стефана Душана былъ

¹⁾ Этотъ Романъ смѣхъ севастократора Бранка. Памятникъ этотъ описанъ Личчемъ въ V-й кн. „Starine“, стр. 4.

²⁾ Гласникъ Сри. Уч. Др. кн. 44, стр. 236 и *Арх. Леонидъ*, Хилендарское книгохраннище въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.“ 1875 г., кн. I, стр. 4.

³⁾ Выписано изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго преосвящ. Порфирія (л. 239) съ его позволенія. Сри. Гласникъ, кн. XLVI, стр. 238 и Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1875, кн. I, стр. 6, № 19. Въ той же рукописи находится и „Похвала св. Симеону и Савѣ“, написанная тѣмъ же Θεодосіемъ (Замѣтки преосв. Порфирія)

⁴⁾ Рукопись описана проф. В. И. Ламанскимъ въ кн. „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ“, стр. 138—161. Обозначенный надѣтъ 10 не соотвѣтствуетъ году.

сдѣланъ въ 1843 (= 6851) г. переводъ съ греческаго языка на сербскій „Поученіе избранное отъ сѣго кѣвглію и отъ иныхъ многыхъ божественныхъ писаній въ всакою недѣлю, и на господеніе праздники. На поученіе и на прочитаніе хрістоимецѣтнѣмъ людемъ. прѣложена съ грѣскаго ѣзыка на сербскимъ въ лѣто 30на (6851) индикта аѣ“.— Сохранившійся списокъ этого перевода (№ 83 Императорская Публичная бібліотека, найденъ въ монастырѣ св. Троицы у Таслиджи, въ Герцеговинѣ А. О. Гильфердингомъ) писанъ въ 1647 г., какъ свидѣтельствуеетъ записъ: „сѣмъ сѣаа и божаставна книга глаголемаа поученіе григоліиоа. Ва лето 30не саписасе мѣа ноѣмьбриа“¹⁾. Языкъ имѣетъ мало сербизмовъ, что можетъ доказывать, что этотъ списокъ вѣрно скопированъ съ подлинника XIV вѣка (только безъ юсовъ).

5) Въ 1844 г. былъ сдѣланъ сербскій переводъ византийскаго хронографа Іоанна Зонары. Годъ перевода вполне точно опредѣляется одною замѣткой въ ст. Ундольскаго. Сербскій переводчикъ къ замѣчанію Зонары о ложности предсказанія, что столица Константинополь будетъ существовать только 696 лѣтъ, когда предсказанное число лѣтъ уже давно миновало, а Константинополь все-таки существовалъ, сдѣлалъ добавленіе отъ себя, что Константинополь существуетъ и поднесъ (то-есть, въ его время):—свѣршену же бывшу Константиноу граду въ аѣ дѣнь маа мѣа и вѣнегда свѣрши сего, сѣтвори праздникъ глаголемѣи обновленіе и рожденіе. Отъ сѣзданіа же миру бѣ лѣтъ ѣѡліи (5838 = 330). ако быти Константиноу граду отъ сѣзданіа его даже до днесъ лѣтъ 3 тѣсоуць и шн и двѣма (то-есть, 1344 г.). Въ списокѣ, находящемся въ Бѣлградѣ у министра-президента Ст. Новановича, это мѣсто испорчено и читается такъ: „свѣршену же бывшу Кон'стап'тину граду, въ аѣ дѣнь маа мѣа и вѣнегда свѣрши сего. сѣтвори праздникъ глаголемѣи обновленіѣ и рожденіе. отъ сѣзданіа же миру бѣ лѣтъ ꙗ ѣ и шн и ліи. ако бытъ константиноу граду отъ сѣзданіа его даже до днесъ лѣтомъ шм“.

Нельзя не замѣтить, что выборъ византийскаго памятника для перевода на сербскій языкъ былъ вполне удачный. Если въ періодъ до Душана сербы довольствовались „житіями“. отеческими сочиненіями

¹⁾ Съ нимъ сходенъ другой списокъ № 19 Имп. Публ. Библ., найденный въ монастырѣ св. Архангела Михаила въ Колашинѣ; впрочемъ имѣются отличія въ отдѣльныхъ словахъ; списокъ этотъ не имѣетъ начальныхъ листовъ.

и богослужбными книгами, то въ вѣкъ Душана. когда, вслѣдствіе частаго столкновенія сербовъ съ византійцами—хочу сказать—постояннаго нахожденія первыхъ между послѣдними въ занятыхъ Стефаномъ Душаномъ греческихъ областяхъ, долженъ былъ произойти обмѣнъ возрѣній, вполне естественнымъ становится появленіе такого произведенія, изъ котораго можно было бы черпать свѣдѣнія удовлетворяющія возрастающую съ теченіемъ времени любознательность юнаго народа. И въ самомъ дѣлѣ ограниченный въ своихъ познаніяхъ сербъ XIV вѣка могъ многому научиться изъ „Паралипомена“ Зонары; здѣсь онъ находитъ свѣдѣнія изъ исторіи библейской, греческой и римской, византійской (больше всего), частью болгарской и русской и даже въ незначительной части сербской ¹⁾. Съ теченіемъ времени точный переводъ былъ значительно искаженъ переписчиками, и потому деспотъ Стефанъ Лазаревичъ „не сытно раченіе къ сихъ (книгъ) стяжанію (полагавшій) не по древнему оному, по замѣчанію іеромонаха Григорія, птолеми, иже многочисленіе книжное къ удивленію тѣчию и чьловѣчсцѣ хвалѣ, а не къ ползы душевнѣи написавшему, нь еже тѣхъ премудростию оукрасити нравы и словеса и тѣхъ благодатию доушу просвѣщати и къ богопозв(н)анію привлачати“ ²⁾, сдѣлалъ распоряженіе позаботиться объ исправленіи; священноинокъ Гимосею было поручено снести рукопись въ Хилендарскій монастырь для исправленія. За дѣло исправленія взялся одинъ инокъ этого монастыря Григорій, который въ предисловіи къ своему труду разказалъ всю эту исторію и что всего главнѣе — показалъ, какъ онъ преступилъ къ своей работѣ и прочевъ внимательно принесенный ему списокъ ³⁾, онъ нашелъ его испорченнымъ „понеже, грубыми иѣкыми поселаны прѣписасе“, и потому постарался отыскать всѣ тѣ греческіе источники, которыми пользовался Зонара, насколько онъ могъ опредѣлить ихъ по

¹⁾ Упомянутое о начальникѣ сербовъ Николаѣ (Никольцъ начальникъ сербъищемъ, Чтен. Об. И. Др. Р., 1847, I, стр. 107) современникѣ болгарскаго царя Самуила (977—1014) едва ли не единственное, имѣющее непосредственное отношеніе къ исторіи сербовъ. Свѣдѣніе же о царѣ Ликнии (ib. 86), отъ котораго позднѣйшіи (XV в.) сербскія лѣтописи стали выводить родъ своихъ Неманичей (см. мою статью „Генеалогія сербскаго жупана Ст. Немани въ серб. лѣтописяхъ Вѣсти. Слав., X), можетъ быть и принято въ расчетъ, такъ какъ сербскій переводчикъ первой половины XIV вѣка не называетъ его сербомъ.

²⁾ Паралипоментъ Зонары, изд. Бодянскаго, въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, I, 1.

³⁾ А. Поповъ, Обзоръ хр., вып. 2, стр. 9.

Часть СССР (1897, № 2), стр. 2.

славянскому переводу. Къ сожалѣнію, онъ не могъ отыскать всѣхъ нужные греческіе источники ¹⁾, и потому все недостающее онъ восполнилъ „Георгіемъ инокомъ мудрѣйшимъ, иже зѣло сходится во многихъ сему Зонарѣ“.

Столь серьезное отношеніе къ дѣлу инока Георгія обличаетъ въ немъ знатока своего дѣла. Съ полнымъ сознаниемъ важности порученнаго ему дѣла инокъ Григорій добросовѣстно выполнилъ свою работу въ 1408 (= 6916) г. ²⁾, которая была преподнесена сербскому деспоту Стефану Лазаревичу. Но исправленный Григоріемъ хронографъ Зонары не дошелъ до насъ, а дошло только извлеченіе изъ него „не яко въ книзѣ оной (Зонары) писано по реду, а отъ Зонары вкратцѣ“ въ сп. половины XV вѣка Волоколамскаго монастыря, изданномъ Бодянскимъ ³⁾.

Значеніе этого памятника было понято во время Стефана Душана. Въ его царствованіе, когда Сербія пріобрѣтала все большее и большее значеніе на тогдашнемъ политическомъ горизонтѣ, возникла мысль у сербскихъ книжниковъ (которая, быть можетъ, была внушена имъ самимъ же Стефаномъ Душаномъ) отыскать тотъ древній родъ, отъ котораго пошли сербскіе жупаны. Переводъ Зонары сослужилъ свою службу въ этомъ случаѣ. Переводчикъ Зонары, встрѣтивъ въ разказѣ о царствѣ Траяна рѣку Дунай, не могъ не признать жителей, занимавшихъ Дунайскую область—даковъ (Δάκωος) и ихъ царя Декевала (на котораго ходилъ походомъ императоръ Траянъ, побѣдилъ его и построилъ мостъ черезъ Дунай) сербами по тому одному, что въ современное ему время эту область населялъ народъ, подвластный сербскому царю. Бывшій послѣ того въ той же области Ликиій „ἕκ τῶν Δάκων“, зять Константина Великаго не могъ быть признанъ таковымъ родоначальникомъ: родъ выводился отъ св. Константина Великаго, основателя Константинова града (Царьграда). Такую пере-

¹⁾ Именно греческихъ: Ксенофонта и Геродота, римскихъ: „ритора Апіа, діона мудреца“ и другихъ (которыхъ не называетъ комменно), церковныхъ писателей: Еусевія Кессарійскаго, еп. Памфила, Феодорита Кирскаго, ритора Никиты. Когда онъ спрашивалъ у другихъ, гдѣ бы можно было найти ихъ, то тѣ отвѣчали, что впервые слышатъ объ нихъ (Парадипоментъ, стр. 3).

²⁾ Чт. Об. И. и Др., 1847, I, 12.

³⁾ О Карловцекомъ сп. XV вѣка упоминаетъ Н. Шафарикъ въ „Geschichte der südslav. Literatur“, III, о хилендарскомъ сп. 1603 г. (= 7111) сдѣлано замѣчаніе въ „Описаніи серб. Хиланд. Лавръ“ въ Чт. Об. И. и Др., 1867, кн. IV: въ собраніи Ундольскаго имѣется списокъ XVII вѣка.

дѣлаку даковъ въ сербовъ и царя даковъ Декефала въ сербскаго царя и Ликинія родомъ дакійца въ сербскій родъ мы и находимъ въ сербскомъ переводѣ Іоанна Зонары.

6) Въ 1844 (6852) г. было написано толкованіе на св. евангеліе Іоанна Златоуста по повелѣнію нѣкоего всѣхъ послѣдняго Саввы (рукопись на пергаментѣ)¹⁾, для келіи архидіакона Стефана, что на Самарской горѣ. Въ рукописи имѣется позднѣйшая записъ: „поученіе златоустово недѣльными писани св. отца нашего Сави Сръбскаго (1400) Архіепископа“. Это сербскій архіепископъ Савва III, жившій въ Карсѣ, въ келіи пр. Саввы, именуемой „Типикарница“²⁾.

7) Въ 1845 г. Іванъ Богославъ написалъ въ Борчѣ псалтирь для Бранка Младеновича; его отецъ Младенъ въ правленіе Степана Дечанскаго былъ воеводой (1826 г.)³⁾.

8) Монахъ Григорій написалъ евангеліе для монастыря св. Пантелеймона на Аеоны „повелѣніемъ господина ми всечестнаго старца Исаея“, назначеннаго въ 1847 г. игуменомъ этого монастыря сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ⁴⁾. Этотъ Исаія, кажется русскаго происхожденія (ср. Хрисовуль въ „Гласникѣ“, кн. XXIV, стр. 294).

9) Монахъ Теокистъ написалъ на пергаментѣ четвероевангеліе; въ немъ слѣдующая приписка: „азь рабъ Христовъ Станѣвикъ, великимъ воевода Никола приложихъ сѣи свѣти и божествѣни тетроевангелъ Прѣчистой Богородици Хиландарской“⁵⁾.

10) Дьякъ Бунило написалъ синаксарь къ пергаментному четвероевангелію, хранящемуся въ Хиландарскомъ монастырѣ, „рѣчею господина митрополита Даміана“⁶⁾.

11) Въ царствованіе Стефана Душана написанъ хиландарскій типкъ св. Саввы на пергаментѣ (изданъ въ журналѣ „Гласникъ Дрг. С. С.“).

12) Монахъ Діонисій въ 1855 г. (= 6864) написалъ на пергаментѣ евангеліе-апракосъ; въ записи отмѣчено: „въ то време престави

¹⁾ *Архим. Леонидъ*, Хиланд. книгохранилище въ Чт. Об. Н. и Др., 1875, I, № 13 и см. собраніе преосв. Порфирія.

²⁾ Гласник Ср. Уч. Др., XLIV, стр. 237.

³⁾ Миллошичъ отнесъ этотъ памятникъ къ 1846 г. (6864), вычитая годъ отъ сотворенія міра 5508; но въ такомъ случаѣ не соответствуетъ году индиктъ; индиктъ долженъ быть 18 (*Mikloš*, *Monumenta Serbica*).

⁴⁾ Гласник, XLIV, стр. 237, *Арх. Леонидъ*, Хиланд. книгохранилище № 10.

⁵⁾ *Ibid.*, 286.

⁶⁾ *Ibid.*, 237.

се господинь и царь сръбскыи сынъ св. краля Уроша г. Стефанъ Душанъ, кѣмоуже буди вѣчна память" ¹⁾).

13) Въ царствованіе Стефана Душана (1348—1355) писанъ былъ типикъ Палестинской лавры св. Саввы Освященнаго (рукопись пергаментная XIV вѣка).

14) Дьякъ Доброславъ писалъ одну часть торжественника, XIV вѣка, имѣющагося въ собраніи Хлудова (*Летопись*, Описание рукописей Хлудова, 413); двѣ другія части этого списка имѣли особыхъ писцовъ, имена которыхъ неизвѣстны (*ibid.*).

15) Монахъ Феодосиць написалъ въ 6863 = 1354 или 1355 г. слѣдовавшую псалтырь, съ приложенными въ концѣ пасхальными таблицами, творцомъ коихъ названъ монахъ Силуанъ ²⁾).

Важный въ исторіи сербской церкви церковный вопросъ—пріобрѣтеніе полной независимости отъ константинопольскаго патріарха, такъ круто рѣшенный Стефаномъ Душаномъ, не могъ не заставить сръбскихъ книжниковъ, если не современныхъ событію, то во всякомъ случаѣ знавшихъ его по свѣжему преданію, поднять этотъ вопросъ въ тогдашней сербской литературѣ. Къ подобному предположенію приводитъ находящееся въ русскихъ спискахъ коричей, принадлежащихъ бібліотекѣ С.-Петербургской духовной академіи (№№ 1173, XV вѣка, 1175, XVI вѣка) введеніе, которое, если не ошибаемся, обязано перу серба.

Наконецъ, самый важный памятникъ времени Стефана Душана „Законникъ“, о которомъ писали многіе: П. Шафарикъ, Зигель, Г. Флоринскій и др.

Представленный болѣе или менѣе полный перечень труженниковъ на литературномъ поприщѣ въ эпоху Стефана Душана говорятъ противъ выставленнаго г. Кокелемъ положенія.

Вообще изложеніе исторіи Сербіи въ разсматриваемомъ трудѣ страдаетъ многими недосмотрами и неполнотой. что даже и трудно выяснитъ въ небольшой замѣткѣ. Укажемъ напримѣръ, что на стр. 145 напечатано Scandenberg, а на слѣдующей страницѣ Scanderburg вмѣсто Scanderbeg; на стр. 154 Funftekirchen, а на 176 Funftkirchen, вмѣсто Funfkirchen или печь.

Исторія Черногоріи во второй изъ названныхъ выше книгъ г. Ко-

¹⁾ Хранится въ библ. Хиленд. монастыря (Гласн. XLIV, 236).

²⁾ *Арх. Леонидъ*, Слав. серб. книгохранилище на Леонѣ (Чтенія, 1875, I, стр. 87 и Гласникъ, XLIV, 286, 287).

келя поставлена въ тѣсную связь съ исторіей Босніи, хотя въ дѣйствительности прошлое обѣихъ этихъ славянскихъ провинцій не представляетъ таковой связи; точно такъ же можно было бы поставить въ связь съ исторіей Черногоріи и исторію Сербіи, но и это неизбежно явилось бы лишь чисто внѣшнимъ соединеніемъ.

Прочитывая эту книгу, невольно задаешь себѣ вопросъ, какою цѣлью руководился авторъ ея и для какой публики онъ предназначалъ ее? Отвѣтъ на поставленный вопросъ положительнo трудно дать. Несмотря на ея объемъ (490 стр.) интересующійся прошлою судьбой Черногоріи и Босніи не найдетъ въ ней ничего новаго. за то недомотровъ очень много. Автору много повредило незнакомство его съ южно-славянскою топографіей и исторіографіей по данному предмету; своимъ занятіямъ по этому предмету онъ очевидно не придалъ особенной важности, но это повлекло за собою не мало важныхъ промаховъ. Такъ имя одного и того же историка имѣетъ у него слѣдующія формы: Andrich, Andritch и Andricht; мѣстность Виталина названа Vitalica; вмѣсто Дебели брег—Debeli brog, вмѣсто Mokrinte—Mokrin, вмѣсто Лакрома—Losroma; на стр. 264 мѣстность Catvat (не вѣрно), а на стр. 267 Saftat (вѣрно). На стр. 267 онъ говоритъ: „Ostro, dans les montagnes voisines de Cattaro“, но это не отдѣльная мѣстность и не въ горахъ находящаяся и не по сосѣдству съ г. Каторомъ. Автору неизвѣстно, что *Кастельново* тождественно съ сербскимъ *Нови* и др.

Въ изложеніи исторіи Черногоріи и Босніи самостоятельной обработки исторіи этихъ странъ разсматриваемая книга не представляетъ; авторъ ея исключительно основывается на трудахъ сербовъ Андрича, Медковича и Милутиновича; по исторіи Черногоріи ему неизвѣстны—исторія Милаковича (1856 г.), на русскомъ языкѣ—исторія Черногоріи Ровинскаго, на итальянскомъ языкѣ Chiudina (Spalato 1882 г.), на французскомъ—Delague (1862 г.) и Maton (1881 г.), труды В. Макушева и новое обнаруженіе памятниковъ (напримѣръ въ V-й книгѣ Вѣсти. Слав.). По исторіи Босніи авторъ всего больше пользуется книгой Каллая, разборъ которой, мною составленный, помѣщенъ былъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Авторъ не овладѣлъ своимъ предметомъ, и потому весь ходъ исторіи Черногоріи и Босніи представляется неяснымъ. Напрасно будемъ искать здѣсь удачныхъ характеристикъ историческихъ личностей.

Исторія Черногоріи доведена до новѣйшаго времени; но не видно, чтобы авторъ воспользовался документами обнародованными въ позднѣйшее время (напримѣръ изъ времени Наполеона I, см. стр. 265).

В. Качановскій.

Г. Циглеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго *Александра Острогорокаго*. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. 8°. Цѣна 50 к. 102 стр.

Профессоръ Страсбургскаго университета Г. Циглеръ, авторъ весьма извѣстной исторіи этики, прочелъ въ 1889 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ рядъ публичныхъ лекцій, касавшихся вопросовъ нравственности. Лекціи эти изданы Циглеромъ подъ заглавіемъ: *Sittliches Sein und sittliches Werden*. Strassburg. 1890. Книжка г. Циглера во многихъ отношеніяхъ весьма отчетливо опредѣляетъ точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на сложныя явленія нравственной жизни, и весьма осторожно проводитъ свои основныя воззрѣнія. Авторъ причисляетъ себя къ партіи „*der Freigesinnten*“ (свободомыслящихъ), не признающихъ большаго значенія за догматикой, вѣрующей въ возможность построения нравственности, независимой отъ религіи. Можно не раздѣлять воззрѣній автора, но нужно отдать ему справедливость, что мысли свои онъ проводитъ такъ, что не задѣваетъ религіознаго чувства. Авторъ одинаково далекъ отъ атеизма и отъ ханжества.

На нравственность авторъ смотритъ, какъ на продуктъ социальной жизни; масштабъ для опредѣленія нравственнаго дѣйствія онъ видитъ въ общемъ благѣ. Эта мысль, высказанная первоначально Д. С. Миллемъ, правда, не заключаетъ въ себѣ рѣшенія вопроса, такъ какъ понятіе блага остается неопредѣленнымъ, но, во всякомъ случаѣ, общее благо представляетъ собой наиболѣе высокое выраженіе и наиболѣе симпатичную форму эвдаимонистической этики. Книжка проф. Циглера становится особенно привлекательной и полезной, благодаря умѣнью автора всесторонне разсматривать вопросъ и придавать ему иногда неожиданный оборотъ, вытекающій однако изъ существа дѣла. Напримѣръ, въ 5-й главѣ (о высшемъ благѣ) авторъ показываетъ, какъ вопросъ о томъ, счастливъ ли добродѣтельный человѣкъ, переходитъ въ вопросъ о томъ, дѣлаетъ ли счастье человѣка добродѣтельнымъ. Значеніе книги г. Циглера состоитъ, по моему мнѣнію, не въ выясненіи общаго принципа нравственности, а въ раз-

смотрѣнія частныхъ явленій человѣческой жизни, связанныхъ съ нравственностью. Какъ хороши, напримѣръ, страницы, на которыхъ авторъ разсматриваетъ отношеніе нравственности и политики, о значеніи патриотизма и объ опасной сторонѣ этого чувства.

Книга г. Циглера заслуживаетъ весьма тщательнаго перевода; переводъ же г. Острогорскаго нельзя назвать тщательнымъ. Г. Острогорскій иногда безъ нужды выпускаетъ цѣлыя предложенія (напримѣръ, стр. 17, стр. 41, стр. 53, стр. 73, стр. 80 и т. д.), иногда же вставляетъ отъ себя нѣсколько словъ, которыя придаютъ мысли отгѣнокъ, не имѣвшійся въ виду проф. Циглеромъ, настр. 78 говорится: „И какая гордая радость своимъ отечествомъ, которая какъ никакъ все-таки есть источникъ многихъ добродѣтелей“ и т. д. переводчикъ вставилъ слова: „какъ никакъ все-таки“, которыхъ въ текстѣ нѣтъ. Нѣкоторыя мѣста переведены г. Острогорскимъ неправильно: настр. 14—15. „Но эта этика (то-есть, Гербартова) съ ея аристократическо-холоднымъ соединеніемъ съ эстетикой и ея тонкимъ развѣтлѣніемъ на нять практическихъ идей осталась бы незамѣченной, если бы не явился Шопенгауеровскій пессимизмъ“ и т. д. Непонятно, какъ этика Шопенгауера могла обратить вниманіе публики на этику Гербарта; въ текстѣ г. Циглера и нѣтъ причинной зависимости, а указана лишь временная послѣдовательность. На стр. 20 говорится: „Но нравственно ли такое рабское слѣдованіе обычаю? Или, выражаясь объективно,—нравственно ли самое слѣдованіе обычаю, какъ таковому, независимо отъ того, каковъ этотъ обычай? Конечно, нѣтъ; и совершенно правъ Гегель, который говоритъ, что „общественное мнѣніе въ одинаковой степени достойно уваженія, какъ и презрѣнія, ибо въ немъ столько же истины, сколько лжи. Это во всякомъ случаѣ вѣрно въ своей основѣ“. Послѣдняя фраза переведена совсѣмъ невѣрно. Въ текстѣ сказано: „Und ursprünglich doch gewiss ja“, то-есть, Циглеръ хочетъ сказать, что слѣдовать обычаю все-таки значить поступать нравственно. На стр. 25-й говорится: „обычай самъ по себѣ не обладаетъ разумностью и не лишень противорѣчія“; по нѣмецки: „die Sitte selbst ist nicht durchaus vernünftig und sie ist nicht widerspruchlos“. На стр. 26 говорится: „Многіе ли изъ насъ, говоря по правдѣ, видятъ и сознаютъ все неразумное въ нашихъ порядкахъ“ и т. д., въ текстѣ сказано: „was unvernünftig ist“, то-есть, „что неразумно въ нашихъ обычаяхъ“.

На стр. 31 переведено: „Всѣ мы скорѣе склонны судить о мотивахъ чѣмъ о слѣдствіяхъ поступковъ“; въ текстѣ: „Man wird geneigt

sein zuerst an die Motive, zu denken“ то-есть, „люди склонны судить о поступкахъ скорѣе по мотивамъ, чѣмъ по слѣдствіямъ“.

На стр. 64: „есть ли велѣнія долга, не допускающія исключеній“, Такимъ представляется заповѣдь „не убій“. И не только вправѣ, но я прямо даже долженъ... въ случаѣ необходимости и самообороны „убить дерзкаго разбойника“. Здѣсь пропущено слово „allein“, „однако“, я не только вправѣ и т. д., благодаря чему противоположеніе: дѣлаемое авторомъ, потерялось.

Стр. 76: „Такъ напримѣръ, чтобы назвать *цѣлую* область, прежде всего также искусство“; по нѣм. *um wenigstens noch ein Gebiet zu nennen*, „чтобы назвать хотя бы одну область“.

Стр. 81: „а въ борьбѣ между императорами и папами несомнѣнно *не одна совѣсть* находилась въ весьма затруднительномъ положеніи“. Въ текстѣ *manches Gewissen*, то-есть, совѣсть многихъ людей.

Стр. 84: Крайне неприятныя проявленія исключительности, которая доходитъ мало-по-малу до враждебности и въ концѣ концовъ должна закончиться *какой-нибудь* катастрофой“. Въ текстѣ *in einer Katastrophe*.

Стр. 88: слово *Sittenpolizei* переведено: „цензура нравовъ“.

Стр. 96: *Webstuhl der Zeit* переведено „веретено жизни“.

Стр. 52: *Aber dies ist so wenig der Fall*, переведено, „но это въ дѣйствительности настолько рѣдко.“

Въ переводѣ г. Острогорскаго встрѣчаются обороты рѣчи, несвойственные духу русскаго языка, напримѣръ, стр. 94, „средства бороться“ вмѣсто „средства борьбы“; тамъ же „съ все увеличивающійся опредѣленностью“, вмѣсто „съ опредѣленностью, которая все увеличивается“. На той же страницѣ слово „звуки“ слѣдуетъ замѣнить словомъ „животныя“, чтобы предложеніе получило смыслъ. Стр. 88: „Но тутъ существуетъ и своя не малая опасная сторона“ и т. д.

Въ философскомъ сочиненіи необходимъ точный переводъ терминовъ: г. Острогорскій слово *Gegensatz* на стр. 16 переводитъ „противорѣчіемъ“, „противоположностью“ и „контрастомъ“. Слово *Pflicht* переводится безразлично то словомъ „долгъ“, то словомъ „обязанность“ (ср. стр. 56).

Въ заключеніе еще три маленькихъ замѣчанія.

На стр. 161 авторъ говоритъ объ *Эззебѣ*, который разказываетъ о самоубійствѣ трехъ женщинъ во время діоклетіановскихъ гоненій. Вмѣсто *Эззебѣ* слѣдовало сказать *Евсевій*.

На стр. 84: переводчикъ оставляетъ безъ перевода слова Фауста „weg darf ihn nennen“ и т. д., но слова Мефистофеля на стр. 74 переводчикъ приводитъ по русскому переводу Н. Холодковского. Почему такое предпочтеніе Мефистофеля передъ Фаустомъ¹⁾.

На стр. 89 говорится: „И трагедія, напримѣръ, со времени Аристотеля—это не подлежитъ уже сомнѣнію—имѣетъ нравственное очищающее вліяніе. Первое тире слѣдовало поставить передъ словами „со времени Аристотеля“, ибо Аристотель не писалъ трагедій, а извѣстенъ какъ авторъ анализа трагедій.

Э. Радловъ.

Отвѣтъ на „замѣтку“ проф. Карѣва.

Профессоръ Карѣвъ напечаталъ въ январьской книжкѣ *Вѣстника Европы* „Замѣтку объ „изслѣдованіи“ г. Чечулина“ (427—435). Признаюсь, я ждалъ въ статьѣ проф. Карѣва возраженій по существу разсмотрѣнныхъ мною вопросовъ и моихъ отвѣтовъ на нихъ, ждалъ указанія и доказательства какихъ нибудь своихъ ошибокъ, но ничего подобнаго не нашель. „Замѣтка“ содержитъ указаніе недостатковъ моего изслѣдованія съ чисто формальной стороны; моихъ выводовъ, даже—скажемъ—моего изображенія событій, она не касается повсе; но такъ какъ г. Карѣвъ ясно даетъ понять, что относится къ моему изслѣдованію совершенно отрицательно, то думаю, что не только имѣю право, но отчасти и обязанъ изложить свой взглядъ на тѣ пункты, которые насъ съ нимъ раздѣляютъ въ отношеніи къ моей книгѣ. Такъ какъ приблизительно треть моей книги была напечатана въ видѣ отдѣльныхъ статей на страницахъ *Журнала Министертва Народнаго Просвѣщенія*, то я и пользуюсь согласіемъ г. редактора и отвѣчаю г. Карѣву на страницахъ этого изданія. „Замѣтка“ г. Карѣва не единственная по поводу моей книги; кромѣ сочувственныхъ ей статей профессоровъ С. Э. Платонова и А. И. Маркевича враждебныя ей статьи появились въ нѣкоторыхъ журналахъ и даже въ газетахъ; но на другія я не буду отвѣчать; думаю, впрочемъ, никто не скажетъ, что я выбралъ не сильнѣйшаго и не самого

¹⁾ Не потому-ли, что авторъ не указалъ, приводя слова Фауста, что они принадлежатъ Фаусту.

серьезнаго изъ своихъ критиковъ; другимъ своимъ критикамъ не отвѣчаю потому, что мы вооружены разнымъ оружіемъ; ихъ оружіемъ — рѣшимостью писать необдуманныя и невѣрныя утвержденія, рѣзкостью выраженій, нежеланіемъ точно и вѣрно читать написанное и т. п. — я не владѣю и не считаю достойнымъ владѣть; г. Карѣву же отвѣчаю съ особенною охотою, потому что спокойный тонъ его замѣтки даетъ и мнѣ полную возможность писать тоже вполне спокойно.

„Мы не думаемъ, чтобы г. Чечулинъ былъ правъ, назвавъ свою книгу о внѣшней политикѣ Екатерины II, въ 1762—1774 гг., изслѣдованіемъ. Въ книгѣ г. Чечулина того, что называется изслѣдованіемъ, почти нѣтъ ничего, или есть очень мало, да и то, что есть, сдѣлано не такъ, какъ надлежало бы сдѣлать“ — такъ начинается г. Карѣвъ свою замѣтку. Къ сожалѣнію, онъ нигдѣ не выясняетъ, что же считаетъ онъ изслѣдованіемъ, какимъ условіямъ должна удовлетворять работа, чтобы быть изслѣдованіемъ. Онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей замѣтки, что у меня „нѣтъ привычки быть изслѣдователемъ, — обращаться къ литературѣ предмета“, говорить о какихъ то „настоящихъ изслѣдователяхъ“, противопоставляетъ моей работѣ статью В. К. въ *Русской Мысли* за 1883 г., авторъ которой „дѣйствительно занимается *изслѣдованіемъ* политики Екатерины и Панина“, а не пересказомъ, какъ будто бы дѣлаю я, — и только; болѣе опредѣленныхъ указаній г. Карѣвъ не даетъ. Но работа надъ первоисточниками — что, разумѣется, есть первое и необходимѣйшее основаніе для изслѣдованія, — добросовѣстное разсмотрѣніе первоисточниковъ — а въ недобросовѣстномъ пользованіи матеріаломъ меня никто не упрекалъ и, конечно, никогда не будетъ имѣть основанія попрекнуть, — работа, въ которой поставлены нѣкоторые вопросы, вовсе не поставленные прямо самими источниками, работа, приводящая къ нѣкоторымъ выводамъ, такъ или иначе разъясняющая нѣкоторые вопросы — что же это, если не изслѣдованіе?! Можно, конечно, доказывать, что мое изслѣдованіе неудовлетворительно, что я не сумѣлъ овладѣть матеріаломъ, многое въ немъ просмотрѣлъ, что такими то и такими то данными опровергаются мои выводы и дѣло представляется иначе, вотъ такъ то и такъ то, — все это, конечно, можно доказывать, и даже должно было бы доказывать, если для этого есть у критика доказательства; но г. Карѣвъ ничего этого не дѣлаетъ и выставляетъ одно утвержденіе, ничѣмъ не доказанное. Ничего не говорить въ пользу его мнѣнія и про-

тивуставленіе моеѣ книгѣ статьи В. К. Ужъ во всякомъ случаѣ статья эта несравненно ближе къ пересказу, чѣмъ моя работа; В. К. даетъ просто-на-просто изложеніе двухъ (*только двухъ*—22-го и 37-го) томовъ Сборника, тогда какъ я разработалъ матеріалъ тринадцати томовъ этого Сборника, не говоря уже о томъ, что, кромѣ многихъ другихъ источниковъ, я пользовался матеріаломъ, частями занимающимъ еще другіе шесть или семь томовъ Сборника; В. К. слѣдуетъ въ своей статьѣ исключительно за своими двумя томами, за прусскою дипломатическою перепискою, и повторять ошибку, которая была неизбежною до изданія русской дипломатической переписки: онъ излагаетъ не только дѣйствія русской дипломатіи, но и ея цѣли и намѣренія, лишь со словъ иностранныхъ представителей; очевидно, что при этомъ *невозможно* не впасть въ невѣрное толкованіе дѣйствій, а тѣмъ болѣе — намѣреній и плановъ русской дипломатіи. Кто авторъ этой статьи—мнѣ неизвѣстно; г. Карѣвъ говоритъ: „В. К. серьезный историкъ“; псевдонима г. Карѣвъ, конечно, не раскрываетъ; не раскрываетъ намъ этого псевдонима и справка и въ указателѣ содержанія *Русской Мысли* „За десять лѣтъ“. По указателю этому видно, что такими же инициалами подписаны еще и слѣдующія статьи въ той же *Русской Мысли*: „Что хотѣлъ сказать этимъ кн. Бисмаркъ?“ (*Русская Мысль*, 1883, II), „Общественно-экономическіе эскизы изъ итальянской жизни“ (тамъ же, 1884, IX), „Нѣмцы въ Африкѣ и ихъ отзывы о ней“ (тамъ же, 1884, X, XII) и „Воспитательный домъ въ Рио-Жанейро (изъ записной книжки туриста)“—(тамъ же, 1835, II); во всякомъ случаѣ, статья эта написана до обнародованія новыхъ, очень важныхъ для вопроса, документовъ и, напримѣръ, въ статьѣ В. Ключевского, „Императрица Екатерина II“ (*Русская Мысль*, 1896, ноябрь), *нѣтъ рѣшительно ничего общаго* во взглядахъ со статьєю В. К., о которой говоритъ г. Карѣвъ.

Г. Карѣву, далѣе, не правится мой тонъ; онъ находитъ его слишкомъ панегиристическимъ и неумѣстнымъ въ изслѣдованіи. Надо ли говорить, что у очень многихъ ученыхъ, труды которыхъ г. Карѣвъ указываетъ мнѣ какъ образецъ, напримѣръ,—у Дройзена, у Онкена—о нѣкоторыхъ другихъ я ужъ и не говорю—тонъ куда болѣе панегиристичный, чѣмъ у меня. Или о Фридрихѣ можно говорить такимъ тономъ, а о Екатеринѣ и Панинѣ нельзя? нельзя ихъ хвалить—а только похвалы и объявляеть г. Карѣвъ панегирикомъ—даже тогда, когда доказывается, что ихъ дѣйствія были гораздо благоразумнѣе,

осторожиѣе и успѣшнѣе, чѣмъ обыкновенно думали? Г. Карѣевъ подсмѣивается, что я увлекаюсь въ описаніяхъ битвъ и находить страпнымъ, что меня удивляютъ спокойные отзывы о нихъ пѣмецкихъ писателей. Но дѣло не въ спокойномъ тонѣ ихъ, а въ томъ, что Германъ, на примѣръ, въ своей „Исторіи Россіи“ описываетъ Цорндорфскую битву на цѣлой страницѣ, говоритъ тутъ и о блестящихъ атакахъ прусской кавалеріи и т. д., а о Кагулѣ и Ларгѣ ограничивается всего тремя строками, да еще и при этомъ представляеть дѣло такъ, что со стороны русскихъ ничего особеннаго сдѣлано не было, а просто турки почему то вдругъ бѣжали; Цинкейзенъ всю честь Чесменской побѣды приписываетъ прямо только иностранцамъ. служившимъ въ русскомъ флотѣ, и поведеніе А. Орлова выставляетъ комически трусливымъ. Въ одномъ мѣстѣ г. Карѣевъ говоритъ, что „много, пожалуй, тоже можетъ возмутить тонъ, съ (?) какимъ г. Чечулинъ говоритъ“ о томъ то—на это могу лишь отвѣтить, что вовсе и не искалъ такого тона, который бы понравился рѣшительно всѣмъ; „иной возмутится“ моимъ тономъ—и прекрасно, и пусть себѣ возмущается. Впрочемъ, вопросъ о тонѣ, конечно, не таковъ, чтобы его окончательно разрѣшить въ двухъ замѣткахъ; тонъ отражаетъ самыя общіе взгляды автора, все его отношеніе къ прошлому, а отчасти и къ настоящему. Одинъ совершенно искренно придаетъ въ изученіи прошлаго главное значеніе мрачному и дурному; его ни на минуту не покидаетъ мысль, какъ много приходилось при тогдашнихъ порядкахъ страдать людямъ; онъ совершенно искренно убѣжденъ, что, отиѣчая дурное въ прошломъ, онъ вызываетъ наибольшее отвращеніе отъ этого дурнаго и наибольшее стремленіе приносить человѣчеству пользу—тонъ у такого изслѣдователя получается соотвѣтствующій такому его настроенію. Другаго изслѣдователя особенно привлекаеть наблюденіе той массы труда, какую совершило человѣчество для того, чтобы дойти до своего современнаго положенія изъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія болѣе тяжелыхъ и трудныхъ; его особенно привлекаеть то стремленіе къ лучшему, стремленіе работать на пользу другихъ, которое наблюдаетъ онъ въ прошломъ; ему кажется, что лучше всего поддерживается въ людяхъ стремленіе работать для другихъ убѣжденіемъ, что многое сдѣлано было и для насъ нашими предками, людьми, жившими въ условіяхъ часто неизмѣримо худшихъ—и у такого изслѣдователя получается другой тонъ. Но, конечно, обо всемъ этомъ можно много спорить; но уже безспорно не слѣдовало г. Карѣеву писать: „въ изслѣдованіи нужно доказывать свои

положенія, но г. Чечулинъ въ иныхъ случаяхъ довольствуется ссылкой на то, что онъ „увѣренъ“ въ томъ то и въ томъ то (стр. 377) или „положительно увѣренъ“ (53) и т. п. (стр. 428). Конечно, нужно доказывать, я это зналъ и *сдѣлалъ это въ обоихъ случаяхъ*—въ одномъ случаѣ я въ подтвержденіе своей увѣренности вспоминаю многое, указанное выше, а въ другомъ—доказательству положительной своей увѣренности я посвятилъ ни болѣе ни менѣе, какъ *десять страницъ* (53—64), и для меня—какъ, думаю, и для всякаго, кто возьметъ на себя трудъ заглянуть въ мою книгу—совершенно непохитно, какимъ образомъ г. Карѣевъ нашелъ возможнымъ сослаться на два указанныхъ имъ мѣста въ подтвержденіе своего обвиненія противъ меня, будто я не доказываю своихъ положеній, а довольствуюсь словами, что „увѣренъ“ въ томъ то и томъ то; если это были единственные случаи, на какіе онъ могъ хоть какъ нибудь сослаться—то у него очень слабыя доказательства. Не даетъ также вѣрнаго понятія о моей книгѣ г. Карѣевъ и тогда, когда пишетъ: „онъ остается здѣсь спокойнымъ потому, что Екатерина II и Панинъ „руководствовались заботами о дѣйствительныхъ, прямыхъ выгодахъ Россіи, а не преслѣдовали какія то отвлеченныя идеи“ (стр. 48), къ числу каковыхъ г. Чечулинъ относитъ „вѣротерпимость“ и „свободу совѣсти“ (ковычки автора)“. Нами выписана здѣсь буквально фраза изъ замѣтки г. Карѣева; слова въ скобкахъ тоже написаны имъ. Не изумительно ли, что здѣсь оказываются соединенными части фразъ со стр. 48 и 268, при чемъ на стр. 48 и 49 у меня сказано, что Екатерина и Панинъ не руководились въ своихъ дѣйствіяхъ такими отвлеченными идеями, какъ признаніе для Россіи „обязанности соблюдать трактаты, которыми она гарантировала неприкосновенность польскаго и шведскаго государственнаго устройства“, „стремленіе защитить прекрасныя черты вольности, такъ ярко выраженныя въ польскомъ устройствѣ“, „желаніе противодѣйствовать фанатизму католическаго духовенства, позорящему тотъ просвѣщенный вѣкъ“, „желаніе быть полезно своимъ друзьямъ и прославиться только тою пользою, которую она принесетъ имъ“ и т. п.—хотя такія основанія и выставлены въ дипломатической перепискѣ Панина—а слова „въ ковычкахъ автора“ взяты г. Карѣевымъ со стр. 268, гдѣ сказано слѣдующее: „такъ оцѣнить образъ дѣйствій Россіи и ея противниковъ придется даже не на основаніи тѣхъ принциповъ, *безспорно прекрасныхъ*, которые русское правительство *выставляло* основаніемъ своихъ дѣйствій; мы знаемъ, что „вѣротерпимость“ и „свобода совѣсти“, возвращеніе польскимъ гражданамъ правъ, которыхъ они были лишены незаконно и насн-

ліемъ — были лишь предложениями для вмѣшательства; поэтому мы не будемъ принимать ихъ въ разчетъ при оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ; для нашей оцѣнки намъ послужатъ дѣйствительно существенныя черты въ дѣятельности русскаго правительства въ Польшѣ и поляковъ той партіи, которая являлась противницею русскаго вліянія въ Польшѣ“. Вотъ выписка нѣсколько длинная, но приведенная для того, чтобъ видно было, насколько неточно передалъ г. Карѣевъ значеніе моихъ „ковычекъ“ къ словамъ вѣротерпимость и свобода совѣсти, — оговариваюсь, что курсивъ введенъ мною лишь здѣсь, разрядка же существуетъ и въ текстѣ книги...

Затѣмъ, г. Карѣевъ обвиняетъ меня въ томъ, что я, называя политику Екатерины и Панина національною, вовсе не рассматриваю вопроса, насколько она, дѣйствительно, была національна, а только восторгаюсь и т. д. Но обвиненіе по этому пункту совершенно падаетъ само собой: я не называлъ политики Екатерины и Панина національною, я говорилъ всегда о ихъ стремленіи достигать выгодъ для Россіи, для русскаго государства, для русскаго народа (см. 51, 81—82, 101—102, 221—223, 227—269, 423), оговариваясь неоднократно (см. стр. 162 и 423), что Екатерина и Панинъ въ этомъ отношеніи не стояли выше современниковъ, что, какъ и другіе политическіе дѣятели XVIII вѣка, они думали, что истинную пользу правительству приносить, если ему удастся приобрести для своего государства лучшія границы, новые доходы и новыхъ подданныхъ; я не разъ (см. стр. V, 50, 269) ссылаясь на книгу Сореля, указывая, что политика Екатерины и Панина была вполне подобна политикѣ другихъ европейскихъ правительствъ того времени; а Сорель ужъ конечно не выставляетъ ее національною; европейскимъ политикамъ того времени понятіе о національности, о національномъ чувствѣ было почти совершенно чуждо. Моего критика, повидимому, ввели въ заблужденіе тѣ фразы, на V страницѣ предисловія и на послѣдней страницѣ текста, гдѣ я говорю, что считаю полезною и плодотворною политику національную; но мнѣ кажется совершенно яснымъ, что слова эти являются общимъ сужденіемъ, а вовсе не прилагаются мною къ политикѣ Екатерины и Панина. Ихъ политику я не считалъ и не считаю вполне національною, хотя это мнѣ и не мѣшаетъ высоко ее цѣнить; я могу признать для прошлаго высокое значеніе и такой дѣятельности, которая мнѣ не кажется вполне правильною для настоящаго; я вообще убѣжденъ, что надо цѣнить дѣятельность прежнихъ людей не по тому, насколько симпатична она намъ

съ нашей современной точки зрѣнія, а только по тому, насколько была она проникнута стремленіемъ принести современникамъ всю возможную пользу; я не понимаю такого изученія исторіи, когда не обращается вниманія на то, что для прежнихъ людей казалось важнымъ, серьезнымъ, что занимало ихъ вниманіе, и потому считаю очень слабымъ упрекъ, дѣлаемый мнѣ г. Карѣвымъ за то, что я интересуюсь вопросами о равенствѣ или преимуществѣ дипломатическихъ представителей русскихъ и другихъ государствъ; я удѣлилъ этимъ вопросамъ то вниманіе, какого они мнѣ казались достойными не съ современной нашей точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія людей XVIII вѣка. Отмѣтимъ здѣсь еще одну фразу г. Карѣва, которая, мнѣ кажется, говоритъ больше, чѣмъ бы хотѣлъ сказать г. Карѣвъ: „это—уже небрежность и невниманіе и съ чисто научной точки зрѣнія“, говоритъ онъ въ той части замѣтки, гдѣ старается доказать, что я не выяснилъ вопроса о національности въ политикѣ Екатерины; выходитъ, какъ будто г. Карѣвъ оцѣниваетъ мою книгу не только „съ чисто научной точки зрѣнія“?—Что касается указаній, что я смѣшиваю понятія „русскій народъ“ и „русское государство“, то, помимо спорнаго вопроса о томъ, въ какой степени надо эти понятія раздѣлять, а тѣмъ болѣе—противуставлять, я, допуская, нѣсколько разъ такое „смѣшеніе“, поступалъ совершенно сознательно и хотѣлъ этимъ дать понять, что мнѣ политика Екатерины и Панина представляется полезною и государству русскому и русскому народу. Защищать такой тезисъ вполне я, пожалуй, и не рѣшусь; но во всякомъ случаѣ я, по моему крайнему убѣжденію, со своей стороны сдѣлалъ нѣчто для будущаго разсмотрѣнія такого вопроса, устанавливая точно многіе факты виѣшней политики Екатерины и Панина.

Вотъ всѣ возраженія первой половины замѣтки г. Карѣва; послѣдняя, большая ея часть, посвящена авторомъ доказательству, что я совершенно не знакомъ съ литературой предмета. Разсмотрѣвъ же, какіе пробѣлы указалъ г. Карѣвъ въ моей работѣ и въ этомъ отношеніи, а также—что рекомендуетъ онъ мнѣ, какъ необходимыя дополненія.

Едва ли кто рѣшится поддерживать положеніе, что при разработкѣ какого-нибудь не узко спеціальнаго вопроса по источникамъ,—притомъ еще въ значительной мѣрѣ не тронутымъ,—обязательно пересмотрѣть положительно всю литературу вопроса; подобное требованіе было бы равносильно требованію, чтобы изученіе нѣкоторыхъ вопросовъ было прекращено вовсе; чтобы перечитать все, написанное напримѣръ о великой революціи—прямо не хватить человѣческой

жизни; приблизительно то же можно сказать и о литературѣ, посвященной эпохѣ реформаціи и паденію Польши. Очевидно, что необходимо знать современное положеніе вопроса въ ученой литературѣ, необходимо быть знакомымъ со всѣми различными взглядами, на него высказанными,—но, конечно, не со всѣми книгами, гдѣ только есть хоть что-либо по затронутому вопросу. Я думалъ и думаю поэтому, что избралъ совершенно правильный путь въ своемъ изслѣдованіи, принявши за исходный пунктъ своего изученія польскаго раздѣла ту постановку вопроса, какая дана ему въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ Беръ, Дункеръ, Ранке, Рейманъ, Сорель, тѣмъ болѣе, что польскія отношенія составляютъ хотя и важнѣйшую часть моего изслѣдованія, но все-таки—лишь часть его, и не все его содержаніе. Затѣмъ относительно нѣкоторыхъ ученыхъ трудовъ, имѣющихъ отношеніе къ моему темѣ, я положился на отзывы о нихъ болѣе или менѣе авторитетныхъ судей и сообразно съ нимъ тоже оставлялъ въ сторонѣ нѣкоторыя работы; такъ, безспорно, приходится дѣлать и всякому изслѣдователю. Г. Карѣвъ, однако, называетъ до 25-ти сочиненій, незнакомство съ которыми, по его словамъ, пагубно отозвалось на моемъ трудѣ. Послѣдуемъ же за нимъ и въ этой части и посмотримъ, какъ, дѣйствительно, существенны его указанія.

Прежде всего замѣтимъ, что г. Карѣвъ допустилъ весьма странное заключеніе: „не упомянулъ книги, значитъ ея не знаетъ“; естественно, допуская невѣрное заключеніе, онъ сейчасъ же впадетъ въ ошибки; такъ, утвержденіе г. Карѣва, что я „совершенно не знакомъ“ съ трудомъ профессора Трачевскаго—„Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II“,—совершенно ошибочно; книгу эту я отлично зналъ, читалъ, не считая же нужнымъ сослаться на нее потому, что авторъ для той эпохи, гдѣ мы съ нимъ сходимся, совершенно самостоятеленъ, даетъ лишь компиляцію по трудамъ другихъ изслѣдователей; точно также просматривалъ я и указываемый мнѣ г. Карѣвымъ трудъ Онкена, но не нашелъ въ немъ ничего такого, что, по моему мнѣнію, слѣдовало бы мнѣ отмѣтить непременно изъ его книги; указываемое мнѣ изданіе инструкцій французскимъ посломъ въ Польшѣ, само собою, не могло остаться мнѣ неизвѣстнымъ, хотя г. Карѣвъ это утверждаетъ положительно: эти инструкціи составляютъ 4-й и 5-й томы того собранія, 9-й томъ котораго, изданный Рамбо, я цитирую постоянно, и въ этомъ томѣ упоминаются; по дѣло въ томъ, что именно въ рассматриваемую мною эпоху французская политика ничѣмъ сколько нибудь замѣтнымъ въ Польшѣ себя не

проявила; въ соотвѣтствіи съ этимъ въ изданіи Фаржа къ изучаемой мною эпохѣ и относятся всего 60 — 70 страницъ; все, что въ дѣйствіяхъ Франціи въ Польшѣ было сколько-нибудь важнаго—извѣстно и повторено во всѣхъ существующихъ сочиненіяхъ, все это мною принято въ расчетъ и все равно, на сообщеніе какой книги о томъ или другомъ фактѣ я ссылаюсь; по такой же точно причинѣ я считалъ, что имѣю полное право не изучать „секретной переписки“, изданной Бутарикомъ. Затѣмъ, я находилъ, что имѣю полное право не обращаться къ трудамъ такихъ изслѣдователей, или, лучше сказать, надателей матеріаловъ, книгами которыхъ пользовались очень многіе другіе ученые и всѣ извлекали изъ нихъ одинаковыя заключенія, которыя, однако, я находилъ не совсѣмъ правильными и опровергалъ на основаніи новыхъ документовъ; по этимъ соображеніямъ я рѣшился оставить безъ обстоятельнаго изученія сочиненіе, или, лучше сказать, изданія, Арнета, но и то все-таки ихъ пересмотрѣлъ. До извѣстной степени основательно сдѣланное мнѣ г. Карѣвымъ указаніе, что есть труды, посвященные критикѣ историческихъ сочиненій Фридриха, тогда какъ во время писанія своей книги я ихъ, дѣйствительно, не зналъ. Но я былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что ни у одного изъ серьезнѣйшихъ историковъ Фридриха, каковы Дункеръ, Рейманъ, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы они хотя нѣкоторыя показанія Фридриха отвергали, или даже исправляли, на основаніи какихъ либо критическихъ разборовъ его сочиненій. Г. Карѣвъ указалъ мнѣ три работы, такому разбору посвященныя. Но оказывается, что все это докторскія диссертациі, а, какъ извѣстно, даже и въ Германіи не считается обязательнымъ, чтобы изслѣдователь зналъ даже и докторскія диссертациі. Ознакомившись теперь съ этими статьями, я убѣдился вполнѣ, что ими значеніе сочиненій Фридриха вовсе не выяснено окончательно; всѣ эти три работы — очень не большія по объему (70, 80, 100 стр.) и по ученому своему значенію, конечно, уступаютъ любой хорошей медальной работѣ русскаго студента; и во всякомъ случаѣ, ни одно изъ сдѣланныхъ мною указаній на ошибки и вѣроятно умышленныя отступленія Фридриха отъ истины этими работами не опровергнуто. Г. Карѣвъ восклицаетъ далѣе: „говорить о внутреннихъ польскихъ дѣлахъ въ 1763—1772 г. не зная польскихъ изслѣдованій объ этомъ періодѣ,—прямо непозволительно!“ Но дѣло въ томъ, что о внутреннихъ польскихъ дѣлахъ я почти не говорю, касаюсь ихъ лишь постольку, поскольку они непосредственно связаны съ дѣйствіями русскаго правительства; я умышленно сосредоточивалъ все

свое вниманіе на изслѣдованіи дѣйствій русскаго правительства, находя, что они разсмотрѣны были до сихъ поръ недостаточно; впрочемъ, быть можетъ самое сильное замѣчаніе г. Карѣева—это указаніе, что не слѣдовало оставлять безъ вниманія сочиненій Калинки и Корзона; но все-таки скажу г. Карѣеву, что онъ жестоко ошибается, говоря, что изъ книги Корзона я „могъ бы узнать, какъ велико было въ XVIII вѣкѣ населеніе Польши, которое, думаетъ онъ (то-есть, я) невозможно опредѣлить хотя бы приблизительно“ (439). Замѣчу, во-первыхъ, что у меня сказано „хотя бы приблизительно *точное* населеніе“, а во-вторыхъ, что если бы г. Карѣевъ не положился только на свою память, что Корзонъ говорить о населеніи Польши, а далъ бы себѣ трудъ заглянуть снова въ его книгу и сравнилъ бы съ текстомъ Корзона указанныя мною цитаты, то увидалъ бы, что *Корзонъ не даетъ ничего иного, какъ тѣ же самыя септѣнія изъ Бюшима, о которыхъ говорю и я въ своей книгѣ*, что цифра и у Кроме, на котораго ссылаюсь я, а не ссылается Корзонъ, подходит очень близко къ принимаемой Корзономъ—только я не нашелъ возможнымъ назвать „даже приблизительно точнымъ“ такое опредѣленіе числа населенія, которое основано на среднемъ изъ 8.500.000 и 12.030.000 (ср.: *Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski*, II. 57—71, и у меня пр. 3 на стр. 439); что въ Польшѣ въ началѣ второй половины XVIII вѣка было приблизительно 10 миліоновъ жителей—это и такъ можно было сказать, но при разницѣ въ 50%, я думаю, нельзя говорить о „точномъ“ опредѣленіи числа.

Именно потому, что я говорю о дѣйствіяхъ русскаго правительства, что ясно изъ всей моей книги, а не „о внутреннихъ дѣлахъ Польши“, я мало говорю и о гайдачинѣ и останавливаюсь только на доказательствѣ, что движеніе это возникло безъ всякаго участія русскаго правительства. Но еслибы я и счелъ нужнымъ заняться вопросомъ о гайдачинѣ, то, конечно, избралъ бы для этого никакъ не тотъ, по меньшей мѣрѣ странный, путь, какой рекомендуетъ мнѣ г. Карѣевъ, предлагая „заглянуть въ статьи г. Мякотина о гайдамакахъ и коливщинѣ, помѣщенные въ XII и XV томахъ „Энциклопедическаго Словаря“. Я вообще не считаю энциклопедическихъ словарей руководствомъ, пригоднымъ для ученыхъ изслѣдованій; что же касается въ частности статей г. Мякотина, то, мнѣ кажется, г. Карѣевъ сдѣлалъ такъ много для распространенія ихъ извѣстности и славы, что могъ бы освободить меня отъ новаго напоминанія объ ихъ существованіи: въ „Программахъ для самообразовательнаго чтенія“.

которыя изданы были комиссіей подъ предѣдательствомъ г. Карѣва и въ которыхъ отдѣлъ русской исторіи составленъ при ближайшемъ участіи г. Мякотина, рекомендованы для прочтенія *есть статьи* г. Мякотина, даже не поступавшіе въ продажу курсы его, читанные въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, и не указано *ничего* изъ трудовъ Кавелина, Чичерина, Градовскаго, не говоря уже о Карамзинѣ и митрополитѣ Макаріи, изъ сочиненій Соловьева указана лишь первая глава XIII т.; этого довольно и даже черевчуръ, чтобы произведенія г. Мякотина спокойно оставить въ сторонѣ...

Обращаясь снова къ указаніямъ г. Карѣва на разные пропущенные мною труды, скажу, что статья Ренпеля о безкорольи и статья Бера о свиданіи Фридриха и Иосифа оставлены были мною въ сторонѣ—я увѣренъ съ полнымъ правомъ,—потому, что я пользовался другою—очень обстоятельною и позднѣйшею работою (Ашкенази) по тому самому вопросу, которому посвящена статья Ренпеля, и потому, что я пользовался другимъ, большимъ, сочиненіемъ того же самаго Бера, касающимся тѣхъ же вопросовъ и той же эпохи, отдѣльную статью о которыхъ указываетъ мнѣ г. Карѣвъ.

Вотъ мои объясненія по поводу указанныхъ мнѣ г. Карѣвымъ пробѣловъ въ пользованіи литературою предмета; можно съ ними соглашаться вполне, или не вполне; можно, пожалуй, не пожелать согласиться—но во всякомъ случаѣ смѣю думать, они вполне снимаютъ съ меня взводимое на меня г. Карѣвымъ обвиненіе въ полномъ отсутствіи у меня правильнаго пониманія того, насколько надо изслѣдователю пользоваться литературою предмета.

Но, впрочемъ, мы вѣдь еще не покончили со спискомъ книгъ, приведеннымъ г. Карѣвымъ; въ немъ до 25 названій, а я сказалъ пока лишь о 13; пойдемъ и далѣе.

Г. Карѣвъ говоритъ, что я „долженъ былъ бы обратиться къ труду Ренпеля „*Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts*“, что я „не заглянулъ ни разу въ сочиненіе Иссена о генезисѣ перваго раздѣла Польши“, и не заинтересовался изучить специальное сочиненіе Сореля „Восточный вопросъ въ XVIII вѣкѣ“ и т. д. Я этихъ книгъ не прочелъ. Но если ихъ прочесть непременно слѣдовало, то виновать въ томъ, что я ихъ не читалъ, самъ г. Карѣвъ—виновать, разумѣется, настолько, насколько вообще виновать авторъ, вводящій въ заблужденіе читателя. Въ книгѣ своей „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ“ (С.-Пб. 1888), г. Карѣвъ (стр. 156—157) далъ о книгѣ Ренпеля отзывъ всего въ 9 строкъ (тогда какъ о дру-

гихъ книгахъ и даже статьяхъ говорить по 4—6—8 страницъ, о книгахъ же Калинки и Корзона по 30) и такой отзывъ, который всего менѣе давалъ основаніе думать, что необходимо эту книжку прочесть; точно также по его изложенію книги Янсена (тамъ же, 139 — 143) приходилось вынести заключеніе, что эта книга не даетъ рѣшительно ничего, сколько нибудь цѣннаго для моей работы; наконецъ, г. Карѣвъ упоминаетъ указываемую имъ мнѣ книгу Сореля „La question d' Orient au XVIII siècle, le partage de la Pologne et le traité de Kainardji“ (тамъ же, 169), но излагаетъ взгляды Сореля на паденіе Польши именно по тому же большому сочиненію этого ученаго, которымъ пользовался и я (тамъ же, 165—168); этимъ г. Карѣвъ подалъ мнѣ основаніе думать, что въ большомъ своемъ трудѣ, написанномъ къ тому же послѣ упоминаемаго г. Карѣвымъ, Сорель сказалъ все существенно важное и для меня. Наконецъ, и статьи В. К., незнакомствомъ съ которою упрекаетъ меня г. Карѣвъ, въ его обзорѣ тоже вовсе нѣтъ, хотя тамъ есть если не разборъ, то хотя упоминаніе множества другихъ, гораздо менѣе значительныхъ статей! Я совершенно готовъ признать за г. Карѣвымъ право „отнюдь не брать на себя ручательства, что въ нашихъ (то-есть, его) указаніяхъ нѣтъ никакихъ пробѣловъ“ (тамъ же, 405); готовъ признать, что ему простителенъ пропускъ даже такихъ сочиненій, какъ Раумера, *Poleus Untergang* или Дункера, „*Aus der Zeit Friedrichs des Grossen*“, — но не могу не удивляться и не пожалѣть, что въ послѣднее по времени въ русской литературѣ обзорѣніе трудовъ по исторіи паденія Польши вкрались такіе многочисленные пропуски сочиненій столь важныхъ, что неупоминаніе ихъ въ трудѣ, который только касается перваго раздѣла Польши, а не спеціально ему посвященъ, оказывается весьма крупнымъ пробѣломъ! И ужъ положительно не понимаю, да, вѣроятнo, и никто не пойметъ, какимъ же указаніямъ г. Карѣва на чужія книги какую цѣну придавать, когда вижу далѣе, что г. Карѣвъ попрекаетъ меня тѣмъ, что я не ссылаюсь—или даже, что мало ссылаюсь — на „*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*“ и на „*Geschichte der preussischen Politik*“ Дройзена: вѣдь оба эти изданія не доходятъ до того времени, съ какого я начинаю свое изслѣдованіе; книга Дройзена доведена, въ строго хронологическомъ изложеніи, лишь до начала Семилѣтней войны, до Вестминстерскаго договора 1756 г.! Но верхъ странности представляютъ указанія г. Карѣва на книги Крузаца, „*Prinz Heinrich, der Bruder Friedrichs des Grossen*“ и Германа „*Австро-прусскій союзъ и раздѣлъ Польши*“ —

такъ называетъ послѣднюю книгу г. Карѣвъ. Книга Крузаца,—за-
мѣтимъ, что на заглавномъ листѣ ея стоитъ Major z. D., то-есть,
Major zur Disposition—представляетъ изъ себя брошюру въ 51 страничку
маленькаго формата, написанную, какъ прямо сказано въ началѣ, съ
цѣлью возстановить въ умахъ нѣмцевъ образъ „этого забытаго героя“;
авторъ говоритъ о полнѣйшемъ довѣрїи между Фридрихомъ и Генри-
хомъ, огромная часть его книги занята описаніемъ военной дѣятель-
ности принца и путешествію его въ Стокгольмъ и Петербургъ, о чемъ
у меня говорится на пяти или шести страницахъ, посвящена *одна
лишь страничка*, не заключающая въ себѣ *рѣшительно ничего ин-
тереснаго*. Г. Карѣвъ говоритъ, что если бы я имѣлъ привычку быть
изслѣдователемъ, то поинтересовался бы узнать, „что это (пр. Ген-
рихъ) былъ за человекъ, въ какихъ отношенїяхъ стоялъ онъ къ Фрид-
риху II и т. д.“—положительно утверждаю, что свѣдѣнія объ этомъ,
вкратцѣ извлеченныя мною изъ записокъ Тьебо, несравненно болѣе
цѣнны, чѣмъ вся книжка Крузаца; ссылаться на такія работы въ
изслѣдованїи—каково бы даже оно ни было—положительно смѣш-
но и указаніе такихъ книгъ будетъ ничто иное, какъ лишній балластъ.
Что касается книги Германа, незнакомство съ которою коротко и
рѣшительно ставитъ г. Карѣвъ мнѣ въ вину, то тутъ происходитъ
нѣчто положительно непонятное. Г. Карѣвъ *не могъ* имѣть въ виду
(ср. его „Паденіе Польша“, 107) ничего другаго, кромѣ книги (впро-
чемъ, точнѣе брошюры въ 4¹/₂, печатныхъ листа): „Die östereich-preus-
sische Allianz vom 7 Februar 1792 und die *weite* Theilung Polens“—
такъ вѣдь эта книжка касается совершенно другихъ отношенїй и дру-
гой эпохи! Въ ней, прямо со второй страницы, и начинается изло-
женіе событїй 1791 г., къ нимъ относятся и напечатанныя въ ней
документы! Позволю себѣ спросить: какою полнотою указанїй ли-
тературы могъ бы я достигнуть того, чтобы мнѣ не указывали въ видѣ
упрека на сочиненїя, очевидно и несомнѣнно не имѣющія никакого
отношенїя къ моему темѣ?! Конечно, подобныхъ указанїй никакою
полнотою ссылокъ избѣжать невозможно ¹⁾).

Нужно ли доказывать, что вполне можно было оставить въ сторонѣ
такія сочиненїя, какъ указываемыя мнѣ г. Карѣвымъ Гамионда

¹⁾ И не странно ли, что непосредственно за такою неточною ссылкой на Гер-
мана у г. Карѣва идетъ слѣдующая фраза: „Нѣсколько ему (то-есть, мнѣ) из-
вѣстна „Neuere Geschichte des preussischen Staates“ Реймана (1882), годъ изда-
нїя которой у него отмѣченъ, однако, невѣрно (1888)“?!

„Франція и Пруссія въ 1763 — 1769 г.“, Зугенгейма, „Russlands Einfluss und Beziehungen zu Deutschland“ и еще два-три? Вообще, эта, часто только внѣшняя, а не настоящая эрудиція, приобретаемая просто съ Ястровымъ въ рукахъ, никогда меня не прельщала; какъ неупоминаніе книги вовсе еще не доказываетъ незнанія ея, такъ и упоминаніе вовсе не доказываетъ знакомства съ нею. Можно, даже и не подозрѣвая о существованіи такого капитальнаго указателя какъ Jastrow's Jahresberichte der Geschichtswissenschaft подыскать двѣ—три книжки, пропущенныя авторомъ, и объявить ихъ „капитальными“, хотя бы онѣ и были ничтожны по значенію, можно и другія книги, не выдавъ ихъ и въ глаза, называть „компиляциями“. — для этого нужны лишь смѣлость и свободное время; именно такъ и поступалъ одинъ изъ моихъ рецензентовъ, тоже говорившій о недостаточномъ знакомствѣ моемъ съ литературою—заявляю, что конечно не г. Карѣевъ обнаружилъ такое знакомство съ литературою.

Въ заключеніе своего отвѣта г. Карѣеву не могу не высказать удивленія, какъ это серьезному человѣку охота приводить въ серьезныхъ статьяхъ выдержки изъ литературныхъ произведеній въ доказательство или для иллюстраціи—право не знаю, какъ сказать—какого-нибудь положенія, подлежащаго научному разсмотрѣнію. Не ясно ли, что во всякой литературѣ разсѣяны столь разнохарактерныя, но равно мѣткія и смѣшныя фразы, что безъ труда можно подыскать ихъ для примѣненія и къ г. Карѣеву и къ кому угодно; если еще въ словесномъ состязаніи не всегда придетъ въ голову удачная цитата въ отвѣтъ на подобную выходку собесѣдника, то для печатнаго отвѣта и въ „Ревизорѣ“ и въ „Горѣ отъ ума“, откуда черпались колкія фразы противъ меня, и въ басняхъ Крылова, я могъ бы указать нѣсколько цитатъ, которыя совершенно такъ же приложимы къ моимъ оппонентамъ, какъ ко мнѣ приводимыя ими фразы. Но я не буду прибѣгать къ такому приему, считая его недостойнымъ ученаго спора. Не буду также ни здѣсь ни послѣ отвѣчать и тѣмъ своимъ критикамъ, которые явнымъ образомъ стремятся не къ выясненію затронутыхъ въ моей книгѣ вопросовъ, даже не къ выясненію недостатковъ и промаховъ моего изслѣдованія, а лишь къ тому, чтобы наговорить и напечатать сколько только возможно неприятныхъ мнѣ вещей, не останавливаясь даже ни предъ такими выраженіями, какъ „вздоръ“, „нелѣпость“, ни предъ какими то намеками. смыслъ которыхъ ни я самъ, ни кто другой разгадать не можетъ. Нападки такого характера—какъ впрочемъ, и ничто въ мірѣ—

не могутъ нимаю отклонить меня отъ пути научныхъ работъ, которымъ я иду—смѣло говорю—единственно изъ любви къ научному изслѣдованію. „Исторія не даетъ отдыха своимъ труженикамъ; кто разъ отвѣдалъ этого горькаго и крѣпкаго напитка, тотъ не перестанетъ пить его до смерти“—прочелъ я еще студентомъ въ одномъ сочиненіи Мишле; съ тѣхъ поръ эти слова всегда были моимъ девизомъ и останутся имъ до конца моихъ дней.

И. Чечулинъ.

Книжныя новости.

Исторія горы. Для юношества. *Элизе Рекаю*. Переводъ съ четвертаго французскаго изданія *Д. А. Корончевскаго*. Подъ редакціей *В. В—ва*. Москва. 1896. Стр. IV + 232 въ 8-ку. Ц. 50 коп. Изданіе товарищества *И. Д. Сытина*.—Вышеозаглавленная книжка, какъ видно изъ предисловія переводчика, представляетъ одну изъ двухъ книжекъ, написанныхъ знаменитымъ французскимъ географомъ для дѣтской серіи Гетцеля „Библіотека воспитанія и развлеченія“. Содержаніе книги такое: Нуждаясь въ уединеніи и душевномъ спокойствіи, авторъ оставляетъ городъ и направляется проселочными дорогами къ высокимъ горамъ, видимымъ на горизонтѣ. Поднявшись на гору, путешественникъ встрѣчаетъ пастуха и остается въ сообществѣ съ нимъ. Это составляетъ содержаніе первой изъ 22 главъ. Въ ближайшей главѣ авторъ, какъ бы пользуясь непосредственнымъ наблюденіемъ, передаетъ впечатлѣнія о тѣхъ предметахъ, которые прежде всего поражаютъ человѣка, поднимающагося на горы,—это вершины и долины, а затѣмъ дальнѣйшія главы посвящаются описанію предметовъ изъ области естественной исторіи, начиная съ разныхъ породъ камней, составляющихъ толщу горы (гл. 3-я). Въ четвертой главѣ сообщаются поэтическіе вымыслы и преданія, существовавшіе у нѣкоторыхъ народовъ о происхожденіи земли, а затѣмъ уже излагается современная теорія происхожденія горъ, то-есть отъ работы самой земли надъ своею же собственною поверхностью. Въ пятой главѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи земли и объ ископаемыхъ. Далѣе, двѣ главы (6-я и 7-я) посвящаются работѣ горъ, выражающейся въ обвалахъ и осыпяхъ. Закончивъ съ твердымъ матеріаломъ горъ, Рекаю переходитъ къ атмосферическимъ явленіямъ, и разъясняетъ происхожденіе и природу облаковъ, тумановъ, грозъ, снѣга, лавинъ, ледниковъ, моренъ и потоковъ (главы отъ 8-й до 13-й включительно). Послѣ атмосферическихъ явленій слѣдуетъ растительное царство, именно въ главѣ „Лѣса и пастбища“ (гл. 14). За растительнымъ—животное царство подъ заглавіемъ „Горныя животныя“ (гл. 15). Затѣмъ—горный климатъ или, какъ въ книгѣ сказано, „Ярусы климатовъ“ (гл. 16). Затѣмъ—человѣкъ—въ главахъ „Свободный горецъ“ и „Крестьянинъ“ (гл. 17 и 18). Три предпоследнія главы (19, 20 и 21) подъ заглавіемъ

„Поклоненіе горамъ“. „Огнниъ и боги“ и „Горные духи“ посвящены описанію впечатлѣній, производимыхъ высокими горами на человѣка, въ историческую эпоху существованія послѣдняго. Самая послѣдняя глава „Человѣкъ“ имѣеть, собственно говоря, спеціальнѣйшій педагогическій характеръ. Представляетъ разные факты, доказывающіе, что по мѣрѣ распространенія знаній, человѣкъ все болѣе и болѣе измѣняетъ природу и покоряетъ ее, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что жизнь, столь суровая для большинства людей, современемъ будетъ все болѣе и болѣе легкой. Но съ другой стороны, легкость эта съ теченіемъ времени можетъ повести человѣка къ ступеню, а все человечество — къ вырожденію. Для предупрежденія этого, по мнѣнію автора, современное воспитаніе должно быть ведено такимъ образомъ, чтобы результаты всѣхъ воспитательныхъ средствъ были тѣ же, которые раньше давались борьбою съ природою за существованіе, то-есть, способность человѣка къ энергическимъ усиліямъ. Въ такого рода воспитаніи дѣтей, какъ говоритъ Реклю, „горѣ должно предстоить самое видное значеніе... Мужественныхъ и чистыхъ сердцемъ людей нельзя образовать въ узкихъ залахъ съ рѣшетчатыми окнами. Пусть доставятъ имъ, напротивъ, удовольствіе купаться въ горныхъ потокахъ и озерахъ, пусть ихъ заставляютъ взбираться на высокія вершины. Они не только научатся безъ труда тому, чему никакая книга не могла бы ихъ выучить, не только они будутъ вспоминать, чему научились въ эти счастливые дни, когда голосъ учителя сливался для нихъ въ одно впечатлѣніе съ зрѣніщемъ прекрасныхъ, ободряющихъ горныхъ видовъ, — но они будутъ видѣть опасность и будутъ весело преодолевать ее. Научныя занятія будутъ для нихъ удовольствіемъ, и характеръ ихъ образуется въ радостномъ настроеніи“ (стр. 228). Что касается до научной стороны книги, за это ручается имя автора; на степень же полезности ея для школьныхъ читателей хорошо указываетъ самъ г. Коропчевскій въ предисловіи. Такъ онъ говоритъ: чтобы понимать книгу Реклю „надо имѣть нѣкоторую элементарную подготовку. Поэтому книга его наиболѣе пригодна для дѣтей старшаго школьнаго возраста. Для нихъ она представляетъ матеріалъ исключительной цѣнности, давая имъ въ небольшомъ объемѣ много важныхъ свѣдѣній....., но чтобы усвоить этотъ матеріалъ, надо надъ нимъ поработать: надо читать книгу внимательно, справляясь по другимъ книгамъ или спрашивая объясненія у другихъ“ (стр. IV). Это мнѣніе г. Коропчевскаго, съ нашей стороны, можетъ быть дополнено тѣмъ, что трудность пониманія книги для многихъ учениковъ будетъ зависѣть не отъ того только, что они не будутъ имѣть нѣкоторыхъ подготовительныхъ свѣдѣній по различнымъ частямъ естественной исторіи, какъ это полагаетъ авторъ, но и отъ изложенія ея, обусловливаемого нынѣшнимъ воображеніемъ и вообще поэтическимъ характеромъ автора. Въ каждой главѣ встрѣчается не мало мѣстъ, въ которыхъ нѣтъ ни описаній, ни фактовъ, ни картинъ, а высказываются чувства и впечатлѣнія, которыя на столько тонки, что не всякимъ читателемъ могутъ быть уловимы; примѣромъ этого особенно могутъ служить 1-я и 2-я главы. Такимъ же характеромъ отличаются цѣлыя главы: „Снѣга“ (стр. 84) и „Ледники“ (стр. 107). Но во всякомъ случаѣ, книгу эту надо признать полезною, такъ какъ въ ней разсѣяно не мало матеріала, который нужно отыскивать

въ подробныхъ книгахъ, не всегда доступныхъ ученикамъ. Такъ, наиримѣрь, матеріалъ о работѣ времени надъ разными горными породами, о разрушительныхъ дѣйствіяхъ снѣга, воды на горы, а равно и новыя образованія, являющіяся слѣдствіемъ разрушительныхъ дѣйствій; или, наиримѣрь, множество фактовъ, указывающихъ на единство въ разнообразныхъ явленіяхъ природы, о причинахъ кретинизма и т. д. и т. д. Переводъ сдѣланъ хорошо. Печать безукоризненная. Приложены 4 рисунка, довольно хорошо исполненные.

Джозъ Лэббокъ. Красоты природы и ея чудеса. Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1894. Изданіе *М. В. Кожина*. Стр. 162. Цѣна 65 коп.—Въ введеніи авторъ говоритъ о красотѣ природы, и высказываетъ взглядъ, что наслажденіе, получаемое отъ созерцанія красотъ природы, при пособіи науки не только не уменьшается, но еще болѣе увеличивается. Послѣ введенія авторъ переходитъ къ животнымъ, останавливается на общественныхъ насѣкомыхъ и на различныхъ проявленіяхъ въ жизни животныхъ, затѣмъ къ растеніямъ—при чемъ преимущественно обращаетъ вниманіе на соотношеніе между цвѣтами и насѣкомыми, на форму и расположеніе листьевъ, различныя явленія въ жизни растений и заканчиваетъ эту главу описаніемъ лѣсовъ и луговъ съ эстетической стороны. Далѣе идетъ статья о горахъ, водѣ, долинахъ, озерахъ, моряхъ, коралловыхъ островахъ и въ заключеніе о звѣздахъ небѣ и солнцѣ съ планетами и кометами. Дж. Лэббокъ извѣстенъ изслѣдованіями надъ жизнью общественныхъ насѣкомыхъ: муравьевъ, пчелъ, шмелей и осъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій: „Цвѣты, плоды и листья“ главное вниманіе онъ обращаетъ на биологическую сторону растительныхъ организмовъ, особенно на приспособленіе цвѣтка къ опыленію насѣкомыми. Сочиненія его отличаются характеромъ, свойственнымъ многимъ англійскимъ натуралистамъ, а именно оригинальностью, простою и ясною постановкою вопросовъ и доступностью изложенія. Тотъ же характеръ носитъ сочиненіе его, выставленное въ заголовкѣ; оно представляетъ много интереснаго и подборъ такихъ фактовъ, высказывающихъ (при освѣщеніи со стороны автора) такія черты, которыя раньше того не замѣчались. Стоитъ прочесть статью о листьяхъ, чтобы видѣть, какъ авторъ старается объяснить причины, обуславливающія безконечное разнообразіе формъ въ окружающей насъ природѣ; онъ обращаетъ вниманіе на разстояніе листьевъ, на ихъ вѣсъ, размѣръ, положеніе и распредѣленіе по стеблю, ни одна черта не отпущена, каждой придается извѣстное значеніе. Подъ красотой природы авторъ разумѣетъ не одну ви́шнюю сторону явленія, вызывающаго эстетическое дѣйствіе, но и внутреннюю: гармоническое соотношеніе между собою частей цѣлага, цѣлесообразность ихъ и законность, и этотъ взглядъ проводитъ по всему сочиненію. Къ сожалѣнію, авторъ захватываетъ слишкомъ много предметовъ, часто слишкомъ быстро переходитъ отъ одного къ другому, отчего мѣстами изложеніе выходитъ поверхностнымъ, не давая возможности основательно остановиться на извѣстномъ вопросѣ и ослабляетъ интересъ къ нему. Достаточно перечислить вопросы, касающіеся животныхъ, чтобы убѣдиться въ справедливости вышесказаннаго. На 23-хъ страницахъ рассматривается ростъ животныхъ, метаморозы, рудиментарные органы,

окраска, общество животныхъ, жизнь ихъ, сонъ, ощущенія, чувство направленія, количество видовъ, значеніе мелкихъ животныхъ, размѣры, сложность структуры, продолжительность жизни, индивидуальность и безсмертіе животныхъ. Изъ этого перечня ясно видна отрывчатость изложенія и крайнее разнообразіе предлагаемаго матеріала. Изъ различныхъ статей, помѣщенныхъ въ разбираемомъ сочиненіи, однѣ имѣютъ научный характеръ и интересъ ихъ заключается во внутреннемъ ихъ содержаніи, таковы происхожденіе горъ, различныя группы озеръ, происхожденіе швейцарскихъ озеръ, очертаніе долины—чисто геологическія статьи; другія посвящены описанію вѣтшной красоты природы, какъ на примѣръ, картинное описаніе утра въ бразильскомъ лѣсу (стр. 71), жизнь моря (стр. 116—118) и др. Подробнѣе и обстоятельнѣе прочія изложена статья о небесныхъ свѣтилахъ, здѣсь даже говорится объ опредѣленіи разстоянія звѣздъ посредствомъ паралакса. Въ сочиненіи встрѣчаются однако не совсѣмъ вѣрные взгляды и неточности въ научномъ отношеніи; послѣднія, быть можетъ, произошли отъ неправильнаго перевода. Дж. Лѣббокъ (стр. 92—93) полагаетъ, что „сжатіе земли развиваетъ большое количество теплоты, составляющее причину вулканическихъ изверженій“. Согласно повѣйшей сейсмической теоріи, такъ-называемой тектонической, дѣйствительно сжатіемъ земли объясняется образованіе на ней складокъ и горъ, но чтобы оно вызвало изверженіе, съ этимъ трудно согласиться. На стр. 108 говорится, что существованіе тюленей въ Байкалѣ указываетъ на прежнее соединеніе его съ Ледовитымъ океаномъ. Такое мнѣніе было въ свое время высказано извѣстнымъ географомъ Пешелемъ (см. *Neue Probleme der physischen Erdkunde*), причислявшимъ Байкалъ къ группѣ остаточныхъ озеръ (*Relictensee*). Но геологъ Креднеръ ¹⁾ указалъ, что морскія животныя могутъ перекочевывать въ прѣсноводныя вмѣстѣница и приспособляться къ различнымъ условіямъ; специально же для Байкала несправедливость такого мнѣнія показалъ г. Дибовскій, изучавшій это озеро въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. На стр. 59 читаемъ, что: „въ жаркихъ странахъ листья расположены такъ, что даютъ доступъ къ растеніямъ небольшому количеству свѣта; въ Австраліи, на примѣръ, листья расположены не горизонтально, а вертикально“. Но, во-первыхъ, это положеніе слишкомъ общо и допускаетъ не мало исключеній, во-вторыхъ, если авторъ имѣетъ въ виду австралійскія эйканитовыя деревья съ поднятыми листьями, то они встрѣчаются отнюдь не въ жаркомъ поясѣ, а во вѣв-тропическомъ. Стр. 73, „воздушные сосуды расположены на верхней сторонѣ листа, а кольчатые и сѣтчатые подъ ними“. Неясно, что разумѣетъ авторъ подъ воздушными сосудами; сосуды бываютъ точечные, спиральные, кольчатые и всѣ они въ извѣстное время содержатъ воздухъ; если же рѣшетчатые сосуды, то они всегда наполнены жидкимъ содержимымъ. Стр. 74: „въ стѣнкахъ клѣточекъ просверлено множество крошечныхъ отверстій, наполненныхъ протоплазмой“—неизвѣстно, про какія отверстія говоритъ авторъ, вѣдь только у листьевъ торфяниковаго мха стѣнки клѣточекъ съ отверстіями—быть можетъ онѣ разумѣетъ продушины, но онѣ представляютъ не отверстія, а только утопченныя мѣста клѣточной стѣнки; во всякомъ слу-

¹⁾ См. *Mittheilungen Petermann's Ergänzungshefte* 86—89.

чаѣ, чтобы ни понималъ подѣ ними авторъ, нельзя сказать, что отверстія наполнены протоплазмой. Стр. 101: „Рейнъ, Рона и Дунай берутъ начало въ группѣ возвышенностей между Gallenstock и Bernardino“—тутъ ясно ошибка: не Дунай, а притокъ его Иннъ беретъ начало недалеко отъ того мѣста, откуда стекаютъ Рейнъ и Рона. Стр. 121: „Глубина моря болѣе 39.000 ф.“, но пока наибольшая глубина найдена въ 8.518 метр., что составитъ всего 30.000 фут. Года три тому назадъ въ нѣкоторыхъ научныхъ журналахъ говорилось объ открытіи глубины вблизи южнаго тропика въ $9\frac{1}{2}$ в. (въ Великомъ океанѣ), но и эта величина меньше показанной. Впрочемъ и самъ авторъ сомнѣвается въ такой значительной глубинѣ; спрашивается, зачѣмъ же онъ привелъ ее? Стр. 150: „Арктуръ является самою большою и самою яркою изъ всѣхъ звѣздъ“, а чрезъ двѣ страницы читаемъ: „Сиріусъ самая блестящая звѣзда“. Последнее замѣчаніе наше относится къ взгляду автора, который на стр. 25 говоритъ, что „умственные способности муравьевъ отличаются отъ умственныхъ способностей человѣка не столько по существу, сколько по степени“. Напрасно авторъ касается такого серьезнаго вопроса въ популярномъ сочиненіи, да и трактуетъ о немъ между прочимъ и всего на девяти строчкахъ, отчего и выводъ его далеко не убѣдительно. Издано сочиненіе хорошо, переводъ удовлетворительный, если только не ставить нѣкоторыхъ ошибокъ въ вину переводчика; описокъ немного, такъ на стр. 47 вмѣсто завязи съ сѣменочками сказано „съ сѣменами“, стр. 103 городъ Куръ названъ Гуромъ, стр. 152 вмѣсто Альдебаранъ напечатано Акдебаранъ, на стр. 51 подѣ заглавіемъ душистый горошекъ говорится о первоцвѣтѣ (Prinula), притомъ это растеніе названо подсѣжникомъ и совершенно неправильно, такъ какъ обыкновенно такое названіе присвоиваютъ двумъ растеніямъ: Anemone nemorosa и Galanthus nivalis.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *Брандербургъ, Н. Е.*—Старая Ладога.—Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова.—Юбилейное изданіе Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Пб. 1896.

— *Иверсенъ, Ю. Б.*—Медаль въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Томъ III. Юбилейное изданіе Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Пб. 1896.

— *Сивагинъ, Павелъ.*—Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго привора, въ азвучномъ порядкѣ расположеніи.—Юбилейное изданіе Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Пб. 1896.

— *Латвишевъ, В. В.* Сворникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи. Юбилейное изданіе Императорскаго русскаго археологическаго общества. С.-Пб. 1896.

— Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества 15-го декабря 1896 г. дѣйствительнымъ членомъ, профессоромъ И. Веселовскимъ. С.-Пб. 1896.

— *Соловьевъ, Владимиръ*. Оправданіе добра. Нравственная философія. С.-Пб. 1897.

— *Гаркави, А.* УТВЕРЖДЕНІЕ МУСЛЬМАНЪ ОБЪ УПОМИНАНІИ МУХАММЕДА ВЪ ПЯТИКНИЖІИ МОИСЕЯ. С.-Пб. 1896.

— *Пасловъ-Сильванскій, Н.*—ПРОЕКТЫ РЕФОРМЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ ПЕТРА ВЪЛИКАГО. ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ПРОЕКТОВЪ И НЕИЗДАВАННЫХЪ ТЕКСТЫ. С.-Пб. 1897.

— *Шефферъ, П. Н.*—ЗАМѢТКА О СБОРНИКѢ КЯРИИ ДАННОВА. С.-Пб. 1896.

— *Симичевъ, П. В.*—НИКОЛЬСКІЙ ЕДИНОВѢРЧЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ, ЧТО ВЪ ПРЕВРАЖЕНСКОМЪ. М. 1896.

— *Маккаевскій, Н.*—К. Д. УШНСКІЙ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДІИ. Кіевъ. 1896.

— ПАМЯТИ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА. РѢчь, читанная академикомъ Л. Н. Майковимъ въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 г. С.-Пб. 1897.

— ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ КОМИТЕТА О СЕЛЬСКИХЪ ССУДО-СВЕРГАТЕЛЬНЫХЪ И ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВАХЪ. С.-Пб. 1897.

— *Кузь, Дм. П.*—Новая химія. Переводъ съ десятаго англійскаго изданія А. В. Алексина, подъ редакціей М. И. Ковалова (Библіотека для самообразованія. VI). М. 1897.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ поступили въ продажу слѣдующія изданія Академіи:

— *Рикачевъ, М. А.* Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1895 годъ (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію, томъ V, № 2, стр. IV+90 въ 4°. 1896). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ V, № 5 (декабрь). 1896. Цѣна 1 руб. (Подписка на „Извѣстія Императорской Академіи Наукъ“ принимается въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера, —Невскій просп., № 14, по 6 руб. въ годъ).

— Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Тома I-го книжка 4-я. Стр. 647—1008, въ 8°, съ титуломъ и оглавленіемъ къ тому. 1896. Цѣна 1 руб. 50 коп.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Латинская грамматика для русских гимназій. Краткое руководство къ изученію латинской грамматики для гимназій и прогимназій и для лицъ, занимающихся безъ помощи учителя. Примѣнительно къ программѣ 1890 года. Составилъ *Л. Н. Горкевичъ*, преподаватель древнихъ языковъ. Харьковъ. 1896. Ц. 75 коп. Стр. VI + 92.

При составленіи своей книги авторъ выходилъ изъ слѣдующихъ соображеній и наблюденій: „Совмѣстное преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ, говоритъ онъ въ предисловіи, въ тѣхъ классахъ, гдѣ проходитъ синтаксисъ того и другаго языка, показало мнѣ, что учениковъ очень затрудняетъ терминологія латинскаго синтаксиса, отличная отъ терминологіи, принятой въ учебникахъ русскаго грамматикѣ.

Большинство существующихъ учебниковъ латинскаго синтаксиса трактуетъ, напримѣръ, объ употребленіи того или другаго союза, супина, герундія и т. п., выдвигая такимъ образомъ на первый планъ этимологическую сторону языка и указывая, какую роль играетъ извѣстная часть рѣчи въ синтаксисѣ языка. Совершенно иначе распределенъ синтаксическій матеріалъ въ учебникахъ русскаго синтаксиса. Здѣсь разсматривается выраженіе членовъ независимаго предложенія различными частями рѣчи, способы соединенія извѣстныхъ словъ въ независимое предложеніе (синтаксисъ простаго предложенія) и наконецъ способы сочетанія независимыхъ предложеній въ одно или путемъ подчиненія или путемъ сочиненія (синтаксисъ сложнаго предложенія).

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Опытъ показалъ мнѣ, продолжаетъ авторъ, что дѣти значительно легче усваиваютъ данныя латинскаго синтаксиса, если изучаемый синтаксическій матеріалъ распредѣленъ въ такой системѣ, въ какой онъ разсматривался при изученіи роднаго языка, и терминологія латинскаго синтаксиса сближена съ терминологіей русскаго. При такомъ распредѣленіи матеріала рѣзко выступаетъ различіе между синтаксическимъ строемъ русскаго и латинскаго языковъ, и изученіе синтаксиса латинскаго языка заставляетъ дѣтей сознательно относиться къ языку отечественному, что, какъ мнѣ кажется, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей изученія грамматики иностраннаго языка⁴.

Объемъ книжки г. Горкевича не великъ: синтаксисъ занимаетъ въ ней всего 50 страницъ. Такая сжатость достигнута тѣмъ, что авторъ не помѣстилъ въ ней упражненій для переводовъ, не далъ въ книгѣ мѣста даннымъ, имѣющимъ стилистическій и фразеологическій характеръ, опустилъ свѣдѣнія касающіяся латинской метрики, календаря, мѣръ и т. д., полагая, что все это можно найти въ любомъ комментированномъ изданіи древнихъ авторовъ.

Изложеніе синтаксиса авторъ дѣлитъ на двѣ главныя группы: 1) синтаксисъ простаго предложенія и 2) синтаксисъ сложнаго предложенія. Въ первомъ отдѣлѣ онъ разсматриваетъ: употребленіе надежей, глаголы съ разными надежами, выраженіе подлежащаго и сказуемаго, времена, наклоненія, выраженія безличныя, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельственные слова, предложенія вопросительныя и восклицательныя, отвѣты утвердительныя и отрицательныя; второй отдѣлъ посвященъ: относительному употребленію времени изъявительнаго и сослагательнаго наклоненій, предложеніямъ дополнительнымъ и обстоятельнымъ, предложеніямъ условнымъ, уступительнымъ, опредѣлительнымъ, сокращенію придаточныхъ предложеній, косвенной рѣчи и сочиненію предложеній.

На стр. 81—88 помѣщенъ конспектъ латинскаго синтаксиса, вслѣдъ за которымъ идетъ указатель.

Книжка г. Горкевича составлена умѣло и толково; боимся только, какъ бы, при сжатости изложенія и обиліи матеріала, не показалась она непосильно трудною, особенно въ младшихъ классахъ.

Е. Воскресенскій. Темы и вопросы для письменныхъ упражненій и литературныхъ введъ. Москва. 1895. Стр. 64. Цѣна 30 коп.

Прежде всего поражаетъ назначеніе предлагаемыхъ темъ равно и для письменныхъ упражненій учащихся, и для литературныхъ бесѣдъ.

Условия и цѣли письменныхъ упражненій и литературныхъ бесѣдъ на столько различны, что темы для тѣхъ и другихъ, кажется, надлежало бы отдѣлять въ особыя рубрики.

Этого не сдѣлано. Книжка г. Е. Воскресенскаго представляетъ собою простой списокъ 620 темъ, которыя, по его мнѣнію, пригодны для одной изъ двухъ вышеозначенныхъ цѣлей, но преимущественно предназначаются, повидимому, для письменныхъ упражненій въ старшихъ классахъ гимназій.

Большинство темъ, предлагаемыхъ г. Воскресенскимъ, намъ уже не разъ приходилось встрѣчать съ небольшими вариантами въ работахъ учениковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что преподаватель, знакомый съ постановкой преподаванія въ русскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, новаго въ книжкѣ г. Воскресенскаго найдетъ очень немного. Между темами есть темы пригодныя, но немало и темъ вовсе непригодныхъ. Такъ, напримѣръ, личность Гамлета (стр. 63, 45) врядъ ли представляетъ матеріалъ, удобный для разработки въ школѣ; врядъ ли удобна тема: „Характеристика уѣзднаго общества по комедіи „Ревизоръ“ (стр. 51). Такая характеристика неизбежно выйдетъ и одностороннею, и устарѣлою и дастъ учащемуся, незнакому съ настоящимъ положеніемъ Россіи, поводъ судить о жизни нашихъ уѣздныхъ городовъ совершенно превратно. Еще страннѣе тема „Помѣщики „Мертвыхъ душъ“ какъ сельскіе хозяева“. Можетъ ли ученикъ гимназіи стать на точку зрѣнія сельскаго хозяина, да еще сельскаго хозяина крѣпостной эпохи? Возможно ли и желательно ли останавливать вниманіе учащихся на байронизмѣ (стр. 46), на анализѣ „разочарованія“ Печорина, Грушницкаго (стр. 47)? Врядъ ли у гимназиста найдется достаточно знаній и разумѣнія для сравнительной характеристики греческой письменности византійской эпохи, схоластической средневѣковой и ложно-классической... Врядъ ли умѣстны, какъ темы, сомнительные афоризмы вродѣ: „Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малодѣльныхъ, не обизываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою пороки“ (стр. 5) и т. д.

Опытный преподаватель, взявъ книжку г. Воскресенскаго, сумѣетъ, конечно, выбрать въ ней темы не изъ тѣхъ, что съ поразительнымъ однообразіемъ повторяются изъ году въ годъ по нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ (ихъ очень немного), сумѣетъ отличить пригодное отъ непригоднаго, годное для „письменныхъ упражненій“, отъ того, что годно только для „литературныхъ бесѣдъ“—

но такой преподаватель и безъ книжки г. Воскресенскаго обойдется очень легко, особенно если обратится къ ряду источниковъ почти нетронутыхъ г. Воскресенскимъ и доступныхъ ученикамъ гораздо болѣе, чѣмъ многія изъ темъ предлагаемаго сборника: къ темамъ, которыя могутъ быть заимствованы изъ курса исторіи, географіи, естествознанія, изъ классическихъ авторовъ и проч. Въ этихъ областяхъ очень многое окажется и болѣе доступнымъ, и болѣе поучительнымъ, и болѣе интереснымъ для учащихся чѣмъ Домострой, Даніилъ заточникъ, Феоданъ Прокоповичъ и проч., и проч.

Другое дѣло—если бы выборъ темъ былъ строгъ: если бы темы приводились въ извѣстной послѣдовательности, сообразно со всѣмъ матеріаломъ, который представляется гимназическимъ курсомъ, учебными планами; если бы при каждой темѣ, строго опредѣленной, указывался матеріалъ, по которому—не выходя изъ круга источниковъ, доставляемыхъ учебниками, учебными пособиями и классною библіотекой—тема эта могла быть разработана; если бы для каждаго типа темъ даны были примѣрные планы и т. д. Такой сборникъ темъ представилъ бы собою трудъ почтенный и полезный. Простыя же перепечатки заглавій для ученическихъ работъ—заглавій избитыхъ, новыхъ, удачныхъ, неудачныхъ, не точно, точно-опредѣляющихъ предѣлы задачи, вродѣ сборника г. Воскресенскаго, кажутся намъ совершенно бесполезными.

Книга для нѣмецкаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Jugendcharts. Deutsches Lesebuch für Elementarschulen und untere Classen Mittlere Lehranstalten.* Herausgegeben von K. Grube, W. Donner, Fr. Dohle und N. Friedenberg. II Theil. Riga, 1896. Стр. 8+204. Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

Составители названной книги, желая объяснить, какими соображеніями они руководствовались при выборѣ и группировкѣ предлагаемаго ими матеріала для чтенія, въ предисловіи къ своему учебнику указываютъ на ту цѣль, которую, по ихъ мнѣнію, должны преслѣдовать уроки чтенія, какъ предмета школьнаго преподаванія. Цѣль эта, говорятъ они, тройкая: во-первыхъ, научить дѣтей бѣгло читать, во-вторыхъ, выучить ихъ данному языку и въ-третьихъ, развитъ въ нихъ умственные и нравственные способности. Эта тройкая цѣль, продолжаютъ авторы книги, не достигается раздѣльно, но въ совокупности, въ теченіе всего времени преподаванія уроковъ чтенія, при чемъ по мѣрѣ достиженія первой цѣли, то-есть, бѣгло чтенія.

главное вниманіе обращается на преслѣдованіе второй и третьей цѣлей. Сама природа дѣтей указываетъ путь, по которому достигается эта тройная цѣль обученія чтенію; соотвѣтственно ему необходимо постепенно переходить „отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному, отъ конкретнаго къ отвлеченному“.

Вслѣдствіе такихъ, по нашему мнѣнію, вполне правильныхъ соображеній гг. составителей разбираемой книги, по которымъ составленіе каждой книги для чтенія обуславливается цѣлями преподаванія и ходомъ душевнаго развитія учащихся, оказывается, что при выборѣ и распредѣленіи матеріала для чтенія, особенно для первыхъ годовъ обученія, не должно придерживаться постороннихъ точекъ зрѣнія. Чтобы поступить правильно и не нарушать главнаго принципа распредѣленія, то-есть, постепеннаго перехода „отъ легкаго къ трудному“, необходимо весь матеріалъ для чтенія распредѣлить на нѣсколько ступеней, обращая главное вниманіе на затрудненія, которыя могли бы представляться для пониманія и усвоенія матеріала учащимся.

Согласно съ такими требованіями и въ разбираемой книгѣ, первая часть которой уже была сочувственно отмѣчена ученою критикою, весь матеріалъ для чтенія распредѣленъ на три ступени, изъ которыхъ первая и вторая составляютъ первую часть книги, а третья ступень—вторую ея часть.

Между тѣмъ какъ первая часть, а также и первый отдѣлъ второй части, заключаютъ въ себѣ хорошо подобранныя сказки, разказы, басни, стихотворенія, пословицы, загадки и живыя описанія, второй отдѣлъ второй части предлагаетъ для чтенія большею частію весьма живо написанные очерки изъ отечественной исторіи и географіи. Эти послѣднія статьи, назначенныя для дѣтей болѣе зрѣлаго возраста, въ которомъ уже можно ожидать необходимый для такихъ предметовъ, какъ исторія и географія, живаго интереса и надлежащаго пониманія, составлены весьма хорошо и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 113 статей,—второй—49. Большая часть этихъ статей—стихотворенія.

Напечатана книга вполне удовлетворительно: шрифтъ отчетливый и довольно крупный, опечатокъ, насколько мы могли убѣдиться, все нѣтъ.

Цѣна—60 коп. въ переплетѣ — небольшая.

LEHRBUCH DER DEUTSCHEN SPRACHE VON Th. Anderson. Учебникъ нѣмецкаго языка *Th. K. Andersona*. С.-Пб. 1895. Стр. 121. Цѣна 50 коп.

На первой страницѣ учебника помѣщена „нѣмецкая азбука“, причемъ, однако, дается начертаніе и названіе только печатныхъ—прописныхъ и строчныхъ буквъ; начертанія же рукописныхъ буквъ въ книгѣ нѣтъ. О произношеніи звуковъ даже тамъ, гдѣ оно значительно различается отъ произношенія звуковъ русскаго языка, ничего не сказано. Послѣ алфавита слѣдуютъ „упражненія въ чтеніи“— всего одна только страница. Въ этихъ упражненіяхъ даются слова легкія и трудныя, весьма употребительныя и рядомъ съ ними рѣдко встрѣчающіяся, но всѣ—безъ русскаго значенія. Потомъ, въ 72-хъ параграфахъ слѣдуютъ разныя грамматическія правила, относящіяся къ склоненіямъ, спряженіямъ, образованію степеней сравненія, употребленію предлоговъ и т. д.

Рядомъ съ этими правилами, то передъ ними, то послѣ нихъ, даются упражненія для перевода, одни—съ нѣмецкаго, другія—съ русскаго языка, состоящія въ отдѣльныхъ фразахъ и, начиная съ § 12, исключительно въ связныхъ статьяхъ. Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ сообщаемыя правила и вообще весь предлагаемый для усвоенія учебный матеріалъ, крайне произвольный и лишень всякой системы. При разсмотрѣніи этихъ правилъ и относящихся къ нимъ упражненій, является вопросъ, для кого собственно предназначается весь этотъ матеріалъ? Если только для учениковъ двухъ или трехъ низшихъ классовъ, то онъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ обширенъ; если же для всѣхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, то матеріалъ этотъ слишкомъ скуденъ. Къ тому же синтаксисъ почти вовсе не нашелъ себѣ мѣста въ учебникѣ г. Андерсона. Такимъ же образомъ въ немъ отсутствуетъ и столь важный отдѣлъ, какъ ученіе о нѣмецкой орфографіи. Далѣе, мы не знаемъ, какое значеніе имѣютъ тѣ 39 статей, которыя помѣщены въ предлагаемомъ учебникѣ послѣ всѣхъ сообщаемыхъ въ немъ грамматическихъ правилъ. Хрестоматіи замѣнить собою эти статьи не могутъ; для этого число ихъ слишкомъ невелико и содержаніе слишкомъ скудно. Если же авторъ имѣлъ ихъ въ виду какъ матеріалъ для усвоенія грамматическихъ правилъ, то онѣ оказываются совершенно излишними, такъ какъ при каждомъ правилѣ уже дано достаточное число особо составленныхъ для этой цѣли упражненій. Въ такомъ случаѣ эти 39 статей, составляющихъ почти четвертую часть всей книги, безъ всякой надобности только

увеличиваютъ объемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и стоимость книгъ.

Впрочемъ всё указанное, пожалуй, не столь существенно, какъ другой весьма крупный недостатокъ учебника г. Андерсона. Этотъ недостатокъ заключается въ большой массѣ различныхъ погрѣшностей, встрѣчающихся почти на каждой страницѣ книги, какъ въ правилахъ, такъ, въ особенности, въ примѣрахъ и упражненіяхъ. составленныхъ самимъ авторомъ. Къ нимъ присоединяется еще не малое число грубыхъ опечатокъ, нигдѣ въ книгѣ не исправленныхъ. Приводимъ примѣры: въ упражненіяхъ переходные глаголы весьма часто употребляются безъ дополненія, какъ напримѣръ, на стр. 6: *Der Vater sagt den Kindern;—Sie sagt den Kindern;—Das Mädchen sagt dem Knaben*,—Кто говорить людямъ? Отецъ говорить людямъ;—Хвалить ли она? Нѣтъ, она не хвалить. Оба послѣднія предложенія вообще лишни, такъ какъ не представляютъ собою примѣровъ для склоненія существительныхъ, о которомъ говорится въ данномъ §-ѣ. Стр. 7, § 11, гдѣ приводится правило объ употребленіи предлоговъ *auf* и *in*, не указано на вліяніе глаголовъ при выборѣ падежей при этихъ предлогахъ. На той-же стр. § 12 дается правило, что „въ независимомъ предложеніи сказуемое ставится на *второмъ мѣстѣ*“. Такая редакция не точна: слѣдуетъ опредѣлять, въ какихъ именно независимыхъ предложеніяхъ сказуемое ставится на *второмъ мѣстѣ*. На стр. 8 приведено довольно большое число примѣровъ для употребленія притяжательныхъ мѣстоименій,—но самаго правила объ этомъ употребленіи не дается. На стр. 9 мы нашли крайне неправильный въ нѣмецкомъ языкѣ порядокъ словъ въ слѣдующемъ предложеніи: *Der Knabe kletterte auf das Haus nicht und deckte den Vogel mit dem Hute nicht*. Въ § 16 дается неточное правило объ образованіи повелительнаго наклоненія. Тамъ сказано, что отъ неопредѣленнаго наклоненія нужно отбросить *n* и приведены слѣдующіе примѣры: *gehe, gehet* (отъ *gehen*) и *frage, fraget* (отъ *fragen*). Тамъ же—предложеніе: *Du freust mich*—неправильно; и въ русскомъ предложеніи: Сказалъ ли онъ вамъ?—недостаетъ дополненія; то же самое на стр. 11 въ фразѣ: Сказалъ ли ты имъ? Нѣтъ, я имъ не сказалъ. На стр. 14 читаемъ: *In der Luft war heiss.—Mein Wasser ist aber kalt*. На стр. 19 въ статьѣ, составленной авторомъ, встрѣчаются слѣдующія неправильныя фразы: *Bald geht jeder Bruder auf das Feld....; Kein Bruder findet aber den Schatz;.... das Feld trägt mehr Früchte, als es immer trug*. На стр. 20: *Und er nimmt sie;*

на стр. 26—глаголь *zeigen* въ фразѣ: *dein Pferd hat mir gezeigt* слѣдуетъ замѣнить другимъ глаголомъ. Стр. 30 въ фразѣ: *Er war auf dem Wege geblieben*—время невѣрное. Въ той же статьѣ два раза встрѣчается крайне неудобное сочетаніе двухъ давно прошедшихъ временъ въ слѣдующихъ фразахъ: *Die Affen—hatten gesehen, wie der Knabe seine Mützen probiert hatte* и *Als die Affen bemerkt hatten, wie der Knabe seine Mütze geworfen hatte*. Стр. 32: сочетанія—*ausgestreck hatte, stach der Schneider mit der Nadel hinein* и *in seinen Rüssel viel Wasser mitgenommen*—неправильны; стр. 33 невѣрно сказано: *in die Küche herein ging*. Глагольные формы: *ging sich* (стр. 35) и *hatte angehängt* (стр. 36) слѣдуетъ замѣнить другими временами. На стр. 39 не хорошо сказано: *wenn draussen kalt ist*.

Вообще какъ нѣмецкій, такъ и русскій языкъ весьма часто крайне неправильны, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: стр. 41: *deren Herr, ein Jäger, zu uns mit ihnen kommt*; стр. 42: Солнце сказало такъ радугѣ исчезая. Стр. 43;... *dass ein grosses Land war*; тамъ-же: *wurde von ihm Europa verlassen*. Твой добрый другъ былъ вчера хвалимъ. Стр. 44: *Was von Kolumbus gemacht worden ist*; *Da wurde das Ei von Kolumbus genommen*. Стр. 45: „... то ему не сдѣлали того, что“...; и „то ему не было сдѣлано то, что...“. Стр. 53: *Fragte den Geizhals der arme Mann*. Стр. 61: *Er belohnte gut den armen Knaben*. Стр. 63: *Er ist in sein Vaterland nicht gekommen*. На стр. 47, § 60 сказано; предлоги съ дательнымъ (на вопросъ куда?) и винительнымъ надежомъ (на вопросъ гдѣ?). На той же страницѣ читаемъ: *Der Vogel sass gern über dem Spiegel, aber er wollte in den Käfig nicht fliegen*. На стр. 69 въ статьѣ: „die Maulesel“ нѣмецкій языкъ особенно плохой, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и слѣдующая фраза: *Er dachte jetzt, diejenigen wären glücklich, wer kein Gold zu tragen hätte. Er möchte selbst lieber Gerste tragen*.

И съ типографской стороны разбираемая книжка оставляетъ желать весьма многого: бумага довольно плоха, шрифтъ не отличается четкостью, опечатокъ, нигдѣ въ книгѣ не указанныхъ, сравнительно много. Мы отмѣтимъ слѣдующія: можешь (стр. 26), Ноге (вмѣсто Ноге—стр. 28); *Perticipium* (стр. 29); *Knabe* (вмѣсто *Knabe*—стр. 30); фаники (стр. 37); *dass* (вмѣсто *sass*—стр. 47); *Müssgang* и *anfang* (объ на стр. 78).—*Sämme* (вмѣсто *Stämme*—стр. 120); *Nowember* (стр. 118).

Четыре разказа А. Н. Остроорокаю, изъ книги „Среди природы“, изданные книжнымъ магазиномъ И. В. Лукошикова въ С.-Петербургѣ: 1) Родникъ. Стр. 17.—2) Какъ узнали люди, что и воздухъ имѣетъ вѣсъ. Стр. 20.—3) Смерть. Стр. 14.—4) Огнедышущія горы. Стр. 20. Цѣна каждаго разказа 10 коп.

Всѣ четыре разказа приблизительно одинаковаго и притомъ весьма небольшого достоинства. Они редактированы неудовлетворительно; языкъ мѣстами весьма плохой. Ошибки, даже противъ того скуднаго научнаго матеріала, который въ нихъ излагается, встрѣчаются въ большомъ числѣ. Какъ на особенность можно еще указать, что самое интересное и важное авторомъ упускается и замѣняется второстепеннымъ и даже мало къ дѣлу относящимся.

I. *Какъ узнали люди, что и воздухъ имѣетъ вѣсъ.* 20 стр. Это самый плохой изъ четырехъ разказовъ, могущій служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать популярныя статьи. Невозможно перечислить всѣхъ ошибокъ и странностей изложенія, встрѣчающихся на 18 страницахъ Укажемъ на нѣкоторыя:

На стр. 4. Авторъ описываетъ простой водяной насосъ и при этомъ ничего не говоритъ о нижнемъ клапанѣ, то-есть, о самой существенной части. Тутъ же двѣ ошибки: авторъ утверждаетъ, что еслибъ въ поршнѣ не было канала съ клапаномъ, то при движеніи поршня внизъ, вода пошла-бы „туда же, откуда мы ее взяли“, что совершенно не вѣрно. Далѣе сказано, что рабочій беретъ въ руки стержень, идущій отъ поршня, когда производить накачиваніе.

На стр. 6. Читаемъ, что Галилей „взвѣсилъ на вѣсахъ шаръ съ воздухомъ, потомъ опорожнилъ его и взвѣсилъ еще разъ“. Что значить „опорожнилъ“? О воздушномъ насосѣ говорится гораздо дальше. Замѣтимъ, что Галилей умеръ въ 1642 г., а воздушный насосъ былъ впервые устроенъ въ 1654 г. Какимъ-же это образомъ Галилей „опорожнилъ“ шаръ, содержавшій только воздухъ.

На стр. 8. Читаемъ, что ртуть въ опытѣ Торичелли опускается „потихонько“, что не вѣрно: она падаетъ мгновенно.

На стр. 9. Читаемъ (по вѣрѣ глазамъ), что колебанія барометра происходятъ отъ охлажденія и нагрѣванія воздуха. Печего и говорить, что самое главное, что надо разъяснить—передачу давленія черезъ жидкости и газы во всѣ стороны—совсѣмъ уищено. Поэтому читателю и останется непонятнымъ, какимъ образомъ давленіе воздуха сверху внизъ на жидкость, перемѣняя свое направленіе, переходитъ въ давленіе снизу вверхъ на столбъ воды или ртути.

Въ описаніяхъ опытовъ Герике, вездѣ говорится о шарахъ или полушаріяхъ; но нигдѣ не сказано, что они полые.

На стр. 14. Авторъ утверждаетъ, что на каждую часть поверхности пруда давить *только тотъ* (курсивъ у автора!) воздухъ, который стоитъ надъ нею. Какой-же воздухъ давить въ комнатѣ? Очевидно, по автору, только столбъ, доходящій до потолка!

На стр. 20. Сказано: „въ Потози, городкѣ въ Перу, живеть до 100.000 людей“. Это былъ-бы ужъ не городокъ, а городъ большой; въ дѣйствительности Потози имѣеть 12.000 жителей.

Ограничиваемся этими примѣрами.

II. *Смерть*. 14 страницъ. На каждой страницѣ нѣсколько курьезовъ.

Стр. 7. Смерть поломалъ деревья „и вскорѣ успокоился“.

Стр. 9. „Случалось видѣть, что изъ него выходятъ шарообразныя массы сѣрныхъ паровъ и огненные шары“ (!),

Стр. 10. „Нависнувшее облако все болѣе и болѣе понижается и становится однимъ столбомъ вышиною отъ 50—60 футовъ, котораго основаніе покоится на поверхности моря, а вершина теряется въ облакахъ...“.

III. *Родникъ*. 17 страницъ. Совершенно безсодержательный разговоръ. Самое существенное—откуда берется вода родниковъ, указаніе на великій круговоротъ воды въ природѣ—пропущено.

Чертежъ на стр. 15 не объясненъ (что это за темныя полосы?); а то, что въ текстѣ къ нему отнесено, совершенно ему противорѣчить.

Чертежъ на стр. 16 въ текстѣ совсѣмъ не упомянуть, а между тѣмъ онъ довольно сложный, съ буквами.

IV. *Омедлѣніе горы*. 20 стр. Содержитъ описанія изверженій, причемъ величайшія катастрофы (Везувій, Крокатоа) даже не упомянуты. На первой страницѣ упомянута лава безо всякихъ объясненій.

На стр. 4. Читаемъ въ описаніи изверженія „надъ вулканомъ образуется колона пара въ нѣсколько сажень (!) вышины“.

Вездѣ слова „теплота“ обозначаетъ у автора температуру, напримѣръ, (стр. 8): „теплота земли мѣняется съ теплотою воздуха, и это бываетъ одинаково всюду“.

На стр. 13: „Есть очень старыя книги, въ которыхъ разказывается, что и тогда еще (?) этотъ вулканъ точно такъ же дѣйствовалъ непрерывно“.

На стр. 19. Читаемъ, что „наружная кора хорошо защищаетъ ее (лаву) отъ свѣжаго воздуха“. Роль воздуха ничтожная; охлажденіе лавы происходитъ лученспусканіемъ.

Шербиолье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ перевелъ *М. Калмыковъ* С.-Пб. 1894. 214 стр., цѣна 1 р. 50 к.

Врядъ ли для какой-либо стороны жизни столь мало сдѣлано въ Россіи, какъ для эстетической. Въ среднемъ и высшемъ образованіи эстетика не играетъ, къ сожалѣнію, никакой роли. Сочиненій по эстетикѣ на русскомъ языкѣ чрезвычайно мало, даже переводныхъ немного. Поэтому появленію всякаго порядочнаго сочиненія по эстетикѣ (даже переводнаго) слѣдуетъ радоваться. Сочиненіе г. Шербиолье имѣетъ, конечно, нѣкоторыя недостатки; недостаточную опредѣленность основныхъ эстетико-философскихъ принциповъ, нѣкоторую расплывчатость, многословіе и риторичность, но въ общемъ книга г. Шербиолье заслуживаетъ вниманія. Извѣстный романистъ, который въ вѣкъ реализма, въ литературѣ зараженной склонностью къ порнографіи сумѣлъ написать цѣлый рядъ интересныхъ романовъ, совершенно чистыхъ—ихъ можно дать въ руки любой дѣвушкѣ,—полныхъ фантазіи и ума, конечно, имѣетъ право требовать, чтобы его выслушали по вопросу о дѣятельности фантазіи, объ искусствѣ и т. д.

Книга г. Шербиолье дѣлится на четыре части: первая трактуетъ о „художественномъ произведеніи и эстетическомъ наслажденіи“ ст. 1—55.

Авторъ сначала говоритъ о томъ, чему искусство не должно служить, т. е. онъ утверждаетъ, что искусство не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью, а потомъ авторъ ищетъ общихъ чертъ всѣхъ изящныхъ искусствъ. Такихъ чертъ г. Шербиолье указываетъ три. Искусство служить удовлетворенію нашей любви къ чувственнымъ образамъ, во вторыхъ образы эти суть знаки идей, а идеи заимствованы у природы, въ третьихъ, чтобы доставить полное эстетическое наслажденіе, искусства должны одновременно говорить и внѣшнимъ чувствамъ и сердцу и разуму. „Каждое художественное произведеніе есть цѣльный и гармоничный образъ того, что артистъ подмѣтилъ въ природѣ или въ жизни; этотъ образъ заключаетъ въ себѣ больше и вмѣстѣ съ тѣмъ меньше того, что было и есть въ модели; онъ равно нравится намъ и своею реальною правдивостью, и отсутствіемъ точнаго реализма“ ст. 48. Это опредѣленіе искусства, содержащее философскіе элементы, заимствованные главнымъ образомъ у Аристотели

и Канта, но преимуществу направлено противъ господствующихъ литературныхъ теорій реализма и идеализма и старается установить нѣкоторое примиреніе противуположностей. Съ философской точки зрѣнія разсужденія г. Шербюлье слабы: главнаго вопроса эстетики—заключается ли красота въ идеѣ или въ формѣ—онъ не выясняетъ; сначала онъ какъ будто бы полемизируетъ противъ опредѣленія Платона и Гегеля, а потомъ въ сущности соглашается съ нимъ, понимаетъ однако идею весьма узко и ставитъ ее въ зависимость отъ реальности, благодаря чему самое опредѣленіе, что красота есть воплощеніе идеи, теряетъ свой смыслъ.

Во второй части г. Шербюлье говоритъ о воображеніи; въ этомъ отдѣлѣ (ст. 55—115) есть, конечно, много хорошихъ и тонкихъ замѣчаній, но замѣчается та же недостаточность философскаго анализа понятій. Г. Шербюлье утверждаетъ, напримѣръ, субъективность и относительность красоты (ст. 81—82), не замѣчая того, что въ томъ же смыслѣ всѣ качества внѣшняго міра можно назвать субъективными, ибо они точно также суть продукты нашей души, и что всѣ понятія напримѣръ нравственныя и логическія, въ точно такой же мѣрѣ относительны, какъ красота. Доводы приводимые авторомъ не убѣдительны, хотя и остроумны. Различныя пониманія красоты вовсе не содержатъ въ себѣ отрицанія абсолютной идеи красоты.

Третья часть (ст. 115—169) касается вопроса о вліяніи искусства на душу человѣка. Несмотря на нѣкоторое многословіе эта часть читается съ интересомъ. Авторъ доказываетъ тему о нѣкоторомъ превосходствѣ искусства надъ природой. Искусство освобождаетъ явленія природы отъ случайныхъ элементовъ и благодаря этому дѣйствуетъ освобождающимъ и облагораживающимъ образомъ на душу человѣка. Въ этой части авторъ такимъ образомъ трактуетъ о нравственномъ вліяніи искусства, которое онъ въ первой повидимому отрицалъ.

Въ четвертой части авторъ старается опредѣлять истинный смыслъ двухъ главныхъ направленій искусства, реализма и идеализма, и показываетъ возможность ихъ примиренія. Я думаю, что эта часть для автора имѣла наибольшее значеніе и что разсмотрѣніе различныхъ литературныхъ теченій и заставило его написать трактатъ объ эстетикѣ. У автора и въ этой части замѣчаются хорошія мысли, но нѣтъ полной ясности основныхъ философскихъ принциповъ. Напримѣръ, опредѣленіе идеала какъ представленія чего то совершеннаго превосходящаго все реальное, но не болѣе какъ нашей мечты, страдаетъ тою же двойственностью, которою страдало и опредѣленіе идеи.

Въ общемъ, слѣдуетъ сказать, что, не смотря на отсутствіе полной ясности принциповъ, у г. Шербиолье встрѣчаются прекрасныя мысли и есть стремленіе къ созданію болѣе возвышенной эстетики, чѣмъ та, которою руководствуется большая часть современныхъ художниковъ. Въ этомъ смыслѣ сочиненіе г. Шербиолье, несомнѣнно, принесетъ нѣкоторую пользу.

Переводъ сдѣланъ весьма удовлетворительно; переводчикъ дозволилъ себѣ нѣкоторыя произвольныя сокращенія текста, но отъ этого книга не пострадала, ибо г. Шербиолье отличается нѣкоторымъ многословіемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ ЗА 1895 — 1896 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ ¹⁾.

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы, учрежденные согласно Высочайше утвержденному 27-го іюня 1889 года положенію комитета министровъ, взаѣмнѣ преобразованныхъ высшихъ женскихъ курсовъ профессора Бестужева-Рюмина, существовавшихъ съ 1877 года, 27-го сентября 1895 года вступили въ седьмую годовщину со времени ихъ учрежденія. Въ настоящее время курсы руководствуются временнымъ положеніемъ 8-го іюля 1889 года и дополнительными распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія и состоятъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, съ четырьмя курсами въ каждомъ. Физико-математическое отдѣленіе со втораго курса распадается еще на два: математическое и химическое.

На историко-филологическомъ отдѣленіи преподаются: богословіе; логика; психологія; исторія древней и новой философіи; исторія педагогика, латинскій, русскій, церковно-славянскій, французскій и нѣмецкій языки; обзоръ славянскихъ нарѣчій; исторія римской литературы; исторія всеобщей литературы (исторія западно-европейскихъ литературъ: итальянской, французской, нѣмецкой и англійской) въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ развитію русской литературы; обзоръ славянскихъ литературъ; исторія древней и новой русской литературы; исторія древняго; исторія среднихъ вѣковъ;

¹⁾ Читанъ директоромъ курсовъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. П. Раевымъ на торжественномъ актѣ курсовъ 1-го декабря 1896 года.

исторія новаго времени; обзорѣніе исторіи славянскихъ племенъ; русская исторія; исторія искусствъ и (необязательный предметъ) хоровое пѣніе.

На физико-математическомъ отдѣленіи преподаются: на *математическомъ*: богословіе; астрономія; общій курсъ математики; аналитическая геометрія; алгебраическій анализъ; дифференціальное и интегральное исчисленія; физика; аналитическая механика; неорганическая химія (на 1 курсѣ); нѣмецкій и французскій языки и (необязательные предметы) латинскій языкъ и хоровое пѣніе; на *химическомъ* (2, 3 и 4 курсы): богословіе; зоологія; ботаника; физика; органическая химія; химическая кристаллографія; физическая географія; аналитическая геометрія; дифференціальное и интегральное исчисленія; французскій и нѣмецкій языки и (необязательные предметы) латинскій языкъ и хоровое пѣніе.

Въ 1895—1896 учебномъ году г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено открыть на курсахъ двѣ новыя кафедры: зоологій и исторіи педагогики.

Преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ педагогики вводится главнымъ образомъ въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) Въ большинствѣ случаевъ слушательницамъ предстоитъ, по окончаніи курса, педагогическая дѣятельность какъ въ собственныхъ семьяхъ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Съ открытіемъ же женскаго медицинскаго института, куда будутъ приниматься преимущественно слушательницы С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, этимъ послѣднимъ нерѣдко придется исполнять обязанности врачей при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и знакомство этихъ врачей съ принципами педагогики несомнѣнно будетъ очень полезно для ихъ дѣятельности.

3) Въ русскомъ обществѣ педагогическія воззрѣнія вообще слагаются чисто случайнымъ образомъ и поэтому преподаваніе педагогики на высшихъ женскихъ курсахъ можетъ служить надежнымъ средствомъ для распространенія въ нашемъ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій. Правда, педагогика преподается въ гимназіяхъ и институтахъ; но въ виду того, что среди учительскаго персонала этихъ учебныхъ заведеній рѣдко встрѣчаются лица, хорошо подготовленныя къ преподаванію педагогики, отъ этого преподаванія рѣдко бывають желательные результаты. Въ университетахъ же еще нѣтъ кафедры педагогики. Поэтому лицамъ, которымъ поручается преподаваніе педагогики въ гимназіяхъ и институтахъ, приходится

впервые изучать этотъ предметъ въ то самое время, когда они уже преподають и другіе предметы, составляющіе ихъ спеціальность. Съ введеніемъ преподаванія педагогики на курсахъ, при томъ несомнѣнномъ интересѣ, съ какимъ слушательницы всегда относятся къ философскимъ наукамъ, можно быть увѣреннымъ, что многія слушательницы впоследствии въ состояніи будутъ принять на себя съ большой пользой для дѣла преподаванія педагогики въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

4) Наконецъ, преподаваніе исторіи системъ воспитанія и обученія должно содѣйствовать углубленію знанія слушательницъ въ исторіи вообще и въ частности въ исторіи философіи.

Личный составъ курсовъ.

Директоръ курсовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Раевъ, съ 24-го сентября 1894 года. Профессоръ православнаго богословія, магистръ богословія, священникъ Василій Николаевичъ Велтистовъ, съ 7-го сентября 1896 года.

Профессора и преподаватели историко-филологическаго отдѣленія. Руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ) профессоръ русской исторіи Сергѣй Федоровичъ Платоновъ (и. д. экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета) съ 4-го октября 1889 года. Русской исторіи—привать-доцентъ Сергѣй Михайловичъ Середонинъ (преподаватель Археологическаго института), съ 7-го сентября 1892 года. Всеобщей исторіи: древней исторіи—магистрантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Степановъ, съ 3-го сентября 1891 года. Исторіи среднихъ вѣковъ—привать-доцентъ—Иванъ Михайловичъ Гревсъ, съ 7-го сентября 1892 года. Исторіи новаго времени—докторъ всеобщей исторіи Николай Ивановичъ Карѣевъ (ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета) съ 1889—1890 года, и докторъ всеобщей исторіи Георгій Васильевичъ Форстенъ (сверхштатный экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета), съ 3-го сентября 1891 года. Латинскаго языка и исторіи римской литературы—ординарный профессоръ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Юсифъ Антоновичъ Шеборъ, съ 8-го сентября 1891 года. Привать-доцентъ, магистръ, Иванъ Ильичъ Холоднякъ (профессоръ Археологическаго института), съ 4-го октября 1889 года; магистрантъ Николай Карловичъ Гельвихъ, съ 11-го октября 1893 года. Латинскаго языка—окончившая курсъ на С.-Пе-

тербургскихъ высшихъ жепскихъ курсахъ Вѣра Викторовна Пѣтухова, съ 10-го сентября 1895 года. Русскаго языка—Сергѣй Константиновичъ Буличъ (экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института), съ 23-го февраля 1891 г. Французскаго языка—домашняя учительница Марія Александровна Шателенъ, съ 4-го ноября 1893 года. Нѣмецкаго языка—жена баварскаго подданнаго Наталія Петровна Шваабъ, съ 4-го ноября 1893 года. Славяновѣдѣнія—магистрантъ Алексѣй Леонидовичъ Петровъ, съ 1-го сентября 1891 года. Исторія всеобщей литературы—докторъ всеобщей литературы Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, съ 16-го октября 1896 года; магистрантъ Несторъ Александровичъ Котляревскій (преподаватель Императорскаго Александровскаго лица), съ 7-го сентября 1892 года; привать-доцентъ Федоръ Александровичъ Браунъ, съ 17-го октября 1892 года. Логики, психологій и философій—магистръ философій Александръ Ивановичъ Введенскій. (экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института), съ 4-го октября 1889 года. Педагогикіи—магистрантъ Иванъ Ивановичъ Лапшинъ, съ 8-го сентября 1896 года. Исторія искусствъ—привать-доцентъ, магистръ Александръ Ивановичъ Шукаревъ, со 2-го марта 1894 года.

Профессора и преподаватели физико-математическаго отдѣленія.
Руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ), профессоръ интегральнаго исчисленія, ординарный академикъ, Николай Яковлевичъ Сонинъ, съ 10-го ноября 1894 года. Интегральнаго исчисленія—привать-доцентъ, магистръ, Иванъ Ивановичъ Ивановъ, съ 12-го мая 1894 года. Дифференціальнаго исчисленія—докторъ чистой математики Дмитрій Александровичъ Граве, съ 7-го сентября 1892 года. По астрономіи—докторъ астрономіи, ординарный академикъ, Оскаръ Андреевичъ Баклундъ (директоръ Пулковской обсерваторіи), 1890—1891 г.; докторъ астрономіи и геодезіи, Александръ Маркелловичъ Ждановъ (ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета), съ 14-го іюля 1895 года. Введенія въ анализъ—Николай Ивановичъ Билябинъ (директоръ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища), съ 4-го октября 1889 года. Аналитической геометріи—привать-доцентъ, магистръ Борисъ Михайловичъ Кояловичъ (преподаватель С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I), съ 1-го ноября 1892 года. Исчисленія конечныхъ разностей и теоріи вѣроятностей—привать-доцентъ, докторъ математики, Дмитрій Федоровичъ Селивановъ (преподаватель С.-Петербургскаго Технологическаго института

Императора Николая I), съ 1-го сентября 1892 года. Геометріи (дополнительныя статьи), прямолинейной и сферической тригонометріи и приложенія алгебры къ геометріи — окончившая курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, Вѣра Іосифовна Шиффъ (она же руководительница практическими работами слушательницъ по математикѣ), съ 26-го сентября 1889 года. Механики—приватъ-доцентъ Иванъ Всевоводовичъ Мещерскій (хранитель кабинета практической механики С.-Петербургскаго университета), съ 3-го сентября 1891 года. Физико-химіи — ординарный академикъ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ химіи, Николай Николаевичъ Бекетовъ, съ 1-го января 1890 года. Неорганической химіи—докторъ химіи, Михайлъ Дмитріевичъ Львовъ (профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I), съ 3-го сентября 1891 года. Органической химіи — докторъ химіи Гавріиль Гавріиловичъ Гувставсонъ (членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ), съ 7-го сентября 1892 года. Физики—докторъ физики, Орестъ Даніиловичъ Хвольсонъ (сверхштатный ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета), съ 23-го октября 1893 года и магистрантъ Сергій Яковлевичъ Терешинъ (преподаватель С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I), съ 25-го сентября 1894 года. Физической географіи—горный инженеръ Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ (ординарный профессоръ Горнаго института), съ 7-го сентября 1892 года. Химической кристаллографіи — докторъ минералогіи, Сергій Федоровичъ Глинка (преподаватель С.-Петербургскаго историко-филологическаго института), съ 1890—1891 г. Ботаники — ординарный академикъ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ ботаники, Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ, съ 10-го сентября 1895 года. Зоологіи—приватъ-доцентъ Викторъ Андреевичъ Фаусекъ, съ 25-го октября 1896 года.

Ассистенты: по физикѣ Александръ Львовичъ Гершунъ (лаборантъ физическаго кабинета С.-Петербургскаго университета), съ 8-го октября 1893 года; по ботаникѣ и завѣдующій ботаническимъ кабинетомъ Андрей Александровичъ Рихтеръ (хранитель ботаническаго кабинета С.-Петербургскаго университета), съ 7-го октября 1895 года; по неорганической химіи — окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Елена Алексѣевна Булатова, съ 9-го ноября 1895 года; по органической химіи—окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Ольга Морицовна Пошперъ, съ 19-го октября 1896 года.

Завѣдующіе практическими работами слушательницъ. По химіи—завѣдующій химическою лабораторіею, магистрантъ химіи Иванъ Васильевичъ Богомолецъ, съ 1-го сентября 1889 года. По физикѣ—завѣдующая физическимъ кабинетомъ, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, Анна Елисѣевна Сердобинская, съ 1889—1890 года. По физикѣ—окончившая курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ курсахъ Алла Карловна Диксонъ, (урожд. Горенбургъ), съ 28-го іюля 1896 года.

Почетительный Советъ. Предсѣдатель—директоръ курсовъ.

Члены: Руководители учебною частью курсовъ; тайный совѣтникъ Константинъ Васильевичъ Кедровъ (директоръ Императорскаго историко-филологическаго института), съ 24-го іюля 1889 года; дѣйствиельный статскій совѣтникъ Яковъ Георгіевичъ Моръ (директоръ С.-Петербургской 6-й гимназіи), съ 30-го ноября 1892 года; тайный совѣтникъ Капитонъ Ивановичъ Смирновъ (директоръ С.-Петербургской 2-й гимназіи), съ 31-го іюля 1889 года; статскій совѣтникъ, докторъ ботаники, Михаилъ Степановичъ Воронинъ, съ 3-го сентября 1889 года; жена тайнаго совѣтника Варвара Павловна Тарновская (казначей общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ), съ 3-го сентября 1889 года; инспектриса курсовъ.

Библіотека: бібліотекаръ—окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Вячеславовна Балобанова, съ 15-го августа 1889 года; помощница бібліотекаря окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Ивановна Максимова, съ 26-го ноября 1893 года.

Инспекторская часть. Инспектриса курсовъ вдова статскаго совѣтника Варвара Павловна Веселовская, съ 31-го іюля 1889 года. Помощницы инспектрисы: вдова капитанъ-лейтенанта Афанасія Михайловна Платонова, съ 27-го іюля 1889 года; вдова дѣйствиельнаго статскаго совѣтника Марія Дмитріевна Сенявина, съ 23-го августа 1893 года. Дочь надворнаго совѣтника Екатерина Александровна Бровцына, съ 29-го сентября 1894 года; жена надворнаго совѣтника княгиня Лидія Прокопівна Волконская, съ 21-го сентября 1895 года.

Врачебная часть. Женщина врачъ Ольга Юрьевна Каминская, съ января 1890 года; женщина врачъ Агнія Ивановна Сырку, съ 7-го ноября 1892 года.

Канцелярія курсовъ: письмоводитель курсовъ личный почетный

гражданинъ Сергѣй Алексѣевичъ Щеголевъ съ 1 января 1895 г.; помощница письмоводителя, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анна Андреевна Фрамель, съ 1 ноября 1896 года.

Назначенія и перемѣны, происшедшія въ личномъ составѣ. Въ личномъ составѣ произошли слѣдующія перемѣны: оставили преподаваніе на курсахъ: профессоръ богословія протоіерей В. Г. Рождественскій, преподаватель исторіи всеобщей литературы Н. А. Котляревскій (временно); ассистентъ по химіи Н. В. Богословская и руководительница практическими работами слушательницъ по химіи А. А. Якубова.

Приглашены вновь и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія: священникъ В. Н. Велтистовъ—профессоромъ богословія; докторъ всеобщей литературы А. И. Кирпичниковъ—профессоромъ исторіи всеобщей литературы; магистрантъ И. И. Лапшинъ—преподавателемъ педагогики; привать-доцентъ В. А. Фаусекъ—профессоромъ зоологіи; окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ—Е. А. Булатова и О. М. Попперъ—ассистентами по химіи и А. К. Диксонъ—завѣдующею практическими работами слушательницъ по физикѣ.

Изъ числа членовъ попечительнаго совѣта вышли: тайный совѣтникъ И. П. Хрущевъ, назначенный попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, и тайный совѣтникъ Н. В. Пясецкій, уѣхавшій на постоянное жительство въ Крымъ.

Не можемъ здѣсь не упомянуть безвременно погибшей въ отчетномъ году бывшей преподавательницы и ассистента по химіи В. Е. Поповой, урожденной Богдановской ¹⁾.

26-го минувшаго апрѣля пришло въ Петербургъ извѣстіе, что наканунѣ этого дня въ своей лабораторіи на Ижевскомъ заводѣ погибла отъ взрыва В. Е. Богдановская. Вѣра Евстафьевна давно уже интересовалась аналогомъ синильной кислоты, полученіемъ такого соединенія, аналогичнаго синильной кислотѣ, гдѣ азотъ былъ бы замѣщенъ фосфоромъ. Къ этому были направлены всѣ работы ея въ послѣднее время. Во время этихъ работъ съ нею и произошелъ тотъ несчастный случай, который стоилъ ей жизни. Этотъ случай еще разъ доказалъ, что химія требуетъ жертвъ. Въ этой наукѣ приходится становиться лицомъ къ лицу съ силами природы, вызывать ихъ проявленія, за-

¹⁾ По воспоминаніямъ профессора Г. Г. Густавсона.

ставить вещество комбинироваться въ новыя соединенія, свойства которыхъ напередъ невозможно предугадать, и тутъ случайности неизвѣстны. Правда, онѣ рѣдко влекутъ за собой смертный исходъ. Но какъ бы то ни было, В. Е. не стало, происшедшаго исправить мы не въ состояни и намъ остается только глубоко скорбѣть объ этой прекрасной жизни, столь много общавшей и столь внезапно прекратившейся. Теперь она принадлежитъ прошедшему. Но говоря это, надо отмѣтить, что не все прошедшее предается забвенію. Дѣятельность Богдановской не забудется. Имя ея останется въ наукѣ. Оно навсегда останется въ исторіи просвѣщенія русской женщины, оно будетъ всегда служить доказательствомъ правоспособности русской женщины, свѣтлымъ примѣромъ для будущихъ поколѣній.

В. Е., по окончаніи курса въ Смольномъ институтѣ съ шифромъ большаго размѣра, поступила на С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы, гдѣ блестяще окончила полный курсъ. Затѣмъ, получивши за свои выдающіяся познанія и работы за-границею степень доктора химіи, В. Е. появилась опять на курсахъ въ 1892 г., занявъ скромное мѣсто ассистентки по неорганической химіи у профессора Львова. Но ея познанія, даръ слова, желаніе быть полезной, тотчасъ же расширили ея дѣятельность. Возникли репетиціи или, вѣрнѣе сказать, бесѣды по неорганической химіи, на которыхъ В. Е., безъ всякаго вознагражденія, разъясняла и помогала усвоенію началъ химіи. Эти бесѣды имѣли совершенно откровенный, интимный характеръ. Слушательницы, поддавшись открытому, вполне товарищескому отношенію къ нимъ Вѣры Евстафьевны, не стѣснялись вопросами и прямо заявляли о своихъ мнѣніяхъ, выводахъ, предположеніяхъ, находя должное разъясненіе всему этому. Конечно, эти бесѣды были очень полезны.

Въ Женевѣ В. Е. была ученицей Гн, одного изъ блестящихъ представителей новыхъ воззрѣній о расположеніи атомовъ въ пространствахъ, и просьба, обращенная къ ней, чтобы она взяла на себя трудъ прочесть рядъ лекцій по этому предмету, встрѣтила съ ея стороны полную готовность быть полезной. Нельзя забыть, какъ блистательно В. Е. справилась съ первою лекціею по этому предмету. Лекція вышла ясною, изящною, безъ фразъ, безъ всякаго желанія произвести эффектъ и слушалась съ величайшимъ удовольствіемъ. В. Е. сразу, что называется, овладѣла аудиторіей, заставила всѣхъ на это время жить ея собственною жизнью и никогда, никто изъ бывшихъ на лекціи не забудетъ того прекраснаго чувства, какое она

заставила испытать. Всѣми почувствовалось на этой лекціи, что предъ ними даровитая личность, способная возбудить глубокія симпатіи.

Не мелочная, чуждая зависти, съ горячимъ сердцемъ, В. Е. доставляла и частными своими бесѣдами глубокое наслажденіе. Удовольствіе общенія съ нею увеличивалось тѣмъ, что эта женщина была основательно и всесторонне образована, и что она обладала замѣчательною ясностью ума.

Составъ слушательницъ и вольнослушательницъ.

Въ началѣ 1895—1896 учебнаго года слушательницъ и вольнослушательницъ на высшихъ женскихъ курсахъ состояло 695 человекъ:

а) На историко-филологическомъ отдѣленіи:

I курсъ	208	слушательницъ	и	17	вольнослушательницъ
II	"	111	"	"	18
III	"	109	"	"	17
IV	"	78	"	"	9
		<hr/>		<hr/>	
		506	"	"	56

б) На физико-математическомъ отдѣленіи:

I курсъ	59	слушательницъ		3	вольнослушательницы
II	"	17	"	3	"
III	"	23	"	5	"
IV	"	28	"	—	"
		<hr/>		<hr/>	
		122	"	11	"

Въ теченіе года изъ этого числа выбыло до окончанія курса по разнымъ причинамъ 100 (включая сюда и вольнослушательницъ, бывшихъ на курсахъ четыре года) и окончило полный курсъ по обомъ отдѣленіямъ 80 человекъ.

Въ августѣ и сентябрѣ былъ произведенъ приемъ новыхъ слушательницъ. Желающихъ обучаться на высшихъ женскихъ курсахъ, какъ и въ прежнее время, въ нынѣшнемъ году оказалось необыкновенно много, и число ихъ значительно превысило количество имѣвшихся свободныхъ вакансій. Прошенія начали поступать еще съ ноября мѣсяца 1895 года и къ 1 октября 1896 года ихъ было подано 550: 453—по историко-филологическому отдѣленію и 97—по физико-математическому.

По существующимъ правиламъ, въ 1896—1897 учебномъ году можно было принять на курсы только 150 человѣкъ и въ этотъ комплектъ, въ виду большого стеченія просительницъ, директоромъ курсовъ были приняты лишь окончившія курсъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ золотыми и серебряными медалями и званіемъ домашней наставницы. Въ то же время приходилось отказать 405 дѣвцамъ, изъ коихъ нѣкоторыя пріѣхали сюда изъ Болгаріи, изъ Приамурскаго края, изъ Восточной Сибири, Туркестанскаго края и т. п., а многія уже нѣсколько лѣтъ просятъ о принятіи на курсы. Обо всемъ этомъ директоръ курсовъ докладывалъ г. министру народнаго просвѣщенія и ходатайствовалъ о разрѣшеніи пріема слушательницъ на курсы сверхъ комплекта. Вслѣдствіе этого, г. министромъ народнаго просвѣщенія и попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа было разрѣшено принять на высшіе женскіе курсы еще 76 человѣкъ. Такимъ образомъ осенью 1896 года на курсы принято вновь 226 человѣкъ.

На историко-филологическое отдѣленіе:

I курсъ	167	слушательницъ	11	вольнотруженицъ
II "	2	бывш.	—	"
	169	"	11	"

На физико-математическое отдѣленіе:

I курсъ	41	слушательница	1	вольнотруженица
II "	1	бывш.	—	"
III "	1	"	—	"
IV "	1	"	1	"
	44	"	2	"

Къ сожалѣнію, тѣснота аудиторій высшихъ женскихъ курсовъ не позволила пропустить большаго пріема слушательницъ и по необходимости 324 дѣвушкамъ пришлось отказать въ ихъ желаніи продолжать свое образованіе на курсахъ.

Отказъ въ пріемъ на высшіе женскіе курсы въ нынѣшнемъ году привелъ нѣкоторыхъ просительницъ, особенно окончившихъ курсъ наукъ въ гимназіяхъ безъ медалей, въ полное отчаяніе, навсегда лишивъ ихъ возможности получить высшее образованіе, такъ какъ курсы эти, являясь единственнымъ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ

на все население Россійской Имперіи, оказались тѣсными и для прошлогодняго состава слушательницъ, и по этой причинѣ пріемъ новыхъ слушательницъ сталъ стѣснительнѣе. Теряя возможность поступить на здѣшніе курсы, женская молодежь по необходимости направляется въ заграничныя высшія учебныя заведенія (въ 1895—1896 учебномъ году въ одномъ Цюрихскомъ университетѣ обучалось 72 русскихъ дѣвушки)¹⁾. Но избѣжать всего этого возможно лишь съ расширеніемъ высшихъ женскихъ курсовъ, потребность въ чемъ особенно сильно сказалась въ отчетномъ учебномъ году. Къ несчастью, ограниченность матеріальныхъ средствъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, содержащихся главнымъ образомъ на сборъ платы за слушаніе лекцій, не позволяетъ теперь же приступить къ расширенію зданія курсовъ и поэтому устраненіе указаннаго грустнаго явленія становится въ полную зависимость отъ степени общественнаго вниманія къ дѣлу высшаго женскаго образованія.

Въ настоящее время составъ учащихъ на курсахъ опредѣлился въ 673 слушательницы и 68 вольнослушательницъ.

По историко-филологическому отдѣленію:

I курсъ	175	слушательницъ	11	вольнослушательницъ ¹⁾
II "	170	"	16	"
III "	94	"	14	"
IV "	99	"	17	"
	588	"	58	"

По физико-математическому отдѣленію:

а) Математическому:

I курсъ	54	слушательницы	1	вольнослушательница ²⁾
II "	17	"	2	"
III "	10	"	3	"
IV "	13	"	1	"
	94	"	7	"

¹⁾ См. Verzeichnis der Behörden, Lehrer, Anstalten und Studirenden der Hochschule Zurich im Wintersemester. 1895—96.

²⁾ Сюда включены оставшіяся на I курсѣ на 2-й годъ и перешедшія съ другого отдѣленія на другое.

б) Химическому:

II курсъ	26	слушательницъ	1	вольнотружательница
III " "	8	"	—	"
IV " "	7	"	2	"
	41	"	3	"

Изъ нихъ: а) *По званію*: дворянскаго сословія 42, дочерей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ 400, духовнаго званія 38, городскихъ сословій 134, крестьянокъ 19, принадлежащихъ къ личному и потомственному почетному гражданству 41, дочерей низшихъ военныхъ чиновъ 6, дочерей лицъ, имѣющихъ ученые степени, 34, женъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 11, прочихъ сословій 6, австрійскихъ подданныхъ 2, болгарскихъ—5, нидерландскихъ—1, французскихъ—1 и шведскихъ—1.

б) *По семейному положенію*: 3 вдовы, 27 замужнихъ и 711 дѣвицъ.

в) *По исповѣданію*: православнаго 658, римско-католическаго 23, евангелическо-лютеранскаго 22, реформатскаго 8, армяно-григоріанскаго 8, караимскаго 7, громовскаго толка 1, еврейскаго закона 19.

г) *По возрасту*: 16 лѣтъ—8, 17—32, 18—64, 19—103, 20—140, 21—123, 22—79, 23—60, 24—40, 25—32, 26—20, 27—14, 28—5, 29—9, 30—5, 31—1, 32—4, 34—1, 39—1.

д) *По образованію*: окончившихъ курсъ наукъ: въ университетѣ 1, въ лицей 1, на высшихъ женскихъ курсахъ 2, на педагогическихъ 7, въ институтахъ 72, въ женскихъ гимназіяхъ 581, въ епархіальныхъ училищахъ 19, въ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами женскихъ гимназій 30, въ учительской школѣ 1, въ частныхъ пансіонахъ 4, имѣющихъ свидѣтельство: на званіе домашней учительницы 12 и на званіе начальной учительницы 1, домашняго образованія 4 вольнотружательницы.

413 слушательницъ и вольнотружательницъ окончили курсъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ наградами: 9—съ шифрами, 198—съ золотыми медалями, 134—съ серебряными медалями, 1—съ золотымъ браслетомъ, 1—съ наградой 1-й степени, 2—съ первымъ свидѣтельствомъ, 2—съ наградами и 70—съ книгами.

Настоящій составъ учащихся на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ образовался изъ окончившихъ курсъ наукъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ Россійской Имперіи, именно: С.-Петербургскаго округа—258, Казанскаго—67, Оренбургскаго—28, Московскаго—98, Харьковскаго—51, Одесскаго—43, Кіевскаго—59, Виленскаго—21, Варшавскаго—6, Рижскаго—8, Кавказскаго—28, Туркестанскаго края—2, Западно-Сибирскаго—14, Восточной Сибири—32, Приамурскаго края—2 (въ эти числа не вошли кончившія курсъ въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, домашнія учительницы и получившія домашнее образованіе).

Краткое обзорніе учебной дѣятельности курсовъ за 1895—1896 учебный годъ.

Учебныя занятія на курсахъ начались съ 5 сентября и продолжались до конца 6-й недѣли великаго поста. Преподаваніе велось по университетскимъ программамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. На историко-филологическомъ отдѣленіи читалось по 107 лекцій въ недѣлю: на I курсѣ 36, на II—25, на III—26, на IV—20 и на физико-математическомъ и химическомъ—по 124 лекціи въ недѣлю (включая сюда практическія работы слушательницъ): на I курсѣ—35, на II—30, на III—32 и на IV—27. По нѣкоторымъ предметамъ лекціи читались одновременно слушательницамъ нѣсколькихъ курсовъ. Съ 16 марта по 11 мая и съ 2 сентября по 1 октября на курсахъ были произведены переводные и выпускные экзамены. По обыкновенію экзамены производились особыми комиссіями, состоявшими, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ профессора предмета и ассистентовъ изъ состава профессоровъ и преподавателей курсовъ, въ присутствіи деуцатовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія: по историко-филологическому отдѣленію—тайнаго совѣтника И. П. Хрущева и по физико-математическому отдѣленію—дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Д. Дмитріева; на экзаменѣ по богословію изволилъ присутствовать наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, преосвященный Іоаннъ, епископъ нарвскій.

А) Обзорные преподавания по историко-филологическому отделению.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.			
				Отлично.	Хорошо.	Удовлетворительно.	Неудовлетворительно.
Богословіе	I	2	164	99	53	12	—
	II	2	86	61	20	5	—
Логика	I	4	180	72	65	43	—
	II	4	95	47	26	22	—
Исторія древней философіи	III	2	95	43	41	11	—
Исторія новой философіи .	IV	2	74	46	23	5	—
Латинскій языкъ	I	7	186	89	60	37	—
	II	4	89	35	25	29	—
	III	3	95	15	41	39	—
	IV	2	69	20	24	23	2
Исторія римской литературы	IV	1	67	25	25	15	2

По латинскому языку на первомъ курсѣ происходили практическія занятія подъ руководствомъ преподавательницы В. В. Пѣтуховой, по отзыву которой слушательницы усердно посѣщали эти занятія и относились къ нимъ внимательно.

Во второмъ курсѣ практическія занятія по латинскому языку, подъ руководствомъ профессора И. И. Холодняка, помимо общаго обязательнаго курса въ первомъ полугодіи—Цицеронъ *de Officiis* и во второмъ Вергилій Энеида—состояли въ чтеніи à livre ouvert латинскихъ текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Россіи. Прочитано было нѣсколько соответственныхъ документовъ изъ сборника Тургенева *Historiae Russiae*, между прочимъ, часть переписки царя Ивана Васильевича Грознаго съ папскимъ престоломъ по вопросу о соединеніи церквей, затѣмъ нѣсколько избранныхъ главъ изъ Герберштейна *Be-gium Moscoviticarum Commentarii*, изъ Антонія Поссевина *Iter Moscoviticum* и изъ Корба *Diarium* (О стрѣльцкомъ бунтѣ).

На 3 курсѣ (проф. Н. К. Гельвихъ) читались—Цицерона пятая часть второй рѣчи противъ Верреса и Вергилія—четвертая нѣснь Энеиды, при чемъ по примѣру прежнихъ лѣтъ чтенія происходили при дѣятельномъ участіи слушательницъ и лучшимъ изъ нихъ по

успѣхамъ представилась возможность предложить на экзаменѣ нечитанные мѣста изъ Цицерона.

Въ четвертомъ курсѣ подъ руководствомъ проф. И. И. Холодняка читались избранныя оды и сатиры Горация, избранныя главы изъ первой книги Ливія, а сверхъ того нѣсколько слушательницъ въ особо назначенные часы занимались чтеніемъ избранныхъ мѣстъ поэмы Лукреція. Сверхъ того прочитанъ былъ конспективный курсъ исторіи римской литературы съ древнѣйшихъ временъ до вѣка Августа включительно. На выпускномъ испытаніи депутатомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія были предложены нѣкоторымъ изъ слушательницъ тексты à livre ouvert изъ любого автора римской литературы, напримѣръ, изъ Тибулла, Ливія и даже Тацита. Отвѣты оказались весьма удовлетворительными.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Успѣхи экзаменовавшихся.				
			Экзаменовалось.	Отличныя.	Хорошія.	Удовлетворительныя.	Неудовлетворительныя.
Русскій языкъ	I	4	187	65	92	29	1
	II	3	96	32	49	15	—
Французскій языкъ	I	4	84	70	14	—	—
Нѣмецкій языкъ	I	4	29	23	6	—	—
Славяновѣденіе	I	2	183	51	71	61	—
	II	2	90	24	30	36	—
	III	2	95	19	39	37	—
	IV	2	72	26	28	23	—
Исторія всеобщей литературы	I	2	180	159	20	1	—
	II	2	97	75	19	3	—
	III	4	98	80	12	1	—
	IV	2	73	68	4	1	—
Исторія древней русской литературы	III	3	93	61	28	4	—
Исторія новой русской литературы	IV	3	69	40	23	6	—

По исторіи русской литературы, кромѣ чтенія лекцій, были устроены рефераты на предложенныя проф. И. А. Шапкинныя

темы. Слушательницы Пѣтухова и Евграфова представили рефератъ „о счастливомъ замужествѣ по русскимъ народнымъ пѣснямъ“. Пересмотрѣвъ массу сборниковъ русскихъ лирическихъ пѣсенъ и выбравъ изъ нихъ все относящееся къ данной темѣ, доселѣ разрабатывавшейся исключительно съ отрицательной стороны, референтки пришли, между прочимъ, къ любопытному выводу, что главною причиною тяжелаго положенія женщины въ семьѣ былъ не гнѣтъ нелюбимаго мужа, а „лютость“ свекрови.

Слушательница Богдановичъ прочла рефератъ объ извѣстномъ I письмѣ Чаадаева и перевела на русскій языкъ его „Apologie d'en fou“.

Слушательница А. Попова занялась изученіемъ литературной дѣятельности гр. Е. В. Саліасъ-Турнемиръ, извѣстной подъ псевдонимомъ Евгенія Туръ и прочла любопытный рефератъ о ней, представляющій пока отрывокъ изъ большой работы. Можно надѣяться, что эта работа, доведенная до конца, появится въ печати и дастъ много новыхъ данныхъ для исторіи русской литературы пятидесятихъ годовъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о поѣздкѣ слушательницъ въ Новгородъ съ цѣлью обозрѣнія мѣстныхъ древностей, подъ руководствомъ директора курсовъ Н. П. Раева, декана историко-филологическаго отдѣленія С. Ф. Платонова и профессора русской словесности И. А. Шляпкина. Слушательницами подробно были осмотрѣны Новгородскій Софійскій соборъ, Спасоерѣдичья церковь и монастыри—Юрьевъ, Хутынский и Сковородскій. Кромѣ знакомства воочию съ древнѣйшими памятниками русской письменности, грамотами Юрьевской и Хутынской, особое вниманіе слушательницъ было обращено на памятники фресковой живописи и иконописи и связь ихъ съ древней литературой; указано было на символическое значеніе древней архитектуры русскихъ храмовъ, на отличіе архитектуры новгородской и вліяніе на нее византійскаго зодчества и готики; были осмотрѣны рѣдкіе памятники русской церковной утвари, матерій, вышивокъ и ихъ орнаментаціи. Нельзя не отмѣтить того радушнаго гостепріинства, съ коимъ слушательницы были встрѣчены повсюду: въ Юрьевомъ, напримѣръ, монастырѣ онѣ были допущены во внутреннюю купольную ризницу, куда обыкновенно рѣдко допускаются сторонніе посѣтители. Кромѣ церквей и указанныхъ древностей, слушательницы осмотрѣли Новгородскій музей и памятникъ тысячелѣтія Россіи и любовались Перыньскимъ скитомъ и другими историческими окрестностями Новгорода.

Благодаря благосклонному вниманію г. управляющаго министерствомъ путей сообщенія, для слушательницъ предоставленъ былъ бесплатно пароходъ министерства путей сообщенія, находящійся во все время поѣздки по р. Волхову въ распоряженіи директора курсовъ.

Древняя исторія:	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличныя.	Хорошія.	Удовлетворительныя.
а) Греческая исторія . . .	I	2	179	79	79	21
б) Римская исторія . . .	I	2	177	68	88	31

По римской исторіи были написаны и прочитаны рефераты на слѣдующія темы:

1) Происхожденіе плебеевъ по Ф. де Куланжу, Моммзену, Мискулу, Азаревичу и др.—слушательницею Миллеръ.

2) Борьба общественныхъ классовъ въ Римѣ въ періодъ республики по Моммзену, Дюрюм, Нитчу и др.—вольнослушательницею Граве.

3) Причины возвышенія Юлія Цезаря по Плутарху, Светонію, Моммсену, Дюрюм и др.—слушательницею Стрѣкаловою.

Каждая изъ работъ, по отзыву профессора С. Л. Степанова, отличалась особенностями: авторъ первой не ограничился сопоставленіемъ различныхъ взглядовъ на вопросъ о происхожденіи плебса, но сумѣлъ указать преимущества теоріи Ф. де Куланжа; авторъ второй, пользуясь различными источниками, сумѣлъ сохранить независимость взгляда и избѣжать противорѣчій, легко возможныхъ при работѣ надъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ писателей, стоящихъ на различныхъ точкахъ зрѣнія; авторъ третьей блестяще выполнилъ свою задачу, обнаруживъ широту историческаго пониманія, основательное знакомство съ матеріаломъ и художественный тактъ въ построеніи работы.

Исторія среднихъ вѣковъ .	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличныя.	Хорошія.	Удовлетворительныя.
	II	5	91	32	42	17
	III	5	95	62	37	6

О практическихъ занятіяхъ по средневѣковой исторіи.

Предлагая слушательницамъ устройство особаго семинарія по исторіи среднихъ вѣковъ, профессоръ И. М. Гревсъ имѣлъ въ виду оказать имъ содѣйствіе въ созданіи для себя серьезнаго органа постоянной самостоятельной и совмѣстной исторической работы во время всего учебнаго года. Для того, чтобы слушательницы могли явиться къ участию въ дѣлѣ съ нѣкоторою общею подготовкою къ нему, основная задача практическихъ занятій должна была вытекать изъ читающагося практическаго курса, частные пункты ея объединяться его существеннымъ содержаніемъ, а совокупность всѣхъ сочиненій представлять разработку одного или нѣсколькихъ главныхъ затрогиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Работа должна была выражаться въ составленіи слушательницами, пожелавшими принимать постоянное участіе въ занятіяхъ, рефератовъ, темы которыхъ онѣ выбрали по собственному вкусу изъ цѣлаго списка ихъ, построеннаго по опредѣленной системѣ; при этомъ необходимыя источники и пособія указывались каждой профессоромъ и сообщались также другимъ участницамъ, которымъ рекомендовалось всѣмъ общее предварительное знакомство съ историческимъ періодомъ, изъ области котораго были взяты сюжеты, предложенные для обработки, и нѣкоторое изученіе спеціальнаго предмета отдѣльныхъ сообщеній. Оконченныя работы должны были представляться заранѣе профессору и прочитываться по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ изъ участвующихъ слушательницъ, наиболѣе заинтересованныхъ вопросамъ, которому онѣ посвящены, и бравшихъ на себя обязанность убѣдиться въ томъ, насколько содержаніе ихъ обстоятельно и полно, а выводы правильны. Послѣ этого рефераты читались въ аудиторіи передъ всѣми, принимавшими участіе въ семинаріи, и подвергались разбору, въ которомъ дѣятельная роль должна была принадлежать самимъ слушательницамъ, профессоръ же предоставлялъ себѣ руководство преніями и общее заключеніе какъ о цѣнности реферата, такъ и о результатахъ разбора его.

Въ виду того, что курсъ 1895—1896 года былъ посвященъ изученію основныхъ элементовъ средневѣковаго строя и ихъ первоначальнаго взаимодѣйствія, и что нѣсколько отдѣловъ его были заняты разсмотрѣніемъ явленій, совершавшихся на почвѣ римской имперіи, то удобною общею темою для практическихъ занятій представлялся анализъ главныхъ сторонъ политическаго и социальнаго строя рим-

ской имперіи, и выполнение основныхъ пунктовъ этой задачи составило содержаніе семинарія по средневѣковой исторіи въ текущемъ учебномъ году.

Собранія для разбора рефератовъ устраивались еженедѣльно, начиная со второй половины ноября 1895 года, и занимая каждое около 2-хъ—2½ часовъ. Всего до конца года было одиннадцать собраний, во время которыхъ были рассмотрѣны слѣдующія сочиненія:

1) Вольнослушательницы Домелунксенъ „Причины паденія республики и утвержденія имперіи въ римскомъ мірѣ“.

2) Слушательницы IV курса Полянской—„Сущность конституціи принципата по теоріи Моммзена“.

3) Вольнослушательницы III курса Козакевичъ—„Римскій муниципальный строй въ періодъ его расцвѣта“.

4) Слушательницы III курса Демкиной—„Зарожденіе представительныхъ учреждений въ римскомъ провинціальномъ мірѣ“.

5) Слушательницы II курса Суриной—„Какъ принята была имперія старыми и новыми элементами римскаго общества“.

6) Вольнослушательницы Кузнецовой—„Происхожденіе рабства въ Римѣ, юридическое и социальное положеніе рабовъ“.

7) Слушательницы III курса Бокій—„Земельная эволюція въ римскомъ мірѣ и разложеніе рабства“.

8) Слушательницы II курса Новиковой—„Вліяніе философіи и религіи на разложеніе рабства въ римскомъ мірѣ“.

Кромѣ того другими участницами практическихъ занятій представлено было нѣсколько болѣе краткихъ дополнительныхъ сообщеній къ вышепоименованнымъ рефератамъ, а именно:

1) Слушательницею III курса Анной Поновой—„Критическая замѣтка по поводу теоріи Моммзена о принципатѣ“.

2) Вольнослушательницею Козакевичъ—„Взглядъ Тацита на особенности римскаго императорскаго режима“.

3) Кю же—„Теорія Пельгэма о происхожденіи колоната“.

4) Слушательницею III курса Черемухиной—„Взглядъ Аллара на значеніе христіанства въ процессѣ разложенія рабства“.

Наконецъ двумя лицами представлены были двѣ большія работы на тему, не входящую въ общій планъ практическихъ занятій. Это были работы слушательницъ III курса Стоюниной и Цвылевой „Объ императорѣ Маркѣ Авреліи, какъ философѣ и государственномъ человѣкѣ“.

Такимъ образомъ количественные результаты годичнаго труда въ

семинаріи по средней исторіи выражаются цифрою 14 рефератовъ. Что же касается до внутреннихъ достоинствъ послѣднихъ, то слѣдуетъ отдать полную справедливость какъ добросовѣстному отношенію большинства авторовъ, такъ и ихъ умѣнію справиться съ задачею сознательно и серьезно, а нерѣдко даже самостоятельно и искусно. Только одинъ изъ представленныхъ рефератовъ можетъ быть названъ неудачнымъ, но зато пять или шесть, по отзыву профессора, заслуживаютъ полного одобренія, какъ выдающіяся работы, и вообще всѣ активныя участницы семинаріи обнаружали постоянное вниманіе и живой интересъ къ дѣлу, а также послѣдовательный трудъ и зрѣлость сужденія. Въ общемъ выводъ слѣдуетъ сказать, что сдѣланные опыты организаціи семинаріи по средневѣковой исторіи позволяютъ надѣяться на возможность успѣшнаго развитія на курсахъ плодотворнаго и глубокаго изученія всеобщей исторіи.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличные.	Хорошіе.	Удовлетворительные.
Новая исторія	III	1	90	27	36	27
	IV	2	69	40	23	6
Русская исторія	I	2	187	121	59	7
	II	2	96	67	25	4
	III	2	93	65	22	6
	IV	2	—	—	—	—

По русской исторіи въ 1895—1896 году, сверхъ чтенія общаго курса на первыхъ трехъ курсахъ и спеціальнаго на четвертомъ курсѣ, происходили (подъ руководствомъ профессора С. Ф. Платонова) по обычаю практическія занятія слушательницъ, состоявшія въ разборѣ и изученіи научныхъ пособій и первоисточниковъ. Слѣдуетъ съ безусловною похвалою отмѣтить исходившую отъ самихъ слушательницъ попытку дать правильную организацію этимъ практическимъ занятіямъ.

Желавшія принимать участіе въ занятіяхъ, числомъ до 87, сообща обсуждали порядокъ занятій, распредѣляли между собою темы и пособия и, раздѣляясь на небольшія группы, коллективно изучали извѣстный вопросъ и вырабатывали докладъ о немъ, который затѣмъ и читался въ присутствіи профессора и всѣхъ участвующихъ. Занятія продолжались съ конца сентября до середины марта съ перерывами

вомъ въ одинъ мѣсяцъ въ декабрѣ и январѣ. Всего было представлено 48 работъ 38 слушательницами. Предметомъ изученія былъ государственный и общественный строй Московскаго государства, въ его происхожденіи и внѣшнихъ формахъ. Большое число участницъ, разбившихся на отдѣльныя группы, занимавшіяся одновременно близкими одна къ другой темами, требовало и большаго числа книгъ, которыя приходилось добывать сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ то же время неизбѣжна была и нѣкоторая распорядительная дѣятельность для согласованія занятій различныхъ группъ. Всѣ такого рода заботы приняла на себя окончившая курсъ наукъ и оставленная со-вѣтомъ преподавателей на пятый годъ для занятій русскою исторіею М. А. Постникова.

Въ практическихъ занятіяхъ I курса по русской исторіи (подъ руководствомъ профессора С. М. Середонина) имѣлось въ виду ознакомить слушательницъ съ методомъ историческихъ работъ; съ этою цѣлью избранъ былъ для занятія вопросъ о бытѣ славянъ въ эпоху образованія государства. Слушательницами былъ представленъ рядъ рефератовъ, заключавшихъ въ себѣ изложеніе отдѣльныхъ мнѣній по указанному вопросу; кромѣ того референтками отмѣчалось, что новаго вносила въ разрабатываемый вопросъ тотъ или другой авторъ. а равнымъ образомъ, какъ одни и тѣ же свидѣтельства источниковъ толковались въ свою пользу представителями различныхъ направленій. Небольшой размѣръ рефератовъ далъ возможность многимъ слушательницамъ принять активное участіе въ этихъ занятіяхъ; значительно менѣе удачно были ведены пренія по новоду прочитанныхъ рефератовъ.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличные.	Хорошіе.	Удовлетворительные
Исторія искусствъ	III	2	98	61	31	6
	IV	2	71	53	14	4

Занятія по этому предмету въ отчетномъ году состояли въ чтеніи курса древняго искусства, для иллюстраціи котораго приходилось пользоваться пособіями музея древностей при университетѣ, а также музея изящныхъ искусствъ, учрежденнаго на курсахъ.

Б) Обзорніе преподаванія по физико-математическому отдѣленію.

	Курс.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзамено-валось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отлич-ные.	Хоро-шіе.	Удовле-твительные.
Богословіе	I	2	36	28	7	1
	II	2	12	10	2	—
Введеніе въ анализъ	I	6	45	26	8	11
Тригонометрія	I	2	51	35	12	4
Геометрія	I	2	49	38	7	4
Аналитическая геометрія	II	3	11	11	—	—
Приложеніе дифференціальнаго исчисленія къ геометріи	III	2	18	11	2	—
Дифференціальное исчисленіе	II	4	11	10	1	—
Интегральное исчисленіе	III	2	12	4	6	2
Интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій	III	2	12	5	5	2
Интегрированіе уравненій съ частными производными	IV	2	8	8	—	—
Варьяціонное исчисленіе	IV	2	7	7	—	—
Теорія вѣроятностей	III	1	14	10	4	—
	IV	1	7	6	1	—
Исчисленіе конечныхъ разностей	III	2	14	7	4	3
	IV	2	7	5	2	—

	Курс.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзамено-валось.	Успѣхи экзаменовавшихся.			
				Отличные.	Хорошіе.	Удовлетворительные.	Неудовлетворительные.
Теорія эллиптическихъ функций	IV	2	7	7	—	—	—
Механика	III	1	12	6	5	1	—

Механика.	IV	5	6	5	1	—	—
Математическая географія .	II	1	—	—	—	—	—
Астрономія	III	2	15	11	4	—	—
	IV	3	6	6	—	—	—
Физика	I	2	41	25	11	4	1
	II	3	15	10	5	—	—
	III	3	24	15	5	3	4
	IV	4	19	15	2	2	—

По просьбѣ слушательницъ профессоръ О. Д. Хвольсонъ прочелъ тремъ старшимъ курсамъ физико-математическаго отдѣленія около 20 лекцій по акустикѣ, которая не могла быть ранѣе прочтена, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неправильностей въ преподаваніи физики, вызванныхъ двукратнымъ измѣненіемъ персонала.

Въ настоящее время вышелъ первый выпускъ изданныхъ фирмою К. Риккера рѣчей Г. Гельмгольца, переведенныхъ слушательницами физико-математическаго отдѣленія, подъ редакціею проф. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина; въ переводѣ участвовала завѣдующая практическими занятіями А. Е. Сердобинская.

Слушательница III курса Озаровская написала компилятивную статью „О треніи жидкостей“.

Оставленная при курсахъ для усовершенствованія въ наукахъ г. Емельянова продолжала заниматься въ физической лабораторіи, устривая, подъ руководствомъ С. Я. Терешина, болометръ.

Оставленная при курсахъ г. Диксонъ, ур. Горенбургъ, помогала г. Сердобинской при практическихъ занятіяхъ слушательницъ въ физической лабораторіи. Она произвела опредѣленіе коэффиціента самоиндукціи и представила подробное описаніе своей работы. Въ Саратовѣ она прочла публичную лекцію о лучахъ Рентгена. Въ 1895—1896 году г. Диксонъ назначена на вновь учрежденную на курсахъ должность помощницы завѣдующей практическими занятіями слушательницъ по физикѣ.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличныя.	Хорошія.	Удовлетворительныя.
Неорганическая химія . . .	I	4	51	37	13	1
Органическая химія . . .	II	4	6	5	1	—
	III	4	8	6	2	—

Слушательницы II и III курсовъ физико-химическаго отдѣленія, подъ руководствомъ завѣдывающаго химическою лабораторіею И. В. Богомольца, изучали аналитическую химию. Послѣ трехъ объяснительныхъ лекцій, самыя занятія носили чисто практическій характеръ и состояли въ прохожденіи полнаго курса качественного и количественнаго минеральнаго химическаго анализа.

Слушательницы IV курса работали въ химической лабораторіи по агрономическому анализу и по органической химіи. Занятія происходили подъ руководствомъ профессора Г. Густавсона при участіи руководительницы практическихъ работъ по химіи А. А. Якубовой.

Содержаніе и цѣль занятій по агрономическому анализу оставались тѣ же, какъ и въ предыдущіе годы. Работы же по органической химіи получили въ отчетномъ году значительное развитіе. Слушательницы принимали участіе въ изслѣдованіяхъ профессора Густавсона, частію уже опубликованныхъ. Работы въ томъ же направленіи продолжаютъ и въ текущемъ 1896—1897 году.

	Курсъ.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовалось.	Успѣхи экзаменовавшихся.		
				Отличные.	Хорошіе.	Удовлетворительные.
Кристаллографія	II	2	8	8	—	—
	III	1	9	5	2	2
Физическая географія	III	3	8	6	2	—
	IV	1	14	10	4	—

Въ первой половинѣ учебнаго года слушательницы III и IV курсовъ физико-математическаго отдѣленія, подъ руководствомъ профессора И. В. Мушкетова, ознакомились съ богатыми минеральными и палеонтологическими собраніями въ музеумѣ Горнаго института, также съ многочисленными моделями горнозаводскихъ сооружений, съ примѣрнымъ рудникомъ Горнаго института, гдѣ имъ наглядно представлены были формы залеганія въ корѣ земной различныхъ полезныхъ ископаемыхъ, какъ-то: каменнаго угля, золота, различныхъ рудъ и рудничные способы разработки ихъ.

Въ концѣ апрѣля слушательницы подъ руководствомъ того же профессора и при участіи директора курсовъ совершили экскурсію въ окрестности Выборга, на озеро Сайма и водопадъ Иматру. Экскурсія эта дала возможность слушательницамъ быстро и наглядно познакомиться

съ цѣлымъ рядомъ весьма поучительныхъ явленій природы, а именно— съ массивнымъ финляндскимъ гранитомъ и его обработкою, древнимъ ледникомъ въ окрестностяхъ Выборга, съ типичнымъ ледниковымъ ландшафтомъ между Выборгомъ и озеромъ Сайма, съ мощными конечными моренами у озера Сайма и мореннымъ ландшафтомъ, съ древнѣйшими архейскими гнейсами у Иматры, съ образованіемъ озеръ и преобразованіемъ ихъ въ болота и травянистыя равнины, съ условіями происхожденія водопадовъ, ихъ переимѣщеніемъ и тѣми слѣдами, которые при этомъ остаются на поверхности въ видѣ сглаженныхъ скалистыхъ террасъ, исполинскихъ котловъ и пр.; съ условіями циркуляціи подспѣжныхъ водъ, образованіемъ долинъ и пр. Наконецъ слушательницы воочію могли наблюдать зависимость современнаго органическаго міра, особенно растительности, а также и характера рельефа отъ геологическаго строенія мѣстности. Словомъ, эта экскурсія послужила не только демонстраціею большей части теоретическаго курса, но и нагляднымъ разъясненіемъ многихъ деталей его.

	Курсы.	Число лекцій въ недѣлю.	Экзаменовъ.	Отличныя.	Хорошія.
Ботаника .	3	2	9	4	5
	4	2	13	12	1

Въ истекшемъ году академикъ А. С. Фаминцынъ прочелъ курсъ ботаники. Лекціи сопровождались демонстраціей живыхъ растений, микроскопическихъ препаратовъ, таблицъ по систематикѣ, анатоміи и физиологіи, а во второмъ полугодіи чтеніе лекцій по систематикѣ споровыхъ и анатоміи растений иллюстрировалось отбрасываніемъ на экранъ, при помощи аппарата Duboséga микрофотограммъ.

На ряду съ чтеніемъ лекцій велись практическія занятія, подъ непосредственнымъ руководствомъ ассистента А. А. Рихтера, для которыхъ желающія (98 слушательницъ) были раздѣлены на 3 группы. Занятія начались демонстраціями по органографіи; затѣмъ перейдено было къ опредѣленію растений, которое пошло настолько успѣшно, что къ концу полугодія оказалось возможнымъ приступить къ разбору и опредѣленію въ некоторыхъ хранящихся въ кабинетѣ гербаріевъ, собранныхъ бывшими слушательницами курсовъ. Второе полугодіе было посвящено

занятіямъ съ микроскопомъ—по анатоміи растеній. Интересъ къ занятіямъ со стороны слушательницъ былъ настолько великъ, что занятія продолжались и въ теченіе рождественскихъ каникулъ; одна изъ слушательницъ приобрѣла выпиской изъ за границы микроскопъ, а нѣсколько заявили желаніе продолжать работу и дальше—уже специальнаго характера—въ настоящемъ 1896—1897 учебномъ году.

	Курсъ.	Число лекцій въ семестрѣ.	Экзаменовъ.	Успѣхи экзаменовавшихся.	
				Отличныя.	Хорошія.
Латинскій языкъ.	I	2	2	1	1
	II	2	3	1	2
	III	2	1	—	1
	IV	2	2	—	2

Слушательницы физико-математическаго отдѣленія, намѣревающіяся поступить въ медицинскій институтъ, по окончаніи курса на высшихъ женскихъ курсахъ, въ отчетномъ году занимались латинскимъ языкомъ въ особо назначенные для нихъ часы. Занятія велись по программѣ историко-филологическаго отдѣленія, подъ руководствомъ преподавательницы В. В. Пѣтуховой.

По окончаніи переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ выяснились слѣдующіе результаты учебной дѣятельности курсовъ за истекшій учебный годъ.

По историко-филологическому отдѣленію:

Перев. съ I на II курсъ	168	сл. и оставл. на I курсѣ на 2 г.	5
" II " III "	86	" " II "	4
" III " IV "	88	" " III "	5
Окончило полный курсъ	62	" " IV "	10

По математическому отдѣленію:

Перев. съ I на II курсъ	41	сл. и оставл. на I курсѣ на 2 г.	6
" II " III "	7	" " II "	—
" III " IV "	12	" " III "	8
Окончило полный курсъ	6	" " IV "	1

По химическому отдѣленію:

Перев. съ II на III курсъ	6 сл. и оставл. на 2 г. на II курсъ	1
„ III „ IV „	7 „ „ „ III „	1
Окончило полный курсъ	12 „ „ „ IV „	1 ¹⁾

(Въ эти числа не включены выбывшія до окончанія курса, перешедшія съ одного отдѣленія на другое и перечисленныя изъ слушательницъ въ вольнослушательницы).

Списокъ слушательницъ, окончившихъ полный курсъ наукъ и удостоенныхъ выпускныхъ свидѣтельствъ.

По историко-филологическому отдѣленію.

Алтухова Вѣра, С.-Петербургской гимназій Таганцевой. Аникіева Марія, уч. орд. св. Екатерины. Артамасова Анна, Пензенской гимназій. Аснесъ Рахиль, С.-Петербургской Марининской гимназій. Бекарюкова Елена, Харьковской гимназій Оболенской. Богдановичъ Марія, Минской гимназій. Васькова-Примакова Елизавета, Полтавской гимназій. Виноградова Екатерина, Рязанскаго епархіальнаго училища. Глаголева Александра, 3 Варшавской гимназій. Гогунцова Зинаида, Кіевской гимназій. Гололобова Вѣра, Московскаго Усачевско-Червянскаго училища. Голубева Елизавета, Костромской Григоровской гимназій. Грозевская, ур. Красна, Ольга, Саратовской Марининской гимназій. Гуськова, ур. Виноградова, Марія, С.-Петербургской Коломенской гимназій. Дѣвочкина Анна, Московской гимназій кн. Мещерской. Заборовская Евгенія, С.-Петербургской Коломенской гимназій. Затеplinская, ур. кн. Вадбольская, Лидія, Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. Зелятрова Антонина, Рязанской Марининской гимназій. Зиновьева, ур. Сытова, Прасковья, С.-Петербургской гимназій кн. Оболенской. Иващенко Наталія, Житомирской гимназій. Калашникова Ольга, Красноярской гимназій. Камбиаджіо Елена, Владикавказской Ольгинской гимназій. Канцеръ-Чегодаръ Лидія, Кіевской гимназій. Клименко Софія, Новозыбковской гимназій. Козьмодемьянская Вѣра, Самарской гимназій. Колтоновская, ур. Сасько,

¹⁾ Кромѣ того выдержали экзамены 14 вольнослушательницъ: съ I на II курсъ 8; съ II на III—8; съ III на IV—1 и за IV курсъ 2.

Елена, Кіевской гимназіи. Колышкевичъ Евгенія, Орловской Николаевской гимназіи. Коптѣлова Вѣра, Витебской гимназіи. Коренева Елизавета, С.-Петербургскаго училища св. Елены. Криль Татьяна, Нижегородской Маріинской гимназіи. Круглая, урож. Стерлигова, Ольга, 2 Московской гимназіи. Лаврова Марія, Орловскаго Александринскаго института. Леонтьева Любовь, Орловской Николаевской гимназіи. Лучинская Анна, Кіевской Фундуклеевской гимназіи. Маврина Муза, Нижегородской Маріинской гимназіи. Можарова Антонина, Краснопярской гимназіи. Оптовцова Ольга, Казанской Ксеніинской гимназіи. Петровичъ Ольга, С.-Петербургскаго Павловскаго института. Петрункевичъ Александра, Тверской гимназіи. Плаксинская Анна, Воронежской Маріинской гимназіи. Полянская Марія, Рязанской гимназіи. Порѣцкая Маргарита, С.-Петербургской гимназіи Шаффе. Ребиндеръ Екатерина, Могилевской гимназіи. Рунина Анна, Тобольской Маріинской гимназіи. Савицкая Антонина, С.-Петербургской гимназіи Стоюниной. Сележинская, урож. Роопъ. Александра, Тифлисской Ольгинской гимназіи. Селюкъ Варвара, Черниговской гимназіи. Семеновъ Надежда, Воронежской Маріинской гимназіи. Семенова Марія, С.-Петербургской гимназіи Таганцевой. Середонина, урож. Котляревская, Елена, С.-Петербургской гимназіи Стоюниной. Станишевская Рахиль, Витебской гимназіи. Стахевичъ Надежда, Екатеринбургской гимназіи. Тимофеева Глафира, домашняя учительница. Федотова Ольга, Прилукской гимназіи. Фрамель Анна, Гельпгфорской Маріинской гимназіи. Хардина Антонина, Самарской гимназіи. Чачина Ольга, Нижегородской Маріинской гимназіи. Шулятикова Анна, 4 Московской гимназіи. Энденъ Наталія, С.-Петербургской Васильеостровской гимназіи. Эрихсенъ Ольга, С.-Петербургской гимназіи Стоюниной. Ястребова Ольга, Ростовской на Дону Екатерининской гимназіи. Теоокритова Ольга, Саратовской гимназіи.

По физико-математическому отдѣленію:

А) По математическому:

Аксюкъ Екатерина, 2 Харьковской гимназіи. Копрѣва Ольга, С.-Петербургскаго пріюта Принца Ольденбургскаго. Маркова Екатерина, С.-Петербургской Коломенской гимназіи. Марчевская Елена, Харьковской гимназіи. Стахевичъ Вѣра, Екатеринбургской гимназіи. Шилова Александра, С.-Петербургской Петровской гимназіи.

В) по физико-химическому отдѣленію:

Божукова Марія, Тверской гимназіи. Дюкова, урож. Тетяева, Марія, Новгородской гимназіи. Иванова Надежда, Иркутской гимназіи. Кашерининова Надежда, С.-Петербургской Коломенской гимназіи и педагогическихъ курсовъ. Никитина Варвара, С.-Петербургской Маринской гимназіи. Павлова Ольга, 1 Варшавской гимназіи. Попперъ Ольга, Херсонской Маринской гимназіи. Сахновская Марія, Полтавской Маринской гимназіи. Сурина Нина, Уфимской Маринской гимназіи. Тутурина, урож. Вишневская, Анна, Ставропольской Ольгинской гимназіи. Фризе Елизавета, Саратовской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія. Чернова Александра, Самарской гимназіи.

Свѣдѣнія о занятіяхъ окончившихъ курсъ на высшихъ женскихъ курсахъ.

Изъ числа окончившихъ курсъ на высшихъ курсахъ въ 1894—1895 и 1895—1896 гг. нижеслѣдующія лица оставлены на этихъ курсахъ для усовершенствованія въ наукахъ.

По историко-филологическому отдѣленію:

Елизавета Васькова-Примакова, Наталія Иващенко, Вѣра Козьмодемьянская, Елена Колтоновская, урож. Сасько, Александра Петрункевичъ, Марія Полянская, Марія Постникова, Антонина Савицкая, Марія Семенова, Глафира Тимофеева, Антонина Хардина и Ольга Эрихсенъ.

По математическому отдѣленію.

Александра Емельянова, Елена Марчевская и Вѣра Стахевичъ.

По химическому отдѣленію:

Марія Божукова и Александра Чернова.

О занятіяхъ бывшихъ слушательницъ, окончившихъ курсъ въ 1893, 1894, 1895 и 1896 гг., имѣются слѣдующія свѣдѣнія: 8 чело-вѣкъ служатъ на здѣшнихъ курсахъ: 1 преподавательницей латинскаго языка, 3 ассистентами по химіи, 3 руководительницами практическими работами слушательницъ по химіи, 1—помощницей библиоте-

каря и 1 въ канцеляріи курсовъ; 6—изучаютъ медицину въ заграничныхъ университетахъ; 6 занимаются литературной работой, 1—въ Археологической комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія; 5—астрономіей при академіи наукъ; 16—частными уроками; 1—переводами; 1—стенографіей; 1—учится въ рисовальной школѣ; 1—на счетоводныхъ курсахъ; 1—служитъ волостнымъ писаремъ въ Тюкалинскомъ округѣ, Сыропяцкой волости; 3—въ страховомъ обществѣ; 5—въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ; 1—надзирательницей въ фельдшерской школѣ; 1—бухгалтеромъ; 1—завѣдуетъ читальней; 3—служать воспитательницами въ семьяхъ; состоятъ учительницами: въ институтѣ—2, въ гимназіяхъ—9; епархіальномъ училищѣ—1; въ прогимназіи—1; въ двухклассной школѣ 1; въ начальныхъ и церковно-приходскихъ школахъ 17; въ технической школѣ 2; въ профессиональныхъ школахъ 5; въ пансіонахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 8; 5—въ воскресныхъ школахъ; 1—надзирательницей въ гимназіи; 1 занимается въ собственной химической лабораторіи; многія вышли замужъ.

22-го октября 1893 года открыто общество вспоможенія окончившимъ курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Общество это имѣетъ цѣлью оказывать поддержку нуждающимся лицамъ, окончившимъ курсы, какъ одновременными пособіями, такъ и присканіемъ постоянныхъ или временныхъ занятій. Въ 1895 году общество выдало пособія 13-ти лицамъ, всего 1.216 р. и за нѣкоторыхъ лицъ уплатило въ редакціи газетъ 9 р. 45 к. за напечатаніе объявленій объ урокахъ. Къ 1-му января 1896 года у общества имѣлось: запаснаго и оборотнаго капитала 1.319 р. 9 к. и по специальнымъ счетамъ 145 р. 26 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Библиотека.

Въ отчетномъ году книгами пользовалось 570 слушательницъ. Было взято въ теченіе года 3.717 томовъ: по богословію и философіи 494 тома; по всеобщей исторіи 1.284 т.; по исторіи литературы 449 т.; по исторіи искусствъ 20 т.; по общественнымъ наукамъ 47 т.; по филологіи и лингвистикѣ 36 т.; по математикѣ 181 т.; по физикѣ и механикѣ 146 т.; по химіи 92 т.; по астрономіи 22 т.; по ботаникѣ 56 т.; по геологіи, географіи и минералогіи 26 т.; по прочимъ есте-

ственнымъ наукамъ 49 т. Русскіе и европейскіе классическіе писатели 500 т.; по беллетристикѣ 222 т.: періодическихъ изданій 93 тома.

Въ библиотекѣ Высшихъ женскихъ курсовъ къ 1-му сентября 1896 года состояло:

5.482 названія 13.418 томовъ переплетенныхъ и зачисленныхъ въ каталогахъ.

520 „ 1.340 „ еще не переплетенныхъ и не занесенныхъ въ каталога.

260 брошюръ.

Итого 6.262 названія, 14.758 томовъ и 260 брошюръ.

По содержанию библиотека распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

По богословію и философіи имѣется 567 названій; общественнымъ наукамъ 207; всеобщей исторіи 1.130; исторіи искусствъ 55; филологіи и лингвистикѣ 172; литературѣ вообще 932; исторіи литературы 1.127; естественнымъ наукамъ вообще 502; географіи и путешествіямъ 205; астрономіи 98; физикѣ 370; математическимъ наукамъ вообще 455; химіи 212; періодическіе научные журналы 9; справочныя книги (старыя изданія) 42; атласы 15; книги и брошюры смѣшаннаго содержанія 164.

Библиотека курсовъ, основанная въ 1878 году обществомъ для доставленія средствъ симъ курсамъ и пополняемая на сборъ платы за слушаніе лекцій, ежегодно ассигнуемый для этой цѣли, въ то же время увеличивалась и увеличивается до сихъ поръ разными пожертвованіями, какъ отдѣльными сочиненіями, такъ и цѣлыми библиотеками. Изъ послѣднихъ могутъ быть названы слѣдующія:

Въ 1879 году пожертвована О. О. Эвальдъ естественно-историческая библиотека умершаго Ф. Ф. Эвальда. Устарѣвшая въ настоящее время, она тѣмъ не менѣе тогда легла въ основу естественно-историческаго отдѣла библиотеки.

Въ 1880 году получена была послѣ смерти г. Волкова его небольшая спеціальная французская экономическая библиотека, около 180 томовъ.

Въ 1885 г. вдовой Н. Н. Гербеля была пожертвована библиотека ея мужа, П. Н. Гербеля. Библиотека Гербеля состоитъ по преимуществу изъ литературныхъ и историко-литературныхъ произведеній

русскихъ авторовъ и полныхъ коллекцій нѣкоторыхъ журналовъ: „Русской Старины“, „Вѣстника Европы“ и др.

Въ 1886 году г-жа Сѣрова пожертвовала общую часть библиотеки композитора Сѣрова, то-есть не музыкальную, которая состоитъ изъ произведеній европейскихъ классиковъ и заключаетъ въ себѣ 400 томовъ.

Въ 1888 г. 1) Поступила въ библиотеку часть книгъ академика Бутлерова, состоящая по преимуществу изъ сочиненій второстепенныхъ англійскихъ писателей начала нашего столѣтія—около 150 томовъ;

2) въ томъ же году поступила на курсы цѣнная химическая библиотека г-жи Рукавишниковой; главная ея часть, справочная, находится въ химической лабораторіи.

Въ 1894 г. душеприказчики князя Солтыкова передали на курсы его цѣнную библиотеку, болѣе 4.000 томовъ, состоящую въ своемъ огромномъ большинствѣ изъ историческихъ и историко-литературныхъ произведеній конца XVIII и начала XIX вѣка. Библиотека эта по преимуществу французская, но есть и англійскіе авторы. Переводныхъ и русскихъ книгъ не имѣется.

Въ 1895 г. пожертвованы 1) вдовой проф. Клейбера его математическая библиотека, состоящая изъ 300 томовъ;

2) библиотека доктора Верениуса, состоящая изъ 800 т. книгъ общаго и смѣшаннаго содержанія;

3) часть библиотеки профессора И. А. Шляпкина (1.000 томовъ) по преимуществу по лингвистикѣ и исторіи литературы;

4) часть библиотеки баронессы Иксуль-фонъ-Гильдебандъ.

Обѣ послѣднія библиотеки еще не разобраны и окончательно не приведены въ порядокъ.

Кромѣ вышеназванныхъ пожертвованій слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что философскій отдѣлъ библиотеки пополняется на средства, получаемыя отъ продажи книгъ Виндельбанда „Древняя философія“, переведенной слушательницами подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго и изданной въ пользу философскаго отдѣла библиотеки. Подобнымъ же образомъ пополняется и отдѣлъ физики на деньги, выплаченныя издателемъ за переводъ книги: „Популярныя рѣчи“ проф. Гельмгольца, исполненныя слушательницами.

Вслѣдствіе такого состава библиотеки высшихъ женскихъ курсовъ—она носитъ характеръ случайный, особенно по нѣкоторымъ отдѣламъ и требуетъ серьезнаго пополненія, не говоря уже о томъ, что, не

смотря на свой довольно быстрый ростъ, она по своимъ размѣрамъ еще далеко не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ учрежденія.

Для слушательницъ въ отчетномъ году на курсахъ получались слѣдующія газеты и журналы (бесплатно:) Вѣстникъ Европы, Русское Богатство, Сѣверный Вѣстникъ, Новое Слово, Русская Школа, Русскія Вѣдомости, Новое Время, Новости, Восточное Обзорѣние, Кавказъ, Саратовскій Листокъ; (со скидкой:) Русская Мысль (2 экз.), Недѣля, Миръ Божій (2 экз.), Научное Обзорѣние, Вѣстникъ Европы и (за полную плату) Вѣстникъ Воспитанія и Вопросы философіи и психологіи.

Кабинеты и другія установленія.

Въ состоящихъ при курсахъ кабинетахъ: зоологическомъ, ботаническомъ, минералогическомъ и лабораторіяхъ—физической и химической имѣется все необходимое для учебныхъ цѣлей.

Физическая лабораторія. Практическія занятія по физикѣ производились до сихъ поръ въ верхнемъ этажѣ зданія курсовъ, что представляло большія неудобства въ виду постоянныхъ сотрясеній, которымъ подвергались приборы. Въ настоящее время часть работъ переведена въ новое помѣщеніе, устроенное въ подвальномъ этажѣ зданія интерната. Это помѣщеніе снабжено пятью каменными столбами, упирающимися непосредственно на фундаментъ зданія и дающими возможность установить приборы вполне неподвижно. Работами въ старомъ помѣщеніи руководитъ по прежнему завѣдующая практическими занятіями А. Е. Сердобинская, а работами въ новой лабораторіи—ея помощница А. К. Диксонъ. Устройство новаго помѣщенія дало возможность увеличить число практическихъ работъ по физикѣ и предоставить лицамъ, окончившимъ курсы и желающимъ продолжать занятія физикой, мѣсто для болѣе серьезныхъ работъ.

Ботаническій кабинетъ въ отчетномъ году обогатился приобрѣтеніемъ 2-хъ учебныхъ гербаріевъ Мейнсгаузена, знатока Петербургской флоры и большаго гербарія Средней Россіи и Кавказа—извѣстнаго ботаника коллектора Д. И. Литвинова. Приобрѣтены, въ дополненіе къ имѣющимся, 3 серіи таблицъ Клу — по анатоміи и 6 серій таблицъ Frank und Tschirch—по физиологіи растений.

Въ минувшее лѣто слушательница Петрушевская собрала и принесла въ даръ ботаническому кабинету значительный гербарій крым-

ской южнобережной флоры, разборомъ котораго г-жа Петрушевская теперь и занята, и приготовленъ спиртовой и сухой матеріалъ для практическихъ занятій по систематикѣ и анатоміи.

Астрономическая обсерваторія. Цѣлесообразное поставленное преподаваніе астрономіи требуетъ ознакомленія слушательницъ съ производствомъ астрономическихъ наблюденій. Не говоря уже о томъ всѣмъ понятномъ воспитательномъ значеніи, которое имѣютъ астрономическія наблюденія, необходимо замѣтить, что многіе отдѣлы сферической астрономіи дѣлаются вполне ясными и изложеніе ихъ на лекціяхъ вполне обоснованнымъ лишь по производствѣ самими слушательницами наблюденій и ихъ обработкѣ.

Вопросъ о необходимости для слушательницъ занятій наблюденіями рѣшался до сихъ поръ тѣмъ, что онѣ имѣли возможность производить наблюденія въ обсерваторіи Академіи Наукъ, но такое рѣшеніе вопроса можетъ, конечно, считаться лишь временнымъ. Въ виду этого, желая обезпечить занятія слушательницъ практическою астрономіею на будущее время, профессора астрономіи — академикъ О. А. Баклундъ и А. М. Ждановъ — внесли на обсужденіе совѣта профессоровъ и преподавателей вопросъ о необходимости возведенія небольшой вращающейся башни на крышѣ зданія курсовъ и о приобрѣтеніи инструмента для астрономическихъ наблюденій. Этотъ вопросъ совѣтомъ профессоровъ и затѣмъ попечительнымъ совѣтомъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и въ настоящее время постройка на курсахъ астрономической башни уже близится къ концу.

Музей изящныхъ искусствъ. Въ 1895—1896 уч. году подвинуто впередъ собраніе наглядныхъ пособій для иллюстраціи курсовъ по исторіи искусствъ и для подготовленія къ экзаменамъ по этому предмету.

При курсахъ уже издавна существовало небольшое собраніе такихъ пособій, но выборъ и количество этихъ пособій были недостаточны, почему постоянно приходилось пользоваться пособиями университета и отчасти академіи художествъ.

Мысль о пополненіи существующихъ на курсахъ коллекцій и положеніи начала „музею изящныхъ искусствъ“ была, такимъ образомъ, вполне естественною. Она нашла сочувствіе у всѣхъ членовъ историко-филологическаго отдѣленія, и съ 1895 года попечительный совѣтъ, сталъ вносить въ смѣту расходовъ на приобрѣтеніе пособій по исторіи искусствъ по 300 р. въ годъ. Первымъ же приобрѣтеніемъ была покупка 10 экз. атласа Зеемана, каждымъ изъ которыхъ могутъ одновременно пользоваться во время лекціи трое—четверо. Но для те-

першняго числа слушательницъ старшихъ курсовъ и такое количество является недостаточнымъ и въ ближайшемъ будущемъ придется удвоить число наличныхъ экземпляровъ. Кромѣ этого пособия были начаты приобрѣтеніемъ всѣ главныя извѣстныя серіи стѣнныхъ таблицъ, какъ-то—*Langl: Bilder zur Geschichte, Launitz—Trendelenburg: Wandtafeln zur Veranschaulichung antiken Lebens und Kunst* (выборъ), *Seemann: Wandbilder* и *Hausser: Laulenordnungen*. Въ текущемъ году эти серіи продолжены. Всего приобрѣтено 126 такихъ стѣнныхъ таблицъ разной величины. Наконецъ приобрѣтено съ самаго начала изданія еще одно пособие первой важности по исторіи живописи, именно *Classische Bilderschutz*. Каждый годъ этого собранія фото-цинкографій съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ всѣхъ школъ заключаетъ 144 таблицы, а всего 1152.

Въ нынѣшнемъ году было выписано еще отъ Флорентійской фирмы Алянара 360 фотографій съ памятниковъ искусства, преимущественно архитектуры и скульптуры. По живописи приобрѣтены только репродукціи важнѣйшихъ вещей въ крупныхъ размѣрахъ, въ виду полученія *Classische Bilderschutz*. Отъ фирмы Андерсона изъ Рима полученъ снимокъ всего плафона Сикстинской капеллы.

Стоимость всѣхъ кабинетовъ простирается свыше 40000 рублей.

Совѣтъ профессоровъ и преподавателей. Въ отчетномъ году совѣтъ имѣлъ восемь засѣданій, на которыхъ рассмотрѣлъ и рѣшилъ 59 вопросовъ. Въ ряду занятій совѣта, касавшихся, по обыкновенію, учебной дѣятельности и вообще жизни учебнаго заведенія, можно отмѣтить, какъ наиболѣе важныя, слѣдующія постановленія: о введеніи на курсахъ преподаванія педагогики и зоологій; о преподаваніи латинскаго языка на физико-математическомъ отдѣленіи; о преподаваніи новыхъ языковъ какъ обязательныхъ предметовъ; объ устройствѣ собственной астрономической обсерваторіи; о введеніи пятибальной системы экзаменныхъ отмѣтокъ; о порядкѣ выписки книгъ для курсовъ и объ оставленіи на курсахъ 18 слушательницъ, окончившихъ полный курсъ, для усовершенствованія въ наукахъ.

Попечительный совѣтъ. Дѣятельность его въ 1895 — 1896 учебномъ году выразилась въ составленіи смѣты прихода и расхода денежныхъ суммъ по курсамъ и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, касавшихся хозяйственной части учебнаго заведенія. Изъ рѣшеній совѣта можно отмѣтить постановленіе отъ 15 сентября 1895 года о ежегодномъ ассигнованіи средствъ на жалованье четвертой помощницѣ инспектрисы.

Средства содерманія. На содержаніе высшихъ курсовъ въ 1895—1896 учебномъ году получено 105.985 руб. 20 к., изъ коихъ: отъ министерства народнаго просвѣщенія 3.000 рублей, отъ С.-Петербургской городской думы 3000 р., процентовъ съ капитала Туманова 110 руб. 20 коп. и платы: за слушаніе лекцій 66.600 руб. и за содержаніе въ интернатѣ 33.275 рублей.

Изъ этой суммы израсходовано: на учебную часть 54.152 руб. 9 коп. и на содержаніе слушательницъ въ интернатахъ 30.370 руб. 12 коп., всего 84.522 руб. 21 коп.

Такимъ образомъ съ 1-го сентября 1896 года образовался остатокъ въ 21.462 руб. 99 коп.

Кромѣ того израсходовано обществомъ для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: на жалованье завѣдующему домоу курсовъ 900 руб.; на мелкія надобности 525 р. 66 к.; на устройство акта въ 1894—1895 гг. 80 руб.; по совершенію молебновъ и панихидъ 212 руб. 5 коп. на покупку и ремонтъ мебели и прочаго имущества 773 руб. 71 коп.; на наемъ прислуги 2.523 руб. 17 коп.; полотерамъ 200 р.; на отопленіе 2.699 руб. 60 коп.; на освѣщеніе 826 руб. 28 коп.; на водоснабженіе 121 руб. 66 коп.; на очистку крышъ, трубъ и мусора 400 руб.; на застрахованіе дома и имущества 158 руб. 2 коп.; на ремонтъ дома 3.342 руб. 37 коп.; на обзаведеніе общежитія 6.224 руб. 11 коп.; на постройку дома общежитія (включая 24.862 руб. полученныхъ при залогѣ этого дома) 35.340 р. и на постройку обсерваторіи 350 руб.

По постановленію С.-Петербургской городской думы отъ 17-го мая 1896 года, на курсахъ учреждены четыре городскія стипендіи въ память К. Д. Ушинскаго, каждая по 100 руб. въ годъ.

Кромѣ того, въ пользу слушательницъ и въ уплату за слушаніе ими лекцій на курсахъ въ прошломъ году были слѣдующія поступления: 1) отъ щедротъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Феодоровны назначена стипендія одной слушательницѣ, въ размѣрѣ 400 р., изъ коихъ уже получено 200 р.; 2) отъ ненавѣстнаго лица чрезъ господина министра народнаго просвѣщенія 300 руб.; 3) стипендій отъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ 1.700 руб.; 4) отъ общества для содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ 4.660 руб.; 5) отъ Казанскаго губернатора (сборъ съ вечера устроеннаго въ Казани въ пользу слушательницъ) 1.534 р. 42 к.; 6) отъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей 1 руб. 50 коп.; 7) отъ С.-Петербургской кунеческой

управы 120 руб.; 8) отъ Иркутской городской управы 300 руб.; 9) отъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 150 руб.; 10) отъ Славянскаго благотворительнаго общества 1.100 р.; 11) отъ Саратовскаго дворянскаго депутатскаго собранія 125 руб.; 12) отъ Саратовскаго общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, 640 руб.; 13) отъ Нижегородскаго общества поощренія образованія 203 руб.; 14) сборъ съ вечера, устроеннаго 29-го декабря 1895 г. въ Саратовѣ въ пользу слушательницъ, 888 р. 60 к.; 15) отъ канцеляріи Туркестанскаго генералъ-губернатора 555 руб.; 16) отъ В. П. Сукачева 450 руб.; 17) сборъ со спектакля, даннаго въ Харьковскомъ театрѣ въ январѣ 50 руб.; 18) отъ И. М. Сибирякова 440 руб.; 19) отъ Самарскаго общества поощренія образованія 133 руб.; 20) отъ Самарскаго губернатора (сборъ съ спектакля, устроеннаго въ Самарѣ) 272 руб.; 21) отъ спектакля, устроеннаго Г. Кремлевымъ чрезъ комитетъ для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ 855 руб. 20 коп.; 22) отъ Императорскаго человѣколюбиваго общества 100 руб.; 23) отъ С.-Петербургской городской думы (стипендіи) 550 руб.; 24) отъ Уфимскаго общества любителей пѣнія 54 руб. 60 коп.; 25) сборъ съ вечера, устроеннаго въ С.-Петербургскомъ дворянскомъ собраніи комитетомъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, 2.650 руб. 26) отъ Штаба отдѣльнаго корпуса пограничной стражи 250 руб. и 27) отъ профессора О. Д. Хвольсона, прочитавшаго въ соляномъ городкѣ въ пользу слушательницъ лекціи объ X-лучахъ Рентгена 450 руб. 13 коп., а всего 18.740 руб. 45 коп. Деньги эти израсходованы по назначенію безъ остатка.

Общежитія курсовъ. Въ трехъ интернатахъ высшихъ женскихъ курсовъ въ настоящее время живетъ 168 слушательницъ. Содержаніе каждой слушательницы въ интернатѣ въ отчетномъ году обошлось на 20 руб. меньше противъ смѣтнаго опредѣленія, именно по 250 руб. Оставшіяся деньги были выданы слушательницамъ, жившимъ въ интернатѣ, по 20 руб. каждой.

Канцелярія курсовъ. Съ увеличеніемъ числа слушательницъ, канцелярское дѣлопроизводство на курсахъ значительно расширилось; однѣхъ исходящихъ бумагъ въ 1895—1896 учебномъ году вынуждено 3.756. Въ виду этого, въ настоящее время учреждена должность помощницы письмоводителя и на это мѣсто опредѣлена окончившая курсъ на здѣшнихъ курсахъ А. А. Фрамель.

Особыя замѣчанія. По окончаніи курса наукъ въ среднихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ и до поступленія въ 1896 году на высшіе женскіе курсы, изъ числа 226 вновь принятыхъ слушательницъ занимались: 3 слушали лекціи въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и Женевѣ; 1—въ Харьковскомъ медицинскомъ обществѣ; 3—при Московскомъ обществѣ воспитательницъ и учительницъ; 1 кончила курсъ на С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсахъ; 3—хотя и обучались на этихъ курсахъ, но курса не окончили; 2—обучались въ фельдшерскихъ школахъ; 1—въ рисовальной школѣ; 2—во французскихъ пансіонахъ; 1—въ консерваторіи; 1—на коммерческихъ курсахъ; 1—занималась анатоміей подъ руководствомъ профессора Лесгафта; 1—корректурою; 1—въ бюро справокъ; 2—служили конторщицами; 2—въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; состояли учительницами: 7—въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и епархіальныхъ училищахъ и 20—въ народныхъ, церковно-приходскихъ и воскресныхъ школахъ; 33—давали частные уроки или занимали мѣста гувернантокъ; всѣ остальные изъ вновь поступившихъ жили при родителяхъ.

По мѣсту жительства въ С.-Петербургѣ слушательницы распределяются слѣдующимъ образомъ: живутъ съ родителями 222; въ интернатахъ курсовъ 168; у родственниковъ и съ мужьями 100; у знакомыхъ 2; въ Покровской общинѣ 1; въ пансіонѣ Э. П. Шаффе 1 и на частныхъ квартирахъ (слушательницы старшихъ курсовъ) 247.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1896 года.

I.

Въ исторіи высшаго преподаванія 1896—1897 учебный годъ ознаменованъ во Франціи памятнымъ событіемъ. Это первый годъ дѣятельности вновь учрежденныхъ университетовъ. Нѣкоторые города праздновали это событіе. Въ Парижѣ состоялось торжественное собраніе въ *aula* Сорбонны, украшенной прекрасными фресками Пювиса-де-Шаванна. Оркестръ и хоры консерваторіи принимали въ немъ участіе. Президентъ республики, министры, дипломатическій корпусъ почтили торжество своимъ присутствіемъ; отъ высшихъ государственныхъ учреждений были депутаціи. Рѣчи говорили: вице-ректоръ Парижскаго учебнаго округа Греаръ, министръ народнаго просвѣщенія Рамбо и Лависсъ, обычный ораторъ подобнаго рода собраній, превосходно высказавшій студентамъ дѣльные совѣты. Въ концѣ торжества президентъ республики пожаловалъ Греару знаки почетнаго легіона высшей степени. Ему аплодировали, но скептики сдѣлали замѣчаніе, что это отличіе имѣетъ дурное предзнаменованіе для будущей автономіи университетовъ. Во Франціи ректоръ не является, какъ въ Германіи, представителемъ университета предъ правительствомъ, а напротивъ служитъ орудіемъ послѣдняго по отношенію къ университету. Онъ назначается правительствомъ, а не избирается профессорами.

Парижскіе студенты воспользовались описываемымъ торжествомъ для заявленія своихъ руссофильскихъ чувствъ. Особенно много аплодировали русскому послу, а въ концѣ торжества, послѣ Марсальезы,

по требованію молодежи исполненъ былъ русскій гимнъ; по видимому, онъ и впредь будетъ исполняться при нашихъ національныхъ торжествахъ.

Нѣкоторые провинціальныя города также чествовали открытіе университетовъ: студенты Монпелье и Нанси произвели по этому поводу безпорядки и били стекла въ окнахъ мирныхъ обитателей. „Il faut que jeunesse se passe“, говоритъ наша пословица, а вѣдь французская молодежь въ общемъ менѣе шумлива, чѣмъ зарейнскіе бурши. Въ Лионѣ, гдѣ провинціальныи духъ очень развитъ, и гдѣ буржуазія очень богата, дѣйствія новаго закона уже сказываются. Богатый банкиръ г. Фалькузъ пожертвовалъ въ пользу университета 100.000 франковъ. Доходъ съ этого капитала будетъ употребляться на преміи въ 1.000 франковъ для студентовъ и на приобретеніе инструментовъ для лабораторій физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ.

Итакъ, университеты наши существуютъ; нѣтъ недостатка и въ студентахъ, тѣмъ болѣе, что сыновья буржуа стремятся получить дипломъ, дающій льготу на отбываніе воинской повинности только въ теченіе года.

По прежнему, жалуются у насъ на чрезмѣрный трудъ профессоръ во время производства экзаменовъ, особенно на степень бакалавра, чѣмъ удостовѣряется только окончаніе средняго образованія; экзаменъ этотъ во всѣхъ другихъ странахъ происходитъ въ гимназіяхъ. Недавній процессъ въ уголовномъ судѣ департамента Сены и Марны сильно взволновалъ общество. Одному молодому человѣку изъ благородной семьи, дурно занимавшемуся, отецъ угрожалъ лишеніемъ наслѣдства, если онъ не получитъ аттестата зрѣлости. Чтò же сдѣлалъ этотъ молодой человѣкъ? Онъ обратился къ одному бѣдняку, болѣе его свѣдущему, который и согласился, за 3.000 франковъ, сдать подъ его именемъ экзаменъ. Это осталось не замѣченнымъ. Молодой человѣкъ мирно наслаждался обладаніемъ диплома, полученнаго обманнымъ путемъ, какъ вдругъ, вслѣдствіе доноса, обманъ былъ раскрытъ. Строгіе судьи должны были бы присудить виновныхъ къ каторгѣ за подложную подпись. Но присяжные, сами большей частью отцы семействъ, выказали снисхожденіе и всѣхъ оправдали. Осужденъ только самый экзаменъ на степень бакалавра. Одна изъ главныхъ нашихъ газетъ *Temps* весьма справедливо говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Давно извѣстно, что бакалаврство есть кошмаръ для нѣжныхъ

матерей, что оно отвращаетъ лучшіе годы безчисленнаго множества юношей и вредно тѣмъ, что вводитъ заботу о выгодѣ въ семью и въ учебныя занятія, долженствующія возбуждать исключительно одни безкорыстные стремленія. Нельзя однако было ожидать, чтобы дипломъ бакалавра могъ привести пятерыхъ человѣкъ на скамью подсудимыхъ.

„Не наше дѣло защищать обвиняемыхъ. Но надо сознаться, что недостатки китайскаго управленія, которымъ мы все подчиняемся, служатъ обстоятельствомъ, весьма смягчающимъ ихъ вину. Изъ экзамена на бакалавра сдѣлали что-то въ родѣ таможи, запрещающей не имѣющимъ этого званія доступъ къ большей части профессій. Мало того, предразсудокъ этотъ дѣлаетъ дипломъ бакалавра необходимымъ въ большей части провинцій для всякаго человѣка, желающаго занять извѣстное положеніе въ обществѣ. Но между тѣмъ какъ иной юноша оказывается плохъ, случается, что и хорошіе ученики, по какой-нибудь неудачѣ или по робости, не выдерживаютъ экзамена. Чтѣ же удивляться обману? Подлогъ всегда будетъ естественнымъ слѣдствіемъ мѣры, запрещающей ввозъ предмета первой необходимости. Развѣ не возмутительна легкость, съ которою проникаетъ учебная контрабанда? Контрабандисты должны были рано или поздно выдать себя; экзаменаторы не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія на ихъ счетъ. Пожалуй, можно повѣрить безстыдному признанію одного изъ подсудимыхъ: „Это дѣлается очень часто и легко и стоитъ недорого“. Стало быть, весьма возможно заподозрить подлинность извѣстнаго числа выданныхъ дипломовъ. Если эти признанія вѣрны, а они по крайней мѣрѣ окажутся правдоподобными, бакалаврство не трагикомично, а смѣшно. Во всякомъ случаѣ, инцидентъ этотъ приводитъ къ довольно ясному заключенію, что изъ экзамена на бакалавра слѣдуетъ сдѣлать такъ-называемый „послѣдній переходный экзаменъ“ и такимъ образомъ прекратить соблазнъ и подлоги, а кромѣ того, слѣдуетъ замѣнить требованіе дипломата при вступленіи на различныя поприща серьезнымъ профессиональнымъ экзаменомъ, который и упразднитъ необходимость диплома. Не слѣдуетъ ужь слишкомъ сѣтовать на процессъ, разбиравшійся въ судѣ департамента Сены и Марны: своею нелѣпостью онъ сильнѣе всякихъ разсужденій обличаетъ несостоятельность настоящаго порядка вещей“.

По поводу обсужденія бюджета народнаго просвѣщенія палата обратила вниманіе на положеніе средняго образованія. Оно, по видимому, переживаетъ нѣкоторый кризисъ; въ правительственныхъ шко-

лахъ, число учениковъ, особенно интерновъ, скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается сравнительно съ числомъ учениковъ частныхъ школъ, содержимыхъ духовенствомъ. Это происходитъ отъ весьма различныхъ причинъ; прежде всего сами педагоги сильно возстаютъ противъ интерната; съ другой стороны, государство съ 1887 года увеличило плату за пансіонеровъ. Учебныя программы много разъ измѣнялись; родители жалуются на то, что дѣти ихъ слишкомъ часто требуютъ новыхъ учебниковъ, хотя для полнаго изученія греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ достаточно было бы по одной грамматикѣ. Но учителя ежегодно мѣняются, а съ ними выѣтъ и учебники. Необязательность обученія закону Божию въ лицеяхъ многими понимается такъ, что этотъ предметъ преподаванія совсѣмъ уничтоженъ, что невѣрно. Этимъ недоразумѣніемъ широко пользуются школы, содержимыя духовными лицами. Школьное населеніе лицеевъ и коллегій возвысилось въ 1895 году до 86.000, круглымъ числомъ. Число учащихся въ школахъ того же разряда, содержимыхъ духовными лицами, достигло 80.000. Какъ видно, разница небольшая, и число первыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается сравнительно съ числомъ учащихся въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ. Частныя учебныя заведенія, содержимыя не духовенствомъ, съ каждымъ днемъ сокращаются, а число учениковъ въ школахъ духовенства все увеличивается. Кроме того, репетиторы или воспитатели правительственныхъ гимназій выказываютъ уже нѣсколько лѣтъ покушеніе на независимость, вредную для дисциплины и ужасающую родителей. Въ нынѣшнемъ году докладчикъ палаты депутатовъ по бюджету народнаго просвѣщенія долженъ былъ высказать большія опасенія.

Во Франціи основано за послѣдніе годы много школъ, при постройкѣ которыхъ соблюдались всѣ санитарныя условія. Вышло нѣсколько сочиненій по школьной архитектурѣ и гигиенѣ; лучшія изъ нихъ принадлежатъ недавно умершему архитектору Паржю. Врачи Лабн и Поленъ выпустили въ свѣтъ еще новый трудъ „Школьная гигиена“ (L'Hygiène scolaire. 2 тома), который принесетъ большую пользу. Первый томъ носитъ названіе: „Школьная среда“, второй — „Школьныя болѣзни“. Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ авторы даютъ общее понятіе объ устройствѣ школъ, объ общихъ школьныхъ законахъ и особенно о правилахъ по санитарному надзору; тутъ изложены школьныя уставы различныхъ странъ Европы и Америки. Затѣмъ излагаются правила, которыя должны быть соблюдаемы при постройкѣ школъ, при заведеніи школьной мебели,

условія относительно книгъ, картъ, способа писанія, вентиляціи, отопленія и освѣщенія. Второй томъ посвященъ ученику, болѣзнямъ, которымъ онъ подвергается въ школъ, напримѣръ, близорукости, измѣненію становаго хребта, переутомленію мозга, заразнымъ болѣзнямъ, и наконецъ, способамъ предупрежденія ихъ. Особыя главы трактуютъ о соблюденіи опрятности, пищѣ, лѣтнихъ колоніяхъ, оспоприиваніи, алкоголизмѣ и необходимости борьбы школы съ нимъ для предохраненія населенія.

II.

Съ нѣкотораго времени у насъ завелся обычай издавать ученые сборники въ честь извѣстнаго лица или событія. Подобнаго рода книга вышла въ свѣтъ по случаю назначенія Г. Моно директоромъ школы высшихъ знаній. Габріель Моно прежде всего историкъ и особенно профессоръ исторіи; онъ основалъ *Revue historique*, оказавшійся столь полезнымъ, основалъ историческое общество (*Cercle Saint-Simon*), сдѣлавшееся однимъ изъ главныхъ умственныхъ центровъ Парижа; ученики его изъ высшей нормальной школы и изъ школы высшихъ знаній считаются въ свою очередь выдающимися историками: Байе, Бераръ, Бемонъ, Эмиль Буржуа, Шаравъ, Кледъ, Ковилль, Диль, Фанье, Фаржъ, Галлуа, Жири, Ганото (нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ), Омоль, Фюллианъ, Ластери, Лефранъ, Лоньонъ, Лучницкій, Молинье, Пфистръ, Руа, Сепе. Назначеніе своего бывшаго наставника директоромъ школы высшихъ знаній ученики рѣшили ознаменовать изданіемъ сборника: „Этюды по средневѣковой исторіи, посвященные Габріелю Моно“. Къ книгѣ приложено письмо Лависса; въ ней помѣщено 80 статей по исторіи среднихъ вѣковъ, преимущественно по исторіи Франціи; изъ статей, относящихся къ исторіи иностранныхъ государствъ, назову слѣдующія: „Происхожденіе тѣмъ въ Византійской имперіи“ Дили, „Женскія прически по византійскимъ памятникамъ“ Молинье, „Польша и Паускій престолъ отъ X до XIII вѣка“ Фаржа. Для занимающихся средними вѣками книга эта представляетъ серьезный интересъ.

Появленіе всякаго сочиненія Тэна составляетъ литературное событіе. Наслѣдниками его только что изданъ въ свѣтъ томъ посмертныхъ его сочиненій: „Путевыя записки. Замѣтки о провинціи 1863—1865 годовъ“ (*Carnets de voyage, notes sur la province 1863—1865*). Тэвъ, всегда сохранявшій свою независимость, не былъ обществан-

нымъ дѣятелемъ. Но въ періодъ съ 1863 по 1866 годъ онъ состоялъ экзаменаторомъ по французской литературѣ для пріема въ Сентъ-Сирскую военную школу и долженъ былъ ѣздить по всей Франціи. Пріѣзжая въ какой-либо городъ, онъ наскоро записывалъ свои впечатлѣнія, большею частію карандашемъ. Очевидно, желая издать свои записки, онъ просмотрѣлъ бы ихъ, какъ дѣлалъ то при напечатаніи своихъ „Notes sur Paris“ и „Notes sur l'Angleterre“; но поглощенный своими большими трудами: „L'Intelligence“ и „Les Origines de la France contemporaine“, онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Однажды онъ писалъ: „Обыкновенно получаютъ только зачатки ощущеній; ихъ надо привести въ порядокъ, пополнить“. Книгу о французской провинціи онъ не подвергалъ исправленію, не пополнилъ. Франція, которую онъ описываетъ, есть Франція второй имперіи, въ лучшую пору царствованія Наполеона III. Тэнъ не сочувствуетъ ей; она еще сохраняетъ традиціи революціи, а Тэнъ не любитъ революціи. Провинціаловъ онъ коритъ за узкій взглядъ, за клерикализмъ, за страсть къ общественной дѣятельности, съ увлеченіемъ описываетъ мѣстность и музены, но часто воображеніе его беретъ верхъ надъ здравымъ смысломъ. Существуютъ провинціальныя города, хорошо мнѣ извѣстныя; въ нихъ я никогда не видѣлъ того, что казалось Тэну. Написана книга по обыкновенію интересно, сильно, образно, но не всегда правдиво.

Періодъ, называемый романтическимъ, и идущій отъ 1822 до 1840 года, справедливо считается самою славною фазой нашей литературы въ XIX вѣкѣ. Ему посвящено множество монографій. Адольфъ Жюльенъ, хорошо извѣстный писатель, особенно какъ музыкальный критикъ, издалъ еще новое весьма любопытное сочиненіе, къ истинному удовольствію ученыхъ: „Романтизмъ и издатель Рандюэль“. Почти забытый теперь Рандюэль былъ для Гюго, де-Виньи, Готье, Ламене, Поля Лакруа и другихъ *des mineurs* тѣмъ же, чѣмъ является нынѣ Гашеттъ для классической и ученой литературы, Кальманъ Леви или Шарпантье—для романа или театра. Это былъ главный двигатель литературы; теперь его изданія особенно цѣнятся библиофилами. Рандюэль, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставилъ свои бумаги и свою бібліотеку Адольфу Жюльену. Лучшаго исполнителя его посмертной воли нельзя было найти. Жюльенъ искусно выбралъ изъ документовъ все, что можетъ интересовать читателей, литературныя анекдоты, условія издателей, корректурныя листы, замѣтки о наиболѣе прославленныхъ писателяхъ и о наиболѣе скромныхъ. Къ книгѣ приложены точныя снимки съ почерковъ, корректуръ,

воспроизведенія карикатуры и гравюръ изъ романовъ того времени. Это любопытное изданіе весьма полно по своей части, и историки нашей литературы найдутъ въ немъ богатое пособіе для справокъ.

Рене Думикъ, о которомъ я уже разъ писалъ вамъ, несомнѣнно одинъ изъ нашихъ самыхъ плодовитыхъ и даровитыхъ нашихъ критиковъ. Онъ помѣщаетъ статью за статьей въ журналахъ, и онѣ образуютъ цѣлыя весьма любопытныя книги. Къ прежнимъ сборникамъ своихъ статей онъ присоединилъ еще два— „Etudes sur la Littérature française“ и „Essais sur le Théâtre contemporain“. „Этюды о французской литературѣ“ заключаютъ въ себѣ опыты о нѣкоторыхъ нашихъ второстепенныхъ писателяхъ, о книгѣ Макса Нордау о вырожденіи, о преподаваніи латинскаго языка. Думикъ касается стараго вопроса о томъ, полезно ли обучать юношество латинскому языку, и приносить ли оно пользу для знанія роднаго языка, и настаиваетъ на пользѣ этого обученія, ссылаясь на наши способности, на нашу національную исторію. По его мнѣнію, безъ знанія латыни произойдетъ порча французскаго языка, и въ будущемъ наше потомство не будетъ понимать нашихъ же классиковъ. Романскіе народы должны бороться противъ нѣмецкаго, славянскаго, скандинавскаго вліяній, чтобы возстановить изученіе латинскаго языка. Какъ видите, это чисто національное разсужденіе, вовсе не отвѣчающее на тѣ возраженія противъ изученія латинскаго языка, которыя высказываются въ Англии, Германіи и Россіи.

Въ своихъ „Опытахъ о современномъ театрѣ“ Рене Думикъ разбираетъ пьесы Александра Дюма, Палльерона, Сарду и нѣкоторыхъ другихъ менѣе извѣстныхъ писателей. Онъ находитъ, что французскій театръ клонится къ упадку. Въ былое время считалось честью быть драматическимъ писателемъ; теперь же критики, романисты, журналисты, словомъ все, пишутъ пьесы для паживы. Франціи угрожаетъ полное исчезновеніе настоящихъ драматурговъ.

Думикъ почти исключительно занимается изученіемъ французской литературы, тогда какъ Теодоръ де-Визева изучаетъ преимущественно иностранныхъ писателей. Если не ошибаюсь, настоящая его фамилія Выжѣвскій; онъ уроженецъ Украины, но никогда не считалъ себя ни русскимъ, ни полякомъ. Писалъ онъ романы, повѣсти, христіанскія легенды и критическія статьи, доказывающіе его космополитизмъ. Въ рядѣ книгъ подъ заглавіемъ: „Иностранные писатели“, онъ характеризуетъ и оцѣниваетъ Нитче, Томаса де-Квинсея, Теннисона, Эдгара По, Тургенева, Л. Толстаго, Ибсена, голландскую

литературу, такъ-называемое латинское возрожденіе и новыхъ итальянскихъ писателей. Это чловѣкъ большого образованія, а легкость его стили не допускаетъ мысли о его иностранномъ происхожденіи. Де-Визева пользуется большимъ расположеніемъ читателей большихъ и серьезныхъ журналовъ.

Къ нашимъ большимъ поэтамъ XIX вѣка начинаютъ относиться какъ къ классикамъ; изученіе ихъ произведеній введено въ преподаваніе нашихъ лицеевъ и даже начальныхъ школъ. Уже изданы въ свѣтъ отрывки изъ сочиненій Ламартина и Альфреда де-Мюссе, доступные учащимся и семьямъ. Стегъ, бывший директоръ Педагогическаго музея, нынѣ директоръ нормальной школы въ Fontenay aux Roses, школы, приготовляющей преподавателей въ нормальныя женскія школы или учительскія семинаріи, издалъ собраніе отрывковъ изъ сочиненій Виктора Гюго. Они извлечены изъ всѣхъ сборниковъ великаго поэта, начиная съ „Оды и балладъ“ и кончая посмертными сочиненіями Гюго; къ книгѣ приложена и біографія Гюго. Этотъ прекрасный сборникъ пригоденъ не для однихъ учебныхъ заведеній.

Серія „Избранныхъ страницъ“ изъ сочиненій великихъ писателей, печатаемая книжною фирмой Колена, обогатилась двумя новыми томами: „Избранныя страницы изъ Мериме“ подъ редакціей Жоржа Люна, и „Избранныя страницы изъ Эдмона и Жюля де-Гонкуровъ“, подъ редакціей Тудуза. Нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Мериме давно уже считаются классическими. Это несомнѣнно одинъ изъ нашихъ лучшихъ прозаиковъ, сохранившій лучшія преданія французскаго языка, писавшій во всѣхъ родахъ литературы: романы, историческія сочиненія, театральныя піесы и статьи по литературной и художественной критикѣ. Въ только что вышедшей книгѣ находятся отрывки изъ его этюдовъ о Лже-Дмитріи, изъ переведеннаго имъ „Ревизора“ и даже изъ „Guzla“, этой знаменитой мистификаціи, введшей въ заблужденіе Пушкина, Мицкевича и Шафарика. Викторъ Гюго, любившій игру словъ, составилъ анаграмму изъ фамиліи Мериме, передѣлавъ изъ Prosper Merimee *premiere prose*, и совершенно основательно, такъ какъ проза его дѣйствительно превосходна.

Литературное достоинство братьевъ Гонкуровъ сомнительно; память ихъ врядъ ли долго сохранится въ потомствѣ. Написанное ими большею частью неудобно для чтенія юношества. Романы, театральныя піесы (всѣ не имѣвшія успѣха), статьи по исторіи французскаго общества XVIII вѣка, статьи художественно-критическія, именно о японскомъ искусствѣ, превознесенномъ Эдмономъ Гонкуромъ, и дневники, все это составляетъ не менѣе девяти томовъ. Въ этихъ много-

образныхъ произведеніяхъ *sunt bona, sunt mediocria plura*. Тѣмъ же менѣе, они имѣютъ свое мѣсто въ литературѣ XIX вѣка: братья Гонкуры—пламенные сторонники теоріи искусства для искусства. Антологія Тудуза помогаетъ ориентироваться въ ихъ обильныхъ и неровныхъ сочиненіяхъ.

У того же Колена Гастонъ Дешанъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ, напечаталъ третью серію этюдовъ, подъ заглавіемъ: „Жизнь и книги“ (*La vie et les livres*). Въ нихъ говорится о поэтѣ Эредіа, о Верленѣ, о Ренье (оба болѣе или менѣе декаденты), о Гастонѣ Парисѣ, о министрѣ Ганото, получившемъ за свою „Исторію Ришелье“ премію отъ Французской академіи. Критическія статьи Дешана свободны отъ всякаго педантизма и легко читаются. Но признавая его талантъ, все-таки приходится сознаться, что нашему времени недостаетъ своихъ Тэна и Сентъ-Бева.

Книга Бутми: „Пареенонъ и греческій гонимъ“ (*Parthénon et le génie grec*) принадлежитъ къ школѣ Тэна. Она перепечатана изъ извѣстной вамъ еще съ 1870 году книги: „L'Architecture en Grèce“. До основанія школы политическихъ наукъ, директоромъ которой состоитъ Бутми, онъ занимался эстетикой и исторіей искусства. Его книга о Пареенонѣ — скорѣе эстетическій этюдъ, чѣмъ техническій. Къ этому новому изданію приложено вновь написанное введеніе и нѣсколько иллюстрацій, не достававшихъ преждему.

Прошло уже семь лѣтъ со смерти Фюстеля де-Куланжа, и до сихъ поръ никто еще не замѣнилъ его. Авторъ „Cite Antique“ еще не имѣлъ полной біографіи, и этотъ пробѣлъ пополненъ Полемъ Жиро, профессоромъ Нормальной школы, написавшимъ много почтенныхъ трудовъ по исторіи Греціи и Рима. Его жизнеописаніе Фюстеля де-Куланжа даетъ превосходное понятіе объ этомъ великомъ ученомъ и замѣчательномъ писателѣ. Вдова Фюстеля де-Куланжа отдала въ полное распоряженіе біографа неизданныя бумаги своего покойнаго мужа. Жиро въ высшей степени привлекательно описалъ жизнь этого честнаго и строгаго ученаго, постоянно съ жаромъ искавшаго истины. „Блаженны думающіе, что они все знаютъ“, говорилъ Фюстель де-Куланжъ;—„они не знаютъ терзаній ищущаго. Полуистина ихъ удовлетворяетъ, неясно выраженнымъ они довольствуются. Они увѣрены въ себѣ. Ходятъ съ высоко поднятою головою; они—учители и судьи!“ Фюстель де-Куланжъ не считалъ себя все знающимъ. Онъ могъ бы взять девизомъ:

Nullius addictus jurare in verba magistri.

Эмиль Тома, профессоръ Лилльскаго университета, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ нашихъ латинистовъ, написалъ, кромѣ весьма хорошихъ сочиненій о Цицеронѣ и Катуллѣ, сочиненіе о Петроніи и много статей въ ученыхъ журналахъ, напримѣръ, въ *Revue critique*. Онъ собралъ часть своихъ лекцій въ книгу подъ заглавіемъ „Римъ и Имперія въ первые два вѣка нашей эры“; здѣсь онъ старался познакомить съ общественною, художественною и умственною жизнью по текстамъ и памятникамъ; Помпея, Римъ, Форумъ, Палатинъ, термы, игры, погребеніе, виллы, школы, философы, армія — таковы тѣмы для главъ его книги, тщательно написанной и весьма поучительной. Это небольшое сочиненіе безъ притязаній принесетъ пользу не только студентамъ, но и профессорамъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я упоминалъ о большомъ критическомъ изданіи басней Федра, Луи Авэ. Не снабженное *подробнымъ словаремъ*, оно доступно только ученымъ. Авэ пришла счастливая мысль сдѣлать изъ него книгу для школьнаго употребленія. Перепечатавъ текстъ своего критическаго изданія, но съ соблюденіемъ общаго правописанія, онъ сдѣлалъ впрочемъ нѣсколько новыхъ конъектуръ, къ каждой баснѣ приложилъ комментарий и помѣстилъ примѣчанія литературныя или филологическія. Это изданіе — лучшее изъ всѣхъ прежде вышедшихъ.

У насъ продолжаютъ сочувствовать всѣмъ интересамъ Россіи. Виконтъ Ке-де-Сентъ-Амуръ перепечаталъ свой небольшой трудъ, вышедшій въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о русской княжнѣ Аннѣ, сдѣлавшейся женою короля Генриха I. На ста страницахъ изящно изданной брошюры помѣщена біографія княжны, оправдательные документы, портреты (къ сожалѣнію, сомнительные), видъ аббатства, церкви св. Викентія въ Сэнли, построенной вдовствующею королевою Анной, славянскій автографъ ея на документѣ 1068 года и точные снимки съ ея печатей. Любители исторіи оцѣнятъ эту брошюру.

Во Французской академіи состоялись выборы — Теріе, изящнаго романиста, и Вандаля, блестящаго историка, написавшаго хорошо извѣстную книгу: „Наполеонъ и Александръ I“. Въ Академіи надписей археологъ Саломонъ Рейнахъ замѣнилъ Орсо, а Жири, профессоръ *Ecole des Chartes*, — Розіера.

Л. Л—ръ.

А. Г. БРИКНЕРЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

3 (15) ноября 1896 г., послѣ мучительныхъ страданій, скончался въ г. Іенѣ, въ Германіи, извѣстный историкъ Александръ Густавовичъ Брикнеръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ, самыхъ неутомимыхъ работниковъ на поприщѣ изученія русскаго прошлаго.

Изъ финляндскихъ уроженцевъ реформатскаго вѣроисповѣданія, Брикнеръ родился въ С.-Петербургѣ 24 іюля 1834 г. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ въ Петропавловскомъ училищѣ и, подъ вліяніемъ семейныхъ условій (отецъ его былъ негоціантъ), первое время посвятилъ было себя торговымъ дѣламъ, нѣсколько лѣтъ (1851—1857) занимаясь въ конторѣ торговаго дома А. Шееръ и К^о. Но коммерческая карьера не удовлетворила молодаго человѣка и онъ поѣхалъ (1857—1860) за-границу слушать университетскіе курсы: въ Гейдельбергѣ у Гейссера (исторію), Рау (политическую экономію) и Гольцмана (литературу); въ Іенѣ у Куно-Фишера (философію), Дройзена (исторію) Шлейдена (антропологию) и Шлейхера (языкознаніе); и наконецъ, въ Берлинѣ у Ранке, Раумера и Бѣка. Подъ руководствомъ Дройзена, въ его *историческихъ семинаріяхъ*, Брикнеръ приготовилъ нѣсколько работъ на темы изъ всеобщей исторіи. Выпускные экзамены были сданы въ Гейдельбергскомъ университетѣ, а диссертация „Zur Geschichte des Reichstags zu Worms 1521. Die Verhandlungen über das Reichsregiment“ (Heidelberg. 1860), матеріалъ для которой молодой авторъ почерпнулъ не только изъ печатной литературы, но и въ архивахъ веймарскомъ и дрезденскомъ, доставила ему, въ Гейдельбергѣ же, въ 1860 г. степень доктора философіи и

открыла, по возвращеніи въ Петербургъ, двери въ училище Правовѣдѣнія. 11-го января 1861 г.—въ день поступленія своего на государственную службу—Брикнеръ былъ опредѣленъ сюда исправляющимъ должность преподавателя исторіи и утвержденъ въ этомъ званіи 28-го января 1865 г. Еще раньше, 30-го мая 1864 г., по выдержаніи установленнаго испытанія, Брикнеръ защитилъ—на этотъ разъ уже въ Россіи, именно въ С.-Петербургскомъ университетѣ,—магистерскую диссертацию „Мѣдныя деньги въ Россіи (1656—63) и денежные знаки въ Швеціи (1716—19)“ и сталъ читать тамъ, съ 1865 г., лекціи на положеніи приватъ-доцента. 1-го іюня 1867 г. Дерптскій университетъ возвелъ Брикнера въ степень доктора всеобщей исторіи за новый трудъ: „*Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen*“, а еще раньше Брикнеръ получилъ приглашеніе Новороссійскаго университета. Назначеніе въ Одессу состоялось еще до докторскаго диспута, 29-го апрѣля 1867 г., а потому лишь въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи. Впрочемъ всего черезъ какихъ-нибудь полгода, именно съ 30-го декабря 1867 г., мы видимъ Брикнера уже ординарнымъ профессоромъ Одесскаго университета.

Между тѣмъ въ Дерптѣ, съ уходомъ Ширрена, освободилась кафедра русской исторіи, и тамошній университетъ озабоченъ былъ присканіемъ ему преемника. Это оказалось не такъ-то легко. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ онъ остановился было на начинающемъ тогда молодомъ ученомъ, В. О. Ключевскомъ, котораго и представилъ въ апрѣлѣ 1870 г., на утвержденіе министерства. Но въ ту пору кафедры въ Дерптскомъ университетѣ еще замѣщались исключительно лицами, обладавшими званіемъ магистра или доктора, намѣченный же преемникъ Ширрена былъ только кандидатомъ, вслѣдствіе чего тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, гр. Толстой, отклонилъ предложеніе университета и тѣмъ самымъ вызвалъ необходимость искать новаго кандидата. На этотъ разъ выборъ Дерптской коллегіи профессоровъ палъ на Брикнера: 12-го ноября 1871 г. совѣтъ избралъ его почти единогласно, большинствомъ тридцати голосовъ противъ одного, а въ мартѣ слѣдующаго года состоялось и самое утвержденіе. При этомъ гр. Толстой, „принимая во вниманіе пользу преподаванія русской исторіи на отечественномъ языкѣ“, предлагалъ совѣту Дерптскаго университета „обратить вниманіе на необходимость, чтобы Брикнеръ читалъ студентамъ лекціи по упомянутой кафедрѣ не иначе, какъ на языкѣ русскомъ, какъ это было и

прежде, къ чему, по мнѣнію графа, не можетъ представляться никакихъ препятствій, такъ какъ Брикнеръ совершенно свободно владѣеть русскимъ языкомъ". Назначеніе застало Брикнера за-границей; тамъ онъ пробылъ еще цѣлое лѣто, такъ что собственно только съ осенняго семестра 1872 г. началась та 29-ти-лѣтняя дѣятельность его въ Дерптскомъ университетѣ, которая доставила ему имя и уваженіе друзей русской исторіи.

Въ первые же годы въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ Брикнеру кромѣ русской исторіи приходилось читать статистику Россіи на вакантной тогда кафедрѣ географіи, этнографіи и статистики. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ археологическихъ сѣздахъ (Кіевскомъ, Казанскомъ и Тифлискомъ), какъ депутатъ отъ университета, дѣлая на нихъ сообщенія. Деканъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1-го января 1878 года, онъ въ послѣдніе годы своей службы въ Дерптскомъ университетѣ былъ (съ 4-го марта 1888 года) также и проректоромъ.

Новый 1876 годъ онъ встрѣтилъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1883 году получилъ первую звѣзду. Послѣдней наградой былъ ему орденъ св. Анны первой степени (1-го января 1888 г.). По выслугѣ 25-ти лѣтъ (11-го января 1886 г.), Брикнеръ по единогласному представленію совѣта (35 избирательныхъ голосовъ и ни одного отрицательнаго) былъ оставленъ на новое пятилѣтіе съ правомъ пользоваться пенсіей сверхъ годоваго оклада. Приказомъ 3-го іюня 1891 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета, но числился тамъ лишь номинально, прямо изъ Дерпта переѣхавъ на постоянное жительство въ городъ Іену. Черезъ годъ онъ уже вышелъ въ отставку, но служба въ Казани дала ему право на пенсію по повышенному окладу, согласно уставу 1884 года, еще не примѣненному къ университету Дерптскому.

Профессорская дѣятельность Брикнера оставила по себѣ добрую память среди его слушателей. Собственно чтеніе лекцій онъ обыкновенно велъ рука объ руку съ практическими занятіями, которыми всегда удѣлялъ много времени, придавая имъ большое значеніе. Семинаріи Брикнера охотно посѣщались; онъ умѣлъ привлечь слушателей и заставить ихъ работать. Можно было бы указать нѣсколько печатныхъ трудовъ, составленныхъ учениками Брикнера, по его указаніямъ и подъ его руководствомъ. Таковы, напримѣръ, статьи

гг. А. Гассельблата, В. Сиды, И. Галлера, Р. Гассельблата ¹⁾ и въ особенности г. А. Юргенсона ²⁾.

Первоначальныя работы Брикнера, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на явленіяхъ западно-европейской исторіи, безъ сомнѣнія послужили ему прекрасною подготовкою, при послѣдующихъ занятіяхъ исторіей русскою, въ которой главное вниманіе его было обращено на XVII и XVIII вѣка, а въ этихъ предѣлахъ собственно на явленія культурныя и политическія. Основательное знакомство съ германскими и романскими языками, помимо русскаго, большая начитанность, неутомимость, съ какою Брикнеръ постоянно слѣдилъ за движеніемъ исторической литературы, русской и иностранной, въ значительной степени обусловили какъ обиліе, такъ и разносторонность его трудовъ. Исторіографія и методологія исторіи, критика и изданіе документовъ, область финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ, мемуары и переписка, сношенія Россіи съ Западною Европою и наплывъ западно-европейскихъ идей въ Россіи, церковь и императорскій дворъ, государственные дѣятели: дипломаты и администраторы, непознанныя фигуры Петра Великаго и Екатерины II—вотъ та широкая область, которой посвящалъ покойный свое неутомимое перо.

Брикнеръ не былъ изслѣдователемъ въ строгомъ значеніи этого слова; детальная разработка вопроса, восходящая до его основаній, сравнительно мало интересовала его; культурные же вопросы по са-

¹⁾ 1) *A. Hasselblatt*: O. A. Pleyer, der erste accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe. 1692—1719. *Russische Revue*. 1875; Bnd. VII. 2) *W. Stieda*, Peter der Grosse als Mercantilist (*Ibidem*. IV). 3) *I. Haller*, Die Thronbesteigung Kaiserin Katharina I (*Ibid.* 1890. XXX). 4) *R. Hasselblatt*, Die Instructionen der baltischen Ritterschaften für die gesetzgebende Commission von 1767 (*Baltische Monatschrift* 1890, Bnd. XXXVII).

²⁾ *Arwed Jürgensohn*: 1) Die Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Münich von Kostomarow. Eine Kritische Studie (*Russische Revue*. XXV). 2) Die Memoiren des Feldmarschalls Münich und sein Ebauche (*Ibid.* 1886. XXVI) 3) Manstein's Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739). Eine bibliographisch—quellenkritische Untersuchung. (*Ibidem*. 1886, Heft 4). 4) Algarotti und Manstein. Eine Quellen. Studie *Ibid.* 1887. 2 Heft). 5) Замѣчанія на записки о Россіи генерала Манштейна, изданныя въ 1879 г. подъ именемъ графа Петра Панина (*Русская Старина* 1887, № 5, 6). Г. Юргенсонъ недавно открылъ оригиналъ нѣмецкаго текста записокъ гр. Эрнеста ф. Миниха и далъ очень хорошее изданіе ихъ въ Штутгартѣ въ 1896 г.

тому характеру своему въ значительной степени обусловливали тѣ широкія рамки, въ которыя онъ привыкъ умѣщать свои темы. Это иногда производило впечатлѣніе заимствованій матеріала изъ вторыхъ рукъ, тѣмъ болѣе, что въ массѣ написаннаго Брикперомъ найдутся—какъ впрочемъ у всякаго плодовитаго пера—статьи дѣйствительно компилятивныя, составляющія пересказъ того или другаго сочиненія, что въ значительной степени объясняется, однако, и тѣмъ, что нашъ историкъ писалъ не для одной русской публики, но и для нѣмецкой, знакомя ее съ выдающимися явленіями текущей русской исторической литературы.

Во всякомъ случаѣ было бы несправедливо отрицать у автора самостоятельность въ пользованіи и оцѣнкѣ своего матеріала. Съ чѣмъ сравнительно поздно ознакомился Брикнеръ,—это съ архивами. Въ прошеніи своемъ отъ 21-го августа 1882 года, хлопоча о заграничной командировкѣ (которая и была ему разрѣшена съ 19-го декабря по 10-е августа 1883 года), онъ прямо заявлялъ, что въ теченіе 22-хлѣтней службы своей ни разу еще не имѣлъ случая заниматься въ архивахъ. Только лѣтомъ 1882 года, работая надъ исторіей Екатерины II, онъ впервые предпринялъ архивныя розысканія въ Венеціанскомъ государственномъ архивѣ, убѣдившись при этомъ, сколько въ немъ цѣннаго и совершенно еще не разработаннаго матеріала, какъ по его темѣ, такъ и по исторіи восточнаго вопроса и торговыхъ сношеній Россіи съ Западною Европой. Командировку на 1883 годъ Брикнеръ мотивировалъ желаніемъ посѣтить архивы въ Венеціи и Римѣ, а смотря по обстоятельствамъ, и во Флоренціи, Ливорно, Парижѣ. Въ этомъ послѣднемъ ему, кажется, тогда не удалось побывать, зато онъ поработалъ въ архивахъ дрезденскомъ и берлинскомъ. Сочиненія, появившіяся вслѣдъ за этою поѣздкой и посвященные исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ итальянскими государствами въ XVII столѣтіи, въ значительной степени обязаны именно архивнымъ розысканіямъ, сдѣланнымъ въ эту пору. Лѣтомъ 1889 года Брикнеръ предпринялъ новую архивную экскурсію въ Стокгольмъ, Берлинъ и Парижъ въ виду занимавшей его въ то время работы по собранію матеріаловъ для біографіи гр. Н. П. Панина. Но особенно послѣдніе годы покойный дѣлалъ обширные поиски въ архивахъ вѣнскомъ, парижскомъ, дрезденскомъ, конейгагенскомъ и другихъ, готовя многотомную исторію Россіи въ періодъ 1725—1762 гг., долженствовавшую, по его мысли, стать связующимъ звеномъ между ранѣе появившимися трудами его: „Исторіей Петра Великаго“ и

„Исторіей Екатерины II“. Слѣды этихъ архивныхъ занятій можно видѣть уже въ тѣхъ статьяхъ, что недавно были опубликованы имъ въ *Русской Мысли*, *Вѣстникъ Европы* и другихъ повременныхъ изданіяхъ. На эти статьи можно было смотрѣть, какъ на первый приступъ къ осуществленію намѣченнаго плана; къ сожалѣнію, смерть прервала нашего историка въ самомъ разгарѣ его занятій.

Брикнеръ писалъ много и легко, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Не всё его работы одинаковаго достоинства, но почти всё затрогивали темы, интересующія не одинъ тѣсный кругъ специалистовъ. Если по художественному воспроизведенію историческаго прошлаго покойнаго и нельзя сравнивать съ Костомаровымъ то, кажется, никто другой послѣ талантливаго автора „Богдана Хмельницкаго“ такъ не популяризировалъ русской исторіи, какъ Брикнеръ, именно, благодаря общентересности затрогиваемыхъ имъ темъ; никто другой не далъ столько обширнаго чтенія по новой исторіи Россіи,—чтенія, составленнаго всегда добросовѣстною рукою специалиста и знатока своего дѣла. Что бы ни говорили о его работахъ, но онѣ прежде всего читались, и данныя, сообщаемыя авторомъ, становились такимъ образомъ достояніемъ широкаго круга людей. Многочисленныя статьи Брикнера разсыпаны по различнымъ журналамъ, каковы: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Древняя и Новая Россія*, *Историческій Вѣстникъ*, *Русская Старина*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ*, *Русская Мысль*, *Новое Слово*, *Русское Обозрѣніе*, *Нива*, *Нова*, *Русскія Вѣдомости*, *Russische Revue*, *Baltische Monatschrift*, *Historische Zeitschrift*, *Historisches Taschenbuch*, *Das Ausland*, *Nord und Süd*, *Nordische Revue*, *Zeitschrift für allgemeine Geschichte*, *Deutsche Literaturzeitung* и др. Въ общемъ 36-ти-лѣтняя литературная дѣятельность покойнаго представляетъ собою длинный и почтенный рядъ трудовъ,—дѣятельность, не только не ослабѣвшая отъ времени, но, казалось, съ годами набравшая новыя силы и новую энергію въ томъ громадномъ запасѣ фактовъ, который неутомимо пополнялъ и освѣжалъ покойный. Изъ тому же многія работы остались лишь начатыми, не доведенными до конца, какъ, напримѣръ, вышеуказанный трудъ по исторіи Россіи 1725—1762 гг. или всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышедшій первый томъ его новой „Geschichte Russlands bis Zum Ende des 18 Jahrhunderts“ въ Гееренъ-Укертовской серіи „Geschichte der europäischen Staaten“. Работа эта была разчитана на два тома и въ вышедшемъ доведена до смерти Петра Великаго.

Вотъ почему съ чувствомъ сожалѣнія встрѣчаемъ извѣстіе о смерти

этого человѣка, который до послѣднихъ дней сохранялъ юношескую бодрость духа, живо интересуясь всѣмъ, что соприкасалось съ областью русской исторіи.

Мы дѣлаемъ здѣсь библиографическую попытку собрать статьи и отдѣльныя изданія Брикнера, хотя заранѣе должны оговориться въ вѣроятной неполнотѣ своихъ указаній.

I. Теорія и преподаваніе исторіи.

Ученикъ Гейссера и Дройзена, Брикнеръ придавалъ большое значеніе такъ называемымъ семинаріямъ и постоянно вводилъ ихъ въ свой университетскій курсъ. Лѣтомъ 1870 г. онъ посѣтилъ нѣсколько университетовъ Германіи, изучая приемы тамошнихъ семинарій, результатомъ чего явилась статья:

1. О такъ называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1870, № 12, 147—180.

Въ ней отмѣчена односторонность германскихъ семинарій, гдѣ практическія занятія слишкомъ разобщены отъ лекцій, и студенту приходится или пассивно воспринимать послѣднія, или почти самостоятельно (а это доступно немногимъ) разрабатывать детально тотъ или иной вопросъ.

2. О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*; 1876; № 6, 17—42.

Въ этой статьѣ Брикнеръ знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ самъ онъ велъ свои семинаріи въ Дерптскомъ университетѣ. Лекціямъ онъ обыкновенно придавалъ характеръ введенія въ самостоятельное изученіе предмета, половину курса посвящая чтенію источниковъ и непосредственному знакомству съ памятниками, или же разбору тѣхъ специальныхъ вопросовъ, которые изслѣдовались, — самими-ли имъ, или студентами подъ его руководствомъ. Такимъ образомъ научно-литературную дѣятельность свою Брикнеръ обыкновенно ставилъ въ самую тѣсную связь съ дѣятельностью педагогическою.

3. Объ учебныхъ пособияхъ при изученіи исторіи Россіи. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1876, № 7, 1—21.

Авторъ разсматриваетъ учебныя пособия (Lehrapparate), необходимыя,

по его мнѣнію, при университетскомъ преподаваніи русской исторіи. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: источниковѣдніе и коллекціи иллюстрированныхъ изданій или атласовъ съ текстомъ. Подъ первую группу занесены: 1) лѣтописи и отдѣльныя сказанія; 2) архивный матеріалъ; 3) записки иностранцевъ; 4) записки русскихъ людей; 5) словесность какъ источникъ для русской исторіи; 6) исторія Россіи; 7) общее источниковѣдніе русской исторіи. Подъ вторую группу занесены: 1) педагогическія коллекціи; 2) палеографія; 3) сфрагистика, нумизматика; 4) историко-географическій атласъ Россіи; 5) факсимиле иллюстрацій изъ разныхъ сочиненій о Россіи; 6) историческія картины и портреты; 7) атласы археологій.

4. Какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи практическія упражненія и занятія? *Труды III археол. съезда*, т. I, 39—48.

Авторъ выставляетъ два слѣдующихъ положенія: 1) успѣшное преподаваніе въ университетахъ русской исторіи обуславливается такъ называемыми семинаріями или практическими упражненіями. 2) Демонстрація, какъ дополненіе къ лекціямъ, равно и практическія упражненія требуютъ устройства при университетахъ болѣе полныхъ коллекцій учебныхъ пособій.—Эта статья находится въ тѣсной связи съ двумя предыдущими (№№ 2, 3).

5. Festrede zur Jahresfeier der Stiftung der Universität Dorpat am 12 December 1886, gehalten von Dr. A. Brückner: „*Über Thatensreihen in der Geschichte*“, nebst den Mittheilungen über die Preis-Aufgaben u. s. w. 4°. Dorpat. 1886. Seit. 3—23.

Исторія тогда только станетъ наукою, когда научится обобщать отдѣльные факты и не затериваться въ мелкихъ подробностяхъ. „Die Geschichtsforschung — говоритъ Брикнеръ — ist nur mehr eine Kunst gewesen; sie kann das Recht erwerben in die Reihe der Wissenschaften zu treten, sie hat bisher vorherrschend bei der Erforschung des Einzelnen, des Besonderen verweilt; ihre Aufgabe besteht darin, es den anderen Disciplinen darin gleich zu thun, dass sie das Allgemeine mittelst des Besonderen, erkenne. Ihre Aufgabe ist die Darstellung des Werdens, der Entwicklung, des Fortschritts der Menschheit. In dem Maasse, als sie diese Aufgabe löst, wird sie nicht blos den andern Disciplinen gleichberechtigt zur Seite stehen dürfen, sondern auch die Bedeutung des Werdens und Wachsens der anderen Wissenschaften darthun“.

6. Zur Geschichte der Geschichte. *Balt. Monatschr.* 1869, XVIII, 326—362, 399—427.

Разборъ книги: „*W. E. Hartpole Lecky, Geschichte des Ursprunges und Einflusses der Aufklärung in Europa. A. d. Engl. von Dr. H. Jolowicz. 2. Bnde. Lpzg.*“. Этому разбору авторъ предпосылаетъ очеркъ существующихъ въ литературѣ взглядовъ на развитіе исторіи вообще.

7. Der Fortschritt in der Geschichte. *Nord u. Süd* 1885, Bnd. XXXIII, 374—390.

Разборъ соч. *Н. И. Картева*: „Основные вопросы философіи исторіи. 2 тома. М. 1883“.

8. Съездъ историковъ въ Мюнхенѣ 4—7 апрѣля 1893 г. *Вѣстникъ Европы* 1893, № 6, 865—876.

О преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ. Вопросъ объ историческихъ семинаріяхъ. Объ архивахъ.

9. О главныхъ задачахъ исторической науки. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго университета 30-го августа 1868 г. Одесса. 1868.

10. Zur Theorie der Geschichte (по поводу сочиненія Лоренца: „*Die Geschichts-Wissenschaft*“) въ *Nordische Rundschau*, 1887, VI, Heft 1.

11. Вопросы самообразованія. Исторія. *Сверный Вѣстникъ* 1896, № 9, 151—164.

II. До-Петровское время.

Спеціальностью Брикнера была новая русская исторія. До-Петровскую эпоху онъ изучалъ постольку, поскольку это казалось ему необходимымъ для уясненія того процесса, который онъ называлъ переходомъ Россіи изъ эпохи азіатской въ эпоху европейской жизни, и который онъ разработывалъ обыкновенно съ такою любовью. Далѣе XVII вѣка онъ, можно сказать, не углублялся, и статей, не имѣющихъ прямого отношенія ко времени реформъ Петра Великаго, у него наберется немного. Большинство ихъ случайнаго происхожденія. Таковы:

12. Die Hauptmomente der Geschichte der Verwaltung in Russland. *Nordische Revue* 1864, Bnd. II, 145—166.

На основаніи книги *И. А. Андреевскаго*: „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. С.-Пб. 1864“.

15. Domostroi. Ein Hausbuch aus dem XVI. Jahrh. *Russ. Revue* 1874, Bnd. II, 1—29.

Пересказ сочиненія *И. С. Некрасова*: „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго домостроя. М. 1872“.

13. Чума въ Москвѣ 1654 г. *Историческій Вѣстникъ* 1884, № 4, 5—22.

Любопытная попытка собрать и сгруппировать статистическія данныя объ этомъ событіи.

15. Die Pest in Russland 1654. Eine populationistisch-historische Studie. *Zeitschrift für allgem. Geschichte Kultur, — Litteratur — und Kunstgeschichte*. Stuttgart. 1884. Heft 1 и 2.

III. Европеизація русскаго общества.

На сколько слабо интересовался Брикнеръ древнею исторіею Россіи, на столько же внимательно изучалъ онъ — въ предѣлахъ до-Петровской Руси — проникновеніе западно-европейской культуры, или, выражаясь его терминомъ, *европеизацію русскаго общества* („Europäisierung Russlands“). Такъ какъ послѣдняя проявлялась двоякимъ путемъ: путемъ ознакомленія съ западно-европейскими понятіями непосредственно у самаго ихъ источника, за предѣлами русскаго государства, и путемъ заноса ея въ Россію при посредствѣ заѣзжихъ иноземцевъ, то и сочиненія Брикнера съ особенною силою выдѣляютъ обѣ эти стороны.

Много вниманія удѣляетъ онъ Крижаничу, на котораго смотритъ, какъ на одного изъ крупныхъ провозвѣстниковъ Петра Великаго; нѣсколько разъ возвращается онъ къ дѣятельности иноземныхъ и русскихъ медиковъ въ государствѣ Московскомъ; но особенно подробно изучилъ Брикнеръ поѣздки русскихъ „туристовъ-дипломатовъ“ XVII вѣка въ Западную Европу, такъ какъ онѣ давали дѣйствительно очень богатый и благодарный матеріалъ для характеристики того образовательнаго багажа, съ какимъ русское общество появлялось за границей, и тѣхъ впечатлѣній, какія оно оттуда выносило. Посольскіе наказы и донесенія иностранцевъ служили нашему автору главнымъ источникомъ по этому вопросу.

16. Die Ausländer in Russland im XVII Jahrhundert. *Balt. Monatschr.* 1877, XXV, 652—704, 723—765.

Характеристика каждой профессіи иноземцевъ въ отдѣльности (техники, купцы, военно-плѣнные, врачи и аптекари, военные, дипло-

маты, духовные); образъ жизни ихъ въ Нѣмецкой слободѣ и вліяніе на русскую культуру. Впослѣдствіи было перепечатано въ „Cultur-historische Studien. Riga. 1878“. (См. ниже, № 48).

17. Zur Geschichte der Ausländer in Russland. *Russ. Revue* 1886, Bnd. XXVI, 274—317.

По поводу книги *Дм. В. Цоттаева*: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1886“.

18. Ein neues Geschichtswerk über Russland *Nordische Revue*, 1886, т. IV, № 5 и отдѣльно).

Рецензія книги *Брюмена*: „Wie Russland europäisch wurde“.

19. „Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber, Berlin. 1833“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884. № 2, 396—421.

Рецензія: недостатки изданія; анализъ біографическихъ данныхъ о Рингуберѣ и оцѣнка изданія, какъ новаго матеріала для русской исторіи.

20. Laurentius Rinhuber. Ein Beitrag zur Geschichte Russlands im XVII Jahrhundert. *Histor. Zeitschrift* 1884, LII, 193—253.

Личность Рингубера и его дѣятельность въ Россіи, на сколько она выяснилась изъ анализа „Relation du voyage en Russie“. Кромѣ печатныхъ источниковъ Брикнеръ пользовался для своей статьи также и неизданнымъ еще матеріаломъ дрезденскаго и берлинскаго архивовъ.

21. Москва и Римъ. 1672 — 1681 (Лаврентій Рингуберъ по новымъ архивнымъ даннымъ). *Русскія Вѣдомости* 1895, №№ 325, 333.

Анализъ книги *П. Пирлима*: „Saxe et Moscou. Un médecin diplomate, Laurent Rinhuber. Paris. 1893“. Непосредственное знакомство съ настоящимъ вопросомъ по источникамъ (см. ниже подъ № 32, статью его: „Русское посольство въ Италиі въ 1672 — 1673 гг.“) даетъ автору возможность совершенно самостоятельно пересмотрѣть книгу и самостоятельно же пересказать главное ея содержаніе. Кромѣ того Брикнеръ пользуется въ этой статьѣ и новымъ архивнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ имъ въ Парижѣ въ весеннюю поѣздку 1895 года.

22. Москва и Римъ. *Свердловъ Вѣстникъ* 1896 г.

23. Ein Kleiderreform-Projeckt vor Peter dem Grossen. *Russ. Revue* 1873, Bnd II, 426—444.

Въ основу положено сочиненіе Крижанича: „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка“, I, 129—148. Авторъ указываетъ на связь,

существующую между воззрѣніями Крижанича и нѣкоторыхъ его современниковъ, а также на внутреннее родство взглядовъ Крижанича съ реформой Петра Великаго.

24. Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ. *Дрестля и Новая Россія* 1876, № 12, 385—395.

Въ этой монографіи дается сводъ мыслей и предложеній Крижанича относительно восточнаго вопроса, при чемъ авторъ освѣщаетъ ихъ указаніями на обстоятельства и событія того времени.

25. „А. Маркевичъ. Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ. Варшава. 1876“. *Дрестля и Новая Россія* 1876, № 8, 388—391 (рец.).

26. Юрій Крижаничъ. *Русскій Вѣстникъ* 1887, №№ 6, 7; 575 — 619, 9 — 51.

Указавъ литературу о Крижаничѣ и подробно прослѣдивъ жизнь его на основаніи существующихъ матеріаловъ, авторъ переходитъ къ разбору сочиненій и эрудиціи Крижанича, изучая на этотъ разъ главнымъ образомъ взгляды Крижанича на государственный и экономическій строй Россіи.

27. О сочиненіяхъ Юрія Крижанича. *Русскій Вѣстникъ* 1889, № 6, 3 — 29.

Очеркъ, посвященный специально политическимъ воззрѣніямъ Крижанича, именно тѣмъ, гдѣ онъ проповѣдуетъ необходимость реформъ для Россіи.

28. „Gebhard Junior. Het leven von M-r Nicolaus Cornelius Witsen (1641—1717). Utrecht. 1881—1882“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1883, № 4, 320—325 (рец.).

29. Die Aerzte in Russland bis zum Jahre 1800. *Russ. Revue* 1887, Bnd. XXVII, 131 — 171, 261 — 300.

30. Die Aerzte in Russland bis zum Jahre 1800. Ein Beitrag zur Geschichte der Europäisirung Russlands. Stbg. 1887, стр. 80.

Отдѣльный оттискъ предыдущей (№ 29) статьи. Опытъ исторической монографіи. Участіе иностранцевъ въ дѣлѣ насажденія врачебнаго искусства въ Россіи прослѣжено авторомъ по національностямъ.

31. Врачи-иностранцы въ Россіи. *Ночь* 1891, т. XXXVII, № 3.

32. Zur Geschichte der Medicin in Russland. *Russ. Revue* 1886, XXVI, 202 — 219.

Строгая оцѣнка изданія Я. Чистовича: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. С.-Пб. 1883“.

33. Русскій врачъ-дипломатъ при Петрѣ Великомъ. *Русскія Ведомости* 1896, № 27.

Разборъ и оцѣнка книги *Е. Шмурло*: „П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его биографіи. Юрьевъ. 1894“.

34. Русскіе дипломаты-туристы въ Италиі въ XVII столѣтіи. *Русскій Вѣстникъ* 1877, №№ 3, 4, 7; стр. 5—44, 560 — 607, 5 — 62.

Главнымъ матеріаломъ служили статейные списки русскихъ пословъ, напечатанные въ „Пам. Дипл. Сношеній“; „Др. Росс. Вивлиоика“, „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы“. Авторъ сводитъ данныя и даетъ на основаніи ихъ картину того, какъ путешествовали русскіе люди за границей, чему тамъ учились, какое производили впечатлѣніе и какой встрѣчали пріемъ.

35. Русскіе дипломаты-туристы въ XVII столѣтіи. М. 1878.

Собственно оттискъ предыдущей статьи (№ 34), по безъ переверстки и съ сохраненіемъ журнальной пагинаціи; съ выходнымъ однако листомъ и оглавленіемъ содержанія соотвѣтственно страницамъ журнала.

36. Die Russen im Auslande im XVII Jahrhundert. Eine culturhistorische Studie. *Balt. Monatschr* 1877, XXV, 59 — 93, 306—323, 355—372, 451—471, 543—556.

Нѣмецкая переработка, по той же программѣ, предыдущей статьи (№№ 34, 35). Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи: „Culturhistorische Studien. I. Die Russen im Auslande im XVII-ten Jahrh. Riga. 1878“ (см. ниже № 48).

37. Русское посольство въ Италиі въ 1672 — 1673 гг. *Ночь* 1886, VII, № 2, 231—246.

По архивнымъ даннымъ венеціанскаго, ватиканскаго, берлинскаго и дрезденскаго архивовъ—о проѣздѣ П. Менезія черезъ Германію и Венецію, о пребываніи и переговорахъ его въ Римѣ.

38. Ueber eine russische Gesandtschaft in Paris im Jahre 1681. Nachtrag zu der Abhandlung: „Aktenstücke zur Geschichte der Beziehungen zwischen Russland und Frankreich 1681—1718“. *Russ. Revue* 1883, XXIII, 308—319.

На основаніи открытаго авторомъ въ дрезденскомъ королевскомъ архивѣ донесенія Лаврентія Рингубера. (Упомянутые „Aktenstücke“ см. ниже подъ № 99).

39. Русское посольство во Франціи въ 1681 г., по донесенію доктора Лаврентія Рингубера, находящемуся въ государственномъ архивѣ

въ Дрезденѣ. *Ноев* 1888, г. 4-й, XXIV, №№ 23, 24, стр. 161—166, 202—208.

Посольство П. И. Потемкина. Передѣлка нѣмецкой статьи (см. выше № 38), со вставкою нѣкоторыхъ данныхъ о Рингуберѣ.

40. Russen und Franzosen. *Zeitschrift für Geschichte* 1886, Heft IX.

41. Russische Diplomaten im XVII Jahrh. *Russ. Revue* 1888, Bnd. XXVIII, 33—72.

Резюмэ всѣхъ прежнихъ работъ автора касательно этого вопроса, при чемъ авторъ внесъ еще нѣкоторыя новыя данныя изъ архивовъ италянскихъ и нѣмецкихъ.

42. Русскій туристъ въ западной Европѣ въ началѣ XVIII в. *Русское Обозрѣніе* 1892, № 1, 5—38.

Характеристика князя Б. И. Куракина и его путешествій за границу, на основаніи дневника, веденнаго имъ въ 1705—1708 годахъ.

43. Fürst W. W. Golizyn (1643—1714). Eine biographische Skizze. *Russ. Revue* 1878, Bnd. XIII, 193—223, 239—320.

Единственная сколько-нибудь удовлетворительная біографія Голицына, такъ какъ очеркъ Терещенка сильно уже устарѣлъ, а статья Погодина касается Голицына лишь эпизодически. О характерѣ и программѣ настоящей монографіи можно судить по тѣмъ главамъ, на какія она разбита: Einleitung. Laufbahn bis 1682. Bildung und Lebensweise. Golizyn als Staatsmann. Golizyn als Feldherr. Katastrophe. Verbannung und Tod.

44. Die Frauenfrage in Russland im Zeitalter Peters des Grossen. *Russ. Revue* Bnd. XV, 1879, 97—130.

Предварительно дается бѣглый обзоръ положенія русской женщины до-Петровской Руси.

45. Частныя письма въ Россіи въ эпоху преобразования (1675—1725). *Ноев* 1885, № 4 (15-го дек. 1884), 597—610, № 5 (1-го янв.), 50—57.

Популярное изложеніе, на основаніи „Писемъ русскихъ государей“. Устрялова, писемъ царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, и проч. Къ статьѣ приложены многочисленныя факсимиле.

46. Zur Geschichte der didaktischen Litteratur in Russland im XVIII Jahrh. *Russ. Revue* 1876, VII, 377—414; 1876, VIII, 267—287; IX, 189—211.

Характеръ и анализъ взглядовъ Посошкова („Завѣщаніе отеческое“) и сопоставленіе ихъ съ Домостроемъ; такой же разборъ

„Письма неизвѣстнаго къ сыну, находящемуся въ Голландіи, въ 1709 г., съ доказательствомъ, что оно составлено не Посошковымъ. Далѣе разборъ книги: „Юности честное зеркало. С.-Пб. 1717“, и завѣщанія Татищева.

47. Russisches Postwesen im XVII u. XVIII Jahrhundert. *Zeitschrift für allgem. Geschichte* 1884, Heft XII, 891—908.

48. *Cultarhistorische Studien*. I. Die Russen im Auslande im XVII—ten Jahrh. II. Die Ausländer in Russland im XVII—ten Jahrh. Riga. 1878. 104+95.

Перепечатка двухъ статей, помѣщенныхъ подъ соответствующими заглавіями въ *Baltische Monatsschrift* 1877 (см. выше №№ 16, 36).

49. Bilder aus Russlands Vergangenheit. Erster Band. Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Lpzg. 1887, 451 стр.

Собрание журнальныхъ статей автора: 1: Zur Naturgeschichte der Präntendenten.—2. Die Pest in Russland 1654.—3. Die Herstellungskosten eines Buches im Jahre 1649.—4. Des Patriarchen Nikon Ausgabebuch 1652.—5. Eine russische Gesandtschaftsreise nach Italien (1656—1657).—6. Eine russische Gesandtschaft in Paris im Jahre 1681.—7. Ein Kleiderreformprojekt vor Peter dem Grossen.—8. Laurentius Rinhuber.—9. Fürst W. W. Golizyn (1648—1714).—10. Patrick Gordon (1635—1699).

50. Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Gotha 1888. 598 стр.

Одно изъ наиболѣ крупныхъ произведеній Брикнера. Горячій поклонникъ реформъ Петра Великаго, авторъ черезъ всю книгу проводить мысль о громадномъ значеніи западно-европейской цивилизаціи въ прогрессивномъ развитіи русскаго государства. Авторъ вновь пересмотрѣлъ всѣ свои прежнія работы по этому вопросу и объединилъ ихъ въ одною трудъ. Печатные отзывы о книгѣ далеко не одинаковы: въ то время какъ одни принимаютъ положенія автора, другіе, наоборотъ, находятъ слишкомъ преувеличеннымъ значеніе, которое придаетъ онъ иностранцамъ, особенно балтійскимъ иѣмцамъ. Книга появилась въ началѣ реформъ Прибалтійскаго края и многіе хотѣли видѣть въ ней отраженіе политическихъ взглядовъ и симпатій Брикнера.

51. *Geschichte Russlands bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts*. Band I. Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896. 638 стр.

Изъ серіи „Geschichte der europäischen Staaten“, начатой Геееренъ-

Укертомъ и нынѣ продолжаемой Ланпребтомъ. Выше было отмѣчено, что трудъ этотъ задуманъ въ двухъ томахъ. Оцѣнка его не можетъ быть сдѣлана въ двухъ словахъ, а потому ограничиваемся однимъ краткимъ замѣчаніемъ: книга имѣетъ въ виду *не русскихъ* читателей; въ первой половинѣ ея не мало заимствованій изъ „*Europa'siehung Russlands*“, въ полной однако переработкѣ прежняго матеріала. Все сочиненіе распадается на пять частей: I. *Европа и Россія* (географическое открытіе Россіи; политическое сближеніе; впечатлѣніе и сужденія). II. *Страна и народъ* (земля; отношенія племенные). III. *Византія*. IV. *Вліяніе татарское*. V. *Россія и Европа* („Западники“ до Петра I; Петръ Великій).

IV. Финансы. Народное хозяйство.

Вопросы по исторіи финансовъ, изъ области политической экономіи также занимаютъ видное мѣсто въ работахъ покойнаго Брикнера. Обѣ диссертациі его, магистерская и докторская, посвящены какъ разъ финансовымъ вопросамъ. Въ особенности съ любовью изучалъ онъ Посошкова. Едва ли не съ него и началъ Брикнеръ вообще свои занятія русскою исторіею по окончаніи университетскаго курса за-границей. Впрочемъ Брикнеръ не ограничивался одними только экономическими теоріями Посошкова, у него есть статьи, гдѣ, анализируя его вообще какъ представителя своего времени, онъ говоритъ о его воззрѣніяхъ на религію, церковь, школу, войско и пр.

52. Къ исторіи дѣвъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. *Историческій Вѣстникъ* 1886, № 5, 259—280.

Авторъ отмѣчаетъ современныя цѣны на сырье, на продукты промышленности, товары колониальные и книги. Кромѣ того знакомитъ съ почтовою таксою.

58. Des Patriarchen Nikon Ausgabebuch, 1652. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Russlands. *Balt. Monatschr.* 1873, XXII, 101—119, 197—216.

Авторъ пользуется Записною книгой патр. Никона (*Временникъ Общества Исторіи и Древностей*, 1852), какъ для характеристики самого ея владѣльца, такъ и для знакомства съ современными цѣнами на товары, съ заработной платой, съ состояніемъ тогдашней промышленности и проч.

54. Расходная книга Николая, какъ источникъ для исторiи. *Журналъ Магистерства Народнаго Просвѣщенiя* 1875, № 4, 216—235.

Анализъ и оцѣнка этого памятника.

55. Das Kupfergeld 1656—1663 in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte der Finanzkrisen. *Balt. Monatschrift* 1863, VIII; 1—43, 156—190.

Исслѣдованiе по источникамъ. Впослѣдствiи съ нѣкоторыми измѣненiями вошло въ магистерскую и докторскую диссертацию.

56. Das Kupfergeld 1656—1663 in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte der Finanzkrisen. Riga. 1863. 77 стр.

Оттискъ предыдущей статьи (№ 55).

57. Мѣдные деньги въ Россiи 1656—1663 и денежные знаки въ Швеции 1716—1719. С.-Пб. 1864. 129 стр.

Магистерская диссертациа. Собственно два отдѣльныхъ изслѣдованiя. Авторъ счелъ возможнымъ соединить ихъ въ одну книгу, находитъ большое сходство между обоими эпизодами по мотивамъ, ихъ вызвавшимъ, мѣрамъ, принятымъ для осуществленiя задуманныхъ проектовъ, и послѣдствiямъ, какiя повлекло за собою ихъ осуществленiе.

58. Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen. Dorpat. 1867. 268 стр.

Докторская диссертациа. Содержанiе:

Das Kupfergeld in Russland. 1656—1663. 2) Die Fünfkopekenstücke in Russland. 1723—1756. 3) Zwei Kupfergeldprojecte (I. Possoschkow. M. Awramow). 4) Die Münzzeichen in Schweden. 1716—1719.

59. Ein Finanzpolitiker in Russland im XVII Jahrhundert. *Russ. Revue* 1891. Bnd. XXXI, 292—333.

Анализъ воззрѣнiй Крижанича, какъ финансиста.

60. Iwan Possoschkow. *Balt. Monatschrift* 1862. VI, 81—92, 143—172, 308—348, 417—448.

61. Possoschkow's Ansichten über das Heerwesen. Ein Beitrag zur Geschichte der Militärfrage. *Balt. Monatschrift* 1863. VII, 54—92.

Эта статья и предыдущая (№ 60) первая по времени въ ряду цѣлаго ряда послѣдующихъ работъ Брикнера, посвященныхъ знаменитому современнику Петровскихъ преобразованiй.

62. Zur Geschichte der Nationalökonomie in Russland. *Nordische Revue* 1864. Bnd. I, 135—167.

Объ Иванѣ Пососшковѣ.

63. О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Ивану Посошкову. *Русскій Вѣстникъ* 1874, № 8, 779—826.

Авторъ отвергаетъ соображенія Погодина, будто бы изданное послѣднимъ „письмо неизвѣстнаго къ сыну въ Голландію“ написано Посошковымъ; „одно лишь недоразумѣніе, а именно неясность заглавія въ изданіи Розанова, было причиною ошибочнаго приписанія Посошкову этого сочиненія“.

64. Иванъ Посошковъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875, №№ 9, 10; 1876, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7.

Самое обширное и обстоятельное изслѣдованіе о Посошковѣ не только изъ всего того, что написано Брикнеромъ, но и вообще во всей литературѣ. Приведа библиографію своего предмета и сообщивъ свѣдѣнія о жизни Посошкова, авторъ специально переходитъ къ изученію его, какъ экономиста, по слѣдующимъ рубрикамъ: Развитіе науки о хозяйствѣ на Западѣ до XVIII вѣка. Наука о хозяйствѣ въ Россіи до Посошкова. Домострой. Ю. Крижаничъ. Петръ Великій. Обще-экономическія воззрѣнія Посошкова. Мысли Посошкова о торговлѣ и промышленности, земледѣліи и финансахъ.

65. Иванъ Посошковъ. Часть I. Посошковъ, какъ экономистъ. С.-Пб. 1876. 369 стр.

Простой оттискъ предыдущей статьи (№ 64). Работа въ этомъ видѣ была удостоена Уваровской преміи.

66. Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви. *Русскій Вѣстникъ* 1878, № 6, 465—532.

67. Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи. *Русскій Вѣстникъ* 1878, № 8, 529—549.

68. Мнѣнія Посошкова о войскѣхъ. *Русскій Вѣстникъ* 1879, № 3, 5—35.

69. Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ. *Русскій Вѣстникъ* 1879, № 6, 491—529.

70. Мнѣнія Посошкова. М. 1879. 161 стр.

Оттискъ четырехъ статей, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1878—1879 гг. и отмѣченныхъ выше подъ №№ 66—69. На эти „Мнѣнія“ можно смотрѣть, какъ на „вторую“ часть (ср. № 65) труда о Посошковѣ.

71. Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. Leipzig. 1878. 353 стр.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что одна часть этого сочиненія

была напечатана въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875—1876 гг., а другая въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

72. Ein Finanzproject in Russland. 1726. *Vall. Monatsschr.* 1866. XIII, 123—153.

Анализъ проекта М. П. Аврамова, напечатаннаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1856 г. подъ заглавіемъ: „Два неизвѣстные проекта Посошкова“. Съ измѣненіями вошло въ докторскую диссертацию (№ 58).

73. „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе Е. Карновича. С.-Пб. 1874“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1874, № 11, 171—182.

Рецензія, обстоятельно указывающая слабыя стороны книги.

74. Russische Geldfürsten. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte des XVIII Jahrhundert. *Historisches Taschenbuch* 1877. 5 Folge. Bnd. VII, 1—49.

Пользуясь книгою Карновича (№ 73), авторъ разсматриваетъ общее экономическое положеніе Россіи и различные способы возникновенія или упадка крупныхъ богатствъ.

75. „Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 года. И. Памлаевскаго. Одесса 1869“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1869, № 9, 160—175 (реци.).

V. Петръ Великій.

Эпоха Петра Великаго въ оцѣнкѣ Брикнера являлась тѣмъ основнымъ рубежомъ, который отдѣлилъ старую Россію отъ новой, и въ этомъ отношеніи нашъ историкъ держался значительно уже устарѣлаго, „устряловскаго“ взгляда, слишкомъ рѣзко подчеркивая азиатскую *костюсть* предшествовавшаго періода. Въ царствованіи перваго русскаго императора Брикнеръ видѣлъ прежде всего торжество тѣхъ образовательныхъ идей, которыя робко пробивали себѣ дорогу въ XVII столѣтіи; вотъ почему и 1697—1725 года онъ изучаетъ съ точки зрѣнія той же европеизаціи русскаго общества. Помимо статей, посвященныхъ этому времени и уже отмѣченныхъ выше, въ третьемъ отдѣлѣ, здѣсь можно упомянуть изслѣдованія Брикнера объ источникахъ эпохи Петра, статьи о поѣздкахъ царя за-границу, сношенія Россіи съ Франціей, біографію царевича Алексѣя и, наконецъ, большой трудъ, охватывающій царствованіе Петра Великаго во всемъ его объемѣ.

А. Матеріали о времени Петра Великаго.

76. Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго (1682—1698). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1879, №№ 8, 10, стр. 272—317, 250—285.

Въ первой половинѣ статьи разборъ рѣдкихъ и большею частью мало извѣстныхъ брошюръ и книгъ на иностранныхъ языкахъ: отзвымы о кн. В. В. Голицынѣ и о крымскихъ походахъ; брошюры о царяхъ Иванѣ и Петрѣ 1696 года; отзвымы по поводу путешествія Петра Великаго за-границу. Во второй половинѣ — донесенія дипломатовъ: барона Келлера, Лильеншерна, Чаплича, Крейзена, Геемса, Гофманна, Фюрстенберга, палскихъ нунціевъ и Рудзини.

77. Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1877—1878, №№ 10—12; 3, 6.

78. Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. С.-Пб. 1878. 182 стр.

Отгяски изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (см. № 77). Биографія Гордона и анализъ его мемуаровъ, какъ историческаго источника.

79. Patrick Gordon. Ein Beitrag zur Geschichte Russlands im XVII Jahrhundert. *Histor. Taschenbuch* 1879, 5 Folge, IX, 63—173.

Частью передѣлка, частью сокращенный переводъ работы на русскомъ языкѣ (№№ 77, 78), примѣнительно къ интересамъ нѣмецкой публики. Русский текстъ ближе къ монографіи, нѣмецкій — къ биографическому очерку. (Особенно сокращена послѣдняя глава (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878, № 6) — анализъ мемуаровъ Гордона.

80. Архивъ князя Куракина. *Вѣстникъ Европы* 1891, № 9, 310—339.

Недостатки изданія: „Архивъ князя Ѡ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціей М. И. Семевскаго. Кн. I. С.-Пб. 1890“.

81. Россія при Петрѣ Великомъ по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ дипломатовъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1874, № 1, 167—223.

Обстоятельный разборъ и оцѣнка книги: „*Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, herausgegeben von E. Herrmann. Russland unter Peter dem Grossen. Nach den handschriftlichen Berichten I. G. Vockerodt's und O. Pleyer's. Lpzg. 1872*“. Подробное развитіе мысли,

что Фокеродту, какъ историческому источнику, отнюдь нельзя въ противоположность мнѣнію Германна, придавать большаго значенія.

82. Zur Geschichte Peters des Grossen. *Russ. Revue* 1875, VI, 113—162.

Рѣчь идетъ о томъ же изданіи, что и въ предыдущей статьѣ (№ 81). Дальнѣйшее изученіе изданія Германна привело Брикнера къ убѣжденію въ большомъ сходствѣ нѣкоторыхъ страницъ Фокеродта съ извѣстнымъ „Supplément“ къ запискамъ Манштейна, безъ того, однако, чтобъ выяснитъ причины такого сходства. Группировка матеріала въ этой статьѣ иная: что измѣнено, что дополнено. Вообще положенія свои авторъ развилъ подробнѣе. Въ концѣ статьи Брикнеръ полемизируетъ съ Германномъ по поводу брошюры послѣдняго „I. G. Vockerodt und der Professor für russische Geschichte zu Dorpat A. Brueckner. Eine Entgegnung von Ernst Herrmann, Professor zu Marburg. (Als Manuscript gedruckt“), оспаривающей справедливость взглядовъ Брикнера на Фокеродта, высказанныхъ имъ въ русской статьѣ своей въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

83. Nachtrag zur Abhandlung über I. G. Vockerodt. *Russ. Revue* 1875, VI, 248—249.

Указанія на свѣдѣнія о Фокеродтѣ въ „Sammlung Russischer Geschichte“.

84. Записка о Фокеродтѣ. *Древняя и Новая Россія* 1875, № 11, 269—276.

По поводу высокой оцѣнки, сдѣланной Фокеродту въ *Русскомъ Архивѣ*, авторъ снова возвращается къ прежней темѣ и даетъ новыя подтвержденія независимости Фокеродта и зависимости его отъ Манштейна ¹⁾.

85. Хр.-Фр. Веберъ. (Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1881, №№ 1, 2, стр. 45—78, 179—221.

Въ основу положены записки Вебера „Das veränderte Russland“ и „Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Fr.-Chr. Webers herausgegeben von D-r. E. Herrmann. Leipzig. 1880“. Брикнеръ даетъ очеркъ жизни и дѣятельности Вебера въ Россіи и анализъ его мемуаровъ, какъ источника

¹⁾ Для оцѣнки полемики Брикнера съ Германномъ о Фокеродтѣ не безполезно будетъ записка Козера въ *Histor. Zeitschrift* 1876, XXXIX, 670—677.

по русской исторіи. Оцѣнка и изложеніе содержанія изданной Германномъ книги даетъ автору поводъ возобновить споръ о Фокеродтѣ и другихъ пунктахъ разногласія.

86. Iule's Tagebuch въ *Hamburger Correspondent*, 1894.

В. Царствованіе Петра Великаго.

87. Peter der Grosse. Mit Portraits. Berlin. 1879. 578 стр. (въ „*Oschken's Allgem. Geschichte in Einzldarstellungen*“).

88. Zur Geschichte Peter's des Grossen. *Hist. Zeitschrift* 1881, XLV, 468—487.

Отвѣтъ на рецензію Ширрена, написанную послѣднимъ на „*Peter der Grosse*“ (№ 87),—въ *Göttinger Gelehrten Anzeigen* 1880, Stück 30.

89. Исторія Петра Великаго. С.-Пб. 1882. 686 стр.

Это — не переводъ, но передѣлка, по той же программѣ, нѣмецкаго сочиненія. Почти половина книги посвящена событіямъ 1672—1700 г.г.; изложенію внѣшней политики — цѣлая треть. Наименѣе подробно переданы реформы Петра и вообще внутренній строй Россіи; при томъ же это самая слабая часть всего сочиненія. Въ основу положены данныя, собранныя у Соловьева и Устрялова. Хотя довольно много мѣста удѣлено свидѣтельствамъ иностраннымъ, но среди такихъ не мало, по своему значенію, второстепенныхъ. Весь трудъ въ его цѣломъ далеко не безупреченъ, что до извѣстной степени, конечно, и обусловило вышеупомянутую рѣзкую оцѣнку Ширрена. Къ книгѣ Брикнера можно, однако, приложить и другую мѣрку: до сихъ поръ это пока единственное въ нашей литературѣ сочиненіе, доступное широкому кругу образованныхъ читателей, которое, охватывая все царствованіе, опиралось бы въ то же время въ своихъ выводахъ на *научную* разработку вопроса. Трудъ Устрялова, какъ извѣстно, не доведенъ до конца; соответственные томы „Исторіи Россіи“ Соловьева написаны въ ббльшей своей половинѣ для специалистовъ, и потому можно только благодарить Брикнера за то, что онъ пошелъ на встрѣчу потребностямъ русской читающей публики. Текстъ обилуетъ иллюстраціями и вообще изданъ съ большимъ стараніемъ.

90. Американецъ о Петрѣ Великомъ. *Носъ* 1888, г. 4-й, XIX, № 3, 119—132.

Оцѣнка сочиненій Скайлера: „*Peter the Great as Ruler and Reformer*“ (*Scribner's Monthly Illustrated Magazine for the people*) и

„Peter the Great, Emperor of Russia. A Study of historical biography. 2 vls“. Изъ первой статьи заимствованы нѣкоторые рисунки.

91. Die Reise Peters des Grossen in's Ausland. 1697 und 1698. *Russ. Revue*, 1879, XIV, 37—63, 97—135, 193—246.

Авторъ подробно слѣдитъ за всѣмъ путешествіемъ отъ его начала до конца.

92. Петръ Великій въ Дрезденѣ въ 1698, 1711 и 1712 гг. *Русская Старина*, 1874, XI, 727—734.

По архивнымъ матеріаламъ, опубликованнымъ въ „Archiv für sächsische Geschichte“, Bnd. XI (Lpzg. 1873), стр. 337—351.

93. Путешествіе Петра Великаго за-границу въ 1711 до 1717. *Русскій Вѣстникъ*, 1880, №№ 11, 12, стр. 5—49, 567—597; 1881, №№ 1, 2, 3, стр. 156—201, 619—658, 53—101.

Историческій очеркъ, въ которомъ сведены разнообразныя матеріалы, разсѣянные по изданіямъ русскимъ и иноземнымъ.

94. Петръ Великій и князь Меншиковъ въ Гамбургѣ въ 1713 г. *Историческій Вѣстникъ* 1894, № 5.

95. Peter's des Grossen Briefwechsel mit Katharina. *Histor. Taschenbuch* 1880, 5 Folge, X, 173—237.

Тема и матеріалъ тѣ же, что и въ „Частныхъ письмахъ“ (см. выше № 45), но здѣсь они разработаны гораздо обстоятельнѣе.

96. Der Zarewitsch Alexei (1690—1718). Mit einem Porträt Alexei's nach Dinglinger. Heidelberg. 1880. 243 стр.

Биографическій очеркъ на основаніи опубликованныхъ до 1880 г. матеріаловъ.

97. Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. *Историческій Вѣстникъ* 1880, т. III, 146—158.

98. Россія и Европа при Петрѣ Великомъ. *Историческій Вѣстникъ* 1880, т. II, 409—434.

Бѣглый обзоръ главныхъ моментовъ: Нарва. Полтава. Кризисъ на Сѣверѣ. Императорскій титулъ.

99. Aktenstücke zur Geschichte der Beziehungen zwischen Russland und Frankreich 1681—1718. *Russ. Revue* 1883, XXII, 1—31, 125—131.

100. Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ. *Журналъ Министертва Народнаго Просвщенія* 1883, №№ 2, 5, 8, стр. 264—300, 14—50, 109—187.

Статья написана, какъ и предыдущая (№ 99), на основаніи доне-

сеній французскихъ дипломатическихъ агентовъ съ 1681 по 1717 г., напечатанныхъ въ 34 т. Сборника Русскаго Историческаго Общества. Авторъ ставитъ цѣлью указать на значеніе этихъ донесеній и „отвѣтить на вопросъ: насколько это изданіе прибавило свѣдѣній ко всему тому, что и прежде было извѣстно объ отношеніяхъ между Россіей и Франціей за указанное время“. Соответственно этому онъ разсматриваетъ: 1) сношенія за 1681 и 1712, 2) донесенія де-Лави (1715—1718) и 3) путешествіе Петра во Францію 1717 г. Свои сопоставленія и замѣчанія Брикнеръ аргументируетъ, привлекая кромѣ названныхъ матеріаловъ еще и другіе. Что же касается до статьи въ *Russische Revue*, то она есть популярное и сокращенное изложеніе предмета.

101. Французскіе дипломаты въ Россіи (1719—1721). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, № 8, 270—290.

Эту статью можно разсматривать, какъ дополненіе къ предыдущей (№ 100), по поводу позднѣе появившагося продолженія донесеній французскихъ дипломатовъ въ 40 т. Сборника Русскаго Историческаго Общества.

VI. Послѣ Петра.

Государственный строй, сфера социальныхъ отношеній, область такъ называемой „внутренней политики“, какъ мы уже видѣли, мало привлекали къ себѣ вниманіе Брикнера; онъ отдавалъ предпочтеніе біографическимъ подробностямъ, и сфера придворной, дипломатической жизни разрабатывалась имъ гораздо охотнѣе. Въ этомъ отношеніи XVIII вѣкъ въ русской исторіи, вѣкъ дворцовыхъ революцій, случайныхъ людей, „блестящій вѣкъ Екатерины“, конечно, обеспечивалъ ему богатую жатву. Въ предѣлахъ первыхъ 30—40 лѣтъ по смерти Петра Великаго, особенно подробно изслѣдовалъ Брикнеръ судьбу несчастнаго малютки Іоанна Антоновича и его родственниковъ; кромѣ того онъ далъ обширную біографію Петра III-го до его воцаренія, а по переѣздѣ въ Іену, сосредоточился почти исключительно на эпохѣ ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, готовя, какъ было уже упомянуто, обширную исторію Россіи 1725—1762 гг. Работая въ теченіе многихъ лѣтъ надъ составленіемъ этого труда, который по его плану долженъ былъ умѣститься не менѣе какъ въ трехъ томахъ, Брикнеръ, разумѣется, имѣлъ случай не разъ—подобно тому какъ онъ это дѣлалъ во время работъ своихъ надъ „Петромъ“ или „Екатериной“—монографически изслѣдовать отдѣльные частные вопросы и печатать

ихъ въ формѣ самостоятельныхъ этюдовъ и очерковъ. Таковы напримѣръ работы его, ниже помѣщенные подъ №№ 105—109, 113, 114 или 120,—и вездѣ въ нихъ объ остается вѣренъ себѣ: это исторія личностей, придворныхъ событій, дипломатическихъ переговоровъ и козней, но не исторія общества, государства въ собственномъ значеніи этого слова.

102. Zur Naturgeschichte der Prätendenten. Historische Skizzen. *Nord. u. Sud* 1880, Band XV, 254—273.

Царственныхъ претендентовъ авторъ дѣлитъ на двѣ категоріи: законныхъ (die Echten) и самозванныхъ (die Falschen), приводя примѣры какъ изъ всеобщей, такъ и (преимущественно) изъ русской исторіи XVII и XVIII вѣк.

103. Zur Geschichte des russischen Hofes im XVII u. XVIII Jahrhundert. *Russ. Revue* 1889, XXIX, 471—512.

Для XVII вѣка авторъ пользовался Котошихинимъ и классическимъ трудомъ И. Е. Забѣлина; для XVIII вѣка—книгою: „Внутренній бытъ русскаго государства 1740—1741 гг.“ и нѣкоторыми другими. Задачею его было рассмотреть внѣшнюю обстановку придворной жизни и такія стороны ея какъ: придворный штатъ, дворцовыя зданія, одежда, столъ, сады, музыка и театръ, охота, верховая ѣзда, праздники, словарь иностранныхъ словъ. По каждой изъ этихъ рубрикъ дѣлаются сопоставленія одного вѣка съ другимъ.

104. Roman und Geschichte. Beilage zur *Allgemeinen Zeitung* 1894, № 329. Beilage-Nummer 275.

Авторъ показываетъ ненаучность и поверхностность въ обработкѣ предмета книги В. Stern, „Die Romanows. Intime Episoden aus dem russischen Hofleben. Berlin 1893“, рассчитанной на любителей скандальныхъ исторій.

105. Австрійскіе дипломаты въ Россіи. По документамъ Вѣнскаго архива. *Вѣстникъ Европы* 1893, № 12, 506—558.

Одинъ изъ первыхъ по времени подготовительныхъ этюдовъ по составленію исторіи Россіи по смерти Петра Великаго. Содержаніе: Гогенгольцъ, Рабутинъ. Денежные вопросы, подкупъ. Императорскій титулъ. Австро-русскія дѣла. Англія, Пруссія, Турція.

106. Императрица Екатерина 1725—1727. По документамъ Вѣнскаго архива. *Вѣстникъ Европы* 1894, №№ 1, 2; 121—148, 615—646.

Содержаніе вполне соответствуетъ заголовку: рѣчь идетъ именно о самой Екатеринѣ, о ея личной жизни и отношеніяхъ къ окружаю-

щимъ (воцареніе, Меншиковъ и герцогъ Голштинскій, курляндскій вопросъ, прозкъ брака княжны Меншиковой съ великимъ княземъ, заговоръ Девіера и Толстого).

107. Россія и Данія при императрицѣ Екатерины I (по документамъ датскаго архива). *Русская Мысль* 1896, №№ 2, 3, 7, 9; 39—60, 41—56, 104—118, 24—33.

Статья составлена по донесеніямъ датскаго посла Вестфалена, и авторъ первыя двѣ главы своей монографіи посвящаетъ изслѣдованію положенія его при русскомъ дворѣ и отношеніямъ къ тогдашнему дипломатическому корпусу въ Петербургѣ. Новый матеріалъ даетъ Брикнеру возможность пересказать исторію воцаренія Екатерины I, роль голштинскаго герцога Карла-Фридриха, разрывъ, угрожавшій вовлечь Россію въ войну съ Даніей, положеніе великаго князя при дворѣ и, наконецъ, совершившюся перемѣну на престолѣ.

108. Русскій дворъ при Петрѣ II. 1727—1730. По документамъ Вѣнскаго архива. *Вѣстникъ Европы* 1896, №№ 1, 2, 3; 99 — 126, 559 — 598, 7—44.

Статья совершенно такого-же характера, какъ и три предыдущихъ (№№ 105—107): Очерчена личность молодого царя и его воспитаніе; владычество и паденіе Меншикова; рассказано о Долгорукихъ, царицѣ Евдокіи, великихъ княжнахъ Натальѣ Алексѣевнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, сговоръ Петра съ княжной Долгорукой, болѣзнь и кончина.

109. Русскій дворъ въ 1728—1733 гг. По донесеніямъ англійскихъ резидентовъ. *Историческій Вѣстникъ* 1891, № 10, 36—63.

Разработка данныхъ, изданныхъ въ 36 т. Сборника Русскаго Историческаго Общества.

110. Die Thronbesteigung der Kaiserin Anna im Jahre 1730. *Мисл. Revue* 1882, XX, 1—42.

Авторъ даетъ оцѣнку книги проф. Корсакова „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань 1880“, и показываетъ, что новаго внесла она въ литературу.

111. „Записки Магштейна о Россіи 1727 — 1744. Переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи Магштейна. Приложение къ *Русской Старинѣ* изд. 1875. С.-Пб. 1875“. *Древняя и Новая Россія* 1876, № 9, 85 — 86 (рец.).

112. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій въ Россіи (1728—1745). *Историческій Вѣстникъ* 1893, № 4, 169—176.

По книгѣ *E. Schulze*: „Lebensbeschreibung des Prinzen L. G. v. Hessen-Homburg. Homburg 1892“.

113. Дипломатія въ манежѣ (по документамъ, заимствованнымъ изъ саксонскаго архива въ Дрезденѣ). *Историческій Вѣстникъ* 1893, № 11, 559—565.

О Виронѣ, любимцѣ императрицы Анны Иоанновны.

114. Паденіе Вирона. 1740 (по новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). *Новое Слово* 1896, № 3 (декабрь), 207—226; 1896, №№ 4, 6, 8, стр. 134—152, 25—45.
115. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807). *Русскій Вѣстникъ* 1874, №№ 10, 11; 503—559, 102—191.

Въ этой обстоятельной монографіи авторъ изложилъ судьбы Брауншвейгской фамиліи до 1807 г. и далъ подробный разборъ Шмессельбургской катастрофы, съ критикой всѣхъ относящихся до нея историческихъ свидѣтельствъ.

116. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741 — 1807). Москва 1876. 149 стр.

Оттиски предыдущей (№ 115) статьи.

117. Die Familie Braunschweig in Russland im XVIII Jahrhundert. *Russ. Revue* 1874, V, 97—147, 213—256, 309—345.

Нѣмецкій текстъ русской статьи (№ 115).

118. Тоже: Nachträge. *Russ. Revue* 1876, VIII, 364—380.

На основаніи вновь появившихся или ранѣ ускользнувшихъ отъ вниманія автора данныхъ: 1) Das Schreiben der Prinzessin Katharina an der Kaiser Alexander. 2) Ioann Antonowitsch und Friedrich der Grosse. 3) Die Bedienung der Familie Br. in Cholmogory. 4) Ioann Ant. und Elisabeth im Jahre 1756. 5) Ioann Ant. und Peter III.

119. Die Familie Braunschweig in Russland im XVIII Jahrhundert. St.-Pt. 1876. 148 стр.

Отдѣльные оттиски двухъ предыдущихъ №№ 117 и 118. Такимъ образомъ отдѣльное нѣмецкое изданіе поляѣ русскаго.

120. Родственники императора Ивана Антоновича. *Русскія Вѣдомости* 1895, №№ 225, 230.

Авторъ исправляетъ и дополняетъ прежнюю свою монографію новыми свидѣніями, на основаніи новой книги *Früsa (H. E. Friis, Det russiske Fyrstehof i Horsens fra 1780 til 1807. Kjöbenhavn. 1895.*

121. Die Familie Rasumowskij. *Russ. Revue* 1887, XXVII, 432—468.

По книгѣ А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ. I—IV. С.-Пб. 1880—87“.

122. *A. Wassilchikow. Les Razoumowski. Édition française par A. Brückner.*
3 vls. Halle. 1893—1894.

Второй томъ состоитъ изъ 4 отдѣльныхъ частей; такимъ образомъ все изданіе въ 6 книгахъ. Брикнеру принадлежитъ только редакція изданія, въ которомъ онъ, имѣя ввиду не русскихъ читателей, счелъ болѣе удобнымъ выкинуть нѣкоторыя подробности, находящіяся въ русскомъ: письма и документы приведены лишь въ извлеченіи, равно и дипломы на званіе, рядныя, описи и т. п. Отъ себя онъ прибавляетъ нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній къ тексту и генеалогическую таблицу рода Разумовскихъ.

123. Семейство Разумовскихъ. *А. А. Васильчикова.* Томъ пятый. Приложение къ биографіи князя А. К. Разумовскаго. Изданіе *А. Брикнера.*
С.-Пб. 1894. 398 стр.

Въ этомъ трудѣ Брикнеру принадлежитъ только редакція при изданіи матеріала, собраннаго не имъ, и составленіе указателя къ III—V томамъ всего изданія.

124. Новые изданія по вопросу о началѣ семилѣтней войны. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1872, ч. 163, стр. 125—193.

Разборъ книги *Л. Ранке: „Ursprung des siebenjährigen Krieges“* и 3-го тома „Архива князя Воронцова“. Особенно любопытенъ анализъ послѣдней книги. Въ то время какъ относительно Ранке Брикнеръ ограничивается краткою передачею содержанія, матеріалы Воронцовскаго архива сопоставляются и провѣряются имъ съ помощью другихъ данныхъ.

125. *Russische Actenstücke zur Geschichte des Jahres 1756. Balt. Monatschrift* 1872, XXI, 305—332.

Изъ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи, по бумагамъ „Елизаветинской конференціи“ („Архивъ князя Воронцова“ т. III). Затронута та же тема, что и въ предыдущей статьѣ, но (и это можетъ служить образцомъ вообще того, какъ обрабатывалъ Брикнеръ свои статьи примѣнительно къ читателямъ того или другаго журнала) статья въ *Russische Revue* изложена популярно, въ видѣ разказа; въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* — имѣлся въ виду читатель-специалистъ.

126. Жизнь Петра III до вступленія на престолъ. *Русскій Вѣстникъ* 1882, № 11, 5—53; 1883, №№ 1, 2, 10, 12; 184—242, 711—755, 473—521, 509—548.

Характеръ и основное содержаніе этой обширной монографіи бу-

деть всего виднѣе изъ перечня ея оглавленія: часть I: *Молодость* (1728—1744). Родители Петра. Его рожденіе. Петръ какъ претендентъ на русскій престолъ. Воспитаніе въ Килѣ. Путешествіе въ Россію. Принятіе православія. Вопросъ о шведской коронѣ. Болѣзни (№ 11). Часть II. *Невѣста Петра III* (1743 и 1745). Молодость невѣсты Петра. Сватовство. Повѣдка Ангальтъ-Цербстскихъ принцессъ въ Россію. Первое время пребыванія Екатерины въ Москвѣ. Принятіе Екатериной православія. Обрученіе. Время до свадьбы. Свадьба. Возвращеніе Иоганны-Елизаветы въ Германію (№ 1). Часть III: *Бракъ Петра* (1745—1761). Отзыви о Петрѣ. Занятія Екатерины. Заключеніе (№ 2). Часть IV: *Участіе Петра и Екатерины въ дѣлахъ политическихъ до 1762 г.* Зависимость Петра отъ императрицы. Дѣло Батурина. Зависимость Екатерины отъ императрицы. Отношеніе Петра къ политическимъ дѣламъ. Политическая дѣятельность Екатерины (№ 10). Дѣло Апраксина. Паденіе Вестужева. Екатерина, Елизавета и Петръ. Вопросъ о престолонаслѣдін (№ 12).

127. „П. Дуринъ. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія. 1729—1761. Историческій очеркъ С.-Пб. 1885“. *Историческій Вѣстникъ*. 1885, № 5, 463—466.

Брикнеръ показываетъ, что авторъ названной книги всѣ свои данныя основалъ и извлекъ изъ его работъ, списывая отсюда ссылки даже на такія сочиненія, которыми пользовался онъ, Брикнеръ, но которыхъ не было въ рукахъ у него, Дарина.

128. Zur Geschichte Peters III und Katharinas II nach den neuesten Publikationen der Kaiserlich Russischen Historischen Gesellschaft *Russ. Revue* 1877, XI, 1—35.

По донесеніямъ графа Мерси д'Аржанто и англійскихъ пословъ (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества тт. XII, XVIII и XIX): анализъ этихъ данныхъ.

129. Императоръ Петръ III (по депешамъ гр. Мерси). *Древняя и Новая Россія* 1878, № 11, 177—200.

Авторъ слѣдитъ за отношеніями Россіи къ Пруссіи и Австріи, даетъ характеристику Петра III, рисуеъ общее недовольство противъ государя и, наконецъ, говоритъ о переворотѣ 28-го іюня.

130. Антоиъ-Фридрихъ Бюшингъ. *Историческій Вѣстникъ* 1886, № 7, 5—26.

Пребываніе и дѣятельность Бюшинга въ Россіи, главнымъ обра-

зомъ по сочиненію „*A. F. Büsching's. Eigene Lebensgeschichte. Halle 1789*“.

131. (Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ приложений къ журналу *Нива* Брикнеръ помѣстилъ статью, составленную по запискамъ ювелира *Полье*).

VII. Екатерина II.

Самый обширный отдѣлъ сочиненій Брикнера. Съ особенной любовью останавливался Брикнеръ на личности императрицы Екатерины, на ся приближенныхъ (Потемкинъ), перепискѣ и путешествіяхъ. Столь же обстоятельно изслѣдована имъ и внѣшняя политика Екатерининскаго царствованія,— правда, не отношенія къ Польшѣ, которыхъ онъ почти не касался, а къ Австріи, Турціи и особенно къ Швеции. Русско-шведская война 1788—1790 гг. изучена Брикнеромъ въ цѣломъ рядѣ монографій, очерковъ, рецензій и замѣтокъ; при чемъ знакомство съ шведскимъ языкомъ обезпечило его работамъ привность данныхъ, далеко не всегда встрѣчающихся въ русскихъ историческихъ трудахъ.

А. Личность императрицы. Внутренняя политика.

132. *Katharina die Zweite. Mit Portraits und Illustrationen. Berlin. 1883. 642 стр.* (изъ *Oucken's Allgem. Geschichte in Einzeldarstellungen*).
133. *Исторія Екатерины Второй. 1 томъ въ V частяхъ. Съ 300 гравюрами и украшениями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами. С.-Пб. 1885. 801 стр.*

Передѣлка, по той же программѣ, нѣмецкой книги (№ 132). И здѣсь, какъ въ сочиненіи о Петрѣ Великомъ, изложеніе внутренней политики русскаго государства оставляетъ желать большей полноты и обстоятельности. Гораздо лучше изложены исторія войнъ и сношенія дипломатическія.

134. *Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina II. Russ. Revue 1876, VII, 139—164, 193—214.*

Материаломъ автору служатъ записки *Храповицкаго*, по изданію г. *Барсукова*, специально указанію недостатковъ котораго (то есть издавія) посвящены стран. 197—214 этой статьи.

135. *Объ изданіи дневника Храповицкаго. Держь. 1876. 27 стр.*

Статья въ *Russische Revue* (№ 134) вызвала антикритику г. Бар-

сукова (*Русскій Архивъ* 1875 г. № 11), которую въ свою очередь парируетъ Брикнеръ въ этой брошюрѣ.

136. Archivalien zur Geschichte Katharina II. *Russ. Revue* 1881, XVIII, 134—158.

Анализъ бумагъ Екатерины въ VII, X, XIII и XXVII тт. Сборника Русскаго Историческаго Общества.

137. Neue Beiträge zur Geschichte der Kaiserin Katharina II. *Russ. Revue* 1885, XXV, 381—433.

Разборъ послѣдняго тома бумагъ Екатерины (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, XI, II). Кромѣ того отмѣчены недостатки самаго изданія.

138. Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina II. Ihre Briefe an Grimm *Russ. Revue* 1880, XVI, 419—451, 481—506.

По 23-му тому Сборника Русскаго Историческаго Общества, гдѣ помѣщены письма Екатерины къ Гримму за 1774—1796 гг.

139. Zur Geschichte Katharina II. *Russ. Revue* 1881, XVIII, 60—75.

Анализъ писемъ Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XXXII).

140. Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманомъ. 1784—1791. *Русская Старина* 1837, т. 54, 271—291, 591—612.

Авторъ пользовался неизданными письмами Циммермана къ императрицѣ Екатеринѣ, хранящимися въ королевской библиотекѣ въ Ганноверѣ, и на основаніи ихъ, привлекая сюда и другіе матеріалы, печатные, дѣлаетъ очеркъ сношеній Циммермана съ русскою государыней.

141. Екатерина II и докторъ М. А. Вейкардъ въ 1784—1789 гг. *Русская Старина* 1891, № 12, 531—564.

142. Zur Geschichte der Kaiserin Katharina II. *Russ. Revue* 1878, XII, 1—26.

Разборъ и оцѣнка: 1) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XX (переписка Екатерины II съ Фридрихомъ II), 2) *Я. Гротъ*, Екатерина II и Густавъ III. С.-Пб. 1877. 3) *Я. Гротъ*. Филологическія занятія императрицы Екатерины II (*Русскій Архивъ* 1877).

143. Первые годы царствованія Екатерины II (по депешамъ голландскаго резидента Мейнерцагена). *Историческій Вѣстникъ* 1884, № 10, 5—24.

Авторъ пользуется статью *А. Клейншмитта*: „Vom Tode Peters III bis zum Tode Iwan's VI“ (*Russ. Revue*, XXIII, 534—559), гдѣ были

впервые сообщены депеши Мейнерцгагена, и извлекаетъ оттуда новыя данныя, обрабатывая ихъ съ помощью другихъ печатныхъ матеріаловъ.

144. Новыя данныя для исторіи начала царствованія Екатерины II. *Историческій Вѣстникъ* 1886, №№ 11, 12, стр. 336—351, 537—550.

По депешамъ австрійскаго посла графа Мерси д'Аржанто (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, XXXVII).

145. Arsenij Mazejowitsch, ein Beitrag zur Geschichte des Kampfes zwischen Staat und Kirche unter der Regierung Katharina II. *Russ. Revue* 1880, XVI, 39—62.

По поводу книги В. С. Иконникова: „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ Ростовскій (1697—1772). Эпизодъ изъ исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Россіи. С.-Пб. 1879“.

146. Путешествіе императрицы Екатерины II въ Прибалтійскій край 1764 г. *Ночь* 1886, №№ 21, 22, 2—16, 152—165.

Очеркъ, снабженный многочисленными иллюстраціями.

147. Большая коммиссія (1767—1768 г.). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1881, №№ 9, 10, 12; стр. 1—23, 260—287, 191—218

Разсмотрѣна литература вопроса, попытки прежнихъ кодификацій и наказъ императрицы, выборъ депутатовъ и составъ коммиссіи, депутатскіе наказы, внѣшній ходъ и очередь занятій и закрытіе собранія.

148. Die Instruktion der Kaiserin Katharina II. 1767. *Russ. Revue* 1881, XVIII, 385—437.

149. Zur Geschichte der Gesetzgebung in Russland. Die Gesetzgebende Versammlung von 1767—1768. *Russ. Revue* 1882, XX, 424—459, 514—547; XXI, 31—51.

№№ 148 и 149—нѣмецкая передѣлка русской статьи (№ 147).

150. Die Verhandlungen der „Grossen Kommission“ in Moskau und St.-Petersburg 1767 — 1768. *Russ. Revue* 1883, XXII, 325—356, 411 — 432, 500—541.

Задача автора—дать общее представленіе о главныхъ моментахъ дѣятельности законодательной коммиссіи, хода и характера преній и обрисовать сословные интересы, поскольку они отразились въ этихъ преніяхъ и напечатанныхъ наказахъ. Соотвѣтственно этому весь очеркъ распадается на слѣдующіе отдѣлы: Der Adel. Kaufleute. — Bauern. — Inorodzy. Ostseeprovinzen.—Rechtspflege. Polizei.

151. Близъ М. М. Щербатовъ, какъ членъ Большой коммиссіи 1767 г. *Историческій Вѣстникъ* 1881, № 10, 217—249.

152. О чумѣ въ Москвѣ въ 1771 г. *Русскій Вѣстникъ* 1884, № 9, 10; 5—48, 502—568.

Эта обстоятельная монографія знакомитъ съ настроеніемъ народа, мѣрами правительства, съ безпорядками, съ главными дѣятелями и взглядами современниковъ на событіе.

153. Die Pest in Moskau 1771. *Russ. Revue* 1884, XXIV, 301—357, 389—484.

Переработка русской статьи (№ 145).

154. Zur Geschichte der Regierung Katharina II. *Balt. Monatsschr.* 1868, XVII, 403—432.

По книгѣ *Д. Л. Мордовцева*: „Самозванцы и понизовая вольница. Историческая монографія. 2 ч. С.-Пб. 1867“.

155. Пугачевъ. Критическій очеркъ. *Вѣстникъ Европы*. 1886, № 3, 95—113.

Оцѣнка книги *Н. М. Дубровина*: „Пугачевъ и его сподвижники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. т. I—III. С.-Пб. 1884“.

156. Эпизодъ изъ исторіи Екатерины II. Смерть великой княгини Натальи Алексѣевны (1776). *Новь* 1886, XI, № 18, 107—118.

Авторъ разбираетъ вопросъ объ участіи великой княгини въ придворныхъ интригахъ и политическихъ замыслахъ и даетъ отрицательный отвѣтъ.

157. Зельмира. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. (1782—1788) *Историческій Вѣстникъ* 1890, № 8, 9, стр. 277—303, 561—572.

Попытка разобраться въ трагической судьбѣ принцессы Августы Вартембергской.

158. Путешествіе императрицы Екатерины II въ Вышній-Волочекъ и Москву въ 1785 г. *Историческій Вѣстникъ* 1881, № 12, 681—702.

159. Путешествіе императрицы Екатерины II въ полуденный край Россіи въ 1787. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1872, № 7. 1—51.

Обстоятельное описаніе внѣшней стороны путешествія, на основаніи всего наличнаго историческаго матеріала.

160. Die Reise Katharina's II nach Südrussland im Jahre 1787. *Russ. Revue*, 1873, II, 1—33, 97—132.

Частью передѣлка, частью простой переводъ предыдущей статьи (№ 159).

161. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. *Историческій Вѣстникъ* 1885, № 7, 8, 9; стр. 5—23, 242—264, 444—509.

Новые матеріалы дали автору возможность иначе изложить тему, трактованную имъ за 13 лѣтъ передъ тѣмъ (см. 159). Теперь онъ остановился главнымъ образомъ на бюджетѣ путешествія, на спутникахъ императрицы, характерѣ придворнаго быта во время пути и на политическомъ значеніи самой поѣздки.

162. Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II (перлюстрація). *Русская Старина* 1873, VII, 75—84.

Главнымъ источникомъ автору служили записки *Храповицкаго*.

163. Potemkin's Glück und Ende. *Balt. Monatschrift* 1870, XIX, 501—532.

Первый опытъ разработки біографіи Потемкина по источникамъ.

164. „S. Iean. Lebensbeschreibung des Fürsten G. A. Potemkin des Tauriers, als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katharina II. Nach dem noch ungedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz. übersetz von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothmel. Karlsruhe. 1888“. *Deutsche Literaturzeitung* 1889 (въ первыхъ мѣсяцахъ года).

Въ этой рецензіи Брикнеръ доказываетъ, что сочиненіе подложно и во всякомъ случаѣ скорѣе компіляція позднѣйшаго времени, чѣмъ результатъ наблюденій человѣка, близкаго къ Потемкину.

165. Потемкинъ. Историческая монографія. *Ноев.* 1887, годъ 3-й, тт. XIII—XVII, № 1—19 (во всѣхъ по порядку).

166. Потемкинъ. Съ 2 портретами. С.-Пб. 1891, 276 стр.

Пересмотрѣнное и дополненное изданіе предыдущей статьи (№ 165). Книга имѣетъ въ виду не однихъ специалистовъ. Отказываясь заранее отъ полной оцѣнки Потемкина, какъ военачальника и государственнаго дѣятеля, авторъ довольствуется сообщеніемъ и освѣщеніемъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности Потемкина, преимущественно личныхъ отношеній его къ императрицѣ Екатеринѣ. Для своего труда Брикнеръ отчасти пользовался и неизданными матеріалами.

167. Новые данныя о князѣ Г. А. Потемкинѣ. *Русскія Вѣдомости* 1895, №№ 168 и 174.

На основаніи новой книги маркиза *д'Арагона*: „Un paladin au XVIII siècle. Le prince Charles de Nassau—Siegen. D'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris. E. Plon“.

Уже прямо по архивнымъ даннымъ написана статья:

166. Князь Г. А. Потемкинъ. (По запискамъ графа Ланжерона, хранящимся въ Парижскомъ архивѣ). *Историческій Вѣстникъ* 1895, т. 62, стр. 817—842.

169. Семейная хроника Воронцовыхъ. *Вѣстникъ Европы* 1887, № 8, 9, 637—672, 109—145.

На основаніи „Архива князя Воронцова“. Оцѣнка автобіографій графа А. Р. и С. Р. Воронцовыхъ и переписки П. В. Завадовскаго съ Воронцовыми.

170. Вторая половина XVIII вѣка въ письмахъ братьевъ гр. С. и А. Воронцовыхъ. *Вѣстникъ Европы* 1888, № 8. 519—547.

Тоже на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ князя Воронцова“.

171. Das Archiv des Fürsten Woronzow. *Historische Zeitschrift* 1886, LV, 207—261.

Анализъ первыхъ 30 томовъ „Архива князя Воронцова“, какъ историческаго источника, съ указаніемъ на техническіе недостатки изданія помещеннаго въ нихъ матеріала.

В. Внѣшняя политика.

172. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 48 и 51“. *Историческій Вѣстникъ* 1887, № 1, 217—223.

О недостаткахъ изданія, и не только этихъ томовъ, но и другихъ; кромѣ того бѣгло охарактеризованъ весь Сборникъ.

173. Neue Beiträge zur Geschichte der Regierung Katharina's II. *Histor. Zeitschrift* 1887, LVIII, 279—309.

Очеркъ внѣшней политики Россіи въ первые годы царствованія Екатерины II на основаніи Сборника Русскаго Историческаго Общества, (тт. 48 и 51), въ которомъ отмѣчены также и недостатки изданія.

174. Zur Geschichte über die Geschichte Polens. *Balt. Monatsschrift* 1866, XIII, 286—323.

По поводу книгъ: 1) *Smitt*, „Schlüssel zur polnischen Frage, oder warum konnte und kann Polen als selbstständiger Staat nicht bestehen? Stpg. 1865“ и 2) *Solowjew*, „Geschichte des Falles von Polen. Aus dem Russischen von I. Spörer. Gotha. 1865“.

176. Joseph und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von A. v. Arneth. Wien. 1869. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1870, ч. 150, 82—139.

Обстоятельный анализъ изданія.

176. Путешествіе императрицы Екатерины II въ Могилевъ 1780 г. *Русскій Вѣстникъ* 1881, №№ 8, 9, стр. 459—509, 311—367.

Монографія, посвященная политической обстановкѣ этой побѣды.

177. Joseph II in Russland im J. 1780. *Nord u. Süd* 1883, XXVI, 196 | 214, 343—360.

По источникамъ.

178. „L. Ranke. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Deutsche Geschichte von 1780—1790. Erster Band. Lpzg. 1871“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1871, ч. 156, 280—292 (рек.).
179. Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 г. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1873, № 7, 128—170.
180. Russlands Politik im Mittelmeer 1788 u. 1789. Ein Beitrag zur Geschichte der orientalischen Frage. *Histor. Zeitschrift* 1872, XXVII, 85—115.
181. Россія, Англія и Пруссія 1787—1791 гг. *Русскій Вѣстникъ* 1887, №№ 10, 11; 471—537, 1—65.
182. Осада Очакова въ 1788 г. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1873, № 8, 367—423.

Всѣ эти четыре изслѣдованія составлены по источникамъ и по темѣ находятся въ тѣсной связи между собою.

183. Die Einnahme von Ismail im Jahre 1790. Ein Beitrag zur Geschichte des russisch-türkischen Krieges 1787—1791. *Balt. Monatschr.* 1871, XX, 556—585.
184. Конфедерация въ Аньяла въ 1788 г. Матеріалы для исторіи присоединенія Финляндіи къ Россіи. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868, № 3, 679—771.

По поводу сочиненія *Bidrag till Kännedom af Finlands Natur och Folk, utgifna af Finska Vetenskaps-Societäten. Tredje heftet. Helsingfors 1860. Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790 framläddt af G. Rein. Första delen.*

185. Der Anjalabund in Finnland, 1788. *Balt. Monatschr.* 1870, XIX, 309—354.
186. Война Россіи съ Швеціей въ 1788 — 1790 годахъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1869, №№ 2, 3, 4, 5.
187. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 гг. С.-Пб. 1869, 300 стр.

Отдѣльный оттискъ предыдущей статьи (№ 186). обстоятельное изслѣдованіе на основаніи многочисленныхъ источниковъ и пособій русскихъ, шведскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Авторъ пользовался между прочимъ рукописью Императорской Публичной библиотеки: „Mémoires d'un officier suédois sur les campagnes de 1788, 1789 et 1790 en Finlande“.

188. Eine komische Oper aus dem Jahre 1788. *Balt. Monatschr.* 1867, XVI; 307—328.

189. Комическая опера Екатерины II: „Горе-Богатырь“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1870, ч. 152, стр. 172—186.

Своего рода дополненіе къ монографіи „Война Россіи съ Швеціей“ (№ 187). Брикнеръ отвергаетъ мысль „Собирателя“ (*Русская Старина*), будто бы Екатерина хотѣла въ этой пьесѣ осмѣять великаго князя Павла Петровича, а не шведскаго короля.

190. Russland u. Schweden, 1788. *Histor. Zeitschr.* Bnd. XXII.

191. Dänemarks Neutralität im Kriege zwischen Schweden und Russland, 1788. *Balt. Monatschr.* 1871, XX, стр. 361—376.

192. Die Ostseeprovinzen während des schwedisch — russischen Krieges 1788—1890. *Balt. Monatschr.* 1869, XVIII, 230—245.

193. Шведская война 1788—1890 годахъ (по новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ). *Русская Мысль* 1896, №№ 5, 6; 91—105, 1—20.

Кромѣ печатныхъ и ранѣ появившихся трудовъ авторъ пользовался главнымъ образомъ неизданными записками графа Ланжерона и новою монографіей маркиза д'Арагона, упомянутою выше подъ № 167.

194. Густавъ IV и Екатерина II въ 1796 г. *Вѣстникъ Европы* 1880, №№ 8, 9, 10, 11; стр. 783—805, 5—93, 480—507, 56—87.

Тема—не состоявшійся бракъ великой княжны Александры Павловны.

195. Katharina II und die französische Revolution. *Russ. Revue* 1873, III, 52—73.

Главнымъ образомъ по Храповицкому.

196. С..Петербургскія Вѣдомости во время французской революціи. *Древняя и Новая Россія* 1876, №№ 1, 71—87.

Оцѣнка русскою газетою французскихъ событій, въ связи съ воззрѣніями и настроеніемъ русскаго правительства вообще и императрицы Екатерины въ частности.

197. Екатерина II и французская революція. *Историческій Вѣстникъ* 1895, т. 61, 411—420.

Новый пересмотръ прежней темы, на основаніи новаго сочиненія „*Ch. de Larivière, Catherine II et la révolution française*“.

VIII. Павелъ I и XIX вѣкъ.

Этотъ періодъ никогда серьезно Брикнеромъ не изучался; если царствованіе Павла, по тѣсной связи съ царствованіемъ предшествовавшимъ, не могло не входить въ сферу научныхъ занятій покойнаго, то этого нельзя въ такой же степени сказать о XIX вѣкѣ, и не работы, посвященныя этому послѣднему, могутъ характеризовать Брикнера, какъ историка.

198. Рецензія на сочиненіе г. Лобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“ въ *Allgem. Zeitung*, 1883, №№ 264, 265.

199. Павелъ I и Густавъ IV. (Статья должна появиться въ первыхъ номерахъ *Вѣстника Европы* за 1897 г.).

200. Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Части I—VII. С.-Пб. 1888—1892.

Это не біографія, но въ то же время и не простое изданіе сырого матеріала въ строго хронологическомъ порядкѣ. „Моя задача—говорить Брикнеръ—заключалась въ систематической группировкѣ рукописнаго матеріала соотвѣтственно различнымъ фазисамъ жизни и дѣятельности Панина и въ толкованіи этихъ бумагъ, присоединяя къ нимъ краткія замѣчанія. Раздѣливъ весь запасъ архивныхъ данныхъ, находившихся въ моемъ распоряженіи, и почерпнутыя мною изъ исторической литературы свѣдѣнія о Панинѣ на нѣкоторыя части сообразно съ теченіемъ жизни графа, и эти части на главы, и соблюдая при этомъ въ общей сложности хронологическій порядокъ, я старался по возможности соединять этотъ приемъ съ распредѣленіемъ рукописнаго матеріала по группамъ, сообщая, напримѣръ, письма однихъ и тѣхъ же лицъ, относящихся къ извѣстному періоду или событію, вмѣстѣ. Такое распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ имѣеть цѣлью представить біографію Панина такъ сказать въ полуразработанномъ видѣ“. За такой приемъ сильно напалъ на автора В. А. Бильбасовъ („Забутый Панинъ“. *Историческій Вѣстникъ* 1889, № 3).

201. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (1796—1824 гг.) въ *Русской Мысли*, 1896, №№ 9 и слѣд.

202. Письма гр. С. Р. Воронцова къ сыну, гр. М. С. Воронцову 1798—1830. („Архивъ вв. Воронцова т. XVII“) *Вѣстникъ Европы* 1888, № 3, 232—245.

На эту статью можно смотрѣть, какъ на продолженіе №№ 169, 170.

203. Zur Geschichte der Regierung Alexanders I. *Balt. Monatschr.* 1866, XIV, 34—60.

По статьѣ *М. И. Богдановича*: „Первая эпоха преобразованій императора Александра I“ въ *Вѣстникъ Европы* т. I, 1866 г.

204. Russland und Frankreich 1800—1802. *Russ. Revue* 1890, XXX, 316—338.

Очеркъ, составленный по Сборнику Русскаго Историческаго Общества, т. 70 („Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I, подъ редакціей проф. Трачевскаго, т. I“), съ оцѣнкою самаго изданія.

205. Der Herzog von Richelieu (1766—1822) *Histor. Zeitschr.* 1889, LXII, 242—285.

На основаніи Сборника Русскаго Историческаго Общества, т. 54. Содержаніе статьи отчасти познается изъ тѣхъ рубрикъ, на какія она раздѣлена: 1. Die Edition. 2. Biographische Skizzen. 3. Autobiographisches aus dem J. 1790. 4. Briefwechsel mit Rasumowsky, Kotschubei und Rumjanzow. 5. Alexander I und Richelieu. Papiere die Verwaltung Südrusslands betreffend. 6. Richelieu's Beziehungen zu Frankreich.

206. Русский дворъ въ 1826—1832 гг. *Историческій Вѣстникъ* 1891, № 12, 783—795.

По книгѣ *Л. Герлаха*: *Denkwürdigkeiten aus dem Leben L. v. Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Nach seinen Aufzeichnungen herausg. von seiner Tochter.* Berlin 1891. Erster Band“.

207. Aus der slavischen Gelehrtenwelt. *Russ. Revue* 1880, XVII, 289—321.

О сношеніяхъ Погодина съ Шафарикомъ и Бодянскимъ на основаніи писемъ ихъ къ Погодину, изданныхъ Обществомъ Исторіи Древностей Россійскихъ въ 1879—1880 гг.

208. Russische Geschichtschreibung 1855—1881. *Meyer's Conversations-Lexikon.* Dritte Auflage. XIX-ter Band. Jahres-Supplement 1881—1882, стр. 814—818.

Безъ подписи автора. Отмѣчено движеніе въ исторической литературѣ съ началомъ воцаренія императора Александра II, дѣятельность ученыхъ обществъ, періодическая литература, журналы и наиболѣе выдающіеся историки.

209. Э. А. Геррманъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, № 12, 141—144.

Некрологъ марбургскаго профессора всеобщей исторіи.

210. Біографія Погодина. *St.-Petersburg. Zeitung*, 1876, №№ 87 и слѣд.

211. О С. М. Соловьевѣ. *St.-Petersburg.-Zeitung*, 1879, № 288.

212. О Костомаровѣ. *Allgemeine oesterreichische Literaturzeitung*, 1886, № 11.

213. Рецензія сочиненія Коллонта: „Исторія русскаго самосознанія“, въ *Histor. Zeitschrift*, Neue Folge. Bnd. XXI.

IX. Всеобщая исторія.

214. Zur Geschichte des Reichstags zu Worms 1521. Die Verhandlungen über das Reichsregiment. Heidelberg 1860. 62 стр.

Авторъ излагаетъ и изслѣдуетъ переговоры, которые велись въ Вормскомъ сеймѣ 1521 г. между императоромъ и имперскими чинами объ имперскомъ войскѣ. Первый трудъ Брикнера по окончаніи университетскаго курса. Ученикъ Дройзена слышится въ этой книгѣ въ оцѣнкѣ политическаго положенія Германіи начала XVI вѣка. Ср. небольшую замѣтку объ этомъ сочиненіи въ *Histor. Zeitschrift* 1861, X.

215. О сочиненіи Гонерра: „Culturgeschichte“ въ *Grensboten*, 1869, III.

216. Die Hauptmomente der Geschichte des Bauernstandes. *Balt. Monatschr.* 1864. IX, 275—332.

По сочиненію S. Sugengeim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis zum die Mitte des XIX Jahrhunderts. Eine von der Kaiserl. Akademie der Wissensch. im J. 1860 gekrönte Preisschrift. Stpg, 1861⁴.

217. Zur Finanzgeschichte der Neuzeit. Der Herzog von Lerma 1603. Der Freiherr von Görtz 1716. *Balt. Monatschr.* 1864, X, 189—219.

218. „Gustav Adolf von G. Droysen. Zweiter Band. Lpzg. 1870“ *Balt. Monatschr.* 1871, XX, 377—385 (реу.).

219. Новыя монографіи объ исторіи 30-лѣтней войны. Gustav Adolf. Von G. Droysen. Lpzg. 1869—1870. 2 Bande. L. Ranke, Geschichte Wallenstein's. Lpzg. 1869⁴. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1871, ч. 158, стр. 315—346 (реу.),

220. „Englische Geschichte vornähmlich im XVI u. XVII Jahrhundert., von L. Ranke. Lpzg. 1866“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1867, ч. 136, стр. 221—242 (рев.).

221. „Исторія французской революціи 1789—1799 гг. Соч. Гейсери, переводъ Мамонтова. С.-Пб. 1871“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1871, ч. 156, стр. 293—298 (рев.).

X. СМѢСЬ.

222. Der Wolf in Russland. *Russ. Revue* 1877, X, 260—271.

По книгѣ В. Лазаревскаго: „Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка. С.-Пб. 1876“.

223. Ein neues Werk über das transkaspische Russland. *Das Ausland* 1890, № 15.

Разборъ соч. Dr. Max. v. Proskowetz: „Vom Newastrand nach Samarkand. Wien. 1889“.

224. Kamtschatka. *Das Ausland* 1893, №№ 41, 42, 43, 44.

Обширный пересказъ соч. K. v. Ditmar, Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. Erster Teil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern. Lpzg. 1890“, появившагося въ „Beiträgen zur Kenntniss des Russischen Reiches“. Dritte Folge, Bnd VII.

225. Das Oberammergauer Passionsspiel im Jahre 1870. *Balt. Monatschr.* 1870, XIX, 441—469.

226. Zur Geschichte des Todesstrafe. *Nord u. Süd* 1887. XL, 202—216.

227. Die Geschichte der Meinungen über die Todesstrafe. *Nord u. Süd* 1887, XLI, 391—410.

228. Ueber Montesquien's *Lettres persanes*. Ein Vortrag. *Balt. Monatschrif* 1865, XII, 242—281.

229. Zur Geschichte des Mitleids. *Nordische Rundschau*, 1887.

Помнится, въ книжкахъ *Нюны* у Брикнера есть еще двѣ-три историческія статьи: кажется, „О забавахъ при дворѣ Анны Іоанновны“ и т. п.

Е. Шмурло.

ПАМЯТИ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

I ¹⁾.

Наступившій годъ уже ознаменовался для нашей Академіи тяжелою утратой: 2-го января, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался, на 68-мъ году отъ рожденія, нашъ сочленъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Почти пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ на научно-литературномъ поприщѣ; семнадцать лѣтъ занималъ кафедру русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, читалъ лекціи по тому же предмету въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Александровичу въ бытность его великимъ княземъ, а затѣмъ его Августѣйшимъ Братьямъ великимъ князьямъ Владиміру, Алексѣю, Сергію и Павлу Александровичамъ, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ и другимъ членамъ Царской Семьи, великимъ князьямъ Константину и Дмитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу и герцогинѣ Лейхтенбергской Евгеніи Максимилановнѣ; кромѣ университета, покойный преподавалъ въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, положилъ основаніе высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ и былъ первымъ ихъ руководителемъ, наконецъ состоялъ нѣкоторое время предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета; дѣйствительнымъ членомъ Академіи онъ былъ избранъ въ 1890 г.,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Академіи Наукъ въ засѣданіи 11-го января 1897 года.

а до тѣхъ поръ состоялъ ея членомъ-корреспондентомъ. Довольно этого краткаго перечня важнѣйшихъ фактовъ дѣятельности покойнаго академика, чтобы объяснить себѣ, почему его имя пользовалось столь громкою извѣстностью въ русскомъ обществѣ. Но извѣстность не есть еще настоящее мѣрило достоинствъ человѣка; ихъ надобно искать въ его личности; въ его трудахъ; въ плодахъ его дѣятельности.

Константинъ Николаевичъ обладалъ выдающимися дарованіями. Его обширный умъ отличался глубиной и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью и гибкостью. Силою своего пониманія онъ свободно охватывалъ предметъ съ разныхъ сторонъ, а тонкостью анализа легко проникалъ въ его сущность. Отсюда происходило безпристрастіе его сужденій, объективность его воззрѣній. Но въ душѣ этого человѣка, который судилъ такъ спокойно, мнѣнія котораго были такъ уравновѣшены, горѣлъ скрытый огонь страстнаго чувства, и его безпристрастіе никогда не было холоднымъ и безучастнымъ; онъ только хотѣлъ быть справедливымъ, потому что былъ въ высшей степени добръ и сердеченъ, человѣкъ твердаго долга и мирнаго благоволенія. Уже въ этихъ свойствахъ его нравственной природы заключались залогомъ того, что сдѣлало его историкомъ, что обратило его къ изученію судебъ русскаго народа и государства. Счастливые дары природы онъ развилъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ; жажда познаній была въ немъ удивительная: онъ учился непрерывно и еще за два дня до кончины едва слышнымъ голосомъ жаловался мнѣ, что мало читаетъ. Исторія съ дѣтства составляла главный интересъ его умственной жизни; на университетской скамьѣ, подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, какъ Грановскій и Соловьевъ, наставниковъ, которые—по его же собственнымъ словамъ—вѣрили въ будущее человечества, въ будущее своего народа и старались воспитывать подрастающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ. Вестушевъ-Рюминъ посвятилъ себя русской исторіи какъ наукѣ и остался ей вѣренъ до конца своихъ дней.

Историкъ не только по ученой спеціальности, но по призванію, онъ понималъ задачу своей науки въ самомъ широкомъ смыслѣ—какъ истолкованіе прошлой жизни народа и какъ указаніе путей его дальнѣйшаго развитія. Но философское воззрѣніе на смыслъ историческихъ явленій никогда не отвлекало его отъ строгаго и точнаго изученія фактовъ, къ какой бы сторонѣ народной жизни, матеріальной или духовной, они ни принадлежали. Напротивъ того, онъ былъ

въ высшей степени остороженъ въ своихъ историческихъ обобщеніяхъ; онъ высоко цѣнилъ дѣло исторической критики и постоянно наставлялъ на внимательнѣйшее изученіе и разборъ источниковъ. Значительная часть его собственныхъ работъ принадлежитъ именно этой области историческаго вѣдѣнія. Не признавая за собою творческихъ способностей, чтобы—говоря его же словами—„воспроизводить прошлое въ живыхъ образахъ“, онъ предпочиталъ заниматься историко-критическими работами и лишь изрѣдка, какъ плоды долгихъ наблюденій и размышленій, позволялъ себѣ набрасывать характеристики историческихъ личностей и явленій, особенно привлечшихъ къ себѣ его вниманіе. Даже той своей книгѣ, которая носитъ названіе „Русской Исторіи“, онъ скромно поставилъ лишь такую задачу: „представить результаты, добытые русскою историческою наукою въ полтора ста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности“. Этими словами авторъ выдвигалъ впередъ критическое значеніе своего труда; но знакомые съ самымъ сочиненіемъ знаютъ, что авторъ значительно выступилъ за предѣлы, имъ себѣ предначертанные, и въ своей „Исторіи“ сдѣлалъ попытку провести цѣлостное воззрѣніе на прошлыя судьбы нашего отечества. Къ сожалѣнію, названный трудъ покойнаго академика не былъ доведенъ до конца въ печати.

И однако не буду говорить о всей совокупности историческихъ трудовъ Бестужева-Рюмина; это право принадлежитъ специалистамъ-историкамъ. Какъ сочленъ покойнаго по отдѣленію русскаго языка и словесности, позволю себѣ сказать о томъ, что сдѣлано Константиномъ Николаевичемъ въ области нашей специальности.

Бестужевъ-Рюминъ былъ не первый русскій историкъ, принадлежавшій къ составу 2-го отдѣленія: онъ занялъ въ немъ кресло Погодина и Соловьева; но я не ошибусь, если скажу, что онъ тѣснѣе, чѣмъ его предшественники, принадлежалъ намъ, потому что глубже и разностороннѣе ихъ интересовался историко-литературными вопросами.

Уже въ качествѣ историка Бестужевъ-Рюминъ не могъ не понимать всей важности произведеній словесности, какъ памятниковъ духовной жизни народа; но сверхъ того онъ умѣлъ ихъ цѣнить въ ихъ самостоятельномъ значеніи. Онъ обладалъ большимъ художественнымъ чутьемъ и несомнѣннымъ талантомъ литературнаго критика. Свое ху-

дожественное пониманіе онъ воспиталъ на близкомъ знакомствѣ съ поэтическими произведеніями разныхъ литературъ и любилъ проводить паралели между созданіями поэтовъ разныхъ національностей. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ Шекспира и изучалъ его съ тѣмъ же вниманіемъ и увлеченіемъ, съ какимъ работалъ надъ русскими лѣтописями, предметомъ своихъ специальныхъ изысканій. Въ русской литературѣ любимцемъ его былъ Пушкинъ, котораго онъ зналъ и понималъ превосходно. Онъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ національныхъ гениевъ, изученіе которыхъ можетъ дѣлаться цѣлые вѣка. Въ Англіи, Италиі, Германіи существуютъ особыя общества для изученія Шекспира, Данте, Гёте; Бестужевъ-Рюминъ желалъ, чтобы въ Россіи возникло съ такою же цѣлью Пушкинское общество. Не могу воздержаться здѣсь отъ личнаго воспоминанія. Съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ Николаевичъ узналъ, что я подготавливаю критическое изданіе произведешій великаго русскаго поэта, почти ни одна его встрѣча со мною не обходилась безъ бесѣды объ этомъ предметѣ; съ дружескою благосклонностью сообщалъ онъ мнѣ различныя указанія, плоды своей тонкой наблюдательности, и передалъ въ мое распоряженіе цѣлый свой трудъ—сличеніе текста „Евгенія Онѣгина“ по разнымъ изданіямъ.

Въ своихъ критическихъ трудахъ по русской исторіи Бестужевъ-Рюминъ находился въ постоянномъ соприкосновеніи съ памятниками словесности. Его классическое разсужденіе „О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка“, доставившее ему въ 1868 году ученую степень доктора русской исторіи, непосредственно касается вопросовъ изъ сферы древней русской литературы. Заклучивъ собою прежнія отрывочныя розысканія о лѣтописяхъ, оно твердо установило приемы ихъ строго-научнаго изслѣдованія, относительно древнѣйшихъ изъ нихъ дало нѣсколько важныхъ выводовъ, прочность которыхъ не поколеблена позднѣйшею критикою въ теченіе тридцати лѣтъ, и послужило образцомъ для ряда новыхъ полезныхъ работъ по тому же предмету.

Въ литературѣ XVIII столѣтія особое вниманіе Бестужева-Рюмина привлекъ къ себѣ Татищевъ; этому младшему изъ „птенцовъ Петровыхъ“ онъ посвятилъ особую монографію, въ которой обстоятельно разказана его административная дѣятельность и особенно подробно разсмотрѣны его ученые труды. Въ исторіи нашего умственнаго развитія Бестужевъ-Рюминъ отводитъ Татищеву мѣсто на ряду съ Ломоносовымъ: между тѣмъ какъ естественспытатель Ломоносовъ

стремился возвести къ общему философскому единству ученіе о природѣ, Татищевъ, историкъ и публицистъ, стремился со своей стороны найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности, а русскую исторію поставилъ на правильный путь изученія фактовъ. Сдѣланный Бестужевымъ-Рюминымъ выводъ новъ и оригиналенъ; но если взглянуть на научную дѣятельность Татищева въ связи съ общими ходомъ русскаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи, то нельзя не признать этого заключенія вполне правильнымъ.

По русской литературѣ текущаго вѣка Бестужевъ-Рюминъ оставилъ длинный рядъ статей; онъ писалъ о Карамзинѣ, С. Глинкѣ, Нарѣжкомъ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Н. Полевомъ, Погодинѣ, славянофилахъ, Кошелевѣ, Кавелинѣ, Соловьевѣ, Мельниковѣ, Гильфердингѣ, Ешевскомъ, Котляревскомъ и многихъ другихъ дѣятеляхъ нашей науки и литературы новаго времени; нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, Пушкину, Гоголю, Погодину, посвящено было даже нѣсколько статей, появившихся въ печати въ разное время. Это — или біографическіе очерки иногда довольно значительнаго объема и богатыя свѣжими фактами, или сжатая, но мѣткія характеристика, или наконецъ этюды чисто критическіе. Но подъ перомъ Константина Николаевича даже тѣ статьи, поводомъ къ которымъ служило чье-либо чужое сочиненіе, получали значеніе самостоятельнаго труда. Разсѣяныя въ нихъ замѣчанія критика глубоко продуманы и нерѣдко важныя, чѣмъ самая мнѣнія разбираемаго автора. Особенно замѣчательны съ историко-литературной точки зрѣнія статьи Константина Николаевича о Пушкинѣ и Гоголѣ. Въ одной изъ нихъ онъ превосходно намѣтилъ задачу, предстоящую біографіи Пушкина, которая должна изобразить его какъ представителя русскаго самосознанія, и вместе съ тѣмъ указалъ, какъ трудно это исполнить; въ другой статьѣ загадочная личность Гоголя объяснена Константиномъ Николаевичемъ едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ всѣми другими, писавшими объ авторѣ „Мертвыхъ Душъ“. Обширное образованіе, огромная начитанность служили Бестужеву-Рюмину важнымъ пособіемъ въ его историко-литературныхъ работахъ; а его долгая жизнь въ той средѣ, которая можетъ быть названа умственнымъ цвѣтомъ нашего общества, давала ему множество живыхъ чертъ и подробностей изъ исторіи нашей еще молодой культуры, отчетливо сохранныхъ его превосходною памятью; эти воспоминанія и наблюденія онъ любилъ вводить въ свои статьи, сообщая имъ такимъ образомъ и значеніе оригинальныхъ свидѣтельствъ. Таковъ характеръ историко-литературныхъ очерковъ

Бестужева-Рюмина. Можно сказать, что въ этихъ мастерскихъ этюдахъ, притомъ написанныхъ со строгою и изящною простотою, онъ является однимъ изъ немногихъ русскихъ эссеистовъ въ родѣ тѣхъ, какими такъ богаты англійская и французская литературы; и если за этюдами Маколея и Карлейля, Сентъ-Бѣва и Ренана признается такое же научное значеніе, какъ за ихъ крупными учеными трудами, то несомнѣнно мы имѣемъ право дать ту же цѣну богатымъ и по мысли, и по фактическому содержанию историко-литературнымъ очеркамъ Бестужева-Рюмина.

И не буду говорить о Константиѣ Николаевичѣ, какъ о человѣкѣ. Всѣ здѣсь присутствующіе знали его болѣе или менѣе и питали къ нему уваженіе. Но я не могу не сказать, что для тѣхъ, кому пришлось короче сблизиться съ нимъ, кончина его составляетъ утрату особенно чувствительную: они потеряли въ немъ одного изъ самыхъ умныхъ, самыхъ добрыхъ и благороднѣйшихъ людей, которыхъ знали на своемъ вѣку. Благодарная память о свѣтлой личности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина навсегда сохранится въ ихъ сердцахъ.

Л. Майковъ.

II.

Утромъ 2-го января 1897 года не стало Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Онъ скончался отъ болѣзни легкихъ, которая удручала его еще съ начала 80-хъ годовъ и медленно подтачивала и безъ того не крѣпкое его здоровье. Уже съ весны прошедшаго года можно было предчувствовать близость роковой развязки, и однако теперь очень трудно освоиться съ мыслью, что его уже нѣтъ между нами и что живы только наши воспоминанія о немъ.

Покойному было еще далеко до глубокой старости. Родился онъ въ маѣ 1829 года въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, росъ въ деревнѣ, учился въ семьѣ, — „подъ влияніемъ отца и матери“, какъ онъ самъ о себѣ замѣтилъ, — и вынесъ изъ семьи хорошее знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками. Позднѣе научился онъ по-англійски и по-итальянски; въ гимназіи узналъ латинскій языкъ, но не могъ выучиться по-гречески, хотя и пробовалъ учиться приватно греческому языку у М. Ф. Грацинскаго, „отличавшагося даромъ не умѣть ничего передать“. Любовь къ чтенію возникла въ

К-нѣ Н-чѣ еще дома, благодаря хорошей библиотекѣ его отца, ставшей впоследствии основаніемъ его собственнаго обширнаго книжнаго собранія. Окрѣпла же эта любовь къ серьезной книгѣ въ Нижегородской гимназій, въ которую К-нѣ Н-чѣ поступилъ въ 1840 году и въ которой (за исключеніемъ одного 1844—1845 года, проведеннаго въ дворянскомъ институтѣ) онъ оставался до 1847 года, до окончанія курса. Съ теплыми чувствами вспоминалъ онъ свою гимназію, справедливо замѣчая, что въ его время она „считалась если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ Казанскомъ округѣ“. Въ то время, когда въ ней учились К-нѣ Н-чѣ и его близкій другъ, извѣстный Ст. В. Ешевскій, гимназія переживала пору обновленія и отъ ветхихъ порядковъ патриархальной педагогикъ переходила къ болѣе живому преподаванію. Съ большою живостью вспоминалъ К-нѣ Н-чѣ свое гимназическое время и въ извѣстной своей статьѣ о Ешевскомъ, и въ устныхъ своихъ бесѣдахъ. Изъ всѣхъ преподавателей гимназій наибольшее вліяніе на умственную жизнь учениковъ, и въ частности на К-на Н-ча, имѣлъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (онъ же „Андрей Печерскій“), преподаватель исторіи и одинъ изъ руководителей „литературныхъ бесѣдъ“, существовавшихъ тогда въ гимназій. Не одинъ разъ К-нѣ Н-чѣ пользовался случаемъ печатно высказать свою любовь и признательность бывшему учителю, къ которому онъ былъ близокъ до самой кончины Мельникова въ 1883 году. Откровенно свидѣтельствуя, что въ обыденномъ классномъ преподаваніи Мельниковъ впадалъ въ рутину, К-нѣ Н-чѣ въ то же время очень ярко рисуетъ ту увлекательную живость, съ какою Мельниковъ относился къ каждому ученику, въ которомъ замѣчалъ интересъ къ исторіи, то чуткое умѣнье, съ какимъ онъ поддерживалъ въ немъ и развивалъ склонность къ чтенію и литературнымъ занятіямъ. Подъ руководствомъ Мельникова К-нѣ Н-чѣ началъ и свои историческіе опыты, читанные въ „литературныхъ бесѣдахъ“, и сотрудничество въ *Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1847 года, выходившихъ тогда подъ редакцію Мельникова; тамъ К-нѣ Н-чѣ печаталъ отзѣвы о новыхъ книгахъ. Вспоминая мелькомъ, въ биографіи Ешевскаго, о своихъ личныхъ занятіяхъ въ гимназій, К-нѣ Н-чѣ говоритъ, что онъ въ тѣ годы „предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ-Занда, Гюго, Гете“; „былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, — прибавляетъ онъ, — возможное только въ молодые года!)“. Принимая такое заявленіе о

преобладаніи склонности къ изящной литературѣ и литературной критикѣ, не слѣдуетъ однако забывать, что рядомъ съ литературнымъ чтеніемъ шло и историческое: К. Н-чъ писалъ въ гимназіи сочиненіе о Борисѣ Петр. Шереметевѣ; въ первое время университетскаго ученія у него уже было привезенное изъ деревни въ Москву „довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи“. Это указываетъ уже на ту широту умственныхъ интересовъ и на то разнообразіе занятій, какія всегда отличали покойнаго—какъ въ пору юношескихъ начинаній, такъ и на закатѣ дней. Имѣя въ виду именно это разнообразіе, даже разбросанность, К-нъ Н-чъ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать о своемъ гимназическомъ времени то, что сказалъ онъ въ біографіи Ешевскаго: „Оглядываясь назадъ на это давно минувшее время, конечно, можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было метода, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ—какъ часто любилъ говорить Ешевскій—самоучки. Тѣмъ не менѣе мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ; прониклись тѣмъ вначалѣ смутнымъ благоговѣніемъ къ ея высшему вѣстиящу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается беспорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе“.

Съ такою подготовкою, сообщившею вкусъ и уваженіе къ знанію, а вмѣстѣ и возможность многое понимать и на многое отзываться, пріѣхалъ К. Н-чъ въ іюль 1847. года въ Московскій университетъ и выдержалъ въ немъ существовавшіе тогда вступительные экзамены. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ онъ поступилъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (теперь—факультетъ историко-филологическій) съ тѣмъ, чтобы скоро, въ томъ же 1847 году, перейти на юридическій факультетъ, оставивъ своего друга на философскомъ. Очень интересны воспоминанія К-на Н-ча о первыхъ его московскихъ впечатлѣніяхъ. Подъ влияніемъ Мельникова, и онъ и Ешевскій съ чувствомъ восторга и благоговѣнія къ старинѣ смотрѣли на Москву и Кремль, собрались къ Троицѣ и тамъ познакомились „впервые“ съ памятниками церковной древности. И въ то же время оба они нетерпѣливо ждали открытія лекцій, не только изъ простаго чувства любопытства, но и потому, что они уже

были приобщены къ университетской жизни. Отъ Мельникова получили они магистерскую диссертацию С. М. Соловьева, изъ газетъ узнали о его докторскомъ диспутѣ; оба „чуть не наизусть знали“ статью К. Д. Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи (въ *Современникъ* 1847 г.), читали статьи Грановскаго, книги Шевырева и Буслаева, переводы и статьи Каткова; слышали они и о Кудрявцевѣ и Леонтьевѣ. Словомъ они оба были достойны войти подъ кровъ той алмае matris, о которой съ такимъ трепетнымъ умиленіемъ всегда говорилъ и писалъ К-нъ Н-чъ. Въ жизни Московскаго университета то былъ его золотой вѣкъ, время его разцвѣта и наибольшаго блеска, когда его высокій ученый авторитетъ сочетался съ благороднѣйшимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на все русское общество. „Всѣ мы—говорилъ о себѣ К-нъ Н-чъ—повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-нравственнаго времени въ жизни Московскаго университета!“ „Едва ли много найдется людей нашего поколѣнія,—прибавлялъ онъ о людяхъ, не бывшихъ въ Московскомъ университетѣ,—которые были бы свободны отъ прямаго или косвеннаго вліянія Московскаго университета“. Трудно теперь раскрыть съ полнотою и опредѣленностью ходъ занятій К. Н-ча въ его университетскую пору и тотъ строй отношеній и вліяній, въ которомъ опредѣлились его общественные и ученые взгляды и вкусы. Быть можетъ, въ бумагахъ покойнаго отыщутся матеріалы для изученія и его личной юности, и всей той эпохи, а пока приходится руководиться его бѣглыми указаніями и воспоминаніями. Покойный всегда придавалъ большое значеніе въ біографіяхъ указаніямъ на тѣхъ, у кого тотъ или другой дѣятель учился, и самъ указывалъ въ числѣ своихъ профессоровъ,—очевидно, разумѣя наиболѣе вліявшихъ на него,—на Рѣдкина, Кавелина, Н. Крылова, Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева. Къ этимъ именамъ онъ прибавлялъ неизмѣнно Погодина; послѣдняго онъ уже не засталъ въ университетѣ, но, представленный ему съ наилучшей стороны П. И. Мельниковымъ и А. И. Мессингсмъ, бывалъ у Погодина и руководствомъ его пользовался съ перваго же года жизни въ Москвѣ. Насколько можно догадываться, на первыхъ порахъ университетской жизни К. Н-чъ дѣлился именно между вліяніемъ бесѣдъ Погодина и обаяніемъ лекцій Соловьева и Кавелина. Къ Погодину, еще будучи на I курсѣ, Бестужевъ съ Ешевскимъ обратился за совѣтомъ, „какъ начать занятія?“ Вѣрный себѣ, Погодинъ назвалъ имъ Шлецера: „читайте Шлецера“, сказалъ онъ, и они „читали его мѣсяца три“; а затѣмъ они по его совѣту взяли на себя трудъ слѣдить въ спискахъ

лѣтописей „извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 года“ и много работали безъ всякаго успѣха, потому что для нихъ „самые приемы были неясны“, а приемы были неясны уже потому, что работа имѣла цѣлью разъяснить вопросъ, который „занималъ“ Погодина, и не влонилась къ собственной пользѣ учащихъся. Рядомъ съ этими упражненіями, которыя въ лучшемъ случаѣ вели къ технической выучкѣ, шли простыя бесѣды съ Погодинымъ, а въ нихъ К. Н-ча поражалъ, какъ онъ говаривалъ, „русскій инстинктъ“ Погодина, его яркій умъ и быстрая смѣтка, близость къ народному созерцанію и въ то же время рѣзко выраженная своеобразность, удивлявшая всегда „лица не обичимъ выраженьемъ“. Послѣ Мельникова именно Погодинъ, и главнымъ образомъ Погодинъ воспиталъ въ К-нѣ Н-чѣ русское чувство, подготовилъ его сближеніе съ людьми славянофильскаго отѣвника и съ поборниками идеи славянства. Но въ первые университетскіе годы вліяніе Погодина на К. Н-ча парализовалось лекціями болѣе молодыхъ профессоровъ русской исторіи и права, особенно Кавелина, подъ вліяніемъ чтеній котораго К. Н-чъ даже перемѣнилъ факультетъ. Въ изложеніи Кавелина теорія такъ называемой „школы родового быта“ отличалась особенною стройностью и завлекательностью; смѣна однихъ гражданскихъ состояній другими представлялась главнымъ содержаніемъ исторіи Руси, изученіе права и его развитія само собою ставилось на первый планъ. Для этого изученія К-ну Н-чу казалось необходимымъ перейти на юридическій факультетъ. Переходъ и совершился, несмотря на несочувствіе Погодина, который не вѣрилъ въ „юридическій характеръ“ русской исторіи и спрашивалъ у К. Н-ча: „а святаго Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?“. Когда въ 1848 году Кавелинъ перешелъ въ Петербургъ, представителемъ историко-юридической теоріи въ Московскомъ университетѣ остался Соловьевъ. Чтенія его не могли въ глазахъ К. Н-ча равняться по блеску съ изложеніемъ Кавелина, „одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго ему случалось слышать“; но ученое вліяніе Соловьева на К-на Н-ча было очень глубоко и прочно; оно росло съ годами и перешло впоследствии въ крѣпкую привязанность ученика къ учителю, силою своею удивляющую тѣхъ, предъ кѣмъ она обнаруживалась. Помню два университетскихъ чтенія К. Н-ча о Соловьевѣ: одно въ 1879 году послѣ кончины Соловьева (напечатанное въ „Біографіяхъ и характеристикахъ“), другое—въ курсѣ исторіографіи 1880—1881 года. Они произвели глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ, даже потрясли ихъ.

сильнѣйшимъ волненіемъ лектора. Помню и то, какъ не одинъ разъ К. Н-чъ разказывалъ намъ о послѣднемъ прїездѣ Соловьева въ Петербургъ и всегда съ особымъ чувствомъ упоминалъ, что Соловьевъ, уѣзжая, дружески благословилъ его, какъ бы провидя свой близкій конецъ. Не берусь указывать мѣру вліянія на К. Н-ча другихъ его профессоровъ, но укажу на ту мастерскую и чрезвычайно сочувственную характеристику Грановскаго и Кудрявцева, какую онъ представилъ въ биографіи Ешевскаго: только живая любовь можетъ диктовать такія строки.

Между Погодинымъ, съ одной стороны, Кавелинымъ и Грановскимъ съ другой, было такъ мало общаго, что у человѣка, внимательно относившагося и къ той, и къ другой сторонѣ, „мысль привыкала къ работѣ, (говоря словами самого К. Н-ча), смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе, и выработывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ“. К. Н-чъ остался между двумя вліяніями на средней дорогѣ и бралъ отъ каждой стороны то, что считалъ ея правдой. Два міросозерцанія, дѣлившія людей сороковыхъ годовъ на кружки и лагеря, разумѣется, очень знакомы были К. Н-чу, но можно думать, что они отражались въ его сознаніи скорѣе въ видѣ научныхъ направленій, чѣмъ въ качествѣ практическихъ программъ, и оттого онъ могъ отнестись къ нимъ спокойно, безъ предвзятости, такъ сказать, со стороны, и могъ своимъ сильнымъ критическимъ умомъ поймать положительныя черты обоихъ направленій. Всю жизнь отличала его широта пониманія, это умѣнье уразумѣть и истолковать самыя разнообразныя точки зрѣнія, умѣнье найти зерно истины и въ томъ, что, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно. Какъ нельзя болѣе примѣнны къ нему слова гр. А. Толстаго:

„Не купленный никѣмъ, подъ чье бѣ я сталъ я знамя,—
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знаменн врага отстаивалъ бы честь“.

Это свойство, которое должно назвать ученымъ безпристрастіемъ (но не безстрастіемъ), воспитано было всеѣмъ складомъ московской жизни и занятій К. Н-ча. Они съ Ешевскимъ были преданы своимъ учебнымъ интересамъ и далеко стояли отъ вопросовъ текущей общественной жизни. Имъ было извѣстно, но шло мимо нихъ „тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ (молодежи) хорошенько не понималъ“, говоритъ о своемъ кружкѣ 1848 — 1849 годовъ К. Н-чъ: „самое начало 1848

года только ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно“. Ничто, такимъ образомъ, изнутри не влекло молодыхъ друзей къ общественнымъ вопросамъ, а обстановка, въ которой они жили тогда, отпугивала отъ всякаго проявленія общественныхъ интересовъ и мнѣній. Именно въ ихъ студенческое время закрыты были кафедры философіи, увеличена плата за слушаніе лекцій, число студентовъ въ Московскомъ университетѣ упало съ 1198 въ 1848 году до 821 въ 1850-мъ. При такихъ условіяхъ жизни между университетской молодежью интересъ къ современности становился дѣйствительно „запретнымъ плодомъ“, и тѣ, кто не имѣлъ къ нему особаго влеченія, съ тѣмъ большимъ усердіемъ уходили въ кабинетную жизнь, привыкали къ созерцанію и спокойному анализу того, что для другихъ составляло боевую программу...

Курсъ университета К. Н-чъ окончилъ въ 1851 году кандидатомъ и тогда же уѣхалъ изъ Москвы въ деревню Чичериныхъ домашнимъ учителемъ. Въ 1854 году онъ возвратился въ Москву и до 1856 года былъ учителемъ въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ. Однако преподаваніе въ то время не привязывало къ себѣ К. Н-ча; по его собственнымъ воспоминаніямъ, онъ не былъ идеально аккуратнымъ въ своихъ учительскихъ обязанностяхъ. Его болѣе привлекала къ себѣ историческая наука и журнальная дѣятельность, и съ 1856 года онъ становится формально въ ряды московскихъ литераторовъ, принимая на себя обязанности помощника редактора *Московскихъ Вѣдомостей* при редакторѣ В. О. Коршѣ. Въ 1859 году онъ принялъ участіе въ основаніи критическаго *Московского Обозрѣнія* и въ первой его книжкѣ по поводу первыхъ восьми томовъ „Исторіи Россіи“ Соловьева помѣстилъ безъ подписи большой очеркъ „современнаго состоянія русской исторіи какъ науки“. Это былъ, по словамъ самого К. Н-ча, „опытъ русской исторіографіи въ ея главныхъ чертахъ“. Послѣ рецензій и переводовъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, опытомъ этимъ К. Н-чъ началъ свою ученую дѣятельность въ сферѣ русской исторіи. Позднѣйшія статьи К. Н-ча, касавшіяся явленій нашей исторіографіи, закрыли собою эту первую статью, не подписанную авторомъ, заброшенную въ неудавшійся, на второй книжкѣ прекратившійся журналъ; но еще и теперь статья эта читается съ интересомъ, и теперь не потеряли всего своего значенія страницы, посвященныя „Исторіи русскаго народа“ Полеваго и направленныя къ тому, чтобы отдать должное уваженіе попыткамъ Н. Полеваго. Только статья о Полевомъ въ новомъ, еще незаконченномъ

обзорѣ нашей исторіографіи П. Н. Милюкова можетъ замѣнить собой давнишнія строки о Полевомъ К. Н-ча. Въ этой же статьѣ своей К. Н-чъ въ первый разъ выступилъ истолкователемъ и критикомъ той „новой школы“ родового быта, у основателей которой самъ учился и къ которой самъ близко стоялъ. Переѣхавъ въ томъ же 1859 году въ Петербургъ и вступивъ въ составъ редакціи *Отечественныхъ Записокъ* А. А. Краевского, К. Н-чъ уже окончательно усвоилъ себѣ роль ученаго критика, имѣвшаго цѣлью „сближеніе науки съ обществомъ“. Въ большихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу сочиненій Кавелина, Соловьева, Б. Н. Чичерина, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова, Хомякова, онъ толковалъ и обсуждалъ результаты ихъ ученыхъ трудовъ, основанія ихъ философіи, сущность ихъ общественныхъ стремленій. Этимъ онъ оказывалъ существенную услугу и тѣмъ, для кого писалъ, и тѣмъ, о комъ писалъ. Онъ знакомилъ публику съ лучшими представителями нашей исторической и общественной мысли въ тѣхъ ихъ работахъ, которыя не предназначались для широкаго круга читателей; онъ популяризировалъ идеи и знанія, возбуждалъ въ обществѣ интересъ къ исторіи, въ которой видѣлъ лучшее средство достигнуть „народнаго самосознанія“. Такой взглядъ на исторію вынесъ онъ изъ той школы, которую былъ воспитанецъ, и всегда высказывалъ его съ особеннымъ удареніемъ. Съ высоты этого взгляда онъ относился съ осужденіемъ къ мнѣніямъ литературныхъ дѣятелей 50-хъ и 60-хъ годовъ, не дорожившихъ связью съ умственными интересами и культурною работою предшествовавшихъ имъ поколѣній. Именно въ сохраненіи этой связи видя залогъ прочнаго и правильнаго развитія народной жизни, К. Н-чъ выступалъ на защиту болѣе старыхъ ученій и направленій, считая долгомъ литературной и общественной порядочности не глумиться надъ тѣмъ, что кажется ветхимъ и отжившимъ, а изучить и „объяснить со стороны“ каждое изъ замѣтныхъ и важныхъ явленій въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи. Убѣжденный защитникъ, но въ то же время не слѣпой сторонникъ славянофиловъ, онъ первый „со стороны“ показалъ, какъ серьезно это направленіе и сколь многое въ этомъ направленіи заслуживало благодарнаго признанія отъ историковъ и этнографовъ. Ученикъ историко-юридической школы, вѣрный ея основному положенію о законмѣрности историческаго развитія, онъ едва ли не первый съ такою точностью различилъ индивидуальныя особенности ея главныхъ представителей и съ большимъ сочувствіемъ, „со стороны“ же, опредѣлялъ ея значеніе въ русской исторической наукѣ. Но отмѣченная нами ши-

рота пониманія и здѣсь помѣшала К. Н-чу обратиться въ простаго апологета излюбленныхъ теорій и лицъ; онъ выступилъ критикомъ даже въ отношеніи своего учителя Соловьева, а въ отношеніи г. Чичерина обмолвился однажды, въ 1861 году, раздражительною статью, хотя въ общемъ всегда высоко его ставилъ, и какъ мыслителя, и какъ изслѣдователя, и писалъ впоследствии: „только съ почтеніемъ можно говорить о такихъ людяхъ“.

Критическія статьи обнаружили и широкое общее образованіе К. Н-ча, и отличную подготовку его въ области собственно русской исторіи. Репутация специалиста была создана, ученныя связи крѣпли. и К. Н-чъ, не оставляя круга чисто журнальнаго, понемногу входитъ въ специально-ученую среду. Въ 1863 году выдержалъ онъ экзамень на степень магистра русской исторіи, для чего потребовалось особое разрѣшеніе, такъ какъ онъ былъ кандидатомъ не историко-филологическаго, а юридическаго факультета. Въ 1864 году избранъ онъ былъ въ члены Археографической комиссіи. Въ томъ же году онъ былъ призванъ къ высокой обязанности преподавать русскую исторію Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ Великой Княжѣ Маріи Александровнѣ. (Впоследствии въ числѣ его учениковъ былъ и нынѣшній президентъ Императорской академіи наукъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ). Въ тѣ же годы 1863—1864 К-нъ Н-чъ редактировалъ „Записки“ Географическаго общества. Наконецъ, въ 1865 году совѣтъ С.-Петербургскаго университета избралъ К. Н-ча исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ русской исторіи. Вместе съ тѣмъ насталъ новый періодъ въ жизни и дѣятельности К. Н-ча.

На кафедрѣ русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ его основанія, К. Н-чъ былъ четвертымъ преподавателемъ послѣ Тр. О. Рогова, Н. Г. Устрялова и Н. И. Костомарова. Если Устряловъ въ тридцать почти лѣтъ преподаванія своего (1831—1859) успѣлъ остыть къ дѣлу и въ послѣдніе годы не читалъ даже общаго курса, то, напротивъ, Костомаровъ за короткое время своей дѣятельности въ университетѣ (1859—1862) подиалъ преподаваніе предмета, привлекая аудиторію не только блескомъ изложенія, но и свѣжестью научнаго содержанія. Послѣ Костомарова нельзя было читать кое-какъ, и это именно составляло главную трудность положенія К. Н-ча. Что онъ съ нею справился блестяще, кажется, нѣтъ нужды доказывать. Въ 1868 году онъ получилъ степень доктора *honoris causa* за

трудъ „о составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1869 году и званіе ординарнаго профессора. А спустя всего два года вышелъ въ свѣтъ и первый томъ его „Русской исторіи“, выросшей изъ университетскихъ чтеній К. Н-ча. Такимъ образомъ, и ученый цензъ и яркое доказательство преподавательскихъ способностей и рвенія послѣдовали очень скоро послѣ избранія его на кафедру, какъ оправданіе этого избранія. К. Н-чъ сталъ сразу на одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ и въ средѣ университетскихъ преподавателей, и въ средѣ ученыхъ представителей его предмета, Труды, на которыхъ основалась въ тѣ годы его репутація, заслуживаютъ названія первоклассныхъ и до сихъ поръ, особенно „Исторія“, не утратили своего значенія; рѣдкій даръ изложенія дѣлалъ его лекціи одними изъ самыхъ увлекательныхъ. Въ первые годы преподаванія онъ одинъ велъ и общій и специальные курсы; съ 1871 года, когда доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи былъ избранъ Е. Е. Замысловскій, К. Н-чъ чередовался съ нимъ въ чтеніи общаго курса, такъ что одинъ курсъ студентовъ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ общій курсъ у К. Н-ча, другой, также въ теченіе двухъ лѣтъ, у Е. Е. Замысловскаго; для студентовъ же старшихъ курсовъ, избравшихъ специальностью русскую исторію, читалъ постоянно К. Н-чъ. Сводя III и IV курсы въ одну аудиторію, онъ въ одинъ годъ прочитывалъ обзоръ русской исторіографіи, въ другой—критическое обзорѣніе какого либо вида источниковъ русской исторіи. Практическихъ упражненій К. Н-чъ обыкновенно не велъ, но требовалъ, чтобы каждый студентъ III курса избралъ себѣ тему для сочиненія къ выпускному экзамену, и самый экзаменъ на IV курсѣ состоялъ въ бесѣдѣ по поводу представленнаго сочиненія.

Помню, какъ лѣтомъ 1878 года, записавшись въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, я получилъ отъ своего преподавателя русскаго языка, нынѣ уже покойнаго В. Θ. Кеневича, списокъ профессоровъ, которые должны были читать I-му курсу, и вмѣстѣ поздравленіе съ тѣмъ, что въ этомъ спискѣ было имя К. Н-ча. Понятно, съ какимъ чувствомъ ждалъ я первой лекціи русской исторіи; оказалось, что подобное моему ожиданію было и у всей аудиторіи. Лекція между тѣмъ состоялась только въ октябрѣ: К. Н-чъ былъ въ отпуску. За мѣсяць ожиданія мы уже успѣли освоиться съ прочими лекторами, заглянули на лекціи другихъ курсовъ и факультетовъ и уже обладали нѣкоторыми данными для сравнительной оцѣнки. Говорю за себя: то, что я услышалъ

на лекціи К. Н-ча, не сразу стало понятнымъ, но сразу плѣнило и увлекло. Передъ нами былъ не лекторъ, не учитель, а собесѣдникъ, простой, изящный, остроумный и серьезный; онъ не „читалъ“, а просто разговаривалъ о своемъ дѣлѣ, какъ говорятъ съ равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую рѣчь, съ отступленіями отъ главной темы, съ личными воспоминаніями, съ живыми характеристиками кружковъ и лицъ, съ мѣткими оцѣнками трудовъ, о которыхъ заходила рѣчь, — надобно было нѣкоторое напряженіе и нѣкоторая подготовленность; ее давала „Русская исторія“, которая въ свою очередь становилась доступнѣе послѣ лекцій. Казалось страннымъ, какъ мало соответствовалъ спокойный и сдержанный тонъ книги живости и субъективности устнаго изложенія, но тѣмъ привлекательнѣе и цѣннѣе казалось это изложеніе. Оно вводило слушателей въ самую жизнь ученыхъ круговъ и кружковъ, давало плоть и кровь каждому лицу, упомянутому въ бесѣдѣ, каждое ученое мнѣніе ставило въ ту жизненную обстановку, которая его воспитала и направила. Это умѣнье, даже, можно сказать, потребность К. Н-ча излагать каждый вопросъ исторіографически, пользуясь при этомъ не одною книжною справкою, но и личными воспоминаніями, сочеталась съ чрезвычайною живостью рѣчи, блиставшей умомъ и въ то же время изящною простотою, и производила тогда по-истинѣ огромное впечатлѣніе. Если припомнить, что самое построеніе курса съ широкимъ руководящимъ введеніемъ, вызывало особый къ нему интересъ, то можно объяснить себѣ секретъ того обаянія, которое умѣлъ производить этотъ болѣзненный человѣкъ съ слабымъ голосомъ и худымъ смуглымъ лицомъ.

Мнѣ кажется (можетъ быть, я и ошибаюсь), что семидесятые годы были лучшимъ временемъ въ дѣятельности К. Н-ча, когда она снискала общее признаніе и уваженіе, когда К. Н-чъ занялъ видное мѣсто въ Петербургскомъ обществѣ, и вокругъ него собирался, на его „вторникахъ“, широкій кругъ его знакомыхъ и учениковъ. Въ то время (1878—1882 гг.) онъ былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Въ эту же пору онъ былъ призванъ къ одному изъ самыхъ живыхъ и громкихъ дѣлъ, связанныхъ съ его именемъ, къ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Задуманные кружкомъ дамъ и профессоровъ, равновѣвшихъ идеѣ женскаго образованія въ Россіи, курсы могли быть осуществлены, какъ правильно организованное учебное учрежденіе, только подъ условіемъ, что руководство курсами приметъ на себя

лицо; обличенное довѣріемъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ такого лица К. Н-чъ и сталъ въ 1878 году учредителемъ курсовъ, получившихъ въ просторѣчїи названіе „Бестужевскихъ“. Онъ далъ имъ не одно свое имя и не одно свое сочувствіе, но явился ихъ дѣйствительнымъ руководителемъ и охранителемъ. До своей болѣзни въ 1882 году онъ читалъ на курсахъ русскую исторію и, будучи предсѣдателемъ совѣта преподавателей, слѣдилъ за ходомъ преподаванія вообще. Много времени, труда и спокойствія отнимало у него это новое дѣло, отвлекая его отъ ученыхъ работъ; за то онъ могъ утѣшаться сознаниемъ, что много сдѣлалъ для молодаго учрежденія; отсутствіе его особенно тяжело здѣсь чувствовалось тогда, когда, вслѣдъ за его отказомъ въ 1884 году, по возвращеніи изъ-за границы, взять на себя управленіе курсами, въ 1885 году былъ временно прекращенъ пріемъ учащихся на курсы. Но и не входя уже въ это дѣло своимъ личнымъ участіемъ, онъ продолжалъ ему сочувствовать и не разъ посѣщалъ курсы, въ качествѣ почетнаго гостя, вызывая своимъ появленіемъ оваціи со стороны молодежи.

Практическая дѣятельность К. Н-ча въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ и на курсахъ остановила его ученые работы. Въ 1875 году онъ напечаталъ большую статью о В. Н. Татищевѣ; но второй томъ его „Исторіи“ замедлилъ, работы надъ изученіемъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ были оставлены. Здоровье, вообще некрѣпкое, начинало измѣнять К. Н-чу: его специальный курсъ, читанный намъ въ 1881 — 1882 г. (о запискахъ русскихъ людей XVIII вѣка), отражалъ на себѣ явный упадокъ силъ лектора. Весною 1882 года К. Н-чъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ, и его увезли въ Италію. Два года жилъ онъ тамъ, отдыхая и увлекаясь изученіемъ классической старины древняго Рима. „Я теперь на немъ помѣшанъ“, писалъ онъ оттуда въ 1883 году; онъ даже думалъ по возвращеніи, при удобныхъ обстоятельствахъ, прочесть на своихъ курсахъ исторію Рима: „можетъ быть, когда нибудь исполню свою фантазію и прочту Римъ“... Однако этому не суждено было быть. Вернулся онъ, хотя и бодрымъ, но слабымъ, и долженъ былъ выйти въ отставку, причемъ былъ почтенъ избраніемъ въ почетные члены университета; не остался онъ и на курсахъ. Многія отношенія и связи, ослабѣвшія съ отъѣдомъ за границу, имъ не были возобновлены, и въ жизни его настало затишье. Единственнымъ дѣломъ, живымъ и волновавшимъ его, было редактированіе *Извѣстій* Славянскаго благотворительнаго общества въ 1885 — 1887 годахъ. Жилъ онъ въ тѣсномъ кругѣ близ-

кихъ знакомыхъ и учениковъ, возобновившихъ въ маломъ видѣ его „вторники“, и имѣлъ утѣшеніе. убѣдиться въ томъ, что къ нему съ наилучшими чувствами шла не только та молодежь, которая у него училась, но и та, которая о немъ только слышала отъ старшихъ товарищей по факультету. Называя себя полу-шутя, полу-печально „отставнымъ человѣкомъ“, онъ однако возобновилъ ученныя работы: въ 1885 году выпустилъ въ свѣтъ давно уже отпечатанные листы II-го тома „Исторіи“, доведя изложеніе до смерти Іоанна Грознаго; въ 1887 году въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечаталъ и заключительный этюдъ этой „Исторіи“— обзоръ событій Смутнаго времени. Съ лѣтописями онъ покончилъ тѣмъ, что выпустилъ въ свѣтъ „лѣтопись Авраамки“ въ XVI томѣ „Полнаго Собранія Лѣтописей“ и раздарилъ ученикамъ свои листки со своднымъ текстомъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ редакцій. А затѣмъ — онъ много читалъ и отзывался (обыкновенно въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*) рецензіями на всѣ труды, его интересовавшіе, причеъ не избѣгалъ вносить въ рецензіи свои воспоминанія—тѣ самыя, какія придавали такой интересъ и колоритность его лекціямъ.

Казалось, для слабаго и больнаго ученаго уже не было будущаго, а между тѣмъ судьба готовила ему послѣдній триумфъ. Въ 1890 году, когда онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ, состоялось его избраніе въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Онъ не скрывалъ своей глубокой радости и высказывалъ особое удовольствіе по тому поводу, что ему пришлось по академическому креслу быть замѣстителемъ Карамзина и Соловьева, которыхъ онъ такъ высоко ставилъ и почиталъ. Вступивъ въ составъ Академіи, онъ замѣтно оживился, посѣщалъ засѣданія, писалъ отчеты, рѣчи и рецензіи, интересовался всѣми мелочами въ жизни и дѣятельности Академіи. Какъ кажется, онъ мечталъ написать монографію о Карамзинѣ, но не собрался, ограничившись небольшоимъ и сравнительно блѣднымъ очеркомъ для „Биографическаго словаря русскихъ дѣятелей“ (вышелъ отдѣльною брошюрой въ 1895 году). Съ весны 1896 года болѣзнь окончательно завладѣла К. Н-чемъ и медленнымъ путемъ страданій привела его къ могилѣ.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я имѣлъ цѣлью напомнить знавшимъ К-на Н-ча и разказать его не знавшимъ лишь главнѣйшіе моменты въ жизни покойнаго, не болѣе. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ давно уже сдѣлана; мѣсто его въ русской исторической наукѣ укажутъ тѣ, съ кого мы ждемъ полнаго обзора русской исторіографіи;

изображеніе сложнаго характера почившаго, всего своеобразнаго строя его умственныхъ интересовъ и душевныхъ свойствъ, конечно, дадутъ намъ люди, ближе, чѣмъ я, стоявшіе къ нашему учителю. Но какъ ученикъ почившаго, я не могу, кончая свою рѣчь о немъ, не сказать, что въ его лицѣ ушелъ отъ насъ, говоря его же словами, „большой“ человекъ. Какъ ни будемъ мы смотрѣть на его направленіе, на свойства его ума и характера, на особенности его педагогическаго дара, мы должны будемъ признать его исключительныя силы и знанія, его исключительныя достоинства. Въ исторіи русской и всеобщей, въ этикѣ и правѣ, въ исторіи искусства, въ поэзіи Шекспира и Пушкина, вездѣ онъ находилъ интересъ и удовлетвореніе, на все имѣлъ свой взглядъ, все зналъ и помнилъ. Обыкновенно сдержанный, мягкій и осторожный, онъ однако не желалъ и по живости природы не могъ скрывать своего отношенія къ дѣлу и лицамъ и высказывался хотя и деликатно, но съ неизмѣнною опредѣленностью. Самъ пройдя въ юности чрезъ различныя, совершенно разнородныя вліянія и не отдавшись слѣпо ни одному, онъ не заставлялъ своихъ учениковъ *jurare in verba magistri*, напротивъ, стремился охранить въ каждомъ свободное развитіе личности и никогда не дѣлалъ вопроса изъ разницы личныя взглядовъ (единственное исключеніе, извѣстное намъ, способно только подтвердить общее правило). За то у него не образовалось школы, хотя и было много учениковъ. Недавно высказано было мнѣніе, что такая школа въ С.-Петербургскомъ университетѣ была и есть; указывался и ея признакъ—наклонность къ изслѣдованію не историческихъ явленій, а историческихъ источниковъ. Мы думаемъ однако, что всѣ возможные изъ такого наблюденія выводы не могутъ быть связаны съ преподаваніемъ одного К. Н-ча и не могутъ быть признаны достаточными для характеристики „школы“. К. Н-чъ по одному случаю дѣйствительно писалъ (въ 1883 году): „я вообще того мнѣнія, что изслѣдованіе источниковъ—лучшая тема магистерскихъ диссертаций и даже докторскихъ“; но онъ здѣсь же прибавлялъ, что не указывалъ подобныхъ задачъ тѣмъ, чьи „симпатіи не туда направлены“. Эта оговорка лично для меня кажется очень знаменательною: К. Н-чъ дѣйствительно сообразовался съ „симпатіями“ учениковъ и полагалъ свой долгъ именно въ томъ, чтобы создать юношѣ обстановку для работы, не стѣсняя его личныя взглядовъ и способностей. Оттого среди его учениковъ есть и археологи, и историки самыхъ различныхъ отдѣлковъ; одинъ изъ работавшихъ у него на старшихъ курсахъ университета занимаетъ те-

перь кафедре философіи, другой—кафедре исторіи искусствъ. И каждый изъ насъ, какимъ бы путемъ онъ ни шелъ, навѣрное, хранить въ своей душѣ благодарнѣйшее воспоминаніе о многихъ минутахъ чистаго и глубокаго увлеченія наукою и прошлымъ родной страны, минутахъ драгоценныхъ, которыми мы обязаны нашему почившему учителю. Надо ли указывать на то, что въ воспоминаніи о немъ заключается для насъ ободряющій примѣръ дѣятельности въ настоящемъ? И надо ли говорить о томъ, что общеніе съ нимъ и самое о немъ воспоминаніе есть одно изъ цѣннѣйшихъ стяжаній нашей юности?

С. Шлатеновъ.

III¹⁾.

Сегодня похоронили Константина Николаевича Бестужевъ-Рюмина. Есть утраты, которыя чувствуются особенно сильно и горько, есть потери, которыя отзываются въ сердцѣ особенно жгуче, есть личности, дѣятельность которыхъ выходитъ за тѣсныя рамки ихъ officialнаго положенія; есть люди, которые при всей своей жизни „въ обществѣ“, принадлежать этому обществу. Именно такого рода утратой является смерть К. Н., именно къ числу такихъ людей принадлежалъ усопшій профессоръ и академикъ. Его потеря одинаково больно отзовется и на его сверстникахъ, слѣдившихъ за расцвѣтомъ его умственныхъ силъ, на со товарищахъ въ совмѣстной работѣ и на младшемъ поколѣніи, которое пожинало плоды его всегда неустанной, всегда благородной работы. Вышняя сторона жизни покойнаго далеко не разнообразна, но за то она богата и сложна своимъ внутреннимъ содержаніемъ. И вотъ почему рукъ, которая дрожить отъ волненія при воспоминаніи о едва закрытой еще могилѣ, особенно трудно и тяжело начертать теперь же во всей полнотѣ его свѣтлый и симпатичный образъ, теперь же опредѣлить все значеніе его плодотворной дѣятельности.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, для которой помѣщичьи привилегіи служили средствомъ къ удовлетворенію не однѣхъ только матеріальныхъ, но и культурныхъ нуждъ. Подъ влияніемъ своего отца, обладавшаго прекрасною библио-

¹⁾ Изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, № 5, 1897 г.

текой, Бестужевъ-Рюминъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ чтеніе, и въ пору своего вступленія въ жизнь онъ уже предъявлялъ къ ней серьезно сложившіяся требованія. Если не раньше, какъ только въ послѣдующіе годы, развились его взгляды, окончательно опредѣлилось его міросозерцаніе,—то несомнѣнно, что уже въ юношескую пору заложено было основаніе тѣмъ широкимъ интересамъ, которые составляли всегда одно изъ отличительныхъ свойствъ покойнаго. Вотъ почему Бестужевъ-Рюминъ далеко былъ отъ того, чтобы ограничиться одною только сферою чисто ученой или преподавательской дѣятельности; на явленія общественной жизни онъ откликался не менѣе чутко, а въ вопросѣ о женскомъ образованіи прямо сталъ въ передовые ряды борцовъ за это дѣло. Первыми учителями его были: Карамзинъ, Гиббонъ и Плутархъ, а въ университетѣ онъ учился не только у Соловьева, Кавелина, Буслаева, но и Грановскаго и Кудрявцева. Для него, вполнѣ специализовавшагося на русской исторіи, эти влиянія, шедшія со стороны обоихъ побѣговъ историческаго знанія,—причемъ значеніе Грановскаго было, можетъ быть, еще сильнѣе, чѣмъ значеніе Соловьева,—эти влиянія, говорю я, обезпечили навсегда ту завидную широту воззрѣній, которою отличались его труды, ту широту въ постановкѣ вопросовъ, наконецъ тотъ синтезъ и способность къ обобщеніямъ, которыя онъ самъ такъ цѣнилъ вообще.

Философская мысль всегда преобладала въ его работахъ, даже исключительно историческихъ. Пишущій эти строки помнитъ, какъ часто покойный Бестужевъ-Рюминъ возвращался къ мысли о томъ, чтобы со временемъ написать такую книгу, гдѣ бы въ сжатой и доступной формѣ изложены были основныя начала исторіи Россіи, и была бы дана руководящая нить въ пониманіи нашего прошлаго во всемъ его цѣломъ.

Университетскіе годы его, въ чисто научномъ отношеніи, можно отнести къ числу благоприятно сложившихся. Не говоря про влияніе вышеупомянутыхъ профессоровъ Московскаго университета, на ряду съ которыми покойный Константинъ Николаевичъ всегда любилъ упоминать также Н. Крылова и Рѣдкина,—самый характеръ тогдашняго преподаванія соединялъ съ себѣ всѣ данныя для развитія въ немъ навыка и стремленія къ синтетическому мышленію. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ наука не успѣла еще такъ специализоваться, какъ нынѣ, и знаніе еще не было разсортировано по такимъ мелкимъ клѣточкамъ, какъ теперь.

Можетъ быть современный ученый и основательнѣе знаетъ свою

спеціальность, за то прежніе профессора обладали большею разносторонностью и силою обобщенія. Пройдя предварительно юридическую школу, К. Н. получилъ, благодаря этому, ту подготовку, какая въ наше время встрѣчается далеко не у каждаго.

Воспитаніе Бестужева - Рюмина совпало съ тою порою, когда въ наукѣ преобладали интересы культурныя и политическія, что до известной степени обусловило и его отношеніе къ позднѣйшимъ теченіямъ въ русской историографіи.

Вотъ почему значеніе экономическихъ факторовъ въ исторіи общества покойный признавалъ далеко не безусловно; въ ихъ разработкѣ онъ не видѣлъ непременно „очереднаго“ вопроса современной историографіи, но въ то же время никогда не сводилъ онъ исторіи и къ одной только личности, никогда не видѣлъ въ ней одну только механическую сумму внѣшнихъ фактовъ. Наоборотъ, онъ глубоко понималъ и цѣнилъ значеніе общества, его роль и вліяніе въ исторіи. Въ главномъ трудѣ его, доведенномъ до воцаренія дома Романовыхъ, отдѣлы, посвященные организаціи общества, его внутренней жизни, литературѣ, церкви и вообще духовной культурѣ, занимаютъ преобладающее мѣсто. Въ этомъ отношеніи, ученикъ Карамзина и Соловьева, во многомъ раздѣлявшій взгляды послѣдняго, Бестужевъ-Рюминъ *обществу* придавалъ всегда значеніе гораздо большее, чѣмъ представитель московской каведры, подъ перомъ котораго гораздо рельефнѣе выступало *исударство*.

Въ оцѣнкѣ историческихъ явленій это былъ замѣчательно строгій къ себѣ человекъ. Любой вопросъ подвергалъ онъ обыкновенно самой внимательной критикѣ, основанной на предварительномъ разборѣ источниковъ,—разборѣ, поражающемъ своею тщательностью и отдѣлкой. Въ то же время въ его трудахъ особенно ярко выдѣляется строгая объективность и спокойствіе тона—удѣлъ возвышеннаго ума и благороднаго сердца. Многіе находили его излишне осторожнымъ въ историческихъ приговорахъ, но эта осторожность была результатомъ личной деликатности и недовѣрія къ самому себѣ.

Послѣдняя черта роднила К. Н. съ такъ называемыми людьми сороковыхъ годовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ и по рожденію, и по воспитанію. Люди, близкіе къ нему, хорошо знаютъ, сколько внутренняго разлада жило въ его душѣ. Вотъ почему такъ высоко цѣнилъ онъ Шекспира, этого великаго знатока человѣческаго сердца, вотъ почему такъ близокъ былъ ему шекспировскій Гамлетъ. Можетъ быть, на этой же почвѣ слѣдуетъ искать объясненія и той охотѣ, съ

какою онъ отмѣчалъ симпатичныя стороны въ личности и государственной дѣятельности Іоанна Грознаго, въ которомъ онъ видѣлъ человѣка съ большимъ умомъ и слабую волей.

Въ его щедедушномъ тѣлѣ — а послѣднія 10 лѣтъ онъ хворалъ почти непрерывно — таялось духовныхъ силъ на много, много жизней.

Въ нашъ вѣкъ, когда мы такъ часто замыкаемся въ узкомъ пространствѣ той или иной специальности, того или много частнаго вопроса, онъ являлся живой антитезою этого умственного самоубійства и въ своихъ рѣчахъ, полныхъ огня и одушевленія, рисовалъ заманчивый образъ ученаго, которому одинаково доступны и самое широкое обобщеніе, и самый глубокий анализъ.

Историкъ по профессіи, онъ до конца дней своихъ живо интересовался литературой, искусствомъ и социальными вопросами. Въ его библиотекѣ найдутся почти всѣ изданія Шекспира съ комментаріями; цѣлый шкафъ наполненъ различными изданіями Библіи. Уже въ старости выучился онъ греческому языку, единственно ради того, чтобы имѣть возможность читать Евангеліе въ подлинникѣ. Божественная комедія Данте была однимъ изъ его любимыхъ произведеній. Гете и А. де-Мюссе, Тютчевъ и Хомяковъ могутъ считать его въ числѣ своихъ вѣрныхъ поклонниковъ. Для него было прямо духовной потребностью, въ теченіе многихъ лѣтъ, изо дня въ день, послѣдовательно, стихъ за стихомъ, глава за главою, перечитывать Библию. Своего любимца Пушкина онъ ежегодно перечитывалъ всего, отъ начала до конца. Обладая прекрасною коллекціей эстамповъ и иллюстрированныхъ изданій, онъ любилъ въ часы досуга пересматривать свои сокровища, почерпая въ этомъ чудномъ художественномъ мірѣ рафаэлевскихъ мадоннъ, библейскихъ пророковъ и шекспировскихъ героевъ отдыхъ и новыя силы для своего творчества. Картины Иванова, сравненіе однородныхъ сюжетовъ у Дорэ и Бида, мадонны Беато Анжелико, полныя женственной прелести и дѣтской наивности, — сколько нескончаемыхъ темъ для разговора, для тонкихъ замѣчаній, для обмѣна мыслей, — намѣренно говорю — обмѣна, потому что покойный любилъ дѣлиться своими впечатлѣніями и вводить другихъ въ тотъ міръ, гдѣ ему такъ хорошо дышалось, такъ свободно жилось...

Можно-ли послѣ этого удивляться, что человѣкъ столь всесторонній, съ такою отзывчивою душою имѣлъ громадное вліяніе прежде всего на тѣхъ, кто обыкновенно наиболѣе отзывчивъ на все честное и хорошее — на нашу молодежь?

Кто имѣлъ радость и счастье быть близкимъ къ нему, тотъ хо-

рошо знаетъ, какъ онъ умѣлъ пробуждать въ своемъ собесѣдникѣ самыя разнообразныя стороны челоѳческаго духа, воспитать уваженіе къ строгому и серьезному знанію, терпимость къ чужому взгляду и строгія требованія къ самому себѣ. Многіе обязаны ему своими свѣдѣніями не только изъ исторіи, но и по литературѣ (русской и иностранной). Одно уже увлеченіе, съ какимъ онъ относился къ любимому автору или произведенію, одна уже его способность вникать, схватывать отдѣльные оттѣнки и, если можно такъ выразиться, ощущать, осязать ихъ художественную прелесть, возбуждали въ собесѣдникѣ живой интересъ, заставляя братья за книгу.

Насколько спокоенъ, выдержанъ, мѣстами, пожалуй, даже сухъ онъ бывалъ въ своихъ произведеніяхъ, настолько же полною оживленія и энергіи въ устной бесѣдѣ. Онъ никогда не говорилъ спокойно, онъ ни къ чему не относился индифферентно. Въ былые годы едва появляясь въ дверяхъ аудиторіи, еще не дойдя до кафедръ, онъ уже начиналъ свою лекцію. Его голосъ, обыкновенно глухой и слабый, постепенно повышался или переходилъ въ шопотъ, слышимый на самыхъ дальнихъ скамьяхъ. Его глаза, и безъ того всегда живые, глаза, съ которыми не могъ совладать ни одинъ изъ портретистовъ, обыкновенно горѣли, отражая въ себѣ всю сложную гамму его душевныхъ движеній.

Настоящія строки пишутся несомнѣнно субъективнымъ перомъ и этого нечего стыдиться! Было бы горько и обидно за усопшаго, недостойно его памяти, если бы въ такую минуту возможно было еще сохранять душевное спокойствіе. Никакой некрологъ вообще не въ силахъ дать полную оцѣнку только что умершаго челоѳка, настоящія воспоминанія тѣмъ менѣ претендуютъ на это.

Многое здѣсь совершенно опущено. Бестужевъ-Рюминъ былъ не только профессоромъ или историкомъ. Какъ дѣятельный участникъ на владимірскихъ вечернихъ лекціяхъ, организованныхъ въ семидесятыхъ годахъ, какъ основатель высшихъ женскихъ курсовъ, по справедливости называемыхъ „Бестужевскими“, онъ несомнѣнно займетъ видное и почетное мѣсто въ исторіи русской женщины и движенія общественной мысли второй половины XIX столѣтія.

Какъ предсѣдатель славянскаго благотворительнаго общества, онъ являлся представителемъ славянофильскаго направленія; но челоѳкъ, для котораго гармонія и красота были высшимъ выраженіемъ идеала, никогда не могъ уйдти въ крайность, хотя многимъ это и казалось. И вотъ почему онъ, всегда съ горячимъ уваженіемъ произносившій

имена Хомякова, К. Аксакова, Ю. Самарина, всегда ревниво оберегавшій національное достоинство Россіи и ея духовную самобытность, — онъ. мечтавшій о федераціи славянскихъ народовъ — въ то же время съ полнымъ уваженіемъ относился къ западно-европейской культурѣ, былъ горячимъ поклонникомъ реформъ Петра Великаго и никогда не боялся открыто признавать это.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ читалъ лекціи членамъ Императорской фамилии: Императору Александру III, въ бытность Его Цесаревичемъ, великимъ князьямъ Владимиру, Сергію и Павлу Александровичамъ, Константину и Дмитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу, великимъ князьямъ Маріи Александровнѣ и Вѣрѣ Константиновнѣ. Эти лекціи частью вошли въ переработанномъ видѣ въ печатный трудъ его: „Русская Исторія“, бoльшая же часть ихъ остается еще неизданною.

Вообще вліяніе Бестужева-Рюмина выходило за обычные предѣлы кафедръ, за обычныя рамки книги. Какъ умѣлъ онъ, напримѣръ, отзываться на запросы молодого, пытливаго ума, поддержать и ободрить своимъ совѣтомъ! Какъ умѣлъ онъ направить начинающаго ученика или литератора, всегда указывая ему дорогу, но никогда не ведя его по ней насильно! Много можно бы еще прибавить, но разносторонняя оцѣнка покойнаго принадлежитъ будущему...

Эти же строки — не болѣе, какъ слабая дань усопшему со стороны тѣхъ, кто зналъ его, какъ своего учителя и друга, тѣхъ, въ чьей благодарной памяти на вѣкъ запечатлѣется его свѣтлый образъ.

Почій же въ вѣчномъ покоѣ, ты, чье сердце горѣло пламенемъ истины и добра, и пусть этотъ послѣдній привѣтъ твоихъ друзей будетъ лишь малымъ лепесткомъ въ томъ огромномъ вѣнкѣ, который сплетаетъ тебѣ наша дружба, любовь и уваженіе.

Е. Шмурло.

IV.

Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ Н. Н. Бестужева-Рюмина.**1847.**

1. Сочиненія Фонъ-Визина. С.-Пб. 1846. Въ 12-ю долю листа. Изданіе Смирдина.—*Нижегор. Губ. Вѣд.*, 1847, № 14.
2. Сочиненія Озерова. Изданіе Смирдина.—*Нижегор. Губ. Вѣд.*, 1847, № 18.
3. Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. 3 тома съ биографіей, написанной П. А. Плетневымъ С.-Пб. 1847.—*Нижегор. Губ. Вѣд.*, 1847, № 27.
4. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Н. Гоголя. С.-Пб. 1847.—*Нижегор. Губ. Вѣд.*, 1847, №№ 30 и 31.

1854.

5. Сумароковъ и современная ему критика, соч. Булича. С.-Пб. 1854.—*Москов. Вѣд.* 1854, № 40, № 47, № 68.

1855.

6. Сочиненія А. С. Пушкина съ приложеніемъ матеріаловъ для его биографіи, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и пр., изданіе П. В. Анненкова. С.-Пб. 1855. Т. 1, 2, 3 и 5.—(*Не подписано*).—*Москов. Вѣд.* 1855, № 42, № 70, стр. 281—282; съ предисловіемъ редактора (М. Н. Каткова).

1856.

7. Сочиненія графа Соллогуба. С.-Пб. 1855. Т. I и II.—*Москов. Вѣд.*, 1856, № 12.
8. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. Т. VI. М. 1856.—*Москов. Вѣд.* 1856, № 46, № 54, № 59.
9. Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Соч. В. Чичерина. М. 1856.—*Московск. Вѣд.* 1856, № 86, № 93, № 94.

10. Житія Святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяцы: сентябрь, октябрь и ноябрь. С.-Пб. 1855—1856.—*Московск. Вѣд.*, 1856, № 112.

11. Собраніе писемъ Царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ Уложенія Сокольника пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, съ портретомъ Царя и снимками его почерка, вждивеніемъ К. Т. Солдатенкова, издалъ П. Бартеповъ. М. 1856.—*Московск. Вѣд.* 1856, № 122.

1857.

12. Последніе дни жизни Н. В. Гоголя. Соч. А. Тарасенкова. С.-Пб. 1857.—(*Не подписано*).—*Московск. Вѣд.*, 1857, № 24.

13. Литературная замѣтка: „О распространеніи знаній въ Россіи“, статья г. Ламанскаго въ *Современникѣ*.—*Московск. Вѣд.* 1857, № 61.

14. *Владимірскій Сборникъ*. Матеріалы для статистики, этнографіи, исторіи и археологіи Владимірской губерніи. Собралъ и издалъ К. Тихонравовъ. М. 1857.—*Московск. Вѣд.* 1857, № 67.

15. Ученый сдѣлавшійся ремесленникомъ (Повѣсть Ріля). Переводъ съ послѣсловіемъ ¹⁾—(Подписано: — *Пер.*).—*Московск. Вѣд.* 1857, № 92—95.

16. Развѣтїе понятій о преступленіи и наказаніи въ Русскомъ правѣ до Петра Великаго. М. 1857.—*Московск. Вѣд.* 1857, № 127.

1858.

17. Русскіе поэты во французскомъ и Мицкевичъ въ русскомъ переводѣ.—(Подп. Z.).—*Московск. Вѣд.* 1858, № 118.

18. Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изданіе Бенардаки и Ю. Богшенича. Вып. I и II. С.-Пб. 1858.—*Москов. Вѣд.* 1858, № 129.

19. Очеркъ исторіи Нѣмецкой литературы съ присоединеніемъ во II части избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей. Составилъ О. Штамиъ. Ч. I. М. 1858.—*Москов. Вѣд.*, 1858, № 129.

¹⁾ Кроме этого перевода помѣщено много другихъ переводовъ, политическихъ и литературныхъ статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1856—1859 гг.

20. Новая газета г. Мельникова „Русскій Дневникъ“.—*Москов. вѣд.*, 1858, № 129.
21. Исторія царствованія Филиппа II. Соч. Прескотта. 2 т. С.-Пб. 1858.—*Отеч. Зап.*, 1858, № 4, 63—71.
22. „Исторія Франціи“ Мишле.—*Отеч. Зап.*, 1858, № 6, 87—98.
23. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ г. Соловьева. Т. VIII М. 1858.—*Отеч. Зап.*, 1858, № 8, 53—63.

1859.

24. Этнографическія и историческія статьи Губернскихъ Вѣдомостей.—*Москов. Вѣд.*, 1859, № 56.
25. Учебная книга русской исторіи Сергѣя Соловьева. Выпускъ I. М. 1859.—*Москов. Вѣд.*, 1859, № 62.
26. Бунтъ Стеньки Разина. Соч. г. Костомарова. С.-Пб. 1859.—*Москов. Вѣд.*, 1859, № 92.
27. Современное состояніе русской исторіи, какъ науки. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. I—VIII. М. 1851—1858.—*Москов. Обзор.*, 1859, кн. I, отд. I, стр. 1—132.
28. Исторія царствованія Петра Великаго. Соч. Н. Устрялова. Т. I, II и III. С.-Пб. 1851.—(*Не подписано*).—*Москов. Обзор.*, 1859, кн. I, отд. II, стр. 203—207.
29. Народное Чтеніе, составленное А. Оболенскимъ и Г. Щербачевымъ. Кн. 1, 2, 3 и 4. С.-Пб. 1859.—*Москов. Вѣд.*, 1859, № 200.
30. Г-жа Свѣчнна и ея переписка съ Токвилемъ. Современная французская поэзія. Комедія Дюма-Сына. Новая страна, которая, вѣроятно, откроется для европейцевъ.—(*Не подписано*).—С.-Петербург. *Вѣд.* (фельетонъ), 1859, № 269.
31. L'Église et l'Empire Romain au IV siècle, par M. Albert de Broglie. Première partie. Règne de Constantin. 2 vols. Paris 1856. Deuxième partie. Constance et Julien. 2 vols. Paris. 1859. — *Отеч. Зап.*, 1859, № 7, 28—43.
32. Нѣсколько словъ по поводу статьи: „Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ!“ (Современникъ, 1859, № 9). (По поводу книги Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“). — *Отеч. Зап.*, 1859, № 1, 37—42.
33. Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. VI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. С.-Пб. 1859.—*Отеч. Зап.*, 1859, № 2, 70—85.

34. Норманскій періодъ русской исторіи. Сочиненіе М. Погодина. М. 1859.—*Отеч. Зап.*, 1859, № 2, 102—111.

1860.

35. Исторія отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Соч. генераль-маюра М. Богдановича. Т. 1 и 2. С.-Пб. 1859.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 1, 18—37; № 2, 91—117.

36. Курсъ исторіи древняго мира, составленный В. Шульгинимъ. Кіевъ. 1859.—Курсъ всеобщей исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ, т. I. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. М. 1859—1860.—Краткій учебникъ всеобщей исторіи. Соч. доктора Г. Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію П. Соколова съ 5 изданія. Вып. I. Исторія древняго мира. М. 1859.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 2, 77—91.

37. Различныя направленія въ изученіи русской народности. Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Книга II. М. 1860. Лѣтописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихомировымъ. Кн. I и III. 1859.—Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія. Соч. Дм. Щепкина. Вып. I. М. 1859.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 3, 24—44.

38. Литературная замѣтка. О диспутѣ между гг. Погодинимъ и Костомаровымъ.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1860, № 4, 107—108.

39. Сочиненія К. Кавелина. Ч. 1—4. М. 1859. Статьи I—III.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 4, 74—97; № 6, 28—59; № 8, 59—89.

40. Народныя бесѣды. Изд. Д. В. Григоровича. С.-Пб. 1860. 10 книж.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 6, 75—89.

41. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Т. X. С.-Пб. 1860.—*Отеч. Зап.*, 1860, № 9, 1—28. (См. № 43).

42. Философія исторіи и Московское государство. (По поводу статьи г. Дмитріева: „Отвѣтъ г. Вестужеву-Рюмину“. *Моск. Вѣд.*, № 209).—*Отеч. Зап.*, 1860, № 11, 1—117.

1861.

43. Исторія Россіи съ древнихъ временъ. Соч. Соловьева. Т. I—IX. М. 1851—1859. Т. X. С.-Пб. 1860. Статья 2-я.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 1, 28—47. (См. № 41).

44. Новые учебники русской исторіи. Учебная книга русской исторіи. Соч. С. Соловьева. Вып. 1—5. М. 1859—60. Краткіе очерки

русской исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Вып. 1—2. М. 1860.—*(Не подписано)*.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 1, 47—52.

45. Федеративное начало въ древней Руси. (По поводу статьи г. Костомарова „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“. Основа, 1861, № 1)—*(Не подписано)*.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 2, 53—66.

46. Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Записки И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860.—*(Не подписано)*.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 4, 86—124.

47. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. М. 1861.— Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. I. Выпуски 1 и 2. М. 1860—61. Русскія народныя былины и пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. М. 1859. Калитки переходящія. Сборникъ стиховъ и изслѣдованій П. Безсонова. Ч. I. Вып. 1 и 2. М. 1861.—*(Не подписано)*.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 6, 59—92; № 7, 1—24.

48. Французскіе софизмы въ параллель съ русскими. *Tacite et son siècle, ou la société Romaine Impériale d'Auguste aux Antonins dans ses rapports avec la société moderne*, par E. P. Dubois-Guchan, procureur impérial à Nantes. Paris. 1861. 2 vol.—О причинахъ паденія Рима. Подражаніе Монтеסקье. М. Чернышевскаго. („Современникъ“ 1861, № 5).—*Отеч. Зап.*, 1861, № 8, 109—124.

49. Послѣдніе труды во Франціи по вопросу о централизациі. *De la Centralisation et de ses effets*, par Odilon Barrot. Paris. 1861—*La Province, ce qu'elle est doit être*, par Ellias Regnault. Paris. 1861.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 10, 549—578.

50. Нѣчто о профессорахъ.—*(Не подписано)*.—*Отеч. Зап.*, 1861, № 12, 665—674.

51. Историческое и политическое доктринерство въ его практическомъ положеніи. (По поводу вступительной лекціи, читанной г. Чичеринимъ въ Московскомъ университетѣ).—*Отеч. Зап.*, 1861, № 11, 1—10.

52. Въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами. С.-Пб. 1861. Въ т. I-мъ статьи:

Або, губ. городъ; Абракадабра; Августъ, самозванецъ смутнаго времени; Авель, монахъ Соловецкаго монастыря; Авехесахъ; Авраамій, муч. Болгарскій; Авраамій Ростовскій; Авсень; Агапиль, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря; Агаѣи, княгини русскія; Агнеса или Адельгейда; Аграфена Купальница; Агрипины, русскія княжны; во II т.; Адвинда, мнимая княгиня русская; Адъ; Аѣпа, ханы половецкіе; Айшонъ, вотяцкій женскій головной уборъ; Акем-Тилеман-Дусъ, гол-

ландскій рудопромышленникъ; Акинѣй Гавриловичъ, бояринъ Ивана Даниловича Калиты; Аксаковъ, К. С.; Аксиномантія, гаданіе; Акулина Гречишница; въ III т.; Алатырь, бѣль-горючъ камень; Алевромантія, гаданіе; Александръ, Вятскій еп.. † 1679; Александръ Всеволодовичъ, кн. Бѣльскій; Александръ Михайловичъ, вел. кн. Владимірскій; Александръ Поповичъ, богатырь Владимира Св.; Александръ, посадникъ Новгородскій; Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ; Алексѣй, Архіепископъ Новгородскій; Алексѣй, митрополитъ Кіевскій; Алексѣй Михайловичъ, царь Московскій; Алектріомантія, гаданіе; Алломантія, гаданіе; Альбертъ I. епископъ Ливонскій.

1862.

53. Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ. Полное собраніе И. В. Кирѣевского. 2 т. М. 1861.—Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова. т. I. М. 1861.—Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. т. I. М. 1861.—*Отеч. Зап.*, 1862, № 2, 679—719; № 3, 26—58; № 5. 1—23.

54. Польша въ 1733 году. Борьба за польскій престолъ въ 1733 году. В. Герье. М. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 7, 81—113.

55. Деревенскіе вечера или Исторія Россіи въ разговорахъ для простолюдиновъ. С.-Пб. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 8, 247—252.

56. Наша старина по лѣтописи и устному преданію для начинающихъ учиться русской исторіи. Составилъ Н. Чаевъ. Вып. I. М. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 8, 252—254.

57. Разказы изъ Русской исторіи, сочиненіе Ивана Бѣляева. Книга I. М. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 8, 254—259.

58. Бесѣды о русской исторіи. Ореста Миллера. Выпускъ I. С.-Пб. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 8, 259.

59. Лекціи по русской исторіи Н. Костомарова. Издавъ П. Гайдебуровъ. Вступительная лекція о лѣтописи. С.-Пб. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 8, 260—266.

60. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. т. XII. М. 1862.—(*Не подписано*).—*Отеч. Зап.*, 1862, № 12, 180—182.

61. Въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами. С.-Пб. 1862. Въ т. IV-мъ: Апастасія Романовна, первая жена царя Ивана IV Грознаго; Андрей Александро-

вичъ, сынъ Александра Невскаго; Андрей Васильевичъ Горай, сынъ Василя Темнаго; Андрей Владиміровичъ, сынъ Владиміра Мономаха; Андрей Юрьевичъ Боголюбскій; Андрей Ярославичъ, сынъ Ярослава Всеволодовича; Андроновъ, Ѳеодоръ, дѣятель смутнаго времени; Анка воинъ; Анкудиновъ, Тимошка, самозванецъ; Антоній, архіеп. Новгородскій; Антоній, основатель Кіево-Печерской лавры; Антоній римлянинъ; въ V-мъ т.: Апостолъ, Даниилъ Павловичъ, гетманъ; Археографическая коммисія; Арцыбашевъ, Николай Сергѣевичъ; Аскольдъ и Диръ; Астраханское царство.

1863.

62. Г. Гильфердингъ передъ судомъ русской журналистики. (Письмо къ редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей). (Подписано: *Провинціалъ*. Тверь, 12-го апрѣля).—*С.-Петербург. Вѣд.*, 1863, № 82.

63. Русская исторія въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ.—*С.-Петербург. Вѣд.*, 1863, № 134.

64. Руководство ко всеобщей исторіи для младшаго возраста. Д. Иловайскій. Вып. I. Древній миръ и средніе вѣка. Москва. 1863.—*С.-Петербург. Вѣд.*, 1863, № 211, стр. 859.

65. Редактировалъ Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. I—IV. (См. № 72).

66. Die Bergvölker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Nach eigener Anschauung geschildert von Theophil Lapsinski (Tefik Bey) Oberst und Commandant einer polnischen Truppen-Abtheilung im Lande der unabhängigen Kaukasier. Erster Band. Hamburg. 1863.—*Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.*, 1863, кн. I, стр. 1—51.

67. Bevölkerung des Russischen Kaiserreichs in den wichtigsten statistischen Verhältnissen dargestellt von A. v. Buschen. Gota. 1862. *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, 1863, кн. I, стр. 51—54.

68. Перевелъ: Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англии. Т. I (части I и II). Съ предисловіемъ „Нѣсколько словъ о Г. Т. Боклѣ“ (стр. III—VII). 1863—1865; изд. 2-е исправленное 1865, изд. 3-е 1873.

69. Редактировалъ переводъ статьи: „Графъ Чатамъ“, Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. V. (стр. 141—231).

70. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго 1614 г. съ замѣткою К. Н. Вестужева-Рюмина.—*Русскій Архивъ*, 1863, вып. 10 и 11, стр. 722—761.

71. Въ Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими литераторами и учеными. С.-Пб. 1863. Въ отд. II, т. I-мъ: Евгений Болховитиновъ; Евфросинъ, прендобный; Евѣмій, архіепископъ Новгородскій; Егорій Храбрый; Едигерь-Махметъ, царь Астраханскій; Екатерина Алексѣевна, царевна, дочь царя Алексѣя Михайловича; Елена Ивановна, жена Александра Казимировича; Елецкіе князья.

1864.

72. Редактировалъ Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. I—IV. (См. № 65).

73. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Почорскомъ. Изд. 2-е 1865, 3-е 1875, 4-ое 1882, 5-е 1883, и 6-е 1885.

74. О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. Изд. 2-ое 1865 г.

75. А. А. Григорьевъ (некрологъ)—(*Не подписано*). — *Народное Божество*, 1864, № 210, 29-го сентября. (Перепечатанъ въ № 212 той же газеты, такъ какъ въ № 210 онъ былъ напечатанъ не совсѣмъ вѣрно).

1865.

76. Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его, Мономаховичи, или о временахъ княжескихъ смуть и усобиць. Изданіе 2-ое—1865 же года.

77. Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 2-го сентября 1865 г.—*Отч. Зап.*, 1865, сентябрь, кн. 2, 243—255.

78. С. В. Ешевскій (некрологъ).—*С.-Петерб. Вѣдомости*, 1865, № 133.

1866.

79. Письмо профессора *К. Н. Бестужева-Рюмина* о статьѣ С. В. Ешевскаго „Русская Колонизація Сѣверо-Восточнаго края“ и объ авторѣ ея.—*Вѣстн. Европы*, 1866, т. I, 211—218.

80. О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ.

1867.

81. Карамзинъ, какъ историкъ. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 2-го декабря 1866.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1867, № 1, стр. 1—20. Годичный торжественный актъ Импер. С.-Пб. университета 2-го декабря 1866 г. С.-Пб. 1867, стр. 1—20. (Перепечатано въ книгѣ „Біографіи и Характеристики“, С.-Пб., 1882, стр. 205—230).

82. О колонизаціи великорусскаго племени.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1867, № 6, 776—784.

1868.

83. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. Исслѣдованіе.—Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи 1865—1866 гг. Вып. 4. С.-Пб. 1868. 8° и отдѣльно. За это изслѣдованіе авторъ удостоенъ степени доктора русской исторіи.

1870.

84. Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Киевское. Ор. Миллера. С.-Пб. 1870.—*Заря*, 1870, № 1, 178—184.

85. Вступительная лекція въ публичный курсъ русской исторіи,—*Заря*, 1870, № 2, 66—74.

86. С. В. Ешевскій. Біографическій очеркъ. Сочиненія С. В. Ешевскаго. М. 1870. Часть I, стр. III—LXXXVII. Перепечатано въ книгѣ „Біографіи и Характеристики“.

1871.

87. Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Ивана Грознаго.—*Заря*, 1871, № 3, 83—90, то же: „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Пб. Слав. Благ. Общ.“, 149—152.

88. Отзывъ о сочиненіи Ѳ. Успенскаго: „О трехъ первыхъ попыткахъ объединенія у западныхъ славянъ“.—„Первыя 15 лѣтъ существ. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.“, С.-Пб., 1883, 147.

89. Записка объ ученыхъ трудахъ магистра Егора Замысловскаго.—Протоколы засѣданій совѣта С.-Пб. университета 1871—1872, № 5. 23—24.

90. А. Н. Афанасьевъ. (Некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1871, № 10, 319—321.

91. Документы о восшествіи на престолъ императрицы Анны Ивановны. Съ замѣткою.—Памятники Новой Русской Исторіи, изд. В. Кашпиревымъ. С.-Пб. 1871. Т. I, 1—16. (Тоже въ Сборн. историч. матер. и документовъ, относящихся къ Новой русской исторіи XVIII и XIX вѣка, издан. Михайловымъ. С.-Пб. 1873, стр. 1—16).

1872.

92. Русская Исторія. *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Т. I. Изд. Д. Е. Кожанчикова. С.-Пб. 1872. 8°. III+IV+246+480 стр.; въ 1873 г. вышелъ переводъ: *Geschichte Russlands. Von Bestuschew-Rjumin. Uebersetzt von Th. Schiemann. I. Mitau, 1873.*

93. Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году. Изданы подъ редакцію графа А. С. Уварова. М. 1871. Два тома съ атласомъ.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1872, № 4, 301—308.

94. Древняя русская исторія до монгольскаго ига. М. Погодинъ. М. 1871.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1872, № 5, 135—142.

95. Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. (Читано въ торжественномъ собраніи Импер. С.-Петербур. университета, 31-го мая 1872 г.).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1872, № 6, 149—156.

96. Рѣчь, произнесенная въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея М. П. Погодина.—Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина. М. 1872, 64—65.

97. А. О. Гильфердингъ. (Некрологъ).—*Голосъ*, 1872, № 53.

98. М. Д. Хмыровъ. (Некрологъ).—*Голосъ*, 1872, № 213.

1873.

99. Смыслъ и значеніе музея имени Государя Наслѣдника.—(Не подписано).—*Голосъ*, 1873, № 31, передовая статья.

100. Предположеніе о составѣ музея имени Государя Наслѣдника.—(Не подписано).—*Голосъ*, 1873, № 41, передовая статья.

101. А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ.—*Голосъ*. 1873, № 54. Тоже въ книгѣ „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Пб. Слав. Благ. Общества“, С.-Пб., 1883, 218—222; и въ книгѣ „Біографіи и Характеристики“.

102. Завѣщаніе отеческое къ сыну. Сочиненіе Ивана Посошкова. Открыто и издано Андр. Поповымъ. М. 1873.—*Голосъ*, 1873, № 192.

103. Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механикъ-самоучка.—„Нашимъ дѣтямъ“, иллюстрированный литературно-научный сборникъ, изд. А. Н. Якоби. С.-Пб. 1873, стр. 302—315.

104. О русскихъ журналахъ и о дядѣ автора Михаилѣ Павловичѣ.—*Русская Старина*, 1873, № 6, 860.

105. Въ Энциклопедическомъ словарѣ, изданномъ проф. С.-Пб. университета И. Н. Березинымъ. С.-Пб., 1873, отд. I, т. III: Баба-Яга; Бабы камешныя; Байеръ, Г. З., академикъ; Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник.; Бантышъ-Каменскій, Дм. Шик.; Басенокъ. Ѳед. Вас.

1874.

106. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Т. XXIII. Исторія Россіи въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. III. М. 1873.—*Сборникъ Государственныхъ знаній*, т. I, 37—41.

107. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е генваря 1654 г.—по 30 мая 1672 г. Сочиненіе Геннадія Карпова. М. 1870.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1874, № 12, 319—325.

108. Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Записки фельдмаршала графа Мишиха. Переводъ съ французскаго. Предисловіе, XIII—XXIX.

109. Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма леди Рондо. Переводъ съ англійскаго. Предисловіе, XI—XXIII.

110. Письмо на имя предсѣдателя Общества любителей россійской словесности по поводу 35-ти лѣтнаго юбилея П. И. Мельникова.—*Московск. Вѣд.*, 1874, № 285.

111. Въ Энцикл. Словарѣ И. Н. Березина. Отд. I, т. IV: Годуновъ, Борисъ Ѳеодоровичъ; Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь; Литовское Великое княжество; Локателли, графъ Францискъ. † 1735; Лѣтописи русскія.

1875.

112. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXIV.—*Сборникъ Госуд. знаній*, т. II, 167—172.

113. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомяиновъ. Выпускъ I. С.-Пб. 1874.—*Древняя и Новая Россія*, 1875, № 2, 220—221.

114. Василій Никитичъ Татищевъ. Администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка (1686—1750).—*Древняя и Новая Россія*, 1875, № 1, 8—21; № 2, 126—133; № 3, 252—264; № 5, 33—47; № 8, 313—332, № 12, 349—366. (Перепечатано въ книгѣ „Біографіи и Характеристика“).

115. Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и приложениями, съ портретомъ Шлецера. С.-Пб. 1875. — *Древняя и Новая Россія*, 1875, т. II, № 7, 288—289.

1876.

116. Письмо канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина къ Ив. Дм. Бестужеву-Рюмину 1764. Сообщилъ К. Бестужевъ-Рюминъ. — *Русская Старина*, 1876, № 1, 211—212.

117. П. М. Строевъ † 6-го января 1876. (Некрологъ). — *Русская Старина*, 1876, № 2, 426—429.

118. Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи“ С. Соловьева. 1851—1876. — *Русская Старина*, 1876, № 3, 679—686.

119. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомяинова. С.-Пб. 1875. Вып. 1 и 2. Недѣля, 1876, № 3—5, 164—167.

120. Историко-литературный обзоръ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латвіянъ (XI—XV в.). Андрей Поповъ. М. 1875. *Древняя и Новая Россія*, 1876, № 1, 80—90.

121. М. П. Погодинъ. (Некрологъ). — *Древняя и Новая Россія*, 1876, № 2, 147—158, (Перепечатано въ книгѣ „Біографіи и Характеристика“, С.-Пб., 1882, стр. 231—254).

122. Исторія Тверскаго княжества. В. С. Борзаковскій. С.-Пб. 1876.—*Древняя и Новая Россія*, 1876, № 5, 73—74.

123. Исторія Россіи. Ч. I. Кіевскій періодъ. Д. Иловайскій. М.

1876.—Розысканія о началѣ Руси. Д. Иловайскій. М. 1876.—*Древняя и Новая Россія*, 1876, № 6, 132—194.

124. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, Ив. Забѣлина. Ч. I. М. 1876.—*Древняя и Новая Россія*, 1876, № 8. 386—387.

125. La Russie épique. Etude sur les chansons héroiques de la Russie, traduites ou analysées pour la première fois par Alfred Rambaud, professeur à la Faculté de lettres de Nancy. Paris. 1876.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1876, № 9, стр. 85—89.

126. Нравственное и матеріальное состояніе западно-русскаго общества до Сигизмунда Августа. (Отрывокъ изъ II т. Русской Исторіи).—„Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины“. С.-Пб. 1876, 365—383.

127. Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ. Гладстонъ. Переводъ съ англійскаго К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. С.-Пб. 1876. 8°. XIII + 48 стр.

128. О значеніи слова „дворянинъ“ по памятникамъ до 1462.—Труды 2-го Археологическаго съѣзда. Вып. I, 121—125.

129. Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I. В. Е. Румянцева.—*Извѣстія Императ. Русск. Археологическ. Общ.*, 1876, т. VIII, 428—433.

130. Въ Энциклопедическомъ Словарѣ И. Н. Березина: Никонъ, патріархъ; Петръ Великій.

1877.

131. Чему учить русская исторія. *Древняя и Новая Россія*, 1877, № 1, 1—21.

132. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXV. М. 1875.—*Сборникъ Госуд. Знаній*, III, 59—64.

133. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVI. М. 1876.—*Сборникъ Госуд. Знаній*, IV, 39—45.

134. Объ А. Н. Поповѣ.—Предисловіе къ XXI т. Сборника Императ. Русскаго Историческаго Общества.

135. По поводу журнала задуманнаго г. Фэрлесемъ.—*Газета А. Гатцука*, 1877, № 28, 508—509.

136. А. П. Пановъ. Некрологъ.—*Газета А. Гатцука*, 1877, № 52, 1007. (По ошибкѣ напечатано А. П. Поповъ).

1878.

137. Сношенія Россіи съ Европейскими державами передъ войною 1812 года. Сочиненіе А. Н. Попова. С.-Пб. 1876. — Москва въ 1812 году. Соч. А. Попова. М. 1875. — Французы въ Москвѣ въ 1812 г. Соч. А. Попова. — Отчетъ о 20-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 539—549.

138. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877, par Alfred Rambaud, professeur à la Faculté des lettres à Nancy, membre correspondant de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. Paris. 1878. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1878, № 8, 323—338.

139. М. П. Погодинъ. Статьи полемическія и польскій вопросъ. (1856—1867). М. 1876. — *Сборникъ Госуд. Знаній*, VI, 84—89.

140. Записка объ ученыхъ трудахъ Эдварда Фримана. — Протоколы завѣданій Совѣта Императ. С.-Пб. университета за 2 половину 1876—1877 акад. г., № 16, 21—23.

1880.

141. С. М. Соловьевъ. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880, № 2, стр. 273—287. (Перепечатано въ книгѣ „Біографія и Характеристики“).

142. Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 г. Разказъ очевидца. Съ предисловіемъ и примѣчаніями К. Н. Бестужева-Рюмина. — *Историческій Вѣстникъ*, 1880, т. I, № 1, стр. 69—73.

143. Der Zarzewitch Alexei (1690—1718), von A. Brückner. Heidelberg, 1860. — *Истор. Вѣстн.*, 1880, т. I, № 1, стр. 215—216. (Сюда же относится письмо къ редактору К. Бестужева-Рюмина. *Ист. Вѣстн.*, 1880, т. 1, № 2, стр. 456).

144. Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. 2. Владимірскій періодъ. М. 1880. — *Истор. Вѣстн.*, 1880, № 10, 399—401.

145. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Соч. П. Полеваго. — II. — *Истор. Вѣстн.*, 1880, № 10, 401—403.

146. Замятка къ статьѣ Н. И. Барсова о сочиненіи А. Дроздова. — *Русск. Стар.*, 1880, № 4, 852.

147. Два письма А. Ѳ. Гильфердинга къ В. И. Григоровичу. 1851 и 1855 г. — *Русск. Стар.*, 1880, № 10, 431—433.

148. Книгопродавецъ Ротганъ. Забѣтки къ статьѣ объ А. А. Бестужевѣ.—*Русская Стар.*, 1880, № 11, 764.

149. Ливонская война. (Отрывокъ изъ II тома Русской Исторіи).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880, № 9, 167—185.

150. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань 1880.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880, № 11, 217—220.

151. Россія (краткая исторія).—Энцикл. Слов. И. Н. Березина. Особое прибавленіе. С.-Пб., 1880, вып. XVI, тетр. 3, стр. 1—81.

1881.

152. Рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ.—*Полярная Звѣзда*. С.-Пб. 1881, № 2, 49—52. Тоже въ книгѣ „Первыя 15 лѣтъ существъ. С.-Пб. Слав. Благ. Общ. С.-Пб., 649—651; и въ особой брошюрѣ: „Въ память Ѳ. М. Достоевскаго“. 1881.

153. Августъ Людвигъ Шлецеръ. *К. Бестужевъ-Рюминъ*.—*Ист. Вѣстн.*, 1881, № 1, стр. 117—134. (Перепечатано въ книгѣ „Биографія и Характеристики“, С.-Пб., 1882, стр. 177—203).

154. Рѣчь предъ открытіемъ засѣданія экстреннаго собранія Славянскаго Благотворительнаго Общества послѣ торжественной панихиды по Государѣ Императорѣ Александрѣ II.—*Русь*, 1881, № 20.

155. С. М. Шилевскій. Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань. 1887. Рецензія. *Изв. Импер. Русск. Арх. Общества*, т. X, 70—73.

1882.

156. Забѣтка по поводу труда г. Ровинскаго „Русскія народныя картинки“.—*Ист. Вѣстн.*, 1882, № 2, 496.

157. Сочиненія С. М. Соловьева. С.-Пб. 1882.—*Истор. Вѣстн.*, 1882, № 6, 670—672.

158. Биографія и характеристики. Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гильфердингъ.

159. Рѣчь предъ отъѣздомъ М. Г. Чернышева въ Туркестанъ.— „Первыя 15 лѣтъ существъ. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.“.

1883.

160. Напутственное слово окончившимъ слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.—*Новое Время*, 1882, № 2358.

161. Памятники дипломатическихъ сношеній Древней Россіи съ державами иностранными. Предисловіе и редація К. Бестужева-Рюмина.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества, т. 38.

162. П. И. Мельниковъ. (Некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883, № 3, 43—49.

163. Письмо къ редактору *Руси*, съ приложеніемъ некролога И. И. Петрова.—*Русь*, 1883, № 17, 56—59.

1884.

164. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Е. Замысловскаго. С.-Пб.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884, № 5, 105—118.

165. Chronique de Nestor. traduite sur le texte slavon-russe par Louis Leger. Paris. 1884.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884, № 10, 367—380.

166. Исторія Россіи Д. Иловайскаго. Т. II. 1884.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884, № 11, 174—179.

167. О характерѣ власти варяжскихъ князей. *Труды 4 Археологическаго Съѣзда*. Т. I, стр. LXXVI—LXXVIII.

168. Рѣчь, читанная въ Общемъ Собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества 15-го ноября 1884 г. По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меодія.—*Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общ.* 1884, № 11, 2—3.

1885.

169. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Соч. М. О. Кояловича. С.-Пб. 1884.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1885, № 1, стр. 95—140.

170. Русская Исторія К. Бестужева-Рюмина. Т. II, вып. I. С.-Пб. 1885. 8°. 319 стр.

171. Ко дню чествованія тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія, просвѣтителя Славянъ (6-го апрѣля 1885 г.). Отъ С.-Пб. Слав. Благотв. Общества.—(Не подписано).—*Извѣстія С.-Пб. Слав.*

Благ. Общества. 1885, № 1, стр. 3. Перепечатано въ житіи Кирилла и Меѳодія, изд. Слав. Благ. Общ.

172. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Славянск. Благотв. Общества 7-го апрѣля по случаю 1000 лѣтія со дня кончины св. Меѳодія, просвѣтителя Славянъ. — *Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общества*, 1885, № 4, стр. 206—208.

173. „Духа не угашайте“. Чтеніе въ Общемъ собраніи Славян. Благотв. Общества *К. Бестужева-Рюмина*. — *Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общества*, 1885, № 10, стр. 423—425.

174. Витовтъ и его полѣтика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) Соч. А. Барбашева. С.-Пб. 1885. — *Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общества*, 1885, № 10, 453—454.

176. Н. Я. Данилевскій. (Некрологъ). — *Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общества*, 1885, № 10, стр. 457—458.

176. Тяжелая утрата. По поводу кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. — *Живописное Обзорѣніе*, 1885, т. I, стр. 17—18. Перепечатано въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, ч. 237, № 2, стр. 123—125.

1886.

178. И. С. Аксаковъ. (Некрологъ). — *Извѣстія С.-Пб. Слав. Благ. Общества*, 1886, № 1, стр. 1.

177. Рѣчь посвященная памяти И. С. Аксакова. — *Изв. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.*, 1886, № 2, 55—57.

179. Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ. Читано въ торжественномъ собраніи С.-Пб. Слав. Благотв. Общества 6-го апрѣля 1886 г. — *Изв. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.*, 1886, №№ 4—5, 154—157.

180. Замѣтки объ изданіи „Журнальной записки происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору 1769.“ въ Русскомъ Архивѣ 1886 г. № 4. — *Изв. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.*, 1886, № 6, 284.

181. Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Томъ I. М. 1886. — Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова. М. 1886. — Сборникъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ по случаю кончины И. С. Аксакова. М. 1886. — *Изв. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.*, 1886, № 7—8, 364—365.

182. Louis Leger. *Nouvelles Etudes Slaves. Deuxième Série*. Paris. 1886. — *Изв. С.-Пб. Слав. Благ. Общ.*, № 7—8, 365—366.

183. Emile de Laveleye. La Péninsule des Balkans. Vienne, Croatie, Bosnie, Serbie, Bulgarie, Roumelie. Turquie, Roumanie, Brux. 1886. 2 vols.—*Изв. С.-Пб. Слав. Блаз. Общ.*, 1886, № 9, 434—436.

184. Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Т. II. — *Изв. С.-Пб. Слав. Блаз. Общ.*, 1886, № 10, 481—482.

185. Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Т. III. — *Изв. С.-Пб. Слав. Блаз. Общ.*, 1886, № 11, 545—546.

186. По поводу статьи „Гражданина“ о Высшихъ Женскихъ Курсахъ. К. Бестужевъ-Рюминъ.—*Новое Время*, 1886, № 3747.

1887.

187. Методы историческихъ занятій. [The Methods of Historical Study. Eight Lectures read in The university of Oxford in Michaelmas term 1884 with the inaugural lecture on the office of the Historical professor by Edward A. Freeman. London. 1886].—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1887, № 2, 291—319.

188. Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Теодоровича Романова. Глава X изъ „Русской Исторіи“.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1887, № 7, 49—112; № 8, 245—295.

189. И. С. Аксаковъ. Рѣчь К. Н. Бестужева-Рюмина, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Пб. Славянскаго Благотвор. Общества 14-го февраля 1887 г.—*Изв. С.-Пб. Слав. Блаз. Общ.*, 1887, № 3, 137—140.

190. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. С.-Пб. 1887.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1887, № 12, 362—364.

1888.

191. Родъ Шереметьевыхъ. Александра Барсукова. Книга V. С.-Пб. 1888. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 3, 198—201.

192. Д. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857 — 1887 гг. М. 1888. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 3, 272—274.

193. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. I.

С.-Пб. 1888.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 4, 495—501.

194. Пушкинъ въ изданіи Л. И. Поливанова. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 1, 210—232.

195. Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. Н. Румянцеву-Задунайскому, 1792—1779 г. Изданіе графа Д. А. Толстаго. С.-Пб. 1888.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № 6, 404—410.

196. А. Ф. фонъ-Видертъ. (Некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 6, 113—114.

197. „Европеизованіе Россіи“, сочиненіе профессора Брикнера.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 8, 411—423.

198. Графъ Ф. П. Лютке, В. Безобразова. Т. I. 1797—1832.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, № 9, 201—210.

199. Н. А. Полевой. (По поводу „Записокъ Ксен. Ал. Полеваго“). Изданіе А. Суворяна. С.-Пб. 1888).—*Библиографъ*, 1888, № 3, 117—125.

200. Къ поэмѣ Пушкина „Полтава“. Замѣтка.—*Библиографъ*, 1888, № 12, 379—380.

201. Теорія культурно-историческихъ типовъ. Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Изданіе третье.—*Русскій Вѣстникъ*, 1888, № 5, 210—270. (Перепечатана въ 4-мъ изданіи книги Н. Я. Данилевскаго).

202. Письмо къ А. Н. Майкову по поводу его 50-лѣтняго юбилея.—*Русскій Вѣстникъ*, 1888, № 6, 303—304.

203. Платоновъ, С. Ф. Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. С.-Пб. 1888.—*Русскій Вѣстникъ*, 1888, № 7, 228—238.

204. Е. Шмурло. Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни, 1767—1804. С.-Пб. 1888.—*Русскій Вѣстникъ*, 1888, № 9, 311—328.

205. Письмо о новомъ изданіи „Исторіи Госуд. Россійск.“, Карамзина.—*Свѣтъ*, 1888, № 117.

206. День 900-лѣтія крещенія Русскаго народа.—*Свѣтъ*, 1888, № 156, передовая статья.

207. Священная Исторія Ветхаго Завѣта, Евгеніи Туръ. М. 1888.—*Свѣтъ*, 1888, № 218.

1889.

208. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. II. С.-Пб. 1889. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1889, № 4, 888—898.

209. Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. С.-Пб. 1889. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, № 4, 423—426.

210. Пушкинь въ русской критикѣ. (1820—1880). С. С. Трубачевъ. С.-Пб. 1889. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, № 5, 195—204.

211. Записки Никиты Ивановича Толубѣева. (1780—1809 гг.). — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, № 5, 214—217.

212. Новыя явленія провинціальной исторической литературы. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, № 5, 224—233.

213. Новая книга по исторіи литературы. (Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи литературы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. 1889). — *Русскій Вѣстникъ*, 1880, № 4, 271—284.

214. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Исслѣдованіе В. Г. Дружинина. С.-Пб. 1889. — *Библиографъ*, 1889, № 3, 88—91.

215. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брянцева. Вильна 1889. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, ч. 263, № 6, стр. 492—505.

216. Сочиненія А. А. Котляровскаго. Т. I. С.-Пб. 1889 г. (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XLVII). — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, ч. 264, № 7, стр. 157—167.

217. О. О. Миллеръ (некрологъ). — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1889, ч. 264, № 7, стр. 12—15).

218. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. С.-Пб. 1889 г. — *Русскій Вѣст.* 1889 г., № 8, стр. 279—282.

219. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ 2-й. Древности скифо-сарматскія съ 147 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1889. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889, ч. 266, № 11, стр. 249—251.

220. Власть Московскихъ государей. Историческіе очерки. М. Дьяконова. С.-Пб. 1889 г.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, ч. 266. № 12, стр. 398—402.

1890.

221. Великіе и удѣльные князья сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238—1505 годъ. А. В. Экземплярскаго, т. I. С.-Пб. 1889 г.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, ч. 267, № 2, стр. 353—355.

222. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, С.-Пб. 1890.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, ч. 268, № 3, стр. 233—238.

223. В. А. Вильбасовъ. Исторія Екатерины II. Т. I, Екатерина до воцаренія. (1729—1762). С.-Пб. 1890.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, ч. 268, № 4, стр. 379—384.

224. Книга Н. Я. Данилевскаго. Н. Я. Данилевскій. Сборникъ политическихъ статей. Изд. Н. Страхова. С.-Пб. 1890.—*Русскій Вѣст.* 1890, № 3; стр. 261—270.

225. Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Томы I, III, IV и V. М. 1889.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1890, ч. 268, № 4, стр. 409—414.

226. Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки. И. П. Филевича. С.-Пб. 1890 г.—*Русскій Вѣстн.* 1890, № 5, стр. 277—280.

227. Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Истор. и критическіе очерки. Книжка 2. Изданіе второе. С.-Пб. 1890.—*Русск. Вѣстн.* 1890, № 16, стр. 278—281.

228. Е. Щепкиной. Старинныя помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники. (1578—1762). С.-Пб. 1890.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, ч. 270, № 7, стр. 163—168.

229. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. О. И. Успенскаго. Одесса. 1890.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, ч. 270, № 8, стр. 409—412.

230. Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Издана подъ редакцію П. П. Дашкевича. Кіевъ. 1896.—*Журналъ*

Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890. ч. 271. № 10, стр. 410—412.

231. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ третій. Древности времени переселенія народовъ. С.-Пб. 1890.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890, ч. 271, № 10, стр. 416—419.

1891.

232. Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. (Некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891 года, ч. 274, № 4. стр. 167—170.

233. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга IV, С.-Пб. 1891.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, ч. 275, № 5, стр. 199—200.

234. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г. Биографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ. А. В. Экземпларскаго. Т. II. Изданіе графа И. И. Толстаго.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1891 г. ч. 275, № 5, стр. 200—201.

235. Владимір Павловичъ Титовъ, (некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1891 г., ч. 278, № 12, стр. 123—126.

236. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1890 г. Составленъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. (Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ. Т. LII, № 1, стр. 1—17).

1892.

237. Н. А. Поповъ (некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1892, ч. 279. № 1, стр. 78—75.

238. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. С.-Пб. 1891.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1892, ч. 279, № 2, стр. 491—493.

239. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I. С.-Пб. 1892. В. И. Шенрока.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, ч. 280, № 3, стр. 272—275.

240. Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова, профессора университета св. Владиміра. Томъ первый (въ двухъ книгахъ). Кіевъ. 1891.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892 г. ч. 283, № 9, стр. 179—201.

241. Жизнь и труды М. П. Погодина. П. Барсукова. Книга 6. С.-Пб. 1892.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, ч. 283, № 9, стр. 201—202.

242. В. Шекспиръ. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ П. А. Кускова. Изданіе Суворина. С.-Пб. 1891.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, ч. 284, № 11, стр. 190—203.

243. Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомянова. Изд. Импер. Академіи Наукъ, т. I, съ портретомъ. С.-Пб. 1891.—*Русск. Вѣстн.* 1892. № 2, стр. 338—338.

244. Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. С.-Пб. 1892.—*Русскій Вѣстн.* 1892, № 12, стр. 339—342.

245. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г. Составленъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. LIII, № 2, стр. 1—35.

1893.

246. Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемые Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ подъ редакціей дѣятельнаго члена А. В. Орѣшникова. № 1, М. 1893.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, ч. 286, № 3, стр. 211—213.

247. Жизнь и труды М. П. Погодина. П. Барсукова. Книга седьмая С.-Пб. 1893.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893, ч. 287, № 5, стр. 240—241.

248. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. II. В. И. Шенрока. М. 1893.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, ч. 287, № 6, стр. 544—546.

249. А. Е. Прѣсняковъ. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. С.-Пб. 1893.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, ч. 287, № 6, стр. 547—548.

250. Я. К. Грютъ. (Некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1893, 228, № 7, стр. 12—17.

251. Князь П. А. Вяземскій. Чтеніе ордін. академика К. П.

Бестужева-Рюмина по случаю полуторавѣковаго дня его рожденія.— Сборн. Отд. Русскаго яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. LIV, № 2, стр. 19—26.

1894.

252. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. С.-Пб. 1894.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1894, ч. 295, № 9, стр. 210—216.

253. Беригарди о Польскомъ вопросѣ.—*Русск. Обзор*. 1894, № 9, 232—237.

254. Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. С.-Пб. 1894 г.—*Русск. Обзор*. 1894, № 11, стр. 534—539.

255. Отчетъ о дѣятельности Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1893 г. Составилъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Сборн. Отд. Русск. яз. и сл. Императорской Академіи т. LVIII, № 2, стр. 1—22.

1895.

256. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. С.-Пб. 1895.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895 ч. 298, № 3, стр. 226—230.

257. Матеріалы для біографіи Гоголя. В. Шенрока. Т. III, С.-Пб. 1895.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, ч. 298, № 4, стр. 473—477.

258. Записки С. Н. Глинки. С.-Пб. 1895.—*Русск. Обзор*. 1895, № 5, стр. 500—508.

259. Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ біографіи и характеристикѣ. С. Пб. 1895.—*Русск. Обзор*. 1895, № 7, стр. 436—443.

260. Н. М. Карамзинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. С.-Пб. 1895. 1—17 стр. Статья изъ Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей, издаваемаго Императорскимъ Историческимъ Обществомъ.

261. Н. Н. Буличъ (некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895, ч. 300, № 7, стр. 18—20.

262. Е. А. Бѣловъ (некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1895, ч. 302, № 12, стр. 102—106.

1896.

263. Н. Н. Страховъ (некрологъ).—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896, ч. 303, № 2, стр. 114—117.

264. Жизнь и труды М. П. Погодина Н. Барсукова. Книга X. С.-Пб. 1896.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. 305, № 6, стр. 362—366.

265. Русская исторія отъ древнихъ временъ Н. М. Павлова. М. 1896.
— Извѣстія отдѣленія русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, 1896, т. I, кн. I, 93—98.

266. И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Т. I, В. 1896.—Изв. отд. русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ. 1896. Т. I. кн. 2. 393—394.

И. Козмо.

Д. И. ГЕОРГІЕВСКІЙ.

(некрологъ).

14-го января 1897 г. Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* потерпѣла неожиданную и прискорбную утрату вслѣдствіе внезапной кончины долголѣтняго участника въ ея трудахъ, Дмитрія Ивановича Георгіевскаго. Намъ извѣстны слѣдующія черты пройденнаго покойнымъ жизненнаго поприща. Родившись въ Москвѣ 2-го мая 1829 г., Дмитрій Ивановичъ получалъ среднее образование въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ и былъ студентомъ Московскаго университета, который оставилъ на второмъ курсѣ для поступленія въ военную службу въ уланскомъ полку; послѣ онъ служилъ въ канцеляріи московскаго генераль-губернатора около шести лѣтъ (1849 — 1855). Въ 1858 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ редакціи „Одесскаго Вѣстника“ (издававшася тогда профессоромъ Ришельевскаго лицея—братомъ его А. И. Георгіевскимъ и А. М. Богдановскимъ), въ особенности же по возбужденному въ то время вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Вопросъ этотъ онъ близко принималъ къ сердцу и хорошо зналъ мѣстныя условія для благопріятнаго разрѣшенія его въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ первая жена его (рожденная С. В. Анухтина) владѣла населеннымъ имѣніемъ (въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи) и гдѣ онъ много лѣтъ занимался хозяйствомъ: и онъ, и жена его, еще за 6 лѣтъ до освобожденія крестьянъ отпустили своихъ крестьянъ на волю, предоставивъ имъ купить землю, которую они обрабатывали. Съ 1859 по 1865 г. онъ агентомъ Русскаго общества пароходства и торговли въ Александровкѣ и потомъ въ Никополѣ. Въ 1865 году Дмитрій Ивановичъ вступилъ въ составъ мировыхъ посредниковъ юго-запад-

наго края и въ теченіи четырехъ съ половиною лѣтъ исполнялъ эту должность послѣдовательно въ двухъ уѣздахъ Подольской губерніи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей недолго просуществовавшаго института, которые стояли на высотѣ своего призванія и доставили ему извѣстную, всѣми впослѣдствіи признанную, хорошую репутацію и благодарную память въ народѣ. Дмитрій Ивановичъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ особенною любовью обращался къ этой эпохѣ своей дѣятельности, въ которой онъ видѣлъ наиболѣе свѣтлый и выдающійся подвигъ своей жизни. Запасъ практическихъ наблюденій, пріобрѣтенныхъ имъ на югѣ Россіи, пригодился Дмитрію Ивановичу впослѣдствіи, когда онъ печаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ свои публицистическія статьи, желая, по его собственнымъ словамъ, послужить дѣлу, на которое онъ положилъ много труда и которое всегда было близко его сердцу. Сюда относятся статьи: „Крестьянскія нужды“, „Помѣщичьи нужды“, а также „Правительственная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ“, въ пользу которой онъ рѣшительно высказывался; все это появилось въ 1882 году, статьи о желѣзныхъ дорогахъ были перепечатаны отдѣльно, въ видѣ брошюры, въ 1887 году. Сверхъ того, въ журналѣ „Наблюдатель“ за 1882 годъ Д. И. Георгіевскій напечаталъ въ двухъ номерахъ статью „Гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1879 году“ по доставленнымъ ему мѣстными дѣятелями документамъ. Въ 1870 году, когда Дмитрій Ивановичъ переехалъ въ Петербургъ, началась его служба въ государственномъ контролѣ, а въ то же время занятія въ *Журналѣ Министертства Народнаго Просвѣщенія*.

Нося званіе секретаря редакціи по вольному найму, Дмитрій Ивановичъ въ теченіи 27 лѣтъ велъ официальную переписку съ правительственными учрежденіями и съ подписчиками, а отчасти и съ сотрудниками журнала, составлялъ и редактировалъ официальный отдѣлъ въ ежемѣсячныхъ книжкахъ журнала, кромѣ того исполнялъ въ редакціи обязанности кассира по приѣмѣ и раздачѣ сотрудникамъ гонорара за печатаемыя въ журналѣ статьи, бухгалтера по счетоводству и отчетности редакціи, экспедитора по разсылкѣ журнала городскимъ, многогороднымъ и заграничнымъ подписчикамъ. Завѣдуя при четырехъ смѣнявшихся редакторахъ всею матеріальною и хозяйственною частью изданія, Дмитрій Ивановичъ довелъ ее до такого образцоваго порядка, что редакціи другихъ правительственныхъ періодическихъ изданій обращались въ редакцію нашего журнала для подробнаго ознакомленія съ организаціей хозяйственной и счетной части,

дабы заведенный здѣсь порядокъ примѣнить къ своимъ изданіямъ. То же самое неизмѣнное трудолюбіе и рѣдкая аккуратность отличали Дмитрія Ивановича во всѣхъ другихъ сферахъ его дѣятельности. По службѣ въ государственномъ контролѣ онъ въ 1890 году получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ прошедшемъ году орденъ св. Владимира третьей степени. Четвертую степень этого ордена онъ получилъ за свои труды по завѣдыванію учительскимъ институтомъ славянскихъ стипендіатовъ, существовавшимъ съ 1869 по 1881 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что многіе изъ питомцевъ этого учрежденія сохраняютъ благодарную память о Дмитріи Ивановичѣ, всегда относившемся съ сердечнымъ участіемъ къ ихъ часто тяжелому положенію въ чуждой имъ на первое время обстановкѣ и заботливо охранявшемъ ихъ интересы.

Чувство долга, которое одушевляло дѣятельность покойнаго, находило подкрѣпленіе въ его твердыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Дмитрій Ивановичъ былъ добрымъ христіаниномъ и послушнымъ вѣрнымъ сыномъ православной церкви. Онъ былъ большимъ любителемъ и знатокомъ церковнаго пѣнія, и въ мѣстахъ своего жительства и дѣятельности на югѣ Россіи, въ Екатеринославской и Подольской губерніяхъ, вездѣ устраивалъ церковные хоры и былъ ихъ регентомъ, чему научился еще въ бытность свою въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ. Одною изъ выдающихся особенностей этого по истинѣ добраго и хорошаго человѣка было то, что при рѣдкой аккуратности и добросовѣстности онъ былъ чуждъ всякаго служебнаго формализма и всегда близко принималъ къ сердцу существенные интересы каждаго ввѣреннаго ему дѣла, и неустанно работая, всегда сохранялъ доброе и даже веселое настроеніе духа. Похороненъ онъ на кладбищѣ Новодевичьяго Воскресенскаго монастыря. Миръ праху его и вѣчная ему память!

оправданія не мѣшаетъ заняться уже и по одному тому, что онъ неоднократно повторяется и въ наше время. Попробую разобрать прежде всего, на сколько право имѣли три поэта: Катулль, Овидій и Марціалъ примѣнить къ себѣ этотъ способъ оправданія. Французскій ученый Jules Girard, разбирая ¹⁾ недавно появившуюся интересную книгу Lafaye „Catulle et ses modèles“ (Paris 1894), выражается слѣдующимъ образомъ о нравственности Катуллы: *Le plus probable, c'est que ni les vers ni la vie de Catulle n'étaient chastes, mais que sa vie était plus chaste que ses vers.* Если рассуждать съ современной точки зрѣнія, то нельзя не признать этотъ отзывъ вполне справедливымъ, но извѣстно, что понятія древнихъ о нравственности были нѣсколько отличны отъ нашихъ, именно ихъ взглядъ на половныя удовольствія не былъ столь суровъ ²⁾. И, насколько я могу судить, Катулль, несмотря на свои романы съ Лесбіей, Ювенціемъ и др., съ своей античной точки зрѣнія, имѣетъ большое право на даваемое имъ себѣ названіе *pius poeta* (16, 5), во всякомъ случаѣ гораздо большее, чѣмъ оба другіе его собрата. Правда, Овидій въ *Tristia* (II 427—430) даетъ далеко не лестный отзывъ о нравственности Катуллы, но не надо забывать, что вторая книга *Tristium* писалась при исключительныхъ условіяхъ. Овидій желалъ всячески оправдаться предъ Августомъ и, между прочимъ, хотѣлъ защитить безнравственное содержаніе своихъ произведеній примѣромъ всей греческой и римской литературы. Конечно, скажу кстати, дѣло не обходилось здѣсь безъ сильныхъ противорѣчій; напримѣръ, прошу сравнить оба мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о трагедіи, именно vv. 381—382 и 553—554. Это отнимаетъ въ значительной степени вѣру въ показаніе поэта и касательно Катуллы, то-есть, повторяю, я не хочу этимъ сказать, чтобы у Катуллы, дѣйствительно, была всего одна возлюбленная, но что поведеніе его не представляло чего-либо особенно предосудительнаго съ античной точки зрѣнія. Впрочемъ, до написанія *Tristium*, и самъ Овидій, по видимому, былъ лучшаго мнѣнія о нравственности Катуллы, такъ какъ онъ даже не приводитъ его имени въ списокъ эротическихъ поэтовъ, даваемый въ *Ars amat.* III 320 sqq., называетъ его *doctus* въ *Amor.* III, 9, 62, сопоставляетъ съ Верги-

¹⁾ Въ „*Journal des savants*“ (Septembre, 1894, p. 540).

²⁾ Въ доказательство этого достаточно сослаться на Marquardt-Mau, *Privatleben der Römer*, I p. 67, гдѣ собрано много текстовъ изъ древнихъ авторовъ, куда слѣдуетъ добавить Petr. 182.

ліемъ въ *Amor. III, 15, 7*. Правда, у Катулла встрѣчаются часто такія слова, какъ *ingratabo, pedicabo* и т. п. Но врядъ ли поэтъ употребляя эти слова, въ то-же самое время представлялъ и сопряженныя съ ними дѣйствія. Скорѣе всего это только обороты, взятые изъ разговорнаго языка. повседневныя ругательства. Подходящій до нѣкоторой степени примѣръ можно привести изъ нашего русскаго быта, такъ какъ извѣстно, что у насъ, особенно среди низшихъ классовъ, распространены самыя грубыя ругательства. Нашъ простолюдинъ, употребляя разнаго рода бранныя пожеланія, конечно, говорить ихъ только по привычкѣ, не различая при этомъ ни пола, ни возраста, ни иныхъ обстоятельствъ; мало того, иногда онъ обращаетъ эти пожеланія даже и не къ людямъ, а къ животнымъ. Обращаюсь къ Овидію. Здѣсь прежде всего я долженъ сказать, что, несмотря на все мое уваженіе къ такому ученому, какъ Риббекъ, мнѣ не нравится его точка зрѣнія на Овидія, которую онъ высказываетъ на страницахъ втораго тома *Geschichte der römischen Dichtung*. Именно позволяю себѣ считать нѣсколько смѣлымъ утвержденіе почтеннаго ученаго на стр. 229, что въ *Amores* Овидій *mehr nach Büchern, als nach dem Leben geschildert hat. und dass seiner Versicherung nur seine Verse seien mutwillig, sein Leben ehrbar, der grössere Theil sei erlogen (Trist. II 354 ff.) Glauben zu schenken ist*¹⁾. Касательно *Ars amatoria* Риббекъ выражается уже осторожнѣе (стр. 262—263), именно, что въ этомъ сочиненіи Овидій тамъ и сямъ опирается на собственный опытъ (*beruft sich auf Selbsterlebtes*), но все же добрая часть и этого стихотворенія взята изъ книгъ. Позволяю себѣ привести противъ этого два возраженія. Во-первыхъ, нельзя не замѣтить, что *Amores* часто даютъ на практикѣ то, что въ *Ars amatoria* является, какъ теорія. Такъ, самъ Риббекъ замѣтилъ это касательно *Amores III 2* и *Ars amatoria I 139 sqq.*¹⁾; еще замѣтнѣе кажется, выступаетъ эта связь въ *Amores I 4* и *Ars amatoria I 571 sqq.*, такъ какъ сходство между тѣмъ и другимъ мѣстомъ можно провести до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ, если Риббекъ говорить, что во многихъ случаяхъ Овидій бралъ готовые мотивы у своихъ современниковъ и предшественниковъ, или черпалъ изъ общахъ съ ними греческихъ источниковъ, то позволительно спросить, почему поэтъ, при указаніи причинъ своего изгнанія, кромѣ егго такъ настойчиво называетъ и *sarpen*, то-есть свою *Ars amatoria*. По мень-

¹⁾ Ribbeck о. с. стр. 287 и 266.

шей мѣрѣ, значить, Овидій оставилъ въ этомъ произведеніи своихъ предшественниковъ далеко за собою. Затѣмъ сходство мотивовъ у эротиковъ можно объяснить, какъ кажется, болѣе простымъ путемъ. Извѣстно, что любовь *ist eine alte Geschichte*, и что богъ любви молодъ какъ весна, а его пути стары, какъ пѣснопѣнія. Такъ—возьму первый понавѣшійся примѣръ—извѣстно, какъ часто поэты нашего столѣтія, особенно начала его, желали превратиться въ какой-нибудь неодушевленный предметъ, принадлежащій ихъ возлюбленной, чтобы быть постоянно съ ней; совершенно тотъ-же мотивъ встрѣчаемъ мы и у Овидія въ его стихотвореніи къ кольцу, посылаемому поэтомъ своей возлюбленной (*Amores* II 15) ¹⁾. Возвращаясь къ *Ars amatoria*, замѣчу еще, что сказанному не могутъ мѣшать неоднократныя заявленія Овидія въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, что его *Ars amatoria* написана только для *meretrices* ²⁾; равнымъ образомъ, согласно съ Риббекомъ, поэтъ часто признаетъ, что его любовь была мнимая ³⁾. Ни то, ни другое оправданіе поэта не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Съ первымъ положеніемъ не можетъ согласиться и самъ Риббекъ ⁴⁾. Дѣйствительно, въ *Ars amatoria* можно найти весьма многія мѣста, гдѣ поэтъ упоминаетъ о мужѣ своей *puellae* (напр. I 579 sqq.), а также разсужденія вродѣ III 603 sqq., гдѣ Овидій прямо говоритъ, что любовное наслажденіе далеко не такъ пріятно, если оно доставляется безопаснымъ путемъ; поэтому онъ совѣтуетъ даже особѣ болѣе свободной, чѣмъ Таида, притворяться, что ея любовь обставлена всевозможными препятствіями. Касательно втораго положенія достаточно указать на свидѣтельство поэта въ *Ars amatoria* I 29: *Usus opus movet hoc*. Поэтому остается только удивляться смѣлости поэта, почти гранича-

¹⁾ Ср. также замѣтки Бюхелера подъ заглавіемъ *Fartura* въ *Rheinisches Museum*, т. 49, стр. 175 (№ 1). Къ сожалѣнію, параллель между античными и русскими поэтами проведена до сихъ поръ очень мало. Кое-какой матеріалъ можно найти, напр., въ изданіи одъ Горация г. Горбатова (Казань, 1891), а особенно въ разныхъ мѣстахъ неоднократно упоминавшейся книги проф. Зенгера.

²⁾ Достаточно привести въ доказательство слѣдующее мѣсто изъ *Tristia* (II 303—304):

*Et procul a scripta solis meretricibus Arte
Summovet ingenuas pagina prima nurus.*

³⁾ *Trist.* II 340: *Et falso movi pectus amore meum.*

⁴⁾ *Ribbeck o. c.* стр. 268.

ней съ безстыдствомъ, когда онъ восклицаетъ патетически въ *Epist. ex Ponto III, 3, 49 sqq.* (письмо обращено къ Фабію Максиму):

Scis tamen, ut liquido iuratus dicere possis.
 Non me legitimos sollicitasse toros.
 Scripsimus haec illis, quorum nec vitta pudicos
 Contingit crines, nec stola longa pedes.
 Dic. precor, ecquando didicisti fallere nuptas
 Et facere incertum per mea iussa genus?

Замѣчу, что эта цитата можетъ дать убѣдительное доказательство противъ словъ Peter'a (*Geschichte Rom's, B. III*), который къ словамъ текста на стр. 126—127: *Er (Ovidius) erklart es sehr ausdrucklich, dass er den sinnlichen Genuss im Auge habe, den er uns denn mit allen Details und Nebenumstanden in der rucksichtslosesten und nacktesten Weise vorfuhrt*—даетъ примѣчаніе, что онъ не хочетъ отвергать замѣчанія Овидія касательно различія между его жизнью и стихами. Доказательства Петра очень слабы: 1) онъ не вѣритъ, чтобы Овидій могъ, если бы это не было правдой, высказать цитованное мѣсто изъ *Trist. II 353—354*, а также „*Err. ex P. IV 91*“, то-есть *Epist. ex P. IV, 9, 91*, гдѣ поэтъ говоритъ:

*Illa quies animi, quam tu laudare solebas.
 Ille vetus solito perstat in ore pudor.*

Но что поэтъ далеко не всегда былъ искрененъ, достаточно показываетъ сказанное мною выше. Второе доказательство Петра—нѣжное отношеніе Овидія къ супругѣ, проглядывающее какъ въ *Тристіяхъ*, такъ и въ *Понтійскихъ письмахъ*. Но эти произведенія принадлежатъ уже къ позднѣйшей эпохѣ жизни поэта, а наоборотъ, какъ разъ во время составленія *Amores* и *Ars amatoria*, Овидій очень легко разставался со своими женами (см. *Tr. IV, 10, 69 sqq.*). О третьемъ доказательствѣ, взятомъ у *Leutsch'a (Ersch und Gruber. Encyclopaedie, 3 section, VIII, p. 51)*, что большая часть *Amores* представляютъ собою развитіе поставленныхъ въ началѣ ихъ общихъ фразъ, было упомянуто выше по поводу аналогичнаго мнѣнія *Риббека*. Наконецъ, Петеръ приводитъ аналогіи: *Виланда* изъ нѣмецкой литературы и *Плинія Младшаго* изъ древней. Не берусь судить о первомъ примѣрѣ; что же касается *Плинія*, то какъ разъ § 4 (по изданію *Кейля*) письма *IV 14*, на которое ссылается для подтвержденія своего мнѣнія Петеръ, можетъ свидѣтельствовать противъ него¹⁾.

¹⁾ Подробный анализъ этого письма *Плинія* данъ выше.

Позволяю себѣ оставить въ сторонѣ болѣе подробное разсмотрѣніе литературы объ Овидіѣ по данному вопросу и замѣчу только, что, по моему мнѣнію, Овидій далеко не могъ сказать о себѣ со столь спокойной совѣстью, какъ Катуллъ: *Vita verecunda est, musa iocosa mea*.

Что касается нашего поэта Марціала, то, какъ извѣстно, достовѣрныхъ свѣдѣній объ его личной жизни очень мало, такъ какъ давно признано, что поэтъ не всегда говоритъ въ первомъ лицѣ отъ своего имени. Одно только можно сказать съ положительностью, именно, что нравственность его современниковъ стояла еще ниже, чѣмъ нравственность современниковъ Овидія, и нашъ поэтъ, конечно, не составлялъ исключенія по своимъ идеаламъ; поэтому не знаю, у кого повернется языкъ дать положительный отвѣтъ на вопросъ, поставный Эдуардомъ Миллеромъ въ его „*Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten*“¹⁾: *Sind wir nun gewiss, dass höhere, ethische Ideen das innere Lebensprincip seiner (то-есть Марціаловой) Poesie waren?* Неудивительно поэтому, что цитованное заявленіе Марціала въ эп. I, 4, 8 о различіи своей жизни отъ содержанія стихотвореній казалось черезчуръ смѣлымъ уже знаменитому Гейдельбергскому филологу, Яну Грутеру. Желая какъ-нибудь оправдать поэта, этотъ ученый прибѣгалъ къ измѣненію знаковъ препинанія въ данномъ стихѣ. Вотъ примѣчаніе Грутера²⁾: *Malim immissa interrogatione: „Lasciva est nobis pagina? vita proba est.“ lepidius enim videatur, ut nec neget de se nec fateatur*“. Но нельзя не признаться, что и этотъ вопросительный знакъ мало спасаетъ честь Марціала. Вообще, легко замѣтить тотъ неизбѣжный заколдованный кругъ, въ который впадаетъ всякій изслѣдователь нравственности античныхъ поэтовъ. Съ одной стороны, они сами говорятъ, что ихъ жизнь надо отдѣлить отъ содержанія ихъ произведеній; съ другой стороны давно установлень тотъ фактъ, что для насъ единственно вѣрнымъ и надежнымъ источникомъ для изслѣдованія ихъ жизни, помимо весьма скудныхъ и сомнительныхъ по своему достоинству біографій, остаются одни ихъ произведенія. Такимъ образомъ, въ принципѣ слѣдовало бы отказаться вовсе отъ подобныхъ изслѣдованій, и если этого не дѣлается, то только потому, что вѣрность возможной отдѣлимости произведеній отъ жизни писателя подлежитъ сомнѣнію. Правда, это изреченіе ан-

¹⁾ *Breslau* 1837, II 267.

²⁾ См. Jani Gruteri ad Martialem notae, p. 6 (напечатаны въ изданіи Марціала Петра Скриверія, Lugduni Batavorum 1619 г.).

тичныхъ поэтовъ повторялось неоднократно и послѣ нихъ¹⁾; такъ, укажу на стихи нашего Державина въ одѣ къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла сатирикъ чтить.

Но извѣстно, что эти слова вызвали рѣзкую отвѣдь Гоголя въ его разсужденіи: „Что такое слово“?²⁾ Въ этой замѣткѣ Гоголя приведено мнѣніе Пушкина по этому вопросу: „Слова поэта суть уже его дѣла“. Вообще, разногласіе мнѣній здѣсь очень замѣтно; такъ, въ надѣлавшемъ недавно столько шума процессѣ англійскаго писателя Оскара Вильде главный судья указалъ присяжнымъ на слова Кольриджа: „не судите никакого человѣка по его книгамъ“ и „не смѣшивайте писателя съ характерами, типами и дѣйствующими лицами, созданными его талантомъ“. Мнѣ кажется, что изъ этихъ положеній вѣрно только второе. Дѣйствительно, если обратиться опять къ нашей литературѣ, то можно найти въ ней сѣтованія такихъ великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, что ихъ личность тѣсно соединяли съ выведенными ими героями: Онѣгинимъ и Печоринимъ, что конечно, далеко не вполне справедливо. Гораздо труднѣе, повторяю, доказать справедливость словъ Кольриджа. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Такъ, напримѣръ, про нашего поэта Языкова разказываютъ, что онъ былъ по своей природѣ очень тихимъ и скромнымъ человѣкомъ, хотя любилъ изображать въ своихъ произведеніяхъ вакхическія сцены³⁾. Также обстоятъ дѣло и съ нѣкоторыми представителями такъ называемой натуралистической школы, напримѣръ, Зола. Но все же извѣстное изреченіе Лессинга: „Das wahre Leben eines Dichters sind seine Gedichte“ имѣетъ за собою большую долю

¹⁾ Впрочемъ, и въ античномъ мірѣ слышались противныя сужденія. Такъ, напримѣръ, Аполливарій Сидоній, посылая свои сочиненія императору Констанцію, пишетъ ему: *commendo varios iudicio tuo nostri pectoris motus, minime ignarus quod ita mens pateat in libro velut vultus in speculo* (Epist. VII, 18, 2. Lütjoh. 125).

²⁾ Напечатано въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. Вполнѣ согласно съ Гоголемъ и Пушкинымъ разсуждаетъ Д. Гюю, см. предисловіе, написанное имъ къ изданію своихъ стихотвореній въ 1880 г.

³⁾ Обратное явленіе передаютъ про француза *Сенъ Бевъ* (см. статью „Сенъ Бевъ, какъ человѣкъ“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1881, № 1). Ср. также то обстоятельство, что у Горация встрѣчается упомянанія многихъ мнимыхъ возлюбленныхъ.

истины, такъ какъ на протокольное описаніе натуралистическаго романа нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе интимныхъ, задушевныхъ чувствъ автора. Вообще, „все дѣло въ мѣрѣ“, и если извѣстный поэтъ говоритъ очень охотно о половыхъ удовольствіяхъ, иногда превосходящихъ даже и античную терпимость, то въ его душевной жизни должна лежать ббольшая или меньшая склонность къ подобнымъ удовольствіямъ, и это обстоятельство не позволяетъ ему называть себя нравственнымъ человекомъ¹⁾. Не знаю, не отзывается ли современностью подобное сужденіе, когда рѣчь идетъ объ античныхъ поэтахъ, но я позволяю себѣ думать, что тотъ доводъ, къ которому прибѣгаетъ Катуллъ и Марціалъ для защиты себя отъ упрековъ въ безнравственности своихъ стихотвореній—особое пристрастіе современныхъ имъ читателей къ пикантному²⁾—не можетъ выдержать строгой критики, такъ какъ мы видимъ въ числѣ современниковъ этихъ поэтовъ ихъ собратьевъ, которые не держались этого направленія, а между тѣмъ сумѣли заслужить себѣ большія похвалы у своихъ согражданъ; я разумю Вергилія и Стація. Приводить доказательства успѣха Энеиды представляется мнѣ излишнимъ, а что касается Стація, то напомнимъ извѣстные стихи Ювенала объ успѣхѣ его публичныхъ чтеній Овиванды³⁾. Конечно, нельзя отрицать, чтобы и въ Энеидѣ не было эротическаго элемента (напр. 4-я книга); съ другой стороны, и про Стація Ювеналъ передаетъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ своихъ сатиръ интересное извѣстіе, что онъ, бѣдности ради, составляя мимы для извѣстнаго на этомъ поприщѣ актера Париса⁴⁾. Но Вергилій отнюдь не дѣлалъ изъ эротическаго элемента чего-либо преобладающаго, а наоборотъ, большая часть поэмы совершенно лишена его. Точно также и Ювеналъ свидѣтельствуетъ именно объ успѣхѣ Овиванды Стація, поэмы, совершенно лишенной эротики. Подчеркиваю особенно этотъ фактъ и потому, что Овиванда не была, подобно Энеидѣ, національною поэмой. Возвращаясь въ заключеніе къ Овидію и Марціалу, позволяю себѣ высказать, что едва-ли первый не погрѣшилъ

¹⁾ Конечно, при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе и на возрастъ писателя, на что я указалъ уже при разборѣ мнѣніи Петера объ Овидіѣ.— Не надо забывать также и слѣдующаго довольно мѣткаго замѣчанія одного стариннаго критика: *De poetis iudicare poetarum est duntaxat, idque non omnium, sed optimorum.*

²⁾ *Martial.* I 35 и *Catull.* 16.

³⁾ *Iuv. Sat.* VII 62 sqq.

⁴⁾ Что мимы стоили не дешево, свидѣтельствуетъ *Ovidii* въ *Tristia* II 508.

болѣе противъ нравственности, чѣмъ второй, такъ какъ Марціалъ только констатируетъ развратъ, а Овидій и учитъ ему.

Во второй книгѣ Марціала не встрѣчается никакихъ указаній на распутный тонъ его эпиграммъ. Очень можетъ быть, что этого и не требовалось для названной книги въ виду ея совмѣстнаго изданія съ первой. Въ слѣдующей, третьей книгѣ тонъ поэта значительно мѣняется. Марціалъ не только не извиняется въ чересчуръ веселомъ содержаніи своихъ стихотвореній, но даже прямо заявляетъ: *At mea luxuria pagina nulla vacat* (III, 69, 4), подсмѣиваясь въ то же время надъ поэтомъ, который пишетъ свои стихотворенія *castis verbis*, и въ эпиграммахъ котораго нѣтъ намека на *mentula*. Нѣкоторое противорѣчіе сказанному, но, впрочемъ, только кажущееся, представляетъ эпиграмма III, 68. Въ ней поэтъ говоритъ, обращаясь къ матронѣ, что ей не слѣдуетъ читать дальнѣйшую часть этой книги, потому что тамъ можно увидѣть нагихъ мужчанъ, услышать ихъ пьяные разговоры. Но запретный плодъ сладокъ. „Если я хорошо тебя знаю“, заключаетъ Марціалъ, „ты, утомленная, хотѣла уже отложить въ сторону длинную книжку, а теперь старательно читаешь ее всю“. Правда, нѣсколько дальше Марціалъ старается оправдать не столько себя, сколько свою читательницу, болѣе серьезно и притомъ своимъ излюбленнымъ мотивомъ: именно въ эпиграммѣ III, 86, которая тѣсно примыкаетъ по своему содержанію къ эпиграммѣ III, 68, поэтъ говоритъ слѣдующее опять по адресу своей читательницы, называя ее два раза *casta*: „я напередъ сказалъ тебѣ и увѣщевалъ, чтобы ты не читала заключительной части шаловливой книжки, а ты все же читаешь. Но если ты, цѣломудренная¹⁾, смотришь на Панникула и Латина (то-есть актеровъ мима), то читай; это не безстыднѣе мимовъ“. Обращеніе *casta*, по видимому, должно звучать здѣсь иронически, потому что врядъ-ли матрона могла оставаться таковой, смотря мимы. По крайней мѣрѣ Ювеналъ живо изображаетъ то растлѣвающее дѣйствіе, которое производили на римскихъ дамъ эти сладострастные представленія²⁾. Впрочемъ, по мнѣнію поэта, у матроны

¹⁾ Интерпункцию для *casta* далъ здѣсь Гильбертъ (въ статьѣ „Beiträge zur Textkritik des Martial“, въ *Rhein. Mus.*, т. 39, стр. 516). Конечно, словорасположеніе въ значительной степени препятствуетъ понимать это слово за предикатъ, что, по видимому, давало бы лучшій смыслъ.

²⁾ *Inu. Sat.* VI 60 sqq. Ср. *Friedländer. Sittengeschichte Rom's* II 6 p. 60, прим. 6-е и *О. А. Шеборъ. Къ Горацию (СТЕФАНΟΥ, сборникъ статей въ честь Н. В. Соколова, стр. 171).*

все же остается нѣсколько стыда, чтобы не читать распутныхъ стихотвореній въ присутствіи мужчинъ: „покраснѣла Лукреція“ (конечно, притворная), говоритъ Марціалъ въ эпиграммѣ XI 16, „я отложила мою книгу, но въ присутствіи Брута; Брутъ, уйди! она прочтеть“. Не могу не замѣтить, что въ разбираемомъ вопросѣ Марціалъ выказалъ ббльшее пониманіе римскихъ матронъ, чѣмъ Овидій. Я уже привелъ выше мѣсто изъ Тристіи (II 303—304), гдѣ творецъ ихъ говоритъ, что предназначалъ свою *Ars amatoria* только для публичныхъ женщинъ, и показалъ невѣрность этого. Но Овидій, впрочемъ, и самъ противорѣчить себѣ, отвѣчая въ той-же книгѣ Тристіи (нѣсколько выше, ст. 255—256) на возраженіе *At matrona potest alienis artibus uti*, что если разсуждать подобнымъ образомъ, то матронѣ нельзя ничего читать, такъ какъ всякое стихотвореніе можетъ навредить въ грѣхѣ; что-же касается его собственныхъ произведеній, то ихъ слѣдуетъ читать *gesta mente* (ст. 275), и въ этомъ случаѣ они не могутъ никому повредить. Эту мысль поэтъ подтверждаетъ, по своему обычаю, различными сравненіями; такъ, между прочимъ, указываетъ онъ на огонь, который можетъ одинаково приносить пользу и вредъ. Впрочемъ, въ цѣломудренность римскихъ матронъ вѣрили и всѣ современники Овидія, что показываетъ одно стихотвореніе изъ сборника *Priapea*, именно 8-е, авторъ котораго совершенно сходится съ Марціаломъ въ своемъ взглядѣ на римскимъ дамъ. Подобно эпиграммѣ III 68, стихотвореніе это начинается съ предложенія поэта матронамъ не читать *impudica verba*. Но оказывается, что матроны ни въ грошъ не цѣнятъ этого совѣта, а наоборотъ, стремятся напроломъ къ запрещаемому плоду. Это даетъ поводъ поэту воскликнуть:

*Nimirum sapiunt videntque magnam
Matronae quoque mentulam libenter.*

Такая перемена въ тонѣ третьей книги Марціала обуславливается, по видимому, скорѣе всего тѣмъ, что стихотворенія, вошедшія въ ея составъ, писались поэтомъ не въ Римѣ, гдѣ надо было подчасъ дрожать за каждое слово, а въ Галліи (III 1); поэтъ какъ бы забылъ о столицѣ и ея стѣсненіяхъ и заговорилъ натуральнымъ, свободнымъ тономъ.

Но вотъ возвращается Марціалъ въ Римъ, и снова начинаются у него думы о характерѣ своихъ стихотвореній. Наряду съ этимъ у

поэта появляется желаніе поднести свои стихотворенія Домиціану. чего раньше онъ не дѣлалъ еще; до сихъ поръ Марціалъ обращался къ императору только съ отдѣльными эпиграммами, и если поэтъ говоритъ въ эпиграммѣ I 103, что рука его писца Деметрія была знакома Цезарямъ, то это надо понимать, конечно, о книгѣ зрѣлищъ, которая, по ея работливому характеру и по содержанію, не могла, разумѣется, навлечь какого-либо гнѣва на поэта¹⁾. Поэтъ не смѣетъ обратиться къ императору непосредственно и прибѣгаетъ къ помощи его метродотеля Евфима. Но и ему Марціалъ не высказываетъ прямо своего желанія, а съ большимъ искусствомъ начинаетъ издалека (эп. IV 8), такъ что догадаться о главномъ предметѣ стихотворенія можно далеко не сразу. Поэтъ перечисляетъ занятія жителей Рима въ каждый часъ дня, начиная съ ранняго утра, доходить до десятаго часа—времени послѣобѣденной попойки—и тутъ проситъ Евфима вручить его книгу Цезарю (vv. 11—12), ибо

*Gressu timet ire licenti
Ad matutinum nostra Thalia Iovem.*

Вообще, пребываніе въ Галліи какъ бы подняло вѣру Марціала въ свой талантъ, и поэтъ рѣшается теперь, начавъ съ Домиціана, подносить свои эпиграммы знатымъ лицамъ, къ которымъ, какъ прежде къ императору, поэтъ обращался только съ отдѣльными эпиграммами, напримѣръ I 55 къ Фронтоу (*clagum militiae togaeque decus*), Квинтиліану II 90 и т. д. Какъ кажется, до изданія четвертой книги, то-есть до декабря 88-го года, поэтъ позволялъ себѣ подносить свои произведенія только самымъ близкимъ друзьямъ, почему въ первыхъ книгахъ препроводительныхъ эпиграммъ встрѣчается очень мало: изъ первой книги нельзя указать ни одного вѣрнаго примѣра²⁾; вторая книга посвящена другу и земляку (I, 61, 10) поэта Деціану; изъ третьей книги можно привести двѣ эпиграммы съ посвященіями—Фаустину (III, 2; ср. примѣч. Фридлэндера къ I 25) и Юлію (III 5), по весьма вѣроятному предположенію, Юлію Марціалу.

Съ эпиграммой подобнаго же содержанія, какъ и IV 8, хотя и

¹⁾ Намекъ на поднесеніе книги зрѣлищъ см. и въ эп. I 5.—Кромѣ того, одинъ разъ Марціалъ высказываетъ робкое предположеніе, что Домиціалъ читалъ уже его стихотворенія, им. II, 91, 3—4, одинъ разъ надѣется на это, им. I 4.

²⁾ Выраженіе (I, 44, 2) *maior minoque charta* до сихъ поръ не объяснено еще удовлетворительно.

съ значительно меньшимъ искусствомъ изложенія, хочетъ поднести поэтъ свои эпиграммы Венулейю (IV 82). Что этотъ Венулей былъ знатнаго происхожденія, видно изъ того, что Марціалъ не рѣшается беспокоить его самъ лично, какъ и императора (см. эпиграмму IV 8), а обращается къ посредничеству своего друга Руфа. Впрочемъ, тошъ эпиграммы уже далеко не столь смиреннѣе, какъ въ IV 8, такъ что въ ст. 6-мъ упоминаются даже *proelia Vaschi*. Стихи свои совѣтуетъ Марціалъ читать въ серединѣ пиршества, когда, очевидно, Венулей „*laxatur*“ (эпиграмма IV, 8, 9). Ту же тему варьируетъ поэтъ и при посылкѣ своихъ стихотвореній высокому другу Силію Италику, извѣстному эпическому поэту. По видимому, этому серьезному и склонному къ философіи человѣку было неумѣстно предлагать чтеніе своихъ произведеній среди пира; поэтому Марціалъ избираетъ здѣсь другой способъ изложенія. Подобно IV 8, эпиграмма къ Силію (IV 14) начинается издалека. Поэтъ знаетъ, что Силій Италикъ занятъ изданіемъ эпической поэмы Рупіса, и потому прежде всего восхваляетъ заслуги Силія въ этомъ отношеніи, чѣмъ Марціалъ какъ бы умаляетъ значеніе, а стало-быть и непристойность тона своихъ собственныхъ произведеній¹⁾. Затѣмъ, пользуясь наступленіемъ Сатурналія, поэтъ предлагаетъ Силію, какъ и Венулейю (IV 82), отложить въ сторону свою серьезность и прочесть посылаемая стихотворенія „*non torva fronte, sed gemissa*“ (ст. 10, ср. *non tetrica aure* въ IV, 82, 4). Въ заключеніе Марціалъ даетъ довольно неудачное сравненіе себя съ Катулломъ, а Силія съ Вергиліемъ:

*Sic forsap tener ausus est Catullus
Magno mittere passerem Maroni.*

Эти стихи подали поводъ почти всѣмъ толкователямъ Марціала обвинить его въ незнаніи точнаго времени житія Катулла: говорятъ обыкновенно, будто Марціалу не было извѣстно, что Катуллъ старше Вергилія. Мнѣ кажется, что врядъ-ли возможно выводить это изъ указанныхъ двухъ стиховъ. Дѣло въ томъ, что Марціалъ не утверждаетъ этого прямо, а прибавляетъ *forsap*, чѣмъ показываетъ, по видимому, что онъ разсматриваетъ данный случай только, какъ примѣръ (безспорно, неудачный въ хронологическомъ отношеніи), желая пояс-

¹⁾ Аналогична до нѣкоторой степени ода Горацию къ Агриппѣ (I 6), гдѣ поэтъ, признаваясь этому государственному мужу въ томъ, что занимается легкой поэзіей, прибавляетъ въ свое оправданіе: „*non praeter solitum leve*“ (v. 20).

нить мысль эпитаграммы своимъ сравненіемъ. Нельзя не отиѣтитъ также, что сравненіе это имѣло цѣлью и лесть Силію, о высококомъ уваженіи котораго къ Вергилію можно заключить изъ эпитаграммъ XI 48 и 49¹⁾.

Къ 89-му году, времени изданія пятой книги, Домиціанъ, очевидно, хотѣлъ проявить свою цензорскую власть въ отношеніи надзора за общественной нравственностью и возстановилъ съ этой цѣлью *lex Iulia* противъ прелюбодѣянія и конкубината. Очень можетъ быть, что вѣншній поводъ къ этому подала смерть племянницы и любовницы императора Юліи, которая скончалась, по весьма вѣроятному предположенію Гзелля²⁾, еще до 89-го года³⁾. При жизни Юліи (*tragico pollutus adulter concubitu*⁴⁾) врядъ-ли бы рѣшился на подобные законы. Самъ Гзелль видитъ поводъ къ возобновленію Юліева закона въ преступленіи противъ нравственности главной весталки Корнелии⁵⁾. Противъ этого можно возразить, что подобныя преступленія весталокъ были и раньше 89-го года: такъ, въ 82—83 гг. были осуждены за прелюбодѣяніе три весталки⁶⁾. Во всякомъ случаѣ, если изъ свидѣтельства Плинія Младшаго (Ерр. IV, 11, 6) извѣстно, что казнь Корнелии была послѣ смерти Юліи, то эти обѣ причины могли дѣйствовать вмѣстѣ. Марціалъ, по видимому, отлично почувялъ это нравственное вѣяніе въ воздухѣ. Ободренный тѣмъ, что Домиціанъ принялъ его стихотворенія, поэтъ рѣшается уже посвятить императору нятую книгу и, сообразно обстоятельствамъ, падѣваетъ на себя

¹⁾ Ср. Plin. Epist. III, 7, 8.

²⁾ *Gzelle* о. с. стр. 240, прим. 3-е.

³⁾ *Kerckhoff* (*Quae quaestiones Papinianaе, Diss. Berol. p. 8*) хотѣлъ видѣть намекъ на смерть Юліи въ первой силлѣ первой книги Стаціи (ст. 88) въ словахъ *et vorog*. *Фридландеръ* и *Гзелль* возражали противъ этого страннаго обозначенія племянницы. Добавлю къ этому, что Стаціи перечисляетъ близкихъ Домиціану покойниковъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, начиная съ самаго недавняго—сына.

⁴⁾ Слова Ювенала, Sat. II 29—30. Замѣчу, что дальнѣйшія слова сатирика (ст. 30 сл.): *qui tunc leges revocabat amaras Omnibus atque ipsis Veneri Martique timendas cum tot abortivis fecundam Iulia vulvam Solveret et patruo similes effunderet offas* на первый взглядъ какъ бы противорѣчатъ хронологіи Гзелля, но я не думаю, чтобы можно было опираться на эту фразу, вылившуюся въ порывѣ сатирическаго негодованія. *Фридландеръ* относитъ смерть Юліи къ концу 89-го года.

⁵⁾ *Gzelle* I с. р. 85, п. 5.

⁶⁾ *Gzelle* I. с. р. 88. — Не на нихъ-ли намекаетъ Стаціи въ первой силлѣ 1-ой книги (ст. 36—мѣсто, относимое Стоббе къ Корнелии)?

личину цѣломудрія, что онъ высказываетъ во второмъ стихотвореніи, именно:

Matronae puerique virginesque,
Vobis pagina nostra dedicatur.
Tu quem nequitiae procaciores
Delectant nimium salesque nudi,
Lascivos lege quattuor libellos.

Къ чести нашего поэта замѣчу, что онъ понималъ, какое гибельное вліяніе могутъ оказать его эпиграммы на молодое поколѣніе Рима, и потому не пытался причислить большинство своихъ стиховъ къ такимъ „quos praelegat in schola magister“ (эпиграмма I, 35, 2; ср. VIII, 3, 15). Съ другой стороны, заявленіе, подобное эпиграммѣ V 2, встрѣчаемъ въ эпиграммѣ XI 15:

Sunt chartae mihi, quas Catonis uxor
Et quas horribiles legant Sabinae.

Въ этомъ отношеніи Марціалъ стоитъ выше всѣхъ главныхъ образцовъ Катутла и Овидія, изъ которыхъ первый, правда, также не предназначаетъ своей книги для мальчиковъ, но только потому, что они и безъ того могутъ легко воспламениться любовнымъ жаромъ (XVI 10 сл.);

Non dico pueris, sed his pilosis,
Qui duros nequeunt movere lumbos.

Что касается Овидія, то онъ желаетъ (*Amores* II, 1, 5 sqq.), чтобы его читала не холодная невѣста въ присутствіи жениха, неопытный мальчикъ, тронутый неизвѣстной любовью, и юноша, раненый уже, подобно самому поэту, изъ лука Купидона.

Пятую книгу Марціалъ могъ поднести и *matutino Iovi*, идти къ которому боялась его муза въ эп. IV 8, равно какъ при подношеніи этой книги можно было обойтись и безъ покровительства императорскаго метрдоеля. Теперь Марціалъ рѣшается обратиться къ двумъ другимъ любимцамъ императора: 1) Сексту, занимавшему, по всей вѣроятности, постъ бібліотекаря и личнаго секретаря императора¹⁾. Отъ этого человѣка, очевидно, зависѣло помѣщеніе книги поэта въ императорскую бібліотеку, поэтому Марціалъ, предупредж-

¹⁾ Ср. *Sittengeschichte Roms* I⁶, p. 109.

дая могущій воспослѣдовать отказъ, намекаетъ на то, что въ вѣдѣніи Секста уже состоятъ поэты съ произведеніями, подобнаго характера, именно: Катуллъ, Марсъ и Педонъ, съ которыми Марціалъ сравниваетъ себя точно также, какъ стихотворенія Домиціана съ поэмою Вергілія (V, 5, 5—8). Съ просьбой же о непосредственномъ поднесеніи императору своихъ эпиграммъ обращается поэтъ къ Пареенію (V 6), такъ какъ помимо того, что Парееній стоялъ весьма близко къ императору¹⁾, онъ былъ еще и поэтомъ, о чемъ узнаемъ мы изъ Марціала же, именно изъ эп. XII 11, которая имѣетъ большое сходство съ нашимъ стихотвореніемъ²⁾. Марціалъ намекаетъ Пареенію на то, чтобы поднести его стихотворенія въ благоприятную минуту (*post tempora in Iovis sereni*, ст. 9), когда ликъ императора сіяетъ свойственнымъ ему милостивымъ выраженіемъ³⁾. Но эту работливость нельзя считать за желаніе извинить тонъ своихъ эпиграммъ, такъ какъ въ пятой книгѣ мы не встрѣчаемъ ни одного стихотворенія, содержаніе котораго можно было бы назвать непристойнымъ⁴⁾. Правда, и въ этой книгѣ встрѣчается совѣтъ поэта читать его стихотворенія только какъ *non aspernanda fumoso Decembri* (V, 30, 5—6), но это можно объяснить тѣмъ, что Марціалъ писалъ этотъ совѣтъ, посылая свои бездѣлушки поэту такихъ важныхъ произведеній, какъ трагедія, Варрону, котораго Фридлендеръ въ пятомъ изданіи *Sittengeschichte Rom's* (т. III, стр. 449) сближалъ съ однимъ консуломъ эпохи Траяна, но потомъ, по видимому, отказался отъ этого сближенія, не имѣющаго за собой никакихъ основаній, такъ что въ шестомъ изданіи поименованнаго сочиненія уже нельзя найти этого предположенія. Впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ

¹⁾ Ibid. pp. 115—116. Впервые упоминаетъ поэтъ Пареенія въ IV 45.

²⁾ Отсюда видно, что Фридлендеръ почти безъ всякаго основанія предполагаетъ, что въ XII 11 Парееній подносилъ Нервѣ экстрактъ изъ X—XI книгъ — *timidumque brevemque libellum* (ст. 7), такъ какъ то же выраженіе *timidam brevemque chartam* встрѣчается въ эп. V 6.

³⁾ Аналогію этому представляетъ опять Овидій въ Понтіфическихъ письмахъ (II, 2, 65—66), гдѣ онъ умоляетъ друзей просить о своемъ помилованіи у императора въ удобную минуту:

*Cumque serenus erit vultusque remiserit illos,
Qui secum terras imperiumque movent.*

⁴⁾ Такъ что эта книга была дѣлякомъ предоставлена даже дофину (см. изданіе Марціала *in usum Delphini*, составленное Collesso),—честь, которой, помимо пятой книги, удостоились только *liber spectaculorum* и *xenia*.

другое объясненіе: стихотвореніе это было, очевидно, послано Варрону въ Сатурналіи, потому что поэтъ говоритъ въ цитованныхъ стихахъ:

...lego fumoso non aspernanda Decembri
Carmina, mittuntur quae tibi mense suo.

Между тѣмъ, по вычисленіямъ Фридлэндера ¹⁾, пятая книга была издана осенью. Для примиренія возникающаго противорѣчія позволю себѣ предположить, что стихотвореніе это было написано для предыдущей книги, куда почему-либо не попало. Въ этомъ убѣждаетъ меня близкое сходство данной эпиграммы съ разобраннымъ выше стихотвореніемъ къ Силію Италику: и тамъ, и тутъ Марціалъ начинаетъ съ указанія на произведенія своихъ собратьевъ и восхваленія этихъ произведеній; и тамъ, и тутъ поэтъ совѣтуетъ немного отдохнуть отъ серьезныхъ занятій по причинѣ веселыхъ Сатурналій.

Въ шестой книгѣ замѣчается интересное противорѣчіе касательно вопросовъ нравственности: съ одной стороны читаемъ мы здѣсь прославленіе цѣломудрія и похвалы возобновленному Домиціаномъ и вошедшему въ это время вполнѣ въ дѣйствіе Юліеву закону, напримѣръ VI, 2, vv. 1—4:

Lusus erat sacrae conubia fallere taedae,
Lusus et immeritos execuisse mares.
Utraque tu prohibes, Caesar populisque futuris
Succurris, nasci quod sine fraude iubes ²⁾,

а съ другой, совершенно наряду съ этими похвалами цѣломудрія, разказывается о попыткахъ обойти этотъ законъ, попыткахъ, которыя какъ бы заключаютъ въ себѣ даже нѣкоторую насмѣшку надъ lex Iulia, напримѣръ эп. VI 7 содержитъ подвиги нѣкоей Телезиллы, которая черезъ тридцать дней со времени возобновленія Юліева закона и наступленія эпохи цѣломудрія успѣла уже выйти за десятаго мужа ³⁾. Кромѣ того, въ шестой книгѣ встрѣчаются эпиграммы крайне непристойнаго содержанія, которыя опять-таки не подходятъ къ закону о цѣломудріи, напримѣръ шутовое описаніе magna mentula (36), изображеніе cinaedus Charinus (37), Priapeum, обращеніе къ безобразной, но похотливой Лесбій (23). Конечно, объяснять это тѣмъ,

¹⁾ См. изданіе Марціала I, p. 56 и Sittengeschichte Rom's, IIIe, p. 472.

²⁾ Ср. эп. VI 4.

³⁾ Ср. эп. VI, 22, 45, 91.

что Марціалъ хотѣлъ такимъ образомъ оппонировать императору, невозможно—на это у нашего поэта не хватило бы духу, и вообще это идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ отношеній Марціала къ Домиціану. Не лишнимъ считаю отмѣтить, что подобное мнѣніе объ оппозиціи поэта Домиціану высказано было въ надѣлавшей въ свое время шуму даже и у насъ въ Россіи ¹⁾ книгѣ Ad. Schmidt'a: *Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit*, на которую я уже имѣлъ случай сослаться выше. Такъ, на стр. 287 читаемъ здѣсь слѣдующее: *Die Schmeicheleien (Марціала Домиціану) selbst aber sind mit so starken Farben aufgetragen, dass sie, recht verstanden, oder in den Augen eines unbefangenen Lesers, sich selbst aufheben, oder gar zu Parodien verwandeln.* Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, это мнѣніе Шмидта стоитъ совершенно одиноко. Итакъ, возвращаясь къ *lex Iulia*, замѣчу, что самымъ легкимъ способомъ выхода изъ указаннаго выше противорѣчія являлось бы предположеніе, что законъ этотъ былъ скоро отмѣненъ. Но оно врядъ ли вязалось бы съ тѣми намеками, на *lex Iulia*, которые встрѣчаются еще въ IX-й книгѣ, *им. эп. 6 ст. 8.* Поэтому скорѣе можно догадываться, что императоръ не настаивалъ особенно на исполненіи этого закона, который, конечно, пришелся очень не по вкусу тогдашнему римскому обществу. Очень можетъ быть, что Домиціанъ, который по всѣмъ признакамъ принадлежалъ къ категоріи лицъ, мѣтко охарактеризованныхъ Ювеналомъ: *qui Curios simulant et Bacchanalia vivunt (Sat. II 3)*, самъ смѣялся надъ тѣми продѣлками, къ которымъ прибѣгали для обхожденія этого закона личности, подобныя выше названной Телезіялѣ (VI 7), такъ что законъ этотъ упразднялся какъ бы самъ собой. Во всякомъ случаѣ я не могу согласиться съ мнѣніями объ этомъ законѣ Домиціана ни у стараго, ни у новаго біографа его. Перный ²⁾ говоритъ: *Er (Домиціанъ) erneuerte die betreffenden Iulischen Gesetze, wie es scheint vorzugsweise die Papisch-popätschen Eheverordnungen, und liess ihre Befolgung mit unerbittlicher Strenge überwachen.* Подтверждаетъ это Имгофъ ссылкой на Марціала VI. 7, 2, то-есть на ту самую эпиграмму, гдѣ, какъ показано было выше: разказанъ способъ обхода Юліева закона, и *Iuv. II 30*,—мѣсто, также разобранныя мною выше. Гораздо осто-

¹⁾ Такъ, на нее часто ссылается Д. Н. Цисаревъ въ своей работѣ объ Аполоніѣ Тианскомъ; затѣмъ книга Шмидта послужила матеріаломъ для нѣсколькихъ компіляцій въ *Московитянинѣ*.

²⁾ Imhof, T. Flavius Domitianus. Halle, 1857, p. 96.

рожиѣ выражается Gselle ¹⁾: „En 89 il (Домиціанъ) renouvela la lex Iulia contre l'adultère et le concubinat, ce qui amena nombreuses condamnations“. Правда, изъ одного мѣста „Сильвъ“ Стація ²⁾ намъ извѣстенъ единственный случай осужденія, и то ложный. Что же касается до мѣста Зонары, процитованнаго еще Гзеллемъ (ibid., Зонара XI 19, Dindorf III p. 59) въ защиту своего мнѣнія, то оно не только не помогаетъ его объясненію, но даже можетъ свидѣтельствовать противъ него, именно: Τοὺς δ' ὕπ' αὐτοῦ καταθάντας ἀριθμῆσασθαι οὐκ ἔν τις δόναίτο. σοῦχοι δὲ καὶ ἄνδρες καὶ γυναῖκες τῶν πλουσίων ἐπὶ μοιχείᾳ ἐκόλασθησαν, ὧν εἶναι καὶ ὕπ' αὐτοῦ ἐμοιχέυθησαν. Во-первыхъ, Зонара не говоритъ, что эти наказанія происходили въ силу возобновленнаго Юліева закона; затѣмъ прибавка τῶν πλουσίων сообщаетъ этому преслѣдованію совѣтъ особый характеръ. Интересно, что Светоній ³⁾, который разказываетъ въ 8-й главѣ біографіи Домиціана о наказаніи весталокъ, ни слова не говоритъ про возобновленіе lex Iulia.

Непристойныя эпиграммы встрѣчаются часто и въ седьмой книгѣ, какъ, напримѣръ, изображеніе tribas Philaenis (67 и 70), распутной Галлы, которая дѣйствовала, можетъ быть въ силу *repata lex Iulia* (58); женщина съ этимъ именемъ фигурируетъ и въ далеко не скромной эп. 18, и т. д. Извиненій за распутный тонъ здѣсь не встрѣчается; можетъ быть, ихъ отсутствію содѣйствовало то обстоятельство, что Домиціанъ находился это время въ Сарматскомъ походѣ (эп. 5—8); поэтому Марціалъ проситъ любимца императора, Криспина, напомнить о себѣ владыкѣ (эп. 99). Интересно, что въ этой книгѣ, изданной въ декабрѣ 92-го года, встрѣчаемъ всего одинъ разъ совѣтъ поэта воспользоуаться подходящимъ временемъ Сатурналій для чтенія стихотвореній, именно въ эп. 28. Стихотвореніе это построено совершенно по тому же плану, какъ эпиграммы къ Силію и Варрону (IV 14 и V 30), съ тою разницею, что, сообразно занятіямъ адресата Фуска, сперва идетъ пожеланіе ему усгѣховъ въ хозяйствѣ и на поприщѣ адвокатуры. Ко времени возвращенія императора изъ Сарматскаго похода, Марціалъ прикидывается бѣдьякомъ, хотя положеніе поэта въ это время было далеко не плохо въ имущественномъ

¹⁾ Gselle, l. c., стр. 84. О строгомъ примѣненіи Домиціаномъ lex Iulia замѣчаетъ голословно и Фридлэндеръ, см. *Sittengeschichte Rom's*, IIIe, p. 498 и изданія Ювенала, I p. 104.

²⁾ Stat. Silv. V, 2, 99 vsq.

³⁾ Правда, Светоній упоминаетъ (ibid.) о *zusserpta* (scil. a Domitiano morum correptione).

отношеніи; рѣшается, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, напомнить о себѣ Цезарю ¹⁾ и посвящаетъ ему восьмую книгу. По обычаю, поэтъ принимаетъ очень униженный тонъ и извиняется въ безнравственномъ содержаніи своихъ эпиграммъ. Наряду съ желаніемъ воздержаться отъ этого, здѣсь опять находится искусно вставленное оправданіе себя примѣромъ другихъ: *quamvis autem epigrammata a severissimis quoque et summae fortunae viris ita scripta sint, ut mimiticam verborum licentiam affectasse videantur, ego tamen illis non permisi tam lascive loqui quam solent.* Непрястойныхъ стихотвореній въ этой книгѣ нѣтъ. Правда, Collesso, изданіе котораго можетъ служить нѣкоторымъ мѣриломъ для опредѣленія нравственности и безнравственности эпиграммъ, не находилъ удобными для чтенія стихотворенія 46 и 63, которыя въ сущности не заключаютъ въ себѣ ничего неприличнаго съ античной точки зрѣнія: первое содержитъ похвалу красивому мальчику, котораго пожелала бы имѣть съ собою даже Діана, и который съ успѣхомъ могъ бы замѣнить Ганимеда; второе представляетъ намекъ на педерастію.

Въ противоположность восьмой, девятая книга не содержитъ оправданія въ распутномъ тонѣ эпиграммъ, хотя въ ней есть что отхѣтитъ въ этомъ отношеніи, напримѣръ портретъ нѣкоего Христа (27), описаніе проведенной черезчуръ весело ночи (67) и т. п. Можетъ быть, это отсутствіе оправданій находить свое объясненіе въ томъ, что во время изданія этой книги Марціалъ долженъ былъ имѣть особенно сильное убѣжденіе въ значеніи своихъ стихотвореній, такъ какъ знатный другъ поэта, Авитъ, оказалъ ему особенный почетъ, пожелавъ поставить портретъ Марціала въ своей библиотекѣ (IX раеф.). За то часто приходилось поэту прибѣгать къ оправданіямъ въ XI-й книгѣ ²⁾, изданной въ Сатурналіи 96-го года. Помимо обычныхъ вольностей этого праздника, Марціалъ, по видимому, щедро воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что на императорскомъ престолѣ мѣсто двуличнаго Домиціана, убитаго въ сентябрѣ 96-го года, занялъ кроткій и благодушный старецъ Нерва. Поэтъ самъ заявляетъ о веселомъ характерѣ своей книги во 2-ой эпиграммѣ:

Clamant ecce mei „Io Saturnalia“ versus:

Et licet et sub te praeside, Nerva, libet.

¹⁾ До чего доходить способъ выпрашиванія Марціала, можно видѣть изъ: оп. VIII 24.

²⁾ Десятую книгу оставляю пока въ сторонѣ, такъ какъ второе дошедшее до насъ изданіе ея вышло послѣ одиннадцатой книги.

То же повторяется и въ эпиграммѣ 15-й, гдѣ Марціалъ говоритъ, что есть у него книги, пригодныя для чтенія супругѣ Катона и суровымъ Сабинянкамъ, но только не эта:

Hic totus volo rideat libellus
Et sit nequior omnibus libellis.

Поэтому серьезный читатель прямо приглашается отступить отъ этой книги (16). Но, конечно, такой характеръ стихотвореній могъ нравиться далеко не всѣмъ; поэтому и въ одинадцатой книгѣ встрѣчаются оправданія поэта. Такъ, обращаясь къ своему другу Сабину, человѣку, какъ видно, благочестивому, такъ какъ у нашего поэта есть указанія о воздвигнутомъ имъ храмѣ нимфамъ (IX 58), Марціалъ говоритъ ему въ утѣшеніе (17):

Non omnis nostri nocturna est pagina libri:
Invenies et quod mane, Sabine, legas.

Встрѣчается здѣсь и повтореніе стариннаго замѣчанія о различіи lasciva pagina и vita proba. Именно, посылая свои стихотворенія Аполлинарію, мнѣніемъ котораго Марціалъ особенно дорожилъ, поэтъ пишетъ ему (15):

Versus hos tamen esse tu memento
Saturnalicios, Apollinari,
Mores non habet hic meos libellus.

Поэтому мнѣ рѣшительно непонятно, какъ графъ Олсуфьевъ¹⁾ рѣшился защищать въ послѣднемъ изъ цитованныхъ стиховъ чтеніе старинныхъ изданій и многихъ рукописей²⁾: mores non habet hic meus libellus. При чтеніи meos мысль Марціала совершенно ясна: какъ ни развратно содержаніе моей книги (стихи 1—10), Аполлинарій, однако ты не долженъ забывать, что эти стихотворенія писаны для Сатурналій и, стало быть, не являются отраженіемъ моихъ нравовъ. Если-же принимать другое чтеніе, то, во-первыхъ, рѣшительно непонятнымъ является tamen въ стихѣ 11-мъ, затѣмъ сочетаніе mores non habet hic meus libellus являлось-бы совершенно

¹⁾ Олсуфьевъ I. с. стр. 78, прим.

²⁾ Чтеніе meos, кромѣ рукописей, перечисленныхъ гр. Олсуфьевымъ, имѣлъ еще codex Florentinus Скриверія. Впервые предложилъ это чтеніе, какъ конъектуру (не зная о его существованіи въ рукописяхъ), Douss (Martialis ed. Scriverius, 1819, p. 260).

ненужнымъ повтореніемъ цитованныхъ мной выше изъ той-же эпиграммы стиховъ 3—4.

Во время втораго изданія десятой книги въ Римѣ снова произошла смѣна императоровъ. Мѣсто стараго Нервы занялъ Траянъ, который относился очень благосклонно къ литературѣ и ея представителямъ¹⁾). Поэтому Марціалъ, не стоявшій къ этому императору такъ близко, какъ къ Домиціану, не считалъ нужнымъ извиняться предъ нимъ за содержаніе своихъ эпиграммъ. (Что императоръ, дѣйствительно, смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, видно изъ того интереснаго опредѣленія его характера, которое дѣлаетъ Марціалъ въ эпиграммѣ XII, 6, 8, называя его *hilaris Cato*). Иначе относился поэтъ къ своимъ непосредственнымъ покровителямъ. Здѣсь опять встрѣчаемъ излюбленный мотивъ Марціала—оправданіе себя примѣромъ другихъ; именно, обращаясь къ своей патронессѣ (*regina*) Поллѣ Аргентаріи, вдовѣ Лукана, судя по всему, цѣломудренной и тогда уже пожилой женщины, Марціалъ просилъ ее читать свое стихотвореніе *non tetrica fronte*, такъ какъ и ея супругъ *non erubuit lascivo dicere versu*: „*Si nec raedicor, Cotta, quid hic facio?*“ (X 64). Легко можно замѣтить, что композиція этой эпиграммы не представляетъ ничего новаго: первый стихъ (*contigeris, regina, meos si Polla libellos*) напоминаетъ собою I, 4, 1, а сочетаніе *tetrica fronte* (стихъ 2-й) находитъ себѣ полную аналогію въ IV, 82, 6 *tetrica aure*. Разстановка словъ въ томъ и другомъ случаѣ вполне одинакова:

IV, 82, 6

X, 64, 8

Non tetrica nugas exigit aure meas Non tetrica nostros excipe fronte locos

Старый мотивъ можно найти и въ посланіи къ Плинію (эпиграмма X 19). Препровождая ему свою „нестрогую книжку“ (*ragum severum*²⁾), поэтъ замѣчаетъ, что всего лучше ей отправиться „*segas ad lucernas... cum furit Lyaeus*“ (ср. эпиграммы IV 82). Вообще, пересматривая всѣ эпиграммы, гдѣ Марціалъ извиняетъ вольный тонъ своихъ произведеній, не трудно отмѣтить три излюбленныхъ мотива поэта: 1) оправданіе себя примѣромъ другихъ (эпиграммы не безстыднѣе мимовъ);

¹⁾ *Teuffel-Schwabe*, RLG² § 380, A. 2 und 3.

²⁾ Мнѣ кажется, что книга, посылаемая Марціаломъ Плинію,—скорѣе десятая, чѣмъ одиннадцатая, которая была издана, по видимому, непосредственно предъ отъѣздомъ Марціала въ Испанію, на что какъ известно Плиній далъ поэту пособіе.

2) стихотворенія пригодны для чтенія въ Сатурналіи или 3) въ половинѣ пира, особенно во второй, cum furit Luauus. Отсюда естественно возникаютъ повторенія выраженій, и, конечно, чѣмъ дальше читаемъ мы поэта, тѣмъ повторенія эти замѣтнѣе, такъ какъ съ годами творческая фантазія Марціала стала замѣтно ослабѣвать. Послѣ всего сказаннаго мной объ этихъ оправданіяхъ поэта ясно, что я не могу согласиться съ оригинальнымъ мнѣніемъ, произнесеннымъ по этому поводу Берлинскимъ ученымъ Губнеромъ въ его рецензій на изданіе Марціала Фридлендера: „Die Entschuldigungen des Dichters sind nicht sowohl Beschönigungsversuche der aus der erotischen Elegie und dem Mimus hinlänglich bekannten Sache, als vielmehr Erklärungen dafür, dass er gerade diese Art von Gedichten in der ersten grösseren Sammlung dem Publicum biete: was er gewiss mit richtiger Berechnung that“¹⁾. Замѣчу еще, что, при полномъ почти отсутствіи у насъ стихотвореній предшественниковъ поэта, можно спорить и противъ того, первый-ли онъ далъ публикѣ большое собраніе непристойныхъ стихотвореній.

Что касается *Hispanus libellus* поэта, то-есть, двѣнадцатой, то въ ней не только нѣтъ оправданій Марціала въ непристойномъ содержаніи эпиграммъ, но даже поэтъ какъ бы забылъ, что онъ писалъ такія стихотворенія, при чтеніи которыхъ читатель *rigida pulsabat pallia uena* (XI, 16, 5), такъ какъ онъ вышучиваетъ своего знакомаго автора, который составилъ *facundos de libidinis uersus*, и говоритъ ему, что не стоило тратить для подобнаго предмета свое краснорѣчіе (XII 43). Интересно также, что въ той-же книгѣ поэтъ упоминаетъ сочиненія неизвѣстнаго намъ Мусея, которыя, можно полагать, превосходили безстыдствомъ его собственныя эпиграммы, такъ какъ совѣта, даваемаго здѣсь Инстанцію Руфу, Марціалъ не упоминаетъ ни разу въ своихъ стихотвореніяхъ²⁾; изъ цитованнаго-же только что стиха XI, 16, 5 можно видѣть, что поэтъ придавалъ своимъ эпиграммамъ гораздо меньшее дѣйствіе.

Для довершенія характеристики возрѣвнй Марціала на свои произведенія необходимо рассмотретьъ, какое онъ придавалъ имъ значеніе, или, другими словами, какъ относился онъ къ своей славѣ. Подобно знаменитымъ поэтамъ Августова вѣка; Горацию, Проперцію и Овидію³⁾,

¹⁾ См. *Wochenschrift für klassische Philologie* 1887, столб. 818 (№ 26).

²⁾ Осуждается этотъ порокъ въ эп. IX 41.

³⁾ Интересно, что эта мысль не встрѣчается у Тибулла.

Марціалъ доходилъ и до мысли о безсмертіи своихъ стихотвореній. Графъ Олсуфьевъ говоритъ по этому поводу, что *post cineres fama* мало интересовала Марціала ¹⁾. Какъ увидимъ ниже, эти слова далеко не вполне справедливы; равнымъ образомъ мало доказываютъ и тѣ эпиграммы, которыя приводитъ почтенный авторъ для подтвержденія своего положенія, именно V 10 и VIII 69, такъ какъ Марціалъ говоритъ въ этихъ стихотвореніяхъ противъ тѣхъ лицъ, для которыхъ *sanctum est vetus omne poema* (Hor. Ep. II, 1, 54), и которые *attoniti* читали *terrai frugiferai* (Mart. XI 90). Подобнымъ же образомъ можно было-бы причислить къ противникамъ безсмертія своихъ произведеній и Горация, который сильно ратовалъ противъ этихъ поклонниковъ старины въ цитованномъ первомъ посланіи второй книги. Воплѣтъ справедливы приведенныя слова графа Олсуфьева только для перваго періода творческой дѣятельности поэта, когда ему надо было прежде всего хлопотать о приобрѣтеніи себѣ извѣстности, такъ что въ это время его болѣе всего прельщала та слава, которую разумѣетъ Персіей, говоря: *At pulchrumst digito monstrari et dici: „Nis est“* ²⁾. Этотъ стихъ, которому Марціалъ подражалъ въ эпиграммѣ V 13 и другихъ мѣстахъ можетъ служить какъ-бы девизомъ начальныхъ воззрѣній нашего поэта на свою славу. Конечно, добился такой извѣстности Марціалъ не сразу, и не сразу явилась у него твердая увѣренность въ своемъ блестящемъ талантѣ. Выше данъ былъ мною подробный анализъ эпиграммъ I 1 и I 61, и было показано, что эпиграмма I 1 не можетъ принадлежать первому изданію первой книги. Въ той-же первой книгѣ можно встрѣтить и подтвержденіе указаннаго девиза Марціала, что надо добиться славы при жизни, а не послѣ смерти. Впрочемъ, поэтъ высказываетъ эту мысль не въ отношеніи къ себѣ, а къ своему другу Фаустину: *„cinere gloria seorsum venit“* (I, 25, 8). Первое упоминаніе о собственной извѣстности находится у Марціала только въ III-ей книгѣ, им. эн. 95, гдѣ Марціалъ укоряетъ одного изъ своихъ враговъ за непочтительное обращеніе съ собой и говоритъ ему между прочимъ (vv. 7—8):

Ore legor multo notumque per oppida nomen
Non expectato dat mihi fama rogo.

¹⁾ Графъ Олсуфьевъ I. с. р. 8.

²⁾ Ср., впрочемъ, уже *Hor. Carm.* IV, 3, 22 и вообще *Otto, Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Römer* (Leipzig, 1890), p. 116.

Врядъ-ли, впрочемъ, можно отнести къ этой эпиграммѣ вполне серьезно, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Дау ¹⁾. Мнѣ кажется, что поэтъ говорить здѣсь о своемъ значеніи весьма преувеличеннымъ тономъ. Особенно замѣтно сквозить это въ стихахъ 11—12:

Quot mihi Caesareo facti sunt munere cives,
Nec cives totidem suspicor esse tibi.

Даже и въ послѣдующее время, когда Марціалъ дѣйствительно стяжалъ себѣ славу, просьбы его почти никогда не исполнялись Домицианомъ ²⁾. Поэтому невѣроятно, чтобы онъ могъ скоро приобрести себѣ такое вліяніе у императора, которому онъ даже не подносилъ своихъ произведеній до изданія четвертой книги, какъ это было сказано выше. Что слава поэта во время выхода въ свѣтъ третьей книги была еще не велика, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, кажется, эп. III 2, гдѣ поэтъ совѣтуетъ своей книгѣ *vindicem parare*,

Ne nigram cito raptus in cullnam
Cordylas madida tegas parugo и т. д.

Эти слова нельзя, по видимому, считать за выраженіе авторской скромности, какъ, напримѣръ, имѣющее аналогичное содержаніе послѣднее посланіе первой книги Горация; но наоборотъ, это есть выраженіе дѣйствительной боязни, что показываетъ послѣдній стихъ; кромѣ того, эп. III 95 можетъ свидѣтельствовать, что особой скромностью нашъ поэтъ не отличался. Предположеніе Дау ³⁾, что Марціалъ здѣсь шутитъ, какъ оно ни легко на первый взглядъ, находитъ себѣ сильное возраженіе въ томъ, что подобная шутка повторяется и въ четвертой книгѣ, именно въ эпиграммѣ къ Аполлинару (86). Нѣкоторое противорѣчіе въ воззрѣніяхъ на славу замѣчается даже и въ 5-й книгѣ. Съ одной стороны мы здѣсь встречаемъ почти буквальное повтореніе цитованныхъ стиховъ эпиграммы III 95, им. въ эпиграммѣ V 13:

Sed toto legor orbe frequens et dicitur «Hic est»,
Quodque cinis paucis, hoc mihi vita dedit,

¹⁾ Дау I. с. pp. 80—81.

²⁾ Это очень удобно проверить въ настоящее время, такъ какъ P. Gebhard Spiegel далъ подробный анализъ всѣхъ эпиграммъ Марціала съ подобнымъ содержаніемъ въ двухъ гимназическихъ программахъ: Zur Charakteristik des Epigrammatikers M. Valerius Martialis (Инсбрукъ, 1891—1892 гг.).

³⁾ Дау о. с. p. 80 adn. 5.

тотъ-же мотивъ повторяется и въ эпиграммѣ къ императору (V 15, ст. 3 — 4) и особенно къ читателю (V 16). Наряду съ этимъ въ эп. 10 Марціалъ передаетъ намъ свой разговоръ съ извѣстнымъ доносчикомъ Регуломъ о томъ, *sua quod gagus tempora lector amat*, и заключаетъ стихотвореніе слѣдующимъ обращеніемъ къ своимъ произведеніямъ:

Vos tamen, o nostri ne festinate libelli:
Si post fata venit gloria, non propero.

Очевидно, что наряду съ почитателями у поэта было много и враговъ. Также осторожно надо относиться къ заявленіямъ Марціала о своей славѣ и въ шестой книгѣ, такъ какъ два изъ этихъ заявленій написаны поводомъ для униженія своихъ враговъ (эп. 61 и 64) для чего, конечно, Марціалъ не жалѣлъ красокъ, а одно съ цѣлью разжалобить Руфа, чтобы тотъ подарилъ поэту новую лацерну (эп. 82). Но, во всякомъ случаѣ, послѣ изданія шести книгъ слава Марціала вышла за предѣлы Рима: стихотворенія его читались даже въ Галліи Нарбонской, именно въ Виеннѣ (эп. 88). Конечно, это извѣстіе не могло не радовать поэта, и онъ замѣчаетъ съ самодовольствомъ:

Non nihil ergo sumus, nec blandaе munere linguae
Dicimur ¹⁾.

Изъ этихъ словъ можно судить, что до сихъ поръ Марціалъ былъ какъ бы еще не увѣренъ въ себѣ, именно, имѣеть-ли дѣйствительно *genium* его книга, по его собственному выраженію въ эп. VI 60: *victurus genium debet habere liber*, такъ какъ временный успѣхъ могутъ имѣть многія произведенія, какъ, на примѣръ, писанія изображеннаго тамъ Помпула. Забѣгу немного впередъ. Интересно сравнить эп. VII 88 съ XI 3, въ которой Марціалъ также говоритъ о повсемѣстномъ распространеніи своихъ произведеній даже въ такихъ дальнихъ предѣлахъ римскаго государства, какъ Британнія и страна Гетовъ. Не смотря на это тожество сюжета, разница между обоими стихотвореніями весьма существенная, именно въ первомъ случаѣ

¹⁾ Почти то же повторено въ эп. VII, 99, 5 — 6. Что распространеніе извѣстности писателя за предѣлами Рима имѣло большое значеніе, свидѣтельствуетъ и Плиній Младшій, который, узнавъ, что его сочиненія читаются въ Ліонѣ, пишетъ (Ерр. IX, 11, 2) Геминю: *incipio enim satis absolutum existimare, de quo tanta diversitate regionum discreta hominum iudicia consentiunt.*

это новость для поэта, а потому его радуеть фактъ самъ по себѣ безъ всякихъ выводовъ. Во второмъ случаѣ, видимо, всесвѣтная извѣстность является для Марціала дѣломъ уже привычнымъ, и онъ жалуется, что эта извѣстность не сопровождается какимъ-либо ощутительнымъ послѣдствіемъ для его кармана — *nescit sacculus ista pons* (v. 5). Совершенно аналогичное явленіе можно замѣтить и при начаткахъ славы Марціала въ Римѣ, им. въ эп. V 13 поэтъ признается откровенно, можетъ быть, даже и черезчуръ откровенно, предъ богачемъ Каллистратомъ въ своей бѣдности. Но слава—явленіе новое для Марціала, поэтому онъ не только находитъ въ ней утѣшеніе для своей бѣдности, но даже какъ бы презираеть богатство, указывая Каллистрату, что за деньги нельзя купить себѣ этой славы:

*Nos ego tuque sumus. Sed quod sum, non potes esse:
Tu quod es, e populo quilibet esse potest.*

Впрочемъ, такое нравственное благородство было не особенно къ лицу нашему поэту, потому что въ той же книгѣ (V 16) онъ довольно прозрачно намекаетъ читателямъ, что пишетъ веселые стихи единственно для его удовольствія, но что это далеко не такъ выгодно для поэта, потому что одной похвалой сытъ не будешь, и соловья баснями не кормятъ. Поэтому, какъ практикъ, Марціаль не могъ очень долго восхищаться своею славою въ одной теоріи. Вообще, жалобы поэта на свою бѣдность особенно замѣтны въ началѣ и концѣ его творческой дѣятельности, что вполне понятно. Какъ уже замѣчено было кратко выше, явившись въ шумную, полную всякаго рода удовольствій столицу безъ особыхъ средствъ къ существованію ¹⁾, но съ обычными у всѣхъ юношей въ началѣ всякой ихъ дѣятельности мечтами о скорой славѣ и сопряженномъ съ нею богатствѣ, Марціаль долженъ былъ скоро разочароваться въ этомъ. Отголосокъ этого встрѣчаемъ въ эп. I 76, гдѣ поэтъ, обращаясь къ своему собрату по профессіи Флакку, совѣтуетъ ему отложить попеченіе о поэзіи:

*Pierios differ cantusque chorosque sororum;
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.*

¹⁾ Правда, *Gyobnerz* (*Wochenschrift für klassische Philologie*, 1887, № 26, стр. 816) толкуеть о доходахъ, которые Марціалу посылалъ отецъ изъ Испаніи, и которые постепенно прекратились. Но это предположеніе является ничѣмъ инымъ, какъ чистою фантазіей.

Конечно, съ теченіемъ времени благосостояніе поэта должно было увеличиваться, по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ въ славу, такъ что къ изданію 8-й книги Марціалъ могъ разбѣжать на собственныхъ мулахъ и имѣлъ пригородную лѣтнюю дачу (VIII 61), а ко времени выхода въ свѣтъ 9-й книги уже и собственный домъ въ городѣ (IX 18 и 97). Но все же это благосостояніе было, какъ видно, не велико, если поэту приходилось прибѣгнуть къ *viaticum* со стороны Плинія Младшаго при отправленіи въ Испанію. Конечно, опредѣлить истинное имущественное положеніе Марціала трудно, въ виду противорѣчимости свѣдѣній, даваемыхъ имъ по этому поводу ¹⁾. Съ увѣренностію можно сказать одно, что это положеніе никомъ образомъ не могло соответствовать постепенно возрастающей все въ большей и большей степени славѣ поэта; этимъ объясняются у Марціала горькія сравненія себя со скакуномъ Андрэмономъ (X 9) и частыя жалобы на предпочтеніе, оказываемое инымъ спеціальностямъ, гораздо болѣе грубымъ (V 56, VI 8, XI 75), чѣмъ занятія, которыя требуютъ умственной дѣятельности.

На ряду съ распространеніемъ своей славы внѣ предѣловъ римской имперіи, поэтъ начинаетъ впервые сознавать *fama post cineres* и заботиться о ней. Первый робкій намекъ на эту посмертную славу встрѣчается въ эп. VII 44, гдѣ Марціалъ говоритъ, что о геройскомъ поступкѣ Кв. Овидія узнаетъ *praesens venturaque turba... si fas est cineri me superesse meo*. Второе упоминаніе о безсмертіи стихотвореній поэта высказывается въ эп. VIII 3. Тонъ поэта здѣсь уже гораздо болѣе увѣренный. Онъ сравниваетъ свою славу съ великолѣпными мраморными гробницами Мессалы и вольноопущенника диктатора Цезаря Лицина, и говоритъ, что гробницы эти со временемъ разрушатся, а его стихотворенія будутъ читаться вѣчно и вездѣ. Извѣстно, что это сравненіе славы стихотвореній съ продолжительностію существованія архитектурныхъ сооружений довольно обычно въ римской литературѣ: достаточно припомнить знаменитую оду Го-

¹⁾ Понятно отсюда колебанія по этому вопросу въ книгѣ графа Олсуфьева, который на стр. 87-й говоритъ, что Марціалъ „имѣлъ достаточно средствъ, чтобы вести жизнь не только безбѣдную, но даже... довольно роскошную“, а на страницѣ 108-й (прим.) признается, что „фактъ денежнаго пособія на дорогу никакъ не свидѣтельствуешь объ особомъ достаткѣ“. — *Hübner* и здѣсь замѣчаетъ парадоксально: „im Ganzen ist sein (Марціалова) Leben stets ein bequemes und sorgenfreies gewesen“ (Deutsche Rundschau, 1889, April, p. 90).

рація: *exegi monumentum*¹⁾). Ближе по мысли подходят къ Марціалу два стихотворенія латинской антологіи, авторомъ которыхъ Бренезъ, а за нимъ и Вагнеръ (въ изданіи Марціала Фридлэндера), считаютъ Се-неку²⁾. Въ первой изъ этихъ эпиграммъ, напимѣрь, также упоми-наются памятники Аншіевой дороги, пирамиды и Мавсолей. Вообще, памятники Лицина и Мессалы служили какъ бы типомъ для подоб-наго рода сравненій; такъ, у нашего поэта упоминаются они еще въ эп. X 2. Въ послѣднее время дѣятельности Марціала (по выходѣ въ свѣтъ восьмой книги) слава его была уже окончательно упрочена (VIII, 3, 3—4: *iam plus nihil addere nobis fama potest*), и поэтъ го-воритъ о ней сравнительно рѣже, но за то уже съ полнымъ созна-ніемъ своего достоинства; такъ, интересно сопоставить цитованную эпиграмму VII 44 съ эп. XII 4, гдѣ Марціалъ прославляетъ своего Мецената, Теренція Приска:

Quod Flacco Varroque fuit summoque Maroni
Maecenas atavis regibus ortus eques,
Gentibus et populls hoc te mihi, Prisce Teredti,
Fama fuisse loquax chartaque dicet anus

Раньше замѣчено было, что безсмертіе стихотвореній предвѣщали себѣ многіе римскіе поэты. Какъ кажется, воззрѣнія Марціала на этотъ предметъ всего ближе подходятъ къ Овидію, какъ это отчасти высказалъ уже Цингерле въ своей брошюрѣ *Martials Ovidstudien*, ограничившись, впрочемъ, только сопоставленіемъ сходныхъ мѣстъ³⁾. У Овидія также встрѣчаемъ сходную, только въ обращеніи къ Музѣ, а не къ читателю, мысль о томъ, что его стихотворенія

¹⁾ Конечно, Марціалъ не подражалъ въ названномъ стихотвореніи этой одѣ Горачія, какъ это думалъ Кислингъ (см. Зенгеръ I. с. р. 207); трудно однако понимать этотъ *monumentum* въ смыслѣ нерукотворнаго памятника (Петушиль „Филологическое Обзоріе“, VIII, 2, р. 142), такъ какъ съ одной стороны Ф. Е. Коршъ далеко не опровергнулъ обычнаго мнѣнія объ этой одѣ (равно какъ неудачна ссылка Г. Э. Зенгера на Моммзена въ С. I. L. I 281), а съ другой стороны Бухелеръ, у котораго я слушалъ объясненіе этой оды Горачія, указы-валъ, что въ Римѣ какъ разъ въ это время строили пирамиды, ср. С. I. L. VI, 1, 1574 и 1575 съ прим. Наконецъ, да позволено будетъ спросить: можно ли согласно съ римскимъ словоупотребленіемъ разумѣть подъ *monumentum* *неру-котворный* памятникъ. Но крайней мѣрѣ, объясненіе слова Фестомъ не даетъ на это права; см. Festus ed. Müll. p. 139.

²⁾ Bährens P. L. M. IV pp. 68—69 = Riese Anth. Lat. I² стр. 328.

³⁾ Zingerle I. с. р. 28.

получили славу при жизни автора (Tr. IV, 10, 121 sq). Впрочемъ, въ концѣ стихотворенія, подобно Марціалу, Овидій приноситъ благодарность своему читателю (ст. 131—132). Интересно сравнить это мѣсто автобіографіи Овидія съ началомъ извѣстнаго каталога поэтовъ, въ 4-й книгѣ понтійскихъ писемъ. Въ первомъ стихотвореніи Овидій говоритъ, что никакая зависть не потревожила его стиховъ (стр. 123—124), между тѣмъ въ *Epist. ex P. IV* 16, правда, написанномъ позже, поэтъ какъ разъ укоряетъ какого-то завистника, что тотъ терзаетъ его стихотворенія, и опять повторяетъ о своей славѣ еще при жизни (ст. 1—4). Но стихотворенія Овидія подвергались зависти и раньше, что видно, напримѣръ, изъ *Rem. am.* 361 сл., ср. ст. 397: *Nastepus invidiae respondimus*. Еще замѣтнѣе выступаетъ этотъ мотивъ въ *Amor.* I, 15, 1—2 и 39—40, также *Epist. ex P. III*, 4, 73—74. Стало быть, и Овидію много приходилось терпѣть отъ злобы завистниковъ, но онъ утѣшалъ себя по большей части не тѣмъ, чѣмъ Марціалъ, то-есть, что его стихотворенія получаютъ должную оцѣнку при его жизни, а грядущею славой. Въ этомъ же искалъ утѣшенія и Проперцій въ 1-й элегіи III-й книги (IV по Лахманну, ст. 21—22). Разница между Марціаломъ и Овидіемъ заключается и въ томъ, что послѣдній смотрѣлъ на свою славу, получивъ ее, не такъ узко практически, какъ первый. Овидія слава радовала сама по себѣ, безъ всякихъ денежныхъ выгодъ, и чѣмъ больше онъ достигалъ ея, тѣмъ больше старался заслужить ¹⁾).

Въ тѣсной связи съ оправданіями Марціала въ распутномъ тонѣ своихъ эпиграммъ стоитъ вопросъ объ отношеніяхъ поэта къ выводимымъ имъ лицамъ, такъ какъ и тутъ встрѣчаемся мы съ цензурской дѣятельностью Домиціана. Именно, по свидѣтельству Светонія (гл. 8 біографія Домиціана), этотъ императоръ вооружался противъ пасквилей, написанныхъ на знатныхъ лицъ. Точное время изданія Домиціаномъ такого распоряженія не извѣстно, но настойчивое утвержденіе Марціала, что онъ не будетъ преслѣдовать знатныхъ лицъ, вы-

¹⁾ Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ стихотвореній поэта, подтверждающихъ послѣднія слова:

<i>Rem. am.</i> 398:	<i>Nam studium famae mihi crevit honore.</i>
Tr. V, 12, 37—38:	<i>Denique non parvas animo dat gloria vires</i> <i>Et facunda facit pectora laudis amor.</i>
<i>Ep. ex P. III</i> , 4, 29—30:	<i>Plausibus ex ipsis populi laetique favore</i> <i>Ingenium quodvis incaluisse potest.</i>
IV, 2, 36:	<i>Immensum gloria calcar habet.</i>

сказанное имъ уже во вступительномъ посланіи первой книги, представляющемъ какъ бы *profession de foi* автора, позволяетъ отнести это распоряженіе къ началу цензурской дѣятельности императора. Марціалъ обѣщаетъ, что онъ не только не будетъ злоупотреблять великими именами, но даже отзываться „*cum salva reverentia*“ и о лицахъ самаго низкаго званія. Конечно, подобное направленіе не вязалось какъ съ общимъ характеромъ эпитаграммы у римлянъ, такъ въ частности съ тѣмъ „*atragum fel*“, которое, какъ сказано было выше, составлялось нашимъ поэтомъ въ одно изъ достоинствъ избраннаго имъ рода поэзіи. Для примиренія этихъ требованій Марціалу оставался одинъ исходъ—не называть, въ случаѣ порицанія, выводимыхъ имъ лицъ ихъ настоящими именами, что онъ и сдѣлалъ очень добросовѣстно, какъ признается въ этомъ самъ въ концѣ своей римской дѣятельности (X 33):

Hunc servare modum nostri novere libelli,
Percere personis, dicere de vitiis.

Изученіемъ именъ у Марціала занимался P. Giese въ своей диссертации: *De personis a Martiale commemoratis (Gryphiswaldiae, 1872)*. Работа эта очень поверхностна; она представляетъ собой простой *index nominum*, при чемъ къ историческимъ лицамъ добавлены нѣкоторыя общезвѣстныя свѣдѣнія, напримѣръ къ имени императоровъ годы ихъ царствованія; къ именамъ частныхъ лицъ дѣются ихъ опредѣленія, вытекающія изъ эпитаграммъ, въ которыхъ они упоминаются; вышеуказаннымъ заявленіемъ Марціала о вымышленныхъ именахъ Гизе положительно злоупотребляетъ. Введеніе, предпосланное этому указателю, занимаетъ всего одну страницу. Ошибочно, по моему мнѣнію, утвержденіе автора, выводимое имъ изъ *Præf. I, II 22, XI 95^b, X 33*, что Марціалъ называлъ дѣйствительными именами мертвыхъ лицъ, такъ какъ объ этомъ въ вышеназванныхъ мѣстахъ ничего не говорится. За то весьма содержательны, въ сравненіи съ Гизе, двѣ съ половиной страницы, посвященныя вопросу объ именахъ у Марціала Фридрихендеромъ, который привелъ все наиболѣе существенное ¹⁾.

¹⁾ Обычай употребленія вымышленныхъ именъ въ римской литературѣ, существовавшій уже гораздо ранѣе Марціала (Гораций), съ теченіемъ времени укоренялся все болѣе и болѣе, такъ что Апулей въ „Апология“ не одобрилъ Луцилія, „*quod Gentilem et Macedonem pueros directis nominibus prostituerit*“. И вымышленныя имена надо было употреблять съ извѣстными предосторожностями, какъ это показываетъ отзывъ Плинія о Вергиліѣ Римскомъ (*Err. VI, 21, 51*:

Если я позволю себѣ сдѣлать въ дополненіи къ Фридлендеру нѣсколько замѣчаній, то я отнюдь не претендую на полноту изложенія. такъ какъ всякому извѣстно, что по римской ономастологій сдѣлано до сихъ поръ еще очень мало. Прежде всего скажу, что, насколько мнѣ удалось провѣрить по указателямъ именъ въ *Corpus Inscriptio-nium Latinarum*, а также по неоконченному еще, къ сожалѣнію, до-селѣ *Onomasticon Latinum Forcellini De Vit*, Марціалъ почти ¹⁾ не употребляетъ неологизмовъ, то-есть почти всѣ приведенныя имена дѣйствительно встрѣчаются у римскихъ писателей и въ надписяхъ. Затѣмъ общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этого сравненія Марціаловыхъ именъ съ указателями *Corpus'a* и *Onomasticon* то, что поэтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ такимъ име-намъ, которыя встрѣчаются чаще у вольноотпущенниковъ, чѣмъ у полноправныхъ гражданъ. Этими, какъ мнѣ кажется, легче всего объяс-нимо то громадное количество именъ греческаго происхожденія, ко-торое встрѣчаемъ мы въ эпиграммахъ, такъ какъ Моммзенъ указалъ въ *Römische Forschungen* ²⁾ на слѣдующій законъ: „Sicher gehört dieser Zeit (то-есть, 80 г. до Р. Хр.) die Feststellung der bekannten Regel an, dass die Cognomina griechischen und überhaupt unrömischen Ursprungs den Freigelassenen und ursprünglich auch wohl deren Söhnen, diejenigen römischen Ursprungs den Freigeborenen vorbehalten sind“. Meyersаhm провѣрилъ этотъ законъ въ своей диссертациі

fictis nominibus decenter, veris usus est apte, ср. *Sidon. Epp.* I, 11, 2 (*Lütjoh.*, p. 16) о стихахъ приписываемой Сидонію сатиры: *versuum plena satiricorum mordacium, sane qui satis investivaliter abusi nominum nuditate carpebant plurimum vitia, plus homines*“.

¹⁾ Говорю почти, такъ какъ нѣкоторыхъ именъ я не нашелъ въ *Onomasticon de Vit*, а для нихъ Марціалъ является единственнымъ источникомъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: *Charmenton*, *Cyrta*, *Garricus* и *Gongylion*, къ числу вторыхъ *Vassara*, *Baeticus*, *Calocissus* и *Maronilla*. Затѣмъ, если иногда мнѣ не удалось находить вполне соответствующихъ именъ въ указателяхъ *Corpus Inscriptio-nium Latinarum*, то я находилъ другія, которыя показывали, что образованіе Марціала вполне правильно и избранное имъ имя не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго; наприимѣръ, если я не нашелъ имени *Syriscus* (V 40), то за то мнѣ попалось женское имя *Surisca* (C. I. L. II 4502; ср. имя Вергиліевой трактирщицы); если я не нашелъ имени *Sosibianus* (I 81, IV 33, XI 83), то есть имя *L. Sosi-bius* (C. I. L. XIV 1354), отъ котораго *Sosibianus* образовано вполне правильно; если мнѣ не удалось найти имени *Philaenis* (II 33, IV 65, VII 67 и др.), то есть *Filenis* (C. I. L. III 2039) и т. д. Замѣчу также, что всего одинъ разъ у Марціала встрѣчается весьма рѣдкое имя *Laevia* (ср. *Rhein. Mus.*, т. 41. стр. 11).

²⁾ *Band I*, p. 60, Berlin, 1864.

Deorum nomina hominibus imposita (Kiliae, 1891) на именахъ боговъ, даваемыхъ людямъ. Особенно интересно для насъ имя *Rhoebus*, такъ какъ оно неоднократно встрѣчается и у Марціала, и вотъ, по вычисленіямъ Мейерсама изъ 175 случаевъ употребленія этого имени въ надписяхъ, на почвѣ которыхъ исключительно оперируетъ авторъ. только 5 случаевъ приходятся на свободныхъ лицъ. Весьма вѣроятно, что Марціалъ употреблялъ то или другое имя не просто, такъ что современники поэта легко могли догадаться, кто скрывается подъ тѣмъ или другимъ псевдонимомъ, и это возможно было для нихъ далеко не такъ рѣдко, какъ думаетъ Фридлэндеръ ¹⁾. Что касается насъ, то, конечно, мы можемъ дѣлать только предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя. Къ указаннымъ у Фридлэндера (I 21, прим. 1-е) примѣрамъ такихъ выразительныхъ именъ ²⁾ слѣдуетъ добавить *Acerra* (I 28). Это лицо, можетъ быть, названо такъ потому, что оно подобно курильницѣ (*асегга*), всегда распространяетъ отъ себя запахъ вина; *Calocissus* (IX 93)—красивый мальчикъ, сообразно производству отъ *καλός* и *κισσός*; *Candidus* (II 24, 43, III 26, 46, XII 38) могло быть выбрано Марціаломъ какъ *ἀντίφρασιν*, такъ какъ Марціалъ обозначаетъ этимъ именемъ скупаго друга (за исключеніемъ XII 38, если *Candidus* этой эниграммы не тотъ же, что и въ III 26); *Decimus* (V 21)—риторъ Аполлоторъ ошибался часто въ именахъ и называлъ извѣстную личность вмѣсто *Crassus* (*согнопен* и вмѣстѣ съ тѣмъ *толстый*) Масег (*согнопен* и вмѣстѣ съ тѣмъ *толщій*) и вмѣсто *Declinus* (*десятый* и вмѣстѣ съ тѣмъ *граенопен*)—*Quintus* (*граенопен* и *пятый*); *Didymus*—этимъ именемъ называется въ нѣкоторыхъ эниграммахъ (V 41 ³⁾, VI 39 и XI 81) евнухъ, вѣроятно —

¹⁾ Изъ эниграммы III 11 можно, пожалуй, съ нѣкоторою натяжкой заключить, что иногда имя служить у Марціала только для заполнения стиха. Подробнѣе объ этомъ стихотвореніи будетъ сказано ниже.

²⁾ Повторяю, что и эти выразительныя имена не суть неологизмы. Такъ, изъ примѣровъ, собранныхъ Фридлэндеромъ для *Dento* и другихъ именъ на о см. *Onomasticon*; *Vetustilla* встрѣчается въ C. I. L. VIII 1732; для *Vetustina*, замѣчу кстати, имени, выбраннаго Фридлэндеромъ очень неудачно для подтвержденія разсматриваемаго правила, даетъ параллель *Vetustinus* C. I. L. III, для *Panpuchus* и *Philomachus* см. *Inscr. R. Neap.* Сказанное имѣетъ свою силу и касательно примѣровъ приведенныхъ мною. О подобныхъ выразительныхъ именахъ у Горация см. *Düntzer, Kritik und Erklärung des Horaz*, Braunschweig, 1843, I, p. 201 и примѣч. *Teuffel*'а къ *Sat. II, 3, 287*.

³⁾ Впрочемъ, въ эи. V 41 вѣрнѣе чтеніе *Didymus*, чѣмъ *Dindymus*, даваемое только нѣкоторыми старинными изданіями (См. примѣч. Шнейдевина *ad loc.* въ изданіи 1843 г.).

съ намекомъ на мѣсто культа Кибелы, гору Диндимъ; *Euclides* V 85)—греческое имя это выбрано для того, чтобы еще сильнѣе отгнѣнить непохвѣрное хвастовство своимъ происхожденіемъ этого выскочки; *Entrapelus* (VII 83)—предположеніе Фридлэндера (изд. Марціала, I стр. 21, прим.) о томъ, что это имя выбрано Марціаломъ не спроста, можетъ быть подтверждено остроотой Цицерена касательно P. Volturnius Entrapelus, друга Аттика и довѣреннаго Антонія, ср. прим. Кислинга къ Ног. Epist. I, 18, 31; *Hermogenes* — имя искуснаго вора, можетъ быть, потому, что воры состояли подъ покровительствомъ Гермеса; *Maevius* (X 76),—вѣроятно, недаромъ носить это имя шлохой поэтъ; *Plesusa* (II 66)—какъ имя puella ognatrix отъ плѣхо (Plesusa, какъ имя вольноотпущеницы, не рѣдко въ испанскихъ надписяхъ, см. С. I. L. II №№ 2016—2020, 2029 и 2031; ср. Psecas у Ювенала VI 491); *Phryx* (VI 78) — если имя врача Negas въ этой эпиграммѣ выбрано по примѣру его знаменитаго тезки изъ Каппадокіи (ср. примѣч. Фридлэндера), то понятно поэтому, почему его недостойный пациентъ называетъ Phryx; (cognomen Phrygius см. въ С. I. L. IX 4600); *Sardanapallus*—человѣкъ, превосходящій своей роскошью всякую мѣру, можетъ быть, получилъ это имя въ память извѣстнаго ассирійскаго царя *Vaserra* — это имя, употребленное Марціаломъ 4 раза (VIII 69, XI 66, 77, XII 32) и притомъ всегда съ отгнѣнкомъ презрѣнія къ лицу, его носящему, позволяю себѣ поставить въ связь съ объясненіемъ слова у Феста (р. 374 Müll.): *Vaserram dicunt stipitem, ad quem equos religare, alii dicunt maledictum hoc nomine significari magnae acerbitatis, ut sit vecors et vesanus* (примѣры на cognomen Vaserra см. у Forcellini s. v.). Слѣдуетъ замѣтить, что употребленіе этихъ выразительныхъ именъ проведено Марціаломъ далеко не послѣдовательно, хотя и въ данномъ случаѣ Фридлэндеръ заходитъ очень далеко. Такъ, напримѣръ, возьмемъ сейчасъ названное имя *Candidus*. По поводу его Фридлэндеръ (изд. Марціала, I стр. 22—23) говоритъ: *Candidus ein anspruchsvoller und karger Freund* II 24 und 43, III 46, doch III 26 anders. Между тѣмъ въ эп. III 26 поэтъ говоритъ какъ разъ о скупости Кандида, именно, что все онъ хочетъ имѣть одинъ, только вотъ жену раздѣляетъ съ толпой. Поэтому мнѣ кажется, что и въ III 26 *Candidus*—тотъ же скупой другъ, только поэтъ подмѣтилъ новое качество этого человѣка. Число такихъ примѣровъ можно было бы легко увеличить, если бы я не боялся внести въ одинаковую ошибку съ этимъ биографомъ Горация,

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1896 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату.

	СТРАН.
30-го ноября 1896 года.	3

Высочайшія награды по министерству народнаго просвѣщенія.	3
--	----------

Высочайшія повелѣнія.

1. (21-го іюня 1896 года). Объ измѣненіи положенія о стипендіяхъ имени бывшаго Московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова при Московскихъ 1, 2, 3 и 4 гимназіяхъ.	13
2. (26-го іюня 1896 года). Объ учрежденіи при Юрьевской учительской семинаріи одной стипендіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ	—
3. (26-го іюня 1896 года). О присвоеніи Біиской женской прогимназіи наименованія „Николаевской“.	14
4. (24-го іюля 1896 года). О назначеніи инспекторами, учителями специальныхъ предметовъ и руководителями практическихъ работъ въ ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ лицъ, не получившихъ средняго технического образованія	—

5. (7-го сентября 1896 года). Обь учрежденіи должности врача-преподавателя, съ правами государственной службы, при мореходныхъ классахъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба.	—
6. (18-го ноября 1896 года). Обь учрежденіи при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи должности помощника дѣлопроизводителя	15

**ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМУВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

15-го ноября 1896 года.	15
22-го ноября 1896 года.	25
30-го ноября 1896 года.	28
5-го декабря 1896 года.	—
12-го декабря 1896 года	—
1-го января 1897 года	45
3-го января 1897 года	46
10-го января 1897 года.	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го ноября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова, при Николаевской Александровской гимназій	30
2. (20-го ноября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова, при Николаевскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ	31
3. (22-го ноября 1896 года). Положеніе о одновременныхъ денежныхъ пособіяхъ имени врача Евгенія Антоновича Деменистру при Херсонской мужской гимназій	32
7. (1-го октября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени домашняго учителя Апатолія Алексѣевича Бунакова при Мценскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ	47
8. (17-го октября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Ивановича Иванова при Николаевскомъ уѣздномъ училищѣ, Херсонской губерніи	48
9. (20-го ноября 1896 года). Положеніе о стипендіи заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, тайнаго совѣтника И. Н. Новацкаго	49
10. (29-го ноября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика Новгородской гимназій, сына московскаго 1-й гильдіи купца Николая Фѣдоровича Пушшова	50
11. (30-го ноября 1896 года). Положеніе о стипендіи тульскаго купца Василія Степановича Баташева при Тульскомъ реальномъ училищѣ	—

12. (5-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіи имени Анны Вульфъ и Моисея Вульфъ при Симферопольской мужской гимназіи	51
13. (8-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника К. Д. Кошелькова при Новгородскомъ реальномъ училищѣ	52
14. (8-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьевъ А. и Г. Хлудовыхъ при Егорьевской мужской прогимназіи	53
15. (14-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіи имени П. И. Рабинина при Рижской Александровской гимназіи	54
16. (11-го января 1897 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ казанскомъ университетѣ имени вдовы гвардіи поручика Ольги Ивановны Пузаткиной	55
17. (8-го января 1896 года). Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ	56
18. (18-го октября 1891 года). Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Рѣваго за лучшую „Исторію Финляндіи“, для школъ“	57
19. (20-го ноября 1896 года). Правила о преміи Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны	59

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО

ПРОСВѢЩЕНІЯ 33 и 63

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ 37 и 66

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНІЮ

Открытіе училищъ 40 и 68

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. С. Ланпо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II	1
А. А. Кочубинскій. Территорія донсторической Литвы	60
Д. М. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера (продолженіе).	95
Н. Г. Аммонъ. Ветеранъ русской поэзіи	203
А. Н. Филипповъ. Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти правительствующаго сената	276

М. И. Каринскій. Разборъ мнѣнія Милля о постулатахъ геометрическаго знанія, подразумеваемыхъ при геометрическихъ definiціяхъ	296
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. О. Платоновъ. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина. С.-Пб. 1896.	170
А. И. Соболевскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. <i>А. Лазаревскаго</i> . III. Кіевъ. 1896	175
А. И. Соболевскій. Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896.	177
Н. П. Некрасовъ. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Составилъ и издалъ Н. Я. Киріаковичъ. С.-Пб. 1896	179
Н. П. Некрасовъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и исслѣдованій П. В. Владимірова, ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1896	341
А. Л. Погодинъ. Маткја Дивковнѣ. Прилогъ исторіи српске книжевности. Написано Др. Ђорђе, С. Ђорђевић. Београд. 1896. Изъ „Гласа“ LII и LIII	355
В. В. Качановскій. <i>P. Coquelle. Le royaume d Serbie. Paris, Vanier 1894. Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана.—P. Coquelle. Histoire du Montenegro et de la Bosnie. Paris. Legoux. 1895.</i>	360
Э. Л. Радловъ. <i>Г. Целлеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896.</i>	368
Н. Д. Чечулинъ. Отвѣтъ на „замѣтку“ проф. Карѣва	371
Книжныя новости	195 и 395

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ)	1 и 15
--	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1894 году	1
Наша учебныя заведенія: I. Императорскій университетъ св. Владиміра 1895 года.	34
II. Императорскій Варшавскій университетъ въ 1895 году	41

	СТРАН.
III. Кавказскій учебный округъ въ 1895 году	47
Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1895—1896 учебный годъ.	69
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	107
Е. Ф. Шмурло. А. Г. Брикнеръ (<i>некрологъ</i>)	117
Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина:	
I. Л. Н. Майковъ. Рѣчь, читанная въ Академіи Наукъ	158
II. С. Ф. Платоновъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ	168
III. Е. Ф. Шмурло. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина	177
IV. И. А. Козеко. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина.	183
Д. И. Георгіевскій (<i>некрологъ</i>)	206

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Α. Παπαδόπουλος-Κεραμείος. Συγγραφὴν Φιλωνος Ἰουδαίου τε- κμήτην.	1
А. І. Маленинъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (<i>продол- женіе</i>)	17 и 49

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПЛОДОВОДСТВО

ОРГАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА ПЛОДОВОДСТВА.

ВЪЗЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1897 г. (8-й годъ изданія).

Журналъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Извѣстія о дѣятельности Общества II. Статьи: а) по плодоводству (культура плодовыхъ растений описаніе сортовъ, сборъ, храненіе и переработка плодовъ, плодоторговля, борьба съ паразитами сада и проч.), б) по огородничеству и специальнымъ культурамъ (борьба съ паразитами огорода, хмѣлеводство и проч.), в) по садоводству при народныхъ школахъ (обученіе садоводству, устройство школьныхъ садовъ и пр.). III. Корреспонденціи (сообщенія о состояніи плодоводства и пр.). IV. Обзоръ специальныхъ журналовъ. V. Разныя извѣстія (распоряженія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, состояніе плодовыхъ рынковъ, виды на урожай и проч.). VI. Библиографія. VII. Вопросы и отвѣты.

Подписная плата, съ доставкой и пересылкой, два рубля въ годъ. Дѣйствительные члены Общества, своевременно уплатившіе членскій взносъ за текущій годъ, получаютъ журналъ безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—С.-Петербургъ, Чернышевъ переулокъ, № 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Ч Т Е Н І Я
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе Чтеній состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки.

Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности.

Подписная цѣна за годъ 7 р. Въ Москвѣ безъ доставки и 8 р, 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Вѣлоурову (Садовники, д. церкви Георгія), или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, или въ книжные магазины А. С. Суворина и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрести изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемъ желающимъ.

1897 годъ.

годъ VIII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-го января 1898 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается *только* въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала:

Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“).

Содержаніе 35-й книги журнала (ноябрь-декабрь): *Н. Я. Гротъ*. О жизни и личности Декарта.—*В. П. Сербскій*. Преступные и честные люди.—*А. А. Токарскій*. О глупости.—*Вл. С. Соловьевъ*. Нравственная организація человѣчества.—*Кн. С. Н. Трубецкой*. Основанія идеализма.—*В. П. Сербскій*. Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологии въ Женевѣ.—*С. Н. Бумаковъ*. О законмѣрности асоціальныхъ явленій.—*В. К. Ротъ*. Нейрастенія и лѣнь.—*А. А. Токарскій*. Психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ.—*Полемика*: I) *О. В. Леоновой* и *С. А. Сузанови* по поводу теоріи нейроновъ; II) *В. Слюдовникъ*. По поводу диссертациі г. Челпанова.—Критика и библиографія. *А. А. Токарскій*. Занятія психологической лабораторіи и др. Въ предстоящей къ выходу 36-й книгѣ (январь-февраль) будутъ, между прочими, помѣщены статьи *В. О. Климевскаго*, *Н. Я. Грота*, *Кн. С. Н. Трубецкаго*, *М. С. Корелина* (Міро-совершенство Франческо Петрарки), *Б. Н. Чичерина* (Объ историко-философскихъ воззрѣніяхъ Т. Н. Грановскаго) *В. В. Ивановскаго* (Общество и государство) *В. Джонстонъ* (Шри-Шанкири Ачарія, индійскій мудрецъ), *В. Н. Ивановскаго* (къ исторіи ученія объ алтерценціи) и др.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества
Н. Я. Гротъ.

Редакт.: *Л. М. Лопатинъ* и *В. П. Преображенскій*.

Открыта подписка
НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
„СИСТЕМЫ ЛОГЖИЖИ“
Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями В. Н. Иванова.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна ТРИ рубля безъ пересылки и ЧЕТЫРЕ рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ копеекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1-го марта 1897 г. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются бѣзплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Въ магазинѣ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“ Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, продаются:

1) Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пересылк. 8 р.

2) Фюотель-де-Нуланжъ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) Данте-Алигьери. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Переводъ Н. Ш. Голованова, подъ ред. проф. О. Буслаева. Ц. 1 р. 50 к.

4) Теннисонъ и его поэзія, съ портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

5) Фулье, А. Темпераментъ и характеръ. Цѣна 1 руб.

6) Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

7) Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.

8) Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

9) Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

10) Ланге. Эмоція (психо-физиологическій очеркъ). Ц. 30 к.

11) Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Цѣна 75 коп. и друг.

Продолжается подписка на 1897 годъ

(восьмой годъ изданія)

НА ОВЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Содержаніе вышедшей январьской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Илья Петровичъ Деркачевъ (По поводу 35-лѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности М. Ф. Ареньева); 3) Очеркъ развитія и современнаго состоянія среднего образованія въ Англіи. П. Г. Мимуева; 4) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ Е. М. Салтыкова с. Атевскаго; 5) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятеля П. Ф. Каптерева; 6) О нѣкоторыхъ дурныхъ привычкахъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Д-ра В. В. Гораневскаго; 7) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей, Л. Е. Оболенскаго; 8) Школьныя нормы. В. В. Вахтерова; 9) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1896 годъ. П. П. Бѣлоносова; 10) Чѣмъ люди живы въ нашей провинціи. А. В. М.; 11) Методическіе приемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. И. И. Шульгина; 12) Замѣтка о чтеній художественныхъ произведеній въ народной школѣ. А. Максимова; 13) Критика и библиографія (около 10 рецензій Д-ра С. А. Острогорскаго, С. И. Шохоръ Троцкаго, Я. И. Руднева и др.) 14) Педагогическая хроника: 1) Изъ хроники народнаго образованія въ западной Европѣ. Е. Р.; 2) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; 3) Хроника профессиональнаго образованія. Б-ча и т. д. (всего около 20 статей и замѣтокъ); 15) Разныя извѣстія и сообщенія 16) Объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—ШЕСТЬ р. 50 коп.; для иногородныхъ — СЕМЬ руб.; за границу — ДВЯТЬ руб.

Сельскіе учителя пользуются правомъ разсрочкѣ и уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣ 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.

За всѣ предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) ишѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класнаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ втораго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класнаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЬИЩКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1896 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класнаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

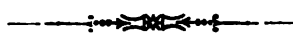
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

600

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

